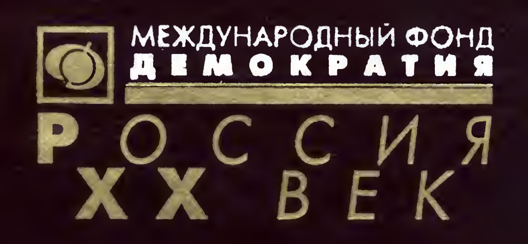

ТАЙНЫ ДИПЛОМАТИИ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА 1944–1955

ДОКУМЕНТЫ

Д О К У М Е Н Т Ы

СЕРИЯ ОСНОВАНА В 1997 ГОДУ
АКАДЕМИКОМ А.Н. ЯКОВЛЕВЫМ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФОНД «**ДЕМОКРАТИЯ**», МОСКВА

РОССИЯ.
XX ВЕК

Д О К У М Е Н Т Ы

ТАЙНЫ ДИПЛОМАТИИ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА

ГЕРМАНСКИЕ ДИПЛОМАТЫ, РУКОВОДИТЕЛИ ЗАРУБЕЖНЫХ ВОЕННЫХ МИССИЙ, ВОЕННЫЕ И ПОЛИЦЕЙСКИЕ АТТАШЕ В СОВЕТСКОМ ПЛЕНУ

ДОКУМЕНТЫ ИЗ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЛ

1944–1955

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В.С. Христофоров, доктор юридических наук (отв. редактор),
А.Н. Артизов, доктор исторических наук,
В.В. Журавлев, доктор исторических наук,
В.Г. Макаров, кандидат философских наук,
А.В. Репников, доктор исторических наук

МОСКВА **2011**

ББК 63.3(2)631
Т14

Общественный фонд «Международный фонд “Демократия”
(Фонд Александра Н. Яковлева)»
выражает благодарность Фонду
«Президентский центр Б.Н. Ельцина»
за поддержку данного издания

Тайны дипломатии Третьего рейха: Германские дипломаты, руководи-
Т14 тели зарубежных военных миссий, военные и полицейские атташе в советском плену. Документы из следственных дел. 1944—1955 / Отв. редактор В.С. Христофоров; вступ. ст., сост. В.Г. Макарова, В.С. Христофорова; коммент. В. Г. Макарова. М.: МФД, 2011. — 880 с. — (Россия. XX век. Документы).

ISBN 978-5-89511-025-6

Данное издание является продолжением публикации документов из следственных дел немецких военных и государственных деятелей, оказавшихся после окончания Второй мировой войны в советском плену. На страницах сборника рассказывается о политических и военно-дипломатических шагах, предпринятых нацистской Германией накануне и в ходе Второй мировой войны. Подавляющее большинство документальных материалов публикуется впервые.

Книга адресована широкому кругу читателей и специалистов, интересующихся историей дипломатии и историей Второй мировой войны.

ББК 63.3(2)631

ISBN 978-5-89511-025-6

От составителей

Несмотря на то что после окончания Второй мировой войны прошло уже более 65 лет, интерес к ней у историков, политологов, исследователей не ослабевает. Неоценимую помощь в анализе и реконструкции трагических событий XX в. оказывают документальные источники. На их основе исследуются причины прихода Гитлера к власти и крушения существовавшей системы международной безопасности, степень участия различных социальных групп Германии в подготовке агрессии, наказание военных преступников и т.п.

В середине октября 2010 г. в Федеративной Республике Германия был опубликован 880-страничный отчет комиссии независимых историков из ФРГ, США и Израиля «Министерство и его прошлое. Германские дипломаты в период Третьего рейха и в Федеративной республике» («Das Amt und die Vergangenheit. Deutsche Diplomaten im Dritten Reich und der Bundesrespublik»). Руководил работой интернационального коллектива профессор Марбургского университета Эккарт Конце (Eckart Conze).

Результаты исследования оказались ошеломляющими. Установлено, что немецкие дипломаты не только добровольно пошли на службу нацизму и прикрывали на международной арене гитлеровскую политику уничтожения, но и активно участвовали в ее проведении на оккупированных вермахтом территориях. После войны многие дипломаты Третьего рейха, оказавшись на службе в МИД ФРГ, использовали свои старые связи на Ближнем Востоке и в Латинской Америке и помогли сотням нацистских преступников бежать за океан и в арабские страны, где друг Адольфа Гитлера — Великий муфтий Иерусалимский Хадж-Амин аль-Хусейни обеспечил им безопасное убежище.

«По подсчетам Эккарта Конце, в первые два года деятельности МИД ФРГ в нем находилось 42 процента высокопоставленных немецких дипломатов, в прошлом состоявших в НСДАП. Он подчеркнул, что это даже больше, чем было членов нацистской партии в высших эшелонах ведомства в 1938/1939 годах. Аденауэр, по словам Конце, частенько отправлял дипломатов с нацистским прошлым на работу в арабские или латиноамериканские страны, где им не грозили "неприятности"»[I].

Визит Конрада Аденауэра в Москву в 1955 г. и последующее освобождение немецких военнопленных и интернированных, находившихся в СССР, позволил вернуться на родину и многим сотрудникам ведомства Риббентропа. Вскоре их приняли на дипломатическую службу в МИД ФРГ.

* * *

Настоящее издание является продолжением опубликованного в 2009 г. сборника документов из следственных дел генералов и офицеров вермахта[II]. В первый сборник были включены и некоторые материалы из дел в отношении сотрудников германских военных атташатов (заместителя военного атташе в Румы-

---

[I] Немецкий историк: МИД фашистской Германии тоже был преступной организацией. Цит. по: http://www.dw-world.de/dw/article/0,,6148840,00.html?maca=rus-rss_rus_yandex_new_comments_2-4163-xml

[II] Генералы и офицеры вермахта рассказывают... Документы следственных дел немецких военнопленных. 1944—1951. М., 2009.

нии подполковника Макса Брауна и атташе по люфтваффе генерал-лейтенанта Альфреда Герстенберга). Дальнейшая исследовательская работа в ЦА ФСБ России позволила выявить материалы, касающиеся немецких дипломатов, военных и полицейских атташе, находившихся в советском плену.

Эпиграфом к сборнику может служить фраза, произнесенная Гербертом фон Рихтгофеном: «Тяжело признать, но это правда. Служба при Гитлере превратила меня — честного дипломата, в сообщника по подготовке фашистской агрессии» (Раздел I. Док. № 121, далее — I—121). Новая книга содержит подробные рассказы немецких дипломатов об их участии в подготовке и ведении Второй мировой войны, в т.ч. по вопросу о контактах руководства Третьего рейха с националистами в странах Ближнего и Среднего Востока — Рашидом Али аль-Гайлани и Великим муфтием.

После капитуляции Германии в мае 1945 г. в плену оказалось не только несколько миллионов солдат, офицеров и генералов вермахта и войск СС, но и большое количество чиновников различных министерств и ведомств. В своем большинстве в Министерстве иностранных дел работали кадровые дипломаты, начавшие службу в МИДе еще во времена кайзеровской Германии и Веймарской республики. Они не были активными участниками национал-социалистического движения, а принадлежали к партиям умеренно-консервативного толка (католическая партия «Центра» и т.п.).

После прихода национал-социалистов к власти стала изменяться и работа германского МИДа. В своих воспоминаниях Франц фон Папен описал отношение фюрера к работе Министерства иностранных дел: «Гитлер, питавший инстинктивное недоверие к любой информации, исходившей от министерства иностранных дел, скептически относился к любому человеку, которого бы не знал лично или кто не состоял в нацистской партии. Он придерживался невысокого мнения о способностях послов или дипломатических представителей, происходивших из реакционных аристократических фамилий, которые, по его представлению, не имели понятия о национал-социалистических воззрениях. Риббентроп же всегда был готов представить дополнительные отчеты, исправляющие и дополняющие доклады министерства иностранных дел или, если возникала в том нужда, доказывающие их ложность. Из партийного бюджета были выделены значительные суммы на создание Бюро Риббентропа...

Тщательно подобранные выдержки из зарубежной прессы также предлагались Гитлеру, который, не зная языков, не имел возможности непосредственно сделать на этом основании собственные суждения. Единственный вывод, к которому он склонялся, был тот, что Бюро Риббентропа служит ему лучше, чем министерство иностранных дел. Карьерные дипломаты проявляли большую осторожность при выборе источников информации и проверке своих докладов. В то же время Бюро Риббентропа, пренебрегая таким ответственным подходом, как правило, присылало доклады сенсационного свойства, причем ухитрялось присылать их очень быстро. Это псевдоминистерство не несло никакой официальной ответственности, без сомнения, принося своей деятельностью глубокое удовлетворение своему основателю и сотрудникам, но я так никогда не смог понять, почему Нейрат, защищая свои собственные интересы, не пресек поток подобных нелепостей»[1].

---

[1] *Папен Ф. фон* Вице-канцлер Третьего рейха. Воспоминания политического деятеля гитлеровской Германии. 1933—1947. М., 2005. С. 368—369.

Тоталитарное государство, каким являлась нацистская Германия 1933—1945 гг., обязывало каждого чиновника состоять в НСДАП или в одной из других политических организаций Третьего рейха (СА, СС, НСКК и пр.). В мемуарах германского дипломата Эрнста фон Вайцзеккера имеется фрагмент, в котором он описывает изменение кадровой политики МИДа. В 1933 году Вайцзеккер провел два месяца в должности начальника отдела кадров: «...штат квалифицированных чиновников таял буквально на глазах. Тогда я потребовал, что, если будут продолжаться сокращения, оставшиеся должны быть наделены полномочиями, предполагавшими вотум доверия. Однако мои расчеты оказались слишком оптимистическими. Действительно, партия потребовала от нас вначале провести обширные изменения в нашем кадровом составе, а с другой стороны, не выказывала никакого доверия к тем, кто остался...

Я надеялся, что мы сможем запретить членство в партии в нашем ведомстве, точно так же, как это было сделано в армии, поскольку наши зарубежные представители не могли вовлекаться в политику партии.

Если это не представлялось возможным, самым подходящим, вероятно, оставалось коллективное членство всего ведомства в партии. Но мои предложения не были приняты. В сложившихся обстоятельствах казалось вполне естественным распространение чувства неуверенности среди чиновников. Самые активные пытались найти свои пути проникновения в партию, другие оказались слишком гордыми, чтобы проделывать это. Третьи предпочитали двигаться по накатанной колее, находились также и те, кто верил, что Третий рейх канет в вечность, как дурной сон»[I].

Назначение Иоахима фон Риббентропа на пост министра иностранных дел повлекло за собой не только реорганизацию МИДа, но и «чистку» среди его сотрудников, избавление от нежелательных (по расовым или политическим мотивам) лиц, а также массовый прием чиновников в нацистскую партию.

В предисловии к мемуарам И. фон Риббентропа Чрезвычайный и Полномочный посол в отставке И.Г. Усачев обратил внимание на порядки, установившиеся в дипломатическом ведомстве Германии: «Потребовалось всего четыре года, чтобы Риббентроп смог сделать головокружительную карьеру: от личного советника фюрера по внешнеполитическим вопросам до министра иностранных дел рейха, пост которого освободился после отставки опытного, но консервативного дипломата фон Нейрата... Появившись в министерстве иностранных дел, Риббентроп углубил процесс “нацификации” германской дипломатической службы. По “совету” нового министра большинство чиновников вступали в нацистскую партию: из 120 высших чинов 71 присоединились к ней, 11 человек пытались это сделать, но им было отказано. В своих действиях, направленных на постановку дипломатического ведомства под контроль НСДАП, Риббентроп опирался на своего ставленника Мартина Лютера, назначенного руководителем “Дойчландабтайлюнг” — подразделения, сотрудничавшего с гестапо и наблюдавшего за политической оппозицией. Политический сыск внедрялся в дипломатическую службу, создавая напряженную обстановку, разлагающе действовавшую на состояние германской дипломатической службы»[II].

[I] *Вайцзеккер Э. фон* Посол Третьего рейха. Воспоминания немецкого дипломата. 1932—1945. М., 2007. С. 92—93.

[II] *Риббентроп И. фон* Тайная дипломатия III рейха. Смоленск; Москва, 1996. С. 10—11.

При Риббентропе кампания по приему в НСДАП развернулась и среди германских дипломатов. Это обстоятельство во многом повлияло на то, что после окончания Второй мировой войны репрессиям со стороны союзников подверглось большинство сотрудников германского МИДа.

Историки обращают внимание на то обстоятельство, что первым в ночь с 15 на 16 октября 1946 г. по приговору Международного военного трибунала в Нюрнберге был казнен министр иностранных дел Третьего рейха — Иоахим фон Риббентроп. Тем самым судьи, вероятно, подчеркнули, что руководитель ведомства, отвечавшего за поддержание мира и установление добрососедских отношений между странами и народами, являлся одним из главных разжигателей Второй мировой войны[I].

* * *

После окончания войны специальные службы союзников (Англии, США и СССР) вели розыск нацистских преступников, сотрудников германских разведывательных, контрразведывательных и карательных органов, бывших дипломатов нацистской Германии, участвовавших в подготовке и ведении Второй мировой войны, и в их числе министра иностранных дел Германии Иоахима фон Риббентропа. Об этом свидетельствует, например, указание начальника Центральной оперативной группы НКВД по г. Берлину генерал-майора Сиднева от 8 июня 1945 г. № 143с об активизации розыска Риббентропа[II].

Наиболее удачливыми в этом оказались британцы, разыскавшие и захватившие Риббентропа на частной квартире в Гамбурге. 16 июня ТАСС, со ссылкой на корреспондента агентства Рейтер, находившегося при 21-й армейской группе, сообщило, что в английской оккупационной зоне в Германии захвачен бывший германский министр иностранных дел Риббентроп. «Риббентроп был захвачен раздетым в постели английским лейтенантом в Гамбурге [...] Риббентроп прибыл в Гамбург 30 апреля, где он надеялся укрыться у одного виноторговца, которого он знал в течение 25 лет, но последний отказался предоставить ему убежище. Риббентроп поселился в частном пансионате под фамилией Рейзе»[III].

О результатах розыскной работы свидетельствуют публикации в прессе. Например, 14 апреля 1945 г. вышло сообщение ТАСС о том, что американскими войсками арестован скрывавшийся в Руре бывший германский посол в Анкаре Франц фон Папен[IV].

6 сентября ТАСС со ссылкой на Парижское радио сообщало, что «в 30 километрах от Фузиямы (Япония) в роскошном отеле властями союзников обнаружен Генрих Штаммер, бывший с января 1943 года германским послом в Японии. Вместе с Штаммером найдены 150 бывших германских и италофашистских дипломатов»[V].

[I] Об обстоятельствах казни И. фон Риббентропа подробнее см.: *Макговерн Д.* Мартин Борман. Неизвестный рейхслейтер. 1936—1945. М., 2010. С. 7—8.

[II] ЦА ФСБ России. Ф. 52. Оп. 2. Д. 14. Л. 31.

[III] Английские войска захватили Риббентропа // Летчик Балтики. 1945. 16 июня. № 134.

[IV] Захват американскими войсками фон Папен // Красный черноморец. 1945. 15 апреля. № 90.

[V] Обнаружение бывшего германского посла в Японии // Черноморский летчик. 1945. 7 сентября. № 212.

При организации розыска сотрудниками советских органов государственной безопасности и внутренних дел были проанализированы оперативные и следственные материалы о деятельности Министерства иностранных дел Третьего рейха и «кабинета Риббентропа» и подготовлен циркуляр № 644/с от 3 июля 1945 г., подписанный начальником Центральной оперативной группы НКВД СССР в г. Берлине генерал-майором Сидневым. Этот документ позволял начальникам оперативных групп НКВД в Берлине составить общее представление о структуре и задачах МИД Германии и «кабинета Риббентропа», а также ориентировал их на розыск и арест указанных в нем лиц.

В документе отмечалось, что «с 1938 года и до полной капитуляции Германии в городе Берлине проводили свою работу Министерство иностранных дел и параллельно кабинет Риббентропа, получивший название государственного штаба иностранных дел Германии. Указанные учреждения располагались в 27 зданиях и имели около 3000 человек штатного состава. Министерством иностранных дел руководил заместитель Риббентропа — первый государственный секретарь барон Штеинграхт и начальник Политического отдела младший государственный секретарь Хеинке.

В непосредственном подчинении министерства было 9 отделов — политический, протокольный, торгово-политический, юридический, печати информации, радио-политический, культурно-политический, отдел кадров и внутренний отдел.

Политический отдел занимался работой и реализацией материалов, поступавших от посольств и консульств. Начальником его являлся Хеинке, заместитель — посол Эрдмансдорф, ответственными сотрудниками были — посол Моор, советник посольства — Вебер, генеральный консул Пфейфер, министерский советник Дортенбах, посольский советник Веркмейстер, посол Типпельскирх, посол Грундхер, министерский советник Мельхерс, министерский советник Браун, посланник в США Райнебек и референт по вопросу виновников войны — Трютцшлер. Последний собирал в свое отделение все тайные договора, которые заключали с различными государствами. Все указанные лица Политического отдела министерства являлись руководителями гитлеровской военной политики по секторам стран.

В обязанности Протокольного отдела входила встреча и сопровождение иностранных представителей. Руководил отделом посол Доенбергер, заместителем являлся министерский советник Рухе, министерский советник Леинт Иаспер.

Торгово-политический отдел министерства руководил выполнением договоров. Во главе его стоял министральный директор Клодиус (пленен в Бухаресте), заместителями являлись: посол Шнурре, министерский советник Ринкен и Танненберг, референт по транспорту посол Мариус и генеральный консул Бисе[1] (арестован).

Юридический отдел занимался проверкой договоров и готовил материалы консультативного порядка. Им руководил посол Альбрехт, его заместитель — Зейе. Ответственными сотрудниками являлись: министерский советник Родигер, министерский советник Штальберг, министерский советник Янс.

Отдел печати и информации занимался сбором и изучением иностранной прессы, а также насаждением агентуры среди издателей и журналистов обслуживаемых стран. Им руководил доктор Шмидт, ответственными со-

[1] Так в документе, речь идет о Вильгельме Биссе.

трудниками являлись: посол Браун-Штумм, посол Лозе, посол Штарке и посол Трипелуре.

Культурно-политический отдел занимался распространением фашистской литературы в других государствах; руководителем являлся посол профессор Зикс — полковник СС, его замещал посол Шлеер.

Заместителем начальника отдела кадров министерства был Беркман Гельмут (арестован).

В обязанности 9-го внутреннего отдела министерства входило руководство организацией НСДАП при министерстве. Им руководил генерал-майор СА — Францель, заместитель — Вагнер.

Все перечисленные отделы и их сотрудники являлись по своей линии руководителями заграничных групп НСДАП и осуществляли их руководства через посольства и консульства Германии за границей.

С 1944 года кабинет Риббентропа, проводивший работу самостоятельно и параллельно Министерству иностранных дел Германии, имел следующий состав: барон Штейнграхт, государственный секретарь Хеинке, государственный секретарь Боле, государственный секретарь Кеплер, посланник Гаус, посланник фон Ринтельн, посланник фон Зонляйтнер, советник Гильгер, департаментский советник Раиковский, советник по радио Тимлер, юрист доктор Легерне, советник Шмиден, адъютант Риббентропа — Эттинг и офицер связи между Риббентропом и Главным штабом германской армии — Ритер.

Значительная часть ответственных работников министерства, а также кабинет Риббентропа в настоящее время скрывается в городе Берлине и его пригородах»[1].

Материалы на некоторых из немецких дипломатов, указанных в названном документе, помещены в настоящем сборнике.

* * *

Советская контрразведка в 1920—1930-х гг. пристально наблюдала за деятельностью иностранных полпредств и консульств в СССР, поэтому многие германские дипломаты, задержанные после войны, были ей хорошо известны.

Примечательно, что незадолго до того, как союзниками по Антигитлеровской коалиции было принято решение о наказании нацистских военных преступников, начальник ГУКР «Смерш» НКО СССР генерал-полковник В.С. Абакумов 13 августа 1945 г. направил докладную записку в Народный комиссариат обороны на имя И.В. Сталина и В.М. Молотова об арестованных органами «Смерш» военных и политических деятелях Третьего рейха и стран Оси. В документе были перечислены лица, которых предполагалось привлечь к суду как «виновников войны»:

«Докладываю, что если Вы найдете нужным рассмотреть вопрос о суде над виновниками, то из числа находящихся под стражей в Главном управлении "Смерша" 374 немцев, румын, венгров и словаков, в отношении которых ведется следствие, — наиболее подходящими кандидатурами в качестве обвиняемых, возможно, могут быть следующие: [...] Полномочный министр Клодиус Карл, 1897 года рождения, член национал-социалистической партии с 1933 года, особоуполномоченный германского правительства при фашистском правительстве Румынии. Один из наиболее известных гитлеровских

[1] ЦА ФСБ России. Коллекция документов.

дипломатов и экономистов, был ближайшим советником Риббентропа по экономической политике в Европе. Будучи начальником экономического отдела Министерства иностранных дел, Клодиус по поручению Риббентропа с 1937 по 1944 год руководил экономическими переговорами с союзными Германии странами и заключал с ними торговые договора. Признал себя виновным в том, что активно участвовал в подготовке экономической базы в Германии на случай войны и в установлении в Европе "нового фашистского порядка". Клодиус объявлен в советской печати как подходящий кандидат для внесения его в список военных преступников.

Полномочный министр — СС обергруппенфюрер Беккерле Адольф, — 1902 года рождения, член национал-социалистической партии с 1928 года, германский посол в Болгарии, в прошлом полицей-президент гг. Франкфурт-на-Майне и Лодзи. На допросах Беккерле показывал, что как активный деятель фашистской партии он был назначен Гитлером послом в Болгарии, где активно проводил в жизнь все мероприятия, направленные к вовлечению Болгарии в войну против СССР и союзников. По требованию Беккерле болгарское фашистское правительство организовывало провокационные действия против советских дипломатических представительств в Болгарии. С целью антисоветской пропаганды в 1943 году организовал в Софии антисоветскую выставку. По требованию Беккерле фашистским правительством Болгарии были усилены карательные мероприятия против партизан. Беккерле объявлен в советской печати как подходящий кандидат для внесения его в список военных преступников [...]»[1].

Кроме того, в числе таких возможных «кандидатов» советская печать указывала следующих лиц: полковник Дитель Альберт — начальник штаба германской военной миссии в Румынии, Редель Вилли — советник германского посольства в Румынии, «Шпальке Карл — германский военный атташе в Румынии, Штельцер Герхард — заместитель германского посла в Румынии, Виттерн Пауль — торговый атташе германского посольства в Болгарии, фон-Гюльзен Вольф — заместитель германского военного атташе в Болгарии, Морман Антон — заместитель германского посла в Болгарии и Перцген Герман — пресс-атташе германского посольства в Болгарии.

* * *

Изучение архивных следственных дел на немецких дипломатов показало, что в них содержится разнообразный материал, интересный как по временному (с начала Первой и до конца Второй мировой войны), так и по географическому охвату (от Европы до Американского континента на Западе и Юго-Восточной Азии, Индии и Японии на Востоке).

В протоколах допросов немецких дипломатов и в их собственноручных показаниях представлена информация о мероприятиях нацистской Германии по подготовке новой мировой войны (переговоры с возможными союзниками — Болгарией, Венгрией, Италией, Румынией, Финляндией и др.).

Сборник открывают документы из архивно-следственного дела на консула 1-го класса графа Рюдигера Адельмана фон унд цу Адельмансфельдена. Его показания содержат интересные сведения об участии германских дипломатов в подготовке вторжения в Польшу в сентябре 1939-го, в обеспечении Германии поставками нефти из Румынии во время Второй мировой войны и др.

[1] ЦА ФСБ России. Коллекция документов.

В материалах следственного дела на обергруппенфюрера СА германского посла в Софии (Болгария) Адольфа-Гейнца Беккерле подробно освещаются политические аспекты отношений между Германией и Болгарией в годы Второй мировой войны, связи германского посольства с прогерманскими кругами в Болгарии, а также деятельность масонских лож в стране и др. В деле А.-Г. Беккерле сохранились два письма из его переписки с обергруппенфюрером СС и генералом полиции Рейнхардом Гейдрихом (I—13, 14).

Другая линия, которая отражена в следственных делах, — это политика Германии на Среднем Востоке. Наиболее ярко она представлена в деле посланника Фрица Гробы, где имеются копии документов МИДа Германии, хранившиеся в его личном архиве, в частности о переговорах Гитлера и Риббентропа с иракским премьер-министром Рашидом Али эль-Гайлани и Великим муфтием Иерусалимским и др.

Существенное место в сборнике отведено малоизвестной в отечественной историографии фигуре — посланнику, министериальному директору Карлу Клодиусу. По своему рангу он является одним из самых высокопоставленных лиц, представленных в книге. В предвоенный период и во время Второй мировой войны Клодиус отвечал за подписание торговых соглашений нацистской Германии с ее сателлитами и некоторыми нейтральными государствами. В деле Клодиуса подробно рассказывается о его работе как особоуполномоченного на Балканах, о торгово-политических переговорах с разными странами Европы и Азии накануне и в ходе войны: Венгрии, Греции, Турции, Югославии и др., а также сделан анализ германо-британских, германо-итальянских и германо-французских отношений.

Не меньший интерес представляют воспоминания Клодиуса об известных политических деятелях — Брюнинге, Гувере, папе Римском Пии XII (I—67, 68, 69), с которыми он был лично знаком. В личных документах Клодиуса сохранились его заметки о беседе с королем Румынии Каролем, письмо от Марии Антонеску, пригласительная открытка германского посла в Турции Франца фон Папена и др. Клодиус был хорошо информирован по вопросу межгосударственных отношений между Третьим рейхом и Великобританией, Францией, Италией и рядом других стран.

Так, в дневнике итальянский министр иностранных дел граф Галеаццо Чиано оставил записи об участии Клодиуса в итало-германских торговых переговорах: «9 февраля 1940 года Клодиус, который прибыл в Рим на несколько дней для разрешения торговых вопросов, с радостью встретил весть о том, что дуче послал Англии отказ. Он заявил, что если бы Италия продолжала продавать союзникам оружие, то это вызвало бы сильную реакцию, особенно в германских военных кругах. Клодиус не удовлетворен ходом переговоров. Запросы у него большие, даже слишком большие. Я ограничился заверениями и несколькими добрыми словами. Они стоят так мало!»[1].

Обстоятельные показания Клодиуса дополняют материалы из дела другого дипломата — легационного советника Вильгельма Биссе. В частности, Биссе более подробно рассказал о торговых договорах, которые в годы Второй мировой войны имела нацистская Германия с рядом нейтральных государств, таких как Турция, Швейцария и Швеция. Поведал он и о деятельности Заграничной организации НСДАП, возглавлявшейся гауляйтером Эрнстом Боле.

---

[1] *Чиано Г.* Дневник фашиста, 1939—1943. М., 2010. С. 259.

Отдельную группу составляют следственные дела в отношении дипломатов, работавших перед войной в германском посольстве в Москве. В протоколе допроса посла Ганса Мората от 23 августа 1945 г. интересен фрагмент о попытке посла в Москве графа В. фон дер Шуленбурга за несколько месяцев до нападения Германии на Советский Союз отговорить Гитлера от его агрессивного плана (I—85).

В протоколе допроса посланника Эриха Цехлина от 20 декабря 1945 г. также есть информация о том, что за несколько месяцев до 22 июня 1941 г. Шуленбург был уведомлен о готовящейся агрессии (I—135). Показания Цехлина содержат сведения о повседневной деятельности германского генконсульства в Ленинграде, о «пивных вечерах» в консульстве с земляками и пр.

Несомненный интерес представляет личный дневник пресс-атташе посольства Готтхольда Штарке (I—143, 144), в котором описаны события, происходившие с 22 июня по 24 июля 1941 г. (от высылки работников посольства из Москвы в Кострому до их прибытия в Берлин).

Сведения о деятельности германского посольства в Москве накануне нападения Германии на Советский Союз содержатся и в материалах архивного следственного дела на Франца Бреера. В МИД Германии Бреер поступил уже после прихода национал-социалистов к власти, но за сравнительно короткое время своей дипломатической службы достиг высокого положения. О своей работе в германском посольстве в Эстонии он рассказал в собственноручных показаниях «Цели германской политики в Прибалтике. 1937—1940 гг.» (I—23).

С июля 1940 по 22 июня 1941 г. Бреер был вторым секретарем германского посольства в Москве. Этому периоду его службы посвящены собственноручные показания «Формы и методы легальной разведывательной деятельности германского МИДа» (I—21). Кроме того, работая в МИДе, Бреер лично познакомился с руководителем германской разведки адмиралом Вильгельмом Канарисом и некоторыми его заместителями, например с Францем фон Бентивеньи, чему также уделено место в его показаниях. Бреер относился к числу молодых дипломатов; он, как и многие его коллеги, в дальнейшем был призван на службу в Вермахт и принимал участие в боевых действиях на советско-германском фронте.

Кроме Штарке и Бреера, в Москве работали Иоганн Ламла, Герман Пёрцген и Виктор Эйзенгардт. Материалы из их архивных следственных дел также представлены в сборнике.

В советском плену оказался один из руководящих сотрудников т.н. «разведки Риббентропа» («Дойче информационштелле III») Эккард Брист.

Фрагменту из собственноручных показаний Эккарта Бриста от 8—11 января 1944 г. предшествует сопроводительная записка 1-го заместителя наркома госбезопасности СССР Б.З. Кобулова и заместителя начальника УКР «Смерш» Белорусского фронта полковника Г.А. Мельникова наркому внутренних дел СССР Л.П. Берия от 26 января 1944 г. На документе резолюция: «Послать тов. Сталину и тов. Молотову. Л. Берия. 29/I-[19]44»[1].

Показания Бриста начинаются с фразы: «Вследствие различных советских официальных разъяснений и на основании моих личных впечатлений я пришел к убеждению, что советский народ ведет только оборонительную войну против гитлеровской Германии и не имеет целью уничтожить Герма-

[1] ГА РФ. Ф. 8. Оп. 31. Д. 13. Л. 60.

нию и немецкий народ, как в этом я был убежден до взятия меня в плен. Исходя из этого, я решил дать правдивые ответы на поставленные передо мной вопросы...»[1]. Этот документ хранится в Государственном архиве Российской Федерации. В сборнике публикуются показания Бриста от 29—30 апреля 1944 года (I—24).

Обратим внимание читателя и на документы в отношении Германа Пёрцгена. До войны он работал в Москве корреспондентом газеты «Франкфуртер цайтунг», а по возвращении в Берлин его приняли на дипломатическую службу. После войны Пёрцген был арестован советскими органами безопасности, доставлен в Москву и осужден по обвинению в шпионаже. После визита в СССР в 1955 г. канцлера ФРГ К. Аденауэра его в числе других немецких военнопленных досрочно освободили и передали представителям Германии. Менее чем через год Пёрцген вновь приехал в Москву в качестве корреспондента «Франкфуртер альгемайне цайтунг». В заметках Пёрцгена 1937—1939 гг. отражен взгляд немецкого журналиста на Россию (I—95—105).

Одним из дипломатов «старой школы» был принадлежавший к старинному дворянскому роду Герберт Фрейхерр фон Рихтгофен. На дипломатическую службу он поступил в январе 1905 г. Таким образом, его карьера захватила три важных периода в истории страны первой половины XX столетия: кайзеровскую Германию, Веймарскую республику и Третий рейх. За это время ему довелось работать в Нью-Йорке (США), Каире (Египет), Софии (Болгария), вновь в Северной Америке, на Ближнем Востоке, Северной Европе и на Балканах.

Наиболее интересны показания Рихтгофена о его службе германским послом в Софии накануне и в начале Второй мировой войны. Рихтгофен был очевидцем переговоров в Берлине между Гитлером и царем Борисом накануне нападения Германии на СССР, о чем он подробно рассказал на следствии. В мае 1941 г. из-за конфликта с Риббентропом, а также в связи с заменой германских послов на бывших высших командиров штурмовых отрядов (СА) он был отправлен в отставку.

В деле Рихтгофена сохранились два уведомления об отставке «От имени германского народа..» (6 июля 1938 г. и 17 июня 1941 г.), подписанные Адольфом Гитлером и Иоахимом фон Риббентропом, наградной лист болгарского ордена Св. Александра, пожалованный Рихтгофену царем Борисом.

К числу дипломатов, которые пришли в МИД после того, как в 1938 г. министром иностранных дел Германии стал Риббентроп, относился и оберфюрер СА, советник Вилли Редель, член НСДАП с 1925 г. Во время «Ночи длинных ножей» он чудом избежал расправы, скрывшись в баварских Альпах. Благодаря вмешательству друзей ему удалось вернуться в Германию и устроиться дипломатическим курьером в МИД. Потом он служил референтом, начальником сначала консульского, затем информационного отделов посольства у Манфреда фон Киллингера в Братиславе и в Бухаресте.

В показаниях Ределя заслуживают внимания его слова о том, что, подписывая в 1939 г. договоры о дружбе с СССР, «Гитлер с самого начала не думал о том, чтобы соблюдать договора с СССР. В то время он только лишь хотел иметь тыл в безопасности» (I—111).

В сборник также включены документы из архивных следственных дел немецких генералов и адмиралов, выполнявших в годы Второй мировой

---

[1] ГА РФ. Ф. 8. Оп. 31. Д. 13. Л. 61.

войны специальные миссии за рубежом. Все они находились в Румынии, в их числе: руководитель военной миссии в Румынии генерал кавалерии Эрих Ганзен, руководитель военно-воздушной миссии генерал-лейтенант Альфред Герстенберг и руководитель военно-морской миссии адмирал Вернер Тиллиссен.

Ганзен и Герстенберг уже знакомы читателям по предыдущему сборнику, посвященному немецким военным деятелям, находившимся в советском плену. Однако документы, включенные в эту книгу, публикуются впервые.

Адмирал Тиллессен был легендой германского военно-морского флота в годы Первой мировой войны. Отметим, что даже немецкая историография не располагает сведениями о дате его кончины. Данная публикация несколько восполняет существовавший пробел в его биографии.

В сборник помещены документы из следственных дел германских военных атташе — полковника Хорста Кичмана и генерал-майора Карла Шпальке.

Военный атташе при германском посольстве в Хельсинки полковник Хорст Кичман дал показания о военно-политических шагах германского руководства по вовлечению Финляндии в орбиту стран Оси и во Вторую мировую войну. В частности, он рассказал о переговорах в 1940 г. между Верховным командованием германских вооруженных сил (ОКВ) и Генштабом финской армии по подготовке совместных планов агрессии против СССР — визите особоуполномоченного маршала К. Маннергейма генерал-майора Тальвела в ставку Гитлера.

Необходимо подчеркнуть, что показания Кичмана (II—160) в качестве доказательства подготовки нацистской Германией нападения на СССР предоставлялись советской стороной на процессе Международного военного трибунала в Нюрнберге.

Порой формальные следственные мероприятия переходили в исповеди человека, пережившего две мировые войны, испытавшего и горечь поражений, и радость побед. Пример тому — собственноручные показания от 19 июля 1951 г. бывшего военного атташе при германском посольстве в Бухаресте генерал-майора Шпальке. Этот документ, написанный от руки простым карандашом в тюремной камере, также публикуется в сборнике. Кроме того, в деле Шпальке имеются несколько писем из его личной переписки с военным атташе германского посольства в Москве генералом Эрнстом Кёстрингом.

В 1920—1930-х гг. Шпальке был в числе немецких офицеров, устанавливавших сотрудничество Рейхсвера с Красной Армией. Интересные сведения о нем изложил в собственноручных показаниях «Карл Шпальке» от 10 сентября 1947 г. его заместитель — подполковник Макс Браун: «...Необходимо упомянуть об одном случае. После покушения Штауфенберга на Гитлера Киллингер ругал Штауфенберга перед собравшимися сотрудниками посольства, называл его свиньей и говорил, что он бы своими руками застрелил любого из посольства, замешанного в афере Штауфенберга. Генерал Шпальке имел мужество в присутствии сотрудников посольства сказать Киллингеру, что Штауфенберг не свинья, а храбрый, тяжело пострадавший от войны, проверенный офицер генерального штаба. Киллингер и все присутствующие были приведены в замешательство этим выступлением. Киллингер не стал принимать никаких мер против Шпальке, который был непричастен к покушению»[1].

---

[1] *Опубликовано:* Генералы и офицеры вермахта рассказывают... С. 217—220.

В некоторых германских посольствах в странах-союзницах накануне и в годы Второй мировой войны находились так называемые атташе полиции и СД, как правило, это были кадровые полицейские чиновники. Эта категория дипломатических работников представлена в сборнике оберфюрером СС и полковником полиции Фридрихом Панцингером и штурмбанфюрером СС Густавом Рихтером.

С августа 1940 по сентябрь 1941 г. Панцингер исполнял должность атташе полиции безопасности и СД при германском посольстве в Софии (Болгария). После возвращения из Болгарии Панцингер возглавил отдел (реферат) «А» IV Управления (гестапо) РСХА и вел работу по выявлению резидентур советской разведки в странах Западной Европы. К концу войны Панцингер занял высокий пост в Главном управлении имперской безопасности, став начальником V Управления (Криминальная полиция) РСХА.

Другой атташе полиции — штурмбанфюрер СС Густав Рихтер являлся уполномоченным РСХА в Румынии по решению еврейского вопроса. В его архивном следственном деле содержатся материалы о преследовании германскими представителями и румынскими властями евреев, покушении на Гитлера 20 июля 1944 г., работе СД в Южной Америке и др.

Другой «дипломат в эсэсовских погонах» — оберфюрер СС Вильгельм Родде, описал свою деятельность как сотрудника «Бюро Риббентропа» в предвоенные годы в Великобритании, личное участие в создании германо-английского торгового общества — пронацистской организации «Англо-германское товарищество» (англ. «Anglo-German-fellowship»), контакты с представителями британских политических и деловых кругов, поддерживавших политику Гитлера.

Даже такой краткий обзор представленных в сборнике тем убедительно свидетельствует о том, что архивные следственные дела немецких дипломатов — это уникальные, еще практически не изученные исторические источники, в которых наряду с изложением малоизвестных эпизодов Второй мировой войны содержатся сведения о судьбах людей, вовлеченных в бурный круговорот событий первой половины XX столетия.

* * *

В сборнике представлены материалы из следственных дел в отношении 25 немецких дипломатов, военных и полицейских (сотрудников Главного управления имперской безопасности). В него включено 189 документов (раздел I — 151 документ, раздел II — 38), в том числе: делопроизводственные материалы МИД и других государственных учреждений нацистской Германии; судебно-следственные документы; документы личного происхождения. Один документ дается в сокращении (II—167), и один документ ранее опубликован в материалах Нюрнбергского процесса (II—160).

Документы публикуются отдельными блоками по персоналиям в алфавитном порядке; внутри каждого блока документы располагаются в хронологическом порядке. Все документы озаглавлены составителями. В постраничных комментариях отмечается наличие подлинника на немецком языке (в основном — собственноручных показаний).

Передача текста осуществлена с приближением к оригиналу, с сохранением стилистических и языковых особенностей. Пропущенные в тексте буквы и слова восстановлены в квадратных скобках. Написание фамилий иностранных граждан не унифицируется, а дается в соответствии с оригиналом. Географические названия также передаются в соответствии с оригиналом.

Подавляющее большинство документов публикуется полностью, все извлечения оговорены в примечаниях к тексту. Нечитаемые фрагменты текста отмечены значком <нрзб>; сокращения раскрыты в квадратных скобках. Легенда (контрольно-справочные сведения) содержит поисковые данные (сокращенное или полное название архива, номер фонда или архивного следственного дела, описи, дела, листа), указание на подлинность или копийность и способ воспроизведения документа (машинопись, рукопись, телеграфный бланк и др.). В связи с тем, что публикуемые документы в настоящее время не являются секретными, ограничительные грифы не публикуются.

Научно-справочный аппарат сборника состоит из именного комментария на более чем 1150 политических, военных и культурных деятелей, представляющих более 20 государств, выступавших или союзниками, или противниками Германии во Второй мировой войне. Кроме того, составители включили краткие биографические справки на некоторых руководителей и сотрудников советских органов безопасности, принимавших участие в следственных мероприятиях.

Именной указатель помещен в конце публикации. Кроме постраничных примечаний по тексту, сборник снабжен находящимися в конце книги комментариями по содержанию, в том числе справочными сведениями о вермахте, государственных учреждениях и специальных службах нацистской Германии и др. К сожалению, в отношении некоторых лиц, упомянутых в документах, биографические сведения обнаружить не удалось.

* * *

Авторы-составители выражают искреннюю признательность сотрудникам ЦА ФСБ России за помощь в поиске документальных материалов, сотруднику редакции журнала «Новая и новейшая история», кандидату исторических наук *Борису Хавкину* — за перевод некоторых документов, а также научному сотруднику Германского исторического института в Москве доктору *Маттиасу Улю* — за поиск некоторых биографических сведений на отдельных германских государственных и военных деятелей.

Христофоров В.С., доктор юридических наук

Макаров В.Г., кандидат философских наук

Раздел I

ГЕРМАНСКИЕ ДИПЛОМАТЫ

Консул Рюдигер Адельман фон унд цу Адельмансфельден

№ 1
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА КОНСУЛА Р. ФОН АДЕЛЬМАНА

13 февраля 1946 г.
Москва

Адельман Рюдигер, 1893 г[ода] р[ождения], ур[оженец] дер. Адельмансфельден, провинция Вюртемберг (Германия), немец, из дворян — крупных помещиков, беспартийный, образование высшее юридическое, холост, имеет 8 наград, звание — консул 1-го класса.

Вопрос: При каких обстоятельствах вы были задержаны?

Ответ: Ко дню капитуляции Румынии, 23 августа 1944 года, я находился в районе гор. Плоешти, откуда перебрался в германское консульство в гор. Брашов, откуда имел намерение бежать в Германию.

Неожиданно 10 сентября 1944 года здание германского консульства в гор. Брашов было окружено румынскими частями. Все находившиеся в этом здании, в том числе и я, были задержаны и до 22 сентября 1944 года никуда не выпускались. Того же дня 22 сентября я был передан в распоряжение советского командования. Через некоторое время я был доставлен в Москву.

Вопрос: Почему вы на первичном допросе отказались давать следствию показания?

Ответ: На допросе в конце 1944 года я стал показывать о том, что с марта 1941 до 23 августа 1944 года являлся германским консулом в гор. Плоешти. На поставленный вопрос о том, занимался ли я разведывательной деятельностью, я показал, что имел у себя на связи агентов Цвельфер, Майр и Шмидт, завербованных мною в 1942 году в немецком клубе в Плоешти для выявления антифашистски настроенных лиц. Затем я от этих показаний отказался и заявил, что вообще давать следствию показаний не буду, поскольку война Германией не проиграна и данные о моей работе могут принести определенный вред моему правительству. Кроме того, я завил, что дал присягу фюреру и нарушать ее не намерен.

Вопрос: Теперь вы намерены дать следствию показания?

Ответ: Да, намерен.

Вопрос: Расскажите, какие вы занимали дипломатические посты?

Ответ: После прохождения службы в германской армии в период с 1915 по 1919 г. я в июле 1923 года поступил на курсы при Министерстве иностранных дел Германии по подготовке атташе, которые окончил в сентябре 1925 года.

По окончании этих курсов я получил назначение на пост атташе при германском посольстве в Португалии. На этой должности в гор. Лиссабоне я находился с осени 1925 до мая 1927 года.

В период с мая 1927 до лета 1929 года я занимал пост атташе германского генерального консульства, а затем вице-консула в Ерусалиме[I] (Палестина).

С лета 1929 до июля 1932 года я являлся секретарем германского посольства в Греции. Летом 1932 года я был отозван в Берлин, где получил назначение на должность референта Восточного отдела Министерства иностранных дел Германии, в которой пробыл до марта 1936 года.

В марте 1936 года я получил назначение на пост 2-го советника германского посольства в Румынии, где пробыл до октября 1937 года. С ноября 1937 до июня 1939 года я занимал должность советника германского посольства в Финляндии.

В течение июля-августа 1939 года я являлся германским консулом в гор. Каттовицы. В период с сентября 1939 до февраля 1941 года я занимал пост советника германского посольства в гор. Каунас. Наконец, с марта 1941 до 23 августа 1944 года я занимал пост германского консула в гор. Плоешти (Румыния).

Вопрос: Приходилось ли вам по поручению Министерства иностранных дел нацистской Германии выполнять какие-либо задания в других странах?

Ответ: Кроме тех стран, в которых я занимал указанные должности германского дипломата, мне больше нигде не приходилось бывать, а равно и выполнять какие бы то ни было поручения Министерства иностранных дел Германии.

Я лишь дважды совершал поездки в Москву по приглашению германского посла в СССР графа Шуленбурга, с которым был в весьма дружественных отношениях.

Первый раз я был в Москве с середины апреля до первых чисел мая 1940 года вместе с двумя дамами — графиней Марион Дингоф и ее сестрой Ивони фон Кунхайм[II].

В этот же промежуток времени я совершил поездку с целью экскурсии в гор. Ленинград совместно с графом Шуленбургом, упомянутыми двумя дамами и немецким архитектором, фамилию которого не помню. В Ленинграде все мы были около 2х дней и проживали в гостинице «Астория».

Вторично я был в Москве один, с конца января до первых чисел февраля 1941 года. Мои поездки и поездка указанных лиц носили чисто дружественный характер и состоялись по просьбе лично графа Шуленбурга.

Находясь в Москве во время первой поездки, я однажды был на официальном обеде, устроенном графом Шуленбургом в германском посольстве, на котором присутствовали народный комиссар Микоян, от Народного комиссариата иностранных дел СССР — Барков[III], американский посол в СССР Штейнгард[IV] и другие лица.

Вопрос: Что вам известно о подготовке нацистской Германией войны против Советского Союза?

Ответ: До 22 июня 1941 года мне ничего не было известно о подготовке Германией войны против Советского Союза.

[I] Так в документе, правильно — в Иерусалиме.

[II] Речь идет об известной немецкой писательнице и журналистке Марион Эдде Ильзе Дёнхоф и одной из ее старших сестер — графине Ивонне Франциске Ильде фон Кунхейм.

[III] Речь идет о советском дипломате Владимире Николаевиче Баркове.

[IV] Речь идет об американском дипломате Лоуренсе Адольфе Штейнгарде.

Вопрос: Румыния являлась союзником гитлеровской Германии, совместно с которой она готовила войну и совершила нападение на СССР. Находясь в Румынии задолго до 22 июня 1941 года, разве вы не знали о готовящейся агрессии против СССР?

Ответ: Заявляю, что мне абсолютно ничего не было известно о подготовке Германией и Румынией войны против СССР. Находясь в Румынии, я на протяжении времени до 22 июня 1941 года замечал активное движение войск и техники, предполагая, что это связано с предстоящими маневрами румынской армии.

Вопрос: В чем заключалась ваша дипломатическая деятельность на посту германского консула в Плоешти до и во время войны?

Ответ: Мои функции германского консула в Плоешти заключались в следующем: забота о немцах, проживающих в гор. Плоешти и прилегающих районах; выдача и продление паспортов; выдача виз лицам, едущим в Германию; учет военнообязанных немцев; информирование германского посла в Румынии Киллингера о положении на нефтепромыслах Плоешти.

Вопрос: Расскажите о вашей разведывательной деятельности?

Ответ: Разведывательной деятельностью я не занимался.

Вопрос: Выше вы показали, что на первичном допросе в Москве вы назвали ряд агентов, завербованных вами и находившихся у вас на связи. Дайте подробные показания о вашей работе с этой агентурой?

Ответ: Я уже показал, что назвал 3-х агентов, мною завербованных и находившихся у меня на связи, и что от этих показаний отказался. Я это сделал по той причине, что показания не соответствовали действительности.

Фамилии Майер и Шмидт являются вымышленными, а Цвельфер — инженер нефтяного общества «Романа-Американа» в г. Плоешти, которого я назвал, действительно существует, но он мною не вербовался и моим агентом не был.

Вопрос: С какой целью вы дали ложные показания?

Ответ: Такие показания я дал вследствие того, что в тот момент при допросе я потерял душевное равновесие.

Вопрос: Вы намерены показывать следствию правду, ничего не скрывая?

Ответ: Заявив о намерении давать следствию показания, я рассказываю о своей деятельности все правдиво.

Вопрос: Вы показали о том, что в ваши функции входила информация германского посла в Румынии о положении на нефтепромыслах в Плоешти. Каким путем вы добывали сведения?

Ответ: В гор. Плоешти разведывательную и контрразведывательную деятельность проводил филиал «Абверштелле-Бухарест»[1], от начальника которого я получал данные о положении на нефтепромыслах в Плоешти, а затем об этом информировал германского посла в Румынии Киллингера.

Вопрос: Расскажите подробно о вашей связи с «Абверштелле-Бухарест» и ее филиалом в Плоешти?

Ответ: Никакой другой связи, кроме необходимых данных о положении на нефтепромыслах в Плоешти, я с «Абверштелле-Бухарест» и ее филиалом не имел.

Вопрос: Назовите известную вам агентуру германских и других разведывательных и контрразведывательных органов?

Ответ: Кого-либо из агентов я не знаю. Мне лишь известны несколько т.н. уполномоченных плоештинского филиала «Абверштелле-Бухарест», ко-

торые работали легально, сообщая о всех технических неполадках на нефтепромыслах в Плоешти.

В устранении таких неполадок, для обеспечения бесперебойного снабжения немецкой армии горючим, были крайне заинтересованы германские учреждения и представители в Румынии.

Кандидатуры уполномоченных подбирались плоештинским филиалом «Абверштелле-Бухарест» из немцев, обычно специалистов, работавших на нефтяных промыслах в Плоешти, которые согласовывались с румынскими разведывательными органами. Из таких уполномоченных я помню:

Тонш, инженер нефтяного предприятия «Астра Романа Плоешти»;

Антони Отто, инженер нефтяной компании «Романа Американа»;

Фигельмюллер, директор керосинового завода «Стандарт»;

Приднов Эбергард, инженер нефтяного предприятия «Унирия»;

Трикель Фред, директор нефтяной компании «Астра Романа Кемпина».

Показания с моих слов записаны верно и мне прочитаны в переводе на немецкий язык.

АДЕЛЬМАН

Допросил: сотрудник 2 отдела Главного управления «Смерш» майор ВАЙНДОРФ

Переводила ПОТАПОВА

ЦА ФСБ России. Р-20801. Л. 19—26. Подлинник. Рукопись. Автограф.

№ 2
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА КОНСУЛА Р. ФОН АДЕЛЬМАНА

20 апреля 1947 г.
Москва

Адельман Рюдигер, 1893 года рождения, уроженец дер. Адельмансфельден, провинция Вюртемберг (Германия), немец, из дворян, с высшим образованием, бывш[ий] кандидат в члены национал-социалистической партии с 1938 года, имеет дипломатическое звание — консул 1-го класса.

Вопрос: С какого времени вы служили в Министерстве иностранных дел Германии?

Ответ: На службу в Министерство иностранных дел Германии я поступил в июле 1923 года.

Вопрос: А до этого времени чем вы занимались?

Ответ: В период с 1911 по 1915 год я обучался на юридическом факультете Берлинского университета, по окончании которого в июле 1915 года поступил добровольцем на службу в германскую армию.

Вопрос: Какие должности вы занимали в германской армии?

Ответ: Я находился на нестроевой службе и использовался существовавшей в то время Политической секцией[2] германского Генерального штаба.

Вопрос: То есть занимались разведкой?

Ответ: Да, разведкой.

Вопрос: Как вы попали на разведывательную работу?

Ответ: В последних числах июля 1914 года, когда в германской прессе было объявлено об «угрозе военной опасности», я бросил учебу в университете и выехал в гор. Людвигсбург (провинция Вюртемберг) с целью поступить на службу в 20-й уланский кавалерийский полк, в котором служил офицером мой брат Зигфрид.

Из-за болезни сердца (порок сердца) я был признан негодным к строевой службе, и в зачислении в часть мне было временно отказано. Поэтому я вынужден был возвратиться в Берлин, где в конце 1914 года обратился к своему хорошему знакомому — сотруднику Министерства иностранных дел Германии фон Берген[1], будущему послу в Ватикане (1921—1942 гг.), и попросил оказать мне содействие в поступлении на работу в одно из военных или полувоенных учреждений, так как я во что бы то ни стало хотел принять участие в мировой войне.

Вопрос: Куда вас рекомендовал фон Берген?

Ответ: По рекомендации фон Берген мне удалось поступить на работу в так называемое бюро «Маннесман-Розелиус» в Берлине, помещавшееся в здании имперского управления по делам колоний по ул. Вильгельмштрассе.

Вопрос: В чьем ведении находилось бюро «Маннесман-Розелиус»?

Ответ: Бюро «Маннесман-Розелиус» подчинялось политической секции Генштаба германской армии и работало в тесном контакте с Министерством иностранных дел Германии.

Это бюро было создано в начале мировой войны с задачей проведения подрывной работы (подготовка повстанческих движений и тому подобных акций) во вражеских странах и их сферах влияния.

Вопрос: Кто возглавлял подрывную работу, проводившуюся бюро «Маннесман-Розелиус»?

Ответ: Всю работу в бюро возглавляли: крупный немецкий промышленник Маннесман Рейнхардт, руководитель фирмы «Братья Маннесман» в гор. Ремшейдт (Рурская область), и торговый предприниматель Розелиус Людвиг, руководитель фирмы «Каффее Хаг» в Бремене.

Сотрудниками бюро являлись братья Маннесман Рейнхарда — Альфред и Макс, брат Розелиус Людвига — Фридрих, консул в отставке Маркс и директор рудников фирмы «Братья Маннесман» — Штейнвакс Ганс.

Вопрос: В каких странах бюро «Маннесман-Розелиус» проводило свою подрывную работу?

Ответ: Подрывная деятельность бюро «Маннесман-Розелиус» распространялась почти на все страны, находившиеся в состоянии войны с Германией. Мне известно, в частности, что против англичан эта деятельность проводилась с территории Африки, Индии, Ирландии, против сербов и греков — с территории Болгарии.

Вопрос: В каких мероприятиях по организации подрывной деятельности против воевавших с Германией стран вы участвовали?

Ответ: Первым мероприятием такого рода, проведенным бюро «Маннесман-Розелиус», была подготовка и посылка большой экспедиции в расположение сенуссов[3], одного из самых сильных и воинственных племен в северной части пустыни Сахара (Африка). Экспедицией руководил младший брат Маннесмана — Отто, имевший в качестве проводников несколько

[1] Речь идет о немецком дипломате Диего фон Бергене.

офицеров, знавших местные языки. Перед ними стояла задача при помощи ценных подарков (золото и др.) склонить вождя племени, так называемого Великого Сенусса[I], к вооруженному выступлению в Сахаре и английском Судане. Наши планы строились в расчете на то, что повстанческое движение сенуссов захватит также племена Южного Египта и нанесет тяжелый ущерб английским интересам в Африке.

В декабре 1914 года из порта Триест, тогда австрийского, отплыло в эту экспедицию несколько кораблей, груженных боеприпасами и оружием. Чтобы обеспечить себя от всяких неожиданностей, корабли шли под флагами нейтральных государств, а оружие и боеприпасы были замаскированы в жестяных ящиках, вделанных в бочки с пивом.

Корабли благополучно пришвартовались в одном из ливийских портов, откуда участники экспедиции на верблюдах стали пробиваться в расположение племен сенуссов.

По сведениям, полученным бюро «Маннесман-Розелиус», эта экспедиция, не достигнув своей цели, была разбита обитателями пустыни — арабскими племенами.

Я лично участвовал в приобретении тропической одежды, приборов и другого снаряжения для экспедиции в Северную Африку, а также производил финансовые расчеты за перевозку по железной дороге до Триеста грузов и участников экспедиции.

Вопрос: Это только частица деятельности бюро «Маннесман-Розелиус». Говорите, что было дальше?

Ответ: Аналогичные экспедиции проводились и в других вражеских странах. В тот период в бюро «Маннесман-Розелиус» в Берлине можно было часто видеть ирландцев, индийцев, а также болгар, с которыми руководители бюро вели тайные переговоры. Я припоминаю, что в то время речь шла об организации восстания в Ирландии. После окончания мировой войны я узнал из английской прессы, что эта экспедиция, во время которой был убит ирландский национальный герой Роджер Кезмент[II], потерпела неудачу.

Вопрос: Куда вы сами выезжали с заданием бюро «Маннесман-Розелиус»?

Ответ: В ноябре или декабре 1914 года из Политической секции Генштаба я получил приказ явиться в Имперское управление по делам колоний к государственному секретарю Зольф[III] (после войны был послом в Токио). Зольф передал мне секретный пакет и сказал, что меня направляют в Геную (Италия) с заданием вручить его под расписку капитану стоящего в гавани парохода со швейцарским флагом (фамилию капитана я позабыл). Это задание я выполнил.

Вопрос: Вам известно содержание пакета?

Ответ: Со слов Зольф я знаю, что пакет содержал особо секретные инструкции, согласно которым все остававшиеся в нейтральных южно-американских странах военнообязанные немцы подлежали мобилизации и направлению в немецкую Юго-Западную Африку для усиления колониальных войск.

Вопрос: Показывайте о вашей дальнейшей работе в бюро «Маннесман-Розелиус»?

[I] Вероятно, речь идет о ливийском политическом и религиозном деятеле Ахмеде Шарифе ас-Сенуси.

[II] Так в документе, речь идет об ирландском патриоте Роджере Дэвиде Кейсменте.

[III] Речь идет о немецком дипломате Вильгельме Генрихе Зольфе.

Ответ: По возвращении из Генуи я выполнял отдельные поручения бюро по связи с германскими учреждениями и фирмами, которые выполняли наши заказы на различное снаряжение, необходимое для подрывной деятельности.

В начале 1915 года мой брат посоветовал мне снова подать заявление о зачислении меня юнкером в 20-й уланский полк, так как, писал брат, врачебные требования не являются больше такими строгими, как в начале войны. Поскольку я все время горел желанием попасть в действующую часть, то сразу же последовал совету брата и, к моей радости, был принят в полк.

Примерно в апреле 1915 года из бюро «Маннесман-Розелиус» я уволился и выехал для прохождения службы в г. Людвигсбург, а затем в военный лагерь Деберитц под Берлином

Вопрос: Вы принимали непосредственное участие в боевых действиях?

Ответ: В боевых действиях германских войск я участия не принимал. Напряженная служба в Деберитц подорвала мое здоровье, и появились новые физические недомогания, которые вынудили меня отбросить мысль об использовании на фронте.

Я стал искать другую, более легкую работу и с этой целью обратился в политическую секцию Генштаба германской армии. В конце июля или начале августа 1916 года я был откомандирован из части в этот орган и назначен помощником капитана Штейнвакс, который после ликвидации бюро «Маннесман-Розелиус» с конца 1915 года являлся зам[естителем] начальника политической секции по разведывательно-диверсионной работе.

Вопрос: Какую работу вы выполняли в политической секции?

Ответ: После оформления меня на службу в политическую секцию я был направлен с курьерской почтой в германское посольство в Бухарест (Румыния), а затем должен был поехать в Яссы и Галац. Когда я находился в Яссах, через германского консула Шенберг ко мне поступило приказание в Галац не ездить, так как усилилась опасность вступления Румынии в войну на стороне Антанты, и, не теряя времени, пробираться в Венгрию.

По прибытии в Будапешт я через германское посольство или германскую военную миссию (точно не помню) связался с Берлином и по телеграфу запросил о дальнейших указаниях.

В ответе, присланном из политической секции, говорилось, что мне поручается доставить из Будапешта в Софию, в распоряжение капитана Штейнвакс, военную машину и что дальнейшие указания я получу на месте.

В Софию я прибыл во второй половине сентября и в гостинице «Булгарие» встретился с капитаном Штейнвакс.

Вопрос: Какую миссию Штейнвакс выполнял в Болгарии?

Ответ: Находясь в Болгарии, Штейнвакс выполнял разведывательно-диверсионную работу, однако какую конкретно, мне неизвестно.

Я знаю только, что в то время он посещал болгарского премьер-министра Радославова, несколько раз начальника отдела прессы Министерства иностранных дел Болгарии — Херст, а также германское посольство, которое осуществляло связь Штейнвакс с Берлином и германскую военную миссию.

Далее он вел честные переговоры с лидером болгарской националистической организации, именовавшейся «Комитадши», — д-ром Точковым и Михайловым[1]. Приверженцы этого движения в своей борьбе против идеологических противников пользовались методами диверсий и террора.

---

[1] Вероятно, речь идет о болгарском политическом деятеле Иване (Ванчо) Михайлове.

Кроме того, на доставленной мною автомашине Штейнвакс выезжал однажды на неофициальную встречу с представителем военных кругов движения «Комитадши», командиром болгарской дивизии в районе горного плато Беласица (примерно 200 км юго-западнее Софии) генералом Протогеровым.

После этой встречи, как я припоминаю, Штейнвакс совместно с Михайловым совершил поездку по юго-западной части Болгарии, вдоль греко-болгарской границы, где встречался с проживавшими там единомышленниками Михайлова.

Вопрос: Вы участвовали в переговорах с руководителями движения «Комитадши»?

Ответ: Да, я часто сопровождал Штейнвакс во время его поездок по Болгарии и, конечно, присутствовал на переговорах, которые он вел с представителями болгарских политических и военных кругов. В частности, я вместе с Штейнвакс, был у генерала Протогерова.

Вопрос: Какую цель преследовали эти переговоры?

Ответ: Исходя из конкретной военной обстановки того периода и отдельных, частично сохранившихся в моей памяти высказываний Штейнвакса, во время переговоров с руководителями движения «Комитадши» речь шла об организации разведывательной и диверсионно-террористической работы против Греции.

Вопрос: Какие поручения лично вам давал Штейнвакс?

Ответ: По указанию Штейнвакс я вел переписку с Берлином, шифровал и расшифровывал входящие и исходящие телеграммы. Эти телеграммы в большинстве своем были дополнениями к письменным донесениям Штейнвакс, которые он составлял от руки и с дипломатическим курьером отправлял в Берлин, не посвящая меня в их содержание.

Кроме того, в мои обязанности входило, как уже показывал выше, сопровождение Штейнвакс во время его встреч с представителями болгарских военных и политических кругов.

Когда мы возвращались от генерала Протогерова в Софию, Штейнвакс сказал, что направляет меня в гор. Брашов (Трансильвания) с заданием организовать там разведывательно-диверсионную работу против румынской армии. Конкретных задач по проведению разведки он передо мной тогда не поставил, указав, что подробности я узнаю на месте через командование немецкой армии генерала фон Фалькенхайн.

Вопрос: Когда вы прибыли в Брашов?

Ответ: В Брашов я прибыл примерно во второй половине октября 1916 года и остановился в немецкой гостинице «Кроне». К тому времени румынские войска были отброшены в Карпатские горы и линия фронта проходила в непосредственной близости от г. Брашов.

Вопрос: От кого и какие разведывательно-диверсионные задания вы получали в гор. Брашов?

Ответ: В конце октября 1916 года меня вызвали в штаб армии генерала Фалькенхайн. Один из работников штаба вручил мне письменное распоряжение политической секции за подписью капитана Штейнвакс. В нем сообщалось, что отдельные разведывательно-диверсионные задания я должен каждый раз согласовывать со штабом армии генерала Фалькенхайн и что мне в помощь выделяется некий Домбровский.

Вопрос: Кто такой Домбровский и где вы с ним встретились?

Ответ: Моя встреча с Домбровским произошла в гостинице «Кроне» в первых числах ноября. Из разговоров с ним я узнал, что он австро-венгерский подданный, уроженец Венгрии, продолжительное время проживал в Трансильвании; будучи профессиональным охотником, хорошо знал Южные Карпаты и Румынию. Тогда ему было примерно 45 лет.

Вопрос: Каким образом вы построили свою разведывательно-диверсионную деятельность?

Ответ: Прежде всего я поручил Домбровскому подобрать из числа местного населения подходящих для вербовки лиц и обучить их разведывательно-диверсионному делу. С этой целью я снабдил его необходимой суммой денег, которые были выделены в мое распоряжение политической секцией.

Домбровский оказался способным разведчиком и за короткий срок завербовал целый ряд агентов. Он же по моему указанию осуществлял переброску агентов через линию фронта в расположение румынских войск.

Вопрос: Какие задания ставились перед агентурой?

Ответ: Отдельные задания и места переброски я каждый раз согласовывал с командованием армии. Эти задания касались, главным образом, разведки расположения и численности вражеских войск, строительства новых военных сооружений, взрывов мостов, складов и др. в районе от южных склонов Карпат до гор. Фэгэраш.

В декабре 1916 года я вместе с Домбровским перебрался в Бухарест. Здесь я выполнял в основном такую же работу, как и в гор. Брашов, с той лишь разницей, что задания, которые ставились перед агентурой, касались теперь исключительно диверсий.

В одном случае я получил из политической секции Генштаба бациллы сапа для применения против румынских войск.

Вопрос: Где применялись бациллы сапа?

Ответ: Бациллы сапа предназначались для отравления колодцев на территории, занятой румынскими войсками.

Вопрос: Говорите точнее, как вы использовали это страшное оружие?

Ответ: Я передал бациллы сапа Домбровскому, и как он их использовал, мне неизвестно, так как в апреле 1917 года я был отозван в распоряжение политической секции в Берлин.

Вопрос: Что послужило причиной вашего отзыва в Берлин?

Ответ: Насколько мне известно, в Берлин был отозван потому, что дальнейшее проведение разведывательно-диверсионной работы против румынских войск с военной точки зрения не вызывалось больше необходимостью, и так как руководство политической секции решило использовать меня в Стокгольме (Швеция).

Вопрос: Когда и с каким заданием вы выехали в Стокгольм?

Ответ: В Стокгольм я выехал в июне 1917 года под видом курьера Министерства иностранных дел Германии, имея при себе соответствующие документы и «дипломатический багаж», который по указанию начальника политической секции фон Гюльзен[1] должен был передать Штейнваксу. Этот «дипломатический багаж» состоял из одного чемодана, в котором находилась крупная сумма денег для финансирования разведывательной и диверсионной деятельности.

[1] Вероятно, речь идет о капитане (позднее — генерал-лейтенанте вермахта) графе Бото фон Гюльзене.

По прибытии в Стокгольм я, как это было обусловлено, явился в германское посольство, где встретился с Штейнвакс и передал ему чемодан с деньгами. Тогда же Штейнвакс информировал меня о своей миссии в Швеции и поставил передо мной конкретные задачи.

Вопрос: Какие указания вы получили от Штейнвакс?

Ответ: В разговоре со мной Штейнвакс сообщил примерно следующее:

«Вы знаете, что в результате Февральской революции в России началось революционное движение среди финляндского рабочего класса. Для подавления этого революционного движения и борьбы против Советской России генерал Маннергейм формирует на севере Финляндии белую гвардию. Испытывая недостаток в обученных офицерских кадрах, вооружении и боеприпасах, он через организацию финских националистов в Стокгольме, так называемый «Финский комитет», являющийся связующим звеном между Маннергеймом и германским Генеральным штабом, обратился за помощью к Германии. Мы должны воспользоваться создавшимся положением и немедленно нанести решительный удар России.

Для этого необходимо как можно скорее вооружить белую гвардию и перебросить в Финляндию германские войска. Все переговоры в дальнейшем мы будем вести с руководителями «Финского комитета» — Ельт, Гуммерус, Бонсдорф, Доннер[I] и др. При помощи этого комитета, — продолжал Штейнвакс, — мы будем проводить также разведывательную и диверсионную работу в Финляндии против финского революционного пролетариата и Советской России».

Вопрос: Следовательно, находясь в Стокгольме, вы по-прежнему выполняли задания германской разведки, но теперь уже против Советской России?

Ответ: Да, находясь в Стокгольме, я, совместно со Штейнвакс, при помощи «Финского комитета», этого белогвардейского, контрреволюционного центра, выполнял задания германской разведки по подготовке германской интервенции в Финляндии и организации разведывательно-диверсионной деятельности, направленной против Советской России.

Вопрос: Приведите конкретные факты вашей разведывательно-диверсионной деятельности против Советской России?

Ответ: Когда я приехал в Стокгольм, Штейнвакс имел уже целую сеть агентуры во главе с резидентом, немцем Шмидт. Эта агентура была им приобретена преимущественно из числа белоэмигрантов, бывших жителей Прибалтики, бежавших после Февральской революции в Швецию.

По поручению Штейнвакс я первое время занимался финансированием шпионской деятельности германской агентуры, причем это я делал под видом оказания материальной помощи пострадавшим беженцам из прибалтийских государств. В тех же целях маскировки доставленные мною в распоряжение Штейнвакс деньги мы официально называли «прибалтийским фондом».

Таким образом, я знал всех или почти всех агентов Штейнвакс, однако по фамилии помню только некоторых из них, а именно — Кампенхаузен Леон, Стрик Георг, фон Крюденер, барон Евгений Энгельхард[II] и Майдель.

Кроме того, агентами Штейнвакс являлись: немец Кунстман, владелец пароходной кампании в Штеттине; проживавший в Стокгольме шведский

[I] Речь идет о финском политическом деятеле и ученом Кае Доннере.

[II] Возможно, речь идет о бывшем офицере русской армии бароне Евгении Рудольфовиче Энгельгарде.

подданный Эрфас, лейтенант в отставке; служащий гранд-отеля «Ройяль» в Стокгольме, швейцарский подданный, фамилии которого я не помню; русские белоэмигранты, уроженцы Кавказа — князь Мачабели, Церетели[I] и Чхеидзе[II]. Оба последних были преклонного возраста, а Мачабели примерно 30 лет, женатый на итальянской артистке. После войны он выехал во Францию, а затем в Америку.

Вопрос: Кто руководил шпионской деятельностью этой агентуры?

Ответ: До сентября 1917 года руководство разведывательной деятельностью агентов, действовавших в Финляндии, осуществлял Штейнвакс, а затем после его отъезда в Берлин эта работа выполнялась мною.

Вопрос: Какими шпионскими материалами снабжали вас Кунстман, Эрфас, Мачабели и другие агенты?

Ответ: В период пребывания Штейнвакс в Стокгольме он все поступавшие от агентуры разведывательные материалы обрабатывал самостоятельно и с их содержанием меня, как правило, не знакомил.

Мне было известно только, что служащий гранд-отеля «Ройяль», швейцарец, и Мачабели вели наблюдение за деятельностью иностранцев в Стокгольме. В сентябре 1917 года Мачабели, Церетели и Чхеидзе вместе со Штейнвакс выехали в Берлин, и в дальнейшем я их больше не видел.

После отъезда Штейнвакс шпионские материалы, которыми меня снабжала агентура, в том числе и члены «Финского комитета» — Доннер Кай, Бонсдорф и другие, касались русских воинских частей, расположенных в Финляндии.

Я припоминаю, что однажды, в конце 1917 года, меня посетил мой агент — швейцарский подданный, и передал фотокопии секретных документов, заявив, что ему удалось похитить и сфотографировать у английского дипломатического курьера, который направлялся из Петербурга в Лондон и несколько дней проживал в гранд-отеле «Ройяль» в Стокгольме. Эти документы содержали данные о военно-морских операциях русских и схемы расположения минных полей в Балтийском море.

По распоряжению политической секции, куда мною были направлены среди других шпионских сведений фотокопии с похищенных документов, я передал швейцарцу в качестве вознаграждения большую сумму денег.

Вопрос: Покажите о вашем участии в организации диверсионной деятельности на территории Финляндии?

Ответ: Летом и осенью 1917 года Штейнвакс путем тайных переговоров с «Финским комитетом» в грандиозных размерах подготовлял диверсионную деятельность против русских войск в Финляндии и в Советской Карелии. Для этих целей он создавал в Стокгольме запас взрывчатых веществ, которым ведал его сотрудник Рондорф, являвшийся одновременно писарем.

Большое количество взрывчатых веществ Штейнвакс через «Финский комитет» нелегально переправлял в северные и южные районы Финляндии, однако, насколько мне известно, до его отъезда в Берлин практических мероприятий по взрыву железнодорожного полотна и других военных объектов в тылу русских войск не проводилось.

Вопрос: Эту задачу впоследствии выполняли вы?

[I] Речь идет о грузинском политическом деятеле Ираклии Георгиевиче Церетели.

[II] Речь идет о грузинском политическом деятеле Николае (Карло) Семеновиче Чхеидзе.

Ответ: Оставшись в Стокгольме вместо Штейнвакс, я продолжал переговоры с руководителями «Финского комитета» и от имени политической секции германского Генерального штаба неоднократно указывал на необходимость проведения диверсий против русских войск в Финляндии. В отчетах о ходе переговоров с «Финским комитетом», которые мною регулярно направлялись в Берлин, я по просьбе комитета настаивал на срочном возвращении в Финляндию 27-го егерского батальона[4] и поставках взрывчатых веществ.

В конце 1917 года политическая секция сообщила мне, что в шхеры недалеко от гор. Ловицы вышла подводная лодка № 57 с грузом взрывчатых веществ и финскими егерями, которые получили диверсионные задания по взрыву линий коммуникаций русских.

Вопрос: Известно, что в момент нападения белой гвардии Маннергейма на русские войска финские егеря, тайно возвратившиеся из Германии, взорвали полотно железной дороги на линии по направлению к Петербургу. Это были результаты вашей работы?

Ответ: Этот диверсионный акт совершили финские егеря, доставленные в Финляндию в конце 1917 года на германской подводной лодке № 57.

Вопрос: Из ваших показаний видно, что вы были не только организатором шпионажа, но и уполномоченным германского Генерального штаба по осуществлению германской интервенции в Финляндии и снабжению белой гвардии вооружением. Что было сделано вами в этом отношении?

Ответ: В ходе переговоров, которые я вел с «Финским комитетом», уже осенью 1917 года была достигнута договоренность о возвращении в Финляндию 27-го егерского батальона и вооружении белой армии.

Первая крупная партия оружия, боеприпасов и другого военного имущества была доставлена морем в порт Ваза в октябре 1917 года. В то же время в Финляндию стали тайно возвращаться небольшие группы егерей.

Возвращение же всего егерского батальона по неизвестным причинам задержалось до февраля 1918 года. Этот батальон был сформирован в Германии, в Локштедском лагере (недалеко от Гамбурга) из числа финнов, оставивших родину вследствие притеснений царского правительства. В 1918 году в составе белой гвардии Маннергейма егерский батальон принял активное участие в подавлении революционного выступления финских рабочих. И, наконец, весной 1918 года на Ханко высадилась так называемая «Балтийская дивизия» под командой генерала фон дер Гольца[1], решившая исход гражданской войны в Финляндии.

В связи с окончанием военных действий «Финский комитет» в апреле-мае 1918 года прекратил свое существование, и я по приказу политической секции был переведен в Гельсингфорс в штаб фон дер Гольца на должность офицера-ординарца.

Вопрос: Рассказывайте о своей контрреволюционной деятельности в штабе генерала Гольц?

Ответ: После того как германские войска подавили революционное движение финского пролетариата, генерал фон дер Гольц стал так называемым «немецким генералом в Финляндии». В его руках по сути дела была сконцентрирована вся политическая власть в Финляндии, и реконструированное в германофильском духе финляндское правительство Свинхувуда играло роль его марионетки.

---

[1] Речь идет о генерал-майоре Рюдигере фон дер Гольце.

Исходя из стремлений германского Верховного командования превратить Финляндию в плацдарм для дальнейшей агрессии на восток, против Советского Союза, генерал Гольц употреблял все свое влияние, чтобы превратить Финляндию в германское вассальное королевство и реорганизовать финляндскую армию и военно-морской флот по германскому образцу.

В этих целях генерал Гольц поручил мне ведение переговоров с финляндскими правительственными инстанциями и, в первую очередь, с президентом Свинхувуд, военным министром Теслевым, сенаторами Сетеле и Фрай. Во время этих частных встреч с президентом Свинхувуд я от имени Гольца неоднократно указывал ему, что Германия желает видеть в Финляндии монархию во главе с Фридрихом-Карлом, ландграфом Гессенским[I], женатом на сестре Вильгельма II[II].

В результате этих усилий финский Сейм избрал королем Финляндии упомянутого ландграфа. Была также достигнута договоренность в отношении посылки в Финляндию немецкого преподавательского персонала для обучения финляндской армии.

В июле или августе 1918 года финляндское правительство направило сенаторов Сетеле и Фрай в Германию для установления личного контакта с ландграфом Карл-Фридрихом. По поручению генерала Гольц я сопровождал сенаторов во время этой поездки, однако на переговорах с ландграфом не присутствовал. По прибытии в Берлин Сетеле и Фрай были встречены одним и сотрудников германского Министерства иностранных дел и вместе с ним, не задерживаясь, проследовали в резиденцию ландграфа. Я же остался в Берлине, где примерно неделю ожидал возвращения сенаторов, чтобы сопровождать их обратно в Финляндию.

Вопрос: Что вы делали в это время в Берлине?

Ответ: Находясь в Берлине, я в течение первых двух дней докладывал своему начальнику, капитану фон Гюльзен, о проделанной мною работе и положении в Финляндии, а затем был им командирован в г. Ковно для сопровождения бывшего председателя совета министров царской России Трепова[III] на встречу с генералом Гофман[IV], начальником штаба армии фельдмаршала принца Леопольда Баварского. Вместе с Треповым находился также представитель германского генерального штаба капитан Меркер. На переговорах Трепова с генералом Гофман я не присутствовал. Со слов капитана Меркер мне известно, что речь шла об организации борьбы против большевизма и реставрации самодержавия. Возвратившись в Берлин, я вместе с финляндскими сенаторами выехал в Гельсингфорс.

Вопрос: Какие другие специальные задания вы выполняли?

Ответ: Припоминаю, что однажды в 1918 году я получил от генерала Гольц небольшое специальное поручение — сопровождать финляндскую делегацию на русско-финскую границу в г. Териоки. Здесь между финляндской делегацией и русскими представителями происходили переговоры о передаче русского посла Каменева[V], который был арестован финнами на Аландских островах[5].

[I] Речь идет о Фридрихе Карле, принце Гессенском.

[II] Речь идет о принцессе Маргарите Прусской, сестре императора Вильгельма II.

[III] Вероятно, речь идет о русском государственном деятеле Александре Федоровиче Трепове.

[IV] Речь идет о немецком военном деятеле генерал-майоре Максе Гофмане.

[V] Речь идет о советском государственном и политическом деятеле Льве Борисовиче Каменеве (Розенфельде).

Если не ошибаюсь, в ходе переговоров было решено обменять Каменева на нескольких финнов. Других заданий в период пребывания в Финляндии я не выполнял.

В сентябре 1918 года я заболел испанским гриппом, получил одномесячный отпуск и выехал для лечения в Германию. После ноябрьской революции 1918 года в Германии я по указанию политической секции явился для дальнейшей службы в 20-й уланский кавалерийский полк в гор. Людвигсбург, а в мае 1919 года из армии был демобилизован.

Протокол допроса записан с моих слов верно, переведен мне на немецкий язык.

АДЕЛЬМАН

Допросил: ст[арший] оперуполномоченный 4 отдела 3 Главного управления МГБ СССР — капитан СОЛОВОВ

ЦА ФСБ России. Р-20801. Л. 30—47. Подлинник. Машинопись. Автограф.

№ 3

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА КОНСУЛА Р. ФОН АДЕЛЬМАНА

14 мая 1948 г.
Москва

Адельман Рюдигер, 1893 года рождения, уроженец дер. Адельмансфельден, провинция Вюртемберг (Германия), немец, из дворян, с высшим образованием, бывш[ий] кандидат в члены национал-социалистической партии с 1938 года, имеет дипломатическое звание — консул 1-го класса.

Вопрос: Какую связь вы поддерживали с германской разведкой после демобилизации из армии?

Ответ: После демобилизации из армии в 1919 году я занимался в высшей сельскохозяйственной школе, находившейся около гор. Штутгарт, изучал музыку и искусство и с германской разведкой связей не поддерживал. В июле 1923 года я поступил на службу в Министерство иностранных дел Германии.

Вопрос: Кто вас рекомендовал на службу в Министерство иностранных дел Германии?

Ответ: В Министерство иностранных дел Германии я поступил по собственному желанию при содействии бывшего «немецкого генерала в Финляндии» фон дер Гольц, который дал мне хорошую рекомендацию. Большую роль в принятии меня на службу в Министерство иностранных дел сыграла, конечно, и моя успешная разведывательная деятельность во время первой мировой войны.

Вопрос: Договаривайте, в Министерство иностранных дел вы поступили по указанию германской разведки, которая стремилась сохранить свои старые кадры для будущей шпионской деятельности?

Ответ: Такого указания от германской разведки я не получал и из бывших сотрудников политической секции, кроме Штейнвакс, никого не видел.

Вопрос: О чем вы говорили со своим бывшим начальником по шпионской работе капитаном Штейнвакс?

Ответ: Штейнвакса я посетил в 1923 году на его квартире в Берлине с целью вернуть ему деньги, одолженные мною еще в период пребывания в Стокгольме.

В беседе со мной Штейнвакс поинтересовался, где мне удалось устроиться на службу, и сообщил, что сам он снова работает в фирме «Братья Манесманн». Затем мы говорили о литературе, искусстве и обменялись воспоминаниями о совместной работе в политической секции Генштаба германской армии.

О дальнейшей разведывательной деятельности разговора между нами не было.

Вопрос: Перестаньте притворяться, вас, матерого шпиона, не могла не использовать германская разведка?

Ответ: Да, после моего назначения советником германского посольства в Бухарест (Румыния) весной 1936 года я действительно снова стал работать на германскую разведку.

Вопрос: При каких обстоятельствах это произошло?

Ответ: Однажды, летом 1936 года, начальник канцелярии Германского посольства в Бухаресте — Блюхер[I], сообщил мне, что со мной желает переговорить приехавший из Берлина сотрудник Абвера капитан Штольце[II] и ожидает меня у него, Блюхера, на квартире. Представившись, капитан Штольце сказал, что в Румынии работает его лучший и ценнейший агент по фамилии Урлецеану, и предложил мне взять этого агента на связь, так как ему, Штольце, известно, что я сведущ в таких делах.

Заручившись моим согласием, Штольце сообщил мне мои задачи. Он сказал примерно следующее: «Через определенные промежутки времени вы будете встречаться с Урлецеану в заранее обусловленных местах, принимать от него разведывательные материалы и с дипломатическим курьером направлять мне в Берлин по условному адресу (Штольце сообщил мне этот адрес, но я его позабыл). Тем же самым путем вы будете получать от меня деньги и указания для передачи Урлецеану».

Вопрос: Кто такой Урлецеану и каким образом вы с ним связались?

Ответ: Урлецеану являлся сотрудником румынского Генерального штаба и имел, если я не ошибаюсь, звание подполковника.

Мое знакомство с Урлецеану произошло через посредство начальника канцелярии Блюхер вскоре после отъезда капитана Штольце в Берлин. Во время первой встречи, состоявшейся на одной из улиц Бухареста, я сообщил Урлецеану, что отныне все разведывательные материалы он будет передавать мне. Одновременно я с ним договорился о следующей встрече в одном из безлюдных переулков города.

Вопрос: Как часто вы встречались с Урлецеану?

Ответ: С Урлецеану я встречался примерно раз в три недели. Встречи происходили каждый раз в другом месте, о чем мы заранее договаривались. Как правило, я подъезжал на своей автомашине к обусловленному месту, где меня уже ожидал Урлецеану, и вместе с ним выезжал за город в лес. Здесь и происходила передача разведывательного материала и указаний из Берлина. Припоминаю, что однажды Урлецеану был с этой целью у меня на квартире.

Вопрос: Какие шпионские сведения Урлецеану передавал вам?

[I] Речь идет о немецком дипломате Виперте фон Блюхере.

[II] Речь идет о германском военном разведчике капитане (впоследствии — полковнике) Эрвине Штольце.

Ответ: Урлецеану передавал мне фотокопии секретных приказов, распоряжений, военных заказов румынского Генерального штаба, данные о структурных изменениях, численности и дислокации румынской армии, строительстве военных сооружений, фотографии запретных военных зон. Все эти шпионские материалы я каждый раз просматривал, после чего составлял препроводительную, в которой указывал краткое содержание документов, просьбы Урлецеану о дополнительных суммах денег, сроках выполнения того или иного задания и за подписью «Петерсен» с дипломатическим курьером отправлял в Берлин по условному адресу.

Вопрос: «Петерсен» была ваша кличка?

Ответ: Да, кличка «Петерсен» мне была присвоена капитаном Штольце летом 1936 года, когда я дал ему свое согласие работать по заданию германской разведки.

Вопрос: Кроме Штольце, с кем из сотрудников германской разведки вы поддерживали контакт по шпионской работе против Румынии?

Ответ: Летом 1937 года я находился в отпуску в Берлине. Перед возвращением в Бухарест я посетил германскую военную разведку и контрразведку «Абвер», чтобы узнать, какие дополнительные указания будут по работе с Урлецеану. Разговаривал я, насколько припоминаю, с майором Прук[I]. Прук сказал, что мои задачи остаются без изменений, и пожелал мне работать с Урлецеану так же успешно, как и до сих пор.

На другой день майор Прук пригласил меня на обед в гостиницу «Эден», на котором присутствовали, кроме того, три или четыре сотрудника «Абвер»; фамилии этих лиц я теперь не помню, и на всем протяжении своей работы с Урлецеану их больше не встречал.

Вопрос: До какого времени вы осуществляли руководство шпионской деятельностью Урлецеану?

Ответ: С Урлецеану я работал до октября 1937 года, а затем был отозван в распоряжение Министерства иностранных дел в Берлин.

Вопрос: Кому вы передали Урлецеану на связь при отъезде из Бухареста?

Ответ: Указаний на этот счет я от германской разведки не получал, и через кого осуществлялась связь с Урлецеану после моего отъезда из Бухареста, мне неизвестно.

Вопрос: Вознаграждение за свою шпионскую работу вы от германской разведки получали?

Ответ: Осенью 1937 года, находясь в Берлине, я был принят лично начальником германской военной разведки и контрразведки адмиралом Канарис, который выразил мне свою благодарность за услуги, оказанные мною германской разведке в Румынии. Позднее, в начале 1938 года, когда я работал советником германского посольства в Финляндии, Канарис через германского военного атташе Рессинг[II] наградил меня ценным подарком — серебряной шкатулкой. Других вознаграждений я от германской разведки не получал.

Вопрос: Какие задания германской разведки вы выполняли в Финляндии?

Ответ: В Финляндии заданий германской разведки я не выполнял, хотя и находился в хороших взаимоотношениях с германским военным атташе полковником Рессинг и его помощником майором Кернер, которые в боль-

---

[I] Речь идет о сотруднике германской военной разведки майоре (позднее — полковнике) Эрихе Фердинанде Пруке.

[II] Речь идет о немецком военном деятеле и дипломате Хорсте Рёссинге.

ших масштабах проводили разведывательную работу и осуществляли связь между Канарисом, финским Генеральным штабом и финской разведкой.

В конце 1938 года Канарис лично приезжал в Финляндию и инструктировал полковника Рессинг по военно-разведывательным вопросам. Об этом мне говорил германский посол фон Блюхер, с которым Канарис также имел продолжительную беседу.

Вопрос: В распоряжении следствия имеются данные, что, являясь германским дипломатом, вы и в дальнейшем активно сотрудничали с германскими разведорганами?

Ответ: Признаю, что в 1939 году, будучи консулом в гор. Катовицы (Польша), я установил связь с «СД» и участвовал в нелегальной переброске ее агентуры с территории Польши в Германию.

Вопрос: Кем вы были привлечены к сотрудничеству с германской службой безопасности «СД»?

Ответ: К сотрудничеству с органами «СД» я был привлечен вице-консулом германского консульства в гор. Катовицы немцем Шаллер. Шаллер, имя не знаю, женат на американке, после оккупации Польши в 1939 году работал в германском посольстве в гор. Копенгаген (Дания). Приметы: 43—44 года, среднего роста, расположен к полноте, блондин, лицо круглое, быстрая походка.

Вопрос: Показывайте о своей практической деятельности по заданию «СД»?

Ответ: В августе 1939 года меня в служебном кабинете посетил вице-консул Шаллер и сообщил под большим секретом, что через неделю-две Германия нападет на Польшу и что уже разработаны конкретные мероприятия по осуществлению германских военных планов. В частности, я узнал от него, что перед началом военных действий замаскированный под польских военнослужащих отряд СД совершит провокационное нападение на немецкую радиостанцию в гор. Беутен в целях представить Польшу как агрессора, угрожающего жизненным интересам германского народа, и тем самым оправдать действия Германии в глазах мирового общественного мнения.

В тот день, когда германские войска начнут военные действия против Польши, — продолжал Шаллер, — по германскому радио между 9 и 10 часами вечера дважды будет передана так называемая «песня немцев в Польше». Она послужила сигналом для общего наступления, и прежде всего для СД. Затем Шаллер рассказал, что по заданию СД он занимается нелегальной переброской немецкой агентуры с территории Польши в Германию, и попросил меня оказать ему в этом содействие.

Вопрос: Непонятно, зачем накануне нападения на Польшу вы перебрасывали немецкую агентуру на территорию Германии?

Ответ: Перебрасываемая агентура состояла преимущественно из польских немцев, знавших хорошо местность, и предназначалась для использования в качестве проводников германских ударных частей в момент нападения на Польшу.

Вопрос: В каких мероприятиях «СД» по переброске немецкой агентуры вы лично участвовали?

Ответ: Я совместно с Шаллер участвовал в переправке на территорию Германии только одного агента-проводника, который разыскивался польскими властями за его прогерманскую деятельность и скрывался в Катовицах. С этим агентом мы встретились в небольшом лесном массиве около Катовиц, посадили его в багажное отделение машины и, пользуясь дипломатической неприкосновенностью, беспрепятственно доставили через польскую границу в г. Беутен.

Вопрос: Следовательно, свой дипломатический ранг вы использовали в преступных целях подготовки германской агрессии против Польши?

Ответ: Да, переправляя немецких агентов-проводников на территорию Германии, я тем самым принимал участие в подготовке германской агрессии против Польши.

Вопрос: Чем вы занимались после оккупации Польши германскими войсками?

Ответ: После оккупации Польши германскими войсками меня в сентябре 1939 года перевели на должность советника германского посольства в гор. Каунас (Литва). Здесь я так же, как и в Катовицах, продолжал заниматься нелегальной деятельностью.

Так, летом 1940 года я посетил своего друга графа Денгоф, проживавшего в именном поместье под Кёнигсбергом. Узнав об этой поездке, начальник канцелярии германского посольства в гор. Каунас немец Куршат (55—60 лет, среднего роста, полный, широкоплечий, волосы рыжеватые, лицо круглое с выступающими скулами, нос длинный, узкий) поручил мне доставить в пограничный город Эйдкунен чемодан, в котором, по словам Куршат, находились личные вещи одного германского агента, бежавшего в Каунас перед вступлением советских войск. По прибытии в Эйдкунен я явился по названному мне Куршатом адресу и вручил чемодан под расписку его владельцу, фамилию которого позабыл.

Осенью 1940 года, вскоре после вступления советских войск в Литву, ко мне обратился немецкий католический священник сельской духовной школы в р-не Каунас с просьбой помочь одному молодому литовцу выехать в Германию. По словам священника, этого литовца он хотел взять к себе на воспитание. Фамилию литовца я сообщил немецкой погранохране, и, таким образом, он был беспрепятственно пропущен через границу.

Аналогичным способом и примерно в то же время я переправил из Литвы на немецкую территорию другого литовца, ремесленника, 24 лет, мать которого была замужем за немцем и проживала в Восточной Пруссии.

Когда началась кампания по переселению литовских немцев в Германию, я по поручению посла Цехлин в больших размерах отправлял в Литву в адрес Министерства иностранных дел Германии под видом дипломатического багажа золото, серебро, бриллианты и другие ценности, которые мне приносили переселявшиеся немцы. За период с ноября 1940 года по январь 1941 года мною вопреки существовавшему между германскими и советскими властями соглашению было направлено в Берлин не менее 70 посылок с драгоценностями, не подлежавшими вывозу.

Вопрос: Почему вы умалчиваете о своей шпионской деятельности против Советского Союза?

Ответ: Шпионской деятельностью против Советского Союза я не занимался.

Вопрос: Неправда. Следствию известно, что в период своего пребывания в Каунасе вы активно сотрудничали с германским военным атташе полковником Юст[1], этим матерым шпионом?

Ответ: Признаю, что с германским военным атташе полковником Юст я находился в хороших дружественных отношениях и был в общих чертах информирован о его разведывательной деятельности против Советского Союза.

---

[1] Речь идет о немецком военном деятеле и дипломате Эмиле Юсте.

Вопрос: Отвечайте конкретно, какие задания Юста по шпионской работе против Советского Союза вы выполняли?

Ответ: С полковником Юст у меня были только личные отношения и в области разведки я с ним не сторудничал.

Вопрос: На чем основывались ваши «личные отношения» с Юстом?

Ответ: С полковником Юст я познакомился еще в 1937 году во время совместной службы в Румынии и часто проводил свободные от работы часы в его обществе. Юст питал ко мне полное доверие и не скрывал от меня своих связей с германской разведкой. Я припоминаю, что однажды Юст заявил мне в разговоре, что разведывательную работу он проводит совместно с СД. В 1940 году в Каунас к Юсту неоднократно приезжал из Берлина сотрудник СД оберштурмбанфюрер СС Греве[1]. Со слов Юста мне было известно также, что его сотрудники Шлехт, Крамер и Хан с целью сбора шпионских сведений о советской армии, аэродромах, строительстве новых военных сооружений совершали ежедневные автопоездки по Литве.

Вопрос: Агентуру Юста вы знали?

Ответ: Юст имел целый ряд агентов из числа местного литовского населения, однако никого из них я не знаю.

Вопрос: Охарактеризуйте названных вами сотрудников Юста?

Ответ: Сотрудниками Юста являлись:

1) Шлехт Георг, капитан, помощник Юста. В конце 1940 г. выехал на ту же должность в Бухарест. После оккупации Прибалтики германскими войсками с 1942 года работал в полевой комендатуре гор. Рига. Приметы: 55—58 лет, среднего роста, седой, лицо овальное с выступающими скулами, носит очки.

2) Крамер Фриц, в 1936—1937 гг. служил в Берлинском отеле «Адлон», осенью 1939 года прибыл в г. Каунас, у Юста работал до лета 1940 года, затем выехал в Кёнигсберг, где являлся директором отеля. Позже был направлен с разведывательным заданием в Португалию. Приметы: 45 лет, выше среднего роста, брюнет, лицо круглое, широкоскулый, нос длинный, узкий, лоб высокий, глаза выпуклые.

3) фон Хан Пауль, прибалтийский немец, ротмистр в отставке, помещик, постоянно проживал в северной части Литвы. Работал у Юста до конца 1940 года, а затем выехал в Германию. После оккупации Прибалтики германскими войсками в 1941 году возвратился в Каунас и служил в гражданском управлении города. Приметы: 55—60 лет, среднего роста, волосы рыжеватые, лицо продолговатое с красноватым оттенком, узкий, длинный с горбинкой нос.

Вопрос: До какого времени вы оставались в Литве?

Ответ: В Литве я находился до февраля 1941 года и был отозван в распоряжение Министерства иностранных дел в Берлин. В марте месяце того же года меня назначили германским консулом в гор. Плоешти (Румыния).

Протокол допроса записан с моих слов верно, переведен мне на немецкий язык.

АДЕЛЬМАН

Допросил: ст[арший] оперуполномоченный 4 отдела 3 Главного управления МГБ СССР — капитан СОЛОВОВ

ЦА ФСБ России. Р-20801. Л. 48—57. Подлинник. Машинопись. Автограф.

---

[1]Так в документе, вероятно, речь идет о начальнике отдела VI С (Восточного) РСХА оберштурмбанфюрере СС Гейнце Грейфе.

№ 4
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА КОНСУЛА Р. ФОН АДЕЛЬМАНА

18 августа 1948 г.
Москва

Адельман Рюдигер, 1893 года рождения, уроженец дер. Адельмансфельден, провинция Вюртемберг (Германия), немец, из дворян, с высшим образованием, бывш[ий] кандидат в члены национал-социалистической партии с 1938 года, имеет дипломатическое звание — консул 1-го класса.

Вопрос: На предыдущем допросе в числе своих знакомых вы назвали германского военного атташе в Каунасе разведчика Юст. Уточните, какой характер носила ваша связь с Юстом?

Ответ: С полковником Юст я находился в хороших дружественных отношениях и нередко встречался с ним в своем служебном кабинете, а также в его бюро, помещавшемся на первом этаже в здании германского посольства.

Юст питал ко мне полное доверие и во время бесед совершенно непринужденно высказывал свои мнения по различным вопросам, равно как не скрывал от меня и своей шпионской деятельности против Советского Союза.

Вопрос: Что вам рассказывал Юст о своей шпионской деятельности против Советского Союза?

Ответ: Со слов Юста мне известно, что разведывательную работу против Советского Союза проводили его сотрудники Шлехт, Крамер и Хан. С целью сбора шпионских сведений о Советской Армии и военно-воздушном флоте они совершали многочисленные поездки по Литве, во время которых встречались также с действовавшей агентурой Юста.

Я припоминаю, что однажды, летом 1940 года, Юст рассказал мне, что им получены данные о большой концентрации советского военно-воздушного флота в Литве. По этим данным, численность советской авиации достигала несколько сот самолетов.

Вопрос: Говорил вам Юст, из каких источников им были получены эти данные?

Ответ: Нет, об этом мне Юст ничего не говорил.

Вопрос: Вам известно, в какие населенные пункты Литвы Юст и его сотрудники совершали поездки?

Ответ: Юст и, главным образом, его сотрудники Хан, Шлехт и Крамер почти ежедневно совершали автопоездки по Литве, однако, какие города они посещали и с кем встречались, я не знаю.

Вопрос: Куда вы сами выезжали, находясь в Каунасе?

Ответ: Я часто предпринимал увеселительные поездки в окрестности Каунаса, а также был дважды в гг. Вильно, Кенигсберг и один раз в гор. Рига.

Вопрос: Во время этих «увеселительных поездок» вы занимались, конечно, сбором шпионских сведений?

Ответ: Выезжая в различные населенные пункты Литвы, я поддерживал связь с немецкой частью населения и из разговоров узнавал, естественно, кое-какие сведения о передвижении, дислокации и численности советских войск, а также лично встречал отдельные воинские части на марше. Специально сбором шпионских сведений я не занимался.

Вопрос: О результатах своих поездок вы информировали Юста?

Ответ: Когда я возвращался в Каунас, меня, как правило, посещал Юст и интересовался сведениями о Советской Армии, которые мне удавалось добыть во время поездок. В таких случаях я рассказывал ему все, что я видел и узнавал из разговоров с немцами.

Так, в конце 1940 года я сообщил Юсту, что в Вильно прибыл кавалерийский полк Советской Армии, о чем мне стало известно от одного немца, германского подданного, торговца кухонной утварью. Его фамилию я не знаю.

Другой раз, во время прогулки в лесу около г. Каунас, я встретил советские моточасти на марше и также рассказал об этом Юсту.

Наконец, из разговоров с руководителем немецкой этнической группы в Литве Рейхерт и членом правления этнической группы фон дер Ропп Вендт, я узнал о мероприятиях советского командования по укреплению литовской границы (эвакуация населения из пограничных деревень, создание запретной зоны, увеличение постов, использование сторожевых собак).

Безусловно, об этом я также информировал Юста и посла Цехлин. Какие еще сведения мною были переданы Юсту, я не помню.

Вопрос: Таким образом, с разведчиком Юст вас связывала шпионская работа против Советского Союза?

Ответ: Признаю, что я сотрудничал с разведчиком Юст, передавая ему сведения о Советской Армии, которые узнавал, как уже показал выше, во время поездок по Литве. Хочу, однако, подчеркнуть, что специальных заданий по шпионской работе против Советского Союза Юст передо мной не ставил.

Вопрос: Назовите агентов германской разведки, работавших в Литве по заданию Юста?

Ответ: Германский военный атташе Юст и его сотрудник, ротмистр в отставке Хан Пауль, о котором у меня сложилось мнение как о профессиональном разведчике, имели многочисленных друзей и знакомых среди прибалтийских немцев и литовцев, которых, разумеется, использовали в целях ведения шпионажа против Советского Союза.

К числу этих лиц относятся:

Штегман Карл, немец, по профессии торговец, руководитель местной группы национал-социалистической партии в гор. Каунас. В марте 1941 года выехал в Германию. Приметы: примерно 48 лет, выше среднего роста, стройный, брюнет, лицо овальное, носит очки.

Мартенс Карл, немец, по профессии торговец, в Каунасе находился в качестве представителя германских фирм. В начале 1941 года выехал в Германию. Приметы: около 40 лет, низкого роста, блондин, лицо круглое, большие глаза, узкий длинный нос.

Тильманс, имя не знаю, немец, являлся руководителем фабрики по производству деревянных гвоздей в г. Каунас. Весной 1941 года выехал в Германию. Приметы: 43—45 лет, выше среднего роста, лицо овальное, темно-коричневые волосы, высокий лоб, длинный широкий нос.

Гротхус, имя не знаю, прибалтийский немец, являлся членом учительского совета немецких школ в г. Каунас до начала 1941 года, затем выехал в Германию. Приметы: 55—60 лет, среднего роста, стройный, лицо продолговатое, нос длинный, вид болезненный, в верхней челюсти спереди два больших выступающих зуба.

Тотлебен, имя не знаю, прибалтийский немец, владелец небольшого поместья в дер. Кедани (40 км севернее гор. Каунас). В начале 1941 года вы-

ехал в Германию. Приметы: примерно 70 лет, высокого роста, волосы седые, узкое лицо, нос длинный.

Фон Ропп Вендт, прибалтийский немец, помещик, член правления немецкой этнической группы. В начале 1941 года выехал в Германию. Приметы: 45 лет, среднего роста, волосы темные, лицо овальное, длинный узкий нос.

Рейхерт Оскар, прибалтийский немец, помещик, руководитель немецкой этнической группы в Литве. В начале 1941 года выехал в Германию. После оккупации Литвы германскими войсками в 1941—1942 гг. работал в одном из немецких гражданских учреждений в г. Каунас. Приметы: 55—60 лет, высокого роста, стройный, узкая маленькая голова, волосы темные, узкий, длинный с красноватым оттенком нос, носит пенсне.

Карл Ойстрах, прибалтийский немец, разорившийся помещик, проживал где-то в северо-восточной части Литвы у своей тетки. В начале 1941 года выехал в Германию в г. Коттбус. Приметы: около 60 лет, среднего роста, стройный, седые волосы, лицо продолговатое, длинный острый нос.

Левенштейн, имя не знаю, прибалтийский немец, адвокат, проживал в г. Каунас. В начале 1941 года выехал в Германию. Приметы: примерно 45 лет, среднего роста, стройный, волосы темные.

Фон Рекке Тисс, прибалтийский немец, помещик, проживал где-то в центральной части Литвы. В начале 1941 года выехал в Германию. Приметы: 45—50 лет, низкого роста, худощавый, маленькая голова, темный блондин, большие уши.

Другие связи полковника Юст мне неизвестны.

Протокол допроса записан с моих слов верно, переведен мне на немецкий язык.

АДЕЛЬМАН

Допросил: ст[арший] оперуполномоченный 4 отдела 3 Главного управления МГБ СССР — капитан СОЛОВОВ

ЦА ФСБ России. Р-20801. Л. 58—63. Подлинник. Машинопись. Автограф.

№ 5
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА КОНСУЛА Р. ФОН АДЕЛЬМАНА

5 февраля 1949 г.
Москва

Адельман Рюдигер — 1893 года рождения, уроженец дер. Адельмансфельден, провинция Вюртемберг (Германия), немец, из дворян, с высшим образованием, бывш[ий] кандидат в члены германской фашистской партии с 1938 года.

Допрос начат в 13 час. 30 мин
Допрос оконч[ен] в 18 час. 00 мин.

Вопрос: На прошлом допросе[1] вы показали, что в 1932 году из Греции выехали в Берлин. С какой целью вы совершили эту поездку?

[1] Предыдущий допрос состоялся 29 января 1949 г. Адельман рассказывал о своей деятельности с осени 1927 по 1932 г. Текст протокола допроса не публикуется.

Ответ: Из Греции я был отозван отделом кадров Министерства иностранных дел Германии и оставлен на работе в Восточном отделе МИДа.

Вопрос: Чем занимался этот отдел?

Ответ: Восточный отдел занимался всеми вопросами, имевшими отношение к политическим, экономическим и культурным связям Германии со странами Востока и Севера, осуществляя эту свою деятельность через германские дипломатические миссии в соответствующих странах, а также путем ведения переговоров с иностранными миссиями в Берлине.

Вопрос: Кто был начальником Восточного отдела?

Ответ: Начальником Восточного отдела был министериальный директор Мейер Рихард. Из разговоров с ним мне известно, что он происходит из старинной берлинской еврейской семьи. До первой мировой войны работал в германском посольстве в гор. Бейпин (Китай). С началом военных действий он на торговом пароходе одной из нейтральных стран под видом кочегара с большими приключениями пробрался в Германию и поступил на службу в германскую армию.

После окончания войны Мейер продолжал работать в МИДе, примерно в 1920—1923 гг. являлся советником германского посольства в Италии (Рим), в 1925—1927 гг. посланником в Парагвае, затем возвратился в Германию, и с этого времени безвыездно служил в Министерстве иностранных дел в Берлине, в какой должности — не знаю.

Примерно в 1930 или 1931 году он был назначен начальником Восточного отдела. В 1935 году как еврей вынужден был уйти в отставку, а в 1936 году выехал вместе с семьей сперва в Швецию, а оттуда, примерно в 1939 году, в Америку. Его дядя Спайер-Элисон являлся владельцем банка в Нью-Йорке. Приметы Мейера: 65—66 лет, выше среднего роста, волосы редкие, темно-коричневые, лицо продолговатое. Нос прямой, узкий.

Заместителем начальника Восточного отдела являлся Хей[1], его имя не знаю, немец, имел ранг посла. О нем известно только, что в Министерстве иностранных дел служил еще до первой мировой войны, одно время находился в качестве германского генерального консула в России, а примерно в 1935 году ушел на пенсию по болезни. Приметы: около 75 лет, среднего роста, волосы темные с проседью, голова круглая, нос прямой, толстый.

Вопрос: Какова была структура Восточного отдела?

Ответ: Восточный отдел, упраздненный в 1936 году во время общей реорганизации Министерства иностранных дел, состоял, насколько я помню, из шести рефератов, каждый из которых обслуживал определенные страны. После реорганизации все шесть рефератов вошли в состав Политического отдела и просуществовали до капитуляции Германии в 1945 году. Этими рефератами являлись: 1) реферат «Россия». Кто был его руководителем — я не знаю. Из числа рядовых сотрудников в реферате «Россия» работали:

Шлип, его имя не знаю, в 1937 году был направлен в качестве советника германского посольства в Варшаву. А в 1940—1941 гг. работал сперва начальником канцелярии, затем посланником в Албании. Постоянно проживал с семьей в Берлине по улице Брюккеналее, 31. Приметы: около 62 лет, высокого роста, стройный, волосы седые, лицо продолговатое, нос прямой, длинный.

Типпельскирх, его имя не знаю, немец, в МИДе служил примерно с 1920 года. В реферате «Россия» был легационным советником до 1937 года,

[1] Речь идет о немецком дипломате Зигфриде Хее.

затем работал советником германского посольства в Москве. В 1941 году возвратился в Германию, и чем в дальнейшем занимался, мне не известно. Приметы: около 58 лет, среднего роста, стройный, волосы седые, голова маленькая, лицо овальное, нос прямой.

Бройтигам[I], его имя не знаю, немец, в реферате «Россия» являлся легационным секретарем. Как я слышал, от кого не помню, примерно в 1939 или 1940 году он был назначен германским генеральным консулом в один из городов Советского Союза. Больше о нем не знаю. Приметы: 55—56 лет, среднего роста, стройный, волосы темные с проседью. Лицо продолговатое, нос прямой, длинный.

Штехов[II], его имя не знаю, немец, являлся легационным секретарем в реферате «Россия» с 1933 по 1935 год. Впоследствии он некоторое время работал вице-консулом в Ленинграде, а в период второй мировой войны служил в МИДе в Берлине, в какой должности — мне не известно. Приметы: около 50 лет, среднего роста, стройный, волосы седые, голова продолговатая, лицо овальное, нос прямой, узкий.

2) Реферат «Балтийские страны» (Эстония, Латвия, Литва).

Его руководителем был с 1931 по 1935 год легационный советник Дуквиц[III], имя не знаю, немец. До 1931 года он работал одно время в германском посольстве в Мадриде. В 1935 году из МИДа уволился и работал в промышленности, но в качестве кого — не знаю. Другие данные о нем мне не известны. Приметы: 55—56 лет, низкого роста, стройный, волосы темные, голова узкая, лицо овальное, нос длинный, узкий.

3) Реферат «Польша» (сюда же относились Верхняя Силезия и Данциг).

Руководителем реферата до 1934 года был Нобель, его имя не знаю, немец. С 1934 по 1937 год он являлся советником германского посольства в Токио, затем посланником в гор. Лима (Перу). После разрыва дипломатических отношений с Перу в 1942 году возвратился в Берлин, и что там делал — мне не известно. Приметы: около 58 лет, выше среднего роста, коренастый, волосы темные с проседью, голова круглая, лицо широкое, нос прямой, широкий, щеки отвисшие.

С 1934 года руководителем реферата «Польша» являлся Лирес Фридрих, немец, который в 1938 году ушел в отставку и проживал в м. Пстервитц, что в 20 километрах западнее гор. Бреслау. Занимался сельским хозяйством. Приметы: около 60 лет, среднего роста, стройный, блондин, голова круглая, нос прямой, маленький. Носит очки.

Шварц, его имя не знаю, немец, в этом реферате занимался вопросами немецких этнических групп, имел ранг легационного советника. В 1936 году ушел в отставку, поскольку его жена была еврейкой. Проживал постоянно в Берлине по улице Будапестерштрассе, вблизи Зоологического сада. Приметы: около 58 лет, низкого роста, блондин, голова большая, продолговатая, щеки отвисшие.

Штольцман, его имя не знаю, немец, в реферате «Польша» был легационным секретарем с 1936 года. В 1940 году он работал советником германского посольства в гор. Рига (Латвия). Другие данные о нем мне не известны. Приметы: около 45 лет, низкого роста, стройный, голова продолговатая, волосы темные с проседью, нос длинный, прямой.

[I] Здесь и далее речь идет о немецком дипломате Отто Бройтигаме.
[II] Речь идет о немецком дипломате Йохане Карле фон Штехове.
[III] Вероятно, речь идет о немецком дипломате Альберте Дуквице.

4) Реферат «Север» (Дания, Норвегия, Швеция, Финляндия).

Его руководителем примерно с 1932 года и до капитуляции Германии был Грундгер, имя не знаю, немец. До этого он на протяжении восьми лет работал советником германского посольства в Финляндии. Приметы: около 60 лет, низкого роста, волосы седые, голова маленькая, лицо круглое, нос прямой, толстый, щеки отвисшие.

5) Реферат «Китай» (включая Манчжоу-Го).

6) Реферат «Япония».

Начальником одного из этих рефератов, какого точно, не помню, являлся в 1933—1936 гг. Эрмансдорф, его имя мне неизвестно, немец. Раньше он работал советником германского посольства в Токио, примерно с 1938 по 1941 год занимал должность посла в Будапеште (Венгрия), после чего был отозван в Берлин в Политический отдел МИДа и назначен заместителем этого отдела. Приметы: 60—62 лет, высокого роста, стройный, волосы темно-коричневые, голова продолговатая, лицо овальное, нос длинный, острый. Носил очки.

Другие сотрудники Восточного отдела мне неизвестны.

Вопрос: В каком реферате Восточного отдела вы работали?

Ответ: Я имел ранг легационного секретаря и являлся сотрудником реферата «Польша». В мои обязанности входила обработка и использование материалов, поступавших из германских генеральных консульств в Данциге и Катовицах

Вопрос: Кто был германским генеральным консулом в Данциге и Катовицах?

Ответ: Германским генеральным консулом в Данциге в 1932—1934 гг. являлся немец Радовитц Отто[I], который затем занимал должность посла в Люксембурге и умер примерно в 1936 году. На его место в 1934 году был назначен Терман[II], имя не знаю, немец. В 1937 году из Данцига он был переведен в Буэнос-Айрес, где до 1941 или 1942 года являлся германским посланником. Где он работал в дальнейшем, мне неизвестно. Приметы Термана: около 60 лет, среднего роста, коренастый, волосы седые, лицо овальное, нос прямой, толстый.

Германским генеральным консулом в Катовицах был с 1930 по 1934 год мой дальний родственник Адельман Рабан[III], умерший в 1935 году.

С 1934 года эту должность занимал Нольдеке[IV], его имя не знаю, немец. В сентябре 1939 года, с началом германо-польской войны, был отозван в Берлин, работал в культурно-политическом отделе МИДа. Приметы: 60—65 лет, высокого роста, стройный, голова меленькая, волосы темно-русые с проседью, лицо узкое, нос прямой, длинный.

Вопрос: Какие материалы вы от них получали?

Ответ: Германские консулы регулярно сообщали о политическом и экономическом положении в Верхней Силезии и Данциге, положении немецкого нацменьшинства, разногласиях между ними и поляками.

Вопрос: Как вы использовали эти материалы?

[I] Речь идет о немецком дипломате Отто фон Радовице.

[II] Речь идет о немецком дипломате Вильгельме Эмиле Эдмунде фон Термане.

[III] Речь идет о немецком дипломате Рабане фон Адельмане фон Адельмансфельдене.

[IV] Речь идет о немецком дипломате Вильгельме Нольдеке.

Ответ: Эти материалы я передавал для реализации в заинтересованные отделы МИДа — правовой или экономический отделы, а также составлял по ним отдельные указания и за подписью начальника Восточного отдела или начальника своего реферата направлял в германские генеральные консульства.

Этими указаниями определялась позиция генеральных консульств, которую они должны были занимать в тех или иных спорных вопросах. Так, например, в связи с заявлением протестов польским властям против публиковавшихся в польской прессе антигерманских статей, против различного рода распоряжений, ущемлявших, по нашему мнению, права немецкого нацменьшинства.

В 1932—1933 годах большое место в моей работе занимали подбор и обработка материалов о правовом положении немецкого нацменьшинства в Верхней Силезии. Этот материал германский делегат в Лиге наций Келлер[I], имя не знаю, позднее посол в Анкаре, использовал в своих выступлениях, в которых он пытался свалить всю вину за беспорядки в Верхней Силезии на поляков.

Вопрос: Чем еще вы занимались в Восточном отделе?

Ответ: Других обязанностей я не имел.

Вопрос: С германскими разведывательными органами вы контактировали свою работу?

Ответ: Мне только однажды пришлось бывать по делам службы в германской разведке «Абвер».

Вопрос: Когда это было?

Ответ: Летом 1933 года на полуострове Вестерплятте в Данцигской гавани высадилась команда польских солдат, численность которой выходила за рамки, установленные Данцигским статутом. В связи с этим сенат гор. Данциг направил ноту протеста польским властям и потребовал вывода польских войск с полуострова. В случае несогласия поляков это вопрос подлежал рассмотрению в Лиге Наций.

Желая знать, как отнесутся польские власти к требованию сената, начальник отдела Мейер вызвал меня к себе и поручил договориться с германской разведкой «Абвер» об установке секретного наблюдения за поведением польских войск на полуострове Вестерплятте.

Вопрос: К кому из германских разведчиков направил вас Мейер?

Ответ: По указанию Мейера я посетил тогда здание Генштаба германской армии по улице Бендлерштрассе и был принят одним из офицеров «Абвера». Если я не ошибаюсь, его фамилия была Гузе[II].

Вопрос: Кто такой Гузе?

Ответ: Гузе, его имя я не знаю, являлся капитаном военно-морского флота. В какой должности он работал в германской разведке и чем занимался, мне не известно. В дальнейшем я о нем ничего больше не слышал. Его приметы: 62—64 лет, ниже среднего роста, волосы с проседью, лицо узкое

Вопрос: О чем вы договорились?

Ответ: Как протекал и чем закончился мой разговор с ним, я не помню.

Вопрос: Наблюдение за польскими войсками на полуострове Вестерплатте было установлено?

[I] Речь идет о немецком дипломате Фридрихе Августе Вильгельме фон Келлере.

[II] Возможно, речь идет об офицере флота, впоследствии адмирале Гюнтере Гузе.

Ответ: По этому поводу мне ничего не известно. Я знаю только, что в установленный Данцигским сенатом срок польские войска эвакуировались с полуострова Вестерплатте.

Вопрос: Покажите о других сотрудниках Восточного отдела, имевших связь с «Абвером»?

Ответ: Кто еще из сотрудников Восточного отела поддерживал связь с «Абвером», я не знаю.

Вопрос: До какого времени вы работали в Восточном отделе?

Ответ: В Восточном отделе МИДа я работал до конца февраля 1936 года.

Протокол допроса записан с моих слов верно, переведен мне на немецкий язык.

АДЕЛЬМАН

Допросил: ст[арший] оперуполномоченный 4 отдела 3 Главного управления МГБ СССР — капитан СОЛОВОВ

ЦА ФСБ России. Р-20801. Л. 155—168. Подлинник. Машинопись. Автограф.

№ 6
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА КОНСУЛА Р. ФОН АДЕЛЬМАНА

26 декабря 1950 г.
Москва

Адельман Рюдигер, 1893 г[ода] р[ождения], уроженец дер. Адельмансфельден (провинция Вюртемберг, Германия), немец, германский подданный, кандидат в члены германской фашистской партии, из дворян, граф, бывший германский консул в гор. Плоешти.

Допрос начат в 13 час. 30 мин

Вопрос: На следствии вы показали, что длительный период вашей преступной деятельности протекал в Финляндии. Уточните, когда именно вы находились в Финляндии и с каким заданием?

Ответ: В Финляндии я находился с апреля до октября 1918 года в качестве офицера для поручений при военно-политическом представителе Германии в Финляндии — генерале фон дер Гольц.

Вторично я прибыл в Финляндию в октябре 1937 года и находился там до июля 1939 года в качестве советника германского посольства. Подробно о своей деятельности в Финляндии я показывал на следствии.

Вопрос: Вам должен быть известен Штагель Рейнер, так же, как и вы, причастный в антисоветской деятельности белофинской военщины. Показывайте о нем.

Ответ: Не скрою, Штагеля я знаю. С ним я виделся, правда, только один раз в январе-феврале 1918 года в г. Стокгольме, Штагель имел тогда звание обер-лейтенанта кайзеровской армии. Совместно с другим немецким офицером — Мюллер, Штагель направлялся в распоряжение Маннергейма, возглавлявшего тогда контрреволюционные белофинские банды.

Помню, что в Стокгольме Штагель встречался с представителем политического отдела Генштаба германской армии, известным разведчиком Штейнвакс Гансом, о котором я подробно показал на следствии. Я, Штейнвакс и Штегель, как еще хорошо помню, пили вместе кофе в гостинице «Ройяль», а на следующий день Штагель и Мюллер выехали сухопутным путем через Хапаранду в Северную Финляндию. Позднее я не встречался со Штегелем, хотя мне и приходилось неоднократно слышать о нем от других лиц.

Вопрос: Какое задание получил Штагель от разведчика Штейнвакс?

Ответ: Не знаю. Предполагаю, что Штагель получил определенные инструкции от Штейнвакс, ибо через последнего, в основном, шла переброска в Финляндию 27-го егерского батальона, ставшего впоследствии костяком белофинской армии, а Штагель являлся одним из старших офицеров этого батальона.

Вопрос: Что вам известно о практической контрреволюционной деятельности Штагеля в Финляндии?

Ответ: Мне известно лишь, что Штагель принимал активное участие в боях с финской Красной гвардией, являясь помощником командира 27-го егерского батальона полковника Аусфельд. Конкретных фактов я, однако, за давностью времени не могу припомнить.

Вопрос: Штагель повинен также в зверствах по отношению к военнопленным красногвардейцам. Почему не говорите об этом?

Ответ: Об этом мне ничего неизвестно.

Вопрос: Вы показали выше, что о Штагеле многое слышали от разных лиц. Что именно?

Ответ: В 1944 году я узнал из газет, что Штагель совместно с группой маршала Антонеску арестован и направлен советскими военными властями в Москву. Находясь под следствием, я узнал от своего сокамерника Браун Макса[1], что Штагель участвовал в подавлении Варшавского восстания поляков в 1944 году.

Вопрос: Браун откуда это знает?

Ответ: Не знаю, я его не спрашивал.

Вопрос: С какой целью Штагель прибыл в Румынию в 1944 году?

Ответ: Мне это неизвестно.

Вопрос: Что вы знаете о преступной деятельности Штагеля в период с 1918 по 1944 год?

Ответ: В период с 1918 по 1944 гг. я не имел соприкосновения со Штагелем, и его деятельность в этот период мне неизвестна.

Допрос окончен в 16 час.

Протокол допроса записан с моих слов правильно, мне переведен на немецкий язык.

АДЕЛЬМАН

Допросил: ст[арший] оперуполномоченный Следотдела 2-го Главного управления МГБ СССР майор КОПЕЛЯНСКИЙ

ЦА ФСБ России. Р-20801. Л. 244—248. Заверенная машинописная копия.

---

[1] Речь идет о заместителе германского военного атташе в Бухаресте подполковнике Максе Брауне.

Группенфюрер СА Адольф-Гейнц Беккерле

№ 7
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА ОБЕРГРУППЕНФЮРЕРА СА А. БЕККЕРЛЕ

23 марта 1945 г.
Москва

Вопрос: Какие задачи были поставлены перед вами и кем при назначении вас германским послом в Болгарию?

Ответ: В министерстве иностранных дел, а затем на приеме у Риббентропа меня ознакомили с политической обстановкой в Болгарии. Из этой информации вытекало, что болгарское правительство целиком и полностью стоит на стороне Германии. В мою задачу входило дальнейшее укрепление дружественных связей между Болгарией и Германией[6].

В июне 1941 г. перед отъездом в Софию я был принят Гитлером в присутствии Риббентропа и Геринга. Гитлер спросил меня, проинформирован ли я об обстановке в Софии. Когда я ответил положительно, он сказал, что моя задача как посла в Софии будет несложной, так как с Болгарией обстоит все благополучно.

Вопрос: Как это нужно понимать. Разъясните?

Ответ: Гитлер обратил мое внимание на его дружественные отношения с царем Борисом, с которым он обсуждает все политические вопросы. Он советовал мне оказывать царю всякие услуги и быть с ним тактичным. Смысл инструкции Гитлера сводился к тому, чтобы я настойчиво добивался безоговорочного выполнения всех германских требований, не затрагивая при этом честолюбия царя Бориса, мечтающего стать «царем — собирателем болгарских земель».

Вопрос: Ко времени вашего приезда в Софию (июнь 1941 г.) Германия закончила оккупацию Греции и Югославии, причем Болгария, как известно, оказала агрессивной политике фашистской Германии на Балканах активную поддержку. Не в этом ли Гитлер усматривал «благополучие» на Балканах?

Ответ: Это, конечно, правильно. Согласно Венскому арбитражу (1940 г.)[7] и договора Кремона[8] к Болгарии была присоединена Южная Добруджа, область, принадлежавшая Румынии[9]. Кроме того, в конце 1940 или в начале 1941 года между Болгарией и Германией, при активном участии моего предшественника — германского посла в Болгарии фон Рихтгофена, был заключен тайный договор, по которому к Болгарии были присоединены Македония и Фракия, области, принадлежавшие Югославии и Греции. Взамен этого Болгария согласилась пропустить германские войска через свою территорию для оккупации Югославии и Греции.

О существовании этого тайного договора мне стало известно в конце 1941 г. из беседы с царем Борисом. Затем я получил подтверждение из Министерства иностранных дел на мой запрос, существует ли такой договор, на который ссылался царь Борис в беседе со мной. Наконец, позднее, будучи на приеме у Риббентропа, последний подтвердил мне, что такой договор существует, но о нем известно узкому кругу людей. Царь Борис, ободренный территориальными приобретениями, намеревался после войны присоединить к Болгарии также Солоники. Возможно, что ему были сделаны по этому поводу какие-либо обещания с германской стороны.

Таким образом, к моему приезду в Софию болгарская политика была полностью подчинена германским интересам на Юго-Востоке Европы.

Вопрос: В чем конкретно выразилась военная помощь болгарского правительства агрессии германского фашизма на Балканах?

Ответ: Военная помощь болгарского правительства военно-оперативным замыслам германского командования на Юго-Востоке Европы выразилась в следующем:

Болгария пропустила германские войска через свою территорию. Нужно сказать, что Германия не смогла бы так быстро сломить сопротивление Югославии и Греции, если бы болгарское правительство воспрепятствовало передвижению германских войск через свою территорию.

Более того, во исполнение тайного договора, о котором я упомянул выше, болгарское правительство предоставило свой транспорт и средства связи для переброски германских войск к границам Греции и Югославии.

В местах сосредоточения германских войск на границах Югославии и Греции эти войска получали продовольствие, пользовались болгарскими укреплениями и фортификационными сооружениями, аэродромами, средствами ПВО и т.д.

Болгарское правительство, кроме того, предоставило свои порты (Варна, Бургас) для стоянки германских судов и верфи для ремонта и постройки судов, которые были использованы также для боевых операций на Черном море против Советского Союза.

В 1942 году болгарское правительство направило 3 дивизии своих войск в Сербию и 1—2 дивизии в Грецию, именовавшиеся оккупационным корпусом для подавления партизанского движения и поддержания германского оккупационного режима в этих странах.

Наконец, по секретному экономическому соглашению, которое заключено было с германской стороны уполномоченным германского правительства Клодиусом, болгарское правительство оказало Германии большую экономическую помощь, направленную полностью на удовлетворение военных нужд Германии (зерно, македонская руда, денежное довольствие германских войск в Болгарии и т.д.).

Вопрос: В вашу обязанность как германского посла в Болгарии входил контроль за проведением болгарским правительством всех этих мероприятий, обеспечивающих успех агрессии германского фашизма на Балканах?

Ответ: Да, конечно. Германское правительство было заинтересовано в осуществлении этих мероприятий болгарским правительством, и я, как посол, вместе с моими чиновниками прилагал все усилия к тому, чтобы эти мероприятия проводились со всей полнотой.

Вопрос: За счет жестокого истребления югославского и греческого народов и уничтожения их свободы и независимости?

Ответ: Над этим я не задумывался. Я выполнял приказания моего руководства в Берлине и заботился исключительно об интересах моего государства.

Вопрос: Вы не дали исчерпывающего ответа на вопрос, какие задачи стояли перед вами как германским послом в Болгарии. Изложите более подробно эти задачи?

Ответ: Выше я указал, что в мои обязанности входило укрепление дружественных отношений между Болгарией и Германией. Это я осуществлял путем поддержания германо-болгарских союзов и объединений, личного контакта с царем Борисом и его министрами, а после смерти царя Бориса с регентским советом и болгарскими министрами.

В мои обязанности входила также поддержка различных германских промышленных учреждений и их представителей в Болгарии, деятельность которых была важна и необходима для ведения войны.

Я оказывал также активную помощь германским военным инстанциям в Болгарии в тех случаях, когда они имели затруднения во взаимоотношениях с болгарским военным министерством при выполнении им военных обязательств, о которых я говорил выше.

Я добивался установления контакта с прогерманскими болгарскими организациями («легионеры»[10] — генералы Жеков, Луков; «Ратники»[11] — профессор Кандаржиев[I]; комитет «Антикоминтерна»[12] в Болгарии — инженер Кристев и др.), распространения через эти организации пропагандистского материала, внедрения в болгарскую жизнь германской культуры и искусства в целях распространения национал-социалистической идеологии.

Наконец, моей обязанностью являлось четкое выполнение текущих политических поручений германского правительства, которых, нужно сказать, было очень много и которые касались самых разнообразных сторон внутренней жизни Болгарии.

Вопрос: Назовите наиболее важные из этих поручений и как вы их практически осуществляли?

Ответ: К моему приезду в Софию по требованию германского правительства было закрыто русское консульство в Варне. Министр иностранных дел Болгарии Попов[II] довел об этом до моего сведения, и я сообщил об этом в Берлин.

Вскоре по настоянию представителей германских военных инстанций в Софии перед министром Поповым я поставил вопрос о закрытии русского посольства в Софии и производстве обыска в нем с целью обнаружения компрометирующих материалов.

Болгары не соглашались с этим требованием, и благодаря этому мне неоднократно приходилось возвращаться к упомянутому выше вопросу. Вспоминаю сейчас, что по этому поводу я получил телеграмму от Риббентропа, требовавшую от меня добиться закрытия русского посольства в Софии. Гитлер затрагивал этот вопрос во время приема царя Бориса в своей ставке.

Царь Борис, возвратившись от Гитлера, сообщил мне, что вопрос этот решено оставить пока открытым, но ему предложили усилить наблюдение за сотрудниками русского посольства. По указанию Риббентропа я от министра внутренних дел Габровского получил заверение, что это наблюдение будет усилено, а через руководителя германской военной разведки в Болгарии д-ра Делиуса[III] я проверял, как выполняется это заверение.

Много усилий мне пришлось приложить к воздействию на болгарскую внешнюю политику, когда Советское правительство поставило в 1944 г. вопрос об открытии вновь русских консульств в Варне, Бургасе и Руссе.

Я получил от Риббентропа категорический приказ — воспрепятствовать этому, и имел по этому поводу крупный разговор с премьер-министром Бо-

---

[I] Речь идет о болгарском политическом деятеле-националисте, профессоре Асене Кандаржиеве.

[II] Здесь и далее речь идет об Иване Попове, в 1940—1942 гг. министре иностранных дел Болгарии.

[III] Здесь и далее речь идет о подполковнике германской военной разведки Отто Вагнере, руководителе «АСТ-София».

жиловым, министром Шишмановым[I], Драгановым[II], с регентом Филовым. Консульства открыты не были.

Вопрос: Выше вы указали, что порты Варна и Бургас использовались германскими судами для боевых операций против Советского Союза. Значит, обвинения Советского правительства в нарушении болгарским правительством нейтралитета были вполне обоснованны?

Ответ: Да, эти обвинения были вполне обоснованны. Германские суда из Варны и Бургаса использовались нашим командованием при наступлении на Крым и Севастополь, и в других боевых операциях против Советского Союза. Нейтралитет Болгарии по отношению к Советскому Союзу существовал на бумаге. Однако я настойчиво требовал от болгарских министров в резкой форме ответить Советскому правительству, что эти обвинения — клевета. Я всячески стремился обострить взаимоотношения между Болгарией и Россией и вызвать между ними военное столкновение.

Премьер-министр Божилов неточно выполнил мои инструкции. Он заявил представителю советского посольства, что германские суда, находящиеся в болгарских портах, ведут борьбу против возможного появления английских подводных лодок. Это заявление Божилова — явная ложь.

Позднее я предложил министру Драганову ничего не отвечать Советскому правительству и прекратить обмен нотами по этому вопросу.

Вопрос: Откуда вам известно, что германские суда из Варны и Бургаса вели боевые действия против Советского Союза?

Ответ: Об этом мне рассказал адмирал Фрике[III], командующий морской группой Юга, и сотрудники его штаба. В частности, от них мне также известно, что немецкие гидросамолеты из Варны вылетали для разведки советских районов.

Вопрос: Продолжайте ваши показания. Какие еще поручения германского правительства выполняли вы в Болгарии?

Ответ: Весной 1942 г., согласно телеграфному распоряжению из Берлина, я потребовал от болгарского правительства через министра Попова объявить войну Англии и Америке в соответствии с принятым им обязательством (присоединение к пакту 3-х держав)[13]. Болгарское правительство объявило, что Болгария находится в состоянии войны с Англией и Америкой.

В мае 1943 г. я получил из Берлина приказание организовать в Софии антикоминтерновскую выставку с целью возбудить среди болгар ненависть к Советскому Союзу и его руководителям. После обсуждения этого вопроса с министром внутренних дел Габровским был создан комитет для организации этой выставки. С внешней стороны это было как бы делом болгарского правительства, на самом деле все делали мы — немцы, под моим личным руководством. Выставка функционировала около 6 недель.

В августе 1944 г. по требованию из Берлина я заявил болгарскому правительству в лице регентов Филова, Михова, министра Драганова резкий протест с угрозой применить вооруженную силу против задержания им эшелонов с русскими военнопленными и гражданскими людьми, следовавшими

[I] Речь идет о Димитре Шишманове, занимавшем в 1940—1943 гг. пост генерального секретаря болгарского МИДа.

[II] Здесь и далее речь идет о болгарском военном и государственном деятеле Първане Драганове.

[III] Речь идет о немецком адмирале Курте Фрике.

через Болгарию в Германию. В результате моего вмешательства эшелоны беспрепятственно проследовали по назначению.

По указанию Гиммлера, которое я получил по телеграфу, я совместно с уполномоченным германского правительства по еврейским делам — Даннекер[I] через министра Габровского добился выселения из Македонии и Фракии евреев (14—15 тыс. человек), которые, согласно моему требованию, были отправлены в Польшу. Дальнейшая судьба их мне неизвестна.

Очень много времени и сил я уделил вопросу о вовлечении болгарского правительства в борьбу против партизан как в Македонии, Фракии, так и в Старой Болгарии. В результате моих требований, выдвигаемых либо по моей инициативе, либо по указанию из Берлина, я добился посылки в эти районы оккупационного болгарского корпуса, а освободившиеся за его счет немецкие части были направлены на Восточный фронт. Руководитель германской военной разведки в Болгарии д-р Делиус представлял мне ежемесячные сводки о ходе ликвидации партизан, и я постоянно был в курсе этого дела.

Вопрос: Следовательно, вы принимали участие в руководстве борьбой против партизан в Болгарии?

Ответ: В непосредственную оперативную деятельность германского командования по борьбе с партизанами я не вмешивался. Я на основе получаемых мною сводок о ходе этой борьбы требовал от болгарского правительства усиления мер борьбы против партизан. В этом смысле я, конечно, участвовал в руководстве этой борьбой.

Вопрос: При этом болгарские и немецкие части под видом борьбы с партизанами уничтожали мирное население, истребляли невинных женщин, детей, сжигали села, деревни?

Ответ: Да, это проводилось с целью профилактики, чтобы другие жители не подвергались влиянию партизан.

Вопрос: Продолжайте дальше ваши показания?

Ответ: После смерти царя Бориса я, по приказанию Гитлера и Риббентропа, предпринял попытку провести на пост премьер-министра руководителя национально-либеральной партии Цанкова[II] и сформировать правительство во главе с ним, которое способно было бы еще решительнее проводить прогерманскую политику.

Цанков был известен нам по событиям 1923 г.[14], когда он, будучи премьер-министром, решительно расправился с Крестьянской партией Стамболийского (последний тогда был убит) и жестоко подавил демократическое движение.

Кроме этого, ухудшавшаяся с каждым днем военная обстановка Германии под влиянием поражений на Восточном фронте настоятельно требовала поставить у власти энергичного, с диктаторскими наклонностями человека, который сумел бы силой удержать Болгарию в сотрудничестве с Германией. Таким человеком мог быть Цанков.

Основные разговоры по этому поводу я вел с регентом Филовым, так как генерал Михов не владел немецким языком, а князь Кирилл[III] держался в стороне. Мои настоятельные требования на этот раз были отклонены, одна-

---

[I] Речь идет о сотруднике гестапо гауптштурмфюрере СС Теодоре Даннекере.

[II] Речь идет об Александре Цанкове, лидере партии Национал-социалистическое движение.

[III] Речь идет о брате царя Бориса III — князе Кирилле Саксен-Кобург-Готском.

ко, Филов меня заверил, что намечаемая ими кандидатура Багрянова на пост премьер-министра не уступает по своим качествам Цанкову.

Накануне занятия русскими Бухареста[I] я был вызван в ставку[II]. Гитлер заявил, что он верит в возможность удержать в немецких руках Македонию и Сербию и через них поддерживать связь с немецкими частями в Греции, однако поручил мне еще раз попытаться добиться у регентского совета согласия на сформирование правительства во главе с Цанковым.

Этот приказ оказался нереальным. После моего возвращения в Болгарию произошли события, сделавшие мои переговоры с регентами безуспешными. Русские войска стояли на Дунае, их вторжение на болгарскую территорию являлось вопросом нескольких часов.

Вопрос: Известно, что Цанков выступал по дунайскому радиопередатчику из Берлина как глава болгарского фашистского марионеточного правительства, сформированного немцами. Как это могло случиться?

Ответ: Я к этому отношения не имел. После провала моих попыток сделать его премьер-министром по приказу из Берлина я посадил всю семью Цанкова в машину, доставил в сопровождении сотрудника посольства гауптбанфюрера Брейполь[III] в г. Ниш, оттуда он вместе с моей женой на военном самолете вылетел в Берлин. Там Цанкова сделали премьер-министром. Я в это время вместе с моими сотрудниками был интернирован частями Красной Армии.

Вопрос: Продолжайте ваши показания?

Ответ: Наиболее важные поручения германского правительства, которые я выполнял как посол в Болгарии, я изложил.

Укажу еще два поручения. В 1941 году по желанию Берлина я добился в Болгарии мобилизации рабочей силы для выполнения работы на предприятиях в Германии. По моему требованию было мобилизовано до 40 тыс. болгар, которые были мною направлены в Германию.

После государственного переворота в Италии[IV] я добился от болгарского правительства подтверждения, что оно признает законным правительство Муссолини, и вмешался в деятельность итальянской миссии в Болгарии с целью обеспечения интересов Муссолини (посланник Мамели по моему настоянию был заменен посланником Симен[V]).

Вопрос: Таким образом, вся ваша деятельность в Болгарии была направлена на укрепление позиции германского фашизма в навязанной им демократическим государствам преступной войне?

Ответ: Совершенно правильно. Обеспечить всеми средствами победу германского национал-социализма над демократическими государствами и выиграть войну, которую я рассматривал как жизненно-необходимый шаг со стороны Германии, — в этом я видел свою основную цель на посту германского посла в Болгарии. Этой цели была подчинена вся моя деятельность в Болгарии.

Вопрос: Почему вы умалчиваете о разведывательной работе вашего посольства?

[I] Вероятно, Беккерле имеет в виду народное восстание в Бухаресте 23 августа 1944 г.

[II] О визите в Ставку фюрера в Восточной Пруссии 22 августа 1944 г. А.-Г. Беккерле рассказал на допросе 2 ноября 1950 г.

[III] Речь идет о немецком дипломате Герхарде Брейполе.

[IV] Речь идет о государственном перевороте в Италии 25 июля 1943 г.

[V] Речь идет об итальянском дипломате Карло Симене.

Ответ: Такого рода работой германское посольство в Болгарии не занималось. Эту работу проводил находившийся в Софии орган Абвера, руководимый доктором Делиус и главным уполномоченным СД[15] — Обермайер[I].

Вопрос: Что вам известно о работе этих учреждений?

Ответ: Эти учреждения не были мне подчинены, и об их работе что-либо заслуживающего внимания я сообщить не могу.

Мне известно, например, что действительная фамилия д-ра Делиуса, руководителя германской военной разведки в Болгарии, была Вагнер. Одно время, после провала германского Абвера в Турции, он стал называться д-ром Фрей. Делиус высказывал мне опасения, что в связи с этим провалом он может иметь неприятности по службе.

Вопрос: Какое отношение имел Делиус к провалу германского Абвера в Турции?

Ответ: Как рассказывал мне Делиус, руководитель Абвера в Турции принял на службу сына берлинского адвоката Фермерен, мать которого видная журналистка в Португалии. В это же время по рекомендации Делиуса туда же была принята на службу дочь германского консула в Софии Капп[II], получившая воспитание в Индии. Капп, Фермерен и еще один сотрудник Абвера в Стамбуле перешли на сторону англичан и выдали им всю агентуру Абвера в Турции. Провал Абвера в Турции послужил поводом к смещению адмирала Канариса с должности руководителя германского Абвера при «OKW» и передачи военной разведки в руки Гиммлера. В связи с этим Главным управлением СД на базе Абвера было создано Управление М (военная разведка), руководителем которого являлся Кальтенбруннер.

Вопрос: Что вам еще известно о работе германских разведывательных органов в Болгарии?

Ответ: Главный уполномоченный СД — Обермайер проводил в Софии большую работу. Формально он числился консульским секретарем при атташе полиции Гофман, состоявшем в штате посольства. Гофман также занимался сбором политической информации и тесно сотрудничал с болгарской полицией.

Незадолго до отъезда посольства из Софии, в связи с приближением Красной Армии, Обермайер представил мне одного руководителя СС, фамилию которого я сейчас не помню. Последний заявил, что он является руководителем организации, созданной по личному поручению Гиммлера и поддерживающей тесные связи с правыми националистическими кругами.

Из беседы с этим руководителем СС мне стало известно, что его организация подготавливает объявление независимости Македонии с участием правых националистов. Он сообщил, что на днях к нему прибудет лидер македонских независимцев — Михайлов[III], организатор убийства югославского короля Александра в Марселе в 1924 г.[IV] И действительно, Михайлов прибыл на самолете из Загреба (Хорватия) с женой и другими своими политическими сторонниками и был направлен Обермайером в Скопье. Руководитель СС заявил мне далее, что он передает себя и созданную им организацию, которая состоит из решительных молодых болгарских националистов, в мое распоряжение. Однако воспользоваться услугами этой организации я

[I] Возможно, речь идет о немецком дипломате Франце Обермайере.

[II] Вероятно, речь идет о Неле Капп.

[III] Речь идет о болгарском политическом деятеле Иване (Ванчо) Михайлове.

[IV] Так в документе. Речь идет об убийстве короля Югославии Александра I Карагеоргиевича 9 октября 1934 г. членом ВМРО Владо Черноземским.

не смог, было уже слишком поздно. В Болгарию вступили части Красной Армии.

Вопрос: Какие взаимоотношения были у вас с руководителем германской военной разведки в Болгарии д-ром Делиус?

Ответ: Во время одного из посещений меня Канарисом последний определил мои взаимоотношения с Делиусом. Делиус, согласно указанию Канариса, передавал мне информации политического характера. Из беседы с Делиусом по поводу политической обстановки в Болгарии мне случайно удалось узнать, что независимо от него в Болгарии работает еще инстанция Абвера непосредственно из Вены. Кроме того, Делиус сотрудничает в Софии с одной германской инстанцией, службой перехвата.

Вопрос: Что вы еще можете сообщить о работе германской разведки в Болгарии?

Ответ: Больше мне ничего не известно.

Вопрос: Вы не откровенны. Нам точно известно, что в посольстве существовала разведывательная служба, руководимая так называемым «бюро разведки Риббентропа» (Отдел информации III Министерства иностранных дел Германии). Расскажите, что вам известно об этой службе?

Ответ: О том, что Министерство иностранных дел имеет свою особую разведывательную службу («бюро разведки Риббентропа»), я узнал в начале 1942 г. Ко мне явился сотрудник берлинской кинофабрики «Уфа» — де-Монти, хорват по национальности, и заявил, что он работает в Софии в качестве уполномоченного «бюро разведки Риббентропа». Из Берлина к нему прислана женщина по фамилии Фридрих, которая формально будет числиться студенткой Софийского университета. Де-Монти далее сказал, что все агентурные материалы, полученные им от его доверенных лиц, Фридрих будет зашифровывать специальным кодом и через посольство направлять в Берлин. Де-Монти просил меня дать соответствующие указания посольским работникам.

Тут же де-Монти меня предупредил, что я не должен соприкасаться с этой работой, чтобы не быть скомпрометированным. О содержании добытых им через доверенных людей материалов он будет меня систематически информировать устно. Впоследствии де-Монти не один раз был у меня на приеме.

Вопрос: Получается, что посольство являлось прикрытием для разведывательной службы?

Ответ: Да, получается так. Руководимое мною германское посольство в Болгарии служило прикрытием для германских разведывательных органов. Имевшаяся в посольстве нелегальная радиостанция под руководством радиста Кох обслуживала иногда болгарских представителей Абвера и обеспечивала их связь с берлинскими руководящими органами.

Вопрос: Продолжайте ваши показания по этому вопросу?

Ответ: Де-Монти имел ряд неприятностей во взаимоотношениях с болгарскими властями, так как попутно занимался в Болгарии съемкой кинофильмов. Кроме того, германский Абвер подозревал в нем агента противника. Вскоре его отозвали в Берлин, а Фридрих перевели в Копенгаген.

Вопрос: Кто стал преемником де-Монти?

Ответ: Пока искали преемника для де-Монти, я, по просьбе нач[альника] Отдела информации III МИДа советника Генке, согласился на то, чтобы эту работу выполнял мой личный референт Бирман (арестован вместе со мной). Через несколько месяцев по моему личному ходатайству эта работа

была поручена советнику посольства, руководителю Отдела культуры и пропаганды Гарбен[1].

Вопрос: Что вам известно о работе Гарбен в качестве уполномоченного «бюро разведки Риббентропа»?

Ответ: Поскольку мне известно, Гарбен собирал информацию о политических настроениях в различных кругах болгарской общественности, наблюдал за поведением министров и их окружения и донесения своей агентуры направлял в Берлин.

Из агентуры Гарбен мне известен только представитель одной германской фирмы — Беккер и его жена, которые, со слов Гарбена, имеют связи среди русских людей в Болгарии и проявляют большие успехи в разведывательной работе против России. Гарбен заявил, что если мне нужно будет что-либо установить в отношении русского посольства, это можно сделать через Беккер.

Кроме того, Гарбен был очень тесно связан с болгарскими националистическими кругами.

Протокол переведен мне на немецкий язык. Записано правильно.

БЕККЕРЛЕ

Допрос прерывается.

Допросил: зам[еститель] нач[альника] 2 отдела Гл[авного] Упр[авления] контрразведки «Смерш» подполковник БУРАШНИКОВ

Переводчик: оперуполномоченный 2 отдела ГУКР «Смерш» ст[арший] лейтенант СТЕСНОВА

ЦА ФСБ России. Н-20808. Л. 34—44. Подлинник. Машинопись. Автограф.

№ 8
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА ОБЕРГРУППЕНФЮРЕРА СА А. БЕККЕРЛЕ

3 октября 1947 г.
Москва

Беккерле Адольф-Гейнц, 1902 г[ода] р[ождения], уроженец гор. Франкфурт-на-Майне, немец, с высшим образованием, член фашистской партии с 1928 года, с июня 1941 года германский посол в Болгарии, обергруппенфюрер СА.

Вопрос: Вы показывали на предыдущих допросах о своей деятельности в качестве полицай-президента в гор. Франкфурт-на-Майне. Где вы еще работали в органах германской полиции?

Ответ: С конца сентября по начало ноября 1939 года я являлся полицай-президентом в польском городе Лодзь, который к этому времени был оккупирован германскими войсками. Одновременно за мной сохранялась должность полицай-президента города Франкфурта на Майне.

Вопрос: При каких обстоятельствах вы были назначены на должность полицай-президента в городе Лодзь?

---

[1] Речь идет о немецком дипломате Манфреде Гарбене, с 16 июля 1943 г. по 7 октября 1944 г. референте по культуре германского посольства в Софии (Болгария).

Ответ: В сентябре 1939 года начальник прусской политической полиции — генерал Далюге сообщил приказ Гиммлера о назначении меня в Лодзь. При этом Далюге сказал, что вопрос о моем назначении согласован с руководителем штурмовых отрядов Лютце.

Вопрос: Почему Гиммлер остановился на вашей кандидатуре?

Ответ: Гиммлер высоко ценил мои способности как полицейского руководителя, так как я сумел в кратчайший срок ликвидировать революционные организации во Франкфурте, и за время моей работы там не было случаев выступления против фашистского режима.

Гиммлер неоднократно пытался склонить меня к переходу из СА в СС и обещал большие преимущества по службе, но меня вполне устраивала высокая должность, которую я занимал в СА.

Вопрос: Назначение вас Гиммлером в Лодзь — второй по величине польский город, было, очевидно, повышением по службе?

Ответ: Я рассматривал это назначение как признание моих заслуг перед германским фашизмом, учитывая, что Лодзь была оккупированным городом и установление там «нового порядка» было новой актуальной задачей.

Вопрос: Какие указания вы получили от Гиммлера и Далюге перед выездом в Лодзь?

Ответ: Никаких особых указаний я не получал и на следующий день после разговора с Далюге выехал в Лодзь. В помощь себе я взял из Франкфурта несколько чиновников полиции, в том числе заместителя начальника охранной полиции подполковника Гартман.

Вопрос: Покажите, какие меры вы предпринимали для установления гитлеровского «нового порядка» в Лодзи?

Ответ: Я прибыл в Лодзь два дня спустя после окончания боев, и город был в распоряжении военных властей, так что мои функции как полицай-президента не были еще определены. Я знал, однако, из моей прежней практики, что основой «нового порядка» является полиция, и принялся за организацию полицейских органов в городе.

Военное командование в лице начальника гражданского управления оккупационных войск — Краусхаар предоставило в мое распоряжение 1 батальон резервистов и 1 роту национал-социалистического мото-корпуса (НСКК), что было недостаточно для такого большого города, как Лодзь. Поэтому я поместил в газетах приказание всем бывшим чинам польской полиции явиться для несения службы. Кроме того, я запросил Берлин о командировании в Лодзь чиновников охранной полиции.

Моя просьба была удовлетворена, и в мое распоряжение прибыло 30 сотрудников полиции, которых я распределил по городским районам. Нужно сказать, что моя задача была облегчена помощью со стороны военного командования, которое выделяло патрули, действовавшие совместно с организованной мной полицией.

Повсеместно в городе устраивались облавы с целью выявления и ареста скрывавшихся польских солдат и иных лиц, уклонявшихся от выполнения германских приказов. Необходимо было также решать текущие вопросы организации нормальной жизни германского гарнизона в Лодзи. Идя навстречу пожеланиям командования, я в кратчайший срок организовал два публичных дома — один для солдат и один для офицеров. Были предприняты меры для устройства германских штабов и военных учреждений, которые

расселялись в домах, принадлежавших евреям, а жители этих домов и окружающих зданий выселялись полицией на улицу.

Встал также вопрос о ликвидации польских национальных памятников. Так, в Лодзи имелся памятник «Свободы», совершенно неуместный в условиях германской оккупации, и было принято решение его ликвидировать. Припоминаю, что местный крейслейтер фашистской организации настаивал на взрыве памятника «Свободы», дабы показать полякам уже на первых порах всю мощь и превосходство германской расы. Я же полагал это решение абсурдным, так как, по моему усмотрению, памятник вполне можно было разобрать и использовать как металлический лом для германских военных заводов. Тем не менее, памятник был взорван, причем сильно пострадали окружающие его жилые дома и имелись жертвы среди жителей.

Несколько разобравшись в местных условиях, я вступил в контакт с населением. Прежде всего, по моему распоряжению у населения были отобраны радиоприемники и произведены обыски с целью выявления спрятанного оружия.

Далее я вызвал к себе старейшин еврейских общин в Лодзи и предупредил их о том, чтобы евреи направлялись на работы по расчистке улиц, в противном случае будут применены репрессии.

В связи с тем, что имелись данные о подготовке поляками вооруженного выступления в момент религиозного праздника, я вызвал к себе представителя Лодзинского епископа и пригрозил им, что при малейшей попытке вызвать волнения среди верующих мною будут арестованы епископ и все высшее духовенство города.

Таковы были в основных чертах мероприятия, проведенные мною за первые две-три недели пребывания в городе на посту полицай-президента. Хочу, однако, заметить, что Гиммлер остался мною недоволен и резко критиковал мою деятельность.

Вопрос: Гиммлер инспектировал вас в Лодзи?

Ответ: Да, Гиммлер и Далюге приезжали в Лодзь в первых числах октября 1939 года. Я в эти дни уезжал во Франкфурт и с Гиммлером не виделся, но по приезде обратно в Лодзь имел разговор с Далюге, который выразил мне недовольство Гиммлера.

Вопрос: Чем же был недоволен Гиммлер?

Ответ: Гиммлер был недоволен недостаточной дисциплиной среди организованной мной польской полиции.

Он считал также совершенно недопустимым фактом, что евреи до сего времени не снабжены отличительными знаками, а поляки пользуются при хождении по городу тротуарами, а не мостовыми, как это положено в «новом порядке».

Самое главное, за что меня критиковал Гиммлер, было то, что я еще не организовал в Лодзи показательных казней евреев и польской интеллигенции[1], в то время как эти мероприятия уже проводились в других польских городах

Вопрос: Вы, разумеется, исправили допущенные вами ошибки и выполнили указания Гиммлера?

Ответ: Частично я их выполнил.

Вопрос: Покажите конкретно о своей палаческой работе в Лодзи?

---

[1] Речь идет о так называемой «акции “АБ”», направленной на уничтожение польской интеллигенции.

Ответ: Я распорядился о публичном повешении на городской площади четырех поляков, которые пытались скрыться от ареста их полицией. Эти лица были уже ранее осуждены германским судом[I]. Кроме того, военным командованием было еще расстреляно 25 мирных жителей. Весь процесс повешения поляков был по моему распоряжению сфотографирован, и фотографии вместе с официальным отчетом о казни направлены мною Гиммлеру в Берлин.

Вопрос: Значит, вы казнили четырех польских граждан только лишь за то, что они пытались избежать ареста?

Ответ: Нет, это не так. Я хотел таким образом преподать урок польскому населению, чтобы оно наглядно убедилось в своей участи в случае неповиновения немцам.

Вопрос: Какие еще репрессии вы предприняли по отношению к мирному населению города Лодзь?

Ответ: Больше я ничего не успел сделать, так как в середине октября я обратился к вышестоящим инстанциям с просьбой об освобождении меня с поста полицай-президента в Лодзи. Моя просьба была удовлетворена.

Вопрос: Чем была вызвана ваша просьба от отставке?

Ответ: Я был обижен нападками на меня Гиммлера. Кроме того, в последнее время я был подчинен руководителю СС и полиции безопасности в г. Познань, который был рангом ниже меня. Это обстоятельство я считал для себя унизительным и противоречащим принципу фюрерства.

Протокол допроса записан с моих слов верно и прочитан мне в переводе на немецкий язык.

БЕККЕРЛЕ

Допросил: ст[арший] оперуполномоченный 4 отдела 3 ГУКР МГБ СССР капитан КОПЕЛЯНСКИЙ

ЦА ФСБ России. Н-20808. Л. 60—65. Подлинник. Машинопись. Автограф.

№ 9
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА ОБЕРГРУППЕНФЮРЕРА СА А. БЕККЕРЛЕ

21 января 1950 г.
Москва

Стенограмма[II]

Беккерле Адольф, 1902 года рождения, уроженец гор. Франкфурт-на-Майне (Германия), немец, германский подданный, член фашистской партии, бывший германский посол в Болгарии, СА-обергруппенфюрер.

Допрос начат в 11.15

Вопрос: Следствием установлена ваша тесная связь с руководством болгарской фашистской разведки, полиции и министерства внутренних дел. Признаете это?

[I] Предложение дописано от руки фиолетовыми чернилами. Под текстом надпись: «Вставленному: «Эти лица были уже ранее осуждены германским судом» верить. Беккерле».
[II] Под словом «стенограмма» имеется личная подпись А.-Г. Беккерле.

Ответ: Не отрицаю, что, находясь в качестве германского посла в Болгарии, я поддерживал связь с болгарскими министрами внутренних дел Габровским и сменившем его Станишевым[1].

Из числа руководителей болгарской полиции я был знаком с ее шефом Драголовым и начальником политической полиции Павловым. С представителями болгарской царской разведки личной связи я не имел, но поддерживал с ней контакт через начальника германского разведывательного органа «Абверштелле-София» Делиуса.

Вопрос: Вы были не только знакомы с Павловым, но и сотрудничали с ним. Покажите, при каких обстоятельствах вы установили с ним связь?

Ответ: С Павловым я впервые познакомился в 1942 году, во время ежегодного праздника болгарской полиции, на который был приглашен в числе других представителей стран оси. Очевидно, Павлов видел во мне не только германского посла, но и специалиста по полицейским делам, так как он при этой встрече не преминул завязать со мной разговор о разведывательной работе, хотя и излагал свои мысли крайне осторожно и в общих чертах.

Вопрос: О чем конкретно говорил с вами Павлов?

Ответ: Павлов пожаловался мне на Делиуса, заявив, что он передал последнему несколько агентов для использования против болгарского коммунистического подполья, но Делиус их, якобы, испортил своим неумелым подходом и слишком высокой оплатой.

Я воздержался от вмешательства во взаимоотношения Павлова с Делиусом и предложил Павлову, чтобы он разрешил эти разногласия путем более тесного и делового сотрудничества с германскими разведорганами.

Вопрос: О какой агентуре шла речь?

Ответ: Об этом Павлов не говорил.

Вопрос: Следствие располагает данными, что Павлов информировал вас о провокаторах, внедренных в болгарскую подпольную компартию. Называйте этих предателей?

Ответ: Не скрою, что Павлов сообщал подчиненному мне атташе полиции при германском посольстве Випперу о ходе борьбы с коммунистическими организациями. В частности, я припоминаю, что в 1942 году, как информировал нас Павлов, болгарская полиция вскрыла большой подпольный центр коммунистов, и болгарским правительством был организован закрытый процесс по их делу. Виппер получил тогда от Павлова детальный отчет о ходе расследования и протоколы судебных заседаний, которые после моего ознакомления с ними направил в Берлин, в Главное управление имперской безопасности.

Должен сказать, что министр внутренних дел Габровский тоже мне рассказывал, что ему удалось внедрить в подпольное коммунистическое движение несколько ценных агентов, в результате чего он хорошо осведомлен о планах подпольного руководства компартии и имеет возможность в любой момент ликвидировать выявленные им нелегальные коммунистические центры. Однако прошу следствие поверить, что своих агентов в подпольной коммунистической партии Болгарии ни Габровский, ни Павлов мне не называли, и никаких других материалов от болгарской полиции я не получал.

Вопрос: Не торопитесь с подобными заявлениями. Вам предъявляется обнаруженный в германском посольстве в Болгарии альбом с фотографиями задержанных болгарскими органами безопасности советских разведчиков. Этот альбом принадлежит вам?

---

[1] Речь идет о болгарском государственном деятеле Александре Станишеве.

Ответ: Да, мне.

Вопрос: Как он к вам попал?

Ответ: В октябре 1941 года этот альбом, содержащий материалы о выявленных болгарской полицией русских парашютистах и высаженных на Черноморском побережье разведчиках[16], был передан мне через атташе полиции Виппера дирекцией болгарской полиции.

Вопрос: Почему эти материалы были направлены именно вам?

Ответ: Не считаю нужным скрывать, что сразу же после моего прибытия в Болгарию в 1941 году я настойчиво требовал от болгарского министерства внутренних дел усиления борьбы с подпольным коммунистическим движением, указав, в частности, на необходимость тщательного розыска агентуры советской разведки.

После осуществленного мною нажима болгарские органы безопасности значительно усилили свою карательную и контрразведывательную работу, и руководство болгарской полиции поспешило представить мне первые же доказательства активизации своей деятельности, направив мне альбом с упомянутыми материалами. Насколько я помню, следствием по этому делу было установлено, что указанные лица были переброшены в Болгарию для связи с антифашистским подпольем и организации диверсионной деятельности в фашистском тылу. Об этом я донес в Берлин.

Вопрос: И, одновременно, вы использовали указанные материалы в провокационных целях против Советского Союза?

Ответ: Да. В этом свою вину тоже признаю.

В 1942 году все вещественные доказательства по делу арестованных разведчиков, разумеется, соответствующим образом приукрашенные и раздутые при помощи специалистов-фальсификаторов из болгарской полиции, были использованы на организованной мною и Габровским так называемой антикоминтерновской выставке в Софии. Расчет был на то, чтобы наглядно показать болгарскому народу, что, дескать, советское правительство вмешивается в его судьбу, засылая своих агентов. Эта затея, однако, не имела успеха в народе и так же, как и вся антисоветская выставка, окончилась провалом. Об антисоветской выставке я уже рассказывал подробно на прошлых допросах и дополнить к своим показаниям больше ничего не могу.

Вопрос: Известно, что ваше сотрудничество с Габровским не ограничивалось организацией антисоветской выставки. Габровский, в частности, не мало сообщал вам о своей агентуре и карательных мероприятиях против болгарских антифашистов. Показывайте об этом.

Ответ: Выше я показал о своем разговоре с Габровским, когда последний сообщил мне о наличии провокаторов в подпольном коммунистическом движении. В 1943 году он меня информировал также о том, что его людям удалось захватить и перевербовать одного члена болгарской компартии, который, имея при себе радиопередатчик, якобы, был высажен с борта русской подводной лодки на Черноморском побережье Болгарии, но фамилию этого человека он мне не назвал.

Я заинтересовался этим делом и при последующих встречах с Габровским узнал от него, что завербованный им провокатор уже установил радиосвязь с Москвой и он — Габровский — ожидает положительных результатов от этой комбинации. Позже Габровский стал избегать разговоров со мной на эту тему, и через Делиуса мне стало известно, что затеянная Габровским радиоигра провалилась, так как Москва, очевидно, распознав провокацию, не отвечала.

Вопрос: Делиус вам сообщал фамилию и другие данные об этом человеке?

Ответ: Нет. Об этом я его не спрашивал, так как после сообщения о его провале он потерял для меня всякий интерес.

Вопрос: Покажите теперь о провокационных действиях, которые предпринимались немецкими и болгарскими разведорганами в отношении сотрудников советского представительства в Болгарии?

Ответ: Как информировал меня Габровский, болгарская полиция осуществляла слежку и агентурное наблюдение за советскими представительствами в Болгарии и пыталась состряпать компрометирующие материалы на некоторых советских граждан для того, чтобы путем такой провокации завербовать их. Однако, насколько я осведомлен, эти затеи болгарской полиции провалились.

Делиус мне докладывал, что в 1941 году ему удалось подставить одного своего тайного агента под секретаря советского посольства в Софии. Этим германскими агентом, как говорил Делиус, являлась одна очень опытная в таких делах женщина, другими данными о которой я не располагаю. Не знаю также и фамилии секретаря, но хорошо помню, что Делиусу, благодаря удачно проведенной комбинации, удалось связать этого агента с названным секретарем, и они познакомились. Однако проведению дальнейших мероприятий германской разведки в отношении указанного сотрудника советского посольства помешал неожиданный отзыв его из Болгарии в Советский Союз.

Вопрос: Назовите остальную агентуру германских и болгарских разведывательных и контрразведывательных органов?

Ответ: От германского атташе полиции Виппер мне стало известно, что одним из крупных агентов болгарской политической полиции является солист Софийской оперы болгарин Белев, имени его не знаю.

Виппер сообщал мне, в частности, что, Белев весной 1941 года использовался по личному указанию бывшего премьер-министра Филова для разработки Багрянова, в то время лидера парламентской оппозиции. Болгарская полиция остановилась на кандидатуре Белева потому, что он был в близких приятельских отношениях с Багряновым.

Знаю также от Виппера, что в 1942 году Белев разрабатывал бургомистра г. Софии — Иванова, связь которого с подозрительными по шпионажу артистами возбудила интерес болгарской полиции.

Тот же Виппер подозревал Белева в сотрудничестве с советской разведкой, т.к. были зафиксированы конспиративные встречи последнего с советскими представителями в Софии. Насколько были обоснованы эти подозрения Виппера, не знаю. Лично с Белевым я не знаком. Другие агенты германской и болгарской разведки и контрразведки мне неизвестны.

Вопрос: Выше вы заявили, что с болгарской царской разведкой вы лично не связаны. Так ли это?

Ответ: Я встречался два или три раза с руководителем болгарской царской разведки Себовым, но деловой связи у меня с ним все же не было.

Вопрос: Кто такой Себов?

Ответ: Себов был очень влиятельным человеком в окружении болгарского царя Бориса. Официально он носил скромное звание придворного архитектора, а фактически был советником царя и начальником его личной разведки. Как мне рассказывал германский атташе прессы Берге[1], в начале [19]20-х годов Себов был в Турции, где он играл аналогичную роль в окру-

[1] Речь идет о немецком дипломате Йозефе Берге.

жении Кемаль-Паши. Мне самому лично приходилось наблюдать, что министры и другие придворные боялись Себова и старались при всякой возможности оказывать ему особые знаки внимания.

Характерно также, что когда в конце 1942 года министр Михов выезжал в Берлин на встречу с Гитлером, то царь Борис послал туда с ним под видом адъютанта Себова. При проводах Михова в Берлин последний представил мне Себова. Себов был в форме капитана болгарской армии и, видя мое недоумение, поспешил объяснить, что информацию о положении дел в ставке Гитлера царь Борис пожелал узнать, прежде всего, от него — Себова, поэтому и послал его в Берлин вместе с Миховым. Что же касается ношения военной формы, то Себов пояснил, что ему, как капитану резерва, положено военное обмундирование.

В политическом отношении Себов так же, как и его хозяин — царь Борис, был настроен прогитлеровски и старался при каждом удобном случае об этом высказываться. Знаю также от атташе полиции Виппера, что Себов принадлежал к тайной секте огнепоклонников, имевшей известное распространение в кругах придворной клики. В эту же секту, в частности, входила сестра царя Бориса, принцесса Евдокия.

Признаюсь, что я способствовал установлению связи Себова с представителями германской разведки.

Вопрос: Покажите подробно о шпионской связи Себова с немцами.

Ответ: В 1941 или 1942 году, точно не помню, меня посетил уполномоченный германского министерства иностранных дел Бенцлер[1], который сообщил, что он в сотрудничестве с германским военным командованием и органами Абвер ведет разведку и борьбу против партизанского движения в Югославии. В связи с тем, что, по его данным, югославские партизаны имели контакт с болгарскими партизанами, Бенцлер просил меня устроить ему аудиенцию у царя Бориса в целях достижения более тесного сотрудничества в борьбе с повстанческим движением.

Во время аудиенции царь Борис предложил Бенцлеру за разрешением необходимых вопросов по борьбе с партизанским движением обратиться непосредственно к Себову, сказав, что он может встречаться с последним и впредь, когда это потребуется.

Бенцлер тут же отправился к Себову и имел с ним длительную беседу. О чем они тогда договорились и о[б] их последующих встречах я не осведомлен.

Вопрос: Какую агентуру имел у себя на связи Себов?

Ответ: Со слов Делиуса я знаю, что Себов орудовал только в самых высокопоставленных кругах, вербуя за немалые деньги агентуру из числа крупных болгарских политических деятелей, иностранных дипломатов и прибывших в Болгарию иностранных ученых и писателей.

Делиус говорил мне также, что он пытался одно время выявить связи Себова, но потом от этого отказался из-за боязни навлечь на себя недовольство царя. Более детально по этому вопросу показать не могу.

Вопрос: В начале допроса вы заявили, что сотрудничали также с министром внутренних дел Станишевым, сменившим Габровского. В чем конкретно состояла ваша связь с ним?

Ответ: Станишев, наряду с регентом Филовым и министром иностранных дел Шишмановым, был, пожалуй, наиболее испытанным немецким пособником в Болгарии. Я всячески покровительствовал и содействовал в продвиже-

---

[1] Речь идет о немецком дипломате Феликсе Бенцлере.

нии по службе, и благодаря моему влиянию он стал впоследствии министром внутренних дел в кабинете Багрянова. Станишев, в свою очередь, платил мне за это полной откровенностью, подробно информируя меня о заседаниях Совета министров и всяких кулуарных переговорах при дворе. Одновременно он являлся надежным проводником гитлеровской политики в Болгарии.

Вопрос: Договаривайте до конца, — он был вашим агентом?

Ответ: Да, это, несомненно, самая подходящая характеристика моих взаимоотношений со Станишевым.

Вопрос: Покажите о шпионской работе Станишева на немцев.

Ответ: Сразу же после приезда в Болгарию в 1941 году я установил со Станишевым дружеские взаимоотношения. Он занимал тогда пост председателя так называемого германо-болгарского общества в Софии. Вскоре я убедился, что Станишев действует по прямому заданию германского министерства пропаганды, распространяя гитлеровскую литературу и всячески популяризируя «научные достижения» немцев.

В разговорах со мной Станишев подчеркивал, что второй своей родиной он считает Германию.

Вскоре я стал использовать Станишева как своего агента-информатора, собирая через него сведения о болгарских политических деятелях, министрах и дипломатах. В 1943 году по персональному приглашению германского министерства пропаганды Станишев выезжал в оккупированную немцами Винницу, где принимал участие в организованной в провокационных целях Геббельсом так называемой «комиссии по установлению жертв большевистского террора» и полностью оправдал доверие немцев, приняв активное участие во вражеской провокации против Советского Союза.

В 1944 году, как я уже показывал, благодаря моему влиянию, Станишев получил пост министра внутренних дел в кабинете Багрянова. Мне очень важно было иметь на этом посту своего проверенного агента, т.к. от того же Станишева мне стало впервые известно о намерениях Багрянова переметнуться на сторону англо-американцев и заключить с ними мир.

Действуя по моему заданию, Станишев изо всех сил старался как можно полнее вскрыть политические интриги Багрянова и министра иностранных дел в его кабинете — Драганова. Станишев неоднократно доносил мне, что группа Багрянова вместе с Филовым ищет контакта с англичанами и американцами, и в подтверждение сообщал конкретные факты, в частности, что с этой целью, секретно выезжал в Турцию названный мною выше Себов, где он установил непосредственную связь с английскими и американскими военными и политическими разведчиками.

Последний раз я видел Станишева за две-три недели до вступления в Болгарию советских войск. Станишев был тогда тяжело болен.

Позднее я с ним не встречался, так как Советская Армия перешла болгарскую границу и мне было не до Станишева.

Допрос окончен в 16.30

Протокол допроса записан с моих слов верно, мне переведен на немецкий язык.

БЕККЕРЛЕ

Допросил: Ст[арший] оперуполномоч[енный] Следчасти по Особо важным делам майор КОПЕЛЯНСКИЙ

ЦА ФСБ России. Н-20808. Л. 98—117. Подлинник. Машинопись. Автограф.

№ 10
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА ОБЕРГРУППЕНФЮРЕРА СА А. БЕККЕРЛЕ

30 января 1950 г.
Москва

Стенограмма

Беккерле Адольф, 1902 года рождения, уроженец гор. Франкфурт на Майне (Германия), немец, германский подданный, член фашистской партии, бывший германский посол в Болгарии, СА-обергруппенфюрер.

Допрос начат в 12 часов

Вопрос: Покажите все, что вам известно об организации английского и американского шпионажа в Болгарии?

Ответ: Американский шпионаж в Болгарии возглавлялся американским посланником в Болгарии Эрл[1], который лично подыскивал подходящих ему людей и вербовал их. Надо сказать, что к началу второй мировой войны американский шпионаж в Болгарии не представлял еще значительной силы, отличаясь исключительно грубыми приемами работы, в частности, откровенным подкупом агентуры, и был укомплектован малоопытными разведчиками. Характерен в этом отношении, прежде всего, сам Эрл — пьяница и развратник, проводивший свое свободное время в софийских ночных барах и кабаках. Как для болгарских, так и для немецких контрразведывательных органов не представляло большого труда установить его связи и подставлять ему свою собственную агентуру в целях дезинформации.

Иначе работали англичане. Деятельность английской разведки на Балканах и, в частности, в Болгарии опиралась на старые, испытанные кадры агентуры, причем в числе завербованной английской разведкой агентуры были видные государственные деятели, умело направляющие политику Болгарии в нужном для английского империализма направлении.

Из информации бывшего начальника германского разведоргана в Болгарии Делиуса и подчиненного мне атташе полиции Виппера мне известно, в частности, что английская разведывательная сеть в Болгарии возглавлялась представителем «Интеллидженс Сервис» полковником Смит-Росс, работавшим под прикрытием должности чиновника по выдаче виз в английском посольстве в Софии.

Смит-Росс еще до моего приезда в Болгарию уехал вместе с составом английского посольства и обосновался в Турции, где впоследствии сформировался объединенный англо-американский разведывательный центр на Балканах. Его структура и личный состав мне неизвестны.

Припоминаю, что в беседе с премьер-министром в Болгарии Багряновым в 1944 году последний заявил мне, что он серьезно опасается подрывной работы английской разведки и что попытки болгарской полиции установить и захватить английскую агентуру до сих пор не увенчались успехом.

Более детальными сведениями о руководстве англо-американским шпионажем в Болгарии я не располагаю.

Вопрос: Вам известна агентура англичан и американцев в Болгарии. Показывайте о ней.

---

[1] Речь идет об американском государственном деятеле и дипломате Джордже Говарде Эрле 3-м.

Ответ: Мне известен один американский шпион в Болгарии — аргентинский консул Зауэр, имени его не знаю, в течение ряда лет проживавший в Софии.

По данным агентуры Делиуса, Зауэр был завербован названным выше полковником Смит-Россом. Я пытался выдворить Зауэр из Болгарии, но мне это не удалось, так как, кроме агентурных донесений, другими более вескими документальными данными о его разведывательной деятельности в пользу американцев, которые можно было бы предъявить болгарскому правительству, я и Делиус не располагали.

Об английской агентуре в Болгарии могу показать следующее. Из донесений немецкой разведки и, в частности, Делиуса, мне известно, что вышеупомянутый полковник Смит-Росс завербовал и привлек к разведывательной деятельности в пользу Англии бывшего премьер-министра Болгарии, а в мое время — депутата Народного собрания Мушанова[1] и болгарского патриарха Стефана.

Германский военный атташе полиции Виппер, подтвердив данные, полученные мною от Делиуса, донес, что Мушанов в 1940 году выезжал в Прагу под предлогом лечения. Агентурным наблюдением было установлено, что Мушанов встречался с рядом лиц, подозреваемых в английском шпионаже. Со стороны болгарской контрразведки также имелись подозрения в принадлежности Мушанова к агентуре английских разведывательных органов. Однако все попытки устранить Мушанова терпели провал, так как он пользовался неограниченной поддержкой со стороны царя Бориса и считался его другом, используя, разумеется, это обстоятельство для добывания данных, полезных для английской разведки.

Та же трудность, но еще большей степени, существовала в отношении патриарха Стефана, который в силу своего высокого положения в Болгарской Православной церкви считался неприкосновенным лицом. Немецкой разведкой была установлена близкая связь патриарха Стефана с английской разведкой, с которой он сносился через распространенные в Болгарии масонские ложи и подчиненные ему церковные организации. Патриарх Стефан пользовался всякой возможностью для посещения заграницы, где был зафиксирован ряд его встреч с представителями английской церкви и маскировавшимися под церковников английскими разведчиками. Следует заметить, что в общении с немцами, в частности, со мной, Стефан маскировал свои англофильские настроения, однако, будучи в кругу доверенных людей, открыто утверждал, что Болгария может обрести свое будущее только в связи с Англией. Стефан враждебно настроен в отношении СССР и пуще всего боялся сближения между Болгарией и Советским Союзом. В связи с этим он считал необходимым активно поддерживать немцев в их борьбе против СССР.

Я назвал всех известных мне наиболее важных английских агентов в Болгарии.

Вопрос: Это далеко не так. Допрошенный нами бывший германский посланник в Уругвае Лангман Отто показал, что в беседе с ним летом 1944 года вы ему указали ряд лиц из числа болгарского духовенства, настроенных проанглийски. Почему скрываете?

Ответ: Я уже показал на прошлом допросе о том, что в 1944 году действительно встречался с Лангманом, который приезжал в Болгарию в качестве

[1] Речь идет о Николе Мушанове, бывшем в 1931—1934 гг. премьер-министром Болгарии.

представителя германского министерства иностранных дел и собирал информацию о настроениях болгарского духовенства.

Признаю также, что я тогда назвал ряд лиц из числа болгарского духовенства, придерживавшихся проанглийской ориентации, и в первую очередь указал на патриарха Стефана. Других лиц, которых я тогда назвал ему, сейчас не помню.

Вопрос: Документами, обнаруженными в архивах германского посольства в Болгарии, в связи с англичанами уличаются братья Цоневы. Они вам известны?

Ответ: Да, известны.

Вопрос: Покажите об этих английских разведчиках.

Ответ: Представитель Управления имперской безопасности Германии Больман, о котором я показывал на предыдущих допросах, информировал меня, что управляющий делами германо-болгарской торговой палаты в Софии Цонев Драгоман и его брат — бывший руководитель Болгарского института экспорта — Цонев Любен весьма подозрительны по принадлежности к английскому шпионажу.

Больман, в частности, через свою агентуру, установил, что братья Цоневы находились ранее в близкой связи с названным мною выше полковником Смит-Росс и в кругу близких им людей высказывались против гитлеровской Германии. Братья Цоневы уличены также в темных валютных и иных спекуляциях. Это обстоятельство германская разведка пыталась использовать для их выдворения из Болгарии, так как прямых данных об их связи с англичанами не было. Болгарская контрразведка, однако, взяла Цоневых под защиту, а их прежняя связь с английскими представителями в Болгарии носила, якобы, безобидный характер.

Таким образом, мы были лишены возможности принять против Цоневых репрессивные меры, и германская разведка ограничилась лишь тем, что предупредила о своих подозрениях в отношении Цоневых соответствующие германские представительства в Софии, имевшие отношение к этим лицам.

Вопрос: Больман доносил вам и о других английских агентах. Показывайте о них.

Ответ: Вскоре после моего прибытия в Болгарию в 1941 году Больман сообщил мне о своих подозрениях в отношении одной из богатых женщин в Болгарии — Паница[1], имени ее не знаю, обладавшей состоянием в несколько миллионов лева. Паница, по данным Больмана, была ярой англофилкой. Ее дом в Софии и вилла на курорте в Панчерово были местом, где особенно гостеприимно встречали сотрудников английского посольства. Через мужа своей дочери, известного коммерсанта, его фамилии не помню, Паница поддерживала конспиративную связь с английским разведчиком Смит-Росс, о котором я показывал выше.

Больман сообщал мне, что после отъезда английского посольства из Болгарии в Турцию связь семьи Паница с английской разведкой продолжалась с прежней интенсивностью через торговые каналы. Так как Паница охотно зазывала в свой дом высших германских офицеров и мы подозревали, что это делалось с целью сбора разведывательных данных, германская контрразведка предупредила все учреждения и штабы германской армии в Болгарии об этих своих подозрениях в отношении указанных лиц.

Я неоднократно требовал от Больмана фактов передачи семьей Паница разведывательных сведений англичанам, однако он был в состоянии только

[1] Возможно, речь идет о Лиляне Панице — личном секретаре комиссара А. Белева.

фиксировать встречи Паница с английскими разведчиками, но не более. На основании этих данных я все же не решался ставить перед болгарскими властями вопрос о применении репрессивных мер в отношении Паница, поскольку последняя являлась влиятельной особой, поддерживающей близкие отношения с болгарским царским двором, членами Совета министров и другими высокопоставленными лицами.

Вопрос: Кого вы еще знаете из агентуры англичан и американцев?

Ответ: Должен показать, что Абвер не без оснований подозревал в связи с английской разведкой также бывшего германского авиационного атташе в Болгарии полковника Шенебек[1]. Однажды меня посетил Делиус и сообщил об этих подозрениях в отношении Шенебек. Припоминаю, что, как информировал меня Делиус, немецкая контрразведка считала Шенебек причастным к передаче англичанам секретных сведений о подготовке в 1941 году десанта на о. Крит, во время которого немцы, как известно, понесли тяжелые потери.

Кроме того, будучи ранее командиром авиационной части, Шенебек имел в качестве начальника штаба некоего майора Фукс, также подозрительного по принадлежности к агентуре английской разведки.

Дело в том, что еще задолго до оккупации Чехословакии в органы Абвера поступили сигналы, что в германской армии имеется офицер, являющийся агентом английской разведки. После оккупации Чехословакии в Праге были обнаружены материалы, подтверждавшие наличие такого агента в германской армии, однако, никаких установочных данных на него, кроме фамилии Фукс и звания майор, эти материалы не содержали. В ходе дальнейшего розыска Абвером этого агента под наиболее сильное подозрение попал майор Фукс, служивший у Шенебека, однако, доказать его причастность к английской разведке так и не удалось.

Крайне подозрительна была также связь Шенебека с болгарским инженером Крестевым, имени его не знаю, который по поручению Шенебека проводил для последнего различные темные комбинации на «черном рынке» и, как мне докладывал Делиус, собирал для Шенебека разведывательную информацию. Крестев, так же как и Шенебек, был непомерно богат, причем источники их обогащения были неизвестны. Мне лично Крестев не знаком.

Шенебек, безусловно, был бы сразу арестован немцами, но его боялись трогать, так как он был приятелем Геринга, которому поставлял различные деликатесы из Болгарии. В конце 1943 или в начале 1944 года Шенебек был произведен Герингом в генералы и направлен на Западный фронт, где командовал авиационным подразделением. Его дальнейшая судьба мне неизвестна.

Другими данными об агентуре английской и американской разведок в Болгарии я не располагаю.

Допрос окончен в 17 час.

Протокол допроса записан с моих слов верно, мне переведен на немецкий язык.

БЕККЕРЛЕ

Допросил: Ст[арший] оперуполномоч[енный] Следчасти по Особо важным делам майор КОПЕЛЯНСКИЙ

ЦА ФСБ России. Н-20808. Л. 134—146. Подлинник. Машинопись. Автограф.

[1] Здесь и далее речь идет о генерал-майоре люфтваффе Карле-Августе Шёнебеке.

№ 11
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА ОБЕРГРУППЕНФЮРЕРА СА А. БЕККЕРЛЕ

4 февраля 1950 г.
Москва

Стенограмма[I]

Беккерле Адольф, 1902 года рождения, уроженец гор. Франкфурт-на-Майне (Германия), немец, германский подданный, член фашистской партии, бывший германский посол в Болгарии, СА-обергруппенфюрер.

Допрос начат в 13.30

Вопрос: Следствие располагает данными, что вы были связаны с германской агентурой на Ближнем Востоке, возглавляемой немецким шпионом в Ираке Рашид Али-Гелани. Признаете это?

Ответ: Не отрицаю, что после провала инсценированного германской разведкой фашистского мятежа в Ираке осенью 1941 года я, по заданию германского министерства иностранных дел оказывал содействие группе Рашид-Али-Гелани при ее бегстве в Германию.

Вопрос: Как все это происходило?

Ответ: Осенью 1941 года по заданию германской разведки в Ираке был поднят мятеж[II] с целью установления фашистского правительства под руководством бывшего премьер-министра Ирака — Рашид-Али-Гелани и последующего привлечения в Ирак к войне на стороне гитлеровской Германии. Мятеж был вскоре подавлен, и его руководители бежали в Турцию.

В связи с этим я был уведомлен министерством иностранных дел Германии, что в Болгарию, где я являлся послом, должны прибыть из Турции некоторые члены образованного мятежниками «правительства», и в мою задачу вменялось обеспечение их деньгами и транспортными средствами для дальнейшего следования в Германию.

Припоминаю, что в числе прибывших были жена Рашид-Али-Гелани с детьми, его брат Камил Гелани, занимавший ранее пост иракского посланника в Турции, бывший военный министр Ирака — Наджи Шаукат, министр просвещения Магомет-Гассан-Залман, ближайшие помощники Рашид-Али-Гелани и его сподвижники по мятежу — Неджемидин-Сахра-Варди, Ваджид-Ибрагим-Адгам и другие сопровождавшие их лица. Для их непосредственного обслуживания мною был выделен легационный секретарь германского посольства в Болгарии фон-Массов[III].

Я принял руководителей этой группы, выслушал их личные просьбы, но никаких бесед политического или разведывательного характера с ними не вел, так как не имел на то полномочий. После кратковременного пребывания в Софии вся группа в количестве 29 человек была мною отправлена через Будапешт в Берлин.

В начале 1942 года в Болгарию прибыла вторая группа иракских мятежников, связанная с известным немецким агентом, так называемым «Великим муфтием», являвшимся высшим духовным лицом среди магометанско-

---

[I] Под словом «стенограмма» имеется личная подпись А.-Г. Беккерле.
[II] Речь идет о государственном перевороте, совершенном Р. Аль-Гейлани.
[III] Речь идет о немецком дипломате Детлефе фон Массове.

го населения на Ближнем Востоке. Его имя мне неизвестно. В эту группу входили помощник «Великого муфтия» — шейх Гассан-Абу-Сауд, его племянник — Мусса-Гуссейн и видный арабский националист Васиф-Кемаль. Примерно 14 февраля 1942 года я встретился с Гассан-Абу-Сауд, и последний с моего разрешения послал телеграмму находившемуся в Риме «Великому муфтию», в которой он уведомлял о прибытии своей группы в Болгарию. Через несколько дней группа Гассан-Абу-Сауда была отправлена мною в Германию. Это все, что я могу показать по данному вопросу.

Вопрос: Вам предъявляется немецкий документ № А 556/42 о прибытии в Софию группы Гассан-Абу-Сауда. Кем подписан это документ?

Ответ: Предъявленный документ № А 556/42 подписал я.

Вопрос: В этом документе имеется следующая запись относительно упомянутого вами Мусса-Гуссейна: «Поддерживает связь Великого Муфтия с посланником в Бейруте фон Гентинг[I] и господином фон-Леверкюн[II] в Анкаре». Фон-Леверкюн нам известен как резидент Абвера в Турции, признавайтесь, Мусса-Гуссейн был его агентом?

Ответ: Да, вынужден признать, что Мусса-Гуссейн был связником между «Великим Муфтием» и германской военной разведкой Абвер. О Мусса-Гуссейне мне также известно, что он учился в Лондоне, затем в Германии и был длительное время руководителем так называемого «Арабского бюро», координировавшего действия арабских стран на Ближнем Востоке.

Вопрос: Откуда вы это знаете?

Ответ: Об этом я был заблаговременно ориентирован германским министерством иностранных дел. Кроме того, упомянутый выше секретарь посольства фон-Массов, обслуживающий по моему указанию также группу Гассан-Абу-Сауда, имел беседу с Мусса-Гуссейном, во время которой последний подтвердил, что он поддерживает связь через фон-Леверкюн с руководителем Абвера, от которого получает указания по ведению подрывной работы на Ближнем Востоке.

Другими данными о Мусса-Гуссейне и остальных участниках этой группы немецких агентов я не располагаю.

Вопрос: Вы знаете и других немецких шпионов на Ближнем Востоке, немалое число которых курсировало через Болгарию. Показывайте о них!

Ответ: Я признаю, что в период подготовки фашистского мятежа в Ираке и после его подавления значительное количество агентов германской разведки из числа арабских националистов проезжало через Болгарию.

В их числе были курьеры Великого Муфтия, разведчики из Ирака, Ирана, Сирии и политические эмиссары различных арабских организаций, искавшие контакта с гитлеровской Германией.

Не отрицаю и того, что по моему указанию этим лицам в ряде случаев оказывалась материальная поддержка, а некоторых, в том числе родственника короля Египта, имени его не помню, я принимал в посольстве.

Их фамилий и других характеризующих данных сейчас не помню, так как контакт с этими лицами, в основном, поддерживал военный атташе — генерал Геде, секретарь посольства фон-Массов и начальник германского разведоргана в Болгарии — «Абверштелле-София» — Делиус.

[I] Так в документе, речь идет о немецком дипломате и востоковеде Вернере Отто фон Хентиге.

[II] Речь идет о немецком дипломате и военном разведчике Пауле Леверкюне.

Признаюсь также, что я был знаком с представителем «Абверштелле-Вена» — майором Бертхольд, руководившим подрывной деятельностью германской военной разведки в Ираке, Иране и Сирии.

Вопрос: Что вам известно об этом разведчике?

Ответ: Бертхольд неоднократно посещал меня проездом через Софию в Анкару, где, по его словам, устраивались встречи с ближневосточной агентурой германской разведки. Своих агентов он не называл.

О себе Бертхольд рассказывал, что он уроженец гор. Баден, в прошлом активный член штурмовых отрядов СА. Одновременно с работой в Абвере Бертхольд занимался торговлей и владел торговой фирмой в Вене, имевшей филиал в Будапеште.

Приметы Бертхольд: около 50 лет, выше среднего роста, худощавый, темно-русые волосы, голубые глаза.

Допрос окончен в 17.00

Протокол допроса записан с моих слов правильно, мне переведен на немецкий язык.

БЕККЕРЛЕ

Допросил: Ст[арший] оперуполномоч[енный] Следчасти по Особо важным делам майор КОПЕЛЯНСКИЙ

ЦА ФСБ России. Н-20808. Л. 147—153. Подлинник. Машинопись. Автограф.

№ 12
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА ОБЕРГРУППЕНФЮРЕРА СА А. БЕККЕРЛЕ

2 ноября 1950 г.
Москва

Беккерле Адольф, 1902 года рождения, уроженец гор. Франкфурт-на-Майне (Германия), немец, германский подданный, член фашистской партии, бывший германский посол в Болгарии, СА-обергруппенфюрер.

Допрос начат в 12 часов

Вопрос: Покажите о вашем последнем посещении ставки Гитлера?

Ответ: 23 августа 1944 года я получил известия о государственном перевороте в Румынии и самоубийстве германского посла в Бухаресте — Манфреда фон Киллингер.

Уже накануне я был вызван Риббентропом в ставку Гитлера для личного доклада последнему о положении в Болгарии. Свержение Антонеску сделало это посещение делом чрезвычайной необходимости, так как и в болгарском правительстве были заметны некоторые колебания в сторону выхода Болгарии из войны.

Итак, 23 августа 1944 года я вылетел из Софии в ставку Гитлера в Восточной Пруссии. 24-го августа я прибыл в Берлин, а оттуда специальным поездом выехал в ставку, размещавшуюся в лесу «Мауэрвальд» близ гор. Растенбург.

25 августа я прибыл в м. Штейнрот в том же районе, где в замке графа Лендорф (казненного за участие в заговоре против Гитлера) размещался

Риббентроп[17]. Для личного отдыха мне была отведена комната в гостинице «Егерхэе» на берегу озера Мауэрзее. Вскоре я был принят Риббентропом.

Иоахим фон Риббенроп был, как всегда, внешне спокоен, и только мертвенная бледность выдавала его растерянность, вызванную разгромом германской армии на юге Восточного фронта.

Он рассеянно выслушал мое краткое сообщение о положении в Болгарии. Весь вид его говорил о том, что хороших вестей он от меня не ожидал. Сделав несколько малозначащих замечаний вроде того, что надо предотвратить беспорядочное бегство немцев из Болгарии, ибо это вызовет панику среди пронемецких кругов, Риббентроп вдруг безнадежно махнул рукой и сказал: «Впрочем, решение вопроса о Болгарии находится целиком в компетенции фюрера. Мы все уповаем на его провидение».

Я понял, что положение катастрофично. Тут же Риббентроп связался по телефону со своим представителем при Гитлере — посланником Хевель и через последнего договорился об аудиенции ровно в 11 час. Вечера. Ровно в 11 час. Риббентроп и я приехали в ставку «Вольфшанце».

С большим внутренним волнением я переступил порог вновь отстроенного деревянного барака, где всего лишь месяц назад Штауфенберг произвел покушение на жизнь Гитлера. Это было благоустроенное помещение с большим количеством комнат, приемной, где толпились адъютанты и представители всех родов войск, и большим удлиненным залом, где Гитлер и его военные советники — Кейтель и Иодль — обсуждали положение на фронтах.

Риббентроп прошел в зал, оставив меня в приемной. Примерно через полчаса адъютант пригласил меня в зал. Пройдя в зал, я увидел следующую картину: у стены, спиной ко мне, на стуле сидел Гитлер, устремив взор на висевшую на стене огромную карту России, на почтительном расстоянии от него стояли Кейтель и Иодль, временами отдававшие шепотом указания адъютантам.

За длинным столом, заваленном картами, сидело три офицера Генерального штаба и несколько высших офицеров войск СС во главе с Фегелейн. В стороне, в полном одиночестве, сидел мой шеф — Риббентроп. Я сел рядом с ним.

В течение 8—10 минут Гитлер не обращал никакого внимания на меня. Он громко диктовал распоряжения Кейтелю, иногда обращался с вопросами к сидевшим за столом офицерам, и те давали ему необходимую справку. Меня поразило, что в ставке Гитлера обсуждался вопрос, дать ли тому или иному командующему на Восточном фронте батальон из резерва. Впоследствии я узнал, что без разрешения Гитлера ни один фронтовой генерал не имел права воспользоваться батальоном или полком из числа резервных войск. Признаюсь, что это обстоятельство произвело на меня тяжелое впечатление.

Внезапно вошел один из адъютантов и доложил Гитлеру, что объявлена воздушная тревога. Гитлер предложил тогда присутствующим пройти в бункер.

Мы вышли из деревянного барака, примерно 20 шагов прошли по тропе, укрытой сверху маскировочными сетями, и вошли в бункер, казавшийся снаружи каким-то огромным нагромождением яйцевидной формы. Внутри было ярко освещенное круглое помещение с письменным столом и креслом для Гитлера и несколькими небольшими круглыми столами и простыми стульями для остальных.

Гитлер обернулся к Риббентропу с вопросом, что он хочет доложить. Риббентроп представил меня и сказал, что посол Беккерле лично доложит о положении в Болгарии. Тут я впервые мог как следует рассмотреть Гитлера.

Он сидел сгорбившись, опираясь дрожащими руками на колени и уставившись совершенно неподвижным взором мимо меня в пространство.

Я успел сказать лишь несколько предложений и только начал переходить к существу доклада, как Гитлер меня перебил, обратившись к адъютанту: «Принесите письмо, которое прислали болгарские регенты. Посол Беккерле отвезет им ответ».

По выражению лица Риббентропа я понял, что последний впервые услышал о существовании такого письма. Адъютант вернулся с письмом, и Гитлер приказал Риббентропу прочитать его вслух.

Содержание письма, подписанного регентами князем Кириллом, Филовым и Миховым, было следующего характера. Регенты заверяли Гитлера в своих верноподданических чувствах, но вместе с тем отмечалось, что Болгария более не в состоянии нести тягот войны. Регенты просили разрешения Гитлера на выход Болгарии из войны и указывали на то, что эта мера даст им возможность расправиться с недовольными элементами в самой стране и тем самым «оздоровить Болгарию».

Сразу же после прочтения письма Гитлер продиктовал стенографу ответ.

Ответ был полон обычных для фюрера демагогических заявлений о мощи третьего рейха, который будет сражаться до полной победы. Вместе с тем Гитлер запугивал регентов, что они отдают себя и своих приспешников в руки русских большевиков.

Стенограф вышел, и Гитлер обратился ко мне. Повысив свой неприятно дребезжавший голос, он потребовал от меня осуществить нажим на регентов, а если это не поможет, совершить мятеж и установить военную диктатуру.

Тут же он дал указание Фегелейну перебросить в район гор. Скопле дивизию войск СС. Затем он подписал принесенное адъютантом письмо и вручил его мне.

Две-три минуты прошли в молчании. Затем, также глядя тяжелым неподвижным взглядом выкаченных глаз, Гитлер начал говорить монотонным голосом. Он говорил без остановки более двух часов. Это был бессвязный монолог, во время которого Гитлер то жаловался на то, что от него генералы скрывают правду, то угрожал всем недовольным расправой.

Временами он кликушески начинал кричать о будущей победе, вдруг, принижая голос, говорил, что у него есть самолеты-ракеты, при помощи которых он уничтожит противника. Этот двухчасовой бред внезапно перемежался длинными цифровыми выкладками оснащения дивизий, запасов горючего и т.д.

Покачивался на стуле Иодль; Кейтель сидел неподвижно и лишь часто мигал покрасневшими веками, а Гитлер все говорил.

В половине третьего ночи Гитлер, очевидно, заметил, что внимание собравшихся заметно упало. Он внезапно оборвал свою речь, встал и, взяв перчатки и фуражку, дал понять, что прием окончен.

Все присутствовавшие встали.

Гитлер молча пожал мне руку, еще мгновение посмотрел на меня в упор и, не говоря ни слова, вышел из бункера.

Вслед за ним вышли Риббентроп и я. Риббентроп пригласил меня в свою машину, и мы поехали в его резиденцию.

Это была моя последняя встреча с Гитлером.

Вопрос: Какие указания вы получили от Риббентропа?

Ответ: Когда мы вышли из машины во дворе замка, Риббентроп, не пригласив меня войти, тут же у машины заявил: «Итак, сейчас самое главное — чтобы вы немедленно вылетели в Софию. Указания вам даны фюрером».

Я возразил, что, собственно, конкретных указаний я не получил. — «Как не получили?» — продолжал недовольным тоном Риббентроп, — если не сумеете повлиять на регентов, организуйте путч и посадите в качестве диктатора Цанкова. Этот не подведет.

Затем Риббентроп спросил, достаточно ли у меня боевых сил для проведения мятежа. Я ответил, что такими силами не располагаю. Тогда Риббентроп посоветовал мне маневрировать, накоплять силы и, главное, не терять контроля над правительством, как это имело место, по его словам, в Румынии.

Из заключительных слов Риббентропа я понял, что окончательные указания еще последуют.

Риббентроп еще добавил, что мне надлежит поддерживать тесный контакт с германским командованием на Балканах и что последнее слово, в конечном счете, останется за военными, которые лучше определят срок и план мятежа.

Допрос окончен в 18 часов.

Протокол допроса записан с моих слов правильно, мне переведен на немецкий язык.

БЕККЕРЛЕ

Допросил: Ст[арший] оперуполномоченный Следотдела 2 Гл[авного] Упр[авления] МГБ СССР майор КОПЕЛЯНСКИЙ

Верно: КОПЕЛЯНСКИЙ

ЦА ФСБ России. Н-20808. Л. 167—175. Заверенная машинописная копия.

№ 13
ПОЗДРАВИТЕЛЬНОЕ ПИСЬМО ОБЕРГРУППЕНФЮРЕРА СА А. БЕККЕРЛЕ ОБЕРГРУППЕНФЮРЕРУ СС И ГЕНЕРАЛУ ПОЛИЦИИ Р. ГЕЙДРИХУ[1]

3 марта 1942 г.
София

Перевод с немецкого

Дорогой товарищ Гейдрих!

Впервые разрешаю себе отсюда послать Вам сердечные поздравления в день Вашего рождения.

Выражаю надежду, что и впредь Вы будете здоровы и сможете в будущем также успешно выполнять поставленные перед Вами большие задачи.

Одновременно рад Вам сообщить о благоприятной и хорошо организованной работе с Вашими уполномоченными.

С наилучшими приветами и пожеланиями.

Хейль Гитлер!

Подписал: *БЕККЕРЛЕ.*

Перевела: Переводчик Следотдела 2 Гл[авного] Упр[авления] МГБ СССР ст[арший] лейтенант ТЕВКИНА

ЦА ФСБ России. Н-20808. Л. 366. Подлинник. Машинопись. Автограф. Подлинник письма на немецком языке — л.д. 367.

[1] На документе надпись Беккерле на немецком языке и перевод на русский: «Этот документ принадлежит мне и находился в помещении германской миссии в Софии. 14 августа 1951 года. Беккерле».

№ 14
ПИСЬМО ОБЕРГРУППЕНФЮРЕРА СС И ГЕНЕРАЛА ПОЛИЦИИ Р. ГЕЙДРИХА ОБЕРГРУППЕНФЮРЕРУ СА А. БЕККЕРЛЕ[I]

17 марта 1942 г.
Берлин

Перевод с немецкого

Рейнгард Гейдрих — Берлин, 17 марта 1942 года
СС-обергруппенфюрер и генерал полиции — ул.

Дорогой товарищ Беккерле!

Сердечно благодарю за Ваши поздравления.

Я был очень рад получить их, очень рад, что вы смогли на Вашем участке хорошо организовать совместную работу с моими людьми.

Хейль Гитлер!

Ваш ГЕЙДРИХ

Перевела: Переводчик Следотдела 2 Гл[авного] Упр[авления] МГБ СССР ст[арший] лейтенант ТЕВКИНА

ЦА ФСБ России. Н-20808. Л. 368. Подлинник. Машинопись. Автограф. Подлинник письма на немецком языке — л.д. 369.

№ 15
ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА «АНТИГЕРМАНСКАЯ ПРОПАГАНДА В БОЛГАРИИ»[II]

[Не ранее августа 1941 г. Б/м]

Перевод с немецкого

Содержание:

АНТИГЕРМАНСКАЯ ПРОПАГАНДА В БОЛГАРИИ [DEUTSCHFEINDLICHE PROPAGANDA IN BULGARIEN]

В Болгарии существует Чехословацко-болгарское акционерное общество сахарной промышленности. Фабрика этого акционерного общества находится в Горна-Ореховица, район Тирноко, Северная Болгария. Эта сахарная фабрика принадлежит Пражскому кредитному банку [Prager Kredit-Bank] — Централь Праг [Zentrale Prag]. Руководителем этой фабрики в течение нескольких лет являются директора д-р Тутчек [Tucheck] и Иосиф Опратко [Josef Opratko], далее I-й прокурист Цика [Zicka], II-й прокурист Поллаттчек [Pollatschek] и шеф-инженер Заватский [Zavatzcki], последний является польским подданным.

Директора Тутчек и Опратко, так же, как и Цика, якобы, являются членами организации «Богемская оборона» [Böhmischen Abwehr], центр которой расположен в Англии. Финансируется и управляется эта организация на Балканах Пражским Кредитным Банком.

[I] На документе надпись Беккерле на немецком языке и перевод на русский: «Этот документ принадлежит мне и находился в помещении германской миссии в Софии. 14 августа 1951 года. Беккерле».

[II] На документе надпись на немецком языке и перевод на русский: «Этот документ мне знаком, он принадлежит мне и находился в помещении германской миссии в Софии. 20 августа 1951 года. Беккерле».

На сахарной фабрике в Горна имеется также еще учительница фрейлейн Миллерова [Millerova]. Она была секретарем при бывшем чешском посланнике в Болгарии — большом враге Германии Прокоп Максе [Prokop Maxa], который в настоящее время проживает в Лондоне.

В филиале Пражского Кредитного Банка в Софии находятся директора Варечка [Waretschka] и Воитич Кубка [Woitich Kubka]. Оба директора известны как ярые враги Германии и вместе со своими людьми из сахарной фабрики в Горне ведут враждебную Германии пропаганду.

Их полем деятельности являются, прежде всего, крестьяне, занимающиеся разведением свеклы. Их аргументами является пропаганда того, что Германия проиграет войну, если же, вопреки ожиданиям, наступит победа варваров, крестьяне превратятся в рабов Германии, как сейчас чехи. Спасителями Болгарии являются, якобы, только англичане и русские, но ни в коем случае не немцы, которые ими характеризуются как разбойники и преступники.

Все эти господа в Болгарии очень богаты, некоторые из них являются членами «Ротари-Клуба» [Rotari-Klub-Organisation], некоторые являются членами масонских организаций. Сахарная фабрика одновременно является организацией «Ротари-Клуба» в Горна.

В Пражском центре Пражского Кредитного Банка то же самое, сидит ярый подстрекатель против Германии, директор Томек [Tomeck], женат на еврейке, и его ставленник, директор Вацлав Ваниек [Watzlaff Wanieck], очень близкий друг господина Бенеш. Оба эти господина являются руководителями «Богемской обороны» на Балканах и отвечают за ее деятельность. Кроме того, они также работают в Югославии, где также имеется филиал банка, а также две сахарные фабрики, принадлежащие этому же концерну.

Директор Ваниек является заместителем вице-президента Пражского Национального Банка, который тоже является масоном и членом «Ротари-Клуба». В Болгарии к работе этих людей относятся с большим недоверием и выражают желание, чтобы все эти люди убрались из Болгарии. В болгарских учреждениях в настоящий момент против этого ничего не может быть предпринято, т.к. подданные протектората за границей рассматриваются как немцы.

В настоящее время в Праге находится некий господин Кюнцель Изерский [Künzel Izersky], который во время первой мировой войны являлся военным атташе австро-венгерской армии в Софии.

После окончания мировой войны чешское правительство, учитывая его враждебную по отношению к Германии деятельность, направило его послом в Бухарест, затем в Берн и в Вену. В настоящее время он работает в Пражском Кредитном Банке в Праге. Как торговый советник он был на Балканах и в этом году был два раза в Болгарии, и с директором Томек в Югославии. Он является ярым врагом Германии, связан с «Богемской обороной» и Бенешом в Лондоне.

В настоящее время в Софии находится бывший чешский военный атташе полковник Боландер [oberst Bolander]. После присоединения протектората, он снова приехал в Болгарию, но не в качестве военного атташе, а как представитель большой фирмы «Брейтфельд Дамек» [Breitfeld & Dameck].

Полковник Боландер в то время, когда послом был Прокоп Макс, являлся военным атташе в Софии и теперь, несомненно, имеет задание от Пражского Кредитного Банка — снова работать в пользу «Богемской обороны».

Это было бы в интересах Германии, а также желательно со стороны Болгарии, чтобы эти злополучные люди убрались из Болгарии и были заменены

немцами. В Болгарии с удивлением спрашивают, кто составил протекцию для этих людей, кто позволил им занять такие посты.

Перевела: Переводчица Следственного отд[ела] 2 Гл[авного] Упр[авления] МГБ СССР ст[арший] лейтенант ТЕВКИНА

ЦА ФСБ России. Н-20808. Л. 372—374. Подлинник. Машинопись. Автограф. Машинописная копия на немецком языке — л.д. 375—376.

Легационный советник Вильгельм Биссе

№ 16
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА В. БИССЕ

17 августа 1945 г.
Берлин

Вопрос: Когда вы вступили в НСДАП?

Ответ: В НСДАП я вступил в 1931 году в гор. Гамбурге, в тот период я занимался коммерческими делами, содержал колониальную контору.

Вопрос: В чем выражалась ваша партийная работа как члена НСДАП?

Ответ: До 1933 года я никакой партийной работы не проводил, платил только членские взносы. С 1933 года я начал вести активную партийную деятельность, работал в гауляйтунге по руководству зарубежными организациями НСДАП. Я являлся заместителем начальника отдела по хозяйству Зарубежных организаций НСДАП, имея партийное звание амтсляйтер.

Вопрос: Какая проводилась работа заграницей по линии НСДАП и ваша роль как заместителя начальника отдела по хозяйству Зарубежных организаций НСДАП?

Ответ: Вследствие того, что почти во всех странах мира проживают лица немецкого происхождения и подданства Германии, поэтому среди них в основном и проводилась деятельность НСДАП. Эта работа сводилась к тому, чтобы вовлечь всех немцев, проживающих за границей, в НСДАП. Среди немцев также проводилась пропаганда, чтобы они были верны своему немецкому правительству и не входили бы ни в какие сношения с деятельностью государства, в котором проживают.

Я работал заместителем начальника отдела по хозяйству Зарубежных организаций НСДАП, осуществлявшим переписку с руководителями зарубежных организаций, с так называемыми ляндгруппенляйтерами, как по вышеуказанным вопросам, а также и по хозяйственным.

Вопрос: Назовите руководителей Зарубежных организаций НСДАП и какая была численность возглавляемых ими организаций?

Ответ: В период моей работы в гауляйтунге по руководству Зарубежными организациями НСДАП до 1938 года в ряде стран возглавляли организации НСДАП следующие лица, ляндгруппенляйтеры, причем некоторые эту работу проводили до последних дней.

В Англии: ляндгруппенляйтером был до 1938 года Пене, впоследствии он был переведен в Министерство иностранных дел, и вместо него стал Карлёве. Партийная организация насчитывала до 2-х тысяч человек — членов [НСДАП].

В Голландии: организацией руководил Буддинг. Насчитывала организация 3—4 тысячи членов НСДАП.

В Дании: руководителем был Гаупт, после него до окончания войны являлся ляндгруппенляйтером Дольдов. В организации было около 2-х тысяч человек.

В Швеции: руководил организацией Пеккер, после его сменил Госман, в организации было 800—1000 человек — членов НСДАП.

В Норвегии: руководил НСДАП — Шпанхауз, в организации состояло до 300 человек.

В Италии: руководителем был доктор Эрлих, в организацию входило 3—4 тысячи человек.

В Испании: руководителем НСДАП являлся Томсон, состояла организация из 300—400 человек.

В Португалии: руководил доктор Люббе, в организации было 250 человек.

В Словакии: руководил Еспе, в НСДАП состояло до 1500 человек.

В Румынии: руководителем НСДАП был Кольхамер, организация насчитывала до 1500 человек.

В Болгарии: организация насчитывала до 600 человек, фамилию руководителя не помню.

В Югославии: руководил организацией НСДАП — Нойхауз, в организации было до 300 человек.

В Польше: руководителем был Крюммер, в организации было до 2000 человек.

В Японии: руководил организацией Шпан, в которой состояло до 3 тысяч членов НСДАП.

В Южной Америке: руководил организацией профессор Боле, последователем его во время войны стал Штиллер.

В Юго-Западной Африке: руководил — Нойедирер, в организации состояло до 200 человек.

В Западной Африке: руководил организацией НСДАП — Люппе, которая состояла из 300 человек.

В Восточной Африке: руководил организацией Трост, насчитывала организация до 500 человек.

В Чили: организация насчитывала до 150 человек, руководителем ее являлся Гюбнер.

В Аргентине организация насчитывала 4—5 тысяч членов НСДАП, руководителем ее был Кен.

В Бразилии: руководил организацией НСДАП фон Коссель, которая насчитывала 3—4 тысяч человек.

В Гватемале: руководил организацией Хеншке, в которой состояло до 200—300 членов.

В Канаде: организация насчитывала до 500 человек, фамилию руководителя организации не помню.

В Швейцарии: руководителем организации НСДАП являлся до 1945 г. Шпатель, которая насчитывала до 3-х тысяч человек.

В Греции: руководил Вреде, в организации было до 100 человек.

В Финляндии была ортсгруппа в числе 200 человек, фамилию руководителя организации НСДАП не помню.

Все руководители Зарубежных организаций НСДАП проживали в столичных городах тех государств, в которых они находились.

Вопрос: Кто работал в гауляйтунге по руководству Зарубежными организациями НСДАП кроме вас?

Ответ: Гауляйтером являлся Боле Эрнст, его заместителем по политической части были Рубек Бернгард и Гесс Альфред — родной брат министра Гесса Рудольфа, все эти лица до 1938 года в период моей работы с ними и после моего ухода из гауляйтунга проживали в городе Гамбурге.

Вопрос: С какого времени вы являлись членом Рейхстага?

Ответ: Членом Рейхстага я являюсь с 1933 года.

Вопрос: Членом Рейхстага вы были избраны как активный деятель НСДАП?

Ответ: Нет, в период моего избрания в члены Рейхстага я никакой активной работы в НСДАП не проводил. Выборы меня в Рейхстаг произошли при следующих обстоятельствах. Проживая в Гамбурге, я вел коммерческую деятельность, был связан с зарубежными фирмами и был знаком с гайляйтером Боле Эрнст, который тогда руководил Зарубежными организациями НСДАП.

В 1933 году Боле мне сообщил, что он получил несколько мандатов в члены Рейхстага и предложил мне дать согласие быть членом Рейхстага, я согласился. После чего выборов никаких не было, а в ноябре 1933 года в газетах были объявлены фамилии избранных членов Рейхстага, в число которых вошел и я.

Вопрос: Расскажите о своей деятельности как члена Рейхстага?

Ответ: Как член Рейхстага я никакой деятельности не вел, если не считать несколько заседаний Рейхстага, на которых я присутствовал, причем все вопросы, разрешаемые на заседаниях Рейхстага, заранее были подготовлены, и нам, членам Рейхстага, только о них сообщали в порядке продолжительных докладов.

Вопрос: В Министерство иностранных дел вы были назначены как член Рейхстага?

Ответ: Нет, в Министерстве иностранных дел я предложил свое желание работать добровольно, а не как член Рейхстага.

Вопрос: Что входило в ваши обязанности как работника Министерства иностранных дел?

Ответ: В Министерстве иностранных дел я руководил рефератом по хозяйственным делам, в моем подчинении находилось 3 человека — один советник посольства II класса, торговый атташе и консул. Я имел звание советник посольства.

В обязанности реферата, которым я руководил, входило: осуществление контроля за торговыми договорами, заключенными Германией с заграничными странами, и их выполнением; устанавливались морские маршруты для перевозок всевозможных грузов из заграницы в Германию, причем эту работу проводили с заинтересованными министерствами; имели сношение с Международным обществом Красного Креста по вопросам снабжения продуктами питания и одеждой военнопленных англо-американских армий, которое находилось в Женеве. Сюда также входило осуществление переговоров с нейтральными странами, в частности, со Швецией, о предоставлении судов для перевозки грузов для военнопленных.

Кроме этого, по заданию министерства я выезжал за границу в Швецию и Швейцарию по вопросам налаживания морских перевозок для Германии, которые проводились через Швецию.

Работа нашего реферата сводилась к непосредственной связи с торговыми делегациями Германии, находящимися в различных странах мира, с которыми Германия имела соответствующие договора.

Вопрос: Перечислите всех лиц, являвшихся представителями торговых делегаций Германии в зарубежных странах?

Ответ: В странах — Турция, Румыния, Италия и Чехословакия был представитель Министерства иностранных дел — Клодиус, который возглавлял торговые делегации в этих странах.

В Болгарии торговую делегацию возглавлял представитель Министерства хозяйственных дел доктор Ляндвер, лет 50, имевший звание «министериаль диригент», в настоящее время он проживает в Берлине, работает в бургомистриате.

В Сербии возглавлял торговую делегацию представитель Министерства путей сообщения — Берзиман, имевший звание «министериаль диригента».

В Греции был представитель [Министерства] иностранных дел — Морат.

В Хорватии и Албании возглавлял делегацию советник посольства [представитель] Министерства иностранных дел — Худешек[I].

В Словакии представителем торговой делегации являлся Шульце-Шлютдаус — служащий Министерства по хозяйственным делам.

В Дании, Норвегии, Швеции и Финляндии и в Прибалтийских странах торговую делегацию возглавлял «министериаль диригент» Вальтер, представитель Министерства по снабжению и хозяйству.

В Швейцарии был представитель Министерства иностранных дел Шное, который до 1941 года являлся представителем в Советском Союзе.

Во Франции возглавлял делегацию посланник Геммель, представитель Министерства иностранных дел.

В Испании и Португалии до 1945 года представителем являлся Айзенар, посланник Министерства иностранных дел.

В Бельгии был советник посольства Забат[II], представитель Министерства иностранных дел.

Вопрос: Вам как сотруднику Министерства иностранных дел известно о тайных договорах, заключенных Германией с другими странами?

Ответ: Да, мне об этом известно. Германия имела тайные договора с государствами, объявившими себя нейтральными во время войны Германии с Советским Союзом. Такие договора имелись со следующими государствами.

Со Швейцарией был заключен договор, примерно в 1940 году и через каждые полгода возобновлялся, этот договор действовал до последнего времени. По договору Швейцария обязалась пропускать по своей территории германские войска на территорию Италии. Кроме этого, обязывались поставлять для Германии оборудование и точные измерительные приборы, подшипники для военной промышленности Германии. Взамен Германия выплачивала — уголь, железно и сталь. Эти поставки, как мне известно, продолжались до ноября 1944 г. Германия только одного угля вывозила в Швейцарию в месяц до 60 тысяч тонн. Кроме этого Германия снабжала Швейцарию оружием, в основном зенитными орудиями. Договор, заключенный Германией с Швейцарией, лично не читал, о содержании его мне стало известно от авторитетных работников Министерства иностранных дел.

С Португалией Германия заключила тайный договор в начале войны с Советским Союзом. Португалия по договору обязалась поставлять в Германию вольфрам в количестве 1500 тонн в год, эти поставки она выполняла. По этому же договору снабжала Германию пищевыми продуктами, и было

[I] Речь идет о немецком дипломате Карле Худешеке.

[II] Речь идет о немецком дипломате Германе Фридрихе Сабате.

вывезено из Португалии до одного миллиона ящиков рыбных консервов (сардины). Взамен этого Германия снабжала Португалию зенитными орудиями. Кроме этого Германия гарантировала Португалии, что привозимое из США в Португалию на шведских кораблях горючее, — бензин и масла, — не будет торпедироваться военными кораблями Германии. Это обязательство Германия выполняла.

Со Швецией имелся тайный договор с Германией, по которому Швеция обязывалась пропускать по своей территории германские войска, следовавшие в Норвегию и Финляндию, что и проводилось во время войны. За это Германия выплачивала Швеции зенитными орудиями и поставками угля, которого было вывезено в Швецию в количестве 6 миллионов тонн в год. Кроме этого, Швеция по договору поставляла в Германию подшипники.

Должен пояснить, что Германия по тайным договорам выплачивала Швейцарии, Швеции и Португалии зенитными орудиями, которые, в основном, являлись французскими, захваченными германскими войсками при оккупации Франции.

Вопрос: Что вам известно о тайном договоре Германии с Турцией?

Ответ: При Торгово-политическом отделе Министерства иностранных дел существовал реферат Турции, который охватывал хозяйственные вопросы Германии и Турции. Начальником этого реферата (отдела) был до октября 1944 года «министериаль диригент» Вихль[1], с октября 1944 г. посланник Шнурре. Начальником реферата по делам Турции был советник Теумер. Торговую комиссию от Германии в Турции возглавлял посланник Клодиус.

В Торгово-политическое бюро Министерства иностранных дел входили представители всех важнейших министерств, властей и армии. Заключаемые тайные договора Германии с Турцией подписывались посланником Клодиус вместе с фон Папеном, если договор обсуждался в Турции, и с турецкой стороны Министерством иностранных дел.

В случае, если договор заключался в Берлине, то его подписывал руководитель турецкой делегации совместно с турецким послом и с немецкой стороны государственным секретарем Министерства иностранных дел и начальником немецкой делегации.

В тайных договорах с Турцией речь шла о поставках в Германию хромовой руды, которой Турция должна была ежегодно поставлять 100 000 тонн. Турция никогда не выдерживала соглашения о поставках. В первые годы войны они составляли 50 000 тонн. С 1943 г. и до конца 1944 года [Турция] поставила приблизительно до 30 000 тонн в год. Германия в свою очередь обязывалась поставлять оружие всех видов. Из оружия главным образом поставлялись зенитные орудия все калибров и измерительные приборы всех видов. Турция также требовала зенитные орудия 24-х мм для защиты Дарданелл. Были ли они поставлены, мне неизвестно.

Вопрос: Германия имела тайный договор с Испанией?

Ответ: Да, такой договор имелся. Большую роль в заключении тайных договоров с Испанией играла созданная Герингом фирма в Берлине под названием «Робок» с филиалом в Мадриде под именем «Зофунндус». Агентами Геринга в «Робок» были: младший государственный секретарь Агвиц и начальник отдела Бешоке, оба работника Министерства по хозяйственным делам. Агентом в Мадриде и руководителем филиала фирмы в Мадриде являлся

---

[1] Вероятно, здесь и далее речь идет о немецком дипломате Эмиле Виле.

Бернхардт. Бернхардт был также консультантом у Франко по хозяйственным вопросам.

В руководстве делегаций с немецкой стороны часто происходили перемещения. Один за другим были в качестве руководителей делегаций посланники Хеммен, Ейзенлор[I] и министериальдиригент Виль.

Заключенные Германией тайные договора с Испанией сводились, в основном, на поставку вольфрама в Германию в количестве 1400 тонн ежегодно. Но поставки обычно выполнялись до 700—800 тонн ежегодно. После оккупации Франции Испания прекратила поставки вольфрама.

Тайными договорами также разрешались вопросы морского судоходства, но что именно входило в эти вопросы, мне неизвестно. Согласно договору Германия поставляла Испании все виды оружия, особенно зенитные орудия, в том числе шло и трофейное оружие, захваченное Германией в оккупированных странах.

Записано с моих слов верно и через переводчика зачитано по-немецки.

БИССЕ

Переводчик об ответственности за правильность перевода предупрежден по ст. 95 УК [РСФСР].

В. ГАЛ<нрзб>

Допросил: майор КРУГЛОВ

ЦА ФСБ России. К-500251. Л. 17—23. Подлинник. Рукопись. Автограф.

№ 17
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА В. БИССЕ

22 августа 1945 г.
Берлин

Вопрос: Какую работу проводил гауляйтунг по работе среди немцев, проживающих в Советском Союзе?

Ответ: Гауляйтунг по работе с зарубежными организациями НСДАП, в котором я руководил отделом, никакой деятельности среди немцев, проживающих в Советском Союзе, не проводил. Как я уже ранее показал, гауляйтунг по руководству Заграничными секциями НСДАП проводил работу только среди немцев, имевших германское подданство, а в Советском Союзе проживали немцы, подданные Советского Союза, поэтому какую-либо проводить среди них работу было запрещено со стороны рейхсминистра — Рудо Феста. Причем с 1936 года проводилась работа среди немцев, подданных Германии, по их переселению из Советского Союза и Прибалтийских стран. Эту работу возглавлял обергруппенфюрер СС — Лоренс[II].

Вопрос: Проводилась ли разведывательная работа через заграничные секции НСДАП на территории тех государств, где они находились?

Ответ: По линии гауляйтунга, занимавшегося заграничными секциями НСДАП, заданий на проведение разведывательной работы не давалось, эта работа не входила в обязанности гауляйтунга. Причем гауляйтунг давал за-

---

[I] Вероятно, речь идет о немецком дипломате Эрнсте Эйзенлоре.

[II] Здесь и далее речь идет о немецком государственном деятеле обергруппенфюрере СС Вернере Лоренце.

дания отдельным представителям германских министерств, выезжавшим за границу, выявлять настроения немцев, их отношения к германскому правительству. Особенно этим вопросом интересовались в период прихода к власти Гитлера.

Вопрос: Что вам известно об организации «Вервольф»?

Ответ: Об организации «Вервольф» мне ничего не известно потому, что я с ноября 1944 г. по май 1945 г. был тяжело болен и находился на излечении. Я слышал по радио, что создается организация «Вервольф» по борьбе с противником, но какие-либо более подробные сведения об этой организации мне неизвестны.

Вопрос: В чем заключалась ваша практическая деятельность как работника Министерства иностранных дел в период войны Германии с Советским Союзом?

Ответ: В период войны Германии против Советского Союза я руководил рефератом под номером II по хозяйственным делам. В функции моего реферата входило вести учет стратегического сырья, находящегося внутри Германии. Кроме этого я от других рефератов получал готовые данные по учету сырья, находящегося в оккупированных Германией странах, а также и по странам, с которыми Германия имела торговые договора.

Обобщенные данные по сырью я еженедельно докладывал начальнику Торгово-политического отдела, по которым решался вопрос о необходимости ввоза в Германию требуемого сырья.

Основными видами являлись: железная руда, хром, марганец, молибден, медь, цинк, вольфрам, каучук, свинец, бокситы, кожа и шерсть. В основном, все [это] сырье, потребное для военной промышленности Германии.

Вопрос: Какое количество стратегического сырья было вывезено из Советского Союза в период оккупации отдельных областей Советского Союза?

Ответ: Какое количество было вывезено сырья, я сказать не могу, мне об этом неизвестно, вывозились обычно с оккупированных советских областей марганец, медь, свинец, цинк и хром, причем по данным учета сырья было известно, что ввоз по этим видам заметно увеличивался, но в цифрах я сказать затрудняюсь.

Вопрос: В период 1941 по 1944 год вы выезжали за границу и с какой целью?

Ответ: В 1942 году я выезжал в Швецию на заседание торговой комиссии, на котором присутствовали представители от ряда министерств Германии, всего было на заседании до 500 человек. Разрешались вопросы выполнения торгового договора за прошедший год и обсуждались предложения на следующий год.

В 1944 г. в июне я вновь выезжал в Швецию по приглашению начальника морского судоходства Министерства иностранных дел Швеции — Штоле для оказания ему помощи в определении размера экспорта и импорта Швеции по пищевым и другим видам продуктов.

В 1944 году я выезжал в Швейцарию в города Генф и Берн по приглашению президента Бурхард, возглавлявшего Международное общество Красного Креста. Приглашен я был вместе с женой через Министерство иностранных дел. На встрече с президентом Международного общества Красного Креста мы обсуждали вопрос о транспортировке медикаментов, продовольствия и обмундирования для военнопленных англо-американской армии, находящихся в Германии. В результате договоренности было обусловлено, что грузы для военнопленных, отправляемые из Америки и Англии, должны

прибывать в Швецию, откуда после перегрузки на мелкие суда направляться в Германию.

Протокол записан с моих слов правильно и прочитан по-немецки.

БИССЕ

Переводчик Волков об ответственности за неправильный перевод предупрежден по ст. 95 УК РСФСР

ВОЛКОВ

Допросил: нач[альник] отделения 4 отд[ела] [Берлинского оперсектора НКВД СССР] КРУГЛОВ

ЦА ФСБ России. К-500251. Л. 24—25об. Подлинник. Рукопись. Автограф.

№ 18
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА В. БИССЕ

29 августа 1945 г.
Берлин

Вопрос: Расскажите более подробно о тайных договорах, заключенных Германией с Турцией?

Ответ: Германия имела с Турцией два договора — первый, хозяйственно-политический, и второй — тайный, оба были заключены приблизительно в 1939 году или в начале 1940 года. По хозяйственно-политическому договору Турция доставляла в Германию — кожу, табак, вино, всевозможные продукты питания, шерсть, ковры, металл для изготовления металлических предметов к военной амуниции и 40 тысяч тонн пшеницы. Германия за это обязывалась ввозить в Турцию мануфактуру, машины.

По тайному договору, как я уже показал на предыдущем допросе, Турция обязалась поставить Германии 100 000 тонн хромовой руды. Кроме этого к договору имелся специальный подпункт, по которому Турция обязывалась пропускать германские торговые и военные корабли через Дарданеллы из Средиземного моря в Черное и обратно.

Согласно договоров, Германия гарантировала поставить для Турции орудия, причем Турция требовала большого количества орудий калибра 24-х см для береговой обороны Дарданелл и амуниции. Германия также должна была поставлять всевозможные приборы, как-то: измерительные приборы, морские дальномеры, приборы для артиллерийской стрельбы, звукоуловители самолетов, амуницию и прочее.

Вопрос: Как выполнялись тайные договора Турцией?

Ответ: Турция, объявившая себя нейтральной страной во время войны Германии с Англией, а потом с Советским Союзом, помогала Германии, обеспечивая ее стратегическим сырьем для военной промышленности. Она обязалась поставить в Германию 100 000 тонн хромовой руды, идущей для изготовления всех видов огнестрельного оружия. Поставлено было вместо 100 000 тонн в год только 50 000 тонн в год на протяжении 1940, 1941 и 1942 годов, а в 1943 году и в дальнейшем поставлялось ежегодно не более 30 000 тон.

Турцией также выполнялся договор о пропуске торговых и военных кораблей через Дарданеллы из Средиземного моря в Черное и обратно. Германские торговые корабли под конвоем военных судов, чтобы обеспечить себя от нападений подводных лодок англичан в Средиземном море, следовали в Черное мо-

ре по определенному маршруту, доставляя в Германию разные товары и грузы. Тайный договор с Турцией, по-моему, действовал по 1944 год, т.к. в этом году были какие-то переговоры с Турцией, но о содержании их мне неизвестно.

Вопрос: На допросе 17 августа с.г. вы, перечисляя руководителей НСДАП в зарубежных странах, не назвали руководителей НСДАП по Прибалтийским странам?

Ответ: Организации НСДАП в Прибалтийских странах существовали, но, не зная фамилий руководителей, я поэтому не назвал их при допросе 17 августа, в настоящее время я вспомнил их фамилии.

В Литве организация насчитывала до 200 человек, руководителем ее являлся Госман, имя его мне неизвестно. До Госмана руководил организацией Летчик, который выехал в Данциг, а вместо него прибыл Госман.

В Латвии и Эстонии организации НСДАП были небольшие, примерно до 80 человек, и руководил ими Эспе, который в 1938 или 1939 году выехал в Берлин, где был назначен руководителем НСДАП в Венгрию.

Деятельность организаций НСДАП в Прибалтийских странах проводилась аналогичная, что и в других странах, о которых я уже показывал. После того как Латвия, Литва и Эстония стали советскими, то всякая деятельность НСДАП была прекращена, и немцы переселились в Германию.

Вопрос: Какие мероприятия проводились по созданию фашистских организаций на территории Советского Союза?

Ответ: До начала 1938 года, когда я работал в гауляйтунге по руководству Зарубежными секциями НСДАП, никаких мероприятий по созданию фашистских организаций на территории Советского Союза не проводилось. На одном из совещаний гауляйтер Боле Эрнст разъяснил, что работу среди немцев, проживающих в Советском Союзе, по их линии проводить не следует потому, что деятельность гауляйтунга должна проходить только среди немцев, подданных Германии, причем немцев, проживающих в Советском Союзе, не признавали имперскими немцами, т.к. они были подданными СССР.

По разъяснению Боле работу среди немцев проводит в Советском Союзе Внешнеполитический отдел, возглавляемый Розенбергом. По этому вопросу мне известно следующее. До I-й империалистической войны в Берлине существовала организация под названием «Объединение германских народностей за границей», которая имела свой центр в гор. Берлине.

Организация свою работу проводила примерно до 1936 года, которая сводилась к следующему: имела связь с зарубежными колониями немцев, в том числе и в Советском Союзе, обеспечивала школы немецкой литературой и учебниками, высылая их из Германии. Создавали церковно-религиозные организации, а также женские. Вела пропаганду о том, чтобы немцы не забывали свою родину — Германию.

После прихода к власти Гитлера эта организация была распущена, и вместо нее были созданы две: I-я — «Учреждение германских народностей» с центром в Берлине, руководителем которой являлся Лоренс — обергруппенфюрер СС. II-я — Внешнеполитический отдел НСДАП, руководил которым министр и рейхсляйтер Розенберг.

Все имевшиеся в распоряжении организации «Объединение германских народностей» связи и сообщения с заграницей перешли к вновь организованным двум организациям. Других данных по этим организациям я не знаю.

Вопрос: Какая связь была гауляйтунга с Внешнеполитическим отделом НСДАП, возглавляемым Розенбергом, в чем выражалась эта связь и какая была взаимозависимость в работе?

Ответ: Связь между организацией, возглавляемой Боле гауляйтунг по руководству зарубежными секциями НСДАП, и Внешнеполитическим отделом НСДАП началась примерно с 1937 года или с 1938 года. Насколько мне известно, эта связь была на почве обмена мнениями о настроении немцев, проживающих за границей.

Гауляйтунг информировал Внешнеполитический отдел о деятельности немецких фирм за границей, об экспорте и импорте. Никакой взаимозависимости в работе между гауляйтунгом и Внешнеполитическим отделом не было, т.к. являлись двумя самостоятельными организациями и проводили самостоятельно каждый свою работу.

Вопрос: Какую практическую работу проводили заграничные организации НСДАП по созданию так называемых «пятых колонн» и что в этом направлении делалось в Советском Союзе?

Ответ: Заграничные организации НСДАП никакой работы по созданию «пятых колонн» за границей не проводили, то же самое не было этого и в Советском Союзе. Причем в иностранной прессе, в частности, английской и американской, были статьи о том, что возглавляемые организации НСДАП — гауляйтером Боле Эрнст ведут через немцев, проживающих в разных странах, шпионскую работу для Германии, мы считали эти статьи в иностранных газетах неверными потому, что такой деятельности в практике нашего гауляйтунга не было.

Вопрос: Какое официальное служебное положение занимали ляндгруппенляйтеры в зарубежных организациях НСДАП?

Ответ: Примерно до 50 % лянгруппенляйтеров за границей являлись работниками германских посольств в должности советника или 2-го и 3-го лица после посла. Некоторые ляндгруппенляйтеры занимали руководящие должности во всевозможных торговых или коммерческих фирмах. После того как промышленность была объединена в крупные предприятия, некоторые ляндгруппенляйтеры были освобождены от официальных должностей и им на содержание выплачивалось от гауляйтунга.

Впоследствии большинство ляндгруппенляйтеров были на содержании Министерства иностранных дел, некоторые как работники посольств, а небольшое число работали в разных фирмах и учреждениях, выполняя обязанность ляндгруппенляйтеров. Должен пояснить, что вся переписка по руководству секциями НСДАП за границей от гауляйтунга проводилась через Министерство иностранных дел, ляндгруппенляйтеры в свою очередь также писали в гайляйтунг через немецкие посольства, находящиеся в разных странах.

Вопрос: Уточните, во время выборов вас в Рейхстаг какую партийную работу по линии НСДАП вы проводили?

Ответ: Перед выборами меня в Рейхстаг я являлся активным членом НСДАП, работал в гауляйтунге по руководству заграничными секциями, имел звание референта, в область моей работы входили хозяйственные вопросы секций НСДАП.

Протокол записан с моих слов верно и мне прочитан через переводчика по-немецки.

БИССЕ

Переводчик: ТЕСЛИКОВ

Допросил: нач[альник] отделения 4 отдела о[перативного] сектора НКВД майор КРУГЛОВ

ЦА ФСБ России. К-500251. Л. 26—29. Подлинник. Рукопись. Автограф.

№ 19
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА В. БИССЕ

30 октября 1945 г.
Берлин

Стенограмма

Биссе В., 1881 года рождения, уроженец г. Райнбек, по национальности немец, образование среднее, происходит из крупных торговцев, член НСДАП, работник Министерства иностранных дел, член Рейхстага.

Допрос начат в 11 часов
—"— окончен в 16 часов

Вопрос: На предыдущих допросах вы показали, что были осведомлены о тайных договорах, заключенных Германией с рядом «нейтральных» стран. Откуда вам это известно?

Ответ: От руководящих работников Министерства иностранных дел Германии.

Вопрос: От кого конкретно?

Ответ: О тайных договорах, заключенных Германией с другими государствами, мне рассказывали: Рибке — государственный советник по делам Турции; Забот — государственный советник по делам Португалии и Испании; барон фон Бер — государственный советник по делам Швеции и Люрце[1] — государственный советник по делам Швейцарии.

Вопрос: Какое отношение к тайным договорам имели перечисленные вами лица?

Ответ: Все они имели непосредственное отношение к заключению тайных договоров между Германией и той страной, в которой они являлись представителями.

Вопрос: В чем конкретно выражалось их участие в заключении этих договоров?

Ответ: Названные лица принимали участие в заседаниях комиссий по заключению тайных договоров, происходивших в Берлине. В их задачу входило — отстаивать интересы Германии перед той страной, с которой заключался договор, и заниматься контролем выполнения каждого из его пунктов.

Вопрос: А кто осуществлял общее руководство по заключению Германией тайных договоров?

Ответ: Общее руководство по заключению Германией тайных договоров с другими государствами осуществлял директор Торгово-политического отдела при Министерстве иностранных дел Виль. Он же ведал и всей внешней торговлей.

Вопрос: Покажите, что вам о нем известно?

Ответ: Виль являлся старым членом национал-социалистической партии. До 1938 года он был посланником Германии в Южной Африке, а с 1938 по 1944 год занимал пост директора Торгово-политического отдела при Министерстве иностранных дел.

Вопрос: К чему сводилась практическая деятельность Виль как руководителя Торгово-политического отдела?

---

[1] Возможно, речь идет о немецком дипломате Зигмаре Люрце.

Ответ: Виль давал указания по заключению торгово-хозяйственных договоров с другими странами. Окончательное решение по каждому договору и даже отдельным пунктам договора представителями комиссии принималось с его санкции. Он руководил всеми заседаниями комиссий по заключению торгово-хозяйственных и тайных договоров.

Если при обсуждении торгово-хозяйственных договоров кто-либо из представителей договаривающихся сторон выдвигал пункты, которые не могли быть включены в эти договора, то по предложению Виль они включались в тайный договор.

Обычно это имело место, когда шла речь о поставках Германией вооружения другим странам или, наоборот — о поставках ими стратегического сырья для военной промышленности Германии. Причем эти решения принимались только после согласования их с министром иностранных дел Риббентропом и лично Гитлером.

Вопрос: Чем занимался Виль после 1944 года?

Ответ: В 1944 году Виль женился на одной англичанке. Так как по существовавшему в Германии закону работникам министерств и офицерам вступать в брак с лицами, по национальной принадлежности относящимися к враждебным странам, было запрещено, то его в этой связи от работы в Министерстве иностранных дел отстранили. После этого Виль уехал в гор. Фрайбург (Юго-Западная Германия) и где находится — мне неизвестно.

Вопрос: Кто же сменил его?

Ответ: Его преемником был назначен Клодиус.

Вопрос: Кто такой Клодиус?

Ответ: Клодиус, имени не знаю, примерно 55 лет, старый член НСДАП, до 1944 года работал заместителем Виля.

Вопрос: Вы лично были знакомы с Клодиус?

Ответ: Да. Я познакомился с ним примерно в 1938 году в гор. Берлине в период совместной работы в Торгово-политическом отделе Министерства иностранных дел.

Вопрос: Какое отношение вы имели к заключению тайных договоров?

Ответ: Я лично, а также руководимый мною реферат никакого отношения к заключению тайных договоров между Германией и другими государствами не имели. О них я знал от своих сослуживцев, которых назвал выше.

Вопрос: Сомнительно, чтобы вы, будучи руководителем хозяйственного реферата Министерства иностранных дел, не имели никакого отношения к заключению тайных договоров, по которым доставлялось стратегическое сырье для военной промышленности Германии?

Ответ: В мои функции как руководителя хозяйственного реферата входило — вести учет стратегического сырья внутри страны. Ко мне поступали также данные о количестве сырья, находившегося в странах, имевших торговые договоры с Германией, с указанием, какое сырье в первую очередь требовалось завезти в Германию.

Обобщенный материал я докладывал директору Торгово-политического отдела Министерства иностранных дел Виль, после чего решался вопрос о ввозе сырья в Германию из других государств. Было ли это сырье доставлено в Германию согласно тайных договоров, — для меня неизвестно, ибо я не должен был вникать в эти вопросы.

Вопрос: Почему?

Ответ: Министерству иностранных дел было дано указание лично Гитлером, чтобы о тайных договорах, заключаемых Германией с другими госу-

дарствами, знали только те лица, которые имеют непосредственное отношение к ним.

Вопрос: Тем не менее, как видно из ваших показаний, вы достаточно о них были осведомлены. Чем это объяснить?

Ответ: Прежде всего я должен заявить, что о тайных договорах я не был полностью осведомлен. Об этом я знал только со слов руководящих работников Министерства иностранных дел, с которыми мне приходилось сталкиваться по роду своей работы. В процессе бесед они мне рассказывали, какие договора Германия заключила с той или иной страной.

Вопрос: Выше вы назвали ряд лиц, имевших непосредственное отношение к заключению тайных договоров. Покажите, кто они такие и что вам о них известно?

Ответ: Рибке, примерно, 45—48 лет, старый член НСДАП, до 1944 года работал референтом Торгово-политического отдела по делам Турции, Афганистана, Египта, Ирана и Ирака. С 1944 года по день капитуляции Германии он был заместителем директора Торгово-политического отдела при Министерстве иностранных дел.

Забот — имени не знаю, 55—60 лет, член НСДАП, примерно в течение 12 лет работал в Министерстве иностранных дел в качестве референта Торгово-политического отдела по делам Франции, Испании, Португалии, Голландии и Бельгии.

Барон фон Бер, имени не знаю, примерно 63 лет, в нацистской партии не состоял. В период моего с ним знакомства в 1938 году он работал помощником референта Торгово-политического отдела Министерства по делам Северных стран — Норвегии, Дании, Финляндии, Швеции, Польши и Прибалтики. В этой должности он работал до 1944 года. С 1944 года по день капитуляции Германии работал референтом названного выше отдела.

Люрце — имени не помню, примерно 40—45 лет, познакомился я с ним в 1944 году в период работы в Министерстве иностранных дел. Насколько мне известно, с 1944 года был референтом Торгово-политического отдела по делам Швейцарии.

Вопрос: Кто являлся референтом Торгово-политического отдела по делам Северных стран до назначения на эту должность фон Бер?

Ответ: До 1944 года референтом по делам Северных стран был Шнурре.

Вопрос: Расскажите подробнее о нем.

Ответ: Шнурре, имени не знаю, примерно 46—48 лет, старый член НСДАП, я с ним познакомился в 1938 году в период совместной работы в Министерстве иностранных дел. В 1939 году он принимал непосредственное участие в разработке и заключении торгового договора с Советским Союзом.

С 1944 года по день капитуляции Германии Шнурре работал заместителем директора, затем директором Торгово-политического отдела Министерства иностранных дел. Насколько мне известно, к моменту окончания советско-германской войны Шнурре находился в Швеции и был болен, прибыл ли он позже в Германию — я не знаю.

Вопрос: Где находятся в данное время Рибке, Забот, фон Бер и Люрце?

Ответ: Все они бежали в Баварию.

Вопрос: Откуда вам об этом известно?

Ответ: В период эвакуации населения Берлина, примерно в начале апреля 1945 года, я лежал в больнице. По поручению шеф-министра Шродера

туда явился работник Министерства иностранных дел Марциус[1] и сообщил мне, что все работники министерства выезжают в Баварию. Марциус предложил также мне эвакуироваться, но я это предложение не принял в связи с тем, что после операции был еще слаб, да и вообще, имея преклонный возраст, я не решился с семьей куда-либо выезжать.

Вопрос: Вы показали, что в министерстве работали с 1938 года. А до этого какое служебное положение вы занимали?

Ответ: До 1938 года я был на партийной работе, где являлся заместителем руководителя хозяйственного отдела гауляйтунга Зарубежных организаций НСДАП.

Вопрос: Кто был вашим преемником в гауляйтунге в связи с переходом вас на работу в Министерство иностранных дел?

Ответ: Мою должность в гауляйтунге по Зарубежным организациям НСДАП занял Шварц Эрвин.

Вопрос: Кто такой Шварц и что вам известно о нем?

Ответ: Шварц Эрвин, в возрасте 45 лет, происходит из семьи крупных торговцев, родился в Палестине. До 1934 года проживал в Каире, затем прибыл в Германию и проживал сначала в Гамбурге, а с 1935 года в г. Берлине. Мое знакомство со Шварц произошло в 1934 году, когда его назначили заместителем хозяйственного отдела по Зарубежным организациям НСДАП. В 1938 году в связи с моим уходом с партийной работы он был назначен руководителем вышеназванного отдела.

Вопрос: В течение какого времени Шварц работал в гауляйтунге?

Ответ: Прежде всего надо отметить, что за время работы в гауляйтунге Шварц дважды призывался на военную службу. В 1942 году он служил рядовым в немецкой армии. В 1943 году из армии его отозвали и по линии гауляйтунга командировали на оккупированную территорию Советского Союза, где он работал в Военно-хозяйственном управлении округа или района недалеко от гор. Кременчуг.

В 1944 году Шварц вернулся в Берлин и продолжал работать в гауляйтунге руководителем хозяйственного отдела зарубежных организаций НСДАП. Затем был вторично призван в немецкую армию, и с этого времени дальнейшее его местонахождение мне неизвестно.

Вопрос: Кого вы еще не назвали из руководителей гауляйтунга по Зарубежным организациям НСДАП?

Ответ: К числу таких лиц относится также Кнорк Эрвин. Он являлся политическим руководителем гауляйтунга по Северным странам: Норвегии, Швеции, Дании, Польше и Прибалтике. В 1938 году перешел на работу в Министерство иностранных дел, а в 1941—1942 гг. был направлен в Хорватию (Югославия) в качестве консула. Его сменил Тробст.

Вопрос: Где работал Тробст до прихода на работу в гауляйтунг?

Ответ: Тробст работал до этого тоже в гауляйтунге по Зарубежным организациям НСДАП в отделе культуры или пропаганды.

Вопрос: Еще кого вы знаете из видных руководителей гауляйтунга по Зарубежным организациям НСДАП?

Ответ: Из руководителей гауляйтунга я еще знаю Христьянс, который с 1933 года по день капитуляции Германии работал руководителем хозяйственного отдела по Зарубежным организациям НСДАП и занимался разработкой хозяйственных вопросов по Центральной и Южной Америке.

---

[1] Так в документе, речь идет о немецком дипломате Георге Мартиусе.

Гроте Вилли, с 1933 года по день капитуляции Германии являлся руководителем политического отдела в гауляйтунге по Северной Америке и Канаде. Одновременно с 1936—1937 гг. был членом СА и имел чин оберфюрера. Последнее время, насколько мне известно, он находился в Саксонии, в г. Бат-Шандал, откуда вместе со штабом организации гауляйтунг бежал в гор. Гамбург.

Шлейхер Вальтер, с 1935 года по день капитуляции Германии в гауляйтунге по Зарубежным органиазциям НСДАП ведал хозяйственным отделом по делам Японии, Китая и Индии. Одновременно с начала войны Германии с Советским Союзом в связи с образованием Министерства Востока, которым руководил Розенберг, Шлейхер был посредником между руководителем гауляйтунга по Зарубежным организациям НСДАП Боле и Розенбергом.

Вопрос: В чем выражалось посредничество Шлейхер между Боле и Розенбергом?

Ответ: Шлейхер, находясь на службе в гауляйтунге у Боле, примерно с 1941 года работал в отделе учета немцев, возвращавшихся на родину — в Германию из различных государств, а также из Прибалтики. После соответствующей проверки этих лиц и распределения их по специальностям он материалы на них предоставлял Розенбергу, который отбирал нужных ему людей и направлял на оккупированную территорию Советского Союза.

Вопрос: Кто вас об этом информировал?

Ответ: Мне об этом рассказывал сам Шлейхер в связи с тем, что я интересовался в беседе с ним у меня на квартире его работой.

Вопрос: Что вам сообщил Шлейхер о целях направления этих немцев на оккупированную территорию Советского Союза?

Ответ: Шлейхер говорил, что Розенберг эту категорию лиц направлял на оккупированную территорию СССР якобы для того, чтобы обеспечить их работой.

Вопрос: Чем занималось Министерство Востока[18]?

Ответ: Министерство Востока, руководимое Розенбергом Альфредом, занималось вопросами пропаганды, культуры, восстановлением промышленности и сельского хозяйства, расселением немцев на оккупированной немецкими войсками территории Советского Союза.

Вопрос: Вам известно, кто был направлен на оккупированную немцами территорию Советского Союза по линии Министерства Востока?

Ответ: Нет, таких лиц я назвать не могу.

Вопрос: Скажите, кто руководил в гауляйтунге отделом учета немцев, возвращавшихся в Германию из других государств?

Ответ: Отделом руководил Хеллерман.

Вопрос: Кто он такой?

Ответ: Хеллерман, имени не знаю, примерно 45 лет, старый член НСДАП. С 1937 года по 1938 год находился в Испании, где занимался торговой деятельностью. В 1938 году вернулся в Берлин, поступил на работу в гауляйтунг и до 1941 года руководил отделом социального обеспечения, а с 1941 года возглавил отдел по учету немцев, возвращавшихся в Германию из-за границы.

Вопрос: Какая связь существовала между отделом учета при гауляйтунге и Министерством Востока?

Ответ: Связь между отделом учета с Министерством Востока выражалась в том, что гауляйтунг предоставлял необходимый контингент немцев в распоряжение Министерства Востока для посылки их на оккупированную тер-

риторию Советского Союза. С какой целью посылались эти люди в СССР — точно сказать не могу, так как об этом мне Шлейхер не рассказывал.

Протокол допроса записан с моих слов правильно и переведен мне на немецкий язык.

[БИССЕ]

Допросил: майор НИКОЛАЕВ

Переводчица: мл[адший] лейтенант МИТРОФАНОВА

ЦА ФСБ России. К-500251. Л. 77—88. Подлинник. Машинопись. Автограф.

Советник посольства Франц Бреер

№ 20
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА СОВЕТНИКА ПОСОЛЬСТВА Ф. БРЕЕРА

25 июня 1947 г.
Москва

Допрос начат в 14 час[ов]
—"— окончен в 16 ч[асов] 50 мин[ут]

Вопрос: Кто был руководителем национал-социалистической партии в германском посольстве в гор. Москве?

Ответ: Руководителем территориального округа («Ландес Крейс») национал-социалистической партии, который охватывал всех немецких граждан в СССР, являющихся членами этой партии, был пресс-атташе германского посольства в Москве, сотрудник Имперского министерства пропаганды Штейн Вильм. Он же руководил партийной организацией сотрудников московского посольства.

Вопрос: Кто являлся заместителем Штейна по руководству партийной организацией в Москве?

Ответ: Мне это неизвестно, так как я был беспартийным и этим вопросом не интересовался.

Вопрос: Сотрудника германского посольства Штарке вы знаете?

Ответ: Да, знаю. Штарке работник Министерства иностранных дел, и в германском посольстве в Москве он занимал должность сотрудника пресс-отдела германского посольства.

Вопрос: Что входило в круг его служебных обязанностей?

Ответ: По линии Министерства иностранных дел Штарке возглавлял пресс-отдел посольства в Москве. В его подчинении было несколько сотрудников. Занимался он изучением официальных органов советской печати и делал по ним обзоры, которые пересылались затем в Министерство иностранных дел в Берлин.

Вопрос: Что вам известно о Штарке и его деятельности до работы в германском посольстве в Москве?

Ответ: О прошлой деятельности Штарке я знаю немного. Мне известно, что его зовут Готхольд, ему примерно лет 55. Если не ошибаюсь, происходит он из семьи пастора, хорошо образован. Знает польский и немного французский и русский языки.

На дипломатической работе с 1940 года. Сразу же был направлен в германское посольство в Москве. До этого занимался журналистикой, которая была его профессией, и являлся главным редактором газеты в гор. Бромберг. Имел дипломатическое звание — советник миссии. Другие данные о прошлой деятельности Штарке мне неизвестны.

Вопрос: Штарке состоял в национал-социалистической партии?

Ответ: Точно мне неизвестно, но, по его словам, он не был членом национал-социалистической партии. Как-то в разговоре с ним он заявил, что это потому, что он считается славянофилом.

Вопрос: Охарактеризуйте политические убеждения Штарке?

Ответ: Со Штарке я не был в близких, товарищеских взаимоотношениях, поэтому подробно охарактеризовать его политические убеждения я не смогу. Однако из бесед с ним у меня сложилось мнение, что он, во всяком случае, не являлся оголтелым фашистом. Это был, скорее всего, человек с либеральными взглядами старого немецкого поколения. Конечно, он был патриотом своей страны и, с этой точки зрения, считался вполне благонадежным лицом для Германии. Я не помню сейчас, за давностью времени, высказываний Штарке в отношении советского государства, но сторонником войны Германии с СССР он, безусловно, не являлся.

Вопрос: Какие обязанности не по службе Штарке выполнял в Москве?

Ответ: Неслужебные обязанности Штарке в Москве мне совершенно неизвестны.

Вопрос: Штарке в Москве занимался разведывательной деятельностью о СССР в пользу Германии?

Ответ: Это мне совершенно неизвестно.

Вопрос: Какие связи Штарке в Москве вам известны?

Ответ: Связи Штарке в Москве с советскими гражданами мне также неизвестны. С кем он был в хороших взаимоотношениях из членов германского посольства в Москве, я не помню.

Вопрос: Какие взаимоотношения существовали между Штарке и германским послом в Москве — Шуленбургом?

Ответ: В служебном отношении Шуленбург являлся начальником для Штарке, а личные их взаимоотношения мне неизвестны.

Вопрос: Где и в качестве кого Штарке работал во время войны?

Ответ: После возвращения германского посольства в 1941 г. из Москвы в Берлин Штарке, если я не ошибаюсь, стал работать в отделе печати Министерства иностранных дел Германии. Во всяком случае, когда в сентябре 1944 года я проездом был в Берлине и последний раз видел Штарке, он в это время работал в отделе печати Министерства иностранных дел.

Вопрос: Что вы еще можете добавить к своим показаниям о Штарке?

Ответ: К своим показаниям о Штарке больше добавить ничего не могу.

Протокол записан с моих слов правильно на понятном мне русском языке и мне прочитан.

БРЕЕР

Допросил: сотрудник 2 Гл[авного] Упр[авления] МГБ СССР капитан СТРУКОВ

ЦА ФСБ России. Р-40817. Л. 61—64. Заверенная машинописная копия. Автограф.

№ 21
СОБСТВЕННОРУЧНЫЕ ПОКАЗАНИЯ СОВЕТНИКА ПОСОЛЬСТВА Ф. БРЕЕРА «ФОРМЫ И МЕТОДЫ ЛЕГАЛЬНОЙ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГЕРМАНСКОГО МИДА»

23 августа 1947 г.
Москва

I. Ответы на первый вопрос[1].

1) Формы, методы и другие способы легальной разведывательной деятельности германского Министерства иностранных дел и германских дипломатических и консульских представительств в загранице:

Под такой деятельностью подразумевается собирание сведений о чужих странах, касающихся политики, экономики, культуры, печати и т.д., поскольку это собирание не противоречит международному праву и внутренним законам этих стран.

В общем можно сказать, что являлось заданием наших посольств, миссий и консульств собирать сведения во всех областях политической, экономической и культурной жизни тех стран, где они находились. Консульства обыкновенно отправляли свои доклады в посольства или миссию их стран, иногда непосредственно в министерство. В таком случае копия доклада отправлялась в посольство или миссию.

Источниками для докладов являлись:

а) разговоры с государственными или общественными деятелями надлежащих стран, с дипломатическими или консульскими представителями третьих стран, с германскими гражданами, лицами немецкого происхождения, имевшими экономические или культурные связи с Германией (напр[имер], представители германских фирм);

б) печать и литература надлежащих чужих стран;

в) новые законы или другие правительственные распоряжения;

г) личные наблюдения сотрудников наших представительств.

Во время своего пребывания в Белграде (от мая 1936 г. до апреля 1937 г.) и Таллине (от июля 1937 г. до июля 1940 г.) я имел возможность знакомиться с главной частью докладов миссии, за исключением докладов военных и морских атташе.

Лично я был автором еженедельных докладов об эстонской печати до 1939 г. (точной даты не помню), но когда г-н фон Шульман [Герман] (до тех пор сотрудник местной немецкой газеты «Ревальте Цейтунг») вступил в состав миссии по линии печати и экономики. Эти доклады базировались на переводах переводчицы миссии, которая ежедневно докладывала посланнику и его сотрудникам о содержании пяти самых важных эстонских газет. Сам посланник при этом назначал те статьи, которые переводчица должна была переводить на немецкий язык для следующего пресс-доклада.

Наши представительства передавали в Берлин также и сведения, которые касались отношений между третьими странами (напр[имер], миссия в Эстонии передавала отзывы эстонских газет об отношениях между Швецией и Финляндией).

Отделы Министерства, обрабатывающие доклады, в данном случае решили также [их направлять во] внутренние учреждения (напр[имер], министерства экономики, пропаганды и т.д.), другие отделы Министерства иност-

[1] Здесь и далее в документе сохранена орфография подлинника.

ранных дел, другие германские представительства и т.д. Надо было отправлять копии докладов. Так, в выше избранном примере копии таллинского доклада получили наши миссии в Гельсинки и Штокголме[I].

В Москве условия работы посольства различались в некоторых отношениях от деятельности наших представительств в других странах. Из источников для информаций отпадала возможность разговоров или каких-либо других отношений с германскими гражданами, постоянно живущими на территории СССР, потому что таких во время моего пребывания в Москве (1940/[194]1 г.), за исключением членов самого посольства, немногих германских журналистов и заключенных, уже не было. Также возможности отношений к советским гражданам вследствие мер, надлежащих советских авторитетов, не существовало. Я это твердо утверждаю касательно своей собственной работы в консульском отделе посольства. Что касается работы других отделов, то я не имел возможности с ней знакомиться. Я лично не видел ни одного доклада Политического или экономического отделов.

Относительно работы общего отдела, т.е. канцлера посольства, мне известен метод доставления советских денег для потребностей посольства. Поскольку мне известны все московские дипломатические представительства, покупали советские деньги за границей, в первую очередь от 25 до 40 рублей за один доллар.

В 1941 г. дипломатический корпус согласился с Госбанком в том смысле, что последний менял дипломатам иностранную валюту (доллар) на основании повышенного курса. Сотрудники германского посольства меняли доллар за фиксированный и гарантированный курс 25 рублей. Если касса не была в состоянии купить нужные советские деньги за этот курс, Министерство должно было достать добавочные средства из своего бюджета.

2) Формы, методы и другие способы нелегальной разведывательной деятельности германского Министерства иностранных дел и германских дипломатических и консульских представительств за границей.

Про такую деятельность мне ничего неизвестно.

II. Ответ на второй вопрос.

Если я не ошибаюсь, в 1938 г. адмирал Канарис был проездом в Финляндию в Таллине. Его сопровождали некоторые офицеры, из которых я помню фамилии полковника Пикенброк[II] и майора фон Бентивеньи[III]. Я с этими господами познакомился по поводу одного завтрака в квартире посланника Фровейн[IV]. О цели путешествия и других служебных подробностях мне, конечно, ничего не стало известно.

В связи с этим визитом я имел разговор с своим коллегой Бок [Вольдемар], из которого я узнал, что Канарис являлся главой германской контрразведки (Абвер) и что это учреждение, как и Тайная государственная полиция (Гестапо), занимается разведывательной работой за границей. Про внутреннюю структуру этих двух учреждений и способы их работы мне ни из этого разговора, ни из других источников ничего не стало известно.

[I] Речь идет о Хельсинки и Стокгольме.

[II] Речь идет о германском военном разведчике генерал-лейтенанте Гансе Пикенброке.

[III] Речь идет о германском военном разведчике генерал-лейтенанте Франце Арнольде Эккарде фон Бентивеньи.

[IV] Речь идет о немецком дипломате Гансе Фровейне.

Единственным органом Абвера, с которым я лично познакомился (за исключением уже названных лиц), являлся помощник морского атташе в Гельсинки корветтен-капитан Целлариус (Александр, из Риги, примерно 50 лет). Он, как и сам морской атташе, контр-адмирал фон Бонин, был аккредитован не только в Финляндии, а также в Эстонии и Латвии. Скоро, в 1939 году, после начала войны (точной даты не помню), Целлариус переселился в Таллин и там остался до соединения Эстонии с СССР. Он имел при себе одну секретаршу (Бенак Гильдегард, пр[имерно] 40 лет, из Кёнигсберга) и одного унтер-офицера для шифровки, фамилию которого я уже не помню.

Про деятельность Целлариуса мне только мало известно. Что он был человеком Канариса, мне сказал уже названный сослуживец Бок. Самого Ц[еллариуса] я ни об этом факте, ни о его работе никогда не говорил. Он никогда не пробовал втягивать меня в область своей деятельности. Я его все-таки неоднократно видел вместе с эстонскими офицерами в таллинских ресторанах. Несколько раз я его видел в доме местного представителя фирмы Зимменс фон Мальтцан (Фридрих, пр[имерно] 55 лет, майор зап[асного] состава). У других моих таллинских знакомых я его никогда не встречал. Другие органы германских разведывательных учреждений мне неизвестны.

III. Ответ на третий вопрос.

Меня призвали в германскую армию 15 января 1942 г., а именно в 8-й мотострелковый зап[асной] бат[альон] в г. Эберсвальде. Оттуда меня отправили сразу на Восточный фронт, куда я прибыл в конце февраля месяца в составе зап[асного] эшелона для 8-й танковой дивизии, в которой я служил до капитуляции. В первое время, до сентября 1942 г., я служил рядовым солдатом и, от августа, ефрейтором в штабной роте 28-го мотострелк[ового] полка 8-й танк[овой] див[изии].

Дивизия тогда стояла на реке Ловать и участвовала в боях для освобождения города Холм из советского окружения. Штаб полка тогда квартировался в разных деревнях между городами Локня и Холм. Командиром полка был тогда полковник фон Боденгаузен, а с мая месяца майор фон Вольф[1]. Я подчинялся старшине войскового штаба Шнейдер (Рихард, около 35 лет). По его приказанию я в некоторых случаях во время отсутствия полкового переводчика русского эмигранта Волкова Андрея (около 40 лет, из Екатеринослава) передал русским деревенским старостам распоряжения штаба полка на русском языке.

Эти распоряжения держались вполне в пределах международного военного права, в особенности Гаагской конвенции 1907 г.[19] Они касались: 1) реквизиции картофеля ввиду невозможности его достать обыкновенным путем (во время сильных морозов). Картофель принадлежал общине, и штаб заплатил за него официальную цену. 2) В некоторых случаях по распоряжению полка мобилизовали рабочую силу для работы на дорогах для всеобщего употребления (снег копать) или во время беспутицы доставлять возы для транспорта продуктов от большака в деревню. За это штаб платил деньгами и, в случае работ на дороге, кроме того, продуктами.

В сентябре 1942 г. меня перевели в 7-ю роту полка для службы в передовой линии. Полк тогда держал оборону на реке Ловать. Командиром роты был ст[арший] лейтенант фон Штаусс (Свен, пр[имерно] 35 лет, из Берлина). Командиром взвода был штабс-фельдфебель Тейфер (пр[имерно] 45 лет), командиром отделения фельдфебель Герс (пр[имерно] 30 лет, из Восточной Пруссии).

---

[1] После фамилии в круглых скобках нарисован крест.

1 ноября 1942 г. я стал унтер-офицером, и в том же месяце дивизия перешла в район Великих Лук, где участвовала в боях до марта 1943 г. В начале февраля месяца меня перевели в 1-ю роту моего полка, которой тогда командовал ст[арший] лейтенант Бунк (Ганс, пр[имерно] 35 лет, из Дессау). Командиром взвода был лейтенант Михал (пр[имерно] 30 лет, из Судетской области). Я сам тогда был командиром отделения.

В марте 1943 г. дивизия уехала в Белоруссию и там квартировалась между городами Невель и Городок. В это время, если я не ошибаюсь, в апреле месяце, я стал фельдфебелем и командиром взвода в моей роте. В мае или июне 1943 г. I бат[альон] моего полка, следовательно и моя рота, два или три раза участвовала в действиях против партизан в лесах между Городок и рекой Двина. Действия эти организовывались таким образом, что немецкие части окружали лес, и русские добровольцы проходили самый лес, чтобы уничтожить или взять в плен партизан. Мой батальон во время этих действий не имел никаких столкновений с партизанами или с русским населением.

В июне 1943 г. меня отправили в запасную часть в Эберсвальде и оттуда в военную школу в Витау в Моравии. После окончания курса я 1 ноября 1943 г. стал ст[аршим] прапорщиком. В декабре 1943 г. я только две недели был на курсе для ст[арших] прапорщиков зап[асного] состава в городе Аргус в Дании. В начале января 1944 г. я, уже как лейтенант зап[асных] частей, вернулся к своей дивизии, которая тогда держала оборону восточнее города Проскуров. Я стал офицером связи в штабе дивизии и там служил под начальством капитана Гень (пр[имерно] 35 лет, из Шуттгарта), тогдашнего 1-го офицера генштаба (Ia). На этом положении я остался до июня 1944 г. В это время дивизия участвовала в боях в Западной Украине, а в последнее время, примерно с мая месяца, стояла за фронтом вблизи города Злочев. Ia тогда уже был майор граф Кастел-Кастел (пр[имерно] 40 лет, из Баварии).

В июне 1944 г. меня перевели в штаб 28-го мотострелк[ового] полка, где я тоже был офицером связи. Командиром полка тогда был полковник Ленц (пр[имерно] 50 лет), адъютантом — капитан фон Штаусс (см. выше). 20 июня я был ранен и затем отправлен в лазарет в г. Одерберге.

Только в октябре 1944 г. я вернулся на фронт. Дивизия тогда стояла в обороне в Восточной Словакии, но в тот же месяц перешла на формирование в Польшу, западнее г. Тарнов. Я снова стал офицером связи в штабе дивизии. Ia тогда был майор Бальве (пр[имерно] 35 лет, Гельмут, из Изерлона).

В начале декабря 1944 г. дивизия перебросилась в Венгрию, где она участвовала в боях вблизи Будапешта и по обеим берегам реки Гарам. В январе 1945 г. дивизия была транспортирована в Силезию и оттуда в апреле месяце в Моравию, где она дралась южнее и севернее города Брюн до капитуляции. В последние дни часть дивизии участвовала в боях вблизи г. Олмюнц.

Сам штаб дивизии узнал о капитуляции 9 мая утром вблизи г. Иглау. Он продолжал путь в западном направлении до г. Писек, где он сдался в американский плен. 19 мая американцы меня передали вместе с другими военнослужащими советским войскам.

Во время моей второй службы в штабе дивизии, т.е. от октября 1944 г. до мая 1945 г., я неоднократно участвовал в заседаниях военного суда моей дивизии в качестве обвинителя или защитника. Судили там офицеров и солдат армии, главным образом из личного состава дивизии. Иностранцев, в частности, советских граждан, там не судили. Подсудимые попадали под суд за следующие преступления: 1. дезертирство, 2. грабеж, 3. нарушение служеб-

ных обязанностей на фронте, 4. трусливость. Политические преступники (подпольная агитация), как не входящие в компетенцию дивизионных судов, подлежали передаче армейскому суду.

В тот же самый период я в некоторых случаях допрашивал военнопленных из рядовых и сержантского состава Красной Армии. Этими допросами обыкновенно занимался помощник Ic зондерфюрер Вальтер Арнольд (пр[имерно] 45 лет, из Пскова). Но во время его отсутствия или усиленного занятия приходилось и мне временно исполнять его обязанности. Допросы производились на основании списка вопросов, которые составлялись Ic армии.

БРЕЕР

23/VIII 1947 г.

ЦА ФСБ России. Р-40817. Л. 95—109. Подлинник. Рукопись. Автограф.

№ 22
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА СОВЕТНИКА ПОСОЛЬСТВА Ф. БРЕЕРА

6 сентября 1947 г.
Москва

Допрос начат в 14 час[ов]
—"— окончен в 17 ч[асов] 30 мин[ут]

Вопрос: Какие разведывательные и контрразведывательные органы Германии вам известны?

Ответ: Мне известно, что в Германии существовали военная разведка «Абвер», Тайная государственная полиция «Гестапо» и Служба безопасности «СД», которые занимались разведывательной и контрразведывательной деятельностью.

Вопрос: Когда вам стало известно о существовании этих трех органов?

Ответ: О существовании военной разведки «Абвер» я впервые узнал летом 1938 года в городе Таллине в связи с приездом туда руководителя «Абвера» Канариса. О существовании в Германии Тайной политической полиции «Гестапо» и Службы безопасности «СД» я узнал со времени их создания, так как сотрудники этих двух органов имели особую форму и являлись официальными сотрудниками Министерства внутренних дел.

Вопрос: Расскажите все, что вам известно о деятельности названных вами органов?

Ответ: Кроме того, что на эти органы были возложены обязанности заниматься разведывательной деятельностью за границей, как, например, на «Абвер», а на остальные органы — обязанности обеспечения государственной безопасности внутри самой Германии, мне более подробно о деятельности этих органов ничего неизвестно.

Вопрос: Кого из работников Абвер, Гестапо и СД вы лично знали?

Ответ: Из работников военной разведки Абвер я был лично знаком с адмиралом Канарисом, полковником Пиккенброком, майором фон Бентивеньи и корвет-капитаном Целлариусом. Других работников Абвер, а также Гестапо и СД я совершенно не знал и знаком не был.

Вопрос: Где и когда вы познакомились с Канарисом, Пиккенброком, фон Бентивеньи и Целлариусом?

Ответ: Со всеми названными мною лицами я познакомился в городе Таллине.

Вопрос: При каких обстоятельствах произошло это знакомство?

Ответ: С Канарисом, Пиккенброк и фон Бентивеньи, я познакомился на официальном завтраке у германского посланника в городе Таллине летом 1938 года во время поездки этих трех лиц в Финляндию. Знакомил меня с ними сам посланник Фровейн в числе других сотрудников германской миссии. Больше встреч с ними у меня не было.

С Целлариусом я познакомился в 1939 году, так как он был помощником морского атташе и с начала войны с Польшей стал постоянно жить в городе Таллине. Познакомился я с ним официально как сотрудник миссии. Кроме официальных встреч в миссии я встречался с Целлариусом еще и в порядке личных встреч у меня на квартире или на квартире у него.

Вопрос: Какие поручения Целлариуса вы выполняли?

Ответ: Никогда никаких поручений Целлариуса я не выполнял.

Вопрос: Какими служебными вопросами у вас Целлариус интересовался?

Ответ: Целлариус никогда не касался при встречах моих служебных обязанностей, также как и я никогда не касался его служебной деятельности.

Вопрос: Какое участие лично вы принимали в деятельности германских разведывательных органов?

Ответ: В деятельности германских разведывательных органов я никогда никакого участия не принимал.

Вопрос: Вы говорите неправду. Следствие настаивает на том, чтобы вы дали правдивые показания на поставленный вопрос о вашем участии в деятельности германских разведывательных органов.

Ответ: Я еще раз заявляю, что в деятельности германских разведывательных органов никогда никакого участия не принимал.

Вопрос: Как сотрудник Министерства иностранных дел Германии вы занимались разведкой. Почему это обстоятельство скрываете?

Ответ: Разведывательной деятельностью как сотрудник Министерства иностранных дел Германии и вообще как германский гражданин я никогда не занимался.

Вопрос: Выше вы показали, что летом 1938 года руководитель «Абвер» адмирал Канарис и другие руководящие работники германской военной разведки ездили в Финляндию. Откуда это вам известно?

Ответ: От кого именно мне стало известно о том, что Канарис и сопровождающие его лица ехали в Финляндию и при каких обстоятельствах, я в данное время совершенно не помню. Однако для сотрудников германской миссии в Таллине этот факт не был секретом, так как сам посланник Фровейн провожал их на аэродром перед отъездом.

Вопрос: Эстонские власти были поставлены в известность о приезде в Таллин руководящих работников «Абвер»?

Ответ: Этого я не знаю, но, как мне помнится, на официальном завтраке в миссии, данном в честь приезда Канариса и его спутников, присутствовали офицеры эстонской армии. Однако точно этого я утверждать не могу. Канарис и его спутники были в штатском и, конечно, совершали поездку в Финляндию не официально.

Вопрос: Для каких целей Канарис со своими работниками ездили в Финляндию?

Ответ: Этого я не знаю.

Вопрос: По поводу поездки Канариса в Финляндию у вас был разговор с Целлариусом?

Ответ: Нет, никогда не было никакого разговора на эту тему.

Вопрос: С работниками эстонских разведывательных органов вы были знакомы?

Ответ: Нет, не был.

Вопрос: А Целлариус?

Ответ: Я встречал Целлариуса в ресторанах неоднократно в обществе эстонских офицеров. Но так как сам в этой кампании никогда не бывал, то не могу сказать, являлись ли они работниками эстонской разведки. Лично с ними я знаком не был и с Целлариусом по поводу этих эстонских офицеров разговора не вел.

Протокол записан с моих слов правильно на понятном мне русском языке и мне прочитан.

[БРЕЕР]

Допросил: сотрудник 2 Гл[авного] Упр[авления] МГБ СССР капитан СТРУКОВ

ЦА ФСБ России. Р-40817. Л. 147—148об. Заверенная машинописная копия. Автограф.

№ 23
СОБСТВЕННОРУЧНЫЕ ПОКАЗАНИЯ СОВЕТНИКА ПОСОЛЬСТВА Ф. БРЕЕРА «ЦЕЛИ ГЕРМАНСКОЙ ПОЛИТИКИ В ПРИБАЛТИКЕ. 1937—1940 ГГ.»

21 сентября 1947 г.
Москва

I. 1937—[19]39

Цель германской политики в Прибалтийских странах в первый период моего пребывания в Эстонии (июль 1937 г. до осени 1939 г.) состояла в [во]влечении этих стран в систему пактов Антикоминтерн[20], направленных против СССР. Осуществление этой политики встречалось с тогдашней эстонской политикой в том, что все руководящие круги Эстонии, боясь вторжения коммунизма, были, несомненно, настроены против СССР.

С другой стороны, однако, эстонцы, только что избавились от долговечной опеки остзейского дворянства, боялись в той или иной форме попасть под ту же опеку в случае слишком тесных связей с Германией и ее внешней политикой. Они при этом или забыли, что, как и раньше, так и в тогдашнее время, именно Германия и Россия играли главную роль для судьбы прибалтийских стран, или думали, что ввиду натянутых германо-советских отношений ни одна из этих великих держав не допускала бы изнасилования прибалтийских стран другой. Они, таким образом, были такого мнения, что они могли водить иностранную политику вполне независимую от естественных данностей. Они отклоняли и немецкое, и советское первенство и стремились к укреплению их политических связей друг с другом (Прибалтийский союз), с Скандинавией и с странами Западной Европы, главным образом с Англией.

Ввиду этого положения в то время для Германии оказалось невозможным втягивать Эстонию и Латвию в свою систему пактов против СССР, если она не хотела отказаться от поддержки немецкого меньшинства в Прибалтике, которое до тех пор только частью потеряло свое старое влияние. Именно этот последний факт, в связи с семисотлетними традициями политического и культурного престижа, был для немцев в Рейхе причиной не

только не отказаться, а, напротив, их поддерживать всеми силами. Из-за этого Германия посредством своих миссий регулярно тратила крупные суммы для поддержания немецких школ, немецких учреждений при прибалтийских ВУЗах, немецких газет, немецких культурных обществ, а также отдельных руководящих лиц, как в Эстонии президента и вице-президента Немецкого культурного управления. Размеры этих сумм мне неизвестны.

Конечно распространение германского культурного влияния в Эстонии не ограничивалось поддержкой немецкого меньшинства. Так как эстонцам по закону воспрещалось посещение немецких школ, раньше игравших большую роль, непосредственное влияние на эстонскую публику оказалось особенно важным. Это обеспечивалось следующими способами:

а. распространением германских газет, журналов, книг и брошюр, в особенности с начала войны в 1939 г.;

б. стипендиями для студий эстонских студентов в германских ВУЗах;

в. частными выступлениями германских артистов и спортсменов в Эстонии, а также приглашениями эстонских артистов и спортсменов в Германию, причем давалась денежная помощь из государственных средств (МИД и Мин[истерство] пропаганды).

Очень трудно было немецкое влияние на эстонскую прессу, которая в сущности была настроена против Германии. Из-за этого, несмотря на постоянные старания представителя ДНБ (г[осподин] Рихтер) и нашего посредника по этой линии г-на фон Шульмана, только редко удавалось дать статьи из немецких пер[еводов] и немецких фотоснимков, в особенности после начала войны в 1939 г. Также частные приглашения эстонских журналистов в Германию увенчались лишь кратковременным успехом.

В области экономических взаимоотношений дела обстояли так, что Германия имела первое место в эстонском импорте, а только второе в экспорте (после Англии). Несмотря на это, Германия постоянно старалась еще усилить свой вывоз в Эстонию.

Поскольку это зависело от разрешения эстонских авторитетов, было общеизвестно, что эстонские чиновники до самых высших принимали взятки. Такие операции, однако, были в данном случае делом представителей продавцов. Германская миссия ими не занималась. Известно было, что сам президент Пэтс, хотя он, бывало, отказывался от непосредственных взяток, рекомендовал посетителям обращаться к адвокату Радкас, который тогда, по возможности, устраивал дело и отдавал львиную часть гонорара президенту.

Официальная экономическая политика Германии в Эстонии была довольно осторожная, так как о всяком настоящем давлении дипломатическими средствами речи и не могло быть. В этом отношении надо помнить, что попытка заставить Литву к приему германских условий [по]средством «экономической войны» оказалась напрасной потому, что в момент прекращения германского импорта из Литвы Англия купила сразу все товары, покупавшиеся до тех пор Германией. Положение в Эстонии было аналогичное.

Что касается проникновения Германии в Эстонию собственно политическими способами, то возможности, ввиду начала изложенного всеобщего положения, были весьма ограниченны.

Руководящие лица Эстонии были, в отличие от открытых противников Германии, вежливы, но, в сущности, уклончивы. Единственным мне известным исключением являлся друг президента Пэтса, Кассе, который был посредником между нашей миссией и самим президентом. Результаты его стараний ограни-

чивались, однако, более или менее платоническими заявлениями эстонской благонастроенности к Германии. Сам президент Пэтс покинул это положение только в момент передачи советских политических требований осенью 1939 г. Тогда он еще ночью вызвал германского посланника к себе во дворец, прося его о германской помощи против СССР. Посланник телеграфировал содержание этой беседы в Берлин, откуда, конечно, [по]следовал уклончивый ответ.

Мне известны следующие лица, играющие заметную роль при осуществлении целей нашей политики в Эстонии, как и пути собирания информаций насчет эстонских отношений и отдельных лиц:

а. По линии политики:

Кассе Гуго, род[ился] пр[имерно] 1870, умер 1941 в Берлине, русский статский советник, член эстонского Верховного суда, в отставке, друг президента Пэтса и заведующий эстонским общественным клубом «Центризм». Друг Германии и ярый антибольшевик.

б. По экономическим вопросам: фон Шульман Гельмут, пр[имерно] 50 лет, экономический сотрудник немецкой газеты «Ревальше Цейтунг» и с 1939 г. сотрудник германской миссии по линии печати и экономики.

в. по юридическим вопросам Бок Вольдемар, адвокат, пр[имерно] 60 лет.

г. по вопросам немецкого меньшинства:

а.а. барон Врангель Вильгельм, прим[ерно] 50 лет, президент Немецкого культурного управления.

бб. д[октор] Вейсс, Гельмут, пр[имерно] 45 лет, вице-през[идент] Нем[ецкого] культ[урного] управл[ения].

вв. д[октор] Гартеге, пр[имерно] 45 лет, секретарь Нем[ецкого] культ[урного] управл[ения]. С Гартеге я сам бывало переговаривал о натурализции эстонских граждан немецкой национальности в Германии. В данном случае германские надлежащие авторитеты обращались к миссии насчет характеристики [для] хлопотавших лиц и согласований с миссией о наутрализации. Так как германская политика была направлена против всякого ослабления немецкого меньшинства в Эстонии, ответ миссии был почти во всех случаях резко уклончив, за исключением таких случаев, когда лица, хлопотавшие о германском гражданстве, были кандидатами в офицеры германских вооруженных сил.

д. По землехозяйственным вопросам:

а.а. фон Гарпе, президент Эстляндского землехозяйственного общества, пр[имерно] 60 лет.

бб. фон Миквиц Адольф, пр[имерно] 55 лет, секретарь Эстл[яндского] зем[ле]-хоз[яйственного] общества.

Из вышеупомянутых лиц, кроме Гарпе, я лично имел дело только к Шульману и Боку, с которыми я переговаривал вопросы, касающиеся интересов германских граждан в Эстонии, процессов, вытекающих из этого, и других юридических вопросов. Кроме того, Шульман мне давал информации об эстонских лицах и фирмах, на основании которых миссия отвечала на письма заинтересованных германских торговых фирм и пр. Подробности деятельности других названных лиц мне неизвестны. К ним обращался или сам посланник, или советник миссии.

II. 1939—1940

В период после германо-советских договоров 1939 г. и германо-эстонских договоров о репатриации немецкого меньшинства миссия занята была, в первую очередь, самой репатриацией. Кроме того, она имела лишь роль на-

блюдателя, так как активная политика Эстонии ввиду новых отношений этой страны с СССР уже была невозможна.

БРЕЕР

ЦА ФСБ России. Р-40817. Л. 182—190. Подлинник. Рукопись. Автограф.

Легационный советник Эккард Брист

№ 24
СОБСТВЕННОРУЧНЫЕ ПОКАЗАНИЯ ЛЕГАЦИОННОГО СОВЕТНИКА Э. БРИСТА

29—30 апреля 1944 г.
Москва

Бриест Эккерт, 1909 года рождения, уроженец Берлина, сын врача, с высшим юридическим образованием, член национал-социалистической партии с 1933 года до февраля 1943 года, сотрудник секретной разведывательной службы министра иностранных дел фон-Риббентропа.

К моим прежним показаниям о том, что я работал в канцелярии имперского министра иностранных дел Риббентропа, я должен после долгой и серьезной внутренней борьбы сказать, что хотя я и работал у министра, но был сотрудником не канцелярии, а секретной разведывательной службы имперского министра.

Я долгое время боролся со своей совестью, так как не хотел скомпрометировать своих коллег в Министерстве иностранных дел. Но чем больше я над этим думал и чем больше я знакомился со взглядами генерала фон Зайдлица, которого я должен признать безусловно честным немецким патриотом, тем более я приходил к убеждению, что бессмысленно бороться за систему, которая, вследствие преступной политики Гитлера, ведет немецкий народ к верной гибели и к разрушению самих основ существования Германии.

Если я по-прежнему продолжал бы скрывать истину, то это, естественно, должно было быть истолковано как приверженность гитлеровскому режиму и заклеймило бы меня, вопреки моему подлинному внутреннему убеждению, как врага Советского Союза.

В этом моем внутреннем конфликте между верностью моим товарищам по службе, своему непосредственному руководству и высшим интересам германской родины, мне кажется, как представителю Министерства иностранных дел, более важным снискать к себе доверие.

В силу нападения на Советский Союз немецкий народ взял на себя большую вину по отношению к России, и если я в этой тяжелой борьбе со своей совестью решился сегодня — добровольно и без принуждения — сказать полную правду и раскрыть свою тайну, то это потому, что хочу со всей убедительностью доказать, что мы, немцы, и, в особенности, мои товарищи в Министерстве иностранных дел, желаем искренней дружбы с советской Россией.

Сознаюсь, что я предпочел бы избегнуть этого последнего шага и, что не в последнюю роль сыграло в этом сознании, что бессмысленно продолжать отрицать существование секретной разведывательной службы в Министер-

стве иностранных дел после того, как мне стало ясно, что эта организация уже известна Советскому Правительству от агентов министерства. Это убеждение также облегчало жертву моего признания.

В беседах с советскими комиссарами меня тяжело угнетало сознание, что на предлагаемую мне дружбу я должен был отвечать ложью, которая в конце концов должна была вести к нарушению веры в искреннее сотрудничество между Советским Союзом и Германией, представителем которой я должен себя здесь чувствовать.

Без принуждения поэтому я даю настоящие показания в твердой надежде и в убеждении, что я этим внощу свой вклад в безусловно необходимую будущую дружбу между Германией и Советским Союзом.

Меня заверили, что мои коллеги лично не пострадают от этого.

ОРГАНИЗАЦИЯ СЕКРЕТНОЙ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЙ СЛУЖБЫ МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РИББЕНТРОПА И ЛИЧНЫЙ СОСТАВ ЦЕНТРА

После возвращения из США в августе 1941 года я был направлен моим другом советником миссии доктором Компе, который работал тогда в отделе личного состава, к посланнику Генке, который числился в личном штабе Риббентропа. Компе сказал мне, что у Генке я узнаю круг моих задач.

У Генке я узнал, что имперский министр фон Риббентроп создал секретную разведывательную службу исключительно для своего личного осведомления и возложил на посланника Генке руководство этой организацией.

Деятельность этой разведывательной организации началась в мае 1941 года и была законспирирована даже от самого Министерства иностранных дел.

Генке обязал меня не разглашать этой тайны даже ближайшим друзьям.

У Генке работало тогда только два человека: его заместитель — советник миссии — докладчик барон Маршалл фон-Биберштейн[I] и секретарь миссии доктор Димке, который как араболог должен был уехать в Анкару и которого я заменил.

Барон фон Маршал раньше работал в посольстве в Лондоне, он сын покойного барона фон Маршалла — посла в Турции до мировой войны, который был на прекрасном счету в Министерстве иностранных дел.

Доктор Димке работал раньше в миссии в Каире. Как знатоку Ближнего Востока ему было поручено организовать агентурную разведку в Турции и в арабских странах.

По прежним показаниям Бриеста, Генке — заведующий политическим отделом и помощник государственного секретаря Министерства иностранных дел. После войны 1914—1918 гг. он долго работал в посольстве в Москве, затем пять лет консулом в Киеве[II].

В целях сохранения тайны аппарат центра должен был состоять из минимального количества лиц. Кроме нас — трех высших чиновников, был еще только канцелярский служащий канцлер Шенкенбергер. Машинистками (секретаршами) были фрейлейн Гарацим и фрейлейн Хейдеман. Фрейлейн Гарацим работала раньше в посольстве в Париже, а фрейлейн Хейдеман — в посольстве в Анкаре.

[I] Речь идет о немецком дипломате Адольфе Фрейхерре Маршале фон Биберштайне.

[II] Здесь и далее фразы, добавленные в протокол следователями, составителями выделены курсивом.

Канцлер Шенкенбергер работал раньше в миссии в Риге и в консульстве в Граце.

Кроме имперского министра Риббентропа и этих чиновников, о существовании разведывательной организации знали: посланник барон фон Штеенграхт (личный секретарь министра), посланник фон Ринтелен как главный референт в специальном поезде Риббентропа, государственный секретарь барон фон Вейцзеккер, заведующий политическим отделом и помощник государственного секретаря Верманн, заведующий отделом личного состава министерский директор Шредер и заведующий шифровальным бюро Зельхов.

Организацией разведывательной службы занимался лично Генке, опираясь на свои связи.

В задачи разведки входило — добывание, независимо от официальных докладов миссий и помимо их цензуры, дополнительной политической информации, которая одновременно служила бы Риббентропу материалом для суждения о качестве официальных докладов послов и посланников. Подбор агентов на местах был предоставлен усмотрению Генке.

Риббентроп придавал особенное значение агентурной разведке на Ближнем Востоке и позднее на Балканах.

В ноябре 1942 года в связи с назначением Генке посланником в Мадрид руководителем секретной разведывательной службы был назначен посланник Эттель.

По прежним показаниям Бриеста, Эттель исполнял обязанности чиновника связи отдела зарубежных немцев с МИД и Риббентропом. Эттель был раньше представителем «Люфтганзы» и руководителем нацистской организации в Иране, потом был посланником в Тегеране. По словам Бриеста, Эттель мало интересовался работой разведки и фактически руководителем был барон фон Маршалл.

РЕЗИДЕНТУРЫ ПРИ НЕМЕЦКИХ ПОСОЛЬСТВАХ И ОТДЕЛЬНЫЕ АГЕНТЫ

В качестве резидентов в отдельных странах работали следующие лица.

Агентура в Скандинавских странах

В Скандинавии с местопребыванием в Копенгагене, резидентом секретной разведывательной службы Риббентропа был эксперт по судоходству при германской миссии в Копенгагене немец Дуквиц, личный друг Генке по прошлой совместной работе в Копенгагене.

По роду своей деятельности в миссии Дуквиц имел связи в Скандинавских странах, в особенности в мореходных кругах.

Его агентами, имен которых он не называл, были:

Шведский судовладелец в Гетеборге, — член шведского королевского дома; двоюродный брат руководителя финских профсоюзов Таннера в Гельсингфорсе и, наконец, швейцарский купец, который использовался для разведывательных целей при его деловых поездках в Лондон.

Двоюродный брат Таннера жил в Гельсингфорсе и ездил на встречи в Стокгольм.

Так же, как и остальные резиденты разведки Риббентропа, Дуквиц очень неохотно и только из любезности к Генке принял на себя эту работу. Его агенты о его связи с разведкой не знали.

Так как агентурные донесения отправлялись курьерской почтой миссии, то посланник был посвящен в это дело. Такая тактика проводилась и в других странах, где были созданы резидентуры.

По договоренности с посланником в Дании фон Ренте-Финк была удовлетворена просьба Дуквица не обязывать его вести там разведывательную работу против Дании, так как он опасался конфликтов с посланником на этой почве.

Генке держался тактики не прикомандировывать резидентов к миссиям против воли послов и посланников, если они, боясь дипломатических неприятностей, противились этому, как это сделал посланник фон Блюхер в Финляндии.

Резидент Дуквиц, как и большинство резидентов, не был платным агентом, он смотрел на свою работу как на почетную обязанность, и ему возмещались лишь расходы по поездкам на встречи со своими агентами в Стокгольм и Швейцарию.

Дуквиц направлял свои донесения под видом частных писем в адрес Генке курьерской почтой из Копенгагена или же писал их в Министерство иностранных дел проездом через Берлин из Швейцарии.

Швейцарский купец имел в Лондоне связи в правительственных кругах, встречался на званых обедах с английскими министрами, в том числе с министром авиации.

Судовладелец из Гетеборга тоже имел связи в английских морских кругах.

Дуквиц в своих донесениях обозначал своих агентов по роду их занятий и отказывался по принципиальным соображениям назвать их имена, так как не хотел компрометировать их.

Учитывая, что деятельность Дуквица была совершенно добровольной и Генке в силу доверительных отношений не мог и не хотел нажимать на Дуквица, — приходилось соглашаться с этим, возложив на Дуквица ответственность за правильность сведений.

Другим резидентом, который работал в Швеции и в Финляндии с местопребыванием в Стокгольме, был тамошний немецкий пресс-атташе доктор Эрих Грассман, который жил в Швеции свыше 20-ти лет и имел очень широкие связи во всех стокгольмских кругах. Грассман тоже работал из патриотических побуждений и тоже не назвал имен своих агентов из-за боязни скомпрометировать их. Он обозначал их по занимаемому положению. Его агенты работали безвозмездно и о разведывательной деятельности Грассмана не были информированы.

Это были:

швед — сотрудник английского пресс-атташе в Стокгольме;

политический редактор газеты «Стокгольмс тиднинген»;

владелец шведского газетного концерна.

В берлинском центре разведки полагали, что третьим источником был Торстен Крейгер, так как Грассман находился с ним в хороших отношениях.

У Грассмана были также связи в финских кругах, но постоянных источников информации он в Финляндии не имел.

АГЕНТУРА В ВЕНГРИИ, БОЛГАРИИ И ЮГОСЛАВИИ

Агентами в Будапеште были: графиня Ворашицкая, 30—32 лет, венгерская подданная, дочь американки. Графиня — элегантная и интересующаяся политикой дама будапештского общества. Она располагала хорошими связями в дипломатическом корпусе и в кругах Хорти (сына Хорти). Графиня была платным агентом. Она информировала о Венгрии и обо всем том, что говорилось в будапештских кругах об Англии и Америке. Графиня посылала свои донесения через советника германской миссии доктора Веркмейстера[1], которого Генке как своего друга посвятил в это дело.

---

[1] Так в документе, возможно, речь идет о немецком дипломате К. Вёркмейстере.

Посланник фон Ягов тоже был в обычном порядке информирован об этом письмом Генке.

Другим платным агентом в Будапеште был бывший секретарь миссии Хорватии в Берлине — Евгений де Монти, который был особенно близок с хорватским посланником Миле Будак. Де Монти работал в Венгрии, Болгарии и Югославии. Он жил попеременно в Будапеште и в Софии, официально выступая в качестве кинорежиссера. Де Монти имел хорошие связи в Будапеште и в Софии, но постоянных агентов у него не было. Свои донесения из Будапешта де Монти пересылал через советника германской миссии Веркмейстера в адрес Генке.

Из Софии его донесения переотправлялись через фрейлейн Фридрих (молодая девушка), которая была послана из Берлина в помощь де Монти и для прикрытия прикомандирована к миссии в качестве стенографистки. В ее функции входило: помогать де Монти в редактировании донесений и переотправлять их в берлинский центр. Фрейлейн Фридрих — личная знакомая Генке.

Из связей де Монти в Будапеште известна госпожа фон Тибор и в Софии — гадальщик (на кофейной гуще) царя Бориса.

Муж г-жи Тибор (Тибор фон Эккхард), по показаниям Бриеста от 28 января с/г, эмигрировал в Англию, где возглавляет венгерскую эмиграцию. Тибор фон Эккхард поддерживает связь с женой в Венгрии, а через нее с венгерской оппозицией.

Де Монти имел связь и в Белграде, — там он был посредником при вербовке берлинским центром агента по имени Клуич. Клуич — югославский подданный. Он был в свое время особенно ценным агентом как член партии Михайловича и чиновник тогдашнего антинемецкого правительства. Он имел близкие связи в штабе Михайловича. Клуич был резидентом берлинского центра в Белграде. По конспиративным соображениям он не мог входить в непосредственную связь с немецкими инстанциями. Клуич пользовался поэтому услугами связиста по имени Ллойд, который жил в Белграде и передавал донесения Клуича, адресованные Генке, через советника германской миссии Фейне, которые отправлялись в Берлин через миссию.

Клуич и Ллойд были платными агентами. Подробностей о Ллойде мы не знали, так как с ним договаривались через де Монти, который его привлек к секретной службе.

АГЕНТУРНАЯ СЛУЖБА В ГРЕЦИИ

В Афинах резидентом берлинского центра был советник миссии доктор Фогель, который раньше работал в правовом отделе Министерства иностранных дел и около трех лет служил в миссии в Афинах.

Хотя, по мнению Генке и Риббентропа, решено было не вести агентурной работы в оккупированных германскими войсками областях, летом 1942 года мы получили указания министра послать резидента в Грецию, так как в то время считались с возможностью высадки там английского десанта.

Так как Генке не мог никого подобрать, он обратился к посланнику в Афинах Альтенбургу, с которым он в дружеских отношениях, с просьбой рекомендовать ему подходящего кандидата. Посланник Альтенбург назвал своего советника миссии доктора Фогеля, который прислал одно-два донесения об обстановке и настроениях в Греции, но ценных агентов не приобрел.

АГЕНТУРА В ТУРЦИИ И НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Резидентом в Турции и на Ближнем Востоке был секретарь миссии доктор Димке, который до этого работал у Генке в берлинском центре, а еще раньше — в миссии в Каире. Димке бегло говорит по-арабски.

Его платным агентом является известный знаток Ближнего Востока, журналист и представитель агентства «Трансоцеан» доктор Шмиц. Димке хорошо знал Шмица по Каиру и завербовал его агентом для работы в разведке. У Шмица были особенно хорошие отношения с чиновниками турецкого Министерства иностранных дел, от которых он получал информацию. Имен этих чиновников Шмиц не называл.

Существенной целью секретных донесений из Турции являлось, видимо, желание Риббентропа проверять доклады посла фон Папена, который очень неохотно согласился с назначением к нему резидента от Генке.

Другим агентом доктора Димке, работавшим безвозмездно, был араб Абдул Хафиз, которого Димке знал по Каиру и встречался с ним в Анкаре. Абдул Хафиз давал информацию об обстановке в арабских странах, не зная, однако, что Димке является резидентом разведки.

Помощником доктора Димке был профессор — доктор Адам Фалькенштейн, араболог, работавший раньше в Берлинском университете, а позднее служивший младшим научным сотрудником в Ближневосточном отделе Министерства иностранных дел.

Адам Фалькенштейн с научной целью объезжал арабские страны и летом 1942 года был зачислен научным сотрудником посольства в Анкаре с задачей работать в качестве помощника доктора Димке. Димке откомандировал его к вице-консулу в Александретту, где он под видом научного сотрудника занимался, с ведома вице-консула, разведывательной деятельностью, добывая из арабских источников сведения об оккупированных англичанами странах, так как тогда считались с возможностью английских операций в Турции.

У Адама Фалькенштейна постоянных агентов не было. В ноябре 1942 года Фалькенштейн вернулся в Анкару.

АГЕНТУРА В РУМЫНИИ

Резидентом в Бухаресте осенью 1942 года был назначен работавший в миссии правительственный советник Редель, который раньше работал в имперском Министерстве внутренних дел.

Одним из агентов Ределя был румын доктор Эко, который часто ездил в Стамбул и, по заданию Ределя, был связан с английской разведкой и встречался с английским генеральным консулом. С доктором Эко Ределя свела румынская разведка, с которой Редель поддерживал контакт.

От румынской разведки Редель получал информацию о деятельности лидера либеральной оппозиции Маниу.

При посредстве Ределя берлинский центр намеревался насадить агентуру в Армянской ССР через одного армянина, с которым Редель встречался в Бухаресте. Речь шла об армянине по имени доктор Аррахан, который, имея связи в Армении, был в принципе согласен поехать в Армению и организовать там агентурную сеть. В связи с этим Аррахан был вызван в Берлин. Это происходило во время моей мобилизации армии, и поэтому я не знаю, был ли Аррахан действительно отправлен.

Работа Ределя оплачивалась. Из получаемых сумм он сам оплачивал свою агентуру.

РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫЙ ПУНКТ В МАРСЕЛЕ

Одним из наилучших резидентов берлинского центра разведки Риббентропа был в Марселе немецкий подданный Ганс Курт, который был рекомендован немецким генконсулом в Женеве Кранель как особенно дельный агент. Курт раньше служил в консульстве в Женеве. Курт был опытным разведчиком и имел свою собственную агентурную сеть. Его постоянным местожительством был Марсель, он имел также виллу в Монте-Карло и регулярно ездил через Барселону в Лиссабон по заданию берлинского центра.

Разведывательная деятельность Курта развивалась главным образом во Франции. Курт совершенно свободно говорил по-французски и выдавал себя за швейцарца. Курт давал, кроме того, информацию о Португалии, Испании, Италии, Англии и, через осведомительный канал в Бразилии, о США, доставлял также сведения о французском Марокко и Австралии.

Его агентами были:

в Монте-Карло министр монакского принца Робло, бывший французский подданный и бывший бургомистр Страсбурга, с которым Курт был в тесных дружественных отношениях;

в Барселоне — испанец, служащий Бюро путешествий, который давал сведения об Англии, которые получал путем общения с путешественниками;

в Мадриде — купец по имени Альварес, имевший связи в церковных католических кругах. Насколько я припоминаю, Альварес торговал продовольствием и регулярно ездил по торговым делам в Англию, откуда привозил разведывательные сведения;

в Лиссабоне — служащий пароходства, имевший связи среди коммунистов и рабочих. Добывал сведения о коммунистическом движении в Лиссабоне и в остальной Португалии. Генке из берлинского центра знал, что Курт поддерживает контакт с коммунистическими кругами.

В Лиссабоне Курт, кроме того, регулярно встречался с британским летчиком, который давал ему сведения об Англии.

Там же в Лиссабоне Курт встречался с австралийкой, богатой купчихой, которая ездила в Нью-Йорк и давала материалы об Австралии, Англии и США. По словам Курта, он познакомился с этой женщиной в Монте-Карло.

В Италии Курт имел связь с полицейским офицером, который осведомлял его по линии полиции.

Курт поддерживал в Марселе связь с коммунистами и рабочими. Вращался там в портовых кабаках. Курт однажды взял с собой в кабак приехавшего в Марсель из берлинского центра Генке и продемонстрировал ему технику своей работы.

Агентом Курта в Бразилии является маклер по торговле кофе, проживающий в Сантосе. Этот маклер ездил по делам в Нью-Йорк на кофейную биржу и привозил оттуда сведения о США. Связь с ним, по словам Курта, поддерживалась через португальских моряков.

Агентом Курта в Алжире был французский полицейский офицер по имени Кометта. Незадолго до моего призыва в армию (февраль 1943 года) Курт был в Марселе арестован, несмотря на то, что он имел служебный паспорт Министерства иностранных дел, по которому он значился секретарем консульства в Женеве.

Месяца за два до этого помощник государственного секретаря Лютер писал Риббентропу, что в Марселе один агент навлек на себя подозрения гестапо своим широким образом жизни в Монте-Карло и рассказами, что он

работает по заданию самого Риббентропа, и что в связи с этим гестапо намерено арестовать его. Барон фон Маршалл вмешался в это дело, и арест Курта был предотвращен. Последовавший все же через некоторое время арест Курта был мотивирован его связями с коммунистами и подделкой паспорта Министерства иностранных дел. Попытки берлинского центра разведслужбы освободить Курта не помогли. Позднее, при моем проезде через Берлин, уже будучи в армии, фон Маршалл рассказал мне, что Курту удалось бежать и местопребывание его неизвестно.

Другим резидентом, работавшим в Мадриде, был пресс-атташе Лацар, который был назначен по личному желанию Риббентропа. Он бывший австрийский дипломат. Лацар лично дружил с высшими чиновниками испанского Министерства иностранных дел и давал хорошую информацию. Он ежемесячно получал около 2500 немецких марок, которые он расходовал на встречи со своими агентами. Никто из них не знал о секретной службе Лацара. Имен своих агентов Лацар не называл. Генке не настаивал на этом, считая Лацара вполне компетентным для определения надежности информации.

Посол в Испании фон Шторер о разведывательной деятельности Лацара был поставлен в известность.

АГЕНТУРА В ШВЕЙЦАРИИ

Резидентом в Швейцарии является атташе консульства в Базеле доктор Мейер, который раньше работал в имперском Министерстве хозяйства.

Агентом Мейера является баронесса Тиссен, проживающая в Женеве и доставляющая время от времени информацию из швейцарских кругов.

Другим агентом доктора Мейера является швейцарская подданная г-жа Марго Цюрни, проживающая в Женеве. Раньше она была секретарем и сотрудницей Курта. Цюрни давала информацию главным образом об Англии. Эти сведения она получала от англичанина — суб-директора британской табачной кампании в Женеве. По ее словам, англичанин не знал о ее связи с Мейером.

Агентом доктора Мейера является также швейцарский студент-юрист в Лозанне Альферман, который время от времени давал сведения об Англии и Швейцарии.

Мейер имел также связь с швейцарским банковским директором в Базеле, который информировал по вопросам английской экономики. Имени этого агента Мейер не называл. Мейер был назначен резидентом разведки в ноябре 1942 года.

АГЕНТУРА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Резидентом по Дальнему Востоку с местопребыванием в Шанхае был советник миссии в тамошнем посольстве доктор Биддер. Биддер работал в посольстве в Китае в продолжении 13 лет. В течение этого периода он непродолжительное время работал в посольствах в Париже и в Москве.

Во время пребывания поверенным в делах[21] в Чуньцыне Биддер завязал особенно хорошие связи в чуньцынских кругах. Он бегло говорит по-китайски и считается исключительным знатоком Китая.

Агентами Биддера являются:

министр путей сообщения Китая Чангтя-Нгау, имевший свое представительство в Шанхае;

дама из окружения маршала Чанкай-ши *(с которой, по словам Бриеста, Биддер находился в любовной связи)*;

китайский адвокат в Шанхае по имени Яу;

несколько китайских журналистов, которые тоже имели связи в чуньцынских кругах;

Имен всех своих агентов Биддер не называл.

К числу его агентов принадлежала представительница газеты «Франкфуртер Цейтунг» Лилли Абегг, которая проживала в Токио.

АГЕНТУРНАЯ РАЗВЕДКА ПРОТИВ СССР

Агентом разведки Риббентропа по добыванию сведений из Советского Союза являлся проживающий в Праге бывший украинский деятель Макаренко.

Макаренко был завербован посланником Генке в мае 1941 года в связи с получением им задания организовать секретную разведывательную службу.

Генке состоял с Макаренко в тесной дружбе еще со времени своего пребывания в Праге германским поверенным в делах. Этой дружбе способствовало то, что Генке бегло говорит по-русски и работал пять лет консулом в Киеве.

Макаренко возглавлял зарубежные антисоветские украинские эмигрантские организации, которые рассеяны по разным странам Европы. Украинские эмигрантские колонии организовывались и руководились по указке агентов Макаренко.

Агенты поддерживали связь с Макаренко, которого они считали своим вождем, и доставляли ему регулярные политические обзоры об обстановке в странах, в которых они проживали, а также о Советском Союзе, поскольку они располагали такими сведениями.

В Лондоне существует Украинское бюро, которое представляет и объединяет проживающих там антисоветских эмигрантов.

Разведчиками Макаренко были следующие лица.

В Тегеране бывший царский полковник-украинец, представитель персидского общества по овцеводству. Этот агент имел своих информаторов-украинцев в Исфагани и в Тавризе, которые, однако, не были нам известны ни по имени, ни по занимаемому положению.

В Стамбуле агентом был бывший царский полковник-украинец, женившийся на богатой турчанке. Фамилия его была Момот (или Мамот).

В Лиссабоне находился агент Макаренко, о котором он никаких подробностей не сообщал.

Агентом в Каире и в Александрии являлся бывший царский офицер-украинец, который работал представителем и журналистом английского агентства Рейтер в Каире и осведомлял главным образом о Египте.

Агентом в Лондоне был руководитель украинского эмигрантского бюро; он бывший морской атташе или его помощник при царском посольстве в Лондоне.

В Стокгольме агентом Макаренко являлся также бывший морской атташе царской России или же его помощник в Стокгольме. Он женат на шведке, журналист или художник, живет очень скромно.

Агент в Стамбуле, как и тегеранский агент, ссылались в своих донесениях на советских курьеров и военнослужащих как на источники информации.

Агент в Стамбуле имел прямую или косвенную связь с сотрудником советского посольства в Анкаре.

На крайне интересующий Риббентропа и берлинский центр разведывательной службы вопрос, каким путем Макаренко получал донесения из-за границы в Прагу помимо немецкого контроля, Макаренко указывал, что он их получал через болгарское консульство.

Каким образом доставлялся материал из Лондона в Лиссабон и из Тегерана в Стамбул, берлинский центр не знал.

Сам Макаренко сдавал запечатанный в конверте материал в пражское представительство Министерства иностранных дел, адресуя его Генке, а впоследствии барону фон Маршаллу, откуда материал доставлялся в Берлин вместе с остальной курьерской почтой секретарем консульства.

Насколько мне известно, донесения Макаренко составлялись на русском языке и переводились секретаршей Эрдтман, которая бегло говорит по-русски, и самим Генке. Эрдтман раньше работала в посольстве в Москве. До ноября 1942 года Макаренко работал безвозмездно, а затем, по инициативе барона фон Маршалла, который посетил его в Праге, стал получать месячное вознаграждение в 2000 немецких марок.

Агентуры в Советском Союзе Макаренко не имел.

Правильность содержания протокола, зачитанного мне на родном немецком языке, подтверждаю.

БРИСТ

«30» апреля 1944 г.
г. Москва

Допрос производили: Полковник Л. ШВЕЦ
майор госбезопасности ПАРПАРОВ

Верно: полковник Л. ШВЕЦ

Архив УФСБ России по Саратовской области. Ф. 16. Оп. 312«Е» Д. 235. Л. 21—36. Заверенная машинописная копия.

Посланник Фриц Гробба

№ 25
СОБСТВЕННОРУЧНЫЕ ПОКАЗАНИЯ ДОКТОРА Ф. ГРОББЫ

5 марта 1946 г.
Хемниц (Германия)

1. АВТОБИОГРАФИЯ [1. LEBENSLAUF]

Я родился 18.7.1886 года в Гарц на Одере (округ Грайфенхаген) в семье садовника Рудольфа Гробба и его жены Элизе, урожд[енной] Вейер [Weyer][I]. Мой старший брат Карл является налоговым инспектором в Ноймюнстер (Гольштейн), второй брат умер и младший брат погиб в первой мировой войне.

В Гарце на Одере я посещал народную школу и гимназию для сдачи экзаменов на аттестат зрелости в 1903 году. Затем в течение 2-х лет учился садоводному[II] делу в садоводстве моего отца, а после этого работал 1 год в Берлине и 1 год в Гамбурге в качестве помощника садовода. Я был членом

[I] Здесь и далее в квадратных скобах составителями в ряде случаев вставлены на немецком языке (по подлиннику) фамилии лиц или организации, упомянутые в документе.

[II] Так в документе.

«Общего германского союза садоводов» [Deutschen Gärtnerverbandes] (профсоюзная организация).

С 1907 по 1913 год я изучал юридические науки в Берлинском университете. В 1-м семестре я изучал одновременно ботанику при Высшей сельскохозяйственной школе в Берлине, затем занимался изучением восточных языков, главным образом турецкого, при семинарии восточных языков.

В 1913 году я был принят на работу в министерство иностранных дел в качестве помощника переводчика и прикомандирован к германскому генеральному консульству в Иерусалиме.

Когда началась война, я был призван в армию. Я принимал участие в боях во Фландрии в чине лейтенанта резерва и командира взвода пехотного полка. В марте 1916 года я был прикомандирован к немецкой военной комиссии в Турции и был послан на фронт[22], на Суэцкий канал. Там я был офицером-ординарцем при корпусе «Йельдерим»[23] (Блиц). В июле 1918 года я был отозван в Берлин.

В начале октября 1918 года я был назначен вице-консулом в Баку, но в связи с создавшейся обстановкой я не мог выехать туда. Я взял отпуск из министерства иностранных дел на продолжительное время, чтобы продолжить мое юридическое образование.

В 1921 году я сдал экзамен на судебного асессора. Затем я возвратился в министерство иностранных дел и с 1921 по 1922 год работал начальником паспортного стола в Кёльне. С 1922 по 1923 год я работал в министерстве иностранных дел, сначала в Юридическом отделе, затем в Восточном отделе (под руководством тайного советника фон Рихтхофен).

В ноябре 1923 года я в качестве консула и заместителя посла был командирован в Кабул. В мае 1926 года я был отозван в Берлин и работал сначала в Политико-экономическом отделе, где я обрабатывал британские колонии, а затем в Восточном отделе под руководством тайного советника Падель [geheimrat Padel]. Приблизительно в 1930 году я стал руководителем Восточного отдела в чине легационного советника.

В марте 1932 года я был назначен генеральным консулом и заместителем посла в Багдаде. В ноябре 1932 года после вступления Ирака[I] в Союз Народов[24] я был назначен послом в Ираке. В Багдаде я оставался до 4.9. 1939 года. Когда Ирак порвал отношения с Германией, я возвратился в Берлин и работал в Политико-экономическом отделе. Иногда меня спрашивали о советах по арабским вопросам.

В июне 1941 года министр иностранных дел поручил мне собирать сведения об арабских странах, которые годились бы для передачи по радио.

По прибытии Гайлани[II] и Гросмуфти[III] в Германию, я должен был о них заботиться. В конце 1942 г. или в начале 1943 г. я имел большие серьезные разногласия с Гросмуфти. После этого заботы о нем были переданы послу Эттель (раньше находился в Тегеране). А я с тех пор заботился только о Гайлани.

В ноябре 1943 года на основе жалобы на меня графа Чиано мне было запрещено заниматься арабской политикой, и я был прикомандирован к Архивной комиссии. Задачей этой комиссии было — просматривать архивы,

[I] Ирак был принят в Лигу наций 3 октября 1932 г.

[II] Речь идет о бывшем премьер-министре Ирака Рашиде Али аль-Гейлани.

[III] Так в документе, здесь и далее речь идет о Великом муфтии Иерусалимском Мухаммаде Амине аль-Хусейни.

найденные в оккупированных странах. Я должен был просматривать документы французского министерства иностранных дел о Востоке. Я работал сначала в Берлине, затем в Париже, а затем в филиале этой комиссии в замке Гермсдорф близ Глогау.

В июне 1944 года я попал в состояние ожидания и в октябре 1944 г. я был переведен на работу в министерство вооружения. Я нашел себе работу при провинциальном экономическом отделе в Дрездене, где я занимался вопросами обеспечения химических фабрик. Так как моя квартира в Дрездене была разбомблена 13—14 февраля [1945 года], то я с семьей переехал в Нойштадт-Орла, где нашел квартиру у нашей бывшей домработницы. По просьбе бургомистра я в конце июня 1945 года принял Транспортный отдел города.

В середине октября я был назначен старшим адвокатом[I] при Высшем суде в Майнинген. К службе на этой должности я приступил 1-го ноября 1945 года.

Я не был ни членом НСДАП, ни других фашистских организаций (кроме Союза служащих и Союза воинов [ausser dem Beamten bund und dem Kriegerbund]). Так как я с 1922 г. являлся членом масонской ложи [Freimaurerloge], да к тому же «масон высшей степени» [«Hochgradfreimaurer»], я был «недостоин партии» [«parteiunwürding»]. Партия много раз требовала моего увольнения, но министерство иностранных дел держало меня как специалиста. Но с 1932 года меня не повышали в должности и не переводили из нездорового Багдада. По возвращении в Берлин, когда началась война, я не получил подходящей должности, а занимался второстепенными работами. А также особое поручение, которое я получил в июне 1941 года, было снова взято от меня.

2. МОЕ ЗАНЯТИЕ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЙ РАБОТОЙ [2. MEINE BESCHÄFTIGUNG MIT AUFKLÄRUNGSARBEIT]

Как дипломатический работник — представитель за границей, я должен был сообщать о внешне и внутриполитических событиях страны, в которой я работал. Исключением из этого правила представляла моя деятельность в Кабуле. Британское правительство лишь после годичного колебания согласилось на командировку германского консула в Кабул и преследовало его деятельность с большим недоверием. Поэтому перед моим выездом в Кабул бывший государственный секретарь фон Шуберт[II] дал мне строгий приказ не сообщать вообще ничего о политических событиях, а заботиться о немцах в Кабуле (около 90 человек). Согласие английского правительства на командировку германского посла в Кабул было получено только благодаря мотивировке, что германское правительство считает необходимым контролировать немцев, находящихся в Кабуле, наблюдая за тем, чтобы они не делали глупостей.

Незадолго до моего прибытия в Кабул там был советский посол Раскольников, который пользовался там большим уважением. Затем прибыл молодой заместитель посла по фамилии, кажется, Вальтер. Мои отношения с ним были очень дружественные и полны доверия. Отношения между Германией и Советским Союзом находились в то время под действием договора Рапалло[25] и были очень хорошие.

Вальтер посвятил меня в свои планы — собирать сведения о национальном движении в Индии и влиять на это движение в Кабуле. Он предлагал мне сотрудничать с ним, но на основе данного мне указания я не мог участ-

---

[I] Ошибка переводчика, Гробба был назначен старшим прокурором Майнингена.

[II] Речь идет о немецком дипломате Карле фон Шуберте.

вовать в этом. Но я часто встречался с сотрудником Вальтера, с жившим в Кабуле бывшим турецким майором Гассан, который был в плену в Советской России и там от немцев научился немецкому языку. Через него я мог быть полезным непосредственно г-ну Вальтеру.

Затем г-н Вальтер, который был очень активным, добился сотрудничества трех немцев. Первый был немецкий переводчик в афганском министерстве иностранных дел Лещинский[I], второй — инженер-гидротехник в Кандахер[II] (фамилию вспомнить не могу), третий — хлопковод Хюбре (или что-то подобное). Каждый из них через некоторое время давал г-ну Вальтеру письменные сообщения из своей области работы и получал за это плату. Мне об этом было известно, и я не одобрял это, имея в виду мои дружественные отношения с г-ном Вальтер. Последователь г-на Вальтер был в Кабуле только короткое время.

Затем прибыл г-н Штарк[III], который позднее стал там послом. С ним, с его военным атташе Ринк и представителем Коминтерна[26] Агабековым я имел очень дружественные и полные доверия отношения.

Немцы ехали в Кабул большей частью через Советскую Россию (Герат, Кандахар). Советские самолеты, которые регулярно летали по маршруту Ташкент—Кабул, были частично немецкие Юнкерсы. Вся атмосфера в Кабуле по отношению к Советской России была очень дружественной, потому что король Аманулла был враг Англии и друг Советской России. А также о политико-экономических отношениях Афганистана с Советской Россией я сообщал очень мало, потому что почти ничего не узнавал. Германию интересовала только торговля каракулем.

Когда меня в 1926 году отозвали в министерство иностранных дел, я получил разрешение ехать через Карачи, Басра, Багдад, Тегеран, Тифлис и Истамбул. В Багдаде в то время еще не было немецкого консула. В Тегеране был германский посол граф фон Шуленбург, с которым я познакомился во время первой мировой войны в Дамаске. В Тифлисе был генеральным консулом мой друг доктор Прюфер[IV].

У каждого из них я остановился по неделе. Для меня было очень полезным познакомиться со странами, которые я проезжал, так как по прибытии в Берлин я был прикомандирован к Восточному отделу. До начала моего путешествия я не получил никаких поручений и по дороге вообще не занимался служебными делами.

Затем я был переведен в Восточный отдел [das Orientreferat], руководителем которого был сначала тайный советник фон Рихтхофен [Geheimrat von Richthofen], а затем посол Прюфер. Сначала я занимался вопросами арабских стран, а затем получил также иранские страны и Индию, а в конце еще и Турцию. Я обрабатывал политические и политико-экономические дела. Что-нибудь похожего на разведывательную работу в этих странах при министерстве иностранных дел не имелось, и я ничего общего с разведывательной работой не имел. О деятельности Абвер мне ничего не было известно, и я не имел с этой организацией никакой связи.

В Багдаде, куда я прибыл в марте 1932 года, я нашел очень благоприятные условия для работы, так как различные влиятельные лица были мне уже из-

---

[I] Вероятно, речь идет о немецком дипломате Леоне Г. Лещински.

[II] Так в документе, правильно — Кандагар.

[III] Так в документе, речь идет о советском дипломате Леониде Николаевиче Старке.

[IV] Здесь и далее речь идет о немецком дипломате Курте Прюфере.

вестны, так, например, король Файзал, с которым я познакомился в 1921 году во время его проезда через Германию, затем начальник его кабинета Рустам Хайдар [Kabinettschef Rustam Haidar], начальник церемоний Чин Кадри [Protokollchef Tchsin Kadry], которые сопровождали его при путешествии через Германию, а также сирийский эмир Адил Арслан [Emir Adil Arslan], который также в то время сопровождал короля и время от времени посещал Багдад. Также дружественный прием я нашел у чиновников, которые во время войны были офицерами в турецкой армии и встретили меня как товарища по войне. Все эти знакомые давали мне добровольно информации.

Моим лучшим информатором был начальник церемоний при министре иностранных дел Тофвик Эс-Садун [Towfik es-Sa'dun], с которым я скоро подружился. Мои политические сообщения министерству иностранных дел, если их считали интересными, пересылали в Абвер.

Во время моего отпуска в Берлине, приблизительно в декабре 1935 года, меня отыскал капитан Штольце[1] из Абвер, который заговорил о моих известных ему сообщениях министерству иностранных дел и сообщил мне, что Абвер сильно интересуется арабским национальным движением.

Другой работник Абвер (гражданский, работал под руководством капитана Штольце, занимался арабскими вопросами) сообщил мне по секрету о том, что Абвер поддерживает прямую связь с арабскими лицами в Сирии и Палестине и имеет намерение послать в Ирак немецкого агента.

Я попросил Абвер о том, чтобы этому человеку дали указание поддерживать связь со мной, так как я при любых обстоятельствах хотел воспрепятствовать тому, чтобы этот новичок своей неопытностью и неловкостью помешал моей работе. Мне это пообещали, и ко мне в Багдаде явился журналист Шуссер [Schusser]. Моему требованию — показывать сообщения перед отправкой мне, он не последовал, а отправлял их много раз непосредственно в Берлин, но мне присылали эти сообщения из Абвер из Берлина для определения моего отношения и для контроля, при этом я установил, что он сообщал полный вздор. После одного года деятельности он был уволен. После Шуссера никого больше не было. Абвер получал сообщения об Иране через своих представителей в Сирии (фамилии не знаю) и в Палестине (д-р Райхерт [Dr. Reichert]).

Я, как чиновник министерства иностранных дел, другим организациям ничего не должен был сообщать, а также и [в] Абвер. Г-н Риббентроп был очень чувствителен в этих делах. Как я установил позднее, бюро Риббентропа[27] (руководитель — Раумер [Leiter von Raumer]) тоже поддерживало связи с арабами в Иране. Особый интерес, как для Абвер, так и для бюро Риббентропа, представляло национальное движение в Палестине. Признаков того, чтобы СД работала также в арабских странах, я не установил.

Мое отношение к бюро Риббентропа, так же, как и к СД и Абверу, было не очень хорошим, потому что все эти организации держались со мной, как с беспартийным и бывшим масоном, очень сдержанно. Из Абвера мне посылали несколько раз анонимные сообщения для определения отношения и контроля. Лучше всех были сообщения д-ра Райхерта из Иерусалима.

Так как Германия в то время была очень популярной в Ираке, ко мне приходило много людей, которые предлагали свои услуги для работы против Англии, так, например, племянник известного шейха бедуинов Аджил

[1] Речь идет о кадровом офицере германской военной разведки, впоследствии заместителе начальника Абвер II (саботаж, диверсии, террор), полковнике Эрвине Штольце.

Яуер [ein Neffe des bekannten Beduinenscheichs Adjil Jauer], затем брат шейха атабайских бедуинов, находившихся на английском жалованье — Гассан Эс-Цухейли [Hassan ez-Zuheili]. Они просили также о том, чтобы им дали возможность получить образование в Германии. Я передал их желания министерству иностранных дел, а оно в свою очередь — Абверу, но люди из Абвера не пошли навстречу этим желаниям. Абвер не очень интересовал Ирак, да к тому же организация не располагала достаточными средствами.

Различные арабские журналисты, как, например, Юлиус Бахри, издатель газеты «Эль-Эм» («День») [El-Jom, нем. Der Tag] — Рафаэль Эль-Бути, Аббас Хельми и Тофвик — редактор арабского издания «Ирак-Таймс», высказывали свою готовность сотрудничать с Германией. Я давал им маленькие газетные статьи, которые мне присылали из Берлина. Они переводили эти статьи с английского языка на арабский и помещали в местных газетах. За каждую статью я платил им из своего фонда для прессы от 2 до 3 фунтов стерлингов.

Лучшими источниками информаций были для меня члены правительства и правительственные чиновники, как, например: Рашид эль-Гайлани, Товфик эс-Сувайди, Начи эс-Сувайди, Начи Шаукал, Хикмет Сулейман, Нури Саид[I], Джафар Паша эль-Аскери, д-р Саиб Шаукал, Кемаль Касаб, Юзуф Иззадин, Камель Чадыржи, Рауф Чадыржи, Махмут Субхи эль-Дафтари, Рустам Хайдар, Али Джаудат, Сайфула Хамдан, Яссин Паша эль-Гуссейни, Джемиль Митфаи, Ата Эмин, Аршат эль-Омари, Мустафа эль-Омари, с которыми я держал оживленную связь. Все собранные информации я применял для доклада министерству иностранных дел.

3. РОД МОЕЙ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ [3. DIE MEINEN AUFKLÄRUNGARBEITE]

Моей областью работы был исключительно Ирак. О других арабских странах сообщали генеральный консул в Иерусалиме и генеральный консул в Бейруте. Только если арабское национальное движение выходило за пределы Ирака в Сирию или Палестину, то я сообщал об общих арабских вопросах. Страны Персидского залива не входили в мое ведомство, но так как там никто не занимался этой работой, то я сообщал министерству иностранных дел то, что мне удавалось узнать об этой области.

В 1933 году ко мне прибыл бывший директор таможни в Риаде Абдул Джели Обдул Джабарр [Abdul Djelil Abdul Djabbar], как будто по поручению короля Ибн Сауда, и предложил германскому правительству концессию на нефтяные месторождения в Саудейской[II] провинции Эль-Хаза, которые старались заполучить англичане. Через несколько месяцев он прибыл снова за ответом, который был отрицателен.

Германское правительство не интересовалось нефтяной концессией в отделенной Эль-Хаза. Абдулу Джели было очень хорошо известно об условиях в различных протекторатах у Персидского залива. Затем он после продолжительных перерывов посетил меня еще два раза, когда приезжал в Багдад, и два раза писал. В своих сообщениях он писал мне о стараниях англичан получить нефтяные концессии в протекторатах, о спорах между шейхами Бахрами и Катар, а также о Саудовской Аравии, об отношениях между королем

[I] Так в документе, речь идет об иракском политическом и государственном деятеле Нури аль-Саиде.

[II] Здесь и далее — так в документе.

Ибн Сауд и англичанами и всегда сообщал мне, что Ибн Сауд — не друг англичанам.

Во время моего пребывания в Ираке отношения между иракским и британским правительствами обострялись так, что было очень близко до полного разрыва отношений. Первый раз это было в 1933 году во время восстания ассирийцев, которые были подняты на восстание англичанами и поддерживались ими. Второй раз это было во время правления Хикмета Сулеймана в 1937 году. Оба раза иракское правительство посвятило меня в свои планы и не держало в секрете свою враждебность к англичанам.

Во время ассирийского восстания в 1933 году Гайлани был премьер-министром, а Хикмет Сулейман министром внутренних дел. Уже в то время оба были дружественно настроены по отношению к Советской России из-за враждебности к англичанам. Хикмет Сулейман имел в составе своего кабинета Камеля Чадырджи [Kamil Tschadirdschi], Юсуфа Ибрагима [Jussuf Ibrahim] и еще одного министра, которые были друзьями большевиков.

Гайлани и Хикмет Сулейман были к тому же в дружественных отношениях с Турцией. Хикмет Сулейман является сводным братом умершего турецкого вождя Махмут Шевкет Паши [Mahmud Schewket Pasha]. Уже из того, что я тесно сотрудничал с этими государственными деятелями, видно, что я не интересовался никакой работой против Советской России, не принимая во внимание даже то, что с Советской Россией я ничего общего по службе не имел.

В Багдаде руководителем филиала известной фирмы Бремер «К. Мельхерс и К°» [Bremer Firma C. Melchers & Co] был татарин Ахмет Вели Менгер [Ahmet Veli Menger]. Он приблизительно 15 лет работал в интересах фирмы в Восточной Азии, прежде всего в Монголии, закупщиком шерсти, но когда японцы заняли страну, потерял существование и открыл в Багдаде филиал. Он имел двух немецких служащих, сам он был турецкого подданства.

Однажды он меня посетил, вместе с турком по фамилии Тайкут, жившим на Кавказе, и сказал мне, что он был руководящим инженером при железной дороге Эски-Шехир, но по требованию Советского правительства он был выслан из Турции, так как он вел там работу против Советской России. Он хотел найти в Германии новое существование. Он просил меня о рекомендации для Тайкута в Берлине. Я порекомендовал его министерству иностранных дел и отметил, что он, как хороший знаток Кавказа, может заинтересует Абвер. Через некоторое время Тайкут вернулся из Берлина безрезультатно. Абвер также не нашел для него применения. Он несколько месяцев работал на фирме Менгер в Багдаде, а затем вернулся в Турцию на свою прежнюю должность. По возвращении его в Багдад я не видел его и после ничего не слышал о нем. Что стало с ним, я не знаю.

Другой раз ко мне пришел в сопровождении родственника Рашид Али эль-Гайлани руководящий магометанин с Кавказа, который жил в ссылке в Истамбуле. Мне кажется, его фамилия Хайдар (Гайдар?). Он был родственником семьи Гайлани. В то время он находился на пути к королю Ибн Сауду. По возвращении от Ибн Сауда он снова посетил меня. Затем он поехал снова в Истамбул. Во время войны я встретил его в Берлине, где он работал с графом Шуленбург.

Кроме этих трех названных лиц, я ничего общего с людьми из Советской России в Багдаде не имел. Эти три знакомства были также случайные. Если бы я в то время занимался разведывательной работой на Кавказе, я бы не отпустил Тайкута в Берлин, а использовал бы его сам. Менгер был настроен антисовет-

ски, но в Багдаде занимался только делами своего предприятия. Во время войны он переселился в Истамбул, где он должен быть и в настоящее время.

Подводя итог, я хотел бы сказать следующее о немецкой разведывательной работе в различных странах и мое участие в ней:

Афганистан: Во время моего пребывания там (1923—1926гг.) мне было запрещено давать политические сообщения, и я ничего общего с разведывательной работой не имел. К тому же вся атмосфера при короле Амануле была советско-дружественной, и мои отношения к советскому посольству были так хороши, что если бы и занимался разведывательной работой, то только не против Советской России.

Иран: Там я никогда не работал, был только проездом (1926) и затем еще раз в отпуске (1936). По службе я ничего общего с Ираном не имел. Я знаю только, что там работали представители Абвера и СД (Мейер и другой, фамилии не знаю[1]). Указания в работе они получали только из Берлина. В то время, как я был в Багдаде, в Тегеране были послы Сменд и Эттель. Оба были очень честолюбивы и никогда бы не допустили, чтобы я участвовал в Иране.

Турция: Там общее управление деятельностью Абвера находилось в руках генерала Роде, который одновременно имел в своем ведении арабские страны и Иран. Во время моего пребывания в Багдаде он был там два раза: на пути в Тегеран и на обратном пути и каждый раз останавливался только на одну ночь. Я встретил его в Багдаде только один раз, при его втором посещении Багдада я был в отпуске.

Как была организована разведывательная работа в Турции до войны, я не знаю. Я узнал только, что как Абвер, так и СД имели там свои штабы сотрудников. Если до войны велась разведывательная работа на Кавказе со стороны Германии, то это могло происходить только через Турцию или Иран, но я с этим ничего общего не имел. Посол фон Папен никогда не разрешил бы того, чтобы в Турции участвовал другой иностранный представитель.

Сирия: Этой страной со времени великого сирийского восстания (1924—1925)[28] интересовались различные немецкие организации: СД, Абвер, бюро Риббентропа. Эти организации поддерживали непосредственную связь с отдельными сирийцами, которые при случае прибывали в Берлин.

Об этих делах я узнал случайно в Берлине, когда во время отпуска беседовал с одним из работников Абвер. Одним из сирийцев, которые в течение некоторого времени сотрудничали с Германией, был зубной врач доктор Саид Имам.

Несколько раз меня посещали сирийские политики, которые просили меня о том, чтобы я просил мое правительство поддержать арабское национальное движение. Так, у меня были сирийцы: эмир Адил Арслан, Адил Ацме, доктор Амел Кадри (брат начальника королевских церемоний), Фауци Каукджи [Fauzi Kaukdji] и, случайно, один журналист. Они всегда были очень недовольны Германией, которая не очень интересовалась арабским национальным движением и не предоставляла оружия.

О таких беседах и высказываемых желаниях я сообщал в министерство иностранных дел, но на это из Берлина ничего не отвечали. Но я считаю возможным, что сирийские националисты поддерживались деньгами непосредственно из Берлина, из бюро Риббентропа.

[1] Вероятно, речь идет о сотруднике VI Управления РСХА гауптштурмфюрере СС Романе Гамоте.

Между различными арабскими националистами не было единства: когда палестинцы выдвинули борьбу против Англии на передний план, сирийцы хотели начать борьбу против Франции. Иракским националистам было не ясно, что нужно делать в первую очередь. Иракское правительство воздерживалось, в то время как сирийцы и палестинцы нуждались срочно в поддержке этого правительства.

Я был при этом интересующимся наблюдателем. Мне не нужно было подливать масла в огонь, он и так горел уже очень ярко. На мои советы националисты не обращали внимания. Они требовали денег и оружия, которых нельзя было достать в Германии, даже в министерстве иностранных дел. При таком создавшемся положении с некоторым количеством денег и технических материалов можно было создать хороший аппарат связи в арабских странах, но министерство иностранных дел не интересовалось этим и не имело для этого достаточно средств, а СД и Абвер рассматривали арабские страны как неинтересную область.

Палестина: Там, как уже было упомянуто выше, в качестве уполномоченного Абвер был представитель германского информационного бюро д-ра Райхерт. Он имел информаторов как среди арабов, так и среди евреев. В особенно тесных отношениях он был с арабом Шанти.

Наряду с этим СД тоже имело там свое представительство, а также и бюро Риббентропа поддерживало связь с палестинскими националистами, особенно с Гроссмуфти. Гроссмуфти получал от немцев деньги, но, главным образом, его финансировали итальянцы. На самом деле Гроссмуфти был врагом евреев, а не англичан. Он находился всегда в хороших отношениях с англичанами. А также его знаменитое бегство (октябрь 1937) из Омар-Орши произошло с ведома англичан.

Палестинские националисты тоже прибывали ко мне в Багдад и высказывали свои желания, как и сирийские националисты, так, например: Экрем Цуайтер, Асуни Абдул Хади, Муса эль Гуссейни (двоюродный брат Гроссмуфти). С ними я тоже мог только хорошо беседовать, а помощи никакой оказать не мог.

Египет: Там я тоже служебных поручений не имел, но получал ценные информации от египетского посла в Багдаде Абдурраман Аццам, известного арабского националиста. Немецкий посол в Египте был фон Ов-Вахендорф[1]. Я предполагаю, что в Египте тоже были представители от СД, Абвера, а может быть, и от бюро Риббентропа, но подробно мне об этом ничего неизвестно.

Саудейская Аравия: Там я поддерживал дружественные отношения с очень прилежным заместителем посла Саудейской Аравии в Багдаде. В то время как Ибн Сауд показал мудрую сдержанность в вопросе арабского национального движения, его личным секретарем был Юсуф Гуссейни — ярый националист. Я познакомился с ним в Багдаде, где он участвовал в переговорах для заключения договора.

Хорошие информации о Саудейской Аравии давал мне Абдул Джели. Затем меня информировал врач немецкого посольства в Багдаде д-р Алим Руэга, который два раза ездил к королю Ибн Сауд.

В начале января 1939 года я одновременно бы уполномочен к королю Ибн Сауд, и я вылетел на самолете в Джидда, чтобы передать мои веритель-

---

[1] Вероятно, речь идет о немецком дипломате Вернере Фрейхерре фон Оф-Вахендорфе.

ные грамоты королю. Я в течение месяца оставался в Джидда. Там я познакомился с Кассимом, урожденным хорватом, который стал магометанином и принял подданство Саудейской Аравии. Я благодарен ему за ценные информации, а также купцу Халль, жившему в Джидда, который по происхождению был полуеврей, полуабиссинец.

Ирак: Из лиц в Ираке, которые давали мне ценные информации, я назову уже упомянутых доктора Амин Руэга, Гусейн Афнан и Курми. Но, пожалуй, лучшие информации я получал от моего французского коллеги Леписье, которому было отлично известно положение в Ираке. А также мой итальянский коллега г-н Порта располагал хорошими источниками, и мы менялись нашими инофрмациями.

Об А.О. (Ауслandорганизацион): Ортсгруппенляйтер был д-р Юлиус Иордан, я поддерживал с ним хорошие отношения. Я должен был делать это, так как его одно нехорошее сообщение обо мне вызвало бы мой немедленный отзыв. Профессор Иордан — по профессии археолог и уже в течение 30 лет находился в стране. Он прекрасно изучил страну и людей. Напротив того, я имел трудности с некоторыми членами немецкой колонии, которые были фанатическими нацистами[1], например: Зайц — служащий посольства, работал против меня, купец Крумпетер, купец Мозель, шофер Найер, инженер СС-вец фон Беренс — фанатический нацист, доносил на меня в Берлин и старался удалить меня с должности. Но во всех случаях выяснялось, что они действовали не из политического убеждения, а из каких-нибудь личных мотивов, поэтому они не имели успеха. Немецкая колония, включая д-ра Иордан, как источник информаций была для меня бесценной. Они интересовались только личными делами.

4. АГЕНТЫ [4. AGENTEN]

Настоящих агентов, т.е. людей, которые бы постоянно оплачивались мною, я не имел. У меня были только информаторы, и плату от меня получали только Гуссейн Афнан и жокей Юсуф, которые состояли на британской секретной службе.

Гуссейн Афнан [Hussein Afnan], родился в Хайфе, член секты Бахаи, был руководящим чиновником иракских железных дорог. Он пришел в Ирак во время Первой мировой войны вместе с англичанами. При создании иракского министерства иностранных дел в 1925 году он был назначен начальником церемоний. Как он, так и его жена, дочь директора иракского музея, были очень интеллигентны. В то время как Гуссейн Афнан состоял на секретной службе британской разведки, жена его питала большие симпатии к большевизму. Но, несмотря на это, я предполагаю, что после смерти мужа, последовавшей в 1941 году, она продолжает работу мужа для британской секретной разведки.

Жокей Юсуф [Jussuf], предлагая мне свои услуги, заявил, что он в течение нескольких лет работал для «Сикрет Сервис», но затем произошел спор и он оставил работу. Но я был убежден, что это ложь, так как даже после разрыва дипломатических отношений он поддерживал связь со мной через Ирак, на что он никогда бы не отважился, если бы действовал без английского ведома. Его информации были не особенно ценны, но однажды он украл официальную карту английского авиационного лагеря Хинаиди и принес ее мне. С тех пор я был с ним очень бдительным, так как боялся, что он

[1] Так в документе.

стащит что-нибудь у меня. В начале войны он был в Германии и сделал интересное предложение, чтобы мы послали его шпионом в Англию. Когда ему отказали в этом, он через Турцию вернулся в Ирак.

Курми [Curmi] — полуараб, полуитальянец из Триеста, настоящий левантиец[29]. Он имел связь со всеми посольствами и старался получить информации, в то время как сам делал тоже возможные секретные сообщения. Таким образом, он был, по существу, превосходно информирован. Так как мне о нем было все известно, я работал с ним осторожно. Но он, как агент, действовал также провокаторски: он делал мне рискованные политические предложения, чтобы узнать мою позицию, а затем шел к другим людям и сообщал, что сделал такие-то предложения. Он поддерживал также очень хорошие отношения с арабскими националистами, так, например, с известным палестинским борцом за свободу Фауци Каукджи. Он хорошо оплачивался англичанами, но денег никогда не принимал, а за алкоголь был очень благодарен, так как благодаря ему делал арабов разговорчивыми.

Доктор Амин Руэга [Dr. Amin Rueha], хирург, учился в Германии, очень хорошо говорит по-немецки. Он был особенно надежным и ценился всеми националистами. Он находился в хороших отношениях с королем Ибн Сауд, который прислушивался к англичанам. Он работал добровольно врачом в посольстве, а поэтому много вращался со мной. Зарплаты он не получал. В начале войны он был вытащен англичанами из самолета в Палестине и интернирован. Его жена, должно быть, армянка.

Аббас Хильми [Abbas Hilmi], журналист, из шиит[ов], он получал от меня статьи для опубликования в газетах и был для меня некоторое время ценным источником. Позднее наши отношения прервались. Во время войны он был в Германии, политически он полностью воздерживался, а изучал в Мюнхене немецкое право.

Юнис Бахри [Junis Bachri] — журналист, издатель газеты «Эль-Эм» («День»). Он находился в очень хороших отношениях с итальянским посольством и со мной, иногда он получал от меня газетные статьи. Незадолго до войны он переехал в Германию, где был директором арабского радио, пока не поспорил с Гроссмуфти, за что был уволен. Он очень известен в арабском мире как хороший диктор радио.

Товфик са-Дун [Towfik Sa'dun] — происходит из известной южно-иракской помещичьей семьи Са-Дун. Он был начальником церемоний при министерстве иностранных дел Ирака. Я встречал его часто, иногда он получал от меня алкоголь. Он является зятем Хикмет Сулеймана, который во время государственного переворота в 1937 году стал премьер-министром.

Таксин Кадри [Tachsin Kadry] — начальник королевских церемоний. Я знаю его еще с первой мировой войны, когда мы, как офицеры, познакомились в г. Дер'а (южнее Дамаска). Он прибыл в Ирак вместе с королем Файзал. После смерти Файзала он был сначала генеральным консулом в Бомбее, а затем в Бейруте. Я имел с ним очень дружественные отношения.

Король Гаци [König Ghazi][1] — заядлый враг англичан, который не таился своих чувств, а всегда говорил открыто. Поэтому его сообщения были особенно ценны для меня. Неудивительно поэтому, что англичане убрали его во время подстроенной автомобильной катастрофы.

---

[1]Так в документе, речь идет о втором короле Ирака из династии Хашимидов Гази ибн-Фейсале.

5. ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ СОТРУДНИКИ [5. DIPLOMATISCHE MITARBEITER]

а) в Кабуле:

вице-консул доктор Швагер [Dr. Schwager], человек средней карьеры, позднее работал в министерстве иностранных дел в Персональном отделе, очень ловкий чиновник. Он был членом НСДАП. Где он находится в настоящее время, я не знаю.

Переводчик, профессор Абдулла Бек [Abdullach Beck] — ирановед, которого я встретил по прибытии в Кабул и завербовал для работы. Он хорошо говорил по-персидски, но был очень непрактический человек, так что для трудных поручений его нельзя было применять. Но он был очень полезен только тем, что имел много афганских друзей и мог кое-что узнать. Он был членом НСДАП и после взятия в руки власти нацистами он был профессором ирановедения в семинарии восточных языков в Берлине [Seminar für orientalische Sprachen in Berlin].

б) в Багдаде:

Легационный секретарь, доктор Ганс-Ульрих Гранов [Dr. Hans-Ulrich Granow], очень умный и прилежный чиновник, который очень быстро научился арабскому языку и имел большую симпатию к арабским странам. Он оказывал мне большую помощь. Он имел много друзей в Багдаде, среди них было несколько евреев. Год назад он погиб в Италии.

Легационный секретарь, доктор Павельке [Dr. Pawelke] — был последователем д-ра Гранова. Он был не так прилежен, как тот, но был страстным летчиком и дружил с английским летчиком-офицером, а поэтому узнавал иногда тоже кое-что полезное. Во время войны он был капитаном авиации. Где он находится в настоящее время, я не знаю.

Легационный секретарь, доктор Каспар [Dr. Kaspar] — работал при посольстве в 1938—1939 годах. Он вышел из «Гитлер-югенд» и в своем поведении, когда он пришел ко мне, был очень примитивен. Но говорил довольно хорошо по-арабски. Во время войны он некоторое время руководил радиопередачами на арабском языке при министерстве иностранных дел, затем он был призван в армию и погиб в Тунисе.

Переводчик Селим Эффенди [Selim Effendi] — багдадский еврей, который еще в первой мировой войне работал переводчиком немецкого консулата в Багдаде. Политически он был необразован, но был полезен своими связями с очень влиятельной еврейской колонией. После взятия власти в руки нацистами я тайно держал его на работе до 1938 года, затем под нажимом нацистов в Багдаде я должен был уволить его.

Переводчик В.Г. Штеффен [W.G. Steffen] — последователь Эффенди. До этого он несколько лет был в Трансиордании и в Мосуле и говорит хорошо по-арабски. Он очень хорошо разбирался в политических вопросах и оказывал мне большую помощь. Во время войны он работал при министерстве иностранных дел и занимался вопросами арабской прессы. В настоящее время он находится в Тироле.

6. МОЕ ОСОБОЕ ПОРУЧЕНИЕ В 1941 ГОДУ [6. MEIN SONDERAUFTRAG IM JAHRE 1941]

В июне 1941 года я получил поручение от министра иностранных дел Риббентропа — попытаться собирать сведения об арабских странах, которые можно было бы применить в наших радиопередачах на арабском языке.

Мне удалось привлечь для работы в бюро в Берлин Афиф Тиби[I], серьезного сирийского журналиста. Тот, в свою очередь, отыскал другого журналиста (имя не помню), которого мы послали в Софию. Наши попытки получить из арабских стран что-нибудь другое, чем газетные сообщения, потерпели неудачу. Южная граница Турции с Сирией и Ираком оказалась герметически закрытой.

Когда Гроссмуфти пожаловался на меня министру иностранных дел (1943), он тоже стал против дальнейшей деятельности Афиф Тиби. Тиби был уволен, а его бюро уменьшено до 2-х человек. Афиф Тиби был позднее секретарем Гайлани. Я предполагаю, что в настоящее время он живет в Праге.

7. ИНФОРМБЮРО МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ [7. DAS INFORMATIOSBÜRO DES REICHSAUSSENMINISTERS]

В 1941 году Риббентроп решил создать особое информбюро, чтобы сделать себя независимым от информаций, которые поступали от Абвера и СД и других организаций. Младший государственный секретарь Верман [Woermann] потребовал от меня сделать предложения сотрудников для работы в Бюро по вопросам восточных стран. Предложение я должен был сделать тотчас же. Я продиктовал несколько фамилий, которые мне пришли на ум. Бюро было открыто. Первым руководителем бюро был Генке [Henke], который позднее был младшим государственным секретарем. Но там так и осталась примитивная организация, и работа постепенно ослабела. Сведения об арабских странах, которые поступали в бюро, если они не были секретные, поступали ко мне, так как я подбирал сообщения для радиопередач. Последователем Генке был посол Эттель (до этого был в Тегеране), который имел высокий чин в СС[II].

8. АРХИВНАЯ КОМИССИЯ [8. DIE ARCHIVKOMMISSION]

Эта комиссия создана в 1939 году, после покорения Польши, с целью просмотра трофейных документов польского министерства иностранных дел. Позднее этой комиссии были переданы также для просмотра документы югославского и, прежде всего, французского министерства иностранных дел.

Руководителем архивной комиссии был сначала посол фон Мольтке, который позднее был послом в Испании, где и умер. Позднее руководителем этой комиссии был министерский директор Стиве [Ministerialdirektor Stive] (в последнее время, до капитуляции, Стиве жил в Потсдаме, где он находится в настоящее время, я не знаю).

К комиссии были прикомандированы люди, понимающие эту работу и владеющие языками. Так, например, в комиссии работали несколько профессоров из университетов, среди которых были: профессор Циммерман из университета Эрлаген, профессор Виндельбанд из Берлинского университета. Архивариусом был доктор Ягов[III] [Dr. Jagow] (год тому назад кончил жизнь самоубийством). На его место был назначен доктор Михаэлс [Dr. Michaelis]

[I] Здесь и далее так в документе. Речь идет о сирийском журналисте Афифе Атиби.

[II] Бывший германский посланник в Тегеране Эрвин Эттель имел чин бригадефюрера СС.

[III] Речь идет о немецком дипломате Курте Ягове.

(в настоящее время живет в деревне Эберсдорф близ Шляйц в Тюрингии, в настоящее время пишет книгу).

Я был прикомандирован к этой комиссии в декабре 1943 года для просмотра документов французского министерства иностранных дел о Востоке. В июне 1944 года 2000 ящиков этого архива были перевезены из Парижа в Германию и были поставлены частично в Цитенфельде (Кротошин — Польша), частично в замке Гермсдорф близ Глогау на Одере. Там продолжался просмотр, я работал в Гермсдорф. Когда фронт приблизился к Гермсдорф, большинство документов, около 1000 ящиков, было перевезено в замок Эберсдорф, находящийся вблизи Шляйц в Тюрингии. Там они были конфискованы Красной Армией.

Когда я был переведен на работу в министерство вооружения, комиссия попросила просмотреть еще один ящик с документами о Гроссмуфти и другими делами. Этот ящик я оставил с моими личными вещами в Клаффенбахе, предполагая, что его найдет Красная Армия. Учитывая ценность находящихся в ящике документов, я считал себя не в праве уничтожить их. В ящике находились также мои некоторые записи.

9. О ПАУЛЕ КОХ[1]

С Паулой Кох я познакомился еще во время первой мировой войны на Синайском полуострове в Эль-Эриш, где она работала сестрой в лазарете. Она происходит из Алеппо (Сирия), где отец ее был купцом и говорит свободно по-арабски. После мировой войны она работала также сестрой милосердия в Берлине или где-то близ Берлина. Я встретил ее однажды у знакомой мне семьи за чаем. После я слышал о ней, что она пошла работать сестрой за границу, мне кажется, в Южную Америку. После возвращения я опять встретил ее в Берлине.

Во время моего пребывания в Багдаде я ничего о ней не слыхал. После капитуляции Франции, когда для немцев стало опять возможно ехать в Сирию, она нашла работу в Алей близ Бейрута в качестве сестры милосердия в частной больнице. Это было в начале 1941 г. На этой должности, где ей очень плохо платили, она оставалась недолго и перешла на работу в швейцарское консульство в качестве машинистки.

Когда англичане в 1942 году покорили Сирию, она перешла на работу в немецкое консульство в Адана в качестве машинистки. Когда я в 1942 г. получил задание от министерства иностранных дел Риббентропа — собирать сведения об арабских странах с целью применения для радиопередач, я написал письмо Пауле Кох и спросил, сможет ли она назвать мне людей, которые могли бы мне давать сообщения о Сирии. Она не назвала мне ни одного человека, и от нее самой я не получил ни единого сообщения.

Когда министр иностранных дел Риббентроп создал свое собственное информбюро и меня попросили назвать сотрудников, мне кажется, что я назвал и Паулу Кох в Адана. Считаю возможным, что она, может быть, давала сообщения для бюро Риббентропа, но точно не знаю.

В 1942 году я рекомендовал одному немецкому журналисту (имя не помню), который хотел ехать в Сирию и увидеть Алил Арслан, познакомиться с Алил Арсланом через Паулу Кох или Рознера. Я предполагаю, что в настоя-

---

[1] В подлиннике на немецком языке фрагмент показаний д-ра Гроббы «О Пауле Кох» написан от руки простым карандашом.

щее время Паула Кох[30] находится в Турции. Ей теперь уже около 60 лет и она довольно истерична.

5/III-1946 г.

ФРИЦ ГРОББА

Нач[альник] Опергруппы Советской военной администрации Хемницкого округа: подполковник ЕПИФАНОВ

Перевел: ИВАКИН

ЦА ФСБ России. Р-48558. В 2-х тт. Т. 1. Л. 10—31. Заверенная машинописная копия. Подлинник на немецком языке. Машинопись. Автограф. Л. 40—51.

№ 26
СОБСТВЕННОРУЧНЫЕ ПОКАЗАНИЯ ДОКТОРА Ф. ГРОББЫ «МОЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЗА ГРАНИЦЕЙ»

22 марта 1946 г.
Хемниц (Германия)

Перевод с немецкого

I. МОЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЗА ГРАНИЦЕЙ

1. В Афганистане

В Афганистане я был с декабря 1923 года до мая 1926 года на посту консула и поверенного в делах, имея поручение от министерства иностранных дел — проявлять заботу о проживающих там немцах (к моменту моего приезда их было около 30 и в пути около 40), почти все на службе у тамошнего правительства, но держать себя в стороне от политических дел и о политических вопросах не информировать.

Основанием для этого был учет позиции Англии, которая согласилась на посылку германского консула в Кабул после годичного промедления и только лишь после заверения министерства иностранных дел, что немецкий консул в Кабуле имеет лишь одну задачу — следить за поведением стоявших вне контроля немецкого правительства проживающих там немцев, чтобы предотвратить их вмешательство в какие-либо политические интриги. Учитывая доверие англичан, я вынужден был ехать в Кабул через Индию. В то же время около 40 немцев, которых афганское правительство вновь ангажировало в Германии, ехали в Кабул через Советскую Россию, Герат и Кандахар.

Германо-советские отношения во исполнение Раппальского договора были тогда самые наилучшие, и советско-русское правительство не имело никаких возражений относительно посылки немецкого консула в Кабул. Отношения между Афганистаном и Советской Россией в период пребывания на престоле короля Аманулла были также очень дружественными. Советско-русский посол Раскольников занимал в Кабуле очень хорошее положение.

Аманула длительное время получал от советско-русского правительства денежные субсидии. Он не скрывал своей антианглийской установки. Афганские национальные претензии простирались на продление границы до Индии и даже на порт Карачи. Но эти требования шли вразрез с интересами Англии и могли быть удовлетворены только при поддержке Советской России. В результате этого афганские правительственные круги питали определенные симпатии и доверие к советскому правительству, в то время как

к английскому и британо-индийскому правительствам имелось большое недоверие.

В момент моего приезда в Кабул, в середине декабря 1923 года, в связи с убийством двух английских офицеров в афгано-английской пограничной полосе[31] положение было столь напряженным, что можно было считаться с возможностью конфликта между Афганистаном и Англией.

Когда я в связи с моим приездом нанес визит советско-русскому поверенному в делах господину Вальтеру, преемнику посла Раскольникова, он меня принял очень сердечно. Он указал на существовавшие между Советским Союзом и Германией полные доверия отношения и подчеркнул, что Советский Союз имеет полное понимание, что решения Версальского договора для Германии являются невыполнимыми. Он также указал на непримиримое империалистическое поведение Англии по отношению к Германии. Он сказал, что для Советского Союза Англия была и остается врагом № 1. Отсюда следует, что Советская Россия и Германия должны вместе действовать против Англии. В Кабуле в связи с близостью индийской границы налицо весьма благоприятные обстоятельства. Поэтому нам обоим из Кабула надо будет вести работу против англичан в Индии.

Я ему ответил, что я принципиально согласен со всеми его доводами и что я охотно готов все, что я узнаю относительно Индии и что имеет для него интерес, доводить до его сведения, но что, к сожалению, в связи со строжайшим указанием, которое я получил, держать себя в стороне от политических дел, я лишен возможности развернуть широкую и активную работу в Индии.

Затем я в Кабуле познакомился с бывшим турецким майором Хасан, который во время войны был в русском плену и за это время научился немецкому языку, в то время он был инструктором в афганской армии. Он был хорошо осведомлен об Индии и отношениях в пограничных районах. Он посещал меня время от времени, и все, что он рассказывал, я передавал господину Вальтеру. Далее я также выразил мое согласие, чтобы трое немцев, стоявших на службе афганского правительства, время от времени с места своей работы передавали информацию господину Вальтеру.

Это были: немецкий переводчик афганского правительства Лещинский, инженер по водному строительству Масух в Кандагаре и специалист по хлопку Хюрбе в Кабуле. Масух просил на это моего разрешения, и я, учитывая полные доверия отношения между Германией и Советским Союзом, дал мое разрешение и двум другим.

Лещинский оставил Кабул в 1925 году и через Москву уехал обратно в Берлин. В Москве он по рекомендации господина Вальтера пытался получить работу в Наркоминделе. Он хорошо разговаривал по-персидски и рассчитывал на использование его на дипломатической службе в Иране. Но в Москве ему и его предложению отказали. Масух оставался до конца 1927 года в Кандагаре, где он был также очень нужен для министерства иностранных дел, так как он был единственным немцем в Кандагаре. Бывший представитель Коминтерна на Востоке Агабеков в книге, опубликованной им после бегства в Париж, если не ошибаюсь, упоминает о деятельности этих трех немцев в Афганистане в пользу Советского правительства.

Преемником господина Вальтера в Кабуле на посту поверенного в делах был несколько месяцев один господин, фамилию которого я позабыл. Затем в качестве советско-русского посла в Кабул прибыл господин Штарк, ставший позже там полпредом. С ним и с господами из его штаба я был в весьма

хороших отношениях. Первым секретарем был господин Рикс, военным атташе — Ринк и представителем Коминтерна, который жил в самом посольстве, господин Агабеков. С последним я несколько раз встретился при чисто деловых поездках. Он мне делал намеки об огромном объеме его работы, простирающейся также на Индию. Он был в дружественных отношениях с вышеупомянутым майором Хасан и через него с афганскими военными кругами.

В то время в афганской армии работали в качестве инструкторов три немецких офицера (майор Христен в пехоте, капитан фон Кальтенборн-Штахау в артиллерии и ротмистр фон Платен в кавалерии). И они были в хороших отношениях с майором Хасаном, часто общались с советско-русским посольством и военным атташе господином Ринк.

Господин Штарк и господин Рикс были всегда очень искренни со мной, и между нами было полное понимание. Так как торговый путь из Германии в Афганистан проходил через Карачи, т.е. Британскую Индию, я должен был находиться в хороших отношениях также с английским посольством (посол — сэр Фрэнсис Гемприс).

Временное напряженное положение в отношениях между Афганистаном и Советским Союзом возникло весной 1926 года в связи с тем, что советско-русские войска заняли один остров на реке Аму-Дарья, принадлежавший Афганистану. Советские войска провели эту операцию, по-видимому, при преследовании контрабандистов каракулевых овец. Так как немецкая меховая промышленность имела интерес к афганистанскому каракулю, я об этом доложил. Господин Штарк каждый раз давал на мои вопросы деловой и правильный ответ, так что я всегда мог хорошо информировать мое правительство. Впрочем, русские войска вскоре оставили этот остров. Господин Агабеков лишь несколько месяцев находился в Кабуле.

В мае 1926 года я был отозван в Берлин в министерство иностранных дел, где я должен был получить должность референта по вопросам Ближнего Востока. Министерство иностранных дел разрешило мне в связи с этим на пути посетить разные страны Ближнего Востока. Я ехал через Карачи, Басру, Багдад, Тегеран, Тифлис, Стамбул в Берлин. Я был в путешествии около 2-х месяцев. Никаких служебных заданий я в связи с этой поездкой не получал. В Багдаде я посетил знакомого мне еще раньше короля Файзала[1], в Тегеране я одну неделю пробыл у моего приятеля — посла графа фон Шуленбург, а в Тифлисе с неделю пробыл у моего друга — генерал-консула Пруффера.

2. В Ираке

В Ираке я был с марта 1932 года до 5 сентября 1939 года. Я был послан в Багдад в качестве поверенного в делах, преемника умершего в январе 1932 года консула и поверенного в делах Вильгельма Литтен. Король Файзал, с которым я познакомился в 1921 году, когда он по пути из Италии в Англию проезжал Германию, принял меня очень любезно. Британским обер-комиссаром в Багдаде был сэр Фрэнсис Гемприс, которого я знал еще по Кабулу. Англичане встретили меня с недоверием.

Во дворе короля Файзала я встретил двух знакомых — личного секретаря короля Рустам Гайдара и церемониймейстера Таксис Кадри, оба сопровождали короля в 1921 году во время его поездки в Лрндон. Таксиса Кадри я встретил раньше, в 1918 году в Дера, южнее Дамаска, где он был турецким обер-

[1] Речь идет о короле Ирака Фейсале I.

лейтенантом. Так как я любезно был принят во дворе, меня дружественно приняло и правительство. То обстоятельство, что я в первой мировой войне служил в турецкой армии, способствовало тому, что у меня было много друзей в Ираке. Там был целый ряд высших чиновников, бывших ранее турецкими офицерами, которые видели во мне бывшего товарища по оружию.

Полученное мною от министерства иностранных дел задание гласило: держать себя в стороне от политических дел, чтобы не вызвать недоверие у англичан, заниматься только хозяйственными интересами в Ираке и заботиться о тамошней немецкой колонии. Когда 4 октября 1932 года Ирак был принят в Лигу наций, немецкое консульство в Багдаде было преобразовано в посольство, и я стал послом. Англия в то время полностью господствовала в политике иракского правительства и определяла ее. Советская Россия в Ираке не принималась во внимание, по-видимому, она им не интересовалась.

В Багдаде разные европейские правительства старались заполучить нефтяную концессию в районе Кваяра (в том числе и Советский Союз). Этим вопросом интересовалась также одна английская промышленная группа во главе с господином Томас Браун. Во время своего четырехдневного пребывания короля Файзала в Берлине в 1931 году он пообещал Германии заполучение[1] концессии. Я имел задачу поддерживать усилия германской промышленной группы. В 1932 году эта концессия была отдана международной группе БОД (Британская нефтяная кампания), в которой участвовали Англия, Франция, Италия и Германия, Германия на 12 %. В 1932 году я, главным образом, и занимался этим делом.

Одновременно шли переговоры между иранским и британским правительствами о возобновлении концессии ИПК (Ирак петролиум кампания), касавшейся добычи нефти в Керкуке. Эти переговоры были очень затруднительны, так как иракские националисты во главе с Рашид Али эль-Гейлани были того мнения, что британское правительство насилует и обманывает иракское правительство.

Иракско-английские отношения резко ухудшились в 1933 году вследствие восстания проживавших на севере страны асуров[32]. Эти несторианские христиане[33], жившие в Зандияке (правительственный участок) Хакиары (между Ванзее, ирако-иранской границы), в связи с обещаниями Англии о предоставлении им в будущем автономии поднялись против Турции на стороне союзников. Но так как Англия их потом обманула и не оказала им обещанной военной поддержки, они имели большие потери, нанесенные главным образом курдами. Остатки их прибыли в конце войны в Ирак и были помещены в лагерь Бакуба (восточнее Багдада, вблизи иранской границы). Англичане отобрали наиболее военноспособных из них и образовали батальоны (левиес). После двухгодичной службы эти люди освобождались, получив каждый ружье и сто патронов. Освобожденные асуры, как правило, направлялись в провинцию Мосул и там поселялись. В 1938 году там находилось около 10 000 хорошо обученных и вооруженных асуров со своими офицерами.

Когда иракское правительство во главе с министр-президентом Гайлани начало противиться разным мероприятиям британского правительства, и в первую очередь переговорам о возобновлении концессии ИПК, у англичан возникла идея использовать недовольство асуров в связи с невыполнением

[1]Так в документе.

их требования автономии и взвалить вину в этом на иракское правительство и поднять асуров против него.

Англичане рассчитывали на то, что хорошо обученные и вооруженные асуры превзойдут молодую иракскую армию и иракское правительство вынуждено будет обратиться за помощью к Англии. Тогда Англия сможет без особых трудностей добиться всех своих требований. Но английские инстанции в Ираке недооценили в этот момент решительность иракского правительства и его армии.

Иракские войска под водительством полковника Бекир Зидки наголову разбили асурские войска. Британские летные войска даже сделали попытку снабдить асуров боеприпасами, но иракские войска захватили эти машины с боеприпасами. Но Англия этим показала воочию, что она помогает асурам, что иракское правительство и предполагало. Результатом этого было сильнейшее недовольство Англией со стороны иракского правительства и населения.

В данном случае английская секретная служба успешно подстрекала целый народ против местного правительства, но при попытке поддержать его, когда он выступил с оружием, она дала осечку. Британская секретная служба уже имеет за собой огромную вину в колоссальных потерях асуров в мировой войне тем, что она подняла их на восстание против Турции, пообещав будущую автономию, а потом оставила их без поддержки, теперь она повторила свою подлую игру в 1933 году. Английская секретная служба сама несет ответственность за гибель асурского народа.

Премьер-министром Ирака в момент восстания асуров был Рашид Али эль-Гайлани, министром внутренних дел его родственник — Хикмет Зулейман, который был настроен прогермански и владел в некоторой степени немецким языком. Хикмет Зулейман информировал меня о всех фазах развития асурских событий и намерениях иракского правительства. Очень ценные информации я далее получал у начальника Протокольного отдела (церемониймейстера) иракского министерства иностранных дел Тофвика эс Садун, шурина Хикмета Зулеймана. Другим очень хорошим источником информации для меня был мой французский коллега Пауль Леписье [Paul Lépissier], который получал очень хорошую информацию от французского консула Мосуле и французского обер-комиссара в Бейруте. Я поэтому так хорошо был осведомлен о ходе событий на севере Ирака, что в моих отчетах мог правильно предсказывать их дальнейшее развитие.

Бывший в то время английский поверенный в делах в Багдаде Огильви Форбес [Ogilvie Forbes] после того, как в деревне Зимель 11 августа 1933 года иракские войска расстреляли из пулеметов 600 безоружных асуров, высказал передо мной свое мнение, что эта бойня будет иметь следствием международную (т.е. англо-французскую) оккупацию и позже административное управление районом Мосула.

Таким образом, согласно его мнению, Англия и Франция готовы извлечь пользу от несчастья асуров. Но отозванный из отпуска на родину английский посол сэр Фрэнсис Гемприс [Francis Humphrys] был другого мнения. И его меньше всего трогала судьба асуров, которые были мертвы и, стало быть, для Англии бесполезны, но он считал своей важнейшей задачей, по-видимому, по указанию Лондона, как можно быстрее установить терпимые отношения к иракскому правительству. Он поэтому успокоил иракских государственных мужей в их заботе, что Лига Наций[34] привлечет их к ответственности за бойню в Зимеле, и даже пообещал им британское заступничество перед Лигой Наций.

С полковником Бекир Зидки, по отношению к которому начальник британской военной миссии в Ираке требовал его наказания и понижения в чине, ничего не приключилось. Он даже был произведен в генералы, и не он, а начальник британской военной миссии должен был удалиться. Иракское правительство было радо, что оно чистым вышло из воды, и его отношение к британскому правительству вскоре вновь улучшилось. Гайлани, во всяком случае, не мог уж далее держаться на посту премьер-министра, он должен был отступать, его место занял Ясин Паша [Jassin Pascha].

Но этот был известный арабский националист и как таковой был сильно заинтересован во всеобщем арабском движении. Он был в близкой связи с арабскими политиками в Палестине и Сирии. Последние часто приезжали на совещания в Багдад, и, когда иракские правительственные лица приезжали на летние каникулы в Лиссабон, они там встречались с тамошними политиками. Между палестинскими и сирийскими политиками имелось определенное соперничество, так как сирийцы хотели сперва выступить против французов, в то время как палестинцы считали первоочередной задачей борьбу против англичан и евреев. Как сирийцы, так и палестинцы добивались поддержки Ирака и втайне получали подобные обещания от Ясина Паши.

Однажды два палестинских политика посетили и меня. Это были Ауни Абдул Хади, который был у короля Файзала в Дамаске министром иностранных дел, и Кемаль эль-Гусейни, кузен Гросс-муфти. Они просили меня заинтересовать мое правительство их заботами и побудить его помочь им оружием и деньгами. Я не мог выполнить их желания, так как министерство иностранных дел рассматривало арабский вопрос как чисто арабское дело и поэтому не имело интереса ради них ухудшать свои отношения с Англией и Францией. Когда я им порекомендовал обратиться с их пожеланиями к моему коллеге в Иерусалиме генерал-консулу Вольфу, они мне ответили, что беседа с ним не имеет никакого смысла. С этого я и заключаю, что и он отказал им в их просьбе.

Известным арабским националистом в Багдаде был капитан Фауци Каукджи, родом из Триполис в Сирии, в первой войне служил капитаном в турецкой армии, говорил по-немецки. В начале 1936 года он отправился в Палестину и руководил там восстанием против англичан. Центром всеарабского движения[35] в Ираке был клуб эль-Мутана, председателем которого был разговаривавший по-немецки врач д-р Саиб Шаукат.

8 сентября 1933 года умер в Женеве от разрыва сердца король Файзал. В Ираке повсюду высказывали подозрение, что его отравило «Сикрет Сервис». Рассказывали, что одна бывшая с ним в близких отношениях дама, очень красивая, сестра вождя Парзи в Индии, перед его смертью находилась с ним вместе и всыпала яд в его кофе.

Я того мнения, что король умер естественной смертью и никем не был отравлен. Во время восстания асуров англичане потащили его в страшнейшую жару в Багдад из Швейцарии, где он проходил курс лечения. Там я имел с ним разговор. Он представлял собой кожу да кости, большей частью лежал в постели и питался исключительно молоком. Так как он себя чувствовал очень плохо, он хотел обратно вернуться в Швейцарию, но англичане заставили его обождать, пока вернется из поездки в Нордланд [Nordlandsreise] посол сэр Френсис Гемприс. Только лишь 1 сентября он смог вылететь в Швейцарию. Там он у одного врача в Женеве принял лечебный курс омоложения, во время которого получил уколы, которые, очевидно, отразились на сердце.

7 сентября ему вновь сделали такой укол, не проверив предварительно состояние его сердца. После этого он предпринял поездку на автомашине на одну высокую гору. По возвращении он выпил чашку горячего кофе и затем умер от разрыва сердца. Чашка кофе была тотчас подвергнута анализу на предмет нахождения в ней яда, но никаких следов яда не было обнаружено.

Моими знаниями о подробностях смерти короля Файзала я обязан Таксису Кадри, который был вместе с королем в Женеве и по его инициативе был проведен анализ кофе. Так как Таксис Кадри был очень предан королю Файзалу, то на него не может падать никакого подозрения. Если также «Сикрет Сервис» невиновно в этом, все же нельзя оправдать английское правительство, оно заставило больного короля до 1 сентября оставаться в страшнейшей жаре в Багдаде. Иракский народ никак нельзя было убедить в невиновности британской секретной службы в смерти короля Файзала.

Хотя король Файзал в основном был покорным слугой Англии, все же временами, когда он видел, что требования Англии неприемлемы для его страны, он пытался идти своим путем и быть независимым от английского опекунства. Так было в 1931 году, когда он в Берлине заинтересовал немецкое правительство в приобретении нефтяной концессии в Ираке, так было также в 1932 году, когда он послал в Москву своего министра внутренних дел Музахим эль Пачатски [Muzahim el-Patschat], чтобы установить контакт с Советским Союзом. Когда Пачатски вернулся из Москвы в Берлин, я как раз был там в отпуске, и я с ним встретился за чашкой чая.

Преемником короля Файзала стал его 23-х летний сын Гази, необузданный в своем жизненном поведении и политике человек. Он был большим пьяницей и много общался с женщинами. В своей политике он был убежденным арабским националистом и врагом Англии. Он учился в школе Хероу в Англии и там, по-видимому, из-за плохого поведения встречал жестокое обращение со стороны воспитателей. С тех пор он таит в сердце неприязнь к англичанам. Арабско-националистическим идеям он отдался со всем юношеским пылом, не соблюдая необходимой дипломатической сдержанности, искусством которой великолепно обладал его отец.

В своем дворце он устроил радиовещательную станцию, через которую он часто лично обращался с речами к арабам в других арабских странах. Эти речи всегда противоречили английским политическим интересам. Так он неоднократно обращался к жителям Кувейта (у Персидского залива) с требованием примкнуть к Ираку, а к арабским повстанцам с призывом не сдаваться англичанам, а надеяться на друзей в других арабских странах, которые им помогут. Он со мной совершенно открыто говорил о своих всеарабских идеях и вражде к англичанам и французам. Однажды он мне рассказал, что у него была делегация сирийских политиков и просила его помощи в проектируемом ими восстании против французов. Он им обещал оказать помощь и тайно будет поставлять им оружие.

Ярым представителем интересов сирийских националистов был д-р Ахмед Кадри, брат церемониймейстера короля Файзала. Он меня также просил заинтересовать германское правительство оказать помощь сирийцам, но и ему я ничем не мог помочь.

Мои основные задачи в этот период были экономического характера и касались развития немецкой торговли с Ираком. Немецкие усилия в этом направлении увенчались большими успехами. Немецкий экспорт в Ирак значительно вырос.

Серьезный удар этот экспорт товаров получил в 1935 году вследствие объявленного евреями бойкота немецких товаров, этот бойкот был в Ираке особенно ощутим, так как крупная торговля в Ираке была концентрирована, главным образом, в еврейских кругах. Тут я получил запрос от обер-раввина, могу ли я его принять для переговоров. Я принял его, хотя в Германии национал-социалисты тогда уже пришли к власти. Он мне заявил, что он считает бойкот немецких товаров в Ираке ошибкой, так как бойкот является не только экономическим, но и политическим мероприятием. Но евреи в Ираке являются незначительным меньшинством среди значительно преобладающего арабского большинства и должны вести себя сдержанно в политическом отношении. Поэтому он преисполнен заботами в связи с этим бойкотом.

Он меня спросил, что я об этом думаю и что я могу предложить, чтобы покончить с этим бойкотом. Я ему рекомендовал попытаться через еврейских членов торговой кампании в Багдаде повлиять на своих единоверцев, чтобы они прекратили бойкот. Он так и сделал, и бойкот постепенно прекратился.

Переговоры с обер-раввином, хотя они были в пользу немецкой торговли, вызвали сильнейшую критику по отношению ко мне со стороны немецких национал-социалистов в Багдаде. В газете «Берлинер локаланцайгер» даже появилась статья, состряпанная немецким купцом Гансом Крумнетер, я даже начал считаться с возможным фактом моего отзыва, но из Берлина ничего не поступило, вероятно, потому, что в Восточном отделении министерства иностранных дел у меня было много друзей, не принадлежавших к национал-социалистической партии, как и я.

Некоторое время спустя как раз евреи способствовали тому, что немецкий экспорт в Ирак значительно вырос. Немецкое правительство разрешило евреям, желающим ехать в Палестину, взять с собой около 25 % своего имущества в товарах, а остальные 75 % передать для удешевления немецких экспортных товаров. Эту возможность многие евреи использовали. Постольку поскольку эти удешевленные товары должны были импортироваться в Ирак, я должен был дать разрешение на импорт. Я тогда в течение одного года дал разрешение на ввоз товаров круглым счетом на миллион марок.

Представителем немецко-еврейских торговых интересов в Багдаде был д-р Векслер, с которым я много имел дела. Ценную помощь в моих отношениях с багдадскими евреями мне оказал переводчик посольства Селим Эфенди, который еще до первой мировой войны был переводчиком в немецком консульстве в Багдаде.

Несмотря на крепкие нападения на меня со стороны багдадских национал-социалистов, я держал Селима Эфенди до 1938 года на моей службе, в последнее время скрытно. Размах немецкой торговли в Ираке произошел исключительно за счет английской торговли. Английские купцы, конечно, были крайне возмущены этим.

Советско-русская торговля с Ираком играла сравнительно незначительную роль. Правда, два раза приезжали советские торговые представители в Багдад, но каждый раз они в Багдаде оставались не дольше нескольких месяцев. Я с ними не познакомился. Несколько кораблей с товарами из России прибыли в Басру и отвозили иракские изделия, прежде всего, мосульскую шерсть, но речь в данном случае может идти лишь об отдельных торговых операциях, но не регулярных торговых отношениях. Временами поступали также русский бензин через Сирию в Ирак и даже до Багдада, хотя Ирак сам является производящей бензин страной. Он был дешевле и лучше иракского бензина.

Германия устраивала конкурсы на большие строительные работы, как строительство плотин и мостов, но, несмотря на низкие цены, они не имели успеха. Заказы под политическим нажимом давались всегда английским фирмам, к величайшему недовольству иракцев, которые во всем этом видели насилие.

Страна часто потрясалась внутренними смутами, так, например, восстания курдов на севере и шиитских племен на среднем течении Ефрата. Обо всех этих внутриполитических событиях был особенно хорошо осведомлен директор отделения управления иракской железной дороги Гусен Афнан, родом из Хайфы в Палестине, приверженец секты Бахаи, в первую мировую войну прибывший с англичанами в Ирак и с тех пор на службе британского «Сикрет Сервис». Я с ним подружился и регулярно начал получать от него информации о внутриполитическом положении страны.

О положении шиитов я также время от времени получал информации от одного молодого журналиста Аббас Гильми, который сам был шиитом. Он, как некоторые другие издатели газет, время от времени получал от меня небольшие статьи, которые мне посылались для этой цели из Германии, они их переводили на арабский язык и публиковали в своих газетах. Эти газеты имели тираж не больше 1000—2000 экземпляров. Возмещения, которые они от меня получали, были весьма скудные. При отборе статей я был весьма осторожен, так как я мог способствовать запрещению соответствующих газет. Статьи поэтому не занимались вопросами политики, а только лишь экономическими и культурными вопросами.

Великое арабское восстание против англичан в Палестине[36] побудило и немецкое правительство заинтересоваться всеарабским вопросом. Представителем немецкого осведомительного бюро в Иерусалиме был д-р Райхерт, информировавший не только свое бюро, но и другие инстанции, и весьма активно, затрагивая и другие арабские страны, в том числе и Ирак. Я получал время от времени от министерства иностранных дел копии его донесений. Так как иракское правительство проявило большой интерес к восстанию в Палестине, я тоже должен был заняться этим вопросом в моих отчетах.

Ценные информации я получал время от времени от врача немецкого посольства д-ра Амин Руха, убежденного арабского националиста, который был в связях как с гросс-муфти, так и с королем Ибн-Сауд. Он ожидал кое-каких возмещений от меня, но ничего не получал. Он учился в Германии и хорошо разговаривал по-немецки. После капитуляции Германии англичане стащили его из голландского самолета в Палестине и интернировали.

Далее я получал ценную информацию по арабскому вопросу от египетского посла в Багдаде Абдурахман Азам, известного арабского националиста, который в то же время был в хороших связях со двором Ибн-Сауда, так как его свекор Калид эль Худ Каркане (родом из Триполитании) был государственным советником у Ибн-Сауда. Абдурахман Азам с самого начала был со мной в дружественных отношениях.

Мои отчеты о всеарабском вопросе министерством иностранных дел передавались [в] Абвер для ознакомления. Когда я в 1935 году находился в отпуске в Берлине, капитан Штольце из Абвера посетил меня и завел разговор об известных ему моих отчетах по всеарабскому вопросу, которые, как он мне тогда сказал, интересуют Абвер. Он мне заметил, что Абвер уже имеет своих людей в других арабских странах и имеет намерение послать такого человека и в Ирак. Я его в связи с этим попросил, чтобы этому человеку, которого будут посылать в Ирак, дали указание — держать связь со мною,

так как я опасался, что новичок, не обладающий достаточным знанием местности и дела, может ложными отчетами навлечь беду.

Господин Штольце мне пообещал. В качестве агента Абвера и в то же время корреспондентом различных немецких газет прибыл в Багдад господин Шуссер. Согласно указанию, он связался со мной. Я ему предложил, чтобы он по крайней мере первое время давал мне для просмотра его отчеты перед отсылкой, но он этого не сделал. Абвер тогда выслал мне несколько его отчетов для контроля, и я установил, что в них сущая бессмыслица. Шуссера тогда отозвали, и он устроился в Кёльне при кёльнской газете. В качестве преемника, насколько мне известно, никого не посылали, вместо этого в дальнейшем д-р Райхерт из Иерусалима информировал также об Ираке.

29 октября 1936 года правительство Ясин Амина было низвергнуто в результате государственного переворота Хикмета Сулеймана и Бекир Сидки. Английская разведка была в полном смысле слова застигнута врасплох. Английский офицер разведки в Багдаде капитан Лассеттер [Captain Lassetter] был за это немедленно отозван. Хикмет Сулейман стал министр-президентом, Бекир Сидки — начальником Генерального штаба. В противоположность прежним правительствам Ирака, правительство Хикмет Сулеймана не было настроено националистически-арабски, а стремилось втянуть все слои иракского населения в плодотворную совместную работу.

Бекир Сидки как курд благоволил к курдским элементам-шиитам, христиане и евреи рассматривались как совершенно равноправные члены населения Ирака. Министры, в отличие от прежних кабинетов, являлись не только представителями старых аристократических фамилий и помещиков, наоборот, в правительство входило три министра с левой ориентацией. К ним относились: Камил Чадиртжи [Kamil Tschadirtschi] (насколько мне помнится, в качестве министра внутренних дел), Юсуф Ижжеддин [Jussuf Izzeddin] (министр юстиции) и Джафар Абу Тимман [Djafar Abu Timman] (министр торговли).

Камил Чадиртжи слыл за коммуниста, или, во всяком случае, за человека, сочувствующего коммунистам. Запрещенные ранее организации профсоюзов были вновь разрешены, и их лидер Важжаз [Bazzaz] развил весьма оживленную деятельность. Рабочие различных производств использовали эту ситуацию для организации забастовок с целью улучшения условий работы и повышения заработной платы, так, например, рабочие, занятые на упаковке фиников в Басре, и рабочие железнодорожных мастерских в Багдаде. В обоих случаях забастовка имела успех.

О связи вышеуказанных министров с советскими учреждениями или о влиянии этих учреждений на забастовочное движение ничего тогда известно не было. Наоборот, господствовало мнение, что указанные три министра и Важжаз являются людьми, коммунистически настроенными по своей инициативе и именно поэтому действующими в указанном смысле.

Включением трех министров левого направления в состав своего кабинета Хикмет Сулейман преследовал, одновременно, и внешнеполитические цели. Он и начальник генерального штаба Бекир Сидки были настроены враждебно по отношению к англичанам и питали симпатии к Германии, Турции и Советской России. Во время ассирийского восстания в 1933 году Бекир Сидки вступил в конфликт с англичанами, а Хикмет Сулейман принял, прежде всего, меры, направленные против хищнической экономической политики Англии в Ираке. В противоположность прежним правительствам оба государственных деятеля сразу же установили дружественные отношения с Ираном.

В отношении своей внешнеполитической программы Хикмет Сулейман сказал мне, что его устремления направлены в сторону организации блока государств, куда входили бы Германия, Турция, Советская Россия и арабские страны. Этот блок будет сильнее Британской империи и предоставит арабским странам достаточную свободу в политическом, экономическом и культурном отношениях. С организацией такого блока перед Германией откроются широчайшие возможности развития экономической деятельности. Он поэтому неоднократно просил меня склонить мое правительство в пользу его политических идей.

Сближение Германии с Италией он считал большой ошибкой со стороны Германии и говорил, что для Германии было бы полезнее пойти на сближение с Турцией. Возможно, что время для этого еще не упущено, если Германия побудит Италию уступить Турции некоторые концессии, особенно на Додеканозских островах.

По своим симпатиям Хикмет Сулейман полуараб и полутурок. Поэтому мысль, что Турция может явиться мостом между Германией и Советским Союзом с одной стороны, и арабскими странами с другой, казалась ему особенно привлекательной.

Я неоднократно передавал его идеи и побуждения министерству иностранных дел, но ответа не получал. Планы Адольфа Гитлера были уже тогда направлены, по-видимому, на другие цели. Что Хикмет Сулейман и Бекир Сидки не смогут долго продержаться против Англии без сильной внешнеполитической поддержки, можно было предвидеть заранее. Вызвать их падение и устранить их являлось типичным заданием для английской секретной службы, которое она не замедлила выполнить.

Агенты секретной службы возбудили подозрение у арабских националистов, что Хикмет Сулейман и Бекир Сидки хотят организовать курдское государство, в котором арабы будут находиться в угнетении. Таким образом, под руководством клуба Ель-Муттанах [el-Mutannah-Klubs] против правительства Хикмет Сулеймана возникла сильная оппозиция. Чтобы выбить у оппозиции опору из-под ног, правительство Хикмет Сулеймана весьма настойчиво поддержало требования палестинских арабов. Однако этим шагом оно еще больше восстановило против себя англичан. Дальнейший повод к конфликту с англичанами дало решение Бекир Сидки модернизировать вооружение иракской армии. Англо-иракский договор обязывал Ирак закупать оружие в Англии. Однако Англия не поставляла никакого оружия в Ирак. В конце концов правительство Ирака заказало в Италии несколько самолетов, а Германии был дан заказ на 18 зенитных 2-х с[антиметровых] орудий с боеприпасами.

Для осуществления своих планов английская секретная служба наняла несколько арабских убийц, которые, возможно, даже думали, что действуют в арабских интересах. Это были — капитан Махмуд Хинди [Mahmud Hindi] и один унтер-офицер. 11 августа 1937 года они застрелили начальника [Генерального] штаба Бекир Сидки и командующего иракскими военно-воздушными силами Али Мохамеда [Ali Mohammed], когда они находились в Мосуле, направляясь в Турцию. Махмуд Хинди бежал в Англию, с унтер-офицером также ничего не произошло. Правительство Хикмет Сулеймана вынуждено было выйти в отставку.

Министр-президентом снова стал известный арабский националист Джемиль эль-Мидфай [Djemil el-Midfai], который, во всяком случае, был сторонником компромиссных действий. Характерно, что он все же продолжал

осуществлять планы Бекир Сидки по модернизации вооружения армии, хотя и в несколько уменьшенных размерах, и заказал в Германии еще 18 зенитных 2-х с[антиметровых] орудий. Это было доказательством того, что желание модернизации вооружения армии разделялось всеми слоями населения страны. Джемиль эль-Мидфай весьма энергично занимался общеарабским движением, но соответственно своему характеру, не в воинственном, а скорее в посредническом духе.

Последствия Мюнхенского соглашения (в конце сентября 1938 г.) сказались в Ираке очень скоро в повышенной военной деятельности англичан. В пустыне между Ираком и Трансиорданией и от Багдада на юг до Персидского залива они устроили много аэродромов с закопанными в землю бетонными резервуарами и, таким образом, создали так называемый «воздушный Суэцкий канал» [Suez-Kanal der Luft].

Кроме того, они строили автомобильные дороги через пустыню, расширили аэродром Зинде-Банан (на озере Хабания западнее Багдада на Ефрате) и увеличили число находившихся там самолетов и обслуживающего персонала. О работах в пустыне меня при случае информировали путешественники, пересекавшие пустыню в автомобиле. Случайные сообщения об увеличении количества самолетов в английских летных частях в Зинде-Банан я получал от английских офицеров, бывавших в моем доме.

Английский военно-воздушный флот был, в общем, дружественно настроен к Германии, и очень часто высказывалась надежда, что в будущей войне Германия и Англия будут идти в ногу. Наоборот, поведение английских административных чиновников, находившихся на иракской службе, по отношению ко мне сразу очень сильно изменилось — англичане, которые годами бывали у меня в доме, начали вдруг отворачиваться от меня в обществе. Один английский летчик-офицер, особенно дружески расположенный к Германии, был перемещен в Египет.

Джемиль эль-Мидфай не пользовался у англичан достаточным доверием, и они не могли рассчитывать, что в случае войны он выполнит все английские требования. Поэтому при помощи небольшого военного путча он был низвергнут (полагаю, что это было в октябре 1938 года), и его место занял послушный англичанам Нури Саид [Nuri Said]. Этот последний работал в английской секретной службе еще со времени первой мировой войны. В случае войны англичане могли на него вполне положиться.

По желанию короля Ибн Сауда немецкое правительство в январе 1939 года решило возобновить с ним дипломатические отношения и, одновременно, аккредитовало меня при правительстве Ибан Сауда. Примерно 11 февраля 1939 года я вручил Ибн Сауду, который после окончания большого праздника паломников находился около недели в Джидде (на Красном море), свои верительные грамоты и через несколько дней вернулся в Багдад. Постоянного бюро в Джидде я не имел. Это было внесено только в план будущего года. Ибн Сауд выразил пожелание закупить винтовки. Однако переговоры настолько затянулись, что желание короля не смогло быть выполнено до самого начала войны.

Другим фактором беспокойства для англичан в Ираке был молодой король Гази, который продолжал свою радио-пропагандистскую деятельность против Англии, несмотря на все жалобы англичан. Его тоже необходимо было убрать, и это опять-таки было подходящим заданием для секретной службы, которое она вскоре и выполнила. Убийство произошло в ночь с

4 на 5 апреля 1939 года, причем была подстроена видимость автомобильной катастрофы.

В действительности король был убит слугой, сидевшим в автомобиле позади него. После убийства этот слуга скрылся на севере Ирака, а второй участник был принят на службу кузеном и зятем короля Абдул Илах'ом [Abdul Ilah], который, по-видимому, принимал участие в заговоре. В подготовке убийства принимал, вероятно, участие секретарь английского посольства в Багдаде майор Вивиан Хольт [Vivian Holt], так как за несколько дней до убийства его видели на месте катастрофы. Нури Саид был также, по-видимому, посвящен в заговор, который должен был привести Абдул Илах'а, бывшего послушным орудием в руках англичан, на пост регента. Все шло как по маслу. Д-р Зиндерзон [Dr. Sinderson], известный сотрудник секретной службы, совместно с созванной им комиссией врачей констатировал смерть. Гроб сразу же был закрыт, и его не открыли даже по требованию эмира Абдуллы Трансиорданского[1], дяди умершего, прибывшего через несколько часов.

Хотя убийство и сошло гладко секретной службе, но иракский народ не дал ввести себя в заблуждение. Когда известие о смерти короля стало известно на следующий день в Багдаде, то в народе не говорили: «Король умер», а «Англичане убили короля», и негодование против англичан приняло огромные размеры.

На следующий день в Мосуле температура раскалилась до того, что народные массы, собравшиеся перед английским консульством, подвергли линчеванию консула Монк [Konsul Monk] — масона. Англичане пытались направить возмущение народа против немцев, распространяя версию, что население Мосула было восстановлено против английского консула тамошними немцами. Однако с этой попыткой им не повезло — в то время в Мосуле не было ни одного немца. Когда на следующий день иракские студенты демонстрировали по улицам Багдада и раздавали листовки с лозунгом: «Долой убийцу Нури Саида», причем обнаружилось, что среди студентов было несколько учеников одного немецкого учителя, то казалось, что доказательство вины немцев за события в Ираке найдено.

Правительство Ирака подало на меня жалобу в Берлин через своего берлинского поверенного в делах. Однако и с этой жалобой им не повезло, — несколько студентов заявили, что содержание листовок, которые они раздавали, было им продиктовано одним иракским криминальным чиновником, о котором было известно, что он работает с англичанами. После этого иракское правительство удовлетворилось ответом министерства иностранных дел, отклонившим жалобу, а через некоторое время отозвало своего поверенного в делах в Берлине. Английской секретной службе не удалось снять с себя тяготевшее над ней подозрение в убийстве молодого короля Гази.

В начале войны, как и следовало ожидать, иракское правительство по требованию англичан прервало отношения с Германией, и я с посольством вынужден был покинуть Ирак. Каких бы то ни было агентов, которые могли бы информировать германское правительство о дальнейшем развитии событий в Ираке, не было или, во всяком случае, они не были мне известны. Однако и позже в Берлине я не мог узнать, имело ли СД или Абвер в Ираке своих агентов без моего ведома. Сведения об Ираке получались в Берлине

---

[1] Речь идет о брате короля Ирака Фейсала I, родном дяде Гази — эмире Трансиордании Абдале ибн Хусейне (с 1946 г. — король Трансиордании).

из арабских газет, которые шли через Истамбул, и из передач различных арабских радиостанций.

Время от времени арабы, находившиеся в Германии к началу войны, получали письма с родины через Турцию или Швейцарию. Аналогично дело обстояло и с другими арабскими странами. Однако вскоре Абвер и СД увидели свою ошибку, и была сделана попытка насадить своих агентов в арабских странах. С этими вещами я ничего общего не имел, так как был занят экономическими вопросами.

Только время от времени ко мне обращались за советом. Попытки заслать во время войны агентов в арабские страны остались, в основном, безрезультатными. В инстанциях, которые занимались этим вопросом, ощущался недостаток в людях, знающих дело и язык. Так как я не был членом НСДАП, то моя инициатива не находила поддержки. О том, чтобы мне была поручена ответственная работа, не могло быть и речи. Организуемые попытки носили часто весьма дилетантский характер. Вопросами Ближнего Востока в СД занимался штурмбанфюрер [СС] Грефе[I]. Кто занимался Ближним Востоком в бюро Риббентропа, мне неизвестно. Ответственным за это дело в Абвере было отделение II, руководил которым полковник Лахузен[II].

Англичане стремились двигать события в Ираке в том же направлении и побудить иракское правительство объявить войну Германии, однако безуспешно. Прежде всего, армия под руководством начальника Генерального штаба Салагеддин Саббаг противилась пожеланиям англичан. Армия еще больше укрепилась в своей позиции, когда в октябре 1939 года в Багдад прибыл Гросс-муфти, бежавший из Бейрута.

Положение в Ираке особенно обострилось в апреле 1941 года, когда англичане, вследствие продвижения Роммеля к Египту, хотели транспортировать войска в Египет через Ирак, Трансиорданию и Палестину. На основании своего договора с Ираком они имели право транспортировать войска через Ирак, однако захват средств и путей сообщения Ирака превышал рамки договорных условий. Однако они это сделали, высадив и оставив в Басре одну дивизию. Поэтому Нури Саид, выполнявший все требования англичан, был низвергнут, и его место на посту министр-президента занял Гайлани. Нури Сад, регент Абдул Илах с маленьким королем Файзал[III] и Джемил эль Мидфай бежали на английском корабле сперва в Басру, а оттуда в Трансиорданию.

Еще до захвата власти Гайлани, Гросс-муфти направил из Багдада через Истамбул в министерство иностранных дел Германии посла с информацией о готовящихся в Ираке событиях и о возможном вооруженном столкновении и запрашивал о той помощи, которую германское правительство сможет предоставить Ираку в этом случае. Министерство иностранных дел ответило, что германское правительство попытается оказать помощь Ираку, однако оно не уверено в возможности оказания помощи вследствие отсутствия прямого сообщения между Германией и Ираком. Поэтому оно рекомендует иракскому правительству весьма тщательно обдумать этот шаг. Однако Гайлани мобилизовал иракскую армию и захватил окрестности обоих английских аэродромов в Зинде-Банан и Шайба (возле Басры).

[I] Здесь и далее речь идет о начальнике отдела «Ц» (Восточного) VI Управления РСХА штурмбанфюрере СС Гейнце Грейфе.

[II] Здесь и далее речь идет о начальнике Абвера II (саботаж, диверсии, пропаганда) полковнике Эрвине Эдлере фон Лахузене-Вивермонте.

[III] Речь идет о единственном сыне короля Ирака Гази ибн-Фейсала — Фейсале II.

После истечения 24-часового срока английского ультиматума 2 мая 1941 года начались военные действия. Иракское правительство попросило германское правительство направить меня в Ирак в качестве посла. Однако германское правительство, учитывая бесперспективность войны в Ираке, не сочло возможным направить туда своего посла и послало меня исключительно в качестве наблюдателя и для связи. Кроме того, в Мосул было послано около 20 немецких самолетов, которые уже через неделю были уничтожены, а новые для замены не поступили. Иракская армия вынуждена была прекратить сопротивление примерно через месяц после начала войны. После примерно 3-недельного пребывания в Багдаде я вернулся в Германию. Гайлани и Гросс-муфти бежали в Иран. Отсюда Гросс-муфти уехал в Рим через Истамбул, а из Рима в Берлин. Через несколько месяцев прибыл в Берлин через Турцию и Гайлани. Я был уполномочен взять на себя заботу об их размещении в Берлине. От забот о Гросс-муфти я был отстранен в начале 1943 года по его жалобе, а в декабре 1943 года по жалобе итальянского министра иностранных дел графа Чиано я был освобожден от забот о Гайлани и вообще от занятия вопросами арабской политики.

II. МОЯ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Выше я уже указывал, что в Афганистане я не вел никакой разведывательной работы, а если бы я таковую и вел, то, во всяком случае, не против Советской России, а в ее пользу. Также и позже я никогда не занимался разведывательной работой против Советской России. Я только рекомендовал одного железнодорожного инженера с Кавказа по фамилии Тайкут, жившего в Багдаде, по его личной просьбе в Берлин. Если бы я занимался тогда вопросами разведки против России, я не посылал бы его в Берлин, а использовал бы его сам в Багдаде. Впрочем, его поездка в Берлин была связана с его желанием устроиться в качестве инженера. Однако он без всякого результата вернулся из Берлина. Когда министр иностранных дел фон Риббентроп просил указать ему людей для агентурной работы для вновь организуемого им разведывательного бюро, я назвал татарина Менгера, жившего в Истамбуле, однако не для работы на Кавказе, а в Ирак, где он имел филиал, с которым он состоял в деловых отношениях. Однако, насколько мне известно, разведывательная служба министра иностранных дел не связывалась с ним.

Как просил посол в Ираке, я должен был докладывать о политическом положении и для этой цели должен был собирать информацию. Как можно усмотреть из данного положения моей деятельности в Ираке, я постоянно был связан там с наиболее выдающимися личностями, от которых получал наилучшие и наиболее непосредственные информации. В различных местах моего изложения я назвал лиц, от которых получал наиболее важные сведения. От министерства иностранных дел я не получал никаких средств для оплаты агентов. Адольф Гитлер очень мало интересовался арабскими странами. По-видимому, он уже тогда решил предоставить их итальянцам. Для помещения статей в иракских газетах я имел в своем распоряжении небольшой фонд. Если я иногда выплачивал незначительные суммы деньгами или алкоголем агентам английской секретной службы, то это производилось за счет моего представительского фонда. Несомненно, я имел возможность организовать в Ираке агентурную сеть.

При общем дружественном отношении жителей Ирака к Германии всегда можно было бы найти арабов, которые готовы были бы сотрудничать с Гер-

манией таким путем. Однако министерство иностранных дел само не занималось подобными задачами, а Абвер и СД, которые были компетентны в этих делах, интересовались, по-видимому, другими странами более, чем Ираком. После начала войны в Берлине весьма сожалели об отсутствии агентов в арабских странах, а также в Ираке, была также сделана попытка наверстать потерянное, однако почти без всякого успеха. Невозможно было больше импровизировать, главным образом потому, что между Германией и арабскими странами не существовало прямого сообщения, а Турция и Англия весьма зорко следили за транзитом через Турцию в арабские страны. Если бы к началу войны в Ираке существовала бы немецкая агентурная сеть, то была бы возможность соответствующим образом подготовить иракское восстание в мае 1941 года. При существовавшем же тогда положении вещей восстание осталось чисто иракским делом, которое было обречено на неудачу.

Как следует из описания моей дипломатической деятельности в Ираке, тамошние события, которые иногда затрагивали меня лично, настолько требовали всего моего внимания, что для разведывательной работы за пределами Ирака у меня не было времени, не говоря уже о том, что работа в Ираке очень сильно меня интересовала. Кроме того, разведывательная работа в других восточных странах не входила в круг моих обязанностей, не говоря уже о том, что немецкие представители в соответствующих странах, особенно посол фон Папен в Анкаре и посланник Сменд в Тегеране, ни при каких обстоятельствах не потерпели бы этого. Прежде всего, фон Папен, который докладывал непосредственно Гитлеру, был особенно чувствителен к подобным вещам. О том, что мои доклады по общеарабским вопросам распространялись на Сирию и Палестину, я уже упоминал. Точно так же генеральные консулы в Иерусалиме (Вольф, а потом Деле) и Бейруте (Зайлер), докладывая по общеарабским вопросам, затрагивали также и Ирак.

В конце 1941 года радиоотделение министерства иностранных дел доложило Риббентропу, что немецкие радиопередачи на арабском языке имеют тот недостаток по сравнению с английскими передачами в арабских странах, что они не передают никаких злободневных местных новостей из арабских стран и поэтому для арабских слушателей менее интересны, чем английские передачи или передачи арабских стран. Поэтому Риббентроп запросил меня, не в состоянии ли я достать дополнительные сведения из арабских стран, которые были бы пригодны для немецких радиопередач на арабском языке.

Я ответил ему, что полагаю возможным достать эти сведения из арабских стран. Я получил задание — приступить к делу. Я сперва взвесил возможность посылки своих агентов в Турцию и, если возможно, то и в Сирию. Однако более точное исследование показало, что вследствие герметического закрытия турецко-сирийской границы такая попытка заранее обречена на неудачу. Я поэтому ограничился привлечением к этой работе журналиста Афиф Тиби (из Бейрута, жившего в Берлине), который в свою очередь послал своего приятеля, также журналиста из Бейрута, фамилию которого я забыл, в Софию. Этот последний получил задание выписывать все возможные арабские газеты, просматривать их, слушать радиопередачи из арабских стран, которые там лучше слышны, чем в Берлине, выбирать все наиболее важное, что пригодно для передачи по радио, и ежедневно передавать Афиф Тиби в Берлин.

Журналист из Софии весьма удачно выполнял свое задание в Софии, и немецкие радиопередачи на арабском языке стали более интересными для арабского слушателя. Я запросил также Паулу Кох в Адане, не сможет ли она

присылать мне сведения из арабских стран на основе отчетов путешественников, приезжающих из этих стран. Она, однако, не прислала мне никаких сведений, вероятно потому, что отсылала свои отчеты во вновь организованное разведывательное бюро министерства иностранных дел. Впрочем, из этого бюро я получал копии поступавших туда сведений, которые оказывались пригодными для радиопередач. От кого получались эти сведения, я так и не узнал. Письма через Турцию или Швейцарию, которые получали арабы, жившие в Германии, также содержали иногда сведения, которые можно было использовать для радиопередач. Время от времени прибывали в Берлин арабы из Турции или Балканских стран, которые привозили с собой интересные новости.

Резюмируя, я заявляю, что я лично никогда не был немецким агентом, а состоял немецким дипломатическим представителем за границей, и что те информации, которые мне нужны были в качестве основы для моих отчетов, я получал, в основном, не от оплачиваемых мной агентов, а от своих друзей — дипломатов, чиновников, государственных деятелей, частных лиц и коллег.

Полученные мною таким путем информации были настолько хороши, что агентурные сведения мне вовсе не нужны были. Для оплаты агентов в моем распоряжении вовсе не было никаких средств. Я имел только небольшой фонд для оплаты статей в газетах. Арабское осведомительное бюро, которое я организовал в Берлине в конце 1941 года по указанию министра иностранных дел, преследовало только цель собирания новостей из арабских стран, чтобы немецкие радиопередачи на немецком языке сделать более интересными для арабского слушателя. В арабских и, в частности, в иракских вопросах Гитлер и министерство иностранных дел были мало заинтересованы, что уже следует из того, что политическое руководство в арабских странах Гитлер предоставил Италии. О Советской России я в Ираке вообще никаких сведений не собирал, а в Кабуле занимался Советской Россией лишь постольку, поскольку это касалось пограничных инцидентов и каракулевого дела.

III. РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНАЯ РАБОТА ДРУГИХ НЕМЕЦКИХ ИНСТАНЦИЙ

О разведывательной работе других немецких инстанций, как-то: СД, Абвер и бюро Риббентропа, я знаю лишь постольку, поскольку мне приходилось иногда случайно кое-что узнавать об этой работе. У меня создалось впечатление, что Абвер и СД имели агентуру в других арабских странах, кроме Ирака, т.е. в Египте, Палестине и Сирии, а также в неарабских странах — Турции и Иране. Однако, как правило, это были немцы, которые при вступлении одной из этих стран в войну должны были ее покинуть или были интернированы. Однако в том случае, когда эти агенты не были немцами, их деятельность прекращалась со вступлением в войну страны, в которой они проживали, ибо в противном случае Абвер и СД не жаловались бы постоянно на недостаточность сведений из стран, находящихся в состоянии войны.

Иначе обстояло дело в Турции и Иране, которые вначале находились в состоянии нейтралитета. Там были немецкие военные атташе, в руках которых находилось дело сбора сведений, а именно — генерал Роде в Анкаре и подчиненный ему майор в Тегеране, фамилию которого я забыл[1]. Однако генерал Роде не интересовался арабскими странами. Разведывательной организации, которая хотя бы отдаленно напоминала британскую секретную

[1] Представителем Абвера в Тегеране был майор Бернхард Шульте-Хольтус.

службу, Германия не имела к началу войны. Только когда война началась, Абвер и СД сделали попытку создать такую организацию, но было уже поздно. Также и то, что было создано во время войны по указаниям Риббентропа, а именно его осведомительная служба и организованное мной Арабское осведомительное бюро, остались хилыми творениями, которые вскоре полностью захирели. Как я случайно узнал, Абвер, а также и СД делали попытки во время войны сбрасывания арабов с самолетов в различных арабских странах. Однако и эти попытки оказались неудачными — агенты всегда вскоре вылавливались.

Через несколько месяцев после начала войны Риббентроп собрал у себя различных знатоков дальнего и Ближнего Востока и обсудил с ними возможность организации диверсионных актов в этих странах. В этом совещании, кроме меня, принимали участие тогдашний референт по Ближнему Востоку посланник фон Гентинг и один СС-овец (думаю, его фамилия была Вагнер), который проводил исследования в Тибете. В частности, была обсуждена возможность организации диверсий в Британской Индии. Все присутствующие высказали мнение, что вследствие отсутствия прямого сообщения между Германией и Индией подобного рода действия могут быть предприняты только совместно или с согласия с Советской Россией. Риббентроп согласился с этим мнением и решил послать в Москву доверенного человека, который прозондировал бы почву для возможности такой совместной работы с Советским Союзом. Этим доверенным лицом, которого я не знаю, был, насколько мне помнится, некто по фамилии Шляйхер. Мне сказали, что он мало пригодное лицо для подобного задания, так как он еще очень молод и мало сведущ в вопросах Ближнего Востока. Как я после узнал, его переговоры в Москве не принесли никакого результата. Так как немецким послом в Москве был тогда весьма ловкий граф фон дер Шуленбург, то посылка такого доверенного человека по этому делу являлась вообще излишней.

Между Абвер и СД существовало сильное соперничество. Как известно, победило СД, причем начальник Абвера адмирал Канарис был заменен СС-обергруппенфюрером Кальтенбруннером. Насколько мне известно из попадавших ко мне отчетов и из общей ориентировки и деятельности обоих организаций, я могу сделать заключение, что СД имело за границей более ловких агентов. В Абвере очень часто работали совсем неспособные люди. За несколько месяцев до окончания войны несколько представителей Абвера в Турции перешли к англичанам[1] и, как я слыхал, захватили с собой список всех агентов Абвер в Турции. Я допускаю, что все эти агенты арестованы турецким правительством. Бюро Риббентропа было передано в министерство иностранных дел, насколько мне помнится, в 1941 году. На этом закончилась самостоятельная, правда, скромная и несистематическая разведывательная работа этого бюро.

Недостаток достоверных сведений из-за границы побудил Риббентропа организовать в апреле 1941 года свою собственную разведывательную службу. Перед знатоками различных стран в министерстве иностранных дел было поставлено задание выдвигать кандидатуры лиц для работы в этой службе как внутри страны, так и за границей. От меня потребовали кандидатуры для работы в арабских странах. Я должен был сразу же продиктовать свои предложения и назвал несколько фамилий, которые как раз пришли мне в голову. Насколько мне известно, из названных мною лиц разведывательная служба Риб-

[1] Речь идет об Эрихе Вермерене и Пауле Леверкюне.

бентропа использовала только Паулу Кох, работавшую в немецком посольстве в Адана, и легационсекретаря д-ра Димке[1] из немецкого посольства в Анкаре.

Кроме своей обычной служебной деятельности они получали задание собирать и отсылать непосредственно разведывательному бюро министерства иностранных дел подходящие сведения, т.е. не обычным служебным путем через своего начальника и министерство иностранных дел. Копии таких сообщений, которые оказывались пригодными для использования в радиопередачах, я получал позже для сведения. Результат деятельности этой разведывательной службы был весьма тощим, и вся осведомительная служба министерства иностранных дел позже окончательно замерла.

IV. ГРОСС-МУФТИ И ГАЙЛАНИ

Гросс-муфти и Гайлани предложили свои услуги Германии для целей пропаганды, ожидая, что Германия им потом на родине предложит соответствующие посты. Позиции, которые они оба занимали по отношению к германскому правительству, были различны. Гайлани, который до конца мая 1941 года был министром-президентом Ирака, с двумя своими министрами (военным министром Наджи Шукат и министром просвещения д-р Сальман) прибыл в Берлин и в дальнейшем рассматривался германским правительством как министр-президент, и немецкое правительство имело в виду и позже оставить его в Ираке на этом посту. У Гайлани было, во всяком случае, больше честолюбия. Он стремился занять место главы правительства великого арабского государства, которое охватывало бы, кроме Ирака, еще и Сирию, Палестину и Трансиорданию. Он всю надежду возлагал на Германию, в то время как об Италии он и знать не хотел. Хотя он и ездил дважды в Рим по приглашению итальянского правительства, но это было против его желания.

Гросс-муфти, главное духовное лицо в Палестине и глава магометан, не имел никакого официального положения как государственный деятель, но, несмотря на это, он требовал, чтобы немецкое правительство признавало его как ответственного представителя Палестины и готово было предоставить ему в будущем ответственный пост в Палестине.

Между Гросс-муфти и Гайлани возник спор за первенство, на которое каждый из них претендовал. Так как я знал, что политическая позиция во всех арабских странах, за исключением, возможно, Палестины, на которую претендовал Гросс-муфти, никогда не получит признания от руководителей разных стран и что немецкое правительство, согласившись на требование Гросс-муфти, создаст себе лишь затруднения в арабском мире, я высказался против того, чтобы немецкое правительство удовлетворило желание Гросс-муфти и Гайлани. Гросс-муфти, который знал или догадывался о моем возражении против его планов, вел со мной борьбу.

Гросс-муфти строил свои будущие надежды не столько на Германию, сколько на Италию, с которой он уже давно работал в Палестине и которая оказывала ему поддержку. Итальянское правительство, с другой стороны, которое знало об антипатии в арабском мире по отношению к Италии, надеялось, что назначение личности Гросс-муфти устранит неприязнь арабского мира и его сопротивления против итальянской опеки. Поэтому оно вело переговоры с Гросс-муфти насчет его позднейшего положения в арабском мире, о чем немецкое правительство не было поставлено в известность.

[1] Так в документе, вероятно, речь идет о Вилли Димке.

Гросс-муфти дал об этих переговорах немецкому правительству неправильные сведения. Адольф Гитлер признал политическое влияние Италии в странах Средиземноморского бассейна. К ним относились также арабские страны, во всяком случае, за исключением Ирака, который лежит у Персидского залива. На мои вопросы мне объяснили, однако, в министерстве иностранных дел, что Германия предоставляет Италии и Ирак. Если Гайлани и Гросс-муфти рассматривались как немецкие агенты, то в отношении Гайлани необходимо принять во внимание, что он был возведен на пост министра-президента в апреле 1941 года не немецким правительством, а иракской армией, и что немецкое правительство рассматривало и в дальнейшем в качестве такого. И если от агента требуется, чтобы он выполнял задания своего хозяина, то необходимо сказать в отношении Гросс-муфти и Гайлани, что они ни в коем случае не подчинялись решениям немецкого правительства, а действовали по своему усмотрению. Каждый преследовал свою политику, которая в основных пунктах не совпадала с политикой немецкого правительства.

Так, например, Гайлани не подчинялся немецкому решению, которое предоставляло Италии политическое руководство в арабских странах, а оказывало ему сопротивление, а Гросс-муфти вел с итальянским правительством переговоры военного характера, которые противоречили пожеланиям немецкого командования. Кроме того, Гросс-муфти затруднял немецкую деятельность в арабских вопросах, например, немецкую радиопропаганду, поскольку она не проходила через его руки. Он также вел борьбу со всеми арабами в Германии, которые ему не подчинялись, даже если они работали для министерства иностранных дел или для других немецких учреждений. Он требовал, чтобы немецкое правительство предоставляло ему решение всех арабских вопросов.

Немецкое правительство не пыталось сделать Гайлани и Гросс-муфти более податливыми, оказывая на них давление, хотя оно и не интересовалось арабскими странами, оно все-таки придавало значение дружбе арабов, и ему было ясно, что, оказывая давление на этих обоих вождей, оно эту дружбу потеряет. Так как Гросс-муфти оказывал сопротивление таким мероприятиям, которые не проходили через его руки, то он боролся также с организованным мною Арабским осведомительным бюро и его руководителем Афиф Тиби.

Он послал своего собственного уполномоченного (Аббу Муталлиб) в Софию для того, чтобы там уполномоченному Арабского осведомительного бюро составил конкуренцию. В начале 1943 года он пожаловался на меня министру иностранных дел, последний отстранил меня от несения забот о нем и передал высшему СС-фюреру[1] Эттель, который был посланником в Тегеране. Эттель и Гросс-муфти действовали в дальнейшем против меня и достигли того, что в ноябре месяце 1943 года итальянский министр иностранных дел подал на меня жалобу, после чего меня отстранили от забот о Гайлани и запретили заниматься вопросами арабской политики. Я получил назначение в архивную комиссию, и я мог заниматься только изучением документов, и если они представляли интерес, снимать с них фотокопии или доводить до сведения министра иностранных дел. Гайлани и другие арбы жалели об этом решении министра иностранных дел.

Гайлани сохранил для меня до конца свою личную дружбу. Гросс-муфти был, впрочем, в очень хороших отношениях с Гиммлером и с СС и опирался на последних, если его желания не воплощались в министерстве ино-

---

[1]Так в тексте, Эрвин Эттель имел чин оберфюрера СС.

странных дел. Так как я не был членом партии, я занимал по отношению всех партийных организаций слабую позицию. Этим пользовался Эттель в борьбе против меня.

V. УКАЗАНИЯ МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

Министерство иностранных дел давало своим заграничным представителям лишь очень редко указания об их политической деятельности. Обычно они получали инструктаж от государственного секретаря, когда за границу посылался новый дипломат. Так, например, при моей поездке в Афганистан в декабре 1923 года я получил указание — заниматься только политико-экономическими вопросами и заботиться о немцах, проживающих в Афганистане, но от политики совершенно воздержаться и не посылать никаких политических донесений. При этом министерством иностранных дел было принято во внимание, что почтовое сообщение из Кабула в Берлин шло через Индию, где приходилось считаться с тем, что моя почта будет вскрыта.

Когда меня отправили в Багдад в марте 1932 года, я получил от государственного секретаря Вайцзекера указание — быть в отношении англичан очень осторожным, чтобы не давать им никакого повода жаловаться на меня. Когда летом 1936 года во время моего отпуска на родине поступил приказ явиться к министру иностранных дел фон Риббентропу, он проявил большой интерес к всеарабским вопросам, на которые натолкнуло его палестинское восстание. Эту заинтересованность не разделяли авторитетные лица министерства иностранных дел, как-то: государственный секретарь фон Вайцзекер, унтер-государственный секретарь Верман и референт по вопросам Ближнего Востока фон Гентиг. Господин Верман вообще не интересовался арабами. Только личной заинтересованности всеарабскими вопросами фон Риббентропа, по всей вероятности, я обязан тем, что уже тогда я не был уволен из-за своей беспартийности.

Господин Риббентроп уполномочил меня даже докладывать ему лично об особо интересных событиях в Ираке, но задание — организовывать в Ираке разведывательную службу, я от него не получал. Он имел еще тогда свое «бюро Риббентропа», которое занималось арабскими вопросами, хотя и в очень дилетантской форме. К этому бюро я никакого отношения не имел.

В отношении тогдашней совместной работы немецких дипломатов за границей с другими немецкими учреждениями, кроме министерства иностранных дел, например с Абвер и СД, имелось указание министра иностранных дел, по которому строго воспрещалось непосредственно давать отчетные сведения другим учреждениям. Господин Риббентроп был в этих делах очень щепетилен, и нарушение этого указания могло повлечь за собой немедленное увольнение данного сотрудника.

Когда Гросс-муфти и несколько месяцев позже Гайлани прибыли в Берлин, мне было поручено заботиться об их благополучии и держать с ними связь. Я поэтому и присутствовал на приеме каждого из них у Гитлера. Гросс-муфти и Гайлани посещали часто государственного секретаря фон Вайцзекера и его помощника Вермана без моего присутствия.

Указание министра иностранных дел фон Риббентропа, полученное в конце 1942 года, доставать дополнительные сведения из арабских стран касалось исключительно сведений, подходящих для передачи по немецкому радио на арабском языке. Развитие более широкой деятельности, особенно деятельности агентурной, в арабских странах с этим заданием связано не было.

VI. МОИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Если даже, насколько мне известно о немецкой разведработе в арабских странах, немецкой агентурной сети нет, которая могла бы быть использована для целей советско-русской политики в арабских странах, то имеются еще известные дружественные связи между немецкими и арабскими лицами, которые могли бы быть использованы для этой цели.

Германия пользовалась в арабских странах большими симпатиями потому, что она являлась великой державой, которая арабов никогда не покоряла и покорять не собиралась, а наоборот, доказывала свою дружбу с ними. Если даже нужно считаться с тем, что многие арабы в связи с поражением Германии в своем доверии к ней были потрясены и также тем, что немецкое правительство признало политическое руководство Италии во всех арабских странах, то нужно считаться и с тем, что имеется еще много арабов, которые сохранили свою дружбу к Германии.

Насколько эти арабы являются в то же время и друзьями Советского Правительства, как Гикмет Зулейман, или же питают симпатию к Советскому Правительству, как Рашид Али эль-Галайни, может быть, их можно было бы побудить с немецкой стороны принять теперь активное участие в совместной работе между арабами и Советским Союзом. Поскольку они до сих пор питали недоверие к Советскому Союзу, то, может быть, теперь с немецкой стороны могло бы быть оказано влияние, чтобы они свое политическое недоверие сменили полным доверием к Советскому Союзу и к его политическим стремлениям. С немецкой стороны должно быть указано на то,

1) что для ближневосточных, а также для арабских стран, равным образом и для Германии жизненным вопросом является дружба с победоносным и сильным Советским Союзом и

2) что такой союз для ближневосточных стран, как и для Германии, является целесообразней, чем союз со слабеющей с каждым днем Англией или с далеко лежащей Америкой, которая в один прекрасный день может потерять интерес к европейским и ближневосточным странам и предоставить их и Германию своей собственной судьбе,

3) что Советский Союз в принадлежащих ему и граничащих с Ближним Востоком странах — Армении, Туркестане, Таджикистане и Киргизстане и др. доказал, как он сумел достичь в них такого огромного экономического и культурного подъема и

4) что народы Советского Союза не считают, в противоположность англичанам и американцам, другие народы низшей расой, а обращаются с ними как с равноправными товарищами и братьями. Если эти взгляды будут с немецкой стороны упорно внушены арабам, то они, вероятно, повлияют на них убедительно.

Связь между немецкими лицами и авторитетными арабами в различных арабских странах, может быть, лучше всего установлена арабами, которые находятся еще в Германии или в других находящихся под влиянием Советского Союза европейских странах и которые после соответствующего инструктажа должны вернуться на свою родину и могли бы быть снабжены письмами к тамошним авторитетным лицам.

Кроме того, можно бы использовать подходящих арабов в Германии или в других находящихся под советским влиянием европейских странах как агитаторов для радиопередач. До капитуляции Германии в Берлине находился известный арабский борец за свободу Фауци Каукджи и известный агитатор арабского радио Юнис Бахри. Каждый из этих двух, по всей веро-

ятности, знает адреса других арабов в Берлине, Германии или других находящихся под советским влиянием европейских странах.

В английской и в американской зонах Германии можно было бы также побудить арабов перебраться в русскую зону и принять участие в данной работе. Кроме того, можно бы попробовать вернуть журналиста Афиф Тиби [Afif Tibi], который, по всей вероятности, перед капитуляцией Германии уехал в Прагу.

Предпосылкой для воздействия на этих арабов через их немецких друзей является то обстоятельство, чтобы арабы были убеждены, что данные немцы действуют по собственной инициативе, а не под нажимом или чьим-либо принуждением. Поэтому важнейшим условием для подобного рода немецкой деятельности является необходимость, чтобы эти люди были совершенно свободны и чтобы их связи с НКВД не бросались в глаза. Если этот принцип будет со стороны НКВД соблюден, тогда, вероятно, возможно будет побудить ряд немецких специалистов по этим вопросам, находящихся в настоящее время в английской или американской зонах, переехать в русскую сторону для сотрудничества.

Исходя из убеждения, что дружественное сотрудничество между немецким и русским народом является для Германии жизненной необходимостью, я в момент оккупации Тюрингии Красной Армией остался в Тюрингии, явился в распоряжение Тюрингского управления юстиции и получил пост оберпрокурора в Майнинген. Это пост политический и имеет своей предпосылкой тесное сотрудничество с Советской Военной Администрацией и компетентными инстанциями НКВД. В этой должности я работал с 1 ноября 1945 года, будучи в хороших отношениях с комендатурой и НКВД в Майнингене.

Исходя из этого же убеждения я уже заявил господину генералу Клепову в Хемнице, что я готов отдать в распоряжение Советского Правительства мои дружественные связи с арабскими личностями, в первую очередь в Германии и других странах, находящихся под влиянием Советского Союза, и через них с арабскими вождями в арабских странах, в особенности с Гикмет Зулейманом [Hikmet Suleiman] в Багдаде и Рашид Ибн-Сауд [König Ibn Saud] в Риада. Но, как выше было сказано, условием для успешных переговоров между мною и арабами является необходимость того, чтобы они были убеждены, что я с ними имею связь по своей инициативе, а не под влиянием НКВД.

Таким образом, предпосылкой для этого должно быть мое нахождение на свободе и занятие, не вызывающее подозрений. Для этой цели было бы самое лучшее, если бы я свою деятельность опять возобновил и в согласованности с НКВД попутно занялся арабами.

Для начала я мог бы это делать в Майнингене, где у меня моя квартира, моя семья и мое определенное дело. Я мог бы при потребности приезжать для переговоров в Дрезден. Но я мог бы также в Дрездене работать прокурором, где я должен был бы быть назначен саксонской прокуратурой. Полагаю, что в саксонской прокуратуре такая же потребность в прокурорах, как и в Тюрингии. Проживающих на территории Советского Правительства арабов можно бы под нажимом принудить к известным действиям, они должны будут действовать в своих родных странах, а там нажим на них не окажет достаточного влияния.

Др. Ф. ГРОББА

22.3.[19]46 года

Перевели переводчики: ст[арший] лейтенант РАСКИН
лейтенант ИВАКИН

ЦА ФСБ России. Р-48558. В 2-х тт. Т. 1. Л. 67—90. Заверенная машинописная копия. Подлинник на немецком языке. Машинопись. Автограф. Л. 91—136.

№ 27
СОБСТВЕННОРУЧНЫЕ ПОКАЗАНИЯ ДОКТОРА Ф. ГРОББЫ

28 мая 1946 г.
Потсдам

Перевод с немецкого

Барон Маршалл фон Биберштейн [von Bieberstein] — сын бывшего германского посла в Турции Маршалла фон Биберштейна. После первой мировой войны он вступил на службу в Министерство иностранных дел, где и работал на протяжении ряда лет в качестве атташе, затем он занимал ряд дипломатических постов за границей, в качестве кого именно, я указать не могу.

С началом второй мировой войны он вновь работал в Министерстве иностранных дел как тайный легационный советник. В апреле 1941 года министр иностранных дел фон Риббентроп создал «собственную разведку», руководство которой он поручил посланнику Хенке [Hencke], а Маршалла фон Биберштейн назначил заместителем Хенке.

Приблизительно осенью 1943 года Маршалл фон Биберштейн был переведен в Персональное отделение Министерства иностранных дел в качестве референта по делам кадров высших чиновников. Наряду с этим он продолжал руководить разведкой Риббентропа, объем работ которой к этому времени сильно сократился.

Я познакомился с Маршаллом фон Биберштейн, когда работал в Министерстве иностранных дел в качестве атташе, и во время войны, когда он был заместителем разведывательного бюро Риббентропа, я соприкасался с ним постольку, поскольку он пересылал мне поступившие к нему информации об арабских странах, которые не являлись по своему характеру секретными и могли быть использованы для передачи по радио на арабском языке. Эти информации Биберштейн пересылал мне через младшего государственного секретаря Вёрмана.

После моего увольнения из Министерства иностранных дел — осенью 1944 года, я переписывался с Маршаллом фон Биберштейн, так как он вел мое дело в персональном отделении.

О причинах создания министром фон Риббентропом «собственной» разведки я узнал от младшего государственного секретаря Вёрмана, который сказал мне: министр фон Риббентроп во время своих докладов Адольфу Гитлеру неоднократно замечал, к великому своему неудовольствию, что Адольф Гитлер располагает сведениями из других стран, которые ему, — Риббентропу, были еще неизвестны. Поэтому фон Риббентроп решил организовать получение информаций из-за границы, чтобы он всегда был уверен, что важные сведения немедленно поступят к нему.

Я полагаю, что задача Маршалла фон Биберштейна заключалась в том, чтобы, замещая посланника Хенке, выполнявшего также и другие задания министра, проверять поступающие из-за границы информации, важные из них докладывать министру, остальные передавать в соответствующие рефераты для использования их при передачах по радио. Распространялась ли деятельность разведки Риббентропа на все или же только на определенные страны — об этом мне неизвестно. Был дан строгий приказ, запрещающий говорить об этой разведке.

Господин Маршалл фон Биберштейн определенно был членом партии, так как в персональном отделении Министерства иностранных дел могли

работать только члены партии. Осенью 1944 года Маршалл фон Биберштейн был в Берлине. После капитуляции Германии я его не встречал.

Ф. ГРОББА

Переводчик: мл[адший] лейтенант ТЕВКИНА

Показания принял: подполковник НОСОВ

ЦА ФСБ России. Р-48558. В 2-х тт. Т. 1. Л. 203—204. Заверенная машинописная копия. Рукописный подлинник на немецком языке — л.д. 205—209.

№ 28

ПИСЬМО ЛИЧНОГО СЕКРЕТАРЯ ВЕЛИКОГО МУФТИЯ ИЕРУСАЛИМСКОГО ТАВФИКА-АЛЬ-ШАКИРА ПОСЛАННИКУ Ф. ГРОББЕ

12 марта 1941 г.
Вена

Документальный перевод с французского

Его превосходительству
посланнику Фрицу Гробба

Покидая страну, я считаю необходимым выразить Вам свою благодарность за гостеприимство, которое я встретил во время моего пребывания в Берлине.

Ваше превосходительство, Вы можете быть уверены, что в моем лице Вы имеете искреннего и лояльного друга.

Я надеюсь, что будущее нам принесет укрепление уз между Германией и арабами и усиление взаимной симпатии.

В Вене я закончил свои дела. Доктор Вагнер сделал все возможное для облегчения всей работы, и я был очень тронут этим.

Я забыл Вам сказать, что недавно мне звонили из итальянского посольства и сказали, что 12 и 19 марта отправляется итальянская дип[ломатическая] почта в Багдад.

В другом конверте, который я Вам отправляю с доктором Вагнером, имеется код для наших друзей.

В дальнейшем прошу Вас письма, конверты, передаточные аппараты отправлять послу фон Папену с просьбой об их отправке с итальянской дип[ломатической] почтой на имя Макса Мюллер через итальянского посланника в Багдаде. Это по совету г-на Космелли [Cosmelli] (1).

Прошу передать привет Вашей жене. Привет г-ну Вёрману.

ТЕВФИК-АЛ-ШАКИР
(МАКС МЮЛЛЕР)

(1) Г-н Космелли мне передал через своего секретаря, что лучше отправлять это в Анкару, так как итальянская дип[ломатическая] почта из Рима слишком перегружена: лучше брать все от фон Папена.

Перевел: майор УШОМИРСКИЙ

ЦА ФСБ России. Р-48558. В 2-х тт. Т. 2. Л. 162—163об. Рукописная копия. Подлинник на немецком языке. Т. 2. Л. 161.

№ 29
ЗАПИСКА ПОСЛАННИКА Д-РА Ф. ГРОББЫ В ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ МИДА «ПОСТАВКА ОРУЖИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВУ ИРАКА»

27 марта 1941 г.
Берлин

Перевод с немецкого

Записка
Содержание: Поставка оружия правительству Ирака
[Inhalt: Lieferung von Waffen für die IRAK-Regierung]

1) Приобретение оружия Германии [1) Beschaffung der Waffen in Deutschland]

Как сообщил советник посольства Рипкен, он обсудил в Управлении военной промышленности возможность предоставления иракскому правительству трофейного или немецкого оружия. С этой целью имеются в распоряжении:

а) английское трофейное оружие, которое, однако, в первую очередь предназначается для другой страны, а именно:

1000 винтовок, каждая с 2000 зарядами патронов,

375 ручных пулеметов,

100 станковых пулеметов,

200 противотанковых ружей, каждое с 1-й запасной магазинной коробкой,

45 полевых пушек калибра 75 мм.

б) французское трофейное оружие, особенно ручные и станковые пулеметы с боеприпасами.

в) немецкого оружия, по-видимому, нет.

Передача какого бы то ни было оружия может быть осуществлена только на основании решения фюрера.

Управление военной промышленности просит сообщить численность иракской армии, которая должна быть снабжена трофейным оружием. Тогда только будет сделано предложение о количестве и способе предоставления имеющегося оружия. При этом, например, недостающее оружие из английских запасов может быть дополнено французским оружием. Из французских запасов может быть, например, предоставлено около 1000 ручных и станковых пулеметов. При условии согласия фюрера, на основании высказываний Управления военной промышленности, можно рассчитывать на предоставление оружия, необходимого одной дивизии (примерно 15 000 человек).

2) Транспортировка через Турцию [2) Transport durch die Tükei]

Находящийся сейчас здесь афганский министр экономики неоднократно давал понять, что он готов поддержать арабское национальное движение. Очевидно, он ожидает, что по этому поводу к нему обратятся с немецкой стороны. Он покидает Берлин, очевидно, 2-го апреля и приблизительно через месяц снова вернется в Берлин. Чтобы использовать его настоящее пребывание в Берлине, нужно уполномочить г-на Рипкена обсудить с афганским министром экономики вопрос о том, возможно ли переправить через Турцию немецкое оружие, направляемое, якобы, в качестве посылки для афганского правительства.

Поэтому рекомендуется при изложении положения дела по пункту добиться решения г-на Имперского министра о том, что следует провести переговоры с афганским министром экономики по поводу пункта 2).

Сие предоставить начальнику Политического отдела МИД Вёрману[1]

Берлин, 27 марта 1941 г.

Подписал: *ГРОББА*

Перевела: МИЛЮКОВА

ФСБ России. Р-48558. В 2-х тт. Т. 2. Л. 182—183. Заверенная машинописная копия. Заверенная машинописная копия на немецком языке. Т. 2. Л. 179—181.

№ 30
СОПРОВОДИТЕЛЬНОЕ ПИСЬМО ГЕРМАНСКОГО МИДА ГЕРМАНСКОМУ ПОСЛУ В АНКАРЕ

7 апреля 1941 г.
Берлин

Перевод с немецкого

Копия
Берлин, 7 апреля 1941

Pol. VII. 187 gRs[II]
Секретно
Срочно
[Sofort!]

1) г-ну послу фон Папену
Анкара (с курьером 9.IV [1941])

В заключение к предыдушим документам
Референт-посланник
д-р Гробба

2) После переписки начисто перед отправкой:
первую копию служащему г-ну консулу Стефани [kons. Stephany (Kurier-Abt.)] (Курьерский отдел) с просьбой 5 свертков золота упаковать в два подходящих ящика.

После отправки:
Г-ну старшему легационному советнику Швагер [VLR. Schwager]
в Пол. VII [Pol VII g]
и Пол. I [Pol I m]
[z.gfl. Kts]

При этом

1) два запечатанных ящика с золотом,
2) четыре (с исправлением на два) ручных чемодана (с двумя коротковолновыми радиопередатчиками),
3) два пакета с шифрованным материалом.

Все предназначено для Великого Муфтия в Багдаде, пересылается с просьбой держать наготове для отправки с курьером Великого Муфтия или иракской миссии.

Я прошу перед передачей радиопередатчиков курьеру удалить имеющиеся на них приметы немецкого происхождения (пломбы, печати).

Если для дальнейшей транспортировки радиопередатчиков в Иран требуются новые пломбы или печать, то тамошняя иракская миссия должна также поставить.

О получении передатчиков прошу сообщить письменно, о дальнейшей переписке уведомить по телеграфу.

---

[1] В подлиннике — господину младшему статс-секретарю Вёрману [bei Herrn Unterstaatssekretär Woermann vorgelegt].

[II] gRs — сокращение от нем.: Geheime Reichssache — секретный имперский документ.

В нужном случае прошу заплатить курьеру надлежащую ссуду на расходы за перевозку и внести ее в III часть счета выплаты за поручение ссылкой на это указание.

I A

пос[ланник] ВЁРМАН

Перевел: мл[адший] лейтенант ИОВКИН

ЦА ФСБ России. Р-48558. В 2-х тт. Т. 2. Л. 175—175об. Рукописная копия. Машинописная копия на немецком языке. Т. 2. Л. 174—174об.

№ 31
ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА ГЕРМАНСКОГО МИДА О ПОСТАВКЕ ОРУЖИЯ В ИРАК[1]

17 апреля 1941 г.
Берлин

Перевод с немецкого

Ha Pol g.Rs 227/41

1. Ausfertigung
2. —"— —"— —"— U. St. S. Pol.
3. —"— —"— —"— Dir. Ha Pol
4. —"— —"— —"— Ges.Grobba
5. —"— —"— —"— Pol VII
6. —"— —"— —"— Ha Pol VII

Докладная записка [Aufzeichnung]

1. Управление экономики и вооружения [Das Wirtschafts-und Rüstungs-Amt; Wi-Rü-Amt] ([под]полковник Ленгнер [Oblt.z.S. Lengner]) сообщил мне, что генерал-фельдмаршал Кейтель решил, что для поставки в Иран предоставляются следующие военные материалы:

15 000 винтовок пехотного образца 6,5 мм голландского производства, вместе с этим 3 миллиона патронов,

600 ручных пулеметов 6,5 мм голландского производства, вместе с этим 6 миллионов патронов,

200 станковых пулеметов 8 мм, французского производства, с 2 миллионами патронов,

50 тяжелых гранатометов 81 мм, французского производства, 25 000 патронов,

100 легких гранатометов 50 мм, французского производства, 75 000 патронов.

ОКВ требуются для подготовки оружия к отправке 2—3 недели, начиная с момента, когда Министерство иностранных дел выскажет свое желание относительно отправки вышеназванного оружия обходным путем.

2. В связи с отправкой военных материалов в Ирак майор Позер [Poser] и капитан Колхаас [Kohlhaas] посетили меня в отделе Абвера ОКВ с тем,

[1] На немецкоязычной копии вверху страницы штамп красного цвета: Geheime Reichssache — «Совершенно секретно».

чтобы сообщить мне, что, согласно установке Абвера, для Палестины требуются нижеприведенные военные материалы:

15 000 винтовок пехотного образца с 500 патронами на каждую,

300 ручных пулеметов («Д») с 2000 —"— —"— для каждого,

200 станковых пулеметов с 5000 —"— —"— для каждого, из них по 1000 патронов бронебойных,

50 узлов крепления для легких пулеметов на самолеты,

30 легких гранатомета с 500 патронами на каждый,

50 противотанковых ружей (польских) с 200 патронами каждому,

20 000 английских яйцевидных ручных гранат (норвежских),

5 000 пистолетов с 50 патронами каждому,

200 ракетных пистолетов с боезапасом,

50 биноклей,

100 компасов.

Разведывательный отдел установит в Управлении экономики и вооружения (Ви-Рю), можно ли и в каком размере предоставить вышеназванные военные материалы в распоряжение Палестины.

Управление экономики и вооружения (полковник Ленгнер) сообщило мне на запрос, что ответ его отдела на запрос Разведывательного отдела можно, вероятно, получить до 21 апреля.

3. В связи с отправкой упомянутых в пункте 1 и 2 военных материалов через Турцию я, с согласия мл[адшего] гос[ударственного] секретаря Вёрмана, беседовал с находящимся в настоящее время в Берлине афганским министром экономики Абдулом Меджид Ханом [Abdul Medjid Khan]. Последний высказал принципиальное согласие содействовать со своей стороны отправке военных материалов в Ирак. Он указал на необходимость ввести в курс дела, помимо афганского посла в Турции, который должен достать разрешение турецкого правительства на транзит, также афганского короля. Поскольку это дело требуется обсудить особо секретным порядком, а занятие этим вопросом здешнего афганского посла нецелесообразно по некоторым причинам, то Абдул Меджид Хан вызвал афганского посла в Анкаре Фаиса Мохаммеда Хан [Fais Mohammad Khan] для переговоров в Швейцарию или в Будапешт. Это пригласительное письмо было послано с курьером в четверг на этой неделе для передачи афганскому посольству в Анкаре и немецкому посольству в Анкаре.

Абдул Меджид выезжает сегодня в Судетскую область Германии для осмотра промышленных предприятий; во время этой поездки я буду сопровождать его. После этого он возвратится на одну неделю в Берлин, так что, вероятно, решение о переговорах с Фаисом Мохаммед Ханом будет принято в этот момент.

4. Проверка вопроса — возможна ли будет после взятия Солоников отправка перечисленного в пунктах 1 и 2 военного материала морским путем в Сирию — дала следующие результаты:

Капитан Штанге из ОКВ [Kapt.z.S. Stange vom OKW] ответил мне на запрос, что в гавани Солоники при вступлении немецких войск не было обнаружено никаких судов. Прежде чем организовать немецкое судоходство из Солоников, потребуются различные мероприятия военного характера со стороны немецкого военного флота. Они должны быть закончены самое малое за 4—6 недель. Проверка вопроса отправки из Солоников должна быть поэтому отложена, по крайней мере, на этот период времени. Однако капи-

тан Штанге полагает, что подготовить судно для запланированной операции также трудно и на это время.

Возможным для отправки военных материалов в Ирак или Палестину остается поэтому пока через Турцию как единственный более удобный путь.

Берлин, 17 апреля 1941 г.

Подпись: *РИПКЕН*

Перевела: А. ИЛЛАРИОНОВА

ЦА ФСБ России. Р-48558. В 2-х тт. Т. 2. Л. 187—189. Заверенная машинописная копия. Машинописная копия на немецком языке. Т. 2. Л. 184—186.

№ 32
ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА «ПОСЫЛКА ОРУЖИЯ В ИРАК» ПОСЛАННИКА Д-РА Ф. ГРОББЫ НАЧАЛЬНИКУ ПОЛИТИЧЕСКОГО ОТДЕЛА ГЕРМАНСКОГО МИДА Д-РУ Э. ВЁРМАНУ[1]

23 апреля 1941 г.
Берлин

Перевод с немецкого

Копия

Содержание: Посылка оружия в Ирак
[Beförderung von Waffen nach dem Irak]
Приложение к проекту от 22 апреля с/г.

Полковник Ленгнер разговаривал сегодня с иранцем Хоумайном (Houmayoun) и на основании удачных опытов с первым транспортом, отправленным по железной дороге через Турцию для Ирана, предложил — переправить тем же путем оба недостающих транспорта, а именно находящийся в Галаце и формирующийся пока в Германии.

Хоумайон, напротив, считал целесообразным следующие мероприятия:

1). Шоссейная дорога из Трапезунда в Тавриз сейчас свободна;

2). Иранское правительство уже подготовило машины для отправки по этому пути;

3). Отправка таким путем пойдет быстрее и будет значительно дешевле, чем отправка по железной дороге через Турцию, Сирию и Ирак;

4). При отправке по жел[езной] дороге нужно будет заготовить соответствующие проездные разрешения от соответствующих стран для 2-го и 3-го транспорта, что потребовало бы много времени.

Полковник Ленгнер, напротив, заявил, что Управление экономики и вооружения (Ви-Рю [Wi-Rü-Amt]), чтобы пойти навстречу настоятельной просьбе Ирана о возможно скорейшей отправке оставшегося оружия, — направить 2-й и 3-й транспорт одновременно. Так как возможности отправки обоих транспортов через Трапезунд явно недостаточны, то потребуется послать 3-ю партию по железной дороге. Тогда посылка может произойти одновременно с отправкой 2-го транспорта.

---

[1] На немецкоязычной копии вверху страницы штамп красного цвета: Geheime Reichssache — «Совершенно секретно».

Г-н Хоумайон высказался за это предложение и указал на то, что и в этом случае, с целью укорочения пути перевозок и уменьшением издержек, будет целесообразно послать третью партию пароходом до гавани Самсун и только там перегрузить на дорогу. Он изъявил готовность сделать телеграфный запрос у своего правительства в Тегеране — согласно ли оно, в соответствии с предложением немцев, с отправкой обоих транспортов или только 3-го транспорта по железной дороге через Турцию. Чтобы обеспечить ускоренную отправку 3-го транспорта он просил, чтобы последний был бы сформирован в Галаце уже сейчас с тем, чтобы затем его можно было бы послать оттуда или в Трапезунд, или в Самсун. Что касается дальнейшего принятия решения по этому вопросу, следует подождать ответа из Тегерана.

Между тем Абвер получил от морского атташе в Стамбуле [Marine-Attaché in Istanbul] ответ, что некоторые небольшие греческие суда в Бургасе посланы оттуда в Солоники с целью отправки продовольствия и что одно из них — водоизмещением в 160 тонн — будет подготовлено для отправки военных материалов из Солоников в Сирию. Г-ну Розенеру [Herr Rosener] в Бейрут направили по телеграфу просьбу — проверить вместе с Шукри Куватли [Schükri Kuwatli], каким образом можно будет тайно доставить на берег на таком мелком судне требуемое оружие и переправить его в Палестину. Для этого транспорта подготовлено:

2 000 винтовок,

30 ручных пулеметов и

50 пистолетов-автоматов — все с боезапасом.

Оружие сразу же пакуется и отправляется в Солоники.

Как сообщал далее Лангнер, из заготовленного материала для Ирака и Палестины в Германии имеется налицо оружие, которое сразу же можно взять, в то время как боеприпасы из оккупированных областей нужно доставать.

Для того чтобы эти боезапасы достать и изготовить специальные ящики для материала первой необходимости, потребовалось бы примерно три недели. Я указал г-ну полковнику Ленгнеру, что тремя иранскими транспортами можно перебросить только 300 тонн материалов, т.е. 1/7 всего заготовленного количества, так что заготовка боезапасов и изготовление ящиков может продлиться не три недели.

Ссылаясь на это обстоятельство, он хочет постараться по возможности сократить этот срок. Далее, я обратил его внимание на то, что некоторые материалы уже находятся в Гамбурге готовые к отправке. При этом, по справке Абвера II, речь идет о следующем вооружении:

125 французских винтовок с 44 730 патронами (71,5 кг),

100 пистолетов Маузер, калибр 7,63 мм (без патронов),

320 пистолетов Ортгиз [Ortgies], калибром 7,65 мм (без патронов),

305 552 9-мм патронов для пистолетов (104 кг),

497 французских винтовок с 44 730 патронами (71,5 кг),

455 296 французских патронов, боезапас — 81 кг,

50 пулеметов с прибором образца 08 без боезапасов (25 ящиков),

1 000 винтовок образца 98 без патронов (42 ящика).

Все вышеизложенное направляется г-ну мл[адшему] гос[ударственному] секретарю Вёрману

Берлин, 23 апреля 1941 г.

Подпись: *ГРОББА*

Копии
Дир Ха Пол [Dir. Ha Pol]
Послу Шнурре [Ges. Schnurre]
Пол. VII
Ха Пол. VII

Перевела: А. ИЛЛАРИОНОВА

ЦА ФСБ России. Р-48558. В 2-х тт. Т. 2. Л. 201—203. Заверенная машинописная копия. Заверенная машинописная копия на немецком языке — т. 2. л.д. 197—200.

№ 33
ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА «ПОМОЩЬ ИРАКУ» ПО ТЕЛЕГРАФУ ПОСЛАННИКА Д-РА Ф. ГРОББЫ НАЧАЛЬНИКУ ПОЛИТИЧЕСКОГО ОТДЕЛА ГЕРМАНСКОГО МИДА Д-РУ Э. ВЁРМАНУ

[Не ранее 1 мая 1941 г.]
Берлин

Копия Перевод с немецкого

Государственному секретарю [St.S]

Реферат: посланник д-р Гробба

По открытому телеграфу:

Через бюро Имперского министерства иностранных дел для субсекретаря, начальника Политического отдела Вёрмана [Fernsschreiber offen: ьber fьr U. St.S. Woermann]

I. По вопросу: Помощь Ираку.

1) Иракское правительство предоставило фирме Шенкер [Firma Schenker] определить транспортный путь, чтобы устранить уже возникшее недоверие со стороны Ирана и собрать сведения для иракского транспорта, Шенкер предлагает:

а) немедленно отправить транспорт [из] Галаца через Ирак в Иран и наблюдать за его контролем и обращением с ним в Турции.

б) немедленно сформировать третий иранский транспорт и, в зависимости от его состава, транспорт, отправка которого может произойти через 8—10 дней. Управление военной экономики и военной промышленности распорядилось о необходимом.

2) Чтобы иранскому правительству сделать приемлемым железнодорожный транспорт через Ирак, Шенкер выразил готовность доставить оба еще не сформированные иранские транспорта по тарифным ставкам морского транспорта до Трапезунда и на грузовиках в Иран. Министерство иностранных дел должно оплатить значительную разницу.

3) В случае, если не прибудет третий транспорт в Иран, Шенкер опасается закрытия своего находящегося там предприятия и аннулирования значительного договора и просит защитить его позднее от иранского правительства.

4) Шенкер опасается в дальнейшем упреков со стороны Имперского министерства экономики за причинение ущерба немецко-иранским экономическим отношениям и поднимает вопрос о предварительном согласии советника Тернеддена [Min. Rat. Ternedden].

II. По вопросу: Переговоры с иранскими делегатами в Анкаре по поводу воздушного сообщения.

Согласно устному сообщению полковника Бринкмана [Brinckmann] и подполковника Штольце [Stolze] (Абвер II), сегодняшнее обсуждение у фельдмаршала Кейтеля дало следующие результаты:

1) Я должен взять с собой в Анкару:

а) одного офицера из Оперативно-разведывательного управления Генерального штаба военно-воздушных сил,

б) капитана Кольхааза [Kolhaas] из II-го отдела Абвера.

2) министерство иностранных дел просит позаботиться о том, чтобы в Анкару прибыл представитель иракского Генерального штаба.

Я ответил, что я лечу в качестве гостя фон Папена и никого не могу взять с собой. Абвер хочет установить связь с послом фон Папеном.

III. По вопросу: Моя поездка.

Посол фон Папен планирует вылететь 2-го мая, предлагает, чтобы одновременно вернулся посол Швербель [Schwörbel], чтобы не возбуждать ненужного внимания Турции.

Прошу указаний.

Подписал: *ГРОББА*

Разослано:
Государственному секретарю
В политический отдел, реферат VII

ЦА ФСБ России. Р-48558. В 2-х тт. Т. 2. Л. 207—208. Заверенная машинописная копия. Заверенная машинописная копия на немецком языке — т. 2. л.д. 204—206.

№ 34
ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА ОБ АНГЛИЙСКИХ ВОЙСКАХ В ИРАКЕ ПОСЛАННИКА Д-РА Ф. ГРОББЫ НАЧАЛЬНИКУ ПОЛИТИЧЕСКОГО ОТДЕЛА ГЕРМАНСКОГО МИДА Д-РУ Э. ВЁРМАНУ

1 мая 1941 г.
Берлин

[Перевод с немецкого]

Копия — Совершенно секретно

Меня посетил сегодня старший лейтенант Куррер (или Курнет) [Oblt. d.R. Kurrer (alias Kuhnert)] из Абвера I, который с 21 марта до 13 апреля находился в Тегеране и возвратился оттуда 4 дня тому назад и который разговаривал в Тегеране с иранским поверенным в делах Шакир аль-Вади [Schskir al-Wadi], с которым я хорошо познакомился в Багдаде.

Согласно сообщениям Шакир аль-Вади и информациям, собранным Куррером из других источников, в течение 14 дней в Шатт эль-Араб крейсировали несколько английских судов с солдатами, среди которых, приблизительно, 3 больших судна, каждое по 10 000 т. Пока иракское правительство не дало разрешения на высадку войск. Отказ основывается на том, что англичане хотели высадить с кораблей одновременно около 5000 человек и отправить их через всю страну с оружием, в то время как иракцы настаивали на том, чтобы на иракской земле находилось не более

3 000 человек и чтобы оружие перевозилось отдельно. Наконец англичане, видимо, уступили. Войска высадились и были направлены в Трансиорданию.

Г-н Куррер считает совершенно недостоверными сведения о том, что в Шатт эль-Араб находится 40 000 английских и индийских солдат. Он обращает внимание на то, что на немецких судах, стоящих в Бендер Шапур, наблюдают за движением всех проходящих мимо английских судов и сообщают об этом по радио через Тегеран в министерство иностранных дел. Наличие стольких судов не могло бы остаться незамеченным.

В Ираке в обоих летних лагерях Хаббания и Шайба находится приблизительно несколько тысяч английских солдат. Самое большое в Ираке находится до 10 000 человек английских войск, которые, однако, не остаются там постоянно, а переезжают дальше в Трансиорданию и заменяются новыми подразделениями. Нефтепровод в Хайфе охраняется британскими войсками. В нефтеносной области Киркука и в области Мосула нет английских частей. Все противоположные слухи ложны.

Англичане, видимо, придают точно такое же значение соблюдению ираско-английского союзного договора, как и иракцы. Иракское правительство старается избежать открытого разрыва с Англией, т.к. иракская армия, при ее теперешнем состоянии насчитывающая 50 000 человек, при ее снаряжении далеко отстает от английской армии с ее современным снаряжением. Однако теперешнее иракское правительство отклонило всякий компромисс, и теперь имеется возможность, что конфликт между Ираком и Англией наступит значительно раньше, чем это было бы целесообразно для Ирака, исходя из состояния его военной подготовки. Нельзя сомневаться в желании иракского правительства пойти на конфликт с Англией, если оно получит достаточно оружия от Германии, чтобы начать борьбу.

Иракский поверенный в делах в Тегеране также не может сделать практического предложения для поставки немецкого оружия в Ирак. Он считает, что снабжение иракской армии немецким оружием в достаточном количестве будет возможным только тогда, если Германия добровольно или путем принуждения добьется прохождения войск через Турцию.

Иракский поверенный в делах не скрывает, что наличие немецких или итальянских войск в Ираке нежелательно. Арабы хотят воевать одни и просят только о поддержке оружием.

К тому же в Ираке ненавидят итальянцев. Поэтому английские усилия склонить теперешнее иракское правительство к разрыву дипломатических отношений с Италией нашли благоприятную почву, и очень возможно, что правительство рано или поздно уступит этому английскому требованию. Однако подобный образ действий был бы направлен исключительно против Италии, а не против Германии.

Г-н Куррер на основании различных собранных им сведений не считает, что подготавливается оккупация Ирака английскими войсками или что она ожидается в ближайшем будущем. Напротив, он считает, что англичане только в том случае оккупируют Ирак и Сирию, если Германия вступит на территорию Турции.

Иракский поверенный в делах в Тегеране любезно дал г-ну Курреру справки военного характера и на будущее готов на такое сотрудничество, при этом, однако, указал на требование соблюдения строжайшей тайны, т.к. он должен быть очень осторожен по отношению к англичанам.

Сие представить г-ну начальнику Политического отдела МИД Вёрману.

Берлин, 1 мая 1941 г.

Посланник ГРОББА

ФСБ России. Р-48558. В 2-х тт. Т. 2. Л. 213—215. Машинописная копия. Машинописная копия на немецком языке — т. 2. л.д. 210—212.

№ 35
ДОГОВОР О ПОСТАВКАХ ГЕРМАНСКОГО ВООРУЖЕНИЯ ИРАКСКОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ

14 мая 1941 г.
Мосул

ЛО-30/IX-[19]46 г. Перевод с немецкого

Германское правительство, представленное двумя уполномоченными
Г-ном д-ром Фрицем Гробба и
Г-ном д-ром Рудольфом Ран,
и Королевское иракское правительство, представленное своим уполномоченным:

Генералом и заместителем мутессарифа Мосула [Mutessarif in Mossul], Кассимом Максуд [Kassim Maqsud], договорились о нижеследующем:

1. Германское правительство поставляет иракскому правительству следующие военные материалы:

193 пулемета типа «Хочкис», на общую сумму	228 856,86 г[ерманских] мар[ок]
7 пулеметов типа «Сэнт-Этьен», на общую сумму	7 245,00 —"— —"— —"— —"—
13 605 винтовок со штыками, на общую сумму	1 706 951, 32 —"— —"— —"—
1895 винтовок без штыков, на общую сумму	216 181, 60 —"— —"— —"— —
1 000 000 патронов к пулеметам	
4 000 000 патронов к винтовкам	
5 000 000 патронов, на общ[ую] сумму	761 875,00 —"— —"— —"— —
1 500 патронных обойм для 24 патронов на общую сумму	888, 37 —"— —"— —"— —"—
4 полевые орудия в 7,5 см с амуницией	74 750,00 —"— —"— —"— —
10 000 гранат в 7,5 см, на общую сумму	245 000,00 —"— —"— —"— —
	Итого: 3 341 748,15

2. Доставка бесплатная до Мосула.

3. Иракское правительство обязуется оплатить этот материал в три срока, а именно:

1 113 916, герм[анских] марок 15-го мая 1942 г.

1 113 916,05 герм[анских] марок 15-го мая 1943 г.

1 113 916,05 герм[анских] марок 15-го мая 1944 г.

4. С согласия германского правительства уплата каждого взноса может производиться и иракскими товарами.

5. Германское правительство отказывается от уплаты процентов по задолженным ему суммам.

Составлен на немецком и арабском языках
В Мосуле 14-го мая 1941 г.

От германского правительства:
Подписал: д-р *ФРИЦ ГРОББА*
Подписал: д-р *РУДОЛЬФ РАН*

От иракского пр[авительст]ва:
Подписал: *КАССИМ МАКСУД*

Перевела: Л. ОРЛОВА
30/IX-[19]46 г.

ЦА ФСБ России. Р-48558. В 2-х тт. Т. 2. Л. 223—224. Заверенная машинописная копия. Машинописная копия на немецком языке — т. 2. л.д. 220—221; машинописный подлинник на арабском языке — т. 2, л.д. 222.

№ 36
ЗАМЕТКА ПОСЛАННИКА Д-РА Ф. ГРОББЫ «БОРЬБА ИРАКА ЗА СВОБОДУ И МОЯ ПОЕЗДКА В ИРАК»[I]

Июль 1941 г.
Берлин

ЛО-14/VIII-[19]46 г. Перевод с немецкого
Копия

1.) ПРИЧИНЫ НАЧАЛА БОРЬБЫ ИРАКА[II]

а) Злоупотребления англичан.

Когда Англия во второй половине апреля месяца высадила в Басре около 10 000 солдат индийских войск, но, вопреки условиям англо-иракского союзного договора и соглашения от 21 июня 1940 г., не направила их далее в Трансиорданию, а оставила их в Ираке под предлогом охраны иракских путей сообщения, то иранское правительство очутилось перед дилеммой: либо молчаливо снести оккупацию страны англичанами, либо воспротивиться этой оккупации силой. Премьер-министр Рашид Али эль-Гайлани и иракская армия избрали путь чести и самоопределения. 1-го мая Рашид Али потребовал, чтобы иракский народ вооружился на борьбу против покорения его Англией.

б) Доверие иракского правительства к обещаниям держав Оси.

При принятии этого решения Рашид Али действовал согласно воле подавляющего большинства иракского народа и полагался при этом, в общем, на нижеследующие обещания помощи со стороны держав Оси:

1.) письмо статс-секретаря фон Вейцзэккера (Weizsäcker)[III] к Великому Муфти от 10-го апреля 1941 г., в котором было сказано, что если арабы для достижения своих национальных целей будут вынуждены пойти на борьбу с

[I] На немецкоязычной копии вверху страницы штамп красного цвета: «Совершенно секретно» (нем. Geheime Reichssache).

[II] (Примеч[ание] переводч[ика]: Первые четыре страницы зачеркнуты, но поскольку нет пометки о том, чтобы их не переводить, я перевожу их целиком).

[III] Фамилия «Вейцзеккер» на немецком языке вписана от руки фиолетовыми чернилами.

Англией, то Германия окажет им военную и финансовую помощь в рамках возможного;

2.) сообщение иракскому правительству, сделанное на основании предложения мин[истерст]ва иностр[анных] дел итальянскому мин[истерст]ву иностр[анных] дел 27-го апреля о том, что державы Оси с полным сочувствием поддерживают правительство, армию и народ Ирака в его борьбе против Англии и сделают все, что находится в рамках их возможностей;

3.) заявление германского и итальянского радио на арабском языке от 28 и 29 апреля:

«Державы Оси воздают должное мужественному поведению иракского правительства и армии, полностью их одобряя, и с безграничным сочувствием их поддерживают. В своей борьбе с заносчивостью англичан и с их злоупотреблениями они чувствуют себя связанными с арабами и в особенности с арабами Ирака. Поэтому, если Ирак в своей нынешней нужде обратит свои надежды в сторону держав Оси, то он не разочаруется в этом. Державам Оси желательно, чтобы и арабы сделались свободными и независимыми, и они сделают все, что нужно, чтобы эта цель была достигнута».

В связи с этим иракский премьер-министр ответил итальянскому посланнику в Багдаде 1-го мая следующее: «Доверяя помощи правительств Рима и Берлина и на основании того, что было высказано 28 и 29 апреля, иракское правительство приняло решение занять решительную позицию по отношению к Англии».

2.) ВОЕННЫЕ СОБЫТИЯ В ИРАКЕ ДО МОЕГО ПРИБЫТИЯ В БАГДАД

1-го мая иракская армия изолировала британские авиационные лагери Хаббаниа (на Ефрате — 60 км западнее Багдада) и Шайба (около Басры), оккупировала нефтепромыслы около Киркука и Ханикина, запретила британским летчикам подниматься в воздух и взяла железные дороги под свой контроль. Британские подданные в стране в большей своей части укрылись в британском и американском посольствах, остальные были интернированы.

Иракский премьер-министр попросил через итальянского посланника в Багдаде официально помощи у держав Оси или, в случае если такая помощь не сможет быть оказана быстро, извещения об этом, чтобы иракское правительство смогло попытаться выиграть время посредством уступчивого поведения.

2-го мая британские авиационные войска начали бомбардировать иракские войска, окружившие лагерь Хаббаниа, Иракская артиллерия делала аэродром англичан непригодным для использования и вызвала несколько пожаров. Иракское правительство объявило, что считает себя находящимся в состоянии войны с Англией. Оно повторило в Багдаде и через своих различных послов за границей свое обращение за помощью к державам Оси и просило германское правительство прислать посланника Гробба в целях восстановления дипломатических отношений.

Англичане высадили в Басре еще 3000 солдат и заняли этот город. Иракские войска отошли на север, в Назиридже.

Атаки британских моторизованных частей на Рутба (на полпути между Багдадом и Дамаском) были отражены. Гарнизон в Рутба был усилен смешанным отделением под командованием майора Фаузи Каукджи.

В последующие дни продолжалась бомбардировка иракских блокадных войск английской авиацией, усиленной самолетами из Аммана (Трансиорда-

ния) и Шайбы. Попытки иракских войск к атакам пресекались действиями превосходивших их силы британской артиллерии. Для того чтобы пробиться через проволочные заграждения, заряженные электричеством, не было саперов и танков. Обращение иракцев за помощью к державам Оси усилилось.

6-го мая около 90 английских самолетов в течение нескольких часов нападали на иракские войска около Хабании, забрасывая их бомбами и обстреливая из пулеметов, и уничтожали иракскую артиллерию. Затем английские войска при поддержке авиации и танков предприняли наступление и прорвали иракские линии [обороны]. Иракские войска отступили, потеряв три батальона и, по сведениям, 24 разбитых орудия, за линию Ефрата и окопались в Рабади (севернее Хабании) и в предмостном укреплении западнее Ефрата, около Феллюджа (южнее Хабании). Для укрепления своей линии обороны они заняли местность южнее авиационного лагеря и западнее предмостного укрепления Феллюджа.

Настроение в иракских правительственных кругах было чрезвычайно подавленное. Иракское правительство возобновило свои обращения за помощью, указывая, что без поддержки авиации иракские войска не будут в состоянии сдержать наступление англичан на Багдад. Военный министр Наджи Шаукат [Nadji Schaukat] был послан в Анкару для переговоров с послом фон Папеном и, одновременно, с турками об их предложении посредничать.

10-го мая я прибыл на 2-х «Хенкелях» в Мосул, а 11-го мая утром на автомашине в Багдад. 11-го мая итальянский посланник сообщил иракскому премьер-министру, что приняты меры для посылки итальянских самолетов с военными материалами в Ирак.

3.) МОЯ ПОЕЗДКА В ИРАК И МОЕ ПРЕБЫВАНИЕ ТАМ

Моя поездка в Ирак, несмотря на то что я летел на самолете, продолжалась четыре дня потому, что мне пришлось из-за порчи самолета просидеть один день в Фоджиа и вместе с замест[ителем] советн[ика] миссии Раном (Rahn) я провел ночь в Алеппо. Приземление моих обоих вооруженных самолетов системы «Хенкель» в Алеппо открыло путь для прилета позже немецких боевых самолетов, которые при своем полете в Ирак должны были совершить промежуточную посадку в Сирии.

При моем прибытии в Мосул наши самолеты были смешаны с как раз ожидавшимися в тот момент английскими самолетами, и их обстреляли. Мой самолет получил два попадания, другой — семь. Раненых не было. Прием, оказанный нам иракскими военными и гражданскими властями и населением был чрезвычайно сердечный. Мы поехали на автомашине дальше в Багдад, куда прибыли 11-го мая утром и где нас устроили в доме премьер-министра.

Военное положение, по описанию командующего корпусом в Багдаде генерала Салахеддина Саббаг [Salaheddin Sabbagh] было следующее. Иракская армия имела три фронта обороны против англичан:

1.) севернее оставленного города Басра около Назириджэ;

2.) напротив авиац[ионного] лагеря Хаббаниа на Ефрате;

3.) около 300 км западнее Багдада, в пустыне около Рутба.

Остальной Ирак был свободен от англичан. Поражение при Хаббании показало, что иракские войска не в состоянии выдержать объединенные атаки английской авиации и танков. Однако, по мнению иракцев, дальней-

шего наступления англичан в ближайшем будущем не следовало опасаться, ибо улицы Басры к северу можно сделать в любой момент непроходимыми, затопив их водой, а мост в Феллюджа через Ефрат был подготовлен для взрыва. Кроме того, местность к западу от моста была, по его словам, сделана непроходимой для английских танков путем затопления. Однако, по мнению иракцев, наступление на позиции англичан в Хаббаниа и на участке Басра зависело от преодоления английской авиации. Если бы это удалось германской авиации, то иракская армия, вероятно, смогла бы захватить в свои руки английские авиац[ионные] лагеря в Хаббаниа и Шайба (около Басры) и затем развернуть наступление на Трансиорданию и Палестину.

12-го мая, при прибытии на самолете над Багдадом был убит майор фон Бломберг[I]. Заявление иракского командующего авиацией Махмуда Залмана, что майор фон Бломберг должен был прилететь не в половине 8-го утра, когда, как правило, в воздухе находятся английские летчики, а лишь в 10 часов, было отклонено обоими германскими начальниками авиации, Дарьесом (Darjes) и Лейхтхёйзером (Leythäuser)[II].

Мое прибытие в Багдад, привезенное мною золото и прибытие первых германских самолетов доказали иракскому правительству, уже начавшему сильно сомневаться, действительную готовность немцев оказать им помощь и создали у них уверенное настроение. Перебежчики из Хаббаниа сообщали, что там не хватает продуктов питания и царит паника. Если бы удалось удержать вдали от Хаббаниа английские колонны, посланные на выручку, то можно было бы надеяться принудить лагерь к сдаче из-за недостатка продуктов питания.

13-го мая я встретился в Мосуле с замест[ителем] советн[ика] миссии Раном, который прибыл с первым транспортом французского вооружения из Сирии. Мы заключили с иракским правительством кредитное соглашение о наличии этого вооружения на сумму 3,3 миллиона герм[анских] марок. Грузовики забрали взамен этого бензин, сахар, рис и пищевые жиры. Англичане взяли утром 14-го мая Рутба при помощи переброшенных из Трансиордании моторизованных частей. Но майор Фаузи Каукджи продолжал держаться с небольшим войском в холмистой местности вокруг Рутба и беспокоил английские колонны.

15-го мая в Мосул прибыл полковник Юнк (Junk)[III]. В этот и в последующие дни в Мосул постепенно стали прибывать эскадрильи «Ме 110» и «Не 111». Самолеты были использованы против Хаббании и для разведки. Молодые летчики, которые частично никогда еще не летали на операции против врага, действовали чрезвычайно энергично. Летчики «Ме», как правило, пользовались бреющим полетом. Они сейчас же взяли верх над англичанами, которые показывались только ночью или когда в воздухе не было «Ме». Немецкие самолеты уничтожили около 40 английских самолетов на земле и сбили многих в воздухе, также вызвали в лагере Хаббаниа много крупных и длительных пожаров. Воздушная разведка установила наличие различных английских оперативных колонн, шедших со стороны Трансиор-

[I] Речь идет о сыне бывшего германского военного министра генерала Вернера фон Бломберга — майоре люфтваффе Акселе фон Бломберге.

[II] Фамилии «Дайрес» и «Лейтхёйзер» на немецком языке вписаны от руки фиолетовыми чернилами.

[III] Фамилия «Юнк» на немецком языке вписана от руки фиолетовыми чернилами.

дании; однако в распоряжении иракцев не было достаточного количества самолетов, чтобы причинить серьезный вред этим колоннам или иметь возможность совсем их уничтожить.

Иракское правительство и армия были полны похвал достижениям германских летчиков. К сожалению, однако, вследствие своего усиленного использования почти все германские самолеты в течение одной недели сделались непригодными. Замены их не поступало[I].

В ночь с 18 на 19 мая англичане переправились через Ефрат у лагеря Хаббаниа, высадили к северу от Феллюджа войска с самолетами и напали на этот пункт с севера при одновременной усиленной бомбардировке с воздуха. Иракские войска, понесшие тяжелые потери, очистили Феллюджа и отступили на юг, в Абу Гураиб[II]. Им не удалось взорвать мост через Ефрат. По-видимому, заложенные там взрывчатые материалы были изъяты какой-то неизвестной рукой.

19-го мая штаб-инженер д-р Гизман [Goesmann] сообщил о катастрофическом положении в стране с бензином, требующем немедленной доставки авиационного бензина из Румынии или России. В общем, штабс-инженер Гизман вместе со своими помощниками принялся за усиленную работу и изготовил еще довольно много авиационного бензина с помощью разных смесей.

21-го мая иракский военный министр вновь отправился в Анкару, а министр иностр[анных] дел Муса Шабандар [Musa Shabandar], министр финансов Наджи Суваинди [Nadji Suwaidi] и министр путей сообщения Шейх Али Мохаммед [Scheich Ali Mohammad] в Тегеран, по сведениям — для переговоров с тамошними правительствами. Затем премьер-министр и военный министр послали свои семьи в Анкару. Настроение среди общественности было чрезвычайно неблагоприятное.

По-моему настоянию иракская армия попыталась утром 22 мая вновь отбить Феллюджа при помощи трех батальонов, однако лишь с частичным успехом. Продвинувшись вплоть до моста, войска были вынуждены отступить под натиском нескольких танков и не смогли разрушить мост, однако продолжая удерживаться в окружающих Феллюджа садах. Немецкие летчики поддерживали эту операцию косвенно, бомбардировкой Хаббаниа. Оказание непосредственной поддержки сражающихся иракских войск оказалось для германского авиационного руководства невозможным из-за обнаженности фронтов. Многие английские колонны достигли Хаббаниа, в особенности колонны по 200 автомашин из Трансиордании и Басры. Колонна из Басра через пустыню западнее русла Ефрата. Нападение англичан на Рамади было отражено с потерями для англичан.

В поддержке армии премьер-министр предоставил несколько тысяч людей из племен, которые под предводительством министра экономики Юнуса Саб'Ауи [Yunis Sab'aui] с успехом сражались в различных пунктах, но использованию которых мешало то обстоятельство, что Юнус Саб'Ауи, из-за некоторых его расхождений во мнениях с командованием армии, пришлось, по настоянию последнего, отозвать с фронта.

[I] Следующая фраза в документе на немецком языке зачеркнута Ф. Гроббой простым карандашом: «Конечно, полковник Юнк стоял на теоретически правильной, но при нынешней ситуации нецелесообразной точке зрения, что он сможет вызвать замененные самолеты только тогда, когда наземная организация будет вполне готова и когда в наличии будет иметься достаточный запас бензина».

[II] Так в тексте, правильно — Абу Грейб (нем. Abu Ghuraib).

27-го мая вечером английские бронечасти повели наступление на Самарру (на Тигре) и разрушили жел[езно]дор[ожную] линию из Багдада в Мосул.

28-го мая свыше 100 английских танков и броневиков, которые должны были идти через мост в Феллюджа, напали веерообразным образом на иракские позиции около Абу Гераиб, Хан Нокта (западнее Багдада), в пункте около 10 км севернее Багдада между Таджи и Казименин и около Самарры. Главный удар шел в направлении на северное предместье Багдада — Казимеин. Иракские войска, располагавшие недостаточными бронетанковыми силами, с боями отступили; город Багдад оказался в опасности.

Одиннадцать итальянских самолетов-истребителей, прибывших в Киркук к полудню, не смогли больше участвовать в боях из-за усталости. Лишь на следующее утро, в 8 ч. 15 м., четыре итальянских истребителя поднялись в воздух. Из германских самолетов можно было использовать только одного «Хенкеля» с четырьмя бомбами.

29-го мая англичане, укрепившиеся за ночь, возобновили атаки, в особенности в направлении Казимеин. На мое требование отдать распоряжение о взрыве обоих мостов через Тигр в Багдаде премьер-министр ответил пожатием плеч. Он, очевидно, считал, что не сумеет ответить общественности страны за разрушение столь дорогих сооружений. Тем самым был открыт свободный доступ в Багдад для английских бронетанковых частей.

28-го мая поздно вечером премьер-министр посоветовал мне, ввиду создавшегося положения для Багдада, отправиться в Киркук, куда он поедет затем и сам для организации оттуда дальнейшего сопротивления. После этого разговора с премьер-министром я обсудил с майором Хенчелем (Hentschel)[I] в Мосуле по телефону возможность моего выезда из Багдада на следующий день и попросил его предоставить в мое распоряжение самолет, по возможности в Бакуба, а если это невозможно, то в Киркуке, потому что мне хотелось оставаться в Багдаде как можно дольше[II]. Он заявил, что предоставить в мое распоряжение самолет в Бакуба невозможно. Мы договорились, чтобы я на следующий день вновь позвонил ему по моем прибытии в Киркук. 29-го мая, в половине 5-го утра, я заявил старшему лейтенанту Павельке [Pawelke] в Мосуле по телефону о моем намерении поехать в Киркук.

Перед отъездом из Багдада я договорился с офицером связи от авиации лейтенантом запаса Вёрнером (Woerner), чтобы он сначала сжег оба находившихся на аэродроме поврежденных немецких самолета и увез проживавших в гостинице немецких летчиков, а потом вернулся сюда. Из немецких гражданских лиц, проживавших в Багдаде, я взял с собой коммерсанта Ромм (Romm), няньку-немку и заграннемца Хартштейна (Hartstein)[III], которых я освободил из концлагеря, и распорядился о немедленном отъезде через Мосул.

Прибыв в Киркук я узнал, что все тамошние немецкие военные улетели на стоявшем там Ю-52 в Мосул. Среди них были также два специалиста по

[I] Фамилия «Хентчел» на немецком языке вписана от руки фиолетовыми чернилами.

[II] Окончание фразы в документе на немецком языке зачеркнуто Ф. Гроббой простым карандашом: «, да и в общем, ввиду создавшегося положения, не хотел сидеть в течение долгих часов в автомашине».

[III] Фамилии «Вёрнер», «Ромм» и «Хартшейн» на немецком языке вписаны от руки фиолетовыми чернилами.

вскрытию актов саботажа на нефтесооружениях, а также для учинения помех в работе таких сооружений, которые вообще в военном и экономическом отношении представляли собой важную угрозу для работы нефтеустановок в Киркуке.

В Мосуле я смог связаться по телефону только с иракским офицером связи майором Меджидэддином [Medjideddin], который сообщил мне, что утром в этот же день в Мосул прибыли новые бомбы, вследствие чего увеличился запас бомб, все возраставший недостаток в которых ощущался в течение многих дней, но что все немецкие самолеты только что улетели в Алеппо.

3-го июня майор Меджидэддин в Алеппо в присутствии советника посольства д-ра Гранова сообщил, что когда я позвонил ему, то немецкие офицеры авиации еще находились на аэродроме; они, однако, отказались что-нибудь слушать обо мне и приказали ему самому немедленно прибыть на аэродром.

Из Багдада я узнал по телефону, что иракские войска и люди из племен 29-го мая вскрыли плотину на реке севернее города, тем самым потопив ряд английских танков, а затем напали на англичан и нанесли им убитыми, ранеными и взятыми в плен потери в числе нескольких сот человек. Одновременно мне, однако, сообщили, что англичане вновь наступают с западной стороны города и подошли к находящемуся у королевского замка Каср Зихур «Железному мосту» [Schloß Kasr Zihur «Eiserne Brücke»], который также не был взорван. Несмотря на эти благоприятные сведения из Багдада, я решил ехать дальше из Киркука в Мосул, чтобы разузнать о причине внезапного отъезда немецких летчиков.

В Мосуле я, советник посольства Гранов, капитан Кольхааз и лейтенант Вёрнер взяли под охрану оставленные германскими летчиками дела, карты, снимки, сделанные с воздуха, радиоаппарат и многие личные вещи. Вещи я передал лейтенанту Вёрнеру, который распорядился погрузить их на добытый мною грузовик и отправил в Алеппо, тамошнему германскому командованию авиации. От моего намерения, на основании благоприятных сведений из Багдада, направиться сначала обратно в Киркук я отказался, когда узнал, что премьер-министр туда не прибыл. Губернатор Мосула, генерал Касим Максуд [Kassim Maqsud], и раненый, прибывший из Рамади дивизионный командир Исмаил Ага [Ismael Agha] изъявили свою готовность защищать Мосул, если я им до следующего полудня смогу добыть обещание г-на имперского министра иностр[анных] дел о том, что будет оказана поддержка со стороны германской авиации. Это обещание было своевременно получено 31-го мая, но его действие оказалось уже неэффективным, ибо положение как в Багдаде, так и в Мосуле тем временем совершенно изменилось.

Рашид Али перед своим отъездом из Багдада (29-го мая вечером) учредил оперативное командование, к которому принадлежали начальник Оперативного отдела Генерального штаба подполковник Нурэддин Махмуд [Nureddin Mahmud], бургомистр Багдада Аршад эль Омари [Arschad el-Omari] и другие. Этот комитет сообщил Рашиду Али во время его поездки по железной дороге совершенно откровенно о том, что англичане перешли р. Тигр около Самарры и заперли путь на Киркук. Тогда Рашид Али, следовавший вместе с Великим Муфти, и сопровождавший его начальник Генштаба Амин Зеки [Amin Zeki] решили ехать вместо Киркука в Ханикин и оттуда перейти иранскую границу.

Багдадский комитет вступил после этого в переговоры с англичанами о заключении перемирия, потребовал, чтобы генерал Касим Максуд поехал из Мосула в Багдад как участник переговоров, и приказал командующему Мосульского участка фронта подполковнику Тауфик Хуссеину [Taufik Hussein] прекратить боевые действия.

Поскольку одновременно поступали сведения о том, что английские танки, двигавшиеся вперед вдоль р. Тигр, на севере прошли через Баиджи и приближаются к Мосулу, то подполк[овник] Тауфик Хуссеин занял по отношению ко мне отрицательную позицию и 31-го мая трижды настаивал передо мной, чтобы я, во избежание неприятностей, уехал оттуда как можно скорее. Одновременно он осведомил меня о приказе из Багдада о том, что иностранным самолетам запрещается приземляться в Ираке, а их пассажиры подлежат аресту, добавив, что отныне по иностранным самолетам будет открываться стрельба.

Подполковник Нурэддин Махмуд в Багдаде, к которому я обратился по телефону за разъяснениями, сообщил мне, что он остался в Багдаде один из всего высшего офицерского состава и не может сделать ничего другого.

Во время последующих приготовлений к моему отъезду появился над городом немецкий самолет, который мы затем, однако, потеряли из виду. Мы решили, что это был немецкий самолет из Алеппо, прилетавший на разведку. В 14 ч. 30 м. мы покинули Мосул на автомобиле и прибыли четыре часа спустя на сирийскую границу в Тель-Кочек. Оттуда я еще раз вернулся на территорию Ирака и с последнего иракского полицейского поста связался по радио с Берлином.

2-го июня я прибыл с моей свитой на автомобиле в Алеппо. Оттуда я послал посыльного к майору Фаузи Каукджи и потребовал от него привести в негодное для использования состояние насосные станции нефтепровода, ведущего в Хайфу. На следующий день ко мне явился, независимо от этого, посыльный от Фаузи Каукджи — для установления связи с германскими военными инстанциями. Ввиду моего предстоящего отъезда я отослал его к замест[ителю] советн[ика] миссии Рану в Бейрут.

4.) ПРИЧИНЫ ИРАКСКИХ НЕУДАЧ И ПЕРСПЕКТИВЫ НА БУДУЩЕЕ

Иракская армия в течение 20 лет обучалась англичанами таким образом, чтобы в случае столкновения она не была для них опасной. Солдаты были явно воспитаны так, чтобы при воздушных налетах и танковых наступлениях пользоваться полным прикрытием; у них не было противотанкового вооружения; зенитных орудий, вообще артиллерии и танков было совершенно недостаточно, и они были низкого качества.

Авиация располагала малым количеством годных для использования самолетов-бомбардировщиков и истребителей. Двенадцать современных американских одноместных истребителей были негодны для использования, потому что американцы не доставили полагающиеся к ним пулеметы.

Наземная оборона в смысле службы опознавания самолетов имела недостаточную организацию. Из трех самолетов марки «Савойя», находившихся в распоряжении иракских войск, она сама сбила два. Боевой дух иракских войск, в особенности авиации и солдат племен, был хороший. Наоборот, руководство вообще, вплоть до высших инстанций, оставляло желать много большего. Имелись недостатки в организации и в персональном использо-

вании. Использование людей из племен в широкой степени наталкивалось на зависть со стороны армии.

(Примеч[ание] переводч[ика]: следуют два зачеркнутые карандашом абзаца).

Иракская армия явно предприняла борьбу, в основном, питая полное доверие к помощи со стороны держав Оси оружием. Когда эта помощь не была получена в том объеме, на который надеялись, она потеряла эту свою уверенность и ни разу полностью не использовала имевшиеся в ее распоряжении средства обороны (разрушение мостов и использование людей племен).

Помощь немцев в поддержании иракской армии была слишком скудной. Были использованы по одной эскадрильи истребителей марки «Мессершмидт» и бомбардировщиков «Хенкель», которые спустя неделю были уничтожены в связи с действиями врага и с вынужденными посадками и затем не были заменены. Ежедневное использование хотя бы трех «Ме» сдерживали бы в течение всего дня английских летчиков, и тем самым значительно облегчалось бы положение иракской пехоты. Имея по группе (корпусу?) истребителей и бомбардировщиков, было бы, конечно, возможно сдержать наступление англичан в Ираке. Однако использование столь большого количества самолетов наталкивалось на недостаток авиационного бензина в Ираке.

Иракское руководство не выставляет никаких упреков против Германии. Оно соглашается с тем, что оно несвоевременно выступило, что Германия была занята действиями, предпринятыми ею в отношении о. Крита, и что использованию большого количества германских самолетов в Ираке мешал недостаток в бензине. Но оно ждет от Германии, чтобы она, после соответствующей подготовки, дала иракцам и остальным арабам столь страстно желаемое ими освобождение от господства английских насильников. Германский престиж на Востоке требует, чтобы вызванное недостаточностью германской поддержки разочарование среди арабов было устранено посредством соответствующих новых мероприятий. (Примеч[ание] переводч[ика]: эта фраза в оригинале зачеркнута).

Настроение иракского народа в отношении Англии не изменилось. Лишь немногие покорные Англии политические деятели при взятии власти Рашид Али бежали к англичанам и теперь образовали правительство, покорное воле Англии.

Ненависть арабского народа будет продолжаться:

1.) из-за проводимой теперь Англией в Ираке политики мести, сопровождающейся казнями, арестами и конфискациями имущества;

2.) из-за палестинского вопроса, являющегося между арабами и англичанами неразрешимой проблемой.

Англия не может отступить от своего обещания, данного ею евреям в отношении Палестины[1]. Евреи теперь даже будут пытаться расширить свои позиции в Палестине и в других арабских странах. Факт поднятия созданным Англией государством, Ираком, оружия против Англии означает, что хотя борьба сначала и оставалась безуспешной, однако она способствовала большой утрате Англией своего престижа и в будущем явится препятствием на пути установления доверительных отношений между обеими странами.

Когда германские войска появятся на границах Ирака, то иракская армия и люди из племен с полным воодушевлением бросятся им навстречу

[1] Речь идет о т.н. Декларации Бальфура.

и будут вместе с ними сражаться против англичан. Необходимо германских или получивших образование в Германии арабских инструкторов распределить среди иракских войск и выдать иракским союзам и людям из племен современное германское вооружение.

Общее руководство возможными военными операциями в Ираке должно быть передано немцам. Для того чтобы германские войска явились в страну не как захватчики, а как союзники, необходима соответствующая дипломатическая подготовка. Тем самым следует гарантировать, чтобы при нашем продвижении в Ирак имелось в наличии новое, связанное с нами союзным договором правительство, приветствующее германские войска как освободителей. Исходящее из Ирака освободительное движение тогда, вероятно, перекинется на другие арабские страны, в особенности на Трансиорданию и Палестину, а быть может, и на Египет.

Рашид Али эль-Галайни доказал, что он готов к дружественному и полному доверия сотрудничеству с Германией и подходит для этого. Он готов, в согласии с нами, ввести новую валюту, пригласить финансового советника, аннулировать концессию I.P.C.[I] и передать ее нам, предоставить в распоряжение Германии сырье страны и пригласить на работу германских полицейских специалистов. Поэтому, вполне целесообразно, новое иракское правительство будет вновь сформировано им. Мы могли бы, пожалуй, признать его еще до вторичной оккупации Ирака.

Для нового порядка вещей в Палестине и Трансиордании Великий Муфти является для нас подходящим человеком, с которым можно договориться о подобном же сотрудничестве, как с Рашидом Али в отношении Ирака.

Подходящим посредником между нами и племенами в Сирии, Палестине и Трансиордании явится, по своем выздоровлении майор Фаузи Каукджи. После ухода французов из Сирии мы будем иметь своим противником на всей арабской территории еще только Англию, чем упрощается вся арабская проблема.

Ибн Сауд, воздержавшийся действовать из страха перед Англией и даже обменявшийся с англичанами любезностями, выжидает момента слабости Англии, чтобы затем получить себе районы, которые ему желательно иметь для округления своего государства, и прежде всего — Южную Трансиорданию с Акаба и Маааном, Оман и, быть может, также Бахрейнские острова. Если он получит эти районы, то, может быть, его можно будет побудить отказаться в пользу Ирака от Кувейта, на который он также претендует. При успехах немцев против англичан в Ираке он, определенно, будет готов к дружественному сотрудничеству.

Берлин, 30 июня 1941 г.[II]

Посланник ГРОББА

Перевела: Л. ОРЛОВА

15/VIII-[19]46 г.

ЦА ФСБ России. Р-48558. В 2-х тт. Т. 2. Л. 264—280. Заверенная машинописная копия. Машинописная копия на немецком языке — л.д. 248—263.

[I] Речь идет о нефтяной кампании «Ирак Петролиум Кампани».

[II] Рукой Ф. Гроббы дата «30 июня» зачеркнута простым карандашом, сверху надписано «июль».

№ 37
ТЕЛЕГРАММА № 1200 В ГЕРМАНСКИЙ МИД В ОТНОШЕНИИ ПАЛЕСТИНСКОГО ПОДДАННОГО М. ХУССЕЙНИ

29 августа 1941 г.
Афины

ТЕЛЕГРАММА[I]
(шифрованная)

Афины, 29 августа 1941 г.
Прибытие 29 —"— —"— 17 час. 00 мин

№ 1200 от 29.8.[1941] Секретно [Citissime!]

«СЕКРЕТНОЕ ЗАМЕЧАНИЕ
ДЛЯ СЕКРЕТНЫХ ИМПЕРСКИХ ДЕЛ»
[Geheimvermerk für geheime Reichssachen (M.B.D.36 II)]

1.) По сообщению прибывшего из Стамбула полковника фон Нидермайера — палестинский подданный Муса Хуссеини, от которого предостерегал нас в свое время Великий Муфти вследствие его бывших связей с английской разведкой и от которого нас вновь предостерегал итальянский посол в Анкаре, согласно секретным источникам, является сейчас уполномоченным Абвер Леверкюна в Стамбуле и его связника с арабскими политическими беженцами, указывая, что он пользуется, якобы, полным доверием Великого Муфти.

Просьба поэтому запросить, если возможно, через посла Эттеля у Великого Муфти — изменилась ли его позиция по отношению к Муса Хуссеини и считает ли он его сейчас пригодным быть таким агентом. В случае отрицательного ответа просьба уведомить Абвер и препятствовать намечавшейся отправке муса Хуссеини в Берлин.

2.) Из сообщения Нидермайера явствует, что арабские политические беженцы в Стамбуле, включая эмира Адил Арслана, считают Великого Муфти своим вождем и следуют исключительно его инструкциям. Поэтому предлагаю дать указание послу Эттелю, чтобы он попытался поддерживать постоянную связь с Великим Муфти и всеми средствами, возможно самолетом, привез его в Турцию.

ГРОББА

АЛЬТЕНБУРГ[II]

ЦА ФСБ России. Р-48558. В 2-х тт. Т. 2. Л. 157. Машинописная копия. Машинописная копия на немецком языке — т. 2. л.д. 156.

[I] В правом верхнем углу документа штамп красного цвета: «Geheime Reichssache Nur als Verschlußsache zu behandein». Слева по центру документа штамп с рассылкой, отпечатанный фиолетовыми чернилами: «Chef. AO; St.S Keppler; St.S. Pol; St.S.R.; St.S. Luther; Botsch. Ritter; Leiter Abt. Pers.; —"— Ha. Pol; —"— Kult.; —"— Presse; —"— Rundfunk; —"— Inf.; Chef Prot.; Dg. Pol».

[II] Речь идет о немецком дипломате Гюнтере Альтенбурге.

№ 38
ПРИЛОЖЕНИЕ К ЕЖЕМЕСЯЧНОМУ СООБЩЕНИЮ ВОЕННОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО СЕКРЕТАРИАТА О МУСУЛЬМАНСКИХ СТРАНАХ ЗА МАРТ 1941 ГОДА «ИРАК И НЫНЕШНИЙ КОНФЛИКТ»[I]

11 октября 1941 г.
Берлин

ЛО-15/VIII-[19]41 г. Перевод с немецкого

СЕКРЕТНЫЙ ИМПЕРСКИЙ ДОКУМЕНТ

Копия к Пол VII 991. секр. имп. док.

Приложение к донесению VAA-Висбаден № Р 394,
секр. имп. док. от 11.10.[19]41

Приложение к ежемесячному сообщению военного государственного секретариата о мусульманских странах за март 1941 года

ИРАК И НЫНЕШНИЙ КОНФЛИКТ
I. ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

В основном образовавшийся из бывшей Месопотамии, которая была колыбелью ассиро-халдейской цивилизации, Ирак не унаследовал того блеска, который окружал эту последнюю, а также и того расцвета, который отличал период царствования аббасидских халифов в Багдаде.

В настоящее время жизнь там, так сказать, теснится по берегам обеих больших рек, прорезывающих страну с северо-запада на юго-восток. Между ними и по обе стороны их извилистых долин простираются одинокие степи, в которых бродят только кочевники. Горная цепь, которая была включена договорами в северные и северо-восточные границы, укрывает целый ряд поселений разной величины.

Кроме животноводства (овцы, козы, лошади), которым занимаются жители степей или горных отрогов южного Курдистана, население, в основном, занимается разведением злаков и фиников.

Вот уже несколько лет, как нефть придала экономике страны новый стимул к подъему. Добыча киркутской нефти[II] оказалась наиобильнейшей во всем мире. Хотя она эксплуатируется лишь частично, однако эта эксплуатация дает ежегодно свыше 4 миллионов брутто-тонн. Два нефтепровода подводят нефть к портам Триполи и Хайфа.

Далее Ирак имеет в качестве промежуточного фактора между Курдистаном и Персидским заливом и между Ираном и Средиземноморским побережьем относительно благоприятную торговлю, которая кормит население городов. Главный порт и рынок сбыта в Персидском заливе и в сторону Индийского океана — это Басра на Хатт-эль-Араб (60 000 жителей).

[I] Название на немецком языке — «Übersetzung Beilage zu dem Monatsbericht des Kriegs-Staatssekretariats über die Mohammedanischen Länder für Monat März 1941: Der Irak und der gegenwärtige Konflikt».

[II] Нефть добывает кампания «Ирак-Петролиум Камп[ани]», в которой доля участия англ[ийского] капитала равна 47 %, амер[иканского] 23,75 %, франц[узского] 23,75 % и частного капитала 5 %. Франция была основным покупателем добываемой нефти (*прим. авт.*).

Столица — Багдад (400 000 жителей) — связана с Дамаском и Хайфой усиленно эксплуатируемой дорогой через пустыню. Багдад сделался также одним из основных аэродромов Азии, где до войны проходили 3 заокеанские линии (английская, франц[узская] и голландская), связывавшие Европу с дальним Востоком.

Мосул (60 000 жителей), расположенный на севере, является важным торговым пунктом, в котором производят свои закупки арабские и курдские племена плоскогорья, района Джезирэ и прилегающих турецких и иранских районов.

Начатая немцами до мировой войны постройка жел[езной] дороги (Багдадская жел[езная] дорога) сейчас закончилась, и эта дорога связывает Басру с Хайдар-Паша (Константинополь).

Климат в Ираке переменный, смотря по местности. В общем, он имеет континентальный характер и подвержен сильным колебаниям температуры. Летом жара достигает в глубокой долине Месопотамии 50 градусов.

II. НАСЕЛЕНИЕ, РАСЫ И РЕЛИГИИ

Ирак насчитывает (по данным Статистического Ежегодника Лиги Наций от 31.12.[19]37 г.) 3 670 000 жителей. Население самое разнообразное.

Мусульмане, которых всего, приблизительно, 3 200 000, разделяются на две зачастую конкурирующие между собой общины: шиитов (ренегаты, сторонники Али) и суннитов («правоверные»). Первые — арабского происхождения и составляют большинство (приблизит[ельно] 1 900 000). Они населяют месопотамскую долину; там находятся их священные города. Они невероятно отсталые и живут под гнетом ленных господ и религиозных вождей, эксплуатирующих их легковерие в политических целях.

Сунниты (приблиз[ительно] 1 300 000) разделяются, опять-таки, на арабов и курдов. Арабские сунниты бывают оседлые или кочевники. Хотя первые в большинстве городские жители, образуют лишь небольшую часть всего населения, однако они представляют образованную, ведущую прослойку, которая добилась власти и взяла судьбу страны в свои руки. Неоседлые арабские сунниты ведут грубую жизнь пастухов, зимой находясь в степи, летом в земледельческих районах.

Курды (их около 600 000) представляют в смысле расы и языка самостоятельную группу; они — кочевники, полукочевники или оседлые и живут племенами на северо-востоке страны.

Остальную часть населения составляют христиане (100 000), евреи (10 000), везиди[37] [Wezidis], бахаи и т.д. Таким образом, в составе населения нет единообразия, что чрезвычайно вредит связанности иракского государственного управления.

III. СИСТЕМА ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ

Ирак — конституционная монархия. Король облечен верховной властью и назначает своих министров. Последние несут ответственность перед своими народными представителями. Парламент состоит из двух палат: палаты депутатов со 150-ю членами, которые выбираются общими двухстепенными выборами, и сенат, состоящий из 20 членов, назначаемых королем. В административном отношении страна разделена на 15 деп[утатских] округов, которые, со своей стороны, опять-таки подразделяются на районы и кантоны.

IV. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ИРАКСКОГО КОРОЛЕВСТВА. КОРОЛЬ ФАЙСАЛ И АНГЛИЙСКИЙ МАНДАТ

Ирак является частью арабских государств Ближнего Востока, образовавшихся после войны 1914/[19]18 из обломков Оттоманской Империи. Вспомним об арабском движении за независимость, которое возникло до 1914 г. и было использовано Англией, которая побудила на восстание шерифа Мекки, Хуссейна эль-Хашеми [Scherifen von Mekka, Hussein el Hachemi], в 1916 г. Но в то время, как Англия пообещала ему создать королевство, которое будет простираться от Аравии до Тавриды и от Персидского залива до Средиземного моря, включая Дамаск и Багдад, она, однако, одновременно взяла на себя другие обязательства.

По договору Сайкс—Пико [Sykes—Picot][I], заключенному в 1917 г.[38], Франции отошла значительная сфера влияния, охватывавшая всю внутреннюю Сирию, а Бальфур пообещал евреям в ноябре 1917 г. сделать из Палестины еврейское национальное государство[39]. Эта двойственная игра английской политики неизбежно повела к плачевным недоразумениям. В июле 1921 г. французские войска были вынуждены выгнать сына короля Хуссейна, эмира Файсала, из Дамаска, где он хотел царить как независимый государь. Он бежал к своим защитникам, и они посадили его на трон в Ираке, который конференцией в Сан-Ремо[40] в апреле 1920 г. был превращен в район английского мандата. С тех пор Англия поддерживала этого принца в его стараниях сделать из Ирака современное государство.

Тогдашнему вождю «бунта в пустыне» [«Empörung in der Wüste»][II], который, будучи высоко одаренным человеком, как государственный деятель пользовался большим почетом среди арабов, удалось до некоторой степени объединить столь неодинаковые элементы своего королевства. Однако единство всех арабских стран продолжало, как и раньше, тревожить его воображение: основной целью его политики осталось стремление как можно скорее освободить свою страну от иностранной опеки и сделать ее в состоянии самой владеть своими судьбами.

Стремясь облегчить себя в области государственного управления, чтобы получше охватить страну своей торговлей, Великобритания пошла навстречу этим планам. Целый ряд договоров характеризует этапы успешного освобождения Ирака и создания независимого государства. 14 декабря 1927 г. Англия впервые признала независимость Ирака и обязалась поддерживать его принятие в Лигу Наций через 5 лет. 30 июня 1930 г. она заключила с этой страной Соглашение о помощи (см[отри] конец этой записки). Вступление Ирака в Лигу Наций 3-го октября 1932 г. положило конец британскому мандату. Однако Англия удержала в нем за собой значительные экономические и военные преимущества (авиабазы, использование портов, различные льготы).

V. НЕЗАВИСИМОСТЬ ИРАКА. АНАРХИЯ ПОСЛЕ СМЕРТИ ФАЙСАЛА

8-го сентября 1933 г. король Файсал умер внезапно в Берне, во время летних каникул. Ему унаследовал его младший сын Гази, которому 21 год и который даже отдаленно не обладает способностями своего отца. Смерть

[I] В этих договорах французская и английская сферы влияния на Ближнем Востоке разграничивались друг от друга (*прим. авт.*).

[II] Лоуренса [Lawrence] (*прим. авт.*). Речь идет о британском разведчике Лоуренсе Аравийском (*прим. сост.*).

Файсала была для Ирака большой потерей. И прошло совсем немного времени, когда в стране воцарилась абсолютная монархия. Восстания шиитских племен делались все чаще: с 1934 по 1938, например, каждую неделю происходило такое восстание. Поднялись угнетенные меньшинства. Начались кровавые подавления восстаний: ассиро-халдейцев [Assyro-Chaldder] в 1933 г., курдов в 1934 и 1937 и иезиди [Yezidis][I] в 1935 г., оставивших после себя воспоминания, которые не так-то быстро изглаживаются в памяти.

Политические схватки между отдельными кланами приобретают все более страстный характер. Армия подпала под влияние политиканов и авантюристов. Так, 3-го октября 1936 г. дело дошло до государственного переворота генерала Бекира Сидки. После его диктатуры, просуществовавшей в течение одного года, его убили.

VI. ИРАК И ПАН-АРАБСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

Правительства, находившиеся под угрозой бесчисленных интриг, предоставили полную свободу пан-арабскому движению, которое разжигалось иракскими националистами и беженцами из Сирии и Палестины.

В 1936 г. был заключен «Договор о союзе и братстве» [«Brüderschafts- und Bündnisvertrag»] с Саудовской Аравией. В этом договоре, именуемом «Арабским пактом» [«Arabischer Pakt»], предусматривается процедура улаживания возникающих между обеими странами спорных конфликтов и высказываются принципы для общей политики по отношению к загранице. Этот договор вызывает в националистических кругах Ближнего Востока горячее воодушевление; они видят в нем преддверие к арабскому единству.

Общественное мнение Ирака все больше ориентируется в этом смысле и горячо поддерживает националистические движения Дамаска и Иерусалима. Во время беспорядков в Палестине (1936 до 1938) туда была послана иракская воинская часть в количестве 200 солдат, именовавшая себя «Иракским экспедиционным корпусом» [Expeditionkorps des Irak], в подкрепление повстанцев под командованием Фаузи Каукджи[II]. В 1939 г. Муфти Иерусалима Хадж Амин эль-Хусейни, глава Арабского Верховного Совета в Палестине [der Chef des Obersten Arabischen Rates von Palästina], после своих раздоров с англичанами, бежал в иракскую столицу.

VII. НОВАЯ ПОЗИЦИЯ ИРАКА ПО ОТНОШЕНИЮ К АНГЛИИ

Итак, Ирак стал занимать все более независимую позицию по отношению к Англии. Британских советников при местных управленческих властях все больше отстраняют. Но англичане, как настоящие дельцы, все больше переносят свое влияние на экономическую область: все нефтяные сооружения, подсобные плотины, определенные приспособления для связи и порта Басра находятся в их руках.

VIII. ГЕРМАНИЯ И ИРАК

Тем временем появился новый фактор. Агенты Третьей империи вновь заняли свое место на Ближнем Востоке. Их деятельность заставляет себя

[I] Речь идет о езидах.

[II] Бывш[ий] сир[ийский] жанд[армский] офиц[ер], принимал участие в сир[ийском] восстании [19]25/[19]26 и был тогда приговорен к смерти. Был в 1941 г. в Багдаде (*прим. авт.*).

чувствовать, в особенности в Ираке, где работает д-р Гробба, искусный дипломат. Последний приехал в 1935 г. в Багдад и сумел ловко использовать антисионистское движение и пан-арабские тенденции просвещенных кругов Ирака, причем он показал им родство, существующее между национал-социализмом и пан-арабизмом.

В Ираке, как и во многих других странах, германская пропаганда направлена на привлечение на свою сторону молодежи. Вскоре появился Мутханна, отделение арабского клуба в Берлине. Иракским студентам предоставлялись бесплатные вакансии в немецких университетах. Во время своей поездки на Восток в 1937 г. вождь гитлеровской молодежи Бальдур фон Ширах долгое время прожил в Багдаде. Он связался там с молодежными организациями и указал им, «что они всячески должны способствовать укреплению отношений между восточными молодежными организациями и национал-социалистической молодежью». При этом он указывал на сходство между арабским возрождением и пробуждением расового чувства в Германии.

В следующем году (сентябрь 1938 г.), по приглашению Бальдура фон Шираха, молодежная делегация из 30 иракских студентов принимала участие, за счет герм[анской] империи, на Конгресс гитлеровской молодежи в Нюрнберге. Она присутствовала при знаменитом параде национал-социалистических союзов перед фюрером, и затем совершила объезд важнейших городов Германии. По своем возвращении члены этой делегации не могли удержаться от похвал по адресу всего, что они видели и чему удивлялись в Германии, в особенности в отношении дисциплины и порядка.

Также и иракская армия (в наст[оящее] время насчитывающая около 40 000 чел.) усиленно обрабатывается имперской пропагандой. Этому способствуют многочисленные бывшие турецкие офицеры, состоящие в ней, дружественные настроения которых по отношению к немцам сильно дают себя там чувствовать.

Через них распространяется на иракскую армию дальше германо-турецкая дружба, которая в турецкой армии вновь в большом почете. Наконец, немцы занимают в Ираке важные посты: немка состоит директрисой преподавательского института; два других немца руководят в Багдаде Археологическим институтом и Национальным музеем вместе с промышленным училищем. Немецких техников-спец[иалистов], считающихся более практичными и менее претенциозными, в общем предпочитают английским специалистам.

IX. ИРАК И ВОЙНА. ИРАКСКИЙ НЕЙТРАЛИТЕТ

4-го апреля 1939 г. король Гази погиб при автомобильной катастрофе. Ему унаследовал его четырехлетний сын Файсал II. Регентом был назначен дядя молодого короля со стороны матери, эмир Абдул Илла, слабый и бесхарактерный принц.

Когда разразился европейский конфликт, у власти стоял Нури Паша Саид, друг молодости короля Файсала и человек, дружественно настроенный к Англии.

Верный постановлениям заключенного с Англией договора, Ирак порвал дипломатические отношения с Германией. Но этим дело не кончилось, ибо уже проявляла беспокойство оппозиция и страна могла оказаться вовлеченной в войну. А в националистических кругах проснулась тайная надежда на освобождение арабских стран под благоприятным влиянием событий. Кроме того, между этими кругами и агентами Германской империи еще не все

связи были порваны. С тех пор стал усиливаться конфликт между поддерживаемым Англией правившим правительством и дружественной по отношению к Германии оппозицией.

Убийство министра финансов Рустама Хайдара в конце 1939 г. является одним из эпизодов этой борьбы. Последовавший затем кризис привел к падению трех министров оппозиции и к отставке трех генералов, которые скомпрометировали себя вместе с последними. Несмотря на эти мероприятия оппозиция, которая во что бы то ни стало стремилась удержать Ирак вне конфликта, принудила 1-го апреля 1940 г. кабинет Нури Паши уйти в отставку в пользу создания правительства под председательством Рашида Али Гейлани. Однако Нури Паша Саид остался в новом составе кабинета в качестве министра иностранных дел. Тем временем германская пропаганда удвоила свою деятельность при поддержке итальянского посольства. Тегеранской национал-социалистической группой, некоторые члены которой, по сведениям, отправились к иракской границе, руководит Сами Шаукет [Sami Chauket], бывший министр по социальным делам, дружественно настроенный к немцам.

Вступление в войну Италии 10-го июня 1940 г. не вызвало со стороны правительства Гейлани никакой реакции: оно проявило свою твердую волю оставаться нейтральным, не порывая дипломатических отношений с Римом.

X. ВЛИЯНИЕ ГЕРМАНСКИХ ПОБЕД В ИРАКЕ

Германские успехи на западном фронте нашли в Ираке горячий отклик. В ответ на них экстремистские арабские круги стали громче высказывать свои требования. Они открыто заявляли, что настало время, когда нельзя больше терпеть положение, господствовавшее в Палестине, и когда следует потребовать разрешения сирийского вопроса. Распространялись листовки, в которых прославлялась любовь Гитлера к арабскому народу.

По отношению к этому усилению германской пропаганды и независимости, характерному для периода правления Гейлани, англичане попытались принять контрмеры. Они старались направить беспокойные элементы во враждебное к Франции русло и выдвинули предложение создать союз арабских государств, который послужил бы громоотводом для националистических стремлений. Их цель была достигнута лишь частично. Империя[1], видимо, не желала позволить себя вытеснить и 21-го октября 1941 г. опубликовала заявление, в котором вместе с Италией заверяла арабские народы в своем сочувствии и обещала им свою помощь для осуществления их стремлений. Во втором заявлении, которое было сделано в декабре по германскому радио, державы Оси заявляли, что они твердо решили после своей победы над Англией восстановить арабское единство. Эти заявления были восприняты в Багдаде весьма благожелательно; там прошел слух, что правительство Гейлани предприняло шаги перед Папеном в Анкаре и итальянским посольством в Багдаде, чтобы получить из Берлина официальный документ с подтверждением этих заявлений.

XI. АНГЛО-ИРАКСКИЙ КРИЗИС, ДЛИВШИЙСЯ С КОНЦА 1940 Г. ДО НАЧАЛА 1941 Г.

Тем временем отношения между иракским правительством и британским посольством натянулись. Англичане, обеспокоенные планами кабинета Гейлани, и, вероятно, также полагая, что это соответствует данному моменту,

[1] Речь идет о Третьем рейхе. — *Прим. сост.*

потребовали от Ирака разрыва дипломатических отношений с Римом и строгого соблюдения постановлений договора от 1930 г., которые, в особенности, вменяли ему в обязанность предоставлять британскому правительству на своей территории всяческие льготы и оказывать помощь, включая использование железных дорог, портов, аэродромов и прочих средств связи.

Правительство Гейлани отклонило британские требования. Кризис принял серьезный оборот. Посольство Соед[иненных] Штатов сочло уместным поддержать английские требования и пригрозило правительству Гейлани экономическими притеснениями, если оно будет по-прежнему сохранять свою недружелюбную позицию по отношению к Англии.

Рашид Али Гейлани решил не уступать, когда вышел в отставку министр иностр[анных] дел Нури Паша Саид. Регент, поощрявший англофильские тенденции, потребовал отставки всего кабинета. Рашид Али Гейлани упрямо хотел оставаться на своем месте; регент, которому даже в его собственном дворце стали угрожать некоторые молодые офицеры высшего состава, благоприятно относившиеся к Али Гейлани, бежал к преданным ему племенам Нижнего Ефрата и потребовал оттуда отставки правительства. Рашид Али Гейлани наконец уступил, несмотря на возражения своих военных советников. Тогда регент передал власть в руки генерала Таха Паша эль Хашими [Taha Pascha el Hachimi] — военного министра ушедшего в отставку правительства (1-го февраля 1941 г.).

XII. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ РАШИДА АЛИ ГЕЙЛАНИ

Однако это решение не внесло успокоения. Кризис продолжался. Военные круги проявляли к англофильской позиции нового министерства недовольство, а среди шиитских племен, находившихся во враждебных отношениях с теми, кто поддерживал регента, замечалось брожение. Германия в то время настойчиво поддерживала Гейлани по радио.

6-го марта министр иностр[анных] дел Тоуфик Соуфеди [Toufik Soufidi] отправился в Каир на переговоры с г-ном Иденом. По сведениям, британский министр потребовал разрыва между Багдадом и Римом и свободного транзита английских войск через территорию Ирака. Правительство Таха-паша заявило, якобы, о своей готовности удовлетворить английские требования. Тогда 3-го апреля последовал военный государственный переворот, который вновь привел к власти Рашида Али Гейлани. Регент Абдул Илла и некоторые его бывшие министры должны были бежать. Был назначен новый регент, шериф Шараф [Charaf]. Хозяин положения, Рашид Али Гейлани, сформировал новое, преданное ему министерство.

Точные подробности этого государственного переворота еще неизвестны. Также еще рано предвидеть все его последствия. Мы единственно можем констатировать, что Англия, после того как она, видимо, подняла в Багдаде свой голос, с 19-го апреля стала высаживать значительные воинские части в Басре и принимать различные военные меры.

Совершенно очевидно, что Англия, для которой Ирак, кроме своих нефтеисточников, имеет огромное значение для обороны ее колониальной империи и которая принесла значительные финансовые жертвы для вовлечения Ирака в орбиту своей игры, не так-то легко даст себя вытеснить из этого района. Тем не менее, не может она допустить, чтобы Германия, при средствах, которыми она теперь располагает, вновь принялась там за осуществление планов, которые она преследовала при строительстве Багдад-

ской железной дороги, основала там предприятия, которые серьезно могут повредить ее влиянию в мусульманском мире и в Индии.

Это — особо поучительная страница истории германо-британской борьбы за влияние, которая достойна всяческого внимания.

Перевела: Л. ОРЛОВА

17/VIII-[19]46 г.

ЦА ФСБ России. Р-48558. В 2-х тт. Т. 2. Л. 235—247. Заверенная машинописная копия. Подлинник на немецком языке. Л. 225—234. Заверенная машинописная копия.

№ 39
ЗАПИСКА ПО ВОПРОСУ КОНГРЕССА АРАБСКИХ МАГОМЕТАН ПОСЛАННИКА Д-РА Ф. ГРОББЫ В ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОТДЕЛА МИДА

25 ноября 1941 г.
Берлин

[Копия] [Секретно]

По вопросу: Конгресс арабских магометан
[Betr. Kongreв der arabischen Mohammedaner]

Два магометанина, сотрудники здешнего хорватского посольства, пресс-атташе Салих Бекович [Salih Bekovič] и профессор исламского культа Хачиали [Hačiali], ответственный за социальное обеспечение магометанских хорватских сотрудников посольства, обратились две недели тому назад к г-ну Ротт [Rott] в Министерство народного просвещения и пропаганды с предложением созвать в Германии исламский конгресс из представителей исламских меньшинств различных европейских стран, который должен высказать солидарность европейских магометан с целями стран Оси и с их войной против Англии и России. Они надеются, что такое заявление возымеет благотворное влияние на магометан всего мира.

Кроме того, они предложили образовать хорвато-магометанский легион [Kroatische-Mohammedanischen Legion], который должен участвовать в боях на будущем германо-итальянском фронте на Ближнем Востоке. Они рассчитывают, что появление такого легиона на фронте на Ближнем Востоке будет иметь большое влияние на магометан, борющихся по другую сторону, и, вероятно, побудит их перебежать к нам.

Оба хорвата вместе с г-ном Ротт посетили Великого Муфти, чтобы засвидетельствовать ему свое почтение и заинтересовать его преследуемыми ими целями. Великий Муфти заинтересовался обоими предложениями и обещал свое сотрудничество.

Министерство пропаганды носится сейчас с мыслью — приступить в сотрудничестве с Министерством иностранных дел к подготовительным мероприятиям, касающимся созывающегося конгресса. Г-н Ротт просил меня по этому поводу устроить новое свидание г-на проф[ессора] и его с Великим Муфти, чтобы обсудить подробности плана.

Но так как я думаю — целесообразно ли, чтобы министерство пропаганды при содействии министерства иностранных дел организовывало такой конгресс, и стою на точке зрения, что организацию лучше передать Министерству иностранных дел, а Министерство пропаганды, со своей стороны,

также примет в этом участие, то пока я отложил организацию нового свидания с Великим Муфти.

По вопросу создания хорватско-магометанского легиона я заинтересовал Верховное командование Вооруженных сил, которое сначала запросило по телеграфу о точке зрения генерала Фельми в Афинах.

Вышеизложенное предлагается через
г-на Мельхерса и Дг. Пол.
г-ну мл[адшему] гос[ударственному] секретарю Вёрману

Берлин, 25 ноября 1941 г.

Подпись: *ГРОББА*

Перевод с немецкого лейт[енанта]: А. ИЛЛАРИОНОВОЙ

ЦА ФСБ России. Р-48558. В 2-х тт. Т. 2. Л. 285—286. Заверенная машинописная копия. Заверенная машинописная копия на немецком языке — л.д. 283—284.

№ 40
ПРИЕМ ВЕЛИКОГО МУФТИЯ ФЮРЕРОМ

[28 ноября 1941 г.]
[Берлин]

Копия Перевод с немецкого

Содержание: Прием Великого Муфтия фюрером
[Durchschlag Inh.: Empfang des Grobmufti durch den Führer].

28.XI-1941 года фюрер в присутствии министра иностранных дел принял Великого муфтия Иерусалима. Беседа продолжалась с 16 час. 30 мин. до 17 час. 45 мин.

Муфтий заявил следующее:

Арабы благодарят фюрера за неоднократные напоминания в своих речах об участии Германии в судьбе арабских стран. Он благодарит фюрера лично за доставку Рашид Али эль-Гайлани в Германию. Арабы смотрят с полным доверием на фюрера, который стоит во главе борьбы против тех же противников, которые являются врагами арабского населения, а именно: против англичан, евреев и большевиков.

Арабы готовы принять участие в этой борьбе на стороне Германии не только пассивно, как, например, совершать акты саботажа или вызывать волнения и беспокойства, но и активно, в частности, организовать Арабский легион, который воевал бы на стороне Германии. Арабы убеждены, что победа Германии принесет добро не только немецкому народу, но и всему миру, в том числе и арабам.

Арабскими желаниями являются достижения независимости и единства арабских стран. Под словом единство они понимают объединение в первую очередь Ирака, Ливии, Сирии, Палестины и Трансиордании. Другим арабским странам должна быть предоставлена возможность присоединиться позже.

Английская пропаганда также основывается на обещаниях независимости и объединения всех арабов. Имеется опасность, что элементы, которые еще не заняли окончательную позицию, могут быть привлечены англичанами для работы в их пользу в случае, если Германия в этом отношении ничего не сде-

лает. Поэтому весь арабский мир ждет германского объяснения их целей в отношении арабов. Он просит, чтобы немцы в согласованности с итальянским правительством опубликовали бы такое заявление арабским странам.

Немецкому правительству нечего бояться, что такое заявление вызовет преждевременный взрыв. Арабы хорошо дисциплинированный народ и без его приказа не совершат никаких активных действий. Турции желательнее иметь на юге своей страны независимого соседа, чем Аравию, находящуюся под господством европейских держав. Притом такое арабское государство с общим количеством населения в 7—8 миллионов не представляет никакой опасности для Турции, население которой больше вдвое. Надо также обратить внимание на то, что Турция имеет хорошо вооруженную армию, в то время как арабское государство должно еще создать такую армию.

Франция также не может препятствовать созданию независимого арабского государства потому, что в 1936 году она признала суверенитет Сирии, а в 1933 году она дала согласие королю Файзалу на объединение Сирии и Ирака в одно государство под его руководством.

Он должен прибавить, что у арабов нет никаких замыслов в отношении некоторых государств, в частности Италии. В этом отношении желательное арабское заявление принесло бы успокоение. Желательно, чтобы такое заявление было бы дано в ближайшее время, чтобы использовать это время до прихода германских частей. Он просит опубликовать заявления к арабским странам и обещает, что арабы тогда будут готовы пожертвовать своей кровью на благо германского государства.

Фюрер заявил следующие:

Принципы его тяжелой борьбы достаточно ясны. Он ведет борьбу против евреев, не вступая ни в какой компромисс. Необходимо воевать с еврейским очагом в Палестине, которая является государственным центром их подрывной деятельности в других странах.

Ясно, что евреи никаких восстановительных работ не совершали. Это утверждение основывается на обмане. Вся работа, совершенная в Палестине, сделана арабами. Он полон решимости решить еврейский вопрос постепенно и призывает к этому другие народы, не входящие в число европейских.

Это правильно, что англичане и большевики являются их общими врагами, и хотя они не сходятся по теориям, но позади их стоит руководящее иудейство, которое стремится добиться своих целей. С этими народами Германия ведет борьбу не на жизнь, а на смерть. Эта борьба решит вопрос не только национал-социализма и иудейства. Успешное проведение этой борьбы принесет также и арабам, которые стоят в этом кольце, практическую и полезную помощь. Платонические обещания являются совершенно бесполезными, ибо только те обещания имеют действительную ценность, которые поддержаны (даны) победоносным государством.

К примеру — иракский вопрос. Немецкий народ симпатизирует иракскому народу, и Германия имела намерение помочь ему, но обстоятельства не допускают этого. Немецкий народ видит в иракском народе друзей по несчастью, потому что иракский народ страдал так же, как немецкий. Помощь, которая была оказана Ираку со стороны Германии, была недостаточна, чтобы выручить Ирак от превосходящих сил Великобритании.

Нужно учитывать, что он может говорить и думать о такой борьбе, которая решит судьбу арабских народов, только как понимающий человек и как военный вождь и солдат. Все, что объединится в этой борьбе и окажет по-

мощь в его победах, служит всеобщему великому делу и арабам. Другие размышления означают ослабление военного положения и ничем не помогут арабству[1]. Нужно хорошо подумать, какие меры нам могут помочь или повредить в борьбе против всемирного иудейства, англичан и большевиков. Если мы победим, то придет время свободного дыхания арабов.

Ситуация в данное время следующая:

1. Мы вели тяжелую борьбу за открытие подхода к Северному Кавказу. Трудностями являются разрушенные железные и шоссейные дороги, а также зима (снег) для подачи подкрепления.

2. Если мы в этот момент огласим заявление о Сирии, тогда усилится мощь элементов во Франции, поддерживающих де-Голля, а это может довести до распада Франции. Люди тогда увидят, что их положение и положение Англии улучшается. Решение сирийского вопроса означало бы усиление положения де-Голля во всей Французской империи. Если опубликовать в данное время заявление к арабам, тогда предстанут новые трудности в Западной Европе, а именно: части германской армии привязаны к западу и смогут быть брошены в бой на востоке.

Фюрер продолжал, что он хочет кое-что объяснить Великому муфтию, но он просит сохранить эти слова в тайне.

1. Он будет продолжать борьбу до совершенного уничтожения еврейско-коммунистического государства в Европе

2. В процессе этой борьбы, он не знает когда, но, во всяком случае, в ближайшем будущем, немецкие вооруженные силы дойдут до южных рубежей Кавказа.

3. Это время будет самым подходящим моментом сделать такое заявление, ибо час освобождения арабов наступит. Германия не имеет никаких интересов на Востоке, кроме уничтожения государства, протекционирующего еврейству.

4. Он счастлив спасению Великого муфтия, находящегося под крыльями государств оси. Наступит время, когда он будет не только самым знаменитым диктором и переводчиком германского заявления, но и лицом, которое перегруппирует арабские силы. И только тогда настанет подходящий момент к этому, и другие реакции ему будут безразличны.

5. Он предвидит, что с началом проникновения немецких войск в арабские страны начнется падение британского всемирного господства. Тогда ему будет безразлично, что скажет Западная Европа. Он просит принять во внимание, что путь от Ростова до Ирана или Ирака короче, чем от Берлина до Ростова. Он надеется весной следующего года раскрыть эти ворота. Это заявление будет лучше сделать тогда, чем сейчас, когда мы ничем не можем помочь.

Он прекрасно понимает тоску арабов. Великий муфтий должен принять во внимание, что он лично только через пять лет после прихода к власти смог сделать такое заявление немецкому народу лишь тогда, когда сила немецкого оружия стояла на требуемом уровне. Был бы другой разговор, если бы немецкие танковые и воздушные части стояли бы у южных границ Кавказа, тогда было бы время для опубликования заявления.

На вопрос Великого муфтия — может ли фюрер дать ему и Гайлани такое письменное заверение в секретном виде, фюрер ответил:

[1] Так в документе.

Заявление, о котором знают несколько человек, — не тайное, а открытое. В своей жизни он сделал немного заявлений, а англичане как раз напротив. Если он делает такое заявление, то он за него отвечает. Один раз он сказал одному финскому маршалу[1], что он поможет его родине в случае вторичного нападения на нее, и это его слово маршалу было важнее, чем любое письменное заявление.

Фюрер продолжал: в виде резюме он заявляет следующее: когда мы будем на Кавказе, тогда придет также час освобождения арабов. На эти слова муфтий может полагаться.

Великий муфтий поблагодарил фюрера за обещания в отношении освобождения арабов. Он поклонился фюреру и обещал ему отдать все свои силы в борьбе и желает ему полной победы на благо всего мира.

К концу разговора фюрер, уже стоя, сказал Великому муфтию, что он очень заботился о нем. Его жизнь ему хорошо известна. Он рад, что Великий муфтий сейчас находится здесь и может посвятить все свои силы всеобщему делу.

Берлин, 1.12-1941 года

Перевод сделал: МЕЛАМЕД

Проверил: мл[адший] лейтенант РУДИН

ЦА ФСБ России. Р-48558. В 2-х т.т. Т. 2. Л. 12—17. Заверенная машинописная копия. Подлинник на немецком языке. Л. 5—11. Заверенная машинописная копия.

№ 41
ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА Д-РА Ф. ГРОББЫ «ПО ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ АРАБСКОГО ЛЕГИОНА» МЛАДШЕМУ ГОСУДАРСТВЕННОМУ СЕКРЕТАРЮ ГЕРМАНСКОГО МИДА ПО ПОЛИТИЧЕСКИМ ДЕЛАМ

18 декабря 1941 г.
Берлин

Durchschlag [Копия] Пол. VII [e.c. Pol. VII g. Rs.]

ПО ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ АРАБСКОГО ЛЕГИОНА [AUFSTELLUNG EINER ARABISCHEN LEGION]

На приеме у фюрера 28 ноября Великий Муфтий заявил следующее. Арабы готовы принять участие на стороне Германии в борьбе фюрера против общего врага — англичан, евреев и большевиков — не только пассивное, как, например, акты саботажа или организация беспорядков, но и активное — путем организации Арабского легиона, который будет сражаться на стороне немецких войск.

Следуя этому предложению, Великий Муфтий предлагает организацию Арабского легиона, для которого он хочет вербовать добровольцев из следующих групп арабов:

1) Военнопленные палестинцы, взятые в плен в Греции в количестве более тысячи человек и находящиеся сейчас в немецких лагерях военноплен-

---

[1] Речь идет о финском государственном и военном деятеле Карле Густаве Маннергейме.

ных. В прошлом году они, испытывая экономическую нужду, пошли на вербовку англичан в качестве рабочих и были обучены англичанами в Египте против их воли как солдаты и затем брошены в бой в Греции. Среди них имеются люди, которые под руководством Великого муфтия в Палестине боролись против англичан.

2) Военнопленные арабы из французской Северной Африки, находящиеся в лагерях военнопленных во Франции[41]. Их число, по данным немецких военных органов, составляет около 15 000 человек, по личным данным арабов — около 40 000. По сведениям Великого Муфтия среди них находится много людей, которые, по его требованию, примут участие в борьбе против Англии; при этом не требуется давать им какие-либо политические обещания.

3) Арабские гражданские лица, большей частью и рабочие, происходящие из Северной Африки и живущие во Франции. Общее число их составляет, примерно, десять тысяч. По мнению Великого Муфтия у него будет возможность найти среди них тысячи, которые будут готовы без предварительных политических обещаний принять участие в борьбе против англичан.

4) Арабские офицеры в Сирии, Палестине и Ираке, которые должны будут тайным путем приехать через Турцию в Германию.

5) Некоторые отборные люди в Марокканской Риф-области, с которыми Великий Муфтий имеет связь и которые могут секретным порядком по его вызову приехать через Испанию в Германию.

Великий Муфтий просит переслать ему решение фюрера о создании Арабского легиона, чтобы иметь возможность начать вербовку в него.

Вышеизложенное предлагается через Дг. Пол. [über Dg. Pol.]
г-ну мл[адшему] гос[ударственному] сек[ретарю] по Пол[итическим] делам.

Берлин, 18 декабря 1941 года

подпись: *ГРОББА*

Копию: г-ну д-ру Шлобес [LS. Dr. Schlobies]
Пол. II Франция
Пол. III Испания

Перевод с немецкого: А. ИЛЛАРИОНОВОЙ

ЦА ФСБ России. Р-48558. В 2-х тт. Т. 2. Л. 48—49. Заверенная машинописная копия. Заверенная машинописная копия на немецком языке. Т. 2. Л. 46—47.

№ 42

СОПРОВОДИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА И ДОКЛАД О БЕСЕДЕ ПОСЛА Э. ФОН РИНТЕЛЬНА С ВЕЛИКИМ МУФТИЕМ ИЕРУСАЛИМСКИМ И Р. АЛИ ЭЛЬ-ГАЙЛАНИ

15 января 1942 г.
Берлин

Копия — Перевод с немецкого
СЕКРЕТНО

К этому прилагаю записи вчерашней беседы посла г-на фон Ринтелен[1] с Великим муфтием и Гайлани в присутствии мл[адшего] гос[ударственного] секретаря Верманна.

---

[1] Вероятно, речь идет о немецком дипломате Эмиле фон Рintельне.

Через Дг. Полит. мл[адшего] гос[ударственного] секретаря в Бюро г-на министра ин[остранных] дел для г-на посла фон Ринтелен

Берлин, 15. I—1942 года

Копия:
Г-ну легационному советнику Мельхерс [LR, Melchers]

Подпись: *ГРОББА*

Копия

Перевод с немецкого
СЕКРЕТНО
э.о. Полит. 7

Содержание: Беседа посла фон Ринтелен с Великим муфтием и Гайлани в присутствии мл[адшего] гос[ударственного] секретаря Верманн о вопросах немецкой пропаганды в арабских странах 14. I—1942 г. — с 18 ч. 30 м[инут] до 19 ч. 30 м[инут].

Посол фон Ринтелен [Gesandter v. Rintelen] сказал, что уполномочен министром иностранных дел [vom Herrn RAM] обсудить вопрос о средствах пропаганды в арабских странах, методах ее проведения и средствах осуществления. Он хорошо знает мнение министра иностранных дел в отношении арабского заявления и может заверить господ, что оно ни в чем не изменилось.

Великий муфтий ответил, что пропаганда в арабских странах необходима из-за английской пропаганды, которая стремится вербовать солдат из числа арабского населения, в связи с чем англичане сделали заявление арабским странам. Только вчера он читал, что Иден обещал Сенусси [Senussi] независимость, потому что он обещает сотрудничать с Англией. Давая такие заявления, англичане действуют следующим методом: как они знают — их словам особенно не верят, и поэтому они вместе с голлистами (сторонниками генерала де-Голля), обещая независимость, как, например, Сирии и Ливану, затем обращаются к Америке, которая признает эту независимость.

Английский король поздравлял нового президента Сирийской республики в честь вновь достигнутой независимости страны. Во всяком случае, такие заявления служат основой этой пропаганды в арабских странах.

Поэтому они также желали бы получить от стран Оси заявление о независимости для пропаганды в арабских странах. Они лично уверены в хороших намерениях германского правительства в отношении арабских стран, но они не хотят, чтобы англичане воспользовались молчанием стран Оси. Заявление о независимости является лучшим предлогом для проведения немецкой пропаганды в арабских странах и граничащих с ними, как, например, в Египте и Саудовской Аравии, и вообще во всех странах, где только проживают арабы. Таким заявлением были бы очень довольны все магометане. Они верили в заветы Магомета, что арабы должны быть всегда свободны. Исходя из этого индонезийцы 10 лет тому назад, на магометанском конгрессе в Мекке, требовали осуществления завета Магомета в отношении свободы арабских стран. Арабы и другие магометане насчитывают около 400 миллионов человек, т.е. 20 % всего человечества. Если их перетянуть на нашу сторону, это было бы для нас очень полезно.

Главная задача сейчас в том, чтобы выиграть войну. Если государствам Оси не удастся одержать победу, то и арабам не останется никаких перспектив в будущем. Английские обещания бесполезны. Магометанские страны,

прежде всего, желают победы Германии потому, что Германия добилась больших симпатий, т.к. она не владеет никакими магометанскими территориями. Германия, наверное, хорошо знает значение магометанских стран. Магометанская религия оказывает большое влияние на арабов. Такое заявление о независимости поможет нам перетянуть на нашу строну не только арабские, но и магометанские страны.

Верманн [U.St.S. Voermann] заявил, что вопрос об арабском заявлении не может сразу решиться, но мы уверены, что такое заявление последует.

Муфтий продолжал, что для действенной пропаганды необходимо такое заявление, т.к. оно является основой пропаганды.

Г-н Ран [Herr Rahn] изложил им французскую точку зрения, заявление французов также удовлетворяет. В заявлении не упоминается ни одним словом о Сирии. Между прочим, французы в 1936 году заверили Сирию в ее независимости, это проделали также англичане и де-голлисты. Американцы это признали. Если Германия также признает независимость Сирии, это ни в коем случае не будет противоречить французской политике. В подтверждение доброго расположения к Сирии он предложил г-ну Ран послать несколько выборных сирийских представителей в Виши, чтобы там заключить договор с местным правительством об экономическом и культурном сотрудничестве обеих стран. По словам Рана, это удовлетворит французов и успокоит их.

Он и Гайлани делали все возможное для проведения этой пропаганды — они начали писать статьи для передачи по радио, организовали бы свою контору в Берлине и привлекли бы хороших сотрудников из Парижа и других городов.

Посол спросил, — уверены ли они в успехе своей деятельности. Муфтий ответил, что в Истамбуле они имеют центр с отделениями, расположенными вблизи сирийской границы, особенно в Александретте[42]. Оттуда они получают постоянно сведения об успехах их работы. Этим центром руководит брат Гайлани[1] и Исак Дервиш [Ishaq Derwisch].

В Берлине они также заготовляют статьи для арабских магометан.

Посол сказал, что вопрос об арабском заявлении пока останется так же, как и был. Министр иностранных дел желал бы, чтобы ввели что-нибудь новое в области пропаганды, и немедленно, чтобы не терять лишнего времени.

Муфтий на это ответил, что время не теряется и они работают. Сначала они не имели секретарей. Сейчас ежедневно замечается нарастание работы, и они просили бы министра иностранных дел передать им арабское заявление, что является основой их пропаганды. Некоторые люди за границей, в которых они нуждаются для проведения работы, не решаются приехать до тех пор, пока не будут уверены в будущем арабских стран.

Посол на это ответил, что по поводу арабского заявления Муфтий уже сказал самое необходимое, он хочет подчеркнуть еще раз, что заявление является самым главным фактором пропаганды. О целях и методах проведения пропаганды он хочет заявить следующее:

1) Укрепление национального чувства арабов.
2) Укрепление дружбы арабов с Германией и
3) Работа против Англии.

---

[1] Речь идет о брате Р. Али эль-Гайлани — Камале Али эль-Гайлани.

Методами проведения пропаганды являются:

1.) Радио.

2.) Печать.

3.) Тайная связь (агенты).

К § 1. После прибытия в Берлин они привели в порядок арабские передачи в Берлине, Риме, Афинах так, что теперь они действуют удовлетворительно. Они поддерживают связь, наблюдают и дают указания берлинскому радиоузлу (арабскому).

К § 2. В последнее время газеты печатали разные интервью с ними, в которых изложены основы дружбы с Германией и вражды с Англией. Эти газеты они посылают в Истамбул, где статьи переводятся на арабский язык и тайными путями перебрасываются в Аравию.

К § 3. Они установили агентурную связь с Сирией и Ираком в Истамбуле. Как Муфтий уже указал, в Истамбуле находятся связисты — Камиль [Bruder Kamel] и Исак Дервиш. Через них они получают все сведения из Аравии и пересылают туда указания.

Результаты их работы здесь для арабских стран уже заметны. В Ираке и Курдистане сейчас неспокойно. В Ираке были совершены акты саботажа, как-то: взрыв железнодорожного моста около Самара с едущим по нему в этот момент поездом (английский воинский) и повреждение железнодорожного моста в Бакубе. В Багдаде состоялись демонстрации, а в Иерусалиме был совершен террористический акт — покушение на генерала Вильсон [General Wilson]. Это доказывает, что арабский народ реагирует на их теперешнюю пропагандистскую деятельность. В результате увеличения их здешней деятельности одновременно увеличивается и реакция.

Хорошим, действенным средством пропаганды в арабских странах является также дружеский прием и доверие, оказанное им здесь. Об этом арабские страны хорошо проинформированы. Кроме того, хорошо подействовал ответ фюрера и министра иностранных дел на их поздравления к Новому году.

При таких условиях англичане могут делать все, что хотят, на убежденных арабских националистов это не повлияет. Они больше им не верят, но есть еще большое количество лиц твердого характера, которые с течением времени попадают под влияние английской пропаганды, но так как эти-то лица и нам требуются, то и необходимо сделать заявление. Опубликованное заявление изменит положение в арабских странах. После этого заявления любое английское заявление будет бесполезно.

Ведь указанные телеграммы фюрера, говорил посол, показывают, что мы не совсем молчим.

На это Гайлани ответил, что они готовы выступить по радио к арабскому народу, сообщить об их дружеском приеме Германией, о дружеских отношениях Германии к арабским странам, а также заявить о вражде к Англии, но только после опубликования заявления. Он указал уже все методы распространения пропаганды, а также и результаты пропаганды до сих пор. После опубликования заявления они готовы усилить эту деятельность.

Посол заявил, что он с большим интересом выслушал (узнал), что желания г-на министра иностранных дел в большой своей массе уже претворены в жизнь. Он доложит г-ну министру различные пункты разговора, осведомит его о том, что работа продолжается, и выяснит, какой точки зрения держаться и что принять во внимание.

Гайлани сказал, что если германское правительство требует еще больше работы, то они готовы, например, увеличить число радиоузлов или давать чаще интервью корреспондентам газет для опубликования.

Посол сказал, что их труды в этой области общепризнанны. Назначение г-на Рана для изучения этих вопросов доказывает, что министр также уделяет этому серьезное внимание.

Гайлани повторил, что он чувствует этот долг и, как товарищи, они будут сотрудничать для достижения немецких целей. Арабское заявление ничего общего не имеет с индийским заявлением. Если арабам будет дано заявление, то оно будет иметь значение для всех магометанских стран.

Муфтий к этому прибавил, что индийское заявление также полезно, но арабы находятся ближе к государствам оси, чем Индия.

Гайлани поддержал эту тему, говоря, что арабы ближе к государствам Оси в отношении предстоящих военных операций, чем Индия, поэтому для Германии важнее сперва дать заявление арабам, чтобы подготовить плацдарм к предстоящим операциям.

Г-н Верманн указал, что Индия лежит ближе к Японии. Посол добавил, что эта точка зрения очень важна, и мы наше мнение в отношении арабского заявления пока еще не изменили. Этот вопрос будет разбираться дальше. Мы хотим только определить положение с пропагандой. Он доложит подробно министру о содержании беседы. Министр этим очень интересуется.

Подпись: *ГРОББА*

Берлин, 15. I—1942 года

Перевод сделал: МЕЛАМЕД

Проверил: мл[адший] лейтенант РУДИН

ЦА ФСБ России. Р-48558. В 2-х т.т. Т. 2. Л. 27—34. Заверенная машинописная копия. Подлинник на немецком языке. Л. 18—26. Заверенная машинописная копия.

№ 43
СОПРОВОДИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА И ЗАМЕТКА Д-РА Ф. ГРОББЫ «НАСТУПЛЕНИЕ ГЕРМАНИИ В АРАБСКИХ СТРАНАХ»

7 февраля 1942 г.
Рим

Перевод с немецкого

Совершенно секретно [Geheime Reichssache!]

В дополнение к моим замечаниям от 5 февраля препровождается новая заметка о наступлении Германии в арабских странах, в которой военно-политические вопросы освещаются короче, а задачи штаба Гроббы — подробнее, через Дг. Пол., мл[адшего] гос[ударственного] секретаря, гос[ударственного] секретаря — бюро г-на министра иностранных дел.

Подпись: *ГРОББА*

Копии: посольскому советнику Гранову
—"— —"— —"— —"— —" Мельхерсу[1]

[1]Так в документе, в копии на немецком языке — «Hn. Leg. Rat Melchers», т.е. г-ну легационному советнику.

Рим, 7 февраля 1942 г.

НАСТУПЛЕНИЕ ГЕРМАНИИ В АРАБСКИХ СТРАНАХ [VERMARSCH DEUTSCHLANDS NACH DEM ARABISCHEN RAUM]

I. ПОЛИТИКО-ВОЕННЫЕ ВОПРОСЫ [Politisch-militärische Fragen]

1. Современное положение [Die gegenwärtige Lage]

Настроение в арабских странах по-прежнему дружественное к немцам. При приближении немецких войск к территории арабских стран арабы приветствуют немцев как освободителей и поднимутся на борьбу против английских войск.

Ибн Сауд и Египет сохраняют в настоящее время свою приверженность к Англии только по принуждению, и они пойдут с нами, если мы вторгнемся в арабские страны.

В Иране у нас имеется много друзей, которые ожидают нашего прихода, чтобы примкнуть к нам.

2. СОЗДАНИЕ НОВЫХ ПРАВИТЕЛЬСТВ В ТИФЛИСЕ [Ausrufung neuer Regierungen in Tiflis]

После занятия Тифлиса немецкими войсками последует создание иракского правительства во главе с Рашид Али эль Гайлани, сирийского правительства во главе с Великим Муфтием или назначенным с его согласия сирийцем и нового иранского правительства и их признание Германией. Воззвания новых правительств к своим народам.

3. НЕМЕЦКОЕ НАСТУПЛЕНИЕ [Der deutsche Vormarsch]

При вступлении на территорию арабских стран: Новое формирование иракско-арабской армии, состоящей преимущественно из 3-х иракских, одной сирийской и одной палестинско-трансиорданской дивизий. «Зондерштаб Фельми»[43] в Греции посылает для этого контингент унтер-офицеров из Арабского легиона. «Зондерштаб Фельми» берет на себя выполнение задач немецкой военной миссии в арабских странах. Прибывшие для использования немецкие войска представляют собой обученные для ведения войны в пустыне моторизованные соединения. Цели арабско-немецкого наступления — Суэцкий канал и Персидский залив. Из Басры следует затем связаться с прибывшими на Цейлон японцами.

4. НОВЫЙ ПОРЯДОК В АРАБСКИХ СТРАНАХ [Die Heucrdnung des arabischen Raumes]

Ирак, Саудовская Аравия, Йемен и Египет останутся независимыми странами. Сирия, Ливан, Палестина и Трансиордания будут объединены в одно государство — «Великая Сирия». Ирак и Великая Сирия могут создать единую федерацию. Все перечисленные арабские страны будут объединены союзом или системой союзных договоров. Свержение хашимитских правителей в Багдаде и Аммане.

Ирак получает Кувейт, Ибн Сауд — Маан и Акаба, а также контроль над Оманом, морским побережьем и, возможно, над Хадрамаутом и Бахрейнскими островами.

5. ГАЙЛАНИ И ВЕЛИКИЙ МУФТИЙ [Gailani und Grobmufti]

Гайлани будет министром-президентом (премьер-министром) и в данном случае — главой Ирака, но в вопросах Великой Сирии будет привлекаться как советник.

Великий Муфтий будет представителем и, если на это согласятся ведущие сирийские вожди, главой правительства Великой Сирии.

Не следует допускать того, чтобы между обоими возникали разногласия, ибо в этом случае они станут больше растрачивать свою энергию на подавление влияния другого, чем на борьбу с англичанами.

6. ОТНОШЕНИЕ С ИТАЛИЕЙ И ЯПОНИЕЙ ПО АРАБСКОМУ ВОПРОСУ [Verhältnis su Italien und Japan in arabischen Fragen]

Италия пользуется политическим главенством в Передней Азии. Германия, напротив, претендует на главенство в военных операциях и требует, чтобы Италия ничего не предпринимала в области политики без нашего предварительного согласия.

Как только Япония выразит свое согласие на участие стран Оси в решении индийских вопросов, она будет участвовать и в арабских вопросах.

II. РАБОТА И ЗАДАЧИ ШТАБА УПОЛНОМОЧЕННЫХ ПО АРАБСКИМ СТРАНАМ (ПОСОЛ Д-Р ГРОББА) [Arbeit und Aufgaben des Stabes des Bevollmilchtigtem für die arabischen Lander (Ges[andter] Dr. Grobba)]

1. СОСТАВ [Zussamensetzung]

Штаб Гробба состоит из чиновников министерства иностранных дел и служащих, разбирающихся в восточных вопросах и знающих восточные языки. Список настоящих и будущих работников я прилагаю.

По вопросам пропаганды существует «Арабский комитет» [«Arabische Komitee»] под председательством посла Гроббы, в состав которого входят следующие лица:

генеральный консул Капп (Инф[ормационный отдел МИДа])
советник посольства д-р Мельхерс (Пол. VII)
советник посольства д-р Гранов (штаб Гробба)
секретарь посольства Каспар (Ru VII)
[W.H.A.] Мунцель (RU VII)
[W.H.A.] Штеффен (Пол VII)

2. ЗАДАЧИ ОБЩЕГО ПОРЯДКА [Aufgabe in allgemeinen]

Его задача состоит в политической подготовке немецкого наступления на арабские страны и после успешного вступления — продвижение немецкой политики на месте, согласно данным министерством иностранных дел указаниям.

3. ПРОВОДИВШАЯСЯ ДО СИХ ПОР РАБОТА [Bisherige Arbeit]

Политическое и экономическое обслуживание Гайлани и Великого Муфтия, переговоры с ними о политическом, военном и экономическом сотрудничестве между Германией и арабскими странами, а также подготовка и заключение соглашений о передаче концессий Иракской нефтяной компании и о положении советников с участием политического отдела, а также внутригерманских учреждений.

4. ЗАДАЧИ НА БЛИЖАЙШЕЕ ВРЕМЯ [Aufgaben der nächsten Zeit]

Подготовка образования арабских правительств, содействие в подготовке по образованию иранского правительства. Подготовка воззваний, которые должны быть выпущены правительствами в Тифлисе, и листовок, которые должны быть распространены из Тифлиса. Заключение необходимых соглашений с Гайлани и Великим муфтием. Техническая подготовка (передаточные установки с обслуживающим персоналом).

При взятии Тифлиса немецкими войсками штаб Гробба переселяется вместе с Гайлани и Великим Муфтием туда.

5. ЗАДАЧИ В АРАБСКИХ СТРАНАХ [Aufgaben in den arabischen Staaten]

Переговоры с представителями Саудовской Аравии и египетским правительством о сотрудничестве. Консультации арабских правительств по вопросу создания заново их управлений и экономического развития их стран, а также заботы об использовании богатств арабских стран для ведения войны странами Оси.

Приложение

ШТАБ УПОЛНОМОЧЕННЫХ МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ПО АРАБСКИМ СТРАНАМ (ПОСОЛ Д-Р ГРОББА)

а) ПОЛИТИЧЕСКИЕ СОТРУДНИКИ [Politische Mitarbeiter]

Советник посольства д-р Гранов [Gesandschaftsrat Dr. Granow], в настоящее время — связник со штабом Фельми в Афинах (был со мной в Багдаде, говорит по-арабски);

Легационный секретарь Миров[I] [Leg. Sekr. Mirow], в настоящее время — при особой части 280 [Sonderverband 280] в Лаурионе (Греция); (был в Иерусалиме);

Вице-консул д-р Зейдель[II] [Visekonsul Dr. Seydel], в настоящее время — при консульстве в Тетуане (был со мной в Багдаде, говорит по-арабски);

Колежский ассесор д-р Клингмюллер [Reg. Ass. Dr. Klingmüller], в настоящее время — в Научно-исследовательском отделе министерства авиации [Forschugsamt des Reichsluftfahrtministeriums] (говорит по-арабски, несколько лет занимается восточными вопросами).

б) ХОЗЯЙСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ СОТРУДНИКИ [b) Eirtschafts-spolitische Mitarbeiter]

Д-р Буттнер [Dr. Büttner], в настоящее время — при Институте внешнеполитических исследований (немного говорит по-арабски, несколько лет занимается вопросами экономики арабских стран);

Г. Гейнце [G. Heinze], купец-экспортер, в настоящее время — в фирме «Г. Лоренц» [C. Lorenz A.G.] (неоднократно бывал по делам на Ближнем Востоке);

Директор банка Лебрехт [Bankdirektor Lebrecht], в настоящее время — при немецком посольстве в Анкаре (на протяжении многих лет был в Турции).

ц) ИСПОЛНИТЕЛЬ ПО КОНСУЛЬСКИМ ДЕЛАМ [c) Bearbeiter von Konsularsachen]

Асессор д-р Шабингер фон Шовингер [Dr. Schabinger v. Schowingen], в настоящее время — в армии (говорит по-ирански).

д) ИСПОЛНИТЕЛЬ ПО ДЕЛАМ ПЕЧАТИ [d) Berbeiter von Pressesachen]

В.Г. Штеффен [W.G. Steffen], в настоящее время — при Отделе прессы (был со мной в Багдаде);

Д-р Ф.В. Фернау [Dr. F.W. Fernau], в настоящее время — стрелок при Управлении хозяйства и вооружения (знает несколько арабских языков), много лет занимается вопросами Ближнего Востока;

Курт Хейдн [Kurt Heyd], в настоящее время — в прессе Восточной Европы в Стамбуле (в Турции — около года).

[I] Речь идет о немецком дипломате Эдуарде Мирове.

[II] Речь идет о немецком дипломате Гансе Зейделе.

е) ИСПОЛНИТЕЛЬ ПО ДЕЛАМ ПРОПАГАНДЫ [e) Bearbeiter von Propagandasachen]

К. Мунцель, в наст[оящее] время — в VII отделе, был на протяжении 8 лет в Египте. Д-р Бернер, в наст[оящее] время — ефрейтор бранденбургского полка, был в Египте 2 года.

ф) ИСПОЛНИТЕЛЬ ОСОБЫХ ПОРУЧЕНИЙ [f) Bearbeiter für Sonderaufträge]

Преподаватель средней школы д-р Б. Марковский [Mittelschullehrer Dr. B. Markowski] (был со мной в Афганистане, говорит по-ирански) и его коллега, в наст[оящее] время в Кёнигсберге или же в армии, несколько лет занимается вопросами Ближнего Востока.

г) ПО ИНФОРМАЦИИ [g) für Informationen]

Проф[ессор] д-р Фалькенштейн [Prof. Dr. Falkenstein], в наст[оящее] время — при г-не после Хенке (был со мной в Багдаде, говорит по-арабски).

При мне сейчас работает только советник посольства д-р Гранов. Чрезвычайно желательно немедленное прикомандирование легационного секретаря Мирова, д-ра Ф.В. Фернау и преподавателя средней школы д-ра Марковского. Относительно д-ра Фернау послан запрос в соответствующие военные округа.

Почти все вышеназванные говорят по-арабски или ирански.

ГРОББА

Перевела: Оперперев[одчик] отд[ела] 1-в А. ИЛЛАРИОНОВА

ЦА ФСБ России. Р-48558. В 2-х тт. Т. 2. Л. 57—64. Машинописная копия на немецком языке — л.д. 50—56.

№ 44
ЗАПИСКА В ОТНОШЕНИИ ПОСОЛЬСТВА ЕГИПЕТСКОГО КОРОЛЯ ПОСЛАННИКА Д-РА Ф. ГРОББЫ В ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ ГЕРМАНСКОГО МИДА

17 апреля 1942 г.
Берлин

[Перевод с немецкого]

Копия Срочно!

Посланник д-р Ф. Гробба

Отн[ошении] посольства египетского короля
[Inh.: Botschaft des ägyptischen Königs]

Как сообщил мне штурмбанфюрер Бейснер [Beisner] из RSHA, в Турцию приехал дядя египетской королевы по имени Хуссейни, который рассказывает, что незадолго перед отъездом из Каира он разговаривал с королем и сообщил следующее[1]:

Король принципиально преследует дальше цель оставаться вне войны; он думает, что он не сможет стойко держаться под английским давлением.

[1] При переводе предложения пропущено несколько слов: «Wie mir Sturmbanführer Beisner vom RSHA, ist in Türkei ein Onkel der ägyptischen Königen, namens Husseini, eingetroffen und hat dem Vertreter des RSHA, Moyzich, erklärt, er habe vor seiner Abreise aus Kairo mit dem Könige gesprochen und teile folgends mit: [...]»

В общем, он должен опасаться, что в случае отказа Нахас Паша [Nahas Pascha] провозгласит республику и примет активное участие в войне на стороне Англии.

Хуссейни спросил, сможет ли он в таком случае провозгласить в Берлине египетское национальное правительство и пропагандивно поддерживать королевские элементы за границей.

Хуссейни сегодня же уезжает в Египет и приедет в Стамбул только в начале июня и просит сообщить сегодня же о позиции немецкого правительства.

Господин Байснер сообщил немедленно об этом в немецкое посольство в Анкару для того, чтобы немецкое посольство из Анкары незамедлительно телеграфировало об этом в Берлин.

Господин Бейснер говорит дальше, что он хочет указать связные отделы в Стамбуле и Анкаре, с тем чтобы Хуссейни на один день отложил свой отъезд.

Предприняты и находятся в ходу восстановления, кто такой Хуссейни.

Господин Бейснер будет пробовать выяснить этот вопрос через господина Мойциш[1]. Предоставляется возможность не только в одном дяде королевы, но и дяди короля с материнской стороны, Хуссейн Сабри [Hussein Sabri], из губернатора Александрии, известной личности в Египте.

К сему Dg. Pol
у гос[подина] ниж[него] прав[ительственного] сов[етника] Pol
предъявлено.

Берлин, 17 апреля 1942

Подпись: *ГРОББА*

Копия

Дополнение:
Сейчас сообщает мне господин Бейснер,
что означает имя Хуссейн Саид.

У гос[подина] LR Мельхерс

ЦА ФСБ России. Р-48558. В 2-х тт. Т. 2. Л. 421—421об. Рукопись. Машинописная копия на немецком языке — л.д. 419—420.

№ 45

ЗАПИСКА В ОТНОШЕНИИ ДИРЕКТИВ ДЛЯ УСИЛЕНИЯ ПРОПАГАНДЫ В ЕГИПТЕ ПОСЛАННИКА Д-РА Ф. ГРОББЫ В БЮРО РИББЕНТРОПА

2 июня 1942 г.
Берлин

[Перевод с немецкого]

Копия — Срочно!
Посланник д-р Ф. Гробба — е.о. Пол. VII г

Отн[ошение]: Директив для усиления пропаганды в Египте
[Zum Drahterlaß Sonderzung Nr. 602 vom 29. Mai 1942,
betr.: Richtlinien für eine verstärkte Propaganda in Ägypten]

Директивы не освобождают египетский народ от забот замены английского подданства итальянским.

---

[1] Так в документе, речь идет о сотруднике РСХА Карле Людвиге Мойзише.

Для частичного освобождения от этих забот я заявляю с согласия итальянского правительства пункты 5—8 директивы, которые говорят об освобождении Египта от английского ига, в руководство к заявлению о симпатии к борьбе египетских государств от 4 декабря 1940 года, что страны Оси будут признавать в большом политическом масштабе желание египетского народа, как и до этого.

Я сообщаю следующие пункты:

5. Победоносные солдаты Роммеля не хотят завоевывать Египет, они хотят изгнать лишь из этой страны английское господство. Они много больше сражаются за освобождение Египта от английского ярма, чтобы предоставить египетскому народу счастливое будущее. Они не имеют враждебного намерения против египетского народа, а придут как друзья. Они имеют одного противника: Англию и ее пособников.

6. Это зависит от самого египетского народа, внести взнос для достижения своей свободы и независимости.

7. ...[I]

8. Страны Оси являются друзьями всего арабского народа. Они еще раньше заявляли, чтобы арабы были счастливыми и процветающими и заняли соответствующее место в историческом и естественном значении среди народов на земле.

Страны Оси с интересом и симпатией следили за борьбой Египта за освобождение и независимость. Цель стран Оси — «Египет для египтян» [Ägypten den Ägyptern]. Египетский народ сам будет пользоваться плодами своей работы...

Я предлагаю заявление по радио сообщить также и в прессе.

Направлено[II]
Динстгруппа Политического отдела
[Dg. Pol.]
Младшему статс-секретарю — начальнику Политического отдела
Статс-секретарю
В Бюро г-на РАМ[III]
г-ну фон Шмиеден

Берлин, 2 июня 1942 г.

Подписал: *ГРОББА*

Копии
Д-ру Мельхерс
Ру VII
П VII

ЦА ФСБ России. Р-48558. В 2-х тт. Т. 2. Л. 418—418об. Машинописная копия на немецком языке — л.д. 416—417.

[I] Пункт 7 в документе на немецком языке отсутствует.

[II] Далее рассылка документа на русский язык не переведена. Здесь и далее речь идет об одном из руководителей Имперского МИДа Германии, ответственном за связь со средствами массовой информации, Карле Мегерле.

[III] РАМ — здесь и далее сокр. от нем. «министр иностранных дел».

№ 46
СОПРОВОДИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА И СПРАВКА ПОСЛАННИКА Д-РА Ф. ГРОББЫ В ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ ГЕРМАНСКОГО МИДА «УСИЛЕНИЕ ГЕРМАНСКОЙ ПРОПАГАНДЫ В ЕГИПТЕ»

26 июня 1942 г.
Берлин

ЛО-13/VIII-[19]46 г. Перевод с немецкого

Посланник д-р Ф. Гробба е.о. Пол VII [г] II [e.o. Pol VII g II]
[Gesandter Dr. F. Grobba]

Справка

Об усилении пропаганды в Египте
[Inhalt: Verstärkte Propaganda in Ägypten]

Господин РАМ желает немедленного усиления пропаганды в Египте. Г-н д-р Мегерле (Megerle)[1] разделяет мое мнение о том, что сейчас настало время для положительного воплощения директив от 29-го мая. В поддержание моих предложений от 2-го июня, которые тогда из[-за] внимания к итальянцам не были переданы г-ну РАМ г-ном сов[етником] миссии фон Шмиденом [von Schmieden] по договоренности с г-ном Вёрманном, я представляю при настоящем новые предложения об изменениях к пунктам 5, 6 и 8 упомянутых директив в форме Предложения Бюро г-на РАМ

при г-не Политич[еском] рук[оводителе]

Берлин, 26 июня 1942 г.

Подпись: *ГРОББА*

Усиление германской пропаганды в Египте
[Verstärkte der deutschen Propaganda in Ägypten]

1.) Проводившаяся до сего времени пропаганда:

а) По радио:

Прилагается список радиопередач на арабском языке (за период с начала апреля), касавшихся Египта. В различных радиопередачах соблюдены инструкции относительно усиления пропаганды в Египте от 29-го мая.

Далее — арабский тайный радиопередатчик ежедневно по два раза передавал сообщения, каждое длившееся по 15 минут. Эти радиопередачи преследовали цель вызвать волнения среди египетского населения. Они состояли из комбинированных, нарушающих спокойствие сообщений, нападок на отдельных выдающихся лиц и комментариев к ежедневным сообщениям. Вчера этот радиопередатчик впервые призывал к «мелкому саботажу».

б) Листовки:

Информационным отделом министерства иностр[анных] дел были изготовлены и отосланы для сбрасывания над Египтом:

Отпечаток на английской 1-фунтовой купюре с соответствующей надписью — 500 000 штук.

Призыв к саботажу в стихотворной форме (как стихи из арабского Ойленшпигеля — «Джоха» [angeblisches Gedicht des arabischen Eulenspiegel Djoha]) — 100 000 штук.

---

[1] Фамилия «Мегерле» на немецком языке вписана в круглые скобки от руки фиолетовыми чернилами.

Листовка Роммеля [Rommel-Flugblatt] — 1 млн. штук.

2.) Предполагаемое усиление пропаганды:

а) По радио:

Следует ежедневно делать политическую или экономическую радиопередачу, касающуюся Египта.

Предлагается эффективнее воплощать директивы от 29-го мая, касающиеся усиления пропаганды на Египет. Прилагается копия Предложения для г-на РАМ.

По мнению египетских националистов, было бы также весьма действенно, если бы германское правительство объявило бы сейчас по радио, что оно не потребует от египетского правительства ничего иного, как только строгого нейтралитета, т.е. одинакового обращения с державами Оси как с Союзниками. Это будет означать, что Египет должен предоставлять также и в распоряжение вступивших на его территорию войск держав Оси все средства помощи. Просьба сообщить инструкции.

Тайный радиопередатчик: Работа тайного радиопередатчика должна быть усилена со включением в нее Великого Муфти, который изъявил свою готовность на это. 27-го июня будет передано предлагаемое при этом сообщение о саботаже, пока еще особо относящееся к Египту. Вырабатываются дальнейшие сообщения о саботаже.

б) Посредством листовок:

Информац[ионный] отдел печатает в настоящее время еще шесть листовок, с выпуском по 100 000 штук каждая.

Настоящее представлено г-ну д-ру Мегерле (Бюро РАМ)

Берлин, 26 июня 1942 г.

Подписал: *ГРОББА*

Копии:
Полит[ическому] рук[оводителю]
ГК Капп [GK Kapp]
Советн[ику] миссии Мельхерс [LR Melchers]

Перевела: Л. ОРЛОВА

13/VIII-[19]46 г.

ЦА ФСБ России. Р-48558. В 2-х т.т. Т. 2. Л. 413—415. Заверенная машинописная копия. Заверенная машинописная копия на немецком языке — л.д. 409—412.

№ 47

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА Д-РА Ф. ГРОББЫ «О ВЫЯСНЕНИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ РАЗНОГЛАСИЙ МЕЖДУ ВЕЛИКИМ МУФТИЕМ И ГАЙЛАНИ»

29 августа 1942 г.
Берлин

Копия Секретно

Посланник д-р Ф. Гробба

О ВЫЯСНЕНИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ РАЗНОГЛАСИЙ МЕЖДУ ВЕЛИКИМ МУФТИ И ГАЙЛАНИ

Сотрудничество между Великим Муфти и Гайлани и сотрудничество их обоих с германскими военными инстанциями было удовлетворительным,

пока оба они стремились к признанию независимости арабских стран, в котором они оба были одинаково заинтересованы. После того как было достигнуто это признание посредством обмена писем, началась ссора между ними обоими по поводу того, чтобы называться единственным политическим вождем всеарабского государства. С этого момента между ними обоими больше не было никакого сотрудничества, а также остановилось на мертвой точке и их сотрудничество с германскими военными инстанциями.

Согласно письменному сообщению Великого Муфти германскому посольству в Риме, он тем временем потребовал у итальянского правительства признать его «главным носителем великой ответственности». Поскольку итальянцы в странах Средиземного моря имеют политическое преимущество, то тем самым можно было считать вопрос решенным. Однако этого не произошло по следующим причинам:

1) Гайлани категорически отказывается от какого бы то ни было политического подчинения Великому Муфти.

2) Гайлани является представителем той точки зрения, что Ирак не средиземноморская страна.

3) Если германские войска вступят на территорию Ирака, то Гайлани является для нас важнее, чем Великий Муфти, ибо в Ираке его, а не Великого Муфти считают политическим вождем. Если бы Великий Муфти был там политическим вождем, то ему в апреле прошлого года не нужно было бы использовать все свое влияние, чтобы превзойти политическое превосходство Гайлани.

Признанием превосходства Великого Муфти во всей арабской зоне, включая Ирак, мы полностью оттолкнули бы от себя Гайлани и, кроме того, вызвали бы у остальных арабских вождей такое впечатление, что мы, подобно тому, как это сделали англичане, хотим навязать арабам руководство.

Министерство иностр[анных] дел питало надежду на то, что итальянцам удастся примирить обоих вождей. Однако эта надежда не оправдалась, — да они и не могла оправдаться, раз итальянцы фактически уже признали политическое превосходство Великого Муфти.

Поскольку для нас также и в военном отношении чрезвычайно важно, чтобы оба вождя примирились и стали сотрудничать с нашими военными инстанциями, мы должны предпринять попытку к их примирению, как только Великий Муфти вернется в Берлин. Мне кажется, что перспективы на это все еще имеются. Я считаю возможным соглашение между ними обоими на том основании, что Великого Муфти признают как председателя «Высшего Арабского Совета», задача которого — координировать все арабские вопросы, и который имеет полномочия на дачу политических директив. Хотя положение Великого Муфти, соответственно его собственному предложению, будет неофициальным, однако, «морально» оно будет выше положения Гайлани.

С другой стороны, Гайлани как официальный представитель будет иметь в своих руках исполнительную власть. Великий Муфти, который недавно запросил меня через своего племянника о моем мнении относительно возможности соглашения с Гайлани и которому я передал этот план, подчеркнуто передал мне через одно лицо, что он принимает этот план в качестве основы для переговоров. Также и Гайлани высказал свое принципиальное согласие с подобным решением.

Я сам пока не могу лично беседовать с Великим Муфти потому, что личная связь с ним поручена г-ном имперским министром иностранных дел г-ну посланнику Эттель.

Если эти старания не приведут к цели, то мы должны будем попытаться убедить обоих арабских вождей в том, что в настоящее время освобождение арабских стран от англичан важнее, чем урегулирование вопроса о звании всеарабского вождя, и склонить их на то, чтобы они пока отложили свой спор о политическом руководстве. Гайлани согласен на это и хочет сначала ограничиться урегулированием иракского вопроса.

Он готов к полному сотрудничеству с немецкими военными инстанциями, если ему предварительно письменно пообещают, что при вступлении немецких войск на территорию Ирака иракская армия будет воссоздана под иракским командованием и что иракские добровольцы будут использованы для службы в новой иракской армии. Я думаю, что мы можем пообещать ему и то, и другое. Также и ОКВ Абвер/Ausланд (полковник Рудольф), с которым я имел случай беседовать, придерживается такого мнения. При этом я прилагаю проект соответствующего письма г-на имперского министра иностранных дел или г-на статс-секретаря фон-Вейцзэккера к Гайлани.

Г-н имперский министр иностр[анных] дел, на мое предложение обменяться письмами с Гайлани и с Великим Муфти относительно будущего сотрудничества войск держав оси с иракскими, а также с арабскими войсками, 29-го июля решил, что время для того, чтобы сделать столь широкое заявление обоим арабским вождям придет лишь тогда, когда мы, примерно, после взятия Каира армией фельдмаршала Роммеля, действительно явимся в арабские страны Передней Азии.

Положение вещей тем временем изменилось следующим образом:

1) наши войска приближаются к Тифлису, т.е. к городу, намеченному для использования Гайлани, и

2) военные инстанции придают огромное значение сотрудничеству с Гайлани.

Если предложенное мной письмо к Гайлани будет принято, то, может быть, можно будет побудить итальянцев написать соответствующее письмо Гайлани. Далее следует проверить, не должны ли германское и итальянское правительства обменяться соответствующими письмами относительно дальнейшего сотрудничества между войсками держав Оси и всеарабскими войсками с Великим Муфти и Гайлани.

Вышеизложенные выводы еще не были представлены г-ну статс-секретарю и предназначаются для Вашего личного сведения.

Настоящее представлено г-ну послу Риттер.

Берлин, 29 августа 1942 года

Подпись: *ГРОББА*

Перевела: Л. ОРЛОВА

21/IX-[19]46 г.

ЦА ФСБ России. Р-48558. В 2-х т.т. Т. 2. Л. 69—72. Заверенная машинописная копия. Подлинник на немецком языке —л.д. 65—68. Заверенная машинописная копия.

№ 48
ДОКЛАД НАЧАЛЬНИКА ГЕРМАНСКОЙ ВОЕННОЙ РАЗВЕДКИ О ПЕРЕГОВОРАХ ГЕРМАНО-ИТАЛЬЯНСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ С ВЕЛИКИМ МУФТИЕМ В РИМЕ[I]

15 сентября 1942 г.
Берлин

ЛО-21/IX-[19]46 г. Перевод с немецкого

Секретный документ командования

Копия к Пол I М 2596, секр[етный] имп[ерский] док[умент]
Нач[альник] Упр[авления] Иностр[анный] Абв[ер][II]
№ 2398/42 с[огласовано] Ком[андованием] Абв[ер]-II

Примечание к делу
О разговоре с Великим Муфти в Риме 15.9. [19]42.

Присутствовали:

Немцы:
Начальник Упр[авления] Ausланд/Абвер [Chef Amt Ausland/Abwehr]
Генерал авиации Фельми
Полковник генштаба Лахоузен
Подполковник генштаба Мейер-Рикс

Итальянцы:
Генерал Амэ [Amé]
Капитан 2-го ранга Зимен [Simen]
Командующий итало-арабским легионом
[der Kommander der Italienisch-arabischen Legion]

Великий Муфти сначала заявил, что он договорился с итальянцами относительно организации Центра в Северной Африке для сотрудничества с державами Оси в духе прилагаемого при этом предложения (См. Приложение).

В более обстоятельной беседе Великий Муфти высказался против предполагаемого немцами использования на Кавказе его сторонников, числящихся в «Германо-арабском учебном отделе»[44], и предложил использовать этих людей также в Северной Африке в рамках «регулярной арабской воинской части».

В противовес этому я заявляю, что DAL подчиняется OKB и вследствие этого должно исключительно оставаться в ведении последнего там, где следует использовать соответственно общему военному положению. Далее, по-моему, необходимо, чтобы DAL, являясь немецкой воинской частью, оставался неприкосновенным, т.е. держась в стороне от всех политических и прочих влияний.

Генерал Фельми подчеркнул это, по-моему, основное требование также заявлением, что ни одна часть людей, в особенности 15 арабских офицеров, не должны изыматься из состава DAL потому, что тем самым это особое объединение будет расстроено и вся проделанная до сего времени учебная работа пойдет прахом. Кроме того, нет никакого, по его словам, смысла использовать от 80 до 100 человек без оснащения и поддержки их тяжелым

[I] На документе в верхнем правом углу штамп: «Секретный имперский документ» [нем. Geheime Reichssahe].
[II] Так в документе, речь идет об Управлении «Абвер/Заграница» [нем. Amt Ausland Abwehr].

вооружением, которым DAL соответственно снабжен. К этому мнению, которое генерал Фельми и я считаем основным пунктом разговоров, присоединился и генерал Амэ.

После довольно длительной беседы Великий Муфти также признал необходимость исключительно военного руководства и влияния на DAL, заявив, однако, что он не хочет в кратком письменном заявлении давать свое согласие на все мероприятия и распоряжения генерала Фельми потому, что предполагаемое сейчас использование DAL не соответствует его убеждениям.

Он (Великий Муфти) пообещал мне, однако, не предпринимать лично ничего, что могло бы нарушить покой и внутренний распорядок DAL, и послать уполномоченное лицо в войска, находящиеся в ведении генерала Фельми, для разъяснения там, что и ему (Великому Муфти) желательно, чтобы его сторонники безусловно подчинялись всем приказам и мероприятиям Особого штаба «Ф».

В отношении представленного мне проекта итальянского Верховного командования я заявил, что принципиально не могу занять никакой позиции потому, что проект создания Центра управления Великого Муфти в Северной Африке, являясь политическим вопросом, прежде всего требует согласия обоих министерств иностранных дел.

С чисто военной точки зрения, я бы не имел ничего против централизации контрразведывательной работы Великого Муфти в Северной Африке (разведка, расслоение, диверсия, образование нерегулярных отрядов), ибо DAL не может быть подчинен Великому Муфти.

Подписал *КАНАРИС*

1 приложение.
Разослано:
Нач[альни]ку ОКВ;
W.F. Stb
Особому штабу «Ф»
Управл[ению] Загр[аница]/Абв[ер]
Загр[аничный] Отд[ел] (fpr VAA)
Абв[ер]-II

Копия. Перевод П.М., 10 сент[ября] 1942 II
Верх[овное] Команд[ование]
Его Величества Короля Италии

О центре Великого Муфти в Северной Африке

На основании имевших место между Итальянским Верховным Командованием и Великим Муфти переговоров, на которые имелось принципиальное согласие Мин[истерст]ва Иностр[анных] дел, с общего согласия было установлено, что характер и задачи миссии в Северной Африке должны заключаться в следующем:

1) Муфти создаст в Северной Африке Центр для сотрудничества с державами Оси. Этот Центр может быть перенесен в другое место в арабских странах в случае, если того будут требовать операции и военное положение. Этот Центр будет действовать согласно нижеследующим важнейшим директивам:

а) Развитие пропагандистской деятельности посредством радиопередач. Распространение известий и листовок в Египте и других арабских странах, засылка пропагандистов и агентов в тыл врага и т.д.

б) Агенты, засылаемые в арабские страны, будут устанавливать связи и всячески сотрудничать с разведками для ознакомления с положением в названных странах и проживания в них

с) Будут совершенствоваться и далее уже подготовленные в Италии арабские воинские части (возможно, также и части из лагеря Сунион) и другие арабские войска, которые, по возможности, должны составляться из чисто египтян и из жителей других арабских стран, для создания «Регулярной арабской армии», которая будет находиться в распоряжении Муфти и использоваться на стороне войск держав Оси под арабскими знаменами.

д) Будет облегчать образование нерегулярных отрядов из лиц, которые, с согласия военных командований держав Оси, будут вербоваться из вражеских рядов или из других источников для выполнения особых заданий.

е) Будет тщательно использоваться каждая возможность для совершения диверсионных актов с целью нанесения вреда врагу и с целью сотрудничества в отношении посылки вооружения и взрывчатых материалов в арабские страны.

2) Муфти будет признанным главой этого Центра и фактически командующим, как «Регулярной арабской армией», так и нерегулярных отрядов. Для сформирования этих войск он будет сотрудничать с военными и техническими специалистами и с офицерами держав Оси.

Арабские войска будут, во всяком случае, носить чисто арабский характер и будут сражаться под арабскими знаменами, олицетворяя участие арабского народа на стороне держав Оси против общего врага. Этих технических специалистов и офицеров следует рассматривать как прикомандированных к Муфти и как добровольцев арабской армии, отличительные знаки которой они имеют на своей одежде. Несмотря на национально-арабский характер этих войск, их формирования должны до конца войны придерживаться в своих действиях инструкций и директив военных советников Оси.

3) Великий Муфти будет сотрудничать с военной комиссией держав Оси, начальником которой будет командир Зимен (Simen). В эту комиссию будут входить итальянские и немецкие офицеры и представители итальянского и германского министерства иностранных дел.

4) Вооружение и другие материалы, необходимые для осуществления этого предприятия, будут поставляться Великому Муфти сообразно численности войск и их вооружения, имеющихся в его распоряжении.

* * *

Секретный имперский документ

Копия 7046
Реф.: Сов[етнику] миссии фон Гроте е.о. Пол. VII секр[етно]
[Ref.: LR von Grote] Секретно

О переговорах адмирала Канариса и генерала Фельми с Гайлани и Великим Муфти

ОКВ пересылает для сведения прилагаемое при этом примечание к делу о переговорах между Великим Муфти и адмиралом Канарисом.

Из Примечания следует, как самое важное, что:

1) Итальянцы признают Великого Муфти единственным арабским вождем;

2) Итальянцы заключили с Великим Муфти соглашение о том, чтобы арабы вели свою работу из Северной Африки (создание Центра для сотрудничества с державами Оси и создания регулярной арабской армии).

Адмирал Канарис отказался занять какую-либо позицию в отношении этого соглашения, заметив, что это вопрос политический, требующий, поэтому, согласия мин[истерст]ва иностр[анных] дел.

3) Великий Муфти не особенно доволен предполагаемым немцами использованием германо-арабского Учебного отделения, но в конце концов все же заявил о своей готовности послать уполномоченное лицо, которое разъяснит его сторонникам, находящимся при Учебном отделении, что безусловное подчинение всем приказам Особого штаба «Ф» (ныне Главн[ое] Команд[ование] для особ[ого] использ[ования]) соответствует воле Великого Муфти.

В отношении создания Центра для сотрудничества между Великим Муфти и державами Оси следует, конечно, ожидать обращения Великого Муфти, или же итальянцев, к мин[истерст]ву иностр[анных] дел.

(В начале документа надпись карандашом: «В этой форме не сходится. См[отри] телегр[амму] из Рима. В.»)[1]

Настоящее передано:
Сначала, через г-на посланника Шнурре,
г-ну статс-секретарю,
Затем: Г-ну пом[ощнику] статс-секр[етаря] по пол[итическим] делам,
—"— посланнику Эттель,
—"— посланнику Гробба,
—"— статс-секретарю Кепплер.

Берлин, 2-го октября 1942 г.

Настоящее представлено через пол[итического] рук[оводителя] пом[ощнику] статс-секр[етаря] по Пол[итическим] делам Г-ну Статс-секретарю.

Берлин, 14 сентября 1942 г.

Подп[исал] *ГРОББА*

* * *

Копия 1.12.1943
Нач[альник] Абв[ер] II
№ 003/12. [19]42.

Примечание к делу:

о результатах переговоров Нач[альника] II и Великого Муфти 23-го ноября 1942 г. в Риме.

1) Великий Муфти заявил о своей готовности, согласно сделанному им 15-го сентября 1942 г. г-ну нач[альни]ку Управления заявления, как можно скорее (к началу декабря) послать уполномоченное лицо в DAL.

2) В отношении болтовни своего двоюр[одного] брата Муса Хуссейни Великий Муфти ссылается на свои высказывания мин[истерст]ву иностр[анных] дел, когда он указывал, что о содержании переданного ему генералом Фельми документа ни он (Великий Муфти), ни Муса Хуссейни никому ничего не говорили.

3) Во время этой беседы Великий Муфти высказывал пожелание поселить арабов из DAL в Тунисе.

---

[1]Так в документе. Примечание переводчика относится к пункту 1 (*прим. сост.*).

* * *

ЛО-23/IX-[19]46 г. Перевод с немецкого

Копия 7046

Посланник д-р Ф. Гробба е.о. Пол. VII секр[етно]

О ПЕРЕГОВОРАХ АДМИРАЛА КАНАРИСА И ГЕНЕРАЛА ФЕЛЬМИ С ГАЙЛАНИ И ВЕЛИКИМ МУФТИ

Адмирал Канарис и генерал Фельми 10-го с/мес[сяца] имели беседу с Гайлани о военном сотрудничестве Гайлани с германскими военными властями и договорились по некоторым принципиальным вопросам.

Адмирал Канарис и генерал Фельми будут завтра разговаривать в Риме с Великим Муфти. Они хотят:

1) объяснить ему, что его требование об отделении 40—50 палестинцев от Германо-Арабского Учебного отдела в целях посылки их в Египет по военным причинам является неприемлемым и поэтому должно быть отклонено, и

2) постараться склонить его на то, чтобы он примкнул к соглашению, достигнутому 10-го с[его]/мес[яца] между ними и Гайлани.

Чтобы итальянцы не подумали, что адмирал и генерал за их спиной хотят заключить какие-то сделки с Великим Муфти, а также чтобы итальянцы не получили сведений о переговорах между обоими офицерами и Великим Муфти в первую очередь до этого последнего, оба офицера, по-моему совету, перед своей беседой с Великим Муфти ознакомят в общих чертах начальника итальянской контрразведки Амэ с содержанием переговоров с Великим Муфти.

Если Великий Муфти, как можно предвидеть, не согласится примкнуть к достигнутому здесь с Гайлани соглашению, то оба офицера не станут продолжать переговоры в Риме и предложат Великому Муфти продолжить их в Берлине.

Настоящее представлено через пол[итического] рук[оводителя] пом[ощника] статс-секр[етаря] по пол[итическим] делам г-ну Статс-секретарю.

Берлин, 14 сентября 1942 г.

Подп[исано]: *ГРОББА*

Копии направлены:
Г-ну послу Риттер
—"— посланнику Эттель
—"— советнику миссии Мельхерс

Перевела: Л. ОРЛОВА

ЦА ФСБ России. Р-48558. В 2-х тт. Т. 2. Л. 393—401. Заверенная машинописная копия. Машинописная копия на немецком языке — т. 2. л.д. 387—392.

№ 49
СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА Д-РА Ф. ГРОББЫ «О НЕМЕЦКОЙ ТОЧКЕ ЗРЕНИЯ ПО РАСОВОМУ ВОПРОСУ» В ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ ГЕРМАНСКОГО МИДА

23 сентября 1942 г.
Берлин

Посол д-р Ф. Гробба Полит. 7 7102 г.

Содержание: Переписка Гайлани и профессора Гросс о немецкой точке зрения по вопросу арабской расы.

Арабский комитет неоднократно интересовался вопросами вражеской пропаганды, постоянно утверждавшей, что Германия в вопросе расовости оценивает арабскую расу так низко, как и еврейскую, поставив ее на шкале расовости в самом невыгодном положении.

Подходящей контрпропагандой Арабский комитет считает письменно высказаться начальника Расово-политического управления НСДАП профессора д-ра Гросса по этому вопросу.

В данное время на одном из совещаний о возможности активизации немецкой пропаганды в арабских странах министр-президент Гайлани также коснулся этого вопроса и потребовал разъяснения его путем переписки с профессором Гросс.

Профессор Гросс согласился на такую переписку, и мной и профессором Гросс составлен проект писем. Этот проект, если его утвердят, нужно будет объявить через арабскую радиостанцию.

В связи с тем, что профессор Гросс завтра на некоторое время уезжает, то было бы очень желательно, если бы сегодня Вы дали свое согласие на эту переписку. Нужное разрешение от г-на министра иностранных дел на объявление данной переписки по арабскому радио я получу через г-на Мегерле.

Представлено г-ну мл[адшему] госсекретарю Полит[ического отдела]
через Дг. Полит[ического отдела] для ознакомления

Берлин, 23 сентября 1942 года

Подпись: *ГРОББА*

Перевод сделала: ГАРКУН

Проверил: мл[адший] лейтенант РУДИН

ЦА ФСБ России. Р-48558. В 2-х тт. Т. 2. Л. 406. Заверенная машинописная копия. Заверенная машинописная копия на немецком языке — т. 2. л.д. 402.

№ 50
ПЕРЕВОД ПРОЕКТА ПИСЬМА ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА ИРАКА Р. АЛИ ЭЛЬ-ГАЙЛАНИ РУКОВОДИТЕЛЮ РАСОВО-ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ НСДАП Д-РУ В. ГРОССУ[1]

[Сентябрь 1942 г.]
Берлин

Уважаемый г-н профессор!

Враги держав Оси в своей пропаганде утверждают, что Германия считает арабов расово неполноценными, аналогично евреям, или же, по шкале ценности рас, ставит арабскую расу на неблагоприятное место.

Как премьер-министр Ирака я достаточно хорошо знаю арабов вообще и своих соотечественников в частности, чтобы не знать, что они не верят этим утверждениям. Арабы в борьбе за свою свободу и права получили столь большое признание и поддержку со стороны немцев, что они убеждены в их внимании и дружбе. Однако, так как вражеская пропаганда постоянно повторяет свою ложь, я считал бы целесообразным, чтобы Вы с немецкой стороны противопоставили бы ей правду о немецкой позиции в отношении арабской расы.

[1] Перевод документа с немецкого языка осуществлен к.и.н. Б.Л. Хавкиным в 2009 г.

Я был бы Вам особенно признателен, если бы Вы, как руководитель Расово-политического управления НСДАП и выдающийся представитель германского расового учения, сообщили бы мне точку зрения национал-социалистического расового учения по этому вопросу.

С выражением моего глубочайшего уважения

(РАШИД АЛИ ЭЛЬ-ГАЙЛАНИ)

ЦА ФСБ России. Р-48558. В 2-х тт. Т. 2. Л. 403. Подлинник (на немецком языке).

№ 51
ПРОЕКТ ПИСЬМА НАЧАЛЬНИКА РАСОВО-ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ НСДАП[45] Д-РА В. ГРОССА ИРАКСКОМУ ПРЕМЬЕР-МИНИСТРУ Р. АЛИ ЭЛЬ-ГАЙЛАНИ

[Сентябрь 1942 г.]
Берлин

Перевод с немецкого

Глубокоуважаемый господин министр-президент!

Согласно Вашей просьбе, выраженной Вами в письме от «...» сентября с.г., я объясняю Вам точку зрения национал-социалистического учения о расах и научного расоведения Германии в отношении вопроса, касающегося арабской расы.

1. Смыслом и целью национал-социалистической расовой политики является защита немецкого народа от влияния иудейства, которое, благодаря особому отбору, выродилось в негармоническую расовую смесь и которое в расово-биологическом и характерном отношении представляет собой совершенно особое явление, и раса эта строго отличается от народов и рас Передней Азии и Востока.

2. В соответствии с этим употребляемое в Европе уже на протяжении десятилетий для выражения антииудейского движения слово «антисемитизм» является ложным (фальшивым), ибо это движение направлено было исключительно против иудейства, разлагающего все народы, но не против, хотя и с давних времен антииудейски настроенных, но владеющих семитским языком, народов.

Но немецкие расовые законы направлены против евреев не за их происхождение с Востока или за их язык, а только лишь за их асоциальный, антисоциальный характер, сделавший их всемирным врагом.

3. В то время как иудейство, как расово-биологическое и историческое явление, отрицается, все семитско-арабские народы, язык и культура их представляют для немецкой науки предмет глубокого уважения.

В этом отношении учение расовости в последнее время изменений не имеет. Наоборот, немецкий народ всегда относился с большим уважением к культурным достижениям других народов.

Ни один серьезно мыслящий человек в Германии никогда не говорил о том, что арабская раса является низшей расой или на шкале определенной расовости стоит в самом невыгодном положении.

Национал-социалистическое расовое учение считает арабов представителями совершенно высоко оцененной расы, которая имеет свое славное и героическое прошлое.

Поэтому немецкая сторона помогает арабам вести политическую борьбу за свободу против иудейских узурпаторов Палестины.

Выражаю Вам мое глубочайшее почтение и остаюсь

(профессор д-р ГРОББА)

Перевод сделала: ГАРКУН

Проверил: мл[адший] лейтенант РУДИН

ЦА ФСБ России. Р-48558. В 2-х тт. Т. 2. Л. 407—408. Заверенная машинописная копия. Машинописная копия на немецком языке — т. 2. л.д. 404—405.

№ 52

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА Д-РА Ф. ГРОББЫ В МИД «СОГЛАШЕНИЯ МЕЖДУ ОКВ И ГАЙЛАНИ ОТНОСИТЕЛЬНО ГЕРМАНО-АРАБСКОГО УЧЕБНОГО ОТДЕЛЕНИЯ»

19 декабря 1942 г.
Берлин

ЛО-24/IX-[19]46 г. Перевод с немецкого

Копия

Посол д-р Ф. Гробба

Касается: Соглашения между ОКВ и Гайлани относительно Германо-Арабского учебного отделения [Vereinbarung zweschen dem OKW und Gailani über die Deutsch-Arabische Lehrabteilung]

1) Просьба внести в реестр Пол. секр[етный]
имп[ерский] док[умент
См.: 1 телегр[амму] от 23.8.[19]42.
Копия заметки от 25.8 и примечания к делу

Желание генерала Фельми и ОКВ возникло после письменной договоренности с Гайлани и Великим Муфти относительно DAL, когда после перевода DAL из Суниона в Сталино Великий Муфти потребовал отделения от DAL имеющихся там палестинцев, в то время как Гайлани, которого запросило об этом ОКВ, предоставил для вынесения решения ОКВ, и когда сделавшись известным, это расхождение во мнениях обоих вождей вызвало внутри DAL опасное для дисциплины беспокойство. ОКВ указало г-ну послу Риттеру на невыгодное воздействие разногласий между Великим Муфти и Гайлани на усовершенствование работы DAL (сравн[ите] телеграмму ОКВ к послу Риттеру от 23 августа 1942 г. и прилагаемую при этом копию заметки посла Риттера от 25-го августа 1942 г.). ОКВ и генерал Фельми знали тогда о решении г-на РАМ, чтобы пока не заключать никакого арабо-германского военного соглашения.

Как ОКВ, так и генерал Фельми стояли на той точке зрения, что DAL должно оставаться и далее в подчинении у германского командования и не подлежит разделению. Генерал Фельми полагал, что беспокойство в DAL может быть лучше всего ликвидировано в том случае, если оба арабских вождя в письменной форме заявят о своем согласии с тем, чтобы DAL до вступления на арабскую территорию продолжал оставаться под германским командованием и не подлежал разделению. Содержание подобного документа следовало затем объявить лицам, находящимся в DAL, как приказ ОКВ.

Генерал Фельми приехал поэтому вместе со своим начальником штаба [Generalstabchef], подполковником Мейер-Риккс, 9-го сентября в Берлин для обсуждения этого дела с Гайлани и с Великим Муфти, если тот приедет тем временем в Берлин.

В Берлине он встретился только с Гайлани и 10-го сентября объявил ему о своем желании, изложив проект письма. Гайлани изменил этот проект и передал генералу Фельми 12-го сентября подписанное им письмо. Генерал Фельми и Гайлани договорились, что генерал Фельми попытается склонить и Великого Муфти к подписанию этого документа и что он будет считаться действительным после того, как будет подписан также Великим Муфти и ОКВ.

О содержании разговоров между генералом Фельми и Гайлани меня впоследствии осведомил устно подполковник Мейер-Риккс. На мое указание, чтобы, по инструкции г-на РАМ, военного соглашения с арабскими вождями пока не заключать, он мне ответил, что соглашение это должно служить не целям германо-арабского военного сотрудничества в будущем, а лишь устранению беспокойства в DAL и восстановлению дисциплины. Он при этом указал, что в последней статье письма предусматривается, чтобы это письмо послужило основой для заключения дальнейшего военного соглашения. Название «Соглашение» для этой договоренности выбрано, по его словам, неудачно, и лучше бы им не пользоваться. Относительно сообщений, сделанных подполковником Мейер-Риксом, я устно осведомил г-на пом[ощника] статс-секретаря Вёрмана, который также указал на то, что в настоящее время нельзя заключать военного соглашения.

15-го сентября адмирал Канарис и генерал Фельми обсуждали содержание [разговора] Гайлани с Великим Муфти в Риме. Чтобы не создавать у него впечатления, что он очутился перед совершившимся фактом, они намеревались не показывать ему подпись Гайлани; однако, благодаря оплошности адмирала Канариса, Великий Муфти все-таки увидел подпись. Когда подполковник Мейер-Риккс [Meyer-Ricks] передавал Великому Муфти копию письма в целях более тщательного с ним ознакомления, он предварительно оборвал ту его часть, где имелась подпись Гайлани.

Также и при разговоре с Великим Муфти 15-го сентября адмирал Канарис, как это следует из его прилагаемого при этом примечания к делу, указал на то, что он должен ограничиться обсуждением чисто военных вопросов и предоставить разрешение политических вопросов обоим министерствам иностранных дел.

Копия письма Гайлани от 12-го сентября, которую ОКВ переслало впоследствии в мин[истерст]во иностр[анных] дел, также при этом прилагается.

Настоящее представлено через посла Прюфера
Пол. Рук.
пом[ощник] статс-секр[етаря] по пол[итическим] делам.
статс-секр[етарь]
г-ну имперскому министру иностр[анных] дел

Подписал: *ГРОББА*

ЦА ФСБ России. Р-48558. В 2-х тт. Т. 2. Л. 78—80. Заверенная машинописная копия. Машинописная копия на немецком языке — т. 2. л.д. 75—77.

№ 53
ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА ПОСЛАННИКА Д-РА Ф. ГРОББЫ В ГЕРМАНСКИЙ МИД[1]

[Не позднее декабря 1942 г.]
[Б/м]

Перевод — Секретно! [Geheim!]

НЕМЕЦКОЕ ПРОНИКНОВЕНИЕ ЧЕРЕЗ КАВКАЗ В АРАБСКУЮ ТЕРРИТОРИЮ
[Vordringen Deutschlands über den Kaukasus nach arabischen Raum]

1. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ [1.) Politische Fragen]

1) Положение и настроение в арабской территории [1.) Lage und Stimmung im arabischen Raum]

Иракский народ стоит в своем первенствующем большинстве на стороне Германии и готов подняться против Англии, как только немецкая армия появится на иракской границе.

Настроение в Сирии и в Палестине является, главным образом, в перевесе немецкого дружества, все же население ждет немецкого обещания по отношению провозглашения независимости этих стран, прежде чем категорически признать себя к Германии. Особенно сирийский руководитель придерживается еще ожидаемого положения и надеется на спасающее слово Германии, тогда готовы отдать себя в распоряжение Германии.

Ибн Сауд страдает от недостатка доходов в результате последнего безденежного пилигримного сезона [Pilgersaison] и должен взять английские деньги. Англичане за это предложили ему порвать отношения с Италией. Ибн Сауд злой из-за английского принуждения и вращается лично с чужими послами и прекратил связь с английским послом. Он проживает постоянно в г. Риад. Если германская армия появится на иракской границе, он будет подыскивать все, что связанное с нами, и объявит готовность для совместной работы. Также надо иметь в виду, что Ибн Сауд может получить протектораты Англии в районе его области, если Англия будет побеждена.

Имам Яхья [Der Imam Jahja] из Йемена был постоянно другом Германии, он готов охотно идти на совместную работу с нами. Но он ждет от нас, что мы ему, в противоположность итальянским притязаниям, дадим независимость. Но это должно быть согласовано с Италией, которое является возможным.

Так же в Египте настроение дружественное Германии и анти-английское. В случае, если немецкая армия продвинется к Суэцкому каналу, египетский народ поднимется против Англии, поскольку ему мы, вместе с Италией, сохраняем независимость. На это так же нужно и возможно согласие Италии.

В Иране каждый дух сопротивления подавляется насильственным режимом шаха. Шах получает деньги от Англии и Америки для сохранения своей семьи и спасения трона, поэтому в сопротивлении английским войскам отказал, хотя в стране были силы, которые могли бы оказать сопротивление.

---

[1] Рукописный текст, вероятно, представляет собой черновой и не выверенный вариант перевода с немецкого на русский языки. В тексте сохранена стилистика переводчика. Оригинальный текст на немецком языке напечатан на пишущей машинке с крупным шрифтом.

Постепенно иранский народ полагается на свои силы. Если мы от Кавказа продвинемся к Западному Ирану, то можем рассчитывать на симпатию и совместную работу от большей части населения, если мы сможем провести нашу пропаганду в среде этой части населения.

Заключение. Армия будет продвигаться от Кавказа через Западный Иран в арабскую территорию. Если мы во время пути используем все возможности для пропаганды, то арабское население будет нас гостеприимно приветствовать и большинство добровольцев вольется в немецкую армию.

2. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ ДЛЯ ПРОНИКНОВЕНИЯ НЕМЦЕВ В АРАБСКУЮ ТЕРРИТОРИЮ [2.) Politische Vorbereitung für ein deutsches Vordringen nach dem arabischen Raum]

Уже сейчас надо подвергнуть арабское население разных стран нашей пропаганде. Этим мы:

а) будем противодействовать сильной английской пропаганде,

б) еще колеблющихся вождей перетянем на свою сторону,

в) препятствовать вербовке солдат Англией,

г) будем поддерживать силы сопротивления, этим мы натолкнем население на акты саботажа,

д) привести население в боевую готовность и выступить, если на это будет дано наше указание.

Время выхода из резерва по отношению к арабской политике будет тогда, когда немецкая армия займет Тифлис. Тогда Гайлани должен организовать новое иракское управление и назначить себя президент-министром и министром иностранных дел, Нави Шаукат — военным министром или министром внутренних дел, д-ра Мохаммад Хассан Сальман — министром образования, а также с указанием еще д-ра Саиб Шаукат и Камеля Гайлани. Выше названные находятся в настоящее время в пути из Истамбула или в скором времени должны выехать.

Соответственно этому должно быть организовано Большое сирийское правительство, организация должна происходить под руководством Гроссмуфти или при его сотрудничестве. Членами этого правительства могли бы быть Шукри Куватли, Хашим эль-Атаси, Адиль Ацми и эмир Адиль Арслан. Они готовы приехать в Германию, как только они буду уверены, что Германия хочет дать Сирии независимость. Одновременно должно быть провозглашено новое иранское правительство, о составе которого надо еще подумать. Эти правительства должны быть тогда признаны Германией.

Для подготовки организации и признания этих правительств надо договориться с тремя вождями этих правительств о будущем нашем положении и руководстве совместной работы Германии с новоорганизованными правительствами. Приготовления к этому вместе с Гайлани и Гроссмуфти уже проходят.

Достигнута согласованность в том, что Гайлани и Гроссмуфти организуют иракско-арабскую армию, которая будет вместе с германской находиться под немецким управлением, что Ирак и Большая Сирия предоставят в распоряжение Германии все военные и экономические вспомогательные средства, сдадут в эксплуатацию земельные богатства Германии и в новом строительстве государственной и экономической жизни <...> стран будут иметь помощь от Германии и других приучастных стран. Эти до сих пор устные, в основном, соглашенные вопросы могут в любое время приобрести жизненные формы.

Провозглашенные три ориентальные управления через ихнего начальника в Тифлисе будут воззваниями и обращениями руководителей управлений сопровождать народ. Вожди должны призвать народ, чтобы он скинул английское ярмо, и выгнать [англичан] из страны, и присоединиться к оккупирующим немецким властям.

Для распространения этих воззваний должны иметься в распоряжении переносные радиопередатчики. Арабские и иранские, также курдистанские и турецкие листовки должны быть напечатаны заранее и держаться наготове в г. Тифлисе. Эти приготовления будут немедленно взяты в разработку.

Вновь организованные управления будут нуждаться в платежном средстве, поэтому иракские, сирийские и, в случае надобности, иранские денежные знаки должны напечататься в Германии и держаться наготове в Тифлисе. Надо рассчитывать на то, что занятые англичанами и евреями банки, находящиеся в этих странах, со всеми платежными будут ими забраны при ихнем отходе. Разговор про печатанье иракских банковских знаков уже улажен с Гайлани. К печатанью денег уже надо приступить сейчас.

Нововосстановленная иракско-арабская армия, которая состоит из трех иракских, одной сирийской и одной палестинско-трансиорданской дивизий, будет проводиться особым штабом Фельми, который находится сейчас в Греции и подготавливается к восстановлению и обучению Арабского легиона. Членами этого легиона должны сперва стать около 500 человек, которые должны найти применение в качестве младших командиров и лейтенантов.

Штаб Фельми будет получать задание от немецкой военной миссии в Арабии. Относящиеся к этому переговоры между генералом Фельми с одной стороны, Гайлани или Гроссмуфти с другой стороны, будут проходить через мое посредство, а именно под моим сотрудничеством. Между штабом Фельми и мною будет поддерживаться связь через посольского советника Гранов.

Часть членов Арабского легиона от Абвер II будут особо обучаться для особых заданий Абвера и особым актам саботажа. Также проведение таких актов должно проходить с моего согласия.

3. МАРШ НЕМЕЦКОЙ АРМИИ ЧЕРЕЗ ЗАПАДНЫЙ ИРАН В АРАБСКУЮ ТЕРРИТОРИЮ [3.) Einmarsch der deutschen Truppen über Westiran nach dem arabischen Raum]

Для вступления немецкой армии в арабскую территорию смешанные моторизованные подразделения будут собраны вместе и обучены, которые для пустынной войны должны пройти специальную подготовку. В <...> значительном числе палестинских немцев, которые могут говорить по-арабски. Поскольку немецкие офицеры и рядовые не могут говорить по-арабски, подвергнуть их обучению арабскому языку. Во всех этих вопросах я состою в переговорах со штабом Фельми.

Dieses Dökument stammt von Unterstaats sekretär Woermann und von mir[1]

GROBBA

ЦА ФСБ России. Р-48558. В 2-х тт. Т. 2. Л. 89—92. Рукописная копия. Машинописная копия на немецком языке — т. 2. л.д. 81—88.

[1] Последняя фраза на немецком языке «Этот документ принадлежит господину статс-секретарю Вёрману и мне» дописана от руки Ф. Гроббой и не переведена на русский язык.

Посланник Карл Клодиус

№ 54
СОБСТВЕННОРУЧНЫЕ ПОКАЗАНИЯ Д-РА К. КЛОДИУСА «АНГЛО-ГЕРМАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ»

21 мая 1946 г.
Москва

Перевод с немецкого

АНГЛО-ГЕРМАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

После Первой мировой войны отношения между Германией и Англией по целому ряду обстоятельств определялись проблемами, которые явились следствием исхода войны и позиций обоих государств по отношению к Версальскому договору.

Сразу же после окончания войны выявилось существенное различие между политикой Англии и политикой Франции по отношению к Германии. Уже на мирной конференции в вопросе аннексии левого берега Рейна и Саарской области Англия встала на сторону Вильсона, который выступил против этой аннексии.

Отношение английских оккупационных войск в Рейнской области к немецкому населению было совершенно иным, чем отношение французских войск. Вскоре оккупационный режим в английской зоне стал еле заметным.

В вопросе о репарациях, который вскоре после подписания Версальского договора стал предметом постоянных переговоров, Англия совместно с Америкой пыталась занять посредническую позицию между Германией и Францией.

Когда Пуанкаре приказал французским войскам вступить в Рурскую область, чтобы взять ее в «залог» и тем самым заставить немцев выплачивать репарации, Англия в этой операции участия не принимала. Тем самым разногласия между Англией и Францией впервые обнаружились открыто. Италия последовала примеру Англии, а Бельгия участвовала в этой операции лишь символически посылкой в Рурскую область некоторых инженеров. Позиция Бельгии привела тем самым к изолированию Франции в этом особенно важном в то время вопросе.

Само собой разумеется, что позиция Англии в первые послевоенные годы имела в Германии большое влияние и под этим влиянием находилась позиция германского правительства и чувства германского народа, хотя естественно, что между Англией и Германией оставалось много разногласий и о действительно дружественных отношениях, ввиду общего положения, тогда еще не могло быть и речи. Во всяком случае, влияние Англии в Берлине было в то время очень велико, и первый послевоенный английский посол в Берлине лорд д'Аберноу[1] (ранее долголетний представитель Англии в турецком правлении по государственным долгам в Константинополе) играл в то время, бесспорно, первую скрипку и чувствовал себя справедливо, в некотором роде, консультантом по внешнеполитическим вопросам при германском правительстве. Какие мотивы были решающими для английской позиции из Германии, разумеется, было трудно сделать определенное заключение.

---

[1] Так в документе, речь идет о британском государственном деятеле и дипломате Эдгаре Винценте Д'Аберноне.

В первую очередь, вероятно, играли роль традиционные соображения о сохранении известного равновесия в Европе. Англии было нежелательно, чтобы Франция имела неоспоримое господство в Западной и Средней Европе, и поэтому она была заинтересована, чтобы Германия стала снова настолько сильной, чтобы в Средней Европе не образовалось «разряженного пространства».

Кроме того, английские финансисты и экономисты были убеждены, что для восстановления до некоторой степени организованного мирового хозяйства необходимо участие экономически разоренной Германии. Отсюда особый интерес Англии к разумному урегулированию вопроса о репарациях. Английская политика желала также с самого начала обеспечить себе решающее политическое влияние в Берлине. Поэтому она внимательно следила за тем, чтобы Германия в своей политике не склонялась на какую-либо другую сторону. Рапалльский договор, как первый признак в этом направлении, был встречен в Англии с особым вниманием, как вообще всякое изменение во взаимоотношениях между Германией и Советским Союзом часто явно сказывалось на позиции Англии по отношению к Германии.

Наконец, известную роль сыграло также сознание, что Версальский договор обременил Германию до пределов возможного, а по некоторым пунктам сверх того так, что демократическому правительству Германии нельзя было сделать его задачу слишком тяжелой.

Старания английской политики урегулировать вопрос путем компромисса были существенно облегчены этими двумя событиями, когда напряженные отношения между Францией и Германией достигли своего кульминационного пункта, и положение в Рурской области вследствие пассивного сопротивления, оказанного всем германским рабочим классом, все больше обострялось.

Министром иностранных дел в Германии стал Штреземан, программой которого являлось непосредственное сближение с Францией. Несколько месяцев спустя выборы во французский парламент привели к решительному сдвигу влево, правительство Пуанкаре ушло в отставку, и сам президент республики Миллеран[I] был вынужден уйти в отставку. Новый премьер-министр Геррико[II] провозгласил теперь готовность Франции вести переговоры непосредственно с Германией.

Английская политика использовала это благоприятное положение для того, чтобы совместно с Америкой найти хотя бы временное разрешение неотложной франко-германской проблемы, по крайней мере по вопросу о репарации. Это удалось осенью 1924 года на Лондонской конференции путем принятия плана Дэвиса[III].

На последующем затем этапе германо-французского сближения, также и в политической области, Англия принимала руководящее участие. При этом она преследовала цель создать политические предпосылки для вступления Германии в Лигу Наций. Локарнский договор[46] являлся самой важной из этих предпосылок. Этот договор не только политический труд Бриана и Штреземана, но также и Чемберлена.

Английский королевский юрист сэр Цециль Херст также принимал существенное участие в юридической разработке и формулировке договора.

[I] Так в тексте, речь идет о французском политическом и государственном деятеле Александре Мильеране, в 1920—1924 гг. президенте Франции.

[II] Так в документе, возможно, речь идет о французском государственном и политическом деятеле Эдуаре Эррио.

[III] Так в документе, здесь и далее речь идет о плане Дауэса.

В результате этого договора должно было быть создано условие для быстрой эвакуации войск из Рейнской области.

Подписание договора в октябре 1925 года явилось не только межевым камнем в развитии франко-германских отношений, но также успехом посреднической английской политики. Но сразу же выявились новые трудности. Вступление Германии в Лигу Наций затянулось до осени 1926 года потому, что между великими державами — членами Лиги Наций, возникли разногласия относительно состава Совета Лиги Наций, что затрагивало Германию лишь косвенно.

При урегулировании этих разногласий английская дипломатия опять сыграла посредническую роль, но на этот раз не между Германией и Францией, а между спорившими великими державами — членами Лиги Наций.

Более серьезные и, прежде всего, затяжные трудности обнаруживались по вопросу эвакуации Рейнской области. Так называемая первая оккупационная зона — занятое англичанами предмостное укрепление в районе Кельна, эвакуация которого, по Версальскому договору, должна была последовать 10 января 1925 года, после вступления Германии в Лигу Наций была эвакуирована в конце 1926 года. Другие две зоны, занятые французами, оставались, как и прежде, не эвакуированными.

Бриан, который, хотя не в силу юридических обязательств, срок выполнения которых был точно установлен, а политически и морально, чувствовал себя обязанным по отношению к Германии и Штреземану провести эвакуацию, не смог победить внутриполитического сопротивления в стране, где между тем Пуанкаре в качестве премьер-министра нового коалиционного правительства снова пришел к власти.

Заключение пакта Келлога[47] летом 1928 года в политической области привело к дальнейшему улучшению германо-французских взаимоотношений. Между тем план Дэвиса оказался невыполнимым потому, что Германия не могла выплачивать ежегодно 2,5 миллиардов марок деньгами, т.е. иностранной валютой, а государства-кредиторы, в первую очередь Франция, из-за хозяйственного кризиса и безработицы в стране не могли согласиться на оплату таких крупных сумм в виде германских товаров. Поэтому эвакуацию Рейнской области Франция поставила в зависимость от условий дальнейшего удовлетворительного разрешения вопроса о репарациях.

В Англии, где, как и в самой Германии, не верили в выполнимость плана Дэвиса, начали подготавливать совместно с Америкой пересмотр международных долговых обязательств. Германо-английские отношения в то время были особенно хорошими. В Германии во время выборов весною 1928 года левые одержали решительную победу. Социал-демократы при наличии 170 депутатов имели свыше 1/3 голосов в рейхстаге. Позиции экспонента политики сближения Штреземана в правительстве, в котором рейхсканцлером был социал-демократ Герман Мюллер, стали сильней, чем когда-либо прежде.

В Англии, примерно в это же время, к власти пришла партия лейбористов, вожди которой — Макдональд, Гендерсон[1] и Сноуден, имевшие личные дружественные связи с лидерами германской социал-демократии, заявили о своей готовности сотрудничать с Германией. Но не только партия лейбористов, но также руководящие финансовые и хозяйственные круги, министерство иностранных дел, английская дипломатия, а также широкие круги

[1] Речь идет о британском государственном и политическом деятеле Артуре Гендерсоне.

консерваторов поддерживали английское правительство, когда последнее преследовало курс компромисса с Германией и посредничало в урегулировании германо-французских отношений.

Причины этого, насколько можно было понять с точки зрения германской дипломатии, были разного рода. Отчасти причины были те же самые, которые сразу после окончания войны оказались решающими для соответствующей позиции Англии.

Эти причины я уже описал вкратце выше. В финансовых и хозяйственных кругах было довольно распространено мнение, что, международное урегулирование долгов является одной из существенных предпосылок для борьбы с надвигающейся угрозой экономического кризиса и что поэтому это урегулирование необходимо в собственных интересах Англии.

К соображениям английских политиков добавлялось еще то, что взаимоотношения Англии с большинством великих держав мира тогда не были свободны от конфликтных материалов, в то время как между Германией и Англией непосредственных противоречий почти не имелось.

Отношения Англии к Америке, хотя внешне и были очень дружественными, но в глубине своей таили некоторые противоречия. В период империалистического капитализма соперничество между обеими руководящими державами крупного финансового капитала было неизбежно.

Сити с завистью смотрело на возрастающую финансовую мощь Уолл-Стрит. Американская промышленность на всех заокеанских рынках и, особенно, в странах Британской империи и даже в самой Англии становилась все более сильным конкурентом английской промышленности, в то время как Америка огородила себя от заграничного ввоза высокими таможенными пошлинами. Поскольку Америка являлась главным кредитором мира, все золотые запасы всех эмиссионных банков медленно, но верно переправлялись в подвалы «Федерального резервного банка».

Соглашение по морскому флоту, заключенное в Вашингтоне[48], не устранило соперничества между обоими флотами. Английское Адмиралтейство не удовлетворилось Вашингтонским соглашением, которое уравнивало оба флота потому, что оно было того мнения, что равенство флотов означает для Англии почти что поражение, потому что Англия в районе Британской империи должна была охранять более протяженные коммуникации, чем Америка.

Кроме того, в Англии опасались возрастающего влияния Америки в некоторых странах империи, [таких] как Канада, Австралия и Новая Зеландия. Особенно в Австралии появились признаки того, что там в некоторых кругах стали смотреть на Америку как на более эффективную защиту против возможной «желтой опасности», чем Англия. Активность Америки в Восточной Азии также не вызывала в Лондоне особой радости. В общем и целом, картина не была такой неомраченной, как это казалось внешне.

Отношение к Советскому Союзу было все еще омрачено воспоминаниями о конфликтах с царской Россией, длившихся на протяжении всего XIX столетия в Азии, которые соглашением от 1907 года, хотя и были временно урегулированы, но окончательно ликвидированы не были.

К этому прибавлялась еще вражда господствующих классов в Англии против коммунизма, и разочарования вследствие неудачи различных, и в первую очередь устроенной Англией, интервенции против Советского Союза.

Но больше всего боялись революционного влияния Советского Союза на Индию и Китай. Преобладающее в то время влияние Советского Союза в

Турции также не было для Англии приятным. Разрыв дипломатических отношений с Советскими Союзом, невзирая на внешний повод, было ничто иное, как результат этих настроений.

Традиционная близость Италии к Англии вследствие победы фашизма стала менее прочной. В самой Англии отношение к Италии стало заметно холодней. Хотя Англия и Италия в своих отношениях открыто до конфликтов не доходили, но все же, например, в инциденте с Горфон Англия заняла явно антиитальянскую позицию. Во всяком случае, взаимоотношения в общем можно назвать скорее холодными.

Отношения Англии с Японией в то время не были столь натянутыми, как несколько лет спустя, но первые признаки агрессивной политики Японии против Китая начали уже бросать тень на старую англо-японскую дружбу.

Союз с Францией все еще продолжал оставаться основным столпом английской внешней политики. Отказ Англии от поддержания требований и претензий Франции по отношению к Германии, обнаружение известных противоречий в англо-французских интересах в восточной части Средиземного моря и Юго-Восточной Европе, где Англия со смешанными чувствами смотрела на перевес Франции и Малой Антанты, и, наконец, вопрос французских военных долгов Англии, — все это явилось результатом известного охлаждения этой дружбы.

Если, таким образом, вообразить, что тогдашнее состояние мировой политики рассматривалось из Лондона, то будет вполне понятным, что Англия, принимая во внимание состояние ее отношений к великим державам мира, не чувствовала никакого желания ради Франции отказаться от поддержания и укрепления хороших отношений с Германией, но стремилась продолжать роль примиряющего посредника, не осложняя своих отношений с Францией.

Между Германией и Англией не было никаких непосредственных противоречий. Возникшая в 1870 году в результате заключенного союза между Англией и Фридрихом Вторым Прусским и длившаяся свыше ста лет англо-прусская дружба была перенесена на новую германскую империю. Приобретение Германией колоний в Африке и Южном море не нарушили этой дружбы. Лишь после свержения Бисмарка германо-английское соперничество на море и некоторые другие причины, как, например, немецкий проект строительства Багдадской железной дороги, привели к англо-германским противоречиям. В 1928—1930 гг. причин для таких противоречий больше не существовало.

Лишь вопрос о возврате старых немецких колоний мог бы явиться поводом к англо-германским разногласиям. Но колониальный вопрос не выдвигался в то время германским правительством на первый план. В то время в Германии было много передовых людей, которые полагали, что колониальная проблема и без того будет поднята с другой стороны, а именно, что колониальные народы сами потребуют своей независимости и что для Германии, исходя для политики дальнего прицела, выгодней не принимать непосредственного участия в этой дискуссии. Если германское правительство никогда официально не пропагандировало этого тезиса, то тогдашнее левое правительство в Германии не отказывалось от этого. Во всяком случае, позиция германского правительства в колониальном вопросе не причиняла в то время Англии никаких беспокойств.

В имевших в то время место частых трениях между Германией и Польшей Англия занимала посредническую, но явно симпатизирующую Германии позицию.

В общем и целом, на пути к дальнейшему англо-германскому сближению не стояло никаких серьезных препятствий, если бы удалось урегулировать германо-французские противоречия и вопрос о репарациях. В этом в общих чертах заключались мотивы английской политики того времени, насколько о них можно было судить из Германии.

Чтобы облегчить урегулирование вопроса о репарациях и исходя из того соображения, что рано или поздно Германия окажется не в состоянии выплачивать дальнейшие платежи, Англия решила отказаться от получения репараций с Германии.

Но все же она потребовала, чтобы Германия выплачивала военные долги Франции до тех пор, пока Америка не откажется от выплаты английских военных долгов. Но поскольку Америка этого не делала, Франция потребовала от Германии, чтобы она уплатила Америке все французские долги и, кроме того, выплатила непосредственно самой Франции значительную сумму в счет репараций. Но так как сумма этих платежей, установленная международным экспертным комитетом, далеко превосходила платежеспособность Германии, потребовались длительные и трудные переговоры, причем Англия, как в экспертном комитете, так и в политических переговорах, занимала роль посредника. При переговорах экспертов особое значение придавалось хорошим личным отношениям между руководителями английского банка Монтегю Норманом[1] и президентом имперского банка Шахтом. На политических конференциях с английской стороны выступали, прежде всего, Гендерсон и Сноуден, причем особенно последний защищал интересы Германии.

В январе 1930 года на второй Гаагской конференции был окончательно принят всеми правительствами новый план Юнга, и эвакуация Рейнской области была намечена на 30 июня 1930 года. Тем самым был достигнут существенный отрезок в развитии германо-английских отношений со времени Первой мировой войны и существенный отрезок в европейской политике вообще.

В марте 1931 года Германия и Австрия решили заключить соглашение о таможенной унии между обоими государствами. Против этого плана стали возражать Франция и Италия, которые заявили, что таможенная уния нарушает Сен-Жерменский договор[49], который запрещал Австрии соединение с Германией.

Английская политика, проявив вначале колебание и поставив в известность германское правительство о том, что она ничего не имеет против таможенной унии, приняла все же под конец сторону Франции. Германская позиция в этом вопросе затруднялась дальше тем, что растущий международный финансовый и хозяйственный кризис в мае 1931 года привел к катастрофе Берлинского гросс-банка и угрожал парализовать платежеспособность Германии.

В июне 1931 года Германии был предоставлен мораторий на один год для всех репарационных платежей, причем на этот раз инициатива исходила не от Англии, а от президента США Гувера. Германии пришлось отказаться от таможенной унии, которой международный Гаагский трибунал устроил первоклассные похороны, причем из 15 международных судей — 7 человек голосовали «за» и 8 человек — «против» соответствия таможенной унии положениям Сен-Жерменского договора.

Вопрос о репарациях обсуждался последний раз на Лозаннской конференции в июле 1932 года[50], где предложенный Гувером мораторий был про-

[1] Речь идет о британском банкире Коллете Нормане Монтагю.

длен на неопределенное время, что практически означало конец всех германских репараций. Английское правительство, где между тем лейбористская партия сменила так называемую партию национальной концентрации во главе с Макдональдом в качестве премьер-министра, который ушел из своей собственной партии, осенью 1931 года девальвацией английского фунта отдало дань кризису и на Лозаннской конференции в вопросе о репарациях оставалась верной своим прежним позициям. Оно выступало за окончательное прекращение германских платежей. В это же время Англия оказала услугу Франции, предоставив ей взять на себя главную часть займа для Австрии, который предоставлялся со ссылкой на Сен-Жерменский договор, запрещавший аншлюсс с Германией. Активность Англии на Лозаннской конференции была последним вмешательством английской политики в основные вопросы, касавшиеся Германии до 30 января 1933 г.

Приход Гитлера к власти хотя и повлиял на настроения по отношению к Германии, но сначала никаких последствий на взаимоотношения с Германией не имел.

Первым внешнеполитическим шагом Гитлера, который вызвал в Англии критику и беспокойство, был выход Германии из Лиги Наций осенью 1933 года. Было совершенно очевидно, что этот шаг будет встречен в Лондоне с неодобрением, так как английское правительство за последние 10 лет постоянно стремилось поднять престиж Лиги Наций и сделать ее по возможности форумом, который разрешал бы все международные политические вопросы. К тому же вопросы, связанные с вступлением Германии в Лигу Наций, доставили английской дипломатии много хлопот, как я об этом уже писал выше. В самом вопросе, которым обосновался выход Германии из Лиги Наций, английское правительство полностью было согласно с германской точки зрения.

До 1933 года Англия пыталась в течение многих лет привести к положительным результатам конференции по разоружению, проводившиеся в пределах Лиги Наций. Но поскольку никто из великих держав, и в первую очередь Франция, не желали серьезно подойти к разрешению вопроса о разоружении, конференции оставались безрезультатными.

Английское вмешательство испытывало препятствия в том отношении, что дело касалось в первую очередь наземного разоружения, поскольку вооружение на море было ограничено Вашингтонским соглашением, которое все еще имело силу. Таким образом, другие страны упрекали Англию в том, что вопрос наземного разоружения, поскольку Англия в нем лично не заинтересована, не может ей быть близок к сердцу. Радикально разоружились лишь Германия, Австрия, Венгрия и Болгария, хотя в Парижских договорах, по которым вышеуказанные страны были обязаны разоружиться, заявлялось, что это разоружение является лишь первой ступенью всеобщего разоружения.

Англия до 1933 года всегда признавала справедливость требования вышеназванных четырех государств о начале всеобщего разоружения и выступала в этом направлении на различных конференциях по разоружению. По вопросу как таковому Англия признавала, таким образом, справедливость германской точки зрения, но, естественно, сожалела, что Гитлер из того, чего не сделали бы правительства Германии до 1933 года, сделал неправильные выводы для того, чтобы заявить о выходе Германии из Лиги Наций.

Когда Гитлер, спустя полтора года, в марте 1935 года, ссылаясь на то, что другие государства не сдержали своих обещаний о разоружении, содержащихся в актах Лиги Наций и в Версальском договоре и, что поэтому Германия не

чувствует себя больше связанной с постановлениями о разоружении, предусмотренными Версальским договором, заявил о восстановлении германской армии, Англия на этот раз опять примирилась. В этом случае в Англии опять-таки меньше критиковалось само дело, чем метод, благодаря которому другие государства были поставлены перед свершившимся фактом. Английское правительство не удовлетворилось в отношении этого факта формальным протестом, но пыталось в области, которая непосредственно касалась Англии, а именно в морских вооружениях, добиться прямого соглашения с Германией. Она изъявила готовность вести с Германией переговоры по вопросу морского флота. Поскольку численность английского флота была определена Вашингтонским соглашением и Англия к тому же не согласилась бы, да и не могла согласиться, с тем, чтобы численность английского флота, который руководствовался численностью других великих морских держав, т.е. в первую очередь Америки и Японии и во вторую очередь Франции, могло повлиять соотношение сил во флоте такой незначительной морской державы как Германия.

Таким образом, практически во время переговоров вопрос шел лишь о германском флоте, о том, какой численности флот была готова Англия разрешить Германии. Переговоры велись еще в 1935 году в Лондоне делегацией, которую возглавлял Риббентроп, и довольно быстро было достигнуто согласие[51]. По поступившим в то время германскому правительству доверительным информациям, английское Адмиралтейство особенно ратовало за ведение этих переговоров в то время, как министерство иностранных дел на успешные перспективы этих переговоров смотрело скептически. Во время самих переговоров Адмиралтейство старалось облегчить достижение положительных результатов.

Состоявшееся соглашение о морском флоте являлось существенным фактором для улучшения германо-английских отношений и доказательством того, что ни выход Германии из Лиги Наций, ни заявления Гитлера о восстановлении германской армии не сбили Англию и Германию с их пути к непосредственному сближению.

Когда спустя непродолжительное время, весной 1936 года, Гитлер снова установил в демилитаризованной Рейнской области гарнизоны немецких войск, английская политика встретила это мероприятие с большим беспокойством потому, что это мероприятие затрагивало Локарнский договор, в котором Англия принимала решающее участие.

По имеющимся в то время в Германии информациям, между Парижем и Лондоном обсуждался серьезно вопрос о войне против Германии, причем французское министерство иностранных дел высказывалось за войну и английское министерство иностранных дел также заняло относительно резкую позицию. Но так как французское правительство не заняло столь энергичной позиции, как французская дипломатия, и решающие политические круги в Англии были против войны, то французское правительство согласилось с аргументами английского правительства в том, что хотя образ действия немцев юридически и по своей форме вызывает возражения, но сама суть дела, собственно, не вызывает больших возражений, так как и без того ясно, что Германия рано или поздно получит в собственной стране неограниченный военный суверенитет. Правда, очевидно, в Лондоне и Париже опасались, что ни английский, ни французский народы не поймут, почему Германии объявили войну, если германские гарнизоны учреждены в немецких городах.

Раздел политики, касавшийся восстановления свободы германских вооружений, начало которых совпало с выходом Германии из Лиги Наций осенью 1934 года, был завершен весною 1936 года оккупацией Рейнской области.

Во время этих 2,5 лет именно эти проблемы занимали первое место в формировании политических отношений между Германией и Англией и в переговорах между обеими странами. Но, наряду с этим, существовал еще целый ряд политических вопросов, которые затрагивали политический интерес обеих стран. В развивающихся событиях особую роль играли, в первую очередь, отношения той и другой сторон к Испании и Италии.

Заслуживающее порицания с моральной и юридических точек зрения вмешательство Гитлера в испанские дела, которое не оправдывалось, кроме того, никакими реальными интересами для Германии, вызывало затруднительную дискуссию между всеми великими державами, центр тяжести которой находился в Лондоне. Английское правительство чувствовало себя в роли посредника.

Создание заседавшего в Лондоне «Комитета невмешательства» следует отнести в первую очередь за счет стараний английской дипломатии. Симпатии английской общественности были на стороне законного испанского правительства, и в этом отношении вмешательство Гитлера в пользу военного мятежа означало дальнейшее затруднение англо-германских отношений.

Германский народ осуждал несправедливое вмешательство Гитлера в Испании в такой же мере, как и английский народ, только с той разницей, что в Англии об этом можно было заявлять во всеуслышание, а в Германии нет.

С другой стороны, рассматривая положение вещей из Германии, в то время создавалось впечатление, что английские авторитетные круги, влияние которых распространялось до английского правительства, были в первую очередь заинтересованы не в том, какая из борющихся сторон одержит победу, а в том, чтобы исход гражданской войны в Испании не помог бы третьей великой державе вытеснить из Испании английское влияние, господствовавшее там уже многие годы.

Естественно, что было нежелательно, чтобы после возможной победы военных мятежников Германия и Италия получили решающее влияние в Испании. Но, с другой стороны, имелись опасения, что победа законного правительства приведет к коммунизму и тем самым к преобладающему влиянию Советского Союза в Испании. И действительно, как показал более поздний ход событий, английское правительство, после того как Франко захватил власть в Испании, немедленно направило свои усилия на то, чтобы восстановить свое влияние при правительстве Франко.

Вскоре после окончания гражданской войны в Испании у германской и итальянской дипломатии сложилось впечатление, что правительство Франко, несмотря на то, что оно пришло к власти с помощью Германии и Италии, в общем было более заинтересовано в хороших взаимоотношениях с Англией, чем с Германией и Италией. В экономической области Испания на протяжении всей войны придерживалась позиции, которая, принимая во внимание тот факт, что правительство Франко задолжало Германии несколько миллионов марок за германские поставки во время гражданской войны, часто принимала по отношению к Германии недружественный характер.

В Берлине и Риме создалось впечатление, что испанское правительство во время войны не заключало никаких экономических соглашений с Германией и Италией без того, чтобы они предварительно не были тайно согласо-

ваны с Англией, причем английский посол в Мадриде сэр Самюэль Хор, который располагал там известным влиянием и умел, очевидно, роковым образом поддерживать англо-американские аргументы, угрожал путем блокады воспрепятствовать ввозу в Испанию продовольствия и сырья.

Наряду с испанским вопросом позиция Германии привела к англо-итальянскому конфликту из-за Абиссинии к известным, хотя и не прямым, германо-английским противоречиям. Как не член Лиги Наций, Германия не была юридически обязанной принимать участие в принятом по настоянию Англии в ноябре 1935 года решении Лиги Наций об экономических и финансовых санкциях против Италии.

Английское правительство, принимая во внимание такое юридическое положение, не делало в Берлине никаких представлений по поводу продолжавшегося итало-германского товарообмена, в то время как по отношению к обоим государствам — членам Лиги Наций — Австрии и Венгрии, которые также не выполняли санкций, предприняло категорические, хотя, правда, безуспешные дипломатические шаги.

Более важным, чем неучастие Германии в санкциях, для Англии был тот факт, что Абиссинский конфликт непроизвольно привел к общему экономическому и политическому сближению между Италией и Германией и что английская политика потеряла на долгие годы свое решающее влияние в Риме, которое она, несмотря на некоторое охлаждение с приходом к власти Муссолини, имела там испокон веков.

Если даже Англия после окончания итало-абиссинской войны и отмены санкций старалась восстановить свое влияние в Риме, то эти старания все же не вышли за рамки известной нормализации англо-итальянских отношений, и вышеописанные интервенция Италии в Испании, посещение графом Чиано Берлина в ноябре 1936 года[52], отношение Муссолини к воссоединению Австрии с Германией, участие Италии в «треугольнике» (Берлин—Рим—Токио) и, наконец, заключение германо-итальянского союза в мае 1939 года[53], а также участие Италии в войне показали, что Муссолини вышел из-под влияния английской политики и что колебания между Германией и Англией уже не носили больше временного характера.

Поворотным пунктом в развитии этих отношений явился англо-итальянский конфликт из-за Абиссинии. Само собой разумеется, что такое развитие не могло остаться без влияния на формирование германо-английских отношений, так как англо-итальянское отчуждение шло параллельно с итало-германским сближением. С одной стороны, усиление германо-итальянских отношений (которые до 1935 года были чрезвычайно холодными и даже почти натянутыми) за счет английского влияния в Италии, разумеется, не могло быть приятным для английского правительства, с другой стороны, — в Англии умножились голоса, и в первую очередь в консервативных кругах, которые, учитывая усиление позиций Германии за последние годы, требовали широкого англо-германского сближения.

После того как Германия стала, употребляя дипломатический термин, снова «способной к заключению союза», она представляла собой больший интерес, чем прежде.

Во время официального посещения Берлина премьер-министром Бальфуром и министром иностранных дел Иденом имели место обстоятельные беседы с Гитлером об общем политическом положении.

Летом 1936 года на олимпиаду в Берлин прибыл постоянный секретарь английского министерства иностранных дел Ванситтарт, который, собст-

венно, как долголетний руководитель профессиональной дипломатии имел большое влияние и был известен не как друг Германии, а как особый представитель французской линии в английской внешней политике. В Берлине он встречался с целым рядом политических деятелей. В Берлине также было немало защитников англо-германского сближения.

Нейрат, который до своего назначения министром иностранных дел был послом в Лондоне, располагал тесными связями с авторитетными политическими кругами Лондона и пользовался там большим уважением.

Герцог Кобургский, который в качестве близкого родственника английского королевского дома провел свою юность при английском дворе, предоставил в пользу англо-германского сближения свои обширные связи и, как президент германо-английского общества, старался пригласить в Германию многих видных англичан и свести их с авторитетными кругами Германии.

В Англии в то время не только лорд Мослей поддерживал стремления германо-английского общества, но также многие представители стоявших близко к герцогу Кобургскому кругов английского общества были готовы действовать в этом же смысле. В Германии также и среди руководителей национал-социалистической партии были сторонники сближения с Англией. В первую очередь здесь следует назвать Гесса, который вырос в Египте и хорошо знал английский склад ума и располагал впоследствии влиятельными связями в Лондоне. Далее идет Розенберг, который в течение долгих лет считался кандидатом для возможной замены Нейрата на посту министра иностранных дел. Он также был сторонником английской ориентации во внешней политике Германии.

Различные официальные выступления и неофициальные контакты все же, кроме как заключение соглашения о флоте, которое последовало еще в 1935 году, ни к каким конкретным результатам не привели. Это объясняется, прежде всего, не тем, что существовали непреодолимые действительные противоречия, а в первую очередь тем, что не могла быть найдена психологическая база для сближения.

Беседы Гитлера с английскими государственными деятелями кончались всегда разногласиями, если даже в соответствующем отдельном случае не имелось к тому никакого повода. Точно такая же картина получалась, когда руководящие лица национал-социалистической партии вели подобные переговоры с английскими представителями.

Естественно, что для немца невозможно с уверенностью сказать, какие причины вызвали недовольство англичан, в какой мере это объясняется конкретными противоречиями интересов, методами политики Гитлера, общей антипатией англичан к национал-социализму или, наконец, недипломатическим и жестким языком, которым велись часто переговоры с немецкой стороны и к которым английская сторона была не привычна.

Немцы же в свою очередь чувствовали постоянное опекание со стороны Англии. Возмущались тем, что Англия считала само собой разумеющимся, чтобы Германия каждое свое политическое действие предварительно согласовывала с Англией, и когда она этого не делала, она получала от Англии выговор.

Далее было оскорбительным то, что Англия равным образом считала вполне естественным, что во всех англо-германских переговорах постоянно речь шла о справедливых и несправедливых пожеланиях или требованиях Германии, в то время как ни одному англичанину не пришло на ум в каком-либо вопросе внешней английской политики поинтересоваться также германским мнением, и каждая попытка немцев высказать свое мнение

встречала резкий отпор как неслыханное и совершенно несправедливое вмешательство в суверенные права Англии.

Гитлер и сторонники его партии внутренне никогда не соглашались с тем особым положением, которое возникло для Германии после поражения в первой мировой войне. Они никогда не понимали, что мирный пересмотр Версальского договора возможен только путем трудных и кропотливых переговоров с участниками договора и что этот договор давал иностранным державам, и в первую очередь Англии, по крайней мере формальное право принимать участие почти во всех вопросах германской политики. Чем больше Гитлер привыкал управлять диктаторски во внутренних делах, не спрашивая даже мнения своей собственной партии, тем тяжелее становилось ему в своей внешней политике считаться с возражением третьих лиц, которые, по его мнению, совсем не участвовали в решении соответствующего вопроса.

Старая германская профессиональная дипломатия, разумеется, понимала данное положение вещей. Ей было известно не только особое положение, возникшее для Германии в результате Версальского договора и последующих к нему дополнений. Она знала также, что в концерте европейских держав внешнеполитические действия, независимо от настоящего, особого положения Германии в новейшей истории, были почти без исключения связаны с трудными дипломатическими переговорами.

Она знала, что германская империя во времена Бисмарка, хотя ему и не было навязано в то время никаких условий, достигала своих внешнеполитических целей только в дипломатическом сотрудничестве с великими державами.

Она знала также, что по неизменным географическим, историческим и другим причинам некоторые великие державы, как Германия, Франция, Италия и бывшая Австро-Венгрия, в своих внешнеполитических действиях в особой мере были зависимы от согласия других государств в то время, как группа таких великих держав, как Англия, Америка и до некоторой степени также Россия были более независимыми и свободными в своих внешнеполитических решениях.

Она рассматривала это раз и навсегда существующее положение не с точки зрения престижа и поэтому не испытывали чувства неполноценности по отношению к англичанам, как, например, так называемые национал-социалистические внешние политики.

Кроме того, в период с 1919 по 1932 год, когда они во времена Веймарской республики имели решающее влияние на внешнюю политику, они доказывали, что существовала возможность путем дипломатических переговоров, как бы трудны и кропотливы они ни были, осуществить действительно обоснованные и справедливые требования Германии о пересмотре Версальского договора без того, чтобы нарушить или нанести ущерб миру Германии и Европы.

Но эти старые профессиональные дипломаты, начиная с 1933 года, день ото дня все больше и больше исключались из дипломатической жизни. Если они и занимали еще руководящие должности, как, например, должности статс-секретарей в министерстве иностранных дел (в первую очередь Булер и Вайцзеккер), то к обсуждению важных внешнеполитических вопросов они не привлекались.

Нейрат, который в качестве министра иностранных дел часто участвовал во всех обсуждениях, видел, как его влияние, если таковое и было в первое время, постепенно уменьшалось, пока он совершенно неожиданно, без всякого предварительного уведомления, не был смещен с поста.

Последний английский посол в Берлине Гендерсон энергично и во всеуслышание жаловался на то, что он с отставкой Нейрата в феврале 1938 года не имеет в Берлине никого из руководящих лиц, с которыми он мог бы серьезно и доверчиво обсудить внешнеполитические вопросы.

Особое затруднение для англо-германского сближения являла собой персона Риббентропа. Еще летом 1936 года, когда Риббентроп заменил в Лондоне посла Геша[1], его личность произвела парализующее действие на дипломатические отношения. Хотя год тому назад он и заключил соглашение о флоте, он не умел вообще ладить с авторитетными английскими кругами. Трудно сказать, что было больше, его антипатия и недоверие к англичанам или же антипатия и недоверие англичан к нему. С обеих сторон эта антипатия обуславливалась не только деловыми причинами, но также и личными. Когда Риббентроп затем как внешнеполитический представитель партии (после того, как он побил своего конкурента Розенберга) стал министром иностранных дел, это, естественно, в еще большей мере повлияло тормозяще на успех всякого внешнеполитического сближения и самих переговоров с Англией.

Выше я изложил довольно обстоятельно психологические и личные мотивы потому, что их знание является необходимой предпосылкой для понимания развития англо-германских отношений в период 1933—1939 гг.

После воссоединения Австрии с Германией, подобно тому, как после введения немецких гарнизонов в Рейнской области, между Лондоном и Парижем происходил обмен мнениями о необходимых мероприятиях. В дни воссоединения, Риббентроп находился как раз с официальным визитом в Лондоне. По имевшейся в то время на этот счет в Берлине информациям, вопрос войны против Германии по этому случаю не принимался в соображение так серьезно, как в 1936 году.

Во Франции, как я уже указал выше, влиятельные круги теперь были также значительно сдержанней.

Хотя общественное мнение в Англии было очень взволновано, но английское правительство воспринимало вещи спокойнее, чему способствовало осторожное поведение Франции, так как оппозиция против присоединения в последние 20 лет исходила не от Англии, а от Франции. Протест против таможенной унии в 1932 году Англия заявила также под принуждением Франции.

В случае воссоединения Австрии с империей с английской точка зрения против самого действия можно было бы меньше сказать, чем против методов, которыми при выполнении этого мероприятия действовал Гитлер. Кроме того, для англичан это было вообще большим огорчением, что Гитлер, а не демократическая Германия, осуществил присоединение.

Английское и французское правительство согласились тогда с тем, что эти соображения, которые могли быть так несимпатичны им и общественному мнению их стран в связи с операцией Гитлера, все же недостаточно вески для войны. Английское правительство все же упрекнуло Гитлера за то, что он дал приказ войскам о вступлении в Австрию и за то, что воссоединение Австрии с империей противоречило договору, заключенному в Германии, и протоколу о займе, заключенному в 1932 году, с которыми была связана только Австрия, а не империя. В связи с этим несомненным юридическим нарушением прав английское правительство ограничилось формальным протестом.

---

[1] Речь идет о немецком дипломате Леопольде фон Геше.

Ни английское правительство, ни английский народ в основном не возражали бы против объединения германского народа в одном государстве, которое до 1870 года существовало в течение многих десятилетий и которое более требовалось немцам, проживающим в Австрии, чем народу самой империи.

Кроме того, фактом, оказывающим влияние на поведение английского правительства, являлось также и то, что на этот раз не только Франция не требовала интервенции, а также по географическим причинам непосредственно причастная к этому Италия на этот раз, в противоположность своей оппозиции против таможенной унии, тотчас же заявила о своем согласии с новым положением.

Вскоре после присоединения Австрии Англия направила в Берлин делегацию для ведения переговоров по экономическим и финансовым вопросам, которые возникли для германо-английских отношений в связи с воссоединением, признав фактически вновь созданное положение.

Трудным местом в англо-германских отношениях являлся вопрос с Судетской областью. В этом случае речь шла не об объединении двух германских государств, которые были заинтересованы в этом, а о потере этой области одной страной и передаче другому иностранному государству.

Гитлер настаивал на своем требовании. Чехословакия не хотела ему уступать и, если бы Франция, согласно союзному договору с Чехословакией, осталась бы верна ей, то война была бы неизбежна и Англия не могла бы оставить Францию на произвол и должна была бы объявить войну Германии. Английская дипломатия, и прежде всего премьер-министр Чемберлен, сделали в эти недели сверхчеловеческие усилия в поисках мирного разрешения вопроса.

Так как английское правительство считало германское требование на Судетскую область справедливым, то усилия английской дипломатии были направлены к тому, чтобы склонить Чехословакию к добровольной уступке области.

Это положение для английского правительства было облегчено тем, что отношения между Лондоном и Прагой были особенно тесны, Чехословакия находилась постоянно под особой опекой Франции. Так как Франция не была склонна к ведению войны из-за Судетской области, то Англия со своей стороны могла легче действовать в Праге в направлении уступки области. После окончания кризиса с Судетской областью Чемберлен стал пользоваться в Германии такой популярностью, как никакой другой английский государственный деятель или какой-либо англичанин до сих пор.

Германский народ был ему благодарен, так как он сочувствовал требованию на самоопределение и помогал ему в достижении успеха. Еще благодарнее были ему за то, что он воспрепятствовал угрожающей войне. Кроме того, его личная деятельность в этом направлении, его три поездки в Германию, произвели большое впечатление. В то время в германском народе, как никогда ранее, была подготовлена почва для дружественного сотрудничества с Англией.

Однако официальная политика шла совершенно по другим путям. Хотя и удалось избежать войны, все же после трех встреч в Мюнхене и Годесберге снова сказалось вышеупомянутое мною дурное настроение, которое с 1933 года явилось характерным сопутствующим явлением германо-английского обмена мнениями. Хотя причина к этому дурному настроению в этом случае могла исходить только с английской стороны, оно все же сказывалось на обеих сторонах.

Вскоре после возвращения Чемберлена в Лондон в Берлине заговорили о том, что будто бы Чемберлен в связи с критикой оппозиции заявил о том, что он попал под давление Германии и должен был советовать чехам пойти на уступки, так как Англия не закончила еще вооружаться. Это вооружение производилось теперь ускоренными темпами.

Правдивы ли эти сведения и насколько, я не знаю и не могу вспомнить о том, говорил ли Чемберлен что-либо в этом направлении, чтобы защититься от критики оппозиции в Палате Общин.

Достоверным все же является то, что отношение к Англии зимой 1938—[19]39 г., в противоположность надеждам и чувствам германского народа, который более правильно оценивал проводимую в то время деятельность английской политики, и прежде всего Чемберлена, для Германии и мира, чем это делало свое политическое руководство, не улучшилось, но, наоборот, стало хуже. Все эти нюансы были совершенно незначительны, когда весной 1939 года оккупировал Прагу.

Этим закончился период германо-английских переговоров и английского посредничества. Оккупация Праги являлась для Англии решительным поворотным моментом в оценке политики Гитлера.

Все ранее проведенные Гитлером мероприятия, как восстановление германского военного величия, создание гарнизонов в Рейнской области, воссоединение Австрии с империей, занятие Судетской области, хотя и вызвали английские протесты против формы, в которой они были проведены, и так как они противоречили юридическим обязательствам, все же они не были восприняты как несправедливые.

Это были ревизионистские пожелания, о которых демократическая Германия уже объявила и с которыми когда-либо должны были согласиться. Однако при оккупации Праги речь шла о вторжении в иностранное государство, чья неприкосновенность была признана в торжественной обстановке за несколько месяцев до того.

Англия по праву чувствовала себя позорно обманутой как раз в тот момент, когда ее политика оказала решительную услугу Германии при занятии Судетской области. Кроме того, было ясно, что цели Гитлера в области внешней политики не ограничивались объединением чисто германских пограничных областей с империей, которые сами хотели возвратиться в лоно Германии, о чем он всегда торжественно заявлял.

Оккупация Праги была для Англии слишком неожиданной, чтобы действовать. Но уже стало ясно, что английское правительство при следующем поводе объявит войну Германии.

Я должен сделать здесь небольшое отступление. Подобные чувства, как у английского народа и английского правительства, после оккупации Праги имело также преобладающее большинство немецкого народа. Германский народ, несмотря на его внутриполитическую оппозицию к национал-социализму, был согласен со значительными внешнеполитическими мероприятиями Гитлера (за исключением участия в гражданской войне в Испании). Народ критиковал нервные и насильственные методы Гитлера, он никогда не желал для достижения одной из этих целей вести войну, однако он имел мнение, что до момента занятия Судетской области речь шла о политических целях, которые поощряло всякое демократическое правительство. И наоборот, оккупация Праги вызвала единодушное отрицательное отношение, за исключением небольшого количества людей внутри партии.

Также и восстановление вооруженного величия рисовалось теперь в совершенно другом свете. Не то было опасно, что Гитлер требовал создания вооруженных сил в Германии, как и во всех странах мира, а то, как он будет теперь использовать новое вооружение.

Настроение в Германии в течение многих лет было не так подавлено, как летом 1939 года. Этому еще способствовало и то, что поворот настроения в Англии, в Германии, конечно, не был известен. Англичане совершенно открыто заявляли своим друзьям в Германии: «При следующем благоприятном случае мы вас изобьем».

Одной из английских реакций на оккупацию Чехословакии, наряду с усиленными и ускоренными темпами вооружения, явилась также возобновленная попытка установления политических взаимоотношений с Советским Союзом.

Когда миссия сэра Стаффорда Криппса внезапно закончилась в связи с заключением договора между Германией и Советским Союзом в августе 1939 года[I], вскоре после этого, 25 августа 1939 года, Англия заключила союзный договор с Польшей. Так как германо-польский кризис уже тогда вступил в неотложную стадию, то цель этого союзного договора в этот момент была совершенно ясна: он должен был поддерживать Польшу против Германии и одновременно заверить Гитлера в том, о чем английская дипломатия уже заявила до этого в Берлине: что Англия в этом случае не будет действовать так, как год тому назад в качестве посредника в пользу Германии, а, наоборот, будет поддерживать Польшу против Германии (до 1932 года с английской стороны неоднократно неофициальным путем давали знать в Берлин о том, что в Англии также считают необходимым пересмотр границы в германо-польском «коридоре»[II]).

В связи с тем, что прогрессивные круги германского народа всегда считали несправедливым ранее проведенный раздел территории Польши между Пруссией и царской Россией и выступали за восстановление Польши в ее национальных границах, то со стороны Германии не имели места никакие территориальные ревизионистские пожелания по отношению к Польше. Только вопрос с «коридором» требовал, якобы, урегулирования. Однако речь идет только о проблеме с сообщением. Об этом, так же как и о статусе города Данциг, при других обстоятельствах должна была быть обусловлена договоренность с Польшей непосредственно. Во всяком случае, настроение германского народа по отношению к гитлеровской операции против Польши было таким же, как и при оккупации Праги.

2 сентября[III] казалось, что в последний момент дело все же окончится компромиссом и войны удастся избежать. Муссолини предложил новую конференцию. Германия и Франция приняли предложение, а также и английское правительство в предварительном ответе обнадежило прием Англии.

Большинство Палаты общин под руководством Черчилля в ночь с 2 на 3 сентября побудило английское правительство отклонить предложение Муссолини и утром 3 сентября английский посол явился в министерство иностранных дел в Берлине и передал английское заявление об объявлении войны, причем это, вопреки всяким дипломатическим обычаям, привело еще к бурной дискуссии между Риббентропом и Гендерсоном. Вскоре после это-

---

[I] Речь идет о пакте Молотова—Риббентропа, подписанном в Москве 23 августа 1939 г.

[II] Речь идет о т.н. Данцигском коридоре.

[III] Так в документе, нацистская Германия напала на Польшу утром 1 сентября 1939 г.

го явился также французский посланник. Франция хотела этой последовательностью выразить то, что на этот раз инициатива исходила от Англии и что Франция неохотно после нажима Англии объявила войну Германии.

О неофициальном германо-английском общении во время войны мне ничего неизвестно.

Различные объяснения о готовности Германии к миру, которые содержались в речах Гитлера, произнесенных им в рейхстаге во время первого военного года, насколько мне известно, остались без ответа. Они были так составлены, что не могли являться основанием для переговоров, если они не были одновременно сопровождаемы конкретными предложениями, направленными конфиденциальными путями.

О подобных предложениях я никогда ничего не слышал. Вряд ли кто серьезно воспринимал видимую готовность Гитлера к миру.

С 1933 года я не занимался больше политическими вопросами, а только экономическими, так что некоторые сведения по политическим вопросам мне известны, хотя непосредственного участия в их разрешении я не принимал. Фактом является то, что о возможном политическом общении Англии с Германией я не знаю, но это не доказывает того, что оно действительно не могло иметь места. Особенно во время войны подобные вещи держались в большом секрете.

Когда Гесс улетел в Англию, то, конечно, очень много дискутировали о том, не получил ли он все же секретное задание от Гитлера. Но я ничего подлинного об этом не слышал. Наоборот, в то время рассказывали, что адъютанты, которые помогали ему при «бегстве», были, якобы, арестованы и, по-видимому, даже расстреляны. Об этом мне также ничего подлинного не известно.

В ходе войны я пытался при каждой представившейся возможности убедить статс-секретаря, а также и самого Риббентропа в том, что нужно пытаться всеми средствами закончить войну дипломатическим путем.

Так как я не был компетентен заботиться об этих вопросах, я, в связи с опытом из моих экономических переговоров или бесед с иностранными дипломатами и впечатлением от моих поездок, воспользовался случаем, чтобы выразить свои взгляды. Из отрицательной позиции, с которой встречались мои представления, я мог только заключить, что Гитлер не хотел предпринимать попыток окончить войну дипломатическим путем или потому, что он вообще считал это бессмысленным, или потому, что он знал, что он никогда не достигнет выносимых условий мира, или потому, что он все еще действительно воображал, что он сможет военным путем добиться победы в этой войне.

При таком изложении я постарался объективно передать понимание различных политических факторов в Англии и Германии в отдельные периоды развития германо-английских отношений и суждение этих факторов об определенных политических мероприятиях, так как полагаю, что подобному объективному изложению будет придано большое значение.

Ниже я еще раз коротко обобщаю важнейшие точки зрения, которые имеют значение для оценки этого развития.

По-моему мнению, первые видимые и временные внешнеполитические успехи Гитлера в 1935—[19]38 годах нужно объяснить тем, что они основывались на доверии, которое завоевала внешняя политика демократической Германии в мире. Это было облегчено еще и тем, что он сначала сделал вид, что он, якобы, продолжает эту внешнюю политику и что он пользуется той же самой терминологией, как до сего времени демократическая внешняя политика.

В большинстве стран мира, прежде всего в Англии, а также среди преобладающего большинства германского народа, утешались тем, что Гитлер, хотя и пользовался насильственными методами, однако он хотел осуществить справедливые ревизионистские пожелания и что он хотел добиться этого мирным путем, без войны.

Затем наступило жестокое пробуждение как с этой, так и с той стороны германских границ. Было ясно, что если Гитлер требовал равенства в вооружении, то он не думал о равноправии и самообороне германского народа, а о вооружении для подготовки к войне.

Было ясно, что если Гитлер требовал возвращения в империю немцев, проживающих за границей, то он не думал о правах нации на самоопределение, их свободе и правах этих немцев вообще, а об аннексии областей для завоевания новых политических и военных позиций.

Было ясно, что Гитлер не удовлетворялся своей мнимой программой объединения всех немцев в одно государство, а что он хотел захватить чужую область и подчинить себе другие народы.

Было ясно, что Гитлер, таким образом, дискредитировал перед всем миром справедливые требования германского народа и создавал для фашистской Германии все новых врагов.

Было ясно, что Гитлер не был намерен соблюдать заключенные договора, и не только ранее заключенные договора Германии, а также и заключенные им самим. Это было окончательно ясно, что Гитлер совершенно не хотел мирной договоренности с европейскими народами, и что он искал только такие державы в качестве союзников, которые проводили агрессивную политику, как и он сам.

Когда это все стало известно миру, и прежде всего Англии, то последний остаток доверия к Германии, который достался Гитлеру от Веймарской республики, окончательно пропал, и для него не имелось больше никакой возможности добиться «мирным путем» хотя бы незначительного внешнеполитического «успеха». Так как он, несмотря на это, с ожесточением и фанатизмом и не слушая ничьих советов, настаивал на своих планах, то это развитие неизбежно привело к войне.

КЛОДИУС

Перевел: переводчик 4 отдела 3 ГУКР МГБ СССР гв[ардии] мл[адший] лейтенант СМИРНИЦКИЙ

ЦА ФСБ России. Н-20912. В 4-х тт. Т. 2. Л. 2—34. Подлинник. Машинопись. Автограф. Рукописный подлинник на немецком языке — т. 2, л.д. 35—84об.

№ 55
СОБСТВЕННОРУЧНЫЕ ПОКАЗАНИЯ Д-РА К. КЛОДИУСА «ГЕРМАНО-ФРАНЦУЗСКИЕ ОТНОШЕНИЯ»

27 мая 1946 г.
Москва

Перевод с немецкого

После первой мировой войны вопрос об отношении к Франции являлся центральным вопросом внешней политики Германии. Почти все вопросы, возникшие в результате поражения и Версальского договора, затрагивали

в первую очередь Францию. Французское правительство всегда являлось по отношению к Германии представителем союзников. Конференция послов, которой было поручено ведение переговоров с Германией о выполнении Версальского договора, заседала в Париже.

Председателем конференции был француз Поль Бонкур. Председателем союзной комиссии по Рейнской области, которая занималась урегулированием вопросов, связанных с оккупацией Рейнской области, был француз Тирар. Председателем союзной военно-контрольной комиссии в Берлине генерал Нолле был также французом. Председателем репарационной комиссии, несмотря на особую заинтересованность англичан в вопросах международных финансов и экономики, был также француз Барту, впоследствии министр иностранных дел.

Поскольку Соединенные Штаты Америки, Италия, Япония, Бельгия и другие участники Версальского договора относительно не выступали на передний план, Англия очень скоро заняла посредническую позицию между Германией и Францией.

Франция выступала в качестве требующей стороны всюду, где речь шла о проведении в жизнь требований Версальского договора, выполнение которых, особенно в экономической и финансовой областях, в то время было связано для Германии с огромными трудностями.

Несмотря на это, правительство Веймарской республики не уклонилось от линии, стремившейся установить непосредственное сближение с Францией. Вопрос об отношениях с Францией был для Германии не только внешнеполитической, но также в значительной мере и внутриполитической проблемой. Духовные и культурные связи между Германией и Францией были всегда особенно тесными. Начиная с 1789 года и со времен Наполеона Франция являлась для всех левых в Германии, можно сказать, для большей части интеллигенции в Германии, политическим образцом.

Вопрос об отношении к Франции, как в хорошем, так и в плохом, как в любви, так и в ненависти, больше волновал умы, чем вопрос об отношении ко всем прочим странам, за исключением России со времени учреждения Советской власти. Таким образом, вопрос, удастся ли правительству Веймарской республики прийти к компромиссу с Францией, становился в то же время решающим фактором для внутриполитической прочности республики. Даже пока во Франции правило победившее на выборах в 1920 году националистическое большинство во главе с Пуанкаре, германские левые правительства строго придерживались линии непосредственного сближения с Францией.

Рапалльский договор явился естественным выражением дружественных отношений к Советскому Союзу, единственной великой державе, которая в то время не предъявляла Германии никаких требований и, наоборот, изъявляла готовность к экономическому и в некоторых областях также к военному сотрудничеству с Германией. Этот договор был после войны первым внешнеполитическим действием, в котором Германия участвовала в качестве равноправного члена и которое укрепило ее внешнеполитическое положение. Но этот договор не был направлен против Франции, хотя заключение его на мирной конференции в Генуе и произвело сенсационное действие.

После непродолжительного существования правительства правых, с осени 1922 до августа 1923 года, было образовано новое правительство левых во главе со Штреземаном, главным пунктом программы которых было опять-таки сближение с Францией, хотя как раз именно в этот период борьба за

Рурскую область привела к особому обострению германо-французских взаимоотношений и у власти все еще оставались националисты.

Лишь с выборами во Франции в мае 1924 года произошел значительный сдвиг влево и был проложен путь для сближения с Германией. Пришедший теперь к власти триумвират лидеров левых партий — Эррио[1], Леона Блюма и Пенлеве — провозгласил также и с французской стороны лозунг непосредственного сближения с Германией. Тем самым явилась возможность тесного сотрудничества между Штреземаном и Брианом, которые в течение пяти с половиной лет, т.е. с мая 1924 года и до смерти Штреземана, последовавшей в октябре 1929 года, оставались важнейшим фактором в формировании германо-французских взаимоотношений.

Остальные этапы и результаты проводившихся в этот период времени переговоров, как-то: план Дэвиса эвакуация первой оккупационной зоны (Кельское предмостное укрепление), Локарнский договор, вступление Германии в Лигу Наций, пакт Келлога, план Юнга, эвакуация всей Рейнской области, я уже изложил ранее в моих показаниях о роли Англии в этих переговорах. Поэтому я ограничусь лишь некоторыми дополнениями, которые имеют особое отношение к позициям Германии и Франции.

Очень важным политическим и психологическим фактором явился Локарнский договор. Существовавшие с 1870 года французские притязания на Эльзас—Лотарингию и вытекающий отсюда призыв к реваншу были причиной плохих франко-германских взаимоотношений и привели к тому, что Францию всегда следовало искать на стороне противников Германии. Если бы теперь, наоборот, Германия настаивала на тех же самых требованиях по отношению к Эльзас—Лотарингии, то старые противоречия продолжали бы существовать дальше. Локарнский договор с признанием Германией новых границ на Западе и содержавшимся в нем отказе от Эльзас—Лотарингии создал первые предпосылки для действительного сближения между обоими народами.

Правильно понимая этот факт, Штреземан затратил много энергии на то, чтобы договор был заключен, несмотря на позицию немецких националистов, причем Штреземана поддержало преобладающее большинство немецкого народа, так что вопрос об Эльзас—Лотарингии с заключением этого договора был действительно окончательно похоронен.

Сознание необходимости германо-французского сближения в последующие годы после заключения Локарнского договора все больше распространялось по обе стороны Рейна. Оно уже не ограничивалось левыми партиями и близко стоявшими к ним кругами. Таким образом, был учрежден комитет культурной связи «Германия—Франция», к которому преимущественно принадлежали представители правых и буржуазного центра. В этом комитете сидели именитые представители крупной промышленности. Председателем с французской стороны был известный лотарингский крупный промышленник Пейерангоф, с немецкой стороны — тогдашний лидер фракции Центра в прусском ландтаге фон Папен, в последующем рейхсканцлер, который уже в течение многих лет особенно выступал за германо-французское сближение.

Штреземан и Бриан вскоре после вступления Германии в Лигу Наций разработали во время встречи в Туари программу дальнейшего расширения дружественных отношений между обеими странами в политической, экономической и культурной областях. В экономической области эта программа

[1] Речь идет о французском государственном и политическом деятеле Эдуаре Эррио.

была осуществлена в результате заключения обстоятельного долгосрочного торгового договора в августе 1927 года.

Впрочем, для осуществления программы, принятой в Туари, было сделано немного потому, что Бриан во Франции, где летом 1926 года Пуанкаре в связи с финансовым кризисом и проведенной им стабилизацией французского франка снова вступил в управление государством, встретил внутриполитическое сопротивление. Ухудшение отношений означало не эвакуацию Рейнской области по Локарнскому договору, в котором хотя и не был предусмотрен точный срок эвакуации, но которая была обещана французской стороной как следствие Локарнского договора. Когда Пуанкаре поставил эвакуацию в зависимость от нового условия, а именно от урегулирования вопроса о долгосрочных репарациях, когда уже был становившийся невыполнимым план Дэвиса, для Штреземана и сторонников сближения в Германии создалось тяжелое положение по отношению к растущей в то время националистической и национал-социалистическими правыми партиями.

Когда, наконец, все препятствия для эвакуации были устранены и 30.6.1930 года она была проведена, психологический результат по обе стороны Рейна был не совсем таким, каким его ожидали сторонники сближения. Для французов эвакуация Рейнской области на пять лет ранее срока, установленного Версальским договором, даже если она и не столь быстро была проведена, означала все же большую предупредительность и яркое доказательство их доверия и их готовности к взаимопониманию.

Когда же отклик в Германии не оказался столь сильным и общим, как ожидали, это вызвало в общественном мнении разочарование и беспокойство. На германской стороне со времени существования Локарнского договора, т.е. уже в течение пяти лет, так много дискутировали по поводу обещанной и не проведенной эвакуации, что когда дело наконец дошло до эвакуации, она потеряла отчасти свой эффект. Определенную роль при этом сыграл также лозунг германской правой оппозиции о «двойных платежах» за эвакуацию в результате Локарнского договора и плана Юнга. Для германских левых и всех поборников и сторонников германо-французского взаимопонимания этот результат был большим разочарованием.

Эвакуация по желанию этих кругов должна была означать не только поворотный пункт к хорошему между Германией и Францией, но в то же время решительный удар против растущей оппозиции правых и внутриполитическое укрепление позиций германского правительства.

Эти ожидания исполнились по вышеописанным причинам лишь в незначительной мере, и во внутренней политике выявились другие факторы, в первую очередь экономический кризис и пугающий рост безработицы, которые были более сильными, чем внешнеполитические успехи, к тому же оспариваемые оппозицией.

Отсутствие Штреземана, который умер за полгода перед этим, означало чувствительную пустоту как для франко-германской политики взаимопонимания, так и для защиты этой политики от правой оппозиции.

Заключение таможенной унии между Германией и Австрией означало попытку германского правительства создать в другом направлении внешнеполитический успех в целях усиления внутриполитической позиции. В возражении против таможенной унии Франция являлась движущей силой. Крушение таможенной унии имело как раз обратный результат. Германо-французские отношения снова ухудшились, и германское правительство за

свое «поражение» подверглось вновь усилившимся нападкам со стороны националистов.

Попытка во время посещения Берлина Лавалем, который между тем стал премьер-министром, и Брианом продолжить германо-французское сотрудничество в духе Штреземана хотя и привела к обстоятельным беседам с тогдашним центристским рейхсканцлером Брюнингом и министром иностранных дел Куртиус, но положительных результатов не дала.

Мораторий Гувера, принятый летом 1931 года, хотя и давал правительству Брюнинга известную передышку, но мало значил для франко-германских взаимоотношений потому, что он объяснялся англо-американской инициативой, которой Франция более или менее добровольно подчинилась. Лозаннская конференция, происходившая летом 1932 года, также не имела никакого заслуживающего внимания последствия на франко-германские отношения.

Когда в 1933 году в Германии к власти пришли национал-социалисты, это естественно вызвало сильное изменение чувств у большинства французского народа и как раз у тех кругов, из которых до этого рекрутировались сторонники политики взаимопонимания, так что о продолжении политики взаимопонимания не могло быть и речи, не говоря уже о том, что круги сторонников политики взаимопонимания в Германии, если они принадлежали к левым, были выключены одним ударом, а те, которые принадлежали к умеренным буржуазным правым, день ото дня теряли свое влияние.

Попытки национал-социалистической стороны создать организации, которые должны были бы продолжать некоторого рода политику сближения, не имели и не могли иметь никакого успеха и были, несмотря или собственно говоря, как раз вследствие государственной поддержки, которая им оказывалась, заранее обречены на крушение. Здесь следует назвать германо-французское общество, управляющий которого, вышедший из бюро Риббентропа Абетц, впоследствии представитель Германии во время оккупации в Париже, развил большую активность, и далее старания Гесса установить связь между бойцами по обе стороны фронта и их организациями[1].

Хотя, таким образом, политика сближения в старом смысле, к которой лучшие умы по ту и эту сторону Рейна стремились как к высокой цели европейского значения, была лишена своей базы, развитие во внешней политике после 1933 года продолжала идти сначала относительно спокойным ходом.

Французский посол в Берлине Франсуа Понсэ пользовался там особым авторитетом и имел с Гитлером лучшие личные отношения, чем любой из его дипломатических коллег. О ходе дипломатических переговоров в связи с важнейшими внешнеполитическими действиями Гитлера, как, например, с выходом из Лиги наций, объявлением военного суверенитета Германии, восстановлением немецких гарнизонов в Рейнской области, воссоединением Австрии с Германией, присоединением Судетской области, я изложил подробно в моих записках об англо-германских взаимоотношениях, в которых отобразил также роль Франции и отдельных факторов во Франции. Таким образом, я могу здесь ограничиться лишь некоторыми дополнениями, которые особенно характерны для франко-германских отношений.

Хотя Франция некоторыми из вышеуказанных действий была затронута в большей мере, чем Англия, и несмотря на то, что особенно в марте

---

[1] Так в документе, речь идет о союзах фронтовиков в Германии и Франции — бывших участников Первой мировой войны.

1936 года именно влиятельные французские круги желали немедленно начать войну против Германии, в противоположность к периоду до 1933 года, она предоставила слово вообще Англии, так что в Германии неоднократно складывалось впечатление, что речь идет собственно об англо-германских вопросах даже тогда, когда Англия в основном, подобно тому, как это случалось до 1933 года, играла роль посредника. Впечатление, что Франция отходила постепенно на задний план, усиливалось с каждым годом. Когда затем осенью 1939 года Англия и Франция действительно объявили войну Германии, французское правительство дало совершенно сознательно понять, что Франция в этом случае следует за английской политикой.

Всегда, когда непосредственно между Германией и Францией происходили переговоры, в которых Англия не принимала участия, с французской стороны старались избежать всякого обострения. Так, например, плебисцит в Саарской области летом 1935 года прошел безо всякого осложнения между обеими странами, хотя агитация перед голосованием давала достаточно материала для неприятных конфликтов. Во Франции было ясно видно, что там никогда не рассчитывали на то, что немецкое население в Саарской области будет голосовать за Францию, и были рады, что благодаря ясным результатам голосования с этим спорным объектом навсегда покончено.

Если в Англии после заключения Мюнхенского соглашения относительно Чехословакии настроения по отношению к Германии ухудшились, то во Франции этого не наблюдалось. Даладье лично возвратился из Мюнхена не с таким плохим настроением, как англичане.

Во Франции его также не встретили с резкой критикой, как членов английского правительства. Французский народ не желал войны и был благодарен за то, что войны избежали. Когда Риббентроп спустя два месяца после заключения Мюнхенского соглашения, в ноябре 1938 года, прибыл с официальным визитом в Париж и подписал там германо-французский пакт о ненападении, устроенный ему прием и настроение народа было, со слов участников с обеих сторон, почти что сердечными.

Нападение Гитлера на Прагу, естественно, вызвало также и в Париже перемену в настроениях, но даже тогда, как я упоминал выше, французы давали еще ясно понять, что при объявлении войны Германии они только следовали за английской политикой. Внешним доказательством этой французской позиции является принятие последнего посреднического предложения Муссолини, которое затем через французское правительство было Англией отклонено.

Для оценки развития германо-французских отношений именно в последние годы перед войной небезынтересен тот факт, что Генеральные штабы обеих сильнейших военных держав — об участии в войне Советского Союза в то время ведь не было речи — не желали этой войны. Согласно всем имевшимся в Германии сведениям, французский Генеральный штаб и лично Гамелэн были против войны с Германией. Даже весной 1936 года, когда война казалась неизбежной, французский генеральный штаб был более осторожен, чем Кэ дэ'Орсей[1], который в то время хотел войны.

Позицию германских военных кругов к Гитлеру и его планам можно охарактеризовать следующим образом. Когда Гитлер пришел к власти, национал-социализм в армии, если не считать небольшую часть молодых офицеров, не находил сочувствия, но поскольку Гитлер был призван в рейхсканцлеры за-

[1]Так в документе, речь идет о МИДе Франции.

конным путем самим Гинденбургом, которого любил весь офицерский корпус, для германской армии из этого не возникло никакой проблемы. Когда в 1933—[19]34 гг. выявились внутриполитические методы Гитлера, то после смерти Гинденбурга осенью 1934 года существовала, пожалуй, непродолжительное время возможность с помощью армии свергнуть Гитлера. Исход был бы, правда, сомнительным, так как Гитлер укрепился у власти очень прочно.

Убийство Шлейхера вызвало в армии большое ожесточение. Но это настроение вскоре изменилось, когда Гитлер весной 1935 года провозгласил военный суверенитет Германии и провел увеличение армии (что было желательно для большинства офицеров по личным мотивам) со всеобщей воинской службой.

Позже в офицерском корпусе снова имели место плохие настроения. Это было, когда генерал-фельдмаршал фон Бломберг бракосочетался с одной дамой сомнительной репутации (причем Гитлер и Геринг выступали в качестве свидетелей при бракосочетании) и генерал-полковник фон Фрич, будучи главнокомандующим сухопутными силами и старшим офицером по стажу службы потребовал отставки Бломберга. Хотя Гитлер и дал Бломбергу отставку, но одновременно он дал отставку также и Фричу, причем последнему с позорной церемонией. Но в то время о более серьезных последствиях такого плохого настроения нечего было и думать.

Новый главнокомандующий сухопутными силами Браухич и, прежде всего, начальник Генерального штаба Бек были настроены критически к военным планам Гитлера. Позиция Бека во время Судетского кризиса привела его неожиданно к отставке. Он выразил точку зрения, что Германия будет не в состоянии в случае англо-французского нападения вести войну с уверенной перспективной на успех, и кроме того, на случай изолированного нападения Германии на Чехословакию он предложил план, который, по мнению Гитлера, требовал слишком много времени, чтобы оккупировать Чехословакию. От него потребовали, чтобы он перепроверил свой план. Спустя несколько дней он доложил, что перепроверка еще раз подтвердила правильность его точки зрения. После этого он был заменен генералом Гальдер. Шесть лет спустя Бек принимал участие в заговоре 20 июля 1944 года и был по приказанию Гитлера убит или застрелился сам.

Договор с Советским Союзом, заключенный в августе 1939 года, был встречен руководящими офицерами армии с большим удовлетворением. Офицеры не забыли поддержки, которую Германия нашла в Советском Союзе во время срока действия постановлений о разоружении по Версальскому договору вплоть до 1933 года, а те из офицеров, которые лично работали в Советском Союзе, были сторонниками тесного сотрудничества с ним.

Кроме того, более старые руководящие офицеры, которые с возрастающим беспокойством смотрели на становившиеся внутренне все более смелыми внешнеполитические действия Гитлера, которые в любой момент могли привести к войне, были рады, что по крайней мере с одной великой державой были установлены ясные и успокоительные для Германии отношения. Кроме того, ожидавшиеся из России поставки были вдвойне важны в случае возможной войны против мировых держав.

Во время польского кризиса поведение Гальдера по форме хотя и было осторожным, но, в сущности, совершенно иным, чем его предшественника Бека во время чехословацкого кризиса. Он также настойчиво предостерегал от риска, так как германские действия против Польши могли привести к

объявлению войны Англией и Францией, и разработал также оперативный план наступления против Польши, который, якобы, также не удовлетворял Гитлера потому, что предусматривал слишком растянутые сроки операции. Как я узнал в то время от военных, срок длительности операции против Польши действительно был существенно сокращен, чем это было предусмотрено оперативным планом.

Когда Гальдер задумал наступление Германии через западную границу, Браухич и Гальдер полагали, что это наступление в той форме, в какой оно затем позже было проведено по приказу Гитлера, было невыполнимо. В чем заключались конкретно их возражения, я не знаю, но слышал в то время, что при этом речь снова шла о длительности операции, численности необходимых сил и в первую очередь тяжелого оружия, а также размерах ожидаемых потерь.

Когда же, несмотря на это, наступление все же удалось, причем в качестве военного руководителя в подготовке и проведении наступления принимал участие генерал-полковник фон Рейхенау, Гитлер окончательно вообразил, что он понимает в стратегии больше, чем все, вместе взятые, генералы. Кроме того, было плохо то, что сопротивление генералов против гитлеровских планов было слабым. Только адмиралтейство и главнокомандующий морским флотом Рёдер имели достаточно смелости, чтобы наступление против Англии, без предварительного достижения превосходства над Англией в воздухе, оценить как абсолютно несостоятельное.

Вследствие того, что немецкая авиация в воздушных налетах на Англию не могла добиться решающего успеха, подготавливавшееся в течение многих месяцев наступление на Англию, условно названное «Морской лев», потребовавшее затраты большого количества материалов, было отменено. Но генералы, как уже было сказано, потеряли силу сопротивления гитлеровским планам, и Гитлер после победы на Западе еще меньше стал считаться с их мнением, чем раньше.

Таким образом, получилось, что сила сопротивления генералов против нападения на Советский Союз оказалась относительно слабой и уже заранее была обречена на бесперспективность, хотя Генеральный штаб расценивал военную мощь Советского Союза совсем иначе, чем Гитлер.

Гитлер, в свою очередь, также считал, что военная мощь Германии для ведения одновременной войны на Востоке и Западе менее достаточна, чем для войны только против Запада, против которой он уже высказывался раньше и был вообще, соответственно указанной выше позиции более старых офицеров по отношению к Советскому Союзу, против войны с Россией.

Позже Браухич и Гальдер как военные специалисты снова заявили о своем несогласии с мнением Гитлера, когда в ноябре 1941 года они высказались против нового наступления на Москву, но, правда, опять безуспешно. Это привело 9 декабря к отставке фон Браухича. Гальдер оставался некоторое время на своем посту, но затем из-за разногласий с Гитлером был также уволен в отставку. Но то и другое было слишком поздно, чтобы что-либо изменить.

КЛОДИУС

Перевела: переводчик 4 отд[ела] 3 ГУКР МГБ СССР ст[арший] лейтенант ПОТАПОВА

ЦА ФСБ России. Н-20912. В 4-х тт. Т. 2. Л. 85—96. Подлинник. Машинопись. Автограф. Рукописный подлинник на немецком языке — т. 2, л.д. 97—115об.

№ 56
СОБСТВЕННОРУЧНЫЕ ПОКАЗАНИЯ Д-РА К. КЛОДИУСА «БОЛГАРИЯ»

5 июня 1946 г.
Москва

Перевод с немецкого

Болгарский народ в течение нескольких поколений воспитывался в духе борьбы за свое освобождение от турецкого господства. После того как турки благодаря русско-турецкой войне в 1877 и первой Балканской войне были почти полностью изгнаны с территории, заселенной болгарами, болгарский народ все не считал удовлетворенными свои национальные интересы.

Чувство вражды, существовавшее до сих пор против турецких поработителей, обратилось против европейских соседних государств, которые нанесли, по мнению болгар, большую несправедливость, когда они во время второй Балканской войны заставили Болгарию отказаться от значительной части территории, которая находилась раньше под турецким господством и почти целиком была заселена болгарами. Болгары тем более были недовольны этим исходом Балканских войн, так как они были убеждены, что вынесли на своих плечах основную тяжесть борьбы против Турции в первой Балканской войне и решающие победы над Турцией в первую очередь являлись заслугой болгарских войск.

Тот факт, что болгары до сих пор не удовлетворены создавшимся положением в результате второй Балканской войны, являлся решающим для всей внешней политики Болгарии в течение 33 лет. Это привело вначале к участию Болгарии в сентябре 1915 года в первой мировой войне, так как Болгария надеялась своим участием в войне против Югославии и Румынии, а позднее также против Греции осуществить свои национальные притязания одним ударом.

Исход первой мировой войны, который принес Болгарии потерю дальнейших территорий, а именно Западной Фракии и узкой македонской полосы восточнее Ниша, заставил болгарский народ предать суду политиков, ответственных за участие Болгарии в войне, в первую очередь министра-президента Родославова и министра Точева, в остальном же ничего не изменилось, и большая часть болгарского народа рассматривала своей национальной задачей в политике дальнейшее объединение всех болгар в единое государство.

Во внутренней политике Болгарии после первой мировой войны произошел поворот вправо. В Болгарии, где имеется мало промышленников, помещиков и городская буржуазия сравнительно незначительна, мелкое крестьянство являлось решающим фактором. Правительство Стамболийского опиралось как раз исключительно на объединенное им в Крестьянскую партию мелкое крестьянство.

Во внешнеполитических вопросах правительство Стамболийского, соответственно с положением Болгарии в то время, вело очень сдержанную политику. Отношения с соседними государствами были чрезвычайно холодными, с Англией и Францией также нехорошими, так как они выступали как исполнители тяжелых военных и финансовых условий договора Нейлли и, кроме того, являлись покровительствующими государствами соседних государств, враждебно настроенных к Болгарии.

Тесные отношения с Германией начали ослабевать, так как болгары были разочарованы поражением, в которое они были втянуты. Правительство Стамболийского искало сближения только с Советским Союзом. К сущест-

вовавшим до сих пор историческим и расовым связям с Россией прибавилась еще сильная симпатия Крестьянской партии к Советскому Союзу.

Насильственный переворот летом 1923 года, во время которого был убит Стамболийский и в результате которого в течение нескольких лет у власти оказалась правая Крестьянская партия сначала с Цанковым во главе, а затем с Ляпчевым как министром-президентом, ничего не изменил во внешнеполитической линии. Крестьянская партия со своим руководителем Гитчевым имела все же большое влияние в стране.

Когда буржуазные правые партии были сменены правительством демократов, т.е. буржуазной, левой партией, Крестьянская партия совместно с демократами образовали коалиционное правительство, а Гитчев в течение многих лет являлся министром внутренних дел, т.е. занимал важный пост для внешней политики после министра-президента.

Внутри демократической партии руководитель партии и председатель палаты Малинов во внешней политике ориентировались на русскую линию. После устранения от руководства Малинова в связи с болезнью министром-президентом был назначен Мушанов, который стоял за политику сближения Болгарии с Лигой Наций, Англией и Францией, которые в то время являлись ведущими странами Лиги Наций.

Несмотря на известные нюансы, болгарская внешняя политика со сменой правительства оставалась верна своей основной линии, как это видно из вышесказанного развития. Среди своих соседей Болгария не имела друзей. Все же можно было установить известную разницу в развитии ее отношений с соседними государствами. Лучшие отношения установились с Турцией. Она являлась единственным соседним государством, к которому Болгария не имела никаких территориальных притязаний.

Мечта некоторых болгарских националистов о болгарской Византии отошла в прошлое, а также не осуществилась надежда после первой Балканской войны о присоединении к Болгарии Восточной Фракии до линии Энос-Мидиа или даже до Чачалдша. Болгария должна была удовлетвориться границей, установленной после второй Балканской войны, которая во время первой мировой войны была немного изменена в районе Адриаполя.

Турция также полностью отказалась от своих прежних европейских владений, и поэтому никаких предпосылок для столкновений между обеими странами не имелось. Все же действительному сближению между ними мешало укоренившееся столетиями недоверие Болгарии к Турции.

Для Болгарии не могло быть безразличным, что Турция вступила в тесную политическую связь со всеми противниками Болгарии и заключила с ними союз, первой и непосредственной целью которого была борьба с болгарскими ревизионистскими желаниями. Во всяком случае это явилось одной из важнейших целей Балканского союза для Греции и Югославии и, в меньшей степени, также для Румынии, которая рассматривала Балканский союз, возможно, как договор о взаимопомощи в борьбе против Советского Союза.

Сама Турция видела в Балканском союзе, возможно, меньше, чем ее партнеры, договорный инструмент, направленный в первую очередь против Болгарии, так как ей больше не угрожала опасность территориальных притязаний со стороны Болгарии и, возможно, думала только, что Болгария может когда-либо стать инструментом в руках какой-либо великой державы.

Однако для болгар оставался в силе тот факт, что турецкие государственные деятели были вдохновителями Балканского союза, и это явилось пре-

пятствием для действительного сближения между обеими странами. Особенно болгарам не нравилось то, что турки пытались склонить Болгарию к вступлению в Балканский союз, что означало бы признание Болгарией статус-кво на Балканах и, тем самым, отказ на территориальные притязания. И все же отношение Болгарии к Турции было лучше, чем к какому-либо другому соседнему государству.

Следующим соседним государством являлась Румыния, с которой Болгария имела более или менее нормальные взаимоотношения. Румыны чувствовали себя по отношению к Болгарии победителями и скоро забыли свои жалобы на поведение болгарских оккупационных войск, когда они находились на небольшой территории Южной Румынии во время первой мировой войны.

Болгарское требование об отдаче Южной Добруджи было не принято Румынией, однако это отступало на задний план по сравнению с заботами о Бессарабии и Трансильвании. К тому же речь шла здесь только о незначительной территории, которая была заселена исключительно болгарами. Кроме того, румынам было ясно, что значимость объекта спора неодинакова для обеих партий. Для Румынии, богатой хлебными областями, узкая полоса, заселенная болгарами, не имела большого значения.

Для Болгарии же Южная Добруджа по этнографическим причинам и как житница имела большое значение. Румыны понимали эту обстановку правильно и были готовы еще задолго до 1940 года добровольно отдать Южную Добруджу, чтобы этой ценой установить длительную дружбу с Болгарией, если бы они в этом не видели опасного прецедента. Они опасались, что своим отказом от южных владений они вызовут притязания своих северных соседей на Бессарабию и Трансильванию.

Таким образом, несмотря на все обстоятельства, Румыния не пошла по пути установления действительного мира с Болгарией и вместо этого заключила совместно с Турцией и другими соседями Болгарии вышеупомянутый Балканский пакт. Все же они постоянно стремились подчеркнуть перед Болгарией, что, несмотря на неразрешенный вопрос с Добруджей, румыны придают особую цену дружественным отношениям с Болгарией. Болгары, исходя из того, что лошадь не может одновременно брыкаться четырьмя ногами, согласились с этими румынскими стремлениями, и потому болгарско-румынские отношения носили в действительности совершенно иной характер, чем это имело место с Болгарией и Югославией.

Весной 1932 года бывший министр-президент и теперь глава государства Турции Исмет Иненю вместе с министром иностранных дел Тефил Арас и через несколько недель после этого также румынский министр иностранных дел Титулеску нанесли официальный визит в Софию.

Подобного рода визит греческих или югославских государственных лиц в Софии был бы невозможен. Взаимоотношения между Болгарией и Грецией оставались натянутыми и проникнуты недоверием. Болгары не делали секрета из своих территориальных требований к Греции, и греческая политика обуславливалась стремлением обезопасить себя против болгарского нападения, как я об этом говорил в отдельности в моем изложении о Греции. К этому прибавлялись еще постоянные трения и противоречия по экономическим и финансовым вопросам. Предусмотренное в договоре Нейли урегулирование свободного болгарского транзитного сообщения через порт Дедеагач не было также осуществлено.

Трудно сказать, являлись ли виновниками в повторных неудачах переговоров по этим вопросам трудности, чинимые с греческой стороны, или неопределенное чувство болгар в отношении того, что, пожалуй, будет лучше, если не будет дана возможность разрешить этот вопрос.

Болгарские ревизионистские требования к Греции преследовали различные цели: крайние националисты требовали Западную Македонию, Салоники, Восточную Македонию с Серрой, Драма, Кавалла и Западной Фракией с Ханти и Дедеагач. Однако официальная болгарская политика не поддерживала этих требований и рассматривала Восточную Македонию и Западную Фракию как цель болгарской ревизионистской политики.

Требование о Восточной Македонии было выставлено также гораздо позднее. На первый план выставлялось только притязание на Западную Македонию. Нет сомнения в том, что болгарское притязание на греческую Восточную и Западную Македонию необоснованно и что население этих областей состоит исключительно из греков, которые хотят остаться в Греции. Не совсем ясно обстоит вопрос с Западной Фракией. Ее заселяет смешанное греко-болгарское население. Однако несомненно, что городское население в своем большинстве состоит из греков.

Провести свободный плебисцит в этих спорных областях на Балканах едва ли возможно, так как после перехода владений из рук в руки порабощенное население выгоняется или добровольно уходит из этих областей.

Болгары обосновывают свои притязания на Западную Фракию не исходя из этнографических причин, а тем, что изъятием этой области Болгария отрезается от Средиземного моря и что для населения Западной Фракии, главным образом в портовых городах, гораздо выгоднее в экономическом отношении принадлежать к Болгарии, чем к Греции. Справедливы или нет требования Болгарии, ясно одно, и это доказало прошлое, что взаимоотношения между обеими странами не могут основываться на дружественной основе, пока у той и другой страны имеются территориальные притязания друг к другу.

Наиболее сложными являются отношения между Болгарией и Югославией. Болгары и сербы (хорваты и словаки исключаются из этого) могут рассматриваться как враждующие братья, ненависть которых к друг другу сильнее, чем между чужими.

Старым объектом спора между обоими народами является Северная Македония, отошедшая после второй Балканской войны к Сербии, которая заселена ни сербами, ни болгарами, а македонцами, а одна часть которых склоняется на сторону Болгарии, другая на сторону Сербии, а третья вообще не хочет ничего знать об этих государствах и желает быть самостоятельной со столицей Скопье или же Салоники.

Наиболее основательной причиной, которую болгары могут привести для своих притязаний на эту область, является то, что в восточной части Северной Македонии (в долине Штрума с гор. Горна-Думая и Петрич), отошедшей не к Сербии, а к Болгарии, не были известны никогда стремления об отторжении от Болгарии.

Из этого и исходят болгары, говоря о том, что все македонцы будут довольны, как только их территория будет объединена в рамках Болгарии, и что вопрос о Македонии, которым европейская политика занимается в течение столетия, может быть разрешен только таким образом.

Македонцы, в первую очередь, сами способствовали тому, чтобы болгарско-югославские взаимоотношения были постоянно натянутыми. Их руко-

водители Протогеоргиев и Иван Михайлов образовали в болгарской части Македонии государство в государстве. В сербской части Македонии перестрелки и групповые столкновения между сторонниками сербского и болгарского лагеря не прекращались. Но даже и внутри отдельных лагерей имелись кровавые столкновения.

Протогеров был убит, якобы, сторонниками Михайлова за то, что он оказался «предателем», так как искал примирения с Сербией. Македонский террор был направлен также против отдельных болгар. В Софии только за 1932/[19]33 гг. было убито в результате внутренних противоречий или кровной мести свыше 300 человек.

На Александровской площади, перед королевским дворцом, однажды произошел настоящий бой, в результате которого было убито несколько человек. Присланная из Македонии полиция не могла или не хотела вмешиваться. Кроме того, очень боялись террора.

К этому времени напряженное взаимоотношение между Болгарией и Югославией достигнет своего апогея. Здание, в котором находилось югославское посольство в Софии, охранялось полицейским отрядом и днем, и ночью. Посол опасался за свою личность. Проходящая через Македонию болгарско-югославская граница была похожа на фронт в позиционной войне с окопами, проволочными заграждениями, ночными осветительными ракетами и частыми перестрелками.

Перелом произошел в мае 1934 года, когда так называемая группа «Звено» (названа по журналу «Кольцо») в результате военного путча с помощью софийских полков захватила власть в свои руки. Руководитель этой группы — Кимон Георгиев, после роспуска парламента создал диктаторское правительство, которое своей первой задачей поставило устранение македонского господства, этого «государства в государстве».

Правой рукой Кимона Георгиева и, вероятно, действительным инспиратором путча являлся бывший полковник Дамиан Вельчев, который до этого бежал от македонцев в Белград. Власть македонской организации в Болгарии с этого времени была сломлена. Иван Михайлов спасся бегством за границу, предположительно в Константинополь.

Перестрелки прекратились, на болгаро-югославской границе наступило спокойствие. С этого времени взаимоотношения между Софией и Белградом стали более спокойными. Правда, македонский вопрос все еще не был решен между обеими странами, но он уже не являлся предметом постоянных разногласий. В первый период господства партии «Звено» наступил даже такой момент, когда можно было ожидать действительного понимания между обеими странами.

В последующие годы руководство внешней политикой все больше и больше переходило в руки царя Бориса. Позиция царя за эти годы претерпела некоторые изменения. После того как его отец Фердинанд, который управлял страной довольно самодержавно, отказался от престола, роль молодого царя Бориса ограничивалась только церемониальной стороной. Такое же положение оставалось и при правительстве Стамболийского. Но и после путча, в результате которого был смещен Стамболийский, в этом вопросе изменилось немногое, и взаимоотношения Бориса и Цанкова не носили характера особого доверия.

Молодой Борис был чрезвычайно осторожен и сдержан и в течение последующих лет шаг за шагом завоевывал свои позиции в политике страны.

Во внутренней политике он был действительным демократом и уважал особенно точно права парламента и партий. Его упрекали даже в том, что он не совсем энергично вмешивался в некоторые вопросы, так, например, когда страна была обеспокоена македонскими беспорядками.

Его укрепленной за 15 лет позиции был нанесен тяжелый удар, когда в ночь с 18 на 19 мая 1934 года офицеры гвардии ворвались в его дворец и заставили его под угрозой оружия распустить старое правительство и назначить министром-президентом Кимона Георгиева.

Соответственно своей натуре, он подчинился в то время этому требованию, но когда влияние партии «Звено» стало ослабевать, он восстановил парламент снова в своих правах. Начиная с этого времени, т.е. примерно с 1936 года и до своей смерти, он оказывал также решающее влияние и на внутреннюю политику. Однако его действительным полем была внешняя политика.

Отец его был немец, мать — француженка, жена — итальянка. Кроме того, он имел близкое родство с английским королевским двором, на который он, как и все члены дома Кобургов, возлагал большие надежды. Все это сделало его настоящим космополитом.

Он говорил на пяти или шести языках, чувствовал себя почти во всех государствах Европы как дома и мог прекрасно использовать в интересах своей страны обширные связи во время своих многочисленных поездок. Это обеспечило ему большое влияние на болгарскую внешнюю политику еще в то время, когда он еще не укрепил свои позиции внутри страны.

Примерно начиная с 1936 года, он вел многочисленные внешнеполитические переговоры лично с заграничными государственными представителями. Соответственно его осторожной натуре, он старался обеспечить для Болгарии все выгоды для будущего развития, не отказывался ни от каких ревизионистских притязаний Болгарии, не подчеркивая это, однако, слишком на внешнеполитической арене, и, наконец, стремился к тому, чтобы Болгария как можно дольше не связывала себя ничем.

Борис сравнительно часто бывал в Германии, однако ездил туда всегда неофициально, и в большинстве случаев о его поездках ничего не сообщалось в печати. Обычно он летал самолетом, в тот же день встречался с Гитлером и возвращался обратно. Он был одним из немногих государственных деятелей, которые имели возможность беседовать с Гитлером с глазу на глаз.

Когда в 1939 году началась война, Болгария сохранила свой нейтралитет. Экономические связи с Германией сохранились в довоенном объеме. Ввиду того, что еще до войны 50% болгарского экспорта направлялось в Германию, Германия ничего от нее больше не требовала. Когда в 1940 году Румыния потеряла Бессарабию и Трансильванию и болгары начали настаивать на урегулировании вопроса с Добруджей, Германия поддержала болгарские притязания. Румыния не чинила в этом отношении никаких трудностей потому, что, как мною было упомянуто выше, она не выполняла ранее болгарские требования только потому, чтобы не создавать прецедента. Теперь эта причина отпала.

Осенью 1940 года Болгария присоединилась к пакту Трех держав. Тем самым она впервые объявила о своей принадлежности к группе держав, возглавляемых Германией и Италией. Это обязательство не требовало от нее нейтралитета. Первым нарушением нейтралитета явилось согласие Болгарии пропустить германские войска, находившиеся в Румынии, на болгаро-греческую границу весной 1941 года, затем участие в занятии части Югославии и, позднее, части Греции.

Болгарам казалось в то время, что настал момент осуществления их национального объединения, к которому они во внешней политике преследовали в течение последних 30 лет. При проходе германских войск через Болгарию их встречали с ликованием и цветами. Тайные переговоры царя Бориса с Гитлером, казалось, принесли свои плоды: Болгария получила согласие от Гитлера на занятие всех областей, которые она считала болгарскими, за исключением Западной Македонии. Эти события явились для самой Болгарии неожиданностью. Раньше германская политика никогда не обещала Болгарии конкретной помощи в ее ревизионистских притязаниях. Взаимоотношения Германии с Грецией были дружественными, и Германия не имела к Греции никаких особых политических интересов.

С Югославией существовала особенно тесная политическая связь. Уже во время войны Югославия заявила, что, несмотря на свою принадлежность к Малой Антанте, она придает большое значение хорошему политическому взаимоотношению с Германией. Германская политика поэтому не только не поддерживала болгарских ревизионистских требований к Югославии, а, наоборот, стремилась в течение многих лет сгладить противоречия между обеими странами.

Только итальянское нападение на Грецию, произведенное без согласия Германии, и военный путч в Белграде, благодаря которому было аннулировано присоединение Югославии к пакту Трех держав, дали Гитлеру повод полностью порвать с политической линией, которая до сих пор проводилась в отношении Югославии и Греции, и без основательных причин и права напасть на эти страны. Это создало для Болгарии неожиданно такую обстановку, которая обещала выполнить все ее политические замыслы.

Мне неизвестно, как Борис отнесся к нападению Германии на Югославию и Грецию, во всяком случае, можно с уверенностью сказать, что с болгарской точки зрения он хотел извлечь из этого как можно больше выгод. Болгарский народ не понял бы этого тогда, если бы ответственные руководители болгарской политики действовали иначе, в особенности потому, что в Болгарии в то время никто не знал о намерении Гитлера напасть через месяц на Россию. В остальном Борис стремился не давать со своей стороны никаких обещаний. Болгария принимала участие в войне действительно только как оккупационная власть.

Военная помощь против Югославии от нее не потребовалась, так как сопротивление Югославии продолжалось лишь несколько дней, а против Греции была нежелательна, так как участие болгар в борьбе вызвало бы со стороны греков усиленное сопротивление. Против войск великих держав болгар нельзя было использовать, учитывая их особенности. Кроме того, не имелось театра военных действий, где бы болгары могли сражаться против англичан или американцев.

То, что болгарские войска не могли быть использованы в войне против Советского Союза, следовало из традиционного чувства болгар к русскому народу. Борису удалось убедить в этом и Гитлера, поэтому к Болгарии не были предъявлены эти требования, как это имело место с Венгрией.

Положение Болгарии в некотором отношении было похоже на положение Венгрии. Оба народа не хотели, чтобы большое преобразование в Европе прошло бы мимо, не осуществив их собственных национальных притязаний. Однако обе страны хотели осуществить эту цель, не принимая участия в войне против великих держав. Обе желали как можно дольше оттянуть разрыв

дипломатических отношений с Англией и Соединенными Штатами и ждали до тех пор, пока последние не проявили инициативы со своей стороны. Обе не желали принимать участие в войне против Советского Союза.

В отличие от Венгрии, Болгарии удалось также и в этом последнем вопросе провести свою точку зрения и избежать не только участия в войне, но и разрыва дипломатических отношений с Советским Союзом. Это можно объяснить частично особой ловкостью царя Бориса по отношению к Гитлеру и отчасти тем, что Борис смог уверить Гитлера, что Болгария не располагает необходимыми условиями.

При таком положении дел вопрос об активном участии Болгарии в войне вставал бы в таком случае, если бы Турция вступила в войну. Болгары на протяжении всей войны были того мнения, что в Берлине недостаточно серьезно учитывали эту опасность. Когда в 1943 году транзитом через Болгарию в Турцию переправлялись немецкие военные материалы, болгары сделали в Берлине представление, что Германия поставляет военные материалы стране с тем, чтобы она использовала их против Болгарии.

Самое лучшее было бы, если бы болгары могли воспрепятствовать этим транзитным перевозкам. Если в Берлине и не верили в возможность нападения Турции на Болгарию, то, во всяком случае, для Болгарии было желательно, чтобы участие в войне болгарских войск ограничивалось тем, что они представляли бы собой резервную армию на случай вступления Турции в войну.

Наряду с этим, правда, болгарские войска использовались в возрастающей мере в качестве оккупационных войск в Югославии и Греции. В Югославии болгары заняли в первую очередь рекламированную ими как болгарскую территорию — Северо-Западную Македонию до Охридского озера, т.е. включая особо желательный для болгар — старую болгарскую святыню — Охридский монастырь. Постепенно под оккупацию болгар попала почти вся территория старой Сербии. Если это делалось с тем, чтобы освободить немецкие войска для других целей, то это означало дальнейшее затруднение положения Германии по отношению к сербскому народу.

Подобное положение вещей было также в Греции. Там вызвало большое смущение то обстоятельство, что уже весною 1941 года не только Западная Фракия, но также и Восточная Македония были предоставлены в распоряжение болгар. Греки не забыли, что именно немцы в 1912 году после второй Балканской войны особенно были заинтересованы в объединении Восточной Македонии с Грецией, и были тем более возмущены, что теперь эту греческую территорию Гитлер отдает болгарам. Беспокойство возросло, когда болгары затем позже заняли также Восточную Македонию (за исключением города Солоники), несмотря на то, что здесь так же, как и в Югославии, болгарские войска заменили немецкие с тем, чтобы освободить их для других задач.

Занятие болгарами Северной Македонии привело, между прочим, к трениям между Болгарией и Италией. Отношения между Болгарией и Италией были всегда очень холодными, хотя, собственно, для этого не существовало никаких видимых причин, поскольку между обеими странами не было прямых противоречий, антипатия исходила с болгарской стороны.

Итальянская политика, наоборот, всегда добивалась расположения Болгарии и, принимая во внимание существующие противоречия с Югославией и Грецией, стремилась добиться политического сближения. Эти старания остались без успеха, и даже брак царя Бориса с одной из дочерей итальянского короля в 1930 году мало в чем изменил существующее положение.

Хотя Борис и поддерживал отношения с итальянским королевским домом, но настроения среди итальянского народа оставались по-прежнему отрицательными. Когда весною 1941 года Италия заявила свои притязания на заселенную албанцами область по другую сторону восточной границы Албании и, особенно, берег Орхидского озера, между Италией и Болгарией выявились первые конкретные противоречия. Хотя и пришли быстро к договоренности относительно границ между обеими зонами, но непосредственное соседство имело своими последствиями постоянные мелкие трения.

Если царь Борис принимал деятельное участие в формировании судеб своей страны, то это не значит, что он закрывал глаза на серьезную опасность, которую могло принести с собой для Болгарии вышеописанное положение вещей. С другой стороны, в соответствии с демократической точкой зрения его позиции, он верил, что должен проложить путь для осуществления упований и пожеланий большинства болгарского народа, его национальных чаяний на протяжении десятков лет и что болгарский народ не поймет, если его политические вожди оставят не использованным какой-либо представляющийся в этом отношении случай. Так, например, дело с запутыванием Болгарии в войну между великими державами он попытался ограничить настолько, насколько это было в его силах.

Вышеизложенные показания о болгарской внешней политике и о влиянии царя Бориса на эту политику основаны отчасти на моих встречах с царем Борисом, которого я знаю со времени моей дипломатической деятельности в Софии в 1932 году и с которым я встречался на протяжении последующих лет при встречах в Софии или во время одновременного пребывания с ним в других городах, например в Риме (переговоров с Болгарией, за исключением совершенно короткого совещания весною 1941 года о сохранении экономических интересов Германии на оккупированной Болгарией территории, я не вел).

После смерти царя Бориса в 1943 году болгарская политика продолжала вестись в том же духе. Члены Регентского совета и новый премьер-министр Божилов в качестве членов правительства принадлежали ранее к сотрудникам царя Бориса.

Его брат Кирилл не имел при жизни Бориса никакого видимого политического влияния. Когда в 1943—1944 гг. становилось все яснее, каков будет исход войны, болгарская политика становилась постепенно осторожней и сдержанней также и в экономических вопросах.

В особенности последний министр внешних дел Драганов, который, будучи послом в нейтральной стране (Мадриде), имел возможность получать обширную информацию с противной стороны, изъяснялся очень осторожным языком. Но в этой стадии развития событий вряд ли болгарское правительство могло изменить что-либо в принятой однажды основной линии болгарской политики до тех пор, пока Красная Армия не показалась на болгарской границе.

КЛОДИУС

Перевела: оперуполн[омоченный] 4 отдела 3 Главного управления контрразведки МГБ СССР ст[арший] лейтенант СТЕСНОВА

ЦА ФСБ России. Н-20912. В 4-х тт. Т. 2. Л. 116—129. Подлинник. Машинопись. Автограф. Рукописный подлинник на немецком языке — т. 2, л.д. 130—155.

№ 57
СОБСТВЕННОРУЧНЫЕ ПОКАЗАНИЯ Д-РА К. КЛОДИУСА «РУМЫНИЯ»

8 июня 1946 г.
Москва

Перевод с немецкого

На протяжении десятилетия с 1930 по 1940 год внешняя политика Румынии в значительной степени находилась под влиянием короля Кароля и была им определена. Основой этой политики являлось политическое сотрудничество с Францией и Англией.

На этой основе Кароль имел разногласия со своим министром иностранных дел Титулеску. Представителями подобного курса являлись также Либеральная партия и, особенно, ее руководитель Братиану[I], а также Татареску[II], который почти пять лет являлся премьер-министром, а затем румынским посланником в Париже. Этот курс отвечал не только положению, создавшемуся в связи с первой мировой войной, но также симпатиям большей части румынского народа к французской культуре.

Эта политическая линия была дополнена стремлением одновременно поддерживать с Германией тесные экономические отношения. Фактом, служащим мерилом для этого стремления, было то, что Германия являлась лучшим покупателем всех румынских изделий, и Румыния привыкла к тому, чтобы получать большую часть необходимых промышленных изделий из Германии.

Затем, вероятно, имелось также желание избежать односторонней ориентации внешней политики и, тем самым, слишком большой зависимости от Франции и Англии. Получилось так, что Германия за последние 10 лет перед войной постоянно занимала в румынском экспорте первое место. Только в финансовой области Франция осталась в Румынии на ведущем положении, потому что в предшествующие годы она дала Румынии большие военные займы. Доход от этих займов был использован на закупку военных материалов во Франции и Чехословакии.

Кроме того, румынская нефтяная промышленность находилась преимущественно в руках английских и французских нефтепромышленников. Весной 1935 года был заключен новый торговый договор и расчетное соглашение. Эти договора до 1944 года создали основу для экономических отношений между обеими странами.

Распадение Малой Антанты принесло для Румынии определенный сдвиг, но не основательное изменение внешней политики. Югославия уже в течение нескольких лет придерживалась тенденции более тесного сближения с Германией не только в экономическом, но и в политическом отношении.

Румыния также уже признала, что она не считала больше Малую Антанту органом для защиты Чехословакии от Германии. Когда затем Малая Антанта осенью 1938 года в ее борьбе против венгерских требований о ревизии, направленных против Чехословакии, не была поддержана Большой Антантой, она полностью распалась, и Румыния не искала больше политического сближения с западноевропейскими державами через Малую Антанту, как это было до сего времени, а осуществляла это непосредственно.

[I] Речь идет о румынском политическом деятеле Дину Братиану.

[II] Речь идет о румынском государственном и политическом деятеле Георги Татареску.

Главный представитель политики Малой Антанты в Румынии Титулеску отошел от политической жизни. Так как распад Малой Антанты нанес ущерб внешнеполитическому престижу Франции, чьим инструментом она, Малая Антанта, являлась, то центр тяжести политики — не затрагивая существующих симпатий к Франции в области культуры, — передвинулся для Румынии из Парижа в Лондон.

В ноябре 1938 года, непосредственно после распада Малой Антанты, Кароль сделал визит в Лондон для того, чтобы вести переговоры о более тесном политическом сближении Румынии с Англией.

Верный своей политике, не желая совсем порывать связь с Германией, Кароль на обратом пути посетил Гитлера. Обмен мнениями по политическим вопросам не дал значительных результатов.

Однако когда Кароль после своего возвращения в Бухарест приказал казнить руководителя «Железной гвардии» Кодреану и 10 других «железногвардейцев», то создалось впечатление, что он получил от Гитлера свободу действиям, направленным против «железногвардейцев». Отголоском этой беседы между Каролем и Гитлером явилось политическое недовольство. Одновременно Кароль имел в Германии обстоятельную беседу с Герингом о более тесном экономическом сотрудничестве между Германией и Румынией.

Эта беседа принесла свои плоды — она имела следствием заключение нового германо-румынского экономического договора (так называемого благотворительного договора). Это соглашение содержало программу расширения румынского хозяйства. Программа должна была быть выполнена с помощью Германии, т.е. с помощью германских поставок, по германским планам и с помощью германских инженеров, а также за счет предоставления германского кредита. Подписание этого договора последовало вопреки протесту, переданному английским правительством через румынского посла в Лондоне Тилеа[1] или спровоцированному последним.

Спустя несколько месяцев, впервые после окончания последней войны, последовало заключение соглашения о поставках военных материалов (авиационные приборы) из Германии, в то время как оснащение румынской армии современными видами оружия до этого времени шло почти исключительно за счет Франции и в значительной степени Чехословакии (заводы Шкода и оружейные заводы в г. Брюнн).

В апреле 1939 года министр иностранных дел Румынии Гафенку сделал официальный визит в Берлин. Гарантия, данная англичанами Румынии в отношении ее границы в мае 1939 года, хотя и не была подтверждена в договоре, все же была официально воспринята румынским правительством во время торжественного заседания парламента.

Эта гарантия снова бросила тень на германо-румынские отношения, т.к. несмотря на то, что она непосредственно не была направлена против Германии, а против соседних с Румынией стран, все же рассматривалась в Берлине как дальнейший шаг к присоединению Румынии к политическому лагерю, направленному против Германии.

После начала войны в 1939 году Кароль продолжал внешнюю политику, проводимую до сего времени, т.е. политическое сближение с Англией и Францией и экономическое сотрудничество с Германией. Во внутриполитическом положении Румынии определились между тем глубокие изменения. Вскоре после своего возвращения в 1930 году Кароль показал склонность к

---

[1] Речь идет о румынском дипломате Виореле Вирджиле Тилеа.

самодержавному режиму, все же он правил, опираясь на парламент с политическими партиями.

Начиная с 1936 года он шаг за шагом перешел к политике диктатора. Парламент был закрыт, партии запрещены, и сохранялся только сенат. Была создана партия «Отечественный фронт», все чиновники и все зависящие от правительства лица были вынуждены вступить в эту партию. Вся молодежь путем мероприятий правительства была объединена в молодежную организацию этой партии.

Король Кароль образовал правительство совершенно независимое от партий и сам определял внешнюю и внутреннюю политику страны. При этом министры были выбраны им из кругов бывших руководителей партий, которые были распущены. Однако при назначении бывших руководителей партий на должности министров они были названы не как представители партий, а как отдельные лица.

Все министры вступили в созданный королем единый фронт. Большинство этих министров пришло из кругов Либеральной партии, которая, как представительница промышленности и финансов при ее особой франкофильской установке, стояла на стороне политики Кароля. Так, например, министр экономики, министр финансов и президент Национального банка Митица Константинеску, который продолжительное время являлся главой всей финансовой и экономической политики.

Кароль назначил в состав правительства также нескольких людей из Национал-царанистской партии, так, например, премьер-министра Арнауда Калинеску, который в сентябре 1939 года был убит приверженцами «Железной гвардии», т.к. он во время казни Кодреану являлся министром внутренних дел и поэтому наряду с Каролем нес в первую очередь ответственность за эту казнь. Затем министр иностранных дел Гафенку и уже названный посол в Лондоне Тилеа.

В области внешней политики три вышеназванные личности также выступали за сближение с Англией и Францией. В общем, Национал-царанистская партия в отношении культуры стояла ближе к Германии, чем к Франции, т.к. румыны из Трансильвании, из которых состояла старая национальная партия, до ее слияния с царанистской крестьянской партией, в большинстве своем еще в старой Австро-Венгерской монархии получили немецкое воспитание.

Действительные руководители Национал-царанистской партии все же не были привлечены Каролем к работе. Между Каролем и Маниу имелись такие резкие противоречия, которые можно было обосновать только враждебностью личных отношений.

Руководители старой царанистской крестьянской партии Михалаки и Лупу в политическом отношении стояли к королю в левом крыле. Кароль от случая к случаю привлекал к сотрудничеству отдельных лиц не только из названных двух больших партий, а также из мелких партий, за исключением коммунистической, социалистической и, конечно, «Железной гвардии».

Так, например, премьер-министр Гога хотя и короткое время, но все же руководил правительством, в котором Ион Антонеску являлся военным министром. Правой рукой короля являлся маршал двора (гофмаршал) Урдереану, который не принадлежал ни к какой политической партии и ранее в чине полковника был адъютантом короля. В последнее время он имел большее влияние на короля, чем премьер-министр.

Когда Румыния летом 1940 года в течение нескольких месяцев лишилась Бессарабии и Северной Буковины, Северной Трансильвании и Южной Добруджи, наступила катастрофа во внешней политике Кароля. Румыния была полностью изолирована. Малая Антанта уже давно распалась, Балканский союз не имел реальной силы. Соседние с Румынией страны, — Венгрия и Болгария, — являлись ее противниками. Франция была побеждена Германией и обезоружена. Английская гарантия, данная Румынии в отношении ее границ, оказалась недействительной. Отношения с Италией становились все хуже, при наличии тесных политических связей между Италией и Венгрией. От Германии нельзя было ожидать какой-либо поддержки, т.к. Румыния в политическом отношении никогда не обращалась к этой стране.

Что же касается сотрудничества в области экономики, то выполнение поставок во время войны в объеме довоенного времени означало только поддержание конкретного нейтралитета. Таким образом, Румыния осталась ни с чем.

Кроме того, Румыния боялась Советского Союза потому, что СССР еще со времени первой мировой войны остался в памяти у румын, т.к. Советский Союз никогда не признавал отторжения Румынией Бессарабии. Эти опасения внезапно возросли после присоединения Молдавской Республики к Советскому Союзу.

В таком же положении, как Румыния, которая была изолирована в вопросах внешней политики, находился Кароль, который был изолирован от внутренней политики своего государства. Разгромленные королем старые партии, конечно, являлись его противниками; его связи с госпожой Лупеску тяготили его позицию по отношению к широким кругам. Единый фронт, образованный Каролем в критический момент внешнеполитических неудач, как это нужно было и ожидать, оказался бессильным фантомом.

Следствием такого положения в стране явилось то, что один-единственный человек, Ион Антонеску, который не являлся руководителем военной партии или военного путча, а был уволенным генералом и личным противником короля, только благодаря поддержке жалких остатков «железногвардейцев», которые не имели ни руководства, ни организации и насчитывали в своих рядах несколько тысяч человек, смог без борьбы удалить короля из страны.

После того как Антонеску пришел к власти, он сделал вывод на основании вышеизложенной катастрофы внешней политики Кароля и изоляции Румынии о том, что Румыния должна порвать с политикой, проводимой до его прихода к власти, и искать сближения с другими странами, т.к. английская гарантия в отношении границ Румынии потеряла всякое значение, Антонеску рассчитывал на сближение с Германией. Первым шагом в этом направлении являлась отправка германской военной миссии в Румынию.

В вопросах внутренней политики Антонеску не имел единомышленников. За собой он не имел ни военной, ни гражданской партии. Остатки «Железной гвардии» состояли из молодежи и не имели в распоряжении людей, которые бы имели политический опыт. Союз с «Железной гвардией» больше подрывал авторитет Антонеску среди румынского народа, чем укреплял его позицию. Таким образом, Антонеску находился сначала в условиях политической изоляции, которые оставил после себя Кароль. Политические партии были дезорганизованы, народ в связи с неудачами в области внешней политики не знал, что предпринять, и был запуган начатой ранее диктаторской политикой.

Только враждебный Каролю лагерь был довольно-таки единодушен. При таком положении дел Антонеску мог первое время опасаться управлять государством без оппозиции. Он образовал свое правительство наполовину из молодых членов «Железной гвардии» во главе с неспособным преемником Кодреану — Хориа Сима, и наполовину из специалистов, которые в большинстве случаев принадлежали к Либеральной партии.

После подавления восстания «железногвардейцев» летом 1941 года Антонеску составил свой новый кабинет почти исключительно из генералов. Это были люди без политического прошлого, ранее сотрудничавшие с Антонеску. Румынский офицерский корпус, и прежде всего Генеральный штаб, а также и сам Антонеску, как во время своей деятельности в Генеральном штабе, так и будучи военным атташе в Лондоне (при после Титулеску), всегда имел особые симпатии к западноевропейским странам, и прежде всего к Франции. Генералы, которые вошли в состав нового правительства, в большинстве случаев являлись также выходцами из лагеря бывших франкофилов.

Первая встреча между Гитлером и Антонеску состоялась в конце ноября 1940 года, когда Антонеску прибыл в Берлин для подписания Тройственного пакта (присоединение Румынии к Тройственному пакту). Подробности состоявшейся между ними беседы мне неизвестны. Я знаю только, что со стороны Антонеску был в особо серьезной форме поставлен вопрос о Трансильвании и при этом был использован обширный статистический материал. Антонеску заявил протест против решения Третейского суда в Вене, что, очевидно, являлось главной целью его визита в Берлин.

Следующий визит Антонеску к Гитлеру состоялся в январе, а впоследствии эти встречи имели место очень часто. Во время какой из этих встреч Гитлер потребовал и добился согласия Антонеску на участие в войне против Советского Союза, мне неизвестно. Для Антонеску это согласие являлось неизбежным следствием его внешнеполитической ориентировки на Германию. Антонеску надеялся убить двух зайцев одним ударом и с помощью Германии получить обратно Бессарабию, а затем, как вознаграждение за участие Румынии в войне, при посредничестве Германии намеревался получить обратно Северную Трансильванию.

Мне неизвестно, какую роль сыграло беспокойство Антонеску при решении вопроса об участии Румынии в войне о том, что Румынию может постигнуть такая же судьба при отказе от участия в войне, как и Югославию.

В румынском народе Антонеску, на основании вышеизложенных причин, не имел ни приверженцев, ни ясно выраженной оппозиции. Несмотря на неимение открытой оппозиции, легко можно было установить, что война против Советского Союза в Румынии не являлась популярной. Румыны опасались Советского Союза и сожалели о потере Бессарабии, но одновременно они инстинктивно были озабочены войной против крупной державы.

Кроме того, впечатление от потери Бессарабии сгладилось в памяти румын после потери Сев[ерной] Трансильвании, которая более затрагивала всех румын. Единственно популярной войной в Румынии являлась война против Венгрии. Поэтому высказывалось много соображений о том, что Антонеску перед началом войны против СССР получил от Гитлера определенное заверение о возвращении Румынии Северной Трансильвании.

Первым политиком, о котором в политических кругах Румынии было известно как о деятеле, открыто осуждавшем внешнюю политику Антонеску, был Маниу. Маниу родом из Северной Трансильвании, требовал концент-

рации всех сил Румынии для возврата Трансильвании. Но в связи с тем, что решение Третейского суда исходило от Германии, то Маниу рассчитывал на достижение этой цели благодаря политике, направленной против Германии, несмотря на его политическое прошлое, когда он скорее был на стороне политики Германии, чем какой-либо другой страны.

Принимая во внимание вышесказанное, Маниу с первых дней являлся противником войны против Советского Союза. Когда румынские войска по требованию Гитлера перешагнули через восточную границу Бессарабии и затем продвигались в глубь территории Советского Союза, увеличилось число критических отзывов, и часто можно было услышать вопрос о том, что, собственно говоря, нужно румынским солдатам на Кубани и Кавказе. Когда затем начались военные неудачи, вокруг Маниу стали собираться оппозиционно настроенные политики.

К этому времени в политических кругах стало известно о том, что между Маниу и Братиану, который до сего времени больше сдерживал себя, якобы установлена связь. Только забота о том, что советские войска будут способствовать введению коммунизма в Румынии, поддерживала в некоторых кругах настроение за войну против Советского Союза.

Молодой король Михай находился сначала вне всякой политики. Его участие в государственных делах после 1944 года ограничивалось разрешением чисто формальных вопросов. Своим доверенным лицам Михай жаловался о том, что он совершенно или недостаточно был информирован Антонеску. Только позднее, через лиц своего окружения, Михай установил тайную связь с Маниу и оппозицией.

О неофициальных переговорах Маниу с заграницей король Михай всегда был точно информирован и знал особенно хорошо условия перемирия, которые должен был диктовать Советский Союз и его союзники Румынии. Переговоры велись от имени короля маршалом его двора генералом Санатеску и придворным егермейстером Стирдза[1]. Новое правительство во главе с Санатеску было уже давно подготовлено, и король Михай выжидал только благоприятного момента, чтобы произвести «переворот сверху».

Тот факт, что Маниу вел политические переговоры с заграницей, и принимая во внимание то, что результаты этих переговоров были известны различным политическим кругам, то, естественно, и Антонеску знал также об этом. Антонеску сам иногда говорил о том, что он, якобы, имел ясное представление об активности Маниу.

По моему мнению, он даже приветствовал эти переговоры для того, чтобы дать возможность своей стране быстрее заключить перемирие, а затем — мир. Антонеску давно уже был убежден в том, что Германия, после того как она проиграла войну, должна как можно скорее закончить ее.

Это его убеждение разделял, прежде всего, Михай Антонеску. Подобная точка зрения Михая Антонеску была известна также и в Берлине, где Михай Антонеску при каждом удобном случае пытался повлиять в этом направлении на Риббентропа. Результат был таков, что Иону Антонеску с германской стороны дали понять о том, что он должен отделаться от Михая Антонеску.

Когда Ион Антонеску отклонил это предложение, то германскому послу в Бухаресте весной 1943 года было запрещено встречаться с Михаем Антонеску, являвшимся заместителем премьер-министра и министром иностранных

[1] Так в документе.

дел. Оба Антонеску были убеждены в том, что война должна быть закончена, и, конечно, они были согласны с соответствующим неофициальным зондированием, хотя германское правительство и отказалось от подобного намерения. Антонеску предпринимал это в интересах своей страны.

22 августа Антонеску сам просил заявить германскому правительству о том, что, начиная с этого дня, он имеет право заключить перемирие. Конечно, Антонеску не представлял, что до заключения перемирия он будет арестован. Все же тот факт о намерении образовать новое правительство во главе с Санатеску стал известен так далеко, что приблизительно за неделю до 23 августа к послу Киллингеру поступил по телеграфу запрос из министерства иностранных дел Германии с просьбой сообщить о том, что ему, Киллингеру, известно о намерении румын образовать новое правительство во главе с Санатеску.

В министерстве иностранных дел в Берлине по этому вопросу, якобы, также имелись сведения, которые и послужили сигналом для запроса германского посла в Румынии. Киллингер ответил, что, якобы, это неосновательные слухи без каких-либо действительных на то доказательств.

КЛОДИУС

Перевел: переводчик 4 отдела 3 Главного управления контрразведки МГБ СССР мл[адший] лейтенант СМИРНИЦКИЙ

«31» июля 1947 года

ЦА ФСБ России. Н-20912. В 4-х тт. Т. 2. Л. 156—166. Подлинник. Машинопись. Автограф. Рукописный подлинник на немецком языке — т. 2, л.д. 167—182об.

№ 58
СОБСТВЕННОРУЧНЫЕ ПОКАЗАНИЯ Д-РА К. КЛОДИУСА «ТУРЦИЯ»

12 июня 1946 г.
Москва

Перевод с немецкого

После окончания первой мировой войны и заключения договора в Лозанне между Германией и Турцией в течение многих лет были дружественные отношения, хотя и не было заключено никаких особых договоров. Эти дружественные отношения особенно укрепились в тот период, когда Турция в политическом отношении примкнула к Советскому Союзу и когда Германия одновременно, на основании договора, заключенного в Рапалло, также имела тесные политические и экономические отношения с Советским Союзом.

В конце [19]20-х годов германо-турецкие отношения несколько ухудшились. Турция ослабила свои связи с Советским Союзом и искала сближения с Англией. В связи с этим Турция начала свои устремления к созданию Балканского союза. Этот союз, в который входили Турция, Румыния, Югославия и Греция, преследовал, по мнению немцев, различные политические цели, так как отдельные партнеры имели различные интересы. Все четыре страны были заинтересованы в удержании Болгарии на своей стороне. Поэтому болгарское правительство встретило это почти как насмешку, когда партнеры Балканского союза в 1931/[19]32 годах попытались склонить Болгарию к вступлению в союз. Болгарское правительство уже тогда не скрывало того, что главной целью его политики являлось изменение существующего положения на Балканах.

Наряду с этой главной целью Турция и Румыния нашли в Балканском союзе оборонительный блок против Советского Союза, Югославии и Греции, а Турция — против Италии, Румынии и Югославии. Кроме того, Турция и Румыния нашли в союзе новое укрепление их взаимоотношений, в связи с созданием так называемой «Малой Антанты», направленное против Венгрии. Каких-либо целей, направленных против Германии, Балканский союз не имел, однако несмотря на это на Вильгельмштрассе он рассматривался не очень дружелюбно. С одной стороны, причиной этому являлась антиболгарская и антивенгерская тенденция Балканского союза, поскольку как Болгария, так и Венгрия находились в тесных взаимоотношениях с Германией, с другой стороны, тот факт, что Балканский союз, благодаря тому, что Румыния и Югославия были в его составе, а также Малой Антанте, образовывал своего рода продолжение Малой Антанты.

Малая Антанта была направлена не только против Венгрии, а считалась в Берлине политическим и военным мощным инструментом французской политики против Германии. При наличии румыно-польского союза имелась также определенная связь Балканского союза с Польшей. Если даже румыно-польский союз и не был направлен против Германии, то все же присоединение к Балканскому союзу страны, настроенной против Германии, было встречено не особенно охотно.

Принимая во внимание тот факт, что Турция являлась основателем Балканского союза и вдохновителем своей внешней политики, уклончивое поведение Германии по отношению к Балканскому союзу не могло не отразиться на германо-турецких взаимоотношениях.

Это привело к тому, что Тевфик Арас [Tewfik Aras] (до 1936 года Кушды Бей [Kuschdy Bey]), который продолжительное время являлся главой турецкой внешней политики и по личной инициативе которого вершилась политика Балканского союза, всегда считался противником Германии и сторонником тесного присоединения Турции к Англии. В первой половине [19]30-х годов Тевфика Арас, наряду с министром иностранных дел Румынии Титулеску [Titulescu], считали главными представителями антигерманской политики в Юго-Западной Европе.

В дальнейшем сближению Турции с Англией способствовало заключение договора Монтрэ[54], согласно которому Турция при поддержке или с согласия Англии добилась изменения существующего в проливах положения, обусловленного договором, заключенным в Лозанне.

Экономические связи между Германией и Турцией оставались очень тесными, несмотря на охлаждение политических отношений. В последние десять или пятнадцать лет перед войной Германия принимала участие свыше чем в 50 % турецкого экспорта.

Германия всегда была одной из тех стран, которые в первую очередь ввозили из Турции важнейшие товары турецкого экспорта — табак и южные фрукты (сухие фрукты). Строительная программа турецкой промышленности и расширение транспортной сети были осуществлены, в первую очередь, с помощью Германии, так что турецкая экономика находилась в зависимости от германских поставок.

В 1936 году бывший имперский министр экономики Шахт сделал официальный визит в Анкару. Попытки Англии интенсивнее включиться в торговлю с Турцией оказались безуспешными. Когда в 1936 году одно из крупнейших заданий по строительству стального комбината Карабюк, стоимостью приблизительно в 50 млн. марок, было передано Англии, то при выполнении поста-

вок английской фирмой возникли такие серьезные разногласия, что турки не захотели больше давать какие-либо задания Англии. Однако, несмотря на это, продолжались попытки к осуществлению политического сближения между Англией и Турцией путем интенсификации экономических связей.

Весной 1938 года был заключен турецко-английский кредитный договор. В этом договоре Англия обязывалась предоставить Турции кредит в сумме 200 млн. марок. Из общего количества этой суммы 80 %, т.е. 160 млн., падало на долю английских товаров, прежде всего на военные материалы. Англия получила возможность при особо благоприятных условиях получить из Турции сырье, прежде всего руду. Несмотря на это, участие Англии в турецком экспорте и в дальнейшем, по сравнению с участием Германии, оставалось незначительным.

Летом 1938 года в Берлин прибыл бывший статс-секретарь турецкого министерства иностранных дел Нуман Менеменджи-Оглы [Numan Menemencioglu] (который затем стал министром иностранных дел), где он в течение многих лет принимал лечение. Одновременно во время этого визита он возглавлял турецкую делегацию по заключению торгового соглашения, которое затем было подписано.

Во время своего пребывания в Берлине Менеменджи-Оглы имел очень подробную политическую беседу с Риббентропом, который между тем стал министром иностранных дел. Риббентроп пытался склонить Менеменджи-Оглы к тесному политическому присоединению Турции к Германии. Менеменджи-Оглы в ясно выраженной форме отклонил это предложение и заявил, что все авторитетные круги Турции единодушны в этом вопросе и что Турция не будет менять курс своей внешней политики.

Несмотря на ухудшение политических отношений, имперский министр экономики Функ в ноябре 1938 года сделал официальный визит в Анкару и договорился с турецким правительством о предоставлении кредита в сумме 150 млн. имперских марок. Из общего количества этой суммы 90 млн. марок падало на долю различных промышленных изделий, прежде всего машин и транспортных средств, и 60 млн. марок на долю военных материалов. Дальнейшее развитие политического положения привело к тому, что этот кредитный договор не был выполнен.

Оккупация Италией Албании в конце марта 1939 года вызвала в Турции большое недовольство. Постоянно догмой турецкой внешней политики являлось то, что упрочение крупной державы на Балканском полуострове будет противоречить турецким интересам и создаст угрозу существующему положению в проливах. Это соображение являлось одним из моментов политики Балканского союза, которая была продолжена до 1939 года.

Турецко-итальянские отношения со времени ливийской войны 1911/1912 гг. не изменились и были плохими. Турция простила итальянцам отторжение Ливии, которая и без того не могла в течение продолжительного времени оставаться турецкой, но не могла простить потери турецких Додеканозских островов, находящихся в 3-х мильной зоне Турции непосредственно перед побережьем Малой Азии[1].

Эти острова, которые населены исключительно греками и не должны были принадлежать ни Турции, ни Италии, являлись объектом споров между

[1] По Лозаннскому договору в 1923 г. Италия получила острова Додеканес, откуда ее войска так и не выводились после войны с Турцией из-за Ливии.

этими государствами. При таком положении вещей турки были особенно чувствительны к проникновению Италии на Балканский полуостров и предприняли под впечатлением этого события дальнейшие энергичные шаги к сближению с Англией, между тем как еще в апреле 1939 года они заключили формальный союз с Англией.

Подобного союзного договора между обоими государствами еще ранее не существовало. Заключение этого союзного договора привело в Берлине к обострению уже имеющегося недовольства, на основании вышеизложенных причин направленного против Турции. Германское правительство прервало выполнение кредитного соглашения, заключенного в ноябре 1938 года, и, кроме того, не продлило торговое соглашение, заключенное летом 1938 года, хотя 31 августа 1939 года срок его истек. Такая позиция Германии привела к дальнейшему сближению Турции с врагами Германии также на базе экономических отношений.

8 января 1940 года Турция заключила с Англией и Францией тайный договор, согласно которому она обязывалась посылать в течение 3-х лет исключительно в Англию и Францию весь экспорт хромовой руды в количестве около 200 тыс. тонн ежегодно. Ранее, в мирное время, весь этот экспорт большей частью направлялся в Германию. С точки зрения немцев этот договор означал отклонение от нейтралитета, потому что он фактически передал экономические связи Турции воюющим в то время государствам (по сравнению с довоенным временем), что было неблагоприятно для Германии.

С другой стороны, германское правительство, не выполнив кредитный договор и не продлив торговое соглашение, дало турецкому правительству не только повод, но и правовые предпосылки к такому образу действий. Во всяком случае, германо-турецкое отчуждение с заключением этого договора достигло такой степени, как никогда ранее в годы после первой мировой войны.

Новый этап в германо-турецких отношениях начался с заключения в июне 1941 года германо-турецкого дружественного договора. С момента заключения этого договора Турция возвратилась к своей традиционной политике довоенного времени: стремление к политическому сближению с Англией при одновременном поддержании дружественных отношений с Германией, однако без какой-либо политической связи и обязательств.

В соответствии с этим договор, который был заключен в июне 1941 года, кроме обещания о ненападении не содержал в себе никаких конкретных политических обязательств. Готовность Германии к заключению договора возникла в связи с запоздалым признанием того факта, что политика «озлобления» ни к чему не приведет и Турция все больше будет попадать в руки Англии.

В ходе договора, заключенного в июне 1941 года, снова были восстановлены экономические связи между обоими государствами. Хотя эти связи с августа 1939 года не полностью отсутствовали, все же они были недостаточны для полного оборота дела. В октябре 1941 года было заключено новое соглашение, действительное до 31 марта 1943 года, согласно которому был снова восстановлен объем товаров, по общей стоимости приблизительно равный ранее существовавшему, а по количеству в меньшем объеме. Хромовой руды до 15 января 1943 года не было в числе поставок, так как вышеназванный договор о хромовой руде, заключенный в январе 1940 года, в состав которого после перемирия между Германией и Францией на место последней вступили Соединенные Штаты Америки, оставался в силе до названной выше даты (15.1.[19]43). Начиная с 15 января 1943 года были также возоб-

новлены поставки хрома в Германию, приблизительно в объеме довоенного времени.

С этого времени Германия и Англия получали приблизительно одинаковое количество хромовой руды, что все же являлось предпочтением для Англии. Перед войной Англия почти не получала хромовую руду из Турции, в то время как основные поставки шли в Германию.

В мае 1942 года Германия договорилась с Турцией о реализации кредитного договора, который был заключен в ноябре 1938 года и не был выполнен (так называемый кредит Функа), однако первое время только до суммы 100 млн. марок вместо 150 млн. марок и только для получения военных материалов. Возвратный платеж в счет кредита должен был пойти на оплату хромовой руды.

Совещания по техническим вопросам, касающиеся выполнения этого кредитного договора, длились продолжительное время и закончились только в декабре 1942 года. Поставки военных материалов продолжались до осени 1943 года.

В апреле 1943 года соглашение об обмене товаров, заключенное в октябре 19412 года, срок которого истек 31 марта, почти без изменений было продлено до 31 мая 1944 года. Договоренность о поставках хромовой руды осталась в силе до конца 1944 года.

В конце апреля 1944 года турецкое правительство заявило о прекращении поставок хромовой руды и об отказе продления торгового соглашения, срок которого кончался в конце мая. За разрывом экономических отношений в начале августа 1944 года последовал разрыв дипломатических отношений.

КЛОДИУС

Перевел: переводчик 3 отд[еле]ния 4 отдела 3 Главного управления контрразведки МГБ СССР гв[ардии] мл[адший] лейтенант СМИРНИЦКИЙ

ЦА ФСБ России. Н-20912. В 4-х тт. Т. 2. Л. 183—189. Подлинник. Машинопись. Автограф. Рукописный подлинник на немецком языке — т. 2, л.д. 190—200.

№ 59
СОБСТВЕННОРУЧНЫЕ ПОКАЗАНИЯ Д-РА К. КЛОДИУСА «ГРЕЦИЯ»

17 июня 1946 г.
Москва

Перевод с немецкого

До сих пор внутренняя политика Греции определяется стечением политических обстоятельств, возникших в результате первой мировой войны. В то время имелись противоречия между королем Константином, который стремился сохранить нейтралитет Греции, и уроженцем Крита — Венезелосом, который требовал вступления Греции в войну на стороне Антанты. Венезелос, сражавшийся с самого детства, т.е. с греко-турецкой войны за Крит в 1897 году за освобождение греческой территории от турецкого господства, рассчитывал, что во время мировой войны наступит момент, чтобы присоединить к Греции населенное греками побережье Малой Азии и, возможно, даже Константинополь.

Константин же был такого мнения, что Греция должна удовлетвориться увеличением территории в результате Балканской войны и что маленький на-

род не будет иметь силы защищать продолжительное время малоазиатское побережье или, тем более, Константинополь, против сильной Турции. К этому прибавлялось еще то, что Константин имел склонность к Германии ввиду того, что его жена, королева Софья, являлась сестрой германского короля.

Венезелос и его сторонники, главным образом будущий министр иностранных дел Политис, питали, напротив, симпатии к Франции. Большая часть греческого народа стояла на стороне Константина, так как народ после двух Балканских войн боялся новой войны. Константина любили, и народ питал симпатии к Германии, обоснованные историческими и культурными причинами. Кроме того, после второй балканской войны Германия выступила за то, чтобы Греция получила заселенную греками Восточную Македонию.

Только после того, как французы и англичане высадили свою армию в Греции и прогнали короля, им удалось с помощью оружия заставить вступить Грецию в войну. Во время войны «королевские», как с того времени называлась партия, были подавлены «венезелистами» с помощью французов и англичан (среди греков, бежавших в то время с Константином в Швейцарию, находился также бывший начальник Генштаба Метаксас, который позднее до 1941 года играл в Греции решающую роль как партийный руководитель и премьер-министр).

Как только французы и англичане покинули страну, народ во время голосования большинством голосов высказался за возвращение Константина. Последний вернулся в Грецию в 1920 году. Венезелос бежал во Францию, когда Греция уже заняла малоазиатское побережье. Констиантин не решился очистить Малую Азию и должен был продолжать войну против Турции, которую начал его противник Венезелос и которую он считал роковой для Греции и пошел лучше в ссылку, чем решился взять на себя ответственность за начало этой войны.

Война закончилась так, как Константин предвидел раньше, полным уничтожением покинутой французами и англичанами греческой армии в Малой Азии. Около 2—3 млн. греков, проживавших там свыше 2000 лет, были изгнаны из Турции, если только остались живы. Греция была переполнена беженцам, которые в течение долгих лет должны были жить в самых нищенских условиях и снабжение которых явилось для маленькой Греции большой хозяйственной и финансовой нагрузкой.

Хотя Константин был против этой войны, предвидел и боялся ее ужасных последствий для Греции в Малой Азии, часть греческого населения и, главным образом, офицеры сделали его ответственным за поражение, имевшее место в период его правления, вследствие чего в ноябре 1922 года, благодаря военному путчу под руководством генерала Пангалос, Константин был изгнан. Были казнены пять ответственных министров, среди которых руководитель партии «королевских». Сам Пангалос опирался на «вензелистов».

В то время как в 1920 году на троне остался второй сын Константина — Александр (кронпринц Георг, в настоящее время — король, сопровождал отца в Швейцарию), в 1922 году была провозглашена республика. Партийная борьба между роялистами и венезелистами переросла в борьбу между роялистами и республиканцами. Хотя сам Венезелос возвратился в Грецию, однако, он играл политическую роль только временно.

Во внешнеполитических отношениях греческих партий произошло значительное изменение. В эти годы Германия уже не являлась могущественным фактором. Только в силу особой обстановки во время первой мировой войны

Германия была заинтересована в сохранении греческого нейтралитета, чтобы не допустить возникновения фронта в Салоники, в остальное же время Германия имела в Греции только культурную и экономическую заинтересованность.

Поэтому роялисты искали и нашли поддержку в Англии. С этого времени в обеих греческих партиях уже стояли друг против друга не как в первую мировую войну: Германия с одной стороны и Англия и Франция — с другой, а Англия выступала против Франции. При этом Англия была более активна в поддержке роялистов, чем Франция, которая после окончания войны не была так заинтересована в Греции и не поддерживала республиканцев.

После второго изгнания Константина из Греции Англия отозвала даже своего посланника, и в течение продолжительного времени в Афинах находился только поверенный в делах. Этот шаг явился протестом против казни 5 министров. После смерти Константина в Италии претендент на корону Георг переехал в Лондон, где во время своей ссылки он жил в тесном контакте с английской королевской семьей и лондонскими политическими кругами.

Между тем в Греции после долгой внутриполитической борьбы и беспорядков победили роялисты, и король Георг возвратился в Грецию. Естественно, что король Георг опирался, в первую очередь, на старую роялистскую партию, которая требовала его возвращения и в которой осталось еще много старых членов со времени его отца.

Большое влияние приобрел руководитель роялистской партии, бывший начальник штаба при Константине — Метаксас. Его авторитет основывался, главным образом, на том, что он как единственный из руководящих сторонников Константина отказался после возвращения его в 1920 году в Грецию принять какой-либо пост и нести ответственность за войну с Малой Азией, которую он считал, как и сам король, с самого начала роковой для Греции. Он остался верен политике Константина, когда сам король, будучи вынужден обстоятельствами, изменил своей политике.

Греческая внешняя политика определялась стремлением сохранить Грецию в границах 1919 года, избежать конфликтов и для отпора возможной агрессии искать поддержки у великой державы.

Политика Венезелоса и Политиса, которые хотели завоевать побережье Малой Азии, но и старались сделать из Греции влиятельную страну в международной политике и, особенно, в Лиге Наций (Греция являлась одним из первых членов Лиги Наций), не нашла отклика в греческом народе, который был достаточно умен, чтобы после неудач малоазиатского приключения делать попытки выступить против Турции, что было не под силу Греции.

Ввиду того, что, несмотря на продолжительное турецкое господство, между греками и турками не было действительной дружбы, вскоре все же удалось восстановить дружественные отношения между обеими странами, которые затем выразились в общей политике Балканского союза, о чем будет сказано ниже.

Труднее обстояло дело для Греции в отношении с Болгарией. Между Грецией и Болгарией существует глубокая вражда, которая часто выливается в личную ненависть. Греки упрекают болгар, главным образом, в жестокости по отношению к греческому населению в находящихся под господством болгар или в оккупированных ими областях.

Кроме того, болгары среди своих требований ревизии договора Нейлли, в первую очередь выдвигают требование о возвращении Болгарии отошедшей по этому договору к Греции Западной Фракии. К тому же стремления Болга-

рии распространяются на вышеупомянутую Восточную Македонию, а крайние болгарские националисты требовали для Болгарии даже Салоники. При таком положении вещей отражение возможной агрессии со стороны Болгарии являлось одной из наиболее важных забот греческой внешней политики.

Отношения с Югославией продолжительное время были омрачены известным недоверием в связи с вопросом о Салониках. Греки всегда подозревали, что югославы используют какую-нибудь возможность, чтобы забрать Салоники себе и получить на юге выход к морю. Эта забота еще больше увеличилась после балканских войн, когда Сербия в то время не имела выхода к морю.

Особенно же Греция была озабочена тем, что Югославия и Болгария, несмотря на существующие между ними противоречия из-за Македонии, все же могут договориться между собой и выступить против Греции. В таком случае Югославия заберет себе Салоники, а Болгария Восточную Македонию и Западную Фракию. Частые трения возникали из-за переговоров с югославским транзитом сообщения через Салоники и организации югославской зоны вольной гавани.

Взаимоотношения между Грецией и Италией были всегда плохие. Греки были очень обижены на итальянцев за то, что они в 1912 году забрали у Турции заселенные греками Додеканезские острова. Вполне возможно, что Греция получила бы эти острова после первой мировой войны, если бы они находились в руках Турции.

Кроме того, греки боялись итальянских притязаний на семь Ионических островов. Занятие Италией о. Корфу, который затем был освобожден только под давлением Лиги Наций, доказало, что эти греческие опасения обоснованны.

Греция искала безопасности от этих вышеупомянутых внешнеполитических угроз в политике Балканского союза и далее в сотрудничестве с Англией. Предпосылками для Балканского союза являлось налаживание отношений между Грецией и Турцией. Греция видела в Балканском союзе, в первую очередь, гарантию от болгарских притязаний и для сохранения статус-кво на Балканах.

Далее, она надеялась благодаря принадлежности к Балканскому союзу улучшить взаимоотношения с Югославией. Кроме того, греческое правительство предполагало, что эта общая принадлежность к Балканскому союзу сделает невозможным или очень затруднит югославо-болгарское сотрудничество за счет Греции.

Однако было заметно, что и в Балканском союзе взаимоотношения между Грецией и Югославией не были так близки, как с Румынией и Турцией. В отношении Турции это выразилось внешне в заключении специального соглашения наряду с Балканским союзом.

Сотрудничество с Англией выразилось в позиции Англии к внутриполитическому развитию в Греции и в поддержке роялистов, о чем говорилось ранее. Далее оно выразилось в том, что греческое правительство смотрело на Англию как на самую сильную державу в восточной части Средиземного моря, которая может обуздать итальянские притязания. Особенно в Греции надеялись на то, что Англия категорически выступит против итальянских попыток присоединить к себе Ионические острова, так как они были «подарены» Греции Англией в 1863 году при вступлении на трон короля Георга[1], отца Константина.

---

[1] Речь идет о Георге V, короле Великобритании.

Король Георг после своего возвращения в Грецию и до 1941 года имел решающее влияние на внешнюю политику Греции. Его хорошие взаимоотношения с Лондоном, установившиеся еще во время ссылки, улучшились еще благодаря тому, что его кузина Марина[I], дочь принца Андрея[II] — брата короля Константина, вышла замуж за брата английского короля Георга — герцога Кент[III] (одна сестра герцогини Кент — принцесса Ольга[IV], является женой бывшего принца — регента Югославии — принца Павла).

Очень оживленные культурные и хозяйственные взаимоотношения существовали до 1940 года с Германией. Во внешней торговле Греции Германия занимала первое место и являлась главным потребителем греческого экспорта, как-то: табака и изюма.

Германия же, как и прежде, не имела в Греции политических интересов, и король Георг при своей исключительной ориентировке на Англию не придавал значения расширению политических взаимоотношений с Германией. К этому прибавлялось еще то, что с 1936 года сближение между Германией и Италией заставило греческое правительство, несмотря на все прочие симпатии греческого народа к Германии, в политическом отношении проявлять определенную сдержанность к Германии. Так, например, в Берлин ни разу не выезжал кто-либо из официальных государственных деятелей Греции.

О взаимоотношениях с Советским Союзом мне неизвестны подробности. Греческая политика производила впечатление, что она ограничивается Балканским союзом и сотрудничеством с Англией, а с другими европейскими державами для нее было достаточно сохранить корректные отношения и, по возможности, интенсивную экономическую связь.

Занятие Италией Албании в марте 1939 года вызвало в Греции большое беспокойство, также как и временное пребывание итальянцев Албании во время и после первой мировой войны. Италия являлась последним государством, которое греки желали бы иметь в качестве своего соседа на своей северной границе. Нападение Италии на Грецию осенью 1940 года показало, насколько справедливы были эти греческие опасения.

После начала войны в 1939 году Греция придерживалась по отношению к Германии корректной, нейтральной позиции. Она сохранила торговую связь с Германией согласно нейтралитету примерно в рамках довоенного времени. С германской стороны в первые годы войны в отношении позиции Греции не было никаких жалоб. Неожиданное нападение Италии на Грецию последовало без ведома германского правительства. Гитлер узнал об этом из специального выпуска газеты на вокзале в Болоньи, когда он направлялся к Муссолини во Флоренцию.

Вначале дипломатические отношения между Германией и Грецией не были прекращены, и германский посол фон Эрбах[V] еще оставался в течение нескольких месяцев в Афинах. Я никогда не поддерживал итальянских мотивов, послуживших для нападения на Грецию, которые сводились к тому, что, якобы, Греция снабжала горючим английские суда и, особенно, подводные лодки, заходившие в греческие порты.

[I] Речь идет о Марине, принцессе Греческой и Датской.

[II] Речь идет об Андрее, принце Греческом и Датском.

[III] Речь идет о Георге, принце Великобритании, герцоге Кентском.

[IV] Речь идет об Ольге, принцессе Греческой и Датской.

[V] Так в документе, речь идет о немецком дипломате Викторе Принце цу Эрбах-Шёнберге.

Греки известны как хорошие коммерсанты и, возможно, что в некоторых случаях отдельные греки тайно за хорошую плату сбывали нефть или другие вещи мелким английским военным судам, заходившим в порты уединенных островов.

Я считаю совершенно невозможным, чтобы опытный премьер-министр Метаксас мог поставить на карту плоды долголетней, осторожной политики Греции, допустив открытое нарушение нейтралитета со стороны правительства. Сам король Георг, несмотря на всю симпатию к Англии, имея поблизости Мальту и Египет, мог прекрасно обойтись без подобного рода поддержки со стороны Греции.

Мне неизвестно, являлось ли важным при вынесении Гитлером решения весной 1941 года о занятии Греции обстоятельство, что Гитлер опасался возникновения нового фронта в Салоники, как это имело место в первую мировую войну, или то соображение, что нельзя больше давать возможности продолжаться явным неудачам итальянского союзника по отношению к маленькой греческой армии.

Во всяком случае, поступок Гитлера по отношению к Греции, хотя он и был вызван нападением Италии на Грецию без ведома и согласия Германии, являлся несправедливостью перед греческим народом.

КЛОДИУС

Перевела: оперуполн[омоченный] 4 отдела 3 Главного управления контрразведки МГБ СССР ст[арший] лейтенант СТЕСНОВА

ЦА ФСБ России. Н-20912. В 4-х тт. Т. 2. Л. 201—208. Подлинник. Машинопись. Автограф. Рукописный подлинник на немецком языке — т. 2, л.д. 209—221.

№ 60
СОБСТВЕННОРУЧНЫЕ ПОКАЗАНИЯ Д-РА К. КЛОДИУСА «ВЕНГРИЯ»

25 июня 1946 г.
Москва

Перевод с немецкого

После первой мировой войны Венгрия оказалась совершенно изолированной. Соседние государства, получившие на основании Трианонского договора территории бывшей Венгрии, считались ее противниками, за исключением Австрии и Германии. Политический союз этих соседних государств, кроме Австрии, так называемая Малая Антанта, был направлен в первую очередь против Венгрии.

Взаимоотношения с Францией были очень напряженными, так как Венгрия видела во Франции организатора и покровителя Малой Антанты. С Англией и Италией хотя и не было особых противоречий, но, пока существовал политический союз между западными великими державами, вышедшими победителями из первой мировой войны, взаимоотношения Венгрии с этими великими державами были, естественно, холодными.

Взаимоотношения с бывшими союзниками Венгрии, благодаря общему поражению, стали, конечно, не сердечнее и не более доверчивыми. К тому же побитая и покоренная Германия не могла принести в то время никакой пользы, тем более мелкие государства, как Австрия, Болгария или Турция.

Несмотря на эту изоляцию, венгерская политика с самого начала поставила своей первой политической целью ревизию Трианонского договора. Если эта ревизионистская политика во внешней пропаганде требовала полного восстановления старой Венгрии (В Венгрии благодаря Трианонскому договору население с 24 млн. снизилось до 8 млн.), то вскоре правительственная политика стала делать различие между отдельными потерянными областями, включив в ревизионистскую программу, по венгерскому мнению, только населенные венграми области (исключение составляла Трансильвания).

Таким образом, из ревизионистских стремлений были исключены Хорватия, Бургеланд и Словакия, и венгерские требования касались в основном Северной Венгрии, поскольку она отошла к Чехословакии, Бачки и Трансильвании. Согласно венгерскому тезису, отошедшая к Чехословакии часть Северной Венгрии (севернее Дуная) заселена исключительно венграми. В Бачке, согласно тому же тезису, население наполовину состояло из венгров, так как вторая часть состояла больше из немцев, и сербы представляли, следовательно, меньшинство.

Венгерские притязания на Трансильванию основываются, с венгерской точки зрения, не только исключительно на этнографических причинах. Если даже принимать во внимание венгерский тезис, что около 2,1 млн. венгров проживают в Трансильвании, то все же это не составляет большинства населения и румын там имеется свыше 30 млн. Ввиду того, что население проживает смешанно и более всего заселенные венграми области находятся в юго-восточной части страны, севернее Кронштадта (Брашова), правильное деление страны по этнографическим признакам, следовательно, по мнению венгров, невозможно. Поэтому венгры строили свои требования на исторической основе и утверждали, что города Трансильвании были населены исключительно венграми и немцами, а не румынами.

Первую поддержку в своей ревизионистской политике венгры получили в Англии, главным образом среди консервативных английских кругов. Газетный король Ротермир[I] и его сын в двадцатых годах являлись популярными фигурами в Венгрии. Венгерская аристократия в возрастающей мере проявляла свое предпочтение Англии и старалась использовать свои общественные и родственные связи с Англией в интересах венгерской политической пропаганды.

Фамилия графа Бетлен[II], бывшего продолжительное время премьер-министром, тесно связана с этой политикой. Преклонение перед личностью будущего английского короля Эдуарда VIII, теперь герцога фон Виндзор, когда он неоднократно посещал Венгрию, являлось отчасти следствием этой венгерской политики.

Если совершенно ясно, какие мотивы легли в основу этих попыток сближения с венгерской стороны, то с английской стороны эти мотивы были более сложные. В консервативных английских кругах имелось сходство мировоззренческих и общественных взглядов с господствующим общественным строем в Венгрии, которая сохранила феодальный характер больше, чем все прочие европейские страны.

[I] Вероятно, речь идет об английском газетном магнате Гарольде Сиднее Харсмуте, 1-м виконте Ротермире, владельце лондонских газет «Дэйли Мэйл» и «Дэйли Мирор».

[II] Речь идет о венгерском государственном деятеле, графе Иштване Бетлене де Бетлене, бывшем в 1921—1931 гг. премьер-министром Венгрии, а в годы Второй мировой войны — советником адмирала М. Хорти.

В основе английской официальной политики лежали, конечно, более серьезные мотивы. Она не имела в то время никакой опорной точки в Юго-Восточной Европе. Малая Антанта, наиболее сильный фактор в то время, шла полностью по французскому руслу, Турция после Лозаннского мира поддерживала очень холодные отношения с Англией, и Советский Союз имел решающее внешнеполитическое влияние на Анкару. Болгария при Стамболийском явно высказывала свои симпатии к Советскому Союзу, основанные на исторических, расовых и социальных причинах. Если преемники Стамболийского изменили внутриполитический курс, то во внешней политике ничего не наблюдалось по вопросу сближения с Англией.

Австрия и Германия составляли единство. На всем Юго-Востоке близко к английской политике стояла только Греция. Но Греция принадлежит только наполовину к Юго-Восточной Европе и больше к средиземноморскому пространству. Таким образом, было понятно, что английская политика притягивала к себе Венгрию, которая при наличии изоляции была благодарна за самый маленький жест. Кроме того, в некоторых политических кругах Англии считали, что с Венгрией поступили слишком жестоко после первой мировой войны и несправедливо отторгли заселенные только венграми области.

Параллельно со сближением с Англией шло ухудшение отношений с Францией. Напряжение достигло своего апогея в период так называемой аферы по подделке франков в 1926—1928 гг. Новую поддержку Венгрия нашла в Италии. Через несколько лет после прихода к власти Муссолини начал проявлять одобрение ревизионистским стремлениям Венгрии. Решающим для итальянской позиции явилось вначале общее противоречие Италии и Венгрии с Югославией. К тому же Италия в еще большей мере, чем Англия, стремилась создать себе политический противовес в Юго-Восточной Европе против Франции и Малой Антанты. Это было в период конца двадцатых годов, когда французско-итальянские взаимоотношения еще более ухудшились из-за Туниса, а также из-за целого ряда других вопросов.

В противоположность Англии Муссолини не ограничивался во взаимоотношениях с Венгрией только некоторыми политическими жестами, а пытался углубить взаимоотношения с Венгрией другим путем. Благодаря установлению тесной связи с Австрией был создан блок Рим—Вена—Будапешт. Путем так называемых договоров Брокши (название по имени итальянского торгового политика Брокши), в первой половине тридцатых годов стремились к тесному экономическому сотрудничеству между 3-мя государствами. Принцип договора Брокши основывался на том, что товарообмен между тремя странами без оговорки о праве наиболее благоприятствуемых получал тайное предпочтение в виде фрахтовой компенсации. Эта система принесла успех. Вскоре внешняя торговля Италии с Венгрией заняла второе место (после Германии).

Когда между Англией и Италией возник конфликт в связи с нападением Италии на Абиссинию и Венгрия должна была выбирать между Англией или Италией, оказалось, что связь с Италией была сильнее, чем с Англией, и, как известно, Венгрия голосовала в ноябре 1935 года вместе с Австрией как единственные государства Лиги Наций против применения санкций.

Между тем в Венгрии произошли существенные внутриполитические изменения. Бетлен, оказывавший, наряду с Хорти, продолжительное время важное влияние на венгерскую политику, был заменен Гомбосом[1]. Таким образом, к

---

[1] Речь идет о венгерском государственном и политическом деятеле Дьюоле Гембесе де Йафка.

власти пришло новое поколение, которое нельзя было назвать ни демократическим, ни прогрессивным (Гомбос принадлежал к правым), но которое все же в отношении господства аристократии и крупных помещиков в Венгрии представлял более современную точку зрения, чем его предшественники.

Созданная Гомбосом единая партия оставалась формально правительственной партией, которая состояла до последнего времени у власти, хотя в течение времени, благодаря отходу различных групп и в связи со сменой руководящих лиц, ее лицо постепенно изменилось настолько, что от де факто старой партии едва что-либо осталось. Только первый преемник после смерти Гомбоса, Дарани[1], как партийный руководитель и премьер-министр еще придерживался курса Гомбоса.

В период правительства Гомбоса одновременно со сближением с Италией и ослаблением связи с Англией происходила интенсификация отношений с Германией. Венгеро-германские взаимоотношения были всегда хорошими. В культурном отношении Венгрия особенно близка была с Германией еще по периоду старой Австро-венгерской монархии. Нет ни одного образованного венгра, который бы, кроме родного языка, не говорил по-немецки. В хозяйственном отношении Германия занимала постоянно первое место в венгерской внешней торговле.

После того как с распадом старой монархии исчезли старые домашние размолвки и противоречия, продолжавшиеся десятки лет между Веной и Будапештом, явились все предпосылки для тесного и дружественного сотрудничества между Венгрией и Германией. К этому прибавлялось еще то, что Германия стремилась к подобной же ревизионистской политике против Версальского договора, как и Венгрия против Трианонского договора.

Если, несмотря на это, политические взаимоотношения между обеими странами вначале после первой мировой войны продолжительное время не были налажены, то это объяснялось, как я уже сказал вначале, тем, что Германия в этот период была слишком слаба, чтобы представлять какой-либо внешнеполитический интерес, и, кроме того, была исключительно занята урегулированием своих неотложных забот, как-то: вопросы репараций и очищение Рейнской области.

Когда это положение постепенно изменилось, венгерское правительство нашло снова дорогу в Берлин. Пока германо-итальянские отношения были плохие, как, например, когда в 1931 году Италия (на этот раз как исключение в союзе с Францией) помешала германо-австрийскому таможенному союзу, также позднее, когда договора Брокши должны были быть направлены не только в политическом отношении против Франции, но также и в экономическом — против Германии, и когда взаимоотношения между Гитлером и Муссолини в первые годы после прихода первого к власти не были ни в какой мере дружественные, сближение с Италией и усиление связи с Германией требовал от венгерской политики некоторого осторожного лавирования.

После сближения между Германией и Италией, последовавшего зимой 1935—1936 гг., для венгерского правительства было проще придерживаться в будущем единой линии в своей внешней политике.

Понятно, что венгерское правительство также в эти годы старалось не порывать связи с Лондоном и, по возможности, удовлетворять английские

[1] Речь идет о венгерском государственном и политическом деятеле Кальмане Дарани де Пустасендьёрде.

требования и желания, если они не противоречили интересам Италии, как это было с вопросом санкций в отношении Абиссинии.

Действительные же отношения с Лондоном поддерживала только финансовая верхушка во главе с Национальным банком. Как бывший президент Национального банка (позднее премьер-министр) Имреди[I], так и его преемник Барангай[II] отводили Лондону первое место в финансовых вопросах и в интересах приобретения свободной валюты, а также в получении английской помощи на международном финансовом рынке, выступали за английскую ориентацию и за расширение торговых связей с Англией.

Погибший в России сын Хорти[III], который в течение многих лет являлся президентом венгерских железных дорог, считался также особым сторонником английской ориентации в венгерской внешней политике. Когда в 1941 году между Венгрией и Англией были прерваны дипломатические отношения, молодой Хорти явился на вокзал провожать английского посла[IV]. Этот жест вызвал в то время большую сенсацию в политических кругах в связи с особой позицией молодого Хорти.

Несмотря на эти различные течения германо-итальянская ориентация в венгерской внешней политике становилась все заметнее, когда Венгрии достались первые реальные территориальные выгоды как результат германской ревизионистской политики, а именно: Венгрия в октябре 1938 года получила обратно с германской помощью и согласия Англии и даже Франции северо-венгерскую территорию от Чехословакии. Когда летом 1940 года Советский Союз присоединил к себе Бессарабию, Венгрия намеревалась осуществить свои территориальные притязания к Румынии, если Румыния не уступит Трансильванию, вооруженным путем.

Ввиду того, что Гитлер хотел во что бы то ни стало избежать войны между Венгрией и Румынией, так как он опасался, что из этой венгеро-румынской войны возникнет театр военных действий между Германией и Англией в Юго-Восточной Европе, а с другой стороны, венгры, поддерживаемые Италией, настаивали на урегулировании разногласий с Румынией, Германия и Италия предложили третейский суд. Это предложение было неохотно принято со стороны обеих партий.

То, что в Бухаресте отрицательно отнеслись к этому, не требует особых объяснений. Отрицательное отношение к предложению в Будапеште основывалось на том, что Венгрия была озабочена тем, что третейский суд удовлетворит только часть венгерских притязаний. Кроме того, в кругах венгерской армии считали, что отторженная насильственно от Румынии территория будет признана ею скорее, и на более продолжительный срок, чем это присоединение произойдет благодаря вмешательству третьих держав.

Несмотря на тот факт, что Венгрия вторично с помощью Германии удовлетворила большую часть своих территориальных притязаний, все же критика так называемого Венского арбитражного решения не прекращалась даже в тот период, когда оно еще было в силе.

[I] Речь идет о венгерском государственном деятеле Беле Имреди, премьер-министре Венгрии в 1938—1939 гг.

[II] Так в документе, вероятно, речь идет о венгерском государственном деятеле Ласло де Бардошши, премьер-министре Венгрии в 1941—1942 гг.

[III] Речь идет о старшем сыне адмирала М. Хорти — Иштване Хорти, погибшем во время воздушного боя на советско-германском фронте в районе Алексеевки.

[IV] Речь идет о британском посланнике в Будапеште сэре Оуэне Сент-Клер О'Молли.

Занятие до этого Закарпатской Украины в апреле 1939 года с разрешения Германии не произвело на венгерскую общественность какого-либо впечатления, так как венгерская политика, как уже было сказано выше, не включала эту область в свои ревизионистские притязания и, насколько мне известно, Венгрия никогда не настаивала на том, что эта территория заселена, хотя бы частично, венграми.

Несмотря на то что Венгрия до осени 1940 года осуществила свои наиболее важные территориальные притязания к Чехословакии и Румынии с помощью Германии и Италии, все же венгерское правительство как можно дольше ловко и осторожно избегало быть замешанным в войну между Германией, Италией и Англией.

Одобренная Хорти политика премьер-министра графа Телеки[I] сводилась постоянно к тому, чтобы сохранить нейтралитет, несмотря на политическое сближение с Берлином и Римом, вытекающее из общего развития, географического положения Венгрии и германо-итальянской поддержки венгерских территориальных притязаний.

В ноябре 1940 года, когда Венгрия присоединилась к Тройственному пакту и официально признала впервые, в результате подписания формального международного права, свою принадлежность к группировке держав, руководимых Германией и Италией, даже тогда она придерживалась своего нейтралитета. Венгерский министр иностранных дел граф Чаки[II], несмотря на то, что в Германии его считали всегда особым другом Италии, защищал ту же политическую линию, что и Телеки.

Только нападение Гитлера на Югославию в апреле 1941 года заставило венгерское правительство выбирать один из двух лагерей. Телеки, у которого в результате общего развития не было возможности отказаться от требования Гитлера (хотя оно и было только символическим) принимать участие в войне против Югославии, а также отклонить предложенное венгерских ревизионистских требований в отношении Югославии. К тому же он понимал, что участие Венгрии в мероприятиях против Югославии вовлечет Венгрию в большую европейскую войну, за которую он не хотел нести ответственности, не видя для себя другого выхода, как только застрелиться. Чаки умер незадолго до этого, и ему не пришлось принимать решений.

Еще более трудное решение венгерское правительство должно было принять, когда Гитлер через несколько месяцев после этого потребовал от Венгрии участия в войне против Советского Союза. Между Советским Союзом и Венгрией не имелось никаких политических противоречий или трений.

Со времени правительства Бела Куна господствующий класс в Венгрии испытывал большой страх перед коммунизмом, против возрождения которого в Венгрии были предприняты строгие меры. Но как раз этот страх перед коммунизмом еще более усилил в руководящих венгерских кругах стремление избежать какого-либо конфликта с Советским Союзом и сохранить с ним корректные отношения.

Еще в 1940 году в Москву для подписания нового торгового договора приезжала венгерская делегация во главе с посланником фон Никль, руко-

---

[I] Речь идет о венгерском государственном деятеле, графе Пале Телеки де Секе, премьер-министре Венгрии в 1920—1921 и 1939—1941 гг..

[II] Речь идет о венгерском государственном деятеле, дипломате графе Иштване Чаки, министре иностранных дел Венгрии в 1938—1941 г..

водителем Торгово-политического отдела при венгерском министерстве иностранных дел. Венгерское правительство особенно стремилось к расширению экономических отношений с Советским Союзом и к заключению упомянутого договора.

Во внешнеполитической области имелся только один щекотливый пункт по отношению к Советскому Союзу — Венгрия в течение многих лет поддерживала особенно хорошие отношения с Польшей и Финляндией. В основе взаимоотношений с Польшей лежало взаимное отрицательное отношение к Чехословакии и некоторая историческая традиция.

С финнами Венгрия чувствовала себя особенно связанной вследствие общей принадлежности к туранским народам. Поэтому, когда возникли польско-русские или финско-русские противоречия, симпатия Венгрии была на стороне Польши и Финляндии. Это было особенно заметно во время войны между Финляндией и Советским Союзом. Однако эти симпатии никогда не заходили настолько далеко, что венгерское правительство решалось вступить в конфликт с Советским Союзом. Так, например, Советский Союз, насколько мне известно, не одобрил вступление отдельных венгерских добровольцев в финскую армию.

В общем и целом, венгерский народ не питал вражды к Советскому Союзу и отгонял от себя мысль о войне с Советским Союзом. Те круги крупных помещиков и капиталистов, которые испытывали некоторые опасения перед так называемой «коммунистической опасностью», выставляли это как причину, чтобы избежать конфликта с Советским Союзом, так как в случае поражения они опасались вмешательства со стороны Советского Союза во внутреннюю политику Венгрии.

В этой связи требование Гитлера об участии в войне против Советского Союза было встречено в Венгрии совершенно иначе, чем в Румынии и Финляндии, так как последние незадолго до этого должны были отдать часть своей территории Советскому Союзу и где благодаря историческому развитию отношение к Советскому Союзу было совершенно иное. Однако у Хорти и венгерского правительства не было никакой возможности уклониться от этих требований Гитлера.

Возвращение Венгрии с помощью Германии Северной Венгрии, Северной Трансильвании и Бачки, а также политическая и военная ситуация поставили Венгрию в политическую зависимость от Германии. Все же венгерское правительство пыталось ограничить участие Венгрии в войне до минимума.

Когда венгерские части были полностью разбиты в России (по мнению венгров, вследствие того, что они не располагали современными тяжелыми орудиями), остатки венгерских дивизий использовались только за линией фронта, и Венгрия упорно уклонялась направлять новые контингенты войск. Каллай[1], который с 1942 по март 1944 года являлся премьер-министром, а также министр иностранных дел Гичи планомерно проводили политику удержания Венгрии и, насколько это позволяла обстановка, от дальнейшего участия в военных действиях. Венгрия отказалась не только направлять дальнейшие войска в Россию, но и предоставлять венгерские дивизии в качестве оккупационных войск в Югославии.

---

[1] Так в документе, речь идет о венгерском государственном и политическом деятеле Миклоше Каллае де Нади-Калло.

Благодаря этому Гитлер был настолько недоволен Каллай, что, когда Хорти был в Германии в марте 1943 года, Гитлер предложил ему заменить Каллай кем-либо другим. Когда это не было сделано, германскому послу Ягов[1] было запрещено поддерживать связь с Каллай. Однако Хорти держался Каллая, несмотря на протесты со стороны Германии, так как Каллай являлся в течение многих лет одним из его личных друзей. В эти годы Каллай считал, что Германия и Италия всеми дипломатическими способами должны добиваться окончания войны.

Причиной для сдержанности венгерского правительства являлось, далее, опасение перед Румынией. Ввиду того, что взаимоотношения между обеими странами оставались, как и прежде, чрезвычайно напряженными и Румыния вела очень активную пропаганду за возвращение Северной Трансильвании, Венгрия опасалась, что Румыния воспользуется первой возможностью, чтобы выступить против Венгрии, а поэтому она заявила, что должна на этот случай иметь в стране армию.

Против вышеизложенной политики правительства Каллай при объективном и лояльном рассмотрении ситуации нечего было возразить даже с германской стороны. Перед нападением Гитлера на Советский Союз Венгрию не спрашивали о ее согласии или добровольном участии. Ее поставили перед свершившимся фактом. Во время помощи со стороны Германии при реализации ее территориальных притязаний также никогда не говорилось о том, что в качестве расплаты за это Венгрии придется участвовать в войне против Советского Союза. Венгрия неохотно пошла на разрыв дипломатических отношений с Англией в связи с ее выступлением против Югославии.

В отношении оценки общего политического и военного положения и признания того, что необходимо окончить войну любой ценой, правительство Каллай занимало более ясную позицию, чем руководящие германские инстанции. К тому же правительство Каллай не было связано никакими договорными обязательствами о поддержке Германии в войне.

Однако Гитлер стоял на другой точке зрения, когда 19 марта 1944 года он приказал оккупировать Венгрию и таким образом добился смены правительства.

КЛОДИУС

Перевела: оперуполн[омоченный] 4 отдела 3 Главного управления контрразведки МГБ СССР ст[арший] лейтенант СТЕСНОВА

ЦА ФСБ России. Н-20912. В 4-х тт. Т. 2. Л. 222—232. Подлинник. Машинопись. Автограф. Рукописный подлинник на немецком языке — т. 2, л.д. 233—251.

№ 61
СОБСТВЕННОРУЧНЫЕ ПОКАЗАНИЯ Д-РА К. КЛОДИУСА «ЮГОСЛАВИЯ»

28 июня 1946 г.
Москва

Перевод с немецкого

Югославское государство возникло в борьбе против старой Австро-Венгерской империи, при этом борьба сербов внутри монархии преимущест-

[1] Имеется в виду немецкий дипломат Дитрих фон Ягов, с 29 июня 1941 по 8 мая 1944 гг. германский посол в Будапеште (Венгрия).

венно или даже почти исключительно была направлена против Венгрии. Противоречия между Германией и Сербией были не прямые, а косвенные, поскольку Берлин поддерживал политику старой монархии против Сербии, которая, в свою очередь, имела поддержку от царской России. Когда старая монархия распалась и сербы осуществили свои национальные стремления в полной мере в новом юго-славянском государстве, между Берлином и Белградом не существовало больше противоречий в интересах.

Первый германский посол в Белграде после войны — Костер[1], который не был профессиональным дипломатом, а социал-демократическим депутатом, пользовался в Белграде большой симпатией и имел там положение, какое редко занимает посол непосредственно после продолжительной войны и оккупации страны. Когда он умер в 1922 году в Сербии, сербы назвали в честь его имени улицу. Я упоминаю об этом, так как это является характерным для настроения в то время в Сербии по отношению к Германии.

В экономической области установилось вскоре тесное сотрудничество, и Германия заняла в югославской внешней торговле второе место после Италии. Однако интенсификация внешнеполитических отношений, в узком смысле, задерживалась благодаря тесному политическому сотрудничеству Югославии с Францией в рамках Малой Антанты. В течение последующих лет взаимоотношения Югославии с Францией начали постепенно охлаждаться, и Югославия явилась одним из трех государств Малой Антанты, которое дало ясно понять, что, несмотря на свою принадлежность к Малой Антанте, оно придает большое значение установлению и сохранению хороших политических взаимоотношений с Германией. Югославскому правительству было известно, что германское правительство не поддерживает и не одобряет венгерских ревизионистских попыток против Югославии и что германское правительство старается урегулировать болгаро-югославские противоречия.

Большие хлопоты югославской внешней политике доставляли напряженные взаимоотношения с Италией, которая не могла никогда удовлетвориться установленными в Версале границами между Югославией и Италией. Ввиду того, что германо-итальянские взаимоотношения были довольно холодными, это явилось дальнейшей причиной для сближения Югославии с Германией. Малая Антанта страдала от того, что она не могла выполнить того, что от нее ожидали ее партнеры. Она была основана, во-первых, для подавления Венгрии и борьбы с ее ревизионистскими требованиями и затем как инструмент французской политики по завоеванию власти в Юго-Восточной Европе. Кроме того, чехи ожидали от нее защиты от Германии, румыны — против Советского Союза и югославы — против Италии.

Однако ни один из трех партнеров не был в состоянии связать себя обязательствами в этом направлении по отношению к двум остальным. Чехи и югославы отклоняли всякие обязательства против Советского Союза уже по расовым и историческим побуждениям, югославы и румыны придавали большое значение по различным причинам и, главным образом, по экономическим, установлению хороших взаимоотношений с Германией, румыны и чехи, правда, не установили особенно тесных отношений с Италией, но и не имели с ней никаких противоречий и не чувствовали поэтому никакого желания из-за Югославии создавать эти противоречия.

---

[1] Речь идет о немецком дипломате Адольфе Кёстере; с 31 марта 1928 до своей смерти — 18 февраля 1930 гг. германский посланник в Белграде.

Таким образом, члены Малой Антанты искали сотрудничества и поддержки вне союза. Это и явилось одной из причин вышеупомянутого сближения Югославии с Германией (между прочим, румынское правительство весной 1923 года, год спустя после заключения договора Рапалло, зондировало почву в Берлине, не сможет ли германское правительство в связи с дружескими взаимоотношениями Германии с Советским Союзом, добиться признания новых русско-румынских границ, т.е. признания потери Бессарабии Советским Союзом.

На представлении бывшего статс-секретаря министра иностранных дел — Мальтцан и бывшего посла в Москве — Брокдорф-Ранцау германское правительство отказалось в то время предпринимать что-либо по этому вопросу у правительства Советского Союза, так как для Германии было более важным сохранение дружественных отношений с Советским Союзом, чем улучшение связи с Румынией. Во всяком случае, Румыния была бы еще тогда готова ценой такого немецкого посредничества изменить свою ориентацию в пользу Германии).

Уход в отставку министра иностранных дел Ничич, который являлся особым представителем французского направления в югославской внешней политике, облегчило установление тесных взаимоотношений с Германией. Король Александр, создавший за последние годы своего правления внутри страны своего рода диктатуру и имевший решающее влияние на внешнюю политику Югославии, покровительствовал особенно росту этих взаимоотношений, и особенно за последние годы перед смертью, т.е. 1933—1934 г.

Германия высказывала свое сожаление по поводу его убийства в Марселе в начале октября 1934 года не только из-за чисто человеческих побуждений. За несколько месяцев до его смерти, в мае 1934 года, между Югославией и Германией был заключен долгосрочный торговый договор. При этом в секретном дополнительном соглашении давались значительные таможенные предпочтения для югославских товаров при ввозе их в Германию. Договор был секретным, принимая во внимание оговорку права наиболее благоприятствуемых[I]. Он означал встречное мероприятие против французских попыток на основе подобных же договоров углубить французские экономические взаимоотношения с Малой Антантой, а также против упомянутых мною ранее в другой связи итальянских договоров Брешии, построенных на том же принципе.

Югославия считала, что изобретенная Италией политическая и экономическая система договоров, которая связывала Рим, Вену и Будапешт, направлена в первую очередь против нее.

После смерти Александра югославская политика шла в том же направлении, и особенно, когда премьер-министром стал Стоядинович. Но когда Стоянович был заменен Цветковичем, который по своему образованию и политическому развитию ориентировался ранее на Францию, в направлении югославской политики не произошло также никакого изменения. Принц-регент Павел[II], который как и Александр, покровительствовал этим взаимоотношениям, несмотря на свою особую дружбу с Англией, незадолго до начала войны в мае 1939 года сделал парадный визит в Берлин. С германской стороны за установление возможно тесных отношений с Югославией выступал Геринг. Он был неоднократно в Югославии и интересовался

[I] Так в документе.

[II] Речь идет о князе Павле Карагеоргиевиче.

ходом развития экономического сотрудничества между обеими странами и поставкой авиационных материалов для Югославии.

С момента занятия Праги немцами в Югославии начали расти разногласия между официальной политикой и настроением народа. В октябре 1938 года уже загнившая Малая Антанта прекратила свою деятельность. Она распалась не потому, что она не могла оказать поддержки чехам против оккупации Германией Судетской области (я уже изложил выше, что все партнеры Малой Антанты с давнего времени отказались оказывать какую-либо помощь друг другу против великой державы), а потому, что она оказалась не в состоянии предотвратить осуществление венгерских ревизионистских стремлений против Чехословакии. Тем самым Малая Антанта потеряла свое основное назначение и право на существование.

Одновременно, конечно, сильно пострадал престиж Франции как основного покровителя Малой Антанты. Ввиду того, что отношение Югославии к Италии, Венгрии и Болгарии в связи с притязаниями этих государств на территории, принадлежавшие Югославии, оставались неизменно плохим или, во всяком случае, очень проблематичным, то югославская политика опиралась лишь на Балканский союз. При этом ей было уже в то время ясно, что значение Балканского союза в серьезном случае было едва ли больше, чем Малой Антанты. В лучшем случае ее можно было использовать только против Болгарии (я не излагаю здесь ход развития взаимоотношений Югославии с ее соседями: Венгрией, Болгарией и Грецией, а также об ее участии в инспирированной политике Балканского союза, так как об этом я писал уже, когда освещал политику упомянутых стран).

Таким образом, югославское правительство искало сотрудничества с Германией. Большое беспокойство ей доставляло то, что ранее очень холодные взаимоотношения между Италией и Германией начали с 1936 года претерпевать изменения. Югославия предполагала, что путем установления возможно тесного союза с Германией ей удастся получить поддержку со стороны Германии или, по крайней мере, ее благосклонное посредничество в случае конфликта с Италией или даже установить через Германию более лучшие отношения с Италией. Кроме того, Югославия попыталась наладить более тесные взаимоотношения с Англией, чтобы убить сразу двух зайцев.

Если дружба с Германией не явилась бы действительной опорой против Италии, то дружба с Англией должна была обеспечить на серьезный случай мощного союзника против Италии. Английская политика придавала также значение тесной связи с Югославией. Предпосылки для этого имелись благодаря уменьшению французского влияния и напряженного взаимоотношения между Италией и Англией. Английская линия в югославской внешней политике особенно поддерживалась принцем Павлом, тесные отношения которого стали наиболее интимными с Англией и английским двором благодаря замужеству сестры его жены — принцессы Марины с братом английского короля Георга — герцогом фон Кент. Жена принца Павла — принцесса Ольга находилась в последние годы, и особенно в период 1939—1941 года, со своими детьми много месяцев в Лондоне, и принц Павел часто приезжал туда.

Несмотря на эту связь с Лондоном, ход политики и событий привел к тому, что преимущество взяла германская линия в югославской внешней политике. Германия, как я уже упоминал, подействовала примиряюще и успокаивающе на отношение Венгрии и Болгарии к Югославии.

В 1940 году, когда германская внешняя политика в Юго-Восточной Европе усматривала свои главные интересы в том, чтобы мир не нарушался там внутренними конфликтами и не возник бы новый европейский театр военных действий (один из наиболее важных мотивов для Венского арбитражного решения о Трансильвании), германская политика продолжала действовать в том же духе, и Венгрия по уговору германского правительства зимой 1940—1941 гг. заключила с Югославией пакт о ненападении.

Венгерский министр иностранных дел граф Цаки (или Чаки) направился для подписания этого договора в Белград (вскоре после этого он неожиданно умер).

Еще важнее для Югославии было то обстоятельство, что Германия заявила Италии, что она сильно заинтересована в Югославии в политическом и экономическом отношении. Поэтому не могло быть и речи об итальянском нападении на Югославию без предварительного согласования с Германией, как это было сделано Италией с Албанией и Грецией.

Югославское правительство чувствовало, таким образом, увеличение безопасности Югославии в отношении ее соседей как следствие политики сближения с Германией. Когда после победы над Францией престиж Германии возрос, югославское правительство решилось в марте 1941 года присоединиться к Тройственному пакту после того, как в феврале югославский премьер-министр и министр иностранных дел посетили Гитлера.

Мне неизвестны подробности политических переговоров, предшествовавших этому присоединению, однако в то время у меня создалось впечатление, что с югославской стороны, учитывая вышеизложенный ход развития политики, возможно, не была занята отрицательная позиция, но что югославское правительство не присоединилось бы к этому пакту, если бы на нее не оказал давления Гитлер.

Кроме того, Германия требовала в то время ускорения ответа, что не давало возможности югославскому правительству соответственно подготовить общественное мнение страны. Подписание Тройственного пакта само по себе не означало обязательства со стороны Югославии об участии в войне или о разрешении прохождения войск (мне неизвестно, ставила ли Германия при подписании Югославией Тройственного пакта это требование или нет. Прямой необходимости в этом не было для Германии, так как сосредоточение германских войск против Греции для обеспечения Италии уже началось ранее в Румынии и Болгарии. И действительно, нападение на Грецию последовало затем через болгарскую границу).

Во всяком случае, присоединение к Тройственному пакту привело к открытому выражению уже продолжительное время существовавшему разногласию между политикой правительства и настроением сербского народа, о котором я говорил выше. Сербский народ не понял и не одобрил изложенные внешнеполитические соображения, которые привели югославское правительство шаг за шагом к такому положению, когда оно считало, что не может уклониться от вступления в Тройственный союз и, тем самым, к открытому присоединению к группировке держав, проводимой Германией и Италией.

Сербский народ поддерживал политику своего правительства только до весны 1939 года. Еще осенью 1938 года, когда Чехословакия вынуждена была отказаться от Судетской области и Северной Венгрии, стали заметны первые признаки оппозиции в националистических кругах и, главным образом, среди студентов и молодых офицеров, которая была, однако, более на-

правлена против Германии, чем против Венгрии. Когда же Гитлер занял Прагу, эта оппозиция выразилась открыто и в резкой форме и не ограничивалась уже маленькими националистическими кружками, а охватила широкие круги интеллигенции и народных масс.

Сербы чувствуют себя до сего времени сторонниками панславянского движения 19-го столетия. В этом отношении они совершенно иные, чем болгары. Болгары думают о царе-освободителе, они чувствуют себя детьми великой России, среди крестьянства и части студенчества имеются симпатии к Советскому Союзу. Но они не панславяне. Единственный граничащий с ними славянский народ, сербов, они считают своими врагами, македонцев они считают теми же болгарами, а судьбы прочих малых славянских наций для них безразличны.

Сербы же в связи со столетней национальной борьбой внутри старой австро-венгерской монархии привыкли считать все славянские национальности своими братьями. Как раз сербы и чехи чувствовали тесную связь между собой, так как они являлись основными представителями национальной борьбы славян в обеих частях монархии. Поэтому сербское национальное чувство не могло смотреть спокойно на насилие, совершаемое над чехами. Нападение на Польшу 6 месяцев спустя увеличило возмущение и настроение в сербском народе, впервые [оно] стало антигерманским, что раньше не имело места. В руководящих германских кругах не обращали внимания на эти разногласия, хотя в течение двух лет (с весны 1939 по весну 1941 года) они проявлялись довольно явно и во все возрастающей степени.

Гитлер и его близкие советники из партии и на этот раз доказали снова свою неспособность судить о политической стабильности правительства в другой стране. Ту же неспособность они доказали в недооценке силы правительства Муссолини и, главным образом, недооценку мощи большевистской партии и советской системы. Удивительнее всего то, что югославское правительство само не учло этого настроения народа. Я не могу утверждать с уверенностью, насколько оно понимало серьезность и рост этого настроения в народе и в офицерском корпусе и насколько оно под нажимом обстоятельств было вынуждено присоединиться к Тройственному пакту, хотя, возможно, и знало это настроение. Очевидцы подписания пакта в Вене говорили мне, что как премьер-министр, так и министр иностранных дел Югославии производили очень удручающее и подавленное впечатление. В момент нападения Германии на Советский Союз конфликт между народом и правительством прорвался бы наружу.

Немедленная и бурная реакция Гитлера на военный путч в Белграде и на отказ от подтверждения о вступлении в Тройственный союз выразилась в нападении на Югославию. Это нападение и последовавшее затем нападение на Грецию создали для германского народа странную и печальную обстановку.

Итальянцы приветствовали это нападение, так как они дали Италии возможность осуществить свои территориальные притязания, от которых Италия в отношении Югославии никогда не отказывалась с момента Парижской конференции в 1919 году, а также потому, что оно освободило итальянские войска в Албании от неблагоприятного в военном отношении положения. Венгерский и болгарский народ встретили с воодушевлением возможность для осуществления их старых и вполне оправданных национальных притязаний.

Германскому народу не были известны какие-либо противоречия между Германией и Югославией, и менее всего противоречия между Германией и Грецией.

Вопрос о Южной Штирии никогда не вставал в сознании германского народа как национальный вопрос, к тому же общественное мнение в течение многих лет воспитывалось в том направлении, что Югославия видела в Германии дружественное государство. Не могло быть также речи о каких-либо противоречиях с Грецией, и старая симпатия германского народа к Греции оставалась неизменной с греческой освободительной войны. Таким образом, германский народ видел в этих обеих новых войнах, в противоположность его союзникам, только крайне нежелательное дальнейшее расширение войны и повод для новых кровавых жертв.

После окончания непродолжительного похода против Югославии Гитлер предоставил Италии определять свои политические сферы влияния, а также установление новых границ с правительством вновь образованного хорватского государства. Вся Хорватия считалась итальянской зоной влияния, и германскому послу в Загребе[I] было дано указание предоставить преимущество своему итальянскому коллеге по всем политическим вопросам. Это затруднило положение.

Хорватский народ питал особенно дружеские чувства к Германии, а вышеизложенное изменение в настроении в 1938/[19]39 гг. относилось только к сербам, а не к хорватам. Еще в период старой Габсбургской монархии хорваты относились всегда хорошо к Германии и плохо к итальянцам. Возникшие немедленно разногласия о протяжении границ, итальянское требование на большую часть Далматского побережья, занятие части Хорватии итальянскими частями, различные требования Италии в экономической и финансовой области — все это не ослабляло отрицательного отношения, а наоборот, значительно его усилило.

Это настроение хорватского народа не изменилось даже и после того, когда Анто Павелич и его ближайшие сторонники в течение нескольких лет нашли убежище в Италии. То, что корона короля Хорватии была предложена итальянскому принцу — герцогу фон Аоста[II], произошло, конечно, только под итальянским давлением. Между прочим, герцог фон Сполето, который хорошо знал обстановку в Хорватии, вскоре после вступления на трон, от чего он не мог отказаться, чтобы не скомпрометировать итальянскую политику, заявил близким друзьям, что он не думает воспользоваться этим почетным для него предложением. Как известно, он действительно ни разу не ступил на территорию Хорватии. Это означало известное ухудшение отношений хорват к Германии, так как считали, что Гитлер выдал их итальянцам. Несмотря на это, хорватское правительство искало сближения с Германией и пыталось постоянно воспользоваться германским посредничеством в отношении Италии.

Впрочем, между Хорватией и Венгрией имелись некоторые разногласия в отношении границ на острове Мур, из-за чего прибегли к посредничеству Германии.

Кроме Хорватии, итальянцы получили в качестве особых сфер влияния Словению и Монтенегро. Германская незаинтересованность в Словении за-

[I] Речь идет об обергруппенфюрере СА Зигфриде Каше.

[II] Речь идет об Аймоне Маргарита Мария Джузеппе ди Торино, герцоге Сполето, 5-м герцоге д'Аосто.

ходила настолько далеко, что около 50 тыс. немцев так называемой [...] были выселены.

Черногория, в которой был заинтересован особенно королевский двор, так как королева Италии[I] являлась дочерью последнего короля Монтенегро — Никиты[II], Италия хотела восстановить как самостоятельное государство.

Наконец Италия требовала расширения для Албании территории на восток, где некоторые земли по ту сторону албанской границы от Тетово на север до озера Охрида на юге были заселены албанцами. В трениях, возникших по этому поводу между Италией и Болгарией, о которых я уже говорил, Германия также заняла роль посредника.

Как видно из вышесказанного, сферой влияния Германии, кроме Южной Штирии, оставалась небольшая территория старой Сербии со времени первой балканской войны и часть Боснии.

Занятием этой территории, чтобы сохранить германскую часть, было предоставлено постепенно Болгарии, пока возросшие успехи Тито не превратили Югославию снова в театр военных действий.

КЛОДИУС

Перевела: оперуполн[омоченный] 4 отдела 3 Главного управления контрразведки МГБ СССР ст[арший] лейтенант СТЕСНОВА

ЦА ФСБ России. Н-20912. В 4-х тт. Т. 2. Л. 252—262. Подлинник. Машинопись. Автограф. Рукописный подлинник на немецком языке — т. 2, л.д. 263—280.

№ 62
СОБСТВЕННОРУЧНЫЕ ПОКАЗАНИЯ Д-РА К. КЛОДИУСА «ГЕРМАНО-ИТАЛЬЯНСКИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ»

2 июля 1946 г.
Москва

Перевод с немецкого

До первой мировой войны между Германией и Италией не имелось противоречий. Германская политика наладила внутри Тройственного союза связь между Веной и Римом. Несмотря на это национально-территориальные притязания Италии к Австро-Венгерской монархии привели также к войне с Германией. После распада монархии были снова созданы все предпосылки для установления хороших взаимоотношений между Германией и Италией, хотя вскоре после войны выявилось большое противоречие между Францией и Италией. Однако Италия вела себя сдержанно во время разногласий между Германией и Францией по вопросам репараций, оккупации Рейнской области и других пунктов, вытекавших из Версальского договора.

Во время оккупации Рура Муссолини зондировал в Берлине почву по вопросу совместного выступления с германским правительством против Франции. Однако германское правительство дало по этому поводу отрицательный ответ, следуя своей общей установке в политике, базировавшейся на мирном, непосредственном соглашении с Францией.

[I] Речь идет о принцессе Елене Черногорской, королеве Италии.

[II] Так в документе, речь идет о короле Черногории Николе I Петровиче-Негоше.

Отношение Германии к фашистской Италии оставалось очень холодным. Между Штреземаном, который питал глубокое отвращение к фашизму и Муссолини, в 1925 или 1926 годах произошла очень сильная словесная дуэль в парламентах по вопросу притеснения германского населения в Южном Тироле со стороны фашистского правительства. Участие Италии в Локарнском договоре имело больше формальное значение, так как инициатива посредничества между Германией и Францией исходила из Англии. Все же юрист министерства иностранных дел Скиалоя[I] принимал очень активное участие при формулировке Локарнского договора.

Когда в мае 1930 года Бриан обратился к европейским правительствам со своим «Планом Европа», между Германией, Италией и Советским Союзом установилось тесное дипломатическое сотрудничество, так как правительства этих трех держав заняли общую позицию по отношению к этому плану Бриана.

Весной 1931 года Италия и Франция оказались главными противниками австро-германского таможенного союза; Италия выступила в то время очень резко против Германии и повлияла также в отрицательном отношении по этому вопросу на английское правительство.

В эти годы между Германией, Средней и Южной Европой появилось некоторое экономическое соперничество. Договора Бреши (названные по имени итальянского торгового политика Бреши) — имели своей целью путем секретных преференций в виде тарифных привилегий, обойдя оговорку права наибольшего благоприятствования, развить итальянскую торговлю с Австрией и Венгрией, что практически, в первую очередь, было направлено против Германии как самого главного партнера этих стран. Параллельно с этими торгово-политическими тенденциями шло установление тесного политического сотрудничества с Веной и Будапештом.

После прихода Гитлера к власти итало-германские отношения не улучшились, а, наоборот, скорее ухудшились, несмотря на торжественные поездки некоторых национал-социалистических партийных работников в Рим. Основной причиной этого являлся австрийский вопрос. После свержения социалистов в феврале 1934 года при помощи государственного переворота сверху и устранения парламента новое правительство Дольфуса и затем Шушнинга стремились к тесному сотрудничеству с Италией против Германии. Имевшая место размолвка между Германией и Италией не была устранена после первой встречи Гитлера с Муссолини в Венеции в июне 1934 года. Эта встреча, наоборот, имела очень холодный и деловой вид и не достигла положительных результатов.

Происшедший вскоре за этим, т.е. 25 июля 1935 года, путч в Вене, во время которого был убит Дольфус (жена Дольфуса находилась в это время в гостях у Муссолини в Ричене), вызвал еще большее обострение германо-итальянских противоречий. На ярмарке в Бари Муссолини выступил вскоре после этого с речью, где говорил об обострении отношений с Германией. Итальянский статс-секретарь Министерства иностранных дел Сувич[II] считался ярым противником Германии, так же, как и его предшественник Гранди, который впоследствии был назначен послом в Лондон и в итальянской внешней политике ориентировался на Англию.

[I] Так в документе, речь идет об итальянском политическом деятеле Витторио Шалоя.

[II] Речь идет об итальянском политическом деятеле и дипломате Фульвио Сувиче.

Поворот в германо-итальянских отношениях начался с заявления Лиги Наций о проведении санкций против Италии. Муссолини не рассчитывал на то, что ее нападение на Абиссинию может вызвать такую серьезную реакцию других государств во главе с Англией. Находясь в затруднительном положении, Муссолини был благодарен германскому правительству за его готовность продолжать торговые сношения с Италией в полном объеме, так как Германия не являлась членом Лиги Наций. Кроме того, сильный конфликт с Англией, который играл до сих пор основную роль в итальянской внешней политике, и большое озлобление, царившее в то время в Италии против Англии, привели к тому, что Италия искала другого союзника. Ввиду того, что Франция участвовала также в санкциях и французско-итальянские взаимоотношения оставались натянутыми из-за Туниса, Корсики, Верхней Савойи, Ниццы и из-за политических противоречий в Южной Европе, в качестве такого союзника могла быть только Германия.

Последующим признаком сближения между обеими странами явилось итало-германское сотрудничество в поддержке испанского военного атташе, о котором я уже писал. Замена Сувич в министерстве иностранных дел через Чиано явилась признаком изменения курса по отношению к Германии. Чиано уже ранее считался всегда особым другом Англии, и его большие симпатии к Англии не подлежат сомнению, но все же он не имел проступков против Германии, как Сувич, и, находясь с Муссолини в тесной личной и родственной связи, был готов проводить указанную Муссолини политическую линию.

Во время первого посещения графом Чиано министерства иностранных дел в Берлине в ноябре 1936 года происходили подробные переговоры между Германией и Италией. Хотя и не был заключен конкретный союзный договор, однако с этого времени начала существовать так называемая «ось» Берлин—Рим. Предполагалось также дальнейшее усиление экономической связи.

Следствием этого явилось изменение в позиции Муссолини по австрийскому вопросу, которая сводилась к тому, что в марте 1938 года Италия тотчас дала свое согласие на присоединение Австрии к Германии, в противоположность к позиции Муссолини в 1931 году, когда речь шла о таможенном союзе.

Во время событий в Судетах Муссолини поддерживал Англию в ее стремлениях предотвратить войну, не выставляя, однако, политику Италии на первый план.

Занятие Праги дало повод Муссолини и Чиано для занятия Албании. В отношении этих действий ни Германия, ни Италия не имели предварительной договоренности между собой. В данном случае выяснилось, что, несмотря на тесную связь между обоими государствами, дипломатическая игра была недостаточной и дилетантской. Никто из обоих диктаторов не хотел отказываться от своего приоритета.

Системой договора, в которой выразилась политическая связь между Германией и Италией, явился Тройственный пакт. Инициатива в отношении этого пакта исходила от Германии и Японии, с германской стороны — от Риббентропа и его личного сотрудника Штамер (в последующем посла в Токио), с японской стороны — от японского посла в Берлине — генерала Осима[1]. Участие Италии было второстепенным.

---

[1]Так в документе, речь идет о японском военном деятеле и дипломате Хироши Ошима.

Германо-итальянские взаимоотношения, «ось», юридически были закреплены германо-итальянским союзным договором, так называемым «Стальным пактом», который в мае 1939 года был подписан Риббентропом и Чиано в Милане.

Особым признанием для Италии означено согласие Гитлера на выселение немцев в Южный Тироль, которое было заявлено Гиммлером летом 1939 года итальянскому статс-секретарю Министерства внутренних дел — Буффурини, но не могло быть проведено в жизнь вследствие войны.

В вопросах событий в Польше осенью 1939 года Муссолини пытался уже в последний момент дипломатическим посредничеством помешать началу войны. Об этом посредничестве я уже говорил выше в разделе германо-английских отношений.

Когда Италия, несмотря на заключенный ею союзный договор, не вступила в войну, в Берлине была распространена официальная версия о том, что Гитлер не потребовал от Муссолини выполнения союзного обязательства и полностью согласен с тем, чтобы Италия оставалась вне войны, Гитлеру ничего не оставалось делать, как только выдвинуть это объяснение, так как Муссолини ни в коем случае не был в то время готов для ведения войны.

Мне неизвестно, думал ли Муссолини в то время, что Италия вообще не будет принимать участия в войне, или хотел подождать со вступлением ее в войну до того момента, когда Германия достигнет решающих успехов. Во всяком случае, он хотел сохранить нейтралитет до осени 1939 года.

Итальянский посол в Берлине Аттолико (ранее посол в Москве) был большим противником вступления Италии в войну и оставался им в дальнейшем. Незадолго до вступления Италии в войну он был отозван из Берлина. В декабре 1939 года Аттолико передал в Берлин перечень экономических требований, которые Германия должна была выполнить в случае вступления Италии в войну. В этом списке в первую очередь были указаны поставки, которые Италия должна будет получать от Германии в случае английской блокады. Эти поставки касались, прежде всего, угля, железа, стали, меди, сплавов и химического сырья.

Кроме того, Италия требовала от Германии преимущества при покупке сельскохозяйственных изделий, главным образом хлеба, корма и скота, в Южной Европе. Упомянутый список содержал такое большое количество продуктов, что итальянским экспертам и итальянскому правительству, даже при известной переоценке германских экономических возможностей, должно было быть ясным, что Германия была не в состоянии во время войны поставить такое большое количество продуктов.

Предположительное вступление Италии в войну было поставлено, таким образом, в зависимость от невыполненных предпосылок. Германское правительство вскоре ответило, что оно не может взять на себя обязательство о поставке такого количества продуктов.

Когда 6 месяцев спустя Италия все же вступила в войну, об этих условиях уже не было никакой речи; Муссолини после успехов германских войск во Франции думал, видимо, что война продлится недолго, и не хотел поэтому упустить хороший момент для Италии в отношении старых итальянских притязаний к Франции; полного или частичного получения Туниса, Корсики, Верхней Савойи и Ниццы.

Поскольку вопрос касался Франции, участие Италии в войне не имело бы военного значения, а в политическом отношении это создало бы даль-

нейшее осложнение в германо-французских отношениях. Озлобление против Италии во Франции еще более усилилось, так как, по заявлению французского посла в Риме Франсуа Понсе, в беседе с графом Чиано Италия дала пинок Франции, когда она была уже повергнута на землю.

Правительство Виши не намеревалось при заключении французско-итальянского перемирия делать Италии какие-либо уступки. Насколько мне известно, германская политика в то время не требовала этого от Франции и позднее не давала итальянцам обещаний о поддержке со стороны Германии при проведении в жизнь итальянских территориальных требований к Франции.

Когда 3 месяца спустя Муссолини, главным образом, под влиянием Чиано, без предварительного согласования с Германией напал на Грецию, в берлинских политических кругах предполагали, что одной из причин этого поспешного мероприятия явилось неразрешение итальянских требований по отношению к Франции.

Обстановка для Муссолини изменилась после нападения на Югославию и последующей оккупации Греции. Теперь Муссолини мог удовлетворить выдвигаемые еще с 1918 года итальянские требования по отношению к Югославии и показать итальянскому народу первый «успех» участия Италии в войне. Гитлер предоставил Италии политические преимущества в Югославии и Греции. Подробности о проведении этих мероприятий в Югославии и Греции и о германо-итальянских взаимоотношениях по этим вопросам я описал уже ранее в моей работе об этих странах.

О нападении на Советский Союз Гитлер поставил Италию в известность в последний момент как о решенном и неизбежном факте. При данном Муссолини согласии о направлении итальянских дивизий в Россию, по моему мнению, принималось во внимание то, что итальянское самолюбие, особенно в военных кругах, страдало от того, что война в Африке, т.е. непосредственно итальянском театре действий, велась преимущественно Роммелем и германскими танковыми дивизиями (между прочим, еще в 1940 году Риббентроп имел дружественные представления у Чиано в духе улучшения политических взаимоотношений между Советским Союзом и Италией, когда между итальянским правительством и поверенным в делах Советского Союза в Риме[1] возникли известные разногласия).

Заметное изменение в настроении в Италии наступило зимой 1942—1943 гг. Это изменение было обусловлено военными событиями и, главным образом, неудавшимся германо-итальянским наступлением в Египте, высадкой американо-английских войск в Алжире 8 ноября 1942 года и поражением германской армии под Сталинградом.

К этому прибавлялись большие потери итальянского флота, увеличение воздушных налетов, в первую очередь на Верхнюю Италию, и возрастающие экономические затруднения. Итальянцы жаловались на то, что германские поставки уже недостаточны для снабжения итальянской промышленности. А Германия не могла увеличить поставки в связи с возрастающим напряжением в собственной экономике. Положение со снабжением все более и более осложнялось.

На Юго-Востоке Европы был неурожай, и весной 1942 года Германия была вынуждена, несмотря на недостаток в самой стране, предоставить

[1] Речь идет о полномочном представителе СССР в Королевстве Италия Николае Васильевиче Горелкине.

Италии 300 000 тонн хлеба из собственных запасов, чтобы обеспечить тем самым свое участие в новом итальянском урожае.

Среди широких масс населения росло недовольство, так как оно больше всех страдало от войны; это недовольство росло также и среди руководителей хозяйства, которые были озабочены в связи с понижением производительности итальянской промышленности.

Оно росло в кругах дипломатов и аристократии, где всегда царила большая симпатия по отношению к Англии, и охватило также руководящие круги фашистской партии и даже членов правительства, во главе которых стоял Гранди. Еще будучи министром иностранных дел, Гранди выступал за ориентировку на Англию в итальянской внешней политике, а длительное пребывание в Лондоне в качестве посла еще более укрепило его симпатии к Англии.

Когда итальянская внешняя политика пошла по другому пути, Гранди потерял влияние на внешнюю политику, но когда эти новые пути не привели к успеху, он снова стал играть активную роль. Самыми близкими доверенными лицами Гранди, который до 1943 года занимал пост министра юстиции, были Чиано и Ботай[I].

Когда до Муссолини дошли сведения об этих течениях, он в начале 1943 года привел к так называемой «смене караула», удалив из правительства новых министров и назначив на их место старых фашистов, которых он считал более благонадежными. Однако эта смена правительства не изменила ничего в настроении в стране, а ушедшие в отставку министры, кроме прежних мотивов своего недовольства, стали еще лично озлоблены.

Связь этих кругов со двором осуществлял герцог ди Акпарони[II], который занимал высокую должность при дворе. После смены правительства Риббентроп в конце февраля 1943 года посетил Рим, однако не смог сделать никакого заявления, чтобы изменить настроение в Италии. Муссолини в то время был болен и держался замкнуто. Как мне стало известным, он сообщил в то время Гитлеру свое мнение о том, что необходимо окончить войну, и пытался повлиять на Гитлера, чтобы он предпринял дипломатические шаги в этом направлении. Однако эти попытки, как и все последующие, не имели успеха.

Такая обстановка и наступление англо-американских частей, занятие Сицилии и высадка в Южной Италии привели к свержению Муссолини со стороны оппозиции в собственном партийном руководстве и затем к заключению перемирия.

КЛОДИУС

[Перевела]: особоуполномоч[енный] 4 отдела 3 Гл[авного] Упр[авления] контрразведки [МГБ СССР] ст[арший] лейтенант СТЕСНОВА

ЦА ФСБ России. Н-20912. В 4-х тт. Т. 2. Л. 281—288. Подлинник. Машинопись. Автограф. Рукописный подлинник на немецком языке — т. 2, л.д. 289—302об.

[I] Так в документе, речь идет об итальянском государственном и политическом деятеле Джузеппе Боттаи.

[II] Так в документе. Возможно, речь идет о графе Акуароне, министре королевского двора.

№ 63
СОБСТВЕННОРУЧНЫЕ ПОКАЗАНИЯ Д-РА К. КЛОДИУСА

11 июля 1946 г.
Москва

Перевод с немецкого

Весной 1943 года я вернулся в Берлин из Турции, где находился в служебной командировке по вопросу заключения торгового договора между Германией и Турцией. Находясь в министерстве иностранных дел Германии, я встретился там с сотрудником Секретариата министра фон Риббентропа Иоахима, советником посольства Брунс[1] (или советником посольства Стек, точно не помню), и спросил у него, какие имеются новости. В беседе он рассказал мне, что из германского посольства в Афинах недавно поступило в адрес министерства иностранных дел сообщение о попытках англичан договориться о заключении мира с Германией.

Брунс сообщил мне, насколько я помню, что это сообщение подписал германский посол в Греции Альтенбург или советник посольства фон Гревениц. По этому вопросу, как мне сообщил Брунс, в указанном сообщении говорилось следующее:

В апреле 1943 года в германское посольство в Афинах поступило сообщение от греческих посредников о том, что появившиеся на Пелопоннесе английские агенты имеют задачу выяснить путем переговоров, намерено ли германское правительство и на каких условиях заключить с Англией мир.

Заинтересовавшись этим вопросом, германское посольство в Афинах организовало тайную встречу своего германского агента с англичанами, между которыми происходили переговоры. После переговоров германский агент сообщил, что англичане заявили ему об имеющемся у них задании собрать для английского Генерального штаба сведения о том, намерена ли Германия и на каких условиях заключить с Англией мир.

При этом англичане ничего не сказали об английских условиях в этом отношении. Как сообщил далее германский агент, у него при переговорах с англичанами создалось впечатление, что у лиц, давших им задание, или у влиятельных английских правительственных кругов имеется принципиальная готовность заключить с Германией мир. Сами английские агенты на вид являлись офицерами и при переговорах произвели хорошее впечатление.

Нужно сказать, что появление английских агентов в Греции в то время не было необычным явлением. Итальянцы, оккупировавшие Грецию, не могли охранять изрезанное побережье протяжением в несколько сот километров и большое количество островов.

Агенты прибывали из Египта, где находился центр английской разведки «Интеллидженс Сервис» по обслуживанию Греции, к берегам Греции и высаживались на сушу. Эти агенты находили среди проанглийски настроенного населения помощь и поддержку, так как греки целиком были настроены против итальянцев, а прежняя дружба к Германии поколебалась после нападения Гитлера на Грецию и передачи Греции Италии в качестве оккупационной зоны.

[1] Речь идет о немецком дипломате Георге Брунсе.

Как развивались переговоры дальше, после поступления этого сообщения в Берлин, я не знаю.

КЛОДИУС КАРЛ

«11» июля 1946 г.

Показания отобрал: зам[еститель] начальника 3 отд[еле]ния 4 отдела 3 Гл[авного] управления [МГБ СССР] майор ВАЙНДОРФ

ЦА ФСБ России. Н-20912. В 4-х тт. Т. 2. Л. 303—304. Подлинник. Машинопись. Автограф. Рукописный подлинник на немецком языке — т. 2, л.д. 305—307.

№ 64
СОБСТВЕННОРУЧНЫЕ ПОКАЗАНИЯ Д-РА К. КЛОДИУСА

10 августа 1946 г.
Москва

Перевод с немецкого

Существовала ли между генералом Франко и Италией или Германией связь до того, как Франко со своими колониальными войсками прибыл из испанского Марокко в Южную Испанию и началась гражданская война, мне неизвестно. Насколько я помню, инициатива по оказанию помощи Франко исходила из Италии. Если до начала мятежа и существовала связь, то такая связь, вероятно, существовала у Франко с Италией, а не с Германией. Но мне относительно этого ничего неизвестно.

Когда гражданская война была уже в разгаре, Германия оказывала мятежникам помощь военными материалами и посылкой в Испанию добровольцев. При этом речь идет в первую очередь о посылке самолетов. Добровольцы также состояли вначале, главным образом, из летчиков. Насколько эти «добровольцы» были действительно добровольцами и командировались ли они в Испанию действительно военными органами, мне неизвестно.

Среди самолетов имелись также транспортные машины, назначение которых было облегчить связь Франко с его базой в Марокко и переброску войск оттуда. Кроме того, Германия оказывала Франко финансовую помощь в той форме, что все поставки велись в кредит. Итальянская помощь в отношении посылки добровольцев проводилась в более широком объеме. Итальянцы посылали целые воинские части.

Насколько мне известно, части германской армии принимали участие в боевых действиях в Испании всего один раз, когда Гитлер в отместку за потопленный испанцами немецкий корабль приказал одному или нескольким немецким кораблям обстрелять испанский порт Альмерия[55].

Участие Германии в военных действиях на стороне Франко держалось в Германии в строгом секрете. Но со временем поставки материалов и отправка добровольцев в Испанию не могли не стать известными.

Среди немецкого народа «испанская авантюра Гитлера», как тогда называли, была в высшей степени непопулярной. Не понимали смысла этой авантюры, опасались, что в результате этой авантюры может возникнуть война, и жалели немецких солдат, которые в чужой гражданской войне, которая совершенно не касалась Германии, должны были рисковать своей жизнью. Когда вмешательство Германии в Испании невозможно уже было

сохранить в секрете, Гитлер обосновал это вмешательство тем, что в интересах Германии воспрепятствовать приходу к власти коммунистического правительства в Испании.

Германия и Италия признали правительство Франко, когда уже половина территории Испании находилась в руках Франко. До того в Мадриде, при старом законном правительстве Испании, Германия имела своего посла.

Первым германским послом, который был направлен в Саламанку к Франко, являлся генерал Фаупель[1]. После своей отставки по окончании первой мировой войны Фаупель работал инструктором и организатором в одном южно-американском штате. Впоследствии он был президент Иберийско-американского института в Берлине, в задачу которого входило поддержание отношений между Германией, Испанией, Португалией и Южной Америкой. Поскольку Фаупель являлся старым национал-социалистом, он был назначен Гитлером послом к Франко.

Развитие событий в Испании дало повод к многочисленным дипломатическим переговорам в Испании держав, причем руководящая роль находилась большей частью в руках Англии. По английской инициативе в Лондоне был организован так называемый Комитет невмешательства, в задачу которого входило локализовать конфликт в Испании и воспрепятствовать вмешательству третьих держав или ограничить его.

Рассматривая в то время положение вещей из Германии, создавалось впечатление, что Англии в первую очередь было важно, чтобы в Испании никакая третья великая держава не вытеснила господствующего влияния Англии. Английская общественность была целиком на стороне законного испанского правительства.

Английскому правительству также была нежелательна победа Франко, но, с другой стороны, ему также мало было приятно преобладающее влияние Советского Союза в случае победы законного правительства, равно как и преобладающее влияние Италии и Германии в случае победы Франко. Во всяком случае, вскоре по окончании гражданской войны Англия старалась установить тесные отношения с новым правительством Франко. Сам Франко придавал особое значение хорошим отношениям с Англией.

С началом войны Испания хранила строгий нейтралитет в экономической области. Поставки продолжали поступать с обеих сторон в объеме примерно довоенного времени. В ходе войны позиция Испании по отношению к Германии становилась постепенно сдержаннее и часто была не совсем дружественной, особенно учитывая тот факт, что Испания задолжала Германии за старые поставки несколько сот миллионов марок.

У итальянских и германских дипломатов создалось впечатление, что правительство Франко все экономические соглашения, заключаемые с Германией и Италией, согласовывает предварительно с Англией, причем имевший большое влияние английский посол в Мадриде сэр Самюэль Хор для поддержания англо-американских аргументов угрожал блокадой ввозу продовольствия и сырья в Испанию.

В войне Германии против Советского Союза симпатии правительства Франко были на стороне Германии. Поэтому и в благодарность за итальянскую и германскую помощь во время мятежа Франко отправил в Россию добровольческую дивизию. По тем же самым причинам Испания подписала

[1] Речь идет о генерал-лейтенанте Вильгельме Фаупеле.

осенью 1941 года Антикоминтерновский пакт. К Тройственному пакту, насколько я знаю, Испания не присоединилась.

Для подписания Антикоминтерновского пакта в Берлин прибыл зять Франко — Серрано Суньер, занимавший пост министра иностранных дел. Несмотря на отрицательные позиции в вопросах, касавшихся Советского Союза, правительство Франко старалось сохранить нейтральную позицию между Англией — с одной стороны, и Германией и Италией — с другой стороны.

Последним экономическим соглашением, которое было заключено между Германией и Испанией, являлось соглашение о поставках военных материалов, заключенное в конце лета 1943 г. Между Франко и Гитлером, насколько мне известно, имела место лишь одна встреча, а именно осенью 1941 года. Гитлер находился тогда в Южной Франции, где он имел встречу с Петэном.

Во время этой поездки, которая, между прочим, происходила в сопровождении Риббентропа и Кейтеля, он встретился с Франко на франко-испанской границе. О чем говорилось при этой встрече и кто в ней принимал участие, мне неизвестно. Оттуда Гитлер выехал во Флоренцию, где он встретился с Муссолини.

КЛОДИУС

Перевела: переводчик 4 отд[еления] 4 отдела 3 Гл[авного] упр[авления] МГБ СССР ст[арший] лейтенант ПОТАПОВА

ЦА ФСБ России. Н-20912. В 4-х тт. Т. 2. Л. 308—311. Подлинник. Машинопись. Автограф. Рукописный подлинник на немецком языке — т. 2, л.д. 312—318.

№ 65
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА Д-РА К. КЛОДИУСА

11 сентября 1947 г.
Москва

Клодиус Карл., 1897 года рождения, уроженец г. Бремен, немец, с высшим образованием, член национал-социалистической партии, быв[ший] особоуполномоченный германского правительства при правительстве Антонеску в Румынии, полномочный министр.

Допрос начат в 11 ч. 45 мин.

Переводчик немецкого языка капитан Стеснова об ответственности за заведомо ложный перевод по ст. 95 УК РСФСР предупреждена.

СТЕСНОВА

Вопрос: Находясь на службе в германском министерстве иностранных дел, вы работали за границей?

Ответ: Почти вся моя дипломатическая деятельность с 1921 по 1944 год протекала за границей. С 1927 по 1931 год я работал секретарем германского посольства в Париже, с 1931 по 1932 года я являлся советником германского посольства в Вене, с 1932 по 1934 год — советником и поверенным в делах германского посольства в Софии. С 1937—1938 годов я возглавил работу Торгово-политического департамента МИДа, и мне было поручено ведение экономических переговоров с рядом европейских стран Юго-Востока,

в том числе с Италией, Турцией, Венгрией, Румынией, причем мне постоянно приходилось выезжать в названные страны.

С 1943 года, в связи с моим, по существу, постоянным пребыванием за границей, я выбыл из Торгово-политического департамента и, являясь по должности министериальным директором (начальником департамента) был уполномочен вести все экономические переговоры с указанными выше государствами. При этом я был подчинен лично Риббентропу.

С мая 1944 года и до моего задержания советскими военными властями, в августе того же года, я находился в Румынии в качестве особоуполномоченного германского правительства при правительстве Антонеску. Об этом периоде своей деятельности я подробно показал следствию.

Вопрос: Работая в течение длительного времени за границей, вы были связаны с германской разведкой?

Ответ: С органами германской разведки я никогда не был связан. На официальных приемах мне приходилось видеться с начальником военной разведки Абвер — адмиралом Канарис, однако никаких дел я с ним не имел. Других сотрудников Абвера я не знаю.

Вопрос: Известно, что германское Министерство иностранных дел имело свои собственные разведывательные органы. Вы были связаны с разведкой Министерства иностранных дел?

Ответ: С «разведкой Риббентропа» я также не был связан, хотя мне, как руководящему сотруднику МИДа, известно о существовании этой разведки и стоявших перед нею задачах.

Вопрос: Покажите подробно известные вам данные о деятельности разведки германского Министерства иностранных дел.

Ответ: В Министерстве иностранных дел в 1938—[19]39 году на базе Информационного отдела был основан отдел «Дейче информационсштелле-3», условно именовавшийся «ДИС-3». В задачу этого отдела входила организация под прикрытием германских дипломатических представительств шпионажа за границей с целью сбора политической информации для Риббентропа. Поэтому указанный орган в кругах дипломатов именовался также «разведка Риббентропа». Руководителями «ДИС-3» являлись в разное время статс-секретари Генке и Лютер.

В марте 1943 года при неизвестных мне обстоятельствах Риббентроп узнал, что начальник «ДИС-3» Лютер является доверенным лицом Гиммлера, которого он осведомляет как о деятельности «ДИС-3», так и о самом Риббентропе. Лютер был вслед за этим арестован и заключен в концлагерь.

Как я слышал от лиц, близких к Риббентропу, Гиммлер, желая избежать скандала, заявлял, что Лютер шпионил за Риббентропом «по собственной инициативе», не имея от него, Гиммлера, никаких указаний.

После ареста Лютера отдел «ДИС-3» подвергся реорганизации и был разделен на два отделения «Дойчланд 1» и «Дойчланд 2». Во главе этих отделений были назначены два молодых чиновника министерства. Фамилия одного из них — Вагнер; фамилия второго мне неизвестна. Конкретно чем занимались эти отделения, я не знаю.

Вопрос: Назовите известных вам сотрудников «ДИС-3», входивших в состав германских посольств за границей?

Ответ: Никого из сотрудников «ДИС-3» я не знаю. На основании моего знакомства с работой германского посольства в Бухаресте, я полагаю, что резидентом «ДИС-3» в посольстве являлся советник 1-го класса Редель. Точно мне это, однако, неизвестно.

Вопрос: Вы были связаны с германской службой безопасности?

Ответ: Нет, с германской службой безопасности я связан не был.

Вопрос: Следствию известно, что вы встречались с главой германской службы безопасности Кальтенбруннером?

Ответ: Должен признаться, что я поддерживал связь с Кальтенбруннером.

Вопрос: Покажите о связях с Кальтенбруннером?

Ответ: Впервые я познакомился с Кальтенбруннером в Вене в 1938 году во время ежегодной ярмарки. Кальтенбруннер был в этот период времени полицей-президентом Вены. Мое знакомство с ним носило тогда формальный характер.

Второй раз я встретился с Кальтенбруннером в 1942 году после назначения последнего на пост начальника имперской службы безопасности. Моя встреча с ним состоялась в Берлине в доме моего хорошего знакомого, посланника Нойбахер — близкого друга Кальтенбруннера; я не могу припомнить какой-либо представляющий интерес разговор с Кальтенбруннером во время этой встречи.

В третий раз я имел встречу с Кальтенбруннером при следующих обстоятельствах. Я находился в марте 1944 года в Будапеште, где проводил экономические переговоры с венгерским правительством. Оккупация Венгрии германскими войсками, последовавшая 19 марта 1944 года, хотя и не была для меня неожиданностью, все же, в известной мере, застигла меня врасплох, и переговоры были прерваны.

По-видимому, мое дальнейшее пребывание в Венгрии в этот период времени было нежелательно, так как меня неожиданно посетил Кальтенбруннер, категорически потребовавший моего отъезда из Венгрии. Я отказался и сказал Кальтенбруннеру, что ожидаю указаний из МИДа.

Кальтенбруннер в резкой форме заявил мне, что в таком случае за мной будет учреждена слежка. У меня создалось впечатление, что я нажил в лице Кальтенбруннера опасного врага, однако впоследствии, главным образом при посредстве Нойбахера, между мной и Кальтенбруннером установились хорошие взаимоотношения.

22—23 апреля 1944 года, проездом из Берлина в Бухарест, я остановился в Зальцбурге для переговоров с хозяйственными органами ОКВ. В Зальцбурге находился в то время Нойбахер, и я встретился у него с Кальтенбруннером. Мы обсудили вместе с Кальтенбруннером положение в Румынии.

Кальтенбруннер не в состоянии выправить положение в Румынии, особенно в настоящее время, когда поступают сведения о подготовке румынских правительственных кругов к выходу Румынии из войны.

По мнению Кальтенбруннера, было необходимо, чтобы Германия была представлена более энергичными дипломатами в Румынии. При этом он намекнул, что имеет донесения и о том, что я, якобы, недостаточно оказываю давление на румынское правительство.

Я ответил Кальтенбруннеру, что для пользы дела было бы целесообразно, если бы его агенты действительно помогали германским дипломатам, а не занимались бы составлением кляуз на них. Кальтенбруннер в шутливой форме заметил, что его люди делают все, что в их силах, но что он даст им дополнительные указания в духе высказанного мной положения.

Мы расстались после этой моей последней встречи с Кальтенбруннером друзьями, и я с удовлетворением отметил для себя, что отныне я смогу рассчитывать на полную поддержку со стороны органов СД. Больше с Кальтенбруннером я не встречался.

Вопрос: Выше вы показали, что в мае 1944 года были командированы в Румынию в качестве особо уполномоченного по экономическим вопросам. Следствием установлено, что вы являлись эмиссаром Гитлера и Риббентропа в Румынии и должны были контролировать деятельность румынского правительства. Покажите об этом.

Ответ: Я не отрицаю того, что наряду с ведением экономических переговоров Риббентроп, считая, что посол Киллингер не в состоянии самостоятельно разобраться в сложившейся в Румынии сложной обстановке, поручил мне контролировать политическую линию правительства Антонеску, так как возникали опасения выхода Румынии из войны. Об этом я уже показывал ранее следствию.

Вопрос: Во время приведенной беседы 22—23 апреля 1944 г. с Кальтенбруннером последний знал о том, что вы направляетесь в Румынию с политической миссией?

Ответ: В то время Кальтенбруннер не мог этого знать, так как Риббентроп объявил мне о моих новых задачах в Румынии позднее, а именно 8 мая 1944 года.

Вопрос: Прибыв в мае 1944 года в Румынию, вы установили связь с германской разведкой?

Ответ: Я уже показывал выше, что с разведкой связан не был.

Вопрос: Следствие располагает данными о том, что вы были тесно связаны с разведкой СД и получали от нее политическую информацию о положении в Румынии. Рассказывайте правдиво об этой стороне вашей деятельности?

Ответ: Результатом моей беседы с Кальтенбруннером было то, что вскоре после моего прибытия в Румынию ко мне явился начальник зондеркоманды по контрразведывательному обслуживанию нефтяного района Плоешти — капитан[1] Гунне и главный уполномоченный СД в Румынии Аунер. Гунне ознакомил меня с мероприятиями его команды по борьбе с саботажем и диверсиями. Аунер, в свою очередь, доложил мне, что имеет указание от своего начальства (кого именно, он не сказал) помогать мне в выполнении моей политической миссии.

Мы обменялись с Аунером мнениями о политической ситуации в стране. Аунер рассказал мне, в частности, об интригах группы Маниу, пытающейся установить контакт с англо-американцами. В заключение нашей беседы Аунер обещал снабжать меня политической информацией. Он действительно несколько раз посещал меня впоследствии, но информация, которую я получал от Аунера, как правило, не являлась для меня новостью, так как я располагал своими собственными, более надежными источниками осведомления.

В последний раз я видел Аунера 23 августа в помещении германского посольства в Бухаресте. Аунер мне сообщил тогда, что Киллингер огласил перед сотрудниками посольства содержание беседы, которую я имел накануне с маршалом Антонеску. По мнению Аунера, Киллингер не имел права оглашать эти сведения в таком широком кругу.

Вопрос: Аунер передавал вам какие-либо послания от Кальтенбруннера?

Ответ: Нет, никаких посланий Кальтенбруннера я ни от Аунера, ни от кого-либо другого еще не получал.

Вопрос: Выше вы показали, что располагали собственными источниками информации о политическом положении в Румынии?

[1] Так в документе, Гунне имел звание «гауптштурмфюрер СС», что соответствовало званию «капитан» в вермахте.

Ответ: Я постоянно встречался с Антонеску Ионом и Антонеску Михаем, равно как и с другими румынскими министрами, и из личного общения с ними имел достаточно полное представление о намерениях и настроениях румынского правительства. Кроме того, в силу моего долголетнего и глубокого знания обстановки в Румынии я имел общение с представителями различных группировок, не скрывавших зачастую от меня своих политических замыслов.

Так, например, через бывшего министра финансов Михая Попович, являвшегося близким другом Маниу, мне хорошо были известны настроения в руководстве национал-царанистов. В частности, задолго до 23 августа 1944 года знал о намерениях прогитлеровски настроенного Маниу и его приближенных переменить политический курс, чтобы спасти себя и представляемых Маниу помещиков от неминуемого краха во время оккупации Румынии советскими войсками.

Через руководство румынского Национального банка, бывшего на 2/3 частной собственностью семьи Братиану, я был хорошо осведомлен об ориентации так называемой «либеральной партии Братиану» на англо-американские круги за границей. В частности, я знал о том, что связь между группой Братиану и англо-американцами осуществлялась через нефтяные фирмы «Астро-Романа» и «Ромына Американа», работавшие в тесном контакте с англо-американцами.

Будучи в хороших отношениях с королем Михаем и его окружением, я был осведомлен о ненависти, которую он питал к маршалу Антонеску.

Таким образом, я, безусловно, был лучше информирован о положении в Румынии, нежели германский посол Киллингер.

Я это могу проиллюстрировать следующим фактом. За два дня до государственного переворота в Румынии министерство иностранных дел Германии запросило Киллингера, известно ли ему о намерениях группы румынских политических деятелей во главе с Санатеску свергнуть правительство Антонеску. На этот вопрос Киллингер ответил, что это безосновательные слухи, не отражающие действительно положения в стране. Я же за две недели до переворота располагал достоверными данными о персональном составе будущего правительства Санатеску. Эти сведения я имел от родственника Маниу, по профессии врача (фамилию его не помню), на квартире которого регулярно собирались заговорщики.

Вопрос: Полученную вами информацию вы передавали Риббентропу?

Ответ: Я неоднократно сообщал Риббентропу о критическом положении в Румынии, указывая на то, что Румыния не выдержит еще одного мощного натиска советских войск и что румынское правительство и оппозиционные круги заблаговременно принимают меры для мирного зондажа за границей. Из моих сообщений Риббентропу должно было быть ясно, что Румыния находится накануне выхода из войны.

Протокол записан с моих слов верно, мне переведен на немецкий язык.

КЛОДИУС

Допросил: ст[арший] о[перативный] уполномоченный 4 отдела 3 Главного управления контрразведки МГБ СССР капитан КОПЕЛЯНСКИЙ

ЦА ФСБ России. Н-20912. В 4-х тт. Т. 2. Л. 328—345. Подлинник. Рукопись. Автограф.

№ 66
СОБСТВЕННОРУЧНЫЕ ПОКАЗАНИЯ Д-РА К. КЛОДИУСА «АНГЛО-ГЕРМАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ»

16 октября 1947 г.
Москва

[Перевод с немецкого]

Лейбористская партия

Отношения между лейбористской партией и германскими социал-демократами были очень тесными. Особенно ясно это стало видно в 1928—[19]30 годы после того, как германские социал-демократы одержали на выборах большую победу и их партия приобрела значительный вес, а вождь партии Герман Мюллер стал рейхсканцлером. Со стороны англичан эти отношения поддерживались и оберегались главным образом Макдональдом и Сноуден, а со стороны немцев — Рудольфом Брейтштейдом, который в то время неоднократно бывал в Англии.

На происходивших в те годы международных конференциях Макдональд и, особенно, Сноуден неоднократно выступали против Франции в защиту германских интересов. Эттли не играл тогда еще никакой значительной роли.

Партия консерваторов и Черчилль

В период, последовавший после первой мировой войны, консервативные правительства Англии часто оказывали Германии политическую поддержку. Но эти правительства никогда не выражали желания установления более тесных отношений между Германией и Англией. Английские консерваторы и, главным образом, Черчилль — это «люди, считавшиеся с фактическим положением дел», которые не интересовались Германией, пока она была настолько слаба в политическом и военном отношении, что не могло быть и речи видеть в ней серьезного соперника.

Лишь приблизительно после 1935 или 1936 года появились симптомы, говорящие о том, что в кругах английских консерваторов желают установить более тесные политические отношения с Германией. Вскоре после этого представители Консервативной партии — английский премьер Болдуин вместе с министром иностранных дел (Иденом) — нанесли официальный визит Берлину. Впоследствии Берлин неофициально посетил постоянный второй секретарь английского министерства иностранных дел Ванситтарт, близко стоявший к партии консерваторов, который прежде был оппозиционно настроен к Германии и являлся сторонником профранцузской ориентации.

Влиятельные члены Консервативной партии стали пытаться установить связь с руководителями германской внешней политики, даже используя для этой цели председателя Англо-германского общества герцога Кобургского, который находился в тесных родственных связях с Английским королевским домом и большую часть своей жизни провел в Англии. В германских дипломатических кругах в то время сложилось впечатление, как будто все эти попытки к сближению делаются с полного одобрения Черчилля.

Резкое изменение настроения в кругах английских консерваторов произошло в связи с назначением Риббентропа на пост министра иностранных дел, который еще до этого, будучи германским послом в Лондоне, был как бы одной из причин, тормозивших установление отношений взаимопонимания между Англией и Германией.

Обстоятельства, сопровождавшие разрешение Судетского вопроса осенью 1938 года, и немецкая манера вести переговоры подобно Мюнхену и, тем более, как они велись в Годесберге, ознаменовались дальнейшим ухудшением отношений с кругами английских консерваторов.

Оккупация Чехословакии весной 1939 года лишила возможности даже просто помышлять об установлении отношений взаимопонимания с Англией. Начиная с этого момента Черчилль даже открыто выступал за войну с Германией. Он был убежден, что Германия стала настолько сильным государством, что уже не могла представлять собой интереса как союзник, а, наоборот, превратилась в угрозу для Англии.

Кроме того, консерваторы были убеждены в том, что какое-либо взаимопонимание с Гитлером невозможно. Так как личное вмешательство Черчилля 2.9.1939 года против сопротивления Чемберлена привело к отклонению посредничества со стороны Муссолини и к объявлению Германии войны со стороны Англии.

О попытках Черчилля в период войны установить контакт с влиятельными германскими кругами каким-либо окольным путем мне ничего неизвестно.

КЛОДИУС

16.10.[19]47 г.

Перевел: Опер[ативный] уполн[омоченный] 4 отдела 3 Гл[авного] упр[авления] МГБ СССР ст[арший] лейтенант БУБНОВ

ЦА ФСБ России. Н-20912. В 4-х тт. Т. 3. Л. 29—31. Подлинник. Машинопись. Автограф. Рукописный подлинник на немецком языке — л.д. 32—35об.

№ 67
СОБСТВЕННОРУЧНЫЕ ПОКАЗАНИЯ Д-РА К. КЛОДИУСА «ГУВЕР»

16 октября 1947 г.
Москва

[Перевод с немецкого]

В январе 1937 года Гувер посетил Германию и провел в ней несколько недель.

В США в то время он не был уже у власти, в силу чего его визит носил как бы частный характер. Тем не менее, он был принят с большим почетом. Имя Гувера с некоторых пор звучит в Германии как-то особенно, и не без основания, если вспомнить некоторые проведенные им политические дела.

После первой мировой войны он организовал обеспечение Бельгии продовольствием. В 1931 году по его инициативе и в честь его названный был выпущен Мораториум Гувера, по которому Германия прекращала выплачивать репарации. Почти одновременно он выступил с предложением, смысл которого сводился к тому, что в случае войны и возникновения блокады последняя не должна распространяться на продовольственное снабжение, чего не было в первую мировую войну и что особенно заставило испытывать нужду германский народ.

В период его пребывания в Германии в 1937 году Гувер встречался и беседовал с целым рядом руководителей германской политики и экономики, которые предлагали установление более тесных американо-германских отношений, и особенно экономических.

Больше всего Гувер совещался с Шахтом, который в то время являлся Имперским <нрзб> президентом и руководителем министерства хозяйства, а также имел огромное влияние при разрешении всех экономических и финансовых вопросов.

У Гувера были также установлены связи с германскими частными предпринимателями, так у него и у других американцев были тесные связи с руководящими лицами из концерна Сименск-верке и с тайным советником Шпитц, одним из главных руководителей И.Г. Фарбениндустри. Оба эти концерна были особенно заинтересованы в связях с Америкой.

Высказывания Гувера, характеризовавшие его отношение к Советскому Союзу, мне неизвестны. В авторитетных германских кругах сложилось в то время такое впечатление, что, якобы, стремления Гувера направлены к тому, чтобы США могли проводить в Европе самостоятельную и независимую политику.

Гувер не был резко настроен против англичан, но вместе с тем не хотел, чтобы американская политика в Европе находилась в английском фарватере, а наоборот, чтобы она приобрела решающее значение в европейских делах.

Своих симпатий к национал-социализму в то время Гувер открыто не высказывал.

У немцев сложилось такое впечатление, что он не хотел способствовать сближению Германии с Америкой, независимо от того, что в Германии было национал-социалистическое правительство. В Германии его друзья и деловые лица, с которыми он встречался, насколько это было известно, все без исключения были люди, занимавшие важные посты, но вместе с тем не являвшиеся национал-социалистами.

Я не присутствовал ни на каких переговорах, которые вел Гувер, и видел его только на организованном в честь его официальном вечере, на котором, имея возможность наблюдать, я убедился, что его отношение к Шахту было исключительно сердечное и дружественное.

КЛОДИУС

16.X.[19]47 г.

Перевел: Опер[ативный] уполн[омоченный] 4 отдела 3 Гл[авного] упр[авления] МГБ СССР ст[арший] лейтенант БУБНОВ

ЦА ФСБ России. Н-20912. В 4-х тт. Т. 3. Л. 41—42. Подлинник. Машинопись. Автограф. Рукописный подлинник на немецком языке — л.д. 43—45об.

№ 68
СОБСТВЕННОРУЧНЫЕ ПОКАЗАНИЯ Д-РА К. КЛОДИУСА «БРЮНИНГ»

16 октября 1947 г.
Москва

[Перевод с немецкого]

После смерти старого руководителя германской партии Центра — Маркса, который неоднократно был рейхсканцлером, Брюнинг стал, наравне с прелатом (священный сан католич[еской] церкви — *О.Б.*) Каасом, руководителем партии Центра. После выборов в Рейхстаг в сентябре 1925 года, как представитель социал-демократа Германии Мюллера, Брюнинг был провозглашен рейхсканцлером. В образованном им правительстве были представители партий: гражданской левой и Центра, демократической и народной партии.

Эти партии не образовывали большинства парламента. Правительство Брюнинга получило это лишь при поддержке социал-демократической партии. Эта партия поддерживала правительство Брюнинга лишь для того, чтобы воспрепятствовать образованию правого правительства с участием немецких националистов и, возможно, даже национал-социалистов.

Внешнеполитическая программа правительства Брюнинга состояла в продолжении начатой Штреземаном политики взаимопонимания и дружбы. Внешне это выразилось в том, что на пост министра иностранных дел правительства Брюнинга был назначен ближайший друг и политический соратник умершего Штреземана Куртиус. Особые надежды на политику взаимопонимания Брюнинг возлагал в связи со стремлением еще более улучшить политические отношения с Францией. В период правления Брюнинга впервые был нанесен официальный визит в Берлин французским премьером и министром иностранных дел Франции.

В вопросах внутренней политики Брюнинг боролся за поддержку демократической Веймарской республики. Его главная деятельность заключалась, прежде всего, в защите парламентской демократии от все усиливавшихся нападок со стороны национал-социалистов и германских националистов.

Брюнинг погорел благодаря все усиливавшемуся обострению экономического кризиса, предотвратить который он был не в силах. Свое главное внимание он обратил на разрешение экономических и финансовых вопросов и, вникая в дела лично, пробовал найти выход из создавшегося трудного положения.

Но проводимые им жесткие мероприятия экономики, сокращение заработной платы и т.д. сделали его правительство непопулярным, не принимая во внимание уже то, что безработица все увеличивалась.

Сам Брюнинг был безупречный, аскетический человек, но проводимая им политика ограничения и жертв ради спасения Германии не могла обладать той силой противодействия пропаганде национал-социалистов и германских националистов. Таким образом, каждый новый безработный становился противником правительства.

Провалы различных программ по вопросам труда все более ослабляли положение Брюнинга. Его попытки улучшить положение правительства в вопросах внутренней политики путем внешнеполитических успехов оказались безрезультатными.

Его план австро-германского таможенного тарифа в 1931 г. провалился после протеста Франции, к которому присоединился Сталин, а после некоторого колебания и Англия. Финансовое положение Германии ухудшалось еще более благодаря банкротству в июле 1931 года одного крупного берлинского банка, что привело к необходимости ввести еще более строгие вексельные отношения в германской экономике.

Последовавший после этих событий мораториум Гувера, по которому выплачивание германских репараций приостановилось на один год, представлял собой как бы политический успех для Брюнинга, но, к сожалению, этого было недостаточно для укрепления положения Брюнинга, к тому же этот успех правая оппозиция всячески старалась затмить провалом тарифного соглашения с Австрией.

В конечном итоге имперский президент Гинденбург был вынужден под давлением правой оппозиции в мае 1932 года предложить Брюнингу подать в отставку.

Закат Брюнинга ознаменовал собой одновременно и гибель демократической Веймарской республики. Брюнинг был последним германским рейхсканцлером, энергично и убежденно боровшимся за демократию. Сейчас же после его отстранения Гинденбург совместно с приемником Брюнинга, нарушая конституцию, насильственным путем разогнали социал-демократическое правительство Пруссии. Само собой разумеется, что Гинденбург знал, что Брюнинг, как рейхсканцлер, всеми силами боролся против применения такого акта насилия.

После отстранения от руководства правительством Брюнинг отошел от политики. В его собственной партии, в которой он постоянно примыкал к левому крылу, после его смещения произошел сдвиг влево, что значительно затрудняло продолжение его политической деятельности.

После январских событий 1933 года Брюнинг вначале еще оставался в Германии и, занимаясь научной работой, оставался в стороне, проживал на Рейне. Впоследствии он переехал в Америку, где где-то на Востоке США стал в качестве профессора преподавать в университете. Его основным занятием были вопросы социологии. Из желания, чтобы его студенты приходили к нему на лекции не как к бывшему политику и рейхсканцлеру, а как к просто профессору, он проживал в Америке под псевдонимом. За период пребывания в Америке до 1944 года он не появлялся на политической арене.

Я лично знал Брюнинга. В 1931 году, в период моего пребывания в Париже в качестве советника и референта при германском посольстве по внешнеполитическим вопросам и франко-германским отношениям, я сделал исчерпывающий доклад Брюнингу о положении во Франции.

При этом я смог установить, насколько он глубоко вникает в вопросы этой проблемы и насколько он серьезно озабочен и заинтересован дальнейшим сближением между Францией и Германией, что должно было бы благоприятно повлиять на международное положение.

В области экономики ближайшим соратником Брюнинга был тогда статс-секретарь имперского министерства экономики Шеффер, с которым я был хорошо знаком. От него я впервые услышал подробности того, с какой энергией сам Брюнинг старался, пытаясь использовать улучшение экономического положения Германии, повести успешную борьбу с национал-социалистами и германскими националистами, за демократию. Шеффер, будучи социал-демократом, после 1933 г. выехал за границу, где я с ним и виделся в период войны.

КЛОДИУС

16.X.[19]47 г.

Перевел: Опер[ативный] уполн[омоченный] 4 отдела 3 Гл[авного] упр[авления] МГБ СССР ст[арший] лейтенант БУБНОВ

ЦА ФСБ России. Н-20912. В 4-х тт. Т. 3. Л. 46—48. Подлинник. Машинопись. Автограф. Рукописный подлинник на немецком языке — л.д. 49—54об.

№ 69
СОБСТВЕННОРУЧНЫЕ ПОКАЗАНИЯ Д-РА К. КЛОДИУСА «ПАПА ПИЙ XII»

22 ноября 1947 г.
Москва

Перевод с немецкого

Вскоре после первой мировой войны Пачелли был назначен нунцием в Германии. Его назначение совпало примерно с переводом нунциатуры из

Мюнхена в Берлин. На этом посту он пробыл около 10 лет. Будучи нунцием, он одновременно был дуажом дипломатического корпуса.

Перенесение нунциатуры соответствовало желанию тогдашнего германского правительства, которое не желало, чтобы дуажом был посол Франции, с которым в то время отношения были чрезвычайно натянуты.

Пачелли в Берлине занимал очень почетное положение. Он хорошо говорил по-немецки и за время своей долголетней деятельности в Мюнхене и Берлине заимел много знакомств. Особенно тесными были его связи с партией Центра. Его особым личным поверенным был бывший уполномоченный и позднее представитель Центра прелат Каас.

Примерно в 1931 году Пачелли был отозван из Берлина и назначен гос[ударственным] секретарем-кардиналом (мин[истр] ин[остранных] дел Ватикана). Находясь на этом посту, он также продолжал поддерживать близкие связи с Германией, и прежде всего с католическими кругами. При этом проявлялась его точная осведомленность в области внутриполитических отношений Германии.

Вскоре после захвата власти Гитлером прелат Каас покинул Германию и снова остался в Риме. Там он был политическим советником Пачелли по всем вопросам, касающимся Германии. На этой должности он оставался также после избрания Пачелли папой. В качестве гос[ударственного] секретаря Ватикана в 1933/1934 гг. Пачелли вел с бывшим вице-канцлером фон Папен переговоры о конкордате.

Вообще официальная связь Пачелли с германским правительством в первую линию поддерживалась через посла фон Берген, который более 20 лет работал в Ватикане, сначала как прусский посланник, а затем как германский посол. Известное влияние на отношение к германским делам оказал принц фон Байерн[1], являвшийся в течение многих лет прелатом Ватиканского государства.

После того как Пачелли в 1939 году был выбран папой, его участие в решении текущих проблем, естественно, проявлялось меньше. Мне известно, что Пачелли как папа принимал большое участие в разрешении всех проблем гос[ударственного] секретаря кардинала и что особый интерес он проявлял к вопросам, касающимся Германии. Это нашло также выражение в том, что он часто устраивал общие аудиенции для германских паломников, также давал отдельные аудиенции немцам, посещавшим Рим.

В марте 1940 года среди прочих он принял также бывшего министра иностранных дел Германии Риббентропа, который в первый раз после избрания Пачелли в папство прибыл в Рим. Эти переговоры шли по общим линиям, насколько тогда было известно, актуальные вопросы при этом не обсуждались.

Посол фон Берген в 1943 году, когда ему было 40 лет, был заменен гос[ударственным] секретарем министерства иностранных дел фон Вейцзекер.

Представлял ли Вейцзекер на этом посту особую политическую актуальность, мне неизвестно. Но это маловероятно, если принять во внимание известное критическое отношение Вейцзекер к общей политике Германии.

В 1943/[19]44 гг. было мало предпосылок к тому, чтобы отдельные действия Вейцзекер, предпринятые им согласно его политических установок и выгодных для папства именно в направлении предприятия шагов всех держав-участников к созданию мира, имели перспективы на успех.

[1] Речь идет о Леопольде Баварском.

За несколько лет до этого широкие круги Германии — не приверженцы нацистского правительства, возлагали большие надежды на посещение американским кардиналом Спеллман папства. О конкретных предложениях по поводу мира мне тогда не было ничего известно.

Общие позиции Пачелли характерны следующим.

Известно, что каждый вновь избранный папа сам выбирает себе имя, причем обычно выбор имени выражает того предшественника, по стопам которого намерен идти новый папа.

Выбор имени Пий означает особое участие в разрешении социальных проблем и специальных проблем вопроса труда, так как первый знаменитый свод законов по вопросам труда был издан Пием X.

Как католический священник, Пачелли не мог быть другом национал-социализма, поскольку это касалось церковной политики национал-социализма Германии. Это доказывает также его дружба с прелатом Каас, который до 1938 года был одним из влиятельнейших людей в Германии и после своего бегства из Германии, конечно, остался врагом национал-социализма.

Совсем дело обстоит по-другому, если это касается общих позиций Пачелли и отношения к национал-социализму, а также политических целей национал-социалистической Германии. Мне неизвестно, чтобы Пачелли, как гос[ударственный] секретарь кардинала и как папа, предпринимал когда-либо действия или требования действий, направленных к тому, чтобы расстроить или затруднить проведение политических целей Гитлера.

Во время войны он ни в коем случае не занимал позиции, направленные против агрессивной политики Гитлера. Он уступал всякую политику — политике национал-социалистов, и во время войны он не совершил ни одного действия и не сделал ни одного высказывания, направленного против национал-социалистических целей.

Тяжелое положение населения в странах, занятых Германией, не вызвало в нем также никакого протеста, хотя в некоторых случаях, так, например, в Польше, он имел дело со странами, где все население было исключительно католическим и при хорошей организации католиков, без сомнения, он мог бы получить в свое распоряжение богатые материалы о положении населения в занятых странах.

Также позиции Пачелли во время войны нельзя объяснить только его многолетним пребыванием в Германии и дружеским отношением к германскому народу, а объясняется его симпатиями к политическим целям национал-социализма.

Во всяком случае, начиная с 1941 года в общественности его отрицательное отношение к Советскому Союзу и его надежды на успех «крестового похода против большевизма» сыграли свою роль.

Отношение Пачелли к Муссолини и к фашистской Италии, насколько мне известно, можно назвать «дружбой в резерве», в соответствии с духом договора Латерана[56], по которому католическая религия рассматривается как государственная религия Италии. Вышеуказанные политические позиции Пачелли во время войны, без сомнения, вызваны тем, что как итальянец он не хотел выступать против Италии и ее союзников.

Подробности об отношениях папства к Франко мне неизвестны. Я считаю их очень близкими, так как католическая церковь в Испании является главной опорой Франко. Так как влияние Ватикана в Австрии постоянно было очень большим, в этой связи интересно отметить, что назначение

Иницера архиепископом Вены и кардиналом следует отнести за счет личной инициативы Пачелли, который в то время был гос[ударственным] секретарем кардинала.

КЛОДИУС

22.XI.[19]47 г.

Перевел: КОПЕЛЯНСКИЙ

ЦА ФСБ России. Н-20912. В 4-х тт. Т. 3. Л. 69—73. Подлинник. Машинопись. Автограф. Рукописный подлинник на немецком языке — л.д. 74—79.

№ 70

СОБСТВЕННОРУЧНЫЕ ПОКАЗАНИЯ Д-РА К. КЛОДИУСА «О ЛИЧНОМ СОСТАВЕ ГЕРМАНСКОГО МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ»

Декабрь 1947 г.[I]
Москва

Перевод с немецкого

СОДЕРЖАНИЕ

1. Статс-секретари.
2. Послы.
3. Младшие статс-секретари.
4. Посланники, занимавшие посты начальников миссий.
5. Посланники.
6. Генеральные консулы.
7. Советники посольств.
8. Легационные советники с правом доклада.
9. Легационные советники.
10. Консулы.
11. Легационные секретари и вице-консулы
12. Дополнение[II].
13. Заключение.

ПРИМЕЧАНИЕ К НИЖЕИЗЛОЖЕННОМУ ОБЗОРУ

1. Этот обзор составлен по состоянию на лето 1944 года. Однако мною учтены все те, кто с января 1933 года покинул свои посты по причинам своего еврейского происхождения или потому, что во время войны для них не нашлось подходящих должностей.

2. Мною перечислены в обзоре полностью: статс-секретари, послы и младшие статс-секретари. Почти полностью приведены посланники, генеральные консулы, советники посольств и легационные советники с правом доклада. Легационные советники, консулы, легационные секретари и вице-консулы перечислены только те, кого я знал лично и кого в настоящее время я еще помню.

3. В этом обзоре указано также, являлось ли данное лицо членом НСДАП и вступило ли оно в партию до или после января 1933 года. Если такие данные отсутствуют, то это свидетельствует о том, что я уже не помню об этом.

[I] В подлиннике на немецком языке документ датирован 29.11.1947 г.
[II] Пункты 12 и 13 не переведены на русский язык.

В этом случае совершенно исключено, чтобы упомянутое лицо являлось членом НСДАП до января 1933 года, а также не вступило в парию при поступлении на службу в МИД после 1933 года.

4. До 1933 года германские кадровые дипломаты не принадлежали, в основном, ни к какой партии. Поэтому их взгляды на внутреннюю политику могут быть изложены только в сравнительно редких случаях, т.е. тогда, когда то или иное лицо проявляло свои взгляды по внутриполитическим вопросам во внешней политике.

5. Лиц, перед фамилиями которых мною поставлен знак «X», я считал бы возможным использовать в новой демократической Германии.

1. СТАТС-СЕКРЕТАРИ

Барон фон Вейцзеккер, примерно 1885 года рождения, офицер морского флота. Поступил на службу в МИД Германии приблизительно в 1919 году. С 1920 по 1928 годы являлся консулом в Базеле, с 1928 по 1931 годы работал легационным советником с правом доклада по вопросам Лиги Наций. С 1932 по 1934 годы посланник в Осло, с 1934 по 1937 годы посланник в Берне, с 1937 по 1938 годы министериал-директор и начальник Политического отдела МИДа. Фон Вейцзеккер — опытный, умный и осторожный дипломат, противник политики Гитлера и, главным образом, Риббентропа. В 1939 году в связи с войной против Польши Вейцзеккер изложил в меморандуме протест против войны и для подтверждения протеста просил о своем увольнении из МИДа. Когда ему в этом было отказано, он стал заниматься текущими делами в МИДе и не имел никакого влияния на важные политические решения. Ввиду того, что его противоречия с Риббентропом все более и более обострялись и его отрицательное отношение к германской внешней политике стало достоянием внешнего мира, он был переведен на работу в Рим. Когда я после переговоров возвращался из-за границы, мне неоднократно приходилось бывать с докладами у Вейцзеккер, во время которых я делился с ним своими впечатлениями. При этом я мог констатировать, что отрицательное отношение Вейцзеккер к гитлеровской политике оставалось всегда неизменным. Несмотря на то что, будучи старшим и единственным по званию кадровым дипломатом и занимая должность начальника всего министерства и заместителя Риббентропа, имел право оказывать влияние на германскую внешнюю политику, он, однако, совершенно от этого отказался. Однажды Вейцзеккер заявил мне, что в начале войны им были ясно изложены его позиции и что теперь он ничем не может помочь, так как всякая попытка в этом направлении бесперспективна. В НСДАП Вейцзеккер вступил после 1933 года. Насколько мне помнится, Риббентроп, сделавшись министром иностранных дел в 1938 году, отдал распоряжение о присвоении Вейцзеккер, как и многим другим высшим чиновникам МИДа, звания высшего руководителя СС. Однако мне никогда не приходилось видеть Вейцзеккер в форме СС.

Барон Штеенграхт фон Мойланд, примерно 1904 года рождения, юрист, землевладелец. В НСДАП вступил до 1933 года, по партийной линии являлся окружным крестьянским руководителем. Был сотрудником «Бюро Риббентропа». В МИД поступил приблизительно в 1936 году, после того как Риббентроп был направлен послом в Лондон. С 1936 по 1938 годы — легационный секретарь в Лондоне, с 1938 по 1939 годы — легационный секретарь в Протокольном отделе МИДа. С 1940 года начальник адъютантуры и

личного штаба министра иностранных дел. В 1942 году возведен в ранг посланника. Весной 1943 года являлся статс-секретарем МИДа. Штеенграхт не имеет никакого опыта во внешнеполитических вопросах и не может дать по ним своего суждения. Находясь на должности статс-секретаря, считал себя только личным секретарем и адъютантом Риббентропа, приказы которого и выполнял. Мне кажется, что он имел звание среднего руководителя СС.

Кепплер, примерно 1887 года рождения, один из самых старых членов НСДАП и обергруппенфюрер СС. До 1933 года являлся консультантом по хозяйственным вопросам при руководстве НСДАП. После 1933 года переведен консультантом по хозяйственным вопросам в Имперскую канцелярию. Руководитель «Имперского бюро по исследованию почвы». Вскоре после назначения Риббентропа на пост министра иностранных дел в 1938 году Кепплер был переведен на работу в МИД в качестве «статс-секретаря по особым поручениям». В 1932 году он познакомил Риббентропа, который в то время был еще очень молодым членом партии, с Гитлером. За это Риббентроп был ему всегда признателен. Будучи статс-секретарем в МИДе, Кепплер не имел постоянной работы, а выполнял ряд специальных политических заданий вне министерства. Мое суждение о Кепплере лучше всего можно видеть из нижеприведенной характеристики. Своим друзьям я неоднократно заявлял, что Кепплер при суждении о вещах и, главным образом, о людях являлся самым благонадежным политическим барометром, который мне пришлось когда-либо встречать. Надо было только делать обратное тому, что он советовал, и никогда не ошибешься.

Боле, примерно 1902 года рождения. Об его образовании мне ничего неизвестно. Немец, проживал в Южной Америке и Египте, где его отец занимался торговлей. Старый член НСДАП. С конца 1932 года или начала 1933 года являлся руководителем Заграничной организации в звании гауляйтера. Примерно в 1935 году был зачислен в МИД и произведен в статс-секретари с сохранением при этом своих функций в Заграничной организации партии. В 1939 или 1940 годах из-за личных или служебных разногласий с Риббентропом ушел со службы в министерстве иностранных дел. Имел звание группенфюрера СС.

2. ПОСЛЫ

Фон Берген, родился в 1873 году, примерно с 1919 по 1943 годы посол в Ватикане. На политической арене никогда особенно не выделялся.

Граф Шуленбург, родился в 1876 году, юрист, поступил на службу в МИД примерно в 1905 году. До первой мировой войны вице-консул в Неаполе и в Варшаве, консул в Тифлисе (Шуленбург мог до 1914 года занимать должность только консула и не имел права быть дипломатом, так как у него не было соответствующего состояния, которое полагалось иметь в кайзеровской Германии каждому дипломату). С 1919 по 1922 годы — референт по Юго-Восточной Европе в Политическом отделе МИДа. В 1921 году назначен на должность легационного советника с правом доклада. В конце 1922 года посланник в Тегеране. Примерно в 1931 году посланник в Бухаресте. В 1934 году посол в Москве. Граф Шуленбург — опытный, умный дипломат. Сторонник политического и экономического сотрудничества Германии с Советским Союзом. Противник войны с Советским Союзом. Перед началом войны во время личного доклада предостерегал Гитлера от этого шага. Поддерживал тесную связь с политическими кругами, враждеб-

но настроенными к гитлеровской политике, в особенности же к лицам, участвовавшим в покушении 20 июля. Член партии после 1933 года.

Фон Дирксен, родился примерно в 1885 году, юрист, в МИД поступил незадолго до 1914 года. После первой мировой войны в течение многих лет работал в Восточном отделе министерства, в последнее время в качестве заместителя начальника отдела и затем министериал-директора и начальником отдела. Большой сторонник «восточной ориентировки» в германской политике и дружбы с Советским Союзом. Ученик Брокдорфа-Рантцау. Примерно с 1932 по 1934 года — посол в Москве, с 1934 по 1938 годы — посол в Токио, с 1938 по 1939 годы — посол в Лондоне. Член партии после января 1933 года. До 1933 года стоял на позиции германских националистов.

Граф Вельчек [Graf Welczek], родился примерно в 1880 году, поступил на службу в МИД в качестве атташе до 1914 года, с 1922 по 1926 годы — посланник в Будапеште, примерно с 1926 по 1935 годы — посол в Мадриде, примерно с 1935 по 1939 годы — посол в Париже. Кадровый дипломат с известными традициями, но без политического таланта и политической инициативы. Член партии после января 1933 года.

Дикгоф[1], родился примерно в 1885 году, журналист. Поступил на службу в МИД до 1941 года. После первой мировой войны являлся легационным советником в Праге, затем советником посольства в Вашингтоне и в Лондоне. Примерно с 1931 по 1936 годы — министериал-директор и начальник отдела «Англия—Америка» в МИДе. С 1936 по 1937 годы — начальник Политического отдела МИДа. С 1937 по 1938 годы вел дела статс-секретаря. С 1938 по 1939 годы — посол в Вашингтоне. С 1939 по 1943 годы советник по американским вопросам в МИДе. В 1943 году — посол в Мадриде. Член партии после 1933 года. Его всегда считали как очень квалифицированного дипломата-профессионала.

Барон фон Шон [Freiherr von Schoen], родился примерно в 1885 году (отец работал статс-секретарем в МИДе кайзеровской Германии с 1906 по 1910 годы, затем послом в Париже до 1914 года). Шон поступил на службу в МИД примерно в 1908 году, до 1914 года являлся атташе и легационным секретарем в Лондоне, Париже и Петербурге, кроме того, в Восточной Азии. После Первой мировой войны работал продолжительное время легационным секретарем и легационным советником с правом доклада в МИДе, а затем, насколько мне помнится, советником посольства в Токио. Последнее время посол в Чили до разрыва дипломатических отношений в 1943 году. Член партии после 1933 года.

Барон фон Терман [von Thermann], родился примерно в 1885 году, юрист. В МИД поступил в качестве атташе до 1914 года. После первой мировой войны — легационный советник в Политическом отделе МИДа, с 1922 года советник посольства в Вашингтоне, примерно с 1928 по 1933 годы или 1934 год генеральный консул в Данциге, затем посол в Буэнос-Айресе (Аргентина) до разрыва дипломатических отношений в 1942 году. Член партии после 1933 года, имел ранг высшего руководителя СС.

Фон Макензен, родился в 1882 году, сын известного генерал-фельдмаршала, зять бывшего министра иностранных дел Нойрат, офицер, поступил на службу в МИД примерно в 1921 году. С 1922 по 1923 годы — личный секретарь бывшего министра иностранных дел фон Розенберг. С 1924 года и при-

[1] Речь идет о немецком дипломате Гансе Генрихе Дикхоффе.

мерно по 1926 год — легационный советник в Риме, с 1926 по 1928 годы — легационный советник в Брюсселе, с 1928 по 1931 годы — советник посольства в Мадриде, затем непродолжительное время замещал посланника в Тиране, с 1932 по 1937 годы — посланник в Будапеште, с весны 1937 по весну 1938 года — статс-секретарь в МИДе. Эту должность он покинул через год в связи с заменой Нойрата Риббентропом. С 1938 года по август 1943 года — посол в Риме. Член партии после 1933 года, однако имел ранг высшего руководителя СС.

Карл Риттер, родился в 1883 году, юрист, до 1914 года находился в колониях, затем работал в старом имперском управлении внутренних дел. После 1918 года вначале правительственный советник и министерский советник в Министерстве хозяйства или Министерстве финансов Германии. В 1922 году перешел на службу в МИД как специалист по хозяйственным вопросам, тогда же получил ранг легационного советника с правом доклада, а в 1925 году — министериал-директора. С 1922 по 1937 годы — начальник Торгово-политического отдела МИДа. С 1937 по 1938 годы посол в Рио-де-Жанейро (Бразилия), с осени 1938 года вернулся на работу в центральный аппарат, вначале выполнял специальные поручения, преимущественно хозяйственного характера. В 1939 году руководил экономическими переговорами с Советским Союзом в Москве. Наряду с этим являлся начальником отдела по военным вопросам, а также связником между МИД и ОКВ. Риттер один из лучших германских специалистов в области международных финансовых и хозяйственных вопросов. Член партии после января 1933 года.

Прюфер [Prüfer], родился примерно в 1885 году, юрист и знаток иностранных языков. Поступил на службу в МИД примерно в 1910 году как переводчик восточных языков. С 1910 по 1914 годы работал переводчиком в Турции и Египте. После первой мировой войны легационный советник в Политическом отделе МИДа. В течение многих лет являлся легационным советником с правом доклада и референтом по вопросам Ближнего Востока. Затем несколько лет работал посланником в Адис-Абебе. С 1936 по 1939 годы министериал-директор и руководитель отдела личного состава. С 1939 по 1942 годы, т.е. до разрыва дипломатических отношений, являлся послом в Рио-де-Жанейро (Бразилия). С 1942 года консультант по восточным вопросам в центральном аппарате министерства. Член партии после января 1933 года.

Верман [Woermann], родился примерно в 1888 году, юрист. В 1919 году поступил на службу в МИД. С 1921 по 1924 годы легационный секретарь германского посольства в Париже, с 1924 по 1925 годы представитель МИДа при германской делегации по германо-французским торговым переговорам. С 1926 по 1929 годы легационный советник в Вене. С 1929 по 1932 годы референт в Торгово-политическом отделе МИДа. С 1932 по 1935 годы легационный советник с правом доклада и референт по вопросам международного права в Правовом отделе. С 1935 по 1936 годы работал в должности исполняющего обязанности заместителя начальника Политического отдела МИДа, тогда же ему было присвоено звание посланника. С 1936 по 1938 годы советник посольства в Лондоне, с 1938 по 1943 годы младший статс-секретарь и начальник Политического отдела МИДа. С весны 1943 года посол в Нанкине. Один из одареннейших германских кадровых дипломатов, умеющий хорошо оценить политическую обстановку, признанный авторитет в области международного права, специалист по торгово-политическим вопросам.

В 1939 году у Верман были серьезные разногласия с Риббентропом по вопросам внешней политики. Хотя Риббентроп и оставил его в прежней должности, однако отстранил с этого времени от всякого участия в вынесении политических решений, так что его работа ограничивалась разрешением текущих вопросов, как и у Вейцзеккера. Член партии после 1933 года, имел ранг высшего руководителя СС. До 1933 года являлся демократом.

*[I]*Фон Ринтелен*[II], примерно 1897 года рождения, юрист, в МИД поступил как атташе в 1921 году. С 1923 по 1926 годы являлся легационным советником в Париже. С 1927 по 1932 годы легационный советник в Варшаве, с 1932 по 1940 годы легационный советник и легационный советник с правом доклада, а также референт по Англии и Франции в политическом отделе МИДа. С 1940 по 1943 годы исполняющий обязанности зам[естителя] начальника Политического отдела МИДА в ранге посланника. С весны 1943 года возведен в ранг посла, однако продолжал работать в центральном аппарате министерства. С 1941 по 1943 год работал в тесном окружении министра иностранных дел. Летом 1943 года по особой причине был удален из окружения министра и, несмотря на недавнее присвоение ранга посла, был совершенно отстранен от работы. Брат Ринтелена — генерал[III], в течение ряда лет являлся военным атташе в Риме и с момента вступления Италии в войну был германским уполномоченным при итальянском командовании армией. После смещения Муссолини генерала Ринтелен упрекали в том, что он, имея хорошие связи с итальянскими генералами, враждебно настроенными к Муссолини, знал о предстоящем смещении Муссолини, но, будучи католиком и старым приверженцем центристской партии, не поставил германское правительство и свое руководство, т.е. посла и ОКВ, в известность. Чем закончился начатый в то время процесс против генерала Ринтелен, мне неизвестно. Во всяком случае, в связи с этим у Риббентропа появилось недоверие и к брату генерала, и он немедленно удалил его из своего окружения. Это недоверие имело место еще раньше, а данная причина послужила лишь толчком. Риббентроп ценил Ринтелен как специалиста и работника, знал, однако, что Ринтелен был совершенно другого мнения о проводимой им внешнеполитической линии, к тому же Ринтелен часто делал напрасные попытки повлиять на Риббентропа. Ринтелен считается, как мне кажется, по праву одним из наиболее способнейших германских кадровых дипломатов, хотя ему в течение продолжительного времени тесной работы совместно с Риббентропом не удалось повлиять на него в положительную сторону. Объясняется это тем, что Ринтелен поддерживал тесный контакт с Риббентропом в период (весна 1941 года), когда Гитлер окончательно занял свою позицию по отношению к СССР. В партию Ринтелен вступил после января 1933 года.

Фридрих Гаусс [Gauss], родился примерно в 1885 году, юрист. В МИД поступил в 1910 году. Был вице-консулом в Константинополе. В 1914 году служил в армии солдатом, затем был отозван из армии и работал в Правовом отделе МИД. После войны в ранге легационного советника и легационного советника с правом доклада работал референтом по вопросам международного права в Правовом отделе. С 1923 по 1943 год — начальник Пра-

---

[I] Здесь и далее перед некоторыми фамилиями в показаниях Клодиуса поставлен значок «х». Далее по тексту эти лица будут выделены значком «*», стоящим впереди фамилии.

[II] Речь идет о немецком дипломате Эмиле фон Ринтелене.

[III] Речь идет о немецком военном деятеле, генерале пехоты Энно фон Ринтелене.

вового отдела. В 1924 году получил ранг министериал-директора, в 1938 или 1939 году — младшего статс-секретаря. Весной 1943 года возведен в ранг посла для особых поручений. Будучи начальником Правового отдела и еще ранее референтом по международным вопросам, Гаусс почти в течение 25 лет являлся юридическим советником всех министров иностранных дел. В этой связи он находился в тесном контакте с министром, составлял и редактировал проекты всех международных договоров, участвовал во всех переговорах и всех больших международных конференциях и заседаниях Лиги Наций. Его влияние не ограничивалось только юридической стороной проблем, он был для отдельных министров иностранных дел, главным образом для Штреземана и Куртиуса, одним из авторитетнейших политических советников. Вскоре после назначения Риббентропа на пост министра иностранных дел он привлек Гаусс в свое тесное окружение. Во время всей войны Гаусс почти всегда находился в ставке Риббентропа, где последний проводил большую часть своего времени. Если, кроме Вейцзеккера, кто-либо из представителей старой дипломатии смог бы оказать влияние на Риббентропа и тем самым, косвенно, на Гитлера, то им должен был бы быть Гаусс, который привлекался к подготовке важных дипломатических мероприятий как единственный кадровый дипломат-юрист, так как Риббентроп не мог обходиться без его сотрудничества. Кроме того, чрезвычайно ценной была его помощь при редактировании всех документов, так как Гаусс был блестящим стилистом и признанным авторитетом в области международного права. Гаусс талантливый, высококультурный и всесторонне развитый человек. Однако, по моим наблюдениям, у него не было никогда своей политической линии и достаточной энергии, чтобы проводить такую линию перед своим начальством, хотя он, как постоянный юридический и политический советник министра, всегда имел такую возможность. Поэтому его деятельность была до тех пор ценной, пока он служил министрам, которые сами проводили правильную политическую линию и могли использовать его большие способности для пользы дела.

Ран [Rahn], родился примерно в 1900 году, юрист или экономист. Поступил в МИД в качестве атташе в 1930 году, примерно с 1932 по 1934 год — атташе посольства в Анкаре. С 1935 по 1936 годы работал легационным секретарем в Торгово-политическом отделе МИДа. С 1936 по 1939 годы легационный советник в Лиссабоне. Во время войны выполнял различные специальные задания, после 1940 года примерно два года работал во вновь созданном германском дипломатическом представительстве в Париже, примерно в 1942 году получил ранг посланника. После свержения Муссолини и незадолго до выхода Италии из войны был направлен в качестве поверенного в делах в Рим и вскоре был назначен послом при образованном в Северной Италии правительстве Муссолини. Ран — способный, энергичный человек, с хорошими знаниями по экономическим вопросам. Мог давать точное суждение по внешнеполитическим вопросам. Член партии после января 1933 года. Мне кажется, что Ран имел звание высшего руководителя СС, однако не совсем в этом уверен.

Бюлов-Шванте[1], родился примерно в 1890 году, землевладелец, до 1933 года являлся руководителем в «Стальном шлеме». До 1933 года германский националист. При слиянии «Стального шлема» и СД в 1933 году вступил в парию и был принят в СД в чине штандартенфюрера [СС]. Летом 1933 года

[1] Речь идет о немецком дипломате Викко фон Бюлов-Шванте.

поступил в МИД как один из первых членов партии и получил ранг легационного советника с правом доклада. Вначале занимал должность начальника реферата по вопросам внутренней политики, так называемого реферата «Германия». С 1934 по 1938 годы в ранге посланника являлся начальником Протокольного отдела. С 1939 по май 1940 года посол в Брюсселе.

Абетц, родился примерно в 1900 году, учитель рисования. Член партии до 1933 года, сотрудник «Бюро Риббентропа», наряду с этим, после 1933 года, поверенный в делах германо-французского общества. Женат на француженке. После поражения Франции летом 1940 года назначен представителем германского правительства в Париже и вскоре после этого послом. Абетц прилагал большие усилия еще во время войны к улучшению германо-французских взаимоотношений и делал неоднократно напрасные попытки в этом направлении, пытаясь убедить Гитлера и Риббентропа в необходимости и целесообразности заключения мира с Францией. В различное время выступал за облегчение германского оккупационного режима во Франции (Управление оккупированной территории Франции не входило в его подчинение, а находилось в руках военного губернатора, с которым у него поэтому были иногда натянутые отношения).

Штаммер [Stammer], родился примерно в 1900 году, коммерсант, член партии до 1933 года, сотрудник «Бюро Риббентропа», советник Риббентропа по восточному и, особенно, японскому вопросам. В течение долгих лет являлся неофициальным связником Риббентропа с руководящими японскими учреждениями, а главным образом, японским военным атташе в Берлине и позднее послом — Осима. Играл важную роль в подготовке и заключении первого германо-японского договора в 1936 году и Тройственного пакта осенью 1940 года. За его «заслуги» был возведен в ранг посла. Примерно в начале 1941 года был направлен послом в Токио. Насколько мне помнится, Штаммер имел звание высшего руководителя СС.

Хевель [Hewel], родился примерно в 1906 году, коммерсант. Старый член партии. В 1923 году, будучи 17-летним юношей, принимал участие в гитлеровском путче в Мюнхене и был знаменосцем во время демонстрации. Затем продолжительное время занимался торговым делом за границей, главным образом в Голландской Индии. В 1938 году был призван Риббентропом на службу в МИД. В 1938 году имел ранг легационного советника, примерно в 1940 году — посланника и весной 1943 года — посла. Вначале в 1938 году работал в личном штабе министра, а затем вскоре был назначен «связником» Риббентропа с Гитлером. В этой должности оставался в продолжении всей войны, находясь в ставке Гитлера. Там он принадлежал только к тесному окружению Гитлера. Насколько мне удалось слышать, он не оказывал на Гитлера никакого политического влияния.

3. МЛАДШИЕ СТАТС-СЕКРЕТАРИ

Лютер, родился примерно в 1896 году, экспедитор, член партии до 1933 года, ортсгруппенляйтер партийной ортсгруппы в Берлине, к которой принадлежал Риббентроп. В 1938 году был принят Риббентропом в МИД и руководил рефератом «Германия». Находясь в этой должности, являлся «связником» МИДа с партийными органами. В 1938 году получил ранг легационного советника, а затем через короткий промежуток времени — посланника и младшего статс-секретаря. Расширил реферат «Германия» до целого отдела. После присвоения ему ранга статс-секретаря в его подчинение

стал входить также Информационный отдел, который был им значительно расширен. Лютер в течение продолжительного времени являлся особым доверенным Риббентропа. После назначения Риббентропа на пост министра иностранных дел он с первого же дня стремился заменить постепенно старых, кадровых дипломатов периода до 1933 года партийными работниками. В отношении этого ему давал, в первую очередь, советы Лютер. Лютер предложил ему, в основном, в качестве кандидатов на должности посланников руководителей СД. В 1943 году произошла неожиданная размолвка между Лютером и Риббентропом. Лютер был уволен со своего поста и сослан в концлагерь. Говорили, что он, якобы, направил Гиммлеру неблагоприятные сообщения о МИДе и о деятельности Риббентропа. Видимо, Гиммлер также от него отказался, так как иначе его не сослали бы в концлагерь. «Дело Лютера» заставило Риббентропа еще активнее заняться насыщением германского МИДа национал-социалистами, чем это имело место ранее, чтобы предупредить упрек, выдвинутый со стороны Лютера, что, якобы, политика Риббентропа в отношении личного состава в этом направлении проводится недостаточно энергично. Это послужило причиной для замены Вейцзеккера Штеенграхтом. Что стало с Лютером после 1943 года мне неизвестно. Его отдел в МИДе был ликвидирован.

Хенке [Hencke], родился примерно в 1895 году, офицер, поступил на службу в МИД в 1921 году. С 1922 года до смерти Брокдорф-Рантцау являлся атташе и легационным секретарем в Москве, главным образом личным секретарем Брокдорф-Рантцау. Затем работал несколько лет легационным советником в отделе культуры МИДа. Примерно с 1935 по март 1939 года легационный советник в Праге, с лета 1938 года поверенный в делах там же. С конца 1939 по конец 1942 года работал снова в центральном аппарате министерства. Затем получил ранг легационного советника с правом доклада и вскоре после этого — посланника. Начиная с 1941 по конец 1942 года — руководитель Информационного отдела. С конца 1942 года назначен советником посольства в Мадриде, но уже весной 1943 года снова отозван в центральный аппарат, где и работал в качестве младшего секретаря и руководителя Политического отдела. Член партии после января 1933 года.

Фон Шторер [Stohrer], родился примерно в 1885 году, юрист, поступил на службу в МИД до 1914 года. После первой мировой войны работал референтом в Политическом отделе. Примерно с 1923 по 1925 год — легационный советник с правом доклада и заместитель начальника отдела печати. С 1925 по 1928 годы — директор отдела личного состава. С 1928 по 1936 годы посланник в Каире. Примерно с 1936 по конец 1942 года — посол в Мадриде. После того как в период гражданской войны в Испании генерал Фаупель (старый член партии и председатель германо-испано-американского общества) был направлен в качестве посла к Франко в Бургос, Шторер был назначен первым «регулярным» послом, когда Франко захватил в свои руки власть во всей Испании, Шторер принимал очень активное участие в развитии тесных отношений между Франко и Германией. Член партии после 1933 года.

4. ПОСЛАННИКИ, ЗАНИМАВШИЕ ПОСТЫ НАЧАЛЬНИКОВ МИССИЙ

Цехлин, родился примерно в 1885 году, юрист и знаток восточных языков. На службу в МИД поступил примерно в 1910 году. Работал вице-консулом в Турции, Египте и Марокко. После войны легационный советник,

а затем легационный советник с правом доклада в Отделе печати МИДа. Примерно с 1928 по 1932 годы министериал-директор и начальник отдела печати. С 1932 по 1934 годы посланник в Мексике. В партии не состоял, до 1933 года являлся членом социал-демократической партии.

Фон Хеерен[1], родился примерно в 1885 году, юрист, поступил на службу в МИД до 1914 года, после войны легационный советник в Праге, затем референт Отдела культуры министерства. Примерно с 1929 года легационный советник с правом доклада, референт и начальник отделения в Политическом отделе. В конце 1931 года направлен посланником в Белград. Там оставался до начала войны с Югославией весной 1941 года. Незадолго до начала войны был вызван для доклада в Берлин и прилагал большие усилия для предотвращения нападения на Югославию и, когда ему это не удалось, старался предотвратить бомбардировку Белграда. Умный, осторожный дипломат, являлся решительным противником гитлеровской агрессивной политики. Член партии после января 1933 года.

Принц Эрбах [Prinz Erbach], родился примерно в 1882 году, офицер, поступил на службу в МИД примерно в 1906 году. До 1914 года атташе посольства в Вене. После первой мировой войны в течение многих лет являлся легационным советником в Стокгольме. В конце 1931 года советник посольства в Вене. В 1935 году посланник в Афинах, где оставался до весны 1941 года. Кадровый дипломат с некоторыми старыми традициями, но без политической инициативы. Член партии после января 1933 года.

Кохер [Köcher], родился примерно в 1885 году, юрист, в МИД поступил до 1914 года. После первой мировой войны работал легационным советником, референтом в Торгово-политическом отделе министерства и легационным советником в Мексико. Позднее являлся генеральным консулом в Барселоне и с 1936 года посланник в Берне. Член партии после января 1933 года.

Фабрициус [Fabricius], родился примерно в 1882 году, юрист, поступил в МИД до 1914 года. Работал вице-консулом в Турции и Египте, с 1921 по 1928 годы консул в Салониках, с 1928 по 1932 годы генеральный консул в Стамбуле, с 1932 по 1935 годы советник посольства в Анкаре, с 1935 до 1940 года посланник в Бухаресте, с 1941 года работал в Торгово-политическом отделе МИДа, выполняя специальные задания, и руководил делегациями по переговорам в Италии и Южной Европе. Член партии после 1933 года.

Граф Цех [Graf Zech], родился примерно в 1882 году, юрист, поступил на службу в МИД в качестве атташе в 1910 году. После первой мировой войны «посланник» германского правительства в Мюнхене, затем посланник в Хельсинки. Примерно с 1925 года заместитель начальника Политического отдела министерства, с 1928 до весны 1940 года посланник в Гааге. Член партии после января 1933 года.

Рит [Rieth], родился в 1882 году, специалист по политической экономии и коммерсант. В МИД поступил в 1916 году. После войны работал легационным советником в Политическом отделе министерства. С 1922 по 1924 годы легационный советник в Риме. С 1924 по 1931 годы советник посольства в Париже, с 1931 по 1934 годы посланник в Вене, с 1942 по 1944 годы посланник, руководитель генерального консульства в Танжере. К национал-социалистической партии не принадлежал, до 1933 года активный член центристской партии.

---

[1] Речь идет о немецком дипломате Максимилиане Георге Викторе фон Хеерене.

Виль [Wiehl], родился примерно в 1885 году, юрист. В МИД поступил примерно в 1920 году, вначале работал атташе и легационным секретарем министерства. Примерно с 1923 по 1926 годы легационный советник в Лондоне, с 1926 по 1929 годы генеральный консул в Сан-Франциско, с 1929 по 1932 годы заместитель начальника Торгово-политического отдела министерства, с 1932 по 1937 годы посланник в Южно-Африканском союзе, с конца 1937 года министериал-директор, начальник Торгово-Политического отдела МИДа. Специалист по международным экономическим и финансовым вопросам. Женат на англичанке. Член партии после 1933 г.

**Фон Эрдмансдорф*, родился в 1890 году, юрист. На службу в МИД поступил в 1919 году, работал атташе и легационным секретарем министерства в Протокольном отделе, позднее старший правительственный советник в президиальной канцелярии. Примерно с 1928 по 1932 годы советник посольства в Токио, с 1932 по 1937 годы заместитель начальника Политического отдела МИДа. В 1936 году получил ранг посла, с 1937 по 1941 годы посланник в Будапеште, откуда был отозван и заменен членом партии. С 1941 года снова в Политическом отделе. Умный и осторожный дипломат, прямой противник Гитлера и Риббентропа. Член партии после января 1933 года.

Эйзенлор [Eisenlohr], родился примерно в 1882 году, юрист. В МИД поступил примерно в 1910 году. После первой мировой войны — легационный советник в Белграде, с 1925 года легационный советник с правом доклада, сначала референт, а затем заместитель начальника Торгово-политического отдела. Примерно с 1930 по 1935 год посланник в Афинах. С 1935 по 1938 годы посланник в Праге, с 1939 по 1942 годы работал в МИДе как заместитель посла Риттера. Являлся постоянным противником внешней политики Гитлера и Риббентропа. Член партии после 1933 года.

Барон фон Хюне [Freiherr von Heune], родился примерно в 1888 году, юрист. В МИД поступил в 1919 году, сначала являлся атташе и легационным секретарем министерства, затем временно работал за границей. Примерно с 1928 по 1934 годы министерский советник в президиальной канцелярии, с 1934 года посланник в Лиссабоне. В политическом отношении ничем не выделялся. Член партии после 1933 года.

Фон Ренте-Финк [von Reuthe-Finck][I], родился примерно в 1885 году, юрист. Поступил в МИД до 1914 года, примерно с 1921 по 1928 годы работал легационным советником в посольстве в Париже. С 1923 по 1926 годы германский представитель в международной Эльбинской комиссии в Дрездене, с 1926 по 1932 годы начальник отдела, член секретариата Лиги Наций в Женеве, с 1932 по 1935 годы легационный советник с правом доклада, заместитель нач[альника] Политического отдела МИДа. С 1935 до начала 1942 года посланник в Копенгагене. Затем, когда развитие обстановки в Дании вызвало напряжение во взаимоотношениях между обеими странами и задачи посланника в Копенгагене вследствие оккупации Дании немцами не носили уже чисто дипломатического характера, был отозван из Копенгагена и заменен членом СС. С 1942 года занимался выполнением специальных заданий в Политическом отделе МИДа. Член партии после 1933 года.

**Лейтнер*[II], родился примерно в 1888 году, юрист, поступил на службу в МИД в 1921 году, с 1923 или 1924 года вице-консул, легационный секретарь

[I] Речь идет о немецком дипломате Сесиле Ренте-Финке.
[II] Речь идет о немецком дипломате Рудольфе Лейтнере.

и легационный советник в США, примерно с 1932 года советник посольства в Вашингтоне, с 1937 по 1939 год — посланник в Южно-Африканском Союзе, с 1939 года работал в МИДе в отделе посла Риттер и в Правовом отделе. Член партии после 1933 года.

Томсен[1], родился примерно в 1892 году, юрист, поступил на службу в МИД в 1919 году, работал вице-консулом в Неаполе, затем, будучи легационным секретарем и легационным советником, референтом в Отделе печати, примерно с 1928 по 1932 годы референт в Политическом отделе. С 1932 по 1936 годы министерский советник в Имперской канцелярии, с 1936 года до разрыва дипломатических отношений с США в 1941 году — советник посольства в Вашингтоне, с 1939 по 1941 годы там же поверенный в делах. С 1939 года получил ранг посланника. С 1943 года посланник в Стокгольме. Член партии после 1933 года.

Морат, родился в 1879 году, юрист, поступил в МИД примерно в 1908 году. До 1919 года являлся консулом в Марокко. После войны, имея ранг легационного советника и советника с правом доклада, работал референтом и начальником отделения в Политическом отделе МИДа. В 1925 году посланник в Ковно, примерно с 1932 по 1937 годы посланник в Монтевидео, с 1937 года заместитель начальника и начальник отделения в Торгово-политическом отделе. Большой противник политики Риббентропа. В партии не состоял.

Фон Блюхер, долгое время работал посланником в Хельсинки. Лично я его не знаю, а также не располагаю данными о его биографии.

Виндельс [Windels], родился примерно в 1882 году, юрист, поступил на службу в МИД примерно в 1910 году, до первой мировой войны являлся вице-консулом в Голландской Индии, после войны, будучи легационным советником и легационным советником с правом доклада, занимал должность референта в Отделе личного состава, примерно с 1927 по 1932 годы — генеральный консул в Мадриде. С 1937 по 1939 годы посланник в Канаде, с этого времени работал по особым поручениям при Торгово-политическом отделе министерства. Член партии после 1933 года.

Мартинс [Martins], родился примерно в 1885 году, юрист, поступил в МИД в 1920 году, вначале, имея титул легационного советника, работал референтом в Торгово-политическом отделе, затем в 1923—1924 годах легационный советник в Париже. С 1924 по 1931 годы легационный советник с правом доклада, референт и заместитель начальника Правового отдела, примерно с 1931 по 1934 годы — посланник в Риге, с 1934 по 1938 годы германский представитель в Международной речной комиссии (Рейн, Эльба, Одер, Дунай). С 1938 года референт по транспортным вопросам и начальник отделения в Торгово-политическом отделе. Член партии после 1933 года. До 1933 года демократ.

Рюмелин [Rümelin], родился примерно в 1882 году, юрист, в МИД поступил в 1910 году, работал вице-консулом в Константинополе, после войны легационный советник в Отделе личного состава, руководитель реферата «Германия». С 1922 по 1923 годы, будучи легационным советником с правом доклада, занимал должность начальника Политического отдела «Юго-Восточная Европа», с 1923 по 1940 годы посланник в Софии. Член партии после 1933 года, до 1933 года член Германской народной партии (либерал).

---

[1] Речь идет о немецком дипломате Гансе Томсене.

Фровейн [Frohwein], родился примерно в 1880 году, юрист. В 1920 году был переведен в МИД как специалист по юридическим вопросам из германского Министерства юстиции. Примерно до 1935 года, имея ранг легационного советника и советника с правом доклада, являлся референтом в Правовом отделе МИДа и непродолжительное время работал в Политическом отделе. С 1935 по 1939 год — посланник в одном из прибалтийских государств, кажется в Риге. С 1940 года работал в МИДе в отделе посла Риттер. Член партии после 1933 год.

Сменд [Smend], родился примерно в 1885 году, коммерсант, примерно с 1914 по 1920 годы эксперт по торговым вопросам в генеральном консульстве в Цюрихе и посольстве в Берне. С 1920 по 1926 годы легационный советник и референт в Политическом отделе. С 1926 по 1935 годы советник посольства в Риме (Квириналь). С 1935 по 1940 годы посланник в Тегеране, после этого работал в Протокольном отделе МИДа. Член партии после 1933 года.

Кениг [König], родился примерно в 1885 году, юрист. В МИД поступил в 1912 году, после первой мировой войны — консул в Чехословакии, затем с 1922 года легационный советник и легационный советник с правом доклада, референт в Политическом отделе. Примерно с 1931 по 1941 годы посланник в Ла-Пас (Боливия). С этого времени работал в Отделе личного состава министерства. Член партии после 1933 года. До 1933 года состоял в партии «Центра».

Барон фон Рихтгофен, родился примерно в 1880 году, юрист. В МИД поступил в 1912 году. После первой мировой войны примерно в течение 10 лет, будучи легационным советником и легационным советником с правом доклада, занимал должность референта и начальника отделения по Ближнему Востоку в Политическом отделе. С 1931 по 1935 годы посланник в Копенгагене, с 1935 по 1939 годы посланник в Брюсселе, с начала 1940 до 1941 года посланник в Софии[I]. Был оттуда отозван и заменен членом партии. Член партии после 1933 г.

**Бреуэр*, родился примерно в 1890 году, юрист, поступил на службу в МИД в 1919 году, затем работал вице-консулом в Южной Африке, с 1925 года легационный секретарь, референт в Политическом отделе, с 1936 по 1939 годы советник посольства в Париже, с 1939 года до весны 1940 года посланник в Осло, с этого времени офицер резерва в армии. С 1940 года уволен из МИДа ввиду того, что не предпринял достаточно энергичных дипломатических шагов в связи с оккупацией Норвегии германскими войсками. Член партии после 1933 года.

Пильгер[II], родился примерно в 1887 году, юрист, поступил на службу в МИД незадолго до или после первой мировой войны. Позднее являлся легационным советником в Каире, затем референтом в Политическом отделе МИДа, имея ранг легационного советника с правом доклада. Примерно с 1935 года посланник в Кабуле. Член партии после 1933 года.

Краске [Kraske], родился примерно в 1885 году, юрист, поступил в МИД в 1912 году, после войны примерно в течение 15 лет, будучи легационным советником и легационным советником с правом доклада, работал референ-

---

[I] Речь идет о Герберте фон Рихтгофене. Обязанности посланника в Софии исполнял с 20 апреля 1939 по 28 июня 1941 гг.

[II] Речь идет о немецком дипломате Гансе Карле Адольфе Пильгере.

том в Правовом отделе. С 1935 по 1942 год посланник в Гватемале, с этого времени выполнял особые поручения Правового отдела, так, например, выступал германским судьей на Международном третейском суде. Член партии после 1933 года.

Диттлер [Dittler], родился примерно в 1885 году, в МИД поступил 1919 году, сначала, имея ранг легационного секретаря и легационного советника, работал референтом в Политическом отделе, затем использовался на различных должностях за границей. С 1935 года посланник в Венесуэле. Оставался там до развала дипломатических отношений в 1942 году. Член партии после 1933 года.

Швагер [Schwager], родился примерно в 1888 году, юрист и переводчик. В МИД поступил в 1914 или незадолго до 1914 года. После войны в ранге советника работал референтом в Отделе личного состава, затем использовался на других должностях, так, например, несколько лет был посланником на Ближнем Востоке. Затем работал заместителем начальника Отдела личного состава. Большой специалист по неполитическим административным вопросам.

Швербель [Schwörbel], родился примерно в 1885 году, юрист и переводчик. Поступил в МИД в 1912 году. Работал переводчиком в Турции, после войны — референт в МИДе в ранге легационного советника и легационного советника с правом доклада. С 1934 по 1936 годы посланник в Кабуле, а затем референт в Отделе печати министерства. Член партии после 1933 года.

Цимке [Ziemke], родился примерно в 1885 году, юрист и переводчик, поступил в МИД в 1912 году. Работал переводчиком в Турции, после войны в ранге легационного советника и легационного советника с правом доклада являлся референтом Политического отдела министерства. Позднее в течение нескольких лет был послом в Кабуле, с 1939 года представитель от МИД при «Имперском протекторате Богемии и Моравии» в Праге. Член партии после 1933 года.

Гробба, родился примерно в 1888 году, юрист и переводчик, поступил в МИД в 1912 году, работал переводчиком на Ближнем Востоке. После войны в течение многих лет, имея ранг легационного советника и легационного советника с правом доклада, работал референтом в отделении «Ближний Восток» Политического отдела. Примерно с 1935 по 1939 годы, т.е. до занятия Ирака англичанами, работал посланником в Багдаде. Затем в Политическом отделе, выполняя специальные поручения. Член партии после 1933 года.

Фон Хентиг, родился примерно в 1885 году, юрист. Поступил на службу в МИД до 1914 года, затем работал легационным секретарем в Тегеране. После войны, имея ранг легационного секретаря и легационного советника, являлся референтом Политического отдела. Затем в течение нескольких лет работал за границей, например, генеральным консулом в Торне, затем снова в МИДе. Позднее являлся посланником на Ближнем Востоке, кажется в Багдаде. С 1936 года снова референт в МИДе. В партии не состоял. Являлся противником национал-социализма и гитлеровской политики.

Лангман [Langmann], евангелистский священник, старый член партии. После 1938 года был принят на работу в отдел культуры МИДа. Имея ранг легационного советника и затем легационного советника с правом доклада, работал, если не ошибаюсь, референтом по немецким школам, а также по немецким колониям за границей, организованным для местных партийных

групп за границей. В 1937 году был назначен посланником в Монтевидео, где оставался до разрыва дипломатических отношений в 1942 году. Где работал после 1942 года — мне неизвестно. Во всяком случае, он не занимал видной должности.

Бернгард, родился примерно в 1895 году, старый член партии, видимо, торговец, после 1933 года поступил на службу в МИД и назначен консулом в Зальцбург. Одновременно являлся «руководителем партийной заграничной организации» Австрии. В этой должности оставался до марта 1938 года. Весной 1939 года назначен посланником в Братиславу и оставался там до лета 1940 года. Где он работал затем, мне неизвестно. Кажется, являлся генеральным консулом в г. Познань.

Эттель, родился примерно в 1890 году, офицер морского флота до первой мирровой войны, затем торговец. Старый член партии, старый сотрудник Заграничной организации партии. Поступил на службу в МИД примерно в 1934 году и назначен легационным советником при посольстве в Риме. Одновременно назначен руководителем партийной организации в Италии. На этих должностях оставался до 1940 года. С лета 1940 года по осень 1941 года, т.е. до занятия Ирана Советским Союзом и Англией, — посланник в Тегеране. С осени 1941 года работал в МИДе «связником» между министерством и Заграничной партийной организацией. Ему было поручено заниматься всеми вопросами, касающимися Заграничной организации и, подчинялся он по этой линии министру и статс-секретарю.

Рейнебек[1], родился примерно в 1885 году, филолог и педагог. После первой мировой войны был принят на работу в МИД в Отдел Культуры как специалист по заграничным школам, где работал в течение многих лет, имея ранг легационного советника с правом доклада. С 1930 по 1931 годы начальник кабинета и секретарь министра иностранных дел Курциус. Позднее в течение нескольких лет являлся посланником в Гватемале. В последнее время снова работал в Отделе культуры министерства. Член партии после 1933 года. До 1933 года член германской народной партии. Был в близких отношениях по личной и политической линии не только с Курциус, но и со Штреземаном.

Бест, родился примерно в 1895—1900 году, юрист, старый член партии, высший руководитель СС, после 1938 года — начальник отдела в Главном управлении имперской безопасности. В 1942 году, когда обострились отношения с Данией во время оккупации ее Германией, он был назначен посланником и «имперским уполномоченным» в Копенгагене. Проводил там не особенно резкий курс, в противоположность тому, что от него ожидали, а пытался, как мне стало известно, сдерживать в некоторых случаях германские власти, которые стояли за строгие меры в Дании.

Фон Ягов [Dietrich von Jagow], родился в 1892 или 1893 году, офицер морского флота, гражданская профессия неизвестна. Старый член партии и руководитель СА. Имеет золотой партийный значок. Вскоре после 1933 года был назначен руководителем обергруппы СА Берлин-Бранденбург, будучи обергруппенфюрером СА. С 1939 по 1941 годы снова служил в морском флоте в чине капитана-лейтенанта, командовал флотилией скоростных лодок в Немецком море и Канале. Когда в 1941 году Риббентроп начал продолжать укомплектование дипломатических должностей национал-социа-

[1] Речь идет о немецком дипломате Отто Рейнбеке.

листами, Лютер предложил его кандидатуру министру иностранных дел в качестве посланника, и летом 1941 года он был назначен им в Будапешт. Хотя Ягов и имел личные связи среди руководящих в то время политических кругов в Будапеште, которые ему удалось завязать благодаря своей любезности, однако, вследствие отсутствия всякого опыта в области дипломатии и внешней политики, а также недостатка таланта для разрешения внешнеполитических проблем, он не смог завоевать себе положения. Подготовка к оккупации Венгрии в марте 1944 года производилась без его ведома, а его отзыв 19 марта 1944 года явился для него неожиданностью.

Беккерле, родился примерно в 1900—1905 году, его гражданская профессия мне неизвестна. Старый член партии и руководитель СА. В последнее время имел звание группенфюрер или обергруппенфюрер СА. До прихода его в МИД работал полицей-президентом во Франкфурте-на-Майне. В середине 1941 года был предложен Лютером министру в качестве посланника и направлен в Софию. Он очень заботился о том, чтобы сохранить за собой личные преимущества занимаемой им должности. Он проводил все полученные от Риббентропа указания с энергией и особым старанием, что соответствовало его характеру и установкам. Однако своей собственной инициативы он не смог проявить вследствие неопытности и незнания внешнеполитических проблем. В период, когда Беккерле являлся посланником, мне мало приходилось иметь дело с болгарским вопросом, так как экономические переговоры с Болгарией проводил министерил-диригент Ландвер, а мне приходилось бывать в Софии только проездом. Все же я смог установить, что Беккерле не любили в правительственных кругах Софии и что между ним и руководящими лицами не было установлено доверия, а его только в известной степени «боялись». В хозяйственной области Беккерле следил за выполнением болгарских просьб в отношении поставок и т.д., как мне кажется, по указанию Ландвера.

Каше [Kasche], родился примерно в 1895 году, насколько мне известно, бывший офицер, старый член партии, имеет золотой партийный значок, группенфюрер или обергруппенфюрер СА. До своего поступления в МИД являлся руководителем СА в Гамбурге. Лютер предложил министру его кандидатуру в качестве посланника, и он был направлен весной 1941 года в Загреб. Он значительно интеллигентнее, чем остальные руководители СА, назначенные вместе с ним в 1941 году на должность посланников. С первого дня своего назначения он пытался в тесном сотрудничестве с Павелич и членами хорватского правительства консультировать хорват при создании этого государства, причем он не прекращал своих стараний даже тогда, когда с каждым днем становилось ясно, что это новое государство в таком виде и при создавшейся внутриполитической и внешнеполитической обстановке не оправдает себя. Трудной проблемой для Каше являлись взаимоотношения Хорватии с Италией. Хорватия была передана итальянцам Гитлером как политическая сфера влияния. Если новый «король», герцог фон Сполето и Аоста, как я слыхал от него сам, никогда не имел намерения проживать в своем новом «королевстве», все же итальянское правительство пыталось оказать свое влияния в Хорватии другими путями. Серьезные трения происходили постоянно на территории Хорватии, занятой итальянскими войсками, и хорватское правительство просило постоянного вмешательства Каше, который имел инструкции предоставить свободу действий итальянцам. Никакой политический маневр и лавирование не могли урегулировать этих противоречий, и сам Каше, наконец, понял, что в связи с постоянным вме-

шательством Италии, внутриполитической ошибкой правительства усташей[57], постоянным ростом экономических затруднений, которые доходили почти до голода, в связи с невозможностью удовлетворить самые неотложные потребности Хорватии, а также в связи с постоянными успехами маршала Тито и растущим партизанским движением, ему не удастся выполнить поставленных перед ним задач в Загребе, не говоря уже о том, что неотвратимое поражение Германии и без того создаст совершенно новое положение.

Людин [Ludin], родился примерно в 1905 году, его гражданская профессия мне неизвестна. Старый член партии и руководитель СА. В последнее время имел звание группенфюрера или обергруппенфюрера СА. Кажется, имел золотой партийный значок. В начале 1941 года был предложен Лютером министру иностранных дел в качестве посланника и направлен в этой должности в Братиславу. Ввиду того, что я в течение многих лет не был в Братиславе и мое соприкосновение со словацкими делами ограничивалось помощью при решении текущих экономических вопросов, мне мало что известно о подробностях работы Людина. Вначале правые круги Словакии ожидали его поддержки против католического правительства Тисо. Однако Людин не поддался этому нажиму, а наоборот, оказывал поддержку Тисо. В экономической области он не проявил особой инициативы.

Клее [Klee], родился примерно в 1888 году, юрист, поступил на службу в МИД в 1914 году. С 1930 по 1936 годы советник посольства в Риме (Ватикане). С 1936 до разрыва дипломатических отношений в 1942 году — посланник в одном из малых южно-американских государств. Член партии после 1933 г.

Небель [Nöbel], примерно 1885 года рождения, юрист. На службе в МИДе примерно с 1919 года. После использования на различных работах в министерстве, примерно с 1924 по 1926 годы, в Софии, а затем, примерно с 1926 по 1932 годы, в ранге легационного советника с правом доклада работал референтом по вопросам Польши в Политическом отделе МИДа. Примерно с 1932 по 1938 годы работал советником посольства в Токио, а затем посланником в одном из малых южно-американских государств. О его дальнейшей службе я точно не могу вспомнить. Возможно, что он был посланником в Дублине. Интеллигентный, ловкий человек с опытом ведения переговоров.

Бюсинг [Busing], примерно 1882 года рождения, юрист. С 1914 года начал свою дипломатическую карьеру. Занимал различные посты в качестве консула и генерального консула в Трансатлантических странах. С 1934 года до момента разрыва дипломатических отношений в 1942 году являлся посланником в Парагвае. Без политической окраски.

Вендлер [Wendler], примерно 1885 года рождения, коммерсант или фабрикант. На службе в МИДе с 1920 года. Использовался на различных должностях в министерстве и за границей, в частности, работал в Экономическом отделе МИДа. Последние 10 лет являлся посланником в одном из малых южно-американских государств. Опытен в вопросах экономики. В политическом отношении не представлял ничего особенного.

Фон Паннвиц [von Pannwitz], примерно 1887 года рождения. На службу в МИД поступил в 1914 или 1918 году. После первой мировой войны занимал различные дипломатические посты и, насколько мне помнится, был легационным секретарем в Гааге. Примерно с 1923 по 1925 годы работал референтом в Политическом отделе МИДа, а затем многие годы являлся руководителем одного неполитического реферата (Управление зданиями германских миссий за границей) Отдела кадров. Примерно с 1936 до начала 1939 года

занимал пост посланника в г. Тирана и затем с начала 1939 до 1940 или 1941 года был руководителем генерального консульства в г. Тирана. Впоследствии снова работал в Отделе кадров и занимался вопросами управления домами и мебелью. Старый немецкий националист.

Фон Янсон [von Janson], примерно 1887 года рождения, юрист. На службу в МИД поступил незадолго до начала или сразу же по окончании первой мировой войны. Занимал различные дипломатические посты и, в частности, насколько мне помнится, работал в качестве легационного секретаря в Праге. Примерно с 1932 по 1936 годы был легационным советником в Белграде, а затем, примерно с 1936 по 1939 годы, генеральным консулом в Данциге. Примерно в 1939—1940 годах занимал пост представителя МИД при «Имперском протекторате Богемии и Моравии» в Праге. О дальнейшей его службе мне неизвестно. Старый немецкий националист.

5. ПОСЛАННИКИ

Барон фон Дорнберг, родился примерно в 1900 году, юрист. Поступил на службу в МИД в 1927 году. Имел ранг атташе и легационного секретаря и использовался на различных должностях в министерстве, затем работал легационным секретарем в Бухаресте примерно с 1931 по 1933 годы, с 1935 по 1938 годы в Лондоне, с 1938 года легационный советник и начальник Протокольного отдела. Летом 1938 года получил ранг посланника. Член партии после 1933 года. Имел звание высшего руководителя СС.

**Шмид Пауль*, родился примерно в 1900 году, филолог, переводчик. Примерно с 1922 года работал в МИДе в качестве переводчика английского и французского языков. С 1924 года постоянный переводчик всех германских министров иностранных дел и вообще всех государственных деятелей, которые должны были вести переговоры за границей. С 1926 по 1933 год, т.е. до выхода Германии из Лиги Наций, являлся также переводчиком в Лиге Наций. Выступал также переводчиком на всех международных конференциях, в которых участвовала Германия. В течение своей 20-летней деятельности дослужился до ранга посланника. Шмидт очень одаренный, всесторонне образованный человек с правильным суждением внешнеполитической обстановки. Он являлся одним из первых, предугадавших гибельное последствие гитлеровской политики. Член партии после 1933 года. До этого был левым демократом.

Шмид Пауль (II), родился примерно в 1910 году, историк или знаток политэкономии, старый член партии, сотрудник «Бюро Риббентропа», журналист. В 1938 году был принят Риббентропом на службу в МИД. Сначала работал легационным советником в Отделе печати, вскоре затем в возрасте 30 лет получил ранг посланника и назначен начальником Отдела печати.

Шредер, родился примерно в 1900 году, сначала поступил канцелярским чиновником в МИД, затем работал консульским секретарем в Каире. Член партии после 1933 года. С 1933 года был переведен в высшую категорию чиновников как легационный советник и занимался делами рядовых чиновников в Отделе личного состава министерства. Затем получил вскоре титул легационного советника с правом доклада и был назначен заместителем и директором Отдела личного состава МИДа.

Рюле[1], родился примерно в 1905 году, юрист, старый член партии, имел золотой партийный значок. В 1938 или в 1939 году был принят Риббентро-

[1] Речь идет о немецком дипломате Герхарде Рюле.

пом на службу в МИД, и ему было поручено организовать новый отдел «Радио», руководителем которого он являлся до самого конца. Основной задачей этого отдела была организация пропаганды за границей через радио, например, организация передач на иностранных языках, составление программы для этих передач и т.п.

Дикс [Dics], родился примерно в 1900 году, профессор высшей политической школы. Как мне кажется, член партии до 1933 года. Был принят Риббентропом на службу в МИД в 1943 году как партийный работник и являлся начальником Отдела культуры. Насколько мне помнится, Дикс являлся руководителем СС.

Фон Браун-Штумм [von Braun-Stumm], родился примерно в 1890 году, юрист. Поступил на службу в МИД в 1919 году. С 1920—1922 года легационный секретарь в Будапеште, затем легационный секретарь, референт в Политическом отделе. После этого работал легационным секретарем или советником в Париже и Брюсселе. Позднее являлся легационным советником и легационным советником с правом доклада и работал референтом в Отделе печати. Примерно с 1939 года имеет ранг посланника, заместитель начальника Отдела печати. Член партии после 1933 года.

**Мейер Рихард*, родился примерно в 1885 году[1], юрист, правительственный советник внутренней администрации. В МИД поступил примерно в 1920 году. Вначале работал в Восточном отделе, затем в течение нескольких лет — советником в посольстве в Риме (Ватикан). Затем был назначен посланником и был временным заместителем находившегося продолжительное время в отпуске посланника в Парагвае. Позднее был снова отозван в Восточный отдел министерства и с 1931 или 1932 года, имея ранг министериалдиректора, был начальником Восточного отдела. Занимая эту должность, Мейер играл руководящую роль в проводимых тогда экономических переговорах с Советским Союзом, для успешного проведения которых он прилагал большие старания. После 1933 года пытался воспрепятствовать ухудшению отношений с Советским Союзом. Осенью 1935 года был уволен из МИД из-за своего еврейского происхождения. В партии не состоял.

**Фон Твардовский* [von Twardosky], родился примерно в 1888 году, офицер морского флота. Поступил в МИД примерно в 1919 году. Имея ранг атташе, легационного секретаря и легационного советника, работал преимущественно референтом в Отделе печати министерства. В 1927 или 1928 году — советник посольства в Москве, насколько мне помнится до 1934 или 1935 года. Затем снова отозван в МИД и работал сначала зам[естителем] начальника, а затем начальником Отдела культуры. В конце 1938 года или в начале 1939 года получил ранг посланника. До весны 1943 года оставался начальником Отдела культуры, а затем был переведен генеральным консулом в Стамбул и оставался в этой должности до разрыва дипломатических отношений между Германией и Турцией в августе 1944 года. Левый демократ, до 1933 года являлся членом демократического клуба. Ярый противник гитлеровской агрессивной политики, особенно выступал против войны с Польшей и Советским Союзом. Тактичный, умный и культурный дипломат. Член партии после 1933 года.

**Альбрехт*, родился в 1888 году, юрист. Через несколько лет после первой мировой войны был переведен как специалист по юридическим вопросам

[1] Рихард Мейер родился в Касселе 28 октября 1883 г. После женитьбы на Марине фон Ахенбах 28 июня 1943 г. изменил фамилию на Мейер фон Ахенбах.

из Имперского министерства юстиции в МИД и с этого времени в течение 20 лет непрерывно работал в Правовом отделе. Постепенно дослужился до ранга посланника. Вначале работал референтом по международному праву и вопросам третейского суда, затем референтом по международному праву, заместителем начальника и с весны 1943 года (после назначения его начальника Гаусс послом) начальником правового отдела.

Большими политическими вопросами Альбрехт не занимался, так как Гаусс, будучи поверенным в делах МИДа, лично занимался ими даже и после назначения его на должность посла весной 1943 года. Альбрехт являлся постоянным противником национал-социализма, до 1944 года поддерживал личную связь с целым рядом противников национал-социализма, например с евреями. Он самым резким образом возражал против мероприятий, проводимых министром юстиции Тирак. Насколько мне известно, Альбрех не являлся членом партии. Ввиду того, что он работал в центральном аппарате министерства, для него не было так трудно, как для дипломатов, работавших за границей, не вступать в партию. До 1933 года Альбрех являлся демократом.

Фон Типпельскирх, родился примерно в 1885 или 1890 году, юрист. Время поступления его на службу в МИД мне неизвестно. Примерно с 1930 по 1934 годы являлся референтом по Советскому Союзу в Политическом отделе. Его взгляды совпадали со взглядами его начальника отдела посланника Майер. В 1934 или 1935 году Типпельскирх был назначен советником посольства в Москве, где оставался до июня 1941 года. В 1942 году получил ранг посланника и был назначен представителем от МИДа при генеральном губернаторстве Польши в Кракове[58]. Член партии после 1933 года.

Князь Бисмарк[I], родился примерно в 1898 году, юрист, в 1924 году был избран депутатом в Рейхстаг. В МИД поступил в 1925 или 1926 году. С 1926 по 1928 годы легационный советник в Стокгольме. С 1928 по 1936 годы легационный советник, а затем советник посольства в Лондоне. С 1936 по 1940 годы заместитель начальника Политического отдела в МИДе. С конца 1940 по август 1943 года советник посольства в Риме (Квириналь). С этого времени больше нигде не работал. Член партии после 1933 года.

Барон фон Бибра[II], родился примерно в 1895 году. Поступил в МИД вскоре после первой мировой войны. Вначале в течение нескольких лет работал дипломатическим курьером, затем в 1924 году атташе, позднее долгое время легационным секретарем в Праге, затем, почти 8 лет, легационным советником в Берне, с весны 1943 года в ранге посланника работал советником посольства в Мадриде. Точно не могу сказать, вступил ли он в партию до или после 1933 года. После 1933 года являлся партийным работником в Заграничной партийной организации. В Швейцарии наряду с дипломатической службой был руководителем партийной организации.

Бене[III], родился примерно в 1890 году, коммерсант, в партию вступил, как мне кажется, до 1933 года. Работал торговцем в Лондоне, там же являлся руководителем местной партийной группы. Затем был выслан из Англии. В 1936 году был принят на службу в МИД и направлен генеральным консулом в Милан. В 1939 году, оставаясь на той же должности, получил звание посланника. В середине 1940 года был назначен представителем МИДа при имперском комиссаре в Голландии, в Гааге.

[I] Речь идет о немецком дипломате графе Отто фон Бисмарке.
[II] Речь идет о немецком дипломате Сигизмунде Фрейхерре фон Бибра.
[III] Речь идет о немецком дипломате бригадефюрере СС Отто Бене.

Майр[I], родился примерно в 1892 году, юрист. Поступил на службу в МИД в 1921 году, вначале несколько лет являлся атташе в министерстве, долгое время работал легационным советником в Южной Америке в Ла-Пас (Боливия), где он познакомился с капитаном Рем, будущим начальником штаба СА, который работал там инструктором боливийской армии. Когда Майр вступил в партию, я не знаю, во всяком случае, вскоре после января 1933 года; в связи со своим знакомством с Рем он был назначен штандартенфюрером при штабе Верховного руководства СА. После 1933 года работал легационным секретарем-референтом в Отделе личного состава МИДа. Примерно в 1937 году, оставаясь в той же должности, ему был присвоен ранг посланника.

Фон Плессен[II], родился примерно в 1890 году, юрист. Поступил на службу в МИД в 1919 году. После различной работы в министерстве и за границей был примерно с 1930 по 1935 годы легационным секретарем-референтом по Италии в Политическом отделе министерства. В середине 1935 года был назначен советником посольства в Риме (Квириналь). В конце 1940 года, оставаясь в той же должности, получил ранг посланника. С осени 1943 года — советник организованного под руководством Ран при правительстве Муссолини посольства в Северной Италии. Член партии после 1933 года.

Енке, родился примерно в 1890 году, коммерсант, представитель германской строительной фирмы в Турции. Женат на сестре[III] бывшего министра иностранных дел Риббентропа. В 1939 году по распоряжению Риббентропа был назначен генеральным консулом и занимался экономическими вопросами в посольстве в Анкаре. Вскоре после этого, занимая ту же должность, ему был присвоен ранг посланника. С весны 1943 по август 1944 года занимался одновременно, делами советника посольства. Являлся членом партии, но мне неизвестно, поступил ли он в нее до или после января 1933 года.

**Динстман* [Карл], родился примерно в 1887 году, юрист. Поступил на службу в МИД в 1919 году. В 1921 году легационный секретарь в Афинах, затем работал на различных должностях за границей, насколько мне припоминается, также консулом в Советском Союзе[IV]. Примерно с 1935 по 1939 годы — заместитель начальника Отдела личного состава, вначале в звании легационного советника с правом доклада. В 1938 году ему был присвоен ранг посланника. С 1939 по 1941 годы — генеральный консул в Ленинграде. После этого непродолжительное время работал снова в центральном аппарате министерства и с 1943 года назначен генеральным консулом в Цюрихе. Динстман не обладал политическим чутьем, а пригоден к работе по административной линии. Член партии после 1933 года.

Кивиц [Kiewitz, Вернер], родился примерно в 1892 году, офицер. Поступил на службу в МИД в 1922 году, занимал различные должности как в министерстве, так и за границей, являлся легационным секретарем в Будапеште. Затем примерно в 1932 году работал легационным секретарем в Торгово-политическом отделе МИДа. В 1935 году министерский советник в президиальной канцелярии. Там же в 1938 или 1939 году был назначен посланни-

---

[I] Речь идет о немецком дипломате Людвиге Майре.

[II] Речь идет о немецком дипломате Иоганне фон Плессене.

[III] 28 августа 1922 г. Альберт Енке женился на сестре Й. фон Риббентропа — Ингебор Риббентроп.

[IV] С 12 декабря 1925 г. по 12 марта 1926 г. Динстман служил генеральным консулом в Тбилиси.

ком. Осенью 1939 года снова призван в армию, вначале как офицер запаса. С весны 1940 года прикомандирован как почетный адъютант к личной охране бельгийского короля[59], интернированного в один из замков в Западной Германии или в Бельгии, и оставался в этой должности до 1944 года. Член партии после 1933 года.

Хинрихс [Вальтер], родился примерно в 1885 году, архитектор. Поступил на службу в МИД в 1919 году. Занимал различные должности как в Германии, так и за границей, так, например, работал референтом в Протокольном отделе и Отделе личного состава. Насколько мне помнится, Хинрихс работал также легационным советником в посольстве в Средней или Южной Америке. В 1935—1939 годах переведен снова референтом в МИД, где находился еще до 1944 года. Примерно в 1940 году получил ранг посланника. Член партии после 1933 года.

Ашман [Готфрид], родился примерно в 1888 году, юрист. Поступил на службу в МИД примерно в 1919 году. С 1921 по 1924 годы легационный секретарь в Париже. Затем консул в Женеве, где был назначен также генеральным консулом. Позднее в течение нескольких лет работал советником посольства в Анкаре. Начиная с 1933 года являлся вначале заместителем начальника, а затем начальником Отдела печати МИДа. В 1935 году, занимая эту же должность, получил ранг посланника. В 1938 или в 1939 году был прикомандирован к посольству в Гааге и занимался там вопросами печати. Член партии после 1933 года.

**Кордт* [Теодор], родился примерно в 1893 году, юрист. Поступил в МИД в 1922 году. После различной работы в министерстве и за границей с 1930 по 1934 годы являлся личным секретарем бывшего статс-секретаря фон Бюлов. С 1934 по 1938 годы советник посольства в Афинах, с 1938 по 1939 годы советник посольства в Лондоне. В 1939 году прикомандирован к посольству в Берне как помощник посланника и, находясь на этой должности, получил ранг посланника. Член партии после 1933 года.

Фелькерс, родился примерно в 1890 году, юрист. В 1920 году переведен как правительственный советник из внутренних административных органов в МИД. Позднее работал за границей, так, например, советником посольства в Хельсинки. С весны 1939 года до отставки Нейрата, как имперского проектора Богемии и Моравии, работал в его штабе в Праге. Находясь на этой должности или немного позднее получил ранг посланника. Насколько мне помнится, Фелькерс вступил в партию после 1933 года. О его работе после 1942 года мне ничего неизвестно.

**Кролл*, родился в 1898 году, юрист или экономист. Поступил в МИД примерно в 1921 году. После непродолжительной работы в центральном аппарате министерства был направлен вице-консулом в США. С 1930 до весны 1936 года референт в Торгово-политическом отделе МИДа, где занимался вопросом экономических отношений с Англией, Америкой и Ближним Востоком. В 1935 году в течение 6 месяцев находился вместе с посланником Кип в Южной Америке во время переговоров с южно-американскими государствами. Весной 1936 года получил назначение на должность советника посольства в Анкару. На этой должности ему был присвоен в 1939 или 1940 году ранг посланника. Весной 1943 года направлен генеральным консулом в Барселону. Талантливый, умный человек, но очень тяжел в обращении. В партии не состоит.

Хеммен [Hemmen], родился примерно в 1888 году, юрист и экономист. Поступил на службу в МИД в конце первой мировой войны, долгое время

имел ранг легационного секретаря и легационного советника с правом доклада, являлся референтом в Торгово-политическом отделе. В 1928 или 1929 году назначен советником посольства в Буэнос-Айрес. В 1933 или 1934 году был оттуда отозван обратно в МИД и направлен снова для работы в Торгово-политический отдел в должности особоуполномоченного по торгово-политическим переговорам. Находясь на этой должности, Хеммен получил ранг посланника. Под его руководством проходил целый ряд переговоров с Францией, Польшей и Швейцарией. В 1940 году он являлся руководителем германской делегации по перемирию во время финансово-экономических переговоров с Францией. Затем он был назначен начальником Экономического отдела германского посольства в Париже и с 1943 года вел дела советника посольства (с сентября 1939 года до лета 1940 года он был прикомандирован к Хозяйственному отделу посольства в Берне). У Хеммен были примерно в 1933 году личные разногласия с будущим партийным руководителем в Аргентине. Поэтому его взаимоотношения с партией были очень натянуты. Однако ввиду его неоспоримого авторитета по хозяйственным вопросам его личные враги в партии не могли воспрепятствовать его продвижениям, а главное — его назначению посланником, обосновывая свои протесты личными мотивами. Хеммен очень опытный, но очень жестокий и беспощадный посредник, что ярко выразилось в отношении побежденной Франции в 1940—1944 годах. В партии не состоял.

Бергман, родился примерно в 1900 году, юрист. В 1927 году был переведен из внутренних административных органов в МИД. Имел ранг легационного секретаря и легационного советника; работал преимущественно в центральном аппарате министерства в Политическом отделе, примерно с 1935 года в Отделе личного состава, с начала 1941 года заместитель начальника этого же отдела. В 1941 году получил ранг посланника. Член партии после 1933 года.

Хейнбург [Heinburg], родился примерно в 1886 году, юрист. Поступил на службу в МИД в 1914 году. После войны работал вначале легационным секретарем в Протокольном отделе. С конца 1921 по 1925 годы легационный советник в Бухаресте. Затем в течение нескольких лет являлся референтом Отдела личного состава и позднее генеральным консулом в Александрии. Примерно начиная с 1932 года референт по Южной Европе в Политическом отделе. Находясь на этой должности, получил вначале ранг легационного советника с правом доклада и затем в 1939 году ранг посланника. С 1942 года генеральный консул в Триесте. В партию вступил после 1933 года. Очень корректный, осторожный кадровый чиновник, без политической инициативы.

Фрейтаг [Freytag], родился примерно в 1890 году, юрист. Поступил в МИД в 1919 году. После временной работы в министерстве выполнял различные миссии в Южной Америке. С 1934 года являлся легационным советником с правом доклада и позднее посланником, референтом по Южной Америке в Политическом отделе. С 1942 года референт в Отделе культуры. Член партии после 1933 года.

Фон Грундхерр [Grundherr], родился примерно в 1890 году, экономист. Поступил на службу в МИД примерно в 1917 году. С 1921 по 1923 годы легационный секретарь в Бухаресте. С 1923 по 1926 годы референт в Политическом отделе МИДа. С 1926 по 1934 годы легационный советник в Хельсинки. С этого времени ему присвоен ранг легационного советника с правом доклада, и он снова получил должность референта в Политическом отделе по Скандинавии. Интеллигентный, умный дипломат. Член партии после 1933 года.

**Бенцлер* [Benzler], родился в 1892 году, юрист. Поступил в МИД в 1919 году. После временной работы в центральном аппарате министерства был назначен вице-консулом в Амстердам и затем советником посольства в Будапеште. Примерно с 1930 года референт в Торгово-политическом отделе. Там же получил ранг легационного советника с правом доклада. С 1936 года заместитель начальника Торгово-политического отдела. Бенцлер руководил целым рядом экономических переговоров с заграницей, являлся председателем Германской правительственной комиссии по переговорам с Чехословакией и Голландией. С конца 1937 года до весны 1940 года — генеральный консул в Амстердаме. С весны 1941 по весну 1943 года, имея ранг посланника, являлся представителем МИДа при германском военном главнокомандующем в Белграде. После его отзыва оттуда работал снова в центральном аппарате министерства, выполняя различные специальные задания. Весной 1944 года, после занятия Венгрии германскими войсками, предполагалось назначить Бенцлера германским хозяйственным уполномоченным в Будапеште. Однако под различными предлогами он уклонился от этого поручения, так как самым решительным образом не одобрял «мероприятий Везенмайера» и не хотел в них участвовать. Его отзыв из Белграда за год до этого произошел также в связи с тем, что он не был согласен с мероприятиями, проводимыми германскими военными властями в Сербии, однако при занимаемой им должности он не мог оказывать на это никакого влияния и поэтому воспользовался первым предлогом, а именно реорганизацией военного командования, чтобы покинуть свой пост.

**Альтенбург*, родился примерно в 1895 году, юрист. В МИД поступил в 1920 году, являлся легационным секретарем в Риме (Квириналь) с 1922 по 1925 годы. С 1925 по 1931 годы — легационный секретарь в Софии. С 1931 по 1933 годы референт в Политическом отделе. С 1933 по конец 1934 года — легационный советник в Вене. С 1934 года снова референт в Политическом отделе. Находясь в этой должности, получил ранг легационного советника с правом доклада примерно в 1938 году, а в 1940 году — посланника. С 1941 года германский уполномоченный на оккупированной итальянцами греческой территории. В этой должности нередко защищал интересы греческого населения и категорически выступал за обеспечение Греции продуктами питания, чтобы предотвратить грозящий голод. Когда летом 1943 года итальянцы вышли из войны на стороне Германии, Альтенбург не хотел занимать предназначавшегося для него поста представителя МИДа при германском военном командующем, так как, занимая эту должность, он не имел никакого влияния на усилившиеся мероприятия со стороны военных властей в связи с ростом партизанского движения. Поэтому он просил отозвать его в центральный аппарат министерства под предлогом того, что ранг посланника слишком высок для должности представителя МИДа при генерале. В министерстве он с этого времени занимал различные должности, преимущественно в Бюро министра. Альтенбург был постоянным противником германской военной политики и, главным образом, резким критиком политики Риббентропа. В партию вступил после 1933 года.

6. ГЕНЕРАЛЬНЫЕ КОНСУЛЫ

Крюммер [Krümmer, Эвальд], родился примерно в 1894 году, юрист. В МИД поступил примерно в 1920 году как атташе. После различной работы за границей являлся примерно в течение 5 лет референтом в Отделе культуры, имея

ранг легационного секретаря и легационного секретаря с правом доклада. Затем с 1934 по 1938 годы легационный советник в Варшаве. Позднее использовался на различных должностях в самом министерстве, так, например, — референт в отделе «Германия». В этой должности получил ранг легационного советника с правом доклада и посланника. В 1943 году был направлен генеральным консулом в Адана (Турция). Член партии после 1933 года.

Барандон [Barandon, Пауль], родился примерно в 1888 году, юрист. С 1926 по 1933 годы член секретариата Лиги Наций в Женеве и референт Юридического отдела. С 1933 года референт, а затем заместитель начальника Правового отдела МИДа. Находясь в этой должности, ему был присвоен ранг легационного советника с правом доклада. Затем работал генеральным консулом в Вальпараисо до 1942 года. С 1942 года, получив ранг посланника, был прикомандирован к посольству в Копенгагене в качестве помощника посланника. Эксперт по международному праву. Член партии после 1933 года.

Шеллерт [Schellert], родился примерно в 1887 году, юрист. Поступил в МИД в 1919 году. Занимал различные должности за границей, насколько мне известно, являлся легационным секретарем в Белграде. Затем снова работал референтом в министерстве. С 1934 по 1937 годы, имея ранг легационного советника с правом доклада, работал референтом в Отделе личного состава, с 1937 года по весну 1940 года — генеральный консул в Антверпене. С осени 1940 года прикомандирован к посольству в Париже. Член партии после 1933 года.

Фон Галем [Густав Адольф], родился примерно в 1900 году, юрист. Поступил на службу в МИД в 1923 году. Занимал различные должности за границей, как-то: легационный секретарь в Праге. С 1938 по 1942 годы — заместитель начальника Протокольного отдела, имея ранг легационного советника с правом доклада. С 1942 года — генеральный консул в Милане. Член партии после 1933 года. Имел звание среднего руководителя национал-социалистического автомобильного корпуса.

Фогт [Voigt], родился примерно в 1887 году, юрист. Поступил в МИД в 1919 году, затем в течение 15 лет являлся референтом по Саараскому вопросу в Политическом отделе. Находясь в этой должности, получил сначала ранг легационного советника, затем легационного советника с правом доклада. После 1935 года назначен генеральным консулом в Цюрихе, где оставался до 1943 года. В 1943 году был прикомандирован к посольству в Париже. Член партии после 1933 года.

Друффель [Druffel, Эрнст фон], родился примерно в 1888 году, юрист. Поступил в МИД до или после первой мировой войны. Являлся консулом в различных местах, так, например, с 1931 по 1939 годы в Братиславе, затем до 1942 года генеральный консул в Триесте. С 1942 года работал в центральном аппарате министерства. В партию вступил после 1933 года.

Фон Белов [Карл], родился примерно в 1890 году, юрист, в МИД поступил в 1919 году. Работал легационным секретарем в Англии, затем референтом в Политическом отделе. С 1932 года до начала 1934 года легационный советник в Вене, в 1934 году в той же должности переведен в Стокгольм и через несколько лет назначен генеральным консулом в Гётеборг. Насколько мне помнится, в партию вступил после 1933 года.

**Штром* [Strohm], родился примерно в 1895 году, филолог. Поступил в МИД в 1922 году. С 1924 по 1930 год — личный секретарь бывшего в то время в должности статс-секретаря фон Шуберт. Находясь в этой должно-

сти, получил ранг легационного секретаря и легационного советника. Затем в качестве легационного советника направлен за границу, куда не помню. С 1936 по 1940 годы генеральный консул в Аддис-Абебе, затем непродолжительное время был интернирован англичанами. После возвращения в Германию использовался на различных должностях в министерстве, являлся временно генеральным консулом в Боцене. Штром умный, передовой дипломат, с демократическими установками. Мне кажется, что в партию он вступил после 1933 года, однако я в этом не уверен.

Рютер [Reuter], родился примерно в 1888 году, юрист. Поступил в МИД в 1919 году. Временно работал в Отделе личного состава. Затем в течение 5 лет являлся вице-консулом в Южно-Африканском Союзе. После этого до 1936 года, имея ранг легационного советника, был начальником Экономического отдела при посольстве в Лондоне. С 1936 по 1943 годы референт в Торгово-политическом отделе МИДа. В 1943 году был назначен генеральным консулом и руководил Экономическим отделом посольства в Берне. Член партии после 1933 года.

Грефф [Graeff], родился примерно в 1902 году, экономист, секретарь Германской торговой палаты в Милане. С 1929 по 1934 годы эксперт по торговым вопросам в генеральном консульстве в Милане. Примерно с 1934 до середины 1938 года эксперт по торговле в посольстве в Риме. В 1938 году был принят на дипломатическую службу, имея ранг легационного секретаря, руководил Экономическим отделом посольства. Находясь в этой должности, получил звание легационного советника и затем генерального консула.

**Шлипп* [Schliep], родился примерно в 1889 году, юрист. Поступил в МИД в 1919 или 1920 году. Занимал различные должности в министерстве и за границей, так, например, работал в Русском отделении Политического отдела. С 1932 по 1939 годы являлся вначале легационным советником, а затем советником посольства в Варшаве. С 1940 до 1943 года генеральный консул в Тиране. Затем работал в МИДе, выполняя различные специальные задания. Шлип умный, тактичный дипломат с особым талантом по юридическим вопросам. Член партии после 1933 года.

**Пфейффер* [Pfeiffer, Петер], родился примерно в 1900 году, юрист. Поступил в МИД в 1925 году. Использовался на различных работах за границей, так, например, был легационным секретарем в Париже и, насколько мне помнится, также в Лондоне. С 1938 по 1941 годы легационный советник в Риме. С 1941 по конец 1942 года генеральный консул в Алжире. Пфейффер до 1933 года принадлежал к партии «Центра». Его старший брат являлся одним из самых известных руководителей левого крыла партии «Центра». Благодаря этому брату, работавшему в течение нескольких лет посланником в Вене, Пфейффер поступил в МИД. В национал-социалистической партии не состоял.

Доле [Döhle, Вальтер], родился примерно в 1885 году, коммерсант, до 1914 года эксперт по торговле и, особенно, по табаку в Роттердаме, там же работал для германского консульства. После войны был принят на работу в МИД как легационный секретарь и в течение нескольких лет работал референтом в Торгово-политическом отделе. С 1921 по 1934 год, имея ранг легационного советника, являлся руководителем Экономического отдела посольства в Париже. С 1934 по 1939 год генеральный консул в Иерусалиме. С 1939 года снова референт в Торгово-политическом отделе. Член партии после 1933 года.

Родде [Вильгельм], родился примерно в 1895 или 1900 году, его профессия мне неизвестна. Старый член партии. Сотрудник «Бюро Риббентропа». В 1938 или 1939 году был взят Риббентропом на службу в МИД и вскоре после этого назначен генеральным консулом в Брашов (Румыния), где оставался до 1944 года. О его деятельности в «Бюро Риббентропа» мне никаких других сведений неизвестно. Будучи генеральным консулом в Брашове, он, как мне пришлось наблюдать, не развивал особой активности и ограничивался исполнением обычных консульских дел. В задачи консула в Брашове входило, в первую очередь, поддержание взаимоотношений с германскими «фольксгруппами» в Трансильвании. Об этом, в основном, и заботился Родде.

Тиманн [Tiemann], родился примерно в 1885 году, юрист, в МИД поступил до 1914 года. Являлся специалистом по Восточной Азии, где находился почти всю свою жизнь. Последние годы до 1939 года работал генеральным консулом в Шанхае. С 1940 года консультант по восточно-азиатским вопросам в Торгово-политическом отделе министерства. Тиманн, как и все знатоки Восточной Азии, давно находящиеся на германской дипломатической службе, симпатии которых были постоянно на стороне Китая, относился скептически к японской политике Риббентропа. Член партии после 1933 года.

**Шельхорн*[I], родился примерно в 1890 году, врач, как таковой принимал участие в первой мировой войне. После этого изучал политэкономию и в 1920 году поступил на службу в МИД. Работал на различных должностях за границей; насколько мне помнится, являлся легационным секретарем в Брюсселе. С 1928 по весну 1931 года легационный советник в Вене. С 1931 по 1932 годы легационный советник в Париже. Затем консул и позднее генеральный консул в Черновицах, где оставался до весны 1944 года. С весны 1944 года начальник консульского отдела при посольстве в Бухаресте. Очень отрицательно настроен по отношению к национал-социализму. Принадлежал к студенческому католическому обществу и был также близок к партии «Центра». Насколько мне помнится, не принадлежал к национал-социалистической партии.

Боде[II], родился примерно в 1885 году, юрист, в МИД поступил в 1919 году. После войны являлся консулом в Чехословакии, затем референт в Политическом отделе, позднее снова занимал различные должности за границей, в последние годы — генеральный консул в Марселе. Мне кажется, что в партию он вступил после 1933 года.

Вальтер[III], родился примерно в 1885 году, юрист. Поступил в МИД до 1914 года. Большую часть своей жизни провел консулом за границей, насколько мне помнится, он занимал также пост в России. Примерно с 1938 года, будучи генеральным консулом, работал референтом в Экономическом отделе. Член партии, как мне кажется, после 1933 года.

Зейлер[IV], родился примерно в 1885 году, поступил в МИД переводчиком до 1914 года. Вначале работал на Ближнем Востоке. После первой мировой войны занимал снова различные должности за границей, затем, имея ранг легационного советника и легационного советника с правом доклада, с 1930 по 1935 годы являлся референтом в Отделе культуры. С 1935 по весну 1943 года генеральный консул в Стамбуле. Член партии после 1933 года.

[I] Речь идет о немецком дипломате Фрице Герхарде Шельхорне.

[II] Речь идет о немецком дипломате Германе Боде.

[III] Здесь и далее речь идет о немецком дипломате Гебхарде фон Вальтере.

[IV] Так в документе, возможно, здесь и далее речь идет о немецком дипломате Фердинанде Сейлере.

Фройнд [Freund][I], родился примерно в 1885 году, юрист. Поступил на службу в МИД до 1914 года. Затем занимал различные должности как консул, с 1932 по 1941 годы генеральный консул в Загребе. Член партии после 1933 года.

**Зигфрид* [Zeigfried], родился примерно в 1900 или 1905 году, юрист. Поступил в МИД в 1930 году. После работы на различных должностях с 1938 по 1943 годы являлся личным секретарем и начальником кабинета бывшего статс-секретаря фон Вейцзеккер. Весной 1943 года, после перевода Вейцзеккер в Рим, был направлен генеральным консулом в Женеву. Зигфрид имел такие же взгляды, что и его начальник Вейцзеккер. Член партии после 1933 года.

**Мой*[II], родился примерно в 1890 году, юрист. В МИД поступил в 1920 году. С 1932 по 1937 годы, будучи легационным советником, являлся заместителем начальника Протокольного отдела. С 1937 по 1943 год генеральный консул в Неаполе. Не имел никакого особого политического профиля, сдержанный, осторожный человек с правильным суждением. Член партии после 1933 года.

Кестер [Köster], родился примерно в 1890 году, юрист. Поступил в МИД в 1920 году. Работал на различных должностях за границей, так, например, легационным секретарем в Дублине. С 1942 года генеральный консул в Венеции. Член партии после 1933 года. В политическом отношении бесцветен.

**Квиринг*, примерно 1892 года рождения, юрист, на службе в МИДе с 1920 года. Занимал различные должности за границей в качестве легационного секретаря и консула. Примерно с 1936 по 1939 годы работал в качестве генерального консула и начальника Консульского отдела посольства в Париже. В политическом отношении ничем не выделялся. Пригоден для выполнения консульских и административных заданий.

**Нольдеке* [Noldeke], родился примерно в 1888 году, юрист. Поступил на службу в МИД в 1919 или 1920 году, легационный секретарь в Париже, затем в течение многих лет работал легационным советником и легационным секретарем-референтом по международному праву в Правовом отделе. С 1935 по 1939 годы генеральный консул в Катовицах. Член партии после 1933 года.

Фон Заукен [von Saucken], родился примерно в 1890 году, юрист. Поступил в МИД в 1919 году. После работы в самом министерстве и за границей являлся с 1935 по 1939 годы генеральным консулом в Тильзите. Затем с 1941 года представитель МИДа при «генеральном консуле» Украины — Кох в Харькове. Член партии после 1933 года.

Крауель [Krauel], родился примерно в 1895 году, юрист. Поступил в МИД в 1925 году. Являлся личным секретарем начальника Политического отдела Коппе с 1932 по весну 1936 года. Находясь в этой должности, получил ранг легационного секретаря и легационного советника. С 1936 по весну 1943 года генеральный консул в Женеве. Когда весной 1943 года был снова отозван в центральный аппарат министерства, он под различными предлогами отказался возвращаться в Германию. Вернулся ли затем Крауель в Германию, а также о его деятельности после мая 1945 года мне неизвестно. Мне не известны также мотивы, по которым Крауель не хотел возвращаться. Член партии после 1933 года.

[I] Здесь и далее речь идет о немецком дипломате Альфреде Фройндте.

[II] Речь идет о немецком дипломате Зигфриде Мее.

**Штрак* [Strack], родился примерно в 1902 году, юрист. Поступил в МИД в 1927 году, занимал должности как вице-консул, затем с 1938 по 1940 год легационный советник в Протокольном отделе. С 1940 по 1943 год легационный советник с правом доклада и референт Политического отдела. С 1943 по осень 1944 года генеральный консул в Клаузенбурге (Трансильвания). Член партии после 1933 года.

Виндеккер [Windecker], родился примерно в 1888 году, юрист. Поступил в МИД в 1919 году. Работал на различных должностях в Политическом отделе «Восточная Европа», также являлся легационным советником в Белграде. Позднее генеральный консул там же. До конца 1943 года руководитель Консульского отдела при посольстве в Бухаресте, а также выполнял различные специальные задания по переговорам. Являлся представителем МИДа при главнокомандующем Севера или при военном командире по Северной области в Риге. Находясь в этой должности, Виндеккер должен был получить ранг посланника, однако мне неизвестно, получил ли он его или нет. Член партии после 1933 года.

Буссе [Busse], родился примерно в 1885 году, юрист. Поступил в МИД в 1919 году, работал легационным советником в Белграде. Затем в течение многих лет, имея ранг референта, работал в Политическом отделе. В 1941 году был назначен генеральным консулом в Кавалла (Греция). Насколько мне помнится, не член партии.

Калиш [Kalisch], родился примерно в 1885 году, юрист и переводчик. Поступил в МИД в 1910 году. Вначале работал переводчиком в Турции. После первой мировой войны занимал различные посты на Ближнем Востоке. С 1936 по 1939 годы референт в Экономическом отделе министерства. В течение 2 лет являлся моим близким сотрудником и заместителем. Имел временные трудности в связи со своим еврейским происхождением. Однако ему удалось добиться назначения на пост генерального консула в Рущук. Не член партии.

7. СОВЕТНИКИ ПОСОЛЬСТВ

**Форстер*, родился примерно в 1883 году. Начал свою консульскую деятельность в 1914 году, когда был назначен вице-консулом в Будапешт. С 1921 по 1925 годы легационный советник в Париже, с 1925 по 1931 годы референт в Политическом отделе министерства. В 1926 году получил ранг легационного советника с правом доклада. С 1931 по 1936 годы советник посольства в Париже. В 1937 году оставил службу в связи с еврейским происхождением его жены. Весной 1936 года Форстер, являясь в отсутствие посла графа Вельчек поверенным в делах в Париже, вместе с Нойрат был на докладе у Гитлера, чтобы высказать свое мнение о том, как будет вести себя французское правительство в случае создания германских гарнизонов в Рейнской области. Форстер заявил, что он уверен, что Франция в случае расторжения Локарнского договора объявит Германии войну. Когда же Франция вскоре после этого ответила только дипломатическим протестом на предпринятые все же Гитлером мероприятия, это послужило причиной к тому, чтобы Форстер пошел в отставку из-за своих «неверных представлений» о политической обстановке во Франции, при этом еврейское происхождение его жены было только предлогом. После ухода в отставку Форстер при моем посредничестве получил должность в «И.Г. Фарбен Индустри», где он в основном работал консультантом по вопросам, касавшимся Франции. Не член партии.

Фон Кампхофенер, родился примерно в 1885 году. Поступил в МИД в 1914 году. В 1928 году получил ранг легационного советника, с 1930 по 1934 или 1935 год работал советником посольства в Мадриде. С 1936 по 1939 годы выполнял различные специальные поручения в министерстве. С 1939 года являлся офицером запаса в армии. До 1933 года член социал-демократической партии, в которую вступил летом 1931 года. Не член НСДАП.

Барон фон Штейн [Freiherr von Stein], родился примерно в 1890 году, юрист, был принят в МИД как правительственный советник за несколько лет до первой мировой войны. Занимал различные должности в министерстве и с 1931 по 1934 годы, имея ранг легационного советника, работал референтом в Торгово-политическом отделе. С 1934 по 1936 годы легационный советник в Праге. С 1936 по 1938 годы советник посольства в Вене. Затем работал своего рода неофициальным представителем министерства в Вене, где руководил расформированием австрийского МИДа. Занимался вопросами, связанными с роспуском дипломатического корпуса, затем участвовал в создании новых иностранных консульств и наблюдал за расформированием германских консульств в Австрии. После присоединения Австрии к Германии Штейн оставался также неофициальным представителем МИДа в Вене. Член партии после 1933 года.

Фон Леветцов [von Levetzow], родился примерно в 1888 году, юрист. В МИД поступил до 1914 года или вскоре после первой мировой войны. В министерстве занимал различные должности, а также в течение ряда лет работал в Протокольном отделе и, насколько мне помнится, легационным советником в Будапеште. С 1934 года советник посольства в Рио-де-Жанейро. Мне кажется, что он оставался там до разрыва дипломатических отношений в 1942 году. Однако возможно, что он в течение года являлся посланником в одном из южноамериканских государств. Член партии после 1933 года.

Фон Похгаммер [von Porhhammer], родился примерно в 1890 году, юрист. Поступил в МИД в 1919 году. В течение почти 7 лет являлся консулом в Коломбо (Цейлон), с 1934 по 1938 годы легационный советник в Бухаресте. После этого с 1938 по 1943 годы, т.е. до разрыва дипломатических отношений, советник посольства в Сант-Яго (Чили). Являлся автором философских трудов. Член партии после 1933 года.

Менсгаузен, родился примерно в 1888 году, юрист. Поступил в МИД в 1919 году. Вначале работал за границей, насколько мне помнится, легационным секретарем в Мадриде или Лиссабоне. С 1923 по 1930 годы, имея ранг легационного секретаря и легационного советника, являлся референтом в Политическом отделе МИДа. С 1930 по 1936 годы легационный советник при посольстве в Риме (Ватикан). С 1936 по 1943 годы советник посольства там же. Член партии после 1933 года.

Барон фон дер Хейден-Ринч, родился примерно в 1895 году, юрист. Поступил в МИД в 1924 году, являлся легационным секретарем в Париже. С 1932 по 1939 годы легационный секретарь и легационный советник в должности референта по военным вопросам в Политическом отделе министерства. С 1939 года советник посольства в Мадриде. Член партии после 1933 года.

**Гильгер* [Hilger], родился примерно в 1882—1885 году, коммерсант, вскоре после первой мировой войны был назначен экспертом по торговле при посольстве в Москве, позднее работал руководителем Экономического отдела посольства, имея ранг легационного советника и затем советника посольства. Прямой сторонник германо-русского сотрудничества и противник

войны с Советским Союзом. Гильгер присутствовал на последнем докладе до нападения на Советский Союз у Гитлера вместе с Шуленбургом и так же, как Шуленбург и военный атташе, высказывался против войны. Насколько мне помнится, член партии после 1933 года.

**Данкворт*[I], родился примерно в 1890 году, юрист, поступил в МИД в 1919 году, затем работал легационным секретарем в Берне, с 1926 по 1930 годы консул в Цюрихе, затем в ранге легационного советника работал референтом в МИДе. С 1936 года легационный советник и позднее советник посольства в Стокгольме. Насколько мне известно, член партии после 1933 года.

Больтце [Boltze], родился примерно в 1890 году, юрист. Поступил в МИД после 1919 года. Работал легационным секретарем в посольствах европейских государств. Затем являлся референтом в министерстве в ранге легационного секретаря и легационного советника. Работал заместителем начальника Протокольного отдела. С 1938 года советник посольства в Токио. Член партии после 1933 года.

Шумбург [Schumburg], родился примерно в 1900 году, юрист. Поступил в МИД в 1923 году. Работал атташе в Париже с 1927 по 1928 годы, затем являлся легационным секретарем в Осло с 1928 по 1931 годы. С 1934 по 1939 годы, имея ранг легационного советника, работал руководителем реферата «Германия» в МИДе. В 1939 году был назначен советником посольства в Сант-Яго (Чили), однако, как мне кажется, не работал в этой должности, а использовался для выполнения различных, специальных заданий. Член партии после 1933 года. Руководящий член СС со средним офицерским званием.

Шлимперт [Schlimpert], родился примерно в 1890 году, юрист. Поступил на службу в МИД в 1919 году. Занимал различные должности в германских посольствах в Европе, а также работал референтом в Политическом отделе МИДа. С 1935 года вначале легационный советник и затем советник посольства в Рио-де-Жанейро. До 1933 года был близок к Немекой народной партии (старой партии Штреземана). Член партии после 1933 года.

Майен [Meynen], родился примерно в 1890 году. Поступил в МИД в 1919 году. Являлся советником посольства в Буэнос-Айресе до 1942 года, т.е. до разрыва дипломатических отношений. Насколько мне известно, член партии после 1933 года.

Фон Барген[II], родился примерно в 1900 году, юрист. Поступил в МИД в 1923 или 1925 году. Занимал различные должности в посольствах за границей и в самом министерстве, так, например, являлся секретарем начальника Политического отдела МИДа. С 1938 года советник посольства в Брюсселе. С весны 1940 года представитель МИДа при военном губернаторе в Бельгии. Точно не помню, но думаю, что Барген, находясь в этой должности, получил ранг посланника.

Кордт [Эрих], родился примерно в 1900—1905 году, юрист. Поступил в МИД в 1932 году. Брат посланника Кордт, о котором я уже писал выше. В 1933 году, имея ранг атташе или младшего легационного секретаря, временно ушел из МИДа и поступил в «Бюро Риббентропа». Весной 1938 года, после назначения Риббентропа министром иностранных дел, снова возвратился на работу в министерство в качестве личного секретаря и начальника кабинета министра. Позднее, кажется осенью 1940 года, назначен советни-

---

[I] Речь идет о немецком дипломате Вернере Данкворте.

[II] Речь идет о немецком дипломате Вернере фон Баргене.

ком посольства в Токио. В партию вступил до или после 1933 года, точно сказать не могу. Насколько мне известно, имел звание.

Шлейер [Schleier], родился примерно в 1895—1900 году, журналист. Насколько мне известно, член партии до 1933 года. По распоряжению Абетца назначен после 1940 года советником посольства в Париже, однако в связи с отсутствием способностей в 1943 году был уволен с этого поста и занимался выполнением специальных поручений. Насколько мне помнится, во время пребывания в Париже Шлейер получил ранг посланника.

Граф Бернсторф[I], родился примерно в 1885—1890 году. Время поступления в МИД мне неизвестно. С 1922 по 1934 годы легационный секретарь, легационный советник и советник посольства в Лондоне. До 1933 года являлся членом демократической партии. В национал-социалистической партии не состоял.

Швендеман [Schwendemann], родился примерно в 1895 году, историк. Поступил в Отдел печати МИДа в 1920 году. Позднее работал референтом в Политическом отделе МИДа во Франции. Позднее находился временно в посольстве в Мадриде. С 1940 года прикомандирован вторым советником к посольству в Париже. Насколько мне известно, член партии после 1933 года. Работал также в области журналистики и литературы, специально по германо-французским вопросам.

8. ЛЕГАЦИОННЫЕ СОВЕТНИКИ С ПРАВОМ ДОКЛАДА

**Ульрих* [Ulirich], родился примерно в 1886 году, юрист. Поступил в МИД в 1919 году. С 1921 по 1923 годы легационный секретарь в Риме, с 1923 по 1926 годы референт в Политическом отделе министерства. С 1926 по 1932 годы легационный советник в Берне. С 1932 года до осени 1935 года заместитель начальника Экономического отдела министерства. Осенью 1935 года уволен из-за еврейского происхождения. Будучи заместителем начальника отдела, руководил целым рядом торгово-политических переговоров. Так, например, являлся председателем германской делегации по переговорам с Англией, Голландией, Чехословакией и Швейцарией. В 1936 году поступил на работу в крупную английскую фирму маклеров и финансистов. Поддерживал связь в Англии с немецкими политическими эмигрантами. До 1939 года я неоднократно с ним встречался. В 1939 году он остался в Англии. Ульрих считался одним из самых умных и опытных руководителей по экономическим переговорам. Его английским конкурентом являлся известный представитель английского правительства Лит Росс, который помог Ульриху остаться в Лондоне. В партии Ульрих не состоял.

Давидсен [Davidsen], родился примерно в 1882 году, как мне кажется, являлся ранее коммерсантом. До первой мировой войны был экспертом по торговым вопросам в одном германском представительстве в США. Примерно с 1920 года по 1944 год — референт по вопросам Америки в Экономическом отделе МИДа. В 1930 году получил ранг легационного советника с правом доклада. Насколько мне помнится, не являлся членом партии.

**Дюмон*[II], родился примерно в 1888 году, юрист. В МИД поступил в 1919 году, с 1921 по 1935 годы работал в качестве атташе, имея ранг легаци-

---

[I] Возможно, речь идет о немецком дипломате Альбрехте Теодоре Андреасе фон Бернсторфе.

[II] Речь идет о немецком дипломате Карле Дюмонте.

онного секретаря и затем легационного советника в Париже. С 1935 до начала 1937 года референт по Испании в Политическом отделе МИДа. В июне 1936 года ему был присвоен ранг легационного советника с правом доклада. В начале 1937 года был уволен из МИДа потому, что сторонники Франко — испанцы, пожаловались на него в МИД Германии и партийную организацию, что он, якобы, является сторонником демократических партий Испании и во время гражданской войны саботировал или, во всяком случае, задерживал и препятствовал проведению мероприятий с германской стороны, направленных на поддержание Франко. В дальнейшем партийная организация заподозрила Дюмона в шпионаже, и он был временно устранен от службы. После того как доносы о шпионской деятельности Дюмона не подтвердились (это был вымысел со стороны гестапо, чтобы «покончить» с ним), а также благодаря вмешательству его друзей среди старых кадровых дипломатов и, в первую очередь, благодаря моему вмешательству, он был снова принят на работу в МИД летом 1938 года и являлся с этого времени референтом в Экономическом отделе. Дюмон умный, опытный дипломат, умеющий правильно охарактеризовать политическую обстановку. С самого начала являлся противником гитлеровской политики. В партии не состоял.

**Ломан*[I], родился примерно в 1897 году. В МИД Германии поступил в 1922 или 1923 году. Продолжительное время работал в США, несколько лет являлся легационным секретарем в посольстве в Вашингтоне. С 1935 года, имея ранг легационного советника и легационного советника с правом доклада, работал референтом в МИДе, из них несколько лет в Правовом отделе и в Бюро министра иностранных дел. Особенно сведущ в вопросах международного права. Член партии с 1933 года.

Барон фон Лиерс и Вилкау[II], родился примерно в 1888 году, юрист. После первой мировой войны, имея ранг правительственного советника, был принят на службу в МИД Германии. С 1922 по 1926 годы легационный советник в Париже. Затем с 1926 по 1938 годы в звании легационного советника и легационного советника с правом доклада являлся референтом в Политическом отделе МИДа. В течение многих лет работал референтом по Польше. Летом 1938 года ушел из МИДа из-за личных разногласий с Риббентропом, которого знал еще по Парижу. О его партийной принадлежности мне неизвестно.

Барон Маршал фон Биберштейн, родился примерно в 1892 году, юрист. В МИД Германии поступил в 1922 или 1923 году. После использования его на различных дипломатических должностях долгое время (с 1932 по 1936 годы) работал легационным советником при посольстве в Лондоне. После этого являлся референтом в Политическом отделе, имея ранг легационного советника с правом доклада. Член партии после 1933 года.

Фон Шмиден [von Schmeiden], родился примерно в 1890 году, юрист. Поступил в МИД в 1919 году. С 1921 по 1925 годы легационный секретарь посольства в Риме, затем в течение 7 лет (с 1926 по 1933 годы) член секретариата Лиги Наций от Германии. Как таковой, являлся участником различных неполитических миссий в Восточной Азии (торговля девушками, опием). С 1933 года в ранге легационного советника и легационного советника с правом доклада работал референтом в Политическом отделе МИДа. До

[I] Речь идет о немецком дипломате Йохане Георге Ломане.

[II] Здесь и далее речь идет о немецком дипломате Иоахиме Фридрихе фон Лиерс унд Вилькау.

1938 или 1939 года руководил в Политическом отделе референтом «Восточная Азия». Затем был уволен с этой должности, так как не соглашался с политикой Риббентропа в отношении Японии и пытался неоднократно во время докладов и в записках изложить свою отрицательную точку зрения по этому вопросу. Шмиден, как и все старые немецкие кадровые дипломаты-специалисты по вопросам Восточной Азии в китайско-японском конфликте, стоял полностью на стороне Китая и являлся поэтому противником всякого тесного сближения Германии с Японией. В последние годы Шмиден выполнял специальные поручения в области пропаганды.

Забат, родился примерно в 1885 году, юрист. Вначале работал в Колониальном управлении. После 1918 года в ранге правительственного советника и затем старшего правительственного советника работал в германском Министерстве финансов, где проявил себя во время участия в международных переговорах по финансовым вопросам. С 1932 по 1934 годы работал министерским советником в Имперской канцелярии. С 1934 года в ранге легационного советника с правом доклада являлся референтом по Западной Европе в Экономическом отделе МИДа. Много раз возглавлял делегации по экономическим переговорам, так, например, в Испании и Португалии. Насколько мне известно, Забат в партии не состоял.

Беренд[I], родился примерно в 1885 году, юрист и переводчик восточноазиатских языков. В МИД Германии поступил в 1914 году. Специалист по вопросам Восточной Азии. Большую часть своей службы провел на различных консульских должностях в Восточной Азии. С весны 1941 года референт по Восточной Азии в Экономическом отделе МИДа.

Зете [Sethe], родился примерно в 1885 году, юрист. В МИД Германии поступил в 1919 году. Большей частью работал в англосаксонских странах. В течение нескольких лет являлся консулом в Северной Африке. Продолжительное время в ранге легационного советника с правом доклада занимал должность референта в Правовом отделе МИДа.

Бройтигам, родился примерно в 1892 году. В МИД Германии поступил в 1920 году. Первое время работал на различных должностях в Восточной Европе, затем с 1930 года до весны 1936 года являлся референтом по вопросам экономической связи с Советским Союзом и Польшей. Насколько мне помнится, работал после этого непродолжительное время генеральным консулом на Востоке. В течение нескольких лет был откомандирован как легационный советник с правом доклада в одну из германских организаций, занимающихся вопросом расселения и общими хозяйственными и финансовыми вопросами в одной из восточных областей. Эта организация известна под названием «Помощь Востоку», и я предполагаю, что она в последние годы была подчинена так называемому Министерству Востока. Бройтигам, насколько мне известно, вступил в партию после 1933 года.

**Биддер*[II], родился примерно в 1890—1895 году, юрист. В МИД Германии поступил в 1922 году. Специалист по вопросам Восточной Азии. В это же время временно занимал должность референта в МИДе. Несколько лет тому назад был снова вызван в центральный аппарат министерства и в ранге легационного советника с правом доклада занимал должность референта по Восточной Азии в Политическом отделе. Считается особенно хорошим зна-

---

[I] Речь идет о немецком дипломате Рихарде Беренде.

[II] Речь идет о немецком дипломате Гансе Биддере.

током восточно-азиатских вопросов. Противник политики Риббентропа по вопросу Восточной Азии. Во время первой мировой войны потерял ногу.

**Рипкен*, родился в 1902 году, юрист и переводчик китайского языка. Поступил в МИД Германии в 1927 году. Вначале работал на различных должностях на Ближнем Востоке, так, например, легационным секретарем в Кабуле. С 1936 года, имея ранг легационного советника, а затем легационного советника с правом доклада, работал референтом в Экономическом отделе МИДа. Руководил переговорами с Персией, Афганистаном и Турцией. С 1943 года зам[еститель] начальника и с 1944 года начальник Экономического отдела МИДа. В партию вступил после 1933 года.

**Юнкер*, родился примерно в 1890—1895 году, юрист. В МИД Германии поступил в 1922 году. С 1931 по конец 1932 года являлся атташе при посольстве в Вене. С 1933 года по 1937 год служил при различных консульствах в Восточной Азии и, насколько мне помнится, временно находился в посольстве в Пекине. С осени 1937 по конец 1943 года, имея вначале ранг легационного секретаря, затем легационного советника и легационного советника с правом доклада, являлся референтом в Экономическом отделе МИДа. С конца 1943 года прикомандирован к представителю МИД при германском главнокомандующем по Юго-Востоку в Белграде. В партию вступил после 1933 года.

**Мелхерс* [Melchers], родился примерно в 1901 году, юрист. В МИД Германии поступил примерно в 1925 году, работал на различных должностях на Ближнем Востоке. С 1935 года в ранге легационного советника и легационного советника с правом доклада являлся референтом по Ближнему Востоку в Политическом отделе МИДа. До 1933 года демократ.

**Фон Этцдорф* [von Etzdorf], родился примерно в 1900—1902 году, юрист. В МИД Германии поступил в 1927 году. Занимал различные дипломатические должности, так, например, насколько мне известно, работал в Брюсселе, затем несколько лет в ранге легационного советника и легационного советника с правом доклада служил в Отделе кадров МИДа. В 1939 году призван в армию в качестве офицера запаса. Хотя, как мне известно, он и не принадлежал к числу заговорщиков покушения на Гитлера 20 июля, однако, очень близко стоял к этим кругам и разделял их взгляды (17 или 18 июля я имел с ним подробную беседу на эту тему).

Фейне [Feine], родился примерно в 1893 году, юрист. Поступил на службу в МИД Германии в 1925 году. С 1926 года в течение одного или двух лет являлся атташе бывшего в то время министра иностранных дел Штреземана. В течение нескольких лет работал легационным секретарем в Лондоне. После использования на различных других постах с 1936 до весны 1941 года являлся легационным советником в Белграде. Затем в ранге легационного советника с правом доклада работал референтом в МИДе. С марта 1944 года прикомандирован к послу и уполномоченному Германии в Будапеште.

Ликус [Likus], родился примерно в 1900—1905 году, его гражданская профессия мне неизвестна, старый член партии. Насколько мне известно, имел звание оберфюрера СА. Принят Риббентропом на службу в МИД Германии после 1938 года, с этого времени, имея ранг легационного советника, а затем легационного советника с правом доклада, работал зам[естителем] начальника Протокольного отдела МИДа.

Руе [Ruhe], родился примерно в 1900—1905 году, его гражданская профессия мне неизвестна, старый член партии. Насколько мне известно, имел звание оберфюрера СА. Принят Риббентропом на службу в МИД Германии

после 1938 года, с этого времени, имея ранг легационного советника, а затем легационного советника с правом доклада, работал зам[естителем] начальника Протокольного отдела МИДа.

Биссе [Bisse], родился примерно в 1885 году, коммерсант. Работал долгое время за границей, насколько мне известно, в Южной Африке, старый член партии, сотрудник Заграничной партийной организации, в которой с 1931 по 1936 годы возглавлял Хозяйственный отдел. В 1936 году по распоряжению руководителя Заграничной партийной организации — гауляйтера Боле, который сам в то время получил звание статс-секретаря МИДа, Биссе в ранге легационного советника с правом доклада был призван на работу в МИД. С этого времени он работал референтом в Экономическом отделе МИДа, где, однако, не имел никакого влияния.

Вагнер[1], родился примерно в 1905—1908 году. Его гражданская профессия мне неизвестна, старый член партии. Насколько мне известно, имеет звание среднего руководителя СС, сотрудник «Бюро Риббентропа». После 1936 года, когда Риббентроп был назначен послом в Лондон, или, возможно, только после 1938 года, когда Риббентроп стал министром иностранных дел, Вагнер получил ранг легационного секретаря. С 1938 года работал в МИДе в качестве личного референта Протокольного отдела в штабе министра. Наряду с этим выполнял личные, как мне кажется, не политические поручения Риббентропа. После ареста мл[адшего] статс-секретаря Лютера Вагнер принял на себя руководство одним из рефератов, в который входил отдел «Германия». По этому поводу ему был присвоен ранг легационного советника с правом доклада.

**Остер*, родился примерно в 1886 году, юрист. В МИД поступил в 1919 году, являлся легационным секретарем в Риме, затем в ранге легационного советника в Политическом отделе МИДА. После этого работал консулом в Турине, затем в ранге легационного советника с правом доклада снова референт в МИДе в Отделе культуры. В последние годы работал в Отделе личного состава на административной работе.

9. ЛЕГАЦИОННЫЕ СЕКРЕТАРИ

**Веркмайстер* [Werkmeister], родился примерно в 1895 году. Поступил на службу в МИД в 1920 году, юрист. Занимал различные должности в министерстве и за границей, например, с 1926 по 1930 годы являлся легационным секретарем в Каунасе. С 1934 по 1936 годы референт в Экономическом отделе МИДа, затем с 1936 до начала 1939 года легационный советник в Будапеште. С начала 1939 года по сентябрь 1939 года легационный советник в Париже. С сентября 1939 по май 1940 года легационный советник в Брюсселе. С лета 1940 года снова легационный советник в Будапеште. В марте 1944 года был отозван из Будапешта, так как находился в очень натянутых отношениях с Везермайер и в связи с резкой критикой его мероприятий. Взаимоотношения Веркмайстер с партией были в течение долгого времени очень плохими, и он подвергался неоднократным нападкам с ее стороны. Только с 1941 по 1943 годы его начальник в Будапеште — посол фон Ягов попытался устранить эти разногласия, и Веркмайстер вынужден был, наконец, по настоянию Ягова, вступить в партию. С весны 1944 года Веркмайстер являлся референтом в Политическом отделе МИДа.

---

[1] Речь идет о немецком дипломате Хорсте Вагнере.

Барон Бер [Baron Behr][1], родился примерно в 1890 году. Как мне кажется, ранее являлся коммерсантом. После первой мировой войны в течение многих лет являлся торговым экспертом при посольстве в Варшаве. В 1936 году получил ранг легационного советника и работал референтом в Экономическом отделе МИДа, где и находился постоянно.

**Буш* [Busch], родился примерно в 1887 году, юрист, в МИД поступил в 1919 или в 1920 году. С 1921 по 1928 годы легационный советник в Бухаресте, затем несколько лет (с 1928 по 1933 г.) легационный советник в Лиссабоне. Имел впоследствии много трудностей из-за своего еврейского происхождения. С 1936 года являлся референтом в Экономическом отделе МИДа до тех пор, пока партия настояла на его увольнении против воли руководства отдела. В партии не состоял.

Риссер [Riesser], родился примерно в 1887 году, юрист. Поступил в МИД Германии в 1919 году. Работал легационным секретарем в Осло и Вашингтоне, затем легационным советником в Риге и с 1926 по 1933 годы легационный советник в Париже. В 1933 году ушел в отставку из-за своего еврейского происхождения. Оставался представителем германских фирм в Париже и, насколько мне известно, после 1940 года работал на германские оккупационные власти в Париже.

**Кюн* [Kühn], родился примерно в 1890 году, историк. Примерно в 1919 году поступил на службу в Отдел печати МИДа. С 1924 по 1934 годы в ранге легационного советника являлся референтом по культурным вопросам при посольстве в Париже. С 1934 до разрыва дипломатических отношений в 1942 году — легационный советник в Мексико. С 1942 года работал в архиве МИДа. Кюн много работал в литературной области. Является автором целого ряда исторических книг. До 1938 года демократ.

**Беккер* [Becker], родился примерно в 1892 году. Специалист по политэкономии. С 1919 по 1922 год работал во временно существовавшем в то время «Отделе внешней торговли» МИДа. Затем в течение нескольких лет руководил «филиалом Лейпциг» МИДа. С 1928 по 1937 годы Беккер являлся торговым экспертом генерального консула в Нью-Йорке. В 1937 году был принят на службу в Экономический отдел МИДа и получил ранг легационного советника. С 1937 по 1942 годы работал в Южной Америке вначале в качестве руководителя германской делегации по экономическим переговорам, а затем руководителем Экономического отдела посольства в Рио-де-Жанейро. С 1942 по 1943 годы снова референт в Экономическом отделе МИДа. Примерно с лета 1943 года легационный советник при посольстве в Мадриде, где руководил Экономическим отделом посольства. Член партии после 1933 года.

**Штельцер* [Stelzer], родился примерно в 1895 году, юрист. Поступил в МИД Германии в 1927 году. Использовался на различных должностях, так, например, в течение нескольких лет являлся легационным секретарем при посольстве в Москве. С начала 1938 года легационный советник в Бухаресте. Член партии после 1933 года.

**Майер* [Meier], родился примерно в 1892 году, юрист. Занимал различные дипломатические посты, так, например, работал легационным секретарем в Афинах, а позднее легационным советником в Отделе личного состава МИДа, затем легационным советником при посольстве в Вашингтоне. Пос-

---

[1] Речь идет о немецком дипломате бароне Пауле фон Бере.

ле 1933 года не вернулся в Германию и работал в Америке журналистом, выступая против национал-социализма. В партии не состоял.

**Фон Мальтцан* [von Maltzan], родился в 1899 году. Поступил на службу в МИД Германии примерно в 1923 году, юрист. Работал легационным секретарем в Варшаве, затем с 1923 по 1933 годы легационным секретарем в Париже. Имел трудности из-за своего еврейского происхождения и в 1933 году был переведен в Экономический отдел МИДа. Ввиду того, что ему совершенно невозможно было работать из-за постоянных нападок со стороны партийных органов, он осенью 1938 года при моем содействии получил должность в акционерном обществе «И.Г. Фарбениндустри» (учитывая политические установки руководства «И.Г.», было сравнительно легко поместить на работу в эту фирму нежелательных для НСДАП лиц). Еще до ухода из МИДа ему удалось получить ранг легационного советника. Позднее, осенью 1939 года, он по распоряжению руководства Экономического отдела вернулся туда снова на работу. Только осенью 1942 года, когда снова возобновилась кампания против евреев, руководство Экономического отдела не могло больше оставлять Мальтцан на его должности, и он вернулся обратно в «И.Г.». Мальтцан умный дипломат, хорошо образованный в области политических и экономических вопросов. В партии не состоял.

**Фон Бюлов* [von Bülow], родился примерно в 1900 году, юрист. Поступил на службу в МИД Германии в 1925 году. Занимал различные должности, среди них, — с 1936 по 1939 годы являлся легационным советником в Софии, затем в ранге легационного советника работал референтом в Политическом отделе. Неоднократно имел трудности из-за своего полуеврейского происхождения, а также из-за «неосторожных» политических высказываний. В 1941 или 1942 году должен был уйти, наконец, в отставку и при содействии своих друзей в МИДе получил должность в одной из хозяйственных организаций. Фон Бюлов умный, всесторонне развитый и культурный дипломат. В партии не состоял.

**Клейбер* [Klieber], родился примерно в 1902 году, юрист. Поступил на службу в МИД в 1926 году. С 1929 по 1932 годы атташе при посольстве в Париже, затем легационный секретарь при посольстве в Южно-Африканском Союзе. После этого с 1938 по 1943 годы легационный советник при посольстве в Анкаре. Примерно с лета 1943 года прикомандирован к представителю МИДа при главнокомандующем по Юго-Востоку в Белграде. В партию вступил после 1933 года.

Шольтц [Scholz], родился примерно в 1905 году, юрист, старый член партии, имел звание среднего руководителя СС и сотрудника штаба Гесса. С этой должности в 1933 или 1934 году принят на службу в качестве легационного советника в МИД. С 1935 по 1941 годы легационный советник в Вашингтоне, с 1941 по конец 1943 года легационный советник в Будапеште. С конца 1943 года легационный советник германского посольства при созданном в Северной Италии правительстве Муссолини.

Шерпенберг [Scherpenberg], родился примерно в 1898 или 1900 году, юрист. Поступил в МИД в 1924 году. Наряду с выполнением различных работ являлся в течение нескольких лет легационным секретарем при посольстве в Лондоне. С 1934 года референт в Экономическом отделе МИДа. В этом отделе в 1934 году ему был присвоен ранг легационного советника. Шерпенберг не состоял в партии, а до 1933 года являлся членом социал-демократической партии. В связи с обвинением посланника Кип [Keip], в результате

которого он был «казнен», Шерпенберг был арестован, и, несмотря на старания его начальства и друзей, не удалось приостановить дела и освободить его до лета 1944 года. Однако, кажется, его жизнь не находилась в опасности. Шерпенберг является зятем Шахта.

Фон Шелига [von], родился примерно в 1900 году. Поступил в МИД в качестве атташе в 1925 году, с 1929 по 1933 годы — вице-консул в Катовицах, затем легационный секретарь и легационный советник в Варшаве. С 1938 года снова работал в центральном аппарате министерства, насколько мне помнится, в отделе культуры и в Информационном отделе. В 1942 году был арестован и обвинялся в связях с русской разведкой. Приговорен к смерти и казнен.

Я лично не имел к этому делу по служебной линии никакого отношения, так как оно разбиралось секретно. Ввиду того, что это дело вызвало большие толки среди чиновников, много подробностей, несмотря на их секретность, стало известно. Нижеприведенное изложение основывается на рассказах, имевших место в то время среди чиновников, при этом я ручаюсь за их правильность.

В Варшаве Шелига поддерживал связь с одним агентом русской разведки, который был прикомандирован к советскому посольству. Шелига передавал этому агенту сведения и получал от него деньги, первый раз сумму в 10—15 тыс. марок. За эту сумму он дал расписку и уже не решался порвать связь с этим агентом, так как боялся, что эта квитанция может попасть в руки какого-либо германского органа. Шелига взял эти деньги потому, что находился в денежных затруднениях из-за женщин, хотя он сам и его жена имели состояние. Таким образом, связь продолжалась, пока Шелига был в Варшаве. Какого рода сведения передавал Шелига, в то время не рассказывали. Я об этом ничего не слыхал. После перевода Шелига из Варшавы в Берлин связь, якобы, прекратилась на продолжительное время. Затем русской стороной была будто бы сделана попытка восстановить эту связь, что привело к вскрытию прошлой связи, а именно следующим образом.

На одном из вокзалов в Берлине офицер остановил солдата, так как он не приветствовал офицера или отдал честь небрежно, и потребовал от него объяснения. В процессе вытекающего по этому поводу разговора офицер потребовал, чтобы солдат направился с ним для выяснения его личности к вокзальной охране. После предъявления документов солдат был отпущен, так как по такому незначительному поводу ограничивались только сообщением в его часть. Но в последнюю минуту начальнику вокзальной охраны бросилось в глаза, что в солдатской книжке этого солдата не указано, к какой роте соответствующего полка он принадлежал. Так как такие сведения ставились в воинских книжках унтер-офицеров и рядовых, у дежурного возникло подозрение, что, возможно, воинская книжка фальшивая. После этого он приказал задержать солдата.

При тщательном просмотре выяснилось, что воинская книжка оказалась поддельной. В результате обыска солдата нашли копию или фотографию с квитанции Шелига на вышеупомянутую сумму. Этот солдат должен был возобновить связь с Шелига и копию квитанции должен был применить в случае необходимости как средство принуждения. В связи с этим Шелига был арестован и приговорен к смерти.

О чем говорил Шелига на процессе, я в то время не узнал или, во всяком случае, теперь уже не помню. Мне известно, что его жена была твердо убеж-

дена, что Шелига был осужден ошибочно. Мне неизвестно также, какой суд судил Шелига. Насколько мне помнится, сам процесс и приговор был вынесен в Берлине. Что стало с арестованным солдатом, мне неизвестно. О каком-либо процессе над солдатом я ничего не слыхал.

Гофман [Hoffmann], примерно 1903—1905 года рождения, об образовании и времени поступления его на службу в МИД мне ничего неизвестно. Являлся сыном генерала и позже баварского статс-секретаря Гофман — одного из старейших членов НСДАП. После 1933 года в течение нескольких лет работал в посольстве в Праге. Примерно с 1939 по 1941 годы служил в качестве легационного секретаря в Бухаресте, а с 1941 по 1943 года — легационного советника в Праге. С 1943 года являлся легационным советником в посольстве в Париже. В начале 1944 года к началу «акции Везенмейера» был временно прикомандирован к посольству в Будапеште, но вскоре, как я полагаю, из-за личных или служебных разногласий с Везенмейером, возвратился обратно в Париж. Насколько мне известно, Гофман вступил в НСДАП до 1933 года.

Лимперт [Liempert], примерно 1905—1908 года рождения. Старый член НСДАП. Образование неизвестно. В 1939 году Риббентропом был привлечен на службу в МИД и с тех пор находился в личной адъютантуре Риббентропа. Вскоре после поступления в МИД ему было присвоен ранг легационного советника. Имеет звание среднего фюрера СС или СА.

Бреннер [Brenner], примерно 1910—1912 года рождения, юрист. На службе в МИДе с 1938 года. До начала войны работал асессором в Экономическом отделе. В начале войны был призван в армию и направлен на фронт. Служил танкистом и в Африке получил «Рыцарский крест». Затем по ходатайству министра иностранных дел был уволен из армии и в 1941 году вернулся снова в МИД, где работал преимущественно в Бюро министра иностранных дел. Получил ранг легационного секретаря, а затем легационного советника. Член НСДАП. Имеет звание младшего или среднего руководителя СС.

Граф Мирбах[1], примерно 1905—1910 года рождения, юрист. Когда он поступил на службу в МИД, мне неизвестно. Приблизительно с 1940 до начала 1943 гг. служил в качестве легационного секретаря в Бухаресте. С начала 1943 года являлся начальником кабинета и личным секретарем статс-секретаря барона Штеенграхт. Член НСДАП.

Редель [Roedel, Вилли], возраст и образование мне неизвестны. На службу в МИД попал через Киллингера, вместе с которым, насколько мне известно, служил в СА. С 1941 года прикомандирован к посольству в Бухаресте. Работал ли он уже до этого у Киллингера в МИДе или в посольстве в г. Братиславе, мне неизвестно. В Бухаресте получил ранг легационного советника. Член НСДАП, в звании младшего или среднего руководителя СС.

Граф Гарденберг, примерно 1900 года рождения, юрист, прусский ландрат. Был взят на службу в МИД, где использовался в качестве легационного секретаря. Был прикомандирован к посольству в г. Бухаресте, где работал приблизительно с начала 1939 до начала 1944 года. За это время получил ранг легационного советника. С начала 1944 года работал в центральном аппарате министерства. Член НСДАП.

---

[1] Речь идет о немецком дипломате Дитрихе Фрейхере фон Мирбахе; с 15 мая 1939 по 30 ноября 1941 гг. сотрудник протокольного отдела германского посольства в Бухаресте (Румыния).

Граф Штрахвиц [Strachwitz], примерно 1902 года рождения, юрист. В МИДе с 1930 года. Работал вначале в центральном аппарате, а затем в течение нескольких лет в Восточной Азии. С начала 1934 года до середины 1940 года служил легационным советником в Будапеште, после чего снова работал в центральном аппарате референтом, насколько мне помнится, в Политическом отделе. Член НСДАП после 1933 года.

Фон Зельцам [Selzam], примерно 1898 года рождения, юрист, на службе в МИДе с 1922 года. После короткого пребывания в центральном аппарате в качестве атташе его перевели в качестве легационного секретаря в посольство в г. Вашингтон. Большая часть его службы прошла в Америке (его жена американка). С 1939 по 1943 годы работал в качестве легационного советника в посольстве в г. Берн. С 1943 года референт в Экономическом отделе МИДа. В Берлин был отозван по той причине, что со стороны партии велась все более усиливающаяся агитация против тех чиновников и служащих, которые были женаты на иностранках. Гитлер вскоре после войны дал указание об увольнении со службы всех без исключения высших чиновников и офицеров, женатых на иностранках. Однако отдельные министерства и ОКХ на протяжении нескольких лет пытались отстрочить проведение в жизнь этого указания, мотивируя всевозможными причинами и, в частности, ссылкой на безусловную необходимость такого большого количества чиновников и офицеров. Впоследствии это распоряжение было ограничено и распространялось только на тех чиновников, которые были женаты на подданных враждебных Германии государств. Но и здесь имелась масса исключений (например, мой непосредственный начальник, руководитель Экономического отдела министериал-директор Виль, еще летом 1944 года находился на службе, несмотря на то, что был женат на англичанке). Однако примерно в начале 1943 года последовало распоряжение, согласно которому все дипломаты, женатые на подданных вражеских государств, должны быть отозваны из-за границы и использованы в центральном аппарате на должностях неполитического характера.

Мольне[1], примерно 1900 года рождения, журналист, насколько мне помнится, он являлся заграничным представителем газеты «Мюнхенер Нейерстен Нахрихтен» в Италии. Во всяком случае, в Риме он работал журналистом. Затем его прикомандировали в качестве атташе прессы в посольство, и на этой должности он в 1938 году получил ранг легационного советника. Член НСДАП.

Фоскамп [Voskamp], примерно 1902—1905 года рождения, юрист, на службе в МИДе с 1930 года. Занимал различные должности в центральном аппарате и в Восточной Азии. Примерно с 1937 или 1938 года служил снова в МИДе и получил ранг легационного советника. С 1939 года референт в Экономическом отделе. Член партии после 1933 года.

**Нерииг* [Nöhring], примерно 1900—1905 года рождения, юрист. На службе в МИДе с 1931 года. Использовался на различных должностях в центральном аппарате, а с 1935 по 1937 годы работал в качестве легационного секретаря в Будапеште, после чего короткий промежуток времени работал снова в центральном аппарате. В дальнейшем некоторое время служил консулом в г. Ка-

[1] Так в документе, речь идет о немецком дипломате и журналисте, штурмбанфюрере СА Гансе Моллере; с июля 1932 г. корреспондент агентства Телеграф-Юнион (с 1934 г. — ДНБ) в Риме.

шау (в то время, когда г. Кашау принадлежал Венгрии), после чего, насколько мне помнится, был консулом в г. Боцен. Примерно с 1940—1942 года работал консулом в Танжере и с лета 1942 года снова в центральном аппарате МИДа в качестве легационного советника. Член НСДАП с 1933 года.

***Морманн* [Mohrmann], примерно 1900—1905 года рождения, юрист. На службе в МИДе с 1930 года, вначале работал в качестве легационного секретаря в Риме (Квириналь), а затем в качестве референта в Политическом отделе. Примерно начиная с 1939 года работал легационным советником посольства в Софии. Член НСДАП после 1933 года. Чиновник без политической окраски.

Фон Штремпель [von Strumpell], примерно 1900 года рождения, юрист, на службе в МИДе с 1922 года. Приблизительно до 1927 года работал на различных должностях в качестве атташе в центральном аппарате, а затем занимал различные посты за границей. Последние годы, вплоть до разрыва дипломатических отношений в 1941 году, являлся легационным советником в посольстве в г. Вашингтоне, после чего работал в Отделе прессы МИДа.

***Шюллер* [Schüller], примерно 1890 года рождения, юрист, на службе в МИДе с 1921 года. Приблизительно в 1923—1926 годах работал в качестве легационного секретаря в Афинах, затем занимал различные посты за границей, какие я сейчас не помню. С 1940 года работал референтом по вопросам Швейцарии в Экономическом отделе МИДа. Имел какие-то неполадки с партией. Я не помню какие, но знаю, что предпринятые мною и господином Виль попытки добиться продвижения г-на Шюллер по службе встретили сопротивление Отдела кадров, который объяснил свое несогласие этими неполадками Шюллер с партией.

***Эберль* [Eberl], примерно 1903—1905 года рождения, юрист или специалист по вопросам политэкономии. На службе в МИДе с 1928—1930 г. Занимал различные посты за границей, в частности, работал в качестве легационного советника в посольстве в Южно-Африканском союзе и в посольстве в Вашингтоне. Затем с 1928 года до начала 1943 года служил в качестве легационного советника и начальника Экономического отдела в посольстве в Мадриде. Женат на американке и весной 1943 года по той же причине, что и Зельцман (см. стр. 81), отозван из-за границы и прикомандирован к Экономическому отделу МИДа. С этого времени работал там в качестве референта по Румынии. Эберль умный дипломат, большой знаток экономических вопросов. Может хорошо дать оценку внешнеполитическим событиям. В партию вступил после 1933 года.

Вейссе [Weisse], примерно 1908 года рождения, юрист. В МИД поступил приблизительно в 1934 году в Экономический отдел, куда его принял бывший в то время руководитель Экономического отдела — посол Риттер. Там до лета 1937 года Вейссе работал личным секретарем Риттера. Летом 1937 года он был переведен легационным секретарем в посольство в Будапешт. С 1937 по 1942 годы он возглавлял Экономический отдел посольства. С 1942 по 1943 годы прикомандирован в качестве легационного советника к посольству в Париже. Затем пошел в армию солдатом. Вейссе культурный, способный молодой дипломат, правильно дающий политическую оценку. В партию вступил после 1933 года.

Фон Гревениц [von Gräwenitz], 1900 года рождения, юрист. Поступил на службу в МИД приблизительно в 1928—1930 г. Использовался на различных должностях за границей, так, например, являлся консулом в Алжире и Тунисе.

С 1938 года легационный советник при посольстве в Афинах. После оккупации Греции Италией и Германией, оставался в Афинах и был прикомандирован там к германскому посланнику и уполномоченному Германии. После оккупации Греции он постоянно защищал интересы греческого народа, невзирая на то, что это может принести ему личный ущерб. Если на занимаемой им должности он не имел большого влияния на разрешение важных вопросов, то все же во многих случаях ему удалось оказать помощь, а также облегчить тяжелое бремя оккупации многим знакомым ему лично или направляемым к нему грекам. К гитлеровской политике был еще раньше критически настроен, а с началом войны 1939 года стал ее прямым противником.

Штеег [Steeg], 1905—1910 года рождения, юрист. Его профессия и время поступления в МИД мне неизвестны. В последние годы Штеег работал легационным советником в Бюро министра иностранных дел. Являлся членом НСДАП и, видимо, СС.

**Макебен* [Mackeben], примерно 1890—1895 года рождения, юрист. В МИД Германии поступил приблизительно в 1920 году. После различного использования его на работе за границей он в 1933 году был направлен легационным советником в посольство в Гватемале. Вскоре после 30 января 1933 года у него там возникли сильные разногласия с представителем Заграничной партийной организации, который после 30 января начал заниматься вопросами, по мнению Макебен, входящими в компетенцию только одного посланника. МИД не одобрил его точку зрения или, что более вероятно, был слишком слаб, чтобы противиться партии, которая утверждала, что Макебен, якобы, угрожал ее представителю арестом и высылкой. Во всяком случае, Макебен был отозван со своего поста и прикомандирован к Экономическому отделу МИДа. Неоднократные попытки бывшего в то время руководителя Экономического отдела посла Риттера устранить сопротивление партии в отношении повышения по должности или направления Макебена на новый пост за границу не имели успеха. Таким образом, Макебен был вынужден покинуть МИД и летом 1937 года поступил на большую папиросную фабрику Бринкман в Бремене, куда его устроили его друзья (в том числе и я). В партии не состоял.

Фогель [Vogel], 1900—1905 года рождения, юрист. Время поступления в МИД мне неизвестно. Приблизительно с 1938 по 1942 годы являлся легационным секретарем в Афинах, затем легационным советником в МИДе. Считается особенно хорошим юристом. Как мне кажется, работал продолжительное время в Правовом отделе. В политическом отношении ничем не выделялся.

**Фон Рантцау*[I], примерно 1905 года рождения, юрист. Поступил в МИД приблизительно в 1930 году. С 1930 по 1935 годы атташе при посольстве в Бухаресте, затем вернулся на работу в МИД. О его дальнейшей работе мне ничего неизвестно. Примерно в 1940 году Рантцау был снова направлен в посольство в Бухарест и занимался там до августа 1944 года вопросами культуры. В этот период ему был присвоен ранг легационного советника. Член НСДАП после 1933 года.

**Клюгкист* [Klugkeist][II], 1907 года рождения, юрист. В МИД поступил примерно в 1931 году. Вначале работал атташе в центральном аппарате ми-

[I] Речь идет о немецком дипломате Езиасе фон Рантцау.

[II] Речь идет о немецком дипломате Хенрике Клюгкисте.

нистерства, затем с конца 1935 года или с начала 1936 года до августа 1944 года руководителем Экономического отдела при посольстве в Бухаресте (с начала 1940 по лето 1943 г. работал заместителем находившегося там особоуполномоченного по экономическим вопросам). В Бухаресте ему был присвоен ранг легационного секретаря и позднее легационного советника. Клюгкист имеет особые способности по экономическим вопросам. В НСДАП вступил после 1933 года.

*_Фон Хефтен_[I], примерно 1900—1905 года рождения, юрист. Время поступления в МИД и его работа в первое время мне не известны. Приблизительно с 1939 по 1940 год являлся легационным секретарем при посольстве в Бухаресте, где занимался вопросами культуры. С 1940 года в ранге легационного советника работал в отделе культуры, где в течение многих лет являлся референтом и продолжительное время, несмотря на низкое звание, заместителем начальника отдела. В связи с событиями 20 июля 1944 года он был арестован. О его дальнейшей судьбе мне ничего неизвестно. По сведениям, которые мне удалось получить с большой осторожностью в Берлине, Хефтен не был посвящен в план заговора 20 июля. Насколько мне помнится, в НСДАП он вступил после 1933 года.

*_Овербек_[II], примерно 1905—1910 года рождения, юрист. Время поступления в МИД мне неизвестно. Овербек являлся легационным советником в Будапеште. Кроме того, продолжительное время работал в Протокольном отделе МИДа. В начале войны был призван на фронт рядовым.

*_Гесс_[III], родился примерно в 1898 или 1899 году, юрист и знаток политэкономии. В МИД поступил в 1924 или 1925 году. После прохождения обычного подготовительного периода в звании атташе в МИДе Гесс был назначен вице-консулом в Иерусалим, где работал с 1928 по 1932 годы. С 1932 по лето 1938 года являлся легационным секретарем при посольстве в Белграде, где возглавлял Хозяйственный отдел. У него были затруднения с партией из-за еврейского происхождения его жены. По этой причине партия протестовала против его продвижения. При сложившейся обстановке Гесс решился летом 1938 года принять предложенное ему при моем посредничестве место заместителя директора большой папиросной фабрики Ремтсма в Греции. В этой должности Гесс оставался с 1938 по осень 1943 года. Затем он снова был призван на службу в МИД, от которой он, несмотря на протесты жены, не мог отказаться, так как Отдел кадров заявил, что во время войны это равно призыву в армию и чиновник не имеет права отказываться так же, как солдат от призыва в армию. Гесс был прикомандирован в качестве руководителя Экономического отдела к посольству в Софии. На эту должность не нашлось более подходящего чиновника, чем Гесс, знавшего очень хорошо Юго-Восток и обладавшего большим опытом по экономическим вопросам. Однако вскоре, как и следовало ожидать, Гесс имел большие личные и деловые разногласия со своим начальником Беккерле. Поэтому он просил о своем увольнении, которое и последовало летом 1944 года. В 1938 году с большими трудностями Гессу удалось до ухода из МИДа получить ранг легационного советника. Гесс имеет тяжелые ранения. Во время первой мировой войны он потерял ногу. До 1933 года он являлся демократом, а также

[I] Речь идет о немецком дипломате Гансе Бернде фон Хефтене.
[II] Речь идет о немецком дипломате Карле Куно Овербеке.
[III] Речь идет о немецком дипломате Вальтере Хессе.

членом «Союза свободных академиков», который был организован в Берлине примерно в 1924 году. Основной задачей этого союза являлось создать противовес сильным реакционным тенденциям среди академиков, главным образом германским университетам. Его членами были, в первую очередь, левые демократы и социал-демократы. К руководящим личностям союза принадлежали также продолжительное время руководитель Конституционного отдела Министерства внутренних дел — министериал-директор Брехт и являвшийся демократом и депутатом Рейхстага от социал-демократов — Ганс Симонс. При наличии незначительного количества решительных республиканцев среди немецких академиков не удалось осуществить план создания больших местных групп во всех германских городах. Активность союза ограничивалась, в основном, Берлином. Издаваемый союзом журнал не мог долго просуществовать и был снова закрыт. Я познакомился с Гесс на одном из собраний союза, членом которого я являлся с момента его основания и до роспуска. Гесс не состоял членом НСДАП.

**Брунс* [Bruns], примерно 1905 года рождения, юрист. Поступил в МИД приблизительно в 1932 году. Насколько помню, Брунс работал с 1934 по 1936 годы легационным секретарем в Стокгольме. С 1937 по 1939 годы являлся тесным сотрудником и личным секретарем посланника Шнурре в Экономическом отделе МИДа. Затем был переведен в Бюро министра иностранных дел и получил ранг легационного советника. Его взгляды полностью соответствовали взглядам посланника Шнурре. В НСДАП вступил после 1933 года.

Принц Шаумбург-Липпе [Prinz zu Schumburg-Lippe], родился примерно в 1895 году, юрист. До 1918 года являлся офицером, старый член партии. На службу в МИД поступил летом 1933 года и был назначен легационным секретарем в Софию. В 1936 году был переведен из Софии в посольство в Рим и вскоре получил ранг легационного советника. Примерно в конце 1937 года направлен в посольство в Буэнос-Айрес, где и работал легационным советником до разрыва дипломатических отношений в 1942 году. О его дальнейшей работе по возвращении в Германию мне ничего неизвестно.

Шапуруж [Schapeaurouge], примерно 1905 года рождения, юрист. В МИД поступил приблизительно в 1932 году. С 1935 по 1936 годы атташе в Софии, затем занимал различные должности, которых я не помню. Приблизительно с 1939 по 1941 годы легационный секретарь в Бухаресте, с 1941 по 1943 годы вице-консул в Стамбуле, затем ему был присвоен ранг легационного советника. Непродолжительное время работал в Протокольном отделе в центральном аппарате министерства и вскоре был призван солдатом на фронт. Член НСДАП после 1933 года.

Фон Вальтер, примерно 1905 года рождения, юрист. В МИД Германии поступил в 1930 или 1932 году, работал консулом в Салоники и в консульстве в Северной Африке. Во время войны Вальтер одно время являлся представителем от МИДа при германской армейской группировке в Северной Африке. С весны 1943 года легационный советник в Анкаре.

**Вебер* [Weber], примерно 1900—1905 года рождения. Поступил в МИД приблизительно в 1928—1930 . Использовался на различной работе, главным образом в центральном аппарате министерства, временно работал также в Бюро министра иностранных дел, а также выполнял задания по проведению экономических переговоров. С 1939 или 1940 года легационный советник в Лиссабоне. Вебер энергичный, способный и хорошо знающий экономические вопросы человек. Член НСДАП после 1933 года.

**Шмидт* (имя не знаю) [Schmidt], примерно 1910 года рождения. В МИД поступил приблизительно в 1934 году, юрист, вначале работал в качестве атташе в Экономическом отделе, затем в 1937 году переведен в посольство в Париже, с начала войны призван в армию солдатом.

Ауер[I], примерно 1900—1905 года рождения, юрист. Поступил в МИД приблизительно в 1930 году, юрист. Работал легационным секретарем в посольстве в Лондоне и Париже. Во время войны с 1941 года консул в Марокко. Ауер считался особенно одаренным молодым дипломатом. Однако я лично мало его знаю, чтобы дать ему полную характеристику.

Барон фон Вельк [Freiherr von Welck], примерно 1900 года рождения. Поступил в МИД приблизительно в 1927 году. После различной дипломатической работы за границей являлся референтом в МИДе. Во время войны легационный советник в отделе посла Риттера.

Фон Мархталлер[II], примерно 1905 года рождения, юрист. Поступил в МИД приблизительно в 1932 году. С 1935 по 1937 г. — атташе и легационный секретарь в Будапеште, после этого работал в центральном аппарате министерства и получил ранг легационного советника. Его последние должности мне неизвестны. Кажется, что он был призван в армию. Член НСДАП после 1930 г.

Эрих [Ehrich], примерно 1905 года рождения, профессия его мне неизвестна. Старый член партии, сотрудник Заграничной партийной организации, где приблизительно с 1933 по 1936 годы являлся личным секретарем руководителя этой организации — гауляйтера Боле. С 1933 по 1936 годы руководитель партийной «ландесгруппе» заграничной организации во Франции. В этой же должности был одновременно прикомандирован к посольству в Париже и получил ранг легационного секретаря. С 1940 года до августа 1943 года легационный советник при посольстве в Риме и одновременно являлся руководителем местной партийной группы Заграничной партийной организации в Италии. Мне неизвестно, продолжал ли он свою партийную работу после августа 1943 года в Северной Италии или нет.

10. КОНСУЛЫ

Граф Адельман[III], примерно 1895 года рождения, юрист. В МИД поступил приблизительно в 1923 году. Являлся вице-консулом в Иерусалиме, легационным секретарем в Афинах, легационным советником в Бухаресте. В этот же период работал референтом в МИДе. Приблизительно с 1940 до августа 1944 года консул в Плоешти.

Барон фон Плессен, примерно 1895 года рождения, младший брат уже упомянутого посланника фон Плессен, юрист. Поступил в МИД приблизительно в 1921 году. После использования на различных дипломатических должностях был назначен с 1934 по 1939 годы консулом в Цейлон.

Люткенс, примерно 1895 года рождения, специалист по политэкономии. Поступил в МИД в 1920 году. С 1923 по 1925 годы легационный секретарь в Софии, затем легационный секретарь в Риге с 1925 по 1929 год. С 1929 по 1933 годы консул при генеральном консульстве в Нью-Йорке. С 1933 по

[I] Речь идет о немецком дипломате Теодоре Ауере.

[II] Так в документе, речь идет о немецком дипломате Гансе Ульрихе фон Мархталере.

[III] Речь идет о немецком дипломате, графе Рюдигере Адельмане фон унд цу Адельманнсфельде.

лето 1938 года консул в Галаце. Летом 1938 года ушел из МИДа в связи с тем, что партия возражала против его повышения из-за еврейского происхождения его жены. Люткенс поселился в Лондоне. Попытки его друзей и мои найти для него должность в германских хозяйственных учреждениях не увенчались успехом, так как Люткенс хотел жить в Лондоне, а там как раз было очень трудно найти для него что-либо подходящее.

До 1933 года Люткенс и его жена являлись членами социал-демократической партии. Они оба обладали литературными и журналистскими способностями и опубликовали целый ряд книг и брошюр. Так, например, Люткенс написал в 1922 году книгу «Внешняя политика империализма», которая была опубликована социал-демократическим издательством Дитц [Verlag Dietz][1]. Примерно в тот же период его жена написала очень хорошую книгу о германском молодежном движении «Свободная молодежь Германии». Ввиду того, что пенсия, которую переводили в Лондон, не была достаточна для прожития в Англии, они с 1938 года с успехом занялись журналистской деятельностью. Люткенс поддерживал тесную связь с немецкими политэмигрантами, так, например, Брейтшейд. Я потерял с Люткенс связь, когда он после начала войны в 1939 году остался в Англии.

**Барон фон Лентц* [Freiherr von Lentz], примерно 1893 года рождения, юрист или специалист по политэкономии. Поступил в МИД приблизительно в 1920 году. После обычного прохождения службы в качестве атташе работал затем легационным секретарем за границей. Затем с 1924 по 1926 годы, снова вернувшись в центральный аппарат министерства, работал в Политическом отделе. После этого консул при генеральном консульстве в Нью-Йорке, где оставался, насколько мне помнится, до 1933 года. До 1933 года Лентц являлся социал-демократом. Летом 1933 года он вышел из известного берлинского теннисного клуба «Красно-белый», написав письменный протест против исключения руководством клуба, по настоянию партийных органов, всех членов еврейского происхождения. Эта демонстрация Лентца не могла остаться неизвестной и привела к сильным жалобам со стороны партийных органов на критику чиновника МИДа в отношении политических мероприятий национал-социалистического правительства. Дело кончилось, как и следовало ожидать, уходом Лентца из МИДа. Хотя путь, который избрал Лентц для выражения своего протеста против национал-социализма, и являлся отчасти примечательным, все же это дело не заслуживает, однако, внимания, так как является единственным известным мне случаем, когда чиновник германской дипломатической службы после 1933 года по собственной инициативе, выражая протест, ушел добровольно со службы. Все остальные, которые, начиная с 1933 года, ушли из МИДа по политическим мотивам, ждали, пока их уволят. Таких было немного, а именно те, кто являлся сам или их жены еврейского происхождения. Лентц не был членом НСДАП.

**Куна* [Kuhna], примерно 1900 года рождения, юрист, поступил в МИД приблизительно в 1928 году. С 1933 по 1936 годы легационный секретарь в Вене, затем консул в Темешбурге (Румыния). Интересовался преимущественно литературой и искусством.

**Вебер* [Weber], примерно 1900 года рождения, юрист. Поступил в МИД приблизительно в 1925 году. После использования на различных должно-

[1] В тексте на немецком языке в скобках вставлено — «dem Verlag des “Vorwärts”».

стях в министерстве и за границей с конца 1936 по конец 1941 года являлся консулом при генеральном консульстве в Милане. Вебер хороший юрист и чиновник административной службы со знаниями в экономической области. Особенно пригоден для консульской службы. В НСДАП вступил после 1933 года.

Барон фон Нойрат [Freiherr von Neurath], примерно 1895 года рождения, сын бывшего министра иностранных дел, его профессия мне неизвестна. В МИД поступил приблизительно в 1932 году. После использования на различных должностях был назначен консулом при генеральном консульстве в Милане, где и работал с 1941 по 1942 годы. После этого являлся представителем МИДа при германской армейской группе в Северной Африке. Приблизительно с весны 1943 года консул в Лугано. Член НСДАП после 1933 года.

**Вольф* [Wolf], родился примерно в 1905 году, юрист, Время поступления его в МИД мне неизвестно. В течение многих лет он являлся личным секретарем начальника Политического отдела МИДа. Приблизительно с 1940 до начала 1944 года — консул во Флоренции.

Лернер[1], дата рождения мне неизвестна, коммерсант или специалист по вопросам политэкономии. В течение ряда лет являлся руководителем филиала внешней торговли МИДа в г. Бремен. Примерно в конце 1937—1938 гг. был взят на службу в МИД, если я не ошибаюсь, по распоряжению тогдашнего руководителя Экономического отдела посла Риттер, которому Лернер понравился как человек, прилежный в работе и сведущий в экономических вопросах. С 1938 по август 1944 г. Лернер работал в качестве консула в г. Галац и одновременно являлся вторым германским представителем в Международной комиссии по Дунайскому вопросу. Если не ошибаюсь, Лернер член НСДАП. Но я не знаю, вступил он в партию до или после 1933 года.

11. ЛЕГАЦИОННЫЕ СЕКРЕТАРИ И ВИЦЕ-КОНСУЛЫ

Павелке [Pawelke], примерно 1900—1905 года рождения, юрист, время его поступления на службу в МИД мне неизвестно. Использовался на различных должностях, в частности, занимал дипломатический пост на Ближнем Востоке. Примерно с 1935 по 1939 годы работал референтом в Экономическом отделе МИДа в ранге легационного секретаря. С 1939 года служил в армии летчиком. В НСДАП вступил после 1933 года.

**Памперрин* [Pamperrien], 1896 года рождения, юрист, на службу в МИД поступил примерно в 1922 году. Занимал различные должности за границей, прежде всего в Южной Америке. Насколько мне помнится, в течение приблизительно пяти лет работал в качестве легационного секретаря и вице-консула в Аргентине. Начиная с 1933 года легационный секретарь, референт в Экономическом отделе МИДа. До 1933 года был членом социал-демократической партии. Членом НСДАП не является. В дипломатическом отношении не одарен, но обладает хорошими знаниями в области экономической и консульской работы.

**Хаас* [Haas], 1896 или 1897 года рождения, юрист, на службу в МИД поступил в 1922 году. По истечении обычного периода обучения в качестве атташе в министерстве был переведен легационным секретарем в посольство Аддис-Абеба, где проработал приблизительно с 1925 по 1928 годы. Затем в течение почти 2-х лет работал референтом по делам Лиги Наций в МИДе. Позже

[1] Здесь и далее речь идет о немецком дипломате Альфреде Лёрнере.

использовался на различных дипломатических должностях в Восточной Азии, насколько мне известно, сначала в Шанхае. С 1934 по 1938 годы в ранге легационного секретаря был руководителем Экономического отдела посольства в Токио. В отношениях с партией у Хаас имелись трудности из-за еврейского происхождения его жены. По этой причине летом 1938 года он занял предложенную ему через посредство Вейцзеккер и мое должность представителя «И.Г.-Фарбенидустри» в Восточной Азии. В НСДАП не состоит.

**Шмид-Крутина* [Schmid-Krutina], приблизительно 1895 года рождения, специалист по политэкономии. На службу в МИД поступил примерно в 1923 году. Приблизительно с 1926 по 1930 годы работал в качестве легационного секретаря в посольстве в Буэнос-Айресе, затем также легационным секретарем в посольстве в Риме (Квириналь), где он примерно с 1930 до лета 1938 г. руководил Экономическим отделом посольства. До 1933 года Шмид-Крутина являлся членом социал-демократической партии. Во время своей деятельности в Буэнос-Айресе имел неоднократные споры с членами тамошней немецкой колонии, большинство которой было настроено в духе германского национализма. После 1933 года у него возникли личные разногласия с местной группой НСДАП в Риме, из кругов которой на Шмид-Крутина был сделан донос, что он, якобы, после 1933 года продолжал заниматься ведением пропаганды за социал-демократическую партию. Из НСДАП в ответ на это заявили о своем возражении против дальнейшего продвижения Шмид-Крутина устранить сопротивление партии против его продвижения по службе оставались безрезультатными, он решил летом 1938 года занять предложенную ему через мое посредство должность представителя папиросной фабрики «Румца» в Турции.

Шмид-Крутина является особенно одаренным дипломатом, хорошо разбирающимся в вопросах политики, с обширными познаниями в области экономики и с большим опытом в ведении международных переговоров. Членом НСДАП не является.

Кюн [Kuhn], приблизительно 1908 года рождения, юрист, будучи асессором в Комитете по четырехлетнему плану, приблизительно в 1936 году был взят на службу в МИД и работал там в Экономическом отделе. Примерно с начала 1938 до весны 1940 года являлся вице-консулом в г. Амстердам, с начала 1941 года легационный секретарь посольства в Загребе и руководитель Экономического отдела посольства. Член НСДАП в звании младшего или среднего руководителя СС.

Барон фон Таннштейн [Freiherr von Tannstein], приблизительно 1910 года рождения, юрист. Когда поступил в МИД, мне неизвестно. Примерно с 1939 по 1942 год работал в качестве легационного секретаря в посольстве в Риме (Ватикан), а затем был призван в армию. Член НСДАП.

Гумперт [Gumpert], приблизительно 1910 года рождения, юрист, был бургомистром одного маленького города и примерно в 1938 или 1939 г. из внутренней администрации был взят на службу в МИД. Приблизительно в 1940—1942 г. работал в качестве легационного секретаря в посольстве в г. Рим (Квириналь), а затем был призван в армию.

Барон фон Браун [Freiherr von Braunn], приблизительно 1912 года рождения, юрист, на службу в МИД поступил примерно в 1936 году. С 1937 по 1939 годы занимал должность атташе в Экономическом отделе МИДа. С 1939 по 1941 годы легационный секретарь в г. Аддис-Абеба, где был интернирован англичанами. По возвращении в Германию, начиная с 1942 года, работал в каче-

стве легационного секретаря в посольстве в г. Рим (Ватикан), а затем был призван в армию. Член НСДАП.

Пико [Picot], примерно 1910 года рождения, юрист, дата его поступления на службу в МИД мне неизвестна. Использовался в МИДе на различных работах, а затем многие годы работал в ранге легационного секретаря референтом в отделе «Германия» (внутренняя политика) МИДа. Член НСДАП в звании младшего или среднего руководителя.

Риттер фон Рейхерт [Ritter von Reichert], примерно 1908 года рождения, юрист. Дата его поступления на службу в МИД мне неизвестна. Приблизительно с 1939 по 1943 годы работал в качестве легационного секретаря в посольстве в Риме (Квириналь). Член НСДАП.

Липперт[I], примерно 1910 года рождения, образование мне неизвестно. На службу в МИД поступил незадолго до начала войны. В течение нескольких лет работал в ранге атташе и легационного секретаря личным секретарем директора Политического отдела МИДа. Член НСДАП.

Барон фон Рихтгофен [Freiherr von Richthofen], приблизительно 1910—1912 года рождения, образование и дата его поступления на службу в МИД мне неизвестны. Примерно с 1940 по 1943 годы работал в качестве легационного секретаря в Будапеште, а затем был призван в армию. Член НСДАП.

Фон Швейнитц [von Schweinitz], примерно 1910 года рождения, юрист, на службу в МИД поступил незадолго до начала войны. Работал в качестве легационного секретаря в Праге, позже, с 1941 года, вице-консулом в Александретте. Насколько мне помнится, примерно в 1943 году он был призван в армию. Член НСДАП.

Риттер[II], примерно 1910 года рождения, юрист или специалист по вопросам политэкономии. На службу в МИД поступил незадолго до начала войны. Примерно с 1939 по 1941 годы работал в качестве легационного секретаря в посольстве в Риме (Квириналь), а затем был призван в армию и направлен на фронт. Член НСДАП.

**Шобер* [Schober], примерно 1910—1912 года рождения, специалист по вопросам политэкономии, журналист, корреспондент по вопросам экономики телеграфного агентства (Эйльдинст Г.м.Б.Х.) в Бухаресте. Примерно в 1939 году был взят в качестве служащего в Экономический отдел посольства. Примерно в 1941 или 1942 г. ему был присвоен ранг легационного секретаря. Особенно одарен в разрешении экономических вопросов. Член НСДАП после 1933 года.

Мольтман [Moltmann], примерно 1910—1912 года рождения, юрист, на службу в МИД поступил за несколько лет до начала войны. Работал в качестве легационного секретаря в посольстве в Белграде. Вскоре после начала войны был призван в армию; был тяжело ранен.

Сменд [Smend], примерно 1912 года рождения, юрист, сын вышеупомянутого посла Сменд. На службу в МИД поступил незадолго до начала войны. Использовался на различных работах в министерстве, в частности, в должности личного секретаря директора Политического отдела МИДа, затем, насколько мне помнится, был призван в армию.

Геншель[III], примерно 1912 года рождения, образование мне неизвестно, происходит из семьи одного из богатейших промышленников Германии,

[I] Возможно, речь идет о немецком дипломате Бернхарде Липперте.

[II] Речь идет о немецком дипломате Эберхарде Риттере.

[III] Речь идет о немецком дипломате Рейнхарде Хеншеле.

которому принадлежат паровозостроительные заводы Геншель в Касселе. На службу в МИД поступил незадолго до начала войны. Приблизительно с 1942 по 1944 годы работал в качестве атташе и легационного секретаря в посольстве в г. Анкаре. Летом 1944 года в Бухаресте появились слухи, что незадолго до разрыва дипломатических отношений между Германией и Турцией Геншель со своей женой отправился в английский лагерь и в Германию не возвратился. Однако за правильность этих слухов я не могу ручаться. Я слишком мало знаю Геншель, чтобы в достаточной мере дать оценку его политическим взглядам.

Бергер [Berger], примерно 1910 года рождения, юрист. На службу в МИД поступил в 1936 году. Приблизительно с 1938 по 1940 годы работал в качестве атташе и в ранге легационного секретаря в посольстве в Риме, а затем был призван в армию и направлен на фронт. Член НСДАП.

Витте [Witte], примерно 1912 года рождения, юрист или специалист по вопросам политэкономии. На службе в МИД приблизительно с 1938 года. С 1940 по 1941 годы работал в качестве атташе и в ранге легационного секретаря посольства в Риме. А затем был призван в армию и направлен на фронт. Член НСДАП.

[КЛОДИУС]

Показания отобрал: ст[арший] оперуполномоч[енный] 4 отдела 3 Главного управления МГБ СССР майор КОПЕЛЯНСКИЙ

Перевели: оперуполномоч[енный] 4 отдела 3 Главного управления МГБ СССР ст[арший] лейтенант СТЕСНОВА
Переводчик 4 отдела 3 Главного управления МГБ СССР лейтенант СОЛОВЬЕВ

ЦА ФСБ России. Н-20912. В 4-х тт. Т. 3. Л. 87—188. Подлинник. Машинопись. Автограф. Рукописный подлинник на немецком языке — л.д. 189—303.

№ 71
СОБСТВЕННОРУЧНЫЕ ПОКАЗАНИЯ Д-РА К. КЛОДИУСА[1]

29 января 1948 г.
Москва

Перевод с немецкого

1. Политический архив находился до войны в здании Министерства иностранных дел на Вильгельмштрассе. С началом войны из-за опасности воздушных налетов архив был вывезен из Берлина. Начальником Политического архива был назначен тогдашний старший правительственный советник Майер-Родегюзер [Meyer-Rodehueser], историк. Но с ним я много лет не встречался и поэтому не знаю, до какого времени он руководил архивом и что с ним стало в дальнейшем. Насколько мне известно, в последние годы он не занимал этой должности, но кто был его преемником, я не знаю. Из сотрудников Политического архива мне никто неизвестен. Политический архив входил в состав Отдела личного состава и подчинялся его начальнику.

[1] Документ на немецком языке озаглавлен «Политический архив» (нем. Politischen Archiv).

2. В Политическом архиве были собраны все документы, которые не нужны были для использования в отделах и из-за недостатка помещения не могли храниться в отделах. Каждый отдел МИДа имел своего начальника канцелярии. Это был средний чиновник, который отвечал за порядок и сохранность документов. Время от времени, примерно через 3—4 года, начальник канцелярии докладывал руководителю отдела список документов, которые, по его мнению, можно сдать в Политический архив. Определенные правила по сдаче документов в архив или определенные сроки предусмотрены не были. Сдача документов в архив была связана, главным образом, с недостатком помещения в отделах или случайными событиями, как, например, переезд какого-либо отдела из здания МИДа. При сдаче документов в Политический архив производилась одновременно проверка, какие документы подлежат уничтожению.

Процентное соотношение документов, которые подлежали хранению в Политическом архиве, было различно для отделов. Самое большое количество падало, конечно, на Политический отдел, в то время как в других отделах документы уничтожались после 20—30 лет хранения, особенно, если они не касались обработки отдельных проблем. Политический архив со своей стороны то же самое, время от времени производил пересмотр хранящихся в архиве документов и уничтожал часть из них. На основании чего производился отбор документов, мне неизвестно. Какие указания были даны Политическому архиву об уничтожении документов на случай, если Германия проиграет войну, мне также неизвестно.

Германские представительства за границей тоже периодически производили ревизию документов и документы, не нужные для повседневной работы, либо уничтожали, либо, если требовалось их хранение, отсылали их в Министерство иностранных дел.

3. Политический архив имел три основные задачи:

а) Сбор всех имеющих юридический характер документов. К ним относились так называемые договора, в первую очередь, подписанные оригиналы международных соглашений. Далее, все документы, служившие для чего-либо основанием, как-то: полномочия, доверенности, оригиналы германских законов, те, которые имели отношение к МИДу, и другие подобного рода документы.

б) Политический архив предоставлял в распоряжение отделов те старые документы, которые им были нужны для текущей работы в МИДе.

в) Политический архив служил источником материала для исторических работ и исследований как для сотрудников МИДа, которые занимались научной работой, так и для остальных лиц — ученых, журналистов, политиков или студентов, которые по особому запросу получали возможность пользоваться документами по определенному, ими указанному вопросу. По таким запросам решение принималось Отделом личного состава, а в важных случаях государственными секретарями или самим министром.

4. Важнейшей задачей архива по линии самого Министерства иностранных дел было, разумеется, предоставление документов для работы самого министерства. Но по моим наблюдениям и опыту я могу сказать, что эта работа не имела такого большого значения, как это может вначале показаться. Отделы хранили действительно важные документы в своем бюро до тех пор, пока они были нужны в текущей работе. Так, например, большая часть отделов, организовавшихся после первой мировой войны, хранили до конца

все важные документы своих бюро. Но случалось очень редко, чтобы требовались документы, относившиеся к 1918 году. Если, как исключение, требовались договора, то они за это время были уже опубликованы или находились в общем напечатанном сборнике документов, так что было гораздо проще взять из библиотеки напечатанный тезис, чем требовать из архива оригинал документа. 40-томная публикация документов министерства иностранных дел имелась почти у каждого старшего по чину дипломата и в каждом заграничном представительстве. К этому, правда, я хочу добавить, что с начала 1927 года я не работал более в Политическом отделе, который может дать в первую очередь оценку архива, и я не знаю, с какого времени развивалась практическая деятельность этого отдела. В том же отделе, в котором я работал с 1934 года, — именно Экономический отдел, я не помню ни одного случая, когда в нашей деятельности мы прибегали к архивным документам.

5. Как источник материалов для научно-исследовательской работы архив Министерства иностранных дел имел большое значение. После революции 1918 года республиканское правительство приступило к немедленной публикации документов кайзеровского времени. Большое число известных немецких историков получили задание изучить документы архива и опубликовать все интересные документы. В течение многих лет опубликовывалась т.н. «большая публикация документов министерства иностранных дел». В 40 толстых томах были опубликованы все важнейшие документы из архива МИДа, прежде всего, докладные записки, справки самого министерства, а также указания дипломатическим миссиям и донесениям послов за период с 1870 по 1914 год.

Кроме того, архивные материалы предоставлялись для обычных исторических работ, например, публикация документов о виновниках войны — Каутского, для книги «Германская внешняя политика» профессора Вейт Валентина [Veit Valentin], для произведений о международном праве профессора Шукинга [Schücking], для книг начальника Отдела культуры МИДа посланника Штиве [Stiewe] о германской внешней политике, для трудов графа Монглас [Montgelas] о причинах войны, для книги «Союз народов» государственного секретаря МИДа фон Бюлова. Во всех этих приведенных примерах речь идет об авторах, которые стояли на позициях Веймарской республики, опубликования которых поощрялись правительством допуском их к архивным документам, чтобы тем самым действовать в интересах республиканской внешней политики.

Особенно Вейт Валентин и Шукинг, который был демократическим депутатом в рейхстаге, были самыми энергичными и самыми известными научными представителями левой, демократической, пацифистской внешней политики. Мне кажется, я не ошибаюсь, что и венский профессор Фридюнг [Friedyung] для своего большого труда «История империализма» и профессор Виндельбанд в произведении «Внешняя политика европейских великих держав в 1913—[19]14 гг.» использовали архив Министерства иностранных дел.

Можно предположить, что национал-социалисты, после захвата власти в 1933 году, получили в свое распоряжение и архив Министерства иностранных дел и использовали его так же, как использовало республиканское правительство для пропаганды своей внешней политики. Но так как документы Министерства иностранных дел после 1918 года, т.е. те, которые в связи с этим могли интересовать национал-социалистов, как я уже показал выше, находились не в Политическом архиве, а в отделах, то речь может идти не об использовании

документов министерства иностранных дел. Мне, во всяком случае, неизвестно о научных [работах], опубликованных после 1933 года с использованием научных архивов или документов Министерства иностранных дел, или они были столь незначительны, что я сейчас не могу их вспомнить.

Во всяком случае, мне неизвестна ни одна научно-исследовательская работа, где бы в основу была положена национал-социалистическая внешняя политика. Это объясняется, по-видимому, тем, что национал-социалисты пользовались большей частью более грубыми средствами пропаганды. Я также не могу вспомнить, чтобы я когда-нибудь в разговоре слышал, что национал-социалистические историки использовали для каких-либо работ документы Министерства иностранных дел. Но, ввиду того, что по служебной линии я к этому не имел отношения, не исключаю, что в отдельных случаях такие факты имели место; я полагаю, что особенно журналистам в вопросах внешнеполитической пропаганды важно было привлекать материалы из Министерства иностранных дел.

6. Тот факт, что немецким представительствам за границей время от времени посылались по их требованиям архивные документы, мне неизвестен. Если посольства получали инструкции по определенным вопросам, им в копии присылались требуемые основания. Но практиковалось, что послы и старшие по чину дипломаты перед вступлением в должность за границу знакомились со своим новым поприщем через документы, которые они читали в отделах МИДа. При этом им, конечно, предоставлялась возможность изучать документы и в Политическом архиве, если они считали необходимым для своей будущей работы познакомиться с документами 20-летней давности.

7. Во время последней войны в руки Германии попала часть документов Политических архивов некоторых иностранных министерств иностранных дел. Так, например, мне известно, что германские воинские части во Франции нашли один или два вагона документов французского МИДа. Часть из них впоследствии была опубликована в Германии, но, насколько мне известно, эти издания были, главным образом, «для служебного пользования». В таком виде появились, например, собрание донесений двух последних французских послов в Берлине.

8. В том случае, когда какие-либо опубликования документов были связаны с использованием Политического архива МИДа, разрешение на пользование архивом давалось с тем условием, что произведение перед изданием будет дано на проверку МИДу. Разрешение на опубликование давал Отдел личного состава, который для этого прибегал к заключению соответствующих отделов. В особо серьезных случаях решение принималось государственным секретарем или министром.

За проведение введенной в 1933 году всеобщей цензуры ответственным было Министерство пропаганды. Предварительной цензуры для ежедневных газет не было. Предполагалось, что и так никто не рискнет опубликовать что-либо, что содержало бы критику политики национал-социалистов или было бы неугодно национал-социалистической партии. В тех же случаях, когда как исключение это имело место, предпринимались репрессивные меры против автора или ответственного издателя.

Так, например, ответственный редактор «Дейчер альгемейне цейтунг» д-р Франц Клейн [Dr. Fritz Klein], один из известнейших журналистов, опубликовал в 1934 или [19]35 году передовую статью, касавшуюся австрийского вопроса, которая содержала критику национал-социалистической по-

литики в этом вопросе. Эта статья вызвала недовольство Геббельса или самого Гитлера. Но так как она уже появилась, распространение ее нельзя было предотвратить, несмотря на принятые меры по изъятию соответствующего номера, но издательству было предложено Клейна уволить. Впоследствии предварительная цензура не была нужна еще и потому, что в редакциях работали, главным образом, «заслуженные» национал-социалисты, а газеты не национал-социалистического направления были вынуждены постепенно прекратить свое существование.

Каким образом технически проводилась цензура книг, мне неизвестно. Мне также неизвестно, существовал ли какой-либо закон, по которому издатели обязаны были представлять для проверки перед издательством все книги с политическим содержанием, или они это делали «добровольно», боясь закрытия издательства или других неприятностей. Несомненно одно, что с 1938 года в Германии фактически не могла появиться ни одна политическая или вообще какая-либо другая книга, содержание которой было неугодно Геббельсу или министерству пропаганды.

КЛОДИУС

Перевела: переводчик 4 отдела 3 Гл[авного] управления МГБ СССР лейтенант ШИЛОВА

ЦА ФСБ России. Н-20912. В 4-х тт. Т. 3. Л. 286—291. Подлинник. Рукопись. Автограф. Подлинник на немецком языке — л.д. 292—303.

№ 72
СПРАВКА РУМЫНСКОЙ РАЗВЕДКИ В ОТНОШЕНИИ Д-РА К. КЛОДИУСА

3 февраля 1947 г.
Бухарест

Получено официальным путем из «СИ» 3.2.[19]47 г.

Совершенно секретно
Перевод с румынского

Карл Клодиус прибыл в Румынию в первый раз 1-го июля 1939 года с паспортом № 22/5/1/1939 из Берлина в качестве директора германской промышленности. С тех пор он часто приезжал и уезжал, и это он делал столько раз, сколько ему диктовали экономические интересы Германии. Позже он стал именоваться начальником экономической дивизии при Министерстве иностранных дел Германии и министром немецкой экономики на Юго-Востоке Европы.

Задание он имел ясное: привезти в Германию все, что ей необходимо для подготовки к войне. Способы выполнения этих заданий — заключение экономических договоров, которые фактически закабаляли другие страны, а когда ему в этом противились, он прибегал к нажиму и угрозам. Так, он добивался того, что почти весь излишек для вывоза направляется в Германию.

В 1940 году Клодиус заключает с Румынией договор о том, что Румыния обязуется доставлять Германии 300 вагонов нефтепродуктов ежедневно, т.е. больше, чем могут перевезти наши железные дороги.

30 мая 1941 года этот же Клодиус добивается того, что Румыния обязуется вывозить в Германию 60 % всего нашего производства в целом, и хотя наши представители были против, все же устанавливает курс марки в 66 лей вместо 50 лей. Чтобы яснее дать понять тогдашнюю точку зрения немцев, приведем

характерный телефонный разговор Бухарест—Берлин, август месяц 1940 года. Клодиус говорит с немецким посольством и при этом приказывает: «Выжать весь излишек зерна из Румынии».

Был в Румынии и в январе 1942 года, чтобы подправить румынскую экономику, которая начала было шататься.

Перевел: БААДЖИ

ЦА ФСБ России. Н-20912. В 4-х тт. Т. 4. Л. 143 (Пакет). Машинописная копия. Машинописный подлинник на румынском языке — пакет, л.д. не нумерованы.

№ 73
ЗАМЕТКА О БЕСЕДЕ Д-РА К. КЛОДИУСА С КОРОЛЕМ РУМЫНИИ

23 августа 1944 г.
Бухарест

[Перевод с немецкого]

В 21 час господин посланник отправился в замок [ins Schloss], где он был принят королем, новым премьер-министром генералом Санатеску и новым министром иностранных дел Николеску-Бузешти[I].

Господин посланник потребовал от короля разъяснений относительно положения в связи с сообщением о том, что маршал Антонеску находится в замке под арестом. Король заявил, что маршал Антонеску неоднократно предлагал свою отставку, которую король до сих пор отклонял.

В беседах с господином Клодиус маршал и Михай Антонеску дали понять ему о непрочности положения и вытекающих отсюда для него последствиях. Сегодня маршал заявил королю, что он подает в отставку, если даже король и не примет его отставки. После этого король счел вынужденным, принимая во внимание тяжелое положение, в котором находится страна, принять отставку маршала.

На вопрос, где находится маршал, был получен ответ, что он между 18.10 и 18.30 уже выехал в сопровождении Михая Антонеску из замка. Вполне возможно, что при этом был также генерал Василиу[II] и что господа находятся у него.

Далее посланник заявил, что румынское правительство ведет опасную игру. Немцы будут вести борьбу до последнего человека. На что король возразил, что решать судьбу страны — дело суверенного румынского правительства. У немцев не может быть ни малейшей причины к оказанию сопротивления потому, что румыны не будут воевать против немцев. Правительство будет вести переговоры со всеми, также с русскими, однако, оно не примет никаких невыносимых условий и, в первую очередь, возможного требования борьбы против немцев.

В заключение король заявил о готовности правительства сотрудничать с немцами, на что посланник никак не отреагировал. Господин посланник подчеркнул еще раз, что русские теперь оккупируют Румынию, как они это делали в подобных случаях, несмотря на совершенно противоположные обещания.

[I] В документе не переведена фраза: «Als Dolmetscher war Herr Mosconi-Stircea zugegen».

[II] Речь идет о румынском государственном деятеле генерале Константине Василиу.

Никулеску-Бузешти в ответ на это дал понять, что и при других обстоятельствах положение не могло бы быть иным. Господин посланник встретил это заявление пренебрежительной миной. На вопрос, имеет ли господин посланник еще какие-либо пожелания, последний ответил отрицательно и, не попрощавшись с «правительством», покинул, примерно через 15 минут, замок.

Бухарест, 23 августа 1944 года

Перевела: переводчик Следчасти по особо важным делам МГБ СССР ПОТАПОВА

ЦА ФСБ России. Н-20912. В 4-х тт. Т. 4. Л. 143 (Пакет). Подлинник. Машинописный подлинник на немецком языке — пакет, л.д. не нумерованы.

№ 74
ПОЗДРАВИТЕЛЬНАЯ ОТКРЫТКА Ф. ФОН ПАПЕНА К. КЛОДИУСУ

10 января 1940 г.
Анкара

Перевод с немецкого

Сердечные поздравления, дорогой Клодиус, в связи с Вашими семейными событиями[1]! Надеюсь, что, несмотря на свою занятость, Вы с присущей Вам решительностью будете дальше помогать нам разобраться в сложной ситуации. Было бы хорошо, если бы мы снова смогли устроить генеральное совещание, возможно, что в конце января я буду там.

Привет также от моих дам.

Преданный Вам

ФОН ПАПЕН

Анкара, 10.1.[19]40 г.

Перевела: Оперуполн[омоченный] Следотдела 2 Гл[авного] управл[ения] МГБ СССР капитан ПОТАПОВА

ЦА ФСБ России. Н-20912. В 4-х тт. Н/Д. Пакет (л.д. не нумерованы). Машинопись. Подлинник. Автограф.

№ 75
ПИСЬМО М. АНТОНЕСКУ Д-РУ К. КЛОДИУСУ

9 февраля 1944 г.
Бухарест

Перевод с немецкого

Госпожа Мария Антонеску 24.2.[19]44
(супруга маршала И. Антонеску)

Уважаемый господин посланник!

Я получила прекрасный подарок, который Вы были столь любезны прислать мне.

Искренне благодарю милостивую госпожу и Вас, Ваше превосходительство, и пользуюсь случаем пожелать Вам счастья и благополучия.

---

[1] Имеется в виду его помолвка — *прим. пер.*

Примите, Ваше превосходительство, выражение моего уважения к Вам.

Перевела: переводчик Следчасти по особо важным делам МГБ СССР ПОТАПОВА

ЦА ФСБ России. Н-20912. В 4-х тт. Н/Д. Пакет (л.д. не нумерованы). Машинопись. Подлинник. Автограф.

№ 76

ПОЗДРАВИТЕЛЬНОЕ ПИСЬМО ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА А. ГЕРСТЕНБЕРГА К. КЛОДИУСУ

9 февраля 1944 г.
Бухарест

Перевод с немецкого

Генерал-лейтенант Герстенберг
Командующий германскими ВВС в Румынии
и атташе по люфтваффе при германской
дипломатической миссии

Бухарест, 9.2.[19]44

Уважаемый господин Клодиус!

Сердечно поздравляю Вас с днем рождения. Было бы особенно счастливым совпадением, если бы Вы именно в свой радостный день подписали великий договор.

Посылая мои поздравления, я выражаю надежду, да будет Вам суждено и впредь добиваться таких успехов, оставаясь в прежней силе и здоровье, чему пусть поможет прилагаемый напиток.

Хайль Гитлер!

Преданный Вам

ГЕРСТЕНБЕРГ

Перевела: переводчик Следчасти по особо важным делам МГБ СССР ПОТАПОВА

ЦА ФСБ России. Н-20912. В 4-х тт. Н/Д. Пакет (л.д. не нумерованы). Подлинник. Машинопись. Автограф.

Канцлер-консул Иоганн Ламля

№ 77

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОКР «СМЕРШ» 36-Й ТАНКОВОЙ БРИГАДЫ В ОТНОШЕНИИ И. ЛАМЛЯ

26 июля 1945 г.
[Б/м, Германия]

«Утверждаю»
Начальник ОКР «Смерш»
36-й танковой бригады
майор (Парфенов)
«26» июля 1945 года

Постановление о направлении в спецлагеря

23 июля 1945 года я, заместитель начальника отдела контрразведки «Смерш» 36-й танковой бригады майор Назаров, рассмотрев поступившие материалы

в отношении Ламля Иоганна и принимая во внимание, что последний с 1910 года являлся работником Министерства иностранных дел Германии:

С 1910 по 1912 год работал судебным секретарем германского посольства в городе Варшава, с 1912 по 1914 год секретарем германского посольства в городе Владивостоке.

С 1914 по 1917 год секретарем германского посольства в городе Шанхае (Китай), с 1917 по 1921 год в разных отделах и на разных должностях в Министерстве иностранных дел г. Берлин.

С 1921 по 1941 год работал в городе Москва в должности начальника канцелярии посольства. В 1936 году в течение трех месяцев исполнял обязанности консула в городе Владивостоке.

С 1941 года при интернировании из СССР в Германию работал в Министерстве иностранных дел на разных должностях, последняя занимаемая должность начальник Радиоотдела.

На основании изложенного, руководствуясь приказом НКВД СССР № 0198

Постановил

Мамля Иоганна направить в спецлагеря НКВД СССР.

Зам[еститель] нач[альника] ОКР «Смерш»
36-й танковой бригады майор НАЗАРОВ

ЦА ФСБ России. К-512491. В 2-х т. Т. 2. Л. 6. Подлинник. Машинопись. Автограф.

№ 78
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА КОНСУЛА И. ЛАМЛЯ

24 декабря 1945 г.
Веймар

Я, заместитель начальника Оперативного сектора федеральной земли Тюрингии — полковник Захаров, допросил задержанного:

Ламля Иоганна, 1886 года рождения, уроженца деревни Рогойсня провинции Верхняя Силезия, немец, немецко-подданный, образование среднее, холост, последнее место работы — зав[едующий] административной частью радио-политического отдела Министерства иностранных дел Германии, имеет звание консула, свободно владеет русским языком.

Вопрос: Вы член национал-социалистической партии Германии?

Ответ: Нет, членом национал-социалистической партии я не состоял.

Вопрос: Чем объясните, что, работая на ответственной работе в Министерстве иностранных дел, Вы были вне рядов национал-социалистической партии?

Ответ: Примерно в августе-сентябре месяце 1933 года, с приходом Гитлера к власти, министром иностранных дел Нейратом был издан приказ о вступлении в партию национал-социалистов всех сотрудников Министерства иностранных дел. К изданному Нейратом приказу я отнесся отрицательно и задержался с подачей заявления о приеме меня в партию национал-социалистов.

В январе 1934 года директор отдела личного состава министерства Шрёдер обратился ко мне с личным письмом, с предложением вступить в партию национал-социалистов, указывая, что невступление меня в партию может отрицательно повлиять на мою дальнейшую службу.

После этого, приблизительно в мае месяце 1934 года, мною было подано заявление в Иностранный отдел национал-социалистической партии с просьбой принять меня в партию национал-социалистов. С момента подачи заявления о приеме в партию до начала 1935 года мне не было сообщено о результате рассмотрения моего заявления. Только в январе или феврале месяце 1935 года на мой запрос я получил ответ, в котором сообщалось, что мне в приеме в члены национал-социалистов отказано согласно 3-го параграфа устава партии. 3-й параграф устава партии гласит, что заявление может быть отклонено без указания причин отклонения. Причина непринятия меня в партию национал-социалистов мне до сих пор неизвестна.

Вопрос: Ваша последняя должность и звание?

Ответ: Моя последняя должность и звание — заведующий административной частью Радио-политического отдела Министерства иностранных дел Германии. Звание мое по Министерству иностранных дел — консул.

Вопрос: Кем было присвоено Вам указанное звание консула?

Ответ: Звание консула мне было присвоено указом Гитлера по представлению министра иностранных дел Риббентропа.

Вопрос: До подписания Германией акта о капитуляции где находился Радио-политический отдел Министерства иностранных дел?

Ответ: До 23 марта 1945 года Радио-политический отдел в полном составе находился в Берлине. Одна из его групп 23 марта 1945 года в составе 13 человек во главе со мною — Ламля Иоганн, была эвакуирована в Тюрингию в город Бад-Берка. В обязанность меня и моей группы входило подготовить необходимые условия к переезду всего Радио-политического отдела к предполагаемому новому месту работы. Основная масса работников отдела в тот период находилась в Берлине, и с момента моего выезда из Берлина я не имел с ними никакой связи.

В последующем, через работника нашего отдела Мюнцель, мне стало известно, что руководство отдела с остальным личным составом перед наступлением Красной Армии на Берлин выехало в направлении Мюнхена. Поспешный выезд личного состава из Берлина не дал возможности вывезти архив отдела, который оставался в Берлине на Вильгельмштрассе, в здании Министерства иностранных дел.

Вопрос: Назовите лиц, сотрудников Вашего отдела, эвакуированных вместе с Вами из Берлина в город Бад-Берка?

Ответ: Из Берлина в Бад-Берка из личного состава отдела были эвакуированы следующие лица:

1. Ламля Иоганн, канцлер-консул, заведующий административной частью отдела.
2. Шрэтер Карл, научный работник, референт Восточно-азиатского отделения. Из Бад-Берка в мае месяце 1945 г. выехал в г. Мюнхен.
3. Рэдер — научный работник, помощник референта Испанского реферата. Из Бад-Берка в мае месяце 1945 г. выехал в г. Бамберг.
4. Витте — рассыльный, проживает в г. Бад-Берка.
5. Джулько — научная работница Скандинавского реферата. В июне месяце 1945 года выехала в г. Дессау.
6. Мюллер — стенографистка, работница отделения личного состава. В июне месяце 1945 года выехала в город Берлин.
7. Кнооп — регистраторша, работала в Бюро внутреннего архива. В июне месяце 1945 года выехала в г. Штутгарт.

8. Фраунлов — стенографистка Итальянского реферата. В июне месяце 1945 года выехала в г. Штутгарт.

9. Эвиг — стенографистка дежурного по службе, проживает в городе Бад-Берка.

10. Грюкман — стенографистка Итальянского реферата. В июне месяце 1945 года выехала в г. Регенебург.

Вопрос: Объясните структуру Радио-политического отдела и характер политической и практической работы?

Ответ: Радио-политический отдел при Министерстве иностранных дел был организован в 1939 году. Возглавлял отдел посланник Рюле.

Радио-политический отдел разделялся на следующие подотделы: отделение личного состава, административное отделение, заграничное архивное отделение, внутреннее архивное отделение и одиннадцать рефератов:

1. Французский.
2. Английский.
3. Испанский и Южноамериканский.
4. Юго-Восточный.
5. Восточный.
6. Северный.
7. Арабский (Сев[ерная] Африка).
8. Восточно-азиатский.
9. Американский.
10. Индийский.
11. Ирландский.

Каждым рефератом (отделением) принимались радиосообщения из определенных государств. Во главе реферата были референты, которые в совершенстве владели языками, на которых принимались радиосообщения.

Отделение личного состава ведало кадрами Радио-политического отдела.

Административное отделение, которое возглавлял я, занималось управлением домами, в которых размещался Радио-политический отдел, снабжением радиооборудования финансовыми вопросами.

Архивное отделение разделялось на два подотдела — внешний архив и внутренний. Во внешнем архиве собирались все радиосообщения из-за границы, а также материал немецких радиостанций, передаваемый за границу. Во внутреннем архиве хранились все директивы начальника Радио-политического отдела, которые давались референтам для ориентировки, какой материал следует передавать для пропаганды немецким редакциям и Министерству пропаганды. Во внутреннем архиве собирались также сведения, получаемые из германских посольств, в отношении влияния немецких радиопередач.

Практическая деятельность Радио-политического отдела при Министерстве иностранных дел Германии заключалась в том, что отдел занимался приемом радиосообщений из-за границы материала, который использовался для пропаганды.

Радио-политический отдел в своей работе получал указания непосредственно от Риббентропа. В частности, какие вопросы особенно интересуют Министерство иностранных дел и какие материалы нужно собирать для ведения внешней пропаганды.

Все радиосведения Радио-политический отдел получал через посредство подчиненного ему немецкого заграничного радиовещательного акционерного общества «Интеррадио», которое для этой цели имело мощное радиооборудование и соответствующий обслуживающий персонал.

Вопрос: В чем выражалась Ваша практическая работа в Радио-политическом отделе?

Ответ: В Радио-политическом отделе Министерства иностранных дел я занимал должность заведующего административным отделением. В мои обязанности входило: управление домами, снабжение отдела радиоаппаратурой, обеспечение бумагой, газетами, книгами, руководство финансовыми вопросами и рассылкой радиосообщений по Министерству иностранных дел и по ее редакциям газет. В период [19]43—[19]45 гг., в связи с воздушной бомбардировкой, Радио-политический отдел часто менял местонахождение. Я руководил размещением Радио-политического отдела на новых местах. Во время эвакуации из Берлина мне было поручено подготовить условия к переезду радиоотдела в город Бад-Берка.

Вопрос: Какие имеете награды, когда и за что они Вами получены?

Ответ: Первую награду «Медаль за заслуги» я получил в 1918 году в период первой мировой войны. В это время я работал консульским секретарем в консульстве города Шанхая. Второй раз я был награжден в 1918 году «Железным крестом на бело-черном банте». Крест получен мною за работу в период заключения Брест-Литовского договора между Германией и РСФСР. В Бресте я работал в качестве регистратора и шифровальщика. Третий раз я награжден в 1935 году «Серебряной медалью за заслуги на государственной службе в течение 25 лет». В 1943 году я был награжден в четвертый раз «Крестом 2-го класса за заслуги в войне». К награде я был представлен начальником Радио-политического отдела, в котором я в этот период работал. В 1945 году в феврале месяце я был награжден пятый раз «Крестом 1-го класса за заслуги в войне».

Вопрос: Какую проводил работу Радио-политический отдел по отношению к СССР?

Ответ: При Радио-политическом отделе существовал Восточный реферат, который и занимался сбором материла, относящегося к Советскому Союзу. Этот материал собирался из заграничных радиосообщений, немецких газет, донесений германских посольств, соответственно обрабатывался, ему придавалось направление, требуемое для немецкой пропаганды. После этого материал передавался в Министерство по делам восточных оккупированных областей для радиовещания за границу.

Радио-политический отдел ежедневно получал непосредственные указания от Риббентропа, какая тема должна быть за текущий день в радиовещаниях о СССР. Как правило, это были клеветнические радиосообщения о СССР, о якобы зверствах и бесчинствах, проводимых советскими войсками на освобожденных ими территориях от немцев. Эти сведения Радио-политический отдел собирал из сообщений фашистских газет и германских телеграфных агентств за границей.

Вопрос: Назовите лиц, работников Радио-политического отдела Министерства иностранных дел, и их настоящее местонахождение.

Ответ: Из числа работников Радио-политического отдела мне известны следующие лица:

1. Рюле Герт — возраст 37—38 лет, ниже среднего роста, худощавый, темные глаза, высокий лоб, нос большой с горбинкой, шатен, член нацистской партии, посланник первого класса, бригадный фюрер СС[1], член Рейхстага, начальник Радио-политического отдела Министерства иностранных дел. В апреле месяце 1945 года из Берлина выехал в местечко Фишбахау в Баварии.

[1] Так в документе, правильно — бригадефюрер СС.

2. Кизингер — возраст 40—42 года, высокого роста, широкоплечий, шатен, высокий лоб, карие глаза, продолговатое лицо, член нацистской партии, имел звание адвоката, заместитель начальника Радио-политического отдела. В апреле месяце [1945 года] из Берлина выехал в город Фрайбург-Брейскау.

3. Шпан Герт — возраст 37—38 лет, высокого роста, худощавый, шатен, карие глаза, продолговатое лицо, член нацистской партии, звание судебный асессор. Пропагандист Радио-политического отдела. В апреле месяце 1945 года из Берлина выехал в местечко Фишбахау (Бавария).

4. Доктор Эттинг — возраст 33—34 года, среднего роста, худощавый, шатен, член нацистской партии, легацион-секретарь. Референт отделения личного состава, одновременно руководил Индийским рефератом. В апреле месяце 1945 года находился в гор. Берлине.

5. Доктор Лепля — возраст 46—48 лет, высокого роста, крепкого телосложения, брюнет, круглое лицо, густые брови, носит очки, член нацистской партии, звание советник, руководил Французским рефератом. В апреле месяце 1945 года находился в гор. Берлине.

6. Профессор Гаферкорн — 44—46 лет, среднего роста, худощавый, брюнет, носит очки, продолговатое лицо, член нацистской партии, руководил Английским рефератом. В апреле месяце 1945 года находился в гор. Берлине, предполагается нахождение в г. Любек около Гамбурга.

7. Доктор Аренс — возраст 30—32 лет, высокого роста, брюнет, худощавый, член нацистской партии, научный сотрудник, руководил Американским рефератом. В апреле месяце 1945 года находился в Потсдаме.

8. Мунцель — 39—40 лет, высокого роста, широкоплечий, крепкого телосложения, шатен, серые глаза, круглое лицо, член нацистской партии, легационный секретарь, руководил Арабским рефератом. В мае месяце 1945 года из г. Бад-Берка выехал в город Регенебург (Северная Бавария).

9. Доктор Ланк-Краухер — 32—33 года (женщина), ниже среднего роста, полная, брюнетка, круглое лицо, темные глаза, член нацистской партии, научная сотрудница, руководила внешним архивным отделением. В апреле месяце [1945 года] выехала из Берлина в местечко Фишбахау (Бавария).

10. Доктор Альбрехт — 32—33 года, высокого роста, смуглый, брюнет, высокий лоб, лицо продолговатое, руководил Информационным бюро. В апреле месяце 1945 года находился в Ванзее (близ Берлина).

11. Лихтенберг — 43—45 лет, высокого роста, крепкого телосложения, брюнет, волосы с проседью, носит очки, член нацистской партии, научный работник, руководил Испанским и Латиноамериканским рефератами. В апреле месяце 1945 года находился в гор. Берлине.

12. Доктор Фризе — 32—33 года, высокого роста, худощавый, шатен, член нацистской партии, научный работник, помощник руководителя Американского реферата. В апреле месяце 1945 года находился в гор. Берлине.

13. Доктор Тымлер — 35 лет, высокого роста, крепкого телосложения, шатен, овальное лицо, член нацистской партии, советник, представитель от Радио-политического отдела в личном штабе Риббентропа. В апреле месяце 1945 года находился в гор. Берлине.

14. Доктор Циммерман — 48—50 лет, выше среднего роста, полный, шатен, член нацистской партии, советник, руководил Скандинавским рефератом. В марте месяце 1945 года находился в Гамбурге.

15. Шауп — 40—42 года, среднего роста, брюнет, черные глаза, средний прямой нос, высокий лоб, член нацистской партии, научный работник, ру-

ководил Юго-восточным рефератом. В марте месяце 1945 года находился в г. Вена.

16. Крамер — 35—36 лет, среднего роста, шатен, худощавый, член нацистской партии, научный работник, помощник руководителя Юго-Восточного реферата. В апреле месяце [1945 года] находился в гор. Берлине.

17. Доктор Дериес — 36—37 лет, среднего роста, крепкого телосложения, брюнет, лысый, глаза темные, член нацистской партии, научный работник, руководил рефератом дежурства по службе. В апреле месяце 1945 года находился в Берлине.

18. Грайс — 53—55 лет, высокого роста, широкоплечий, волосы седые, близорук, носит очки, член нацистской партии, дежурный по службе.

19. Гофман — 32—33 года (женщина), среднего роста, полная, блондинка, серые глаза, нос прямой, научная работница, дежурная по службе. В апреле месяце 1945 года находилась в Берлине.

20. Квелинг — 33—35 лет, высокий рост, худощавый, шатен, член нацистской партии, научный сотрудник, работал переводчиком в Арабском реферате. В апреле месяце 1945 года находился в Берлине.

21. Рюле-Фехт — 30—32 года, среднего роста, шатен, нос длинный, лицо продолговатое, член нацистской партии, научный работник, руководил Итальянским рефератом. В апреле месяце 1945 года находился в служебной командировке в г. Майланде.

22. Профессор Мар — 63—65 лет, высокого роста, слегка сгорблен, седой, член нацистской партии, научный работник. В апреле месяце 1945 года был в Берлине, руководил Ирландским рефератом.

23. Шрейтер Карл — 45—46 лет, высокого роста, широкоплечий, шатен, темные глаза, овальное лицо, высокий лоб, носит очки, член нацистской партии, научный работник, руководил Восточно-азиатским рефератом. В мае месяце из города Бад-Берка [выехал] в Мюнхен.

24. Рейдер — 50 лет, высокого роста, худощавый, волосы с проседью, носит очки, член нацистской партии, научный сотрудник, помощник руководителя Испанского реферата. В мае месяце 1945 года из г. Бад-Берка уехал в г. Штутгарт.

25. Доктор Джулько — 30 лет (женщина), ниже среднего роста, шатенка, научная сотрудница, помощница руководителя Скандинавского реферата.

26. Конради — 38—40 лет, высокого роста, худощавый, брюнет, темные глаза, средний, прямой нос, на левой ноге протез. Член национал-социалистической партии, научный работник, руководил Восточным рефератом. Этот реферат принимал радиосообщения СССР. В апреле месяце 1945 года находился в Берлине.

Протокол допроса с моих слов записан правильно и зачитан мне вслух, в чем и расписуюсь

ИОГАНН ЛАМЛЯ

Допросил: зам[еститель] начальника Оперсектора ф/з[1] Тюрингии подполковник ЗАХАРОВ

ЦА ФСБ России. К-512491. В 2-х т. Т. 2. Л. 12—20. Подлинник. Машинопись. Автограф.

[1] Ф/з — федеральная земля.

№ 79
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА КОНСУЛА И. ЛАМЛЯ

27 декабря 1945 г.
Веймар

Я, заместитель начальника Оперативного сектора федеральной земли Тюрингии — полковник Захаров, допросил задержанного:

Ламля Иоганна, 1886 года рождения, уроженца деревни Рогойсня провинции Верхняя Силезия, немец, немецко-подданный, образование среднее, холост, последнее место работы — зав[едующий] административной частью радио-политического отдела Министерства иностранных дел Германии, имеет звание консула, свободно владеет русским языком.

Вопрос: Расскажите, при каких обстоятельствах и когда Вы поступили на службу в Министерство иностранных дел?

Ответ: С 1897 до 1904 года я учился в гимназии города Ратибор, Верхняя Силезия. В мае 1904 года отец, в силу материальной необеспеченности (7 человек детей), вынужден был прекратить мое дальнейшее обучение и с 6-го класса гимназии устроить меня на работу учеником писаря в окружной суд города Зорау (Верхняя Силезия). В ноябре месяце 1904 года я был переведен учеником писаря в земский суд города Ратибор, Верхняя Силезия. В ноябре 1905 года из города Ратибор я был переведен учеником писаря в более крупный земский суд города Оппельн, Верхняя Силезия. В ноябре 1906 года, после 2,5 лет работы учеником писаря, я выдержал экзамен на секретаря суда и до апреля месяца 1908 года работал практикантом-секретарем в окружных судах в городах Розенберг, Каттовиц, Глайвиц, Гинденбург Верхней Силезии. В апреле месяце 1908 года я был переведен на работу в город Масловиц, Верхняя Силезия, секретарем окружного суда.

За время работы в судах я хорошо овладел польским языком и выдержал экзамен присяжного переводчика польского языка. В октябре месяце 1910 года я был принят на работу в Министерство иностранных дел и направлен в город Варшаву в германское генеральное консульство на должность практиканта консульского секретаря, где проработал до августа месяца 1912 года.

В августе месяце 1912 года Министерством иностранных дел я был направлен в Россию, в город Владивосток, на работу секретарем германского консульства. В августе месяце 1914 года в связи с войной Германии и России и закрытием германского консульства я был Министерством иностранных дел направлен на работу в Китай на должность секретаря германского генерального консульства города Шанхай. В 1917 году в связи с закрытием германского генерального консульства в Шанхае я был отозван Министерством иностранных дел в город Берлин. С сентября месяца 1917 года по май месяц 1918 года я работал в городе Берлине в Министерстве иностранных дел на разных должностях. В мае месяце 1918 года я был Министерством иностранных дел направлен на работу в город Москву секретарем германского генерального консульства, где проработал до ноября месяца 1918 года.

В ноябре месяце 1918 года с закрытием в городе Москве германского генерального консульства я был отозван в город Берлин и работал в Министерстве иностранных дел консульским секретарем Учетного отдела.

В августе месяце 1921 года я был Министерством иностранных дел направлен на работу в город Москву в германское посольство, где проработал беспрерывно в должности канцлера — начальника канцелярии германского посольства до 22 июня 1941 года, т.е. до момента нападения Германии на Советский Союз. В 1936 году с марта месяца до июня месяца я работал в городе Владивостоке исполняющим обязанности германского консула. На эту должность я был направлен послом графом Шуленбургом в связи с болезнью консула Владивостока — Эйзенгард.

Вопрос: Что входило в круг Ваших обязанностей канцлера, начальника канцелярии германского посольства в Москве?

Ответ: В круг моих обязанностей канцлера — начальника канцелярии германского посольства в Москве входило:

1. Руководство финансовой и учетной частью посольства.
2. Управление делами посольства.
3. Дипломатическая — курьерская служба посольства.
4. Учет и руководство средним и низшим персоналом посольства.

Вопрос: Как организационно была построена работа германского посольства в гор. Москве?

Ответ: Организационно работа германского посольства в гор. Москве была построена по следующему принципу:

1. Посол.
2. Политический отдел.
3. Торгово-политический и хозяйственно-культурный отдел.
4. Консульский отдел.
5. Паспортный отдел.
6. Печатный отдел.
7. Пресс-атташе.
8. Административно-финансовый отдел.

Указанные отделы подчинялись непосредственно послу. Постоянным заместителем посла считался начальник Политического отдела, первый советник посольства.

Вопрос: Назовите весь руководящий и личный состав отделов германского посольства, работавший в гор. Москве в 1941 году?

Ответ: В 1941 году в германском посольстве в гор. Москве работали следующие лица:

Руководящий состав посольства

1. германский посол — граф Шуленбург.
2. начальник политического отдела, он же первый советник посольства, посланник фон Типпельскирх [Вернер].
3. начальник торгово-политического и хозяйственно-культурного отдела, он же второй советник посольства — Гильгер [Густав].
4. начальник консульского отдела — советник Швиннер.
5. начальник паспортного отдела — секретарь посольства Греппер[1].
6. начальник печатного отдела — советник Штарке [Готтхольд].
7. пресс-атташе Вильм Штейн.

[1] Речь идет о немецком дипломате Хорсте Гроппере.

8. начальник административно-финансового отдела — канцлер-консул Ламля.

9. советник политического отдела фон Вальтер [Гебхард].

В отделах посольства сотрудниками работали следующие лица:

Политический отдел

1. консульский секретарь Резнер.
2. консульский секретарь Деппе [Карл].
3. консульский секретарь Куниш.
4. стенографистка Гюнтер [Люция].

Торгово-политический и хозяйственно-культурный отдел

1. заместитель начальника отдела по транспорту и перевозкам Геккинг.
2. ассистент Метцгер [Август].
3. ассистент Кайзер [Отто].
4. канцелярский служащий Елюшиц [Ансельм].
5. регистратор Латце.
6. стенографистка Кюн.

Консульский отдел

1. канцлер Швинд [Иоганн].
2. консульский секретарь Эйзенгард [Виктор].
3. канцелярский служащий доктор Киттингер [Франц].
4. канцелярский служащий Генер.
5. стенографистка Грепплер.
6. стенографистка Грегер.

Паспортный отдел

1. канцелярский служащий Гелькескамп.
2. канцелярская служащая Дилль [Луиза].
3. стенографистка Грепплер.

Печатный отдел

1. ассистент Кемпфе [Александр].
2. радист Греппер.
3. стенографистка Греппер.

Административно-финансовый отдел

1. консульский секретарь Фишер.
2. консульский секретарь Мут.
3. канцелярский служащий Юбершар [Вильгельм].
4. стенографистка Текленбург [Гертруда].
5. экспедитор Церран [Вильгельм].

Вопрос: Объясните практическую работу отделов германского посольства в гор. Москве и деятельность каждого работника в отдельности?

Ответ: Практическая работа отделов германского посольства в городе Москве и деятельность отдельных работников официально заключалась в следующем:

1. Политический отдел занимался в тот период вопросами, связанными с присоединением Балтийских стран и Бессарабии к Советскому Союзу, в частности, вопросами живущих в этих районах германских граждан. Кроме того, через Политический отдел проходили вопросы об установлении новых границ между Советским Союзом и Германией. Политический отдел занимался вопросами обеспечения доставки в Советский Союз военных материалов согласно заключенных договоров. Все политические вопросы, касающиеся Германии, разрешались непосредственно Политотделом. Кроме

посла этими вопросами занимался его постоянный заместитель посланник фон Типпельскирх.

Советник фон Вальтер преимущественно занимался перепиской и переговорами от имени посла (как старшина дипкорпуса) с другими главами миссий и Протокольной частью Наркоминдела. Он же был личным секретарем посла, часто ездил по его полномочиям в Берлин для ведения разных переговоров в Министерстве иностранных дел. Консульские секретари отдела занимались обработкой материала и шифровкой телеграмм. Стенографистка Гюнтер обрабатывала материалы Шуленбурга, фон Типпельскирх и Вальтера.

2. Торгово-политический и Хозяйственно-культурный отдел.

1) Проводил работу по наблюдению и исполнению заключенных договоров между СССР и Германией, вел переговоры с Наркомвнешторгом об изменении или поправках отдельных пунктов договоров. Отдел собирал материалы о советской внутренней и внешней торговле. Эти материалы обобщались и представлялись через посла в Министерство иностранных дел Германии. Отдел информировал немецкие фирмы и отдельных промышленников, представители которых приезжали в Москву для переговоров с Наркомвнешторгом. Отдел регулировал транспортировку товаров, идущих в Германию и из Германии в СССР как по железной дороге, так и морским путем. Отдел наблюдал за театральной, музыкальной и спортивной жизнью в СССР. Отдел обобщал эти материалы и через посла направлял в Министерство иностранных дел.

Начальник отдела Гильгер всегда присутствовал в качестве переводчика при всех переговорах, которые вел посол в Кремле и Наркоминделе и вопросами отдела в большинстве занимался сам.

Первым помощником Гильгера был директор пароходного общества «ГАНАГ» — Геккинг, который занимался вопросами транспорта и вел самостоятельные переговоры в этом направлении с НКПС и другими транспортными организациями СССР.

Ассистент Мецгер занимался приемом посетителей, наблюдал за советской театральной и музыкальной жизнью, изучал новые постановки, кинофильмы, спортивные мероприятия и готовил материалы по этим вопросам для Министерства иностранных дел.

Ассистент Кайзер и канцелярский служащий Елюшиц занимались собиранием материалов из газет, книг о советской внутренней и внешней торговле для Министерства иностранных дел. Стенографистка Кюн и регистраторша Латце обрабатывали все материалы, проходящие через отдел.

3. Консульский отдел занимался следующими вопросами:

1) Делами об арестованных в СССР немцах.

2) Делами немецких эмигрантов и реэмигрантов.

3) Обширной перепиской с Наркоминделом о свидетельствах о рождении и смерти проживавших в СССР германских граждан для установления в Германии их арийского происхождения.

4) Правовыми вопросами.

Начальник отдела Швиннер непосредственно руководил этими вопросами. Канцлер Швинд занимался вопросами немцев, арестованных в СССР, он же был заместитель представителя партии национал-социалистов в посольстве и давал характеристики на немцев, выбывших из СССР. Консуль-

ский секретарь Эйзенгард занимался вопросами немецких эмигрантов и реэмигрантов. Служащий доктор Китингер вел переписку с Наркоминделом по вопросам свидетельств о рождении и смерти немецких граждан для установления арийского происхождения в Германии. Гренер, Греплер и Грегер обрабатывали весь материал, проходивший через отдел.

4. Паспортный отдел. Занимался работой по выдаче паспортов германским гражданам и виз — дипломатических, служебных и обыкновенных на проезд в Германию и выдачи открытых листов для дипломатов и ответственных работников Наркоматов СССР. С 1939 года обыкновенные и служебные визы на въезд в Германию выдавались только по особому распоряжению Министерства иностранных дел.

Визы подписывал начальник отдела Грепер, а открытые листы выдавались только за подписью посла или его заместителя. Канцелярский служащий Гелькескамп подготовлял все материалы и документы, связанные с выдачей паспортов и виз. О каждой отдельно выданной визе обычно сообщалось в Министерство иностранных дел и гестапо. Стенографистки Дилль и Грепплер обрабатывали материал, проходящий через отдел.

5. Печатный отдел. Следил за советской печатью и делал обзоры за период каждой недели. Выдержки из передовых статей центральных газет сообщались в Берлин каждый день по телеграфу. Начальник отдела или его заместитель ассистент Кемпфе ежедневно в 12 часов дня докладывали на совещании у посла важнейшие статьи и сообщения из утренних и вечерних газет, информировали о новейших известиях из Берлина, получаемых по радио. Радист Греппер ежедневно по радио принимал из Германии известия официального Бюро немецких сведений «ДНБ».

6. Пресс-атташе — Вильм Штейн был в посольстве представителем партии национал-социалистов.

7. Административно-финансовый отдел — ведал всем хозяйством посольства, в частности, управлением 6 домов, арендованных посольством, ведал материальным снабжением посольства, руководил практической курьерской службой, вел финансовые расходы посольства, готовил отчеты в Министерство иностранных дел о произведенных расходах, вел личные дела среднего и низшего персонала и регистрировал весь личный состав посольства в Протокольной части Наркоминдела.

Я, канцлер-консул Ламля, лично занимался дипломатической курьерской службой, личными делами среднего и низшего персонала, вел переговоры с Протокольным отделом Наркоминдела и Главным таможенным управлением по делам своего отдела. Консульские секретари Фишер и Мут занимались финансовыми вопросами. Канцелярский служащий Юбершар занимался управлением домами. Стенографистка Текленбург оформляла материалы отдела.

Протокол допроса с моих слов записан правильно и зачитан мне вслух.

ИОГАНН ЛАМЛЯ

Допросил: зам[еститель] начальника Оперсектора ф/з Тюрингии подполковник ЗАХАРОВ

ЦА ФСБ России. К-512491. В 2-х т. Т. 2. Л. 23—30. Подлинник. Машинопись. Автограф.

№ 80
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА КОНСУЛА И. ЛАМЛЯ

16 апреля 1946 г.
Потсдам

Лямля И., 1886 года рождения, уроженец дер. Рогозня, Верхняя Силезия, немец, со средним образованием, беспартийный, до капитуляции Германии работал заведующим административно-хозяйственной части радио-отдела Министерства иностранных дел Германии.

Допрос начат в 10 час. 30 мин.

Вопрос: Материалами следствия вы изобличаетесь в проведении разведывательной работы в интересах Германии в период Вашего пребывания на работе в немецком посольстве в Москве. Намерены ли вы приступить к даче правдивых показаний по существу этого вопроса?

Ответ: С 1921 года до нападения Германии на Советский Союз, то есть до июня 1941 года, в германском посольстве в Москве я все время работал на административно-хозяйственной работе. В круг моих обязанностей входили исключительно административные и финансовые вопросы, связанные с обслуживанием посольства.

Оперативными и политическими вопросами, а также вопросами разведывательного порядка, занимались соответствующие отделы посольства и, соответственно, работавшие в этих отделах сотрудники. Я могу объяснить лишь направление разведывательной работы, которая проводилась германским посольством в Москве, исходя из моего общего наблюдения.

Мне было известно, что сбором негласных сведений и составлением информационных докладов в Берлин о политическом и экономическом положении в Советском Союзе занимались: Политический отдел — советник фон Типпельскирх, советник фон Вальтер; из Торгово-экономического отдела — советник Гильгер; из Консульского отдела — советник Швиннер; из Отдела печати — советник Штарке.

Сбором негласных сведений военного характера занимались: военный атташе — генерал Кёстринг; морской атташе — капитан фон Баумбах[I]; авиационный атташе Ашенбреннер[II]. Общее руководство осуществлял посол граф Шуленбург.

Вопрос: Каким образом была организована разведывательная работа, соответственно, по отделам посольства. Покажите, что Вам об этом известно?

Ответ: Мне было известно, что негласные сведения о политическом и экономическом положении по Советскому Союзу поступали в германское посольство в Москве из следующих источников: в период до 1938 года из консульств в Ленинграде, Киеве, Харькове, Одессе и Тбилиси. После 1938 года из немецких консульств Ленинграда, Батуми и Владивостока.

Указанные консульства еженедельно присылали в посольство в Москву доклады информационного порядка о добытых ими сведениях, главным об-

---

[I] Речь идет о немецком офицере, капитане 1-го ранга Норберте фон Баумбахе.

[II] Речь идет о военно-воздушном атташе при германском посольстве в Москве полковнике Генрихе фон Ашенбреннере.

разом по вопросам о настроении населения, о положении в сельском хозяйстве и промышленных предприятиях по округам, где они были консульскими представителями.

Эти данные, в сочетании с данными, полученными сотрудниками посольства в Москве, учитывались в политических докладах посольства в Министерство иностранных дел. Главным образом, данные разведывательного порядка сотрудники посольства и консульств получали путем общения с немецкими специалистами, работавшими на предприятиях Советского Союза, от советских граждан немецкого происхождения, которые по тем или иным вопросам личного порядка посещали посольство, где они и опрашивались. А кроме того, источником информации были лица из общины немецко-лютеранской церкви, до 1938 года существовавшей в Москве.

Что касается негласной агентурной сети, которая, возможно, и была создана работниками посольства в Москве и консульскими представителями в округах, я таковой не знал, так как вопросами разведки не занимался.

Вопрос: Вы уклоняетесь от ответа на поставленный Вам вопрос. Следствие располагает данными, что Вы лично имели связь с агентурой, работавшей в интересах Германии?

Ответ: Повторяю, что о лицах, которые сотрудничали с немецким посольством в Москве, я не знал.

Допрос окончен в 16 час. 05 мин.

Протокол допроса мною прочитан, ответы записаны с моих слов верно на понятном мне русском языке.

ЛЯМЛЯ

Допросил: подполковник НОСОВ

ЦА ФСБ России. К-512491. В 2-х т. Т. 2. Л. 38—40. Заверенная машинописная копия.

№ 81
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА КОНСУЛА И. ЛАМЛЯ

5 июля 1946 г.
Потсдам

Лямля И., 1886 года рождения, уроженец дер. Рогозня, Верхняя Силезия, немец, со средним образованием, беспартийный, до капитуляции Германии работал заведующим административно-хозяйственной части радио-отдела Министерства иностранных дел Германии.

Допрос начат в 21 час. 50 мин.
—"— окончен в 23 час. 45 мин.

Вопрос: Ранее вы показали о том, что ряд бывших сотрудников германского посольства в Москве занимались в СССР сбором политических и экономических информаций. Какое конкретное участие вы принимали в проведении шпионской работы против Советского Союза?

Ответ: На протяжении 20 лет я работал при германском посольстве в Москве в должности канцлера. В моем ведении находились все денежные

фонды, предоставленные Министерством иностранных дел в распоряжение посольства.

В числе статей расхода денежного фонда в посольстве имелся так называемый «секретный фонд посла», который в основном расходовался мной на финансирование разведывательной работы. Таким образом, я — Ламля, занимался финансированием проводившейся военным атташе, а также немецким посольством в Москве и консульствами разведывательной работы против СССР.

Наряду с этим, ведая курьерской службой посольства, под видом дипломатической почты, не подвергавшейся осмотру таможней, я переправлял из Советского Союза добытые шпионские материалы в Берлин в распоряжение Министерства иностранных дел, а также сам лично по заданию руководителей разведывательной службы при посольстве занимался шпионской работой через имевшуюся в моем распоряжении агентуру.

Кроме того, в 1936 году, будучи временно исполняющим обязанности консула во Владивостоке, я руководил разведывательной работой, проводившейся сотрудниками консульства во Владивостоке.

Вопрос: Разве только в этом заключалась ваша работа против СССР?

Ответ: Нет, начиная с 1937 года, наряду с проводившейся мной разведывательной работой, по заданию посла Шуленбурга, а также советника Личного отдела бывшего Министерства иностранных дел Германии Шрейдера — я выполнял контрразведывательные функции по выявлению среди сотрудников посольства агентуры НКВД, а также имел отдельные задания от морского атташе капитана Баумбаха и заместителя военного атташе майора Шубут по военному шпионажу.

Вопрос: Расскажите об организационном построении разведывательной службы немецкого посольства в Москве и кто ее возглавлял?

Ответ: Все указания и распоряжения по проведению разведывательной работы исходили от посла графа фон Шуленубрга и его заместителя фон Типпельскирх.

Военным шпионажем в Советском Союзе занимались военный атташе генерал Кёстринг, его помощник майор Шубут, морской атташе капитан фон Баумбах и атташе по авиации полковник Ашенбреннер.

По разведывательной работе военные атташе были непосредственно подотчетны Генеральному штабу германской армии, и, одновременно, они свою разведывательную работу контактировали с немецким послом в Москве.

Так, например, перед отправкой докладов разведывательного характера в Генеральный штаб в Берлин военные атташе давали эти доклады на просмотр Шуленбургу. Последний на этих докладах, перед тем как отправить их в Берлин, делал пометку — «видел, Шуленбург».

Кроме того, военные атташе ежедневно присутствовали у посла на совещаниях в здании посольства, устраиваемых им в целях обмена разведывательной информацией, получаемой военными атташе и лицами, занимавшимися разведкой по заданию посольства.

В марте 1941 года по указанию Риббентропа для финансирования разведывательной работы я выплатил Баумбаху советскими знаками четыре миллиона рублей и генералу Кёстрингу — два миллиона рублей.

Считаю необходимым сообщить следствию о том, что проводимая разведработа посольством и консульствами контактировалась с германской разведкой Абвер. Связь посольства по шпионажу с германскими разведыва-

тельными органами Абвер я могу подтвердить, что неоднократно через вверенную мне курьерскую службу морской атташе Баумбах пересылал указания и получал разведывательные данные от генерального консула в Ленинграде Зоммера[I].

Кроме того, в начале 1941 года немецкой разведкой под видом военного атташе был направлен в Ленинград сотрудник Абвера (фамилии не помню), который вместе с генеральным консулом Динстманн и консульским секретарем Штрекером[II] занимался там шпионской работой.

В период 1938—1939 гг. под прикрытием дипломатического работника посольства работал в качестве легационного секретаря Мейснер, который по существу являлся представителем от гестапо и СД.

Разведывательной работой по сбору политических информаций в посольстве руководил начальник Политического отдела фон Типпельскирх. Под его руководством агентурную работу в этом направлении проводил фон Вальтер. Сбором политической информации по Советскому Союзу также занимался работник Печатного отдела советник Штарке и сотрудник этого отдела Кемпфе.

Экономическим шпионажем в посольстве руководил начальник Торгово-промышленного отдела советник Гильгер. Его помощниками по агентурной работе в этом направлении были консульские секретари Тюрк и Деппе.

Для получения секретных данных об экономике Советского Союза посольство широко использовало немецких специалистов, научных работников, приезжавших в Советский Союз, а в последние годы — 1939—[19]41 — эти данные посольство получало от представителей немецких фирм, приезжавших в Москву для торговых переговоров с Внешторгом.

Находившиеся в Москве немецкие специалисты периодически приглашались в разведывательных целях в посольство, где они опрашивались Гильгером или Деппе. В этом направлении Деппе провел очень большую работу. Он вел специальную картотеку о промышленных предприятиях и заводах Советского Союза, в которую заносил данные о вновь строящихся промышленных объектах, их мощности, производственных способах и характере выпускаемой продукции.

Так, например, мне известно, что данные о заводе, находившемся в системе Наркомата боеприпасов СССР в Подлипках, Деппе получал от инженеров германской фирмы «Рейнметалл».

Кроме того, посольские работники, занимавшиеся разведывательной работой, получали материалы через имевшуюся у них на связи агентуру.

Вопрос: Назовите известных вам немецких агентов, находившихся на связи у занимавшихся шпионажем военных атташе и упомянутых вами посольских работников?

Ответ: Из агентов, снабжавших немецкое посольство в Москве шпионскими сведениями, мне известны:

Майер, по национальности немец, гражданин СССР, пастор евангелическо-лютеранской церкви в Москве, он же епископ всех лютеранских церквей в СССР. Майер находился на связи у Гильгера как резидент.

Из агентов Майера мне известны: пастор евангелическо-лютеранской церкви в Харькове Штаб, по национальности немец, гражданин СССР; пас-

[I] Речь идет о немецком дипломате Рихарде Зоммере (Соммер).

[II] Речь идет о немецком дипломате Германе Штрекере.

торы евангелическо-лютеранских церквей во Владивостоке, Одессе и Ленинграде, фамилии которых я не помню;

Шленфейгт Карл, немец, советский подданный, проживал в Москве, бывший фабрикант; его брат — Шленфейгт Альбин, немец, германский подданный, бывший фабрикант, житель гор. Москвы. Оба находились на связи у консульского секретаря Деппе;

Кислинг, немец, подданый Германии, бывший владелец магазина музыкальных инструментов, проживал в Москве. В 1937 году выехал на постоянное жительство в гор. Ригу. Кислинг был связан с советником Рицлер;

Лямнек, немец, германский подданный, проживал в гор. Ташкенте, где до 1937 года содержал частную ремонтно-механическую мастерскую, находился на связи у начальника консульского отдела Пфейфер, а затем с 1936 года у советника Гензеля;

Мейнер, немец, германский подданный, до 1934 года владелец оптического магазина в Москве. По шпионской работе был связан с консульским секретарем Бунце;

Доктор Линг, немец, бывший эстонский подданный, в 1934 году принял германское подданство, проживал в Москве, занимался частной врачебной практикой. Его шпионской работой руководил фон Типпельскирх. В 1937 году Линг выехал в Берлин;

Профессор Цейс, немец, германский подданный, с 1921 по 1932 год проживал в Москве и работал представителем Германского Красного Креста, одновременно являлся научным работником одного из московских медицинских институтов. Находился на связи у Гильгера;

Вормс, гражданин СССР, житель Москвы, работал юрисконсультом во Внешторге; по разведывательной работе поддерживал связь с Гинзелем;

Ратц, немец, германский подданный, до 1937 года был директором концессионного предприятия «Хлородонт» в Москве. Ратц по шпионской работе использовался Гильгером;

Доктор Дитлов, немец, германский подданный, директор концессии «Друзак» на станции Кавказской. Дитлов был связан по разведывательной работе с послом фон Дирксен и Гильгером;

Обергоф, немец, германский подданный, представитель концерна «И.Г. Фарбен», по разведывательной работе находился на связи у Гильгера;

Тедер, немец, проживал в Москве, вначале работал в бывшем бюро путешествий «Гапак», а затем в «Интуристе», находился на связи у Деппе.

Инженер Беркмен, немец, германский подданный, работал на одной из московских электростанций, связь по разведывательной работе поддерживал с Гильгером.

Других лиц, связанных с немецким посольством по проведению шпионской работы против СССР и проживавших в СССР, я не помню, за исключением агентов, находившихся лично у меня на связи, а также немецких специалистов и представителей различных немецких фирм, временно находившихся в СССР, которые периодически привлекались Торгово-промышленным отделом посольства для сбора информации о промышленности Советского Союза.

Вопрос: Вы показали, что в числе других сотрудников посольства вы лично занимались шпионской работой против СССР. Уточните, когда и кем вы были привлечены для проведения разведывательной работы?

Ответ: В 1927 году бывший консульский секретарь Тюрк, узнав о том, что я поддерживаю знакомство с семьей Шленфейгт, которая в то время имела в Москве свое мануфактурное производство и, естественно, была

связана с рядом лиц, работавших в текстильной промышленности, дал мне задание — получить данные о текстильном производстве по Москве.

Зная о том, что Шленфейгт был прогермански настроен и, кроме того, я его сына Шленфейгт Артура устроил на работу в посольство, я дал ему задание — составить подробный доклад о текстильной промышленности. Шленфейгт Альбин мое задание выполнил, и этот доклад я представил Тюрк.

В дальнейшем, в связи с тем, что я не был специалистом в области экономики, я познакомил Шленфейгт с Тюрком и Деппе, которые и использовали его для разведывательных целей.

В последующем я имел ряд поручений шпионского характера от легационного секретаря Герберта фон Битенфельд, советника фон Типпельскирх и советника Гензель.

Кроме того, в период 1936 года я имел разведывательное задание от морского атташе Баумбах. В 1938 году заместитель военного атташе генерала Кёстринг — майор Шубут, дал мне задание о получении данных о торпедных катерах, находившихся в Ленинградском порту.

Наиболее серьезное задание по разведывательной работе я получил в 1938 году от советника фон Вальтер.

Вопрос: Что за задание вы имели от Вальтера?

Ответ: Вальтер мне дал задание — установить контакт по разведывательной работе со шведским посольством в Москве, заиметь там свою агентуру, через которую получать интересующие германское посольство данные разведывательного характера о Советском Союзе.

Вопрос: И это задание вы выполнили?

Ответ: Да, в 1938 году я установил контакт по разведывательной работе с канцлером шведского посольства Сестет, с которым и поддерживал связь до 1941 года, т.е. до нападения Германии на Советский Союз.

ЛАМЛЯ

Протокол допроса мною прочитан на понятном мне русском языке, все ответы записаны с моих слов правильно.

ЛАМЛЯ

Допросил: подполковник НОСОВ

ЦА ФСБ России. К-512491. В 2-х т. Т. 2. Л. 54—61. Подлинник. Машинопись. Автограф.

№ 82
СОБСТВЕННОРУЧНЫЕ ПОКАЗАНИЯ КОНСУЛА И. ЛАМЛЯ «КАК ГЕРМАНИЯ МАСКИРОВАЛА ПРИГОТОВЛЕНИЯ ВОЙНЫ ПРОТИВ СССР»[1]

24 июля 1946 г
Потсдам

Как я уже показал, мне впервые было заметно, что Германия подготовляет войну против СССР, в конце ноября 1940 года, когда посольство в Москве получило приказ Минист[ерства] иност[ранных] дел в Берлине о постепенной отправке политического архива с курьером в Берлин для обеспечения его в Мининделе.

---

[1] Сохранена орфография подлинника, исправлены только явные стилистические и орфографические ошибки.

В это время были [в]общем закончены торговые переговоры, которые германская торговая делегация вела в Москве с Советским правительством. Члены германской делегации отправились 20/21 декабря на Рождественские праздники в Германию. Только председатель герм[анской] делегации посланник Шнурре вернулся после праздников в Москву для подписи заключительного протокола.

В начале января 1941 года Шнурре докладывал Гитлеру о ходе переговоров, о достигнутых для Германии результатах и попросил Гитлера дать разрешение на освобождение контингентов железа, стали и металла, требуемых для поставок в СССР, согласно заключенного договора. Неожиданно для Шнурре Гитлер отказался под предлогом, что контингенты ему нужны для вооружения германской армии. Об этом Шнурре не поставил посольство официально в известность, а сообщил в секретном, частном письме Гильгеру, в заключение которого писал: «Я нередко опасаюсь за отношения между Германией и СССР».

Я знаю об этом потому, что Гильгер мне прочитал это письмо и заметил, что вся работа торговой делегации была напрасна. Посол Шуленбург, с которым я говорил об этом письме Шнурре, сказал, что переговоры служили ширмой для других намерений, так как глава правительства не может посылать делегацию в Москву для заключения торгового договора и немедленно после заключения отказываться в исполнении условий, тем более что Гитлер был постоянно информирован о ходе переговоров и заранее знал торговые требования Советского правительства и нужды германского вооружения. Из этого факта видно, что Гитлер уже тогда готовил войну против СССР и прикрывал приготовления.

В феврале 1941 г. г[осподин] Дасслер, президент государственного управления хлебозаготовки, вел в Москве переговоры с Советск[им] правительством и заключил договор о доставке $2^{1}/_{2}$ миллионов тонн зерна для Германии, что обеспечило бы питанием Германию до конца 1942 года. Дасслер уехал в Берлин для доклада, хотел опять приехать в Москву, но больше не вернулся.

Позже, в октябре 1941 г., я лечился в Карлсбаде, встретил там Дасслера, и мы беседовали о Москве. Я его спросил, какой смысл имели его переговоры в Москве, когда правительственные круги в Германии знали, что война подготавливается. Он ответил, что он сам тогда в серьезность военных приготовлений против СССР не верил, но после приезда из Москвы в Берлин и после доклада Гитлеру ему стало известно, что он служил ширмой прикрытия обмана против СССР.

Как уже показал, советник фон Вальтер, личный референт посла Шуленбурга, часто по поручению посла в месяцах апрель, май и начале июня 1941 г. ездил в Берлин.

В середине мая после приезда из Берлина я его лично просил, чтобы он мне под секретом откровенно сказал, что действительно значат все эти тревожные слухи и что будет с посольством на случай войны. Я тогда только выздоравливал от тяжелого воспаления легких и должен был по настоянию врача отправиться в отпуск и решить время отъезда. Вальтер сказал, что, по справкам, полученным из компетентных источников Мининдела, война с СССР неизбежна, об этом никому нельзя знать в посольстве, отпуск не получу, все сотрудники с семействами должны оставаться в Москве.

Я возражал, что теперь меньше дел в посольстве и надо разрешить обыкновенные отпуска и настаивать на отправке детей, потому что в случае от-

правки из Москвы большой состав посольства и дети составят большое бремя для транспорта.

Вальтер на это ответил, что Берлин не разрешит никаких отпусков, что посольство этим должно замаскировать предстоящую войну и, если нужно — стать жертвой войны.

Когда морской атташе фон Баумбах уже 14-го июня под видом служебной поездки отправился в Берлин и взял с собой весь личный состав и все свои вещи, я настаивал у посла Шуленбурга на эвакуации жен и детей. Шуленбург это отклонил и сказал, что он без приказа Берлина в этом вопросе ничего не может сделать. Лишь 18 июня прибыла телеграмма из Берлина с заданием эвакуировать жен и детей в Германию. В телеграмме было сказано, что если Советск[ое] правит[ельство] требует объяснения этих мер, посольство должно ответить, что Советск[ое] полпредство в Берлине уже отправляет жен и детей в СССР.

Последнее утверждение не отвечало действительности, позже при поездке через Турцию, в Константинополе мы узнали, что в советском транспорте из Германии, который прошел Турцию, находилось много жен и детей.

Как известно, Германия передала Советск[ому] Союзу неоконченный крейсер «Лютцов», которого окончательно в Ленинграде до начала войны вооружали 80 инженеров и монтеров герм[анской] фирмы «Демаг». Пушки для этого крейсера должны были быть доставлены Германией в Ленинград в конце января 1941 года. Несмотря на многократные настаивания Сов[етского] правительства и телеграфные требования посольства, пушки прибыли в Ленинград только за неделю до начала войны.

У посла Шуленбурга и у названных инженеров, которые с составом посольства вместе были отправлены в Турцию и с которыми посол беседовал насчет такой поздней доставки пушек, было единогласное мнение, что доставкой пушек Германия хотела лишь замаскировать начало нападения на СССР и для этой цели жертвовала пушками. Я присутствовал при разговоре посла с инженерами.

На вопрос наркома обороны о скоплении германских войск на западной границе Сов[етского] Союза военный атташе генерал Кэстринг по приказу германского правительства ответил, что германские войска, освобожденные после военных действий на Балканах, помещены в Польше и Вост[очной] Пруссии, на восточной границе Германии, лишь потому, что там для них лучшие условия питания и размещения и больше пространства для обучения, чем в других местах Германии.

После приезда в Берлин в конце июля 1941 г. Кэстринг меня пригласил к себе на квартиру на обед. Он жаловался, что бездействует, и Гитлер его не принял. При этом Кэстринг мне говорил, что ответ, который он от имени германского правительства передал Наркому обороны, был формальной ложью и имел только целью замазать глаза советскому правительству и отстранить его внимание от настоящих намерений Гитлера.

В августе месяце 1940 года приехал в Москву старший советник Германского государственного строительного управления, г[осподи]н Лисшман, чтобы по приказу Гитлера наметить план о постройке служебного здания германского посольства, жилых домов для сотрудников посольства, школы и т.д. Лисшман проработал в Москве со мной почти 14 дней. Мы составили численность и объем служебных помещений и частных помещений, вошли в контакт с Бюробиком и с архитекторами по реконструкции Москвы, и по решению

Моссовета германскому правительству были предоставлены в аренду на 60 лет 48 000 кв. метров строительного участка на набережной Москвы-реки.

План Гитлера намечал так называемый «немецкий городок» в большом масштабе. Начало работ было установлено для весны 1941 г., для переговоров с советской строительной организацией и транспортными учреждениями Лисшман хотел приехать в октябре 1940 года. После приезда в Берлин Лисшман составил подробный письменный доклад Гитлеру. О судьбе доклада посольство ничего не услышало; на многочисленные письменные и телеграфные запросы посольства, когда начнут строительные работы и переговоры с советскими организациями и какую справку давать Моссовету, Министерство иностранных дел только в феврале 1941 года ответило, что на время войны постройка посольских зданий отложена.

Стало ясно, что весь этот план имел цель замаскировать военные меры Германии потому, что условия и перспективы войны для Германии в 1940 г. не хуже были, чем в начале 1941 г. — наоборот, лучше. Этого мнения тоже был посол Шуленбург. Зимой 1941/[19]42 года я встретил в Берлине в здании Mининдела на Карлсбаде, дом № 8 советника Лисшмана и спросил его во время беседы о судьбе его доклада о постройках в Москве. Он ответил, что никакого решения [не] последовало, постарался получить сведения, в чем дело, и узнал, что план не имел никаких серьезных намерений, что его очень огорчило. Таким образом, Лисшман подтвердил мнение посольства, что план о постройке зданий посольства был создан для маскировки и служил ширмой для военных намерений Германии.

К этому прибавлю еще один факт, который заслуживает внимания. После военной операции в Польше полковник Кребс, — он же был раньше помощником военного атташе в Москве, — получил приказ вести переговоры с Совет[ским] правительством о создании советско-германской смешанной комиссии для составления новых границ между СССР и Германией и самому быть членом этой комиссии. Перед отправкой в Москву Кребс был у Гитлера для получения заданий для работы в Москве. Гитлер приказал ему при установке границы строго соблюдать все для Германии выгодные стратегические соображения, как выгодные пункты для военной операции, и, впрочем, пойти всем желаниям и требованиям советской стороны навстречу, ибо, — как прибавил Гитлер, — если Советское правительство не пошло бы мне навстречу и мне не удалось бы заключить дружеский договор с Советским Союзом, я был бы принужден весь польский вопрос положить в длинный ящик.

Об этой встрече и об этом разговоре с Гитлером Кребс рассказал в доме посла Шуленбурга в 1940 г. после завтрака в малом обществе в присутствии: Шуленбурга, фон Типпельскирх, Кэстринга, фон Вальтера, секретаря Греппнера[1] и в моем присутствии. Из слов Гитлера ясно, что:

1. заключенный в Москве советско-германский дружеский договор был для Гитлера предпосылкой для объявления войны Польше;

2. Гитлер уже после польских военных действий принимал меры, чтобы обеспечить военные операции против СССР.

* * *

Как Германия неосторожно вела свою внешнюю политику, об этом служит следующий факт.

---

[1] Так в документе, речь идет о немецком дипломате Хорсте Гроппере.

Когда в августе месяце 1939 года германское правительство предложило правительству СССР заключить дружеский договор между обеими странами и высказывало желание для этой цели послать Риббентропа в Москву для ведения переговоров. Посольство в Москве получило соответственную телеграмму за подписью Риббентропа с заданием снестись по этому вопросу с наркомом Молотовым.

В этой телеграмме было особенно подчеркнуто, чтобы посол Шуленбург в никаком случае не выдавал письменную заметку наркому Молотову, касающуюся предложения Германии. Такая короткая письменная заметка обычно передавалась при обсуждении каждого политического вопроса послом Наркому для ориентации Наркома.

В этом случае Риббентроп не хотел оставить никакого доказательства в руках сов[етского] правительства, если переговоры не привели бы к успеху. Я эту телеграмму читал в Политическом отделе посольства.

Эту подобную тактику провел Риббентроп по отношению польскогоИниндела Бека[1], когда Бек после заключения договора в Москве был приглашен в Берлин для обсуждения германских требований по отношению к Польскому коридору. Тогда Риббентроп Беку лишь быстро прочитал пункты германских требований и предложений к <нрзб> и на просьбу Бека дать ему эти требования в напечатанном или письменном виде Риббентроп резко это отклонил. Этот факт был изложен в записке Риббентропа о своей встрече и своем разговоре с Беком. Копию этой записки получило посольство для информации; я эту записку читал.

ИОГАНН ЛАМЛЯ

ЦА ФСБ России. К-512491. Л. 75—83. Подлинник. Рукопись. Автограф.

Посол Ганс Морат

№ 83
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА ПОСЛА Г. МОРАТА

25 июня 1945 г.
Берлин

Я, ст[арший] лейтенант Михеев, допросил задержанного

Морат Ганса Людвиговича, 1879 года рождения, уроженец Гайлингенгафена, немец, образование высшее юридическое, без определенных занятий. Проживал: г. Берлин, Вильменсдорф, Гюнцеловштрассе, дом № 54, 4-й этаж.

Вопрос: Расскажите подробно о своей трудовой деятельности?

Ответ: Я начал учиться с 1886 года, учился до 1900 года, окончил юридический университет. По окончании учебы поступил работать в гор. Гамбурге в качестве юриста суда и в адвокатуре работал до 1905 года.

В 1905 году поступил работать в Министерство иностранных дел Германии в качестве асессора торгового отдела, где работал до января м[еся]ца 1908 года.

---

[1] Речь идет о польском дипломате Юзефе Беке.

В 1908 году в январе м[еся]це я выехал в служебную командировку в Англию, гор. Лондон, в генеральное консульство в качестве вице-консула. В этой должности работал до августа м[еся]ца 1908 г., а затем меня отозвали обратно в гор. Берлин. В Берлине меня направили вице-консулом в Отдел международного права, [где] работал до 1910 года. В 1910 году мне было присвоено звание дипломатического советника и переведен в отделение по возвращению преступников, перешедших в другие государства, и отправлению преступников, перебежавших в Германию из других государств. В этой должности работал до 1913 года.

В октябре м[еся]це 1913 года я выехал в служебную командировку в Африку в гор. Марокко для организации консульства Германии, работал до 1914 года, ввиду возникшей войны Германии с Францией меня французы интернировали вместе со всем аппаратом консульства в лагерь гор. Оран, где находился до января месяца 1915 года, а затем был обменян на французского консула, который задержан в Германии.

В марте м[еся]це 1915 года меня направили в служебную командировку в Швецию в г. Гётеборг в качестве руководителя консульства Германии, работал в этой должности до сентября м[еся]ца 1915 года.

Из Швеции был направлен в служебную командировку в Голландию в гор. Маастрихт в должности руководителя консульства, работал до июля м[еся]ца 1919 года. В 1919 году я обратно возвратился в Швецию, гор. Стокгольм, в должности генерального консула; работал до января м[еся]ца 1920 года.

В 1920 году меня отозвали из служебной командировки в гор. Берлин и назначили референтом в Отдел кадров по реорганизации Министерства иностранных дел, работал до сентября м[еся]ца 1920 года. С сентября м[еся]ца я работал руководителем Отдела культуры Министерства иностранных дел Германии, в этой должности работал до осени 1921 г.

В 1921 году я был назначен послом в Таи[I] по налаживанию торговых отношений с Германией, работал в этой должности до осени 1922 г.

В ноябре м[еся]це 1922 г. был назначен уполномоченным от германского правительства при Контрольной комиссии по выполнению Версальского договора, работал до августа м[еся]ца 1924 года.

С 1924 г. до февраля м[еся]ца 1925 г. работал в Эстонии, г. Ревель, в качестве временно исполняющего обязанности посла. После этого был отозван в г. Берлин и назначен уполномоченным немецкого правительства по переговорам с Чехословакией о передаче 3-х участков железных дорог, принадлежавших Германии, а, согласно Версальскому договору, Германия должна была передать Чехословакии, работал до осени 1926 года.

С осени 1926 года был направлен в служебную командировку в Литву, гор. Каунас, в должности посла, работал до января м[еся]ца 1933 года. В 1933 г. был направлен в служебную командировку в Южную Америку, в Республику Уругвай в г. Монтевидео в качестве посла, работал до декабря м[еся]ца 1937 года, откуда был отозван в г. Берлин и назначен в качестве референта сельскохозяйственного отдела — Чехословакии, Болгарии, Венгрии, Греции

[I] Так в документе, согласно немецкому биографическому справочнику, посвященному сотрудникам МИД Германии, с сентября 1920 по 13 декабря 1922 г. Ганс Морат служил в IX отделе (Культура) МИДа Германии. См.: Biogaphisches Handbuch des deutschen Auswärtigen Dienstes. 1871—1945. Paderborn-München-Wien-Zürich. 2008. T. 3. S. 288—289.

и Югославии, работал до осени 1940 г., а затем меня перевели в отделение по сельскому хозяйству Южной Америки.

За время с 1937 г. до 1944 г. декабря м[еся]ца я бывал в случайных заграничных командировках. В 1940 г. в Греции г. Атен[I], как председатель комиссии по проверке выполнения торгового договора Германии с Грецией. В 1941, 1942, 1943 и 1944 годах ездил в Швейцарию в гости к своим друзьям по их приглашению и проживал при каждой поездке по 10—16 дней.

Поясняю, что я в 1931 г. в ноябре м[еся]це приезжал в гости к послу Германии — фон Дирксен в гор. Москву, где проживал 7 дней, а обратно из г. Москвы ехал через г. Ленинград , заезжал к генеральному консулу Германии — Цехлин[II], проживал у него 5—6 дней и возвратился на службу в г. Ковно в Литву.

На этом протокол допроса прерывается. Допрос произведен через переводчика Галич. Протокол допроса с моих слов записан правильно и мне прочитан через переводчика Галич.

МОРАТ

Переводчик:	В. ГАЛИЧ
Допросил:	ст[арший] лейт[енант] МИХЕЕВ
Читал:	воен[ный] прок[урор] гарнизона г. Берлин пол[ковни]к юстиции 11.7.[19]45. П. КОТНЕР

ЦА ФСБ России. П-5383. Л. 7—9. Подлинник. Рукопись. Автограф.

№ 84
ПРОДОЛЖЕНИЕ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА ПОСЛА Г. МОРАТА

26 июня 1945 г.
Берлин

Вопрос: Цель вашей командировки в Англию в 1908 году?

Ответ: В 1908 г. выехал в Англию в г. Лондон в распоряжение генерального консульства, где дали мне работу по установлению законных браков для немцев, проживающих в Англии.

Вопрос: Какой вы получили инструктаж перед отъездом в Англию и у кого?

Ответ: Инструкций никаких не получал ни от кого.

Вопрос: Для какой цели было создано отделение при Министерстве иностранных дел Германии по возвращению лиц, ушедших в другие страны?

Ответ: В 1910 году в Министерстве иностранных дел Германии было создано отделение по возвращению лиц, ушедших за границу, с целью того, что Бисмарк стал вести решительную борьбу с уголовными преступниками Германии, которые совершали преступления и скрывались в других государствах.

Вопрос: Как готовилась в дипломатическом отношении Германия к войне 1914—1918 годов?

Ответ: Германия в дипломатическом отношении к войне 1914—1918 г. подготовки никакой не вела.

[I] Так в документе, правильно — Афины.

[II] Речь идет о немецком дипломате Эрихе Цехлине.

Вопрос: С какой целью вы выезжали в Африку?

Ответ: Цель моей поездки в Африку в 1913 году было установление права и торговли в немецких колониях, находящихся в Марокко, с французами.

Вопрос: Какие вы собирали сведения в Марокко для подготовки войны 1914 г.?

Ответ: Я собирал сведения о восстаниях марокканцев против французов и преследованиях немцев в Марокко французами.

Вопрос: Каким путем вы собирали сведения о восстаниях марокканцев против французов?

Ответ: Сведения я собирал через лиц немецкой национальности, находящихся под защитой немецких законов в иностранных фирмах в Африке.

Вопрос: Для какой цели вы собирали такого рода сведения?

Ответ: Это собиралось для изучения отношения французов к населению колоний Марокко.

Вопрос: Когда вы находились в служебной командировке в Литве?

Ответ: В служебной командировке в Литве я находился с 1926 г. до января м[еся]ца 1933 года в качестве посла Германии.

Вопрос: Кем вы были посланы в служебную командировку в Литву и с какой целью?

Ответ: В Литву я был направлен бывшим президентом Германии — Гинденбургом и министром иностранных дел — Стреземан[I]. Цель командировки была для поддержания мирной политики Германии с Литвой, и чтобы Литва не попала под польское влияние.

Вопрос: Кто вас инструктировал при отъезде в Литву?

Ответ: При отъезде в Литву меня инструктировал государственный секретарь Шуберт.

Вопрос: Расскажите подробно содержание полученного вами инструктажа от Шуберта?

Ответ: Инструктаж мне был дан, чтобы проводить политику в Литве мирного порядка к Германии и чтобы Литва не попадала под польское влияние. Подробный инструктаж он мне не дал, но когда я приехал в Литву и стал принимать дела у посла Шротер, который мне заявил, каким путем и через кого можно проводить дружественную политику с Литвой Германии.

Вопрос: Расскажите подробно, как вас инструктировал Шротер о проведении мирной политики с Литвой и через кого?

Ответ: Всю подробную инструкцию получил по имеющимся материалам в посольстве о положении в Литве.

Вопрос: Какой штат был в посольстве в Литве?

Ответ: Немецкое посольство в Литве состояло из следующего штата: я был послом, моим заместителем был 1-й секретарь — Фройнт[II], после его отъезда — Саюр, а затем Генке, дипломатический атташе — Штольцман. Всего было обслуживающего персонала 12 человек.

Вопрос: Какая основная проводилась политика Германии в Литве?

[I] Так в документе, речь идет о немецком государственном деятеле Густаве Штреземане.

[II] Так в документе, речь идет о немецком дипломате Альфреде Фройндте.

Ответ: Основная политика Германии в Литве проводилась, чтобы с Литвой поддерживать дружеские взаимоотношения, чтобы Литва не подпадала под польское влияние и урегулирования Мемельского вопроса[60].

Вопрос: Каким путем вы урегулировали Мемельский конфликт, через кого и с какой целью?

Ответ: Согласно Версальского договора, Мемельская область оставалась независимой от Германии и Литвы. Но Литва Мемельскую область оккупировала в начале 1925 г. Литва это сделала потому, что боялась, что Польша опередит оккупацией Мемельской области. С этого времени возник конфликт между Литвой и Германией.

Вопрос: Каким путем был ликвидирован конфликт Германии с Литвой?

Ответ: Этот конфликт пытались ликвидировать путем дипломатического воздействия на президента Литвы Сметону, но так его [и] не ликвидировали.

Вопрос: Скажите, почему ставило немецкое правительство своей целью не дать возможности Литве сближаться с Польшей?

Ответ: Немецкое правительство это делало потому, что боялось объединения поляков с литовцами или уступок со стороны Литвы Польше, что Германия была разоружена после Версальского договора и боялась военного нападения со стороны поляков и литовцев.

Вопрос: Через кого это проводилось?

Ответ: Я это делал путем воздействия на президента Литвы — Сметону и министра иностранных дел — Вальдемарас[I].

Вопрос: Каким путем вы произвели воздействие на Сметону и Вальдемарас?

Ответ: Воздействовал я на Сметону и Вальдемарас путем его приглашения к себе в гости на обеды и ужины, а затем сделал скидку для литовцев на ... стоимости провоза животных в Германию, и заключили секретное торговое соглашение, о котором в прессе не писалось.

Вопрос: Под чьим влиянием Литва в 1929 г. отклонила польское дипломатическое соглашение?

Ответ: Влияние на Литву производил я через Сметону путем возбуждения вопроса о том, что поляки после войны 1914—1918 г. захватили г. Вильно и с ними нельзя возобновлять дипломатические взаимоотношения до тех пор, пока не возвратят литовцам Вильно.

Вопрос: Скажите, когда вы прибыли в Литву в качестве посла?

Ответ: Я прибыл в Литву в качестве посла Германии в октябре м[еся]це 1926 года.

Вопрос: Кто был в то время президентом в Литве и министром иностранных дел?

Ответ: Президентом в Литве был Гримюс[II], министром иностранных дел — Лезевичнус[III].

Вопрос: Когда было свергнуто литовское правительство, под чьим влиянием и кем?

[I] Так в документе, речь идет о литовском государственном деятеле Аугустинасе Вольдемарасе.

[II] Так в документе, речь идет о литовском политическом деятеле Казисе Гринюсе.

[III] Речь идет о литовском политическом деятеле Миколасе Слежявичусе.

Ответ: Гримюс в половине декабря 1926 г. был свергнут офицерским восстанием в Литве в г. Каунас, под чьим влиянием восстание произошло, не знаю. Руководили этим восстанием генералы: Жукавскас[I], Плехавичус и полковник Дауконстас.

Вопрос: Какое было влияние на это восстание немецкой дипломатии?

Ответ: Как мне известно, что немецкая дипломатия никакого участия в подготовке этого вопроса не принимала.

Вопрос: Какое влияние имела немецкая дипломатия на приход к власти Сметона после свержения Гримюс?

Ответ: Со стороны немецкой дипломатии и лично меня воздействий никаких не было на то, чтобы пришел к власти Сметона.

Вопрос: Каким путем вы получали сведения для информации о Литве, Польше и Советском Союзе?

Ответ: Все сведения для информации я получал о Литве у Сметона и Вальдемарас и позднее Заниус[II]. О Польше получал сведения через немецкого [посла] в г. Варшаве — Мольтке; о Советском Союзе получал сведения от посла Советского Союза — Александровского[III].

Вопрос: В каких взаимоотношениях вы были со Сметона и Александровским?

Ответ: Взаимоотношения у меня были со Сметона и Александровским близкие, мы часто собирались на квартире друг у друга под предлогом приглашений на обеды и ужины, где происходили разговоры на разные темы.

Вопрос: Когда и с какой целью вы ездили в Голландию?

Ответ: В Голландии я находился с 1915 г. до 1919 года в качестве консула по выявлению шпионов противника и предотвращению таковых перехода через границу Голландии в Германию и их обратном возвращении, а также следить за выдачей пропусков и паспортов для голландцев, выезжающих за границу. Для этой цели я имел агентов 10 человек.

Вопрос: Каким путем вы вербовали агентуру в Голландии?

Ответ: Вербовал я их добровольно, не применяя никаких компрометирующих материалов. В большинстве вербовал путем подкупа через наводчиков, голландских немцев.

Вопрос: С какой целью вы приезжали в г. Москву, а затем поехали в Ленинград в ноябре м[еся]це 1931 г.?

Ответ: В Москву и Ленинград ездил в гости к послам, которые меня пригласили.

Вопрос: С какой целью вы ездили в Швейцарию с начала войны Германии с СССР?

Ответ: Я ездил без всякой цели по приглашению своих товарищей, проживающих в Швейцарии: в г. Люцерн — Финклер Дитмар, бывший английский банкир в г. Лондон, второй проживал в г. Давос — Ньюдорж, работал в Швейцарии сборщиком ценных книг.

Вопрос: Скажите, какую политику проводило немецкое правительство в Балканских странах?

Ответ: Я по этому вопросу показать ничего не могу, так как ничего не знаю.

[I] Так в документе, возможно, речь идет о литовском государственном деятеле Каролисе Жалкаускасе.

[II] Речь идет о литовском государственном деятеле Довасе Заниусе.

[III] Речь идет о советском дипломате Сергее Сергевиче Александровском.

Протокол допроса с моих слов записан правильно и мне прочитан через переводчика Галич.

МОРАТ

Переводчик: В. ГАЛИЧ

Допросил: ст[арший] лейт[енант] МИХЕЕВ

Читал: воен[ный] прок[урор] гарнизона г. Берлин пол[ковни]к юстиции 11.7.[19]45. П. КОТНЕР

ЦА ФСБ России. П-5383. Л. 12об—15. Подлинник. Рукопись. Автограф.

№ 85
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА Г. МОРАТА

23 августа 1945 г.
Берлин

Я, ст[арший] следователь Берлинского оперсектора НКВД СССР капитан Королев, через переводчика Демидову допросил обвиняемого Морат Ганса, 1879 года рождения.

Вопрос: Интересовалось ли Министерство иностранных дел у своих консулов взаимоотношением иностранных государств к Советскому Союзу?

Ответ: По вопросу, в какой степени интересовалось Министерство иностранных дел отношением других государств к Советскому Союзу, мне не известно. С 1938 года по 1940 год я работал в Экономическом отделе Министерства иностранных дел и руководил рефератом; в обслуживание мое входили: Венгрия, Чехословакия, Болгария, Югославия и Греция.

Вопрос: Какими конкретно вопросами экономического порядка занимался ваш реферат?

Ответ: В тот период времени, т.е. с 1938 по 1940 года, когда я был руководителем реферата по перечисленным выше государствам, политика германского правительства была на сближение экономических связей путем заключения с ними торговых договоров и соглашений.

С 1940 года по 1944 год я работал в этом же отделе, только обслуживал Южную Америку, в мое подчинение входило 16 отдельных государств: Аргентина, Уругвай, Бразилия, Венесуэла, Чили, Перу, Боливия, Эквадор, Колумбия, Парагвай, Панама, Гондурас, Никарагуа, <нрзб> и Коста-Рика.

Работа по перечисленным выше государствам Южной Америки моего реферата была аналогичной, — заключение торговых договоров на вывоз продукции из данных государств. Особенный упор делался на вывоз промышленного сырья, руды и цветные металлы.

Положение резко изменилось с началом войны Германии с Советским Союзом, и особенно в странах, подвергшихся оккупации со стороны немецких войск. Торговые соглашения тогда уже не заключались, действовали приказным порядком, и вывоз сырья, а также продуктов питания из оккупированных стран повысился. Ввоза в оккупированные районы из Германии не было, не считаясь с населением данных стран, в результате чего население голодало. В качестве примера приведу Грецию.

Для обеспечения населения Греции ежедневно ввозилось зерновой продукции 36 тыс. тонн. С началом войны этого ввоза Греция ниоткуда не по-

лучала, кроме этого, хозяйство Греции сильно пострадало от военных действий. Германия тоже ничего не давала, в результате греческий народ терпел голод.

Германия из Греции стала вывозить хромовую руду. Такое же положение было и в других оккупированных странах, но о более конкретных фактах вывоза продуктов питания и сырья из других стран мне неизвестно. Мне, например, известны некоторые политические комбинации Министерства иностранных дел Германии и, в частности, Риббентропа.

Вопрос: Приведите конкретные факты политических комбинаций министра иностранных дел Германии Риббентропа?

Ответ: По Версальскому договору пользоваться Данцигским коридором Германия была лишена. В 1939 году Германия захотела вернуть Польский коридор себе, но поставила вопрос перед Польшей не о захвате всего коридора с Данцигом, а только о пользовании железной дорогой.

Узнав об этом, английское и французское правительство прислали к Риббентропу своих представителей с тем, чтобы заручиться документом, в котором бы говорилось о занятии Германией только железной дороги, проходившей по коридору. Риббентроп такого документа не дал, сказав им свое мнение о занятии железной дороги, а впоследствии объявили войну Польше.

Примерно в это же время у Розенберга возникла мысль — идея отторгнуть от Советского Союза Украину. Но считали, что Советский Союз Украину не отдаст без войны, поэтому с конца 1940 года — 1941 год стали проводить парады войск, стягивать войска к восточным границам. Среди населения Германии проводилась пропаганда о том, что, якобы, Советский Союз готовится к войне против Германии.

За несколько времени до нападения Германии на Советский Союз посол Германии в Москве граф Шуленбург из каких-то источников узнал, что Германия намерена напасть на Россию, прилетел в Берлин, имел с Гитлером беседу, предупреждая его, чтобы он не делал нападения на Россию. Гитлер Шуленбургу ответил: «Вопрос решен, Германия будет воевать с Россией», — и через некоторый период времени действительно Германия напала на Советский Союз.

Должен сказать, что таким быстрым изменениям в политике германского правительства к Советскому Союзу после заключенного договора о ненападении населением Германии было воспринято с непониманием.

Вопрос: В чем выражалась ваша взаимосвязь в работе с Зюринг Отто?

Ответ: С Зюрингом Отто никакой связи в работе не было, мы с ним работали в разных отделах с разными направлениями. Зюринга я знаю только как работника Министерства иностранных дел.

Протокол с моих слов записан верно и мне через переводчика прочитан, в чем и расписываюсь.

МОРАТ

Допрос перевела: К. ДЕМИДОВА

Допросил: ст[арший] следователь Берлинского оперсектора НКВД СССР капитан КОРОЛЕВ

ЦА ФСБ России. П-5383. Л. 25—27. Подлинник. Рукопись. Автограф.

Советник посольства Антон Морманн

№ 86
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА СОВЕТНИКА ПОСОЛЬСТВА А. МОРМАННА

26 февраля 1945 г.
Москва

Морман А., 1897 года рождения, уроженец Ипенбюрена (провинция Вестфалия), сын торговца, немец, германский подданный, член национал-социалистической партии с 1943 года, с высшим юридическим образованием, бывший поверенный в делах германского посольства в Болгарии.

Вопрос: С какого времени вы являетесь дипломатическим работником?

Ответ: С 1925 года.

Вопрос: Какие служебные посты вы занимали за этот период времени?

Ответ: В 1925 году я работал в качестве атташе в германском Министерстве иностранных дел. В 1926 году я окончил дипломатические курсы, в начале 1927 года являлся атташе в Бухаресте, а в конце того же года был выдвинут на должность секретаря германского посольства при Ватикане и уехал в Италию, где пробыл до 1930 года. С 1930 по 1933 года работал секретарем германского посольства в Мадриде, а с 1933 по 1936 год — первым секретарем германского посольства в Каунасе.

С 1937 по 1940 года я вновь работал в Министерстве иностранных дел в Берлине в качестве советника Политического отдела министерства по вопросам Италии, Венгрии, Греции, Болгарии и Румынии. С февраля-марта 1940 года и до последнего времени я был заместителем германского посла в Софии.

Вопрос: Кто вас назначил на эту должность?

Ответ: Начальник отдела кадров Министерства иностранных дел Шредер.

Вопрос: Какие задачи поставил перед вами Шредер при назначении вас в Софию?

Ответ: Никаких конкретных задач Шредер передо мной не поставил. Он сказал, что установку и указания о моей конкретной практической работе я получу в Софии от германского посла в Болгарии фон Рихтгофена.

Я заходил перед отъездом к начальнику Политического отдела министерства Верману, а затем к начальнику реферата «Италия и Юго-Восток» Хайнбургу[1] и беседовал с ними. Однако как первый, так и второй никаких конкретных указаний мне не дали, а лишь заявили, что политическая обстановка в Болгарии для Германии благоприятная и я не буду иметь особых трудностей в работе.

Вопрос: По приезде в Софию посол Рихтгофен информировал вас о политической обстановке в Болгарии?

Ответ: Информировал. Однако его информация, вопреки моим ожиданиям, почти не отличалась от той информации, которая была мне известна по работе в Берлине.

Рихтгофен в беседе сообщил мне, что политическая обстановка в Болгарии благоприятная для Германии. С Болгарией заключен ряд торговых и

[1] Речь идет о немецком дипломате Курте Хайнбурге.

хозяйственных соглашений. Между посольством и болгарским Министерством иностранных дел налажены неплохие отношения.

Основным недостатком в работе посольства, как заявил мне тогда Рихтгофен, является то обстоятельство, что болгарская пресса не совсем доброжелательно относится к немцам. В своих печатных изданиях и радиопередачах болгары помещают много французского и английского информационного и пропагандистского материла, но мало германского.

Такое положение, сказал Рихтгофен, не выгодно для нас, ибо почти все политические и военные события в Европе болгарскому народу преподносятся не в угодном для нас, немцев, духе, в результате чего влияние германской пропаганды на болгарский народ недостаточно.

Кроме того, болгарские власти, в частности Министерство внутренних дел и Министерство торговли, сильно препятствуют немцам, проживающим в Болгарии, заниматься торговлей, организовывать свои предприятия и работать на болгарских предприятиях.

Вопрос: Какие задачи поставил перед вами Рихтгофен?

Ответ: Никаких конкретных задач Рихтгофен передо мной не поставил. Он предложил лишь мне в процессе работы добиться устранения тех препятствий, которые болгарские власти учиняют по отношению к немцам, проживающим в Болгарии.

Вопрос: Что же в таком случае входило в ваши обязанности как заместителя германского посла в Болгарии?

Ответ: Прежде всего, я замещал посла во время его отсутствия. В то время как посол поддерживал сношения с членами болгарского правительства, а позднее с Регентским советом, я поддерживал сношения с руководителями отделов болгарского Министерства иностранных дел, с которыми по указанию посла вел те или иные переговоры. Я поддерживал также отношения с посольствами других государств.

Я составлял политические донесения в Министерство иностранных дел о заседаниях болгарского правительства, тронных речах, выступлении болгарских министров и депутатах, сменах в правительстве, изменениях в составе дипломатического корпуса и другим подобным вопросам.

Я занимался также паспортными делами и визами, а также вопросами оформления актов гражданского состояния немцев, проживающих в Болгарии (венчание, смерть, распределение наследства, суды), устройством и организацией солдатских кладбищ.

Осуществлял контроль за работой чиновников посольства (административные и персональные дела, заключение договоров при найме работников).

Кроме того, мне приходилось много заниматься разрешением вопросов, связанных с финансированием болгарским правительством германских войск, находящихся в Болгарии, и македонских рудников, а также контролем за ходом выселения греков из Фракии в Грецию и сербов из Болгарии в Македонию. Эти мероприятия проводились болгарскими властями.

Вопрос: Известно, что германское правительство с целью осуществления своих захватнических планов использовало Болгарию в интересах войны. Рассказывайте об этом.

Ответ: Я не отрицаю, что германское правительство оказывало огромное влияние на болгарское правительство, в результате которого вся внешняя и подчас внутренняя политика Болгарии проводилась в угодном для немцев направлении.

Все это было достигнуто еще задолго до начала военных действий против Советского Союза, так как Гитлером была поставлена задача укрепить германские позиции на Балканах, где, в частности, была поставлена задача достигнуть тесного сотрудничества с Болгарией.

Вопрос: Почему было необходимо это сотрудничество с Болгарией?

Ответ: Болгария для Германии имела большое значение в стратегическом отношении. Германское Верховное командование имело в виду создать на территории Болгарии опорный пункт на Балканах. Кроме того, Болгария была поставщиком важного стратегического сырья и сельскохозяйственных продуктов.

Далее, сотрудничество с болгарами было особенно необходимо в целях использования территории Болгарии для прохода германских вооруженных сил в Грецию и Югославию.

Во время войны с Советским Союзом Болгария представила собой чрезвычайно важный фактор к моменту боев на Крымском полуострове, и позднее в ходе отступления германских войск к болгарской границе. В этот период времени болгарское правительство предоставило в распоряжение германского командования свои железные дороги, порты, корабли.

Вопрос: Каким конкретно путем Германии удалось добиться сотрудничества с болгарским правительством и использовать территорию Болгарии в интересах осуществления своих захватнических планов?

Ответ: Насколько мне известно, особых трудов склонить болгарское правительство на сотрудничество с немцами не было. Болгарский царь Борис и его министры, как из правительства Филова, так и из правительства Божилова, сами были все настроены профашистски и являлись сторонниками сотрудничества с немцами.

Поворотным моментом в деле упрочения дружеских отношений между Болгарией и Германией являлось, конечно, присоединение Болгарии к Тройственному пакту.

Вопрос: Какие мероприятия были проведены германским правительством для удержания Болгарии на стороне Германии?

Ответ: Вскоре после присоединения Болгарии к Тройственному пакту германским правительством был заключен ряд секретных договоров с Болгарией, по которым Германия дала возможность Болгарии приобрести ряд территорий, а Германия, в свою очередь, получила в результате этих договоров ряд преимуществ для осуществления своих военных планов.

Вопрос: Подробно расскажите об этом.

Ответ: Германия передала Болгарии Македонию и Фракию, оккупированные в то время германскими войсками. За это болгарское правительство предоставило Германии право беспрепятственного прохода германских войск через Болгарию, что нашему Верховному командованию было необходимо для ведения военных действий против Греции и Югославии.

Не имея возможности провести свои войска через территорию Болгарии к границам Греции и Югославии, германское командование не смогло бы так быстро сломить сопротивление югославского и греческого народов и осуществить свои военные планы.

К тому же впоследствии германские войска, находящиеся в Македонии и Фракии, были заменены болгарскими частями, что дало возможность нашему военному командованию несколько освободившихся немецких дивизий послать на Восточный фронт.

Болгария предоставила также в распоряжение немцев все свои порты, железнодорожный транспорт, аэродромы, суда и оборонительные сооружения на границах с Грецией и Югославией.

На основании других секретных договоров Болгария передала в эксплуатацию немцам все хромовые рудники в Македонии; оплачивала полностью все расходы на содержание находившихся германских войск в Македонии и Фракии, в то время как содержание германских войск на остальной части Болгарии оплачивалось германским правительством на основе клиринга. Кроме того, был заключен договор о судопроизводстве, в результате которого германские войска, находившиеся в Болгарии, получили экстерриториальность.

Впоследствии был заключен ряд выгодных для Германии торговых договоров. Согласно этим договорам почти 75 % болгарского экспорта направлялось в Германию. Имелся также договор об отправке в Германию из Болгарии рабочей силы.

Должен сказать, что в переговорах по заключению всех указанных договоров, за исключением последнего, я участия не принимал. Заключением секретных договоров занимались специальные комиссии, а торговых соглашений — торговые представители обоих сторон.

Что касается переговоров об отправке в Германию болгарской рабочей силы, то в них я принимал непосредственное участие совместно с болгарским министром торговли Загоровым (а позднее Захарьевым), в функции которого входило разрешение подобных вопросов, и договаривался с ним о необходимом количестве рабочих для отправки в Германию.

Всего таким путем по моей договоренности с болгарскими министрами в Германию было отправлено несколько тысяч болгарских граждан.

Вопрос: Что было предпринято германским правительством для укрепления своего влияния на Балканах, и в частности в Болгарии, в период войны с Советским Союзом?

Ответ: Перед началом военных действий с Советским Союзом почти во всех балканских странах германское правительство заменило своих послов, поставив на их место отъявленных фашистов, пользовавшихся большим доверием Гитлера и Риббентропа.

В Румынию был направлен Киллингер, в Венгрию — фон Ягов, в Словакию — Людин, в Хорватию — Каше. В Болгарию прибыл Беккерле, старый член национал-социалистической партии, СА-обергруппенфюрер, являвшийся до этого президентом полиции во Франкфурте-на-Майне.

Болгарии было предоставлено большое количество всевозможного вооружения. Поставки вооружения начались еще перед войной с Советским Союзом, но, главным образом, оно доставлялось в период войны. Усиленные поставки вооружения производились с целью максимального укрепления болгарской армии для борьбы с противниками Германии, в том числе, если это окажется возможным, против Советского Союза.

Германское правительство стало усиленно принимать меры к тому, чтобы Болгария порвала всякие отношения с Советским Союзом. Меры эти принимались как самим Министерством иностранных дел, в частности, Гитлер и Риббентроп неоднократно говорили об этом царю Борису и его министрам во время их посещения Берлина, так и по линии посольства.

Например, когда Советский Союз прислал Болгарии ноту протеста против нарушения болгарами нейтралитета, Риббентроп прислал Беккерле телеграмму с предложением пойти в болгарское правительство и потребовать

от него использовать этот момент, на ноту не отвечать и порвать отношения с СССР. Однако болгарское правительство на предложение немцев не согласилось и продолжало поддерживать отношения с Советским Союзом.

Следует заметить, что еще ранее МИД потребовало от посольства добиться закрытия советского консульства в Варне. Следуя этому указанию, Беккерле неоднократно вступал в переговоры с членами болгарского правительства и предлагал им закрыть указанное консульство.

В переговорах о закрытии консульства участвовал также и я. Для этой цели я посещал генерального секретаря болгарского МИД Жисманова и доказывал ему необходимость закрытия консульства в Варне. В результате консульство было закрыто, а в дальнейшем, когда Советский Союз потребовал вновь открыть указанное консульство, Беккерле настаивал перед болгарами не давать разрешения на это.

Определенная работа в Болгарии во время войны Германии с СССР была проделана посольством также в области пропаганды. Как я уже показал в начале допроса, болгарская пресса и радио не совсем доброжелательно относилась к распространению немецкого пропагандистского материала, и, несмотря на усилия посольства, желаемых результатов мы все же не достигли. Поэтому посольство для распространения пропагандистского материала использовало болгарские профашистски настроенные партии и организации.

В частности Гарбен распространял свои листовки и брошюры через болгарских «ратников» и «легионеров», кроме того, подчинявшийся МИД «Антикоминтерн»[I] организовал в Софии свой филиал, который самостоятельно, независимо от посольства, распространял в Болгарии антисоветский материал.

В 1943 году, с целью подорвать авторитет Советского Союза, по распоряжению руководителя «Антикоминтерна» в Берлине Тауберта[II], в Софии была организована антисоветская выставка. От посольства всей работой по организации выставки занимался атташе прессы доктор Берге и атташе культуры доктор Гарбен.

Вопрос: Но не малую роль в организации этой выставки играли и вы?

Ответ: Нет, я к выставке никакого отношения не имел. К выставке имел отношение посол Беккерле. Он вел переговоры с болгарским правительством, чтобы последнее дало разрешение на организацию выставки. От болгарского правительства отвечал министр внутренних дел Габровский.

Должен сказать, что желаемых результатов от антисоветской выставки мы не достигли. Выставка в болгарском народе успеха не имела, и поколебать авторитет Советского Союза в болгарском народе нам не удалось.

Вопрос: Выше вы показали, что вам приходилось много заниматься разрешением вопросов, связанных с финансированием болгарским правительством германских войск, находившихся в Болгарии. Расскажите об этом подробнее.

Ответ: Согласно имевшемуся между германским и болгарским правительствами договору, Болгария оплачивала все расходы за содержание германских оккупационных войск в Македонии и Фракии.

В связи с этим главный интендант указанной группы войск периодически представлял в посольство бюджет. На основании его отчета я составлял

[I] Морманн ошибается, «Антикоминтерн», ранее входивший в Министерство просвещения и пропаганды, перешел в подчинение внешнеполитического управления НСДАП, т.е. стал не государственной, а партийной структурой.

[II] Речь идет о немецком чиновнике Эберхарде Тауберте.

ноту с требованием оплатить указанную сумму и передавал ее болгарскому Министерству иностранных дел. При этом моей обязанностью также было урегулировать все возникавшие в связи с оплатой между германским и болгарским правительствами споры.

Вопрос: На какой почве возникали эти споры?

Ответ: В договоре об оплате болгарским правительством всех расходов на содержание германских войск в Македонии и Фракии не была установлена конкретная сумма, которую болгары будут выплачивать.

В связи с этим каждый раз, когда я представлял болгарам ноту об оплате, болгары высказывали недовольство тем, что суммы, которые мы требовали оплатить, были слишком большими. Старались проверить, действительно ли такая сумма нами истрачена, и постоянно затягивали оплату. Поэтому по поручению посла мне приходилось вступать в переговоры с Жисмановым и совместно с интендантом доказывать, что сумма, израсходованная на содержание немецких войск, правильная и ее надо оплатить.

Вопрос: Вы не рассказали о тех насилиях над населением Болгарии, которые учиняли немцы с целью осуществления своих захватнических военных планов?

Ответ: По этому вопросу мне известны только действия наших властей по отношению к болгарским евреям. Посольством было получено указание из Берлина добиться от болгарского правительства согласия на выселение из Македонии и, кажется, из Фракии, всех евреев. Беккерле договорился с болгарским Министерством иностранных дел, заручился согласием болгарского правительства, и все евреи, примерно тысяч 10, были выселены.

Вопрос: Насильственным порядком?

Ответ: Да, выселение происходило насильственным путем.

Вопрос: Куда были выселены все эти люди?

Ответ: В Польшу.

Вопрос: Какая цель преследовалась при этом?

Ответ: Выселение евреев проводилось под видом отправки их на работу в Польшу, однако какова была их дальнейшая судьба, мне неизвестно.

Вопрос: Кто руководил выселением?

Ответ: Для производства выселения из Берлина из Главного управления СС в Софию приезжал специальный уполномоченный СС — Даннекер, который и руководил всей этой операцией.

Вопрос: Еще какие акты насилия были учинены немцами над мирными гражданами Болгарии?

Ответ: Других фактов насилия я не знаю.

Вопрос: Вы не все рассказали о своей практической деятельности как заместителя германского посла в Болгарии.

Ответ: Я рассказал все. Больше добавить к своим показаниям ничего не имею.

Протокол допроса с моих слов написан верно, мне переведен на немецкий язык[1].

МОРМАН

Перевел: оперуполн[омоченный] 2 отдела Гл[авного] управления «Смерш» [НКО СССР] капитан КОПЕЛЯНСКИЙ

ЦА ФСБ России. Н-20805. Л. 16—25. Заверенная машинописная копия.

[1] Фраза написана от руки фиолетовыми чернилами.

№ 87
СОБСТВЕННОРУЧНЫЕ ПОКАЗАНИЯ СОВЕТНИКА ПОСОЛЬСТВА А. МОРМАННА

18 апреля 1945 г.
Москва

Перевод с немецкого

Вопрос: Посредством каких договоров было достигнуто сотрудничество Германии с Болгарией с 1941 года?

Во-первых, присоединение Болгарии к «Тройственному пакту» 1.III.[19]41 года. Основные переговоры велись королем Борисом с Гитлером в Германии в начале 1941 года. Вначале они не привели к положительным результатам, т.к. король колебался, главным образом, из-за представлений Советского Союза. Его сомнения были усилены посещением посла СССР — Соболева, генерального секретаря в Софии. Вследствие этого Риббентроп поручил посольству настоять на том, чтобы Болгария дала свое согласие примкнуть к «Тройственному пакту».

Посол Рихтгофен после ряда демаршей министру иностранных дел Попову настоятельно потребовал согласия. Конечно, во время переговоров с Гитлером Борису должны были гарантировать поддержку его правительственных мероприятий на случай беспорядков. Но как подробно велись эти переговоры, мне неизвестно. После демаршей Рихтгофена Болгария наконец дала свое согласие. Я лично не принимал никакого участия в этих переговорах.

Во вторых, объединение Германии с Болгарией стало необходимо в связи с возникновением в 1941 году вопроса о переходе немецкой армии через территорию Болгарии в Грецию. Переговоры об этом велись без участия посольства, насколько мне известно, со стороны Болгарии исчезли какие-либо колебания, когда ей гарантировали удовлетворение ее претензий на Фракию и Македонию.

Для этой цели Болгария предоставила в распоряжение Германии железные дороги, аэродромы и порты. Для облегчения перехода войск было заключено три тайных договора, которые были подписаны Филовым и Рихтгофеном. Договора разрабатывались специальными комиссиями. Я не принимал в этом участия.

Первый пункт касается финансирования немецкой армии, болгарское правительство обязалось обеспечить требование немецкой армии в собственно Болгарии, насколько это позволит финансовое положение в стране. Все затраты должны выплачиваться Болгарии по клирингу. Все затраты на армию в Македонии и Фракии Болгария брала на себя.

Второе соглашение предусматривало пользование Германией во время войны рудниками в Македонии и Фракии.

Последнее соглашение касалось судопроизводства над немецкими войсками в Болгарии, после чего немецкая армия стала экстерриториальной и не подлежала болгарскому судопроизводству.

Все эти соглашения, конечно, опубликованы не были.

После этого интендант немецкой армии должен был каждую четверть года подавать в Военное министерство смету для контроля и разрешения (смету передавали в посольство, посольство передавало ее в Министерство иностранных дел, а оно дальше — в Военное министерство). Закупки для немецкой армии производились не на открытом рынке, а через организованные для этого болгарским Военным министерством центральные организации для специального снабжения.

Соглашение о финансировании немецкой армии было с течением времени модифицировано через переговоры между военными организациями без участия посольства.

Во избежание недоразумений, болгарским властям было дано право контролировать немецкие военные транспорты и проезжающих лиц, принадлежащих армии, в том числе и офицеров.

3. В несколько непосредственной связи с перечисленными выше договорами находится также (благодаря немецкому вмешательству) заключенный в 1941 году договор «Крайова» (между Венгрией и Румынией), по которому Болгария получила обратно Южную Добруджу. Возможно, что Румынии за это была обещана Бессарабия, однако точно мне это неизвестно, т.к. посольство не занималось этим вопросом.

4. В области хозяйства каждые полгода договаривались о контингенте (с обеих сторон) поступающих товаров. Переговоры велись немецкими и болгарскими комитетами по хозяйственным вопросам. От посольства в этих переговорах участвовали торговые атташе. Около 65—70 % болгарского экспорта шло в Германию, которая в соответствии с этим принимала участие в ее импорте. Во время этих хозяйственных переговоров определялся также контингент болгарской рабочей силы для Германии (если об этом уже не договорился я от имени посольства с министром торговли).

5. Подписанный в 1942 году культурный договор определил отношения между Болгарией и Германией в области культуры. Переговоры велись со стороны Германии присланной из Берлина делегацией. От посольства в этих переговорах принимал участие бывший референт по культуре профессор Кох.

6. В области юстиции в 1943 году было подписано три договора о периодической помощи в гражданских и уголовных делах. Переговоры вели эксперты, присланные из Берлина. Посольство не принимало в этом участия.

МОРМАН

Перевел: оперуполномоченный 2 отдела 3 Гл[авного] управления капитан КОПЕЛЯНСКИЙ

ЦА ФСБ России. Н-20805. Л. 172—174. Заверенная машинописная копия.

№ 88
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА СОВЕТНИКА ПОСОЛЬСТВА А. МОРМАННА

13 января 1948 г.
Москва

Морман Антон, 1897 года рождения, уроженец Ипенбюрена (Германия), член НСДАП, б[ывший] сотрудник Министерства иностранных дел Германии с 1925 года.

Вопрос: Следствием установлено, что, находясь на дипломатической службе в Болгарии, вы были доверенным лицом германского посла в Болгарии, сначала Рихтгофена, а затем Беккерле. Признаете ли это?

Ответ: Я являлся заместителем германского посла и, разумеется, сотрудничал с послом по всем вопросам германской политики в Болгарии. Как Рихтгофен, так и Беккерле не скрывали от меня ничего существенного и важного, и я пользовался их политическим доверием.

Вопрос: Беккерле продвигал вас по службе?

Ответ: Да, при его посредстве я получил дипломатическое звание советника 1-го класса. Он же помог мне при вступлении в национал-социалистическую партию. При этом хочу заметить, что я добивался приема в национал-социалистическую партию, главным образом, с целью продвижения по службе.

Вопрос: После вступления в германскую фашистскую партию вы выполняли какие-либо партийные поручения?

Ответ: Два раза в отсутствие Беккерле я замещал его во время германских фашистских праздников и выступал с краткими речами перед немецкой колонией. В остальном я был рядовым членом национал-социалистической партии и особых поручений не выполнял.

Вопрос: Известно, что вы были награждены Гитлером за верную службу фашистам Германии. Показывайте об этом.

Ответ: Я действительно был награжден Гитлером серебряной медалью за 25-летнюю службу.

Вопрос: Таким образом, вы признаете, что служили верой и правдой Гитлеру и являлись проводников гитлеровской внешней политики?

Ответ: Я не отрицаю, что, являясь заместителем германского посла в Болгарии, был в курсе всех политических мероприятий посольства и активно участвовал в практическом проведении гитлеровской внешней политики.

По роду своей работы я сносился со всеми болгарскими министерствами и иностранными представительствами в Софии, составляя политические доклады для германского Министерства иностранных дел, и, по существу, был более глубоко осведомлен о положении в Болгарии, нежели сам посол, в частности Беккерле.

Вопрос: Выше вы показали, что были в курсе всех политических мероприятий германского посольства в Болгарии. Следовательно, вы были также в курсе шпионской работы немцев в Болгарии?

Ответ: Мне было, разумеется, известно, что немецкие разведывательные органы в Болгарии проводили активную шпионскую работу. Я сам регулярно встречался с начальником «Абверштелле-София» доктором Делиус и получал от него разведывательную информацию.

Кроме того, разведывательные данные поступали ко мне от представителей СД в Болгарии, работавших под прикрытием должности атташе полиции. Таковыми являлись до сентября 1941 года Панцингер, затем до начала 1943 года — Виппер и, в последнее время Гофман.

Я был в тесном контакте с указанными лицами, и полученный от них материал использовал как в текущей работе, так и для политической информации Министерства иностранных дел Германии.

Вопрос: Вы умолчали о так называемой «разведке Риббентропа», которая, по имеющимся данным, также активно действовала в Болгарии?

Ответ: Дипломатическая разведка, или «служба Генке» (по имени ее руководителя статс-секретаря Генке), действовала в Болгарии под прикрытием германского посольства. До 1942 года ею руководила женщина Фридрих, числившаяся секретарем посла Беккерле, затем, после отъезда Фридрих в Германию, руководство перешло к атташе культуры Гарбен.

Насколько я знаю, однако, «служба Генке» была инструментом Риббентропа для контроля за деятельностью официальных германских представителей за границей. Во всяком случае, я никаких материалов от резидентов этой службы в Болгарии не получал.

Вопрос: Адъютант Беккерле — Бирман был причастен к «разведке Риббентропа»?

Ответ: Я это не знаю.

Вопрос: Назовите известную вам агентуру германских разведывательных органов на территории Болгарии.

Ответ: Германская разведывательная агентура в Болгарии мне неизвестна.

Вопрос: Перечислите ваши личные, наиболее близкие связи в Болгарии.

Ответ: Я являлся членом правления дипломатического клуба в Софии и был хорошо знаком с большинством иностранных дипломатов в Болгарии.

Наиболее дружеские взаимоотношения я поддерживал, однако, с советником итальянского посольства Данио, с которым часто встречался и занимался спортом.

Из числа болгар я наиболее часто виделся вне официальной обстановки с статс-секретарем, затем министром иностранных дел Шисмановым, генеральным секретарем протокольного отдела МИДа Каранджуловым, начальником политического отдела МИДа Алтыновым и начальником консульского отдела МИДа Пецевым.

Что касается политических настроений указанных мною болгарских чиновников, то следует сказать, что все они, за исключением Алтынова, были настроены явно прогитлеровски.

В Софии я также часто встречался с представителем Ватикана апостольским делегатом Маццоли, с которым меня связывала моя давняя принадлежность к католическим кругам и служба в германском посольстве в Ватикане с 1927 по 1931 год.

В основном я перечислил всех моих наиболее близких знакомых в Болгарии.

Вопрос: Вам предъявляется переписка, которую вы вели с Эльдой Америго, проживавшей в Риме. Кто такая Эльда Америго и какой характер носила ваша связь с ней?

Ответ: Эльда Америго — моя любовница, с которой я сожительствовал с 1927 по 1944 год[61]. Я испрашивал разрешения германского МИДа на брак с ней, в чем мне было отказано в связи с ее итальянским подданством.

14 января 1944 года, в связи с бомбардировками Софии, а также по настоянию Беккерле, считавшего, что дальнейшее сожительство мое с Америго может меня скомпрометировать, я отправил ее в Рим.

Вопрос: Вам предъявляется также письмо на имя некого Рикман. Покажите о вашей связи с ним.

Ответ: Рикман являлся во время войны германским консулом в гор. Берн (Швейцария). Так как я с ним хорошо знаком по службе в германском МИДе, то я покупал и посылал в Швейцарию некоторые вещи для него и его семьи.

Вопрос: С кем еще вы вели переписку, находясь в Болгарии?

Ответ: Переписку делового характера я имел с дирекцией «Швейцарского банковского общества», где у меня находился небольшой капитал — 10 тысяч швейцарских франков.

Кроме того, я некоторое время поддерживал переписку с проживающей в Лиссабоне Екатериной Д'Андраде, с которой познакомился в Софии, где она имеет родственников. Знакомство с ней было непродолжительным и носило чисто личный характер.

Вопрос: Вы назвали среди ваших связей в Болгарии представителя Ватикана Маццоли. С кем еще из влиятельных католических кругов вы были связаны?

Ответ: Одним из моих ближайших друзей является немецкий католический прелат профессор Шрайбер[1], бывший депутат рейхстага от партии «Центра», проживавший до последнего времени в гор. Мюнстер (Германия). По протекции Шрайбера я получил в 1927 году место в германском посольстве в Ватикане. Других влиятельных католических друзей я не имею.

Протокол допроса записан с моих слов верно, мне переведен на немецкий язык.

МОРМАН

Допросил: ст[арший] оперуполном[оченный] 4 отдела 3 Гл[авного] управления МГБ майор КОПЕЛЯНСКИЙ

ЦА ФСБ России. Р-48790. Л. 39—43. Подлинник. Машинопись. Автограф.

№ 89
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА СОВЕТНИКА ПОСОЛЬСТВА А. МОРМАННА

6 февраля 1948 г.
Москва

Морман Антон, 1897 года рождения, уроженец Ипенбюрена (Германия), член НСДАП, б[ывший] сотрудник Министерства иностранных дел Германии с 1925 года.

Вопрос: Когда было заключено секретное соглашение между Гиммлером и Риббентропом о внедрении сотрудников разведки СД в германский дипломатический аппарат за границей?

Ответ: Это соглашение было заключено, насколько припоминаю, в начале 1941 года. Тогда же в германское посольство в Болгарии, где в то время послом был Рихтгофен, поступили соответствующие директивы из Берлина.

Вопрос: Кто конкретно из числа сотрудников СД был внедрен в германское посольство в Софии при содействии Рихтгофена?

Ответ: При содействии Рихтгофена в посольство был устроен на должность «консульского секретаря» сотрудник СД — Больман. Другой представитель СД — Гласс работал в Софии под прикрытием представителя германских торговых фирм.

Вопрос: Больман и Гласс информировали Рихтгофена о их разведывательной деятельности?

Ответ: Больман и Гласс часто бывали у Рихтгофена, но держали ли они его в курсе их разведывательной деятельности, мне неизвестно.

Вопрос: А от начальника «Абверштелле-София» Делиус Рихтгофен получал разведывательную информацию?

Ответ: Делиус докладывал Рихтгофену все наиболее существенные разведывательные материалы, имевшие значение для германской политики в Болгарии.

Вопрос: Известно, что в начале 1941 года германское посольство в Болгарии было обеспокоено усилением антифашистского движения в стране. Какие мероприятия проводились в связи с этим послом Рихтгофеном?

---

[1] Речь идет о германском политическом деятеле и историке церкви Георге Шрайбере.

Ответ: Я помню, что в начале 1941 года в связи с приездом в Софию советского представителя Соболева, указавшего болгарскому правительству на политические последствия дальнейшего сближения с гитлеровской Германией, в Болгарии усилилось коммунистическое движение. Я получал по этому поводу различные доклады из официальных источников и информировал посла Рихтгофен. Что было им предпринято в связи с этим, я не помню.

Вопрос: Бывший германский атташе полиции в Болгарии — Панцингер также докладывал Рихтгофену об усилении коммунистического движения?

Ответ: Мне это неизвестно, считаю, однако, это возможным, так как Рихтгофен часто консультировался с Панцингером по вопросам внутренней политики в Болгарии.

Вопрос: Не проводилась ли в это время в германском посольстве специальная пресс-конференция, посвященная «коммунистической угрозе» в Болгарии?

Ответ: Этого я сейчас не помню.

Протокол допроса записан с моих слов верно, мне переведен на немецкий язык.

МОРМАН

Допросил: ст[арший] оперуполном[оченный] 4 отдела 3 Гл[авного] управления МГБ майор КОПЕЛЯНСКИЙ

ЦА ФСБ России. Р-48790. Л. 44—46. Подлинник. Машинопись. Автограф.

№ 90
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА СОВЕТНИКА ПОСОЛЬСТВА А. МОРМАННА

8 мая 1951 г.
Москва

Стенограмма

Морман Антон, 1897 года рождения, уроженец Ипенбюрена (Германия), член НСДАП, б[ывший] поверенный в делах Министерства иностранных дел Германии с 1925 года.

Допрос начат в 12 час. 30 мин.

Вопрос: С приходом в Германии к власти Гитлера вы получили назначение на пост 1-го секретаря германского посольства в Литве. Правильно?

Ответ: Совершенно верно. Я прибыл в г. Каунас в ноябре 1933 года и находился в названной должности до ноября 1936 года.

Вопрос: А ранее вы также использовались на заграничной работе?

Ответ: Да, являясь сотрудником МИД Германии с 1925 года, я с 1927 по 1944 г. почти все время находился на дипломатической работе за границей.

В июне—октябре 1927 года я получил первую заграничную должность в качестве атташе германского посольства в Румынии.

Затем при поддержке влиятельного в буржуазно-католических кругах Германии профессора Шрейбера я был выдвинут на должность секретаря германского посольства в Ватикане, где служил до лета 1930 года, после чего был отозван и направлен на такую же должность в германское посольство в Мадрид. Из Мадрида я был в 1933 году переведен в Литву.

Должен при этом заметить, что такая переброска с места на место была обычной в практике молодых чиновников германской дипломатической службы.

Вопрос: В Литву вы были направлены для подрывной работы и выполнения шпионских заданий германской разведки. Это вы не будете отрицать?

Ответ: Этого не отрицаю. Являясь фактически заместителем германского посла в Литве Цехлина, я совместно с ним занимался проведением в жизнь гитлеровской внешней политики, направленной на отторжение от Литвы Клайпедской (Мемельской) области и укрепление действовавших в Литве немецких фашистских формирований.

Когда в 1935 году литовские власти арестовали орудовавшего в Мемельской области фашистского главаря Ноймана[I] и его группу, я повел в прессе широко поставленную пропагандистскую кампанию, стараясь изображать в глазах международной общественности этих матерых бандитов невинными агнцами, которых обижают литовские власти. Кроме того, я обеспечил присылку из Германии наиболее изворотливых адвокатов, которые пытались доказать перед судом «невиновность» Ноймана и его подручных.

Признаюсь также, что в том же 1935 году заместитель германского военного атташе в Литве майор Клейн привлек меня к сбору шпионских сведений о литовских вооруженных силах.

Вопрос: О вашей шпионской работе в Литве покажите подробнее?

Ответ: Клейн, с которым я установил тесные внеслужебные отношения, не скрывал от меня того, что он собирает разведывательные сведения о литовской армии, главным образом, через свою агентуру из числа проживавших в Литве немцев.

Более того, когда Клейн в 1935—1936 гг. был вынужден временно уехать в Германию, то он обратился ко мне с просьбой, принимать в его отсутствие агентуру с тем, чтобы передать ему лично по возвращении в Литву, собранные мною разведывательные сведения. Я уже показывал на следствии, что это задание разведчика Клейна мною было выполнено.

Признаюсь, что, находясь в Литве, я занимался шпионажем и не дожидаясь указаний Клейна. Сразу же после приезда в Литву я установил связь с руководством немецко-фашистской организации «Культурбунд», под вывеской которой проводилась подрывная работа по заданию германской разведки.

Во главе названной организации стояли немецкие агенты Каспарейт, Жилинский и Косман, которые были связаны непосредственно со мной и снабжали меня обширной разведывательной информацией о внутриполитическом положении в Литве.

На следствии я также откровенно показал, что моими лучшими агентами в Литве, от которых я получал наиболее важную и ценную информацию, были английский поверенный в делах Престон[II] и итальянский посланник Амадори.

Должен также указать, что руководство гитлеровского министерства иностранных дел и такой видный немецкий разведчик, как один из руководителей «Союза зарубежных немцев» — Гофмайер, высоко ценили проведенную мною подрывную работу в Литве. В 1936 году я был переведен в Берлин в Министерство иностранных дел.

[I] Речь идет о литовском «фольксдойче» Эрнсте Ноймане.

[II] Речь идет о британском дипломате Томасе Престоне.

Вопрос: Вы все еще скрываете, что, находясь в Литве, занимались шпионажем против СССР. Показывайте об этом?

Ответ: На следствии я искренне показал о совершенных мною преступлениях против Советского Союза, но прошу мне поверить, что, находясь в Литве, я шпионажем против СССР не занимался.

Вопрос: Вашу враждебную работу против СССР вы продолжали, будучи переведены в Министерство иностранных дел. Вот об этом и говорите.

Ответ: Поскольку я хорошо зарекомендовал себя своей прошлой деятельностью, то мне в 1936 году было предложено выехать из Литвы и приступить к работе в 4-м реферате Политического отдела, который ведал вопросами внешне-политических отношений со странами Юго-Восточной Европы. Мне лично был поручен участок работы по связи с германскими посольствами в Италии, Албании, Венгрии и Греции.

От указанных выше германских посольств я периодически получал политические доклады и обзоры, которые обрабатывались мною для использования германским Министерством иностранных дел, а также направлялись командованию германских вооруженных сил в качестве информации разведывательного характера.

В свою очередь я, во исполнение директив руководства МИДа, направлял указания германским заграничным представительствам в перечисленных выше странах.

Руководство германского Министерства иностранных дел отмечало мою активную прогитлеровскую работу, и я, в числе других дипломатических чиновников, был награжден за свою деятельность по укреплению военно-политического союза между фашистской Италией и нацистской Германией высшим итальянским орденом «Корона Италии». Осенью 1937 года, в связи с приездом в Германию регента Венгрии Хорти, меня также не обошли, и я был награжден венгерским орденом «За заслуги».

В 1939 году в связи с приездом болгарского премьер-министра Кессейванова, я был награжден одной из высших степеней болгарского ордена.

Вопрос: Известно, что вы были награждены этими орденами за ваше личное участие в преступной гитлеровской внешней политике, направленной на развязывание второй мировой войны, и в первую очередь войны против Советского Союза. Показывайте правду!

Ответ: Должен признать, что подготовка второй мировой войны не была для меня секретом, так как уже в 1938 году между Гитлером и Муссолини происходила предварительная дележка мира. Мне было известно, в частности, что Гитлер обещал уступить Муссолини Албанию и Югославию. Об этом я ориентировал германские посольства в указанных странах, чтобы они соответственным образом строили свою политику. Само собой разумеется, что посещение такими немецкими вассалами, как Хорти и Кессейванов, было не случайным и еще более закрепило положение Венгрии и Болгарии как сателлитов Германии, что впоследствии имело большое значение в ходе второй мировой войны.

Признаю также, что поскольку я работал по связи с фашистской Италией, то я присутствовал и при подписании известного антисоветского сговора, так называемого пакта «Рим—Берлин—Токио», являвшегося важнейшим шагом в подготовке к нападению на Советский Союз.

Все эти обстоятельства привели к тому, что я был полностью подготовлен к последующей работе, которая мне была поручена в связи с назначением

на пост 1-го советника германского посольства в Болгарии, куда я прибыл в феврале-марте 1940 года.

Вопрос: Кто в то время был германским послом в Болгарии?

Ответ: Германским послом в Болгарии и моим непосредственным начальником в то время был барон фон Рихтгофен Герберт, который занимал этот пост до мая 1941 года.

Вопрос: Фон Рихтгофен нами допрошен и о вашей преступной деятельности в Болгарии показал следующее: «Морман был после меня вторым человеком в германском посольстве и наряду со мной являлся верным проводником гитлеровской внешней политики в Болгарии, направленной на превращение Болгарии в германского сателлита и порабощение ее экономики в целях использования ресурсов этой страны в интересах агрессивных планов германского фашизма». Факты своей преступной работы в Болгарии в этот период признаете?

Ответ: Да, признаю полностью. За время моей службы в Болгарии совместно с фон Рихтгофеном нам удалось вовлечь фашистское болгарское правительство в антисоветский сговор, так называемую «ось Рим—Берлин—Токио», направленный на подготовку войны против Советского Союза.

В январе-феврале 1941 года германский посол в Болгарии фон Рихтгофен выехал в главную ставку Гитлера, где совместно с болгарским царем Борисом и премьер-министром Филовым принимал участие в переговорах о присоединении Болгарии к фашистскому «пакту трех держав».

Зная о традиционной любви болгарского народа к своей освободительнице — России, фашистское правительство Филова в известной мере медлило с подписанием договора. Тогда из Берлина пришли одна за другой две телеграммы за подписью Риббентропа, требовавшего, чтобы Рихтгофен оказал нажим на болгарское правительство.

Рихтгофен лично мне показывал эти телеграммы и поставил меня в известность о действиях, которые он собирался предпринять. Встретив с моей стороны полное одобрение, он оказал соответствующий нажим на царя Бориса и министра иностранных дел Попова, после чего пакт был подписан.

Я показывал также ранее на следствии, что в этот период времени между Гитлером и царем Борисом было заключено соглашение о пропуске германских войск через Болгарию в целях нападения на Грецию и Югославию.

Рихтгофен и я принимали участие в разработке отдельных, дополнительных пунктов этого соглашения. Так, при нашем участии были заключены дополнительные соглашения о финансировании правительством Филова германских войск на территории Болгарии, о подсудности этих войск германским военным судам и т.п.

Одновременно Филовым, Рихтгофеном и специальным представителем германского МИДа — Нойбахер был подписан другой договор о финансировании болгарским правительством хромовых рудников в Македонии, продукция которых направлялась в германскую военную промышленность. На меня лично была возложена задача наблюдения за беспрекословным выполнением указанных кабальных обязательств болгарским правительством.

Признаю, что я также вел переговоры с болгарскими министрами Загоровым и Захарьевым о направлении нескольких тысяч болгарских рабочих на работу в германскую военную промышленность, а также участвовал в осуществлении ряда других фашистских мероприятий германского посольства.

Таковы основные факты моей преступной деятельности в период подготовки нападения на Советский Союз.

Вопрос: Следствием установлено, что после вероломного нападения гитлеровской Германии на Советский Союз вы активизировали свою преступную деятельность. Сменивший Рихтгофена на посту германского посла в Болгарии — Беккерле Адольф на допросе 16 апреля 1951 года показал: «В период моего пребывания в Болгарии на посту германского посла с 1941 по 1944 г. Морман, являвшийся моим ближайшим помощником, принимал активное участие в проведении гитлеровской политики, направленной на ведение преступной войны против Советского Союза и других стран». В этом себя виновным признаете?

Ответ: Да, признаю и ранее данные мною показания об этом периоде моей преступной деятельности подтверждаю полностью.

Совместно с послом Беккерле Адольфом я повел работу, рассчитанную на вовлечение Болгарии в войну против СССР. С этой целью посольством была организована клеветническая антисоветская кампания, достигшая своей высшей точки в организации в 1943 году в Софии «антикоминтерновской выставки». За последнюю, правда, целиком и полностью должны нести ответственность Беккерле и бывший болгарский министр внутренних дел Габровский — главные инициаторы этого преступного дела. Кроме того, им в этом помогал так называемый руководитель «Антикоминтерна» известный немецкий фашист Таубер.

Я, однако, не считаю нужным укрываться от ответственности и за совершенные мною лично преступления. Признаю, что летом 1941 года я осаждал болгарский МИД с требованием о закрытии советского консульства в г. Варне под предлогом того, что оно, якобы, занималось разведывательной деятельностью. При этом я воспользовался для «аргументации» фальсифицированными материалами, полученными мною от матерого немецкого разведчика Вагнера, орудовавшего в Болгарии под кличкой «доктор Делиус».

Подтверждаю также данные мною ранее на следствии показания о том, что в 1941—1942 гг. я разработал и провел соглашение с болгарским правительством Филова о вербовке проживавших в Болгарии белоэмигрантов для службы в так называемом «охранном корпусе»[62].

Завербованные в результате моей работы белобандиты заменили часть германских войск в Югославии, которые, в свою очередь, перебрасывались на советско-германский фронт для борьбы против Советского Союза.

Наряду с этим я осуществил ряд фашистских мероприятий, направленных на подавление народно-освободительного движения в самой Болгарии.

Так, например, в 1944 году я направил болгарскому правительству две ноты, в которых требовал усиления борьбы с партизанами, мотивируя это необходимостью защиты немецких рудников в Македонии. Непосредственным следствием моего демарша была засылка болгарским правительством дополнительных воинских соединений в Македонию, которые затем были заменены немецкими частями.

Вопрос: Неправда. Почему не показываете до конца о своей шпионской деятельности в Болгарии?

Ответ: Я уже выше показал следствию о том, что, находясь в Болгарии, был тесно связан с руководителем германского разведывательного органа в Софии «Абверштелле-София» — «доктором Делиус».

«Делиус» систематически снабжал меня разведывательной информацией о внутриполитическом положении в Болгарии. Он, в частности, поставлял мне материалы о деятельности антифашистских подпольных групп, об оппозиционных группировках в болгарском парламенте, информировал меня о полученных им от агентуры сведениях об изменениях в составе правительства и давал характеристики на отдельных болгарских политических деятелей, представлявших интерес для германского посольства.

Кроме него, я поддерживал близкую связь с действовавшим в Болгарии под прикрытием должности «атташе посольства» опытными гитлеровскими разведчиками Панцингером Фрицем и сменившим последнего Виппер и Гофман, от которых также регулярно получал разведывательную информацию.

Вопрос: Панцингер Фриц нами арестован. На допросе 29 декабря 1947 года он показал: «Я снабжал Мормана данными о коммунистическом движении, о парашютистах, сброшенных летом 1941 года русской разведкой для организации среди болгар партизанского движения, и т.д. Наиболее интересный и заслуживающий внимания материал Морман сообщал послу, а также использовал для текущей политической информации МИД». Показания Панцингера подтверждаете?

Ответ: Панцингер показывает правильно. Действительно я получал от него вышеуказанную информацию и направлял ее в германское Министерство иностранных дел, а также использовал в своей повседневной работе. Мне известно, что Панцингер имел агентуру в руководстве болгарской полиции, от которой в большей части и получал важные разведывательные сведения. Имена и клички агентов мне неизвестны. Агентуру разведчиков Виппера и Гофман я также не знаю.

Вопрос: Прежде всего, называйте собственную агентуру, которую вы использовали для ведения подрывной работы в Болгарии?

Ответ: В своей подрывной работе в Болгарии я опирался, главным образом, на бывшего болгарского министра иностранных дел Шизманова и генерального секретаря МИДа Сарафова.

Явно прогитлеровски были также настроены начальник Консульского отдела МИДа Пецев, начальник Протокольного отдела Каранджулов и сменивший последнего Белинов. Эти лица, пресмыкаясь перед гитлеровскими дипломатами, снабжали меня важной информацией по Болгарии.

Близко связаны со мной были также начальник отдела прессы МИДа Николаев, через которого германское посольство распространяло фашистские пропагандистские материалы для опубликования в прессе, и чиновник того же министерства Наумов. Последний был до 1941 года болгарским послом в США, а после возвращения в Болгарию использовался в качестве чиновника для особых поручений в Политическом отделе МИДа. С ним, в частности, в 1943 году я вел переговоры о переселении в Германию из Болгарии нескольких тысяч проживавших там немцев. О связи с этими лицами я подробно показал ранее.

Вопрос: Вы не ограничивались проведением разведывательной работы в Болгарии. Известно также, что незадолго до бегства немцев из Болгарии вы принимали участие в подготовке военно-фашистского мятежа. Говорите об этом.

Ответ: Не буду скрывать, что бывший германский посол в Германии Беккерле информировал меня об указаниях Гитлера по связи с македонской агентурой немцев из числа так называемых «независимцев», чтобы последние провозгласили «самостоятельность» Македонии и заявили об организации марионеточного правительства. Для этой цели Беккерле вызывал к себе

бывшего германского генерального консула в г. Скопье — Витте, которому дал указания об активизации подрывной работы.

Вместе с тем, прошу мне поверить, что я лично к организации военно-фашистского мятежа в Болгарии никакого отношения не имел.

Допрос окончен в 14 час. 00 мин.

Протокол допроса записан с моих слов правильно и мне переведен на немецкий язык.

МОРМАН

Допросил: ст[арший] оперуполном[оченный] 4 отдела 3 Гл[авного] управления МГБ майор Копелянский

ЦА ФСБ России. Р-48790. Л. 193—210. Подлинник. Машинопись. Автограф.

Атташе посольства Герман Пёрцген

№ 91

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА АТТАШЕ ПОСОЛЬСТВА Г. ПЁРЦГЕНА

21 декабря 1944 г.
Москва

Перцген Германа, 1905 года рождения, уроженца г. Киль, немца, из семьи преподавателя университета, члена национал-социалистической партии с 1938 года, с 3 августа 1944 года германский атташе прессы в г. София

Вопрос: Вам предъявляется изъятая из Вашего архива копия письма быв[шего] премьер-министра Багрянова[1] регенту Болгарии князю Кириллу. Где вы получили этот документ?

Ответ: Примерно за 10 дней до отставки Багрянова меня посетил германский атташе полиции Хоффман и сообщил, что он имеет очень интересный документ. При этом он показал мне копию письма Багрянова князю Кириллу, которое уже, хотя и плохо, но было переведено на немецкий язык.

Поскольку это письмо могло заинтересовать мое начальство в Берлине, то я с разрешения Хоффмана снял с предоставленной мне копии четыре копии для себя. При этом я исправил стилистику перевода письма и на моих копиях сделал пометку, что документ получен через германского атташе полиции в Болгарии.

Вопрос: Как вы использовали полученный вами документ?

Ответ: Одну копию я направил начальнику отдела печати Министерства иностранных дел в Берлин — Шмидту, а остальные копии, кажется, отдал Хоффману, поскольку он пожелал иметь исправленные мною экземпляры.

Вопрос: Кого из членов германского посольства в Софии вы познакомили с содержанием письма Багрянова?

Ответ: Никому из посольства я письма Багрянова не показывал, так как это должен был сделать Хоффман по своему усмотрению.

[1] Копии письма в деле Г. Пёрцгена не имеется.

Вопрос: Вы видели оригинал письма Багрянова?

Ответ: Нет, оригинала письма Багрянова я не видел и не знаю, имел ли оригинал письма Хоффман.

Вопрос: Каким образом Хоффман достал копию письма Багрянова?

Ответ: Об этом мне Хоффман не говорил, а я его не спрашивал.

Вопрос: Вы получили какой-либо ответ из Министерства иностранных дел на отправленную вами копию письма Багрянова?

Ответ: Нет, не получал.

Вопрос: Вы знали, что копия письма Багрянова находится среди ваших бумаг?

Ответ: Если бы я об этом знал, то я бы уничтожил этот документ.

Вопрос: Как вы оцениваете содержание письма Багрянова?

Ответ: По моему мнению, содержание письма Багрянова в точности отражает политические взгляды Багрянова, независимо от того, писал ли это письмо Багрянов или кто-либо другой. Кроме этого, письмо написано особым стилем, свойственным стилю Багрянова — очень похожий на его речь в болгарском парламенте, которую он прочитал несколькими днями раньше.

Я, однако, сомневаюсь, что Багрянов писал это письмо в адрес князя Кирилла — в этом не было необходимости, тем более, что содержание письма премьер-министра выглядит несколько наивным.

Мне кажется, что Багрянов написал письмо для немцев, которое передал для кого-нибудь из своего окружения, имея в виду, что оно попадет в германские руки. Я думаю, что Багрянов хотел своим письмом успокоить немцев и усыпить их бдительность.

Протокол записан с моих слов верно и мне прочитан.

ПЕРЦГЕН

Допросил: пом[ощник] нач[альника] 1-го отд[еления] 2-го отд[ела] ГУКР «Смерш» майор СИОМОНЧУК

ЦА ФСБ России. Р-38873. Л. 18—20а. Подлинник. Рукопись. Автограф.

№ 92
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА АТТАШЕ ПОСОЛЬСТВА Г. ПЁРЦГЕНА

3 июля 1945 г.
Москва

Вопрос: Расскажите о вашей деятельности?

Ответ: В 1930 году я окончил философский факультет Кёльнского университета. Будучи студентом, я одновременно являлся корреспондентом (сотрудником) газеты «Франкфуртер цейтунг»[63]. С 1930 года, т.е. после окончания университета, я уже был постоянным корреспондентом данной газеты и одновременно написал несколько книг. После 1930 года я, как корреспондент газеты «Франкфуртер цейтунг», побывал в нескольких странах.

Вопрос: Где именно вы были и сколько времени?

Ответ: Примерно с июля 1933 по декабрь того же года я посетил Югославию, Болгарию, Грецию и Албанию. После этой поездки я был назначен в качестве редактора юго-восточного отдела редакции газеты «Франкфуртер цейтунг».

В июне 1935 года я в течение десяти дней был в Греции. Август и сентябрь 1935 года я, по собственному желанию и за личный счет, был в Совет-

ском Союзе и посетил Ленинград, Москву, Саратов, Энгельс, Сталинград, Ростов-на-Дону, Харьков и Киев.

В декабре того же 1935 года я был назначен корреспондентом газеты «Франкфуртер цейтунг» в Прагу, где пробыл в течение восьми месяцев, т.е. до августа 1936 года, а затем был переведен на ту же должность в Варшаву.

В Варшаве я пробыл до 1 июля 1937 года, а затем был переведен в Советский Союз, где и оставался до начала войны, т.е. до 1941 года.

До ноября 1941 года я находился в Берлине, а затем был назначен в испанское Марокко в качестве атташе печати.

В мае 1944 года я получил назначение в Лиссабон, а затем в Виши. Будучи в Виши, я замещал должность атташе печати.

В начале августа 1944 года я получил назначение в качестве атташе прессы в Болгарию, где и пробыл до момента моего задержания, т.е. до 19 сентября 1944 года.

Вопрос: Когда вы вступили в члены фашистской партии?

Ответ: В члены национал-социалистической партии я вступил в декабре 1938 года, т.е. как раз в период моего пребывания в Советском Союзе.

Вопрос: Почему именно вас назначили в Советский Союз в качестве корреспондента «Франкфуртер цейтунг»?

Ответ: Обстоятельствами, которые послужили основанием к моему назначению в Советский Союз, были следующие:

1. Прежде всего то, что я сам лично интересовался Советским Союзом и написал несколько статей общего характера.

2. То, что я по собственному желанию в 1935 году уже посетил Советский Союз и после возвращения написал несколько очерков, которые были в Германии положительно оценены.

3. Пребывание быв[шего] корреспондента в Советском Союзе Юста в Москве расценивалось неблагожелательно, и я попросил бывшего германского посла фон дер Шуленбурга поддержать мою кандидатуру.

Вот, пожалуй, основные мотивы, которые послужили основанием к моему назначению.

Вопрос: Расскажите о вашей деятельности в период пребывания вас в Советском Союзе?

Ответ: Моя деятельность на территории Советского Союза шла по двум основным линиям, это, во-первых, по линии официальной, т.е. тогда, когда мои телеграммы из Москвы подвергали цензуре через Отдел печати Наркоминдела и, во-вторых, по линии неофициальной, т.е. тогда, когда я писал статьи, которые не подвергались цензуре.

Вопрос: Каким образом вы пересылали статьи, которые не подвергались цензуре?

Ответ: Все статьи, которые не подвергались цензуре, я пересылал через германское и итальянское посольства.

Вопрос: Следствие располагает данными, что вы писали статьи, опорочивающие Советский Союз, т.е. клеветали на советскую действительность. Вы это подтверждаете?

Ответ: Прежде, чем ответить на вопрос следствия, я должен сказать, что основными местами, где фальсифицировались материалы и данные о Советском Союзе и его действительности, были (в свое время) Рига и Варшава.

В этих городах сидели германские корреспонденты и под крылышком тогдашних правительств изготавливали всякого рода «утки» о Советском Союзе и пересылали их в Берлин.

Я могу сказать прямо, что в этих центрах фальсификации документов против Советского Союза существовали биржи по покупке и продаже всякого рода «уток» против России.

Мое положение в России было несколько иное, и такого рода документов я не писал. Хотя должен признать, что мои некоторые статьи носили антисоветский характер, но они в своем большинстве исправлялись в Берлине и получали уже клеветнический характер.

Вопрос: В распоряжении следствия имеются данные, что вы, будучи в Советском Союзе, добывали секретные данные и передавали их в германские органы. Расскажите подробно, как вам это удавалось?

Ответ: Находясь в Советском Союзе, я никогда не собирал и не передавал германским органам никаких секретных данных.

Вопрос: А задания германских разведывательных органов вы выполняли, будучи в Советском Союзе?

Ответ: Нет, заданий германской разведки я никогда не имел и не выполнял.

Вопрос: Перед отъездом в Советский Союз вы получали какие-нибудь инструкции или инструктаж германских разведывательных органов?

Ответ: Нет, перед отъездом в Советский Союз я никаких инструкций и никакого инструктажа от германских разведывательных органов не получал.

Вопрос: Следствие располагает данными, что ваша жена, проживавшая вместе с вами в Советском Союзе, подготовила и в Германии издала брошюру с клеветой на советскую действительность. Вы оказывали ей в этом помощь?

Ответ: Нет, я никакой помощи своей жене в подготовке и издании брошюры антисоветского содержания не оказывал. Эту брошюру она издала в Германии, а я в то время находился еще в Москве.

Вопрос: Расскажите подробно, какую работу вы проводили среди немцев, проживающих в Советском Союзе?

Ответ: Я никакой работы среди немцев, проживающих в Советском Союзе, не проводил, если не считать, что в 1935 году я посетил Республику немцев Поволжья в качестве интуриста.

Вопрос: Вы имели какие-нибудь особые поручения при посещении Республики немцев Поволжья?

Ответ: Я никаких особых заданий не имел. Посещение Республики немцев Поволжья было по моей собственной инициативе.

Вопрос: Переходите к изложению вашей деятельности после возвращения из Советского Союза?

Ответ: После возвращения из Советского Союза я в ноябре 1941 года был назначен в качестве атташе прессы в Марокко, где пробыл до мая 1944 года.

Вопрос: Кто вас рекомендовал на эту должность?

Ответ: Меня специально на эту должность никто не рекомендовал. Мне предложил поехать атташе прессы в Марокко нач[альник] отдела печати Министерства иностранных дел Шмидт, и я с его предложением согласился.

Вопрос: Что входило в круг ваших обязанностей как атташе прессы в Марокко?

Ответ: Основными моими обязанностями как атташе прессы в Марокко были следующие:

1. Контролировать французские и испанские газеты, чтобы они работали в соответствии с германскими требованиями.

2. Составлять обзоры по наиболее важным материалам, помещенным в основных газетах.

3. Сообщать в Министерство иностранных дел о наиболее интересных статьях, восхваляющих германскую политику и ее успехи, также о материалах, помещенных в газетах, направленных против Германии.

4. Контактировать работу с испанскими и французскими журналистами, привлекая их на свою — германскую сторону.

Вопрос: Значит, вы были ответственным лицом за проведение профашистской пропаганды через французские и испанские газеты?

Ответ: Все эти газеты были фашистского направления, и все материалы получали от своих агентов, которые также контролировались германскими представителями, и поэтому моей задачей было только то, чтобы их контролировать на месте.

Вопрос: В чем выражалась ваша деятельность во Франции?

Ответ: Во Франции, в частности в Виши, моя деятельность была слишком ограничена, т.к. я там пробыл всего четыре недели и был назначен в качестве атташе печати только временно. Что же касается моих обязанностей, то они были теми же, что и в Марокко.

Вопрос: Переходите к изложению вашей практической деятельности, будучи в Болгарии?

Ответ: Круг моих обязанностей в Болгарии был тем же, что и в других странах, однако в Болгарии приходилось встречаться с большими трудностями, чем в Марокко или во Франции, т.к. в середине 1944 года в среде болгарских кругов, и в частности правительства, появились тенденции отхода от германской ориентировки.

Вопрос: Значит, ваша деятельность в течение длительного времени была направлена на усиление фашистской пропаганды, и с этой целью вы использовали все средства для давления на неблагожелательные (для Германии) элементы?

Ответ: Я делал все от меня зависящее, чтобы выполнить возложенные на меня обязанности.

Допрос прерван.

Протокол записан с моих слов верно, мною прочитан, в чем и расписываюсь.

ПЁРЦГЕН

Допросил: нач[альник] 1-го Отдела УКР «Смерш» майор (подпись неразбочива)

ЦА ФСБ России. Р-38873. Л. 20—29. Подлинник. Рукопись. Автограф.

№ 93
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА АТТАШЕ ПОСОЛЬСТВА Г. ПЁРЦГЕНА

9 сентября 1947 г.
Москва

Вопрос: Вы посещали гор. Ленинград и когда?

Ответ: Да, гор. Ленинград я посетил два раза; первый раз в 1935 году в сентябре месяце, а второй раз я посетил в 1938 году, какой месяц — не помню, но дело было летом.

Вопрос: Будучи в Ленинграде в 1935 году, сколько времени вы там находились?

Ответ: Я посетил генерального консула Германии Зоммера, с которым имел беседу; в беседе Зоммер мне сказал, что в Ленинграде находится германский посол Шуленбург, с которым он обещал меня познакомить, для чего пригласил на обед. После беседы Зоммер меня пригласил в салон, где находился Шуленбург, и там меня познакомил. С Шуленбургом я также имел беседу. В беседе он мне рассказывал, что он посетил Эрмитаж. А так он являлся на открытие театрального фестиваля, в котором я являлся участником. В это время его сопровождал атташе Гервард.

Вопрос: Скажите, зачем вы вели беседу с генконсулом Зоммером?

Ответ: Сейчас я совершенно не помню и сказать ничего не могу.

Вопрос: С кем вы еще встречались у генерального консула Зоммера?

Ответ: Больше я никого не встречал.

Вопрос: В 1938 году вы останавливались у генерального консула Зоммера?

Ответ: Нет, я останавливался в гостинице «Астория», так как в 1938 году уже консульства в Ленинграде не было, оно было закрыто. Цель моей поездки была познакомить мою жену с достопримечательностями гор. Ленинграда.

Вопрос: С кем вы встречались в Ленинграде?

Ответ: Ни с кем в Ленинграде я не встречался, так как мы с женой были там всего два дня и тут же вернулись в гор. Москву.

Вопрос: Вы встречались в гор. Ленинграде с германским военно-морским атташе Баумбах?

Ответ: Нет, никогда с Баумбах в Ленинграде я не встречался.

Вопрос: Баумбах бывал в гор. Ленинграде?

Ответ: Мне ничего об этом не известно.

Вопрос: Назовите лиц, которых вы знаете по Ленинграду?

Ответ: По гор. Ленинграду я никого не знаю.

Вопрос: Вы же в 1935 году являлись участником фестиваля в Ленинграде, разве у вас не было там знакомых?

Ответ: По гор. Ленинграду у меня знакомых не было, так как я всего там был два раза и очень короткое время.

Вопрос: Разве вас Зоммер ни с кем не знакомил из граждан Ленинграда, когда вы были у него в консульстве?

Ответ: Меня Зоммер ни с кем из граждан гор. Ленинграда не знакомил.

Вопрос: Может, вы забыли, постарайтесь вспомнить, кого вы помните из граждан города Ленинграда?

Ответ: Я хорошо знаю, что у меня из гор. Ленинграда никого знакомых не было.

Вопрос: Скажите, кто такой Ценсснер[1]?

Ответ: Ценсснер — это был дипломат германского Министерства иностранных дел, который посетил Москву как гость посла Шуленбурга, он останавливался в доме посла.

Вопрос: Вы знали его раньше, до приезда его в Москву?

Ответ: До приезда в гор. Москву Ценсснера я не знал.

---

[1] Так в документе, здесь и далее речь идет о немецком дипломате Кристиане Цинсере.

Вопрос: Вы были корреспондентом газеты «Франкфурте цейтунг» в Варшаве (Польша), кто в то время был военный атташе в Польше?

Ответ: Сейчас я не помню и сказать ничего не могу.

Вопрос: Ценсснер, когда был в гор. Москве, в кругу каких лиц он находился?

Ответ: Он, Ценсснер, находился все время в кругу дипломатических лиц германского посольства, фамилии которых я сейчас назвать не могу, так как не помню.

Вопрос: С Ценсснером и с германским военно-морским атташе вы лично выезжали в село Коломенское?

Ответ: Я такого случая не помню.

Вопрос: Следствие располагает данными, что вы и Ценсснер, а также Баумбах 3/VI-1938 года выезжали все трое на автомашине в село Коломенское, правда ли это?

Ответ: Я такого случая не помню.

Вопрос: Когда вы встречались с морским атташе Баумбах и где?

Ответ: Последняя встреча с Баумбах у меня была перед началом войны, то есть в июне месяце 1941 года, и больше я с ним не встречался. Последняя встреча была в гор. Москве.

Вопрос: Скажите, что такое за организация, которая называется «Абвер», и кто являлся руководителем?

Ответ: Мне известно, что в Германии была такая организация, которая называлась «Абвер», она занималась разведкой и контрразведывательной работой. Руководителем был легендарный шпион из империалистической войны адмирал Канарис[1].

Вопрос: Что вам известно о деятельности «Абвер»?

Ответ: О деятельности «Абвер» мне ничего неизвестно.

Вопрос: Откуда вам стало известно, что существует такой германский разведорган «Абвер»?

Ответ: Я не помню.

Вопрос: Какие еще вы знаете разведорганы, которые существовали в Германии?

Ответ: Никаких разведывательных органов, кроме «Абвер», я не знаю.

Вопрос: Кого вы знаете из лиц, разведывательного органа «Абвер»?

Ответ: Из лиц разведывательного органа «Абвер» я никого не знаю.

Протокол записан на понятном мне русском языке правильно, мною прочитан, в чем и подписываюсь.

ГЕРМАН ПЁРЦГЕН

Допросил: сотрудник 2 Главн[ого] управ[ления] МГБ СССР майор А. РОЗОНЦОВ

ЦА ФСБ России. Р-38873. Л. 71—75. Подлинник. Рукопись. Автограф.

[1] Так в документе.

№ 94
ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОТДЕЛА 2-ГО ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ МГБ СССР О ПРИОБЩЕНИИ ДОКУМЕНТОВ К СЛЕДСТВЕННОМУ ДЕЛУ Г. ПЁРЦГЕНА

2 сентября 1947 г.
Москва

Утверждаю
Нач[альник] отдела 2 Глав[ного] управ[ления]
полковник Макаров
«2» сентября 1947 года

Постановление
(о приобщении документов)

гор. Москва 1947 года сентября «2» дня

Я, сотрудник 2 Глав[ного] Управления МГБ СССР майор Розонцов, рассмотрев статьи, переведенные с германской газеты «Франкфуртер цейтунг», автором которых является бывший корреспондент германской газеты «Франкфуртер цейтунг» в Москве — Перцген Герман.

Нашел:

что Перцген, находясь в Москве как корреспондент германской газеты «Франкфуртер цейтунг», собирал тенденциозного характера сведения о Советском Союзе и писал статьи явно клеветнического характера, направленные на дискредитацию руководителей партии и советского правительства. Исходя из того, что вышеуказанные статьи доказывают антисоветское отношение обвиняемого

Постановил:

Вышеуказанные документы приобщить к следственному делу № 489 обвиняемого Перцгена Германа как вещественные доказательства.

Сотрудник 2 Гл[авного] Упр[авления] МГБ СССР
майор РОЗОНЦОВ

Согласен: нач[альник] отделения 2 Гл[авного] Упр[авления] МГБ СССР подполковник ЗАХАРОВ

ЦА ФСБ России. Р-38873. Л. 77. Подлинник. Рукопись. Автограф.

№ 95
СТАТЬЯ Г. ПЁРЦГЕНА «ТУХАЧЕВСКИЙ И БУДЕННЫЙ» В ГАЗЕТЕ «ФРАНКФУРТЕР ЦАЙТУНГ»

17 июня 1937 г.

Перевод с немецкого

Варшава, 16 июня

Кровавые события в Советском Союзе заставили призадуматься и польскую общественность. Непоколебимый скепсис, с которым Польша противостояла большевистским войскам, зародился еще в 1920 году, когда под руководством маршала Пилсудского воссозданное государство одержало решительную победу над своим красным соседом.

В то время имя Михаила Тухачевского произносилось в Польше не без опаски. Стремительный рубака с поразительной быстротой промчал подчи-

ненные ему советско-русские войска от Двины до Вислы, остановившись у ворот Варшавы.

26-ти летний полководец заикнулся уже в своем армейском приказе о «трупе Польши», который положит начало мировой революции. Катастрофу, которой закончилось смело задуманное наступление на польскую столицу, следует, очевидно, отнести за счет генерала кавалерии Буденного.

«Чудо на Висле», прорыв Пилсудского, оказалось возможно потому, что кавалерийская армия Буденного, вопреки всем указаниям, продвинулась на Львов, вместо того чтобы прикрыть южное крыло Тухачевского.

По окончании битвы потерпевший поражение полководец без обиняков указал на эту ошибку. В свое оправдание он написал ряд докладов на имя московской Военной академии, изданных впоследствии общим сборником, где Тухачевский, не называя Буденного по имени, возлагал на него всю тяжесть ответственности за гибельный исход похода.

В свою очередь, крайне критически возражая советской постановке вопроса, Пилсудский, одновременно, разделил точку зрения Тухачевского, заявив, что рассматривает отсутствие буденновской кавалерии «как просвет на горизонте».

На этих днях мир пережил второе столкновение обоих красных полководцев, которые на сей раз обменялись ролями. Как передают, Буденный составил на Тухачевского письменную жалобу. Бывший кавалерийский вахмистр царской армии швырнул в лицо обвинение в измене бывшему лейтенанту феодального лейб-гвардейского Семеновского полка Тухачевскому.

ПЦГ

Перевела: о[перативный]/переводчик отд[ела] 2-Е 2 Гл[авного] Упр[авления] МГБ СССР ПАКОВИЧ

ЦА ФСБ России. Р-38873. Л. 82. Заверенная машинописная копия.

№ 96
СТАТЬЯ Г. ПЁРЦГЕНА «РУССКИЕ ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТИ» В ГАЗЕТЕ «ФРАНКФУРТЕР ЦАЙТУНГ»

6 августа 1937 г.

Перевод с немецкого

Москва, 4 августа

Программа путешествий и обозрений советско-русского путевого бюро для иностранцев — «Интурист» обогатилась новым номером: в середине июля состоялось открытие канала Москва—Волга. Это создает новые возможности для все еще недостаточного водоснабжения и поныне не вполне канализированной советско-русской столицы. «Москва пьет воду из Волги», — пишут советские газеты. Но именно это обстоятельство требует того, чтобы канал охранялся от чрезмерных засорений, заносимых баржами и пароходами. Требуется особая флотилия, чтобы обеспечить транспорт на протяжении 128 километров между Волгой и Москва-рекой. Такая флотилия существует лишь частично, поэтому трудно сказать, каково будет истинное транспортно-техническое значение нового водного пути, о котором помышлял в свое время еще Петр Великий.

Все, кто был причастен к ныне законченному строительству, были благословлены орденами. Сюда относятся не только инженеры и архитекторы, в

первую очередь упоминаются имена людей, которые, по всей вероятности, не имеют никакого представления о разрешении чрезвычайно сложной гидротехнической задачи.

Так, например, заместитель комиссара внутренних дел Берман[1] был награжден орденом Красной Звезды (потому, что он имеет еще более высокую награду — орден Ленина). Берман является руководителем. Одновременно с ним были награждены 400 служащих и функционеров ГПУ. Надо думать, что заместитель комиссара внутренних дел считается начальником строительства канала Москва—Волга.

После того как он в 1933 году закончил строительство Беломоро-Балтийского канала, применив для этого около 500 000 человек, в основном политзаключенных, ему было поручено установить связь между Волгой и Москвой-рекой, при помощи той же неоплаченной рабочей силы.

По сей день еще можно увидеть на зеленых берегах канала лагеря для арестованных с колючей проволокой и сторожевыми дозорами, перед которыми прогуливается охрана ГПУ в голубых фуражках, с примкнутыми штыками.

Долгое время будут еще путешественники «Интуриста» наталкиваться здесь на картины, от которых начинает щемить сердце. Нельзя не обратить внимание на отряды арестованных под зоркой охраной. Но никому неизвестно, сколько людей осталось без награды по той причине, что им пришлось сложить здесь голову.

ПЦГ

Перевела: о[перативный]/переводчик отд[ела] 2-Е [2 Главного Управления МГБ СССР] ПАКОВИЧ

ЦА ФСБ России. Р-38873. Л. 90—90об. Заверенная машинописная копия.

№ 97

ЗАМЕТКА Г. ПЁРЦГЕНА «В КРАСНОЙ ОБОЛОЧКЕ» В ГАЗЕТЕ «ФРАНКФУРТЕР ЦАЙТУНГ»

6 октября 1937 г.

Перевод с немецкого

Человек, прохаживающийся в эти дни по центральной улице Москвы, — улице Горького, — лишен возможности рассматривать витрины; товары оттуда убраны; вместо этого все обивается красным сукном. В субботу вечером, накануне 20-й годовщины Октябрьской революции, в окнах витрин появляется целый ряд флагов. Перед ярко-красным Домом Советов вывешиваются цветные транспаранты. В общей сложности выставлено более 30 больших картин, изображающих историю Октябрьского восстания. На площади Пушкина можно увидеть картину драматического содержания: старый, бородатый Калинин призывает матросов к борьбе.

Центры Москвы в буквальном смысле слова наводнены транспарантами, красными флагами. Фасад старого Дома Профсоюзов исчезает за пологом. На Театральной площади сооружается расточительно-роскошная декорация, над которой люди работали неделями. Так же, как и на Красной площади перед Кремлем. Дома скрыты высокими плакатами, развевающимися красными флагами; на главных улицах плакаты и флаги демонстрируют девизы Коминтерна.

[1] Речь идет о начальнике ГУЛАГ НКВД СССР М.Д. Бермане.

К 20-й годовщине Октябрьской революции Москва хочет выглядеть красивее, чем обычно. Газеты сообщают, сколько километров неоновых труб было укреплено на зданиях, чтобы затопить улицы и площади бенгальским огнем. На одни только разноцветные гирлянды расходуется более 1 000 квт. дополнительно электроэнергии. Везде и повсюду на темном фоне ночного неба появятся красные силуэты Ленина и Сталина.

Перед лицом праздничного убранства не забыты и приближающиеся выборы. «Правда» приводит обстоятельную статью, согласно которой 580 избирательных округов избрали кандидатом Сталина; так как, согласно избирательному закону, можно избираться только в одном участке, то ему придется наметить себе участок, который и должен будет избрать его.

Его друг Каганович следует за ним на почтительном расстоянии, его кандидатуру наметили 197 округов. Глава правительства Молотов ограничился 183 округами, в то время как Ворошилов смог получить 150 округов, начальник ГПУ[1] т. Ежов получил 139 округов. На остальных членов Политбюро приходится по меньшей мере от 60 до 70 округов.

Эти числа являются точным измерением того, какое место под солнцем занимает каждый из них. И в такой же последовательности руководители партии распределяются во время праздничной подготовки для декораций, портретов и транспарантов.

ПЦГ

Перевела: о[перативный]/переводчик отд[ела] 2-Е [2 Главного Управления МГБ СССР] ПАКОВИЧ

ЦА ФСБ России. Р-38873. Л. 91—92. Заверенная машинописная копия.

№ 98
СТАТЬЯ Г. ПЁРЦГЕНА «НЕМЕЦКОЕ КЛАДБИЩЕ В МОСКВЕ» В ГАЗЕТЕ «ФРАНКФУРТЕР ЦАЙТУНГ»

10 октября 1937 г.

Перевод с немецкого

Далеко за городом, на периферии Москвы, в восточном предместье, находится кладбище «Мведенские горы», ранее «Кладбище для чужих вероисповеданий», а коротко — Немецкое кладбище. Приятно бродить осенью по кладбищенскому парку. Сквозь кирпичные стены доносятся гудки русских паровозов, на редкость многообразный звук. Сюда приходят лишь немногие. Может быть, русский остановится на мгновение у ворот, чтобы бросить взгляд за решетку, где начинается для него другой, чужой, упорядоченный мир.

У самого входа возвышается из травы небольшая скульптура, наподобие фигуры размышляющего Гамлета; на ее цоколе написано на немецком языке: «Финал — молчание». Этот памятник имеет свою историю. Он был вывезен из Риги и перепутьями войны пропутешествовал, наконец, сюда. По всему кладбищу мелькают немецкие имена и надписи. На дорожках — таблички с надписями на русском и немецком языках: «Центральная дорога», «Липовая аллея».

---

[1] Здесь и далее Пёрцген употребляет в своих статьях наименование «ГПУ» (Главное политическое управление) вместо нового — с 1934 г. — Народный комиссариат внутренних дел СССР (НКВД СССР).

Когда пройдешься вдоль могильных рядов, то тогда лишь начинаешь понимать, какую роль играли в царской России немцы.

Здесь похоронены ремесленники, государственные советники, богатые купцы, офицеры и врачи. Неожиданно немецкий посетитель встречает историческое имя: «Его высочество действительный статский советник доктор ЛЕОПОЛЬД ДАНИЭЛЬ ФОН ГИНДЕНБУРГ, умер в 1897 г.». Надо полагать, что речь идет о родственнике рейхспрезидента, во всяком случае, еще не так давно последний интересовался, в каком состоянии находится могила.

Во время войны русские хоронили на Немецком кладбище также военнопленных немцев, скончавшихся от ран в московских лазаретах. Им отвели наихудшее место на окраине кладбища. Могилы их не были отделены друг от друга.

Известно только, что под узкой полоской дерна, у стены, покоится около трехсот сермяжных воинов. Теперь братская могила обрела вид скромного памятника: ряд белых, узких деревянных крестов на фоне темно-зеленой живой изгороди из лиственницы. Посредине возвышается скромный камень, куда будут вделаны две медные таблички с именами погребенных. Этому кладбищу более 175 лет.

Ныне же, «как сообщают «Известия», «все кладбища, находящиеся в пределах города, будут закрыты «из санитарных и строительных соображений». Вместо них будет создано одно колоссальное кладбище в 15 километрах от Москвы.

И первым на очереди «кладбище Мведенские горы». Не только немцы, но и прочие иностранные колонии Москвы похоронили здесь своих покойников. Особенно это относится к французам. Как свидетельствует целый ряд старых памятников, в этой земле покоятся останки наполеоновских воинов, павших в Москве в 1812 г. В прошлом столетии французская колония почтила их память, воздвигнув им высокий обелиск. По сегодняшний день проживающие в Москве французы ухаживают за могилами. Число сохранившихся французских могил достигает тысячи. Согласно существующему в стране положению, проживающие в Москве французы зарегистрировали и закупили большое количество пустующих мест. Таким образом, Московскому городскому совету еще долгое время придется проявлять заботу о кладбище «Мведенские горы».

ПЦГ

Перевела: оперпереводчик отд[ела] 2-Е 2 Гл[авного] Упр[авления] МГБ СССР] ПАКОВИЧ

ЦА ФСБ России. Р-38873. Л. 93—94. Заверенная машинописная копия.

№ 99

ЗАМЕТКА Г. ПЁРЦГЕНА «СОВЕТСКИЙ ОБРЯД» В ГАЗЕТЕ «ФРАНКФУРТЕР ЦАЙТУНГ»

21 декабря 1937 г.

Перевод с немецкого

ПЦГ, Москва, декабрь

Накануне крупных большевистских праздников, к 1 Мая, ко дню молодежи 1-го сентября и к годовщине революции, партийное руководство выдвигает ряд лозунгов, которые преподносятся массам. Эти лозунги пишутся на плакатах и транспарантах, их можно встретить на стенах домов, они на-

писаны белыми русскими буквами на красных полотнищах, этими лозунгами партийный функционер украшает стены своего учреждения, они преподносятся рабочему в заводской столовой, жители домов читают их на стенах парадных, а заключенные — в бараках своего лагеря; на протяжении нескольких дней от этих лозунгов не укроешься ни в театре, ни в кино или концертном зале, ни даже в пивной.

Лозунги — это пульс большевистского праздника, что до украшения фасадов и общественных зданий, то и здесь соблюдаются определенная церемония. Голову ломать не приходится, разнообразия почти нет.

Вступлением к массовому празднику является торжественное заседание. Зрительный зал московского Оперного театра переполнен надежными людьми, как, например, несметным количеством членов ЦИКа, являющихся испытанными большевиками, независимо от того, имеют ли они при себе партбилет.

И все же, на всякий случай, на каждый ряд зрительного зала выделяется четверо или пятеро молодых людей с пытливым взглядом, напоминающим чем-то героев Нат-Пинкертона и Шерлок Холмса. Входы в театр вежливо контролируются и охраняются солдатами ГПУ в хорошем обмундировании и голубых фуражках. Прежде, чем проникнуть в зал совещания, приходится 4 или 5 раз предъявить пригласительный билет и паспорт.

И вот обряд совершается: внезапно весь зал поднимается и стоя аплодирует. На авансцене появляется целый ряд господ и выстраивается за правительственным столом. В свою очередь, аплодируют и они.

Это те самые лица, которые запечатлены на тысячах плакатов. Вот стоит Сталин, с черными усами и темными глазами. На нем серо-голубой форменный пиджак без орденов. Он механически аплодирует, что, однако, не мешает ему разговаривать с рядом стоящим Ворошиловым. Военный комиссар добродушно осматривает зал. Проходит несколько минут, и, наконец, пожилой господин с белой бородкой берет в руки звонок; это государственный председатель Калинин подает знак к прекращению оваций.

«Да здравствует товарищ Сталин!» — все-таки раздается голос из зрительного зала. Находящиеся в зале мужчины и женщины только было собрались сесть, но они снова вынуждены подняться и аплодировать. На сей раз вмешивается звонок председателя. Стоящие за правительственным столом господа тоже рассаживаются. Сбоку стоит маршал Буденный, у него аккуратный пробор, и его можно легко узнать по пышным каштановым усам. Рядом с ним откинулся на спинку кресла маршал Егоров, широкоплечая, массивная фигура и холодные серые глаза. У обоих а груди красные ордена, некоторыми орденами они, очевидно, были награждены по несколько раз. На воротничке блестит пятиконечная желтая звезда.

«Товарищу Сталину — урра!» — снова раздается голос из зрительного зала. Публика опять поднимается и начинает аплодировать. И только 20—30 господ из боковой ложи спокойно, не аплодируя, продолжают сидеть на месте. Это представители дипломатического мира и «буржуазно-капиталистической» прессы из-за границы.

На трибуне — неизвестный молодой человек. После криков «ура» в честь конституции, в честь Ворошилова, Кагановича и прочих раздается, наконец, голос оратора. Он предлагает избрать в почетный президиум, а именно... Новая волна аплодисментов заглушает слова оратора. Ведь каждому заранее известно, что он хотел сказать: тов. Сталин! Снова все поднимаются, в том числе

и сам Сталин, который, к слову, избрал себе место не за правительственным столом, а в глубине сцены. Сейчас он снова встал и отвечает собранию аплодисментами на аплодисменты. Это также перешло в ритуал. Молодой человек в строго установленной последовательности высказывает свои предложения.

Особенно оживленно собрание приветствует Кагановича, нового наркома тяжелой промышленности, который известен как близкий друг диктатора. Пожалуй, его можно легко спутать со Сталиным: та же серо-голубая форма, такие же, немного свисающие, усы, та же прическа. Однако, в то время, как Сталин за последние полгода сильно поседел, Каганович производит впечатление моложавого и подвижного человека. В конечном итоге все партийное руководство, как по литургии, избирается в почетный президиум; кроме того — еще Димитров, который с сознанием собственного достоинства отвечает на бурные аплодисменты, к которым присоединяется и Сталин.

Но вот выступает праздничный докладчик, член Советского правительства. Слушатели получают возможность полтора часа изучать узоры на паркете.

Во 2-м ряду сидит прилично одетый господин со светлой шевелюрой, в расцвете лет, с поразительно свежим лицом, — это Вышинский, верховный прокурор. За последнее время у него не было мало дел, но, как видно, это на нем не отразилось, он остался в полном здравии.

Молодая блондинка с большими голубыми глазами, сидящая по ту сторону, очевидно, приемная дочь наркома Литвинова; человек с развевающейся окладистой бородой — исследователь Северного полюса, профессор Шмидт, руководитель челюскинской экспедиции; сейчас он избран кандидатом в Верховный Совет.

Сталин не очень следит за ходом доклада.

Не очень захвачена докладом и публика; она рассматривает лица, оборачивается. Председатель Калинин отклоняется немного назад и передает Всемогущему какой-то курьез, Ворошилов и Ежов тоже предпочитают слушать болтовню старика. Кстати, этот маленький бледный прапорщик позади стола — комиссар внутренних дел и руководитель ГПУ.

ПЦГ

Перевела: о/[перативный] отд[ела] 2-Е 2 Гл[авного] Упр[авления] МГБ СССР] ПАКОВИЧ

ЦА ФСБ России. Р-38873. Л. 99—101. Заверенная машинописная копия.

№ 100

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ЗАМЕТКИ Г. ПЁРЦГЕНА В ГАЗЕТЕ «ФРАНКФУРТЕР ЦАЙТУНГ»

24 декабря 1937 г.

Перевод с немецкого

В газ[ете] «Франкфуртер цайтунг» за 24 дек[абря] 1937 года помещена заметка за подписью ПЦГ (надо читать Перцген).

После лирического описания заснеженной Москвы автор продолжает:

«...Поражает, как хорошо русские умеют найти выход из тяжелого положения. Кто не имеет целой обуви, а таких большинство, — тот в любую погоду носит галоши, последние создают тепло даже в том случае, если одеты на стоптанные балетки». И дальше: «...удивительно еще, что почти каждый москвич имеет галоши. В магазинах их почти нет. Галоши надо запасать с лета, уловив момент, когда прибудет новая партия. Случается, что во всех

магазинах можно достать только один размер, примерно 44-й. А с ноября месяца и этот размер распродан. При сем следует заметить, что прежде производство галош являлось специальностью русских» и дальше:

«...В каждом русском коридоре можно улицезреть длинный ряд более или менее стоптанных галош, вокруг которых образуются грязные лужицы. Если кто-нибудь направляется к начальству, то оставляет галоши у швейцара. Входить в комнату в галошах — считается явно неприличным. А вот шапку в стране Советов не снимают, напротив, — истинный коммунист гордо появляется в шляпе у начальства, у врача и даже в ЗАГСе, демонстрируя этим непоколебимость своего классового сознания. Но в отношении галош классовое сознание сдает».

Перевела: оперпереводчик отд[ела] 2-Е [2 Главного Управления МГБ СССР] ПАКОВИЧ

ЦА ФСБ России. Р-38873. Л. 102. Заверенная машинописная копия.

№ 101
ЗАМЕТКА Г. ПЁРЦГЕНА «ОТСТАВКА ДИПЛОМАТОВ» В ГАЗЕТЕ «ФРАНКФУРТЕР ЦАЙТУНГ»

9 января 1938 г.

Перевод с немецкого

Москва, 8 января

Из целого ряда столичных городов исчез добрый десяток советско-русских дипломатов, репрезентировавших Сов[етский] Союз. Большинство из них официально отозвано в Москву, они уехали, не попрощавшись, и в один прекрасный день советское правительство сообщало о назначении преемников. Так, например, было в трех прибалтийских государствах[I].

В отношении Дании советско-русский комиссариат внешних дел ограничился устным заявлением послу в Москве. Было указано на то, что бывший посол Тихменев оставляет дипломатическое поприще, чтобы снова посвятить себя врачебной деятельности. Советское посольство в Варшаве мотивировало отсутствие своего шефа[II] семейными делами. О причинах отзыва Карахана из Анкары недавно сообщалось московским Верховным военным судом. Говорят, что преемник Карахана — Карский, также смещен со своего поста, а о Юреневе известно, что он не вернется больше в Берлин.

Бывший советский поверенный в делах в Греции[III], очевидно, своевременно сделал выводы из судьбы своих коллег. Его не отзывали в Москву, ему было достаточно того, что советский капитан пригласил его на чашку чая на свой корабль, бросивший якорь <нрзб> в море. Немедленно запаковав чемоданы, он отбыл в Париж.

Советский посол в Стокгольме г-жа Коллонтай пребывает сейчас в Америке, но из чувства справедливости следует заметить, что опасения престарелой дамы, может быть, и напрасны. Пока она еще пользуется милостью в Кремле.

[I] В 1937 г. полпредом СССР в Латвии был Стефан Иоахимович Бродовский; в Литве — Борис Григорьевич Подольский; в Эстонии — Алексей Михайлович Устинов.

[II] Речь идет о советском дипломате Якове Христофоровиче Давтяне.

[III] Речь идет о советском дипломате Александре Григорьевиче Бармине.

Пять послов и столько же, или еще больше, посланников для внешнеполитического аппарата страны — это мощное кровопускание. Никому неизвестно истинное преступление этих людей.

Не все ли равно, какой прием будет использован данным режимом для устранения внутреннего противника? Но приемы, применяемые в Москве к представителям своего же государства, вряд ли останутся незамеченными в остальной части мира. О правительстве, характеризующем своих послов и посланников как канальей и шпионов, в свою очередь создается своеобразное впечатление.

Легко представить, как приятно обмениваться рукопожатием с человеком, который, может быть, завтра будет болтаться на виселице. Однако этот вопрос затрагивает только личное достоинство. Гораздо труднее разрешить вторую проблему, которая в настоящий момент еще не стоит на повестке дня. А именно: одно из упомянутых советских представительств разослало от имени своего забракованного и, надо полагать, арестованного, если не расстрелянного, шефа прощальные визитные карточки членам дипломатического корпуса. Это, бесспорно, вежливый жест.

Но нет ли тут одновременно примеси цинизма, если кто-нибудь из потустороннего мира, во всяком случае, из Лубянской тюрьмы, рассылает «прощальные визитные карточки»?

ПЦГ

Перевела: оперпереводчик отд[ела] 2-Е [2 Главного Управления МГБ СССР] ПАКОВИЧ

ЦА ФСБ России. Р-38873. Л. 105—106. Заверенная машинописная копия.

№ 102

ЗАМЕТКА Г. ПЁРЦГЕНА «ТЕМПЫ» В ГАЗЕТЕ «ФРАНКФУРТЕР ЦАЙТУНГ»

26 февраля 1938 г.

Перевод с немецкого

Москва, конец февраля

«Счастливые часов не наблюдают». Если это правда, то советско-русские редактора самые счастливые люди в мире. В самом деле, никто не удивляется, если утренние московские газеты выходят лишь поздно вечером, что же касается журнальных редакторов, то не только часы, но дни и месяцы ими также не наблюдаются!

Так, например, не далее чем на этих днях «Журнал по внешней торговле» предложил своим абонентам номера за ноябрь-декабрь [1937 года — *сост.*]. Ежемесячный журнал «Красный архив» выпустил в середине февраля номер, который целиком и полностью выдержан в духе к прошедшей осени. На первой же странице читатель ставится в известность, что выборы в Верховный Совет назначены на 12 декабря.

Надо полагать, что о результатах работы они будут проинформированы только в следующем месяце, если до тех пор не будет издан декабрьский номер «Красного архива». Но редакции «Красного архива» нечего беспокоиться, она может сослаться на то, что, например, популярный ежегодник «Природа» выпустил недавно очередной номер, сообщающий о 20-й годовщине революции, которую в Советском Союзе отпраздновали 7-го ноября.

В Москве издается «Библиографический бюллетень марксистско-ленинской литературы», скорее не журнал, а газета, которая систематически сообщает о новых изданиях, которая, являясь органом государственного «Института Маркса-Энгельса-Ленина», является первым критическим зондом для экономико-политических журналов. В феврале 1938 г. читатель получил двойной номер за август-сентябрь (с приложением списка новых изданий) по май прошлого года.

Но и это пустяки, если принять во внимание, что журнал «Искусство» удосужился выпустить на этих днях специальный номер, посвященный столетию со дня смерти Пушкина. От этого юбилея нас отделяет ровно год. По этому поводу переполошилась даже советская пресса, которая в курсе дел. В защиту медлительного директора можно указать на то, что он издает еще один журнал — «Творчество», но и этот журнал вышел с большим опозданием, выпущен только сентябрьский номер. А чтобы устранить сомнения о виновнике такой медлительности, на переплете было написано: «Этот номер вышел с опозданием по вине редакции».

«Поспешишь — людей насмешишь», — гласит русская пословица, и действительно, американские темпы в России не импонируют. Здесь господствуют другие понятия о времени и скорости, которыми поясняются некоторые особенности русской жизни. С этим понятием столкнулся Андре Жид, встретившись во время посещения Советского Союза с рабочим-стахановцем, который сообщил Жиду, что за 5 часов выполнил работу, рассчитанную на 8 дней. «Осмелюсь спросить, — заканчивает Жид, — не означает ли это, что прежде этому человеку нужно было 8 дней, чтобы выполнить пятичасовую работу?».

ПЦГ

Перевела: оперпереводчик отд[ела] 2-Е 2 Гл[авного] упр[авления] МГБ СССР ПАКОВИЧ

ЦА ФСБ России. Р-38873. Л. 111—112. Заверенная машинописная копия.

№ 103

ЗАМЕТКА Г. ПЁРЦГЕНА «КОРРЕКТИВЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЛЕНИНА» В ГАЗЕТЕ «ФРАНКФУРТЕР ЦАЙТУНГ»

1 января 1939 г.

Перевод с немецкого

Явные противоречия между обещаниями, данными русскому народу до большевистской революции, с одной стороны, и советской действительностью, с другой — требуют и в чисто-теоретической области новых прикрас.

Если в 1917 г. Ленин заверял, что девизом коммунизма является требование: «От каждого по возможности, каждому по потребностям!» — то сегодня коммунистам приходится объяснять, почему же это до сих пор не осуществлено. Им приходится разъяснять, почему все еще ограничено распределение предметов потребления, почему до сих пор не отменяется контроль над масштабами рабочей производительности Почему каждый житель советской России не может свободно взять все себе необходимое, «по потребностям», как писал Ленин? Почему требование пророка сегодня видоизменено и, впрочем, как во всем мире, — гласит: «Каждому — по труду»?

В свое время Ленин, со своей стороны, также сделал осторожную оговорку, что, конечно, неизвестно, какие этапы придется пройти человечеству, прежде чем оно, наконец, придет к подобному райскому состоянию.

По его же словам, пока что труд превратится в «естественную потребность» человека, какими являются «еда и питье». А теперь можно судить о расстоянии, которое отделяет Советский Союз от его конечной стадии. Последователи Ленина не испытывают трудностей, они поясняют все несогласованности, всю неприглядность действительности своеобразием «этапа».

Осуществление революционной программы отодвинуто на неопределенный срок; все чаще идея коммунизма рассматривается как своего рода земной рай, отличающийся от религиозного представления тем, что ни один из современников не верит в возможность попасть в него.

В ежемесячном журнале «Большевик», официальном органе партийного руководства, разъясняется теперь другое теоретическое противоречие, свидетельствующее о несостоятельности основных программных пунктов коммунизма.

В 1919 г. программа партии обещала преобразование Красной Армии во «всеобщую социалистическую народную милицию», что означает вооружение всего народа, как гарантия уважения последнего.

Разумеется, это требование не было осуществлено. Журнал «Большевик», который является несменным толкователем сталинской точки зрения, не утаивает того, что об осуществлении этого старого пункта программы не может быть и речи.

Больше, по мнению журнала, в этом отношении ленинская точка зрения нуждается в коррективе. Потому что «капиталистическое окружение» Советского Союза так же, как и состояние современной советской техники, требует наличия постоянных войск.

Это связано также с подавлением как отдельных лиц, так и групп, враждебных социализму, в которых усматривается лишь «доверенных лиц капиталистических государств».

Борьба с этими людьми делает также необходимым дальнейшее существование органов ГПУ, которые, — несмотря на все провозглашенные лозунги, — нужны будут до тех пор, пока будет существовать капиталистическое окружение, т.е., в лучшем случае, до момента победы мировой революции, которой ожидают в Москве.

ПЦГ

Перевела: оперуполном[оченный] отдела 2-Е [2-го Главного управления МГБ СССР] ПАКОВИЧ

ЦА ФСБ России. Р-38873. Л. 113—114. Заверенная машинописная копия.

№ 104

СТАТЬЯ Г. ПЁРЦГЕНА «НОВОЕ ГПУ» В ГАЗЕТЕ «ФРАНКФУРТЕР ЦАЙТУНГ»

9 февраля 1939 г.

Перевод с немецкого

Москва, февраль

Несколько месяцев тому назад, без особого шума, в зеленом здании на Лубянской площади появился новый начальник ГПУ, Берия. Без шума сменил он старых сотрудников своего предшественника, Ежова, собственными доверенными людьми.

Своим первым заместителем он назначил некого Меркулова, 42-х летнего русского человека из Азербайджана. Как выяснилось, последний провел всю свою жизнь в окружении Берии. За время многосторонней деятельности Берии в различных органах Кавказской ЧЕКа и ГПУ он всегда находился в сопровождении этого сотрудника, поднимаясь по должностной лестнице.

Берия вел его за собой. В 1931 г., одновременно с Берией, Меркулов стал работать на партийном поприще. Таким образом, вполне естественно, что новый начальник ГПУ взял с собой из Грузии в Москву старого боевого соратника.

С той осторожностью, с которой Берия постепенно обосновывается на своем посту, избегая открытого конфликта с предшественником Ежовым, он также назначал своих доверенных лиц на руководящие посты вне столицы. Прежде всего, произошли перемены в руководстве ленинградского ГПУ. Его начальник, Литвин, исчез так незаметно, что стали даже поговаривать о самоубийстве; незаметно его сменил бывший комиссар внутренних дел Грузии Гоглидзе.

Газета «Советская Украина», прибывшая на этих днях из Киева в Москву, свидетельствует о том, что украинский комиссар внутренних дел Успенский больше не числится в живых.

На групповом снимке украинских властей, сделанном во время ленинского заседания, его место занимает другая личность, какой-то черноглазый кавказец в военной форме. Его фамилия Кобулов, о нем известно только то, что до сих пор он является членом партийного руководства Закавказья и наряду с другими, служившими в ГПУ летом 1937 г., после расстрела Тухачевского был награжден орденом Ленина.

Таким образом, действуя бесшумно и осмотрительно, Берия распространяет свое влияние на внутренние административные органы. Создается впечатление, что новый хозяин прилагает все усилия к тому, чтобы сохранить установленные формы. Как образованный человек, а он — типичный интеллигент, — Берия, по-видимому, хочет придать ГПУ более гражданскую окраску.

Вот чем можно пояснить то, что где-нибудь на периферии вдруг привлекаются к ответственности один-два следователя в связи со своеобразными методами работы, или слышишь о некоторых видоизменениях приговоров, которые хоть и не изменяют положения заключенных, но могут его облегчить.

В отличие от своего предшественника Ежова, Берия зарекомендовал себя как гибкий тактик, который учитывает как внутренне, так и внешнеполитическую реакцию проводимых им мероприятий. Это не мешает ему, как и прежде, усматривать свою задачу в уничтожении так называемого «внутреннего врага».

Именно об этом говорил несколько дней назад в московском Большом театре партийный заправила Щербаков. «Мы не можем еще утверждать, — воскликнул он, — что враги полностью разоблачены и уничтожены. Это еще не все; поэтому борьба против врагов народа будет продолжаться с неослабевающей силой».

Когда произносились эти слова, Берия (впрочем, так же, как и его предшественник Ежов), стоял возле ораторской трибуны, и не следует думать, что острота и решительность этого заявления противоречат его намерениям.

ПЦГ

Перевела: оперпереводчик отд[ела] 2-Е [2-го Главного управления МГБ СССР] ПАКОВИЧ

ЦА ФСБ России. Р-38873. Л. 115—116. Заверенная машинописная копия.

№ 105
ЗАМЕТКА Г. ПЁРЦГЕНА «ДЕТИ, ОПАСНЫЕ ДЛЯ ГОСУДАРСТВА» В ГАЗЕТЕ «ФРАНКФУРТЕР ЦАЙТУНГ»

14 марта 1939 г.

Перевод с немецкого

Москва, март

Абоненты новосибирской газеты «Советская Сибирь» имели на этих днях возможность ознакомиться с процессом, перед которым бледнеют все негативные стороны Советского Союза. Четыре чиновника ГПУ и один прокурор приговорены к лишению свободы (причем с явно недостаточным сроком) по обвинению в том, что они долгое время держали в тюрьме множество детей в возрасте от 10 до 12 лет, инкриминируя им создание «антигосударственной троцкистско-фашистской террористической организации».

Это похоже на гротеск, но в газете черным по белому написано, что наличие 2—3-х перочинных ножей явилось для следователей ГПУ достаточным основанием, чтобы скроить из этого дело, согласно знаменитой 58-й статье, предусматривающей «антисоветский террор».

«Я руководствовался единственной статьей 58», — заявил на допросе следователь, и эту статью я старался применять ко всем преступлениям. Он изобрел целую организацию, якобы, существовавшую в школах маленького сибирского городка Ленинск-Кузнецк и, согласно данным ГПУ, охватывавшую один раз 60, а другой раз 160 детей.

Что до следственных мероприятий, то снова подтверждается давно известный факт, что все эти знаменитые «признания» явились лишь результатом принуждения: угроз и пыток. Восемь месяцев заключения сломили детей, и, наконец, они выучились вторить следователю во всем.

«Ты принадлежал к контрреволюционной фашистско-террористической организации?» — спрашивал чиновник ГПУ на ночном допросе у десятилетнего мальчика. Последний механически отвечал: «Да, я признаю себя виновным, я принадлежал к контрреволюционной фашистско-террористической организации». — «Ты возглавлял эту группу?» — «Да, сознаюсь, я возглавлял эту группу».

«Ты начинал свою агитационную работу в 1935 г.?» — «Да, я признаю свою вину, — отвечал маленький узник, — я начал свою агитационную работу в 1935 г.». А между тем в упомянутом году мальчику исполнилось всего 7 лет. Но это не смущало следователя. Ведь возраст обвиняемых в протоколе не указывается. Дети должны были подписать свои показания, и необходимый следственный материал был готов. Детей разместили в общих камерах, вместе с бандитами, а также политизаключенными. Постельным бельем их не обеспечивали.

Когда впоследствии спросили, известно ли им вообще, что за люди — троцкисты-бухаринцы, то они ответили: «Конечно, ведь мы вместе сидели в тюрьме!». А в отношении фашистов они дали совершенно точное определение, так как встречались с ними в фильмах: «Это люди в белых шапках».

ПЦГ

Перевела: оперпереводчик отд[ела] 2-Е [2-го Главного управления МГБ СССР] ПАКОВИЧ

ЦА ФСБ России. Р-38873. Л. 117—118. Заверенная машинописная копия.

№ 106
ХОДАТАЙСТВО Г. ПЁРЦГЕНА НА ИМЯ МИНИСТРА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СССР

4 мая 1949 г.
Владимир

Гр-ну Министру Государственной безопасности СССР
Москва

от з/к Перцген Герман Вильгельмович
Владимирская тюрьма
Приговорен к 15-летнему закл[ючению]
постановлением Особого совещания
от 23/6 1948 (ст. 58, 6)

Гражданин Министр!

Почти пять лет я нахожусь теперь в тюрьме после того, как в 1944 г-ду — в Болгарии — я попался в плен Красной Армии.

Будучи уверен в том, что главной причиной моего заключения являются общие политические соображения, я обращаюсь к Вам с просьбой о пересмотре моего дела для смягчения приговора с тем, чтобы я мог вернуться на родину вместе с остальными германскими военнопленными в течение текущего года.

Я прошу об этом тем более, что я всегда был убежденным демократом, что явствует из следственного материала. Нисколько не являюсь врагом СССР, я с первого дня моего заключения в устной и в письменной форме подчеркнул, что не следовало рассматривать как противника советской политики; наоборот, я такой же сторонник мира и демократии, как представители немецкой интеллигенции, которые в Германии искренне сотрудничают с Советским Союзом.

Поэтому прошу ограничиваться тем, что я уже здесь пережил одну треть моего срока, — пять долгих лет! Я обещаю, что не буду участвовать в никакой деятельности, направленной против СССР, но отдать все силы для мира и укрепления дружественных отношений между нашими народами.

ПЁРЦГЕН, ГЕРМАН ВИЛЬГЕЛЬМОВИЧ

4/5 [19]49

ЦА ФСБ России. Р-38873. Л. 142—142об. Подлинник. Рукопись. Автограф.

№ 107
ХОДАТАЙСТВО Г. ПЁРЦГЕНА НА ИМЯ ЗАМЕСТИТЕЛЯ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР Л.П. БЕРИЯ[1]

27 октября 1949 г.
Владимир

Москва, Кремль
Заместителю Председателя Совета Министров СССР Л.П. Берия

[1] В документе сохранена стилистика оригинала, составителями исправлены только явные грамматические ошибки.

от б[ывшего] германского корреспондента
Перцген Г.В.
Владимирская тюрьма
В 1944 г. взятого в плен, в 1948 г. приговоренного ОСО МГБ на 15 лет заключения (ст. 58, 6, 1)

Гражданин Министр!

Я обращаюсь к Вам с этим кратким письмом, в закрытом конверте, надеясь, что Вы сами его прочтете.

Оно представляет собой просьбу о справедливости, я невиновен — но все же приговорен!

Моя невиновность — видна из протоколов и свидетельских показаний моего «дела». Надо только его внимательно прочитать, чтобы убедиться: не в моей вине, а в моей невиновности!

Неоднократно я указывал на то, что также не существует никакой политической причины репрессии против меня. Из следственного материала видно, что я не участвовал в никаких военных преступлениях. Я совсем не был участником войны, жил почти все время войны в Африке (Марокко). Кроме того, я не был фашистом, что тоже видно из моего дела, а демократом, московским корреспондентом единственной нефашистской германской газеты «Франкфуртер цейтунг» (запрещенной Гитлером в 1942 г.)[64]. Брат мой попал в качестве коммунистического деятеля в фашистский концлагерь.

Сторонник демократии и мира, сторонник дружественного сотрудничества с СССР, я прошу Вас о репатриации, чтобы получить возможность жить и работать в Советской зоне Германии. Я обещаю никогда не заниматься какой бы то ни было деятельностью, направленной против СССР, а наоборот, стараться всеми силами содействовать делу мира, демократии и дружбы с Советским Союзом.

Поэтому прошу Вас, гражданин Министр, дать мне возможность возвратиться на родину совместно со всеми немецкими военнопленными в течение этого года.

В случае, если моя просьба невыполнима — прошу вас предоставить мне — на время моего пребывания здесь, возможность заниматься литературным трудом — переводами. Я хочу работать над переводом на немецкий язык лучших книг советской литературы, как, например, Пановой «Спутники», Водовозова «Воспоминания» и др. для последующего напечатания, когда это будет возможно.

Так как я не имею средств для личного приобретения письменных принадлежностей, я вынужден просить Вас о распоряжении снабдить меня всем необходимым для этой работы в условиях тюрьмы.

ПЁРЦГЕН, ГЕРМАН ВИЛЬГЕЛЬМОВИЧ

Владимир, 27/10 [19]49

ЦА ФСБ России. Р-38873. Л. 138—138об. Подлинник. Рукопись. Автограф.

№ 108
ЗАЯВЛЕНИЕ Г. ПЁРЦГЕНА НА ИМЯ МИНИСТРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР

30 декабря 1953 г.
Владимир

Гражданину
Министру Внутренних Дел СССР
Москва

Владимирская тюрьма, 30.XII.[19]53
от: Пёрцгена Германа Вильгельмовича, попавшего в плен в 1944 г., арестованного в 1947 г., приговоренного «ОСО» в 1948 г. к 15-летнему заключению по ст. 58,6.

Заявление

Гражданин министр,

Попав во время войны в плен Советской Армии, я принадлежу к числу тех немцев (гражданских лиц), которые теперь надеются, что и они будут освобождены от дальнейшего отбывания срока наказания — в духе договоренности от 23-го августа 1953 г. Не будучи обвинен ни в каких-либо военных преступлениях, ни в преступлениях против мира или человечности, я не стану здесь излагать свои соображения насчет обвинения. Тут все на первый взгляд видно из моего дела. Я также не стану здесь излагать политическую сторону: из следственного материала, свидетельств, протоколов и заявлений явствует мое демократическое мировоззрение.

Разве может Советский Союз считать, что после почти десяти лет тюремного заключения все еще не выстрадана та скромная роль, которая пала на мою долю?

Но я решился указать на обстоятельства, которые усложняют мое заключение, превращая его в роковое для меня испытание.

Я с юности страдал туберкулезом легких в очень тяжелой форме и в свое время пролежал пластом 14 месяцев, борясь со смертью. Два с половиной года я лечился после этого в закрытом санатории в Швейцарии, и в течение всей моей жизни я часто подвергался рецидивам и лечениям, — последний раз в 1943-м году.

Вследствие разных заболеваний уменьшился объем моих легких на 1/5 нормального, что вызывает постоянное повышение пульса с краткодыханием[1]. Нетрудно угадать, сколько мучения причиняет мне пребывание в спертом, закуренном воздухе общей камеры с ее недостатком кислорода. Нетрудно также угадать, насколько такие условия должны сокращать мою и без того, наверно, не длительную жизнь.

Слабость моего здоровья неоднократно заставляла администрацию тюрьмы предоставить мне на продолжительное время больничное питание. Все-таки — будучи лишен материальной поддержки со стороны родственников — я не мог вырваться из состояния изнуренности и недоедания.

Поэтому я обращаюсь к Вам с просьбой учитывать безвыходность моего положения, освободить меня от дальнейшего отбывания срока наказания и разрешить мне возвращение на родину к своим близким, с которыми я уж десятый год не имел никаких связей.

ПЁРЦГЕН, ГЕРМАН ВИЛЬГЕЛЬМОВИЧ

ЦА ФСБ России. Р-38873. Л. 154—154об. Подлинник. Рукопись. Автограф.

[1] Так в документе.

№ 109
ЗАЯВЛЕНИЕ Г. ПЁРЦГЕНА НА ИМЯ ГЛАВНОГО ПРОКУРОРА СССР

12 апреля 1957 г.
Москва

Гр-ну Главному Прокурору СССР
Москва
Пушкинская ул., 15

от иностранного корреспондента Пёрцгена
Германа Вильгельмовича
Москва
Гостиница «Савой», 406

Заявление

В течение войны я оказался немецким военнопленным в СССР, где постановлением «Особого совещания» приговорили к 15-летнему заключению. При этом истолковали мою деятельность в качестве корреспондента германской газеты «Франкфуртер Цайтунг» в Москве как «шпионаж».

В 1955 году на основе амнистии я был репатриирован.

Будучи теперь вновь членом редколлегии и московским корреспондентом той же самой буржуазно-демократической газеты («Франкфуртер Альгемейне Цайтунг»[65]) в Москве, я был бы Вам очень благодарен, если Вы хотели бы вполне выяснить вышеуказанное юридическое дело. Поэтому я обращаюсь к Вам с просьбой о проверке следственного материала с целью реабилитации.

Из этого следственного материала очевидно, что я был совершенно невиновен в шпионаже и что для приговора не было никакого основания.

Я добавляю, что я не намерен связать с этой просьбой какие-либо материальные претензии.

Единственное мое желание — это восстановить свою честь перед лицом Советского Союза и справедливость.

ПЁРЦГЕН, ГЕРМАН ВИЛЬГЕЛЬМОВИЧ

ЦА ФСБ России. Р-38873. Л. 161. Подлинник. Машинопись. Автограф.

№ 110
СООБЩЕНИЕ № 157 ПОСОЛЬСТВА СССР В ФРГ «КОРРЕСПОНДЕНЦИИ Г. ПЁРЦГЕНА ИЗ МОСКВЫ (ПО СТРАНИЦАМ "ФРАНКФУРТЕР АЛЬГЕМЕЙНЕ")»

23 апреля 1957 г.
Бонн

Посольство СССР в ФРГ

Копия
«23» апреля 1957 г.
№ 157

КОРРЕСПОНДЕНЦИИ Г. ПЁРЦГЕНА ИЗ МОСКВЫ (ПО СТРАНИЦАМ «ФРАНКФУРТЕР АЛЬГЕМЕЙНЕ»)

Боннский редактор влиятельной буржуазной газеты «Франкфуртер альгемейне» Г. Пёрцген находится с декабря 1956 года в качестве временного корреспондента в Москве. В течение всего времени он непрерывно снабжа-

ет свою редакцию преимущественно небольшими заметками на разнообразные темы о жизни в Советском Союзе и его политике.

Характерной особенностью нынешней деятельности этого известного еще в фашистское время журналиста является настойчивое, порой замаскированное, пропагандирование всяческой вражды к СССР, тщательное выискивание мелких недостатков советской действительности, чтобы опорочить КПСС и Советское правительство.

Исходя из своих глубоких антисоветских убеждений, Пёрцген тенденциозно подбирает материал и всячески скрывает или извращает истинный смысл тех или иных событий. Так, например, комментируя статью «Правды» и «Известий» об обмене Посланиями между Н.А. Булганиным и Аденауэром, он замалчивает смысл и содержание этих статей, призывающих к улучшению отношений, и выпячивает одну критическую сторону, подчеркивая тем самым «непримиримый» характер выступлений советской печати.

Заметки Пёрцгена во «Франкфуртер альгемейне» публикуются под характерными заголовками, рассчитанными на сенсацию: «Только предвыборный маневр — Москва о поездках Брентано», «Русское наступление на европейский рынок», «Очередная русская угроза в адрес Дании» и т.д.

Касаясь заявления МИД СССР относительно создания единого рынка и Евроатома, автор пишет:

«Русским неприятна мысль о том, что в будущем им может противостоять единый западный коллектив, а не разрозненные партнеры по торговле. Однако более всего Москву беспокоит возможность возникновения других атомных держав, и именно этому они хотят помешать всеми средствами... Не только чисто тактические и пропагандистские причины побудили Советский Союз проявить эту запоздалую инициативу. Опасаются, что Евроатом выбьет почву у многочисленных внешнеполитических концепций Советского Союза и тем самым решающе ослабит его позиции на переговорах» («Франкфуртер альгемейне, 18.III. [19]57 г.»).

В корреспонденции «Очередная угроза в адрес Дании» Пёрцген дает следующий вывод:

«Дипломатическое наступление Булганина на единство Атлантического блока продолжается... Единственная цель Булганина — поколебать членов НАТО, заставить их почувствовать риск, который они берут на себя в случае войны».

В статье «теперь Москва нападает на бермудские планы» Пёрцген пытается представить заявление МИД СССР как одну из очередных, поучительных лекций в адрес других народов. Бегло остановившись на содержании заявления, автор утверждает:

«С исключительной активностью Советское правительство продолжает настраивать общественное мнение европейских стран против политики стран-участниц НАТО с тем, чтобы заручиться у них поддержкой для своих планов в области разоружения и безопасности. Именно в этом плане следует оценивать заявление советского МИДа, которое пользуется окончанием Бермудских переговоров для того, чтобы обратиться на сей раз с предостерегающими, кассандровскими окриками в адрес Великобритании, затронув при этом Западную Германию».

Наиболее тенденциозно освещает Пёрцген в своих заметках внутренние события в СССР. Он пристально следит за жизнью советского народа, вы-

лавливает в прессе, в радиопередачах отдельные критические замечания по тем или иным вопросам. Прикрываясь «объективизмом», Пёрцген старается приводить в своих корреспонденциях как можно больше цитат, зачастую вырванных из статей в советской печати.

О I съезде художников Пёрцген в заметке, озаглавленной «Шепилов осуждает абстрактное искусство», намеренно путано и туманно передает содержание доклада Д.Т. Шепилова и все внимание концентрирует на критической части доклада.

Газета «Франкфуртер альгемейне» 9.III. опубликовала большой по объему очерк Пёрцгена, озаглавленный «Есть ли настоящая любовь». Используя обзор писем читателей, опубликованный в журнале «Октябрь», Пёрцген смакует критические высказывания по вопросам семьи и брака и пытается доказывать, что упоминаемые в письмах отдельные уродливые явления присущи всей советской молодежи.

Факт поездки т. Н.С. Хрущева на Кубань Пёрцген использует для того, чтобы еще раз показать «непреодолимые» трудности в сельском хозяйстве. Он пишет:

«Самые видные представители московского коллективного руководства снова разъезжают по провинции для того, чтобы путем пришпоривания крестьян добиться повышения производительности сельского хозяйства» («Франкфуртер альгемейне, 11.III. [1957 г.]»).

Источником информаций Пёрцгену зачастую служат всевозможные слухи, сплетни и догадки, имеющие хождения среди иностранных журналистов и дипкорпуса в Москве. В обширной статье, озаглавленной «Корреспондент в Москве», Пёрцген 13 апреля не скрывает этого. Он пишет:

«Там, где возможности журналистской информации весьма ограничены, корреспонденты вынуждены в основном полагаться на свою способность к комбинированию. Ведь и русские читатели привыкли читать о важном между строк. Вряд ли в какой-нибудь другой стране, кроме Советского Союза, имеются такие трудности в понимании действительного значения какого-либо мероприятия или заявления... В Москве почти не имеется возможностей для получения официальных справок по поводу каких-либо важных событий. Поэтому нечего удивляться тому, что именно отсюда снова и снова исходят рискованные предположения... Читателю некоммунистического мира часто приходится иметь дело с выводами, не имеющими под собой никакой почвы, по-видимому, не удастся избежать этого и в будущем.

И когда на месте приходится видеть, каким образом возникают комментарии, то можно лишь срочно предостеречь от того, чтобы не принимали за чистую монету в спешном порядке импровизированные корреспонденции. Чего стоят, например, такие теперь уже давно забытые утверждения и прогнозы последних месяцев, державшие в напряжении читателя: Хрущев перед крушением! Булганин на место Ворошилова, Маленков — снова премьер-министр!... Таким образом дурачат мир».

Пёрцгеном хорошо усвоены охарактеризованные им самим приемы и методы иностранных журналистов. Сообщая в одной из корреспонденций о награждении Н.С. Хрущева, Пёрцген пишет:

«Никто не сомневается, что Президиум Верховного Совета хочет поддержать этим награждением предложения о децентрализации в области промышленности и сельского хозяйства, связанные с именем Хру-

щева. И если, как некоторые полагают, эти предложения и являются результатом длительных, насыщенных противоречиями споров, то награждение со стороны высшей государственной инстанции еще раз подчеркивает несомненный авторитет Хрущева» («Франкфуртер альгемейне, 10.IV. [19]57 г.»).

В таком же тенденциозном духе Пёрцген дает обзор советской печати в связи с обсуждением тезисов доклада Н.С. Хрущева. В корреспонденции «Перестройка в Советском Союзе» («Франкфуртер альгемейне, 10.IV. [1957 г.]») он извращает истинное содержание тезисов и характер всенародного обсуждения. Он ищет более «глубокие» причины этих мероприятий. Вводя в заблуждение своих читателей, Пёрцген пишет:

«Повсюду беспрерывно обсуждается перестройка советской экономики, которая на долгие годы поглотит все силы. Доброй половины населения коснутся в той или иной степени эти нововведения. Многие стоят перед перспективой в связи с запланированными реформами быть переселенными из любимой столицы или из других крупных центров в новые, незнакомые места. Период разлуки, перемещения огромных человеческих резервов нависает над советскими гражданами. Этап не менее решающий, чем имевшая место 30 лет назад индустриализация. Уже полгода назад появились признаки приближающегося шторма (имеется в виду декабрьский Пленум ЦК КПСС). На февральском пленуме в жестокой борьбе удалось утвердить точку зрения о более значительном структурном изменении. Для этой цели Хрущев отозвал из МИДа в ЦК экономического теоретика Шепилова. “Тезисы” беспощадно анализируют нетерпимое состояние промышленности».

Обращает на себя внимание тот факт, что Пёрцген часто пользуется в своих корреспонденциях материалами, публикуемыми на страницах «Советской России». Так, например, статья «Немцы Поволжья пишут Аденауэру» («Франкфуртер альгемейне, 13.III. [19]57 г.») комментирует открытое письмо Аденауэру колхозников немецкого происхождения, опубликованное в «Советской России».

Пёрцген пишет, что авторы письма исходят из неправильного предположения о том, что канцлер, якобы, потребовал переселения в ФРГ полутора миллионов немцев в качестве предпосылки для установления дружественных отношений с Советским Союзом.

В этой связи Пёрцген сразу же делает вывод о том, что авторов письма заведомо неправильно проинформировали. Пёрцгену не понравились заявления колхозников о том, что живут они обеспеченно и хорошо. Приведя некоторые цифры, он начинает иронизировать по поводу этого «благополучия». Он пишет:

«На трудодень было выдано по 3 руб., а килограмм сахара стоит около 10 рублей, а также всего 2,5 кг зерна. Колхоз расположен в Кулундинском районе, однако, немцы не пишут, когда и каким образом они попали в эту отдаленную область, расположенную недалеко от монгольской границы».

Таково содержание статей Пёрцгена и его приемы, заимствованные из арсенала геббельсовского министерства пропаганды

А. БОНДАРЕВА

ЦА ФСБ России. Р-38873. Л. 166—170. Заверенная машинописная копия.

Советник посольства оберфюрер СА Вилли Редель

№ 111
СОБСТВЕННОРУЧНЫЕ ПОКАЗАНИЯ ОБЕРФЮРЕРА СА В. РЕДЕЛЯ[I]

26 декабря 1944 г.
Москва

Перевод с немецкого

Что гитлеровское командование еще во время подписания с СССР договора о дружбе думало уже о его разрыве, доказывает нижеследующее высказывание бывшего посла фон Киллингера: «Гитлер с самого начала не думал о том, чтобы соблюдать договора с СССР. В то время он только лишь хотел иметь тыл в безопасности. Мне сообщено, что нападение на СССР произойдет через 3 месяца, и я знаю также дату нападения».

Чтобы ввести русских в заблуждение, установлено организовать встречу обоих министров иностранных дел в Вене. Фабрики знамен получили задание для изготовления в большом количестве знамен. Миру и германскому народу Гитлер хочет показать, какие честные намерения имеет он по отношению к СССР, с тем расчетом, чтобы позднее он смог свалить вину за возникновение войны на русских.

Насколько мне помнится, это заявление сделал фон Киллингер в присутствии меня и его жены, за 3 м[еся]ца до нападения на СССР, после одной поездки в Берлин.

[РЕДЕЛЬ]

Перевела: оп[еративный] уполн[омоченный] 2 отдела 3 Гл[авного] управления МГБ СССР ст[арший] лейтенант СТЕСНОВА

ЦА ФСБ России. ПФ-9653. Л. 477. Заверенная машинописная копия.

№ 112
СОБСТВЕННОРУЧНЫЕ ПОКАЗАНИЯ ОБЕРФЮРЕРА СА В. РЕДЕЛЯ

14 января 1945 г.
Москва

Перевод с немецкого

АТТАШЕ ПОЛИЦИИ РИХТЕР

Рихтер являлся штурмбанфюрером СС и одним из старейших руководителей службы разведки. О его предыдущей деятельности посольству мало известно. До вступления в свою должность в Бухаресте он был во Франции. По требованию румынского правительства он был командирован в Бухарест в качестве консультанта по еврейскому вопросу. Здесь он работал вместе с румынским комиссаром Раду Лекка и с председателем еврейского объединения Хингольдом[II].

[I] Подлинник на немецком языке — л.д. 478—478об.
[II] Так в документе, правильно — Гингольд.

Рихтер был только придан посольству. Он подчинялся непосредственно послу, а в административном порядке консульскому отделу. Указания он получал от Главного управления государственной безопасности[1].

После перевода на другую должность штандартенфюрера СС Беме Рихтер стал атташе полиции. Пока он был консультантом, у него было в служебном здании консульского отдела свое бюро, теперь же он окончательно переселился в здание консульского отдела, улица Эрландас.

Рихтер был почти полностью самостоятельным. У него был свой собственный персонал, который назначало и оплачивало Главное управление государственной безопасности. К его служебному бюро принадлежали: комиссар по уголовным делам от государственной полиции Карр, хауптштурмфюрер СС Аллигер от службы разведки и 2—3 секретаря.

Его главная задача как атташе полиции заключалась в установлении связи с румынской полицией и в замещении рейхсфюрера СС и полиции в Румынии. Затем к его служебным обязанностям относилось: контроль немцев (сообщение при въезде и выезде), разбор жалоб на немцев, дополнительная проверка ходатайствующих о въезде в Германию и разведслужба.

Рихтер сохранил за собой и должность консультанта по еврейскому вопросу. Разведслужба, которую я считаю главной задачей атташе полиции, была организована самим Рихтер и работала, главным образом, для Центрального управления разведслужбы в Берлине. Его помощником являлся СД фюрер Аллигер, который бегло говорил по-румынски и был по происхождению, очевидно, из Буковины.

Для целей разведслужбы Рихтер, по его собственным заявлениям, располагал большим фондом. По высказываниям, которые Рихтер делал послу, ему подчинялись все работающие в Румынии главные и побочные руководители, а также и члены СД. Кроме того, все руководители СД и члены СД должны были по прибытии в Бухарест явиться к нему.

Рихтер ежедневно доставлял послу поступающие политические сведения. Те сведения, которые, якобы, представляли интерес только для СД Берлина, шли туда запечатанными без просмотра их послом. Рихтер делал это не сам от себя, а соответственно своим служебным инструкциям, которые были известны послу. Рихтер был особенно деятелен в области разведки. Мне это частично известно, т.к. я получал его сообщения от посла для занесения их в картотеку.

Сотрудники СД и агенты Рихтера посольству, конечно, не знакомы. Находящиеся при посольстве представители СС, которые, вероятно, работали для СД, по моему мнению, не имели с Рихтером ничего общего. Очень может быть, что на него работали радист Ямбор, а также д[окто]р Вайлингсхаузен из отдела по культурным делам.

Известны только как вероятные сотрудники Рихтера: журналист Мерхель, владелец одной транспортной фирмы Шаренбройх, а также швейцарский журналист Вельти. Так как Аллигер очень часто был в разъездах, надо считать, что разведаппарат Рихтера распространялся по всей Румынии.

Я не могу сказать, занимался ли атташе полиции своей разведдеятельностью с ведома румынских органов власти. Мне только известно, что маршал один раз жаловался послу на действия СД и сотрудников Гестапо. Посол, противник СС и Гиммлера, был не согласен с деятельностью СД. Но

---

[1] Так в документе, речь идет о Главном управлении имперской безопасности (РСХА).

он был бессилен сделать что-либо против (Киллингер, выпущенный Гитлером на свободу 30.VI. 1934 г., был арестован по настоянию группенфюрера СС Эбертайна[I], доставлен в концлагерь Хоэнштайн, и, несмотря на освобождение, его должны были расстрелять).

Киллингер имел специально для личного наблюдения за Гиммлером нелегальных сотрудников СД, которые, помимо прочих, имели особое задание следить за служебной деятельностью и личной жизнью Гиммлера, а также наблюдать за посольством. Киллингер благодаря этой дате (30.VI. [19]34 г.) попал в немилость к Гитлеру. Он должен был распроститься с должностью премьер-министра и СА фюрера в Саксонии. Лишь в 1938 г. он получил пост генерального консула в Америке, после того как он добился разрешения эмигрировать.

По мнению Киллингера, партия занималась также и политическими разведсведениями[II]. В этой области специально должен был работать заместитель ландсгруппенляйтера Гассенпфлуг.

Посольству, которое не имело тесной связи с партией, его сотрудники неизвестны. Но среди немцев, живущих в Бухаресте, должны находиться активисты партии, которые могут это разъяснить. Ландсгруппенляйтер Больхаммер должен находиться в Германии.

О разведслужбе народных групп в Румынии посольство не может ничего объяснить. Но можно предположить, что они работали вместе с атташе полиции. Руководитель народных групп был из высшего командного состава СС. Взял ли Рихтер после устранения от должности Канариса, службу контрразведки на себя, я не могу сказать.

[РЕДЕЛЬ]

Перевела: оперуполномоченный 2 отдела 3 ГУКР МГБ СССР старший лейтенант СТЕСНОВА

ЦА ФСБ России. ПФ-9653. Л. 479—451. Заверенная машинописная копия. Подлинник на немецком языке — л.д. 482—484об.

Советник Вальтер Рейнгард

№ 113
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА СОВЕТНИКА В. РЕЙНГАРДА

13—14 сентября 1945 г.
Берлин

Я, следователь 4-го отдела Берлинского оперсектора НКВД, гв[ардии] капитан Дворсков, в присутствии переводчика Хоральского допросил арестованного Рейнгард Вальтера.

Переводчик за неправильность перевода предупрежден об ответственности по ст. 95 УК РСФСР

ХОРАЛЬСКИЙ

[I] Так в документе, вероятно, речь идет об обергруппенфюрере СС Фридрихе Карле Эберштайне.

[II] Так в документе.

Допрос начат в 21 час 25 минут.

Вопрос: Расскажите подробно о вашем прохождении службы до настоящего времени, где, когда и в качестве кого вы работали?

Ответ: Окончив ряд университетов и получив юридическое образование, с 1910 по 1914 год я служил сначала в должности мирового судьи, далее уездного судьи и последнее время высшего уездного судьи в гор. Франкфурт-на-Майне. С 1914 года я был призван в немецкую армию, где имел звание сначала лейтенанта, а с мая 1918 года в звании старшего лейтенанта. Участвовал на фронтах во Франции и в Галиции и, будучи ранен несколько раз, в 1918 году в июле месяце был демобилизован из армии.

С 1918 по июль месяц 1920 года проживал в гор. Берлине и работал при Министерстве иностранных дел в качестве атташе по делам Франции. В 1920 году был командирован в германское посольство в гор. Монтевидео, Уругвай — Южная Америка, где выполнял должность секретаря посольства. В мои задачи входило культурное обеспечение немцев, проживающих в Уругвае, где находились немецкие колонии. В мою же задачу входило оформление экспортирующих товаров Уругвая для Германии. На этой должности я пробыл до 1921 года января месяца.

В 1921 году я из Уругвая был командирован в Бразилию в город Рио-де-Жанейро, в германское посольство, где находился 1 месяц в той же должности и с теми же обязанностями. В 1921 году я был переведен в Бразилии в гор. Порту-Аллегру, в германское консульство, где выполнял должность заместителя консула.

В мою задачу входило оформление прибывающих и убывающих немцев, паспортное дело и культурное обеспечение проживающих там немцев, так как в Бразилии было более 100 немецких школ и более 40 колоний немцев. На этой должности я находился до января 1922 года.

Вопрос: Какие задачи вы ставили перед прибывающими в Бразилию немцам, а также проживающими там?

Ответ: Никаких задач перед прибывающими в Бразилию немцам и проживающими там мы, и лично я, никаких задач не ставили.

Вопрос: Продолжайте дальше ваши показания о вашем прохождении службы.

Ответ: С 1922 года я был переведен в гор. Нью-Йорк в германское консульство на должность вице-консула. В мои обязанности входило оформление прибывающих и убывающих немцев, оформление договоров о торговле, заключенных между американцами и немцами. На этой должности я работал до 1923 года апреля—мая месяца. В 1923 году я был командирован в гор. Чикаго в германское консульство, где выполнял ту же должность и с той же обязанностью, где находился до лета 1924 года.

По случаю повышения по должности я был командирован в Швейцарию в гор. Цюрих в германское консульство на должность консула. В мои обязанности входили коммерческие и хозяйственные дела, как-то: экспорт из Швейцарии часов, текстильных изделий и вывоз из Германии в Швейцарию угля и химикатов.

Другие задачи выполнял генеральный консул, а я был как его заместитель, где находился до 1926 года. В 1926 году я был переведен в Латвию (гор. Рига) в германское посольство в должности советника посольства. В мои обязанности входили политические, хозяйственные и культурные дела посольства, которые заключались в том, что я оформлял заказы, поступающие из Латвии в Германию и обратно.

В гор. Рига находился германский университет, и обеспечение его преподавательским составом и учебными принадлежностями проходило через мои руки, я также интересовался политическим вопросом в Латвии, как-то: отношение населения и правительства Латвии к Германии, возможность заключения с ним договоров. Эти материалы я получал из печати, от немцев, находящихся в Латвии и прибывающих и отбывающих из Латвии, а также от латышского населения, работавшего на немецких фирмах.

От прибывающих и отбывающих немцев получал материалы путем личных бесед, от немцев, находящихся в Латвии, и от латышского населения тоже путем личных бесед во время их обращения их за тем или иным вопросом в посольство и при оформлении их на работу на немецкие фирмы.

В посольство часто заходил один немец, по фамилии Сиф, который работал при атташе посольства при Печатном отделе, который часто беседовал с консулом, и когда не было консула — со мною, который давал материалы о настроении населения, об отношении литовского правительства к Германии и т.д.

Я материалы передавал послу, который пересылал их в Германию. Получив от него материалы, я его инструктировал на дальнейшее, какие потребуются для нас в дальнейшем материалы и что нас интересует. На этой должности я пробыл до 1928 года.

Записано с моих слов правильно, переведено мне на немецкий язык, в чем я и расписываюсь.

РЕЙНГАРД

Допрос прерван в 2 часа 40 минут 14-го сентября 1945 года.

Допросил: гв[ардии] капитан ДВОРСКОВ
Переводчик: ХОРАЛЬСКИЙ

ЦА ФСБ России. К-104430. Л. 17—21. Подлинник. Рукопись. Автограф.

№ 114
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА СОВЕТНИКА В. РЕЙНГАРДА

14—15 сентября 1945 г.
Берлин

Я, следователь 4-го отдела Берлинского оперсектора НКВД, гв[ардии] капитан Дворсков, в присутствии переводчика Хоральского допросил арестованного Рейнгард Вальтера.

Переводчик за неправильность перевода предупрежден об ответственности по ст. 95 УК РСФСР

ХОРАЛЬСКИЙ

Допрос начат в 10 часов 25 минут.

Вопрос: Продолжайте ваши показания о прохождении вами службы.

Ответ: В 1928 году в сентябре месяце я был командирован в Америку в гор. Знатель около Вашингтона, в германское консульство в должности консула. В мою служебную обязанность входило оформление договоров по экспорту и импорту различных промышленных товаров, всевозможные информации и справки, касающиеся заключения договоров.

Я также от бургомистра, от руководителей фирм и предприятий получал интересующий нас материал о политическом и хозяйственном положении в

стране, как американское население и правительство относится к Японии и Германии, какие идут суждения в различных слоях населения по этому поводу.

Материалы различного содержания я получал посредством разговоров, личных бесед с руководителями фирм, предприятий и бургомистром. Этот материал я передавал по политическим вопросам в посольство, находящееся в Вашингтоне, а по хозяйственным, экономическим вопросам — в Министерство иностранных дел. Материал в основном передавался один раз в неделю, в Министерство иностранных дел — начальнику по американским делам, а в посольство — лично послу.

Всего таких лиц, как-то: бургомистров и руководителей фирм — было около 10 человек, от которых я получал вышеуказанный материал. Этот материал я должен был доставать согласно указанию посольства и Министерства иностранных дел.

На этой должности я пробыл до 1934 года. Начиная с 1933 года, с приходом к власти Гитлера, нас интересовал вопрос, как на это реагирует американское правительство и население. В сентябре 1934 года я был отозван в Берлин и до сентября 1937 года работал при Министерстве иностранных дел в Персональном отделе в должности советника.

На этой должности я пробыл до 1937 года, после чего был назначен в Англию в гор. Ливерпуль в германское консульство на должность генерального консула. В мою задачу входило оформление различных договоров, перевозок, оформление экспорта и импорта. От Министерства иностранных дел и посольства в Лондоне я имел задание собирать от руководителей предприятий и фирм, портовых работников и из других источников материал о подготовке Англии к войне, об отношении английского правительства и различных слоев населения к Германии, о настроениях населения, об экономическом состоянии в стране, о различных течениях в партиях. Весь полученный таким способом материал я передавал в германское посольство в Лондоне и в Министерство иностранных дел.

Материал от вышеуказанных представителей я получал посредством личных с ними бесед. Материал такого же характера я получал официально от сотрудников консульства и после этого весь собранный таким способом материал я отправлял по вышеуказанным адресам, и так же один раз в месяц лично сам бывал в Лондоне. На этой должности я пробыл до начала войны с Англией, т.е. до сентября месяца 1939 года.

Вопрос: Из ваших показаний видно, что вы занимались политическим, экономическим и военным шпионажем в пользу Германии, используя «втемную» лиц, от которых вы получали материалы?

Ответ: Как я и указал выше, материалы, собранные мною из различных источников, я получал официально. Я также получал материалы от английских руководителей фирм и в 1938 году осенью, а в январе 1939 года я ездил на доклад в посольство в гор. Берлин по поводу подготовки Англии к войне, где я докладывал, согласно полученных мною от различных источников материалов, о том, что Англия воевать не желает и к войне не готова. Вызван я был по этому поводу специально.

Материал, как я указываю выше, я получал от различных источников официально, и так же официально их передавал в посольство и Министерство иностранных дел Германии. Я знаю, что материалы, передаваемые мною, шли в правительственные круги, а шли ли они в контрразведывательные органы, я об этом не знаю. Я агентом не был и агентуры не имел, но

материалы политического, экономического и военного характера я собирал из различных источников и передавал их в вышестоящие учреждения.

Вопрос: Продолжайте ваши показания о дальнейшем прохождении вами службы?

Ответ: С конца сентября 1939 года как офицер дипломатического корпуса я был послан в 5-ю армию, которая находилась на Рейне, и выполнял обязанности офицера связи между армией и Министерством иностранных дел. В мою задачу входило информировать Министерство о военном положении на участке этой армии. Это продолжалось до января 1940 года, после чего возвратился в гор. Берлин, где находился до марта месяца 1941 года и занимался писательством, находился в отпуску по болезни.

В марте или начале апреля 1941 года я был призван в немецкую армию в чине капитана и был отправлен в числе других офицеров в инспекционную комиссию по контролю французских войск в Африке. Эта комиссия в составе около 50 человек находилась в гор. Касабланке, в Марокко. Комиссия эта занималась контролем французских войск в Африке. Я выполнял обязанности контрольного офицера, в мою обязанность входил учет находящихся войск, данные я получал от французского штаба во время моих разъездов по участкам, где находились французские войск. В этой комиссии я пробыл по май месяц 1942 года.

В мае месяце 1942 года я получил звание майора и был направлен в Грецию, гор. Атен[1], в Главный штаб воздушных сил Германии в Греции. Здесь я выполнял должность офицера информации. В мою обязанность входила информация начальника штаба воздушных сил Германии в Греции генерал-майора Вильгельма о военном положении на всех фронтах и в Греции, о настроениях местного греческого населения, о политическом и экономическом положении в Греции, о работе военно-полевых судов, как по делам военнослужащих, так же и местного греческого населения.

Все материалы политического характера, добытые мною, также передавал германскому посольству в Греции, а от них получал интересующие нас материалы военного характера. Материалы о военном положении на всех фронтах я получал посредством подслушивания радиопередач из СССР, Англии, Америки и радиостанций других стран, а также материалов германского посольства, которое находилось в Греции, куда я заходил за материалами.

Материалы о настроениях местного греческого населения, о политическом и экономическом положении в Греции я получал от моих знакомых греков и немцев, находящихся в Греции, лично от врача-грека, работника Красного Креста по фамилии Шварц, тоже грека по национальсноти и адвоката-грека по фамилии Геоканис, а также от немцев — это директор электростанции по фамилии Гаузен Томас и одного инженера.

Записано с моих слов правильно, переведено мне на немецкий язык, в чем я и расписываюсь.

РЕЙНГАРД

Допрос прерван в 3 часа 15-го сентября 1945 года.

Допросил: гв[ардии] капитан ДВОРСКОВ

Переводчик: ХОРАЛЬСКИЙ

ЦА ФСБ России. К-104430. Л. 22—25. Подлинник. Рукопись. Автограф.

[1] Так в документе, речь идет о столице Греции — городе Афины.

№ 115
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА СОВЕТНИКА В. РЕЙНГАРДА

15—16 сентября 1945 г.
Берлин

Я, следователь 4-го отдела Берлинского оперсектора НКВД, гв[ардии] капитан Дворсков, в присутствии переводчика Хоральского допросил арестованного Рейнгард Вальтера.

Переводчик за неправильность перевода предупрежден об ответственности по ст. 95 УК РСФСР

ХОРАЛЬСКИЙ

Допрос начат в 20 часов 20 минут.

Вопрос: Продолжайте ваши показания о прохождении вами службы.

Ответ: Выполняя должность офицера информации при штабе воздушных сил Германии в Греции, я ранее указал, от кого я получал интересующие нас материалы политического, экономического и военного характера. Я получал сведения от вышеуказанных мною лиц, греков, об ориентировке интеллигенции и других демократических слоев населения на Англию и Америку, но они никакой активности не проявляли.

Мы так же получали информацию письменно и по телефону от военных властей, войсковых штабов об активности революционно-настроенных слоев населения, особенно коммунистов. Эти сведения говорили о диверсионных актах, изучения их, саботаже, все это было направлено против оккупационных властей Германии и Италии, которые были настроены к Советскому Союзу. Такие сведения я получал, когда был дежурным по штабу, а также эти сведения получали все, кто дежурил в момент их передачи.

Я также в беседе с военнопленными американскими и английскими летчиками путем вызова их записывал себе в блокнот их показания, после чего составлял донесение для генерала. От этих летчиков получал материалы о военном положении в Египте. Эти сведения я, кроме генерала, сообщал и германскому посольству. Обработкой военнопленных летчиков в штабе воздушных сил Германии в Греции занимался я только один.

Я также имел добровольно дополнительную должность защитника военно-полевого суда в Греции в 1942 году, где рассматривались дела как военнослужащих немецкой армии, а также и греческого населения. Я работал здесь по своей профессии и хотел помочь военным судам. Два раза я присутствовал в качестве заседателя. Я получал из зала суда, от присутствовавших защитников, когда меня на суде не было, интересующий меня материал в отношении разбора на суде того или иного дела и о решении суда. Получая материал, я интересовался им как работник юстиции, но два или три раза я передавал материал генералу о работе военно-полевого суда, о величине наказания, данных тех или иных подсудимых.

Вопрос: Сколько вы разбирали дел на суде и что это были за дела?

Ответ: Всего в моем присутствии было разобрано 9—10 дел, из них дезертирство немецкого солдата, хищение, антифашистская пропаганда, драка между немецкими солдатами и греками. Сроки наказания за вышеуказанные дела, разобранные на суде, были различны, от нескольких месяцев до расстрела, к последнему был осужден капитан моторной лодки — грек, который использовал лодку не по назначению.

Вопрос: Будучи на службе в штабе воздушных сил Германии в Греции, вы в 1942 году находились на острове Крит. Чем была вызвана ваша командировка на этот остров и с какого по какое время вы там находились?

Ответ: В августе 1942 года я был командирован на остров Крит вместе с полковником Корте[I], который выехал на остров Крит на должность начальника штаба коменданта крепости острова.

Полковник Корте был мне знаком по работе в штабе воздушных сил Германии в Греции. Я выполнял на острове Крит ту же должность, что и при штабе воздушных сил. Кроме того, я поддерживал связь с итальянским командованием, которое находилось на восточной части острова и имело свою зону оккупации. От итальянского командования я получал информацию о военном положении в зоне оккупации итальянскими войсками.

В эту информацию входило — налеты авиации союзников, величина и убытки повреждений от налетов, о состоянии обороны. Все материалы я передавал полковнику Корте. На острове Крит я находился до декабря 1942 года, после чего был командирован в штаб 10-го воздушного корпуса в гор. Кефидья. Командировка моя была устроена по моей же личной просьбе, так как я знал, что в этом штабе хорошие условия и знал этот город, поэтому я и просил об откомандировании меня в этот штаб. В этом штабе я находился до июня 1943 года и выполнял ту же должность.

В июне 1943 года я был отозван Министерством иностранных дел в гор. Берлин и выполнял должность комиссара по лагерям военнопленных английских и американских, а также французских лагерей. На этой должности я находился до разгрома Германии. В мои обязанности входили контроль и руководство лагерями военнопленных. Всего под моим контролем было около 25 лагерей с количеством военнопленных: англичан — до 100 тысяч, американцев — до 60 тысяч и французов — около 200 тысяч. Лагеря находились преимущественно в западной части Германии.

Контроль и руководство я осуществлял посредством выезда в лагеря, которых мною проделано более 40 выездов, а остальной контроль я проводил постоянно через уполномоченных лагерей, к которым прикреплялось по несколько таких лагерей. Всего уполномоченных было 9 человек, через которых я и осуществлял контроль.

О положении в лагерях я после каждого выезда и после встречи с уполномоченными лагерей делал доклад начальнику всех лагерей Германии генерал-майору фон Гревенец[II], от которого получал дальнейшие указания на принятие более жестоких мер к военнопленным и на рецепты[III] дня, не выпускать на прогулки, наказания за попытки к бегству и т.д. и т.п. И эти указания я претворял в жизнь при контроле лагерей и через уполномоченных, давая полученные указания.

Записано с моих слов правильно, переведено мне на немецкий язык, в чем я и расписываюсь.

РЕЙНГАРД

Допрос окончен в 00 часов 40 минут.

Допросил: гв[ардии] капитан ДВОРСКОВ

Переводчик: ХОРАЛЬСКИЙ

ЦА ФСБ России. К-104430. Л. 26—28об. Подлинник. Рукопись. Автограф.

[I] Речь идет о немецком военном деятеле генерал-майоре люфтваффе Гансе Корте.
[II] Речь идет о немецком военном деятеле генерал-лейтенанте Гансе фон Гравенице.
[III] Так в документе, правильно — распорядок дня.

№ 116
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА СОВЕТНИКА В. РЕЙНГАРДА

17—18 сентября 1945 г.
Берлин

Я, следователь 4-го отдела Берлинского оперсектора НКВД, гв[ардии] капитан Дворсков, в присутствии переводчика Хоральского допросил арестованного Рейнгард Вальтера.

Переводчик за неправильность перевода предупрежден об ответственности по ст. 95 УК РСФСР

ХОРАЛЬСКИЙ

Допрос начат в 23 часов 50 минут.

Вопрос: Кого вы знаете из сотрудников Министерства иностранных дел Германии?

Ответ: Из сотрудников Министерства иностранных дел Германии я знаю следующих лиц:

1. Альбрехт, посол, руководитель Юридического отдела при Министерстве иностранных дел Германии в гор. Берлин, около 55 лет, выше среднего роста, глаза темные, темно-русый цвет волос, среднего телосложения, лицо узкое, худощавый, холост, проживал в г. Берлин-Вильмерсдорф, улицы не знаю, находится в гор. Берлин.

2. Краске, доктор, посол, руководил приемом и оформлением иностранных судов, прибывающих в германские порты, около 62 лет, среднего роста, худощавый, светлый блондин, голубые глаза, женат, проживал в Берлин-Шарлотенбург, Вунтштрассе, дома № не знаю, находится в Берлине.

3. Штиве Фридрих, доктор, руководитель Культурно-политического отдела, около 63 лет, высокого роста, худощавый, седой, глаза темные, женат, проживал в г. Берлин-Далем, Кумпринцаллее, дома № не знаю, находится в Берлине.

4. Цоринг[I], сотрудник Личного отдела министерства иностранных дел, Находится в этой же тюрьме.

5. Биссе[II], сотрудник Политического отдела. Находится в этой же тюрьме.

6. Морат[III], посол в Эстонии, ранее сотрудник Политического отдела. Находится в этой же тюрьме.

Больше никого из сотрудников Министерства иностранных дел я не знаю. Которых я знаю, часть из них до моего задержания были арестованы англичанами и американцами, а часть убиты во время боев в городе Берлин.

Вопрос: Кого вы знаете из руководящих сотрудников лагерей военнопленных?

Ответ: Из руководящих сотрудников лагерей военнопленных, которые находятся в городе Берлин, я не знаю никого. Я знаю только несколько руководителей лагерей, которые находятся в американском плену или находятся в областях, занятых союзниками. Как я слышал, они все находятся в плену.

Вопрос: Назовите известных вам сотрудников суда?

Ответ: Руководители и сотрудники суда очень часто менялись, и я не могу сейчас вспомнить ни одного по фамилии.

Вопрос: С какого времени вы состояли в фашистской партии НСДАП?

[I] Так в документе, речь идет о немецком дипломате Отто Зюринге.
[II] Речь идет о немецком дипломате Вильгельме Биссе.
[III] Речь идет о немецком дипломате Гансе Морате.

Ответ: С 1938 по 1941 год я был кандидатом этой партии, членом НСДАП я не был, и когда меня взяли на военную службу, то я больше уже не состоял в этой партии.

Вопрос: Где ваша кандидатская карточка партии НСДАП?

Ответ: Во время моего задержания вместе с документами находилась и кандидатская карточка НСДАП, но все документы, вместе с карточкой этой партии, у меня были отобраны во время моего обыска.

Вопрос: Имелось ли у вас оружие и где оно находится?

Ответ: Я имел личное оружие пистолет «Вальтер», который 23-го апреля 1945 года у меня дома на квартире был отобран офицером Красной Армии, который вошел в квартиру с несколькими красноармейцами.

Записано с моих слов правильно, переведено мне на немецкий язык, в чем я и расписываюсь.

РЕЙНГАРД

Допрос окончен в 2 часа 20 минут 18-го сентября 1945 года.

Допросил: гв[ардии] капитан ДВОРСКОВ

Переводчик: ХОРАЛЬСКИЙ

ЦА ФСБ России. К-104430. Л. 29—30об. Подлинник. Рукопись. Автограф.

№ 117

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА СОВЕТНИКА В. РЕЙНГАРДА

19—20 сентября 1945 г.
Берлин

Я, следователь 4-го отдела Берлинского оперсектора НКВД, гв[ардии] капитан Дворсков, в присутствии переводчика Хоральского допросил арестованного Рейнгард Вальтера.

Переводчик за неправильность перевода предупрежден об ответственности по ст. 95 УК РСФСР

ХОРАЛЬСКИЙ

Допрос начат в 14 часов 15 минут.

Вопрос: Вы на предыдущих допросах показали, что получали различные материалы от различных источников и различными путями экономического, политического и военного характера, касающиеся государственной тайны той страны, откуда вы их получали, для информации Министерства иностранных дел Германии. Расскажите подробно о полученных интересовавших вас материалах для информации вашего государства, о источниках, откуда вы их черпали и куда направляли, и на сколько эти сведения помогали и влияли на ход подготовки и ведения Германией войны?

Ответ: С 1928 по сентябрь 1934 года я находился в Америке, гор. Знатель, в должности консула германского консульства. Будучи на этой должности, согласно указания посольства и Министерства иностранных дел Германии, я должен был интересоваться вопросами экономического, политического и военного характера.

Ввиду этого я через знакомых мне лиц: руководителя фирмы Геризона, по национальности американца — работника крупного американского банка, американца Форст Сентера и владельца ресторана — немца, американского подданного Оснера Чарльза, с которыми я познакомился в различное время и при различных обстоятельствах, и многих других знакомых, которых не пом-

ню по фамилии, различных руководителей фирм и предприятий, а также от бургомистра Дойль, получал различный интересующий меня материал.

Как я и указал выше, я получал информационный материал, касающийся экономической стороны, возможностей товарообмена, вывоза продуктов питания в Германию, с политической стороны я получал в тот момент материалы о том, что нас интересовало, особенно с приходом к власти Гитлера, как американское правительство и общественность реагируют на это. Материал на эту тему был получен следующего содержания: «Американская общественность продолжает спокойно следить за событиями в Германии и ожидает дальнейшего развертывания событий нового германского правительства», «Американская общественность опасается японской агрессии, [угрожающей] американским владениям на Тихом океане».

С людьми, от которых я получал материал, я встречался у некоторых, как у немца Чарльза, у него на квартире, с другими на завтраках у них же или приглашал к себе, на улицах, в консульстве и там, где они работали на фирмах и предприятиях. Встречался я с ними различно и не в определенное время, и не в определенно назначенные дни, иногда раз в неделю, а иногда и раз в месяц.

Полученный таким способом материал я передавал в посольство и через них же в Министерство иностранных дел. Материал в основном передавался пакетом один раз в неделю . В посольство в Вашингтон я лично выезжал 3 раза за все время с личным докладом. Как я знаю, полученный от меня материал, особенно касающийся политических и военных вопросов, посольство отсылало в гор. Берлин в Министерство иностранных дел.

С сентября 1934 по сентябрь 1937 года я находился при Министерстве иностранных дел в гор. Берлине в персональном отделе.

С сентября 1937 года я находился в Англии в гор. Ливерпуль на должности генерального консула в германском консульстве. Как генеральный консул я имел задание от Министерства иностранных дел и посольства о сборе сведений политического, экономического и, в первую очередь, военного характера по отношению к Англии.

С начала этой работы в гор. Ливерпуль я имел всего одного знакомого, но за период моей работы я познакомился с различным кругом лиц, от которых впоследствии и получал материалы. Так, например, я был знаком с отставным генералом Англии по фамилии Делли, лордом Дарви — англичанином, лордом Ливенбюном, полковником Корнер, лордом Лондондерри, генералом Форгеном Виктором, руководителем предприятия Гарве, сэром Альфредом Бенет — членом нижней палаты, сэром Арнольдом Вильсоном — дипломатическим работником, Ларпендапом Эрнстом — работником фирмы «Ливерпуль», немцем Карловэ — работником фирмы, и целым рядом других лиц, фамилии которых сейчас не помню, из различных кругов общества.

Встречи с ними я производил в самое разнообразное время и различными способами, как-то: у меня на квартире, у них на квартире, во время прогулки, в ресторанах и на фирмах и предприятиях. Определенно назначенного времени не было. С одними я встречался чаще, с другими реже, смотря по обстоятельству встреч.

От этих лиц за период с 1937 по сентябрь 1939 года я получал различные материалы, как-то: «военные круги Англии заявляли, что если германский агрессор будет и дальше продолжать свою агрессию в Европе, то неизбежно возникнет война, и Англия выступит против Германии»; «круги интеллигенции, представители рабочих кругов заявляли, что Англия войны не желает и стремится к мирному урегулированию всех вопросов».

Много сообщений я послал экономического характера, в которых сообщалось о возможности торговли Германии с Англией, использование английского транспорта. От них я получал различный материал, как я и указал выше, и о настроении населения различных слоев общества, и об экономическом положении в стране, и о различных течениях в партиях.

Весь собранный таким способом материал я передавал в посольство, находящееся в гор. Лондон, и в Министерство иностранных дел. Материал я отправлял секретным пакетом несколько раз в месяц и раз в месяц по материалам лично сам бывал в посольстве в гор. Лондон, где докладывал о политических настроениях, о военном положении и экономике Англии.

Два раза, это в 1938 и в январе 1939 года, по поводу материалов о подготовке Англии к войне я был вызван в гор. Берлин, в Министерство иностранных дел к государственному секретарю Вёрман, где сообщал, что Англия к войне не расположена и заключила договор о взаимопомощи с Польшей, и если Германия и дальше будет вести свою агрессию, то Англия выступит против Германии.

В 1933 году, когда я докладывал, что Англия войны не желает, но если Германия пойдет против Польши, то Англия немедленно выступит против Германии. На это мне государственный секретарь ответил, что «это нам и надо было знать», и после этого отправил меня обратно.

В Англии я пробыл до сентября 1939 года, до начала войны с Германией, после чего был отозван в Министерство иностранных дел в гор. Берлин и послан на другую работу. Сведения, которые я подавал в посольство и Министерство иностранных дел Германии до начала войны с Англией, т.е. сведения до сентября 1939 года, сводились к сбору государственной тайны Англии, так как эти информации говорили о подготовке Англии к войне, о ее политике и экономике.

Записано с моих слов правильно, переведено мне на немецкий язык, в чем я и расписываюсь.

РЕЙНГАРД

Допрос прерван в 16 часов и начат в 20 часов 20 минут.
Допрос прерван в 3 часа 20-го сентября 1945 года.

Допросил: гв[ардии] капитан ДВОРСКОВ
Переводчик: ХОРАЛЬСКИЙ

ЦА ФСБ России. К-104430. Л. 31—34. Подлинник. Рукопись. Автограф.

№ 118
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА СОВЕТНИКА В. РЕЙНГАРДА

20 сентября 1945 г.
Берлин

Я, следователь 4-го отдела Берлинского опсерсектора НКВД, гв[ардии] капитан Дворсков, в присутствии переводчика Хоральского допросил арестованного Рейнгард Вальтера.

Переводчик за неправильность перевода предупрежден об ответственности по ст. 95 УК РСФСР

ХОРАЛЬСКИЙ

Допрос начат в 10 часов 25 минут.

Вопрос: Продолжайте ваши показания. Где вы находились после 1939 года?

Ответ: С сентября 1939 года во время военных действий Германии против Франции я был командирован как офицер дипломатического корпуса в 5-ю армию, которая находилась западнее Рейна. С французской стороны командование французской армии на этом участке было в руках генерала Жиро[1]. Какая это была армия, я не знаю.

В этой армии я выполнял обязанности офицера информации, связь между Министерством иностранных дел и армией. Связь я проводил письменно и по телефону. В мою обязанность входило информировать министерство о военном положении на фронте, как-то: количество убитых, раненых и военнопленных, характер военных операций. Сведения я передавал 1 раз в 2—3 дня. Находился я там около 4-х месяцев.

С апреля 1941 года я находился в экспедиционной комиссии по контролю французских войск в Африке. Я, будучи в чине капитана, выполнял обязанности контрольного офицера. Выполнял я следующие функции: как дежурный офицер я от штабов французских частей принимал сообщения о расположении частей, о передислокации их, о дислокации складов военного имущества.

Я также нес службу офицера связи с итальянской комиссией, находящейся в Алжире и Тунисе. Эта связь заключалась в двухсторонней информации о французских войсках. Я имел с ними по этому вопросу телефонную связь, а также три раза вылетал на самолете. Будучи там, я обменивался опытом контроля французских войск, лучшее брал от них и предлагал то, что в каком отношении контроль французских войск лучше налажен у нас. Я также выезжал на место дислокации французских войск, где проверял наличие войск, их обслуживание и вооружение. Все эти предложения по согласованию с французским правительством в лице маршала Петэна и Лаваль. Обо всех полученных мною материалах я докладывал начальнику штаба экспедиционных войск.

В мае 1942 года я в звании майора был направлен в Грецию в гор. Атен в главный штаб воздушных сил Германии, где выполнял должность офицера информации и по заданию начальника штаба был обязан собирать различную информацию какими угодно путями, касающуюся военного положения, настроения местного населения, политического и экономического положения в стране, отношения к Германии и т.д. и т.п.

Начальник штаба меня проинструктировал, какими путями я могу получать эти сведения. Согласно этого я связался в первую очередь с германским посольством и через них в различное время познакомился со следующими лицами:

1. Врачом-греком. Фамилии не помню, с ним я познакомился в посольстве во время завтрака. Это был гражданский врач, работавший в одном из больничных учреждений. С ним меня познакомил посол Альтенбург. Знакомство было заведено на дружеской почве.

2. Гаузен Томасом, директором электростанции, немцем, с ним меня познакомил тоже посол на дружеской почве на завтраке.

3. и с одним инженером-немцем Шварц. С ним меня тоже познакомил посол на завтраке.

Лично сам я познакомился с греком по фамилии Геокакис, с которым познакомился во время судебного процесса над работником Красного Креста, греком Грегиня.

С этими людьми я встречался изредка, когда раз в неделю, два раза в месяц. Встречи производились у меня на квартире, на концертах и в различ-

[1] Речь идет о французском военном деятеле армейском генерале Анри Онорэ Жиро.

ных местах, где встречались случайно. Определенного времени никогда не назначали.

От этих лиц, а также от посольства, я получал различные, интересующие нас материалы, как-то: «население недовольно питанием в связи с недостатком снабжения и поэтому проявляет недовольство к оккупационным властям»; «часть греческой интеллигенции выражает симпатию на сторону англичан и американцев, а другая часть — на Россию, а поэтому ориентация на Германию и Италию не имеет почвы, отсюда возникновение партизанской борьбы, диверсионных актов и саботажа, а также антифашистские выступления»; «греки особенно недовольны итальянцами, и если бы не германская агрессия, то они их не допустили бы».

От моих знакомых я, как и указывал выше, получал различный материал о настроении населения, о военном положении, о политическом и экономическом положении в стране, о борьбе партизан. Материалы я также черпал посредством слушания радиопередач со всех сторон о военном положении на фронтах, а также сведения, касающиеся военного положения на фронтах, я получал от посольства, а им передавал материалы политического характера.

В мои обязанности входила также обработка военнопленных летчиков американской и английской армии, через которых путем их вызова к себе на первичный опрос я от них получал требуемые показания о военном и политическом положении в Египте и Африке.

От них мною были получены следующие материалы: «Английские части под нажимом германских частей отходят на такой-то рубеж, но настроение английских частей неплохое»; я также от них узнавал, с каких аэродромов они вылетели и когда. Интересовался я также от них о настроении египетского населения. Обработкой военнопленных я занимался в штабе один. Всего за время службы в этом штабе мною было таким образом обработано около 20 человек летчиков [со] сбитых самолетов. После моего опроса летчиков отправляли в Германию.

Весь получаемый таким образом от различных источников и каналов материал я передавал в штаб воздушных сил, начальнику штаба и в посольство. Материал я передавал лично сам 1 раз в день или в два дня раз. Этот материал из посольства отправлялся в Министерство иностранных дел в Германию, а который я передавал в штаб, тот — не знаю куда дальше направлялся. Находясь при штабе воздушных сил, я в августе 1942 года был командирован на остров Крит, где выполнял ту же должность.

Кроме вышеуказанной информации, так я еще был связан с оккупационными войсками итальянской армии, откуда получал информационные материалы о налете авиации союзников и величине убытков и повреждений от налетов, о состоянии обороны. Главное состояние обороны состояло против воздушных налетов, и я в этом случае докладывал начальнику штаба о том или ином недостатке в обороне против союзников, как-то: мало средств противовоздушной обороны, не хватает зенитных средств, авиации и т.д.

Связь с итальянскими штабами я осуществлял путем выездов к ним на место и посредством связи с итальянским офицером, который был при нашем штабе как связной офицер. Весь полученный материал, будучи на острове Крит, я передавал в штаб. На этой должности я пробыл до декабря 1942 года, после чего был командирован в штаб 10-го воздушного корпуса в гор. Кефидья, Греция, где выполнял до июня 1943 года ту же должность и те же обязанности.

Вопрос: Скажите, насколько даваемая вами информация в Министерство иностранных дел и в штабы воздушных сил Германии помогла и влияла на ход подготовки и ведения Германией войны?

Ответ: Насколько это помогало или нет Германии, я сказать не могу.

Вопрос: Считаете ли вы то, что вы проделывали по информации вашего правительства о положении в других странах, шпионажем? Ведь вы по сути дела были как государственный информатор?

Ответ: То, что я был государственным информатором, это так. Но это существует в любой стране. То, что я давал любую информацию по политическим, экономическим и военным вопросам о том государстве, где я собирал эти сведения, это тоже было так, но это я не знаю, можно ли считать шпионажем, так как я это все делал официально и не был связан с каким-то подпольным органом, специально занимающимся шпионажем.

С органами гестапо, СД и Абвер я никогда не был связан и весь получаемый мною материал от различных источников и различными путями я передавал не в эти органы, а в Министерство иностранных дел, откуда и получал дальнейший инструктаж.

Вопрос: Что вы еще желаете добавить к своим показаниям?

Ответ: К своим показаниям я добавить больше ничего не желаю.

Записано с моих слов правильно, переведено мне на немецкий язык, в чем я и расписываюсь.

РЕЙНГАРД

Допрос окончен в 14 часов 20 минут.

Допросил: гв[ардии] капитан ДВОРСКОВ

Переводчик: ХОРАЛЬСКИЙ

ЦА ФСБ России. К-104430. Л. 35—39. Подлинник. Рукопись. Автограф.

Посол Герберт фрайхерр фон Рихтгофен

№ 119
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА ПОСЛА Г. ФОН РИХТГОФЕНА

18 мая 1945 г.
Силезия

1945 года, мая 18 дня. Мы, зам[еститель] нач[альника] ОКР «Смерш» в/части 19206 подполковник Моршинин и начальник Следственного отделения майор Зуйков, допросили задержанного

Фрайгерр фон Рихтгофен Герберт (Зигфрид Самуил), 1879 года рождения, уроженец м. Штрелен Штреленского района Бреславского округа, подданного Германии, немца, члена фашистской партии с 1937 года, женатого, до 1941 года работал послом в Болгарии, являлся чрезвычайным послом и уполномоченным министром Германии в Софии.

Переводчик Машерицкий за неправильный перевод предупрежден об ответственности по ст. 95 УК РСФСР.

Вопрос: Где и в качестве кого вы работали до дня вашего задержания?

Ответ: С 1900 года после окончания гимназии в гор. Бранденбурге я поступил в университет в гор. Бонн на Рейне. В 1902 году перешел в университет в гор. Кёнигсберг, где учился до ноября 1903 года. Сдал экзамен и в Берлине поступил на работу в прокуратуру практикантом судьи. За это же время защитил докторскую диссертацию.

С 19 января 1905 года я был переведен в Министерство иностранных дел на должность атташе при генеральном консульстве в Турцию — гор. Константинополь, где работал до июля 1905 года. Затем был переведен на должность атташе при генеральном консульстве в Нью-Йорке. В апреле 1906 года из Америки был переведен на должность атташе при посольстве в Лондоне, где работал до 1907 года. В начале 1907 года я был отозван на работу в Министерство иностранных дел в Берлин.

В конце 1907 года в Берлине я сдал экзамен, и мне было присвоено звание «легационс-секретарь» (секретарь посольства). С января 1908 года работал исполняющим обязанности генерального консула в Калькутте — Индия. Летом 1908 года был переведен в Токио на должность секретаря посольства, где работал до начала 1910 года. С 1910 года был переведен на должность секретаря посольства в Вашингтон — Америка. В начале 1911 года был переведен в Египет на должность секретаря посольства в дипломатической агентуре. С начала войны 1914—1918 гг. я вернулся в Германию и служил в армии в звании лейтенанта, ст[аршего] лейтенанта и капитана.

Последняя должность была комендант штаба дивизии. За участие в войне был награжден Железными крестами первого и второго класса. В начале 1916 года с фронта был отозван и направлен на должность советника посольства в Софию, где находился до осени 1918 года. По окончании войны по собственному желанию я был уволен и жил в Баварии до 1921 года, где имел свой дом. В 1921 году я был вызван в Берлин и назначен референтом по Америке. В этой должности я работал до 1925 года. С 1925 года я руководил отделом Ближнего Востока в Министерстве иностранных дел.

В 1930 году я был назначен послом в Данию — Копенгаген, где работал до 1936 года. С 1936 по 1939 год я работал послом в Бельгии — гор. Брюссель. В 1939 году я был снова назначен послом в Софию — Болгария, и находился там до мая 1941 года. В мае 1941 года с работы посла в Софии был уволен в отставку, и с этого времени до дня задержания проживал в дер. Бургерсдорф в имении своего племянника, служившего в немецкой армии полковником, графа Пюклер[1]. До 1944 года был послом в резерве, а с 1944 года в связи с 65-летним возрастом переведен в отставку.

Вопрос: В связи с чем в мае 1941 года вы ушли в отставку?

Ответ: Я ушел в отставку в связи с моими разногласиями с Риббентропом по вопросу немецкой политики в отношении Болгарии.

Вопрос: В чем заключались эти разногласия?

Ответ: Риббентроп требовал от меня, чтобы я усилил нажим на Болгарию по вопросу ее вступления в Тройственный союз фашистских стран. Я был против этого, так как считал, что вступление Болгарии в Тройствен-

[1] Возможно, речь идет о полковнике Адриане фон Пюклере.

ный союз не будет иметь какого-либо практического значения, а только агитационное, кроме того, я учитывал болгарскую точку зрения по этому вопросу, которая также была отрицательной.

Вопрос: Болгария присоединилась к Тройственному пакту в феврале 1941 года, то есть в то время, когда вы были послом в Софии, стало быть, это произошло при вашем непосредственном участии?

Ответ: Да, несмотря на то, что я был не согласен с Риббентропом по этому вопросу, практически я проводил политику в отношении Болгарии, диктуемую мне Риббентропом, в результате чего Болгария присоединилась к Тройственному союзу фашистских стран.

Вопрос: Расскажите, какие меры принимались германским правительством и вами лично для того, чтобы Болгария вступила в Тройственный союз фашистских стран?

Ответ: В октябре 1940 года я получил от Риббентропа инструкцию, которая требовала от меня нажима на Болгарию в отношении ее вступления в Тройственный союз фашистских стран.

В ответ на эту инструкцию я подал Риббентропу шифрованную телеграмму, в которой изложил болгарскую точку зрения. Болгария была против вступления в Тройственный союз из опасения России, после этого я вместе с царем Борисом в ноябре 1940 года был вызван в Берлин. Там царь Борис был принят Гитлером. На переговорах между царем Борисом и Гитлером я не присутствовал, так как они говорили наедине, и точка зрения Гитлера на этих переговорах мне осталась неизвестной. Когда мы возвратились в Софию на самолете, то царь мне передал, что, якобы, Гитлер согласился с ним, чтобы Болгария не вступила в Тройственный союз.

Несмотря на это, нажим со стороны Риббентропа на меня усиливался. В результате чего я вел беспрерывные переговоры о вступлении в Тройственный союз с царем и болгарским правительством. Кроме того, в январе 1941 года премьер-министр Болгарии был вызван Риббентропом в Берхтесгаден, где Риббентроп предложил Филову присоединиться к Тройственному союзу, что Болгарией и было сделано.

Вопрос: Из ваших показаний видно, что вы в отношении Болгарии проводили политику Риббентропа. Что же послужило причиной вашей отставки?

Ответ: Несмотря на то что я проводил политику Гитлера и Риббентропа по вовлечению Болгарии в Союз фашистских стран, я оставался в глазах Риббентропа как человек, не полностью проводящий в жизнь его политику, в результате чего мною был получен приказ об отставке и на мое место был назначен обергруппенфюрер СА Беккерле.

Протокол допроса записан с моих слов правильно и мне вслух зачитан на немецком языке.

ФРАЙГЕРР [ФОН РИХТГОФЕН]

Допросили: зам[еститель] нач[альника] ОКР «Смерш» в/части 19206 подполковник МОРШИНИН
начальник След[ственного] отделения майор ЗУЙКОВ

Переводчик: лейтенант МАШЕРИЦКИЙ

ЦА ФСБ России. Н-20805. Л. 23—25об. Подлинник. Рукопись. Автограф.

№ 120
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА ПОСЛА Г. ФОН РИХТГОФЕНА

24 апреля 1946 г.
Москва

Рихтгофен Герберт, 1879 года рождения, уроженец м. Штрелен Штреленского района (Германия), немец, из дворян, член НСДАП с 1937 г., образование высшее юридическое. До июня 1941 г. германский посол в Болгарии.

Вопрос: Когда вы поступили на службу в Министерство иностранных дел?

Ответ: В 1903 г. по окончании юридического факультета я поступил референтом в районный суд Шарлоттенбурга. Через некоторое время, примерно в декабре 1903 года, я защитил докторскую диссертацию и получил звание доктора-юриста[1].

Вопрос: Какие должности вы исполняли в этот период?

Ответ: С поступлением на службу в Министерство иностранных дел я был направлен в германское генеральное консульство в г. Константинополь на должность атташе. В июле 1905 года меня перевели на ту же должность в генеральное консульство в г. Нью-Йорк. В апреле 1906 года вновь был переведен, но уже на должность секретаря германского посольства в г. Лондон, где прослужил до 1907 года. В конце 1907 года, воспользовавшись предоставленным мне отпуском, я приехал в Берлин и сдал дипломатический экзамен на должность посольского секретаря. До сдачи этого экзамена, хотя я официально и числился исполняющим должности, о которых показал выше, но фактически проходил только практику. Работа моя не оплачивалась, проживал я на свои средства.

Вопрос: В чем заключалась ваша практика, в области каких вопросов дипломатической работы вы приобретали навыки?

Ответ: В иноконсульствах городов Константинополя и Нью-Йорка я приобретал навыки дипломатической работы, главным образом по экономическим и правовым вопросам, связанным с защитой интересов германских граждан.

В Лондоне я замещал третьего секретаря посольства и выполнял возложенные на него функции пресс-атташе. После того как я, приехав из Лондона, сдал дипломатический экзамен, меня направили (в январе 1908 г.) исполняющим обязанности генерального консула в г. Калькутту (Индия).

Летом 1908 года, после приезда в Калькутту генконсула, я получил назначение в г. Токио на должность секретаря посольства, где работал до 1910 года. В 1910 г. был назначен секретарем посольства в Вашингтон.

Весной 1911 г. получил назначение на должность секретаря посольства в Каире (Египет), где прослужил до 1914 года. В начале первой мировой войны меня мобилизовали в армию. В 1916 г. Министерством иностранных дел я из армии был отозван и направлен в г. Софию (Болгария) на должность советника посольства.

После окончания войны, в конце 1918 г., меня из МИД уволили, и я, нигде не работая, проживал в своем доме в м[естеч]ке Портен-Киркен (Бавария).

---

[1] Так в документе.

Вопрос: Чем это увольнение было вызвано?

Ответ: Произошло это в силу сложившейся тогда обстановки. Война и последовавшее поражение Германии лишили ее возможности иметь свои представительства в ряде стран, поэтому многие сотрудники МИД были уволены.

Вопрос: Продолжайте ваши показания, где и на каких должностях вы впоследствии служили в МИД?

Ответ: Летом 1921 года я был вызван в МИД и назначен советником по делам США. Эту должность я занимал до 1925 года. С 1925 года руководил отделением по вопросам стран Ближнего Востока. В 1930 г. был направлен послом в Копенгаген (Дания). Весной 1936 года меня перевели на ту же должность в Брюссель (Бельгия). В 1939 г. получил назначение в г. Софию (Болгария) и находился там в качестве посла до июня 1941 года.

Вопрос: Чем объяснить столь частые перемещения вас по службе?

Ответ: Точно ответить на этот вопрос не могу, но полагаю, что это делалось специально в целях привития разностороннего опыта дипломатической работы. Особенно это практиковалось в отношении молодых сотрудников.

Вопрос: Известно, что германские дипломатические представительства, наряду с выполнением официальных функций, в лице отдельных лиц занимались также и разведывательной деятельностью. Под «разносторонним опытом дипломатическим работы» имелось в виду привитие и этих навыков?

Ответ: Я это отрицаю. За весь период своей дипломатической работы разведывательной деятельностью я не занимался и связи с органами разведки или с их представителями никогда не имел.

Вопрос: К этому вопросу мы еще вернемся, а сейчас покажите, почему именно вы были назначены на пост посла в Болгарии?

Ответ: Почему я был направлен в Болгарию, мне не известно. Об этом я неожиданно для себя узнал в апреле 1939 года из газет в пути следования в Берлин, куда был приглашен по случаю дня рождения Гитлера.

После освобождения меня (в конце 1938 г.) с должности посла в Брюсселе, согласно заверениям Риббентропа, я должен был быть назначен послом в Ватикан. Однако, как впоследствии мне стало известно, Гитлер решил смены посла в Ватикане не производить. Очевидно, он считал, что замена посла Бергена, который находился там уже в течение 20-ти лет, может отрицательно сказаться на отношении Ватикана к Германии.

О том же, что мой предшественник — посол в Болгарии Рюмелинг — должен был быть смещен, я знал из разговоров с сотрудниками МИД еще значительно раньше, примерно с 1931 года. Вообще в МИД существовала практика периодического перемещения послов, которые более или менее длительный период времени находились в одной стране.

Свое же назначение в Болгарию я могу объяснить лишь тем, что мне, в конце концов, должны были дать где-то должность посла или, в противном случае, уволить.

Вопрос: Ваше объяснение нелогично. Общеизвестно, что подобные назначения не могут быть случайными. Назначение вас на должность посла в Болгарию также не было простым перемещением по службе и, тем более, не могло быть связано с необходимостью обеспечения вас работой. Вызвано оно было определенными политическими соображениями, и вы их не могли не знать?

Ответ: Я еще раз подтверждаю, что действительные мотивы назначения меня послом в Болгарию известны мне не были. В процессе последующей

работы после прибытия в Болгарию мне стало ясно, что германское правительство стремилось усилить свое влияние в Болгарии.

Вопрос: Кем и какие указания были даны вам перед отъездом в Болгарию?

Ответ: На приеме по случаю дня рождения Гитлера в числе присутствующих представителей почти всех стран Европы от Болгарии был президент парламента Махов и начальник Генштаба Хаджипетков[I].

По моей просьбе этим лицам я был представлен, но на какие-либо серьезные политические темы мне с ними говорить не пришлось, так как большое количество приглашенных и обстановка этому не соответствовали.

На следующий день я встретился с Риббентропом в МИД и, ссылаясь на его заверения после отзыва из Брюсселя, выразил ему свое разочарование назначением в Софию. Риббентроп мне ответил, как я уже показал выше, что Гитлер пока решил нового посла в Ватикан не назначать.

Балканы же в настоящее время, заявил он, приобретают для Германии большое значение, поэтому я должен буду ехать в Софию и хорошо там поработать. Во время этого разговора Риббентроп был к кому-то вызван, и наша беседа неожиданно прервалась. В последующие дни вновь с ним встретиться мне не удалось.

В целях получения информации об обстановке в Болгарии я посетил государственного секретаря Вайцзеккера. Однако он не был осведомлен о существовавшем там политическом положении и ближайших намерениях германского правительства в отношении Болгарии также не знал.

Таким образом, информации о политической обстановке в Болгарии и инструкций о своей работе там я ни от кого не получил.

Вопрос: Почему Балканы в этот период приобретали большое значение для Германии?

Ответ: Пояснений, почему именно Балканы приобретали в этот период большое значение для Германии, я от Риббентропа не получил.

Вопрос: Очевидно, в этом не было необходимости, так как для вас это было уже ясно и без его объяснений.

Ответ: Прошу мне верить, что действительные намерения германского правительства в отношении Балкан мне известны тогда не были.

Вопрос: По приезде в Софию ваш предшественник — Рюмелинг[II], информировал вас о политической обстановке в Болгарии?

Ответ: Нет, так как к этому времени он уже из г. Софии выехал.

Вопрос: В своих показаниях по этим вопросам вы доходите до абсурдности. Как могли вас направить послом в Болгарию, не дав никаких указаний, не ознакомив с сложившейся там политической обстановкой. Это же противоречит элементарным понятиям о дипломатической работе.

Ответ: Я был не точен в своих показаниях. Дело в том, что устно о политическом положении в Болгарии меня никто не информировал, но мне по этому вопросу в МИД были представлены различные документы, которые дали мне возможность ознакомиться с существовавшей там обстановкой.

Что же касается каких-либо указаний, то я еще раз подтверждаю, что ни от кого их не получал, если не считать пожеланий руководителя отдела культуры МИД — фон Твардовского о необходимости расширения культурных связей с Болгарией.

[I] Речь идет о болгарском военном деятеле — генерале Николе Хаджипеткове.

[II] Так в документе, речь идет о немецком дипломате Ойгене Рюмелине.

Вопрос: В таком случае как же вы, по прибытии в Софию, определили первоочередные задачи вашей деятельности как посла в Болгарии?

Ответ: Мне было ясно, что деятельность моя должна сводиться к тому, чтобы сохранить нейтралитет Болгарии и ее дружеские отношения с Германией. По опыту прошлой деятельности в Бельгии и Дании — это не вызывало больших трудностей и, конечно, не требовало особых указаний.

Вопрос: Перестаньте изворачиваться, Рихтгофен. Известно, что германское правительство в целях осуществления своих захватнических планов стремилось подчинить Болгарию своему влиянию, использовать ее в интересах войны. Вы эту политику осуществляли, при вашем непосредственном участии Болгария присоединилась к «Тройственному союзу». Рассказывайте об этом.

Ответ: Я не отрицаю, Германия действительно оказала большое влияние на болгарское правительство. В результате этого влияния внешняя, а подчас и внутренняя политика Болгарии проводилась в угодном для немцев направлении. В последующем это влияние начало носить уже угрожающий характер, следствием которого явилось присоединение Болгарии к «Тройственному союзу».

Однако я должен еще раз подтвердить свои показания, что к моменту прибытия в Болгарию действительного намерения германского правительства в отношении Балкан вообще и Болгарии в частности мне известны не были. Об этом я мог лишь частично узнать в процессе последующей работы и получаемых указаний.

Вопрос: Какие мероприятия были проведены вами для укрепления сотрудничества с Болгарией, последующего подчинения ее интересам Германии и использовании при осуществлении захватнических планов?

Ответ: Как видно из документов, предоставленных мне в МИД, так и в результате общения с членами правительства, с царем Борисом по приезде в Софию, я установил, что политическая обстановка в Болгарии стабилизировалась и для Германии являлась благоприятной. Отношения Болгарии с Германией носили дружественный характер.

В противоположность Югославии, в этот период Болгария установила дипломатические отношения с СССР. Имевшиеся незначительные противоречия Болгарии с соседними странами (Турция, Югославия, Румыния), и существовавшие еще со времен балканских войн, политической опасности не создавали. Политические партии в Болгарии были распущены. Парламент в жизни страны особого значения не имел. Страной по существу руководил царь Борис при поддержке отдельных министров, являвшихся, как и он, сторонниками тесного сотрудничества с Германией.

В этих условиях особых трудностей в осуществлении получаемых указаний по усилению германского влияния в области экономики, культуры и политики Болгарии я не встречал. Вскоре после моего прибытия в Болгарию и проведенных визитов, о которых показал выше, я посетил также министра просвещения Филова с целью обсуждения вопроса о заключении культурного договора. Сославшись на состоявшиеся уже ранее переговоры, я передал ему для ознакомления текст примерного договора. Через некоторое время этот договор с незначительными изменениями был подписан.

Договором предусматривалось взаимное создание институтов культуры, строительство и организация немецких специальных школ в Болгарии, набор студентов в немецкие университеты и обеспечение их стипендией, организация различных выставок (были организованы: архитектурная, домашних

электроприборов, заменителей), экскурсий, концертов, театральных постановок, демонстрация картин и т.п.

Этой деятельностью руководил профессор Кох, впоследствии занимавший должность атташе культуры при посольстве.

Вопрос: Иначе говоря, этот договор был использован также и в целях германской пропаганды в Болгарии?

Ответ: Да, заключение этого договора в известной мере легализовало и значительно облегчило возможность активизации германской пропаганды в Болгарии. Больше того, с начала 1940 г. пропаганда за границей была уже непосредственно передана в ведение МИД.

В январе 1940 года я, как и другие послы юго-восточных стран, телеграммой был вызван в Берлин в МИД. По приезде в Берлин, в связи с заболеванием Риббентропа, я был принят министериал-директором отдела Личного состава МИД — Шрейдером.

Шрейдер мне заявил, что этот вызов связан с необходимостью получения указаний об усилении немецкой пропаганды в Болгарии, так как, во изменение ранее существовавшего положения, пропаганда за границей из ведения Министерства пропаганды передается в МИД и что Риббентроп крайне заинтересован в ее активизации.

Далее он рассказал, что в каждое из посольств балканских стран направляются атташе прессы и культуры, которые хотя и будут, якобы, подчиняться непосредственно Риббентропу, но на местах их работа будет проводиться под наблюдением послов.

В этих целях в германское посольство в Болгарии на должность атташе культуры был назначен, как я уже показал, профессор Кох. На следующий день после беседы с Шрейдером, я был вызван Риббентропом к нему на квартиру. Встретив меня и убедившись, что я уже осведомлен о причинах вызова, он перешел сразу к изложению указаний.

Поведение болгарской прессы, заявил Риббентроп, крайне неудовлетворительно. Публикуется слишком много материала из Лондона и Парижа. Болгарская общественность, продолжал он, должна ясно сознавать, что Болгария может достигнуть своих национальных интересов только лишь с помощью Германии, и поэтому в таких целях болгары должны были решительно поддерживать Германию.

Это последнее указание Риббентропа вытекало из аналогичного заявления Гитлера премьер-министру и министру иностранных дел Болгарии Кюссевайнову[1] в июле 1939 года, когда он приезжал в Берлин для переговоров по вопросу поставок вооружения болгарской армии.

Болгарское правительство обосновывало тогда свою просьбу осложнявшейся обстановкой в Европе и, якобы, имевшимися данными о концентрации турецких войск на болгаро-турецкой границе. Гитлер тогда обещал эту просьбу удовлетворить, компенсировав поставки вооружения сельскохозяйственными продуктами Болгарии.

Вопрос: Что практически было вами сделано во исполнение указаний Риббентропа?

Ответ: Деятельность пресс-атташе Обермайера и моя, поскольку я также был ответственен за этот участок работы, была направлена к тому, что-

[1] Так в документе, речь идет о болгарском политическом деятеле Георгии Кёсеиванове.

бы, всемерно используя болгарскую прессу, доказать, якобы, военную и экономическую мощь Германии и ее бесспорную победу в происходящей войне.

В этих целях информация собственного посольства и получаемый пропагандистский материал из Германии широко распространялись через болгарские газеты, журналы и брошюры. В такой же степени использовались также различные иллюстрации, которые помещались в газетах, журналах и вывешивались в местах наибольшего скопления публики.

Наряду с этим большие статьи из немецких газет, отдельные брошюры, речи Гитлера и его сподвижников переводились на болгарский язык и рассылались по всей стране различным адресатам. В основном это были представители общественности, профессура, педагоги, представители юстиции, торговых и промышленных предприятий, клубов и т.п.

Все эти лица, конечно, находили политику царя Бориса и правительства слишком медлительной и придерживались линии открытого признания Германии. Как я установил из информации пресс-атташе Обермайера, он свою деятельность осуществлял, главным образом, в этой среде.

В начале 1940 года я также неоднократно посещал министра иностранных дел Попова, которому высказывал отрицательное реагирование германского правительства на публикуемую в болгарской прессе английскую, французскую и др. источников информацию.

В результате всех этих мероприятий насыщенность германской информацией болгарской прессы была доведена до такой степени, что действительно почти целиком вытеснила иные источники.

Таким образом, указания Риббентропа об усилении германской пропаганды в Болгарии, как по линии прессы и культурных мероприятий, так и путем привлечения прогермански настроенных кругов болгарской общественности, нами выполнялись успешно.

Вопрос: Объясните, в связи с чем в начале 1940 года было уделено столь большое внимание германской пропаганде в Балканских странах?

Ответ: Каких-либо пояснений по этому и тем более о конечных целях, преследуемых этими мероприятиями, мне дано не было. Однако уже тогда мне было ясно, что сложившаяся к 1940 г. обстановка и опыт прошлой мировой войны настоятельно требовали укрепления германского влияния в Балканских странах.

Последующие же события показали, что Болгария для Германии имела большое значение в стратегическом отношении. Для германского командования ее территория представляла опорный пункт на Балканах, использование которого давало возможность прохода германских вооруженных сил в Грецию и Югославию.

Это для меня стало особенно ясным, когда я получил указание о необходимости принять все меры к тому, чтобы склонить болгарское правительство к заключению договора о пропуске германских вооруженных сил через территорию Болгарии и на присоединение ее к «Тройственному союзу».

Вопрос: Расскажите об этом подробнее?

Ответ: Впервые задание о склонении Болгарии на присоединение к «Тройственному союзу» я получил телеграфно в октябре 1940 года. В этой же телеграмме указывалось, что Венгрия и Румыния о присоединении свое согласие уже изъявили, что присоединение Болгарии к «Тройственному союзу» должно еще лишний раз подтвердить «европейскую солидарность».

Вопрос: О какой же «европейской солидарности» могла идти речь, если Венгрия и Румыния к этому времени уже были оккупированы немецкими войсками?

Ответ: Совершенно верно. Присоединение Венгрии и Румынии к «Тройственному союзу» предшествовало занятию их территорий германскими войсками. И следует, конечно, полагать, что произошло это присоединение вследствие определенного давления на правительства этих стран. Однако рекламировалось это Германией как выражение «европейской солидарности».

Болгарам, конечно, не трудно было понять, что от присоединения к «Тройственному пакту» они не только ничего не выиграли, но ставили себя этим в рискованное положение перед Турцией, возможность выступления которой на стороне союзных держав тогда нисколько не исключалась, как не исключалась возможность обострения отношений с СССР.

Полагать, что «Тройственный пакт» был прямо направлен, или мог быть направлен против СССР в ближайшее время, тогда еще не могли и хотя бы потому, что с момента подписания договора с СССР прошло сравнительно немного времени.

В связи с этим договором болгары крайне интересовались, в какую сферу заинтересованности они попадают и имеется ли какое-либо соглашение по этому вопросу между Германией и Советским Союзом.

Насколько решение этого вопроса для болгар было важно, свидетельствует, например, тот факт, что царь Борис прямо просил меня об этом при одном из визитов, сделанных ему в ноябре или декабре 1940 года.

При такой позиции болгар для меня не было никакой неожиданности, когда министр иностранных дел Попов, после моего визита к нему по вопросу присоединения Болгарии к «Тройственному союзу», через несколько дней сообщил мне, что болгарское правительство на этот шаг не решается.

Насколько я помню, объединялось это как раз теми мотивами, о которых я показал выше. Об отрицательной позиции болгарского правительства и их сомнениях я сообщил в Берлин.

Вопрос: Каким же все-таки путем удалось склонить Болгарию на присоединение к «Тройственному союзу» и к последующему ее использованию в осуществлении захватнических планов Германии?

Ответ: В начале декабря 1940 года я получил извещение, в котором мне было предложено сообщить царю Борису, что Гитлер выразил желание встретиться с ним для переговоров. Когда я сообщил царю Борису о приглашении, он, казалось, обрадовался этому, так как незнание действительной обстановки, заявил он, ставило его в затруднительное положение. С другой стороны, ему предоставлялась возможность лично изложить соображения болгар по вопросу присоединения к «Тройственному союзу».

В этой поездке царя Бориса сопровождал только министр иностранных дел Попов. Оба они были приняты Гитлером. Я и болгарский посол Драганов на приеме не присутствовали.

Вечером при совместном возвращении в Софию я заметил, что царь Борис и Попов были настроены очень серьезно. Каких-либо комментариев о прошедших переговорах не высказывалось. Единственное, что мне удалось установить из краткой беседы с Поповым, это то, что вопрос о присоединении к «Тройственному союзу» решен был, якобы, отрицательно.

Примерно в конце декабря 1940 года премьер-министр Филов собирался выехать в Вену на консультацию к профессорам. Я предложил ему исполь-

зовать эту поездку с целью посещения Гитлера в Берхтесгадене, о чем сообщил в Берлин, где с этим предложением согласились.

На этот раз мне также пришлось сопровождать и Филова, однако на его приеме у Гитлера и Риббентропа я опять не присутствовал.

Вопрос: Не принижайте своей активности, Рихтгофен. Почему же вы, которому было поручено склонить Болгарию на присоединение к «Тройственному союзу», дважды оказались вне обсуждения этого вопроса?

Ответ: У меня сложилось убеждение, что я попал в немилость, так как в октябре 1940 года не сумел оказать должного давления на болгарское правительство с тем, чтобы последнее примкнуло к «Тройственному союзу».

Однако должен показать, что при проводах Филова мне Риббентроп заявил, что я должен явиться к нему на следующий день для получения указаний. Когда я прибыл к Риббентропу, то в состоявшейся беседе он мне сказал, что Болгария теперь должна присоединиться к «Тройственному союзу» и моя задача состоит в том, чтобы осуществить это как можно быстрее.

По возвращении в Софию я по этому вопросу вновь имел беседу с Филовым. Он мне сообщил, что я, очевидно, уже осведомлен о предстоящем вступлении германских войск на территорию Болгарии в целях последующего выступления против Греции и Югославии.

Что же касается присоединения к «Тройственному союзу», то Болгария всегда была готова поддержать Германию, но раньше этому мешали известные для меня соображения.

Я забыл упомянуть, что еще при поездке с царем Борисом в Берлин мне в МИД были даны указания о подготовительных переговорах по вопросу вступления германских войск в Болгарию. Тогда речь, в основном, шла о допуске германских экспертов по обследованию дорог и мостов, а также необходимого их строительства.

Вскоре после беседы с Филовым состоялись переговоры по вопросу подписания соглашения о вступлении германских войск в Болгарию. Главным образом они касались экономической и финансовой стороны этого мероприятия и разрабатывались соответствующими экспертами.

Согласно этого соглашения Болгария предоставляла в распоряжение немцев свои порты, ж[елезно]-д[орожный] и морской транспорт, аэродромы, а также оборонительные сооружения на границах Греции и Югославии. Обязывались оплачивать все расходы германских войск после их вторжения в Македонию и Фракию, в то время как содержание германских войск в собственно Болгарии оплачивалось германским правительством на основе клиринга.

Кроме того, отдельным протоколом предусматривалось предоставление экстерриториальных прав германским военнослужащим. Этот вопрос разрабатывался непосредственно мной. Указанные соглашения, конечно, оглашению не подлежали. Подписаны они были с германской стороны мной и Нойбахером, а со стороны болгар Филовым и Божиловым.

Этим соглашениям предшествовало также заключение ряда чисто экономических и торговых договоров, по которым Болгария взамен на доставляемое ей вооружение поставляла Германии продукты сельского хозяйства и предоставляла более расширенные права германским торговым фирмам.

После того как вся подготовительная работа была закончена, в конце февраля 1941 года в Вене состоялось официальное присоединение Болгарии к «Тройственному союзу». Решающим доводом в склонении Болгарии на этот шаг явилось обещание Гитлера поддержать национальные интересы

Болгарии, т.е. расширить ее границы за счет включения Македонии, Фракии и, частично, Добруджи.

В этих же целях использовались сведения о нарастающей угрозе со стороны Турции, а также данные об успехах германских войск на Западе, якобы свидетельствующих о военной и экономической мощи Германии и ее победе в происходящей войне.

В процессе обсуждения с болгарами вопроса о присоединении к «Тройственному союзу» я, конечно, обязан был в своей деятельности придерживаться этой линии.

Вопрос: Стало быть, можно считать установленным, что при вашем непосредственным участии и воздействии Болгария присоединилась к «Тройственному союзу» и впоследствии была использована Германией для осуществления своих захватнических планов?

Ответ: Да, совершенно верно, но я тот период времени все эти мероприятия рассматривал как оборонительные, предотвращающие возможность повторения фронта «Салоники», и считал их для Германии необходимыми и правильными.

Я должен также показать, что мне было ясно, что Болгария от присоединения к «Тройственному союзу» выиграть много не может. Обещанная поддержка ее национальных интересов была сомнительной. Известно, например, что на Македонию большие претензии имела Италия. Последующие события эти мои сомнения подтвердили.

Вскоре после оккупации немецкими войсками Македонии в Софию приехал из МИД Клодиус, чтобы сообщить царю Борису демаркационную линию, которая должна была лечь в основу будущего определения границ Болгарии. Немецко-итальянским соглашением по этому вопросу линия непосредственно западнее г. Скопье и все озеро Окрида передавались итальянцам. На состоявшейся аудиенции царь Борис эти предложения Клодиуса отклонил. Аналогичное разочарование болгар было проявлено, когда после капитуляции греческих войск во Фракии была оставлена греческая администрация.

Поэтому, учитывая соображения болгар и возможность обострения их отношений с Германией, а также в целях сохранения своей репутации я допускал вначале некоторую медлительность в отношении Болгарии на присоединение к «Тройственному союзу», стараясь, чтобы в этом вопросе больше давления оказывали на болгар непосредственно из Берлина. Что это действительно имело место, можно подтвердить тем, что в июне 1941 года я с поста посла был отозван и зачислен в резерв. Было очевидно, что я, как дипломат старой школы, своей деятельностью Гитлера и Риббентропа не удовлетворял. На мое место прибыл обергруппенфюрер СА — Беккерле.

В 1944 г. я достиг возрастного предела — 65 лет и по существовавшему положению вышел в отставку.

Вопрос: Чем же вы занимались, находясь в резерве?

Ответ: Почти весь этот период я проживал у себя на родине в Силезии. Однако вскоре после смерти царя Бориса меня вызвали к Риббентропу. Он поручил мне поехать к бывш[ему] царю Болгарии Фердинанду, выразить ему соболезнование по случаю смерти сына и, одновременно, установить, какие у него имеются сведения и соображения о причине смерти царя Бориса, а также взгляды на новый состав Регентского совета.

Это задание я выполнил. Было выявлено, что Фердинанд подробностей и причин смерти своего сына не знал и не имел также представления о развивающейся

обстановке и составе вновь создаваемого Регентского совета. По выполнении этого задания я продолжал проживать в Силезии до дня моего задержания.

Протокол переведен мне на немецкий язык, показания с моих слов записаны правильно.

РИХТГОФЕН

Переводчик 2 отд[ела] ГУКР «Смерш» гвардии мл[адший] лейтенант СМИРНИЦКИЙ

Допросил: сотрудник 2 отд[ела] ГУКР «Смерш» майор ЛИВЧАК

ЦА ФСБ России. Н-20805. Л. 48—64об. Подлинник. Машинопись. Автограф.

№ 121
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА ПОСЛА Г. ФОН РИХТГОФЕНА

14 июня 1948 г.
Москва

Рихтгофен Герберт, 1879 года рождения, уроженец м. Штрелен Штреленского района (Германия), немец, из дворян, член НСДАП с 1937 г., образование высшее юридическое. До июня 1941 г. германский посол в Болгарии.

Вопрос: Приход Гитлера к власти в Германии застал вас на посту посланника в Копенгагене?

Ответ: Да, я являлся германским посланником в Копенгагене с 1930 по 1936 год.

Вопрос: Как отразился гитлеровский переворот на вашей деятельности в Дании?

Ответ: После прихода в 1933 г. к власти Гитлера значительно активизировалась фашистская пропаганда в Дании, и нацисты пытались завоевать руководящие посты в многочисленных немецких клубах. Я всемерно помогал им в этом направлении.

В мое распоряжение вскоре был направлен новый атташе прессы Фрилиц — впоследствии «фюрер» нацистов в Дании, после чего заметно оживилась деятельность датских гитлеровцев.

Вопрос: Какую политическую линию вы проводили в Дании?

Ответ: В соответствии с директивами и указаниями германского правительства я старался укреплять германское влияние в Дании как в политическом, так и в экономическом отношении. По моему указанию посредством распространения нацистской литературы через каналы прогерманских объединений «Общество 1914 года» и «Союз друзей германской литературы» шла идеологическая обработка датского народа.

В экономическом отношении я старался укрепить датско-германские отношения, так как Германия была крайне заинтересована в получении датских сельскохозяйственных продуктов.

Каких-либо затруднений в проведении указанной политики в Дании я не встречал. В марте—апреле 1936 года я был освобожден от своих обязанностей в Дании и назначен послом в Бельгию.

Вопрос: Чем было вызвано это перемещение?

Ответ: После внезапной смерти германского посла в Брюсселе — графа Адельманн[I], я был вызван в Берлин к стат-секретарю МИД фон Бюлов[II], который объявил мне, что моя кандидатура намечается на пост посла в Бельгии. В апреле 1936 года я прибыл в Брюссель.

Вопрос: Какие политические указания гитлеровского правительства вы получили перед выездом в Бельгию?

Ответ: Я имел беседу со статс-секретарем Бюловым, который ориентировал меня о враждебном настроении всех слоев бельгийского общества по отношению к Германии, так как в бельгийском народе были живы воспоминания о вероломном нападении немцев в 1914 году и о годах последующей оккупации.

Фон Бюлов указал мне на необходимость осторожной, но настойчивой прогерманской обработки общественного мнения в Бельгии. Затем я был принят Гитлером в присутствии министра иностранных дел Нейрата, от которого получил соответствующие указания.

На мой вопрос, как я должен реагировать на появившиеся в прессе сообщения о продлении бельгийцами «линии Мажино»[66], Гитлер ответил: «Скажите бельгийцам, что они могут зарывать столько бетона в землю, сколько им нравится».

Тогда я еще не осознавал, что это заявление Гитлера было политическим лицемерием, рассчитанным на усыпление бдительности бельгийского народа.

Вопрос: Вы отлично знали цену заверений Гитлера и недаром вас направили в Бельгию непосредственно после вступления германских войск в Рейнскую область. Показывайте о проведении вами гитлеровской внешней политики в Бельгии.

Ответ: Несомненно, что после ремилитаризации Рейнской области и, тем самым, срыва Локарнского договора Бельгия снова очутилась под угрозой оказавшихся на ее границе германских войск. Бельгийское правительство Ван-Зееланда—Спаака стало заигрывать с нами, немцами, и пыталось освободиться от обязательств военной помощи Франции в случае конфликта с Германией.

В этой сложной обстановке я рекламировал «миролюбивые» настроения Гитлера и осторожно проводил мысль о том, что Бельгии нечего ожидать от Франции, следовательно, настоящим гарантом ее безопасности является Германия.

Когда весной 1937 года в соответствии с желанием бельгийского правительства последовала англо-французская декларация об освобождении Бельгии от обязательств, вытекающих из Локарнского пакта, я по собственной инициативе предложил Нейрату сделать официальное заявление о «мирных намерениях Германии в отношении Бельгии».

Нейрат согласился с моим предложением, и 13 октября 1937 года германское правительство объявило, что оно будет уважать бельгийский суверенитет, если Бельгия не примет участия в конфликте против Германии, и что германские вооруженные силы окажут помощь Бельгии в случае нападения на нее.

Тем самым мне удалось в значительной мере укрепить германское влияние в Бельгии и существенным образом парализовать волю бельгийского народа к сопротивлению германской агрессии.

[I] Речь идет о немецком дипломате Рабане фон Адельмане фон Адельмансфельдене.

[II] Речь идет о немецком дипломате Бернхарде Вильгельме фон Бюлове.

Вопрос: Известно, что в 1940 году фашистская Германия нарушила свои торжественные обязательства в отношении Бельгии и вероломно напала на нее. Вы также несете ответственность за это, так как лживо заверяли бельгийский народ в «миролюбии Германии».

Ответ: Фактически это так. Прошу учесть, что я не мог предусмотреть все замыслы Гитлера. Со временем мне стало, однако, ясно, что все международные договоры рассматриваются гитлеровским правительством как «клочки бумаги».

Вопрос: На какие круги в Бельгии вы ориентировались, проводя в жизнь преступную политику Гитлера?

Ответ: Германское правительство и я, являясь его представителем в Бельгии, ориентировались на крупно-капиталистические круги, являвшиеся настоящими хозяевами страны. Успехи народного фронта во Франции и Испании, а также рост и укрепление демократии в самой Бельгии толкали эти круги в объятия Гитлера.

Могу назвать таких «королей» бельгийской тяжелой индустрии, как семьи Сольвей[67] и Боэль, которые охотно шли на сближение с германскими промышленниками, в частности с фирмой «И.Г. Фарбениндустри», и поддерживали внешнюю политику Гитлера в Бельгии.

Вопрос: Почему вы умалчиваете о вашей ориентации на гитлеровскую агентуру в Бельгии — фламандских националистов и рексистов?

Ответ: Открытая ориентация на фламандских националистов во главе со Стаф де Клерк и Вард-Херманс, а также связь с вождем рексистов Дегрелем могла бы только скомпрометировать германское посольство и затруднить мою «мирную миссию».

Кроме того, несмотря на очевидный успех фламандских националистов и рексистов на майских выборах в 1936 году, они еще были сравнительно малочисленны и не определяли политические настроения в стране.

Не хочу скрывать, что мне известно о том, что германские нацистские круги поддерживали нелегальную связь с националистами, рексистами и профашистскими элементами в Эйпен—Мальмеди[68]. Эта связь шла через гауляйтера Кёльна — Грохе[I] и через известного гитлеровского эмиссара Отто Абец.

Вопрос: Откуда вам это известно?

Ответ: Я был проинформирован об этом атташе прессы д-ром Клейн[II]. С Абец я, кроме того, встречался в Брюсселе, куда он приезжал с заданием способствовать объединению бельгийских союзов фронтовиков. Это мероприятие имело серьезное политическое значение, так как по замыслу Абеца объединенный союз фронтовиков должен был стать базой для сплочения всех наиболее реакционных и фашистских элементов в Бельгии, наподобие фашистской организации «Огненные кресты»[69] во Франции.

Вопрос: Известно, что в составе германского посольства в Брюсселе имелись законспирированные германские разведчики. Показывайте об этом.

Ответ: Мне ничего не известно об этом. Лично я считаю возможным, что разведкой занималась приданная посольству служба наблюдения за сохранностью могил германских военнослужащих в Бельгии. Сотрудники этой службы свободно разъезжали по стране, в частности, в районах, прилегающих к французской границе. Однако, повторяю, это лишь догадка.

[I] Речь идет о немецком партийном деятеле обергруппенфюрере НСКК Йозефе Грое.

[II] Речь идет о немецком дипломате Вильгельме Клейне.

Вопрос: Как долго вы являлись германским послом в Бельгии?

Ответ: Я был отозван в августе 1938 года.

Вопрос: Чем это было вызвано?

Ответ: Действительные причины мне неизвестны. Я был вызван в Берлин и беседовал там с Риббентропом, который спросил меня — желаю ли я занять пост германского посла в Ватикане. Я ответил утвердительно. После этого, однако, не последовало мое назначение, и на мой вопрос о причинах задержки Риббентроп ответил, что Гитлер в настоящее время считает замену посла в Ватикане нецелесообразным.

Вопрос: Ваш следующий заграничный пост была должность германского посла в Болгарии?

Ответ: Да, с апреля 1939 по май 1941 года я являлся германским послом в Болгарии.

Вопрос: Какие политические поручения гитлеровского правительства вы выполняли в период с августа 1938 по апрель 1939 года?

Ответ: После окончания мюнхенских переговоров я был назначен председателем комиссии по установлению границы между Германией и Чехословакией. Комиссия эта была мертворожденным детищем и, по существу, лишь маскировала подготовку Гитлера к оккупации Чехословакии.

Формально эта «комиссия» существовала почти до момента вступления германских войск в Прагу и ликвидации Чехословацкой Республики.

Вопрос: Таким образом, в вашем послужном списке прибавилась еще одна «мирная миссия», имевшая своей целью маскировку гитлеровской агрессии против миролюбивых стран?

Ответ: Тяжело признать, но это правда. Служба при Гитлере превратила меня — честного дипломата, в сообщника по подготовке фашистской агрессии.

Вопрос: Ваше назначение в Болгарию было также неслучайным. Ведь Болгария занимала видное место в военных планах Гитлера против Советского Союза?

Ответ: Это нельзя отрицать. Когда Риббентроп сообщил мне о моем назначении на пост германского посла в Болгарию, он особо подчеркнул, что Болгария приобретает сейчас большой интерес для германского правительства.

Более подробно он тогда не останавливался на этом вопросе, но для меня было ясно, что речь идет о необходимости укрепления германского влияния в Болгарии в связи с устремлением германской экспансии на Восток.

Вопрос: И этими политическими установками вы руководствовались, находясь на посту германского посла в Болгарии?

Ответ: Совершенно верно. О своей практической работе в Болгарии я подробно показал на следствии.

Протокол допроса составлен с моих слов верно, мне переведен на немецкий язык.

ФОН РИХТГОФЕН

Допросил: ст[арший] оперуполн[омоченный] Следотдела 2 Глав-н[ого] Управления МГБ СССР майор КОПЕЛЯНСКИЙ

ЦА ФСБ России. Н-20805. Л. 68—75. Подлинник. Машинопись. Автограф.

№ 122
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА ПОСЛА Г. ФОН РИХТГОФЕНА

17 июня 1948 г.
Москва

Вопрос: Когда вы ушли в отставку?

Ответ: Фактически я ушел в отставку в июне 1941 года, вернувшись из Болгарии в Германию. Формально я окончательно был уволен по достижении мною возрастного предела в 1944 году.

Вопрос: Чем вы занимались после ухода с дипломатической службы?

Ответ: Я поселился вместе с женой в поместье Бургрерсдорф близ гор. Швейдниц (Силезия), принадлежавшем моему племяннику полковнику графу Пюклер. Полковник Пюклер до 1944 года служил в отделе «Иностранные армии» Генштаба сухопутных войск, а затем получил назначение в действующую армию в Италию. В его поместье я проживал почти безвыездно до момента моего задержания представителями Советской Армии в мае 1945 года.

Вопрос: Будучи в отставке, вы привлекались к выполнению отдельных заданий гитлеровского правительства?

Ответ: Да, единственный раз в связи со смертью болгарского царя Бориса, я был вызван Риббентропом в его ставку в Восточной Пруссии и получил от него задание нанести визит проживавшему в Словакии отцу Бориса — экс-королю Фердинанду, и выразить ему соболезнование от имени германского правительства. После выполнения этого задания я вернулся в поместье Бургерсдорф и более не привлекался к выполнению каких-либо поручений МИДа или германского правительства.

Вопрос: Почему Риббентроп избрал вас для поездки к экс-королю Фердинанду?

Ответ: Я был знаком с Фердинандом еще в 1916 году, когда являлся советником германского посольства в Болгарии. Кроме того, по своей службе в Болгарии с 1939 по 1941 г. я поддерживал хорошие взаимоотношения с его сыном — Борисом.

Вопрос: Известно, что вы принимали участие в подготовке и проведении антисоветской пропаганды, сотрудничая в этом с Отделом пропаганды штаба германских вооруженных сил. Показывайте об этом?

Ответ: Я никогда антисоветской пропагандой не занимался и с Отделом пропаганды штаба германских вооруженных сил не сотрудничал.

Вопрос: Вам предъявляется копия документа на немецком языке от 27 января 1943 года, которым вы изобличаетесь как автор антисоветских листовок. Вы и теперь будете отрицать свою антисоветскую деятельность?

Ответ: Ознакомившись с предъявленным мне документом, я заявляю, что в данном случае имеет место недоразумение. Упоминаемый в этом документе автор антисоветской листовки — фон Рихтгофен — является моим родственником — профессором Кёнигсбергского университета, который действительно сотрудничал с Отделом пропаганды и, являясь специалистом по русскому языку, возможно, составлял антисоветские листовки.

Вопрос: Откуда вам это известно?

Ответ: Об этом мне рассказал маршал авиации фон Рихтгофен, также мой родственник. Являясь командующим авиационным корпусом на южном участке советско-германского фронта, маршал фон Рихтгофен устроил упомянутого выше профессора фон Рихтгофен к себе в штаб корпуса, где последний работал по организации антисоветской пропаганды.

Вопрос: Кто еще из членов рода фон Рихтгофен играл видную роль в фашистской Германии?

Ответ: За исключением маршала авиации фон Рихтгофен и меня, являвшимся ответственным сотрудником МИДа Германии в звании посла, следует упомянуть следующих лиц:

фон Рихтгофен Дибрант — вице-президент имперского суда в г. Лейпциг.

фон Рихтгофен Освальд — сын фон Рихтгофен Дибранта, дипломат, до 1942 г. являлся советником германского посольства в Будапеште, затем был призван в германскую армию.

Большинство же членов рода фон Рихтгофен являлись помещиками в Силезии, а их сыновья офицерами германской армии. Я лично поддерживал связь со следующими из них:

фон Рихтгофен Манфред — владел поместьем близ гор. Лигниц, в 1945 году был мобилизован в фольксштурм.

фон Рихтгофен Георг — владел поместьем «Гроссрозен» (Силезия). Два сына — офицеры, погибли на советско-германском фронте.

фон Рихтгофен Вольфганг — владел поместьем «Стандорф» (Силезия). Два сына — офицеры германской армии, погибли в России.

фон Рихтгофен Карл — владел поместьем «Кунерн» (Силезия). Два сына военнослужащие германской армии, убиты в России.

фон Рихтгофен Гейнц-Лотар, коммерсант, последнее время находился во Франции.

фон Рихтгофен Гартман, коммерсант, ранее был на дипломатической службе, проживает в Зандгильген (Австрия).

Я назвал, таким образом, всех наиболее известных членов рода фон Рихтгофен.

Протокол допроса записан с моих слов верно, мне переведен на немецкий язык

РИХТГОФЕН

Допросил: ст[арший] оперуполномоченный 4 отдела 3 [Главного] Управления МГБ СССР майор КОПЕЛЯНСКИЙ

ЦА ФСБ России. Н-20805. Л. 76—79. Подлинник. Машинопись. Автограф.

№ 123
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА ПОСЛА Г. ФОН РИХТГОФЕНА

5 апреля 1950 г.
Москва

Фон Рихтгофен Герберт, 1879 г[ода] р[ождения], уроженец м. Штрелен (Германия), немец, из дворян, член фашистской партии с 1937 г., с высшим образованием, бывший германский посол в Болгарии.

Допрос начат в 12 ч. 30 мин.

Вопрос: После ухода в отставку в 1941 году вы привлекались гитлеровским правительством для выполнения каких-либо заданий?

Ответ: Да, привлекался. В сентябре 1943 года в связи со смертью болгарского царя Бориса я был послан министром иностранных дел Германии

Риббентропом к отцу Бориса — Фердинанду Кобургскому, проживавшему в своем имении в местечке Святой Антал в Словакии.

Об этом задании Риббентропа я ранее показывал следствию.

Вопрос: Почему Риббентроп решил послать именно вас к Фердинанду?

Ответ: Риббентропу было известно, что я знал бывшего царя Болгарии — Фердинанда еще по периоду первой мировой войны. Кроме того, я заслужил доверие Риббентропа своей длительной службой интересам гитлеровской Германии, которую я представлял как посол в Дании, Бельгии и Болгарии.

Вопрос: Чем была вызвана необходимость вашего визита к Фердинанду?

Ответ: Цель моего визита к Фердинанду была мне разъяснена лично Риббентропом, который вызвал меня для беседы в ставку Гитлера, расположенную в то время вблизи гор. Растенбург (Восточная Пруссия).

Риббентроп поручил мне поехать к Фердинанду, выразить ему соболезнование по случаю смерти царя Бориса и постараться осторожно выведать, какое мнение имеется у Фердинанда о политической обстановке в Болгарии, а также взгляды Фердинанда на состав Регентского совета, который должен был править Болгарией от имени малолетнего царя Симеона.

Риббентроп особо подчеркнул необходимость выяснить у Фердинанда мнение последнего в отношении брата умершего царя Бориса — великого князя Кирилла, который, как предполагало германское правительство, должен был возглавить Регентский совет.

Вопрос: Таким образом, в вашем послужном списке прибавилась еще одна разведывательно-политическая миссия?

Ответ: Правильно. Гитлер и Риббентроп были крайне заинтересованы в укреплении германского влияния в Болгарии. Внезапная смерть Бориса — этого верного слуги гитлеровской Германии — заставила германское правительство использовать все свои возможности для установления в Болгарии такого правительства, которое бы верно служило Гитлеру и было бы предано ему не менее, чем Борис.

Одним из звеньев многосторонней политической подготовки к еще более эффективному закабалению Болгарии гитлеровской Германией должен был явиться и мой визит к Фердинанду.

Вспоминаю также, что Риббентроп снабдил меня дутыми данными о германских военных резервах, в частности об авиации, и проинструктировал меня, что при встрече с Фердинандом я бы использовал эти данные и постарался уверить последнего, что Германия, несмотря на тяжелые удары, нанесенные на Восточном фронте, все еще достаточно мощна, чтобы добиться победы над большевиками.

При этом Риббентроп рассчитывал, что Фердинанд, имевший приверженцев в Болгарии, сумеет в какой-то мере успокоить болгарские фашистские круги, взбудораженные провалом германского наступления на Сталинград и мощным контрнаступлением советских войск.

Вопрос: Кто присутствовал при вашей беседе с Риббентропом?

Ответ: Никто. Беседа с Риббентропом велась с глазу на глаз.

Вопрос: С кем еще из фашистских главарей вы встречались во время посещения ставки Гитлера?

Ответ: Кроме Риббентропа и некоторых второстепенных чиновников из его окружения, фамилии их не помню, я ни с кем не встречался.

Вопрос: Тогда покажите, как вы выполнили разведывательно-политическую миссию, возложенную на вас Риббентропом?

Ответ: Прибыв на самолете в Бреслау я был встречен бывшим германским посланником в Словакии — Людиным[1], который сопровождал меня в Святой Антал, там я имел примерно часовую беседу наедине с Фердинандом, во время которой постарался как можно тщательнее выполнить задание Риббентропа.

Старая лиса — Фердинанд, был, однако, на чеку и не показал своего отношения к моей похвальбе об «успехах германского оружия». О великом князе Кирилле он отозвался одобрительно, заявив, что, хотя Кирилл не так уж умен, как покойный Борис, все же это человек, имеющий «здравые политические взгляды», способный обеспечить преемственность прогитлеровского курса болгарского правительства.

В общем, у меня сложилось впечатление, что германское правительство, в частности Риббентроп, переоценивали политические возможности Фердинанда. У меня, во всяком случае, сложилось убеждение, что Фердинанд не может активно вмешиваться во внутриполитическую борьбу в Болгарии. Эти свои соображения совместно с полным отчетом о выполнении возложенной на меня миссии я доложил по прилете в Германию Риббентропу.

Вопрос: Как воспринял Риббенроп ваш отчет о посещении Фердинанда?

Ответ: Положительно. Риббентроп даже предложил мне остаться на некоторое время при его личном штабе, так как, возможно, потребовалась бы консультация по Болгарии. Однако по деловым вопросам он меня более не вызывал и через два-три дня снова пригласил меня к себе и, весьма вежливо распрощавшись со мной, отпустил меня домой.

Это была моя последняя политическая миссия на службе гитлеровской Германии. Позднее ни к каким заданиям германского правительства я не привлекался.

Допрос окончен в 15 ч.

Протокол допроса записан с моих слов правильно, мне переведен на немецкий язык.

ФОН РИХТГОФЕН

Допросил: ст[арший] оперуполн[омоченный] Следотдела 2 Глав-н[ого] Управления МГБ СССР майор КОПЕЛЯНСКИЙ

ЦА ФСБ России. Н-20805. Л. 94—97. Подлинник. Рукопись. Автограф.

№ 124
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА ПОСЛА Г. ФОН РИХТГОФЕНА

16 марта 1951 г.
Москва

Фон Рихтгофен Герберт, 1879 года рождения, уроженец м. Штрелен (Германия), немец, из дворян, член фашистской партии с 1937 г., с высшим образованием, бывший германский посол в Болгарии.

Допрос начат в 13 ч. 35 мин.

Вопрос: Вы до настоящего времени еще не дали полных показаний о своей связи с германской разведкой. Правду намерены говорить?

[1] Речь идет о немецком дипломате, обергруппенфюрере СА Гансе Людине.

Ответ: Я признал на следствии, что представитель разведки Главного управления Имперской безопасности Германии Панцингер Фриц снабжал меня сведениями о коммунистическом движении в Болгарии.

На очной ставке с Панцингером я также признал, что по его распоряжению представителю разведки СД — Гласс было предоставлено помещение в здании чехословацкого посольства, где им была устроена нелегальная радиостанция.

Я также признаю, что по некоторым вопросам я общался с начальником «Абверштелле-София» разведчиком Делиусом[I], однако, повторяю, что политическую информацию я от него не получал.

Вопрос: В таком случае будете изобличены во лжи. Ваш бывший заместитель Морман Антон на допросе 6 февраля 1948 года показал: «...Делиус докладывал Рихтгофену все наиболее существенные разведывательные материалы, имевшие значение для германской политики в Болгарии». Признавайтесь, так было?

Ответ: Я это отрицаю. Помню, что Делиус посещал меня несколько раз в помещении германского посольства, в частности, по вопросу о выдаче виз на выезд в Германию двум болгарским гражданам. Я возражал против их выезда, так как в германском посольстве имелись данные, что они дельцы с уголовным прошлым. По этому вопросу я консультировался с Делиусом, однако, не помню, какую позицию он занял. Фамилий этих болгар также не помню.

Вопрос: В преступной связи с разведчиком Делиусом вас изобличают также показания Панцингер Фрица от 20 января 1948 года. Панцингер показал: «Со слов Делиуса мне известно, что он подробно информировал Рихтгофен о целях и задачах германской разведки в Болгарии, а также о всех важных данных, полученных Абвером в Болгарии.

Так, припоминаю, что Рихтгофен получил от Делиуса важную информацию о подготовке прохождения германских войск через Болгарию в Грецию и о подготовке войны против СССР». Теперь не будете отрицать фактов вашей тесной связи с германской разведкой?

Ответ: Я настаиваю на своих показаниях, информацию такого рода я от Делиуса не получал.

Вопрос: Когда было заключено секретное соглашение между Гиммлером и Риббентропом о внедрении сотрудников разведки СД в германский дипломатический аппарат за границей?

Ответ: Мне это соглашение неизвестно.

Вопрос: Вы нагло лжете. Упомянутый Морман Антон на допросе в феврале 1948 года показал: «...Это соглашение было заключено, насколько припоминаю, в начале 1941 года. Тогда же в германское посольство в Болгарии, где в то время послом был Рихтгофен, поступили соответствующие директивы из Берлина.

...При содействии Рихтгофена в посольство был устроен на должность “консульского секретаря” сотрудник разведки СД — Больман[II]. Другой представитель СД — Гласс работал в Софии под прикрытием представителя германских торговых фирм».

Прекратите бессмысленное запирательство, показывайте правду!

Ответ: Действительно, разведчику Гласс, как я показал выше, я помог обосноваться в Софии и, таким образом, содействовал проведению им под-

[I] Псевдоним сотрудника германской военной разведки (Абвер) подполковника Отто Вагнера.

[II] Возможно, речь идет об оберштурмфюрере НСКК Курте Больмане.

рывной работы. Что касается факта с Больманом, то меня уже однажды изобличил в этом на очной ставке Панцингер, однако, я снова повторяю — Больмана я не знаю.

Вопрос: Бросьте крутить! Панцингер полностью подтверждает показания Мормана и в части вашей связи с гитлеровским разведчиком Больманом. Панцингер на допросе 20 января 1948 года показал: «...по распоряжению Рихтгофена сотрудник СД Больман обосновался непосредственно в посольстве, где ему была выделена отдельная комната. ...Мне известно, что Больман регулярно информировал фон Рихтгофена». Признаетесь?

Ответ: Я настаиваю на ранее данных показаниях.

Вопрос: С руководителем германских фашистов в Болгарии — Дрексель, вы сотрудничали?

Ответ: Признаюсь, сотрудничал по вопросу усиления германской фашистской пропаганды. Совместно с Дрексель я провел мероприятия по расширению подрывной деятельности «германо-болгарского общества» — основного канала по распространению гитлеровского влияния в Болгарии.

Кроме того, мы провели подготовку для распространения германской литературы, в первую очередь фашистской, среди болгарской интеллигенции. Вместе с Дрекселем я проводил сборища германских фашистов и сотрудников посольства, на которых выступали специально приглашенные гитлеровские пропагандисты, приезжавшие с этой целью из Берлина.

Других фактов совместной подрывной работы в Болгарии не припоминаю.

Допрос окончен в 17 ч. 30 мин.

Протокол допроса записан с моих слов правильно, мне переведен на немецкий язык.

РИХТГОФЕН

Допросил: ст[арший] оперуполн[омоченный] Следотдела 2 Главн[ого] Управления МГБ СССР майор КОПЕЛЯНСКИЙ

ЦА ФСБ России. Н-20805. Л. 105—107об. Подлинник. Рукопись. Автограф.

№ 125
ПИСЬМО № 1644 МИД ГЕРМАНИИ В ГЕРМАНСКУЮ ДИПЛОМАТИЧЕСКУЮ МИССИЮ В СОФИИ[1]

5 августа 1939 г.
Берлин

Перевод с немецкого

Министерство иностранных дел Берлин. 5 августа 1939 г.
№ 1644

Секретное государственное дело

Господину послу фон Рихтгофен или его заместителю в германской миссии в Софии.

Местной миссии через посланного туда в качестве служащего бюро г-на Пауля Коха направляются секретный передатчик и приемник, размещенные

[1] На документе вверху справа приписка от руки фиолетовыми чернилами: «Этот документ я получил в 1939 г. Документ мне знаком. Рихтгофен. 24/VIII [19]61. Перевела переводчица Тевкина».

в одном чемодане. Г-н Кох имеет задание в течение нескольких дней проверить связь, чтобы установить благоприятные условия [для] передачи и приема.

После этой проверки чемодан должен храниться в сейфе, и г-н Кох должен использовать его только в том случае, если политическая ситуация потребует обеспечения прямой связи с Берлином.

Впредь г-н Кох имеет задание ежедневно принимать переданные через радиостанцию специальные сообщения и после присылки для посольства уже предназначенного аппарата «Гелла» установить последний и пользоваться им для приема передач. Если для посольства покажется необходимым принимать другие сообщения прессы, то г-н Кох может принимать также сообщения иностранных служб, а также немецкой службы «Трансоцеан» [deutschen Transoceandienst].

Поскольку г-н Кох не полностью будет занят выполнением технических задач, то он может быть также привлечен к службе в бюро, причем я прошу учесть, чтобы при этом это не отражалось на выполнении его технической работы. Я прошу занести в список инвентаря привезенный Кохом прибор как «усилитель» и сообщить мне номер.

По поручению: *(подпись неразборчива)*

Перевела: переводчик Следотдела 2 Гл[авного] управления [МГБ СССР] ст[арший] лейтенант ТЕВКИНА

ЦА ФСБ России. Н-20805. Л. 289. Заверенная машинописная копия. Подлинник на немецком языке — л.д. 300.

Консул оберфюрер СС Вильгельм Родде

№ 126
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА ОБЕРФЮРЕРА СС В. РОДДЕ

20 апреля 1945 г.
Москва

Родде Вильгельм, 1893 года рождения, урож[енец] гор. Ганау на р. Майн, немец, член национал-социалистической партии с 1933 года, СС-оберфюрер, со средним образованием, из торговцев, с 1939 года был германским генеральным консулом в г. Брашов.

Вопрос: Покажите о своей деятельности до установления в Германии гитлеровского режима?

Ответ: В 1918 году в чине лейтенант я был демобилизован из германской армии и уехал в г. Ганау, где поступил на работу в канцелярию литографической фабрики, принадлежавшей мужу моей сестры. В 1921 году при поддержке зятя я совместно с двумя торговцами организовал в г. Гамбурге небольшую торговую фирму «Канцлер и К°». В 1924 году моя фирма потерпела банкротство, и я уехал в Бразилию, где торговал товарами, привезенными из Германии. После продажи товаров возвратился в 1925 году в Гамбург, поступил на службу в фирму «Ганнинг и Гарбек» в качестве торгового агента и уехал обратно в Бразилию. Будучи в Бразилии, в 1929 году, я перешел работать на более выгодных усло-

виях в германскую[1] фирму «Филиппс». В 1931 году фирма предоставила мне 6-ти месячный отпуск, и я уехал в Дрезден к родителям жены. Обратно в Бразилию я не вернулся, так как в 1932 году при содействии известного деятеля национал-социалистического движения Гесса стал работать руководителем рекламного отдела немецкого журнала в Берлине «Народ, государство, экономика».

Вопрос: Как вы установили связь с Гессом?

Ответ: Будучи сторонником национал-социалистической партии, я поехал в 1932 году в Мюнхен послушать речи Гитлера. Там во время одного из собраний национал-социалистов я встретился с Гессом и Гитлером. Гесс являлся моим товарищем по школе.

Вопрос: О чем вы беседовали с Гитлером и Гессом?

Ответ: После того как Гитлер узнал, что я работаю в Бразилии, он предложил мне пропагандировать национал-социалистические идеи среди немцев, проживающих в Бразилии, и вербовать среди них сторонников Гитлера.

Вопрос: Как вы реагировали на это предложение Гитлера?

Ответ: Я ответил Гитлеру, что меня знают в Бразилии как коммерсанта, производившего торговые операции с евреями, и что поэтому моя партийная работа натолкнется на большие трудности. С моим мнением согласился Гесс, сказав, что в Германии нужны люди, преданные национал-социализму, и порекомендовал мне организовать рекламный отдел журнала «Народ, государство и экономика». Гитлер согласился с этим.

Вопрос: С какой целью?

Ответ: Названный журнал находился целиком под влиянием национал-социалистической партии, но он не имел большого тиража. Организация же рекламного отдела должна была поднять популярность журнала.

Вопрос: Почему Гесс предложил вам сотрудничать в национал-социалистическом журнале, вы же тогда не были членом национал-социалистической партии?

Ответ: Членом национал-социалистической партии я стал позже, в 1933 году. Однако это являлось пустой формальностью, поскольку Гессу было ясно из нашей беседы, что я разделяю политические взгляды национал-социалистической партии.

Вопрос: До прихода к власти Гитлера вы имели другие поручения от руководства национал-социалистической партии?

Ответ: Нет, не имел. До августа 1933 года я работал в рекламном отделе журнала «Народ, государство, экономика».

Вопрос: Где вы работали после августа 1933 года?

Ответ: Я отказался от дальнейшего сотрудничество в названном журнале, так как в процессе реорганизации германских печатных органов ведомством Геббельса мне был предложен низкий оклад содержания, и я в конце 1933 года поступил на службу в бюро Риббентропа.

Вопрос: Покажите, при каких обстоятельствах и по чьей рекомендации вы поступили на работу к Риббентропу?

Ответ: Оставшись без работы, я, по договоренности с германскими промышленными кругами, собирался выехать в Бразилию для организации бюро экономической информации. Однако Гесс, который считал, что я принесу больше пользы в Германии, в конце 1933 года предложил мне поступить на службу в бюро Риббентропа, являвшегося в то время советником Гитлера и Гесса по внешнеполитическим вопросам.

---

[1] Так в тексте, правильно — голландскую.

Гесс мне сказал, что бюро Риббентропа организуется по указанию Гитлера для налаживания дружественных связей с торгово-промышленными и журналистскими кругами за границей с целью их использования в интересах Германии.

Вопрос: Вы говорили с Риббентропом о методах выполнения задач, поставленных Гитлером перед бюро Риббентропа?

Ответ: Да, Риббентроп неоднократно обсуждал со мной эти задачи и методы их выполнения. При этом было решено, что для установления связи и общения с влиятельными кругами за границей, сотрудникам бюро Риббентропа лучше всего работать под прикрытием представителей торгово-промышленных обществ Германии. В связи с тем, что я имел связи среди германских торгово-промышленных кругов и знал английский язык, Риббентроп поручил мне работать в качестве представителя германо-английского торгового общества.

Вопрос: Покажите подробно о вашей деятельности по заданию Риббентропа?

Ответ: Согласно полученного мною задания я, в первую очередь, реорганизовал германо-английское торговое общество, включив в его состав представителей германских торгово-промышленных кругов, которые поддерживали национал-социалистическую партию и были заинтересованы в торговле с Англией. За деньги этих промышленников я оборудовал роскошный деловой клуб общества для приема и переговоров с английскими торгово-промышленными кругами Англии. После этого я очень часто в качестве представителя германо-английского общества стал бывать в Лондоне в англо-германском торговом обществе[70]. При этом я имел возможность встречаться с коммерсантами, промышленниками и журналистами Англии. Общаясь с ними, я старался привлечь их на сторону национал-социалистической партии и убедить в том, что Германия не может существовать без колониальных приобретений.

Вопрос: Разве ваша работа в Англии заключалась только в пропаганде?

Ответ: Нет, не только в пропаганде. Сотрудники бюро Риббентропа, в том числе и я, стремились к тому, чтобы соответствующие английские торгово-промышленные круги, имевшие связи в правительстве, оказывали на последнее благоприятное для Германии влияние. При этом мы старались также установить личный контакт с отдельными членами правительства. Подобную работу бюро Риббентропа проводило также в других странах, и я должен сказать, что эта работа дала неплохие результаты.

Вопрос: Следствие располагает данными, что бюро Риббентропа, в котором вы служили, занималось также разведывательной деятельностью. Почему вы об этом умалчиваете?

Ответ: Я разведывательной работой никогда не занимался. Я считаю, что созданием агентурной сети в Англии по линии бюро Риббентропа руководил граф Дюркгейм, хотя конкретными данными о его работе я не располагаю.

Вопрос: Но вы согласовывали свою работу с ним?

Ответ: Я информировал Риббентропа о тех английских подданных, с которыми имел связь и которые по своему весу в обществе или по своим настроениям представляли для нас интерес. Эту информацию использовал в своей работе граф Дюркгейм.

Вопрос: Каким образом?

Ответ: Те лица, которые представляли интерес, приглашались в Германию, где граф Дюркгейм их подкупал, т.е. вербовал для работы на Германию, или, если вербовка была связана с неудобствами, как, например, в случае с лордами или крупными политическими деятелями, то граф Дюрк-

гейм стремился завоевать их симпатии к политике Германии путем организации роскошных приемов, встреч с Гитлером, Герингом, Розенбергом и другими руководителями Германии. Кроме моих связей в Англии, граф Дюркгейм использовал для этих целей свои связи среди английской интеллигенции, обращая главное внимание на работников английской печати.

Вопрос: Откуда вам известно, что из приглашенных через вас в Германию лиц некоторые были завербованы графом Дюркгейм?

Ответ: Я это заключаю потому, что некоторые англичане приезжали по приглашению в Германию плохо одетыми, почти без денег, а уезжали богатыми людьми. Я наблюдал такой случай с английским писателем по фамилии Бимиш[I]. Эти заключения я делал также потому, что мне приходилось за подобную работу выплачивать очень крупные суммы денег.

Вопрос: Откуда вы получали эти деньги?

Ответ: деньги я брал только с ведома Риббентропа из денежного фонда бюро Риббентропа.

Вопрос: Назовите английских подданных, поддерживавших вашу работу в Англии?

Ответ: К числу этих лиц я могу отнести Самуэль Хорь, редактора газеты «Дейли Мейль» — Прайс[II], лорда Ротермир, лорда Хартвуд[III], промышленников — лорда Брэнд[IV] (банкир), Райнекс, Фрэнки Холледен, писателя Флеминг, а также лорда Гамильтон[V], с которым я познакомил в 1936 г. в 1936 году Гесса и на помощь которого Гесс рассчитывал, улетая в 1940 году в Англию.

Вопрос: Вы были осведомлены о миссии Гесса в 1940 году в Англии?

Ответ: Мне известно из последних бесед с Гессом в 1939 году на курорте в Карлсбаде, что он продолжал придерживаться проанглийской политики. Он считал, что нужно заключить союз с Англией против Советского Союза. Позже мне говорили сотрудники его канцелярии, что этого мнения он придерживался также после начала войны и считал, что с помощью тех связей, которые приобрел в Англии я и граф Дюркгейм, ему удастся прекратить войну на Западе и начать ее на Востоке. Имел ли он какое-либо задание от Гитлера, не знаю. В момент его перелета я с ним не виделся потому, что я в это время находился в г. Брашов (Румыния) на должности консула.

Вопрос: До отъезда в Румынию вы были на дипломатической работе?

Ответ: В 1937 году Министерство иностранных дел направило меня консулом в Виннипег (Канада). Там я находился до 1939 года, после чего был послан на должность генерального консула — в Брашов.

Вопрос: Кроме обычных обязанностей консула, какие специальные задания вы выполняли в Румынии?

Ответ: По заданию Риббентропа я должен был оплачивать и поддерживать немецкое нацменьшинство в Румынии. Практически мне удалось мало что сделать, так как я находился в очень плохих отношениях с руководителем немецкого нац[ионального меньшинства] Шмидт Андреас, который не терпел вмешательства в его дела со стороны МИДа, а ориентировался целиком на Гиммлера и его учреждения[71].

[I] Речь идет о британском общественном деятеле и писателе Генри Гамильтоне Бимише.

[II] Речь идет о британском журналисте Джордже Уорде Прайсе.

[III] Возможно, речь идет об Реджинальде Клиффорде Аллене, 1-м бароне Аллене оф Хартвуде.

[IV] Вероятно, речь идет о британском предпринимателе лорде Роберте Генри Бранде.

[V] Речь идет о британском военном и государственном деятеле герцоге Дугласе Дуглас-Гамильтоне.

Вопрос: Следствие располагает данными, что вы распространяли в Румынии различную клевету о Советском Союзе?

Ответ: Да, я признаю себя в этом виновным.

Вопрос: Покажите подробно?

Ответ: Согласно поступавших из МИДа инструкций, я особое внимание обращал на устную пропаганду. Так, в беседах с румынами я говорил, что русские угонят румынских женщин и детей на Урал; представителям румынского духовенства я рассказывал, что русские вешают попов, а церкви закрывают, перед румынскими немцами я характеризовал русских как варваров и т.д. Что касается пропагандистских брошюр и листовок, то их я получал через культурный отдел посольства и распространял среди румынского населения.

Вопрос: Получается, что в начале своей политической деятельности вы распространяли национал-социалистические идеи в Германии и способствовали приходу к власти Гитлера, затем по поручению руководства национал-социалистической партии вы растили в Англии профашистские элементы и, наконец, использовали должность консула в Румынии для воспитания населения в духе национал-социалистической, фашистской «расовой теории»?

Ответ: Я поступал так, как должен поступать идейный член национал-социалистической партии.

Вопрос: Вы имеете звание «СС оберфюрера». Какие поручения вы выполняли по линии СС?

Ответ: Мне действительно было присвоено Риббентропом звание СС еще при поступлении к нему на службу. Однако никаких поручений по линии СС или СД я не получал. Я не имел также деловых связей с Абвером.

Протокол допроса записан с моих слов верно, зачитан и переведен на немецкий язык.

РОДДЕ

Допросил: оперуполномоч[енный] 1 отделения 2 отдела Главного упр[авления] контрразведки «Смерш» ст[арший] лейтенант СОЛОВОВ

ЦА ФСБ России. Н-19711. Л. 2—8. Подлинник. Машинопись. Автограф.

№ 127
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА ОБЕРФЮРЕРА СС В. РОДДЕ

19 февраля 1947 г.
Москва

Родде В., 1893 года рождения, урож[енец] гор. Ганау на реке Майн (Бавария), немец, германский подданный, из торговцев, со средним образованием, член национал-социалистической партии с 1933 года, оберфюрер-СС.

Вопрос: Перечислите, какие вы имеет награды?

Ответ: Я награжден следующими орденами:

1) Железным крестом I степени,
2) Железным крестом II степени,
3) австрийским офицерским крестом,

4) медалью за военные заслуги,
5) комтурским крестом «Саксония-Кобурга-Гота» с мечами[I],
6) болгарским офицерским крестом, название которого сейчас не помню, и
7) большим офицерским крестом «Звезда Румынии»[II].

Вопрос: За какие заслуги вы были награждены перечисленными орденами?

Ответ: Первые пять наград я получил в период Первой мировой войны за участие в боях против армий Антанты. Болгарским офицерским крестом я был награжден правительством Болгарии в 1937 году за мою деятельность в так называемом «Союзе фронтовиков», объединявшем участников Первой мировой войны. Должен указать, что с 1934 по 1939 год я являлся членом президиума германских «Союзов фронтовиков».

Вопрос: А за что вы получили румынский орден «Звезда Румынии»?

Ответ: Румынский орден «Звезда Румынии» я получил в 1942 году от румынского короля Михая I, как говорилось в дипломе о награждении, «за особые заслуги в области установления дружественных отношений между германским и румынским народами». В это время я занимал должность германского консула в гор. Брашов (Румыния).

Вопрос: О вашей деятельности в качестве генерального консула гор. Брашов вы будете допрошены позже. Сейчас покажите о своем участии в Первой мировой войне?

Ответ: В октябре 1913 года я добровольно поступил на службу в германскую армию. Разразившаяся мировая война застала меня в м[естечке] Арользен около гор. Кассель в чине ефрейтора 83-го пехотного полка. Первоначально я находился некоторое время на Западном фронте и в октябре 1914 года был переброшен на Восточный фронт в район гор. Алленштейн (Восточная Пруссия), который в то время был занят русскими войсками. Здесь я был награжден Железным крестом II степени и произведен в чин унтер-офицера.

В конце октября 1914 года я в составе своего пехотного полка принимал участие в боях против русских войск под Каменец-Подольском. Во время этих боев я получил тяжелое ранение и в течение нескольких месяцев находился на излечении в г. Бранденбурге на реке Хавель. По выходе из госпиталя я снова был направлен на русский фронт в район города Сувалок. К этому времени я уже был лейтенантом и командовал пулеметным взводом.

В 1916 году, находясь во Франции, я был командирован в авиационную школу, получил специальность летчика-наблюдателя и был зачислен в разведывательную авиачасть, которая дислоцировалась тогда на Восточном фронте в гор. Тарнополь. Здесь я совершал разведывательные полеты над расположением русских войск вплоть до осени 1917 года. Мои боевые дела германское командование отметило тремя орденами: Железным крестом I степени, австрийским офицерским крестом и медалью за военные заслуги. В момент прекращения военных действий я находился на западе. В ноябре 1918 года меня из армии демобилизовали, и я уехал к себе на родину в гор. Ганау.

Вопрос: Проживая в гор. Ганау, чем вы занимались?

Ответ: Первые два-три месяца я проживал у своей сестры, нигде не работал и существовал на средства, полученные мною в наследство от родите-

---

[I] Возможно, речь идет о военном ордене княжества Саксония-Кобург-Гота — «Орден заслуг». Инсигнии: Рыцарский крест I класса с мечами и Рыцарский крест II класса.

[II] Речь идет о награде королевской Румынии — ордене «Звезда Румынии». Инсигнии: I класса Рыцарский с мечами и II класса Офицерский с короной.

лей. Однако надо было искать постоянный источник заработка, и я поступил агентом по сбыту продукции в литографическую художественную мастерскую, принадлежавшую моему зятю. В 1921 году я выехал в гор. Гамбург и вместе с одним своим сослуживцем по армии открыл там собственную торговую фирму «Канцлер и К°». Мои финансовые дела стали быстро поправляться. В 1924 году наступила инфляция, появились денежные затруднения, и моя фирма потерпела банкротство. Мои неоднократные попытки получить новую работу в Германии оказались тщетными. Тогда я решил в поисках заработка выехать за границу, а именно в Бразилию.

Вопрос: Почему вы избрали целью своей поездки именно Бразилию?

Ответ: Общаясь с германскими коммерсантами, которые вели оживленную торговлю с Бразилией, мне часто приходилось слышать, что в этой стране созданы очень благоприятные условия для успешных торговых операций. Кроме того, германские торговые люди пользовались расположением и поддержкой бразильских властей, платили более низкие пошлины и могли сравнительно легко получить бразильское подданство. По этим чисто экономическим мотивам я и решил поехать в Бразилию.

Вопрос: Когда вы выехали в Бразилию?

Ответ: В Бразилию я выехал в 1925 году и остановился в г. Флорианполис (штат Санта-Катерина). Сперва я торговал церковной утварью, привезенной мною из Германии. После того как все мои товары были распроданы, я в 1926 году совершил поездку в Гамбург, заключил договора с рядом германских торговых фирм и как торговый представитель этих фирм возвратился в Бразилию.

В 1929 году мне удалось на более выгодных условиях поступить в анонимное голландское акционерное о[бщест]во «Филлипс», имевшее свои филиалы в различных странах мира и поставлявшее туда рентгеновские и радиоаппараты, электролампы и другое. Мой ежемесячный заработок составлял в среднем 1500 марок. В этой фирме я проработал до 1931 года. В 1931 году мне по болезни (фурункулез) был предоставлен долгосрочный отпуск, и я уехал в Германию, имея намерение подлечиться и восстановить потерянные к тому времени связи со своей семьей.

Вопрос: Находясь в Бразилии, как часто вы совершали поездки в Германию?

Ответ: В Бразилии я никогда не состоял в каких бы то ни было политических союзах и организациях. Правда, директор фирмы «Филиппс» ван дер Скааф, являвшийся одним из руководителей масонских лож, рекомендовал мне вступить в его организацию и обещал в данном случае увеличить мою зарплату.

Вопрос: Вы, конечно, последовали его совету, тем более что ваше членство в организации масонских лож было связано с улучшением вашего материального положения?

Ответ: Я обещал ван дер Скааф подумать над его предложением, однако в организацию масонских лож я так и не вступил, поскольку питал к ней антипатию и во время мировой войны имел возможность убедиться в опустошающем действии полевых масонских лож.

Вопрос: Почему вы умалчиваете о своей принадлежности к фашистскому движению в Бразилии?

Ответ: Не скрою, что, находясь в Бразилии, я проявлял живейший интерес к нацистскому движению в Германии, читал газеты и имел разговоры с различными торговыми людьми, однако по своим убеждениям не был на-

стоящим национал-социалистом. Тогда я еще не имел ни малейшего представления о целях и программе национал-социалистической партии. Моим желанием было, чтобы во главе германской империи стал такой человек, который смог бы взять в свои руки дело переустройства всей внешней и внутренней экономической жизни Германии и возглавить борьбу за ревизию Версальского договора, который я лично рассматривал как несправедливость по отношению [к] германскому народу. К нацистскому движению я примкнул лишь в 1931 году, после того как возвратился в Германию.

Вопрос: Находясь в Бразилии, как часто вы совершали поездки в Германию?

Ответ: Как я уже показал, в Бразилии я находился с 1925 года. За это время трижды приезжал в Германию. Первый раз я посетил Германию в 1926 году и оставался там семь-восемь месяцев, вторично был около восьми месяцев в 1927 году и третий раз — в 1928 году.

Вопрос: Таким образом, в Германии в общей сложности вы пробыли около трех лет. Что вы делали в это время?

Ответ: В связи с тем, что германские фирмы на почве инфляции быстро теряли свою кредитоспособность и были не в состоянии экспортировать товары за границу, мне постоянно приходилось искать новые источники заработка.

Так, фирма «Ганнинг и Гарбек», представителем которой я некоторое время являлся в Бразилии, совершенно прекратила свой экспорт. Другая фирма «сыновья Эмдем», в которой я также работал, заключила постоянные договоры с североамериканскими фирмами и превратилась в их закупщика. По этой причине я вынужден был все чаще менять место службы и оставаться продолжительное время в Германии.

Вопрос: Разве в этот период вы не ознакомились с национал-социалистическими идеями?

Ответ: Прошу мне поверить, что я находился в постоянных финансовых затруднениях и моя коммерческая деятельность не оставляла мне свободного времени для других занятий. Кроме того, я проживал в Гамбурге, где партия Гитлера тогда еще не нашла себе почву для процветания, и вращался преимущественно в торговых кругах. С членами национал-социалистической партии я связей не поддерживал и близких друзей или знакомых среди них не имел.

Вопрос: Вы лжете. Известно, что к национал-социалистическому движению вы примкнули еще задолго до прихода к власти Гитлера и проделали большую работу по распространению фашистских идей в Бразилии. Расскажите об этом.

Ответ: До 1932 года я никогда не примыкал к фашистскому движению, равно как не принадлежал к каким-либо другим партиям. Само собой разумеется, я симпатизировал национал-социалистической партии еще до того, как стал ее членом, однако после моего возвращения в Германию в 1931 году.

Вопрос: Вы продолжаете обманывать следствие, скрывая свои связи с местной группой национал-социалистической партии в Бразилии. Вы намерены показывать правдиво?

Ответ: Теперь мне смутно припоминается, что я действительно знал в Бразилии одного члена нацистской партии по фамилии Иостинг. До сих пор я не упоминал о нем лишь только по той простой причине, что события, о которых идет речь, имели место около двадцати лет тому назад и я многое позабыл.

Во время моих многочисленных поездок в портовый город Порту-Аллегро (штат Рио-Гранд-Дозуль) я встречался там с представителем фирмы «Агфа»

господином Иостинг, который состоял раньше в организации «Стальной шлем», из нее вышел и вступил в национал-социалистическую партию.

Иостинг имел от центра НСДАП задание создать в Порту-Аллегро из числа проживавших там немцев своего рода местную группу НСДАП. Во время бесед Иостинг рассказал мне, что в результате проделанной работы ему удалось собрать вокруг себя более 20 националистически настроенных немцев, но что он надеется в ближайшее время завербовать большее число новых членов.

Мы говорили с ним также о целях и устремлениях национал-социалистов, высказывали сожаление по поводу неудавшегося путча нацистов в Мюнхене и смотрели на Гитлера как на человека, который в скором будущем вместе со своей партией придет к власти.

Вопрос: Иостинг предлагал вам сотрудничать в его национал-социалистической группе?

Ответ: Нет, не предлагал. Правда, он интересовался моим отношением к нацистскому движению в Германии, на что я ему ответил, что желаю партии Гитлера в ее борьбе полных успехов и надеюсь на быстрое возрождение Германии. Я сообщил ему также о своем намерении посетить Германию и лично ознакомиться с деятельностью Гитлера и нацистской партии.

Тогда Иостинг обратился ко мне с просьбой достать для него в Германии, а именно в Гамбурге и Мюнхене, национал-социалистическую литературу, партийные карточки, бланки анкет, брошюры и переслать ему в Бразилию.

Я немедленно согласился. Иостинг дал мне адрес сенатора Ниланд, проживавшего в Гамбурге, и заявил, что этот господин окажет мне всяческое содействие и поможет войти в национал-социалистические круги.

Вопрос: Вы выполнили поручение Иостинга?

Ответ: Я, безусловно, выполнил бы данное мне Иостингом поручение и доставил бы ему в Бразилию необходимый материал, если бы не остался навсегда в Германии. В Бразилию я больше не возвратился. Я не был также у сенатора Ниланда, так как в Гамбурге он уже не проживал, а встретился, правда, двумя годами позже с его преемником, гауляйтером Боле.

Вопрос: При каких обстоятельствах?

Ответ: В Берлине существовало так называемое «немецко-английское общество» с филиалами в Гамбурге, Мюнхене, Кельне, Висбадене, Дрездене и других городах Германии. В 1934 году состоялось одно из собраний руководящего состава гамбургского филиала этого общества по поводу избрания нового председателя филиала и введения его в круг обязанностей. Я являлся тогда казначеем Центрального управления «Немецко-английского общества» в Берлине и был официально отправлен в Гамбург для участия в упомянутом собрании, на котором присутствовал также и гауляйтер Боле. При таких обстоятельствах и произошло мое знакомство с Боле.

Допрос прерывается.

Протокол допроса записан с моих слов правильно, зачитан в переводе на немецкий язык.

РОДДЕ

Допросил: оперуполномоч[енный] 1 отделения 2 отдела Главного упр[авления] контрразведки «Смерш» ст[арший] лейтенант СОЛОВОВ

ЦА ФСБ России. Н-19711. Л. 2—8. Подлинник. Машинопись. Автограф.

№ 128
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА ОБЕРФЮРЕРА СС В. РОДДЕ

5 марта 1947 г.
Москва

Родде Вильгельм, 1893 года рождения, урож[енец] гор. Ганау на реке Майн (Бавария), немец, германский подданный, из торговцев, со средним образованием, член национал-социалистической партии с 1933 года, оберфюрер-СС.

Вопрос: Уточните, с какой целью вы выехали в 1931 году в Германию?

Ответ: Как уже показал ранее, в Германию я выехал с целью поправить здоровье и устранить те недоразумения, которые возникли между мною и моими родственниками, проживавшими в гор. Ганау. Бразильские врачи говорили мне, что причиной моей болезни (фурункулез и малярия) являются неподходящие климатические условия, и советовали переехать в континентальную страну.

Направляясь в Германию, я надеялся с помощью своего состоятельного зятя устроиться на одно из предприятий фанерного акционерного общества, руководителем которого он являлся. В случае, если бы мне не удалось найти подходящую работу в Германии, я имел намерение возвратиться в Бразилию к своему постоянному месту службы.

Вопрос: Вы только что заявили, что по состоянию здоровья вам было противопоказано проживание в Бразилии. Это правда?

Ответ: Да, таков был диагноз бразильских врачей. Тем не менее, у меня было намерение возвратиться в Бразилию, поскольку фирма «Филиппс», в которой я работал, обеспечивала мне хорошую выручку.

Вопрос: Где в Германии вам удалось получить работу?

Ответ: Возвратившись в Германию, я остановился у родителей моей жены в гор. Дрезден и сразу же написал письмо своему зятю в Ганау, на помощь которого я рассчитывал. Однако все мои попытки получить работу на одном из заводов зятя оказались безуспешными и привели лишь к ухудшению моих отношений с ним.

В письме, которое прислал мне зять, он указывал, что порывает со мной всякие отношения, и категорически отказался взять меня к себе на работу. Оставшись без средств к существованию, я вынужден был искать работу в Дрездене.

Спустя некоторое время мне удалось устроиться коммивояжером на фабрику оптических приборов «Фильмосто», принадлежавшую видному национал-социалисту и полковнику войск-СС по фамилии Иост[1]. Работая в этой фирме, я разъезжал по различным городам Германии и занимался продажей проекционных аппаратов.

Вопрос: Сколько марок составлял ваш ежемесячный заработок в фирме «Фильмосто»?

Ответ: Моя ежемесячная выручка в этой фирме составляла не более 250 марок, которых мне, естественно, не хватало для содержания семьи. Поэтому приходилось подрабатывать на стороне, читая доклады о Бразилии в ремес-

---

[1] Так в тексте, возможно речь идет о Г. Йосте.

ленных и народных школах, духовных семинариях на тему — «Страна и население».

Вопрос: Но ведь в фирме «Филиппс» в Бразилии, как вы показали на предыдущем допросе, ваша ежемесячная выручка превышала 1500 марок?

Ответ: Совершенно верно. В Бразилии я зарабатывал во много раз больше, чем в Дрездене на заводе оптических приборов.

Вопрос: Почему вы в таком случае не возвратились в Бразилию к своему прежнему месту службы, а остались в Германии?

Ответ: Должен заявить откровенно, что в Германии я остался по политическим мотивам, хотя мое материальное положение сильно ухудшилось.

Вопрос: Что это были за политические мотивы?

Ответ: По прибытии в Дрезден я стал усиленно заниматься нацистским движением в Германии и в течение короткого времени познакомился с целым рядом влиятельных национал-социалистов, работавших в партийном управлении Саксонии.

Особенно близкие отношения у меня установились с бывшим австрийским капитаном фон Обвурцер, который, будучи на нелегальной партийной работе в Австрии, вынужден был оставить свою родину и в момент моего знакомства с ним работал по линии партии в Дрездене.

Его начальником был известный национал-социалист, прибалтийский немец фон Рентельн Адриан, являвшийся в период до 1933 года имперским руководителем молодежи и студенчества.

Фон Обвурцер организовал в Дрездене национал-социалистические вечерние курсы, на которых несколько раз в неделю проводились занятия по вопросам о целях и возникновении партии, о Гитлере и его сподвижниках.

Вопрос: Вы занимались на этих курсах?

Ответ: Я регулярно посещал эти курсы примерно в течение 2-х месяцев, усиленно изучая мировоззрение национал-социалистической партии. Кроме того, не пропускал ни одного национал-социалистического собрания, посещал рестораны, где встречались национал-социалисты, и пришел к убеждению, что Гитлер и его партия являются единственной силой в Германии, которая способна уничтожить социальную нужду и все печальные последствия мирового кризиса. На собраниях выступали гауляйтер Мучман, принц Август Вильгельм, премьер-министр Саксонии Киллингер и другие руководящие работники партии.

Вопрос: О чем говорили в своих речах выступавшие?

Ответ: В то время в стране велась лихорадочная предвыборная кампания. В своих выступлениях ораторы призывали немецкий народ не стоять в стороне, голосовать за Гитлера и его партию, заявляя при этом, что тот, кто не отдаст свой голос за Гитлера — будет являться виновником гибели Германии.

Упомянутый выше Обвурцер поставил передо мной задачу проводить устную пропаганду среди населения и делать все от меня зависящее для того, чтобы получить большинство голосов на предстоящих выборах и пробуждать интерес к национал-социалистической партии, собирая пожертвования для успешного проведения предвыборной борьбы.

Вопрос: Что вами конкретно было сделано в этом направлении?

Ответ: Во время служебных поездок, не только в Саксонии, но и в других частях Германии, я сталкивался с различными слоями германского народа, призывал немцев вступать в партию Гитлера, участвовать в национал-социалистических собраниях и собирал пожертвования для создания предвыборного фонда.

Я рассказал населению, что немецкая пресса находится, главным образом, в руках евреев, которые используют ее в целях внести неуверенность в среду германского народа, советовал читать национал-социалистическую литературу и на предстоящих выборах голосовать за национал-социалистических кандидатов, против всех и всяческих демократических партий.

Вопрос: Какими методами вы пользовались для выполнения данного вам Обвурцером поручения?

Ответ: Национал-социалистическую пропаганду я проводил не только среди своих знакомых, но и в поездках, гостиницах, ресторанах и других общественных местах с конечной целью заинтересовать своих собеседников национал-социалистическими идеями и, тем самым, получить нового избирателя.

Например, во время своих служебных поездок в поездах я завязывал разговоры со своими соседями по купе. Видя, что сидящий рядом со мной читает демократические газеты, как-то: «Берлинер Тагеблат», «Роте Фане», я спрашивал его, что нового в сегодняшней газете. Почти во всех случаях разговор заходил о политике, при этом я говорил примерно следующее: «Если вы, конечно, все сведения черпаете только из односторонней прессы, то не можете иметь точного и правильного представления о происходящих в стране событиях. Читайте национал-социалистическую прессу, и вы будете удивлены, насколько неправильно освещает демократическая пресса жизнь Германии».

Если я, например, вечером сидел в ресторане, то завязывал беседы с официантами, с хозяином ресторана и вообще с посетителями, пытался заинтересовать их национал-социалистическими идеями и побудить к вступлению в партию или же, по крайней мере, заставить отдать за нас свои голоса.

О коммунистической партии я говорил, что ее руководство находится в еврейских кругах и что коммунисты с помощью Коммунистического Интернационала хотят захватить власть в свои руки и создать такое правительство, которое не будет представлять интересы германского народа; тогда Германия потеряет свою независимость и превратится в своего рода «колонию России».

Предлагая делать свои закупки только в таких фирмах, владельцами которых являются настоящие немцы, и при всех обстоятельствах бойкотировать еврейские торговые предприятия, я агитировал начать борьбу против еврейской части населения. Хочу указать, что, проводя национал-социалистическую пропаганду, я зачастую терпел большие материальные убытки.

Вопрос: А именно?

Ответ: Так, после одного из моих докладов «Страна и население Бразилии» в г. Фульда в объединении католических служащих я был приглашен в ресторан на ужин. Во время беседы речь зашла на политическую тему, причем один из католических служащих стал критиковать национал-социалистическую партию и, в особенности, ее руководство. Я со своей стороны стал, естественно, защищать руководство национал-социалистической партии и позволил себе непристойное замечание в отношении партии Центра[72] (католическая партия). Я тут же был избит католиками и выброшен из ресторана. Больше того, у меня не были куплены четыре проекционных аппарата, в которых нуждалась духовная семинария и заказ на которые мне был сделан. Таких случаев отказа покупать у меня товары я могу привести много. Я был в Ганновере, Люнебурге, Бремене, Мекленбурге, Штеттине, Веймаре и во многих городах Германии, где также выступал в защиту национал-социалистического мировоззрения, его лидеров в ущерб коммерческой деятельности.

Вопрос: Работая по заданию фашистской партии, вы являлись ее членом?

Ответ: В национал-социалистическую партию я вступил немного позже, а именно во время поездки в Мюнхен, где я встретился с основателями и руководителями этой партии Гитлером и Гессом.

Вопрос: Покажите, когда вы посетили Мюнхен?

Ответ: В Мюнхен я выехал летом 1932 года, чтобы, во-первых, пройти курс лечения у известного специалиста по горлу — доктора Майер и, во-вторых, установить личную связь с руководящими работниками национал-социалистического движения.

Вопрос: С какой целью?

Ответ: В период моей работы в Саксонии я, к своему удивлению, должен был констатировать, что большинство известных мне партийных работников не имели никакого представления об отношении к Германии иностранных государств. Они считали, что все проживающие за границей немцы настроены националистически и ждут того момента, чтобы выступить по первому знаку Гитлера. Руководящие работники нацистской партии заявляли тогда, что Америка без немцев вообще немыслима. Об этих совершенно неправильных взглядах я и хотел переговорить с руководящими работниками партии.

В методах работы нацистской партии за границей я видел угрозу испортить отношения Германии с другими государствами и, как убежденный национал-социалист, считал своим долгом информировать об этом партийное руководство НСДАП.

По прибытии в Мюнхен я связался с доктором Майер и сообщил ему между прочим о своем намерении встретиться с влиятельными национал-социалистами. Доктор Майер обещал оказать мне в этом содействие.

Вопрос: Сдержал ли доктор Майер свое обещание?

Ответ: Да. В тот же день он познакомил меня с тогдашним руководителем Национал-социалистического союза врачей — доктором Вагнер. В разговоре с Вагнером я сообщил ему о своем намерении встретиться с компетентными людьми национал-социалистического движения. Вагнер обещал помочь мне в этом и тут же позвонил своему однофамильцу Отто Вагнер — руководителю национал-социалистической хозяйственной группы в Мюнхене. Однако оказалось, что Отто Вагнер выехал в Берлин, и я договорился о встрече с его сотрудником — капитаном Вольф.

Вольф принял меня в тот же день, вечером, в так называемом «Коричневом доме»[73]. Я информировал его о причинах своего приезда в Мюнхен, рассказал коротко о своей коммерческой работе за границей и о своей партийной деятельности по заданию господина Обвурцер в Дрездене. Вольф меня очень внимательно выслушал и посоветовал обождать приезда его начальника Отто Вагнер и лично переговорить с ним.

Вопрос: Выше вы упомянули о своей встрече в Мюнхене с руководителями фашистской партии Гитлером и Гессом. Покажите, как вам удалось установить с ними связь?

Ответ: Находясь в Мюнхене, я так же, как и в Дрездене, аккуратно посещал все национал-социалистические собрания. Во время одного из таких собраний в цирке «Кроне» мне пришлось слышать Гитлера, который выступал с большой программной речью. Среди сопровождавших Гитлера людей я узнал своего товарища по школе Рудольфа Гесса. Когда закончилось собрание, я подошел к Гессу и договорился встретиться с ним в его резиденции в «Коричневом доме».

На другой день я пришел в «Коричневый дом», разыскал там руководителя Национал-социалистического союза врачей Вагнера и поделился своими впечатлениями от речи Гитлера, а также рассказал о встрече с Гессом и его готовности принять меня. После этого Вагнер переговорил по телефону с секретарем Гесса, и я был немедленно принят последним. В разговоре с Гессом я изложил ему мотивы, приведшие меня в Мюнхен, рассказал о своей пропагандистской работе по заданию партии в Саксонии и материальных затруднениях, которые мне приходилось испытывать в Дрездене. Гесс остался очень доволен моей информацией о Бразилии и заявил, что я могу рассчитывать на его всестороннюю поддержку.

Простившись с Гессом, я стал готовиться к отъезду в Дрезден. Перед тем как оставить Мюнхен, я зашел в «Коричневый дом», чтобы позавтракать и проститься с доктором Вагнер. Вагнер сообщил мне, что он только что был у Гитлера и говорил с ним по моему делу и что Гитлер высказал пожелание встретиться со мной лично. Поэтому свое возвращение в Дрезден я отложил на следующий день.

Во второй половине дня мне сообщили, чтобы я немедленно явился на квартиру фрау Винтер, по улице Бриннер-Штрассе, где меня ожидает Вагнер. Явившись в указанный адрес, я узнал от Вагнера, что со мной будет говорить лично Гитлер.

Вопрос: Воспроизведите содержание вашего разговора с Гитлером?

Ответ: Моя беседа с Гитлером продолжалась примерно 1,5 часа. Он задал мне множество вопросов, касающихся экономики и сбыта товаров германской промышленности в южных штатах Бразилии, где, как известно, проживало большинство выехавших в Бразилию немцев. В особенности он интересовался политическим положением в стране и, прежде всего, отношением Бразилии и ее нового президента Варгаса к немецкой части населения, его зависимости от католической церкви и связях с США.

Затем он задал мне несколько вопросов о работе и численности национал-социалистической партии в Бразилии, об отношении немцев и бразильцев к программе НСДАП вообще и к его личности в частности.

Далее я рассказал ему об объеме антигерманской пропаганды, которая проводится бразильскими евреями, и о деятельности масонских лож против распространения нацизма в Бразилии.

Наконец, я сообщил Гитлеру, что его партия не имеет большого влияния в Бразилии и что руководящие партийные работники не имеют абсолютно никакой политической подготовки и не в состоянии проводить разъяснительную работу среди сочувствующих национал-социализму немцев и бразильцев.

При этих обстоятельствах Гитлер неожиданно предложил мне выехать в Бразилию и возглавить партийную работу по распространению национал-социалистических идей и созданию местных групп НСДАП. Однако я отказался от этого предложения Гитлера. Свой отказ я мотивировал тем, что в Бразилии работал в полуеврейской фирме «Филиппс» и вел оживленную торговлю с предпринимателями-евреями.

Этот факт шел вразрез с партийной программой национал-социалистов и, тем самым, создавал большие трудности для моей работы по линии партии. Гитлер согласился с моими доводами.

Вопрос: Почему Гитлер доверил сколачивание фашистских организаций в Бразилии именно вам, хотя членом фашистской партии, если верить вашим неоднократным заявлениям, вы не были. Не потому ли, что он считал вас одним из убежденных единомышленников и способным пропагандистом?

Ответ: Я полагаю, что Гитлер предложил мне возглавить всю партийную работу в Бразилии по той причине, что знал о моей успешной пропагандистской деятельности в Дрездене и считал, что я справлюсь с этим поручением.

Должен признать также, что по приезде в Мюнхен в сентябре 1932 года я подал заявление в местную группу НСДАП «Коричневый дом» о приеме меня в партию и несколькими днями позже получил временное партийное удостоверение.

Вопрос: Какие другие поручения вы имели от руководства фашистской партии в Мюнхене?

Ответ: Других партийных поручений я не имел. После встречи с Гитлером я возвратился в Дрезден, где вплоть до прихода национал-социалистов к власти работал у упомянутого мною ранее Обвурцер по линии пропаганды.

Примерно в феврале-марте 1933 года я был переведен в так называемый «Опекунский совет по экономическому просвещению народа» на должность руководителя рекламного отдела. Этот «Опекунский совет» был создан в Берлине под руководством известного национал-социалиста фон Рентельн Адриан, как это говорит само название, для воспитания широких кругов немецкого народа в антисемитском духе с целью вытеснения еврейской торговли из экономической жизни Германии.

Протокол допроса записан с моих слов верно, зачитан в переводе на немецкий язык.

РОДДЕ

Допросил: оперуполномоч[енный] 4 отдела 3 Главного упр[авления] контрразведки капитан СОЛОВОВ

ЦА ФСБ России. Н-19711. Л. 16—26. Подлинник. Машинопись. Автограф.

№ 129
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА ОБЕРФЮРЕРА СС В. РОДДЕ

31 марта 1947 г.
Москва

Родде Вильгельм, 1893 года рождения, урож[енец] гор. Ганау на реке Майн (Бавария), немец, германский подданный, из торговцев, со средним образованием, член национал-социалистической партии с 1933 года, оберфюрер-СС.

Вопрос: Какие функции выполняли вы как начальник рекламного отдела «Опекунского совета»?

Ответ: С приходом к власти Гитлера в стране начались преследования демократических партий и, в первую очередь, евреев. Во исполнение программы национал-социалистической партии, объявившей евреев врагами немецкого народа, в 1933 году в Берлине и был создан «Опекунский совет по экономическому просвещению народа». Создание этого совета, как я показал на предыдущем допросе, было вызвано необходимостью воспитания широких кругов немецкого народа в антисемитском духе с целью вытеснения еврейской торговли из экономической жизни Германии.

Характер моей работы как начальника рекламного отдела обусловливался этими общими задачами, стоящими перед «Опекунским советом». Прежде всего я совершил ряд поездок по различным районам Германии, установил связи с торгово-промышленными кругами и ознакомил их с программой «Опекунского совета»; особенно важно было заручиться их поддержкой и получить согласие на финансирование нашей работы, и я должен сказать, что эта моя деятельность дала некоторые положительные результаты.

Кроме того, разъезжая по Германии, я производил учет немецких предприятий с целью выявления еврейских фирм и их последующей экономической изоляции. В течение первых 2-х месяцев я посетил, таким образом, не более 20 промышленников и крупных хозяйственников. Наиболее ощутимые результаты были достигнуты лишь после выпуска журнала «Народ, государство и экономика». При помощи этого журнала, в котором я возглавлял рекламную часть, нам удалось за короткое время ознакомить торгово-промышленный мир Германии с программой «Опекунского совета» и начать общую экономическую борьбу против евреев.

Вопрос: Следовательно, в своей работе в «Опекунском совете» вы содействовали претворению в жизнь фашистской расовой теории и организации в стране еврейских погромов. Признаете себя в этом виновным?

Ответ: Не могу отрицать того факта, что в результате проведенной «опекунским советом» и лично мной пропагандистской работы многие немцы стали бойкотировать еврейские торговые дома, и, тем самым, были созданы предпосылки для физической расправы над евреями, начавшейся повсеместно в Германии с 1937 года.

Хочу, однако, отметить, что начальником рекламного отдела «Опекунского совета по экономическому просвещению народа» я являлся всего шесть-семь месяцев. Осенью 1933 года возникли затруднения с Имперским министерством народного просвещения и пропаганды, которое учредило к тому времени «Совет экономической пропаганды» и в печатном органе «опекунского совета» увидело своего конкурента. В связи с этим журнал «Народ, государство и экономика» по распоряжению Геббельса был закрыт и рекламный отдел прекратил, таким образом, свое существование. Мне предложили остаться в «Опекунском совете», но я отказался от дальнейшего сотрудничества, поскольку к тому времени связался с Риббентропом и мне была обещана более перспективная и более интересная работа.

Вопрос: При каких обстоятельствах произошло ваше знакомство с Риббентропом?

Ответ: Еще в период своей работы в «опекунском совете» я сблизился с одним коммерсантом по фамилии Ленкеринг Евгений, который был хорошо знаком с Риббентропом и выполнял его отдельные поручения. Ленкеринг рассказал мне, что Гитлер назначил Риббентропа политическим советником при штабе своего заместителя — Гесса, и поставил перед ним задачу установить дружественные политические и экономические отношения с Англией, Францией и Америкой.

Для выполнения этой задачи, сообщил мне далее Ленкеринг, Риббентроп подбирает себе сотрудников из числа национал-социалистической партии, располагающих необходимыми связями за границей, обладающих познаниями в области экономики и пользующихся известностью в промышленных и торговых кругах, и посоветовал поступить в бюро Риббентропа.

Встреча с Риббентропом, как я условился с Евгением Ленкеринг, состоялась, примерно, в августе 1933 года в берлинском отеле «Эспланада». Оха-

рактеризовав в общих чертах свои задачи, Риббентроп подробно расспросил меня о моих связях с промышленным и торговым миром Германии, а также за границей и тут же предложил пост главного референта с месячным окладом 600 марок. Я согласился.

Вопрос: На допросе 20 апреля 1945 года вы показали, что на службу к Риббентропу поступили по рекомендации Гесса. Теперь же заявляете, что в этом вам оказал содействие Ленкеринг. Каким показаниям надо верить?

Ответ: Как те, так и другие мои показания соответствуют действительности. После того как Ленкеринг рассказал мне о назначении Риббентропа политическим советником при штабе заместителя фюрера[74] и посоветовал устроиться в этот вновь создаваемый партийный орган, я посетил Гесса, чтобы заручиться его поддержкой. К тому времени я имел твердое намерение перейти к Риббентропу, так как работа по внешнеполитической линии сулила мне большие перспективы. Гесс одобрил мое решение и обещал оказать всяческое содействие. Должен также упомянуть, что с Гессом я поддерживал личный и деловой контакт вплоть до его отлета в Англию.

Вопрос: Покажите подробно о деятельности бюро Риббентропа?

Ответ: Риббентроп начал свою работу с того, что совершил ряд поездок в Англию и Францию, где встретился со своими иностранными друзьями с целью привлечения и использования их в интересах своей работы. Во Франции проживал известный граф Полиньяк[I], владелец знаменитой фирмы шампанских вин «Поммери», и в Англии сэр Александр Уокер[II], владелец знаменитой фирмы виски «Джонни Уокер» — старые знакомые Риббентропа, которые, так сказать, прокладывали ему путь для осуществления его политических целей. В тесных взаимоотношениях Риббентроп находился также с известным французским графом де Бринон[III].

Следует упомянуть, что большое число промышленников и хозяйственников, в особенности те из них, которые издавна поддерживали дружественные отношения с Германией, являлись членами так наз[ываемого] «англо-германского товарищества», задачей которого было укрепление политических и экономических связей с Германией. Среди них Риббентропу не удалось найти себе опору.

Было ясно, что дружественные связи членов этого английского общества с членами однотипного общества в Германии, т.н. «немецко-английским обществом», являлись одной из причин скептического и, отчасти, враждебного отношения англичан к Третьей Империи, поскольку все руководящие посты в «немецко-английском» обществе в Берлине занимали промышленники и крупные хозяйственники, отрицательно настроенные к новому нацистскому режиму.

Необходимо было провести экстренные меры и реорганизовать это общество таким образом, чтобы оно работало в интересах нового режима, т.е. заменить всех руководящих работников национал-социалистами, на которых в политическом отношении можно было полностью положиться.

Риббентроп поручил мне и Ленкерингу в качестве одной из неотложных задач во что бы то ни стало очистить «немецко-английское общество» от нежелательных национал-социализму людей, которые тормозили нашу работу. Это поручение мы выполнили в короткое время.

[I] Речь идет о маркизе Мельхиоре де Полиньяке.

[II] Речь идет о британском промышленнике Александре Уолкере.

[III] Речь идет о французском журналисте Фернане де Бриноне.

Вопрос: Каким образом вам удалось это сделать?

Ответ: Реорганизация «немецко-английского общества» не представляла для нас никаких трудностей. Поскольку было известно, что члены правления общества настроены отрицательно к новому режиму в Германии и высказывают скептические замечания по адресу руководителей национал-социалистической партии, мы просто-напросто предложили этим господам сложить с себя полномочия и выйти из состава «немецко-английского общества», пообещав в данном случае не принимать против них никаких репрессивных мер. Таким образом, мы удалили из «немецко-английского общества» нежелательных нам людей.

На освободившиеся должности по предложению Риббентропа были назначены члены национал-социалистической партии, а именно: президентом — герцог Саксонии — Кобурга-Гота, по имени Карл Эдуард; управляющим — Ленкеринг; я — Родде, занял пост казначея. С назначением герцога Карла Эдуарда президентом «немецко-английского общества» и заменой руководящего состава общества национал-социалистами отношения между Англией и Германией стали заметно улучшаться.

Будучи членом английского королевского дома, герцог пользовался большим влиянием среди торгово-промышленных кругов Англии и во всех своих начинаниях встречал полную поддержку влиятельных английских друзей. Англичан, которые поддерживались пронемецкой ориентации, но не являлись членами «английско-немецкого товарищества», мы убедили вступить в это общество и развернуть интенсивную пропагандистскую деятельность в пользу Германии.

Вопрос: И это не обошлось, конечно, без вашего участия?

Ответ: Всю работу по вовлечению англичан в «англо-немецкое общество» проделали граф Дюркгейм и его заместитель Гевель, которые имели обширные связи в Англии. Не скрою, мне как казначею «немецко-английского общества» часто приходилось бывать в Англии и встречаться с целым рядом высокопоставленных лиц.

Я делал также попытки расположить их к себе и использовать для давления на английское правительство при проведении Германией тех или иных внешнеполитических мероприятий, и, в частности, убедить в необходимости возвращения Германии колоний.

Вопрос: Приведенными фактами ваша работа по линии бюро Риббентропа далеко не исчерпана. Какие другие задания вы выполняли?

Ответ: Сразу же после поступления на службу к Риббентропу он очертил круг моих обязанностей и указал на методы их выполнения. Согласно полученным указаниям, я, в первую очередь, организовал административную работу бюро и посетил целый ряд руководящих работников партийных инстанций, как-то: министра по вопросам церкви[75] — Карл[1], президента Академии германского права[76] — Франка, нач[альника] национал-социалистического «Союза жертв войны»[77] СА-обергруппенфюрера Оберлиндобер, президента немецкого Красного Креста — герцога Саксонии Кобург-Гота, президента немецкого автомобильного клуба герцога Адольфа Мекленбургского и других, информировал их о целях и задачах бюро Риббентропа и заручался их поддержкой.

[1] Так в тексте, речь идет о руководителе Имперского министерства по делам церкви обергруппенфюрере СА Г. Керрле.

В мои обязанности входило также путем общения с германскими промышленниками, торговцами, владельцами гостиниц и т.д. собирать сведения о посещении Берлина известными иностранцами с тем, чтобы для их сопровождения своевременно выделять своих сотрудников и, выполняя все их желания, расположить к нацистской Германии.

И, наконец, я должен был информировать Риббентропа по всем вопросам, касающимся внутреннего делопроизводства бюро, докладывать поступавшую на его имя почту, отчеты референтов.

Вопрос: Вы явно преуменьшаете свою роль. Ваши сослуживцы утверждают, что вы были первым после Риббентропа и занимали должность начальника его штаба?

Ответ: Я никогда не был начальником штаба Риббентропа, хотя меня и называли часто этим титулом, а занимал должность главного референта. Но так как по возрасту и стажу работы я был одним из старейших сотрудников бюро, то в силу этого — и первым лицом после Риббентропа. Не скрою, что в период первого года существования бюро Риббентропа не проводилось ни одного мероприятия, в котором я бы не принимал самого активного участия, и даже Риббентроп все свои решения предварительно согласовывал со мной. Кроме того, я участвовал почти во всех совещаниях и конференциях руководящих лиц Германии и заграницы и, по существу, являлся первым помощником Риббентропа.

Вопрос: Известно также, что вы играли решающую роль в персональном укомплектовании бюро Риббентропа. Вы не отрицаете этого факта?

Ответ: Совершенно верно. В тесном контакте с Риббентропом я проделал большую работу по персональному укомплектованию бюро. В результате переговоров с ответственными работниками партийных инстанций, как с моей, так и со стороны Риббентропа, нам удалось завербовать на руководящие должности следующих лиц:

реферат «Англия» — граф Дюркгейм,

реферат «Франция» — Отто Абец,

реферат «Япония» — фон Раумер,

реферат «Пресса» — д-р Пауль Шмидт,

реферат «Вопросы молодежи и юридическая часть» — д-р Кюглер[1],

реферат особого назначения — Гейнц Штамер, который с 1941 года являлся германским послом в Токио (Япония).

К концу 1934 года бюро Риббентропа насчитывало уже до 30 человек, что позволило нам в полном объеме развернуть свою работу и привлечь дополнительно целый ряд английских подданных на сторону национал-социалистической Германии.

Вопрос: Назовите фамилии лиц, работавших по заданию бюро Риббентропа в Англии?

Ответ: Мне известны следующие лица «англо-немецкого товарищества», которые в силу занимаемого ими положения пользовались авторитетом в Англии и на которых опиралось бюро Риббентропа в своей работе:

Лорд Ротермир — владелец газеты «Дейли Мейль».

Уорд Прайс — корреспондент «Дейли Мейль».

Джек Эванс — владелец крупнейшей страховой фирмы.

Лорд Холлиден — владелец текстильных фабрик.

---

[1] Так в документе, вероятно речь идет о немецком дипломате Эрнсте фон Кюхлере.

Дарси Купер — президент акционерного общества «Юни Ливер».

Мистер Проктор — промышленник.

Лорд Лондондерри — лидер консервативной партии, личный друг Геринга.

Мистер Эрнест Теннант — промышленник, друг Ленкеринга.

Лорд Маунт-Темпл — президент «англо-немецкого товарищества», бывш[ий] министр транспорта.

Конвель Эвенс — профессор оксфордского университета.

Сэр Арчибальд Вильсон — писатель и академик. Насколько мне известно, погиб во время Второй мировой войны.

Капитан Кеннеди — политический корреспондент газеты «Таймс».

Капитан Ричардсон — промышленник.

Лорд Гамильтон — известный генерал периода Первой мировой войны, личный друг Гесса.

Лорд Сендис[I] — зять Уинстона Черчилля.

Мистер Флеминг — писатель.

Мистер Брандт — крупный банкир.

Мистер Кляйнворс — банкир.

Самюэль Хор — посол в Мадриде, бывш[ий] министр морского флота.

Мистер Оливер Хор — торговец, брат Самюэля Хор.

Лорд Аллан оф Хартвуд — член Верхней палаты парламента.

Мистер Бимиш — писатель.

Мистер Вейгол — известный английский адвокат.

Лорд Лосиан[II] — член Верхней палаты парламента.

Все эти лица использовались нами в области пропаганды для проведения прогерманской политики в Англии и способствовали установлению дружественных связей между обеими странами.

Вопрос: Назовите известных вам агентов бюро Риббентропа?

Ответ: Мне известны следующие английские подданные, которые, по моему убеждению, проводили разведывательную деятельность в пользу Германии:

1. Сэр Арнольд Вильсон — был частым гостем Риббентропа. Во время одного из своих приездов в Германию в 1935—[19]36 гг. остановился в отеле «Кайзергоф» и за короткое время израсходовал большие суммы денег на спиртные напитки и другие закупки, причем все счета по указанию Риббентропа были оплачены мною.

2. Профессор Конвель Эванс. Очень часто приезжал в Германию и встречался с Риббентропом не только в его рабочем кабинете, но и на квартире в м[естечке] Далем под Берлином. Я припоминаю такой случай: в 1935 году в одну из суббот, незадолго до закрытия бюро, Риббентроп зашел ко мне в кабинет и спросил, какими суммами в английской и американской валюте я располагаю. Я выдал Риббентропу под расписку около 300 фунтов стерлингов и много долларов. Я полагаю, что эти деньги Риббентроп передал Эвенсу, который на другой день уехал в Лондон. Выступал в Англии с речами в защиту национал-социалистической партии.

3. Капитан Кеннеди. Наносил частные визиты Риббентропу и графу Дюркгейм. Являясь корреспондентом газеты «Таймс», писал прогерманские статьи.

[I] Так в тексте, речь идет о британском политическом деятеле и дипломате лорде Дункане Эдвине Дункан-Сэндисе.

[II] Речь идет о британском государственном деятеле Филиппе Генри Керре, маркизе Лотиане.

4. Мистер Бимиш — английский писатель, антисемит. Весной 1936 года приехал в Германию без денег и в совершенно изношенном костюме. Был полностью обеспечен графом Дюркгейм.

5. Мистер Эрнест Теннант — крупный промышленник, владелец оружейных заводов. Заслуживает внимания такой факт. Однажды, зимой 1935 года, я посетил Риббентропа на его квартире и принес ему на подпись несколько документов. Я открыл дверь и хотел уже войти в его кабинет, как вдруг Риббентроп вскочил и буквально вытолкнул меня из комнаты, заявив при этом, извиняясь, что он проводит конференцию, и попросил не беспокоить его. Среди присутствующих у Риббентропа лиц я узнал Теннанта и одного сотрудника управления Абвер, фамилию которого сейчас позабыл. Отсюда я делаю заключение, что Теннант работал по заданию Риббентропа и был связан с германскими разведорганами.

Другими данными о разведывательной деятельности бюро Риббентропа в Англии я не располагаю. Что касается Франции, то в этой стране мне работать никогда не приходилось. Тем не менее, я вполне допускаю, что такие люди, как граф де Брион и Скарпи, получали от Риббентропа различные разведывательные задания.

Вопрос: Вы рассказывали, что разведывательной деятельностью по линии бюро Риббентропа руководили граф Дюркгейм, Вальтер Гевель, Раумер и Абец. Охарактеризуйте этих лиц?

Ответ: 1. Граф Дюркгейм — начальник реферата «Англия», профессор Кильского университета. В время Первой мировой войны служил адъютантом у генерала фон Эпп, будущего имперского наместника в Баварии. В конце 1937 года из бюро Риббентропа ушел и уехал в Японию в качестве представителя министерства народного просвещения и вероисповеданий. Насколько мне известно, в Японии оставался до последнего времени. Его семья проживала в Берлине по ул. Фон дер Гейдтштрассе. Приметы: 55—56 лет, выше среднего роста, худощавый, лысый, орлиный нос.

2. Вальтер Гевель — заместитель Дюркгейма. Кавалер «Кровавового ордена»[78]. До перехода к Риббентропу служил в заграничной организации НСДАП, продолжительное время находился с партийным заданием в Голландской Индии. С 1938 года являлся связным министерства иностранных дел при главной ставке Гитлера, с последним поддерживал тесные, дружественные отношения. Его семья проживала в Берлине по улице Линденаллее, около площади Рейхсканцлера. Приметы: 51—52 лет, высокого роста, полный, блондин.

3. фон Раумер — руководитель реферата «Япония», доверенное лицо и политический советник Риббентропа. Он был духовным отцом заключенного с Японией Антикоминтерновского пакта. В 1938 году, после того как Риббентроп стал министром иностранных дел, Раумер получил должность посла и, как таковой, являлся политическим советником министерства. Однако вскоре возникли разногласия с Риббентропом, и Раумер вынужден был уйти из министерства, получив при этом единовременное пособие в 50 000 имперских марок. Как я слышал, Раумер поступил затем в концерн «И.Г. Фарбениндустри» и намеревался выехать в Японию. Во время войны был комендантом аэродрома Тутов (провинция Мекленбург), имел звание полковника авиации. Постоянно проживал в Берлине. Приметы: 55 лет, среднего роста, плотного телосложения, страдает базедовой болезнью.

4. Отто Абец — руководитель реферата «Франция». До поступления на службу Риббентропа работал учителем в гор. Карлсруэ, в совершенстве владеет французским языком. С 1941 года является германским послом в Париже. Приметы: 47—49 лет, выше среднего роста, плотного телосложения, волосы темные, с проседью.

Помимо названных лиц необходимо упомянуть еще референта Рудольфа Ликус, который является школьным товарищем Риббентропа и использовался им для связи с Главным управлением имперской безопасности (ведомство Гейдриха). Поступив в бюро Риббентропа СС-обершарфюрером (фельдфебель), Ликус стал быстро продвигаться по службе и спустя год имел уже чин СС-штандартенфюрера (полковник). Риббентроп направлял его часто со специальными, я полагаю, разведывательными заданиями за границу, в частности в Венгрию, Румынию, Чехословакию и Болгарию. Членом НСДАП Ликус состоял, примерно, с 1924—[19]26 гг. Другие данные о его деятельности мне неизвестны. Приметы: 53—54 лет, среднего роста, приземистый, редкие рыжие волосы, лицо в веснушках.

Вопрос: Теперь покажите о своей деятельности по заданию Риббентропа?

Ответ: Приведенными выше фактами моя деятельность в бюро Риббентропа закончилась. Начиная с 1936 года Риббентроп стал высказывать недовольство моей работой и потерял ко мне прежнее доверие. Вскоре наши отношения настолько обострились, что я вынужден был поставить вопрос о своем увольнении. Однако Риббентроп не согласился уволить меня из своего бюро, поскольку боялся, что тем самым может испортить себе репутацию в глазах влиятельных партийных работников, расположением которых я пользовался.

После этих неудавшихся переговоров с Риббентропом я обратился непосредственно к его начальнику Рудольфу Гессу и рассказал ему о своем нежелании оставаться дальше у Риббентропа. Таким образом, при помощи Гесса мне удалось перевестись в министерство иностранных дел, и 9 октября 1937 года я был направлен консулом II класса в гор. Виннипег (Канада).

Протокол допроса записан с моих слов верно, зачитан мне в переводе на немецкий язык.

РОДДЕ

Допросил: оперуполномоч[енный] 1 отделения 2 отдела Главного упр[авления] контрразведки «Смерш» ст[арший] лейтенант СОЛОВОВ

ЦА ФСБ России. Н-19711. Л. 27—40. Подлинник. Машинопись. Автограф.

№ 130
СОБСТВЕННОРУЧНЫЕ ПОКАЗАНИЯ ОБЕРФЮРЕРА СС В. РОДДЕ «О ГЕНЕРАЛЕ-ФЕЛЬДМАРШАЛЕ ШЁРНЕР, ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМ ГРУППИРОВКОЙ "ЮГ"»

10 апреля 1947 г.
Москва

Перевод с немецкого

После наступления русских в Румынию и взятия ими Черновиц Шёрнер, в звании генерал-полковник, принял весной 1944 года командование над полностью деморализованной и непрерывно отступавшей армейской груп-

пировкой «Юг». Предшественником его был генерал-фельдмаршал Клюге. Вначале Шёрнер избрал своей ставкой Галац и проживал в доме немецкого генерального консула Лернера. Примерно в мае месяце Шёрнер перенес свою ставку на венгеро-румынскую границу в курортный город Сланик.

Прежде, чем я познакомился с Шёрнером в Румынии, я слышал о нем массу различных анекдотов, которые характеризовали его как генерала, особенно строго и жестоко хозяйничавшего в своих частях. Солдаты называли его «кровавый Фердинанд»[79]. Там, где он появлялся, все сгибались и дрожали, начиная от самого рядового солдата и кончая высшими офицерами.

К штабу Шёрнера принадлежал также старший лейтенант резерва доктор Тоденгефер, который мне известен еще по министерству иностранных дел, где он служил в должности легационного советника.

Тоденгефер был офицером для поручений у Шёрнера и национал-социалистическим офицером в армейской группировке «Юг». Он несколько раз по службе приезжал в гор. Кронштадт (Брашов) и посещал при этом меня. От Тоденгефера я узнал, что Шёрнер имеет желание со мной познакомиться, что я должен в скором времени получить от него приглашение.

В связи с этим надо указать, что Кронштадт находился в резерве командного состава армейской группировки «Юг» под командованием полковника Штолленверка. Этот резерв командного состава, по договоренности с министерством иностранных дел, находился в моем обслуживании.

В середине мая я, через Тоденгефера, получил приглашение по телефону к Шёрнеру в Сланик. Об этом я сообщил послу Киллингеру и спросил его, нет ли каких-либо возражений служебного порядка против этого. Киллингер ответил, что нет, и рекомендовал мне использовать это посещение для информации Шёрнера о тяжелой и плохой для нас политической ситуации в Румынии. По приезде моем в Сланик я очень сердечно был принят Шёрнером, и он поблагодарил меня за обслуживание его резерва командного состава.

Шёрнер представил меня тогдашнему начальнику своего штаба генерал-лейтенанту Венку и попросил последнего обрисовать мне с помощью карты тяжелую военную ситуацию армейской группировки «Юг». После ужина состоялась беседа о политическом положении в Румынии, во время которой присутствовали, кроме Шёрнера, доктор Тоденгефер и несколько офицеров штаба.

Я осветил Шёрнеру политическое положение в Румынии и подчеркнул, что румынское правительство, во главе с маршалом Антонеску, ведет по отношению к Германии нечестную игру. И мне совершенно непонятно, почему наше правительство, которое информировано о настоящей политической ситуации в Румынии, действует так безответственно.

Подобная политика фюрера и его советников, как Риббентроп, Гиммлер и др., по моему мнению, приведет к катастрофе на Балканах. Я подчеркнул, что, кроме меня, такого же рода мнения по этому вопросу генерал-лейтенант Герстенберг, генерал-майор полиции и СС, бригадефюрер Гофмайер и атташе полиции СС штурмбанфюрер Рихтер[1], и посоветовал ему поговорить с этими людьми.

---

[1] Речь идет о штурмбанфюрере СС Густаве Рихтере, атташе полиции при германском посольстве в Румынии, советнике посла по еврейским вопросам. Из семьи заводского рабочего. Назначен в Румынию по личной протекции Э. Кальтенбруннера. В 1944 г. Рихтеру, в связи с реорганизацией Абвера, также стала подчиняться военная разведка в Румынии.

Я попросил Шёрнера держать в секрете о моем мнении, так как иначе у меня могли бы возникнуть неприятности в связи с тем, что было известно, что для Гитлера маршал Антонеску по-прежнему оставался преданной ему личностью. Шёрнер заявил мне, что он в оценке политической ситуации в Румынии и личности маршала Антонеску одинакового со мной мнения.

Между прочим, Шёрнер мне сообщил, что он находится в хороших отношениях с Гиммлером, которого он уже информировал о политической ситуации в Румынии и будет это делать в дальнейшем. Шёрнер заверил меня, что он, по получении дальнейшей информации, не побоится лично Гитлеру доложить о действительном положении в Румынии и высказать ему свое личное мнение о маршале Антонеску.

В заключение Шёрнер коснулся германской военной миссии в Румынии, о работе которой, возглавляемой генералом Ганзеном, он высказался весьма отрицательно. Он заявил, что генерал Ганзен не в состоянии правильно оценить обстановку и справиться с ней: он приносит больше вреда, чем пользы. Шёрнер заявил мне, что он позаботится о том, чтобы обстоятельства изменились основательно.

В процессе беседы я посоветовал Шёрнеру, в случае посещения им ставки Гитлера, доложить об этом также и Риббентропу. У меня создалось впечатление, что Шёрнер не очень высоко ценил Риббентропа и его мало интересовал разговор с ним. Он сказал мне, что если у Риббентропа будет желание со мной говорить, то он, конечно, посетит Риббентропа. На другой день, примерно в полночь, я попрощался с Шёрнером и уехал в Кронштадт.

Спустя некоторое время мне позвонил приданный штабу Шёрнера офицер связи министерства иностранных дел, старший лейтенант резерва Леман. Он мне сообщил, что Шёрнер на следующий день должен прилететь самолетом в Кронштадт, чтобы устроить смотр резерва командного состава. Шёрнер хочет воспользоваться этой возможностью поговорить со мной. Я встретил Шёрнера на аэродроме. Шёрнер предложил мне принять участие в смотре резерва командного состава и на общем обеде, который состоится после смотра.

Перед собранием офицеров, примерно в 250 человек, Шёрнер в своем выступлении, длившемся около 30 минут, обрисовал тяжелое положение с армейской группировкой «Юг». Он обратился к 100 молодым офицерам, предназначенным к посылке на фронт, с призывом отдать все свои силы, так как только личный пример офицеров, их верность фюреру и родине могут исправить создавшееся тяжелое положение. У меня создалось впечатление, что его обращение и личное поведение сильно подействовали на офицеров. Около 15 часов Шёрнер улетел обратно в Сланик.

При следующем посещении Шёрнером Кронштадта, куда он приезжал с тем же намерением выступить перед резервом командного состава, я пригласил его к себе домой. Шёрнер пришел на кофе. Его сопровождал д-р Тоденгефер и офицер для поручений. Кроме моей жены присутствовал еще СС-обергруппенфюрер Лоренц, который случайно проездом находился в Кронштадте. Из-за присутствия моей жены разговор не касался больших политических проблем.

Шёрнер разговаривал с Лоренцом и со мной в основном по национальному вопросу. От ужина Лоренц отказался, так как он был приглашен в другое место. После ужина играли в карты. Примерно в полночь Шёрнер уехал в свой отель. Во время ужина политических разговоров тоже не ве-

лось. Это был последний раз, когда я встречался с Шёрнером, так как спустя некоторое время в группировке «Юг» сменилось командование.

Как я уже говорил, о Шёрнере ходило много слухов и анекдотов. Многие офицеры, в том числе полковник Штоллеверк, Тоденгефер, Леман и др., рассказывали мне, что Шёрнер в своих ежедневных поездках по фронту, которые он всегда совершал без предупреждения, очень жестоко наказывал за малейшие провинности своих подчиненных, и даже доходило до того, что бил солдат палкой.

Я был только один раз свидетелем его вспыльчивости и жестокости. В один из упомянутых приездов в Кронштадт на военном аэродроме произошел следующий печальный случай: румынский солдат, который лежал около посадочного креста, при приземлении машины был разрезан пополам. Когда Шёрнер вышел из машины и поздоровался со мной, появился румынский комендант аэропорта, чтобы, по-видимому, привлечь к ответственности летчика за это происшествие.

Шёрнер поставил румынского коменданта по стойке «смирно», закричал на него в самой неслыханной форме и спросил его, знает ли он, кто он такой, ведь о его прибытии было предупреждено. Он мог бы ожидать, что комендант придет к нему с докладом. Он обязательно поставит об этом случае в известность маршала и проинформирует его о порядках на военном аэродроме. Все это говорилось громким приказным тоном и кончилось тем, что Шёрнер предложил коменданту немедленно убираться.

РОДДЕ

10 апреля 1947

Допросил: ст[арший] оперуполн[омоченный] 4 отдела 3 Гл[авного] управления МГБ СССР капитан СОЛОВОВ

Перевела: переводчик 4 отдела 3 Гл[авного] Управления контрразведки МГБ СССР ст[арший] лейтенант ПОТАПОВА

ЦА ФСБ России. Н-19711. Л. 41—44. Заверенная машинописная копия. Подлинник на немецком языке — л.д. 45—49.

№ 131
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА ОБЕРФЮРЕРА СС В. РОДДЕ

10 мая 1947 г.
Москва

Родде Вильгельм, 1893 года рождения, урож[енец] гор. Ганау на реке Майн (Бавария), немец, германский подданный, из торговцев, со средним образованием, член национал-социалистической партии с 1933 года, оберфюрер-СС.

Вопрос: На предыдущих допросах вы показали о своем назначении в сентябре 1937 года на должность германского консула в гор. Виннипег (Канада). Какие инструкции и от кого конкретно вы получили при назначении?

Ответ: После того как я получил назначение на должность консула II класса в г. Виннипег, я был вызван тогдашним государственным секретарем министерства иностранных дел Германии и руководителем «Загранич-

ной организации НСДАП» гауляйтером Боле, который информировал меня о больших трудностях, существовавших в области партийно-политической работы в Канаде, возникших в результате ненормальных взаимоотношений с имперским представительством в Оттаве, Монреале и Виннипеге с одной стороны, а также с германскими подданными и немцами — канадскими подданными — с другой.

Исходя из этого Боле охарактеризовал круг моих задач, которые сводились, примерно, к следующему: проверка ответственных за партийную работу в Канаде политических руководителей по части их морально-деловых качеств; урегулирование разногласий партийных и имперских представительств Германии с канадскими ведомственными органами и канадской общественностью; улучшение отношений между имперскими немцами и немцами, подданными Канады; представление предложений о необходимых изменениях в персональном укомплектовании должностей политических руководителей.

Министерство иностранных дел, кроме того, вменило в мою обязанность представлять доклады в отношении канадского населения к национал-социалистическому режиму в Германии, о деятельности и влиянии немецких эмигрантов в Канаде, а также о влиянии на Канаду проводимой немецкими эмигрантами в США работы.

Я должен был также путем установления связей с руководителями влиятельной канадской прессы распространять пропагандистский материал министерства иностранных дел и делать все от меня зависящее для улучшения политических отношений между Канадой и Германией.

Вопрос: С кем еще из руководителей фашистского государства вы разговаривали в связи с вашим новым назначением?

Ответ: Незадолго до отъезда в Виннипег я был вызван в Имперскую канцелярию и принят лично Гитлером. Поздравив меня с новым назначением, Гитлер сказал, чтобы обо всем интересном и полезном для Германии я подробно сообщал в министерство иностранных дел и работал также плодотворно, как в Берлине. На прощание он подарил мне свою фотокарточку с надписью: «Господину консулу Родде, с наилучшими пожеланиями. Адольф Гитлер».

Вопрос: Откуда Гитлеру стало известно о вашем назначении консулом в Канаду?

Ответ: О моем назначении консулом в Канаду доложил Гитлеру его третий адъютант, капитан Видеманн, с которым я находился в приятельских отношениях. Как я уже показал ранее, с Гитлером я познакомился в Мюнхене в 1932 году. В последующее время я неоднократно встречался с Гитлером на партийных съездах в Нюрнберге, на приемах иностранцев в Имперской канцелярии, сопровождал во время поездок в Мюнхен, Лейпциг, Эссен и Кёльн в 1935 году, где он выступал с большими программными речами, а также бывал у него довольно часто на докладе вместе с Риббентропом. Таким образом, Гитлер был хорошо информирован о моей деятельности.

Вопрос: Какие специальные задачи поставил перед вами лично Гитлер?

Ответ: Никаких специальных поручений Гитлер мне не давал и ограничился лишь общими указаниями, о чем я показал выше. Мой разговор с ним продолжался не более пяти минут.

Вопрос: Покажите о вашем дальнейшем участии в осуществлении преступной внешней политики Гитлера?

Ответ: В середине октября 1937 года я приступил к исполнению своих обязанностей в гор. Виннипег. В первую очередь я посетил германского пос-

ла в Оттаве доктора Виндельс, который ознакомил меня с общим политическим положением в Канаде и существующими разногласиями с партией. Затем я нанес визит государственному секретарю в Оттаве, фамилию которого я теперь не припоминаю, а также премьер-министру Маккензи Кинг. Последний задал несколько вопросов о положении в Германии, о Гитлере, Риббентропе, Гирле и фон Чаммерс и пожелал мне успехов в работе.

В Монреале я вел переговоры с руководящими работниками национал-социалистической партии и с германским консулом. Целью всех этих визитов было получить полную информацию о внутриполитическом положении и работе НСДАП.

Вопрос: Охарактеризуйте положение в Канаде к моменту нашего приезда?

Ответ: В тот период общая политическая ситуация в Канаде была весьма неблагоприятная для Германии. В особенности канадская пресса, которая питалась почти исключительно материалами «Ассошиэйтед пресс», которая оказывала на общественное мнение Канады сильное влияние. Это выражалось в том, что массы канадского народа не признавали национал-социалистического режима и его руководящих лиц.

Говоря о верующей части населения, необходимо заметить, что неблагоприятное для Германии действие оказывала борьба НСДАП против церкви, расовая политика и преследование евреев в Германии.

Большое внимание на общественное мнение Канады имели, кроме того, публичные выступления немецких эмигрантов, приезжавших из США, как, например, Томаса и Генриха Манн, Ренн[I], а также антигерманская деятельность известных немецких эмигрантов в США — доктора Раушнинг, доктора Мейер[II] и других. Деятельность НСДАП в Канаде наталкивалась на полное непризнание канадской общественностью.

В области партийной политики. Руководство НСДАП в Канаде было совершенно неподходящим и, частично, скомпрометированным. В своей работе оно придерживалось взглядов, что партия повелевает государству. Это порождало ссоры и недовольства со стороны имперских представительств и канадских немцев и вело к расколу немецкой этнической группы.

Вопрос: Что конкретно было сделано вами во исполнение указаний гауляйтера Боле и Министерства иностранных дел?

Ответ: Посещая губернаторов, полицию, бургомистров, хозяйственников, влиятельных деятелей культуры, я делал попытки переубедить их и расположить к новому режиму в Германии. Установленные мною связи с издателями и редакторами авторитетных газет не привели к изменению антигерманской направленности прессы.

По поручению германского правительства я часто направлял протесты в связи с появлением в канадской прессе антигерманских статей. Мои усилия проводить разъяснительную работу в интересах Германии среди членов «Канадского легиона» (Союз фронтовиков), в канадских клубах, на вечерах не дали ощутимых результатов, и никого из влиятельных лиц этих кругов использовать для Германии мне не удалось. О создавшейся ситуации я написал подробный отчет Министерству иностранных дел.

В целях коренного изменения работы национал-социалистической партии в Канаде я направил доклад гауляйтеру Боле и предложил произвести

[I] Речь идет о немецком писателе Людвиге Ренне.

[II] Возможно, речь идет о немецком политическом деятеле Оскаре Мейере.

полную замену руководства НСДАП, выделить способных работников «Заграничной организации НСДАП» для инструктажа вновь назначенного партийного руководства, а также прислать ораторов для ознакомления членов партии и имперских немцев с задачами партии за границей; для улучшения отношений между имперским представительством и партией я предложил далее произвести четкое разграничение задач.

Примерно в середине марта 1938 года я, с согласия Министерства иностранных дел, был уполномочен гауляйтером Боле провести в соответствии с моими предложениями необходимые мероприятия. Таким образом, я сместил старое и назначил новое партийное руководство в гг. Монреаль, Торонто, Виннипег, Режина, Эдмонтом и Ванкувер.

Для устранения недоразумений между имперским представительством и партией, а также между партией и канадскими ведомственными учреждениями я запретил всякую связь партии с этими учреждениями. Одновременно я запретил ношение коричневых рубашек и военной формы в общественных местах.

На основании моего доклада из Берлина был прислан один сотрудник «Заграничной организации НСДАП», который в течение трех недель обучал руководящий и рядовой состав партии в Монреале, и один сотрудник, который выступал в Монреале и Торонто перед немецкой частью населения. В результате проведенных мною мероприятий наступило улучшение в отношениях между имперскими представительствами и немецкой этнической группой в Канаде.

Вопрос: Покажите о своем дальнейшем участии в осуществлении преступной внешней политики Гитлера?

Ответ: В апреле 1939 года я был вызван Министерством иностранных дел для личного доклада в Берлин. Перед отъездом я нанес прощальный визит премьер-министру Канады Маккензи Кинг. В разговоре со мной Кинг заявил, что современная международная обстановка очень напряженная и что политика Германии направлена на подготовку войны.

Гитлер и его советчики, продолжал он, ошибаются, полагая, что Канада в случае войны будет играть особую роль. Судьба Канады неразрывно связана с Англией. Прощаясь, Маккензи Кинг вручил мне письмо с просьбой передать его через Риббентропа лично Гитлеру.

Вопрос: О чем писал Кинг Гитлеру?

Ответ: По словам Кинга, в письме он изложил свои заботы и опасения. На этот шаг его толкнули чувства дружбы к Германии, личные встречи и разговоры с Гитлером. Если Гитлер будет продолжать начатую им политику, то она неизбежно приведет к катастрофе. Маккензи Кинг просил меня, чтобы об этом письме я ни с кем, кроме Риббентропа, не говорил. По прибытии в Берлин я был принят Риббентропом, которому передал упомянутое письмо и информировал о разговоре с Маккензи Кинг.

Затем я отчитался перед Риббентропом о проведенной мною в Канаде работе и написал, по его указанию, три доклада: об отношении канадских властей и населения к Германии; о деятельности канадских и американских кругов, направленной на отчуждение Канады от Англии и ее присоединении к США, и, наконец, о военной мощи Канады.

Вопрос: Укажите каналы, через которые вам удалось собрать информацию для докладов?

Ответ: Названные доклады я составил на основании разговоров с канадскими государственными чиновниками, офицерами армии и полиции, дип-

ломатическими представителями, журналистами, имперскими и канадскими немцами, с которыми мне приходилось сталкиваться, а также в результате наблюдения за прессой. Других источников получения сведений я не имел.

Вопрос: Известно, что политическую и экономическую разведку вы проводили также нелегальными, агентурными путями?

Ответ: Заявляю, что интересовавшие меня сведения я получал легальным путем и агентуры, как среди немцев, так и канадского населения, не имел.

Вопрос: Вы далеко не так откровенны и будете еще допрошены по этому вопросу. Теперь скажите, как оценил Риббентроп вашу деятельность в Канаде?

Ответ: Риббентроп остался доволен моей работой в Канаде, поскольку в августе 1939 года я был повышен в должности и назначен генеральным консулом в гор. Брашов (Румыния).

Вопрос: Покажите подробно о своей деятельности в Румынии.

Ответ: Находясь в Румынии, я выполнял примерно такие же функции, как и в Канаде, за исключением чисто консульских задач, как-то: защита интересов Германии, укрепление экономических и культурных связей с Румынией, выдача паспортов и виз, я должен был по указанию культурного отдела министерства заниматься также вопросами фольксгруппы в Румынии, воспитывая румынских немцев в духе преданности Гитлеру и национал-социализму.

По получении этих указаний я встретился с руководителем «Центрального бюро по вопросам заграничных немцев» СС-обергруппенфюрером Лоренц и имел с ним обстоятельный разговор. Лоренц высказал недовольство руководством немецкой этнической группы (фольксгруппы) в Румынии, так как оно, по его мнению, было устаревшим, и просил меня поддержать его требования перед министерством иностранных дел в отношении замены непригодных работников.

Вопрос: Каким образом вы выполнили это указание министерства иностранных дел?

Ответ: В начале сентября 1939 года я прибыл в г. Брашов. Прежде всего, я встретился с рядом ответственных работников немецкой этнической группы и установил, что ее руководство является негодным ввиду своей слабости и связей с немецкими кругами, которые не признавали национал-социалистического режима в Германии.

О создавшейся ситуации я написал подробный доклад министерству иностранных дел и предложил, в соответствии с пожеланиями «Центрального бюро по вопросам заграничных немцев», произвести замену руководства этнической группы. В результате был назначен новый руководитель фольксгруппы доктор Брукнер, которого впоследствии сменил на этой должности Шмидт Андреас.

Для устранения недоразумений между фольксгруппой и местными румынскими властями я посетил далее целый ряд префектов и бургомистров и договорился с ними, чтобы все подобные споры и разногласия впредь разрешались только по согласованию со мной. На этом, собственно, и закончилось мое участие в жизни немецкой этнической группы в Румынии, так как начиная с 1941 года у меня установились плохие отношения со Шмидтом Андреас, который не терпел вмешательства в его дела со стороны Министерства иностранных дел, а ориентировался целиком на Гиммлера и его учреждения.

Вопрос: Следствие располагает данными, что при вашем активном участии в 1942—[19]43 гг. было мобилизовано в германскую армию не менее 50 тысяч румынских немцев?

Ответ: В 1940 году я действительно имел от германского посла в Румынии задание о мобилизации румынских немцев в германскую армию. Моя роль заключалась в ведении переговоров с румынскими властями с целью избежать при проведении мобилизационных мероприятий возможных недоразумений. Таким образом, при моем содействии в 1940 году было мобилизовано в германскую армию, преимущественно в войска СС, пять тысяч румынских немцев (фольксдойчен).

В мобилизации 50 тысяч фольксдойчен в 1942—[19]43 гг. я никакого участия не принимал, поскольку с ноября 1943 по февраль 1944 года был болен и находился на излечении в госпитале. По линии министерства иностранных дел мобилизацию проводили посол Киллингер и его сотрудник Дитлер в тесном контакте с руководителем немецкой этнической группы в Румынии Шмидтом Андреас.

Вопрос: Какие другие специальные задания вы выполняли в Румынии?

Ответ: За время пребывания в Румынии я выполнял следующие специальные задания министерства иностранных дел и лично Риббентропа.

Примерно в сентябре 1940 года я в течение двух-трех месяцев являлся представителем германского посольства в так называемой «Немецко-итальянской офицерской комиссии». В мои обязанности входило следить за инцидентами на румынско-венгерской границе между венгерскими немцами и румынами и сообщать о всех таких случаях германскому посольству в Бухаресте.

В ноябре 1940 года я был уполномочен министерством иностранных дел подписать от имени Германии договор о переселении немцев из Северной Буковины и Добруджи.

В начале 1942 года я получил от Риббентропа задание подбирать в контакте с немецкой этнической группой вспомогательный персонал для главной ставки Гитлера. Всего мною было отправлено из Румынии около 100 немецких девушек.

Одновременно я имел от Риббентропа задание заготовлять для его штаба продукты питания, текстильные товары и другие предметы ежедневного обихода. Все товары я приобретал за наличный расчет с ведома и согласия Михая Антонеску. Начиная с 1942 года я отправлял ежемесячно Риббентропу 200—300 килограммов товаров.

Вопрос: Приведенными фактами не ограничивается ваше участие в экономическом ограблении Румынии. Следствию известно, что вы, не считаясь с потребностями румынского народа, отправляли в Германию целые составы?

Ответ: Кроме закупок для штаба Риббентропа, я в двух или трех случаях получал большое количество продовольствия и других вещей, которые собрали проживающие в Румынии немцы для пострадавших от бомбежек семей сотрудников министерства иностранных дел, и, с разрешения Михая Антонеску, отправил в Берлин.

Мне известно, что вагонами вывозило товары (продукты, текстиль, мебель) «Центральное бюро по вопросам заграничных немцев». Я никаких закупок больше не делал, если не считать, что однажды по личной просьбе жены Риббентропа[1] приобрел для нее в Бухаресте 15 дамских часов.

Вопрос: В чем еще заключалась ваша деятельность в Румынии?

Ответ: О своей деятельности в Румынии я дал подробные показания и других фактов привести не могу. Прошу учесть, что с ноября 1942 года по январь 1944 года я болел и находился на стационарном лечении.

---

[1] Речь идет об Анне Элизабет (Аннелиз) фон Риббентроп.

Вопрос: Вы имеете генеральский эсэсовский ранг. Когда вы стали членом преступной организации — СС?

Ответ: В организацию СС я был принят по представлению Риббентропа в 1935 году. На протяжении последующего времени никаких заданий по линии СС не выполнял, а присутствовал только на так называемых товарищеских вечерах в Берлине, которые проводились один раз в месяц, и платил членские взносы. На этих вечерах читались доклады на темы: «Национал-социалистическое мировоззрение», «Еврейский вопрос», «О концентрационных лагерях» и др. Других связей с ведомством Гиммлера я не имел.

Вопрос: Являясь убежденным национал-социалистом, вы принимали непосредственное участие в осуществлении преступных замыслов гитлеровской партии. Признаете себя в этом виновным?

Ответ: Я признаю, что в период 1931—1933 гг. проводил национал-социалистическую пропаганду, выступал против демократических элементов в стране и, тем самым, способствовал приходу к власти Гитлера.

Работая по заданию партии и в «Опекунском совете по экономическому просвещению народа», я далее содействовал претворению в жизнь фашистской расовой теории, на практике означавшей подавление демократических сил, истребление еврейского населения, ненависть к народам негерманской нации.

Находясь на дипломатической работе, проводил преступную политику Гитлера, направленную на развязывание агрессивных войн против демократических государств. Во всех этих преступлениях я признаю себя виновным.

Протокол допроса записан с моих слов верно, зачитан мне в переводе на немецкий язык.

РОДДЕ

Допросил: ст[арший] оперуполн[омоченный] 2 отд[еления] 4 отдела 3 Гл[авного] управления МГБ СССР капитан СОЛОВОВ

ЦА ФСБ России. Д. Н-19711. Л. 50—60. Подлинник. Машинопись. Автограф.

Посланник Эрих Цехлин

№ 132
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА ПОСЛАННИКА Э. ЦЕХЛИНА

2 августа 1945 г.
Москва

Протокол допроса

Цехлина Эриха, 1883 г[ода] р[ождения], уроженца гор. Шифельбайн (Померания), немца, из семьи служащего, с высшим образованием, не судимого, женатого, с 1941 г. по сентябрь 1944 года являвшегося 2-м посланником в гор. Хельсинки (Финляндия).

Вопрос: С какого времени и в качестве кого вы работали в Министерстве иностранных дел Германии до назначения вас на должность генерального консула в г. Ленинград?

Ответ: В Министерстве иностранных дел Германии я работал с 1919 года, вначале референтом, а затем руководителем секции по польским вопро-

сам. Эту должность я занимал до 1928 года, т.е. вплоть до назначения меня генеральным консулом в г. Ленинград.

Вопрос: Почему именно вас, специалиста по польским вопросам, назначили генконсулом в Ленинград?

Ответ: Какими соображениями было вызвано мое назначение на эту должность, мне неизвестно.

Вопрос: Чем вы занимались до поступления на службу в Министерство иностранных дел?

Ответ: По окончании университета я с 1907 г. по 1910 г. работал аспирантом Государственного секретного архива в гор. Берлин, затем работал 4 года аспирантом и ассистентом Государственного архива в гор. Познань. С 1916 года до поступления на службу в Министерство иностранных дел был референтом по польскому вопросу при военном управлении по оккупации Прибалтики.

Вопрос: Какие задачи были поставлены перед вами при назначении вас на должность генконсула в Ленинград?

Ответ: Задачи и соответственная затем деятельность консульства в Ленинграде состояли в основном из следующего: защита интересов германских подданных, выдача виз на въезд в Германию, налаживание и развитие культурных связей с Германией и информация Министерства иностранных дел о состоянии промышленности и сельского хозяйства Ленинграда и Ленинградской области.

Вопрос: Какими источниками информации пользовалось консульство для получения интересующей вас информации?

Ответ: Сводки с информацией, отсылаемые в Министерство иностранных дел, составлялись по материалам прессы и личным наблюдениям. Другими источниками информации консульство не пользовалось.

Вопрос: Кто из сотрудников консульства занимался сбором секретной информации?

Ответ: Сбором секретной информации кто-либо из сотрудников возглавляемого мною консульства не занимался. Во всяком случае, мне это не было известно.

Вопрос: До какого времени вы являлись генеральным консулом в Ленинграде и куда вы затем были переведены?

Ответ: В Ленинграде я оставался до 1933 года, затем получил назначение в качестве консула в гор. Каунас.

Вопрос: Сколько лет вы работали посланником в Литве?

Ответ: Посланником в Литве я был до момента, когда Литва вошла в состав Советского Союза, а затем в 1941 году был назначен в германское посольство в Финляндию на должность второго посланника.

Вопрос: Какие задачи перед вами поставлены при назначении в Литву?

Ответ: Задачи передо мной были поставлены те же, что и при назначении меня генконсулом в Ленинград, т.е. обычные задачи любого посольства.

Вопрос: К периоду вашей дипломатической работы в Литве относится приход к власти фашистов в Германии. Какие в связи с этим новые задачи были поставлены перед вами?

Ответ: Никаких изменений в дипломатической деятельности посольства не произошло.

Вопрос: Вы получали впоследствии специальные задания по линии НСДАП, бюро Риббентропа или других организаций?

Ответ: Нет, никаких других заданий, кроме указанных мною выше, посольство не выполняло.

Вопрос: Какую и по заданию кого посольство вело работу среди немцев, проживающих в Литве?

Ответ: Посольство в Литве заданий на проведение какой-либо работы среди немцев не имело и не проводило.

Вопрос: Ваш ответ не соответствует действительности. Подрывная работа фашистов в Прибалтике общеизвестна, но вы не желаете дать правдивые показания?

Ответ: Я не отрицаю, что такая работа проводилась, но утверждаю, что посольство этим не занималось. С лицами, занимавшимися фашистской пропагандой, я не знаком.

Вопрос: Какие функции вы выполняли, будучи вторым посланником в гор. Хельсинки?

Ответ: Будучи вторым посланником в гор. Хельсинки, я вел наблюдение за работой: консульского культурно-политического и паспортного отделений.

Вопрос: Какие меры вами предпринимались в целях удержания Финляндии в состоянии военных действий против Советского Союза?

Ответ: Никаких мер в этом отношении лично мной не предпринималось, и заданий на этот счет я не имел.

Вопрос: Вы не хотите говорить правду. Следствию известно, что такого рода задания германское посольство в Финляндии имело и всячески старалось его выполнить. Вы будете об этом показывать?

Ответ: Кроме меня, в Финляндии, в гор. Хельсинки, имелся первый посланник — Блюхер, который имел более тесное общение как с Министерством иностранных дел в Финляндии, так и с правительственными кругами Финляндии, а поэтому такого рода вопросы находились непосредственно в его компетенции. Я же абсолютно никакого отношения к этому не имел.

Протокол с моих слов записан верно и мне прочитан на понятном мне немецком языке

ЦЕХЛИН

Допросил: сотрудник 2 отдела ГУКР «Смерш» майор ЛАВРЕНТЬЕВ

ЦА ФСБ России. Н-18500. Л. 10—13. Подлинник. Машинопись. Автограф.

№ 133
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА ПОСЛАННИКА Э. ЦЕХЛИНА

27 сентября 1945 г.
Москва

Стенограмма

Цехлин Э., 1883 г[ода] рождения, уроженец гор. Шифельбайн (Померания), немец, с высшим образованием. До задержания работал вторым посланником Германии в Финляндии.

Допрос начат в 11 ч. 15 м.
—"— окончен в 14 ч. 45 м.

Вопрос: С какого времени вы являлись сотрудником германского Министерства иностранных дел?

Ответ: В Министерстве иностранных дел Германии я работал с 1919 по 1928 года вначале референтом, а затем руководителем секции по польским вопросам.

Вопрос: Где вы служили до поступления в Министерство иностранных дел?

Ответ: По окончании университета с 1907 по 1909 гг. я был аспирантом государственного секретного архива в Берлине. Затем четыре года работал аспирантом государственного архива в гор. Познань. С 1916 года, до поступления на службу в Министерство иностранных дел, я был референтом по польским вопросам при военном немецком управлении по оккупации Прибалтики.

Вопрос: На какую службу в 1928 году вы были назначены?

Ответ: В 1928 году я был назначен генеральным консулом в Ленинграде.

Вопрос: Непонятно, почему вас, руководителя польской секции в германском Министерстве иностранных дел, назначили на дипломатическую службу в СССР?

Ответ: Соображения, какими руководствовалось германское Министерство иностранных дел при моем назначении в Ленинград, мне неизвестны.

Вопрос: Расскажите о задачах, поставленных перед вами при назначении на должность германского генерального консула в Ленинграде?

Ответ: Задача генерального консульств, в основном, сводилась к защите интересов германских подданных, проживающих в Ленинграде и Ленинградской области; выдаче виз на въезд в Германию и развитие культурных связей Советского Союза с Германией.

Вопрос: А каковы были неофициальные функции генерального консульства в Ленинграде. Предлагаем вам на следствии показывать только правду.

Ответ: Я не хочу скрывать от следствия ничего. Состав германского генерального консульства в Ленинграде занимался сбором политических и экономических информаций.

Вопрос: Расскажите подробно о характере информации, собираемой чиновниками генерального консульства в Ленинграде?

Ответ: Чиновники германского генерального консульства в Ленинграде и я лично собирали различную информацию о политической жизни в Ленинграде, а также собирали данные экономического характера. 1930 год был периодом бурного развития социалистической промышленности в Ленинграде, и мы проявляли особый интерес к строительству фабрик и заводов в Ленинграде, выполнению промфинплана по отдельным отраслям промышленности, вопросам организации труда и трудовой дисциплины на производстве.

Мы регулярно информировали германское Министерство иностранных дел о выполнении пятилетнего плана поквартально или за полугодие. Особенно нас интересовали новые методы в работе промышленности, а также различные недостатки в работе промышленных предприятий. Мы обращали внимание на текучесть рабочей силы, собирая материалы по этому вопросу, а также добывали сведения о недоброкачественной продукции, вырабатываемой отдельными предприятиями.

Кроме того, сотрудники консульства собирали сведения по вопросам сельского хозяйства в Ленинградской области.

Должен сказать, что круг вопросов в области сельского хозяйства был более узок, чем в промышленности. Сведения собирались, главным образом, о новых формах социалистического хозяйства; подытоживались цифры о производимой продукции, об урожайности и т.д.

Консульство также ставило перед собой задачу сообщать в Берлин не только сведения экономического характера, но и политического.

Вопрос: Какие именно?

Ответ: Основную политическую информацию собирало немецкое посольство в Москве. Германское же консульство в Ленинграде, главным образом, интересовалось партийной и политической жизнью Ленинграда. Мы всегда посылали в Берлин отчеты о каких-либо событиях в партийной жизни Ленинграда. Например, сообщалось о всех выступлениях секретаря Ленинградского комитета ВКП(б) Кирова.

Помимо этого мы собирали сведения также и другого характера, а именно: интересовались вопросом организации детских садов, общественного питания, постановкой здравоохранения в Ленинграде, вопросами образования, советского киноискусства, театральной жизнью Ленинграда. По всем этим вопросам мы также информировали Берлин.

Вопрос: Какими источниками информации пользовалось консульство?

Ответ: Основным источником получения информации являлась обработка прессы, издаваемой в Ленинграде, а также личное наблюдение сотрудников консульства за происходящими событиями и беседами с советскими гражданами. Информацию мы также получали от немецких ино-специалистов, работавших на ленинградских предприятиях.

Вопрос: Кто непосредственно в консульстве ведал обработкой всех этих материалов?

Ответ: В большинстве случаев эти материалы обрабатывал вице-консул Графенштен, сотрудники Штельцер и Пфляйдерер.

Вопрос: Куда вы направляли полученную информацию?

Ответ: Собранная нами информация дипломатической почтой через немецкое посольство в Москве направлялась в германское Министерство иностранных дел в Берлине.

Вопрос: С кем лично из советских граждан вы были знакомы и от кого получали информацию?

Ответ: Я поддерживал знакомство со многими гражданами, проживающими в Ленинграде, главным образом с представителями науки и искусства.

Вопрос: Назовите их.

Ответ: Я был знаком с учеными: Тарле, Комаровым, Карпинским, Вавиловым, Иоффе и Марр; с писателем Алексеем Толстым; с артистами: Радловым[I], Юрьевым[II], Люком[III] и дирижером Гаук[IV].

Вопрос: Какого характера были отношения с вышеназванными лицами?

Ответ: Никаких разговоров на политические темы я с ними не вел. При встречах мы обычно беседовали на отвлеченные темы или же разговор велся о литературе, искусстве, о новых театральных постановках. Я никогда не использовал свое знакомство с названными лицами для получения информации.

Вопрос: Когда вы познакомились с Радловым?

Ответ: Я не могу точно вспомнить время нашего знакомства с Радловым, но мне кажется, что я познакомился с ним в здании консульства, куда

[I] Речь идет о русском советском режиссере и драматурге Сергее Эрнестовиче Радлове.

[II] Речь идет о русском советском актере Юрии Михайловиче Юрьеве.

[III] Речь идет о русской советской балерине и педагоге Елене Михайловне Люком.

[IV] Речь идет о русском советском дирижере и композиторе Александре Васильевиче Гауке.

он пришел для встречи со знакомыми ему немецкими музыкантами, прибывшими из Германии.

Вопрос: Как часто Радлов посещал немецкое консульство?

Ответ: Радлов посещал немецкое консульство всего два-три раза.

Вопрос: С какой целью?

Ответ: Радлов появлялся в немецком консульстве обычно во время приемов в большом обществе.

Вопрос: А кто вам известен из агентов немецкой разведки в Ленинграде?

Ответ: Агентов немецкой разведки в Ленинграде я не знаю.

Вопрос: До какого времени вы работали в Ленинграде?

Ответ: В январе 1933 года по распоряжению германского Министерства иностранных дел из Ленинграда я был отозван и назначен посланником в Литву.

Вопрос: В Литве вы также занимались сбором политической и экономической информации?

Ответ: Да, в Литве сотрудники посольства также занимались сбором, главным образом, политической информации. Нужно сказать, что в бытность мою посланником в Литве отношения Германии с Литвой были очень напряженными, и поэтому нашей первоочередной задачей являлась постоянная информация германского правительства о происходивших событиях в Литве.

Мы интересовались отношениями литовских правительственных кругов в Германии, взаимоотношениями прибалтийских государств, польско-литовскими отношениями и советско-литовскими отношениями.

После прихода Гитлера к власти при литовском правительстве была создана специальная комиссия по установлению дружественных отношений между Германией и Литвой, куда входили немецкие и литовские чиновники, в том числе и я — Цехлин.

Нужно сказать, что в самом литовском правительстве происходила сильная борьба двух течений. Часть министров и крупных правительственных чиновников во главе с президентом Сметона была настроена германофильски. Другая же часть — являлись сторонниками сближения Литвы с Советским Союзом. С 1939 года влияние Советского Союза все больше и больше усиливается, и все наши стремления и попытки закрепить немецкое влияние в Литве закончились неудачно в связи с известными событиями 1940 года.

Вопрос: Следствию известно, что вы, будучи посланником в Литве, финансировали националистическую и разведывательную работу, проводимую немецкой организацией, так называемой «Культур-фербанд»?

Ответ: «Культур-фербанд» получал денежные суммы от германского Министерства иностранных дел через посольство в Каунасе. О том, что «Культур-фербанд» организовывал шпионскую работу в Литве, мне неизвестно.

Вопрос: После установления советской власти в Литве вы оставались в Каунасе до 1941 года. Чем это было вызвано?

Ответ: После присоединения Литвы к Советскому Союзу я не получил распоряжение выехать в Берлин и оставался в Каунасе до 1941 года.

Вопрос: Чем вы занимались в этот период времени?

Ответ: Я являлся членом смешанной советско-германской комиссии по репатриации лиц немецкой национальности в Германию и лиц русской национальности из Германии в Советский Союз.

Вопрос: Когда и куда вы выехали из Литвы?

Ответ: В марте 1941 года я выехал в Берлин, где получил назначение на должность второго посланника в Финляндии.

Вопрос: Когда вы выехали в Финляндию?

Ответ: В конце мая 1941 года я выехал в Хельсинки.

Вопрос: Какова была ваша личная роль в привлечении Финляндии на сторону Германии для участия в войне с Советским Союзом?

Ответ: К моему приезду в Хельсинки Финляндия уже заключила военное соглашение с Германией и полностью включилась в орбиту германской политики.

Как мне рассказывали в Хельсинки, согласно этого соглашения, тайно заключенному в немецком Генеральном штабе, Финляндия обязывалась вступить в войну против Советского Союза.

Вопрос: Кто участвовал с финской стороны в заключении этого соглашения?

Ответ: Со слов первого посла Германии в Финляндии, фон Блюхера, мне известно, что с финской стороны соглашение было подписано генералом Гаунрихс[I]. Затем в 1941 году последовала целая серия различных соглашений военно-экономического характера. Было заключено соглашение о пропуске немецких солдат и офицеров через территорию Финляндии; были заключены торговые соглашения, и Финляндия подчинилась Германии политически, экономически, а также и в военном отношении.

Вопрос: На предыдущем допросе вы заявили о своем желании рассказать о попытке немцев установить в Финляндии полную фашистскую диктатуру. Покажите об этом.

Ответ: В 1943 году, когда военное положение Германии было неопределенным, в Берлине стало известно о попытках заключения перемирия Финляндии с Советским Союзом. Как мне рассказал Блюхер, в Берлине правящие круги Германии выражали недовольство политикой правительства Ланкомиеса—Рамсая[II]. В этой связи из Берлина в немецкое посольство в Хельсинки поступила шифрованная телеграмма с запросом о необходимости организации переворота в Финляндии и установления фашистского правительства. Посольство сообщило в ответ, что фашистская партия в Финляндии «ИКЛ» очень слабая и в данное время политическая ситуация неблагоприятная для путча.

Позднее, а именно весной 1944 года, в Хельсинки прибыл Риббентроп и поставил перед Блюхером вопрос о необходимости создания нового фашистского правительства в Финляндии. Блюхер доказал Риббентропу невозможность осуществления этого плана вследствие слабости фашистской партии «ИКЛ».

Вопрос: Кто из финских деятелей предназначался для участия в фашистском правительстве?

Ответ: Лично я с Риббентропом не беседовал об этом и знаю это со слов посла фон Блюхера. Как мне говорил Блюхер, конкретного плана путча не было и вопрос решался только лишь в принципе.

Вопрос: Что вам известно о деятельности германской разведки с территории Финляндии против Советского Союза?

[I] Так в документе, речь идет о финском военном деятеле Акселе Эрике Хайнрихсе.

[II] Речь идет о кабинете министров Финляндии, возглавлявшемся Эдвином Йоханом Хильдегардом Линкомиесом. Карл Хенрик Рамсай являлся министром иностранных дел.

Ответ: Центром шпионской работы в Финляндии было так называемое «Бюро Целариус», возглавляемое немецким капитаном Целариус.

Вопрос: Откуда вам это известно о разведывательной работе «Бюро Целариус» в Финляндии?

Ответ: О том, что «Бюро Целариус» проводит шпионскую работу, я знал со слов Блюхера. Подробности же о его шпионской деятельности я не знаю.

Вопрос: Какую лично вы шпионскую работу проводили в Финляндии против Советского Союза?

Ответ: Шпионской работы в Финляндии я не проводил.

Протокол записан с моих слов на родном немецком языке правильно, мною прочитан.

ЦЕХЛИН

Допросил: зам[еститель] нач[альника] 4 от[деле]ния XI отд[ела] 2 Управл[ения] НКГБ СССР майор ЛАВРЕНТЬЕВ

ЦА ФСБ России. Н-18500. Л. 10—24. Подлинник. Машинопись. Автограф.

№ 134
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА ПОСЛАННИКА Э. ЦЕХЛИНА

27 ноября 1945 г.
Москва

Цехлин Эрих, 1883 года рождения, уроженец гор. Шифельбайн (Померания), немец, до задержания — 2-й посланник Германии в Финляндии.

Допрос начат в 13 ч. 05 м.
Допрос оконч[ен] в 17 ч. 10 м.

Вопрос: 31 октября 1945 года вы показали, что, будучи немецким генеральным консулом в Ленинграде, вы собирали так называемые «пивные вечера». Покажите об этом подробно.

Ответ: В Ленинграде, так же и во всех других городах за границей, в помещении германского генерального консульства устраивались так называемые «пивные вечера». Эти «пивные вечера» происходили в Ленинграде в первый понедельник или вторник каждого месяца, и их могли посещать все желающие немцы, подданные Германии.

Вопрос: На какие средства устраивались «пивные вечера»?

Ответ: Каждый немец, посетивший «пивной вечер», расходовал свои деньги.

Вопрос: Какое количество лиц посещало «пивные вечера» в немецком генеральном консульстве в Ленинграде?

Ответ: До 30—40 человек.

Вопрос: Назовите их фамилии?

Ответ: Я сейчас вспоминаю только некоторые фамилии. Помню, что «пивные вечера» посещали: Арент, Баэр, Мюллер. На «пивные вечера» приходили многие немецкие специалисты, работавшие в то время на заводах и фабриках в г. Ленинграде, но их фамилии я вспомнить не могу.

Вопрос: С какой целью устраивались «пивные вечера» в немецком генеральном консульстве в Ленинграде?

Ответ: С той целью, чтобы немецкие подданные один раз в месяц были все вместе.

Вопрос: Для чего это было необходимо?

Ответ: Чтобы немецкие подданные не оказались в Ленинграде одинокими и имели бы возможность общаться друг с другом.

Вопрос: Вы даете наивные и неправдивые показания. Требуем показать правду, для чего вы устраивали «пивные вечера»?

Ответ: По этому вопросу я показал правду.

Вопрос: Покажите о характере разговоров, проводившихся на «пивных вечерах» в немецком генеральном консульстве в Ленинграде?

Ответ: На «пивных вечерах» в немецком генеральном консульстве в Ленинграде вели разговоры о бытовых условиях жизни немецких подданных в Ленинграде, об условиях труда и зарплаты немецких специалистов, работавших на ленинградских фабриках и заводах.

Вопрос: Еще какие вели разговоры?

Ответ: В разговорах на «пивных вечерах» затрагивались также вопросы о темпах работы в ленинградской промышленности, вопросы брака продукции, текучести рабочей силы и другие вопросы, актуальные в то время для ленинградской промышленности, о которых очень много писалось в ленинградской прессе.

Вопрос: На политические темы велись разговоры?

Ответ: Я не помню, чтобы велись разговоры на темы о советской политике.

Вопрос: Какие разговоры велись на «пивных вечерах» о технике и производстве военной продукции на ленинградских заводах?

Ответ: Лично я на «пивных вечерах» не вел разговоры о технике и военной продукции на ленинградских заводах, т.к. я в этих вопросах ничего не понимаю.

Вопрос: Как вы использовали «пивные вечера» для сбора необходимых вам сведений, помещаемых в экономическую и политическую информацию для германского правительства?

Ответ: Для этой цели «пивные вечера» не использовались, а использовалась только лишь официальная советская пресса.

Вопрос: Вы говорите неправду. Следствие располагает материалами о проведении вами шпионской работы в гор. Ленинграде. Предлагаем приступить к правдивым показаниям.

Ответ: Шпионскую работу в Ленинграде я не проводил.

Вопрос: Вы показали, что «пивные вечера» в Ленинграде, устраиваемые в германском генеральном консульстве, посещали: Арент, Баэр и Мюллер. Что это за люди?

Ответ: Арент — это быв[ший] владелец какой-то деревообделочной фабрики в Ленинграде, немецкий подданный. В 1932 году ему было лет 65, где он проживал, я не знаю.

Баэр имел какую-то мастерскую в Ленинграде, немецкий подданный, в 1932 году Баэру было примерно лет 55, где он проживал, я не знаю, вспоминаю, что как будто бы выехал в Германию.

Мюллер — торговец, в 1932 году ему было лет 45—50, Мюллер был арестован органами ОГПУ и, в результате моего ходатайства, из-под стражи был освобожден как немецкий подданный, после чего уехал в Германию.

Вопрос: За какие преступления был арестован органами ОГПУ Мюллер?

Ответ: Причина ареста Мюллера мне точно неизвестна.

Вопрос: Кто еще из знакомых вам немцев был арестован в Ленинграде органами ОГПУ?

Ответ: Этого я не знаю.

Вопрос: Фамилия Мальгрен[1] вам известна?

Ответ: Да, известна.

Вопрос: Кто он такой и откуда вы его знаете?

Ответ: Мальгрен — это пастор. В связи со смертью одного из сотрудников немецкого генерального консульства в Ленинграде Мальгрен был приглашен на панихиду в генеральное консульство, где я с ним познакомился.

Вопрос: Мальгрен арестовывался органами НКВД?

Ответ: Я этого не помню.

С моих слов записано правильно и переведено с русского на немецкий язык.

ЦЕХЛИН

Допросил: зам[еститель] нач[альника] 4 от[еле]ния XI отд[ела] 2 Управл[ения] НКГБ СССР майор Е. ЦВЕТАЕВ

ЦА ФСБ России. Н-18500. Л. 35—36об. Подлинник. Рукопись. Автограф.

№ 135
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА ПОСЛАННИКА Э. ЦЕХЛИНА

20 декабря 1945 г.
Москва

Стенограмма

Цехлин Э., 1883 г[ода] рождения, уроженец гор. Шифельбайн (Померания), немец, с высшим образованием; до задержания работал вторым посланником Германии в Финляндии.

Допрос начат в 12 ч. 25 м.
Допрос оконч[ен] в 15 ч. 15 м.

Вопрос: Ранее на следствии вы показали, что по окончании университета в 1907 году вы до 1909 г. работали аспирантом в Государственном секретном архиве в Берлине, а затем — аспирантом Государственного архива в Познани. Уточните свои показания по этому вопросу?

Ответ: Берлинский университет, — как я показал на допросе 27-го октября т.г., я окончил в 1907 г., после чего до 1909 г. работал аспирантом в Берлинском государственном секретном архиве. С 1909 г. по 1913 г. работал в Государственном архиве гор. Данцига. Затем я выехал в Познанский архив, где проработал до 1916 г. включительно.

Вопрос: Разве вы не призывались в немецкую армию в первую мировую войну?

Ответ: В немецкую армию я призывался в 1915 г., но медицинской комиссией был признан годным для службы в тыловых частях армии. Тем не менее я был оставлен в архиве, где работал до 1916 года включительно.

---

[1] Так в документе, речь идет об Артуре Леопольде Мальмгрене.

В конце 1916 г., по требованию административного управления при командовании Восточным фронтом, я был послан в гор. Ковно в качестве государственного советника для проведения статистики и учета помещичьих и крестьянских земель с тем, чтобы эти земли передать немцам, которых германское правительство намеревалось переселить в Прибалтийские страны.

Мною была составлена статистика, после чего я вплоть до революции в России в 1918 г., находился в Вильно, а затем выехал в Берлин.

Вопрос: Вы показали, что в гор. Берлине вы работали в секретном государственном архиве. Покажите, что это за секретный архив?

Ответ: Берлинский архив, где я работал, имел все исторические материалы прусского государства и его деятелей, также договора с иностранными державами и акты дипломатической практики ряда веков, вплоть до 19-го столетия.

Вопрос: В Берлинском секретном архиве находились также и документы разведывательного порядка?

Ответ: Я допускаю, что в этом архиве находились документы о разведывательной деятельности прусского государства, но я их не читал. Я работал над материалами дипломатической практики и истории дипломатии вообще.

Вопрос: Выше вы показали, что не принимали участия в составе немецкой армии в 1914—1918 гг.?

Ответ: Да, действительно, в действующей немецкой армии в 1914—1918 гг. не был.

Вопрос: Следствие располагает данными о том, что вы находились на фронте в первую мировую войну и в 1914—1918 гг. в Ковно были военным комендантом. Вы это подтверждаете?

Ответ: Нет, комендантом в гор. Ковно я не был. Будучи в Ковно государственным советником, как я показал выше, я носил форму, которая была похожа на военную форму, приближенную к чину капитана или майора.

Вопрос: Чем вы занимались по приезде из Литвы в Германию в 1918 г.?

Ответ: По возвращении в Берлин я работал экспертом в комиссии при Министерстве иностранных дел по подготовке материалов для мирных переговоров, которые должны были вестись со странами Антанты. Все собранные комиссией материалы были переданы представителями нашей страны для участия в указанных переговорах. В 1920 г. я перешел на работу в Министерство иностранных дел, где до 1928 г. работал в польской секции. Затем в 1928 г. был послан в качестве генерального консула в гор. Ленинград.

Вопрос: Сколько времени вы работали в качестве генерального консула в Ленинграде?

Ответ: В Ленинграде я работал с 1928 г. по январь 1933 г.

Вопрос: Будучи генеральным консулом в Ленинграде, какие города Советского Союза вы посещали?

Ответ: Летом 1929 г. я выезжал в Донецкий бассейн — в г.г. Сталино и Макеевку, где знакомился с металлургической промышленностью. После посещения Сталино и Макеевки (посетил <нрзб> с разрешения органов НКВД) я выехал на Кавказ — был там в г.г. Владикавказе, Тифлисе, Баку, Батуми, затем Крым — г.г. Ялта, Севастополь и в Одессу. На обратном пути я заехал в германское посольство в Москве.

Вопрос: Вы информировали ответственных сотрудников посольства о том, что вы видели в Донбассе, Крыму и на Кавказе?

Ответ: Да, в разговоре с послом я изложил, что я видел при посещении мною Сталино и Макеевки, а также о Военно-грузинской дороге и вообще

о городах Крыма и Кавказа. В 1931 году, с разрешения органов ОГПУ, я ездил в Республику немцев Поволжья, в частности — г.г. Энгельс и Марксштадт. Кроме того, был в Саратове.

Вопрос: С какой целью вы посещали указанные вами города Советского Союза?

Ответ: С целью ознакомления и только.

Вопрос: Следствие располагает данными о том, что вы, будучи консулом в Ленинграде, проводили на протяжении ряда лет шпионскую работу и в этой связи посетили ряд городов Советского Союза. Почему вы не рассказываете об этом следствию?

Ответ: Будучи консулом в Ленинграде, я разведывательной работы не проводил, и в этой части дополнить свои показания ничем не имею.

Вопрос: Когда вы выехали из Ленинграда?

Ответ: В начале января 1933 года.

Вопрос: Где вы затем работали?

Ответ: По приезде в Германию Министерством иностранных дел я был назначен посланником в Литву, где работал до марта 1941 года.

Вопрос: С кем из государственных деятелей Литвы вы были знакомы?

Ответ: Работая в 1918 г. в Ковно в качестве государственного советника, я познакомился со Сметона[I] (впоследствии президент Литвы), Шаулис[II] (впоследствии посол Литвы в Германии), Климас[III] (также впоследствии работал послом Литвы во Франции) и премьер-министром Миронас[IV], а также рядом других членов литовского правительства, фамилии которых я сейчас не помню.

Вопрос: Когда Германия объявила войну Польше, в 1939 г., вы находились в Литве?

Ответ: Да.

Вопрос: Как ставился тогда гитлеровским правительством вопрос о Литве?

Ответ: 10—11 сентября 1939 г. я получил из Берлина телеграмму, в которой мне предлагалось переговорить с литовским правительством о том, чтобы Литва вместе с Германией выступила против Польши.

В этой связи я посетил премьер-министра генерала Черниус[V] и передал предложение немецкого правительства. Последний мне заявил, что ответ будет дан через несколько дней. Действительно, через несколько дней мне сообщили о том, что в войну с Польшей на стороне Германии Литва не хочет вступать и остается нейтральной.

Вопрос: В связи с военными действиями между Германией и Польшей как ставился вопрос о Советском Союзе?

Ответ: Насколько мне известно, в 1939 г. вопрос о войне с Советским Союзом не ставился.

Вопрос: В то время вы часто встречались с Риббентропом?

Ответ: С Риббентропом я встретился в Берлине в марте 1939 г., когда Мемельская область была отторгнута от Литвы, и второй раз — в 1944 г. в Гельсингфорсе.

Вопрос: Чем вы занимались, будучи в Литве, когда последняя в 1940 г. присоединилась к Советскому Союзу?

[I] Речь идет о литовском государственном деятеле Анастасе Сметоне.

[II] Речь идет о литовском политическом деятеле и дипломате Юргисе Шаулисе.

[III] Речь идет о литовском дипломате и историке Пятрасе Климасе.

[IV] Речь идет о литовском государственном и религиозном деятеле Владасе Миронасе.

[V] Речь идет о литовском государственном и военном деятеле Йонасе Черниусе.

Ответ: В 1940 г. посольство как таковое прекратило существовать, я же, как посланник, остался членом комиссии по репатриации литовских немцев в Германию.

Вопрос: Являясь членом комиссии по репатриации прибалтийских немцев, вы занимались вербовкой агентов для работы против СССР. Намерены ли вы дать следствию показания по этому вопросу?

Ответ: Я этой работы не проводил и не знал, кто занимался вербовкой и оставлением в Прибалтике лиц для разведывательной работы против СССР.

Вопрос: Когда вы выехали из Литвы?

Ответ: В марте 1941 года.

Вопрос: В связи с чем?

Ответ: В связи с тем, что закончилась репатриация немцев из Литвы. Нужно сказать, что уже по приезде из Каунаса в Берлин, в Министерство иностранных дел, от ряда лиц я узнал, что Германия готовится к войне против Советского Союза.

Вопрос: Чем вы занимались по приезде в Германию?

Ответ: Вначале я нигде не работал, и по поручению Министерства иностранных дел в апреле 1941 г. выехал в Москву со списками арестованных немцев, находившихся под следствием в СССР, с тем, чтобы информировать посольство об арестованных и освобождении из-под стражи. Пробыв дней 10 в Москве, я выехал в Берлин.

Тогда в разговоре с послом Шуленбург я поставил его в известность о том, что германское правительство готовится к войне против Советского Союза. Шуленбург заявил, что ему об этом известно.

С моих слов записано правильно и переведено с русского на немецкий язык.

ЦЕХЛИН

Допросил: ст[арший] следователь XI отд[ела] 2 Управления НКГБ СССР майор КОНОПЛЕВ

Переводчица 2 Упр[авления] <нрзб> [НКГБ СССР] лейтенант АНДРЕЕВА

ЦА ФСБ России. Н-18500. Л. 37—39. Подлинник. Машинопись. Автограф.

№ 136
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА ПОСЛАННИКА Э. ЦЕХЛИНА

4 февраля 1946 г.
Москва

Допрос начат в 11 ч. 00 м.
—"— оконч[ен] в 17 ч. 00 м.

Цехлин Э., 1883 г[ода] рождения, урож[енец] гор. Шифельбайн (Померания), немец, с высшим образованием; до задержания работал вторым посланником Германии в Финляндии.

Вопрос: По приезде из Москвы в Берлин в апреле 1941 года где вы работали в Германии?

Ответ: По приезде из Москвы я получил отпуск и выехал на курорт в гор. Локарно в Швейцарию, где пробыл примерно до 25 мая 1941 года. После возвращения из курорта я зашел в Министерство иностранных дел. Зам[еститель] начальника Личного отдела министерства — Бергман сообщил мне, что я назначен вторым посланником в Финляндию, куда незамедлительно должен и выехать. Поэтому в конце мая 1941 г. я выехал в Хельсинки.

Вопрос: С кем вы выехали в Хельсинки?

Ответ: Один, так как по линии Министерства иностранных дел никто, кроме меня, в Хельсинки не направлялся.

Вопрос: Чем было вызвано ваше направление в качестве второго посланника в Хельсинки?

Ответ: Для усиления посольства в Финляндии.

Вопрос: Какую вы конкретно выполняли работу, будучи вторым посланником в Финляндии?

Ответ: В посольстве я руководил культурно-политическим отделением, а также контролировал работу консульского и паспортного отделов.

Вопрос: Покажите, чем занимались названные вами отделения в германском посольстве в Финляндии?

Ответ: Культурно-политическое отделение посольства в Финляндии до 1943 года занималось организацией докладов об экономике, политике фашистской Германии, а также устраивались и научные доклады.

Докладчики по всем вопросам приглашались из Германии. Следует подчеркнуть, что для усиления фашистской пропаганды в 1942 году в Министерстве иностранных дел в Германии было организовано отделение, которое возглавил один из руководителей СС — Зик (фамилия — не точно). Указанное отделение присылало в Финляндию (посольство) всевозможные фашистско-пропагандистского характера брошюры для распространения их среди финского населения, что и делало указанное мною культурно-политическое отделение.

Паспортное отделение занималось выдачей паспортов немцам германского подданства, живущим в Финляндии, и давало визы на въезд в Германию как немцам, так и финнам после санкции Берлина. Консульское отделение ведало защитой прав немцев в Финляндии.

Вопрос: Следовательно, по заданию Министерства иностранных дел вы в Финляндии, будучи вторым посланником, проводили фашистскую пропаганду?

Ответ: Да, это я подтверждаю, ибо я не мог не выполнять задание германского Министерства иностранных дел. Однако следует добавить, что пропагандой в Финляндии занимался не только я, но и референт посольства — фон Унгерн-Штернберг[1], а также первый посланник — Блюхер, которые имели больше причастности к пропаганде.

Вопрос: Выше вы показали, что в посольстве в Финляндии вы осуществляли контроль за работой паспортного отделения. Это соответствует действительности?

Ответ: Нет, вышеизложенные мои показания о том, что, якобы, я осуществлял контроль над паспортным отделением посольства в Финляндии, не соответствует действительности. Правильно будет то, что я являлся руководителем указанного отделения.

Вопрос: На допросе 27 сентября 1945 года вы показали, что в Финляндии разведывательную работу возглавлял капитан Целариус. Вы были знакомы с Целариус?

[1] Речь идет о немецком дипломате Рейнхольде Ренуальде фон Унгерн-Штернберге.

Ответ: Да, Целариус я знал и встречался с ним в посольстве несколько раз в год.

Вопрос: Когда вы познакомились с Целариус?

Ответ: Познакомился я с Целариус несколько месяцев спустя, по приезде в Хельсинки в 1941 году.

Вопрос: До какого года вы поддерживали связь с Целариус?

Ответ: До сентября 1944 года, т.е. до ликвидации германского посольства в Хельсинки в связи с разрывом дипломатических отношений Германии с Финляндией. Правда, перед моим отъездом их Хельсинки в Стокгольм я некоторое время Целариус не видел.

Вопрос: Кроме немецких подданных, кому вы еще выдавали паспорта, будучи руководителем паспортного отделения германского посольства в Финляндии?

Ответ: Кроме немецких подданных, по линии посольства я никому паспортов не выдавал.

Вопрос: Откуда вы получали паспорта?

Ответ: Из Берлина.

Вопрос: Уже заполненные бланки паспортов?

Ответ: Для сотрудников посольства из Берлина нам в Финляндию присылали заполненные бланки — паспорта, а для остальных немецких служащих — незаполненные, чистые бланки.

Вопрос: Как часто вами выдавались в германском посольстве в Финляндии паспорта немцев?

Ответ: Паспорта мною выдавались в германском посольстве в Финляндии не чаще пяти-шести раз в год.

Вопрос: Сколько сотрудников работало в паспортном отделении посольства?

Ответ: Не больше как три-четыре человека.

Вопрос: Вы также выдавали паспорта и тем лицам, которые забрасывались на территорию Советского Союза для разведывательных целей?

Ответ: Для заброски в Советский Союз я паспортов никому не выдавал, так как к разведке никакого отношения не имел. Я допускаю, что Целариус занимался выдачей паспортов и переброской в СССР лиц для разведывательной работы, однако, это лишь мое предположение.

Вопрос: На протяжении ряда лет вы проводили разведывательную работу против Советского Союза как в Ленинграде, так и в Литве и в Финляндии. Вы намерены сейчас давать правдивые показания об этом?

Ответ: Я могу только повторить то, что разведывательной работы против СССР никогда не проводил.

Вопрос: Вы показывали, что паспортное отделение в Финляндии выдавало не больше пять-шесть паспортов в год, а между тем в указанном отделении работало три-четыре сотрудника. Чем занимались эти люди?

Ответ: Сотрудники, работающие в паспортном отделении, занимались не только выдачей паспортов, но и разбором заявлений, которые поступали от лиц, не могущих выехать в Германию.

С моих слов записано правильно и переведено с русского на немецкий язык.

ЦЕХЛИН

Допросил: ст[арший] следователь XI отд[ела] 2 Управления НКГБ СССР майор КОНОПЛЕВ

Переводчица немецкого языка лейтенант БАРАНОВА

ЦА ФСБ России. Н-18500. Л. 53—59. Подлинник. Рукопись. Автограф.

Советник Готтхольд Штарке

№ 137
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА СОВЕТНИКА Г. ШТАРКЕ

1 ноября 1945 г.
Москва

Стенограмма

Штарке Готтхольд, 1896 года рождения, уроженец деревни Руново (Западная Пруссия), немец, из семьи священника, подданный Германии, с высшим юридическим образованием, член НСДАП с 1942 года.

Вопрос: Когда вы были приняты на работу в германское министерство иностранных дел?

Ответ: В январе 1940 года я был вызван в Министерство иностранных дел Германии и вскоре получил назначение на должность референта прессы при германском посольстве в Москве.

Вопрос: В связи с чем вы были привлечены к этой работе?

Ответ: Должен сказать, что до 1939 года я проживал в Польше и являлся редактором издававшейся в гор Бромберге немецкой газеты «Немецкое обозрение в Польше». После разгрома Польши в 1939 году я принял германское подданство и, в качестве признания моих заслуг по защите интересов немцев в Польше, был зачислен в штат Министерства иностранных дел Германии.

В связи с германским внешнеполитическим курсом 1939—[19]40 годов в германское посольство в Москве требовался референт прессы, не скомпрометировавший себя особенно злостными выступлениями в антисоветском духе, то моя кандидатура была сочтена подходящей.

Вопрос: Что входило в ваши функции референта прессы при германском посольстве в Москве?

Ответ: В мою задачу входили сбор и обработка официальных советских материалов, характеризовавших политико-экономическое состояние Советского Союза. О проделанной работе я отчитывался перед послом, графом фон дер Шуленбургом[1].

Вопрос: В каких взаимоотношениях вы были с Шуленбургом?

Ответ: С самого начала моей деятельности в Москве у меня с Шуленбургом установились хорошие деловые, а затем личные взаимоотношения, основанные на единстве наших политических взглядов. В последствии эти отношения еще больше укрепились, и я стал пользоваться полным доверием Шуленбурга.

Вопрос: В чем, по вашему мнению, выражались политические взгляды Шуленбурга?

Ответ: Шуленбург происходил из старой дворянской семьи и был кровно заинтересован в укреплении мощи германской империи.

Понятно, что он руководствовался этими мотивами, приветствовал приход Гитлера к власти, считая, что Гитлер в состоянии обеспечить Германии руководящее место в Европе.

---

[1] Здесь и далее речь идет о немецком дипломате Фридрихе-Вернере графе фон дер Шуленбурге.

Из некоторых бесед с Шуленбургом мне известно, что он считал своей основной задачей в Москве — укрепление советско-германского сотрудничества.

Шуленбург с большим уважением отзывался о руководителях Советского государства — Молотове и Сталине, о чем он также не раз мне говорил во время наших бесед с ним.

Объявление войны Германией Советскому Союзу Шуленбург характеризовал как безумный акт, сведший на нет все его старания упорядочить взаимоотношения между Германией и Советским Союзом.

Особенно подробно беседу на эту тему я имел с ним во время нахождения в лагере интернированных в гор. Кострома, т.е. непосредственно перед возвращением всего состава германского посольства в Германию.

Шуленбург сказал тогда мне, что для Германии возможен лишь один путь — совместные действия с Россией в Европе. Германское правительство, продолжал Шуленбург, хочет установить плотину на пути России. Это является безумным шагом, 193 миллиона неизбежно сломят сопротивление 80 миллионов германского населения.

Эти высказывания Шуленбурга были известны не только мне, но и его ближайшим сотрудникам — советникам Хильгер[I] и Вальтер[II].

Вопрос: Вернувшись в Германию, вы продолжали встречаться с Шуленбургом?

Ответ: После возвращения в Германию наши взаимоотношения стали еще более близкими. Я неоднократно бывал у Шуленбурга в гостинице «Адлон», где он проживал в Берлине, а также в Министерстве иностранных дел.

Вопрос: Что вам известно о политических настроениях Шуленбурга после возвращения в Германию?

Ответ: После того как мы вернулись в Германию, Шуленбург долгое время не был в состоянии включиться в работу. Он был исключительно сильно потрясен фактом войны между Германией и Советским Союзом. Позднее Шуленбург был зачислен в состав личного штаба министра иностранных дел Риббентропа.

Летом 1943 года, перед началом наступления на Курской дуге, от германского посланника в Стокгольме поступили данные о том, что Россия, якобы, готова вести мирные переговоры с Германией. Шуленбург использовал это сообщение и пытался уговорить Риббентропа в необходимости заключения сепаратного мира с Советским Союзом. Риббентроп доложил заявление Шуленбурга Гитлеру, который самым решительным образом его отклонил.

Вопрос: Каковы были взаимоотношения Риббентропа с Шуленбургом?

Ответ: Шуленбург был обижен тем, что Риббентроп относился к нему как к мальчишке, был груб с ним и мало считался с его мнением. Все же Риббентроп его от себя не отпускал, и когда бывал в ставке Гитлера, то его иногда сопровождал Шуленбург.

Вопрос: Что вам рассказывал Шуленбург о своих посещениях ставки Гитлера?

Ответ: Шуленбург был возмущен тем, что окружение Гитлера, и в первую очередь сам Гитлер, не желали идти на сближение с Советским Союзом, несмотря на то, что военно-политическое положение Германии было катастрофическим. Когда я спросил Шуленбурга, на что, собственно говоря, надеются в ставке, он мне ответил: «Там надеются только на смерть царицы

[I] Речь идет о немецком дипломате Густаве Хильгере.

[II] Речь идет о немецком дипломате Герхарде фон Вальтере.

Елизаветы»[80]. Он имел в виду исторический эпизод, когда смерть царицы Елизаветы фактически спасла Пруссию от разгрома.

Что касается взаимоотношений Шуленбурга с Риббентропом, то следует добавить, что Шуленбург называл Риббентропа самым глупым министром иностранных дел из всех, которые когда-либо имелись в Германии. Впоследствии это высказывание Шуленбурга инкриминировалось ему на процессе по делу о покушении на Гитлера.

Вопрос: Откуда вам это известно?

Ответ: Об этом рассказывал моим знакомым защитник Шуленбурга на процессе — Леонхард Шварц.

Вопрос: Вы знали о принадлежности Шуленбурга к заговору против Гитлера?

Ответ: Я это мог лишь предполагать, зная политические убеждения Шуленбурга. Об этом мне стало доподлинно известно лишь за день до его ареста, когда он меня вызвал к себе в министерство для конфиденциальной беседы.

Вопрос: Покажите подробно об этом разговоре с Шуленбургом?

Ответ: Когда я 13 или 14 августа 1944 года приехал к графу фон дер Шуленбург, последний мне объявил, что в связи с событиями 20 июля он ежеминутно ожидает ареста. Министр иностранных дел фон Риббентроп до сего времени мог его поддерживать в связи с тем, что Шуленбург дал честное слово о том, что он не являлся активным участником заговора и не осведомлен о деталях всего дела.

Теперь, однако, — продолжал граф, — министру сообщили, что он, Шуленбург, «изменническим образом» поставил себя на службу заговорщикам, и, таким образом, Риббентроп не сможет более воспрепятствовать его аресту.

Перед арестом он желает мне сообщить, что он верен своей постоянной политике «ориентации на восток», и пытался убедить своих товарищей по заговору в правильности своей внешнеполитической линии. Более того, он объявил им о своей готовности перейти с белым флагом в руках через линию фронта и вымолить у русских условия перемирия, сделав, таким образом, последний шаг к спасению германского народа.

Затем посол обратился ко мне с просьбой, в случае его казни и если я сам останусь в живых, передать после окончания войны, которая, вероятно, завершится капитуляцией Германии, народному комиссару иностранных дел Советского Союза господину Молотову свое последнее слово: «Сообщите господину Молотову, что я умер за дело, которому я посвятил свою жизнь в Москве, т.е. за советско-германское сотрудничество. Тягчайшим часом для меня явилось то раннее утро 22 июня 1941 года, когда я, согласно приказу, передал господину Молотову безумное объявление войны, и это лишь спустя несколько часов после нашей совместной беседы о последних возможностях предотвращения великой катастрофы.

В ходе войны мое мнение о чреватой опасностями внешней политике Адольфа Гитлера, увенчавшейся началом войны с Советским Союзом, полностью подтвердилось. Поэтому я заявил одному господину их круга заговорщиков, возглавляемых доктором Гёрделер, о своих взглядах на необходимость мира, т.е. о немедленном установлении контакта с Советским Союзом, причем я предложил себя в качестве посредника во время первых переговоров с Красной Армией. Неудача путча и, таким образом, невозможность выполнения моей миссии не являются моей виной, так же, как и та роль, которую я вынужден был играть 22-го июня 1941 года.

В последние дни апреля 1941 года я, находясь в Берлине, предупреждал Адольфа Гитлера и дошел в своей беседе с ним до границы возможностей имперского чиновника. Теперь я пожертвовал жизнь за свои основные политические убеждения. Это не только жизнь старика, но также жизнь человека, который знал внешнеполитические задачи последних десятилетий более хорошо, нежели многие из его современников.

Передайте господину Молотову, что в трагический утренний час 22 июня 1941 года я был уверен в том, что надежды германского правительства обеспечить себе и германскому народу руководящую роль по отношению к Европейским нациям и объединенным народам Советского Союза, обречены на провал.

Факт моей смерти за дело сотрудничества советского и германского народов дает мне все же право обратиться к руководству советской внешней политики с мольбой, чтобы оно мудро и терпимо отнеслось к германскому народу, так как его широчайшие слои, и не в последнюю очередь интеллигенция, осуждали безумие войны против Советского Союза.

Благосостояние обеих великих держав тесно связано с чувством свободы и личного благополучия населяющих их народов».

Таковы были слова посла фон дер Шуленбург за день до его ареста. Припоминаю, что он выразил, кроме того, пожелание, чтобы это последнее обращение к господину народному комиссару было сообщено советнику Хильгер, который должен был прибыть в Берлин.

Вопрос: Вы сообщили Хильгер об этом заявлении графа фон дер Шуленбург?

Ответ: Нет, я это не сделал. В связи с многочисленными арестами обстановка была тогда слишком опасной, и я был достаточно скомпрометирован своей близостью к Шуленбургу. Поэтому я опасался кому-либо рассказывать о своем разговоре с ним.

Вопрос: Это была ваша последняя встреча с Шуленбургом?

Ответ: Да, я его больше не видел. На следующий день, кажется, 15 августа 1944 года, Шуленбург был арестован гестапо и в ноябре 1944 года казнен.

ШТАРКЕ

Допросили: начальник 2 Отдела Гл[авного] упр[авления] контрразведки «Смерш» полковник КАРТАШОВ

Оперуполномоченный 2 Отдела Гл[авного] упр[авления] контрразведки «Смерш» капитан КОПЕЛЯНСКИЙ

ЦА ФСБ России. Р-49170. Л. 20—25. Подлинник. Машинопись. Автограф.

№ 138
ИЗ СОБСТВЕННОРУЧНЫХ ПОКАЗАНИЙ СОВЕТНИКА Г. ШТАРКЕ «ОБ ИЗВЕСТНЫХ МНЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ УБЕЖДЕНИЯХ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БЫВШЕГО ГЕРМАНСКОГО ПОСЛА В МОСКВЕ ГРАФА ФОН-ДЕР ШУЛЕНБУРГ»

[Январь 1945 г.]
Москва

Перевод с немецкого

С графом фон-дер Шуленбург я близко познакомился в 1940 году, когда был назначен в Москву в германское посольство на должность референта по печати.

С самого начала моей деятельности в Москве у меня с Шуленбург установились хорошие взаимоотношения, основанные на единстве наших поли-

тических взглядов. Я стал пользоваться его полным доверием, и он часто вступал со мной в откровенные разговоры.

Из этих разговоров можно было заключить, что в основу своей миссии в Москве Шуленбург ставил укрепление советско-германского сотрудничества.

Он с большим уважением отзывался о руководителях Советского государства — Сталине и Молотове, а объявление войны Германией Советскому Союзу характеризовал как безумный акт, сведший на нет все его старания упрочить мир между обеими странами.

Перед возвращением нашего посольства в Германию, когда мы находились в городе Кострома в лагере интернированных, Шуленбург в одной из бесед высказал мне свое мнение, что для развития Германии есть один путь — сотрудничество с Россией, в противном случае 193 миллиона советских людей неизбежно сломят сопротивление 80 миллионов германского населения.

По возвращению в Германию Шуленбруг был зачислен в состав личного штаба министра иностранных дел фон Риббентропа, а я назначен референтом в Отдел печати Министерства иностранных дел.

Однако, несмотря на разницу в положении, моя связь с Шуленбургом не оборвалась, а, наоборот, еще более упрочилась. Я неоднократно бывал у него в гостинице «Адлон», где он проживал, а также часто виделся с ним в Министерстве иностранных дел.

Долгое время Шуленбург не был в состоянии включиться в работу, до того сильно он был потрясен фактом войны между Германией и Советским Союзом.

Он не оставлял надежды прекратить войну и искал для этого подходящие предлоги. Так, летом 1943 года, когда перед наступлением на Курской дуге от нашего посла в Стокгольме поступили данные о том, что Россия, якобы, готова начать мирные переговоры, Шуленбург использовал это сообщение и пытался убедить Риббентропа в необходимости заключения сепаратного мира с Советским Союзом. Риббентроп доложил об этом Гитлеру, который самым решительным образом отклонил предложение Шуленбурга.

Шуленбург был возмущен тем, что окружение Гитлера, и в первую очередь сам Гитлер, не желало идти на сближение с Советским Союзом, несмотря на то что военно-политическое положение Германии было катастрофическим.

Что касается взаимоотношений Шуленбурга с Риббентропом, то следует сказать, что Шуленбург назвал Риббентропа самым глупым министром иностранных дел из всех, которые когда-либо имелись в Германии.

Я долгое время не знал, что Шуленбург примыкает к лицам, готовящим покушение на Гитлера, однако за день до его ареста он мне сам об этом сказал.

13 или 14 августа 1944 года, точную дату я сейчас не помню, Шуленбург вызвал меня к себе и объявил, что в связи с событиями 20 июля он ежеминутно ожидает ареста. Далее он мне рассказал следующее.

Министр иностранных дел фон Риббентроп до сего времени мог его поддерживать в связи с тем, что Шуленбург дал честное слово о том, что он не являлся активным участником заговора и не осведомлен о деталях всего дела.

Теперь, однако, — продолжал граф, — министру сообщили, что он, Шуленбург, «изменническим образом» поставил себя на службу заговорщикам, и, таким образом, Риббентроп не сможет более воспрепятствовать его аресту.

Перед арестом он желает мне сообщить, что он верен своей постоянной политике «ориентации на восток», и пытался убедить своих товарищей по заговору в правильности своей внешнеполитической линии. Более того, он объявил им о своей готовности перейти с белым флагом в руках через ли-

нию фронта и вымолить у русских условия перемирия, сделав, таким образом, последний шаг к спасению германского народа.

Затем Шуленбург обратился ко мне с просьбой, в случае его казни и если я сам останусь в живых, передать после окончания войны, которая, вероятно, завершится капитуляцией Германии, народному комиссару иностранных дел Советского Союза господину Молотову свое последнее послание.

Шуленбург заявил мне тогда буквально следующее: «Сообщите господину Молотову, что я умер за дело, которому я посвятил свою жизнь в Москве, т.е. за советско-германское сотрудничество. Тягчайшим часом для меня явилось то раннее утро 22 июня 1941 года, когда я, согласно приказу, передал господину Молотову безумное объявление войны, и это лишь спустя несколько часов после нашей совместной беседы о последних возможностях предотвращения великой катастрофы.

В ходе войны мое мнение о чреватой опасностями внешней политике Адольфа Гитлера, увенчавшееся началом войны с Советским Союзом, полностью подтвердилось. Поэтому я заявил одному господину их круга заговорщиков, возглавляемых доктором Гёрделер, о своих взглядах на необходимость мира, т.е. о немедленном установлении контакта с Советским Союзом, причем я предложил себя в качестве посредника во время первых переговоров с Красной Армией. Неудача путча и, таким образом, невозможность выполнения моей миссии не являются моей виной, так же, как и та роль, которую я вынужден был играть 22-го июня 1941 года.

В последние дни апреля 1941 года я, находясь в Берлине, предупреждал Адольфа Гитлера и дошел в своей беседе с ним до границы возможностей имперского чиновника. Теперь я пожертвовал жизнь за свои основные политические убеждения. Это не только жизнь старика, но также жизнь человека, который знал внешнеполитические задачи последних десятилетий более хорошо, нежели многие из его современников.

Передайте господину Молотову, что в трагический утренний час 22 июня 1941 года я был уверен в том, что надежды германского правительства обеспечить себе и германскому народу руководящую роль по отношению к Европейским нациям и объединенным народам Советского Союза, обречены на провал.

Факт моей смерти за дело сотрудничества советского и германского народов дает мне все же право обратиться к руководству советской внешней политики с мольбой, чтобы оно мудро и терпимо отнеслось к германскому народу, так как его широчайшие слои, и не в последнюю очередь интеллигенция, осуждали безумие войны против Советского Союза.

Благосостояние обеих великих держав тесно связано с чувством свободы и личного благополучия населяющих их народов».

Таковы были слова посла фон дер Шуленбург за день до его ареста. Припоминаю, что он выразил, кроме того, пожелание, чтобы это последнее обращение к господину народному комиссару было сообщено советнику Хильгер, который должен был прибыть в Берлин.

На этом закончился мой последний разговор с Шуленбургом. На следующий день Шуленбург был арестован и вскоре казнен.

Считаю необходимым добавить, что все сказанное мне Шуленбургом я до сих пор никому не передавал, в том числе и советнику Хильгер.

ГОТТХОЛЬД ШТАРКЕ

Верно: майор КУЗЬМИШИН

«...» января 1946 года

ЦА ФСБ России. Р-49170. Л. 29—32. Заверенная машинописная копия.

№ 139
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА СОВЕТНИКА Г. ШТАРКЕ

8 февраля 1947 г.
Москва

Штарке Готтхольд, 1896 года рождения, уроженец д. Руново района Вирзитц (Польша), из семьи священника, немец, подданный Германии, с высшим юридическим и экономическим образованием, член НСДАП с 1942 года.

Вопрос: Расскажите о своей политической деятельности, которой вы занимались в Польше с 1922 по 1939 год?

Ответ: Родился я в дер. Руново района Вирзитц (Польша). Мой отец был вначале священником, а потом стал «зуппер-интендант», или старший священник, которому подчинялись священники всего района Чарникау, количеством 10—15 человек, и, одновременно, он был инспектором евангелических школ.

До 1909 года я проживал совместно с отцом в родительском доме, а потом поступил учиться в гимназию Августа-Виктория в гор. Познань. После окончания в 1914 году гимназии меня призвали в немецкую армию. Служил в армии рядовым с сентября 1914 года по апрель 1915 года, после чего в связи с болезнью легких из армии был демобилизован.

Освободившись от службы в армии, я поступил учиться на юридический факультет университета в гор. Хайдельберг, затем учился в Берлине и Геттингене, где закончил свое образование.

Окончив учебу в университете в июне 1918 года, я возвратился к родителям в гор. Чарникау (в 70 километрах от гор. Познань в направлении на северо-запад) и поступил там помощником (референтом) судьи первой инстанции («Амтсгерихт»).

В январе 1919 года в городе происходили уличные бои между поляками (боровшимися за свою самостоятельность) и немецким населением. Я так же принимал участие в этих боях на стороне немцев и был захвачен поляками в плен. Находился в плену у поляков примерно 15 дней, а потом бежал из-под стражи на территорию Германии в город Шнайдемюль, там недели две лежал в лазарете с поврежденной при побеге ногой, после чего уехал в гор. Берлин. В гор. Берлине я поступил работать персональным референтом президента (председателя) суда, где служил до марта 1922 года, после чего снова возвратился к себе на родину в Польшу.

Вопрос: Какие мотивы побудили вас из Германии возвратиться в Польшу?

Ответ: Между польским и германским правительствами было достигнуто соглашение о возвращении к прежнему месту жительства немцев, бежавших в Германию в связи с происходившей так называемой «Польской революцией». На основании этого соглашения в Польшу возвращалось из Германии некоторое количество немцев, которые являлись уроженцами или бывшими жителями территорий, отошедших к Польше. Я также счел своим долгом возвратиться на родину и служить немцам, проживающим в Польше. К тому же польским правительством была объявлена амнистия лицам, принимавшим участие в уличных боях против поляков, и мне не грозило преследование.

Вопрос: В каком подданстве вы находились в Польше?

Ответ: Так как я родился германским подданным на территории, входившей до 1919 года в состав Германии, я считался германским подданным, в связи с образованием Польши как самостоятельного государства, поскольку я возвратился в Польшу и поселился там на постоянное жительство, я считался также и польским подданным, состоя, таким образом, в двойном подданстве, и германском и польском. Так продолжалось до 1924 года. В 1924 году между польским и германским правительствами была заключена Венская конвенция, определявшая порядок в подданстве немцев, проживающих в Польше. Согласно этой конвенции я, как немец, родившийся на территории, отошедшей к Польше и постоянно проживавший в Польше, стал считаться подданным только одного польского государства.

Вопрос: Чем вы занимались в Польше?

Ответ: В начале, как только возвратился в Польшу, я обратился в Верховный суд в Познани с просьбой принять меня на службу в судебные инстанции, но мне отказали. После этого я стал работать главным редактором немецкой газеты «Немецкое обозрение в Польше», издававшейся в городе Бромберге (Быдгощь). С 1936 года я стал не только редактором, но и директором издательства «А. Дитман Г.М.Б. Х», которое издавало газеты, учебники и разную литературу для немецкого населения, проживающегося в Польше. В этой должности я находился до начала немецко-польской войны в 1939 году. В связи с началом войны меня в числе других немцев (всего около 3 тыс. человек) и некоторого количества поляков из г. Бромберга принудительно эвакуировали на Восток в гор. Ловач, мы были освобождены передовыми танковыми частями германской армии.

Показания записаны правильно, прочитаны и переведены на понятный мне немецкий язык.

ШТАРКЕ

Переводчик ТРУСОВА

Допросил: пом[ощник] нач[альника] Отдела 2-Е 2 Гл[авного] упр[авления] МГБ майор М. РУТКОВСКИЙ

ЦА ФСБ России. Р-49170. Л. 33—35. Подлинник. Машинопись. Автограф.

№ 140
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА СОВЕТНИКА Г. ШТАРКЕ

4 и 5 марта 1947 г.
Москва

Штарке Готтхольд, 1896 года рождения, урож[енец] д. Руново района Вирзитц (Польша), б[ывший] референт германского посольства в Москве, после начала войны референт отдела прессы Министерства иностранных дел.

Допрос производился:
4. III-[19]47 г. с 11-45 до 16-30
5. III-[19]47 г. с 11-30 до 17-00

Вопрос: Расскажите о своей политической деятельности, которой вы занимались в Польше с 1922 по 1933 год?

Ответ: Я, как руководитель немецкой политической газеты, существовавшей в Польше, естественно, должен был ежедневно заниматься политикой немецкого национального меньшинства. В начале моего приезда в Польшу я выступил за создание единого блока по выборам с другими национальными меньшинствами. Мне удалось создать такой блок. И он имел некоторое время определенный успех.

С 1925 по 1936 год я был членом правления политической организации немецкого национального меньшинства в Польше, именовавшейся «Немецким центральным союзом». В 1934 году эта организация стала именоваться просто «Немецкий союз».

Помимо того, до 1939 года я состоял членом «Совета немцев в Польше», который объединял все немецкие организации в Польше. В «Совет немцев в Польше» не входила только одна, так называемая радикальная «Национально-социалистическая партия младогерманцев», руководящий центр которой находился в м. Былиц. Я вел борьбу против «младогерманцев», используя для этой цели свою газету.

Поскольку я был противником радикальных национал-социалистов, а также и их взглядов и понятий, которые почти ничем не отличались от польских фашистов, националисты в свою очередь нападали на меня как в своих выступлениях, так и в печати. В этой борьбе мне и моим друзьям из «Немецкого союза» удавалось до 1938 года одерживать верх над радикальной «Нац[ионал]-соц[иалистической] партией младогерманцев».

Правда, мы тоже были национал-социалистами, но на свой собственный лад. Кое-что нам казалось хорошим в этом движении, и мы хотели это кое-что перенять, но только в своей собственной форме, а не все подряд. Я, например, не признавал необыкновенное стремление национал-социализма к превосходству над другими расами, народами и их политическими убеждениями, отказывался от ведения борьбы с евреями и марксизмом. Наоборот, даже бывал связан с евреями и социал-демократами единым блоком на выборах.

Более того, в моей типографии печаталась газета «Глос», которая, как мне казалось, преследовала коммунистические цели, помещая прекрасные фотоснимки и статьи о советском строительстве. Года за два-три до начала войны польская полиция запретила мне издавать эту газету.

Должен честно сказать, что я неустанно и с воодушевлением боролся за права моих немецких соотечественников, которые вознаграждали меня в ответ любовью и уважением. Чтобы не подвергать немцев опасности и притеснению, я вынужден был действовать осмотрительно и законно. Я не мог образовать «пятую колонну», а также разрешить кому-либо из своих единомышленников принимать участие в работе Абвера и поддерживать по этой линии связь с Берлином.

Должен сказать, что хотя польские власти неоднократно возбуждали судебные процессы против моей газеты, выступавшей за политическое, экономическое и культурное укрепление немецкого меньшинства в Польше и за расширение его прав, все же я, как редактор газеты, ни разу не был осужден к лишению свободы. Я выступал за немецко-польское содружество, но, в конце концов, убедился, что практически осуществить это невозможно.

Вопрос: Какого политического направления придерживалась редактируемая вами газета «Немецкое обозрение в Польше»?

Ответ: Газета «Немецкое обозрение в Польше», как и организация «Немецкий союз» (в Бромберге) и «Совет немцев» (в Варшаве), были беспар-

тийными. Эти организации, в том числе и моя газета, выступали сплоченным фронтом в деле защиты интересов в Польше немецкого национального меньшинства. Газета «Немецкое обозрение в Польше» придерживалась демократического, крестьянского направления.

Вопрос: Кто финансировал газету «Немецкое обозрение в Польше» и издательство «А. Дитман Г.М.Б. Х»?

Ответ: До 1920 года газета называлась «Восточно-немецкое обозрение» и существовала около 40 лет как частное предприятие, принадлежащее обществу «А. Дитман Г.М.Б. Х». Дитман был владельцем большой типографии и крупного книжного издательства и бумажного магазина в гор. Бромберге (Быдгощь). После образования польского государства семья Дитман (вдова и два ее сына), боясь рисковать всем состоянием, передала часть своих капиталов обществу, руководящему немецкими организациями в Польше. В это общество входили:

а) «Ландбундес Вейхсельгау» (немецкое сельскохозяйственное общество западных пруссаков);

б) «Западно-польское сельскохозяйственное общество»;

в) «Союз немцев для защиты прав национальных меньшинств» и «Немецкий центральный союз» — были представлены в обществе «Немецким народным банком Т.Ц.О.П.»;

г) Две пятых пая были оставлены за собой братьями Эмилем и Германом Дитман (сыновьями А. Дитман).

Общество стало называться «А. Дитман Т.Ц.П.О.». Фактическими руководителями общества являлись Герман Дитман и я. Председателем контрольного совета был президент «Ландбундес вейхсельгау» сенатор Хасбах.

Хотя прибыли общества ввиду усиления польских притеснений (штрафы, временные запрещения газеты, бойкот) ежегодно уменьшались, газета и издательство в каких-либо дополнительных субсидиях не нуждались и существовали за счет своих средств.

Вопрос: Поддерживали ли вы, проживая в Польше с 1922 по 1939 год, связь с какими-либо организациями и учреждениями в Германии?

Ответ: Да, я поддерживал связь с некоторыми организациями в Германии, но это было с согласия польских государственных властей в пределах, разрешаемых законом.

Вопрос: Назовите эти организации и учреждения и расскажите, в чем выражалась ваша связь?

Ответ: Как поляки, проживавшие в Германии, получали средства для финансирования своих национальных школ из Варшавы, так и немцы в Польше для этой цели получали пособие из Берлина через «Союз немцев за границей» («Немецкий школьный союз»). С «Союзом немцев за границей» я должен был иметь связь как член правления политической организации немцев в Польше и как член школьного правления. Однако, чтобы не вступать в конфликт с польскими властями, мы остерегались принимать политические директивы берлинских учреждений и организаций.

На многих процессах польские судебные власти хотели доказать мою зависимость от Берлина, но никогда не могли привести каких-либо доказательств. По этому вопросу мне приходилось иметь конфликты не только с польскими органами, но и с пришедшими в 1933 году в Германии к власти национал-соцалистами, так как я не хотел, чтобы в нашу немецкую колонию в Польше и мою газету проникло их опасное влияние. Национал-соци-

алисты предпринимали попытки взять мою газету под свое влияние не только прямыми путями, но делали окольные подходы через Данциг. Чтобы не подвергать опасности ни себя, ни свою организацию, мы отказались от всяких не разрешенных законом связей.

Вопрос: Что вы делали после того, как Польша была оккупирована германской армией?

Ответ: После того как начались военные действия германских войск против Польши, я вместе с другими немцами 2 сентября 1939 года был направлен польскими властями на восток, в так называемый «Мертвый марш». 9 сентября 1939 года в г. Ловач мы были настигнуты и освобождены танковыми частями германской армии. Примерно 14 сентября 1939 года возвратился к себе в Бромберг (Быдгощь). Моей газетой к тому времени руководили уже национал-социалисты. Меня приняли на работу, но спустя несколько недель я был отстранен от руководящей политической работы.

Единственно, что мне преподнесли в знак «благодарности» за мою работу в Польше, это прекрасно изданную книгу Гитлера «Моя борьба» и предоставили мне право вступить в члены НСДАП. Здесь, кстати, должен заметить, что практически я использовал эту возможность только в 1942 году. При отстранении меня от руководящей политической работы мне ставили в вину: блок с евреями во время проходивших в Польше выборов, борьбу с партией младогерманцев, мое заступничество за демократическую польскую политику, отклонение от антимарксистской пропаганды и расовой теории, а также мое участие в руководстве евангелической церковью в Польше.

Последствия «Мертвого марша» сказались на состоянии моего здоровья, я тяжело заболел и должен был выехать в Берлин для лечения. Находясь в Берлине, 26 октября 1939 года я снова получил германское подданство. В Берлине в то время подыскивали журналиста, не скомпрометированного перед Москвой резкими антисоветскими выступлениями, для посылки его на работу в германское посольство в Москве.

По рекомендации моих друзей я был приглашен в Министерство иностранных дел, где мне сделали предложение занять должность референта прессы при германском посольстве в Москве. Я принял предложение и 10 или 12 января 1940 года приступил к работе в Министерстве иностранных дел, а в конце февраля того же года прибыл в Москву.

Вопрос: Кто такой доктор Клейст (специалист по восточным вопросам в «бюро Риббентропа») и в каких взаимоотношениях вы с ним находились?

Ответ: Еще до назначения Риббентропа министром иностранных дел он, как доверенное лицо Адольфа Гитлера, руководил Особым бюро по вопросам внешней политики, которое находилось вне зависимости и существовало параллельно с Министерством иностранных дел Германии и Внешнеполитическим отделом НСДАП.

Размещалось Бюро Риббентропа в Берлине по Вильгельм-штрассе напротив главного здания МИД. В качестве сотрудников Бюро работали люди, заслуживающие особого доверия Риббентропа. В этом Бюро работал референтом по вопросам Востока доктор Клейст.

Впоследствии, когда Риббентроп был назначен министром иностранных дел, это Бюро расформировано, сотрудники перешли на работу в МИД. Доктор Клейст не был принят в Министерство иностранных дел Германии, но все же он много раз посылался с личными поручениями Риббентропа в Москву. Среди сотрудников немецкого посольства в Москве ходили разго-

воры, что Клейст хотел бы работать в Москве в качестве советника посольства.

Германский посол граф Шуленбург не любил Клейста. Он видел в нем соглядатая и доносчика о деловой пригодности и национал-социалистической благонадежности того или иного сотрудника посольства. Насколько мне известно, Клейст в свое время возражал против моего назначения в Москву на пост советника посольства, имея намерение послать на эту должность своего друга Райсс. Тем не менее при одном из посещений доктором Клейстом Москвы в ноябре или декабре 1940 года я пригласил его в числе других гостей к себе на обед. Насколько мне известно, Клейст являлся ярым противником войны между Германией и Советским Союзом.

Во время советско-германской войны, когда было образовано Восточное министерство во главе с Альфредом Розенбергом, Клейст работал в этом министерстве в качестве советника, он должен был поддерживать связь с администраторами оккупированных прибалтийских республик. В МИД было известно, что доктор Клейст вскоре занял оппозицию по отношению к политике, проводимой Восточным министерством в оккупированных областях, а также по отношению к самому Розенбергу, в результате чего Клейст был удален из этого министерства.

Ходили слухи, что Клейст в 1944 году, якобы, по тайному поручению Риббентропа ездил несколько раз в Стокгольм, прощупывал там почву для заключения с Советским Союзом сепаратного мира.

Вопрос: Кто являлся руководителем существовавшей в Москве в германском посольстве организации НСДАП?

Ответ: Руководителем организации НСДАП в германском посольстве в Москве был Вильм Штейн.

Вопрос: Что вам известно о прошлом Штейн и его деятельности в Москве?

Ответ: Вильм Штейн родился в Берлине, отец его был юрист, но рано умер, вследствие чего Вильм Штейн воспитывался в гимназии при монастыре, учил теологию. Сдал экзамены перед первой мировой войной. После того как польские губернии были заняты германскими войсками, в Варшаву был назначен в качестве генерал-губернатора Бешер, который организовал при генерал-гебернаторе отдел прессы. Руководителем этого отдела был доктор Рот, а референтом еврейской прессы в Польше — Вильм Штейн, прекрасно знавший еврейский язык.

Там же в отделе прессы в качестве польской переводчицы работала Владислава Чихоцка, уроженка Познани, германская подданная — жена Вильм Штейна. После окончания войны Штейн остался со своей женой в Варшаве и примерно с 1920 года начал работать варшавским корреспондентом газеты «Немецкое обозрение в Польше». Когда в мае 1922 года я принял пост редактора этой газеты, мне пришлось познакомиться со Штейн. В последующие годы мы часто посещали друг друга, а наши жены стали большими друзьями. Со временем Штейну удалось помещать свои корреспонденции в больших берлинских демократических газетах: сначала в «Берлинер Тагесблат»[81], а затем в «Фоссишен Цайтунг»[82] (обе газеты принадлежали еврейским издательствам). Он получал огромное жалованье, имел большой дом, ездил в экипаже. Работу в моей газете Штейн оставил в связи с назначением его на пост атташе прессы в германском посольстве в Варшаве, так как официальные сотрудники посольства не могли писать в газету «Немецкое обозрение в Польше».

В конце двадцатых годов Штейн работал в Москве, но занимал ли он официальный пост атташе прессы или он был корреспондентом «Фоссишен Цайтунг», — я точно не знаю.

С приходом в Германии к власти национал-социалистов Штейн снова стал рабоать атташе прессы в Варшаве. Теперь Вильм Штейн удивительно переменился. Либерально настроенный представитель самых больших еврейско-демокартических газет в Берлине, друг еврейского салона, муж польки, вдруг стал национал-социалистом. Он стал работать в Заграничной организации (АО) НСДАП в Польше.

В середине 30-х годов из Москвы был переведен в Копенгаген советник посольства Гензель[1], который являлся руководителем Заграничной организации («Аусландорганизацион») НСДАП в Москве, где имелись члены НСДАП (в германских консульствах, среди представителей и сотрудников немецких торговых и промышленных фирм). Хотя поле деятельности московского окружного руководителя «Аусландорганизацион» (АО) НСДАП было невелико, все же посол граф Шуленбург был заинтересован в назначении на эту должность после отъезда Гензеля подходящего человека, который не причинил бы послу лишних хлопот как внешнеполитического характера, так и внутри посольства. Поэтому Шуленбург попросил о назначении в качестве руководителя АО НСДАП в Москву Штейна. В результате Штейн прибыл в Москву и занял официальную должность атташе прессы и, одновременно, стал окружным руководителем «Аусландорганизацион» (АО) НСДАП в Москве.

Во время советско-германской войны Вильм Штейн работал старшим правительственным советником («Оберрегирунсрат») в Министерстве пропаганды и одно недолгое время руководил отделом прессы в Восточном министерстве Розенберга. Находясь в Берлине, последние годы мне приходилось немного соприкасаться со Штейном. Он владел имением в Лехе около Ландсберга в Баварии, куда эвакуировалась из Берлина его жена и дети и где он ожидал конца военной и политической катастрофы Германии.

Вопрос: Кто из работников немецкого посольства в Москве вел агентурную разведку?

Ответ: Этого я не знаю. Предполагаю, что агентурной разведкой занимался военный атташат, но никаких фактов в подтверждение своих предположений привести не могу.

Вопрос: Не известны ли вам кто-либо из числа советских граждан, которые снабжали немецкое посольство агентурными сведениями?

Ответ: Таких людей я не знаю. Я не представляю, как можно было организовать тайное сношение между работниками немецкого посольства и советскими гражданами. Граф Шуленбург как-то однажды говорил, что в Москве невозможно вести агентурную разведку. Это можно делать, по его мнению, в Галиции, в западных областях Украины, но не в Москве. Здесь перед германским посольством и каждым домом, где жили сотрудники посольства, день и ночь стояли по одному или по два милиционера и, кроме них, еще люди, одетые в штатское. Если кто-либо из сотрудников посольства выезжал в город на автомашине, за ней следовала машина НКВД или милиционер подходил к телефону, вделанному поблизости в стене, и сообщал на другие посты о времени выхода посольской автомашины, ее номер и

[1] Речь идет о немецком дипломате Герберте Гензеле.

направление движения. Я не знаю, как можно было при таких условиях вести агентурную разведку.

Показания записаны правильно, прочитаны и переведены на родной мне немецкий язык.

ШТАРКЕ

Переводчик ТРУСОВА

Допросил: пом[ощник] нач[альника] Отдела 2-Е 2 Гл[авного] упр[авления] МГБ майор М. РУТКОВСКИЙ

ЦА ФСБ России. Р-49170. Л. 36—43. Подлинник. Машинопись. Автограф.

№ 141
ЗАЯВЛЕНИЕ Г. ШТАРКЕ НА ИМЯ МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР

1 августа 1948 г.
Владимир

Господину Министру Иностранных дел Союза ССР
Молотову Вячеславу Михайловичу

Заключенного во Владимирскую тюрьму
Штарке Готтхольда Готтхольдовича

Заявление об интернировании

В Москве в германском посольстве до войны я был советником миссии. Я пользовался как представитель посольства правом экстерриториальности.

Мои взгляды на отношения между Советским Союзом и Германией Вам известны по нашим неоднократным беседам по этому поводу и моим действиям, как, например, отмена клеймения советских военнопленных.

Я всегда, как Вам известно, был другом Советского Союза; всегда был против войны и против интервенции.

А между тем в основании постановления Особого совещания и следственного материала положена моя помощь интервенции и шпионаж; а между тем я был лишь референтом прессы посольства; я давал в Берлин лишь сведения из советской прессы, и то в интересах дружбы между Германией и Советским Союзом; шпионской деятельностью я не занимался никогда, а сведения русской печати, передаваемой мною в Берлин, следственной властью засчитаны мне как шпионская деятельность.

Во время же войны, находясь в Германии, в Министерстве иностранных дел, я всегда был за мир с Советским Союзом и против продолжения войны. По моим политическим взглядам, я всегда был убежден, что счастье не может прийти с Запада, а только с Востока.

А потому я уверен, что могу быть полезным работником как для немцев, так и для русских в Восточной оккупационной зоне Германии.

А потому прошу Вашего ходатайства об освобождении меня от тюрьмы.

ШТАРКЕ ГОТТХОЛЬД ГОТТХОЛЬДОВИЧ

1.VIII-1948 г.

ЦА ФСБ России. Р-49170. Л. 93—93об. Подлинник. Рукопись. Автограф.

№ 142
ЗАЯВЛЕНИЕ Г. ШТАРКЕ В МВД СССР С ПРОСЬБОЙ О ПЕРЕСМОТРЕ ДЕЛА

10 декабря 1948 г.
Владимир

Перевод с немецкого

Штарке
Готтхольд

Владимирская тюрьма
10/XII-[19]48 г.

В Министерство внутренних дел в Москве

Заявление
о пересмотре моего дела

4-го октября 1947 года я был приговорен в Москве ОССО к 10 годам тюремного заключения на основании статьи 58 параграфа 6-го по обвинению в шпионаже.

Мое наказание я отбываю с 5 ноября 1947 года в здешней тюрьме во Владимире. Срок наказания исчисляется со дня моего ареста, который произошел 22-го июля 1945 года в Мюльхаузене, в Тюрингии (Германия). Арест, наказание и приговор тем более поразили меня, что не только не чувствую за собой даже самой малой вины и никогда не вел никакой шпионской работы против Советского Союза, но, напротив, при занимаемом мною политическом положении советника посольства при германском посольстве в Москве (1940/[194]1 годы) и позже в качестве руководителя референтского отдела при Министерстве иностранных дел в Берлине, я всячески стремился к достижению взаимопонимания между Германией и Советским Союзом, в отношении которого национал-социалистическое правительство поступило предательски.

Кроме того, я действительно сослужил важную службу в деле улучшения положения советских военнопленных. Еще задолго до начала моей политической деятельности я был сторонником германской «ориентации на Восток». Обладая этими качествами, я был, в силу германо-советского соглашения, назначен в январе 1940 года референтом при после графе фон Шуленбург.

Находясь в Москве до начала войны, я ежедневно сообщал по телефону о состоянии русской прессы, и все мои сообщения были составлены так, что выбивали почву из-под ног поджигателей войны. Эта деятельность, которая проводилась мною под гарантией неприкосновенности личности и гарантией, данной в том Советским Союзом, никогда не была шпионской, наоборот, сотрудничеством в деле прорыва блокады, которой подвергался Советский Союз в области пропуска сообщений из Советского Союза за границу. Это могут подтвердить документы и показания свидетелей.

Поэтому шпионская деятельность не могла быть доказана, ни поставлена мне в вину. Рискуя своим служебным положением и свободой, я, будучи в Берлине, еще до войны предостерегал от этого безумного шага.

Во время войны я выступал за заключение сепаратного мира с Советским Союзом. Без устали и не всегда безуспешно хлопотал об улучшении условий жизни в оккупированных восточных районах, хлопотал об улучшении положения военнопленных.

Итак, прежде всего, несмотря на то, что это не входило в мою служебную компетенцию, благодаря моим усилиям, советским военнопленным не было сделано никаких отметок на теле, как это намечалось сделать в 1943 году.

В марте 1945 года, эвакуировавшись в Тюрингию, я с большими трудностями отклонил предложенную мне США дипломатическую работу, а, наоборот, при уходе американцев остался там, чтобы быть верным моим старым взглядам — ориентации на Восток, и добровольно предоставил себя в распоряжение пришедшей Советской Армии.

Поэтому я прошу вновь рассмотреть мое дело или каким-либо другим путем возвратить меня на родину к моей семье.

ШТАРКЕ

Перевела: Е. ДЕМИДОВА

29/XII-[19]48

ЦА ФСБ России. Р-49170. Л. 84—88. Подлинник. Рукопись. Автограф. Подлинник на немецком языке — л.д. 89—89об.

№ 143
ДНЕВНИК Г. ШТАРКЕ[I]

22 июня—13 июля 1941 г.
[б/м]

Перевод с немецкого

РАССТАВАНИЕ С МОСКВОЙ [«ABSCHIED VON MOSKAU»]

22 июня

3 часа ночи. Поступила шифрованная телеграмма о том, что послу поручается сообщить комиссару иностранных дел Молотову о начале военных действий. Одновременно было организовано уничтожение последних шифрованных материалов, и болгарский посланник[II] назначается хранителем германских интересов. Германское посольство в Москве более не существует. Мы отрезаны от родины. В посольстве собирается посол, посланник и генерал-советник посольства. Хильгера вызывает секретариат Молотова, который готов сейчас же принять посла.

5 час[ов] 25 мин[ут]. Граф фон дер Шуленбург направляется с Хильгером в Кремль, чтобы выполнить это последнее задание. Он вручил в связи с этим комиссару иностранных дел письмо, содержащее пожелания посла по поводу отъезда и выбор государства, которое в дальнейшем будет представлять интересы Германии. Между тем советник посольства фон Вальтер разбудил болгарского посла, чтобы доставить его в здание посольства.

6 час[ов] 10 мин[ут]. Посол возвращается. Молотов принял к сведению заявление посла. О начале военных действий ему, разумеется, было уже известно. Между тем появился болгарский посол, который интересовался от-

---

[I] Кроме машинописного перевода дневника в деле имеется сброшюрованный подлинник на немецком языке. На титуле документа заглавие: «Deutsche Botschaft Moskau. Vom Ausbruch des deutsch-sowjetischen Krieges bis zur Rückkehr nach Deutschland. Tagebuch vom 22. Juni bis 24. Juli 1941». К документу приложена справка: «2-я часть дневника охватывает период с 13 июля по 24 июля 1941 года и содержит записи, касающиеся проезда германского посольства в СССР от турецкой границы до Берлина. Л-т Шилова. 16.10.1946 года».

[II] Речь идет о болгарском посланнике Иване Стоматове.

дельными моментами, связанными с его полномочиями по представлению в дальнейшем интересов Германии. Кроме того, были проинформированы также итальянский посол[I] и румынский посланник, т.к. они сами не получали еще никаких известий.

В заключение были вызваны коменданты посольских зданий, чтобы их проинформировать и дать важнейшие указания, касающиеся правил поведения их товарищей по общежитию — запаковать по два чемодана, находиться впредь все время в здании и т.п. Проживающие в гостиницах или на частных квартирах вызываются в посольство. Начинаются долгие часы ожидания. Еще действует телефон. Еще есть возможность выходить из здания посольства и не запрещено движение по городу.

11 часов. Японский посол[II] посетил графа фон Шуленбург, после него итальянский посол и посланник Словакии. Еще столица совершенно спокойна, до того момента, когда в 12 часов Молотов по радио объявляет населению о начале войны.

13 часов. Вальтер едет на вокзал, чтобы встретить там как раз прибывающих пассажиров. К сожалению, вокзал закрыт, 30 немцев арестованы. Г[осподин]у фон Типпельскирх[III] удалось об этом поставить в известность болгарского посла, дать ему указание об опротестовании данного факта в Комиссариате иностранных дел. Нота, как по телефону сообщил болгарский посол, была принята. Последующие часы проходят в последних приготовлениях. Консул Ламла[IV] ответственен за свертывание, он собирает деньги, он инвентаризирует, упаковывает, ликвидирует.

19 часов. Уполномоченный Народного комиссариата государственной безопасности извещает население различных домов посольства о том, что все должны собраться в помещение канцелярии посольства. К этому времени наш багаж своими водителями был перевезен сюда же. Длинной колонной следуют наши машины в сопровождении полиции по улицам, которые теперь, после обеда, производят вновь несколько успокаивающее впечатление. Наконец в наше маленькое здание посольства собирается не менее 118 человек, толпа, которая в связи с надвигающейся ночью будит непредвиденные опасения. Никто не имеет права покинуть здание посольства.

21 час. После длительных переговоров с заместителем их комиссара по иностранным делам удается, наконец, перевести часть людей в так называемый посольский дом на Спиридоновку. Под предводительством генерала[V] отправляются 34 человека в этот короткий путь, и теперь под усиленным конвоем. Оставшиеся устраиваются на немногочисленных постелях на полу канцелярии. После неоднократных предупреждений о неудовлетворительном затемнении дом погружается в глубокий сон. Только две затемненные лампочки дают слабый свет.

23 июня

0 час[ов] 30 мин[ут]. Внезапно раздается звонок. Дежурный [Народного] Комиссариата Иностранных Дел требует анкеты всех лиц, находящихся в

[I] Речь идет об итальянском после в Москве Аугусто Росси.

[II] Речь идет о японском после в Москве И. Татекава.

[III] Здесь и далее речь идет о немецком дипломате, посланнике Вернере фон Типпельскирхе.

[IV] Речь идет о немецком дипломате Йохане Ламле.

[V] Вероятно, здесь и далее речь о военном атташе германского посольства в Москве генерал-майоре Эрнсте Августе Кёстринге.

доме. Наши дамы, а так[же] наши атташе, не унывая, направляются по темным коридорам и комнатам, будят не очень обрадованных спящих людей, чтобы спросить их имя, номер паспорта и т.п. Наконец список сдан и до следующего утра царит спокойствие.

9 час[ов]. Кофе и хлеб, забота о котором возложена на полицию.

14 час[ов]. Курица с рисом (в здании посольского дома повар посла проявляет свои способности, комбинирует суп из бобов и сосисок). Там, в многочисленных квартирах, было достаточно места для ночлега, так что никому не было необходимости ночевать на полу. Связи между обеими немецкими группами нет. Опять нужно представлять список. Через посредничество полицейских чиновников мы получаем сведения из посольского дома. Собак убивают. Ламла подсчитывает непрерывно посольские средства. Заместитель народного комиссара напоминает о представлении списка.

18 часов. В сопровождении представителя [Народного] комиссариата внутренних дел появляется г-н Павлов[I], начальник немецкого отделения Наркоминдела (о болгарском представителе немецких интересов ничего не слышно). Во время продолжительной беседы высказывает посол Павлову все свои желания. Тот уходит, и он был последним, кого мы видели из комиссариата иностранных дел. Теперь единственным, связывающим нас с миром звеном является комиссариат внутренних дел.

20 часов. Холодная закуска.

20 час[ов] 45 мин[ут]. Последний раз работа в канцелярии посольства. Все пишут анкеты, которые, наконец, сдаются. Мы ухаживаем за больными, занимаемся подготовкой ко второй ночи.

24 июня

2 час[а] 30 мин[ут]. Вой сирены, стрельба из зенитных орудий, пулеметная стрельба. Все просыпаются и вскакивают. Рассвет наступил. Некоторые спускаются в подвал, любопытные подходят к окнам, самые усталые продолжают спать. Облачка от разрывов зенитных снарядов в небе, но знатоки утверждают, что это пробная тревога (Радио на другой день подтвердило эти предположения). Все успокаиваются и погружаются вновь в глубокий сон.

8 час[ов] 30 мин[ут]. Кофе. В связи с ночными происшествиями принимаются меры к организации бомбоубежища. Подобная подготовка имела место в посольском доме.

12 час[ов] 30 мин[ут]. Посланник фон Типпельскирх проводит собрание в здании посольства со всеми присутствующими и говорит о правилах поведения на случай воздушной тревоги.

14 часов. Бобовый суп с сосисками (В посольском доме гороховый суп с салом и, как вчера — компот и вино из погреба прекрасно обеспеченного воздушного атташе[II]).

19 часов. Появляется майор Комиссариата внутренних дел, чтобы сообщить послу, что в 20 часов нас будут ожидать машины к отправке. Будем направлены в гор. Кострому на Волге, в санаторий. К сожалению, он сообщил, что находящиеся в посольстве 16 немцев должны будут остаться, т.к. они будут направлены для обмена. В посольском доме должны были остаться 2 немца и советский обслуживающий персонал.

[I] Речь идет о советском дипломате Владимире Николаевиче Павлове.

[II] Речь идет о военно-воздушном атташе при германском посольстве в Москве полковнике Генрихе фон Ашенбреннере.

20 часов. Начинается погрузка багажа. В большом пассажирском автобусе Комиссариата внутренних дел направляются члены посольства под усиленной охраной на отдаленный Ярославский вокзал. Последний прощальный обход покидаемых домов, прощание с остающимися согражданами и прислугой. Одна глава нашей жизни и нашей работы закончена.

В ЛАГЕРЕ КОСТРОМА
[IM LAGER KOSTROMA]

24 июня

21 час. На Ярославском вокзале, откуда отходят поезда на восток, нас ожидает небольшой специальный поезд с неудобными зелеными пассажирскими вагонами. Наш перрон оцеплен полицией. С находящейся рядом платформы нас охраняет также железнодорожная полиция. Места уже распределены, каждый входит в указанный ему вагон. Для посла и его сопровождающих приготовлен мягкий вагон, но без белья и каких-либо удобств. Все остальные устраиваются на голых деревянных скамьях.

Вдруг мы увидели из окна на соседней платформе несколько иностранцев, которые нас не замечали: американского посла, нескольких дипломатов, журналистов, среди них также японца, которые кого-то провожали на дальневосточную «Стрелу». К нашей радости, присутствие НКВД привело их в недоумение. Один из наших старых знакомых останавливается, он узнает нас, он нам кивает. Мы можем быть уверены, что теперь, по крайней мере, через американскую печать станет известно о нас в Германии. (В действительности американские журналисты сообщили, что они видели специальный поезд немецкого посольства, направляющийся на Дальний Восток).

22 час[а] 15 мин[ут]. Поезд трогается. Кроме постельного белья еда также не предусмотрена. Поезд затемнен, это означает, что не горит свет. Большинство начинает замерзать, т.к. лето в этом году необычно прохладное. Передвижение из вагона в вагон невозможно, т.к. выходы охраняются вооруженными часовыми. Кроме этого патрулируют уполномоченные ГПУ[1] непрерывно по вагонам, держа наготове оружие с привернутым штыком.

25 июня

Из всех чемоданов собираются продукты питания, кроме этого, нет ни еды, ни питья.

11 часов. Ярославль. Из замечаний начальника эшелона, майора ГПУ, ясно, что об отправке далее немедленно не может быть и речи, т.к. мы должны пропустить несколько важных транспортов.

14 часов. Первые требования обслуживания. Наконец, в 14 час[ов] 30 м[инут] получает посол первый хлеб, который заботливо делится на 23 человека. Этого, разумеется, совершенно недостаточно.

20 часов. Мы все еще стоим в чистом поле вблизи Ярославля. Наконец, после 24 часов, даже команда сочла нужным позаботиться о нашем питании; колбаса и хлеб. Чай также появился, разносили в ведрах. Этими продуктами был утолен хотя бы первый голод. Радостно встречали вестников с продуктами в различных вагонах, где возникло опасение, что вагон посла отцепили.

---

[1]Здесь и далее Штарке употребляет в своем дневнике название наркомата внутренних дел, существовавшее в советской России до 1923 г. — Главное политическое управление (сокр. ГПУ).

26 июня

3 часа. Поезд внезапно тронулся. Так как до нашего места назначения — Костромы, оставалось примерно час езды, многие начали подыматься. Но однообразно катится поезд по гладкой равнине около 3-х часов.

6 часов. У импровизированной платформы мы останавливаемся. Станция, кажется, еще только сроится. Несколько больших деревянных домов и вдали красная водонапорная башня — так выглядит наш санаторий. Рядом с платформой стоят автомобили и автобусы. Но только спустя 20 минут начинается выгрузка. Для посла, для посланника фон Типпельскирх, также для советника посольства Хильгер и его жены[1] поданы персональные машины. Они прыгают по короткой полевой дороге к «дому отдыха». Наконец наша маленькая колонна приходит в движение. Пять минут хотьбы, затем первый забор и вслед за ним второй досчатый забор с колючей проволокой.

6 час[ов] 45 мин[ут]. Первый обед. Столовая большая, уютная и, в противоположность сырым и холодным домам, натоплена. Сразу же после кофе, о котором никто не может сказать, кофе это или како, все ложатся спать, чтобы наверстать упущенное.

13 час[ов]. Обед. Полные ожидания, смотрим мы в обеденную карточку. Затем начинается организация. Устанавливается, что необходимо в первую очередь. В длинном письме перечисляются лагерному коменданту, — майору ГПУ, — все необходимые требования. Дальнейшие вопросы ожидают разрешения — кто будет подметать комнаты и лестницу, кто будет убирать умывальники и коридор. Неразрешимую организационную задачу представляют собою отсутствие утреннего белья, т.к. 6 полотенец имеется в наличии. Вечером большая часть населения лагеря вышла на прогулку и гуляет под наблюдением двух вооруженных полицейских в маленьком садике между домами.

27 июня

Несмотря на лето, сделалось еще холоднее. Только некоторые наши требования, которые мы изложили в письменном виде, удовлетворены. Мы получаем две примитивные метлы и т.п. Оба поста внутри за колючей проволокой исчезают. Но кроме них остаются еще кругом милиционеры и вооруженные агенты ГПУ, у которых имеются даже противогазы.

28 июня

Уже перед завтраком появились первые физкультурники. Во время утреннего кофе, — приятная неожиданность, — открывается лавка, где продается мыло, сигареты, спички и т.п. Занятия спортом, игра в бридж и забота о больных — постепенно каждый находит себе подходящее занятие. Мы не имеем абсолютно никаких сведений о военном положении, т.к. нам, несмотря на наши неоднократные просьбы, отказывают в газетах.

В полдень появился комендант лагеря и потребовал сдачи всех находящихся в наших вещах приемников, оружия и ядовитых веществ. Огнестрельное оружие мы сдали еще в Москве, но у некоторых остались ножи, которые рассматривались как кинжалы. Вечером комендант объявил нам, что сегодня в 10 час[ов] вечера прибудут члены немецкого генерального консульства в Ленинграде. Тотчас же начинаются приготовления к их приему. Комнаты принимают несколько иной вид. Постели приносятся из магазина и застилаются. Выставлены ночные посты.

---

[1] Речь идет о жене Густава Хильгера — Марии Хильгер (урожд. Хакенталь).

22 час[а] 45 мин[ут]. После многообещающего рева моторов открываются лагерные ворота, и ленинградцы выходят из машины. Когда они видят нас в лагере, они очень удивляются нашему присутствию здесь.

29 июня

10 час[ов] 30 мин[ут]. Лагерный комендант опять обращается к послу с вопросом, нет ли в домах радиоаппарата. Все обыски, произведенные немецкими комендантами по этажам, не приводят, разумеется, ни к каким результатам. Дело всплыло из-за какого-то куска проволоки, которую майор нашел в одном из домов и которая в действительности служила для прочистки засорившихся труб. Вместе с этим раздалось из дома № 2 мужское пение в сопровождении гитары. Кто бы мог подумать, что у нас такие хорошие голоса, что их можно принять за радиопередачу.

От советника Хильгер мы узнали, что после 22 часов нигде не должен гореть свет, весьма излишнее предупреждение потому, что и так в доме нигде электричество не работает. Но нельзя было зажигать и свечей. В 22 часа 30 мин[ут] все должны находиться в своих комнатах, причем комендант прибавил, что это касается не только нас, а закон по всей области. Посол обращается к коменданту, чтобы он через свое начальство в Москве сообщил представителю, выражавшему в данное время интересы Германии, т.е. болгарскому посланнику, о том, что прибыли сотрудники ленинградского консульства и чтобы он ускорил прибытие консульского персонала из Риги и Таллина.

30 июня

10 час[ов] 30 мин[ут]. Столь долго ожидаемые души сегодня заработали. В беседе комендант сообщил, что болгарский посланник должен приехать в Кострому. К вечеру неутомимые наблюдатели за железной дорогой замечают поезд, составленный из зеленых вагонов и международных спальных вагонов. Прибыл ли это болгарский посланник или, может быть, дана команда, которая потащит нас в Среднюю Азию?

ОТ ВОЛГИ ДО ТУРЕЦКОЙ ГРАНИЦЫ [VON DER WOLGA AN DIE TÜRKISCHE GRENZE]

1 июля

9 часов. Майор извещает, что на 10 часов назначается отъезд. Как? Почему? Куда? — неизвестно. Посол вызывает его и извещает, что колеблется с отъездом без уверенности в конечной цели путешествия и без извещения от защитника германских интересов — болгарского посланника.

Майор запрашивает свое начальство в Москве, и через 20 минут мы узнаем, что первым пунктом назначения является Москва, где болгарский посланник посетит посла, и что детали ему, майору, тоже неизвестны.

Укладываем чемоданы, составляем список, завтракаем, умываемся. Консул Ламла уплачивает по счету. В целом пребывание в Костроме обошлось нам в приличную сумму — 16 000 рублей.

11 часов. Отъезд на автобусах на вокзал. Поезд же появляется только в 14 час[ов] 15 мин[ут].

15 часов. Питание отсутствует. Обращаемся к майору, и он, очень смущенный, объясняет, что о питании вообще забыли. Наконец, отправляемся в направлении Нерешты. Внезапно поезд меняет направление. Теперь едем на юг, на Горький (Нижний Новгород).

18 час[ов] 30 мин[ут]. Иваново. Раздают воду и масло. Мы так голодны, что нам и сухой хлеб кажется вкусным.

20 час[ов] 30 мин[ут]. Раздают хлеб, колбасу и масло. Медленно все ложатся «в постель».

2 июля

5 часов. Прибыли в Москву, Курский вокзал.

6 часов. Прибыл Стаменов. Его сопровождает Васюков[1], начальник отделения Наркоминдела, который должен нас сопровождать в поездке. Васюков делает весьма недовольное лицо. Болгарин нам сообщает, что мы едем до Ленинакана, где 5 числа в 18 часов будем обменены. Это был путь, которого мы, исходя из практических соображений, могли бы избежать. Послу удается, таким образом, что этого не замечает Васюков, узнать от Стаменова кое-какие военные новости.

9 часов. Отправка, направление на юг. Мы начинаем понемногу устраиваться из расчета на длительное путешествие. Пищи никакой не было. Холодно и неуютно.

12 часов. Майор обещает нам еду в Курске. Он надеется, что он сможет удовлетворить нас теми продуктами, которые ему указаны в списке, переданном ему фрау Хильгер.

18 часов. Курск. Хлеб, масло, колбаса и чай. Разрешается проблема раздела и сохранения продуктов питания. Если завтра потеплеет, то встанет проблема о сохранении продуктов на 112 человек. Медленно темнеет.

Майор сказал, что в Москве к нашему поезду прицепили еще два вагона с немцами. Ни Васюков, ни Стаменов об этом ничего не говорили. Переход из вагона в вагон категорически запрещен, на каждой стороне вагона стоят вооруженные агенты ГПУ, и один постоянно ходит по проходу.

После продолжительной борьбы Вальтер получает возможность дважды в день в сопровождении агента проходить по поезду для раздачи продуктов питания, медикаментов и для опроса по нуждам. Пассажиры вновь прицепленных вагонов — транзитные путешественники и наши хозяйственники, которых мы вынуждены были оставить в Москве. Радостная встреча. Они тоже не знали, к какому поезду их прицепили, и рады, что теперь имеют хоть небольшую гарантию.

3 июля

Харьков. Полное затемнение. Посты с примкнутыми штыками стоят во время остановки в раскрытых дверях. На их мундирах видны револьверные кобуры. Рябой в нашем вагоне имеет их даже две. Мы едем дальше, в темноту.

6 час[ов] 30 мин[ут]. Уже совсем рассвело. Быстро побриться, потому что после будет много желающих, а после 6 часов бриться запрещается. В процессе хождения по вагонам Вальтер установил, что вагон-буфет 3-го класса прицепляется к нашему поезду и в нем размещены примерно 40 человек охраны ГПУ.

7 часов. Начал работу вагон-буфет — маленькая горбатая женщина приносит бутерброды, консервы. Она нас провожала до самой границы. В некоторых вагонах ее называли по русскому балету — «Конек-Горбунок», в других — «прабабушка Украины». Мы ей благодарны потому, что с небольшими возможностями она делала много.

---

[1] Речь идет о советском дипломате А.П. Васюкове.

16 часов. Азовское море.

20 часов. В одном из жестких вагонов нет матрацев. Длинные дискуссии с майором, который в конце концов обещает достать матрацы в Ростове.

21 час 30 мин[ут]. Возмущение потому, что матрацев еще нет. Люди уже совершенно разбиты от лежания на голых досках. Но надежда на матрацы вновь появляется. Васюков до сих пор не появился. Посол просит майора зайти к нему. Тот, наконец, появляется. Посол передает ему длинную телеграмму Стаменову, в которой, прежде всего, требует немедленного разъяснения по поводу отсутствия «ревельцев». Васюков обещает позвонить из Махач-Калы, в этом случае ответ может поступить уже в Тифлисе. Надежды на матрацы в Ростове приводят опять к спокойствию.

4 июля

Встаем. Начинается новый день.

9 часов. Васюков вообще до сих пор еще не появляется.

9 час[ов] 30 мин[ут]. Майор, возмущенный, приходит в вагон и объясняет нам, что из вагона транзитных пассажиров фотографировали местность. Он требует немедленно собрать все фотоаппараты и пленки. Вслед за этим выясняется, что одна из пассажирок высунула в окно зеркало, чтобы посмотреть, кто сидит в соседнем вагоне. Мы очень довольны, что этот случай с мнимым фотографированием не имел серьезных последствий.

9 час[ов] 45 мин[ут]. Обход. Появляются первые больные. Желудочные и простудные заболевания. Обходящий вагоны не узнает Гроппера[1]. Он стал жертвой клопов. Один глаз и щека заплыли. Одно ухо стало совершенно бесформенным. Едва слышно стонет он и просит порошка против клопов. Примет ли его лицо когда-либо вновь прежние формы?

10 часов. Эльбрус. Кавказский хребет.

14 часов. Грозный. Бурильные вышки. Запах нефти.

15 часов. Прибегает возбужденный рябой и говорит Вальтеру, что один из агентов установил у г-на фон Типпельскирх автоматическое огнестрельное оружие. На его лице — расстрел, ссылка или еще что-либо худшее. Мы обращаемся к обвиняемому. Выясняется, что «автоматическим оружием» был прибор для бритья. Рябой и агент, нашедший «оружие», уходят с растерянными улыбками и с угрожающим взглядом на наши довольные лица. Теперь он больше не явится с подобной чепухой.

17 часов. Махач-Кала.

19 часов. Дербент. Аланские ворота. Дискуссия. У каждого еще сохранилось в памяти кое-что от школьных лет. Браво, браво! Корреспондент за всю долгую школьную жизнь не видел более оживленной научной конкуренции.

5 июля

3 час[а] 10 мин[ут]. Баку. Вопреки нашим расчетам, у нас 7 часов опоздания. Таким образом, мы ни в коем случае не сможем приехать вовремя к обмену. Прекрасная, но очень жаркая поездка по Кавказу.

16 часов. Через Тифлис на Ленинакан. От Васюкова никакого ответа.

16 часов 30 мин[ут]. Первая советская газета, ее дает местный агент НКВД.

---

[1] Речь идет о немецком дипломате Хорсте Гроппере.

6 июля

3 часа. Ленинакан. Мы проезжаем мимо эшелона с танками. Некоторое время нас возят туда и обратно и затем ставят на запасной путь рядом с другим эшелоном танков. Вокруг посты и часовые с примкнутыми штыками.

9 часов. Появляется Васюков, чтобы сообщить, что турецкое правительство сможет нас принять только 8 и 9 числа. В остальном все в порядке. Советское посольство уже на болгарской границе. Сотрудник генеральных консульств в Батуми и Тифлиса Лидке[1] уже в Ленинакане. Второй транспорт с немцами вышел 5-го [июля] из Москвы. Мы разочарованы, но, в конце концов, два дня ничего не составляют. По всей вероятности, их будет больше потому, что посол заявил Васюкову недвусмысленно, что без Бултемейера и без точных данных о судьбе рижан не покинет страны. Он передал ему длинную телеграмму о штатном комплекте для имперского правительства. Если даже Бултемейер находится во втором поезде, он прибудет не ранее 9 числа.

11 часов. Проходит сильная гроза. Духота и жара немножко спали.

12 часов. Первые попытки борьбы с охраной за мелочи повседневной жизни. После долгих колебаний майор разрешает открыть хотя бы два окна в каждом вагоне. Во время поездки все окна должны быть закрыты. Прежде всего, посол требует, чтобы сопровождающие его получали хоть один раз в день горячую пищу, так же, как и беспрепятственное санитарное обслуживание и возможность выходить из вагона.

14 часов. Чрезвычайное событие. Первый раз от Костромы горячая пища. Ее разносят едва говорящие по-русски армяне. В семь часов пищу получает последний вагон. Во время вечернего обхода можно констатировать, что больных стало меньше.

7 июля

4 часа 30 мин[ут]. Подъем. Становится все труднее выбрать 10 минут для бритья потому, что за ночь появились вновь больные.

7 часов. Проводник вагона утверждает, что на всем вокзале не найти кипятку. Таким образом, мы должны обходиться без чая. На завтрак вода и черный хлеб. В конце концов, появляется «Конек-горбунок» с бутербродами.

9 часов. В конце концов, и проводник принес воды, и фрау Хильгер приготовляет чай.

16 часов. Обед. Игра в карты. Обход. Настроение хорошее. К сожалению, прибавляется количество желудочно-больных. Спать ложимся рано. Возобновляется борьба за открытые окна. Погода жаркая и ветреная. В вагоне 34 градуса жары.

8 июля

Васюков заявляет послу, что ситуация полностью изменилась. Германское правительство имеет намерение произвести обмен советского посольства на болгаро-сербской границе. Посольство находится в Белграде, который совершенно разрушен. Советское правительство отклоняет болгаро-сербскую границу как место обмена. 99 человек русских недостает. В конце концов, переговоры ни к чему не привели и велись в слегка напряженной атмосфере. Что-то будет дальше! Посол пытается через Васюкова послать еще одну телеграмму о ревельцах к Стаменову, но Васюков отклоняет, т.к. он должен дождаться прихода поезда.

---

[1] Возможно, речь идет о немецком дипломате Гансе Лидке.

16 часов. Майор сообщает нам, что мы будем получать регулярно газеты. 10 экземпляров заказаны в Ереване (Мы их никогда не получили).

10 часов 15 мин[ут]. Первая прогулка по платформе. Каждый вагон отдельно по 20 минут. Горячий ветер несет нам навстречу пыль, несмотря на это мы рады немного размять ноги. К вечеру наводняют вокзал многочисленные комиссии: ГПУ, офицеры, врачи, гражданские лица. Вероятно, завтра, прибудет ожидаемый поезд.

9 июля

4 часа 15 мин[ут]. Прибыл второй поезд. Обещания специалиста по этим вопросам Хильгера сбылись. Осторожно смотрим мы в бинокли, кто стоит у окон. Несколько итальянцев, болгар, финнов. Из немцев узнаем Динстманн[I], сотрудников корабельной кампании. Позже увидели мы и румын и словаков. Почти половина московского дипломатического корпуса находится теперь в Ленинакане. Славу богу, Бултемейер прибыл и вечером получил разрешение на переход из другого поезда к своей жене. От Стаменова мы пока еще ничего не слышали. Генеральный консул Динстманн получил разрешение разыскать и собрать своих людей. Майор сообщил нам, что 20 человек, обладателей дипломатических паспортов, могут пойти обедать в салон подошедшего поезда. Но посол попросил, чтобы это было предоставлено пассажирам жесткого вагона, женщинам, детям и т.п., что и было решено.

18 часов. Прогулка. Четверть часа. Никто не понимает, почему так поздно. Скорей всего забыли дать распоряжение. На протест посла ему разрешается покидать поезд в любое время и проходить по поезду. Кроме этого, получили разрешение на посещение других вагонов — посланник, советник, генерал[II], фрау Хильгер, Штейн, Вальтер. Послеобеденное время проходит в рассуждениях на тему о том, для какой цели сроится маленький деревянный домик при вокзале. Проверка паспортов, таможня, лавка, место сбора для пассажиров всех вагонов и прочие предположения. Действительное назначение стало ясным на следующее утро, когда домик остался без крыши и когда пассажир подошедшего поезда в ночных туфлях и халате, немного растерянно, быстрым движением скрылся в домике. Теперь нет никакого сомнения о назначении домика.

10 июля

10 часов. Васюков сообщает нам, что Деканозову не хватает 99 человек. Васюков явно не в духе. Надежда на скорый переход границы падает. Несмотря на это посол получает возможность позвонить по телефону в Карс представителю турецкого министерства иностранных дел. Но это оказывается невозможным по техническим причинам. Таким образом, послу придется ехать на границу.

11 часов. Группа людей направляется к другому поезду, среди них также иностранцы. Этот турок Шемзадин, до 1936 года секретарь турецкого посольства в Москве, которому поручены переговоры по процедуре обмена. Посла приглашают на переговоры в вагон-ресторан. Он возвращается. Он должен дать ноту о своей готовности перейти границу и список всех, с ним едущих. О 99 недостающих русских больше ни слова. К чему был о них весь вчерашний разговор, остается неясным.

[I] Речь идет о немецком дипломате Карле Динстманне.

[II] Вероятно, речь идет о германском военном атташе в Москве генерал-майоре Августе Кёстринге.

12 часов 30 мин[ут]. Нота и списки готовы. Турок с ними уезжает.

13 часов. Майор просит всех имеющих дипломатические паспорта и пользующихся правом бесконтрольного проезда взять свой багаж из багажного вагона. Это уже серьезные приготовления к отъезду.

17 часов. У багажного вагона соседнего поезда возникают внезапно горы багажа. Майор нам сообщает, что это наши личные вещи, присланные из Москвы. Что это может быть? Майор вдруг говорит, что каждый может из этой горы багажа выбрать вещи, ему принадлежащие. Начинается дождь. Абсолютно темно. Никто ничего не находит. Впечатление от багажа очень разочаровывающее.

11 июля

5 часов утра. Подъем. Новые больные, слабые, бледные и нервные. Состояние здоровья начинает создавать угрозу.

8 часов. Завтрака нет. Хлеб и вода от вчерашнего дня. Горячей воды тоже нет, а чай, заваренный на отстоявшемся нарзане, не доставляет никакого удовольствия. Запасы чая тоже постепенно тают.

8 часов 30 мин[ут]. Прогулка. Наш багаж лежит нетронутый в багажном вагоне. Мы просим майора начать таможенную проверку днем.

9, 10, 11 часов. Васюков приходит с телеграммой от Стаменова. Собственно говоря, ничего нового, но и ничего плохого. Стаменов ничего не знает о 99 пропавших. Посол долго разговаривает с Васюковым.

Основой разговора является пропорциональный обмен, на котором настаивают русские. Советское посольство, кажется, опять на болгаро-турецкой границе. Это уже хоть что-то. Васюков просит начать собирать советские деньги. Одновременно он заявляет нам, что вечером встретится на границе с турками. Может быть, станет известно что-либо новое. Он долго говорит о завтрашнем отъезде. Ему, видно, тоже хочется обратно в Москву. Но это, кажется, единственная причина его оптимизма. Мы набираемся терпения. О багаже ничего нового. Опять новые больные.

12 июля

Рано встал. Борьба с неприятностями продолжается, мухи мучают все больше, санитарные условия все невыносимее. Сегодня опять очередь у домика.

8 часов. Васюков сообщает, что у турок нет никаких данных о возможности приема русских на болгарской границе. Итак, опять ждать.

15 часов. Корреспондент был сегодня в вагоне-ресторане, где из очень ограниченных средств предлагается немного лучшее обслуживание и имеются ложки и вилки.

16 часов. Майор опять предлагает начать сбор русских денег. Нам не совсем понятна такая спешка потому, что все перспективы нам представляются еще очень туманными.

19 часов. Медленно темнеет. Майор просит нас осмотреть пришедший из Москвы багаж. Радостно открываются первые чемоданы. Разочарование. Старые тряпки, разорванные вещи, непригодные ботинки находим мы вместо ожидаемых вещей. Все возрастающая надежда на скорый отъезд.

20 часов 30 мин[ут]. Васюков еще раз напоминает о деньгах, т.к. мы «вероятно, завтра, уезжаем». Никто как следует этому не верит. Несмотря на это каждый к этому готовится.

23 часа. Ламла, который препроводил остатки багажа в таможню, сообщил, что время истекло, поэтому багаж будет пропущен бесконтрольно. Получится ли что-либо из завтрашнего отъезда?

13 июля

1 час. Ламла будит меня, чтобы сообщить, что некоторые ковры должны быть еще раз просмотрены, нашлось также некоторое количества серебра. Прямо из глубокого сна в таможню. После двухчасовых разговоров унес корреспондент 5 ковров и коробку серебра, которые ему не принадлежали. Таким образом, хоть на что-либо ему пригодился таможенный лист.

3 часа. Возвращаясь с таможни, мы видим пассажиров, у которых проверяют ручной багаж, при этом освещение совершенно исключительное. Упаковываем чемоданы.

6 час[ов] 30 мин[ут]. Васюков прибыл. Мы едем. Вновь маневрируем, полчаса, час.

9 час[ов] 55 мин[ут]. Поезд медленно трогается и выезжает из вокзала Ленинакана. Так далеко!!

10 час[ов] 20 мин[ут]. Граница достигнута. Мы стоим и ждем.

12 час[ов] 30 мин[ут]. Посла приглашают в салон-вагон, где сидят Васюков и уполномоченные НКВД. Протокол передачи написан Васюковым и турком. Посол еще раз проходит по вагонам, чтобы убедиться, что все действительно на месте. Протокол подписывается, затем мы едем дальше. Через несколько минут Васюков и уполномоченные НКВД сходят. Они стоят вдоль поезда, и мы медленно проезжаем мимо них. Мы свободны!

Перевела: переводчик 4 отдела 3 ГУКР МГБ лейтенант ШИЛОВА

ЦА ФСБ России. Р-49170. Приложение, л. д. не нумерованы. Заверенная машинописная копия.

№ 144
ИЗ ДНЕВНИКА Г. ШТАРКЕ[1]

13 июля—24 июля 1941 г.
[б/м]

[Перевод с немецкого]

[«DURCH ANATOLIEN NACH STAMBUL»]

13 июля

В 14 час[ов] 25 мин[ут] мы проезжаем советско-турецкую границу. В купе поднимаем гардины, открываем окна. Через несколько минут уходят наши караульные. Итак, — мы на свободе и вне опасности. Наша радость безгранична, хотя она после переживаний за последние недели выражается в довольно сдержанной форме.

Поезд останавливается. Нас приветствует немецкий консул Енсен из Трапезунда, который должен нас сопровождать до Ерзерума. Консул представляет нас советнику посольства Шемзадину, представителю турецкого правительства и итальянскому консулу, который очень огорчен, что его люди не могут нас встретить, т.к. они должны были остаться еще на несколько дней в Ленинакане вместе с датчанами и финнами.

---

[1] Вторая часть дневника в подлиннике на немецком языке состоит из двух частей: «Из Анатолии в Стамбул» (13—18 июля 1941 г.) и «От Золотого Рога до Берлина» (20—24 июля 1941 г.). Фамилия переводчика на документе отсутствует.

Консул Енсен сообщает нам последние известия об успехах немецкой армии на Восточном фронте. Это первые немецкие сведения о новом театре военных действий, которые мы узнаем. До сих пор мы получали только советские сведения, из указанных там мест могли судить о планомерном продвижении немецкой армии.

Поезд тронулся дальше и останавливается на первой турецкой станции Арадшай. В нашем распоряжении полчаса, мы прогуливаемся по перрону. Посол приглашен выпить чашку турецкого кофе.

В 15 час[ов] 30 мин[ут] мы выезжаем из Арадшай. После интересной поездки среди голых величественных гор Армении мы приезжаем в 19 час[ов] в Каре, где встречают нас очень радушно. Вали (Wali), командующий парадом генерал, начальник полиции, директор вокзала приветствуют нас на перроне. Посол обошел фронт людей, встречающих его громкими криками.

На вокзале в двух помещениях, украшенных цветами, устроен буфет с холодными турецкими кушаньями и напитками. Хозяин вокзала заводит единственную, как-то попавшую в этот отдаленный уголок Турции, немецкую пластинку «Степная розочка». Немецкие гости тронуты этим дружественным жестом, все подпевают.

Ленинградцы отличаются особенно, они до отхода поезда поют несколько солдатских песен. Турецкий генерал собирает своих офицеров, и они поют в ответ. Это сердечное излияние немецко-турецкой дружбы продолжается до отхода поезда. Мы все еще сидим в нашем старом советском поезде с широкой колеей до Саракамыши, здесь в горной местности будет наша последняя остановка.

В 23 час[а] прибывают первые вагоны, спустя час остальные (ввиду крутого подъема поезд в Ардашай был расцеплен). Ночью и утром наш багаж погрузили в два вагона с узкоколейкой и отправили их под руководством майора Шубута[1] и консула Ламла в Ерзерум. Наша ленинградская строительная кампания присоединяется к этому транспорту.

Другие мирно спят последнюю ночь в советском поезде и первую ночь снова обретенной свободы. Можно было открыть окна, запереть двери купе, и в этом уже не могли помешать караульные ГПУ. За больными, которых немало после напряженного переезда границы, ухаживают турецкие врачи.

14 июля

Утром нам выдают бутерброды, и можно выпить прекрасный чай, даже с коньяком и ромом. Начал идти дождь, но когда мы в 8 час[ов] 30 мин[ут] выехали на автомобилях из Саракалши, солнце сияло снова ярким блеском.

Поездка на автомобилях была для большинства не удобнее, чем длинное путешествие по узкоколейке в вагонах с жесткими деревянными скамейками. Автотранспорт здесь прекрасно организован. Каждый имеет место, больных отправляют в особых вагонах, в каждой партии находится врач, аптекарь, проведен телефон.

За нами следует автомобиль, нагруженный необходимыми при аварии материалами. Во время путешествия у нас сломалась ось, ее починили через полчаса. Автопоездка от Саракалши до Ерзерума длилась $9^1/_2$ ч[аса]. Она сопровождалась сперва небольшим дождем, а потом ливнем. В промежутках от дождя мы наслаждались теплом и сухостью гигантской природы турецких гор.

---

[1] Речь идет о заместителе германского военного атташе в Москве майоре Владимире Шубуте.

На пути небольшие передышки и длительный отдых в Хассан Кале, где и проверили наши паспорта. Хассан Кале расположен у подножья прекрасно очерченной горы в форме кегли, раньше это место было известной крепостью, теперь оно славится своими источниками. Население приветствует нас сердечно. На востоке страны излияние чувств более теплое, откровенное, чем на западе.

В 18 час[ов] мы въезжаем в старую крепость Ерзерум. Перед нами раскрылись страницы из сказки «Тысяча и одна ночь»: узкие, кривые переулки, решетчатые окна, фонарики на гаремах, пестрая восточная жизнь, веселые базары, продавцы и ремесленники с интересом осматривают наш караван.

И здесь, наряду с восточной грязью, прекрасное, современное здание вокзала с европейскими удобствами — конечный пункт ж[елезной] дороги, обязанной своим возникновением Кемаль Паша Ататюрк. Нас приняли радушно, угощали турецкими кушаньями и напитками. К вечеру люди, багаж были распределены в специальном поезде, шедшем безостановочно в Константинополь. Наш посол граф Шуленбург обменялся телеграммой с послом фон Папен в Анкаре. Ночью, в 3 час[а] 30 мин[ут], поезд тронулся.

15 июля

Мы едем через совершенно незнакомые нам горы Анатолии, через его огромные хребты, мощные горные реки, романтически расположенные селения. От Ерзерума до Анкары мы проезжаем не менее 190 туннелей.

Величественнее всего природа вблизи моста «Чорта», перекинутого через Ефрат, вдоль верхнего течения которого мы ехали все время. В 12 час[ов] ночи в Савиче больных посетил врач.

Нашего посла уведомили по телефону из Анкары, что он вместе с советником посольства Хильгер и его женой и с советником миссии фон Вальтер поедет из Анкары не поездом, а полетит самолетом ускоренно в Берлин.

16 июля

В 16час[ов] 30 мин[ут] грандиозная встреча и прием в Анкаре. Нас приветствует господин фон Папен с членами посольства. Среди его спутников находится секретарь посольства Протокольного отдела Министерства иностранных дел д-р Петер Пиркхалл, он сообщает нам о дальнейшей заботе о нас правительства и о нашей судьбе. Пиркхалл сопровождал поезд с советскими дипломатами, с которыми мы поменялись, до Турции. Из Анкары посол послал телеграмму с выражениями благодарности генералу фон Карс, возглавлявшему почетный караул при приветствии, а также всем представителям из провинций, которые мы проезжали.

Советник миссии Клейбер[1] передал послу фон Типпельскирх телеграмму Министерства иностранных дел, в которой сообщалось, что ему поручают руководство транспортом и что нам предоставляют четырехдневный отдых в Стамбуле на первоклассном румынском пароходе «Бессарабия».

Посол, сердечно простившись со всеми членами посольства, покидает вместе с господином и госпожой Хильгер и господином фон Вальтер наш транспорт.

Посол фон Типпельскирх выражает ему благодарность от имени всех людей, возвращавшихся на родину, за прекрасное руководство и заботу. Особо сердечную благодарность выражают также жене Хильгера, ухаживающей за

---

[1] Речь идет о немецком дипломате Манфреде Клейбере.

больными и теперь передавшей свой участок работы фройлян Текленбург[I], руководительнице нац[ионал]-социалистического общества в Москве.

Вместе с послом и его тремя попутчиками покидают поезд трое наших представителей прессы. Другие возвращающиеся на родину наслаждаются фруктами, освежающими напитками, преподносимыми женщинами из первой немецкой колонии, расположенной на нашем пути.

Многие из нас отсылают телеграммы на родину. После часового отдыха диктор, который перед этим приветствовал нас и давал указания на немецком языке, приглашает нас занять места. В 7 час[ов] 30 мин[ут] поезд выезжает из турецкого города. До поздней ночи в ресторанах поезда царит оживление, затем последний взгляд на серп луны, стоявший, как турецкий герб, на ясном небе, среди прекрасных, блестящих восточных звезд, — и все стихает.

17 июля

Перед нами из окна купе расстилается Мраморное море. Пустынную и небогатую растительностью равнину, которую мы проезжали в последние дни, сменяет богатый береговой ландшафт со многими населенными пунктами и курортами. В 7 $^1/_2$ [часов] мы достигаем Гёниш [Gönysch], жемчужины Мраморного моря. В 9 $^1/_2$ [часов] поезд подъезжает к конечному пункту — Хайдар-Паша. Для встречи, наряду с немецким генералом-консулом Зейлер и его женой, вышли представители немецких вооруженных сил и турецких властей. Быстро выгружают багаж и переносят на особый пароход, который доставит нас из Хайдар-Паша в Галати.

Поездка по Босфору, мимо вершин Сераиля [Serailspitze] до входа в Золотой Рог, способствует неизгладимому впечатлению, произведенному красотой исторического города между двумя морями.

Маленький пароход, на котором мы пили кофе, причаливает к пристани в Галати, рядом с большим новым пароходом «Бессарабия», взятым по найму для нас генер[альным] консульством у румынского пароходного общества. Как только были распределены каюты, носильщики внесли ручной багаж на борт, где уже разворачивалась пестрая жизнь и движение. Помощники немецкой колонии открыли справочное бюро, в котором господин Дуплитцер давал различные справки, рядом с представителем АО[83] действовали господин Либл и фрау Прейсер [Frau Rektor Preusser].

Молодой священник Крибель заботился о доставке почты. Представители прессы д-р Диц [Dr. Diez] и Брель [Brell] раздавали ежедневно ожидаемые с большим нетерпением издания «Турецкой почты» [«Türkischen Post»]. Секретарь немецкого консульства Лейтцке [Leitzke] и его жена, находящиеся на пароходе, показали себя как прекрасные организаторы и советчики. Также вице-консул de Chapeaurouge [де Шапо-Руж][II] заботился о нас неустанно, а впереди всех был генерал-консул Зейлер и его жена.

18 и 19 июля

Стояли душные дни и ночи. Это нелегко было переносить тем людям, которые несколько недель тому назад покинули Россию с ее зимами. Пассажир парохода испытывал под влиянием жары ужасное напряжение нервов, но, к счастью, это быстро проходило и без тяжелых последствий. Больных отправили в хорошую больницу под наблюдение врача Квинке [Dr. Quinke], кото-

[I] Речь идет о сотруднице германского посольства в Москве Гертруде Текленбург.
[II] Возможно, речь идет о немецком дипломате Альфреде де Шапоруж.

рый еще на борту вместе с румынскими медсестрами нес свою обязанность. Здоровые, — их было бульшее количество, — участвовали в проводимых директором Шейрманом [Oberstudiendirektor Scheüermann] и д-ром Биттелем [Dr. Bittel] прогулках через старый Бизанс или в поездках в Моде и Тарабию.

18 июля граф фон Шуленбург, который прервал свой полет в Берлин в Истамбуле, посетил «Бессарабию» и оставался там некоторое время. Вечером 18 июля посол фон Папен, а также посланник Кроль[I] и Енке[II] пригласили руководящих лиц московского посольства, где представился удобный случай установить связь между членами посольства в Анкаре и немецкой колонией в Истамбуле.

Неизгладимое впечатление, произведенное парком у здания немецкого посольства, где на тихом кладбище покоится немецкий посол фон Вансенхейм[III] и генерал-фельдмаршал фон Гольтц-Паша[IV]; вечно останутся в памяти голубые волны Босфора.

ОТ ЗОЛОТОГО РОГА ДО БЕРЛИНА [«VOM GOLDENEN HORN NACH BERLIN»]

20 июля

Последний день в Константинополе. Прогулку к прекрасно расположенным спортивным площадкам и к бассейну Моды, предполагавшуюся на день, пришлось сократить. В 15 час[ов] все уже было на борту. Белье, которое мы отдали по прибытии, принесли вовремя из прачечной, во всех каютах старательно упаковывалось.

Три столовые парохода в последний раз соединили гостей за прекрасным ужином. В 18 час[ов] 30 мин[ут] перенесли багаж с борта, в 19 час[ов] 30 мин[ут] гости покинули пароход. Их подвезли на автобусах к вокзалу Истамбула. Погрузкой багажа занялась фирма Шеннер. Пассажиры ожидали в здании вокзала, пока распределяли места в поезде. В 22 час[а] поезд выехал из Истамбула.

21 июля

В 6 час[ов] 25 мин[ут] мы прибыли на маленькую станцию Бабаески, т.к. турецкий мост перед Адрианополем и греческий мост за этим городом был разрушен, то мы вынуждены были ехать по исключительно плохому шоссе, тянувшемуся между Бабаески и Свиленградом, оно служило единственной связью между Европой и Азией.

Нас отправили в автобусах к болгарской границе. В 7 час[ов] 40 мин[ут] колонна тронулась из Бабаески. В 12 час[ов], после небольшой аварии, мы въехали в пограничную турецкую станцию Капукули. Перед этим у нас была небольшая остановка в Адрианополе, где представитель вали (Wali) пригласил руководящих лиц транспорта посетить известную мечеть султана Селима. Отправка поезда на турецкой границе произошла очень быстро.

Мы сердечно простились с добровольными помощниками немецкой колонии в Стамбуле, они сопровождали нас до границы, хотя немецкое генеральное консульство в Стамбуле дало нам переводчика, который мог оказать нам нужную помощь. Вице-консул de Chapeaurouge ([де Шапо-Руж]) сопровождал нас до первой болгарской станции Свиленград. На болгарской границе на станции Андреево нас ожидал секретарь нем[ецкого] посольства

[I] Речь идет о немецком дипломате Гансе Кролле.
[II] Речь идет о немецком дипломате Альберте Енке.
[III] Возможно, речь идет о немецком дипломате Гансе Фрейхерре фон Вангенхейме.
[IV] Речь идет о немецком генерал-фельдмаршале Кольмаре фон дер Гольце.

Массов[I] [Legationssekretär von Massow], который сопровождал транспорт до Берлина, кроме того, военный атташе при немецкой миссии в Софии полковник Брукманн [Oberst Bruckmann], также представитель НСДАП в Болгарии господин Деркен [Dörken].

С болгарской стороны были начальник 2-й дивизии в Пловдиве генерал Николов [General Nikoloff] и как представитель болгарского Министерства иностранных дел — советник посольства Штрантшеф [Strantscheff].

На вокзале Свиленград мы увидели долгожданный немецкий поезд, который должен был отвезти нас на родину. Находчивые товарищи открыли на вокзале маленький источник с чистейшей водой, который мог утолить жажду и требования чистоты.

Посланник фон Типпельскирх послал телеграмму фон Папен, генеральному консулу Зейлер и капитану «Бессарабии» с выражением благодарности. Прекрасный болгарский врач Донев берет заботу о наших больных. В последний раз просматриваем багаж, и его нагружают и опечатывают. При распределении мест в поезде каждый получил спальное место, несмотря на большое количество пассажиров. В полдень мы пригласили к завтраку представителей болгарского правительства. В 21 ч[ас] 15 мин[ут] мы покинули Свиленград.

22 июля

Вот уже месяц идет немецко-русская война. Утром нас приветствуют склоны Родоп. В предместье Софии мы видели болгарского царя Бориса, отдыхавшего от верховой езды на одной из скамеек вокзала.

В 8 ч[асов] 35 мин[ут] наш поезд прибывает на вокзал болгарской столицы, где нас встречает поверенный в делах, советник консульства Морманн[II], а также д-р Дреслер и помощник военного атташе ст[арший] лейтенант граф Рюклер[III], представитель от болгарского правительства, секретарь посольства Салтин. Женщины немецкой колонии принесли молоко и др. освежающие напитки для женщин и детей, мужчинам раздали папиросы.

В 9 ч[асов] 25 мин[ут] мы едем через болгарскую землю, принявшую нас так радушно и представляющую собой впервые европейскую культуру после поездки по большевистской стране и М[алой] Азии.

В полдень у Ниши мы достигли оккупированной сербской территории. Ночью, в 12 ч[асов] 30 мин[ут], мы въезжаем в Семлин у Белграда. Начальника транспорта приветствует представитель Министерства иностранных дел при военном управлении в Сербии д-р Полашек[IV], который затрагивает различные вопросы, связанные с нашей поездкой, а в особенности, проблему разрешения в Берлине возвращающихся на родину из России.

23 июля

Ночью дождь и похолодание. В 9 ч[асов] 20 мин[ут], после того, как начальник транспорта посланник фон Типпельскирх окончил обход поезда, мы въезжаем в Агрма, в столицу свободной Хорватии. Для приветствия прибыли личный референт немецкой миссии штандартенфюрер Реквард[V] [der persönliche Referent des Deutschen Gesandten, SA-Standartenführer Requard] с другими партийными представителями.

[I] Речь идет о немецком дипломате Детлефе фон Массове.

[II] Речь идет о немецком дипломате Антоне Морманне.

[III] Так в документе, в подлиннике на немецком языке — der Gehilfe des Militärattaches, Oberst-Leutnant Graf Pückler. Возможно, речь идет немецком офицере Фридрихе фон Пюклере.

[IV] Речь идет о немецком дипломате Вальтере Франце Полашеке.

[V] Речь идет о немецком дипломате Вилли Рекварде.

Три секретарши немецкого посольства в Москве, только что узнавшие свою судьбу, были оставлены в Аграме для работы в немецкой миссии[I]. Поезд тронулся через полчаса. К 11 ч[асам] мы достигли хорватской пограничной станции Саваки-Мароф, спустя четверть часа — новую пограничную станцию Штирин Добава. Итак, мы вернулись на родину. С 15 до 16 ч[асов] мы отдыхали в старом нем[ецком] городе Марбург на Драу, возвращенный к Германии в войну на Балканах. Разрушенные мосты и туннели, которые еще восстанавливаются, доказывают, как тяжел был путь немецкой армии.

Мы едем вдоль Драу по чарующей горной местности. В 18 ч[асов] прибываем в Грац, столицу Штирии. Вечером гроза, дождь, но это не могло затемнить прелести дороги, приведшей нас через Мур и Лейтхаталь в Вену. В 23 ч[аса] мы въезжаем в полузатененный Южный вокзал Вены, здесь нас покидают венгерские и словацкие дипломаты и их штат, а также семь человек из московской охраны и 27 транзитных пассажиров, проживающих в Остмарке или едущих отсюда самостоятельно в Южную Германию.

Встреча в Вене происходит под знаком сердечной дружбы. Ряд руководящих членов партийных инстанций приветствовали нас часом позже. В качестве представителя наместника фон Ширах руководитель округа Амбрушиц приветствует посланника фон Типпельскирх, в это время хауптштелленлейтер д-р Герлах[II] и Нойвирт передают приветствия и пожелания гайлейтера АО, государственного секретаря Боле. О детях проявлена особая забота. Разносят чай, завтраки, мужчинам раздают папиросы. Кто еще не очень устал от напряжений за последние дни и недели, беседует до отхода поезда с делегатами партии и венскими сестрами [Wiener Schwestern].

24 июля

В 7 ч[асов] мы проезжаем Линц. Сегодня исполняется месяц с тех пор, как мы покинули Москву. Теперь настал последний день нашего путешествия. В 9 ч[асов] мы останавливаемся в Пассау, спустя 2 часа в Регенсбурге, затем едем по Северогерманской низменности. С 16 час[ов] 30 мин[ут] до 17 час[ов] 10 мин[ут] — наша последняя остановка в Лейпциге-Шёнефельде.

В 20 ч[асов] наш длинный особый поезд въезжает в здание вокзала. Для встречи вышел регент(дирегент) персонального отделения в Министерстве иностранных дел посланник Бергманн[III], руководитель Русским рефератом советник посольства Штрак[84], далее гаулейтер АО и НСДАП государственный секретарь Боле, гаулейтер Аллерманн и во главе родных, знакомых — «наш» посол граф Шуленбург, который прилетел в Берлин раньше нас.

Три дня мы как гости Министерства иностранных дел проведем в отеле. О всех возвращающихся на родину, нуждающихся в помощи, заботится Фашистское благотворительное общество[85].

На следующий день мы собираемся в зал заседания Министерства иностранных дел на Вильгельм-штрассе, где нас сердечно приветствовал государственный секретарь [von Herrn Unter Staatssekretär Woermann]. Мы получаем четырнадцатидневный отпуск и ждем приказа о нашем дальнейшем применении. Путь на Восток опять свободен [Der Weg nach Osten wird wieder frei].

ЦА ФСБ России. Р-49170. Приложение, л. д. не нумерованы. Подлинник. Рукопись.

[I] В их числе были фройлян Циммерман и фройлян Энике.

[II] Речь идет о немецком враче и дипломате, бригадефюрере СС Вернере Герлахе.

[III] Речь идет о немецком дипломате Гельмуте Бергмане.

№ 145
ЗАМЕТКА Г. ШТАРКЕ «КТО ТАКОЙ ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ?»

15 января 1942 г.
Берлин

Перевод с немецкого

Референт Штарке

КТО ТАКОЙ ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ?

Илья Эренбург — чистокровный еврей и женат также на чистокровной еврейке, принадлежит к известнейшим, а также одареннейшим писателям большевистской современности. Родился он в 1885 году в Москве, где окончил русскую гимназию.

Перед войной 1914 года он еще не выступал в литературе. Во время большевистской революции он примкнул к белогвардейцам. Впервые он стал известен благодаря своему стихотворению «Молитва за Россию», очень распространенное в то время среди эмигрантов, произведение патриотическое, носящее антибольшевистский характер.

С белогвардейцами бежал Илья Эренбург в 1919 году за границу, в Париж, где проживал почти безвыездно до прихода немецких частей в 1940 году. Он написал много романов, среди которых самый известный роман из жизни испанского народа — «Хулио Хуренито».

После выхода в свет этой книги коммунисты вновь заинтересовались Эренбургом. Эренбург со школьной скамьи был дружен с Бухариным и, благодаря своей принадлежности к еврейской национальности, близок со многими руководителями советского правительства.

Таким образом, стало возможным примирение с советской властью, которое он, своим присутствием там в 1926 году, провозгласил на весь мир. После этого он возвратился обратно в Париж, на этот раз вполне легально.

Если ранее Илья Эренбург не выступал в политической печати, то теперь он стал писать враждебные Германии статьи, особенно после образования Третьей Империи. В газете «Известия» он подвергает обсуждению проблему Саара и Эльзас-Лотарингии в резко враждебной Германии форме. В одной из статей в газ[ете] «Известия» от 7.11.1935 года под названием «Танец смерти» он самым подлым образом иронизирует над происхождением национал-социализма. («Они рассматривают бицепсы производителей и широкие задние части производительниц».)

В гражданской войне в Испании он принимал участие в качестве корреспондента советской печати. Перед этим у него состоялось второе примирение с Москвой, т.к. его превосходная с литературной точки зрения новелла «Беспризорные» (речь идет о детях, которые стали беспризорными после голода в Советском Союзе), не встретила сочувствия у его московских друзей.

После гражданской войны в Испании Эренбург не появлялся в печати до августа-сентября м[еся]ца 1940 года, когда он выступил в газ[ете] «Труд» со статьей об оккупированной Франции, которую он покинул только в конце июля 1940 года.

Германское посольство в Сов[етском] Союзе заявило протест против продолжения этого произведения. Но смысл произведения был направлен меньше против немецких оккупантов, а больше против французского режима (также и против Петэна). Кроме этого, статьи были переполнены преувеличенными заявлениями о страданиях французского народа.

Эти статьи послужили канвой для романа под названием «Падение Парижа», первая часть которого появилась в журнале «Знамя» (книга 3) в 1941 году.

С начала германо-русской войны Эренбург выдвинулся как один из первых еврейских крикунов[86]. С момента его бегства из Парижа он проживает в Москве.

При этом г[осподи]ну послу д[окто]ру Шмидт докладывает

Берлин, 15 января 1942 года

Перевела: переводчик 4 отдела 3 Главного управления [МГБ СССР] мл[адший] лейтенант ШИЛОВА

ЦА ФСБ России. Р-49170. Приложение, л.д. не нумерованы. Заверенная машинописная копия.

Консульский секретарь Виктор Эйзенгарт

№ 146
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА КОНСУЛЬСКОГО СЕКРЕТАРЯ В. ЭЙЗЕНГАРТА[1]

29 декабря 1945 г.
Берлин

Я, *начальник отделения 4 отдела берлинского оперсектора Советской Военной Администрации гвардии майор Дьячков*, через переводчика —, который об ответственности за ложный перевод предупрежден по ст. 95 УК РСФСР

подпись

допросил в качестве арестованного *Эйзенгарт Виктора Викторовича*

Год рождения *1886*

Место рождения *гор. Киев Украинской ССР*

Национальность *немец*

Подданство *Германии*

Образование *незаконченное высшее*

Партийность *член НСДАП с 1938 года*

Профессия *секретарь 1-го класса консульства при Министерстве Иностр[анных] дел Герм[ании]*

Служба в армии *не служил*

Адрес места жительства *Берлин с. Бланкенфельде, Горгат Либш штрассе, дом № 28 (Тельтовский район).*

Состав семьи *жена — Эйзенгарт Эльза Эмильевна, 1901 года рождения и две дочери — Ингеборг, 15 лет, и Зигрид, 10 лет; проживают по адресу: район Тельтов—Берлин село Бланкенфельде, Гергарт Либш штрассе, дом № 28.*

Вопрос: Уточните Ваше время пребывания на Дальнем Востоке Союза ССР в составе германского консульства.

Ответ: На Дальнем Востоке Советского Союза, в частности в гор. Владивостоке, в составе германского консульства я находился с января 1933 года по январь 1938 года.

Вопрос: Какую должность вы исполняли в германском консульстве во Владивостоке?

---

[1]Текст, выделенный в анкете к протоколу допроса курсивом, вписан от руки.

Ответ: До марта 1935 года я являлся секретарем германского консульства во Владивостоке, а затем до марта 1937 года исполнял обязанности консула, после чего в течение полгода, т.е. до августа 1937 года, опять был секретарем, а потом до января 1938 года вторично исполнял обязанность консула.

Вопрос: В чем выражалась Ваша практическая деятельность как исполнявшего обязанности консула на Дальнем Востоке Союза ССР?

Ответ: Я, как исполнявший обязанности консула германского консульства на Дальнем Востоке, занимался ведением дел о подданстве граждан германской национальности; выдачей паспортов и виз подданным Германии; истребованием от советских учреждений документов гражданского права; розыском родственников по запросам германских граждан; переводом документов с немецкого на русский язык и с русского на немецкий; перепиской с дипломатическим агентством Народного комиссариата иностранных дел СССР на Дальнем Востоке; зашифровкой и расшифровкой телеграмм, поступавших из Москвы, Берлина, Токио, Шанхая, Пекина, Мукдена; сбором политико-экономических сведений по Востоку Советского Союза и составлением информационных отчетов для германского посольства в Москве; приемом посетителей германского консульства. Кроме того, в мою обязанность входило ведение кассы консульства и разрешение хозяйственных вопросов по дому германского консульства во Владивостоке.

По первому пункту. Я устанавливал всех немцев, оседавших на Востоке, и производил их учет, а затем определял настоящее их подданство и из них документально оформлял подданных Германии. Установление граждан немецкой национальности мною осуществлялось через посетителей, в беседах с которыми я интересовался о местах жительства немцев и после этого вызывал их в консульство для регистрации или направлял анкетные листы для заполнения и возвращения их в консульство; это делалось в тех случаях, когда искомые мною лица проживали вне города Владивостока.

По второму пункту. Всем обращавшимся в консульство подданным Германии я выдавал новые паспорта или продлял сроки и заменял старые паспорта. Это же касается обеспечения граждан визами на выезд из СССР, хотя в мою обязанность и входило это производство, но я никому их не выдавал, а всех обращавшихся направлял в Москву в германское посольство. В практике моей работы на Востоке имели место два случая выдачи виз по моему ходатайству японским и китайским консульством двум подданным Германии — Лангемоте Фрицу и Кунце Фридриху, которым я советовал выехать из СССР, т.к. последний в чем-то подозревался органами НКВД и периодически вызывался ими на допросы в г. Владивостоке. Лангемоте Фриц являлся жителем Владивостока и тоже в 1937 году выехал в Мукден.

По третьему пункту. Ко мне поступали запросы из Германии от граждан с просьбой установления их родственников, проживавших на Востоке. В данном случае я писал заказные письма по адресам разыскиваемых и, если не получал положительного ответа, обращался в Народный комиссариат иностранных дел СССР с просьбой оказания помощи в розыске искомого лица и таким образом добивался нужного результата, о котором извещал запрашиваемого.

По четвертому пункту. От бывших германских колонистов, проживавших в России, я получал прошения о высылке их документов о рождении, бракосочетании, окончании учебных заведений и др. На основании этих запросов я делал истребования в советских учреждениях, упомянутых в документах, и направлял просителям, проживавшим в Германии.

По пятому пункту. Переводил я, в основном, всевозможные гражданские свидетельства с немецкого языка на русский.

По шестому пункту. Я вел переписку с дипломатическим агентством Народного комиссариата иностранных дел СССР по государственным и хозяйственно-бытовым вопросам, касавшимся германского консульства во Владивостоке.

По седьмому вопросу. Поскольку я имел непосредственное сношение с германским посольством в Москве, я зашифровывал и направлял туда телеграммы о политическом состоянии на Востоке Советского Союза, в частности, я сообщал о конфликтах на государственных границах, о выселении корейцев советскими властями, о смещении военного командования в войсках Красной Армии, о смещении руководящих лиц во Владивостокском облисполкоме, о происходивших парадах во Владивостоке. В Берлин я зашифровывал телеграммы-отчеты по шифровальному производству и получал оттуда новые коды, ключи к нему и правила пользования шифрами, но уже через московское посольство, вернее германское посольство в Москве. На мою шифртелеграмму о предстоящей экспедиции в Заполярье Шмидта Отто Юльевича германское посольство в Москве шифром запрашивало уведомить их о точном времени выхода экспедиции в рейс, что мною было исполнено дополнительной шифртелеграммой. Кроме того, я доносил шифром германскому посольству в Москве о происходивших переговорах: между СССР и Японией по вопросу о рыбной конвенции в тихоокеанских водах, особо при Камчатских водах, и о результатах этих переговоров. Шифрпереписка с Токио, Шанхаем, Пекином и Мукденом проводилась очень редко и по весьма маловажным вопросам.

По восьмому пункту. Мною производился сбор сведений политико-экономического характера по Востоку Советского Союза путем производства вырезок местных газет и путем поступавших устных информаций от посетителей во время собеседований с ними. Кроме того, в этом мне помогали сотрудники японского консульства, которые делились со мной обо всем происходившем на Востоке СССР.

Должен заметить, что японское консульство в значительной мере располагало колоссальными сведениями по Востоку, т.к. на Востоке преобладающее большинство оседало японских подданных, которые являлись основным источником в доставлении всевозможных информаций. Таким образом, собираемые мною сведения по Востоку СССР суммировались и в порядке информационной отчетности направлялись нарочным или шифртелеграммами в Москву германскому посольству.

Вопрос: Назовите лиц, информировавших Вас по экономическим и политическим вопросам на Востоке Союза ССР?

Ответ: Из числа лиц, информировавших меня по экономически-политическим вопросам, касавшимся дальнего Востока Союза ССР, я помню таких:

1. Лангемоте Фриц, в возрасте 50 лет, среднего роста, худощавый, шатен, особых примет не имеет, немец, подданный Германии, с дореволюционного периода проживал в городе Владивостоке по Ленинской улице, торговец, имел собственный дом, существовавший за счет сдачи в аренду квартир собственного дома; в 1937 году продал свой дом и выехал в Шанхай.

2. Роот Маркус, в возрасте 42 лет, ниже среднего роста, полный, брюнет, глаза карие, носил очки, особых примет не имеет, уроженец Венгрии, по национальности еврей, в прошлом офицер венгерской армии, подданный

Чехословакии, проживал в городе Владивостоке с 1917—1918 года как военнопленный, семья его проживала в гор. Дайрен (Япония), он состоял на службе в парижской торговой фирме «Дрейфус» во Владивостоке, занимался экспортированием соевых бобов из Маньчжурии через Владивосток во Францию, в 1937 году он выехал в Дайрен.

3. Кунце Фридрих, в возрасте 60 лет, среднего роста, худощав, шатен, особых примет не имеет, по национальности немец, подданный Германии, жена его русская, фамилию и имя ее не знаю, проживал во Владивостоке с дореволюционного периода, имел собственный дом, состоял на службе в английском торговом флоте по экспорту соевых бобов, в 1937 году продал свой дом и выехал в Мукден.

4. Крауль Отто, в возрасте 53 лет, низкого роста, плотного телосложения, лицо полное, блондин, серые глаза, особых примет не имеет, по национальности немец, подданный Германии, житель города Гамбурга, находился два-три сезона в России, являлся капитаном китобойного судна, из Владивостока выехал в Германию в 1936 году.

5. Пастор лютеранской веры в гор. Владивостоке, фамилии и имени его не помню, но он являлся там единственным пастором, по национальности немец, подданный Советского Союза, уроженец Эстонии, в 1936 году был арестован и осужден на 5 лет тюремного заключения за участие в карательных экспедициях в Прибалтике и за связь с заграницей, меру наказания он отбывал в одной их известных фабрик в Красноярске, жена его также была арестована органами НКВД и осуждена на три года. Данный пастор получал денежную помощь из Германии от общества «Густав Адольф Ферейн». Также на содержание церкви он получал через меня денежную помощь от германского правительства.

6. Ватанабе, генеральный консул японского консульства во Владивостоке, в 1936 году ушел в отставку и выехал в Японию.

7. Хирото, секретарь японского консульства во Владивостоке, после 1938 года был возведен в вице-консулы и направлен в Москву.

Протокол лично мною прочитан, записи которого правильно и точно соответствуют моим показаниям, в чем расписываюсь.

В. ЭЙЗЕНГАРТ

Допросил: гвардии майор ДЬЯЧКОВ

ЦА ФСБ России. К-512491. В 2-х тт. Т. 1. Л. 32—35об. Подлинник. Рукопись на бланке. Автограф.

№ 147
ПРОТОКОЛ (ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ) ДОПРОСА КОНСУЛЬСКОГО СЕКРЕТАРЯ В. ЭЙЗЕНГАРТА

29 декабря 1945 г.
Берлин

Я, *начальник отделения 4 отдела берлинского оперсектора Советской Военной Администрации гвардии майор Дьячков* через переводчика —, который об ответственности за ложный перевод предупрежден по ст. 95 УК РСФСР

подпись

допросил в качестве арестованного *Эйзенгарт Виктор Викторович*[1]

[1] Здесь и далее анкета к протоколу допроса не заполнялась.

Вопрос: Анализируя данные Вами показания на предыдущих допросах, усматривается, что вы занимались на Дальнем Востоке разведывательной деятельностью против Советского Союза. Вы подтверждаете это?

Ответ: Да, я с этим должен согласиться. Действительно, за время своего пребывания в городе Владивостоке — с 1933 по 1938 года — я, как сотрудник германского консульства, занимался разведывательной деятельностью на Востоке Советского Союза. Как уже ранее я говорил, в мою обязанность входило собирание сведений экономического и политического характера по Дальнему Востоку Союза ССР, что мною осуществлялось путем выборки данных сведений из местных газет и из устных информаций ранее мною указанных лиц и других посетителей консульства, фамилии которых не помню.

Вопрос: Значит, Вы имели сеть своих агентов на Дальнем Востоке Советского Союза?

Ответ: Нет. Агентурной сети на Дальнем Востоке Союза ССР я не имел. В городе Владивостоке я имел знакомство с определенным кругом лиц, уже упомянутых мною, с которыми периодически встречался и беседовал по текущим вопросам, касавшимся политической и экономической жизни Дальнего Востока. В процессе собеседований данные лица информировали меня в разрезе интересовавших меня вопросов, но в полном смысле агентурного слова — понятия, я их не считаю агентами, так как их я не вербовал и в свою зависимость не обязывал.

Мои встречи с ними были легальными, которые происходили или у меня в консульстве, или на квартире у каждого их них, куда я заходил из чисто гостеприимных привилегий по взаимным приглашениям.

Вопрос: От кого конкретно и какие указания Вы получали по агентурно-разведывательной работе в Союзе ССР и, в частности, на Дальнем Востоке?

Ответ: По агентурно-разведывательной работе на Востоке Союза ССР ни от кого никаких указаний я не получал и до 1935 года понятия об этом не имел. Но во время отзыва бывшего консула германского консульства во Владивостоке доктора Кастнера Ганса, при приеме от него делопроизводства, я был поставлен им в сущность разведывательной работы, выражавшейся в сборе экономических и политических сведений по Дальнему Востоку; фактически я продолжал его работу в этом направлении.

Вопрос: Назовите агентов бывшего консула германского консульства во Владивостоке — доктора Кастнера Ганса?

Ответ: Я не думаю, чтобы консул Кастнер Ганс имел своих агентов на Дальнем Востоке Советского Союза. Я знаю, что по источникам сбора информации экономического и политического характера по Востоку являлись те же лица: Лангамоте, Роот, Кунце, Крауль, пастор лютеранской веры и еще один австриец, состоявший в подданстве Советского Союза, фамилию и имя его я не помню, он был учителем в г. Владивостоке, в 1935 году его выслали оттуда органы Советской власти, но за что, не знаю. Кроме того, для сбора необходимых сведений Кастнер использовал местные газеты, из которых черпал нужные материалы, которые впоследствии суммировал и в порядке информационных отчетов направлял в Москву германскому посольству.

Вопрос: Названные Вами лица были переданы Вам бывшим консулом Кастнером Ганс?

Ответ: Нет. Бывший консул во Владивостоке Кастнер Ганс названных мною лиц мне не передавал. С ними я познакомился через моего предшественника, бывшего секретаря германского консульства во Владивостоке Вольного Альфонса.

Кстати сказать, бывший секретарь консульства Вольный Альфонс был отозван из Владивостока и направлен в Швецию — город Гётеборг, а на его место в январе 1934 года был назначен я.

Поправляюсь, в ранее данных мною показаниях, в которых по моей ошибке допущена неточность во времени начала моей службы в германском консульстве во Владивостоке. Фактически не в 1933 году, а в январе 1934 года я прибыл в город Владивосток и с того времени до января 1938 года состоял там на службе в германском консульстве.

Протокол лично мною прочитан, записи которого правильно и точно соответствуют моим показаниям, в чем расписываюсь.

В. ЭЙЗЕНГАРТ

Допросил: гвардии майор ДЬЯЧКОВ

ЦА ФСБ России. К-512491. В 2-х тт. Т. 1. Л. 36—37об. Подлинник. Рукопись на бланке. Автограф.

№ 148
ПРОТОКОЛ (ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ) ДОПРОСА КОНСУЛЬСКОГО СЕКРЕТАРЯ В. ЭЙЗЕНГАРТА

30 декабря 1945 г.
Берлин

Я, *начальник отделения 4 отдела берлинского оперсектора Советской Военной Администрации гвардии майор Дьячков,* через переводчика —, который об ответственности за ложный перевод предупрежден по ст. 95 УК РСФСР

подпись

допросил в качестве арестованного *Эйзенгарт Виктора Викторовича*

Вопрос: Назовите время Вашего пребывания в Москве?

Ответ: В Москве я находился первое время с июня 1928 года по январь 1934 года, затем с 14 января по 25 марта 1938 года и последний раз с марта 1940 по день войны Германии с Советским Союзом, после этого 3—4 дня я, в составе членов германского посольства, содержался под строгим домашним арестом и впоследствии через Турцию — в Ленинанкан был обменен на членов советских миссий, представительствовавших в Германии.

Вопрос: Чем Вы занимались, будучи в Москве?

Ответ: Во время моего пребывания в Москве с 1928 по 1934 год я состоял на службе в германском посольстве в чине ассистента консульского отдела, а уже с ноября 1933 года являлся консульским секретарем. Как служащий германского посольства, я занимался в те годы выдачей метрикулярных свидетельств подданным Германии; устанавливал подданства граждан немецкой национальности; вел регистрационный учет, с занесением в матрикулярные списки граждан германского подданства; вел всю переписку с Народным комиссариатом иностранных дел Союза ССР по вопросам, касавшимся гражданства, устанавливал граждан престарелых возрастов подданных Германии и оказывал им социальную помощь.

Кроме того, я ведал отправкой подданных Германии на родину, возвращавшихся из других государств, как (Персии) Ирана, и проездом задерживавшихся по тем или иным причинам в Москве, а также германских подданных, освобождавшихся советскими властями из лагерей и тюрем, об освобождении

которых предварительно происходили дипломатические переговоры германского посольства с Советским правительством.

В 1938 году, за два месяца и 10 дней своего пребывания в Москве, я занимался ведением дел о гражданстве и приемом на хранение имущества подданных Германии, выезжавших из Советского Союза. В то время я был также консульским секретарем германского посольства в Москве. С 1940 по день войны Германии с Советским Союзом — 1941 год, я являлся консульским секретарем германского посольства в Москве.

В течение этого периода я вел учет германских подданных, содержавшихся в лагерях и под арестом в тюрьмах НКВД. По категории таких граждан я вел переписку от имени начальника консульского отдела советника Швинер с Народным комиссариатом иностранных дел в СССР, в результате которой мы добивались освобождения их из-под стражи, а затем я оформлял отправление их в Германию. В основном такие граждане обвинялись в шпионаже против СССР; всего их было освобождено и направлено в Германию мною, по далеко не точным данным, более 300 человек.

Об арестах подданных Германии я устанавливал через устные или письменные уведомления их родственников и знакомых, а также по официальным уведомлениям, исходящим от НКИД СССР. Кроме того, я занимался учетом и регистрацией подданных Германии, подлежащих отбыванию воинской повинности, и с этой целью направлял их в Германию, а также розыском родственников германских граждан, ранее проживавших в СССР, по запросам первых.

Вопрос: Чем занимались Вы в гор. Киеве, будучи на службе в германском консульстве?

Ответ: В городе Киеве я родился и там окончил гимназию и окончил шесть семестров юридического факультета Киевского университета «Святого Владимира». В годы своей учебы в университете я остро ощущал материальный недостаток, в силу чего вынужден был искать работу, не отрываясь от учебы, и по рекомендации канцлера германского консульства в Киеве в 1911 году устроился к нему на службу в качестве помощника писаря.

Не покидая своего обучения в университете, я работал в консульстве до 1914 года, а затем как германский подданный был интернирован царским правительством и сослан в Челябинскую область. В 1920 году из России я выехал в Германию, где и был зачислен на службу в Министерство иностранных дел. В первых числах марта 1924 года я был направлен в г. Киев для работы в германском консульстве, где находился в качестве ассистента до июня 1928 года. Будучи ассистентом германского консульства в Киеве, я занимался выдачей паспортов, матрикулярных свидетельств и виз подданным Германии; также занимался учетом и регистрацией германских подданных; отправкой в Германию лиц, впавших в матрикулярную нужду; розыском родственников по их запросам из Германии; истребованием от советских учреждений документов о рождении, бракосочетании, окончании учебных заведений, по запросам германских граждан, проживавших в СССР, и приемом посетителей консульства.

Вопрос: Как вы строили свою агентурно-разведывательную работу за время пребывания в Киеве и Москве?

Ответ: За годы пребывания в Киеве и Москве агентурно-разведывательной деятельностью я не занимался. Разведывательной работой я занимался только на Дальнем Востоке Советского Союза, о чем я дал подробные показания на предыдущем допросе. В других городах Советского Союза и, в частности, Киеве и Москве разведывательную работу я не проводил.

Вопрос: Кто занимался агентурно-разведывательной работой из персонала германского представительства в Москве и Киеве?

Ответ: Этого я не знаю, т.к. мне не известны лица из состава посольства и германского консульства в Киеве и Москве, которые занимались бы агентурно-разведывательной деятельностью в указанных городах.

Протокол лично мною прочитан, записи которого правильно и точно соответствуют моим показаниям, в чем расписываюсь.

В. ЭЙЗЕНГАРТ

Допросил: гвардии майор ДЬЯЧКОВ

ЦА ФСБ России. К-512491. В 2-х тт. Т. 1. Л. 38—40об. Подлинник. Рукопись на бланке. Автограф.

№ 149
ПРОТОКОЛ (ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ) ДОПРОСА КОНСУЛЬСКОГО СЕКРЕТАРЯ В. ЭЙЗЕНГАРТА

30 декабря 1945 г.
Берлин

Я, *начальник отделения 4 отдела берлинского оперсектора Советской Военной Администрации гвардии майор Дьячков,* через переводчика —, который об ответственности за ложный перевод предупрежден по ст. 95 УК РСФСР

подпись

допросил в качестве арестованного *Эйзенгарт Виктора Викторовича*

Вопрос: Назовите сотрудников германского посольства, пребывавших в Москве?

Ответ: Послом в Москве до 22 июня 1941 года являлся граф фон дер Шуленбург, 63 лет, происходит из Германии, имел собственный замок, высокого роста, седой, последнее время руководил советом «Гра<...> Русланд» при штабе Министерства иностранных дел Германии, арестован гестапо после 20 июня 1944 года по подозрению в причастности к подготовке покушения на Гитлера, впоследствии он казнен.

Заместителем посла в Москве был фон Типпельскирх, в возрасте 60 лет, низкого роста, худощав, острое лицо, блондин с проседью, особых примет не имеет, происходит из Германии, адреса его не знаю, последнее время руководил двумя рефератами — «Поль-4» и «Поль-5» при Министерстве иностранных дел Германии, судьба его мне неизвестна.

Советник посольства в Москве — Гильгер Густав, в возрасте 60 лет, выше среднего роста, блондин, худощавый, особых примет не имеет, уроженец г. Москвы, подданный Германии, житель г. Берлина, адреса не знаю, последнее время работал у Шуленбурга и при ставке Гитлера, судьба его неизвестна.

«Гезантшафтрат» — советник посольства в Москве — фон Вальтер, в возрасте 50 лет, среднего роста, шатен, худощавый, подвижный, особых примет не имеет, уроженец из Рейнской провинции (Германия), последнее время работал советником посольства в гор. Анкара (Турция), арестован англичанами, сейчас находится в лагере гор. Ноймюнстер, Шлезвиг-Гольштейн. В германском посольстве он работал в приемной Шуленбурга.

Гезантшафтсрат Швинер, в возрасте около 60 лет, высокого роста, худой, лицо продолговатое, блондин, особых примет нет, по национальности авст-

риец, житель Берлина, адреса не знаю. В Москве он работал заведующим консульского отдела, последнее время работал в «Совете Шуленбурга», с ним я встречался в феврале 1944 года на курорте Крутгюбель (Силезия), судьба его мне неизвестна.

Секретарь консульского отдела германского посольства в Москве — легационный секретарь Греппер[1], в возрасте 38 лет, высокого роста, худой, блондин, особых примет не имеет, житель гор. Берлина, адреса не знаю, последнее время работал в Протокольном отделе Министерства иностранных дел, судьба его мне неизвестна.

Легационный секретарь консульского отдела германского посольства в Москве — Майснер, сын статс-секретаря, заведующего Имперской канцелярии Германии (Рейхсканцелярии) Майснера, в возрасте 35 лет, ниже среднего роста, блондин, плотного телосложения, житель г. Берлин, адреса не знаю, весной 1941 года был отозван из Москвы и мобилизован на службу в немецкую армию, судьба его мне неизвестна.

Канцлер германского посольства в Москве — Лямля Ганс, в возрасте 59 лет, среднего роста, плотного телосложения, блондин, лысый, носит очки. Уроженец Силезии, житель Берлина, последнее время работал руководителем кассы отдела «Радио» при Министерстве иностранных дел Германии, был произведен в звание консула, видел его я в феврале 1944 года на курорте Крутгюбеле, дальнейшая судьба его мне неизвестна.

Канцлер 2-го класса посольства в Москве — Швинд Ганс, в возрасте 46 лет, высокого роста, худой, блондин, особых примет не имеет, уроженец Саксонии, житель Берлина, последнее время работал в Министерстве иностранных дел Германии в Шифровальном отделе, судьба его мне неизвестна.

Консульский секретарь консульского отдела германского посольства в Москве — Бретшнейдер, в возрасте 40 лет, ниже среднего роста, худой, блондин, носит очки, житель Берлина, адреса не знаю, последнее время работал в отделе «Перс» — реферат «Телеграмм-контроль», судьба его мне неизвестна.

Консульский секретарь консульского отдела германского посольства в Москве — Крюгер, в возрасте 30 лет, ниже среднего роста, худой, блондин, носит очки, в 1941 году остался в Константинополе на должности консульского секретаря шифровального отдела, судьба его мне неизвестна.

Консульский секретарь германского посольства в Москве — Фишер, в возрасте 46 лет, ниже среднего роста, худой, блондин, носит очки, особых примет не имеет, житель Берлина, адреса не знаю, по национальности немец, в Москве находился до 22 июня 1941 года, выполнял должность кассира германского посольства; последнее время работал в Министерстве иностранных дел Германии, судьбу его не знаю.

Консульский секретарь Мут, в возрасте 58 лет, ниже среднего роста, худощавый, шатен, особых примет не имеет, по национальности немец, уроженец Польши, постоянное местожительство его мне неизвестно, до 22 июня 1941 года находился в Москве, работал в должности пом[ощника] кассира германского посольства, последнее время работал в германском посольстве в Сербии — гор. Ускюп.

Консульский секретарь Зам, в возрасте 35 лет, высокий, плотного телосложения, лицо полное, круглое, блондин, особых примет не имеет, по национальности немец, постоянного местожительства не знаю, одно время

[1] Так в документе, речь идет о немецком дипломате Хорсте Гроппере.

был в Южной Америке, до 22 июня 1941 года находился в Москве, являлся шифровальщиком германского посольства, призван на службу в немецкую армию, судьбу его не знаю.

Консульский секретарь Резнер, по национальности немец, место его рождения и жительства не знаю, в возрасте 52 лет, среднего роста, худой, брюнет, особых примет не имеет, долгое время работал в Белграде в германском посольстве, до 22 июня 1941 года находился в Москве, являлся шифровальщиком германского посольства, последнее время работал в 6-м шифровальном отделе при Министерстве иностранных дел Германии, судьба его неизвестна.

Ассистент Кайзер Отто, по национальности немец, уроженец гор. Москвы, проживал в Берлине, адреса его не знаю, в возрасте 46 лет, среднего роста, худой, блондин, особых примет не имеет, с 1920 по 1930 год находился в Москве, затем во Владивостоке, г. Познань (Польша) и до 22 июня 1941 года вторично был в Москве, являясь переводчиком у (герм[анского]) помощника посла германского посольства — фон Типпельскирх. Одновременно занимался сбором газетных информаций для Гильгера, в последнее время работал в Министерстве иностранных дел Германии при Персональном отделе, судьба его мне неизвестна.

Старший служащий германского посольства в Москве Лонер, австриец, уроженец Австрии, постоянного места жительства его не знаю, в возрасте 56 лет, выше среднего роста, худой, брюнет, носит очки, работал в консульском отделе до начала 1941 года, затем уволился и выехал в г. Вену на военную службу, о судьбе его ничего не знаю.

Доктор Киттингер, австриец, уроженец Австрии, постоянного его жительства не знаю, в возрасте 56 лет, высокий, худой, блондин, лицо острое, носит очки, находился в Москве до 22 июня 1941 года, служащий консульского отдела, последнее время работал в Министерстве иностранных дел Германии, где он сейчас находится, неизвестно.

Елушич, австриец, место рождения и жительства неизвестно, в возрасте 60 лет, среднего роста, плотного телосложения, круглое лицо, носит очки, блондин, находился в Москве до 22 июня 1941 года. Работал у Гильгера по обработке информационных материалов, последнее время работал при Шуленбурге в Министерстве иностранных дел Германии, судьба его мне неизвестна.

Доктор Богутинский, немец, уроженец Судетской области, постоянное жительство его мне неизвестно, в возрасте 30 лет, ниже среднего роста, худой, подвижный, шатен, до 22 июня 1941 года находился в Москве, работал в консульском отделе по обработке чешских дел, был призван в немецкую армию, судьба неизвестна.

Мецнер[1], немец, уроженец Рейнской области, постоянного места жительства не знаю, в возрасте 60 лет, ниже среднего роста, худой, блондин, носит очки, в Москве находился с 1920 года по 22 июня 1941 года, являлся служащим в хозяйственном отделе германского посольства, последнее время работал в Министерстве иностранных дел Германии, но кем и в каком отделе не знаю, судьба его мне неизвестна.

Кенигседер, австриец, уроженец России, в возрасте 40 лет, ниже среднего роста, худой, блондин, особых примет не имеет, до 22 июня 1941 года

---

[1] Речь идет о сотруднике секретариата Экономического отдела германского посольства в Москве Августе Мецгере.

находился в Москве, работал в регистратуре консульского отдела, последнее время работал в Министерстве иностранных дел Германии, место его пребывания сейчас мне неизвестно.

Ассистент Кемпфе, немец, уроженец Москвы, с 1920 по 22 июня 1941 года работал в германском посольстве в Москве при Политическом отделе прессы, составлял политические донесения из газет, последнее время работал в Министерстве иностранных дел Германии у Типпельскирх, отказался от чина ассистента и был зачислен в вольнонаемные в качестве научного сотрудника, в возрасте 55 лет, выше среднего роста, блондин, носит очки, его судьба мне неизвестна.

Партийный уполномоченный от национал-социалистической партии при германском посольстве в Москве, он же корреспондент — Штейн, имя его не знаю. Уроженец и житель Берлина, немец, в возрасте 60 лет, среднего роста, шатен, носит очки, особых примет не имеет, находился в Москве до 22 июня 1941 года, последнее время работал в 4-м Политическом отделе при Министерстве иностранных дел Германии, судьбу его не знаю.

Гюнтер[1], имя не знаю, уроженка г. Свердловска, немка, 50 лет, выше среднего роста, полная, брюнетка, являлась личным секретарем посла германского посольства в Москве графа фон дер Шуленбурга, в июне 1941 года выдворена из Москвы в составе всех членов посольства, находилась в Берлине и где-то работала, дальнейшую судьбу ее не знаю.

Фон Твардовский, уроженец Польши, немец, в возрасте 55 лет, до 1935 года являлся советником германского посольства в Москве, после чего занимал должность начальника Культ[урного] отдела Министерства иностранных дел Германии в Берлине, последнее время являлся генеральным консулом в Константинополе (Турция), судьба его мне неизвестна.

Форнер Фред, 45 лет, немец, уроженец г. Киева, в 1914 году из России выехал в Германию, в 1924 году начал свою службу в Министерстве иностранных дел Германии, до 1938 года работал в консульском отделе при германском посольстве в Москве, будучи в непосредственном подчинении второго помощника посла Гильгера, занимался сбором сведений о хозяйственно-экономическом положении СССР, на основании чего составлял ежедневные обзоры. В 1938 году он был отозван в Берлин и направлен в Рио-де-Жанейро (Бразилия), последнее время работал в отделе «Контроля телеграмм» в Министерстве иностранных дел Германии, проживал в Берлине, адреса его не знаю; женат он на русской женщине из города Одессы, фамилию которой я не знаю. Также знаю, что Форнер ездил в ряд городов Советского Союза по восстановлению могил умерших военнопленных немцев. Его приметы: среднего роста, брюнет, худощавый, лицо продолговатое, тип восточного человека, других особых примет нет.

Стенографистка Гильгера в посольстве — Кун, имя не помню, 50 лет, высокого роста, шатенка, седая, уроженка России, не замужняя, по национальности немка, в германском посольстве в Москве работала со дня основания, в 1941 году выехала в Германию, последнее время работала в Министерстве иностранных дел Германии, не знаю, в каком отделе, судьба мне неизвестна.

Машинистка-делопроизводитель отдела Гильгера германского посольства в Москве — Ляце, в возрасте 60 лет, уроженка России, состояла в подданстве СССР, позже приняла подданство Германии, немка, муж ее был

[1] Речь идет о сотруднице германского посольства в Москве Люции Гюнтер.

русский, находился где-то в эмиграции, ниже среднего роста, шатенка, седая, полная, лицо круглое, в 1941 году выехала в Германию, работала последнее время — в Министерстве иностранных дел Германии; судьба ее мне неизвестна, проживала она в г. Берлине

Стенографистка Гильгера германского посольства в Москве — Энике, имя ее не знаю, в возрасте 45 лет, уроженка Германии, немка, низкого роста, среднего телосложения, шатенка, не замужняя, в 1941 году выехала из СССР в германское посольство в г. Загреб (Югославия), судьба ее мне неизвестна.

Стенографистка-переводчица отдела прессы германского посольства в Москве — Рихтер, имя ее не знаю, в возрасте 47 лет, уроженка России, немка, замужняя, муж состоял на службе в немецкой армии в г. Вене, низкого роста, худощавая, брюнетка, в посольстве работала с 1938 года, выехала из СССР в 1941 году, находилась в Берлине, судьбу ее не знаю.

Переводчица и машинистка отдела «Прессы» германского посольства в Москве — фон Гольвег, в возрасте 35 лет, уроженка Германии, мать ее русская, сама считается немкой, низкого роста, среднего телосложения, блондинка, выехала из СССР в 1941 году, последнее время не работала, проживала в Берлине, судьба ее мне неизвестна.

Стенографистка консульского отдела германского посольства в Москве Грегер Мета, в возрасте 60 лет, уроженка Прибалтики, немка, ранее состояла в подданстве СССР, приняла подданство Германии, выше среднего роста, полная, брюнетка, седая, на службе состояла со дня основания германского посольства, в 1941 году выехала из СССР, последнее время работала в Министерстве иностранных дел Германии; судьба ее мне неизвестна.

Стенографистка консульского отдела паспортной службы германского посольства в Москве — Гелькескампф Маргарита, в возрасте 52 лет, уроженка Москвы, была замужем за русским гражданином Васильевым, с ним развелась, после чего приняла подданство Германии, немка, выше среднего роста, среднего телосложения, блондинка, на службе состояла со дня основания германского посольства, выехала из СССР в 1941 году, последнее время работала в протокольном отделе в Министерства иностранных дел Германии; судьба ее мне неизвестна.

Переводчица консульского отдела германского посольства в Москве — Эртман, имя ее не знаю, в возрасте 50 лет, уроженка России, немка, выше среднего роста, среднего телосложения, брюнетка, выехала из СССР в 1941 году; последнее время работала в Министерстве иностранных дел Германии; судьба ее мне неизвестна.

Стенографистка-переводчица консульского отдела германского посольства в Москве — Исаак Маргарита (имя не точно), в возрасте 26 лет, уроженка Омска, из семьи врача. Отец ее в годы революции выехал в Харбин, немка, подданная Германии, высокого срота, крупного телосложения, блондинка, в 1943 году вышла замуж за чиновника Военного министерства в Берлине, фамилию его не помню, в 1941 году выехала из СССР, последнее время работала в Министерстве иностранных дел Германии, судьба ее мне неизвестна, проживала в Берлине, адреса не знаю.

Стенографистка консульского отдела германского посольства в Москве — Циммерман, имя не знаю, в возрасте 26 лет, уроженка Берлина, мать ее русская, низкого роста, брюнетка, среднего телосложения, незамужняя, в Москве находилась с 1940 по 1941 год, последнее время оставалась в г. Загреб (Югославия); судьба ее мне неизвестна.

Герварда фон Битефельд[I], в возрасте 47 лет, выше среднего роста, худощавый, лицо продолговатое, брюнет, носил очки, подвижный, немец, подданный Германии, до 1940 года служил в германском посольстве в Москве[87], чин имел «гезаншафтсрат», работал в приемной посла Шуленбурга, последнее время находился на службе в немецкой армии, судьба его неизвестна.

Пфайфер Петер, в возрасте 52 лет, ниже среднего роста, плотного телосложения, лицо круглое, шатен, носил очки, немец, уроженец Рейнской провинции, католик, до 1937 года являлся заведующим консульского отдела германского посольства в Москве[II]; до 1943 года находился в Северной Африке консулом в Алжире или Тунисе, но точно не помню, там был пленен американцами, но впоследствии выменен и возвратился в Берлин, в 1944 году был в Берлине, где он работал, не знаю, судьба его мне неизвестна.

Штельцер[III], имя не знаю, в возрасте 53 лет, уроженец Германии, высокого роста, худой, лицо продолговатое, блондин, особых примет не имеет, до 1937 года являлся заведующим Культурного отдела германского посольства в Москве, оттуда выехал в Германию, последнее время работал в германском посольстве в Бухаресте (Румыния); судьба его мне неизвестна.

Переводчица-стенографистка консульского отдела германского посольства в Москве Войбот, имя не знаю, в возрасте 35 лет, уроженка Германии, немка, выше среднего роста, стройная, худощавая, шатенка, с 1940 по 1941 года находилась в Москве, где работала последнее время, не знаю, но кажется, в Восточном министерстве Розенберга, проживала в Берлине, адреса не знаю.

Стенографистка персонального отдела германского посольства в Москве Текленбург[IV], имя не помню, в возрасте 50 лет, уроженка Германии, немка, низкого роста, полная, блондинка, выехала из СССР в 1941 году, последнее время работала в Министерстве иностранных дел Германии, судьба ее мне неизвестна.

Вопрос: Назовите сотрудников германского консульства во Владивостоке?

Ответ: В германском консульстве во Владивостоке работали следующие лица:

1. консул — доктор Кастнер Ганс, в возрасте 54 лет, немец, уроженец Баварии, проживал в Берлине-Далем, выше среднего роста, худощавый, лицо продолговатое, блондин, особых примет не имеет, до 1930 года являлся заведующим Культурного отдела германского посольства в Москве, до 1935 года был консулом во Владивостоке, затем был переведен в Австрию на должность консула в гор. Линц, последнее время работал начальником «Правового» отдела в Министерстве иностранных дел Германии; судьба его мне неизвестна.

2. фон Заукен Ганс, в возрасте 46 лет, немец, урож[енец] Германии, ниже среднего роста, среднего телосложения, лицо кругловатое, блондин, носил монокль, до весны 1937 года работал в генеральном консульстве в Константинополе, затем до осени 1937 года был консулом во Владивостоке,

---

[I] Так в документе, речь идет о немецком дипломате Гансе Герварте фон Биттенфельде.

[II] Так в документе. В справочнике «Biographisches Handbuch des deutschen Auswärtigen Dienstes 1871—1945» (2008. S. 463) сказано, что П. Пфайфер в чине легационного секретаря являлся сотрудником германского посольства в Москве с 31 января 1930 по 31 августа 1934 гг.

[III] Речь идет о немецком дипломате Герхарде Штельцере.

[IV] Речь идет о сотруднице германского посольства в Москве Гертруде Текленбург.

после чего выехал в Китай на должность консула, оставался там до последнего времени; судьба его мне неизвестна. Брат его фон Заукен в свое время являлся генеральным консулом в Мемеле, последнее время работал начальником одного из подотделов Министерства иностранных дел Германии, судьбу последнего также не знаю.

3. Вибер Роберт, в возрасте 46 лет, немец, уроженец Москвы, высокого роста, худой, шатен, особых примет не имеет, житель города Москвы, с 1934 до января 1938 года работал делопроизводителем консульства во Владивостоке, до начала войны Германии с Польшей работал в германском консульстве в городе Катовицы, последнее время работал в отделе «контроля телеграмм» при Министерстве иностранных дел Германии, жена и ребенок его проживали в гор. Бреславль; судьба его неизвестна.

4. Кайзер Отто, в возрасте 46 лет, до 1935 года являлся простым служащим посольства. О нем я дал подробные показания.

5. Бальзер, имя не помню, в возрасте 60 лет, немец, уроженец Германии, выше среднего роста, плотного телосложения, лицо крупное, блондин, носил очки, до 1930 года был консулом во Владивостоке, последнее время был консулом в Осано-Кобе (Япония), судьбу его не знаю.

Вопрос: Назовите сотрудников германского консульства в Киеве?

Ответ: Из сотрудников германского консульства в Киеве я помню следующих:

1. Стефани Вернер, в возрасте 64 лет, немец, уроженец Рейнской провинции, высокого роста, худой, лицо продолговатое, блондин, носил монокль, до 1928 года был консулом в Киеве, до 1930 года работал заведующим отделения Культурного отдела при Министерстве иностранных дел Германии, затем являлся консулом в Александрии, Лоренц-Маркез и последнее время, в годы оккупации немецкими войсками части территории Советского Союза, — консулом в Одессе; судьба его мне неизвестна.

2. Зоммер, имя не знаю, в возрасте 65 лет, немец, уроженец Германии, среднего роста, полный блондин, носит очки, после Стефани до 1933 года являлся консулом в Киеве, затем был ген[еральным] консулом в Ленинграде до 1938 года, после чего находился в отставке, проживал в Баварии в собственной вилле.

3. Генке, имя не знаю, в возрасте 60 лет, немец, ур[оженец] Германии, быв[ший] офицер немецкой армии, ниже среднего роста, полный, блондин, носил очки, проживал в Берлине, адреса не знаю, с 1933 года до 1938 года был консулом в Киеве, последнее время работал унтерштатс секретарем Министерства иностранных дел Германии.

4. Гроскопф, имя не знаю, в возрасте более 60 лет, был в Киеве генеральным консулом. Умер в 1942 году.

5. Варлих, имя не знаю, в возрасте 55 лет, немец, уроженец Германии, выше среднего роста, худой, лицо овальное, блондин, носит очки, до 1930 года работал делопроизводителем, затем был переведен в консульство в Ревель (Эстония), после чего был переведен в Ковно (Литва), в 1938 году был отозван в Берлин, с тех пор о нем ничего не знаю.

6. Баун[1], имя не знаю, в возрасте 46 лет, немец, среднего роста, худощавый, брюнет, до 1938 года являлся ассистентом германского консульства в

[1] Возможно, речь идет о сотруднике германской военной разведки майоре Германе Бауне.

Киеве, после чего уволился и выехал в Берлин, последнее время служил в Военном министерстве, имел звание майора.

Вопрос: Назовите сотрудников германского консульства в Одессе?

Ответ: Из сотрудников германского консульства в Одессе я помню следующих:

1. Динстман, имя не знаю, в возрасте 65 лет, немец, среднего роста, полный, блондин, являлся генеральным консулом в Одессе до 1931 года, до 1938 года был генеральным консулом в Тифлисе (Тбилиси), с 1940 по 22 июня 1941 года являлся генеральным консулом в Ленинграде, последнее время был генеральным консулом в Швейцарии; судьбу его не знаю.

2. Доктор Кроль, его не знаю, никогда с ним не виделся, известно со слов бывшего консула в Киеве Стефани, в Одессе он являлся вице-консулом.

3. Рот, в возрасте 56 лет, немец, выше среднего роста, полный блондин, носил очки, до января 1938 года был генеральным консулом в Одессе, в прошлом журналист, последнее время работал в отделе «Пресса» Министерства иностранных дел Германии, судьба его мне неизвестна.

4. Бухгольц, в возрасте 60 лет, немец, среднего роста, худой, шатен, носил очки, до 1938 года работал канцлером в Одессе, до 22 июня 1941 года был в генеральном консульстве в Ленинграде, исполнял должность канцлера, последнее время работал в отделе «Перс БР» при Министерстве иностранных дел Германии.

5. Форнер Фред, в возрасте 45 лет, немец, уроженец Киева, примерно в 1937 году работал в Одессе. Подробно о нем показал.

6. Ган, имя не знаю, в возрасте 67 лет, немец, уроженец Германии, являлся рядовым служим в консульстве в Одессе до 1938 года, последнее время был в Константинополе, в возрасте 65 лет ушел в отставку и проживал где-то в Германии, адреса не знаю.

Примечание: Вставленным словам на обороте 4 листа «не других» и исправленному на обороте 6 листа «высокого роста, худой, шатен, особых примет не имеет, житель города» — верить.

В. ЭЙЗЕНГАРТ

Протокол лично мною прочитан, записи которого правильно и точно соответствуют моим показаниям, в чем расписываюсь.

В. ЭЙЗЕНГАРТ

Допросил: гвардии майор ДЬЯЧКОВ

ЦА ФСБ России. К-512491. В 2-х тт. Т. 1. Л. 41—47об. Подлинник. Рукопись на бланке. Автограф.

№ 150
ПРОТОКОЛ (ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ) ДОПРОСА КОНСУЛЬСКОГО СЕКРЕТАРЯ В. ЭЙЗЕНГАРТА

6 января 1946 г.
Берлин

Я, *начальник отделения 4 отдела берлинского оперсектора Советской Военной Администрации гвардии майор Дьячков*, через переводчика —, который об ответственности за ложный перевод предупрежден по ст. 95 УК РСФСР

подпись

допросил в качестве арестованного *Эйзенгарт Виктора Викторовича*

Вопрос: Изложите Вашу практическую деятельность на службе в Министерстве иностранных дел Германии, начиная с 1941 года?

Ответ: После возвращения из Советского Союза в августе 1941 года я был зачислен на должность секретаря реферата «Партай» отдела «Дойчланд» Министерства иностранных дел Германии. Функции моей работы в данном отделе заключались в составлении письменных отчетов на отношения управляющих центров партийных фашистских организаций, как-то: «Партай канцелярии в Мюнхене», «Райхсюгендфюрунг», «Райхстудентенфюрунг», «Райхсэрстебунд», «Райхсспортфюрунг», «Бундерауслянддойч», «Райхслеренбунд», «Гауляйтунг».

Прежде чем приступить к подробному изложению сущности моей работы, я должен объяснить, что реферат «Партай» являлся как бы посредником между партийно-фашистскими организациями Германии и их филиалами, так называемый «Ландесгруппамт» за границей. Отсюда исходит, что вся переписка фашистских организаций Германии с «Ландесгруппамт» за границей проходила через реферат «Партай». Характер данной переписки сводился к следующим вопросам:

1. к приглашению в Германию иностранных делегаций от родственных германским партийным фашистским организациям для производства демонстраций их достижений в различных отраслях жизни;

2. к разрешению вопросов выезда за границу отдельных членов или делегаций национал-социалистической партии Германии и подчиненных ей фашистских организаций.

Кроме того, я занимался проверкой и направлением в Мюнхенскую партийную канцелярию агентурных материалов, поступавших из «Зеегауз». Агентурные материалы носили антифашистский характер из выступлений Черчилля, Рузвельта и др. правительственных лиц иностранных государств, а также в них отображались заграничные радиоинформации из последних известий. Данные материалы добывались путем перехвата радиостанций и исходили от «Зеегауз».

Что из себя представлял орган «Зеегауз», я не знаю; находился он где-то в районе Далем. Небезынтересным является и то, что начальник реферата «Партай» — легационерат 1-го класса Бютнер, являлся активным информатором Мюнхенской партийной канцелярии. Насколько мне известно, он передавал туда все, что происходило в целом в Министерстве иностранных дел Германии, это мне приходилось слышать из телефонных переговоров его с Мюнхеном.

Я также занимался проверкой вырезок из иностранных газет и распределением их по рефератам отдела «Дойчланд» для последующей обработки, а наиболее интересные из них направлял непосредственно в Мюнхен[скую] партийную канцелярию.

И последнее, я занимался обработкой частных писем, поступавших на имя Риббентропа. По своему содержанию письма носили различный характер, как жалобы рабочих на действия членов национал-социалистической партии или их руководящего органа; предложения различных изобретений; просьбы об оказании материальной помощи или выдаче виз на выезд за границу.

В зависимости от характера писем я направлял их в соответствующий отдел Министерства иностранных дел, а касавшиеся руководящего состава и членов национал-социалистической партии направлял непосредственно гауляйтерам для сведения и расследования.

Таким образом, я работал при Министерстве иностранных дел Германии с августа 1941 года по октябрь 1944 года, а затем был направлен в Копенгаген (Дания) на должность консульского секретаря при германском посольстве. Там я занимался учетом и подготовкой к призыву на фронт подданных Германии; учетом и мобилизацией через военно-оккупационные власти молодых юношей и девушек, подданных Германии, для различных работ в Германии, а также занимался выдачей пособий иждивенцам военнослужащих, призванных в немецкую армию и направленных на фронт.

После поражения Германии я оставался в Копенгагене и в ночь на 2 июня 1945 года был задержан датской полицией, а затем передан английским военным властям, которыми на автомашине был вывезен в гор. Ной-Мюнстер провинции Шлезвиг-Гольштейн (Германия), где был заключен в лагерь. Через 14 дней своего пребывания в английском лагере я был допрошен и после этого числа 15—18 августа 1945 года освобожден.

Вопрос: Как Вы допрашивались, будучи в английском лагере?

Ответ: По моему понятию, я допрашивался сотрудником «Интеллиндженс Сервис», фамилию его я не знаю. Допрашивавший меня, мне кажется, был бельгийцем, звание он имел сержант.

Вопрос: Сколько раз Вы вызывались на допрос «Интеллинджeнс Сервис» и по каким вопросам допрашивались?

Ответ: На допрос в «Интеллинджeнс Сервис» я вызывался два раза — 14 и 28—30 июня 1945 года. В первом случае я допрашивался вышестоящим сержантом, который интересовался о прошлом моей службы, партийностью, причастностью к СС, СА, НСКК и практической деятельностью в Копенгагене. Во втором случае я допрашивался двумя офицерами и тремя сержантами, которые интересовались моими автобиографическими данными. После этого я был подвергнут ими дактилоскопии пальцев обеих рук, т.к. я считался временно арестованным.

Вопрос: На каких условиях Вы освобождены из-под стражи английской «Интеллинджeнс Сервис»?

Ответ: Сотрудниками «Интеллинджeнс Сервис» никаких условий мне не предлагалось. Освобожден я как маловажная личность. Причем англичанами освобождались все сотрудники консульств, начиная от чина «амсрат» и ниже, под категорию которых попадаю я.

Вопрос: Назовите лиц, освобожденных вместе с Вами английской «Интеллинджeнс Сервис»?

Ответ: Вместе со мной англичанами был освобожден консульский секретарь Шлих, в возрасте 42 лет, высокого роста, плотного телосложения, блондин, особых примет не имеет, работал в посольствах США, выехал в гор. Фленсбург к своей семье.

Вопрос: Назовите известных Вам сотрудников Министерства иностранных дел, содержащихся под стражей у англичан?

Ответ: Под стражей у англичан в Ной-Гольштайском лагере вместе со мной содержались:

1. Дитман, в возрасте 50 лет, высокого роста, брюнет, плотного телосложения, лицо круглое, носит очки, до 1936—1937 года находился в Москве, являлся помощником заведующего консульским отделом германского посольства, последний чин имел генерального консула, представительствовал в Турции, гор. Александретта.

2. Фон Вальтер, возраст 45 лет, среднего роста, среднего телосложения, лицо овальное, особых примет не имеет, до 22 июня 1941 года находился в Москве, занимал должность секретаря политического отдела германского посольства, находился все время в приемной посла графа фон Шуленбурга, последнее время работал советником посольства в Турции — гор. Анкара.

3. Бернгарт, в возрасте 55 лет, среднего роста, плотного телосложения, шатен, лысый, лицо круглое, носит очки, прихрамывает, работал одно время в генеральном консульстве в гор. Катовицы, последнее время являлся заместителем Беста в Копенгагене (Дания).

4. Бест, в возрасте 40 лет, среднего роста, худой, лицо продолговатое, брюнет, особых примет не имеет, в Министерстве иностранных дел никогда не служил, в Копенгаген был направлен Гитлером, являлся имперским уполномоченным в Дании, возглавлял СС и СД.

5. Мерфельс, в возрасте 45 лет, выше среднего роста, худощавый, лицо продолговатое, блондин, носил очки, особых примет не имеет, последнее время работал консулом в Албании.

6. Полов, по национальности немец, житель Берлина, владелец нескольких домов, в возрасте 69 лет, низкого роста, худой, лицо продолговатое, седой, редкие волосы, шатен, особых примет не имеет, заведующий личным составом германского посольства в Копенгагене, чин имеет консула.

Кроме того, за неделю до моего задержания в Копенгагене были арестованы англичанами:

1. Бетке, в возрасте 56 лет, среднего роста, худощавый, лицо продолговатое, шатен, носит очки, прихрамывает на одну ногу, женат на русской женщине, до 1928 года находился в Москве ассистентом германского посольства, одно время находился в гор. Ковно и последние 10 лет находился в Копенгагене секретарем консульского отдела, имеет титул консульского секретаря.

2. Вернер, в возрасте 63 лет, низкого роста, брюнет, худощавый, лицо продолговатое, носит очки, в царское время находился в Москве консульским секретарем при германском посольстве, последнее время был в Копенгагене, заведовал кадрами посольства, хозяйством и кассой, титул имел канцлера.

Вспомнил еще одного сотрудника, освобожденного вместе со мною из английского лагеря, это Клёкер, в возрасте 51 года, среднего роста, плотного телосложения, блондин, лицо полное, до войны Германии с Польшей находился в гор. Катовицы, работал там в качестве помощника канцлера при германском посольстве, титул его — консульский секретарь, последнее время был в Копенгагене, являлся там же помощником канцлера германского посольства; после освобождения выехал к родственникам в Рейнскую область.

Протокол лично мною прочитан, записи которого правильно и точно соответствуют моим показаниям, в чем расписываюсь.

В. ЭЙЗЕНГАРТ

Допросил: гвардии майор ДЬЯЧКОВ

ЦА ФСБ России. К-512491. В 2-х тт. Т. 1. Л. 48—52. Подлинник. Рукопись на бланке. Автограф.

№ 151
ПРОТОКОЛ (ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ) ДОПРОСА КОНСУЛЬСКОГО СЕКРЕТАРЯ В. ЭЙЗЕНГАРТА

6 января 1946 г.
Берлин

Я, *начальник отделения 4 отдела берлинского оперсектора Советской Военной Администрации гвардии майор Дьячков,* через переводчика —, который об ответственности за ложный перевод предупрежден по ст. 95 УК РСФСР

подпись

допросил в качестве арестованного *Эйзенгарт Виктора Викторовича*

Вопрос: Какие инструктивные указания Вы получили от гитлеровского правительства в 1940 году, направляясь в Москву для работы в германском посольстве?

Ответ: Отправляясь в Советский Союз в конце февраля 1940 года, я никаких инструкций и указаний от правительства Германии, и в частности Министерства иностранных дел, не получал. Перед тем как направить меня в СССР, предварительно я был вызван амсратом Персонального отдела Министерства иностранных дел Германии — Мерфельс, который предложил мне ехать в Москву для работы в германском посольстве, на что я дал свое согласие. Перед выездом из Берлина из правительственных кругов Германии со мной никто не беседовал и, еще раз повторяю, никаких указаний я не получал.

Вопрос: Что вам было известно о подготовке Германии к войне против СССР?

Ответ: Со слов дипломатических курьеров германского посольства в Москве и других сотрудников посольства, мне было известно, что на государственных границах со стороны германского правительства производится усиленная концентрация войск.

Разговоры в посольстве происходили открыто о готовящейся войне против СССР. Причем рост военной промышленности и оснащения германской армии явно свидетельствовали о подготовке к войне. Но наиболее убедительным источником стало официальное заявление германского посла — графа фон дер Шуленбурга, сделанное им за десять дней до нападения Германии на СССР.

Посол Шуленбург заявил следующее: «Если 22 июня 1941 года пройдет благополучно, то войны между Германией и СССР не будет». Отсюда я понял, что Шуленбург в курсе всех событий и детально посвящен в вопросы подготовки Германии к войне с СССР.

Примерно дня через три после своего заявления Шуленбург отдал распоряжение — всем сотрудникам посольства отправить свои семьи на родину в Германию; и это явилось подтверждением заявления Шуленбурга о предстоящей войне. Это все, что мне было известно о подготовке войны против Советского Союза.

Протокол лично мною прочитан, записи которого правильно и точно соответствуют моим показаниям, в чем расписываюсь.

В. ЭЙЗЕНГАРТ

Допросил: гвардии майор ДЬЯЧКОВ

ЦА ФСБ России. К-512491. В 2-х тт. Т. 1. Л. 53—54. Подлинник. Рукопись на бланке. Автограф.

Раздел II

РУКОВОДИТЕЛИ ИНОСТРАННЫХ ВОЕННЫХ МИССИЙ, ВОЕННЫЕ И ПОЛИЦЕЙСКИЕ АТТАШЕ

Руководитель военной миссии генерал кавалерии Эрик Ганзен

№ 152
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА ГЕНЕРАЛА КАВАЛЕРИИ Э. ГАНЗЕНА[88]

5 апреля 1948 г.
Москва

Ганзен Эрик, 1889 года рождения, уроженец гор. Гамбурга, немец, беспартийный, со средним образованием, из семьи торговца, кадровый офицер германской армии.

Вопрос: Вы участвовали в первой мировой войне?

Ответ: Да, участвовал. Будучи адъютантом штаба 9-го драгунского полка в звании лейтенанта, а затем адъютантом штаба 45-й кавалерийской бригады в звании старшего лейтенанта и ротмистра, я с августа по ноябрь 1914 года участвовал в боях на Западном фронте (Бельгия), а с ноября 1914 г. до февраля 1917 г. на Восточном фронте (Польша, Курляндия); с февраля до лета 1917 г. я проходил практику в Генеральном штабе в отделе полевых и железных дорог, а затем до января 1945 г. в штабе 45-й резервной дивизии на Западном фронте во Фландрии.

В январе 1918 г., будучи уже капитаном генерального штаба, я снова был послан на Западный фронт в качестве квартирмейстера резервного гвардейского корпуса, а затем помощника начальника отдела «1-а» штаба 9-й армии и армейской группировки «Гольвитцер». В этой должности меня застали ноябрьские события 1918 года — т.е. революция в Германии, падение правительства Вильгельма и капитуляция германских вооруженных сил перед странами Антанты.

За активное участие в боевых операциях во время первой мировой войны я был награжден Железными крестами I и II класса и гамбургским крестом.

Вопрос: Как развивалась ваша служебная карьера после капитуляции Германии?

Ответ: После капитуляции германских вооруженных сил армейская группировка «Гольвитцер», где я служил, была отведена из Франции на территорию Германии. Рядовой состав сразу же был распущен по домам, а офицерский состав направлен в пункты призыва в армию для оформления демобилизации. Я поехал в Гамбург, где меня должны были демобилизовать, но вместо демобилизации сразу же был направлен Военным министерством в распоряжение генерала фон дер Гольца, формировавшего в гор. Кёнигсберге 6-й резервный корпус, и назначен помощником начальника отдела «1-а» штаба этого корпуса.

Вопрос: Чем вызывалась необходимость формирования 6-го корпуса сразу после капитуляции германской армии?

Ответ: Корпус фон дер Гольца формировался германским правительством по требованию Антанты для борьбы с революционным движением в Эстонии, Латвии и Литве, которое к началу 1919 года охватило все Прибалтийские страны. Приближение Красной Армии к границам Германии создавало угрозу всей буржуазной Европе, поэтому Антанта считала возможным использование Германии для борьбы с большевиками.

Корпус фон дер Гольца по своему составу вполне отвечал этому требованию. Он состоял из морского легиона «Железной дивизии» и нескольких бригад из навербованных немецких добровольцев. Кроме того, под командованием фон дер Гольца действовали отряды местного ландвера — немецкого баронства, русские белогвардейские отряды Бермонта-Авалова и белолатвийские войска.

Вопрос: Вы участвовали в подавлении революционного движения в Прибалтике?

Ответ: Да, участвовал в составе указанного корпуса фон дер Гольца. Подавляя Советскую власть в Прибалтике, войска корпуса заняли Литву, Латвию с городом Рига и, к лету 1919 года, т.е. к моменту заключения Версальского мирного договора, вышли к эстонской границе. Заняв Ригу, фон дер Гольц стремился продвинуться дальше на Север и захватить всю Прибалтику. Но дальнейшее продвижение наших войск на Север и наше укрепление в Прибалтике не соответствовало интересам стран Антанты, главным образом англичан, которые к тому времени направили к берегам Эстонии свой военный флот во главе с адмиралом Синклером[1] и блокировали Финский залив.

Наступление наших войск было прекращено вмешательством Англии, а осенью 1919 года фон дер Гольцу было предложено освободить Прибалтику. В октябре—ноябре 1919 г. наш корпус был отведен в Восточную Пруссию и там расформирован.

Вопрос: В подавлении революционного движения в самой Германии вы тоже участвовали?

Ответ: В подавлении революционного движения в самой Германии я не участвовал, т.к. в это время находился с войсками фон дер Гольца в Прибалтике. В 1920 году я участвовал в т.н. путче Каппа, представлявшем попытку реакционеров, главным образом из прусского юнкерства, свергнуть социал-демократическое правительство Эберта и создать вместо него новое, крайне правое, реакционное правительство.

Вопрос: Покажите подробно о вашем участии в путче Каппа?

Ответ: После того как была выполнена задача подавления Советской власти в Прибалтике, я в октябре-ноябре 1919 года из штаба 6-го корпуса был вызван в Берлин и назначен начальником Оперативного отдела 2-й морской добровольческой бригады, дислоцировавшейся в гг. Бернау и Дебериц под Берлином и предназначенной для охраны «порядка» в стране на случай возможных эксцессов со стороны коммунистической партии.

Когда в марте 1920 г. генеральный директор Восточной Пруссии Капп, совместно с командующим Берлинской армейской группой генералом Лютвиц и начальником Адмиралтейства адмиралом Трота, организовал путч против правительства Эберта, не принимавшего, по их мнению, решительных мер против коммунистической опасности в стране, 2-я морская бригада явилась

[1] Возможно, речь идет о британском военном деятеле адмирале Хью Фрэнсисе Педжете Синклере.

главной движущей силой этого путча, т.к. командир бригады корвет-капитан Эрхард целиком разделял точку зрения своего начальника — адмирала Трота.

Я, из-за моей идейной преданности Эрхарду, тоже выступил с ним против правительства Эберта. Как начальник Оперативного отдела штаба бригады, я лично разработал план движения частей бригады из Деберица на Берлин и план захвата важнейших объектов столицы, а также подготовил бригаду к выступлению.

Путч был подавлен восставшим германским пролетариатом, поднявшимся единодушно против реакции. Капповская контрреволюция не была также поддержана большинством генералитета и буржуазией, которые понимали, что свержение правительства Эберта вызовет в данный момент решительное сопротивление Антанты. Кроме того, буржуазия, завоевав в демократической республике власть для себя, не желала передавать ее юнкерам, т.к. понимала, какую громадную услугу оказывают ей демократические иллюзии пролетариата.

В то время, когда рабочие отряды подавляли путчистов, правительство Эберта, уйдя из Берлина, стояло бессильно между революцией и контрреволюцией. После подавления путча Эберт двинул на Берлин свои войска и в кровопролитных боях разгромил восставший пролетариат.

2-я морская бригада после подавления путча была расформирована, а Экхард, в целях сохранения кадров для дальнейшей борьбы с демократическим движением в стране, создал из бывших военнослужащих бригады подпольную, конспиративную организацию «Ц», которой сам и руководил под псевдонимом «Консул» вплоть до прихода к власти Гитлера.

Под видом проявления заботы о людях Эрхард устроил бывших своих подчиненных в разные промышленные предприятия и помещичьи хозяйства и дал задание каждому члену группы спрятать как можно больше оружия. Впоследствии некоторые из этих подпольных вооруженных групп организации «Ц», имевшихся на территории Баварии, являлись участниками возникавшего там национал-социалистического движения и, в частности, Мюнхенского путча, а с приходом Гитлера к власти все они влились в боевые организации НСДАП.

Вопрос: Вы состояли в организации «Ц»?

Ответ: Нет, в этой организации я не состоял, так как с расформированием 2-й морской бригады я был направлен в 3-й кавалерийский полк рейхсвера и после этого все время служил в рейхсвере, связи с Эрхардом не поддерживал.

Вопрос: А в национал-социалистическом движении вы участвовали?

Ответ: В национал-социалистчиеском движениия не участвовал и формально не являлся членом национал-социалистической партии — по существовавшим в Германии законам, кадровые офицеры не должны были состоять членами какой-либо политической партии. Однако, будучи убежденным сторонником национал-социализма, я начиная с 1934 г. фактически принадлежал к этой партии и целиком разделял ее программу.

После поражения немцев в первой мировой войне я, как офицер генерального штаба германской армии, мечтал о возрождении сильного германского государства и считал, что только национал-социализм сможет избавить страну от унизительных условий Версальского договора и возродить былую мощь и славу Германии и ее вооруженных сил.

Вопрос: Что вами практически сделано в деле возрождения германских вооруженных сил?

Ответ: Вся моя деятельность во время службы в рейхсвере была направлена на то, чтобы возродить и укрепить германские вооруженные силы. Тогда работа в этом направлении мною проводилась, главным образом, по линии подготовки военных кадров и ведения пропаганды среди подчиненных мне солдат и офицеров милитаристских идей под видом избавления Германии от позорного Версальского договора.

Особенно активно этим я занимался в период 1927—[19]30 гг., когда работал преподавателем в офицерской школе в гор. Ганновер, и в 1931—1933 гг., когда руководил в Кёнигсберге курсами по подготовке офицеров генерального штаба, созданными германским командованием в нарушение условий Версальского договора.

Здесь застал меня приход Гитлера к власти. После этого, в период 1934—[19]36 гг., я, будучи командиром полка, усиленно занимался обучением в полку нового набора германской молодежи, призванной в армию Гитлером также в нарушение условий Версальского договора.

Вопрос: Как вы встретили приход Гитлера к власти?

Ответ: До 1934 г. я занимал выжидательные позиции в отношении Гитлера, присматривался за это время к проводимой им политике и изучал его программу, изложенную в книге «Моя борьба». Затем, когда убедился, что Гитлер способен практически осуществить национал-социалистические идеи создания сильного германского государства с его мощной армией, я приветствовал и восторгался его приходом к власти, понимая, что это даст возможность избавить Германию от условий Версальского мирного договора.

Вопрос: Путем развязывания новой мировой войны?

Ответ: Так точно.

Вопрос: Вы принимали участие в подготовке и планировании второй мировой войны?

Ответ: В 1936—1938 гг., будучи начальником Оперативного отдела германского генерального штаба, я непосредственно разрабатывал планы нападения на Австрию и Чехословакию.

Вопрос: Как практически вами проводилась эта работа?

Ответ: План оккупации Австрии в черновом виде я разработал по предложению начальника штаба ОКХ генерала Бек летом 1937 года в связи с активизацией пропаганды национал-социалистической партии, направленной к присоединению к Германии австрийской территории как, якобы, исконных немецких земель. После неудавшейся в 1934 г. попытки захвата Австрии с помощью путча, сопровождавшегося убийством австрийского канцлера Дольфуса, национал-социалисты не прекращали свою деятельность в этом направлении, и к середине 1937 г. уже назрел вопрос о военном захвате Австрии.

Разработанный мной план предусматривал внезапное вторжение германских войск в Австрию и оккупацию всей ее территории, причем имелось в виду, что австрийская армия не окажет существенного сопротивления, т.к. к этому времени внутри самой Австрии будут подготовлены нацистами достаточные условия для ее присоединения к Германии.

Однако план этот до марта 1938 г. лежал без движения в надежде на то, что Гитлер добьется от нового австрийского канцлера Шушнига согласия на присоединение Австрии к Германии без военного вмешательства.

После того же, как Шушниг в начале марта 1938 г. заявил, что он не согласен объединяться с Германией, а австрийские нацисты официально обратились к Гитлеру с просьбой взять их под свою защиту, утром 11 марта

1938 г. Бек предложил мне вновь заняться планом оккупации Австрии. Он сказал мне при этом, что в канцелярии Гитлера уже были разговоры о возможности в ближайшие дни немецкого вторжения в Австрию. Так как план оккупации Австрии был уже мной вчерне составлен ранее, то на этот раз я лишь конкретизировал его и разработал приказ о выступлении немецких войск против Австрии в соответствии с имевшимся планом.

Наша предусмотрительность оказалась правильной. В тот же день (11 марта 1938 г.) после полудня Гитлер предложил командующему сухопутными войсками генералу Фрич быть к 13 марта готовым к выполнению его приказов по захвату Австрии.

В соответствии с разработанным планом, всем отделам Генштаба ОКХ были даны соответствующие указания, и был вызван на инструктаж из Дрездена командующий 3-й армейской группировкой генерал фон Бок, на которого возлагалась ответственность за проведение Австрийской операции.

Вечером 11 марта 1938 г. разработанный мной план оккупации Австрии был одобрен Фричем и Гитлером, а 13 марта 1938 г. он был проведен в жизнь. Австрия была присоединена к Германии.

Захват австрийского плацдарма создал непосредственную угрозу для Чехословакии, которая, таким образом, бралась в клещи. С конца 1937 года Гитлер начал проводить усиленную подготовку к присоединению к Германии Судетской области Чехословакии так же под тем предлогом, что это есть исконно немецкие земли.

В связи с этим начальник Генерального штаба Бек предложил мне, на случай, если не удастся этот вопрос разрешить «мирным» путем, разработать план военного захвата Судетской области, что мной и было сделано. Но этот план не ограничивался только вторжением немецких войск в Судетскую область. Предполагалось, что чехи окажут немецкому вторжению в Судеты ожесточенное сопротивление, а поэтому план предусматривал оккупацию всей Чехословакии.

Предполагалось далее, что с вторжением немцев в Чехословакию Франция выступит против Германии с Запада и получит при этом поддержку со стороны Англии. Бельгия и Голландия рассматривались как нейтральные государства. В отношении Польши было намечено добиться того, чтобы ее тоже нейтрализовать, используя для этого имевшиеся территориальные разногласия между Польшей и Чехословакией из-за Тешинской Силезии.

Таким образом, этот план предусматривал осуществление наступательных операций на Востоке — против Чехословакии и оборонительных операций на Западе — против Франции. Сущность плана состояла во внезапном наступлении крупных немецких сил на Чехословакию и быстрый ее захват. На Западе в это время сосредотачивались также достаточно крупные силы против Франции для ее сдерживания и совсем слабые силы против Бельгии и Голландии для наблюдения за их границами. Несколько больше сил, чем против Бельгии и Голландии, сосредотачивалось против Польши, учитывая ее возможное выступление против Германии. После занятия Чехословакии все силы предполагалось обратить против Франции.

Этот план был составлен мной к лету 1938 года и одобрен начальником Генерального штаба Беком и приемником Фрича на пост командующего сухопутными силами генералом фон Браухичем. Гитлер внес в него некоторые коррективы: в частности, мой вариант плана предполагал вторжение немецкой армии в Чехословакию как со стороны Баварии, так и со стороны Си-

лезии (пехоты) и их соединение в районе Богемии—Моравии с тем, чтобы отрезать Чехию от Словакии, не дать чехословацким войскам уйти на Восток в Словакию, а уничтожить их юго-восточнее Праги танковой армией Рейхенау со стороны Баварии.

Осенью 1938 г. немецкая армия заняла Судетскую область. Благодаря «умиротворительной» политике Западных держав, главным образом Англии и Франции, что нашло свое выражение в Мюнхенском соглашении, нам тогда не пришлось развернуть операции в полном объеме намеченного плана, вопрос с Судетской областью был разрешен «мирным» путем.

Вопрос: Вы участвовали на совещании в Мюнхене, когда принималось решение о расчленении Чехословакии?

Ответ: На Мюнхенском совещании, проводившемся в сентябре 1938 г. между Гитлером, Муссолини, Чемберленом и Даладье, на котором было принято решение о передаче Германии Судетской области, я не был, но на другой день я в качестве представителя германского Генерального штаба участвовал на совещании в Берлине по вопросу практического выполнения Мюнхенского соглашения.

Вопрос: Покажите подробно об этом совещании?

Ответ: Это было совещание представителей четырех держав — участников Мюнхенского соглашения — Германии, Италии, Англии и Франции, на котором рассматривались практические вопросы отторжения от Чехословакии Судетской области. В совещании, проводившемся под председательством заместителя Риббентропа — государственного секретаря Вейцзекера, участвовали английский, французский и итальянский послы в Берлине — Гендерсон, Понсе и Аттолико, а также военные атташе этих стран.

На совещании были также приглашены представители Чехословакии — посол Мастны[I] и военный атташе в Берлине, чтобы оказать через них давление на правительство Чехословакии в принятии условий Мюнхенского соглашения.

Мюнхенское соглашение, как известно, проходило без участия представителей Чехословакии, и когда после подписания договора было поставлено в известность чехословацкое правительство, оно отказалось его выполнять.

Когда участниками Берлинского совещания было предложено чехословацким представителям принять участие в разработке практических мероприятий по выполнению Мюнхенского договора, они заявили, что этого сделать не могут, так как их правительство категорически отказывается выполнять указанный договор. Тогда в отношении чехословаков были применены, главным образом со стороны английского и французского послов, методы самого грубого нажима и шантажа.

Послу Мастны было предложено в течение 12 часов связаться со своим правительством и добиться того, чтобы оно приняло продиктованные ему требования. На другой день, 21 сентября 1938 года[II], премьер-министр Чехословакии Ходжа[III], принял англо-французский ультиматум и уполномочил Мастны и военного атташе принять участие в обсуждении вопросов на Берлинском совещании.

Вопрос: Какие конкретно вопросы были обсуждены на Берлинском совещании?

[I] Речь идет о чехословацком дипломате Войтехе Мастны.
[II] Так в документе.
[III] Речь идет о чехословацком государственном деятеле Милане Ходже.

Ответ: На этом совещании были установлены точные границы передаваемой Германии Судетской области и сроки передачи, а также обусловлено, чтобы чехословацкая армия при своем уходе из Судет не разрушала фортификационные сооружения, не повредила казармы, складские помещения и другие военные объекты и чтобы она не вывезла с собой много военного имущества и оружия.

Чехословакия всячески суживала границы передаваемой области и растягивала сроки передачи, но участники совещания на основании указаний Гитлера потребовали от них, чтобы Судетская область была полностью передана Германии не позднее как до 1 октября 1938 года, что и было осуществлено. Но, несмотря на это, задача оккупации всей территории Чехословакии не снималась с повестки дня.

В начале 1939 г. я, будучи уже командиром 4-й пехотной дивизии в гор. Дрезден, получил приказ от командующего 4-м армейским корпусом генерала фон Шведлер о вступлении в ближайшее время на территорию Чехословакии.

15 марта того же года моя дивизия вошла в г. Прагу. Чехословакия, в соответствии с ранее разработанным при моем участии планом, целиком была оккупирована немцами.

Вопрос: Еще в разработке каких агрессивных планов германского командования вы участвовали?

Ответ: В конце 1938 г. я был переведен из Генерального штаба на командную должность, поэтому в дальнейшем я не мог принять участия в разработке агрессивных планов против других миролюбивых государств, участвовал лишь в практическом осуществлении этих планов против Польши, Голландии, Бельгии, Люксембурга, Франции и СССР.

Вопрос: Как разрешался вопрос о будущих военных союзниках Германии при составлении указанных вами планов германской агрессии?

Ответ: При разработке указанных мною агрессивных планов германский генеральный штаб рассчитывал, прежде всего, на военный блок национал-социалистической Германии и фашистской Италии. К тому времени уже ясно определилась тенденция к сближению между Германией и Италией и можно было рассчитывать на военное сотрудничество. Еще в октябре 1936 г. между Германией и Италией было заключено соглашение — т.н. «Ось Берлин—Рим», в ноябре 1937 г. Италия присоединилась к Антикоминтерновскому пакту, заключенному ранее между Германией и Японией, и в эти же годы военный союз между Германией и Италией был уже практически проверен на опыте Испании.

В целях упрочения этого союза между германской и итальянской армиями практиковались взаимные приглашения на проводимые войсками маневры. В августе 1937 г. я лично, вместе с генералом фон Витингофшель[1] и подполковником Шернер (впоследствии генерал-фельдмаршал), по приглашению итальянского Генерального штаба ездил в Италию на маневры моторизованных войск.

Военные планы тогда еще не обсуждались нами и руководителями итальянской армии, а производился лишь обмен опытом по обучению и подготовке войск. Но, несмотря на близость отношений между Германией и Италией, я при разработке плана оккупации Австрии все же учитывал возможное препятствие захвату Австрии со стороны Италии, т.к. она была связана с Австри-

[1] Так в документе, речь идет о генерале пехоты Генрихе фон Фитингофе-Шееле.

ей т.н. римским протоколом, по которому обязалась охранять независимость Австрии, и давала в этом неоднократные заверения. Поэтому в приказе о выступлении немецкой армии против Австрии было отдельным пунктом отмечено, что в случае, если итальянская армия тоже перейдет австрийскую границу, оказать ей сопротивление и не пустить ее в Австрию. Но 11-го марта 1938 г. Гитлер получил сообщение от Муссолини, в котором он обещал не только не препятствовать его замыслам, а пожелал успехов в проведении этой операции. В связи с этим пункт приказа в отношении Италии был исключен.

При разработке плана оккупации Чехословакии Генеральный штаб рассчитывал на военный союз с Венгрией. Мы предполагали, что в случае немецкого вторжения в Чехословакию СССР будет соблюдать нейтралитет, но в случае, если все же он вступит в защиту Чехословакии, то это сделает не через Польшу, которая находилась во враждебных отношениях с СССР, а через Северную Румынию и Венгрию. Поэтому Генеральный штаб решил во что бы то ни стало привлечь Венгрию на свою сторону, используя для этого ее притязания на территорию Словакии и Карпатской Украины, отошедшей по Версальскому договору к Чехословакии.

В июне 1938 г. в Берлин был приглашен начальник венгерского Генерального штаба генерал Керестеш-Фишер, перед которым Бек и Фрич прямо поставили вопрос — каким образом Венгрия может помочь Германии в разрешении чехословацкого вопроса. Они предложили Керестеш-Фишеру выступить против Чехословакии одновременно с немцами, для чего сосредоточить достаточное количество войск на чехословацко-венгерской границе.

Такое решительное поведение Бека и Фрича в отношении начальника венгерского Генерального штаба объясняется тем, что к тому времени уже также ясно определилась тенденция к сближению между Германией и Венгрией, т.к. еще в 1937 г. Хорти посетил Гитлера и, по слухам, велись между ними переговоры о присоединении Венгрии к Антикоминтерновскому пакту.

В целях упрочения германо-венгерского военного союза я и генерал Буш (позднее фельдмаршал) в августе 1938 г. по приглашению венгерского Генерального штаба посетили Венгрию и участвовали в маневрах венгерских войск. В отношении привлечения в качестве германского военного союзника Румынии во время моей службы в Генеральном штабе никаких практических мероприятий еще не проводилось, однако, между Гитлером — с одной стороны, и румынским королем — с другой, велись уже переговоры о взаимном сотрудничестве, но их подробности мне неизвестны.

Позднее, когда я уже находился на командной должности, я видел, как активно Гитлер втягивал Румынию в военный блок с Германией, о чем свидетельствует, например, мое назначение в 1940 г. главой германской военной миссии в Румынии и моя практическая деятельность по заданию Гитлера на этом посту.

О том, как практически были привлечены в военный блок с Германией Болгария и Финляндия, я не знаю.

Вопрос: Работая в Генеральном штабе, вы занимались вопросом военной интервенции в Испании?

Ответ: Нет, испанский вопрос не входил в круг моих обязанностей, т.к. этим занимался специально учрежденный штаб генерала Вильберга[1] при Главном командовании германских военно-воздушных сил.

---

[1] Вероятно, речь идет о немецком военном деятеле генерале люфтваффе Гельмуте Вильберге.

Возглавлявшийся мной Оперативный отдел не был связан со штабом Вильберга, а из-за строгой конспирации немецкого вмешательства в испанские дела я не был посвящен в деятельность этого штаба. Насколько мне помнится, ряд других отделов штаба ОКХ занимались испанским вопросом совместно со штабом Вильберга. К таким относились: Организационный отдел (полковник Штабф), Транспортный отдел (полковник Цорн), отдел обеспечения (полковник Вагнер) и отдел кадров (генерал-лейтенант Шведлер).

Вопрос: Вы знали о подготовке Германией нападения на Польшу?

Ответ: Конкретные планы в отношении Польши мне не были известны, но после оккупации Чехословакии по отдельным признакам было видно, что готовится нападение на Польшу. Так, в июле 1939 г. моя дивизия из Чехословакии была переброшена в Силезию, к польской границе, где с первых же дней нам было предложено строить укрепления, причем сроки строительства были строго ограничены.

Дело явным образом шло к очередной агрессии, на этот раз против Польши, которая готовилась под видом необходимости удовлетворения жизненно-важных интересов Германии, т.е. присоединения Данцига и постройки экстерриториальных немецких железных и автомобильных дорог через Польский коридор[89], для установления прямых коммуникаций между Восточной Пруссией и остальной Германией.

15 августа 1939 г. на состоявшемся во Франкфурте-на-Одере совещании генералитета германской армии (от командиров дивизий и выше), на котором я присутствовал, Браухич заявил, что если Польша не удовлетворит вышеуказанные требования Германии, следует рассчитывать в ближайшие дни на войну с ней. На этом же совещании перед командирами дивизий, корпусов и армий были поставлены общие задачи в предстоящем польском походе.

26 августа 1939 г. я получил приказ командующего 4-м армейским корпусом генерала Шведлер, в котором предлагалось моей дивизии, входившей в данный корпус в соответствии с приказом командующего армией генерала Рейхенау, перейти польско-немецкую границу севернее Глейвиц—Катовицы и развивать наступление в глубь территории Польши. Но в тот же день, когда дивизия уже находилась на марше, было предложено приостановить наступление. Как мне стало известно позднее, оказалось, что английский и французский послы в Берлине Гендерсон и Франсуа-Понсе по поручению своих правительств предложили германскому правительству мирным путем разрешить германо-польский вопрос, причем французский посол выступал за удовлетворение германских требований, а английский якобы против.

В связи с этим, 30 или 31 августа 1939 года последовал новый приказ о наступлении на Польшу, которое началось 1-го сентября того же года. В этом походе германской армии я участвовал от его начала до конца.

Вопрос: Еще в каких походах германской армии вы участвовали?

Ответ: После завершения польской кампании в ноябре 1939 года я со своей дивизией был переброшен на Запад в район гор. Кёльн. Весной 1940 года в составе армии генерала фон Клюге я участвовал в походах против Бельгии, Голландии, Люксембурга и Франции.

В августе 1940 года моя дивизия была переброшена в гор. Дрезден, откуда в сентябре того же года я был отозван для работы в качестве начальника германской военной миссии в Румынии. В 1941—[19]43 гг., командуя армейским корпусом[1], я участвовал в походе против СССР.

---

[1] Речь идет о LIV армейском корпусе.

Протокол с моих слов записан правильно, мне прочитан в переводе на немецкий язык.

ГАНЗЕН

Допросил: пом[ощник] нач[альника] 2 отд[еления] 4 отдела 3 Гл[авного] упр[авления] МГБ [СССР] майор МАСЛЕННИКОВ

Перевела: оперупол[номоченный] 2 отд[еления] 4 отдела 3 Гл[авного] упр[авления] МГБ [СССР] лейтенант КУЩ

ЦА ФСБ России. Н-21140. Л. 64—79. Подлинник. Машинопись. Автограф.

№ 153
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА ГЕНЕРАЛА КАВАЛЕРИИ Э. ГАНЗЕНА

19 апреля 1948 г.
Москва

Ганзен Эрик, 1889 года рождения, уроженец гор. Гамбурга, немец, беспартийный, со средним образованием, из семьи торговца, кадровый офицер германской армии.

Вопрос: Чем объяснить, что вы в 1943 г. вновь были назначены главой военной миссии в Румынии?

Ответ: Во второй раз я был назначен Гитлером на эту должность по просьбе Антонеску, с которым мой преемник генерал Хауфе не сработался, а ко мне Антонеску по-прежнему питал доверие и дружественные чувства. Во время моего пребывания на южном участке советско-германского фронта Антонеску неоднократно приезжал в мой корпус, и в одну из таких поездок он даже вручил мне в знак нашей дружбы свой личный орден Михая 3-го класса, которым он был награжден еще в период первой мировой войны. В середине января 1943 г. в Ставке Гитлера состоялось совещание представителей германского и румынского командования, и последний просил Гитлера от имени Антонеску о назначении меня вновь начальником военной миссии в Румынии.

Вопрос: Перед вторичной поездкой в Румынию вы были приняты Гитлером?

Ответ: Да, 20 января 1943 г. я был вызван с фронта в Ставку и в тот же день принят Гитлером, а также Кейтелем и начальником Генерального штаба Цейцлером[1].

Вопрос: Какие вы тогда получили указания?

Ответ: Первый раз меня принял Гитлер и беседовал со мной около полутора часов. Прежде чем поставить передо мной задачи по Румынии, он подробно остановился на международной обстановке, и о том тяжелом положении, в котором оказалась германская армия в результате сталинградской катастрофы. Гитлер доказывал мне, что союзники Германии — Италия, Румыния и Венгрия — не оправдали его надежд, они слабо участвуют в войне, их армии плохо воюют. Особенно он подчеркнул падение духа румынской армии от понесенных крупных потерь под Сталинградом. Далее Гитлер заявил, что мой преемник на посту начальника германской военной миссии

[1]Так в документе, речь идет о немецком военном деятеле генерал-полковнике Курте Цейтцлере.

в Румынии не сработался с Антонеску, поэтому он вновь назначает меня на этот пост. Основная задача, которую Гитлер тогда поставил передо мной, — это укрепить морально румынскую армию и поднять веру в силу германского оружия. Гитлер сообщил мне далее, что между Германией и Румынией заключено соглашение о взаимных поставках вооружения и сырья, и в связи с этим предложил проследить за тем, чтобы правильно было использовано румынами поставляемое германское оружие, а также чтобы они не срывали свои поставки продовольствия и сырья для Германии.

Цейцлер ознакомил меня с положением на Восточном фронте и тоже поставил в известность о достигнутом между Германией и Румынией соглашении о взаимных поставках. Он повторил те же задачи, которые были поставлены передо мной Гитлером.

Кейтель, с которым я также беседовал, поставил меня в известность о том, что Антонеску жалуется на недостойное поведение в Румынии немецких военнослужащих, занимающихся контрабандой. Он предложил мне принять меры к устранению подобных явлений, которые, по его мнению, отрицательно могут повлиять на дальнейшие взаимоотношения между Германией и Румынией.

Вопрос: Таким образом, второй раз вы были посланы в Румынию для того, чтобы удержать ее в качестве союзницы Германии в продолжавшейся войне против СССР?

Ответ: Так точно.

Вопрос: Что вами было сделано в части выполнения этой задачи?

Ответ: В результате серьезных поражений на фронте и под влиянием крайне сложной внутренней и международной обстановки Румынии, мне очень трудно было выполнять поставленные передо мной задачи, несмотря на то, что мои личные отношения с Антонеску по-прежнему оставались дружескими.

Антонеску стал предъявлять все чаще и чаще различного рода требования, которые германский Генеральный штаб уже не в состоянии был быстро и полностью удовлетворять. Он неоднократно просил усилить германские поставки вооружения для румынской армии, в частности, танки для вооружения танкового корпуса, средства связи, моторы для самоходной артиллерии и т.д.

В начале 1944 г. в связи с создавшимся угрожающим положением в Крыму Антонеску просил эвакуировать Крым и спасти тем самым от гибели находившихся там румын. Я, в свою очередь, по указанию Генерального штаба, предъявлял разного рода требования к Антонеску. В частности, я потребовал от него весной 1944 г. послать на Южный фронт две свежие румынские дивизии, так как положение на этом участке фронта в связи с быстрым продвижением Красной Армии становилось угрожающим.

В начале лета 1944 г. Антонеску согласился провести полную мобилизацию людских резервов. Это решение было одобрено германским командованием, которое возложило на меня контроль за отправкой румынских частей на фронт. Я принимал необходимые меры к ускорению этой мобилизации. Во исполнение указаний Генерального штаба я также неустанно требовал от Антонеску увеличения нефтедобычи, отправки нефти и другого сырья и продовольствия для германской армии. Я всячески старался поднять перед румынами престиж германского оружия и вселить им уверенность в нашу победу. Однако мне не удалось этого достигнуть, германский авторитет в Румынии падал. Как крайнее средство, к чему я прибегал для того, чтобы поддержать моральный дух Антонеску — это добивался перед

Генеральным штабом приема его Гитлером. Это мне удавалось сделать, и в течение 1943—[19]44 гг. маршал Антонеску и его начальник Генерального штаба — генерал Штефлея[1], неоднократно были в Ставке Гитлера.

Гитлер, Кейтель, Цейцлер и его преемник Гудериан, принимая Антонеску и Штефлея, тоже прилагали все усилия к тому, чтобы поднять в глазах румын престиж германского оружия, вселить уверенность в нашу победу и удержать Румынию в качестве военной союзницы Германии. Однако им также не удалось этого достигнуть, так как в результате не прекращавшегося русского наступления инициатива ведения войны окончательно выпала из рук германской армии.

Вопрос: Вы тоже вместе с Антонеску и Штефлея ездили в Ставку?

Ответ: Да, ездил. Кроме меня с германской стороны ездили еще посол фон Киллингер и начальник военно-воздушной миссии генерал Герстенберг.

Вопрос: Когда это было?

Ответ: Первый раз мы были в Ставке Гитлера в марте 1943 г. в районе Зальцбурга, затем летом 1943 г. в Восточной Пруссии, в апреле 1944 г. тоже в районе Зальцбурга и в последний раз 5 августа 1944 г. опять в Восточной Пруссии. Кроме того, я вместе со Штефлея, без Антонеску, был в Ставке в Восточной Пруссии в феврале 1944 г.

Вопрос: Какие вопросы обсуждались между немцами и румынами на совещаниях в Ставке?

Ответ: Я не участвовал непосредственно на основных совещаниях, которые проводились между Гитлером и Антонеску, поэтому детали обсуждавшихся ими вопросов мне неизвестны. Я участвовал только на проводившихся параллельно совещаниях между Кейтелем и Штефлея, на которых обсуждались, в основном, те же вопросы, что и между Гитлером и Антонеску.

Румыны каждый раз требовали от нас поставки оружия, главным образом танков и средств связи, а мы требовали от румын больше людей на фронт, больше рабочей силы для нефтяной промышленности, увеличения нефтедобычи и поставок нефти, а также другого стратегического сырья и продовольствия для германской армии.

В каждом случае румыны высказывали опасение по поводу не прекращавшегося русского наступления и сомневались в победе Германии, а мы старались рассеять эти их опасения и сомнения. Когда в феврале 1944 года я и Штефлея были в Ставке без Антонеску, там обсуждался вопрос об эвакуации Крыма. Этот вопрос, как я уже показал, был поставлен передо мной маршалом Антонеску, но я не в состоянии был дать ему удовлетворяющего ответа, поэтому просил начальника Генерального штаба Цейцлера вызвать в Ставку генерала Штефлея и побеседовать с ним лично. На этот раз я и Штефлея были приняты Цейцлером, а затем самим Гитлером.

Цейцлер и Гитлер заявили Штефлея, что Крым любой ценой необходимо удерживать, так как в противном случае это отрицательно повлияет на турецкий «нейтралитет», подорвет престиж и авторитет германского оружия перед мировым общественным мнением и, кроме того, высвободит много русских сил, которые впоследствии создадут непосредственную угрозу Румынии. Они заявили далее, что, с точки зрения военной, Крым вполне можно удержать, если румыны выполнят все требования немцев. Штефлея согласился с дово-

[1]Так в документе, речь идет о румынском военном деятеле, корпусном генерале Илии Штефля.

дами Цейцлера и Гитлера и, по приезде, убедил в этом также Антонеску. Во время последней поездки в Ставку 5 августа 1944 г. обсуждались вопросы о положении Румынии и прочности румынского участка фронта.

К этому времени, когда русские войска подошли уже непосредственно к государственным границам Румынии, ее внутреннее положение еще больше осложнилось, в армии и народе явно росли антигерманские настроения и неуверенность в победу Германии. Эти настроения усилились совершившимся 20 июля 1944 г. покушением на фюрера. Сам Антонеску в беседе со мной все чаще стал высказывать опасения о том, что Германия вряд ли сумеет одержать победу в войне.

В связи с таким положением я в своем донесении в Ставку просил Кейтеля и вновь назначенного начальника Генерального штаба Гудериана вызвать в Ставку Антонеску и сделать ему соответствующее внушение. В Ставке тогда еще царила полная уверенность и спокойствие в отношении прочности румынского участка фронта и будущих событий в Румынии. Я имею в виду ее капитуляцию, совершившуюся в результате мощного русского наступления на Бухарест в августе 1944 г., что явилось большой неожиданностью для германского командования. Даже стоял вопрос о том, чтобы несколько немецких дивизий перебросить с румынского участка фронта на другой участок, но Антонеску категорически возражал против этого.

Я докладывал Гудериану обстановку в Румынии, также просил его не перебрасывать эти дивизии и не оголять румынский участок фронта, так как это отрицательно бы повлияло на моральное состояние Антонеску и окончательно поколебало неустойчивое положение румынской армии. Но Гудериан заявил мне, что на прочность и устойчивость румынского участка фронта они вполне надеются, а русского наступления на этом участке фронта не ожидается.

Кейтель и Штефлея на этот раз вновь затрагивали вопросы о взаимных поставках. Штефлея по-прежнему просил танки для вооружения румынского корпуса, а Кейтель требовал дополнительной рабочей силы для нефтяной промышленности: на строительство нефтепровода от Плоешти к венгерской границе и на восстановление нефтепромыслов, разрушенных вражеской авиацией.

На прощальной беседе между Гитлером и Антонеску, на которой я тоже присутствовал, Антонеску просил Гитлера усилить противовоздушную оборону Румынии, главным образом нефтяных районов Плоешти. Гитлер обещал удовлетворить просьбу Антонеску, заявив при этом, что им утверждена новая программа производства самолетов, по которой число выпуска в месяц одних только истребителей будет доведено до 3000 штук, что существенно может улучшить воздушную оборону Румынии. В результате визита в Ставку Антонеску настроение его несколько повысилось, Гитлеру удалось убедить его еще раз в силе германского сопротивления и прочности советско-германского фронта. Но это оказалось самообманом. 20-го августа 1944 года русские армии, вопреки ожиданиям германского командования, прорвали румынский фронт, и вскоре после этого Румыния вышла из войны.

Вопрос: В чем заключалась ваша деятельность в Бухаресте в последнее время перед капитуляцией Румынии?

Ответ: После возвращения из Ставки в Бухарест в начале августа 1944 г. я уже ничего практически не успел сделать, так как вскоре после этого был совершен прорыв фронта и последовала затем капитуляция Румынии, что для меня тоже явилось неожиданностью. В Ставку за это время я уже ника-

ких донесений не посылал, с Антонеску больше ни разу не встречался. С генералом Штефлея, который почти все время находился на фронте, встречался тоже только два раза. В эти дни военная власть в Румынии фактически уже находилась не в моих руках, а в руках командующего армейской группой «Юг» Фриснера.

Клодиус мне рассказывал, что после русского прорыва румынского фронта Антонеску вызывал его к себе и в категорической форме потребовал оказания румынам активной немецкой помощи войсками, техникой и авиацией, заявив при этом, что в противном случае он в дальнейшем в решении вопросов будет действовать самостоятельно. Клодиус об этом донес в Берлин, но никакого ответа, якобы, не получил. Я лично в эти дни с Берлином не связывался до 23 августа 1944 года, т.е. до момента капитуляции Румынии.

Вопрос: Как развивались события в Румынии в момент ее капитуляции и какие вами были приняты меры к тому, чтобы предотвратить капитуляцию?

Ответ: Впервые о совершившихся событиях в Бухаресте я услыхал только после обеда 23 августа 1944 года. Для проверки этого я позвонил в посольство, советник посольства Штельцер, с которым я разговаривал, заверил меня, что все мною слышанное о происходящих событиях не соответствует действительности. Вскоре после моего разговора с[о] Штельцером, около 7 часов вечера 23 августа 1944 года, я был вызван в посольство, куда явился вместе с начальником моего штаба — полковником Дитль. Начальник румынской разведки и контрразведки Кристеску, находившийся в посольстве, объявил нам, что король арестовал маршала Антонеску. Тогда я приказал Дитль, в целях обеспечения безопасности немцев, объявить тревогу во всех частях и учреждениях германской армии в Бухаресте.

Дитль мое приказание передал по телефону начальнику отдела «1-А» штаба военной миссии — подполковнику Ростель. Поздно вечером 23 августа 1944 года Киллингер, возвратившись после приема королем в посольство, тоже сообщил, что правительство Антонеску отстранено от власти и королем создается новое правительство, которое должно заключить перемирие с Россией. Об этом Киллингер немедленно поставил в известность Гитлера, и вскоре после этого на мое имя была получена телеграмма из Ставки за подписью Иодля, в которой мне предлагалось от имени Гитлера «всеми средствами подавить путч генеральской клики и восстановить прежние порядки в Бухаресте».

В ответ на это я сообщил радиограммой в Берлин, что события в Бухаресте не являются простым генеральским путчем, а речь идет об аресте старого правительства и создании нового, антигерманского, за которое стоит король, армия и народ и которое поэтому невозможно подавить имеющимися в Бухаресте немногочисленными немецкими войсками.

Вскоре в посольство поступила телеграмма от Фриснера, который тоже от имени Гитлера предложил уже не мне, а Герстенбергу подавить восстание в Бухаресте, для чего подчинить ему все немецкие войска, находящиеся в районе Бухареста. Тем самым я фактически уже был отстранен со своего поста.

После этого я, Герстенберг и Клодиус поздно ночью были вызваны новым румынским премьер-министром Санатеску и министром иностранных дел Никулеску. Они сообщили нам, что в районе аэродрома под Бухарестом между румынскими и немецкими частями начались бои, о чем лично не знал, так как к тому времени связь с войсками была уже прервана, и просили принять меры к прекращению бессмысленного кровопролития. На наш

вопрос о дальнейшей судьбе немцев, находящихся в Бухаресте, Санатеску и Никулеску заявили, что если немцы не будут предпринимать враждебных действий по отношению к новому румынскому правительству, то оно обеспечит их эвакуацию в Германию.

Возвратившись после приема в посольстве я, с разрешения румын, позвонил по прямому проводу Иодлю и Фриснеру, которым доложил о создавшемся положении в Бухаресте и о том, что я не в состоянии навести соответствующего порядка по вышеизложенным выше мотивам. Иодль и Фриснер заявили мне, что ими об этом будет доложено Гитлеру, а мне предложили ожидать дальнейших указаний. Но я никаких больше указаний не получал и никакой связи с Берлином и Ставкой Фриснера в дальнейшем не имел.

Герстенберг, в целях умиротворения немецких частей, тотчас же после приема членами румынского правительства поехал за город... к войскам, но оказалось, что вместо их умиротворения он организовал наступление на Бухарест. Одновременно была произведена немцами бомбардировка румынской столицы с воздуха, о чем я уже показал ранее. В этих и в дальнейших событиях в Бухаресте я уже никакого участия не принимал, так как до 2 сентября 1944 года находился в посольстве под наблюдением румын, а затем был передан представителям советского командования.

Вопрос: Вы проводили в Румынии разведывательную и контрразведывательную деятельность?

Ответ: Непосредственно сам я разведывательной и контрразведывательной деятельностью не занимался, так как эту работу проводил в Румынии специальный германский разведорган «Абверштелле-Бухарест». Руководители этого разведоргана офицеры Родлер[I], а затем Баур[II], находившиеся в дисциплинарном отношении в моем подчинении, регулярно информировали меня по вопросам военно-политического положения Румынии и соседних с ней государств. Кроме того, информацию о военном положении Румынии я получал также от германского военного атташе в Бухаресте генерала Шпальке.

Вопрос: Что вам известно о проводившейся «Абверштелле-Бухарест» разведывательной работе против СССР?

Ответ: Конкретно об этом мне ничего неизвестно, но знаю, что «Абверштелле-Бухарест» проводила разведывательную работу против СССР, так как я получал от него данные о дислокации и передвижениях советских воинских частей в Бессарабии и на Украине перед нападением Германии на СССР. Как я уже показал, работники «Абвера» мне подчинялись только в дисциплинарном отношении, во всем остальном же они были подчинены непосредственно Берлину, поэтому подробности о их деятельности мне неизвестны.

Вопрос: Какие вы получали награды от гитлеровского правительства?

Ответ: От Гитлера за активное участие во второй мировой войне я получил «Железный крест» I и II классов, «Рыцарский крест» и «Немецкий крест в золоте». Кроме того, от маршала Антонеску я получил «Крест румынской короны» и высшие румынские военные ордена «Михай Смелый» II и III классов, а также от генерала Франко «Испанский военный крест» за руководство в составе моего корпуса боевыми действиями «Голубой дивизии» под Ленинградом.

[I] Речь идет о начальнике «АСТ-Бухарест» полковнике Эрихе Родлере.

[II] Речь идет о начальнике «АСТ-Бухарест» (после Э. Родлера) полковнике Фридрихе Бауре.

Вопрос: С кем из руководителей гитлеровского правительства и германской армии вы находились в близких отношениях?

Ответ: Из членов правительства, кроме самого Гитлера, я ни с кем близких отношений не имел, а из высшего генералитета у меня было много хороших знакомых, с которыми имел близкие служебные, а с частью из них и личные, дружественные отношения.

Вопрос: Когда вы стали знакомы с Гитлером?

Ответ: Впервые я с Гитлером встретился и стал знаком с ним осенью 1933 года во время его поездки в гор. Веймар, где я в это время служил в 3-й кавалерийской дивизии. Я присутствовал на ужине, данном в честь его приезда городскими партийными руководителями, и был представлен как начальник штаба дивизии.

Ближе с Гитлером я познакомился в 1936—[19]38 гг. во время моей работы в Генеральном штабе. В 1938 году я был на традиционном ежегодном приеме Гитлером руководящего состава германской армии.

Еще ближе я с ним познакомился весной 1939 г. во время его поездки в гор. Рейхенберг (Судетская область), где тогда дислоцировалась моя 4-я пехотная дивизия. Я, как начальник гарнизона, устраивал ему торжественную встречу, проводы и обеспечивал охрану на время пребывания в городе, а также присутствовал на ужине, данном ему бургомистром города. О последующих моих встречах и приемах Гитлером, я уже подробно показал выше.

Вопрос: Перечислите ваши близкие связи среди генералитета быв[шей] германской армии и укажите характер этих связей?

Ответ: Из числа генералитета германской армии к моим близким связям относятся следующие лица:

Фрич, генерал-полковник, быв[ший] начальник Управления Рейхсвера, затем, до февраля 1938 года, командующий сухопутными силами. Знаком с ним еще по службе в рейхсвере, а в 1936—1938 гг., когда работал в Генеральном штабе, находился в его, как командующего, подчинении. Он рассматривал и утверждал составляемые мной планы захвата Австрии и Чехословакии.

фон Браухич, генерал-фельдмаршал, преемник Фрича на посту командующего сухопутными силами, каковым являлся до декабря 1941 года. Знаком с ним с 1918 года по совместной службе в резервном гвардейском корпусе, где я был квартирмейстером, а он начальником отдела «1-А» в звании капитана или майора. В дальнейшем я не прекращал связи с ним, когда он работал начальником отдела обучения рейхсвера. В 1927 г. во время прохождения учебных сборов, которыми он руководил, я был им отобран и впоследствии назначен на преподавательскую работу в офицерскую школу в Ганновере. В 1933 г., когда я был начальником офицерских курсов в Кёнигсберге, подчинялся ему как командующему Кёнигсбергским военным округом, а в 1938 г. во время моей работы в Генеральном штабе подчинялся ему как командующему сухопутными силами. Тогда же он рассматривал и утверждал составленный мной план против Чехословакии и Франции. По инициативе Браухича я был назначен Гитлером главой военной миссии в Румынии. Последний раз я встречался с Браухичем в апреле 1941 года во время его визита в ставку Листа.

Бек, генерал-полковник, бывший до лета 1938 года начальником Генерального штаба сухопутных сил. В 1936 г. во время прохождения учебных сборов, я им был отобран и впоследствии назначен начальником Оперативного отдела Генерального штаба, где работал под его непосредственным ру-

ководством. Он был не только моим начальником, но и близким товарищем в личной жизни.

Гальдер, генерал-полковник, преемник Бека на посту начальника штаба ОКХ, каковым являлся до декабря 1941 года. Знаком я с ним по своей работе в Генеральном штабе, где он первое время был обер-квартирмейтером ОКХ, а затем стал начальником Генерального штаба, т.е. моим непосредственным начальником.

Адам, генерал-полковник, быв[ший] начальник Войскового управления («Т») рейхсвера, затем начальник штаба ОКХ. Знаю я его еще по совместной службе в рейхсвере. Во время моей работы в Кёнигсберге в качестве начальника курсов я находился в его непосредственном подчинении. Он был у меня на курсах, посетил занятия, присутствовал на заключительных учениях перед выпуском слушателей. Позднее я им был назначен командиром дивизии в Веймаре. В период 1936—[19]38 гг., когда я работал в Генеральном штабе, а он командовал 7-м военным округом, затем 3-й армейской группой, мы имели взаимно служебные связи.

Бломберг, генерал-фельдмаршал, бывший до 1938 года главнокомандующим всеми вооруженными силами Германии. Знаком я с ним с 1931 года, когда работал начальником курсов в гор. Кёнигсберге, он в это время командовал Кёнигсбергским военным округом (до Браухича), а я ему подчинялся как старшему войсковому начальнику. Затем имел с ним связь во время работы в Генштабе.

Цейцлер, генерал-полковник, в 1941—1944 гг. начальник Генерального штаба сухопутных сил. Я с ним знаком с 1936 года, когда работал в Генеральном штабе ОКХ, он в это время был начальником «1-А» ОКВ, и мы имели непосредственную связь при разработке операций против Австрии и Чехословакии. Зимой 1940 г., когда он являлся начальником штаба танкового корпуса Клейста, мы вместе с ним проходили учебные сборы перед Французским походом. Во время моей работы в Бухаресте в 1943—[19]44 гг. я находился в непосредственном его подчинении и отчитывался перед ним о своей деятельности. При посещении Ставки я каждый раз докладывал ему о военно-политическом положении Румынии и получал от него соответствующие указания по работе.

Кейтель, генерал-фельдмаршал, быв[ший] начальник Генерального штаба ОКВ. Знаком я с ним с периода моей работы в Генеральном штабе. Я тогда участвовал на проводимых по его указанию оперативных совещаниях и заседаниях работников Генштаба, согласовывал с ним разрабатываемые военные планы против Австрии. В 1940—[19]41 гг. и 1943—[19]44 гг. я, как глава военной миссии в Бухаресте, подчинялся ему по общим военным вопросам и докладывал ему о своей деятельности. Во время посещений Ставки каждый раз получал от него соответствующие указания по службе.

Иодль, генерал-полковник, быв[ший] начальник Оперативного отдела ОКВ, заместитель Кейтеля. Знаком с ним с периода 1936—[19]38 гг., когда он был начальником отдела «Л» (оборона Империи) ОКВ. Тогда я имел с ним служебную связь по вопросам координации действий наземных, воздушных и морских сил в разрабатываемых военных планах. Во время моей работы в Бухаресте я с ним, как с заместителем Кейтеля, разрешал вопросы, связанные со снабжением румынской армии немецким оружием. Последний раз я имел с ним телефонный переговор[1] в день капитуляции Румынии.

[1] Так в тексте.

Гудериан, генерал-полковник, быв[ший] начальник штаба ОКХ, после Цейцлера. Знаком я с ним с 1919 года по службе в корпусе фон дер Гольца во время событий в Прибалтике. В июле—августе 1944 г. он, как начальник Генерального штаба, являлся моим непосредственным начальником. Последний раз я докладывал ему о своей деятельности 5 августа 1944 г. во время посещения Ставки.

фон Манштейн, генерал-фельдмаршал, последнее время командующий войсковой группой на Восточном фронте. До 1936 г. он был моим предшественником на посту начальника Оперативного отдела Генштаба, я у него принял дела, затем в течение года мы вместе продолжали работать в ОКХ, где он являлся обер-квартирмейстером. В 1940 г. я воевал против Франции в составе корпуса Манштейна, а в 1941—1942 гг. — против СССР в составе 11-й армии под его командованием. В 1943 г. имел с ним связь как с командующим армейской группой «Северная Украина», он тогда приезжал в Бухарест для вручения подарка Антонеску за активные боевые действия румынских частей в составе его армейской группы.

Модель, генерал-фельдмаршал, быв[ший] командующий армейской группировкой, преемник Манштейна в группе «Северная Украина». В 1936—[19]38 гг. мы вместе служили в Генеральном штабе, где он тогда тоже был начальником отдела ОКХ. Во время оккупации Чехословакии моя дивизия действовала в составе 4-го армейского корпуса, начальником штаба которого являлся Модель.

Штюльпнагель, генерал-полковник, бывший командующий 17-й армии на Восточном фронте, затем командующий немецкими оккупационными войсками во Франции. Знаком я с ним по совместной работе в Генштабе, где он после Гальдера был оберквартирмейстером-1 ОКХ, и я ему подчинялся по ряду вопросов организационного характера.

Паулюс, генерал-фельдмаршал, быв[ший] командующий 6-й армией на Восточном фронте. Знаком я с ним с 1936 г. по совместной работе в Генеральном штабе. В 1940 г. он, будучи обер-квартирмейстером ОКХ, участвовал в моем назначении главой военной миссии в Румынии.

фон Бок, генерал-фельдмаршал, быв[ший] командующий войсковой группой на Восточном фронте. Мой старый личный друг. С ним я знаком еще с периода первой мировой войны по совместной службе в одной части, затем вместе служили в рейхсвере. В 1936—[19]38 гг. я с ним имел служебную связь как с командующим 3-м военным округом, затем 3-й армейской группой в Дрездене. В 1938 г. я его инструктировал о предстоящих походах против Австрии и Чехословакии.

фон Рундштедт, генерал-фельдмаршал, быв[ший] командующий войсковой группой на Западном фронте. Знаком я с ним с 1927 г. по совместной службе в рейхсвере. Он являлся моим близким другом. В 1936—[19]38 гг., когда он командовал 1-й войсковой группой в Берлине, я имел с ним служебную связь по осуществлению агрессивных планов против Чехословакии.

Шернер, генерал-фельдмаршал, быв[ший] командующий группой войск на Восточном фронте. Знаком я с ним с лета 1937 года, т.е. с момента совместной поездки в Италию для участия в маневрах итальянской армии. В 1944 г., в бытность его командующим группой войск «Юг», я проводил с ним тесную совместную работу по ведению войны против СССР.

фон Клейст, генерал-фельдмаршал, быв[ший] командующий армейской группой «А» на Восточном фронте. В 1927—[19]28 гг. он являлся моим непо-

средственным начальником в Ганноверской офицерской школе, позднее вместе работали в Генштабе. В 1943 г., когда он командовал войсковой группой «А», я имел с ним служебную связь по ведению войны против СССР.

Линдеман, генерал-полковник, быв[ший] командующий 18-й германской армией под Ленинградом. Мой старый приятель. Знаком я с ним еще с 1914 года по совместной службе в 16-й кавалерийской дивизии. В 1928—[19]30 гг. являлся приемником Клейста на посту руководителя офицерской школы в Ганновере, он был моим непосредственным начальником. В 1934—[19]35 гг. мы вместе служили в 3-й кавалерийской дивизии в Веймаре, где он являлся командиром полка, а я начальником штаба дивизии. В 1942—[19]43 гг. мой корпус входил в состав его армии под Ленинградом, он тогда тоже являлся моим непосредственным начальником.

Буш, генерал-фельдмаршал, быв[ший] командующий Центральной войсковой группировкой на Восточном фронте. Мой близкий приятель. Знакомы мы с 1930 года по совместному участию в маневрах и учебных сборах. В 1938 г. мы вместе ездили в Венгрию, он тогда являлся командующим 8-м военным округом в Бреслау.

фон Кюхлер, генерал-фельдмаршал, быв[ший] командующий войсковой группировкой «Норд» на Восточном фронте. Мой старый друг. В 1919 г. мы вместе служили в корпусе фон дер Гольца в Прибалтике. В 1938 г., когда он после Браухича являлся командующим 1-м военным округом в Кёнигсберге, я приезжал к нему из Генштаба по делам службы. В 1942 г., во время его командования группой «Норд», он был моим старшим начальником.

Хот, генерал-полковник, быв[ший] командующий 17-й армией на юге Восточного фронта. Знаком я с ним с 1939 года. Во время Польского похода моя дивизия действовала в составе его корпуса. В 1943—[19]44 гг., когда он командовал 17-й армией, я с ним поддерживал связь по поводу участия в его армии румынских дивизий, в которых находились связные офицеры моей миссии.

Протокол с моих слов записан правильно, мне прочитан в переводе на немецкий язык.

ГАНЗЕН

Допросил:	пом[ощник] нач[альника] 2 отд[еления] 4 отдела 3 Гл[авного] упр[авления] МГБ [СССР] майор Масленников
Перевела:	оперупол[номоченный] 2 отд[еления] 4 отдела 3 Гл[авного] упр[авления] МГБ [СССР] лейтенант КУЩ

ЦА ФСБ России. Н-21140. Л. 94—111. Подлинник. Машинопись. Автограф.

№ 154
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА ГЕНЕРАЛА КАВАЛЕРИИ Э. ГАНЗЕНА

29 августа 1951 г.
Москва

Ганзен Эрик, 1889 года рождения, уроженец города Гамбурга, немец, бывший начальник германской военной миссии в Румынии и германский представитель при Верховном командовании румынской армии.

Допрос ведется на немецком языке через переводчика Следотдела 2 Гл[авного] Управления МГБ СССР мл[адшего] лейтенанта Егорову, кото-

рая об ответственности за заведомо ложный перевод предупреждена по ст. 95 УК РСФСР.

ЕГОРОВА

Допрос начат в 13 часов
Допрос окончен в 21 час. 10 мин.

Вопрос: Вы подтверждаете свои показания, данные вами на предыдущих допросах?

Ответ: Я подтверждаю все свои показания, за исключением показаний по трем пунктам[I].

Вопрос: Почему?

Ответ: Потому что мои показания были неправильно записаны, а я их ошибочно подписал.

Вопрос: Каких вопросов касаются эти показания?

Ответ: 1) Ранее в протоколе допроса было записано, что я участвовал в превращении Румынии в качестве военного плацдарма для нападения на Советский Союз. Сейчас я это отрицаю, так как в этом никакого участия не принимал.

2) В протоколе от 5 апреля 1948 года на вопрос: «Путем развязывания новой мировой войны?» — неправильно был записан мой ответ: «Так точно». Мой ответ был таков: «Нет, напротив, мирным путем». При этом я сослался на примеры с Австрией и Чехословакией.

3) В протоколе допроса от 6 июля 1945 года указано, что в конце декабря 1940 года я получил выписку из приказа Гитлера с условным наименованием «Фаль Барбаросса», которым обуславливалась подготовка военного нападения на Советский Союз. Это я отрицаю. В действительности о военном нападении на СССР я узнал в июне 1941 года. Подчеркиваю, что вопрос о «плане Барбаросса» был неправильно отражен только в указанном протоколе от 6 июля 1945 года. В дальнейшем, в частности, в протоколах допроса за 1948 год, этот вопрос отражен правильно.

Вопрос: Может быть, вы будете подвергать сомнению записи и в протоколах допроса за 1948 год?

Ответ: Нет, этого я делать не буду, так как по затронутым вопросам, в частности по вопросу о «плане Барбаросса», в других протоколах, особенно за 1948 год, все записано правильно.

Вопрос: В таком случае вам приводятся ваши же показания от 12 апреля 1948 года, в которых сказано следующее: «*Об этом я был поставлен в известность позднее, уже будучи в Румынии, в декабре 1940 года, когда получил из Генерального штаба выписку из приказа, имевшего наименование "план Барбаросса", и, указание о подготовке германского нападения на СССР с румынского плацдарма... В указанной выписке из "плана Барбаросса" мне приказывалось договориться с Антонеску о вводе в Румынию нескольких немецких армейских корпусов, предназначавшихся для вторжения на территорию СССР с румынского плацдарма, что мною и было сделано... К началу мая 1941 года румынский плацдарм для вторжения германских войск был полностью подготовлен...*»[II] Что вы скажете теперь?

[I] Каждый ответ подтвержден внизу листа личной подписью генерала кавалерии Э. Ганзена.

[II] Здесь и далее курсив составителей.

Ответ: Эти показания в настоящее время я подтверждаю со следующими ограничениями и дополнениями. Во-первых, в декабре 1940 года я не знал о подготовке нападения на Советский Союз, но я был поставлен в известность о возможном нападении Германии на СССР в связи с тем, что Советский Союз, якобы, готовит нападение на Румынию, т.е. речь шла не о провокационном нападении на СССР. Это было так указано в особом приказе Верховного командования германскими вооруженными силами, который я получил в декабре 1940 года как начальник военной миссии в Румынии. Далее, я уточняю, что это была не выписка из приказа, а особый приказ с грифом не «план Барбаросса», а «Фаль Барбаросса». Этим приказом вменялось мне всю переписку миссии вести под секретным грифом «Фаль Барбаросса». Кроме этого в указанном приказе шла речь не о подготовке Румынии как плацдарма, а о сосредоточении в определенном районе Румынии германских войск, что возлагалось на генерала Листа, а не на меня.

Вопрос: Не выкручивайтесь. Общеизвестно стало, что «план Барбаросса» включал в себя только подготовку военного нападения Германии на СССР и никаких условий о возможном нападении Советского Союза в нем не содержалось, а все исходящие документы Верховного главного командования Германии с грифом «план Барбаросса» также были направлены и преследовали только подготовку нападения Германии на Советский Союз. Почему вы это голословно отрицаете?

Ответ: Этого я не отрицаю, но тогда мне такие документы не были известны. Я знал тогда только приказ, полученный мной с грифом «фаль Барбаросса», в котором говорилось именно о возможном нападении Германии на СССР с целью предупреждения нападения Советского Союза на Румынию. Этим же приказом мне запрещалось даже говорить с румынскими деятелями о нападении Германии на Советский Союз с целью защиты Румынии по существовавшему обязательству. Я имел право заверять румын только в том, что Германия будет защищать Румынию, если на нее нападет Советский Союз. На основании этого я, выполняя указания Верховного главнокомандования Германии, передал Антонеску просьбу о вводе германских корпусов в Румынию.

Антонеску с этим согласился, что и было Германией осуществлено в 1941 году в середине мая[1], т.е. в Румынию было введено несколько корпусов, если не ошибаюсь, то три армейских корпуса. Прошу отразить еще одну мою поправку. В том же протоколе, из которого приведена мне сегодня выдержка, указано так: *осуществив подготовку румынской армии к войне, я был назначен командующим корпуса, с которым выступил в войне против СССР.* Прошу эту фразу читать так: *закончив свою миссию помощи по обучению румынской армии, я был назначен командующим корпуса, с которым и выступил в войне против СССР.*

Вопрос: Почему вы, по существу, отказываетесь от ранее данных вами показаний?

Ответ: Я от своих ранее данных показаний не отказываюсь, но считаю, что они были записаны без моих полных пояснений всех тех событий, о которых я давал показания.

ГАНЗЕН

---

[1] Внизу листа надпись: Вписанному «в середине мая» верить. Ганзен.

Протокол с моих слов записан правильно, мне переведен на понятный для меня немецкий язык.

ГАНЗЕН

Допросил: зам[еститль] нач[альника] 5 отделения Следотдела 2 Гл[авного] управления МГБ [СССР] майор ГОНЧАРОВ

Перевела: переводчик мл[адший] лейтенант ЕГОРОВА

ЦА ФСБ России. Н-21140. Л. 171—182. Подлинник. Рукопись. Автограф.

Руководитель военно-воздушой миссии генерал авиации Альфред Герстенберг

№ 155
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА ЛЮФТВАФФЕ А. ГЕРСТЕНБЕРГА

17 августа 1945 г.
Москва

Герстенберг Альфред, 1893 года рождения, урож[енец] д. Нойдорф, район Оппельн (Германия), немец, из семьи помещика, со средним образованием, беспартийный, с 1938 года авиационный атташе в Польше и Румынии, а с 1942 года и до дня задержания — начальник германской военно-воздушной миссии в Румынии.

Вопрос: Покажите о вашей службе в германской армии?

Ответ: В 1912 году, по окончании кадетского корпуса, я поступил в германскую армию. После одного года службы в армии я в 1913 году окончил в Данциге военную школу и получил звание лейтенанта. В Первую мировую войну я, до 1915 года, служил в кавалерийских частях, а с 1915 года, по окончании авиашколы, в авиации. В 1917—1918 гг. служил в эскадрилье Рихтгофена. После Первой мировой войны и до 1927 года я сначала служил в кавалерийских частях, а затем в Управлении авиации рейхсвера в качестве технического офицера. С 1927 по 1931 год находился в составе германского представительства в качестве технического офицера.

Вопрос: Чем вы занимались в СССР?

Ответ: В Советском Союзе я занимался хозяйственным обслуживанием школ, в которых обучались по договору с командованием Красной Армии и рейхсвера германские и русские офицеры.

Вопрос: Следствие интересуется неофициальной стороной вашей деятельности в СССР?

Ответ: Никаких других задач, кроме тех, о которых я показал, я в СССР не выполнял.

Вопрос: Где вы служили в Германии после возвращения из СССР?

Ответ: По возвращении в Германию в январе 1932 года я до 1934 года служил некоторое время в рейхсвере, а затем командовал эскадроном в кав[алерийском] полку. В 1934 году я был назначен начальником штаба Спортивного авиационного союза.

Вопрос: Кто вас назначил начальником штаба Спортивного авиационного союза?

Ответ: Спортивный авиационный союз хотел сохранить свою независимость, избегая влияния на него руководства национал-социалистической партии и армии. Генеральный штаб старался подчинить союз своему влиянию и использовать его резерв военно-воздушного флота. Для выполнения этой задачи Геринг, его заместитель Мильх и начальник Генштаба Вефер направили меня в этот союз в помощь ставленнику Геринга — Лерцеру, который был тогда президентом союза. Геринг говорил, что если члены союза и дальше будут саботировать его приказы, то союз нужно будет распустить.

Вопрос: Как вы справились с заданием Геринга?

Ответ: С заданием Геринга я справился хорошо, и в 1936 году Геринг дал мне другое задание.

Вопрос: Какое задание вы получили от Геринга в 1936 году?

Ответ: По заданию Геринга я в течение 1937 года написал ряд учебников для авиационных школ, чем заслужил известность среди военных кругов Германии.

По выполнении этого задания я, в 1936 году, был назначен Герингом авиационным атташе в Польше и Румынии.

Вопрос: Перед отъездом в Польшу на должность авиационного атташе какие и от кого вы получили инструкции?

Ответ: Перед отъездом в Польшу я, в числе других военных атташе, был представлен Герингом Гитлеру. Гитлер произнес своего рода «программную» речь. Он говорил, что не оставит народа Германии в покое до тех пор, пока не будет создана великая империя, и что в этом мы, атташе, должны ему помогать и, соответственно, строить свое поведение за границей.

Вопрос: Помогать в подготовке к развязыванию войны. Так нужно понимать речь Гитлера?

Ответ: Прямо тогда Гитлер не говорил о войне. Но мы поняли его речь как намек на возможность возникновения войны.

Вопрос: Какие вы получили конкретные задания по работе в Польше и Румынии?

Ответ: Более конкретные задания поставил передо мной Геринг, а затем начальник штаба военно-воздушных сил Ешенек[1]. Геринг сказал мне, что я должен в Польше приобрести как можно больше дружественных связей среди офицерства, старался убедить последних в том, что между Германией и Польшей нет каких-либо препятствий для мирного и дружественного сотрудничества.

В Румынии я должен был, по указанию Геринга, вытеснять влияние англичан, американцев и французов на румынскую авиапромышленность и добиваться перестройки этой промышленности на производство германских типов самолетов. Такие же указания я получил и от начальника штаба военно-воздушных сил Ешенек.

Вопрос: О каких дружественных чувствах к Польше могла быть речь, когда Германия уже в 1938 году готовила против Польши войну?

Ответ: Действительно, в 1938 году, по заданию германского Генерального штаба, проводилась с большой высоты авиаразведка и, следовательно, шла подготовка к войне. При этом я сам, в связи с полетами разведыватель-

---

[1] Так в тексте. Здесь и далее речь идет о генерале Г. Ешоннеке.

ных германских самолетов над Польшей, ставился в неудобное положение перед польскими офицерами. Однако в августе 1938 года Ешенек мне сказал, что задание я свое должен выполнять по-прежнему, т.е. поддерживать дружественные отношения с военными кругами в Польше.

Вопрос: Какую же вы преследовали цель?

Ответ: Мое задание об установлении дружественных отношений в Польше носило ложный характер, чтобы прикрыть подготовку войны против Польши. В августе 1938 года Ешенек мне говорил, что Данцигский коридор может быть причиной конфликта между Германией и Польшей.

Вопрос: Может быть, ваше задание было частным и не входило в общие планы германского правительства?

Ответ: Нет, мое задание нужно рассматривать частью общего плана германского командования и правительства. Так, в начале 1939 года в Варшаву приезжал Риббентроп[I], который заверял поляков в дружбе Германии к Польше. Примерно в то же время и с этой же целью приезжал имперский министр Франк (во время войны был губернатором Польши).

Вопрос: Известно, что Геринг часто бывал в Польше. Он действительно интересовался в Польше только охотой?

Ответ: Геринг часто ездил в Польшу и в другие страны на охоту, но в действительности он не столько интересовался охотой, сколько выполнением под этим предлогом политических задач. Перед моим отъездом в Польшу Геринг мне говорил, что он будет ездить в Польшу на охоту и облегчит мне задачу.

И действительно, в 1938 году Геринг приезжал в Польшу, где охотился вместе с польским министром иностранных дел Беком. Во время этой охоты Геринг дал Беку чек на 300 000 марок, после чего Бек стал усиленно поддерживать дружбу с Германией.

Вопрос: Откуда вам известно, что Геринг подкупил Бека?

Ответ: О том, что Бек был подкуплен Герингом, я узнал от германского посла в Польше Мольтке[II], который участвовал в охоте. В связи с этим Мольтке говорил, что Бек из наших рук не вырвется.

Вопрос: Вы показали, что Геринг использовал свои поездки на охоту в другие, кроме Польши, страны также в политических целях. Что Вам об этом известно?

Ответ: Мне известно, что Геринг до 1941 года часто бывал у министра-президента Венгрии Гембеш, с которым установил дружеские отношения. После смерти Гембеша мне приходилось часто слышать от Геринга сожаления, когда он был недоволен политикой, проводимой Венгрией, что в Венгрии нет Гембеша.

Кроме того, в 1936 году Геринг установил через германского ген[ерального] консула в Белграде Нойхаузена[90] близкую связь с Стояиновичем — министром-президентом Югославии, где Геринг был в 1936 году по случаю похорон югославского короля[III].

Нойхаузен имел большое влияние на югославский королевский двор и заключил выгодные для Геринга хозяйственные сделки. Я знаю это потому,

---

[I] Речь идет о визите министра иностранных дел Германии Й. Риббентропа в Варшаву 26—27 января 1939 г.

[II] Речь идет о немецком дипломате, внуке генерал-фельдмаршале Гельмута фон Мольтке — Гансе Адольфе фон Мольтке.

[III] Речь идет о югославском короле Александре I Карагеоргиевиче.

что Нойхаузен сам предлагал мне снимать военную форму и ехать в Югославию для строительства секретных аэродромов. О цели строительства этих аэродромов мне Нойхаузен тогда не сказал, потому что я отказался от его предложения. Мне известно только, что Геринг послал в помощь Нойхаузену полковника авиации Фелькинс.

Вопрос: Кроме задания по поддержанию «дружбы» с польскими офицерами, вы выполняли в Польше другую, в частности, разведывательную работу?

Ответ: Нет, разведывательной деятельностью я не занимался, так как подобная работа противоречила моему заданию. Я, конечно, составлял доклады Герингу о военно-хозяйственном положении Польши, составлял характеристики на отдельных военных польских руководителей, но всю эту работу я выполнял на основании своих личных наблюдений или случайно добытых сведений.

Вопрос: То есть, вы хотите сказать, что в получении информации играли пассивную роль? Так ли это?

Ответ: Нет, в рамках официальных возможностей я проявлял большую активность. Однако должен сказать, что по линии авиации Польша для нас представляла мало интереса. Более важное значение имели сведения о взаимоотношениях Польши с другими государствами, в частности, возможная военная помощь Польше со стороны других государств в случае нападения на нее Германии.

Вопрос: Какие сведения вы добывали о взаимоотношениях Польши с другими государствами?

Ответ: В начале 1939 года политическим деятелям Польши стало ясно, что Германия готовит нападение на Польшу. В связи с этим польское правительство направило Бека в Англию, узнать намерения английского правительства в случае войны Германии против Польши.

В июле 1939 года, т.е. тогда, когда Геббельс развернул уже широкую пропаганду против поляков, в Варшаву приехал английский генерал-лейтенант Айронзайт[I]. Через жену польского профессора Берклунд, которая участвовала в качестве переводчицы в переговорах английского генерала с польским военным министром Глухольским[II], я узнал, что Айронзайт заявил Глухольскому следующее:

а) польское военное руководство плохо обучено,

б) для оснащения польской армии требуется два-три года,

в) при настоящем положении в польской армии Англия ей помочь не может.

Вопрос: Как вы установили связь с Берклунд?

Ответ: Я знал Берклунд потому, что квартира, в которой я проживал в Варшаве, принадлежала ей. Когда Берклунд присутствовала на обеде в честь английского генерала, я проявил к этому интерес и спросил, что ему в Польше нужно. Берклунд ответила, что может удовлетворить мое любопытство, если я пообещаю делать все, чтобы воспрепятствовать войне. Я такое обещание дал, и Берклунд рассказала мне о беседе Айронзайт с Глухольским.

[I] Так в тексте, речь идет о визите британского генерала Эдмунда Айронсайта в Польшу. 9 сентября 1939 г. на встрече с представителями польского руководства он заявил, что никакой военной помощи их стране оказано не будет и что все события на континенте — дело французского военного командования.

[II] Вероятно, речь идет о польском государственном и военном деятеле, бригадном генерале Я.Ю. Глуховском.

Вопрос: Вы проверяли полученные от Берклунд сведения?

Ответ: Я сам не проверял, но доложил о всем германскому послу Мольтке, который часа через два проверил их.

Вопрос: Полученные вами данные подтвердились?

Ответ: Да.

Вопрос: Через кого Мольтке проверил доставленные вами сведения?

Ответ: Через польского статс-секретаря Потоцкого[1], который, очевидно, являлся доверенным лицом у Мольтке.

Вопрос: Какой вы делали вывод из полученных сведений?

Ответ: Заявление английского генерала я и Мольтке поняли как предоставление Германии свободы рук в агрессивной политике на Восток.

Вопрос: То есть, через Польшу против Советского Союза?

Ответ: Да, именно так мы и понимали.

Вопрос: Какие вы предприняли шаги в связи с полученными сведениями?

Ответ: Мольтке немедленно телеграфировал об этом в Берлин. При этом я и Мольтке опасались, что Гитлер действительно начнет войну после Польши против СССР.

Вопрос: Вы опасались войны против Советского Союза из дружеских побуждений к СССР?

Ответ: Я и Мольтке опасались войны с СССР не из дружеских побуждений к Советскому Союзу, а потому, что мы опасались войны на два фронта. Мольтке говорил, что это было бы безумием и надо предпринять все, что возможно, чтобы избежать войны на два фронта. При всех обстоятельствах заключать пакт о дружбе и ненападении с СССР.

Вопрос: Вы были согласны с мнением Мольтке?

Ответ: Да, я был полностью согласен с Мольтке. Мольтке я считаю одним из лучших моих учителей в отношении политической деятельности.

Вопрос: Что вы практически предприняли, чтобы избежать войны на два фронта?

Ответ: В июне или начале июля 1939 года Мольтке, не желавший лично связываться с Риббентропом из-за плохих личных отношений с ним, поручил мне переговорить с Кёстрингом, который ехал из Москвы. С Кёстрингом я встретился в Варшаве. Кёстринг также считал целесообразным заключение пакта с СССР. С этой целью я поехал с Кёстрингом в Берлин, в МИД. В Берлине Кёстринг посетил Риббентропа. Однако последний хотя в принципе согласился с доводами Кёстринга, но сам не захотел взяться за это дело. Он ответил Кёстрингу, что последний сам должен попытаться найти контакт и взаимопонимание со стороны командования Красной Армии. После этого я пошел с Кёстрингом в отель Кайзергоф, чтобы обдумать и привести убедительные аргументы Гитлеру в пользу заключения пакта о ненападении с СССР. По окончании разговора с Кёстрингом я вернулся в Варшаву, а Кёстринг поехал к Гитлеру для доклада.

Вопрос: Вам известно, как реагировал Гитлер на совет Кёстринга заключить пакт с СССР?

Ответ: Да, известно со слов Кёстринга. Через три дня Кёстринг возвращался через Варшаву в Москву. Он мне рассказывал, что, будучи у Гитлера, он в течение двух часов убеждал его заключить с СССР пакт о дружбе. На

---

[1] Вероятно, речь идет о графе Юзефе Потоцком, польском дипломате, вице-директоре Западного департамента польского МИДа.

мой вопрос, уверен ли он, что ему удалось убедить Гитлера, Кёстринг ответил, что уверен вполне. Кёстринг добавил, что Гитлер, выслушав его доводы, сказал: «Не знаю, почему же в таком случае не заключить пакт с СССР», — и затем вызвал к себе Риббентропа. И действительно, после этого доклада Кёстринга у Гитлера Риббентроп во главе германской делегации поехал в Москву для заключения договора с СССР.

Вопрос: Следовательно, договор с СССР заранее носил преходящий характер и был рассчитан на выигрыш времени, на обман Советского Союза?

Ответ: Совершенно верно. Такой вывод мог сделать даже посторонний наблюдатель, хотя бы потому, что Гитлеру приходилось доказывать целесообразность договора с Сов[етским] Союзом. В таком же духе весной 1941 года, до войны с СССР, в ресторане «Континенталь» (Берлин) высказался Мольтке, сказав: «Хорошо, что мы заключили пакт с СССР, мы выиграли время, чтобы нанести удар на Западе, — война на Востоке будет теперь не опасна».

Вопрос: Как вы совмещали работу авиационного атташе в Польше и Румынии?

Ответ: До нападения Германии на Польшу я находился, главным образом, в Варшаве. В Румынию я выезжал на непродолжительное время — примерно один раз в два месяца и то часто по инициативе Мольтке, чтобы прощупать политическую обстановку в Европе. Одновременно с этим я старался, конечно, выполнять в Румынии задание Геринга.

Вопрос: Как вы установили связь с румынским королем Каролем?

Ответ: В октябре 1938 года я приехал в Румынию по случаю маневров румынской армии. Там я встретился с Каролем, который просил меня узнать у Геринга, можно ли переоборудовать авиационный завод в Брашове на производство трех-четырех типов самолетов. Основное же, чего хотел Кароль и просил меня помочь ему в этом, это встретиться с Гитлером и Герингом.

Вопрос: С какой целью Кароль хотел встретиться с руководителями фашистской Германии?

Ответ: Кароль был озабочен безграничными действиями Гитлера в Европе. Присоединение Австрии[I], Мемеля[II], Чехословакии[III], на очереди стояла Польша, Кароль же заключил дружественный пакт с нею и не знал, как ему поступать в случае германо-польской войны. Исходя из этого, Кароль намеревался просить в Лондоне и Париже совета и помощи, а на обратном пути познакомиться неофициально с Гитлером и Герингом, чтобы в случае отказа Англии сговориться с Гитлером. Кароль говорил, что он не желает в будущей войне оставаться безоружным и нуждается в помощи оружием и советом, в подготовке и вооружении своей армии.

«Я, — говорил Кароль, — хочу, чтобы Геринг был осведомлен о моих намерениях и действиях, т.к. с ним, как старым офицером, можно будет поговорить о той помощи, в которой я нуждаюсь».

Вопрос: Встреча Кароля с Гитлером состоялась?

Ответ: Вскоре Геринг меня вызвал из Варшавы, и я сопровождал Кароля, который возвращался из Англии и Франции, в Берхтесгаден, где он имел встречу с Гитлером в присутствии Риббентропа. Геринг тогда находился в Берлине в связи с разрешением чехословацкого вопроса, и Кароль имел с ним беседу в вагоне поезда на пути из Лейпцига в Айленбург.

[I] Речь идет об аншлюсе Австрии (12—15 марта 1938 г.).

[II] Вступление германских войск в Мемельскую область произошло 25 марта 1939 г.

[III] Германские войска вторглись на территорию Чехословакии 14 марта 1939 г.

Вопрос: О чем беседовал Кароль с Гитлером?

Ответ: Во время самой беседы я не присутствовал, но о ней Кароль мне рассказывал. Кароль поставил перед Гитлером следующие вопросы: 1. Какое государство будет на севере Румынии (подразумевается война с СССР). 2. Заинтересован ли Гитлер во внутриполитических событиях Румынии. Гитлер ответил, что он не думает, что с Россией может произойти конфликт, в противном случае этот вопрос, в частности о помощи Румынии, следует обсудить в более поздний период. Что касается внутренней политики Румынии, то он ей не интересуется.

Вопрос: А в действительности Германия интересовалась внутренней политикой Румынии?

Ответ: В действительности Германия хотела влиять на внутреннюю политику Румынии. Так, например, когда на 4-й или 5-й день после беседы короля с Гитлером в Румынии был убит руководитель «Железной гвардии»[91] Кодряну, то Гитлер пришел в бешенство и приказал вернуть ордена, полученные от короля.

Вопрос: Вам известно содержание беседы короля с Герингом?

Ответ: Да, известно. Король спросил Геринга, на какую военную помощь может рассчитывать Румыния в случае, если Германия начнет войну против СССР, и какую компенсацию потребует за это Германия от Румынии.

Геринг ответил, что в случае войны с Советским Союзом он может послать в Румынию несколько бомбардировочных полков, но за это Германия требует от Румынии нефть, пшеницу и фураж. В связи с этим было решено — послать в Румынию германского представителя для заключения экономического договора.

Вопрос: В связи с переговорами короля с Гитлером и Герингом какие дополнительные указания вы получили?

Ответ: Дополнительных указаний я не получил потому, что после убийства Кодреану Геринг вызвал меня к себе и сделал мне выговор за то, что я его своевременно не информировал о «Железной гвардии» и ее руководителях, обязав меня давать ему по этому вопросу информацию в дальнейшем.

Однако я некоторое время, согласно указаниям Геринга, в Румынию не выезжал, так как в связи с убийством Кодреану отношения между Германией и Румынией были известный период натянутыми.

Вопрос: Когда вам было разрешено возвратиться в Румынию?

Ответ: В январе 1939 года Геринг, который нуждался в румынской нефти для авиации, разрешил мне вернуться в Румынию. На приеме у короля, в феврале 1939 года, я сказал последнему, что румынские ордена мы возвратили потому, что, по мнению Гитлера, нельзя так относиться к национальным силам Румынии («Железной гвардии»), как относился король, но что наступившее охлаждение в германско-румынских отношениях можно поправить поставками нефти Германии и заключением хозяйственного договора. Король сказал, что так как от Англии он не получил удовлетворительного ответа, то он желает найти контакт с Германией, а поэтому не возражает заключить хоз[яйственный] договор с Германией.

Вопрос: Договор с Румынией был заключен?

Ответ: Да, в начале 1939 года в Румынию поехал Вольтан[I], который этот договор заключил.

[I] Так в тексте, здесь и далее речь идет о германском государственном деятеле, дипломате Гельмуте Вольтате.

Вопрос: Вы еще имели встречи с румынским королем?

Ответ: Да, имел.

Вопрос: О чем вы с ним вели переговоры?

Ответ: Я имел с королем встречу летом 1940 года. Тогда король позвал к себе германского военного атташе и меня. Во время встречи король сказал: «Совершилось то, что я предполагал и чего опасался, когда вел переговоры с Гитлером и Герингом. За договор с СССР Германия заплатила Бессарабией и Прибалтикой, я не желаю быть безоружным перед СССР. Мне нужны германские военные миссии, германские военные инструктора для румынской армии».

Вопрос: Что вы предприняли в связи с заявлением короля?

Ответ: Я сообщил о разговоре с королем Герингу. Я рассчитывал также получить какие-либо указания от 4-го воздушного германского флота. Однако мне сказали, что ответ поступит из ОКВ. Естественно, что никакого ответа из Германии не поступило, так как доверия к королю не было. Король плохо относился к «Железной гвардии», женился на еврейке[92] и, тем самым, не мог полностью разделять политику национал-социалистической партии.

В связи с этим Германия вместо ответа королю сделала дальнейший нажим на Румынию. Я имею в виду передачу Венгрии Северной Трансильвании, что явилось неплохим инструментом германской политики — «Железная гвардия» с помощью германских представителей СД и АО[93] — Большвинга, Шикарт, Конради[1] — получила повод для организации пропаганды против политики короля, обвинив его за потерю Трансильвании и Бессарабии.

Вопрос: Какую вы поддерживали связь с «Железной гвардией»?

Ответ: Поскольку я имел задание от Геринга — информировать его о «Железной гвардии», я установил связь с Большвингом, Конради и Шикартом.

Вопрос: Какую практическую помощь вы оказывали «железногвардейцам» в устранении румынского короля?

Ответ: Практической помощи «железногвардейцам» я не оказывал, хотя, безусловно, им симпатизировал. Из этих побуждений я вел переговоры с королем об освобождении из-под ареста генерала (позже маршала) Антонеску, который тогда поддерживал «железногвардейцев».

Вопрос: Каким путем вы добивались освобождения Антонеску?

Ответ: После того как Антонеску пошел к румынскому королю и потребовал его назначения премьер-министром, король арестовал Антонеску. В связи с этим в германское посольство явился Михай Антонеску с просьбой посодействовать освобождению генерала Антонеску.

Поскольку германский посол давал положительную оценку генералу Антонеску и на него ориентировался (я еще тогда мало знал о генерале Антонеску), я пошел к королю и заявил ему (зная, что он желает прибытия германских военных миссий), что намерен поехать к Герингу по вопросу о военных миссиях, но хотел бы перед отъездом знать, что будет с Антонеску — представителем национальных сил Румынии.

После моего заявления король понял, что если он не освободит Антонеску, то германские военные миссии в Румынию не приедут, и согласился освободить Антонеску.

---

[1] Возможно, речь идет об инженере Конради. В 1916—1942 гг. являлся руководителем организации НСДАП (ландесгруппенляйтер) в Румынии. До 1917 г. проживал в России. После 1942 г. окружной комиссар во временно оккупированном Днепропетровске.

Вопрос: Вы содействовали приходу Антонеску к власти?

Ответ: Приходу Антонеску к власти содействовала «Железная гвардия» и германские представители в Румынии. Я же в то время находился в Берлине. Когда я 19 сентября 1940 года вернулся в Бухарест, Антонеску был уже у власти.

Вопрос: Поддерживали ли вы «железногвардейцев» после путча в январе 1941 года?

Ответ: После путча «железногвардейцев» в январе 1941 года я, несмотря на то, что Геринг неоднократно упрекал Антонеску, что он выгнал из правительства «железногвардейцев», последних не поддерживал, а ориентировался на Антонеску, политике которого в достаточной мере соответствовала интересам Германии. Кроме того, я считал руководителей «Железной гвардии» по личным качествам неспособными занимать ответственные посты в государстве.

Вопрос: Тем не менее, когда «железногвардейцы» убили в Жилавской тюрьме заключенных, они, прежде всего, явились к вам?

Ответ: Да, после убийства заключенных в Жилаве, «железногвардейцы» Медреа и Констант явились в ту же ночь ко мне и сообщили, как они это убийство совершили. Однако я сказал, что это меня не касается, и посоветовал им доложить об этом Антонеску.

Вопрос: Кто из немцев вывозил «железногвардейцев» в Германию?

Ответ: Мне известно, что после железногвардейского путча «железногвардейцев» вывозил в Германию начальник германской авиационной миссии генерал Шпайдель.

Вопрос: Какие и когда прибыли германские военные миссии в Румынию?

Ответ: Германские военные миссии прибыли в Румынию после того, как Антонеску пришел к власти, т.е., примерно в конце октября — начале сентября 1940 года. Приехала военная миссия во главе с генералом Ганзен; военно-воздушная — с генералом Шпайдель, военно-морская — с адмиралом Флейшер (позже его заменил Тиллессен) и военно-экономическая во главе с полковником Шпальке.

Вопрос: Какие военно-политические задачи стояли перед этими миссиями?

Ответ: Германские военные миссии должны были подготовить румынские армии по германскому образцу и подчинить хозяйство и политику Румынии интересам Германии.

Вопрос: Точнее, подготовить Румынию к войне против Советского Союза?

Ответ: В конечном счете да.

Вопрос: Когда вы узнали о приказе Гитлера готовиться к войне против СССР?

Ответ: О том, что имеется приказ Гитлера подготовить Румынию и германские части в Румынии к войне против СССР, я узнал от Шпайделя примерно в марте 1941 года. Военные германские миссии в Румынии получили этот приказ в Румынии значительно раньше.

Вопрос: Что вы сделали в Румынии во исполнение этого приказа Гитлера?

Ответ: Я в это время занимал должность авиационного атташе и, в основном, выполнял свое задание, которое получил в 1938 году от Геринга, т.е. содействовал переводу румынской авиапромышленности на производство германских типов самолетов. Кроме того, мне часто приходилось сопровождать Антонеску в его поездках для переговоров с Гитлером. Будучи авиационным атташе, я, естественно, посылал Герингу доклады о ходе выполнения задания и своих наблюдениях в Румынии.

Вопрос: Каково было ваше мнение относительно войны Германии с СССР?

Ответ: Я был сторонником войны Германии с СССР. Больше того, поддерживал и высказывал уверенность в молниеносности этой войны.

Вопрос: Когда вы были назначены начальником германской авиамиссии и комендантом района Плоешти?

Ответ: В июне 1942 года.

Вопрос: Почему вас назначили на эту должность?

Ответ: Бывший начальник военной миссии не обеспечивал безопасности нефтяного района и не имел хорошего контакта с румынским правительством. Кроме того, все знали, что я в должной степени изучил румынскую действительность и имел связь с руководителями румынского правительства.

Вопрос: Какие были на вас возложены задачи как начальника военно-воздушной миссии в Румынии?

Ответ: Основная задача заключалась в том, чтобы я обеспечивал оборону нефтяного района и бесперебойное снабжение германской армии румынским горючим. Кроме того, я должен был заниматься подготовкой румынских авиационных кадров. Будучи начальником авиамиссии, я не оставлял своей основной должности военно-воздушного атташе.

Вопрос: Как вы выполнили поставленные перед вами задачи?

Ответ: Со своими задачами я справлялся успешно, и моя деятельность была одобрена Гитлером, Герингом и Гиммлером.

Вопрос: Вы встречались с Гиммлером?

Ответ: Да, встречался.

Вопрос: О чем Вы с ним говорили?

Ответ: В августе 1943 года Гиммлер посетил Плоешти и интересовался моим отношением к частям СС, которые были в моем распоряжении, политическим положением и работой абвера.

Я ответил Гиммлеру, что к частям СС[94], которые были в моем подчинении, я отношусь лучше, чем к другим, поскольку они успешно справляются с моими заданиями.

Далее я сообщил Гиммлеру, что если мы потеряем Антонеску, то наше влияние на Румынию ухудшится. Я обратил внимание Гиммлера на заявление турецкого посла, который говорил, что когда Красная Армия захватит г. Яссы, то Турция выступит на стороне союзников. Возможно, в связи с этим чувствуется неуверенность Антонеску, который начинает вести по отношению к нам двойственную политику (посещает лагеря русских военнопленных, старается установить неофициальные связи с противником).

Я даже попросил Гиммлера организовать в нефтяных районах контрразведывательную команду и для этой цели прислать сотрудников СС и СД[95]. Гиммлер похвалил меня, что я охотно награждаю военнослужащих СС, и сказал, что если что случится с Антонеску, то он будет формировать в Румынии новое правительство из состава румынских немцев.

Вопрос: Контрразведывательная команда была, следовательно, создана в Румынии по Вашей инициативе?

Ответ: Контрразведывательная команда была создана в Румынии по моей инициативе, и начальником этой команды был назначен сотрудник СД Гунне.

Вопрос: Вам известна агентурная работа этой команды?

Ответ: Об агентурной работе Гунне мне не докладывал. Мне известно только, что агентурная деятельность команды была в зачаточном состоянии.

Вопрос: Что практически было предпринято с целью формирования нового румынского правительства?

Ответ: Германский посол фон Киллингер советовался со мной по этому вопросу в конце 1943 — начале 1944 года. В частности, обсуждались канди-

датуры генералов Дрогалина[1] и Корне как возможных членов правительства. Я тогда ответил Киллингеру, что генерал Дрогалина не имеет сильного характера, а Корне является не «железногвардейцем», а масоном. Практически в деле формирования нового правительства ничего сделано не было.

Протокол с моих слов записан верно и мне прочитан в переводе на немецкий язык.

ГЕРСТЕНБЕРГ

Допросил: Пом[ощник] начальника отд[елени]я 2 отдела Гл[авного] упр[авления] «Смерш» [НКО СССР] майор СИОМОНЧУК

ЦА ФСБ России. Д. Н-21147. В 2-х тт. Т. 1. Л. 35—53. Подлинник. Машинопись. Автограф.

№ 156
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА ЛЮФТВАФФЕ А. ГЕРСТЕНБЕРГА

15 июня 1948 г.
Москва

Герстенберг Альфред, 1893 года рождения, урож[енец] д. Нойдорф, район Оппельн (Германия), немец, из семьи помещика, беспартийный, кадровый офицер быв[шей] германской армии.

Вопрос: Почему вы умалчиваете на протяжении всего следствия о вашей разведывательной деятельности?

Ответ: Разведывательной деятельностью я никогда не занимался.

Вопрос: Это не соответствует действительности. Следствие располагает данными, что вы в период пребывания в СССР, Польше и Румынии проводили активную разведывательную работу. Дайте правдивые показания об этой стороне вашей деятельности?

Ответ: Прошу поверить мне, что в период пребывания в СССР, Польше и Румынии я разведывательную работу не проводил.

Вопрос: Находясь в СССР, Польше и Румынии, из каких источников вы добывали информацию об этих странах?

Ответ: Должен признать, что во время моей работы в Варшаве и Бухаресте я занимался сбором сведений о военно-политическом и экономическом положении Польши и Румынии, а также характеризующих данных на отдельных польских и румынских государственных и военных деятелей, но эти материалы я добывал в основном путем личных наблюдений — посещения военных и промышленных объектов, бесед с польскими и румынскими офицерами и иностранными военно-воздушными атташе, а также в редких случаях в Румынии пользовался разведывательными данными органов «Абвер». На основании этих материалов я посылал Герингу информационные доклады о положении дел в указанных странах.

Сообщений о Советском Союзе из Москвы в Берлин я не посылал, но из Варшавы и Бухареста направил Герингу информации об СССР в 1939 и

[1] Так в тексте, речь идет о румынском корпусном генерале К. Драгалине.

1941 гг. Для этого я использовал материалы, собранные мною во время пребывания в Москве таким же путем, как я это делал в Варшаве и Бухаресте.

Вопрос: Уточните, какого характера материалы об СССР вы направляли Герингу?

Ответ: Как в первом, так и во втором сообщении я писал Герингу о военном потенциале Советского Союза, доказывая, что он во многом превосходит германский. Это положение я иллюстрировал конкретными данными о размерах промышленного производства, запасов сырья, продовольствия, людских резервов, территории СССР и т.д.

Вопрос: Какое практическое значение для Геринга имели ваши сообщения об СССР?

Ответ: В германских правительственных и военных кругах меня рассматривали как хорошего знатока СССР, где я долгое время находился, и поэтому мои информации о Советском Союзе были убедительными, имевшими большое значение для Геринга в свете проводившихся германским правительством военно-политических планов.

Вопрос: С какой целью вы убеждали Геринга о превосходстве советского военного потенциала?

Ответ: В начале 1939 года я это делал с целью доказать необходимость заключения пакта о ненападении между Германией и СССР, чтобы избежать войну на два фронта, что я считал опасным делом для Германии. С моими доводами были согласны Мольтке и Кестринг, и они были использованы Кестрингом в его беседе с Риббентропом и Гитлером для доказательства им целесообразности заключения пакта с СССР, о чем я уже показал ранее.

В июле 1941 года я об этом писал Герингу с целью рассеять создавшееся в правительственных кругах и верховном командовании ложное представление о том, что СССР, якобы, слаб и не является серьезным противником для Германии. Я хотел, чтобы правительство и командование армии трезво оценили силу и мощь противника и лучше подготовились к войне, своевременно перевели хозяйство на военный лад, все мобилизовали для нужд фронта. Это я неоднократно пытался также доказать некоторым, наиболее близким мне руководителям германского правительства и армии при моих встречах с ними уже в ходе войны с СССР. Таким образом, я прилагал все усилия к тому, чтобы Германия, в конечном итоге, победоносно закончила войну против СССР.

Вопрос: Назовите ваших близких знакомых из числа бывш[их] руководителей германского правительства и армии?

Ответ: Помимо уже названных мной ранее Гитлера, Геринга и Гесса, я хорошо был также знаком с Риббентропом, Геббельсом, Борманом, Ширахом и Гиммлером, с которыми часто встречался во время моих посещений ставки Гитлера, где я был всего около 16 раз, в том числе три раза до войны с СССР.

Из генералитета германской армии к числу моих близких знакомых относятся генералы и фельдмаршалы сухопутных войск — Кейтель, Иодль, Гальдер, фон Бок, Цейтцлер, Гудериан, фон Рундштедт, Лист, фон Клейст, фон Манштейн, Роммель и Шёрнер; генералы и фельдмаршалы военно-воздушных сил — Мильх, Штумпф, Вефер, Ешонек, Кортен, Грайпе, фон Грайм, Шперле, Кессельринг, Рихтгофен и Деслох. С некоторыми из указанных военачальников я знаком еще с периода Первой мировой войны и впоследствии с ними часто встречался также во время моих посещений ставки Гитлера.

Вопрос: По каким делам вы посещали ставку Гитлера?

Ответ: Ставку Гитлера я посещал, как правило, вместе с маршалом Антонеску, который по вызову или собственной инициативе ездил на приемы

к Гитлеру для обсуждения вопросов совместного ведения войны против СССР[1], а также для рассмотрения внешнеполитического и внутреннего положения Румынии.

О моих посещениях резиденции Гитлера до нападения Германии на СССР в 1938 и 1940 гг., а также в ходе войны в августе 1943 года в отсутствие Антонеску, я уже показал ранее.

Вопрос: Находясь в ставке Гитлера, вы участвовали в обсуждении вопросов, связанных с ведением войны против СССР?

Ответ: Да, участвовал.

Вопрос: Какие военно-политические вопросы обсуждались при вашем участии в ставке Гитлера?

Ответ: Во время моего посещения ставки Гитлера в ноябре 1941 года Гитлер и Антонеску подводили итоги первых месяцев войны на Восточном фронте. Гитлер поблагодарил Антонеску за его усилия и активное участие румынской армии в войне против СССР и наградил его рыцарским крестом. После этого Антонеску имел беседы с Кейтелем и Гальдером, Риббентропом и Герингом, обсудив с ними внешнеполитические и экономические вопросы.

Незадолго до этой нашей поездки в ставку, в сентябре 1941 года, по приглашению Антонеску в Бухарест приезжал Кейтель для участия в параде победы румынской армии по случаю захвата Одессы. Кейтель в беседе с Антонеску заверил его, что победа над Россией — дело нескольких дней. Нужно сказать, что такие же настроения царили в ставке в ноябре 1941 года.

При моем посещении ставки в январе 1942 года были подведены итоги боев на Восточном фронте за 1941 год и обсуждался план боевых операций на 1942 год. Военную обстановку докладывал Иодль, а Гитлер делал оптимистические замечания и добавления. Антонеску тогда ставил вопрос о строительстве моста через Днепр, но Гитлер отверг это предложение, заявив: «Мы никогда не будем отступать с русской территории, поэтому днепровского моста нам не нужно».

В марте 1942 года я, Антонеску и Нойбахер ездили в Вену, где имели беседу с Герингом. Гитлер в это время болел, и встреча с ним не состоялась. Геринг в грубой форме потребовал от Антонеску увеличения румынских поставок для Германии нефти и зерна, при этом он между прочим указал, что ему следовало бы опираться в своей работе на «Железную гвардию».

Летом 1942 года мы с Антонеску посетили ставку в Виннице. Гитлер в это время продолжал болеть и не мог нас принять. Мы были приняты Герингом и Риббентропом, которые вновь оказали на Антонеску давление, потребовав увеличения поставок нефти и продовольствия для германской армии.

Кроме того, Геринг потребовал от Антонеску направления на фронт для взятия Сталинграда 30 румынских дивизий и воздушного корпуса. Это требование было выполнено. Румыны вскоре сформировали 1-й воздушный корпус, состоявший из 350 самолетов, часть из которых получили от немцев, и этот корпус был влит в состав 4-го германского воздушного флота Рихтгофена. Пехотные дивизии тоже были направлены под Сталинград. Формированием этих дивизий занимался начальник германской военной миссии генерал Хауфе.

Антонеску в свою очередь потребовал от Геринга и Риббентропа усиления снабжения румынской армии немецким оружием, амуницией и обмундированием. В ответ на это Риббентроп заявил Антонеску: «Об этом не сле-

[1] Накануне вторжения в СССР, 12 июня 1941 г., Антонеску встречался с Гитлером в Мюнхене.

дует беспокоиться, т.к. война на исходе, русская армия является уже трупом, а о трупах не говорят». Антонеску во время этой встречи вручил Герингу высший румынский орден — «Михай Витаузель»[1].

Во время нашей поездки в ставку (В[осточная] Пруссия) осенью 1942 года обсуждались примерно те же вопросы, что и летом 1942 года, т.е. вопросы, связанные с наступлением на Сталинград. На этот раз уже присутствовал сам Гитлер и, кроме него, Геринг, Риббентроп, Кейтель, Гальдер. Гитлером была высказана полная уверенность, что Сталинград скоро падет и этим будет решен исход войны в пользу Германии.

Следующее наше посещение ставки в В[осточной] Пруссии состоялось в январе 1943 года, после окружения русскими Сталинградской группировки германо-румынских войск. Гитлер упрекал Антонеску за то, что румынские войска, по его мнению, плохо воевали под Сталинградом, и возложил на румын ответственность за Сталинградскую катастрофу. Вместе с тем Гитлер успокаивал Антонеску, что под Сталинградом ничего страшного не случилось и что он в состоянии летом 1943 года провести новое большое наступление против русских. После этой встречи Антонеску написал Гитлеру большое письмо, в котором доказывал о том, какой большой вклад сделала Румыния в общую борьбу против СССР.

В сентябре 1943 года мы с Антонеску вновь поехали в ставку в Восточную Пруссию, где были приняты Гитлером, Риббентропом, Кейтелем и Цейтцлером. Антонеску на этом приеме говорил о трудностях, связанных с ведением войны против СССР, и снова просил у Гитлера немецкое оружие для румынской армии. Гитлер, и особенно Кейтель, убеждали Антонеску, что война ими будет выиграна, однако, осложнившаяся обстановка свидетельствовала о плохих делах на Восточном фронте.

В январе 1944 года я и Антонеску прибыли в ставку в район Зальцбурга, где были приняты Гитлером, Риббентропом и Кейтелем. На этой встрече мы обсуждали вопросы о возможности открытия второго фронта на Западе. Гитлер заявил, что он не опасается высадки англо-американских войск на континенте Европы, т.к. англичане и американцы пока не заинтересованы в поражении Германии, и, кроме того, он вполне убежден в неприступности немецкого «Атлантического вала»[96]. В случае же если англо-американцы высадятся со стороны Африки, — говорил Гитлер, — то их десант в течение 5—6 недель будет ликвидирован находящимися там немецкими войсками. Во время этой встречи Гитлер предупредил Антонеску, что он переведет меня из Румынии для организации воздушной обороны Берлинского района, но Антонеску настоял, чтобы я был оставлен в Румынии для обеспечения обороны Плоешти, о чем я уже показывал.

4 августа 1944 года, в связи с критическим положением, создавшимся в Румынии в результате беспрерывного, мощного наступления русской армии, которая приближалась уже к румынским границам, Антонеску и я вновь поехали в ставку в В[осточную] Пруссию, где были приняты Гитлером, Риббентропом, Гиммлером, Кейтелем и Гудерианом. Антонеску говорил о тяжелом военном, экономическом и политическом положении, создавшемся для Румынии, явно выражая свои пессимистические настроения. Но Гитлер вновь убеждал его в силе германского сопротивления и вселял

[1]Так в тексте, речь идет о награде королевской Румынии — ордене «Михай Витеазуль».

уверенность в победе над СССР. Он говорил, что немцы в состоянии в скором времени послать на Восточный фронт 40 свежих дивизий.

Антонеску просил Гитлера возвратить на румынский участок фронта 11 немецких дивизий, которые ранее оттуда были переведены в Галицию, в противном случае, — говорил он, — через образовавшуюся брешь русские войдут в Румынию. Гудериан уверил Антонеску, что положение на румынском участке фронта устойчивое, наступление русских там не ожидается, а в случае, если и оно произойдет, то немцы в состоянии отразить любую атаку русских. На этот раз удалось также убедить Антонеску в силе германского сопротивления, хотя ясно было, что война немцами проиграна, а Румыния стоит на краю катастрофы. Действительно, через несколько дней русские прорвали фронт и Румыния вышла из войны, поэтому этот наш визит в ставку был последним.

Вопрос: Вы принимали активные меры к тому, чтобы предотвратить капитуляцию Румынии?

Ответ: Да, я принимал активные меры к тому, чтобы предотвратить капитуляцию Румынии и удерживать ее в качестве союзницы Германии в продолжавшейся войне против СССР.

Вопрос: В чем это выразилось?

Ответ: Вечером 23 августа 1944 года я, в числе других германских руководителей в Румынии, был вызван в посольство, где от посла Киллингера узнал, что король арестовал Антонеску и сформировал новое правительство, которое запросило перемирие у союзников.

Об этом Киллингер сообщил в Берлин, и Гитлер приказал начальнику германской военной миссии Ганзену подавить путч, арестовать короля и восстановить власть Антонеску или сформировать новое правительство во главе с надежным румынским генералом-германофилом, но Ганзен не счел нужным выполнить этот приказ, сославшись на недостаточность немецких войск в Бухаресте.

Вскоре в адрес германского посольства поступила радиограмма от командующего Южной группой немецких войск генерал-полковника Фриснера, который от имени Гитлера приказал сместить Ганзена с поста, а подавление путча возложил на меня. После этого я, Ганзен и советник посла Штельцер были вызваны к новому румынскому премьер-министру Санатеску, который, сообщив, что в пригороде Бухареста (район Баниас) немецкие войска атакуют румын, просил нас дать приказ войскам прекратить бессмысленное кровопролитие.

Ганзен заявил, что он не сможет это сделать из-за отсутствия связи с войсками, и вместе со Штельцером возвратился в посольство. Я обещал Санатеску удовлетворить его просьбу при условии, если мне будет разрешено лично поехать к войскам. Санатеску согласился и выделил для моего сопровождения двух румынских полковников (фамилии их не помню). Не заходя в посольство, я сразу же поехал с ними в Баниас, где дислоцировались немецкие части.

Прибыв на место, я убедился, что румыны и немцы действительно дрались между собой, причем уже имелись убитые и раненые. Вместо умиротворения немецких войск, как мною было обещано Санатеску, я организовал их на дальнейшую борьбу против румын с целью захватить Бухарест, арестовать короля и снова поставить у власти Антонеску, а румынских полковников, сопровождавших меня, задержал в качестве военнопленных.

Вскоре по прибытии в Баниас мне позвонил Фриснер, который подтвердил распоряжение Гитлера о том, что Ганзен смещен, а подавление путча возложе-

но на меня. Я просил Фриснера направить в мое распоряжение дополнительные войска, но не получил ответа, разговор наш был неожиданно прерван.

Раздался новый телефонный звонок, на проводе были Иодль и Гитлер. Со мной говорил Иодль, но он, как я понял, диктовал слова Гитлера, стоявшего с ним рядом у аппарата. Гитлер предложил мне немедленно и со всей энергией начать наступление на Бухарест, любой ценой захватить румынскую столицу, арестовать короля и снова поставить у власти Антонеску. Он также приказал арестовать Ганзена и доставить его в ставку. В ответ на мою просьбу Гитлер обещал срочно перебросить в мое распоряжение дивизию моторизованных войск и парашютистов, а также заявил, что им дано указание командованию 4-го воздушного флота о поддержке наступательных операций моих войск с воздуха.

За безупречное выполнение данного приказа Гитлер обещал наградить меня Рыцарским крестом за обеспечение образцовой обороны Плоешти.

После этих разговоров с Гитлером я с утра 24 августа 1944 года начал решительное наступление на Бухарест и в результате четырехдневных упорных боев взял в плен 4,5 тысячи румынских солдат и офицеров, а также подбил 14 танков типа «Тигр» из 25, участвовавших в боях против нас, которые румыны в свое время получили от немцев.

27 августа 1944 года ко мне прилетел на самолете генерал Штагель, считавшийся специалистом по выводу из «котла» окруженных войск. С его приходом мы прекратили военные действия, т.к. не в состоянии были продолжать борьбу с превосходящими силами румын, и вышли из окружения.

Вопрос: Разве вы не получили обещанное Гитлером подкрепление?

Ответ: Подкрепление действительно было направлено на 25 транспортных самолетах, но долетел из них до Бухареста только один самолет, доставивший мне роту солдат. Остальные 24 самолета были сбиты русскими, не достигнув своей цели. Зная, что идет подкрепление, я четыре дня упорно воевал против многотысячной румынской армии, имея в наличии всего лишь 1800 человек немецких войск, из которых в результате боев потерял 800 человек, остальных вывел из окружения.

Наряду с этим наступательные операции моих войск поддерживались авиацией 4-го воздушного флота. Бухарест в эти дни был подвергнут усиленной бомбардировке с воздуха, в результате чего серьезно пострадали некоторые жилые кварталы города и население.

Вопрос: Вы делали попытку к бегству из Румынии после выхода из окружения?

Ответ: Да, после того, как я и Штагель вывели из окружения оставшиеся немецкие войска, мы имели намерение уйти с ними из Румынии на Запад. Пройдя примерно 150 километров от Бухареста, мы, встретив случайно румынского полковника Драгомил, служившего в штабе 4-й румынской армии, попросили его указать нам дорогу через Карпаты.

Драгомил заявил, что он эту местность знает плохо, и порекомендовал нам пойти с ним в штаб 4-й румынской армии, где и разрешить этот вопрос с находящимся, якобы, там начальником румынского Генерального штаба генералом Штефлея. Мы так и сделали. Оставив войска в поле, я и Штагель явились вместе с полковником Драгомил в штаб 4-й румынской армии, где 28 августа 1944 г. были пленены румынами и направлены в Бухарест, а 2 сентября переданы представителям Советской Армии и доставлены в Москву. Я и Штагель поняли, что румыны устроили нам ловушку, генерала Штефлея в штабе 4-й армии, конечно, не было[97].

Вопрос: Как вы расцениваете ваши последние действия, направленные к удержанию Румынии в качестве военной союзницы Германии, в то время, когда, как вы сами заявляете, всем уже было ясно, что война проиграна?

Ответ: С точки зрения военной, эти мои действия я рассматриваю как авантюру. Но, учитывая, что я был не просто генералом, а генералом-политиком, убежденным сторонником национал-социализма, то станет ясно, что иначе я и не мог поступить, ибо я боролся за торжество националистических идей. Тем более что за успешное выполнение задания Гитлера мне была им обещана высокая награда.

Вопрос: Но вы же не были членом нацистской партии?

Ответ: Я лишь формально не состоял в национал-социалистической партии, т.к. по законам Германии кадровый офицер не имел права вступать в члены какой-либо политической партии. Фактически же я полностью стоял на позициях национал-социализма, связав с ним свою судьбу с первых дней прихода Гитлера к власти, используя для этого свою близость к Герингу и другим нацистским руководителям. Не случайно поэтому я в 1935—[19]36 гг., будучи формально беспартийным, являлся участником двух общегерманских съездов национал-социалистической партии, о чем уже показал ранее.

Мою работу в спортивно-авиационном союзе в 1934—[19]36 гг. я рассматриваю как выполнение важной партийной работы, т.к. я по заданию Гитлера за короткий срок сумел подчинить этот союз влиянию националистической партии и наладить в нем регулярную подготовку летчиков, которых союз, в результате моей деятельности, стал выпускать до 40 тысяч в год. Эти летные кадры впоследствии явились базой для создания Гитлером и Герингом военно-воздушного флота, запрещенного иметь Германии, согласно Версальскому договору.

Выполнение в 1936—[19]38 гг. специального задания Геринга по составлению учебников для обучения кадров военных летчиков я тоже рассматриваю как выполнение важной партийной работы, ибо я помог воспитанию многочисленного летного состава для германских военно-воздушных сил, на который Гитлером возлагались большие надежды в готовившейся войне за создание великой германской империи.

В дальнейшем, как это видно из моих показаний, вся моя деятельность была направлена на претворение в жизнь национал-социалистических идей, изложенных в книге Гитлера «Моя борьба».

Показания с моих слов записаны правильно, мне прочитаны в переводе на немецкий язык.

ГЕРСТЕНБЕРГ

Допросил: Пом[ощник] начальника 2 отд[елени]я 4 отдела 3 Гл[авного] управл[ения] МГБ СССР майор МАСЛЕННИКОВ

Перевела: о[пер]/уполном[оченный] 2 отд[елени]я 4 отдела 3 Гл[авного] управл[ения] МГБ СССР лейтенант КУЩ

По ст. 95 УК РСФСР за заведомо ложный перевод предупреждена[1]

КУЩ

ЦА ФСБ России. Д. Н-21147. В 2-х тт. Т. 1. Л. 115—127. Подлинник. Машинопись. Автограф.

[1] Фраза добавлена от руки фиолетовыми чернилами.

Начальник штаба военной миссии полковник Альберт Дитль

№ 157
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА ПОЛКОВНИКА А. ДИТЛЯ

12 января 1945 г.
Москва

Дитль Альберт, 1902 года рождения, уроженец Верхней Баварии, немец, беспартийный, кадровый офицер германской армии. В 1937 году окончил академию Генерального штаба. С 15 июня 1944 года начальник штаба германской военной миссии в Румынии

Вопрос: С какой целью и как долго вы находились в Румынии?

Ответ: В Румынии я был с 15 июня по 22 августа 1944 года в качестве начальника штаба германской военной миссии.

Вопрос: Каковы были задачи германской военной миссии в Румынии?

Ответ: Основной задачей военной миссии была организация и контроль обучения румынских войск, предназначенных к посылке на фронт. Кроме этого, военная миссия выполняла еще и такие задачи:

Организация в Румынии базы снабжения германских войск группы «Южная Украина».

Посредничество между румынским Генштабом и германским Верховным командованием в целях координации совместных усилий в войне против Советского Союза.

Наблюдение за содержанием германских войск, находившихся на румынской территории.

Наблюдение за работой германских офицеров в румынских войсковых штабах.

Возглавлял германскую военную миссию в Румынии генерал Ганзен.

Вопрос: Разведывательная деятельность входила в задачи военной миссии?

Ответ: Военная миссия информировала германское Верховное командование о состоянии румынских вооруженных сил. Информация добывалась путем личных наблюдений сотрудников миссии, через общение с представителями румынской армии, а также через Абверштелле-Бухарест, руководимое полковником Баур. Агентурной разведки военная миссия не проводила.

Вопрос: Вы говорите неправду, заявляя, что военная миссия не занималась агентурной разведкой?

Ответ: Я утверждаю, что за время моей работы начальником штаба военной миссии никто из сотрудников штаба миссии агентурной работой не занимался. Никаких указаний на этот счет штаб миссии также не получал.

Вопрос: В каких взаимоотношениях находилась военная миссия с Абверштелле, руководимым полковником Баур?

Ответ: Полковник Баур информировал меня как начальника штаба военной миссии о положении на фронтах и о внутреннем положении в Румынии. Это нужно было нам для общей ориентировки и использования этой информации в работе миссии. Никуда за пределы военной миссии информация, полученная от Баур, не передавалась.

Вопрос: Что вам известно о деятельности и методах работы Абверштелле в Бухаресте?

Ответ: Из информаций, получаемых от Баур и из частных бесед с ним, мне известно, что Абверштелле в Бухаресте вело разведку на Турцию и Советский Союз.

В Турции и в тылу советских войск Баур имел агентов. Конкретное местонахождение агентов и их фамилий Баур мне не сообщал. Абверштелле совместно с румынской контрразведкой, руководимой Кристеску, обслуживало также румынские предприятия и учреждения гор. Бухареста.

Вопрос: Какую информацию, в свою очередь, давала полковнику Баур военная миссия?

Ответ: Военная миссия не информировала Баур ни о чем, так как не располагала материалами, могущими его интересовать.

Вопрос: Чем была вызвана необходимость посылки в Румынию германской военной миссии?

Ответ: Как я показал выше, основной задачей военной миссии была организация и контроль обучения румынских войск с целью повышения их боеспособности. По существу же германская военная миссия в Румынии была одним из орудий, с помощью которого Германия давила на румынское правительство, заставляя его продолжать дальше войну на стороне Германии.

Вопрос: Таким образом, военная миссия была орудием, с помощью которого германское правительство принуждало Румынию продолжать преступную войну против Советского Союза?

Ответ: Так точно.

Вопрос: А сотрудники миссии, и вы в том числе как один из ее руководителей, были конкретными лицами, осуществлявшими это принуждение?

Ответ: Да, это так.

Вопрос: Как же практически выполняла военная миссия поставленные перед нею задачи?

Ответ: В соответствующие румынские учреждения направлялись инструкции и предписания, составленные военной миссией, а затем, путем уговоров, а чаще всего путем угроз, требовали проведения их в жизнь.

Вопрос: Какова же ваша личная роль в этом деле?

Ответ: Я как начальник штаба миссии принимал в этом деле самое активное участие.

Вопрос: Какую роль играла военная миссия в части ограбления сырьевых ресурсов Румынии?

Ответ: Хозяйственные вопросы не входили в компетенцию военной миссии, и ее роль в этом деле ограничивалась охраной полученного от Румынии сырья и обеспечением транспортных средств для отправки его на фронт или в Германию.

Вопрос: Что еще известно вам в работе военной миссии, направленной к удержанию Румынии от выхода из войны против СССР?

Ответ: За время моего краткого пребывания в должности начальника штаба военной миссии я не успел даже войти в курс ее дел, в силу чего более подробных сведений о работе миссии сообщить не могу.

Вопрос: Где вы работали до назначения вас начальником штаба германской военной миссии в Румынии?

Ответ: После окончания в 1937 году Академии Генерального штаба я был направлен в г. Алленштейн на должность квартирмейстера 11-й пехотной дивизии[98].

В 1938 году был переведен на должность начальника штаба строительства укреплений в г. Алленштейне. На этой должности оставался до сентяб-

ря 1939 года, а затем был переведен в штаб XXVI армейского корпуса на должность начальника оперативного отдела.

С января 1940 года по декабрь 1942 года был начальником оперативного отдела штаба 183-й пехотной дивизии[99]. Участвовал в войнах с Францией, Югославией и СССР.

Вопрос: На каком участке Восточного фронта действовала 183-я пехотная дивизия?

Ответ: Дивизия действовала на Центральном участке. Принимала участие в боях под Вязьмой и Наро-Фоминском.

Вопрос: Показывайте дальше о своей деятельности?

Ответ: В декабре 1942 года я заболел сахарной болезнью и до июня 1943 года лечился в госпитале. С июня до сентября 1943 года был начальником штаба группы германских оккупационных войск «Южная Греция» в гор. Афины. В сентябре 1943 года был переведен на должность начальника штаба вновь сформированного XXII горного корпуса[100] в Северной Греции. В январе 1944 года заболел вторично сахарной болезнью и лечился до июня 1944 года. В июне 1944 года был назначен на должность начальника штаба германской военной миссии в Румынии.

Вопрос: Что входило в задачи группы германских оккупационных войск «Южная Греция»?

Ответ: В задачи группы входила охрана порта Пирей и побережья по обеим сторонам порта. Кроме этого, войска группы охраняли 3 германских аэродрома близ Афин и участок территории севернее Афин, на котором размещались немецкие войск.

Штаб группы выполнял также следующие задачи:

а) поддерживал связь с итальянской оккупационной армией, в тактическом подчинении которой находились 3—4 германских дивизии, снабжавшихся через группу «Южная Греция».

б) поддерживал связь с германским послом в Греции Альтенбургом и особо уполномоченным Гитлера по хозяйственно-политическим вопросам Нейбахером;

в) осуществлял снабжение германских войск, находившихся на Крите, Родосе и других греческих островах.

Вопрос: Чем был вызван перевод вас на должность начальника штаба XXII горного корпуса?

Ответ: Это был вновь сформированный корпус, присланный в Грецию вместо находившихся там ранее итальянских войск, которые в результате выхода Италии из войны не могли больше быть использованы. Как имеющий опыт штабной работы, я был назначен начальником штаба этого корпуса.

Вопрос: Какие задачи выполнял XXII горный корпус?

Ответ: В задачи корпуса входила охрана Западного побережья Греции, а также дорог и крупных населенных пунктов в Северной Греции.

Вопрос: Борьба с партизанами также входила в задачи корпуса?

Ответ: Так точно.

Вопрос: Как это выглядело на практике?

Ответ: За время моего пребывания в Греции крупных военных действий между партизанами и оккупационными войсками не было. Партизаны, как правило, избегали открытых столкновений, ограничиваясь диверсиями и нападением на отдельные автомашины и небольшие колонны. Подобные случаи имели место довольно часто.

Вопрос: Какие же меры принимались в таких случаях оккупационными войсками?

Ответ: На место происшествия высылались войска, которые оцепляли все населенные пункты, находящиеся в этом районе, сжигались все дома, а жителей убивали или прогоняли в горы.

Вопрос: Приведите конкретные случаи таких операций, совершенных войсками XXII горного корпуса, где вы были начальником штаба.

Ответ: В октябре 1943 года на дороге между Арта и Янина был убит партизанами командир 98-го горно-стрелкового полка[101] [1-й горной дивизии][102] XXII горного корпуса полковник Зальмингер[I], жестоко расправлявшийся с партизанами и мирным населением. Командование корпуса приказало прочесать местность в районе убийства и поручило это выполнить преемнику Зальмингера — майору фон Гиршфельд[II]. В результате этой операции масса населенных пунктов на дороге Арта—Янина была уничтожена, а жители, в большинстве женщины и дети, расстреляны или погибли в огне.

Во второй половине ноября 1943 года проводилась операция по очищению от партизан Метцовонского перевала. От XXII горного корпуса в этой операции участвовал горный батальон, который двигался из района Янина на запад. Навстречу ему из района Ларисса двигались части 3-й полицейской дивизии СС.

На своем пути войска уничтожали все встречавшиеся населенные пункты, а жителей, не успевших уйти в горы, убивали. В числе прочих населенных пунктов был разрушен частями 3-й полицейской дивизии город Калабака, причем настолько сильно, что он стал совершенно необитаем. Все его жители, за исключением небольшого количества, успевшего уйти в горы, были убиты.

Аналогичная операция по очищению местности от партизан проводилась также в конце ноября и начале декабря 1943 года.

От XXII горного корпуса в ней участвовала 104-я горно-стрелковая дивизия[103], которой было приказано пересечь Пиндусский хребет в направлении от Агриниона на восток и встретиться с частями корпуса генерала Фельми[104], двигавшимся ей навстречу из района Ламиа. Цель, преследовавшаяся этой операцией, заключалась в уничтожении попавшихся на пути следования партизанских отрядов и разрушение их зимних квартир.

Как и следовало ожидать, войска не встретили на своем пути ни одного партизана, так как они успевали заблаговременно уходить в горы, однако, несмотря на это, все деревушки, расположенные по дороге Агринион—Ламиа, были сожжены, а жители уничтожены.

Приведенные мною выше случаи относятся к наиболее крупным. Кроме них имелся целый ряд мелких, которых я уже не помню. Очень часто операции проводились отдельными подразделениями корпуса по собственной инициативе. О таких операциях я узнавал уже после их проведения из очередных сводок.

Вопрос: Это все, что вам конкретно известно в части борьбы XXII горного корпуса с греческими партизанами?

Ответ: Да, это все, что мне конкретно известно по этому вопросу. Должен заметить, что борьбу с партизанами вели все германские и итальянские

[I] Речь идет о полковнике Йозефе Зальмингере; убит 1 октября 1943 г. греческими партизанами недалеко от Клиссоура на острове Эпир.

[II] Так в документе, речь идет о немецком военном деятеле, майоре (позднее — генерал-лейтенанте) Харальде фон Хиршфельде.

оккупационные части в Греции. В период времени июль-август 1943 года проводились крупные операции по очистке местности от партизан в Аттике, Тессалонии и на Пелопоннесе. Все эти операции сопровождались сожжением населенных пунктов и уничтожением местных жителей.

Вопрос: Чем вы можете объяснить такое беспощадное уничтожение греческого населения?

Ответ: Такова была политика германского правительства по отношению к побежденным народам, не желавшим подчиниться его воле.

Вопрос: И вы являлись лицом, проводившим на деле эту преступную политику?

Ответ: Да, это так. Однако я прошу учесть, что я являлся только исполнителем отдаваемых мне приказов.

Вопрос: Но ведь вы понимали, что эти выполняемые вами приказы были преступными?

Ответ: Я, как и все другие германские офицеры, получил воспитание в духе полнейшего повиновения и выполнения получаемых приказов. Я считал, что если отдан такой приказ, то, следовательно, он необходим, и, не задумываясь о сути приказа, выполнял его, стараясь сделать это как можно лучше.

Вопрос: Какие имелись приказы относительно уничтожения греческого населения и сожжения населенных пунктов?

Ответ: Каждая прибывающая в Грецию новая воинская часть получала сборник приказов о том, как должны вести себя оккупационные войска в Греции. Приказы эти были изданы командованием армейской группировки «Солоники» совместно с итальянской 6-й армией.

В этих приказах говорилось о беспощадной борьбе со всякими попытками со стороны греков вредить оккупационным войскам.

Один из таких приказов, касающийся охраны дорог, рекомендовал, в целях обеспечения охраны, делать по обеим сторонам дорог на ширину 5—10 км зоны пустыни, сжигая все населенные пункты, а жителей угоняя в горы или уничтожая.

Аналогичного содержания были и другие приказы.

Вопрос: Такое беспощадное уничтожение ни в чем не повинного гражданского населения проводилось только в Греции или имело место и в других государствах?

Ответ: Как я показал выше, так обращались со всеми народами, не желавшими подчиниться воле немцев.

Вопрос: Откуда вам это известно?

Ответ: За время моей службы в армии мне приходилось бывать на оккупированных территориях Польши, Франции, Югославии и СССР. Везде политика Германии по отношению к населению этих государств была одинакова, она ничем не отличалась от той, которая проводилась в Греции. Даже по отношению к своим бывшим союзникам Германия ни в чем не меняла своей политики.

Вопрос: Приведите конкретные случаи?

Ответ: Сейчас я могу вспомнить только один случай, произошедший в Греции с итальянской дивизией «Акви»[105]. Этот случай особенно запомнился мне, так как выделялся по своей жестокости из всех остальных.

Вопрос: Покажите о нем подробно?

Ответ: После выхода Италии в сентябре 1943 года из войны все итальянские войска, находившиеся в Греции, подлежали разоружению и отправке на север. В основном разоружение произошло без инцидентов, за исключением

дивизии «Акви», находившейся на острове Кефалония, войска которой отказались сложить оружие[106]. Тогда XXII горный корпус через армейскую группировку дивизией «Салоники» получил приказ Гитлера овладеть островом. В приказе специально указывалось, чтобы пленных не брать.

По целому ряду объективных причин войска, принимавшие участие в занятии острова, взяли около 6000 пленных, о чем было доложено в ставку.

Из ставки был получен приказ за подписью Гитлера — всех пленных расстрелять.

На протесты корпуса ставка в конце концов изменила приказ в таком смысле, что приказала сохранить жизнь солдатам и расстрелять всех офицеров, что и было выполнено. При этом было расстреляно свыше 120 офицеров дивизии «Акви».

Вопрос: Какие конкретно факты зверств, проводимых германскими войсками и, в частности, соединениями, где вы занимали руководящие должности, известны вам еще?

Ответ: Все, что мне конкретно известно по данному вопросу, я показал, ничего не скрыв. Больше к моим показаниям мне добавить нечего.

Протокол с моих слов записан верно, мною прочитан на немецком языке.

ДИТЛЬ АЛЬБЕРТ

Допросил: ст[арший] оперуполномоч[енный] 2 отдела Гл[авного] управления «Смерш» майор КУЗЬМИШИН

ЦА ФСБ России. Р-45116. Л. 15—24. Подлинник. Машинопись. Автограф. Подлинник показаний на немецком языке — л.д. 25—34.

№ 158
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА ПОЛКОВНИКА А. ДИТЛЯ

10 февраля 1948 г.
Москва

Дитль Альберт, 1902 года рождения, уроженец Верхней Баварии, немец, беспартийный, быв[ший] кадровый офицер германской армии.

Вопрос: Вы знаете бывших германских генералов Ганзен Эрика, Герстенберг Альфреда и адмирала Тиллиссен Вернера?

Ответ: Да, генералов Ганзен Эрика, Герстенберга Альфреда и адмирала Тиллиссен Вернера я знаю с июня 1944 года, т.е. с того момента, как приехал в Бухарест на должность начальника штаба германской военной миссии в Румынии.

Ганзен тогда возглавлял эту военную миссию и являлся моим непосредственным начальником, Герстенберг был начальником военно-воздушной миссии, а Тиллиссен — начальником военно-морской миссии.

Вопрос: В каких взаимоотношениях вы находились с названными лицами?

Ответ: Взаимоотношения наши были вполне нормальные, личных счетов друг к другу не имели.

Вопрос: В чем заключалась деятельность Ганзена в Румынии?

Ответ: Основная задача, возлагавшаяся на Ганзена как на начальника военной миссии, заключалась в том, чтобы крепко держать румынское прави-

тельство и Генеральный штаб в германских руках и активно использовать Румынию в качестве военной союзницы Гитлера в его агрессии против СССР.

Ганзен не соответствовал занимаемой должности, выполнение этой задачи ему удавалось лишь благодаря тому, что сам маршал Антонеску являлся верным и надежным проводником политики Гитлера.

Ганзен замкнутый, весьма ограниченный и безынициативный человек. Он предпочитал больше сидеть в кабинете и писать бумаги, обращая при этом главное внимание не на их содержание, а на стилистику и оформление. Вместо того чтобы самому вникать в курс происходивших в Румынии военно-политических процессов, он обычно ограничивался информационными данными начальника Абвера в Бухаресте Баура, специального уполномоченного Гитлера по хозяйственным вопросам в Румынии Клодиуса и посла Киллингера.

Ганзен был весьма близок к маршалу Антонеску, часто его посещал и являлся фактически его советником. Он был убежден в неизменной прогерманской политике Антонеску и старался сделать все возможное, чтобы удовлетворять его пожелания, главным образом, в части обеспечения румынских войск германским оружием. За это Антонеску его очень уважал и всегда выступал в его защиту.

Об этом, например, свидетельствует такой факт. Быв[ший] командующий Южной группой немецких войск генерал Шёрнер за неточное выполнение Ганзеном его пожеланий по размещению немецких войск на территории Румынии поставил перед Главной ставкой вопрос о снятии Ганзена с занимаемой должности с дальнейшим понижением его по службе. Кейтель запросил об этом мнение Антонеску, и тот категорически возразил против понижения в должности Ганзена.

Ганзен очень боялся Шёрнера, и, когда, например, я приехал в нему в качестве нового начальника штаба миссии, он полагал, что это дело рук Шёрнера и что за сменой начальника штаба миссии последует также смена руководителя миссии.

Ганзен верил в прогерманскую политику не только Антонеску, но и короля, от которого получил высший румынский орден Св. Михая I или II класса, поэтому акт короля[1], совершенный 23 августа 1944 г. и выразившийся в разрыве отношений с Германией, для Ганзена оказался совершенно неожиданным и непонятным явлением.

Это подтверждается, например, таким фактом. Германский военный атташе в Бухаресте генерал Шпальке утром 13 августа 1944 г. явился на квартиру к Ганзену и сообщил ему о готовившемся в Бухаресте правительственном перевороте, но он не поверил и не придал этому сообщению никакого значения. Придя после визита Шпальке в штаб миссии, Ганзен заявил мне примерно следующее: «Подумаешь, какую глупость сообщил мне Шпальке и пришел из-за этого рано утром на квартиру, не мог по этому вопросу днем зайти в канцелярию штаба». Далее он заявил, что слухи о готовившемся правительственном перевороте ему, якобы, давно были известны, но, насколько он знает руководителей Румынии, в этом навряд ли есть что-либо серьезное.

Лишь после совершившегося правительственного переворота Ганзен понял его настоящий смысл и силу (так как этот переворот поддерживался румынским народом и армией) и убедился в недостаточности германских

[1] Здесь и далее речь идет о короле Румынии Михае I.

войск в Румынии для противопоставления этой силе, он отказался принять меры к подавлению переворота и возражал против бессмысленной бомбардировки немцами Бухареста 24—25 августа 1944 года.

Вскоре после покушения на Гитлера и незадолго до правительственного переворота в Румынии — 6 августа 1944 года, Ганзен сопровождал маршала Антонеску в его поездке к Гитлеру. В переговорах между Гитлером и Антонеску Ганзен не принимал непосредственного участия, но после переговоров Антонеску проинформировал его об их содержании.

Антонеску просил тогда у Гитлера усилить снабжение румын вооружением и не трогать германских дивизий с румынского участка фронта, т.к. Гитлер предлагал тогда, в связи с русским наступлением на центральном направлении, перебросить часть германских дивизий из Румынии в Польшу. Гитлер, якобы, обещал это сделать, но насколько было выполнено обещание, не знаю.

В своем штабе Ганзен больше всего интересовался организацией румынских частей, предназначавшихся для отправки на фронт, и подбором благонадежных румынских офицеров для этих частей.

Много внимания он уделял также вопросам хозяйственного ограбления Румынии, оказывая через своего оберквартирмейстера подполковника Хане активную помощь Клодиусу в вывозе в Германию румынского хлеба и нефти в обмен, якобы, на германские поставки оружия, но в действительности германские поставки для Румынии далеко отставали от румынских поставок для Германии.

Вопрос: Еще чем занимался Ганзен в Румынии?

Ответ: Больше о его работе в Румынии мне ничего неизвестно, так как его работа на моих глазах протекала непродолжительный период времени, всего лишь 2 месяца.

Вопрос: Почему вы умалчиваете о его разведывательной и карательной деятельности, а также связях с Абвером, СД и румынской полицией?

Ответ: Ганзен имел связь с начальником «Абверштелле-Бухарест» полковником Баур и получал от него информацию по некоторым военно-политическим вопросам, но Баур не был в непосредственном его подчинении, и, мне кажется, он не докладывал ему о своей агентурной работе. Занимался ли Ганзен лично агентурной работой, я не знаю, не знаю также и о его карательной деятельности, а также о связях с СД и румынской полицией.

Вопрос: Каковы политические взгляды Ганзена и что вам известно о его деятельности в прошлом?

Ответ: До прибытия в Бухарест Ганзен командовал дивизией в Судетской области, а еще раньше, примерно в 1935—[19]36 гг., занимал пост начальника Оперативного отдела ОКХ.

Свои политические взгляды он мне открыто не высказывал, но, во всяком случае, Ганзен не являлся противником национал-социализма, поскольку со всей энергией поддерживал и проводил агрессивную политику Гитлера и Антонеску. Правда, внешне он вел себя как человек, стоящий вне политики, стремясь подчеркнуть, что он только солдат. Его девизом было — служить верой и правдой любому политическому режиму и беспрекословно выполнять всякий приказ сверху.

Вопрос: Перечислите близкий круг связей Ганзена по Бухаресту?

Ответ: Ганзен, по-моему, не имел личных друзей и не способен был их иметь по своей замкнутости. Ни с Киллингером, ни с Герстенбергом, ни с Тиллиссеном, ни со Шпальке, ни с другими германскими деятелями в Буха-

ресте он не поддерживал личных дружеских отношений и посещал их квартиры редко, лишь по приглашению на чашку чаю по случаю, например, дня рождения. Сам он к себе тоже редко кого приглашал, причем, компаньонов, как правило, подбирал его адъютант Эрцен, являвшийся его доверенным человеком.

Вопрос: Покажите, что вам известно о деятельности политических взглядах Герстенберга?

Ответ: Герстенберга я мало знаю, за два месяца совместной работы в Бухаресте встречался с ним всего лишь 2—3 раза. Он в Бухаресте выполнял в основном задачу охраны территории Румынии, и главным образом нефтяных районов Плоешти, от воздушного нападения противника. Для этого он имел в своем распоряжении германские воздушные и зенитные части в Румынии.

Наряду с этим Герстенберг осуществлял контроль за румынскими военно-воздушными силами, чтобы они максимально были использованы в войне против СССР.

Герстенберг являлся активным проводником политики Гитлера в Румынии, и даже в тот момент, когда в Бухаресте совершился правительственный переворот, он предпринял авантюристическую и безнадежную попытку, направленную к удержанию Румынии в качестве военной союзницы немцев.

Вопрос: Покажите об этом подробно?

Ответ: 23 августа 1944 года в связи с правительственным переворотом в Бухаресте Ганзен, как начальник военной миссии, получил телеграфное распоряжение Ставки о подавлении «путча».

Однако Ганзен, как я уже показал выше, убедившись в силе правительственного переворота и, главное, в недостаточности германских войск для его подавления, отказался выполнить приказ Ставки. Он считал, что для выполнения этой задачи потребуется по крайней мере 2—3 немецких дивизии, которых в районе Бухареста не было, а чтобы их взять с фронта, потребовалось бы время, и, кроме того, это привело бы к еще большему расшатыванию немецких позиций на фронте в связи с продолжавшимся русским наступлением на Бухарест.

Ганзен сообщил об этом в Ставку, после чего последовал приказ Гитлера об отстранении его — Ганзена, от занимаемой должности, а подавление «путча» и наведение «порядка» в Бухаресте было возложено на Герстенберга.

Вскоре после получения такого приказа, в ночь на 24 августа 1944 г., Герстенберг, Ганзен и, кажется, Штельцер были вызваны в королевский дворец, где им было указано королем и членами вновь сформированного румынского правительства на тот факт, что, несмотря на хорошее отношение со стороны нового румынского правительства к немцам, оказавшимся в Бухаресте, немецкие части за городом открыли боевые действия против румынских войск.

Король просил принять необходимые меры к предотвращению бессмысленного кровопролития и заявил, что если в дальнейшем немецкие войска не будут предпринимать враждебных актов против нового правительства, он обещает эвакуировать немцев из Бухареста в Германию.

Герстенберг на приеме обязался выполнить просьбу короля, т.е. прекратить боевые действия частей, и, якобы, для выполнения этой задачи тотчас же после приема поехал к войскам, а Ганзен и Штельцер возвратились в посольство.

Но вместо этого Герстенберг, придя к войскам, повел их в наступление на Бухарест, имея цель захватить дворец и арестовать короля.

На помощь Герстенбергу из Ставки прилетел на самолете генерал Штагель, считавшийся специалистом по прорыву блокады и выводу окруженных войск из «котла».

Из этого «наступления», как и нужно было ожидать, ничего не получилось, кроме бесцельных жертв.

Помимо этого Герстенберг и Штагель организовали бессмысленную бомбардировку Бухареста с воздуха, в результате чего пострадало несколько жилых кварталов города.

Я лично не был очевидцем этих событий, т.к. в это время находился под румынской стражей в здании германского посольства, но стрельбу и взрывы бомб слышал.

Что касается политических взглядов Герстенберга, то он мне их не высказывал, но, исходя из приведенного факта, считаю, что, безусловно, является убежденным нацистским генералом. По личным качествам Герстенберг живой, энергичный, инициативный человек.

Из его прошлой деятельности мне со слов немецких офицеров известно, что он примерно в [19]30-х годах был в СССР, но чем тогда занимался, не знаю.

Вопрос: Расскажите, что вам известно в отношении Тилиссена?

Ответ: Тиллиссена я тоже мало знаю, встречался с ним в Бухаресте, кажется, всего один раз. Ближе познакомился с ним уже в Бутырской тюрьме. С его слов мне известно, что до приезда в Бухарест, он находился в отставке, примерно с 1933 года, а до этого занимал пост начальника обороны Северо-Западного побережья Германии. Адмирал Дениц был тогда у него начальником штаба.

В Румынии Тиллиссен занимался вопросами технического перевооружения румынского флота на германский лад и обучением его личного состава. Через него осуществлялась связь между германским и румынским морскими командованиями и использование немцами румынского флота на Черном море в войне против СССР. Тиллиссен убежденный католик, был членом национал-социалистической партии.

Больше о деятельности Ганзена, Герстенберга и Тиллиссена мне ничего неизвестно.

Протокол с моих слов записан правильно, мне прочитан в переводе на немецком языке.

ДИТЛЬ АЛЬБЕРТ

Допросил: пом[ощник] нач[альника] 2 отделения 4 отдела 3 Гл[авного] упр[авления] МГБ СССР майор МАСЛЕННИКОВ

Перевела: оперуполномоч[енный] 2 отд[елени]я 4 отдела 3 Гл[авного] управления майор лейтенант КУЩ

Справка: Копия данного протокола допроса находится в делах на Ганзена, Герстенберга, Тиллиссена

Пом[ощник] нач[альника] 2 отделения [4 отдела]
3 Гл[авного] управления майор МАСЛЕННИКОВ

«7» марта [19]48 года

ЦА ФСБ России. Р-45116. Л. 35—42. Подлинник. Машинопись. Автограф.

Военный атташе полковник Хорст Кичман

№ 159
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА ПОЛКОВНИКА Х. КИЧМАНА[1]

15 августа 1945 г.
Москва

Кичман Хорст, 1895 года рождения, уроженец г. Граудениц, Западная Пруссия, немец, подданный Германии, до ареста проживал в гор. Путбус, остров Рюген.

Вопрос: Расскажите о прохождении службы в германской армии до назначения вас на дипломатическую работу?

Ответ: После окончания в 1914 году реального училища в Берлине я 18 августа того же года добровольно поступил на службу в немецкую армию. До ноября 1916 года служил в чине лейтенанта в пехотном полку «Принц Гайнрих», который дислоцировался в гор. Бранденбург и в составе этого полка участвовал в войне против Франции. С ноября 1916 года до февраля 1918 года служил командиром роты 1-го мото-пехотного полка, который дислоцировался на острове Эйзель. До апреля 1920 года занимал должность начальника штаба 5-го пехотного полка в гор. Потсдам.

С 1920 по март 1926 года служил командиром взвода 6-й кавалерийского полка в гор. Пазевальск (Померания). В период с 1926 по 1928 гг. обучался и закончил офицерскую кавалерийскую школу в гор. Ганновер. В 1925 году мне был присвоен чин старшего лейтенанта.

До 1 ноября 1930 года являлся заместителем командира эскадрона 1-го кавалерийского полка в чине ротмистра в гор. Тильзит. С ноября 1930 по март 1934 года служил командиром эскадрона 7-го кавалерийского полка в гор. Любен (Силезия).

В период с 1934 до 1936 года проходил службу в учебной мото-команде «Цоссен», сначала в чине капитана, а затем майора, в должности начальника оперативно-организационного отдела штаба батальона и позднее — полка.

Вопрос: Что собой представляла мото-команда «Цоссен»?

Ответ: Мото-команда «Цоссен» фактически являлась танковой воинской частью.

Вопрос: По Версальскому договору Германия не могла иметь на вооружении танки?

Ответ: Действительно, Германии не разрешалось, по Версальскому договору, иметь на вооружении танки, однако, готовясь втайне к войне, немецкое командование под прикрытием, в данном случае учебной мото-команды, сформировало танковый батальон, который впоследствии входил в состав 5-го танкового полка.

Вопрос: Где вы проходили службу с 1936 года?

Ответ: В январе 1936 года я получил назначение на должность помощника германского военного атташе при немецком посольстве в Англии, Голландии и Бельгии, где служил свыше двух лет.

С апреля 1938 г. до октября 1940 года являлся командиром 5-го разведывательного батальона в чине подполковника и принимал участие в составе

[1] Каждая страница протокола допроса внизу листа собственноручно заверена подписью Х. Кичмана.

германской армии в период войны против Польши и Франции. В связи с болезнью я с октября 1940 г. до января 1941 г. нигде не служил. С января до мая 1941 года являлся командиром 202-го танкового полка, который входил в состав танковой бригады «Париж».

В течение последующего времени я занимал дипломатические посты при германских посольствах в других государствах. 1 ноября 1941 года, будучи на дипломатической работе, мне был присвоен чин полковника германской армии.

В сентябре 1944 года после капитуляции Финляндии я в составе германского посольства выехал в Германию и поселился на жительство с семьей в гор. Путбус на острове Рюген. Находясь в гор. Путбус, я по болезни был из армии демобилизован и до мая 1945 года нигде не служил. После вступления частей Красной Армии в гор. Путбус в мае 1945 года я явился на регистрацию в советскую комендатуру, где и был задержан.

За активную деятельность в германской армии и на дипломатической работе я был награжден 8 орденами и медалью, а осенью 1942 года, будучи германским военным атташе в Финляндии, был награжден финским орденом.

Вопрос: В каких политических партиях и организациях Германии вы состояли?

Ответ: В политических партиях и организациях Германии я не состоял.

Вопрос: К каким политическим партиям и организациям Германии вы примыкали?

Ответ: После прихода Гитлера к власти в 1933 году и установления в Германии фашистского режима я полностью до 1937 года придерживался и разделял политику Гитлера и программу национал-социалистической партии. Видя, что эта политика может привести к войне, я свое отношение несколько изменил, однако, занимая различные должности в германской армии и будучи на дипломатической работе, практически проводил в жизнь политику и военные планы Гитлера.

Вопрос: Вы показали о своей службе в германской армии. Теперь назовите, какие вы занимали дипломатические посты?

Ответ: С января 1936 до апреля 1938 года я являлся помощником германского военного атташе в Англии, Голландии и Бельгии. В то время военным атташе в указанных государствах являлся генерал фон Гайер[I], а после него полковник Генерального штаба германской армии Бехтгольцхайм[II].

Зная в совершенстве английский язык и будучи знатоком в области танков, я в основном вел работу по сбору разведывательных сведений о развитии в Англии танкового вооружения, так как этот вопрос очень интересовал германское командование.

В первых числах июня 1941 года первым страшим квартирмейстером ставки Гитлера, генерал-лейтенантом Паулюс я был назначен военным атташе при германском посольстве в Афганистане, куда должен был прибыть через Иран.

[I] Так в документе, речь идет о генерале танковых войск Лео Гейр фон Швеппенбурге, который с 1933 по 1937 г. являлся военным атташе при германском посольстве в Лондоне.

[II] Так в документе, речь идет о генерале артиллерии Антоне-Рихарде Бехтолсхейме фон Маухенхейме; с октября 1937 по сентябрь 1939 г. — военный атташе при германских посольствах в Лондоне, Брюсселе и Лиге наций.

Прибыв в Софию для получения визы на проезд через Иран в Афганистан, там уже имелись сведения, что советские и англо-американские войска вступили в Иран. В силу этого моя поездка в назначенное место не состоялась, и я был отозван обратно в гор. Берлин.

После нападения Германии на Советский Союз начальником отдела атташата при Генеральном штабе германских сухопутных вооруженных сил — полковником фон Мелентин, я был назначен заместителем германского военного атташе при немецком посольстве в Финляндии. Эту должность я занимал с 10 октября до конца ноября 1941 года, затем вернулся по вызову в Берлин, получил отпуск и после был вторично назначен полковником фон Мелентин на пост германского военного атташе при немецком посольстве в Финляндии.

К выполнению обязанностей военного атташе в Финляндии я приступил 1 февраля 1942 года после смерти моего предшественника, военного атташе генерал-майора Россинг[I], и на этом посту пробыл до дня капитуляции Финляндии.

С мая по июль 1943 года по назначению полковника фон Мелентин я параллельно, временно, занимал должность военного атташе при германском посольстве в Швеции в связи с тем, что в течение этого периода военный атташе в Швеции, генерал-лейтенант Утман[II], был в отпуске по болезни.

Вопрос: Какие указания вы получали от Мелентина?

Ответ: После ознакомления с дипломатической и иной документацией по Финляндии, накануне отъезда туда из Берлина на пост германского военного атташе, на приеме у Мелентина я получил установки направить всю свою деятельность для осуществления военно-политических планов Гитлера в войне против СССР.

С целью претворения на деле этой политики Мелентин снабдил меня инструкциями об основных функциях моей будущей деятельности, которые выражались в следующем:

1. Сбор всеми имеющимися средствами разведывательных сведений о военно-политическом положении Финляндии. Периодическая передача их в отдел атташата при Генеральном штабе германских сухопутных вооруженных сил для принятия необходимых мер в случае нежелательных, с точки зрения интересов Германии, поворотов в политике Финляндии и воздействия на последнюю продолжать войну против СССР или внесения коррективов в планах войны в целях более успешного ее завершения в пользу Германии.

2. Изучение состояния и организации военной промышленности и вооруженных сил Финляндии, ведущих военные действия совместно с немецкой армией против Советского Союза, для передачи в Берлин соответствующих докладов, которые могли бы быть использованы при проведении различных мероприятий по улучшению состояния и организации военной промышленности Финляндии в целях более успешного ведения войны против СССР[III].

[I] Так в документе, речь идет о генерал-майоре Хорсте Рёссинге.

[II] Вероятно, речь идет о генерал-лейтенанте Бруно фон Уттмане.

[III] Внизу страницы синими чернилами Х. Кичманом внесены правки: «Зачеркнутому “в результате” [после слова “докладов”] и надписанному “е” [в слове “которые”], “использованы при” [после слова “могли бы быть”], “ии” [в слове “проведении”], “х” [в слове “различных”] и “й” [в слове “мероприятий”] верить. Х. Кичман».

3. Направление германских и финских офицеров в финские и германские академии и офицерские школы с целью подготовки командных кадров для немецких и финских частей, ведущих операции против Красной Армии.

4. В качестве особого задания я получил от Мелентина указания вести негласные наблюдения за деятельностью в Финляндии американского военного атташе и передавать эти материалы по назначению для принятия необходимых контрмер, поскольку Америка являлась в войне против Германии союзником СССР.

Вопрос: Будучи на дипломатической работе, какое участие вы принимали в подготовке и в ведении захватнической войны против СССР?

Ответ: Гитлер и его правительство в качестве плацдарма для нападения на СССР избрали, в частности, Финляндию, с которой в этих целях еще в октябре 1940 года начали тайные переговоры и подготовку к войне, начавшейся 22 июня 1941 года.

Еще до открытия военных действий на Восточном фронте мой предшественник, германский военный атташе в Финляндии — генерал-майор Россинг, организовал поездку особоуполномоченного маршала Маннергейма — генерал-майора Тальвелла — в ставку Гитлера, где с участием Россинг состоялись предварительные переговоры о совместной подготовке нападения, вопреки договорам о ненападении на Советский Союз и о совместном ведении войны против последнего.

Через некоторое время в ставке Гитлера в присутствии Россинг происходили дальнейшие переговоры, в которых приняли участие начальник Генерального штаба вооруженных сил Финляндии генерал-лейтенант Гайнрихс и представитель этого штаба генерал-лейтенант Эквист.

В результате этих переговоров была достигнута полная договоренность, и с конца 1940 года практически началась подготовка к нападению на Советский Союз, после завершения которой Германия и Финляндия 22 июня 1941 года начали войну против СССР.

Из документов и переписки, с которой я ознакомился по Финляндии перед моей поездкой из Берлина на пост военного атташе в Хельсинки, я установил, что Россинг не только являлся участником и организатором тайных переговоров, но и в последующем был в курсе всех практических планов и мероприятий по подготовке нападения на СССР, а также как германский военный атташе в Финляндии содействовал своим участием в осуществлении их.

Таким образом, германский военный атташе в Финляндии являлся одним из активных участников в разжигании Германией войны и подготовке нападения последней, совместно с Финляндией, на Советский Союз.

После нападения Германии и Финляндии на Советский Союз вся деятельность военного атташе Россинг была направлена к тому, чтобы продолжать войну и, воздействуя дипломатическим путем на Финляндию, удерживать ее в состоянии войны на стороне Германии против СССР.

Заняв пост германского военного атташе в Финляндии после Россинг, я продолжал политику Гитлера в ведении войны против Советского Союза, для чего всеми мерами и личным участием проводил в жизнь все зависящее от меня, чтобы удерживать Финляндию в состоянии войны на стороне Германии против СССР и успешно закончить ее в пользу Германии.

Вопрос: С какими германскими органами и формированиями немецких войск в Финляндии вы были связаны и контактировали свою работу?

Ответ: До и после нападения Германии и Финляндии на Советский Союз в Финляндии существовали многочисленные германские органы и формирования немецких войск, со многими из которых я на протяжении своей деятельности был связан и контактировал свою работу.

Наиболее тесные связи и контакты я поддерживал с представителем квартиры фюрера германским генералом при ставке Маннергейма, генералом от инфантерии Эрфурт[I] (руководителем военной миссии в Финляндии), с находившимся в его подчинении германским разведывательным органом «КОФ» — «Военная организация в Финляндии», условно именуемая «Бюро Целлариуса», с немецкой лапландской армией, действующей на севере Финляндии, главнокомандующим которой являлся генерал-полковник Дитль и, позднее, генерал-полковник Рендулич.

Вопрос: Изложите подробно свою практическую деятельность на посту германского военного атташе в Финляндии?

Ответ: Прибыв в Финляндию на пост германского военного атташе, мною, в соответствии с полученными инструкциями в Берлине, практически была проведена следующая работа:

I. *Сбор разведывательных сведений*

1. Использовав обширные связи и знакомства с различными кругами в Финляндии, я в беседах с ними собирал нужные мне сведения для составления докладов о военно-политическом положении Финляндии. Так, посетив ставку Маннергейма, я в конце июня 1941 года имел беседу с начальником разведки генерального штаба вооруженных сил Финляндии — полковником Паассонен[II].

В этот период наступление русских на Выборг было остановлено. Положение в Финляндии, возникшее вследствие этого наступления, явилось исходным пунктом для беседы. Мне нужно было узнать, какое впечатление произвело наступление Красной Армии на военное и политическое руководство Финляндии, на армию и народ, а также как повлияет оно на дальнейшее поведение Финляндии.

На поставленные мною в этой плоскости вопросы Паассонен ответил: «Концентрированное наступление русских и, прежде всего, массовое применение ими абсолютно превосходящей авиации и танков, застало финского солдата врасплох, который потерял веру в себя и свое оружие.

После же первых успешных оборонительных боев севернее Выборга финский солдат снова пришел в себя, и прежняя уверенность в свою силу и, прежде всего, в применении солдат-одиночек в лесу возвратилось к нему. Военному руководству это наступление показало, что финскую армию нельзя сопоставлять с русской ни в количественном отношении, ни в вооружении. На длительное сопротивление можно надеяться только в том случае, если ставка Гитлера предоставит новые войсковые соединения и авиацию, а то, что имеется, крайне недостаточно. Воздушная, наземная и радиоразведка донесли, что нет никаких признаков к тому, что русские продолжат вести наступление, а, наоборот, воздушной разведкой установлено, что русская армия, предназначенная для наступления, отведена, и поэтому финское

[I] Речь идет о генерале пехоты Вольдемаре Эрфурте, который с июня 1941 по сентябрь 1944 г. являлся представителем ОКВ при Главной квартире финской армии.

[II] Речь идет о полковнике финской армии Аладаре Паасонене.

командование надеется выиграть время для усиления фронта. Само же наступление русских вызвало в Хельсинки испуг, и если своевременно не прибудет из Ставки Гитлера достаточная помощь или же если на германских фронтах на Востоке и Западе немцы не будут иметь успехов, то неизвестно, какое направление примет политическое развитие Финляндии».

Из его ответа мне стало ясно, что финское командование чрезвычайно серьезно рассматривает положение не только Финляндии, но и Германии и, что политическое руководство Финляндии из указанных соображений окажет определенное воздействие.

Выслушав Паассонен, я ответил ему: «Когда ставка Гитлера окажет достаточную помощь путем посылки новых соединений в Финляндию, может сказать генерал Эрфурт. Фронт под Нарвой и Псковом для того, чтобы оградить Финляндию от угрозы с фланга, будет нами любыми средствами удержан. Только что последовавшее назначение командующим этой группы войск (группа войск «Север») генерал-полковника Шернер подтверждает сказанное мной. Каким особым доверием пользуется у Гитлера генерал Шернер, вы знаете. Удержать этот фронт также в интересах Германии, ибо только благодаря этому фронту могут оставаться открытыми пути подвоза войск и вооружения для немецкой Лапландской армии и Финляндии через восточную часть Балтийского моря. Что касается положения на западе, то германская армия остановится в Вестфалии и на заранее подготовленных позициях даст англо-американским войскам жесткий отпор. Что касается имевших место неудач, то это произошло потому, что, по данным разведки, летнее наступление советских войск ожидалось перед фронтом группы войск «Юг», которая в связи с этим была пополнена сильными танковыми соединениями и авиацией».

Таким образом, я одновременно старался поднять дух у Паассонена и уверить его, что Германия всеми мерами изменит в пользу Финляндии обстановку на фронте и что на Западе сражение будет выиграно немецкими войсками.

Далее, главнокомандующий немецкой Лапландской армией в Финляндии генерал-полковник Диттель пользовался большим авторитетом у финского правительства, и последнее в честь его в октябре 1943 года организовало выезд на охоту, для чего был приглашен и я. Вечером, после охоты на правительственной даче в районе Эво, я имел беседу с президентом финского Государственного банка Рангель. Исходным пунктом для беседы явилось изменившееся положение на нашем Южном фронте в связи с выходом из строя Италии.

Это положение заметно ухудшило настроение среди финнов, отражением чего явилась резолюция Союза финских ремесленников, требовавшая от финского правительства пересмотреть положение Финляндии и использовать любую возможность для вывода страны из войны. Мне в силу этого нужно было узнать:

а) поддерживалась ли эта резолюция большинством Социал-демократической партии или только ее левым крылом, а также поддерживалась ли она министром Таннер — лидером этой партии;

б) какую позицию в связи с указанной резолюцией занимали другие партии и финские круги.

С таким вопросом я обратился к Рангель, который ответил мне:

«Резолюция была принята без ведома Таннера, кроме Союза ремесленников, во главе которого стоял Вуори, ее поддержало левое крыло партии, давшее повод к вынесению резолюции. В принципе вся партия положитель-

но отнеслась к выходу Финляндии из войны. Сам же Таннер и часть его приближенных рассматривают эту резолюцию как политически неблагоразумную, осложняющую положение Финляндии.

Такого же мнения придерживаются и остальные партии. Резолюция показывает, насколько финские рабочие устали от войны. Такая же тенденция усталости чувствуется и среди экономических и промышленных кругов. Военные и сельскохозяйственные круги стоят за продолжение войны»[I]. После этого Рангель заявил мне, что он лично не склонен изменить своего мнения и стоит за продолжение войны на стороне Германии против Советского Союза.

Аналогичного характера и направления беседы в указанных целях у меня были неоднократно в течение 1942, 1943 и 1944 гг. со следующими лицами: министром иностранных дел Финляндии Рамзей, министром финансов Таннер, президентом рейхстага Хакилла, начальником Протокольного отдела министерства иностранных дел Хаккарайнен, министром внутренних дел Гилале, начальником Оперативного отдела Генерального штаба вооруженных сил Финляндии генерал-лейтенантом Айро, инспектором запаса финской армии генералом от инфантерии Остерман[II], начальником бюро военного атташата Генерального штаба вооруженных сил Финляндии Розенброером, начальником Управления информации при финском правительстве майором Реенпее, офицером связи от ставки Маннергейма к финскому правительству — генерал-майором Кекони, командующим финским военно-морским флотом и береговой обороны — генерал-лейтенантом Вальбе[III], начальником Отдела подготовки и организации Генерального штаба вооруженных сил Финляндии — полковником Техтинен, финским генералом в ставке Гитлера — генерал-лейтенантом Тальвелла, командующим фронтом в районе под Ленинградом — генерал-лейтенантом Эквист, начальником интендатуры финской армии генерал-майором Густавсон[IV], командующим финского охранного корпуса — генерал-лейтенантом Мальберг, начальником штаба финского охранного корпуса — генерал-майором Ойнунен[V], профессором Хельсинского университета Неванлина, финским помещиком фон Фрайм, б[ывшим] финским послом в Голландии министром Састамойнен, главным акционером финской фирмы «Тиккакоски» Даугс, адъютантом президента Финляндии Рюти, подполковником Содерстром и другими.

2. Нужные сведения для составления докладов о военно-политическом положении Финляндии я собирал в различных германских органах и их представительствах, как-то:[VI] у сотрудников германских посольств, журналистов и корреспондентов берлинской прессы в Финляндии, представителя

[I] Внизу страницы синими чернилами надпись: «зачеркнутому “и считают, что она закончится против СССР успешно” верить. Х. Кичман».

[II] Так в документе, речь идет о генерал-лейтенанте (1935) финской армии Гуго Викторе Эстермане.

[III] Речь идет о генерал-лейтенанте Вяйнё Вальве.

[IV] Речь идет о генерал-майоре финской армии Густаве Вернере Йеремиасе Густафсоне.

[V] Так в документе, речь идет о генерал-лейтенанте финской армии Вяйне Йоханнесе Ойнонене.

[VI] Внизу страницы синими чернилами надпись: «зачеркнутому “в германском разведывательном органе «Бюро Целлариуса» в Финляндии” верить. Х. Кичман».

Главного имперского управления СД при «СС Управлении связи Хельсинки» Бросс[I], интенданта германских вооруженных сил в Финляндии — полковника Дерихс, коменданта германского гарнизона в Хельсинки полковника Зеебер[II], начальника «СС Управлении связи Хельсинки» СС оберштурмбанфюрера Гельтман и других.

Доклады о военно-политическом положении в Финляндии в разные периоды я неоднократно передавал в Берлин начальнику атташата при Генеральном штабе германских сухопутных вооруженных сил — полковнику фон Мелентин, а позднее заменившему его — полковнику Шухард; германскому генералу при ставке вооруженных сил Финляндии Эрфурт; главнокомандующему немецкой лапландской армии генерал-полковнику Диттель; германскому послу фон Блюхеру и другим.

Однажды в июне 1942 г., во время пребывания Гитлера на финском фронте, после встречи с ним я через адъютанта — генерал-лейтенанта Шмунд, передал Гитлеру доклад о политическом положении Финляндии.

3. Третьим источником являлись военные атташе посольств других государств, аккредитованных в Финляндии. Так, на основании данных, полученных неоднократно от японского военного атташе — полковника Онуоти[III], я сообщал в Берлин полковнику фон Мелентину сведения о СССР и Красной Армии:

1) О том, что на границе СССР с Маньчжурией от Владивостока до южной части озера Байкал сосредоточено 35 советских пехотных и кавалерийских дивизий и около 1000 советских танков и броневиков.

2) О том, что путь, по которому поступают американские бомбардировщики, предназначенные для вооружения Красной Армии, проходит из США через Аляску и Камчатку.

3) О том, что США поставляет для СССР военные материалы морским путем из Сан-Франциско во Владивосток и Архангельск.

4) О внутреннем положении в СССР.

5) О резервах Красной Армии.

II. *Изучение состояния и организации военной промышленности и вооруженных сил Финляндии*

а) Я неоднократно в течение 1942, 1943 и 1944 гг. совершал поездки на финский фронт в район, где были установлены батареи тяжелых дальнобойных орудий, обстреливавших Ленинград, а также район Мурманска, побережье Петсамо и другие места с целью изучения состояния и организации вооруженных сил Финляндии и осмотра оборонительных укреплений и сооружений;

б) Неоднократно совершал поездки в места дислокации запасных частей для изучения состояния организации финской запасной армии;

в) Изучал состояние финских военных школ для немецких офицеров и унтер-офицеров, проходивших специальное обучение по тактике ведения боевых операций против частей Красной Армии в зимнее время в лесных условиях.

Доклады о состоянии и организации вооруженных сил Финляндии я направлял Мелентину в Берлин и начальнику Отдела иностранных армий

[I] Речь идет о штурмбанфюрере СС Аларике Броссе.
[II] Речь идет о немецком офицере, полковнике люфтваффе Карле Зебере.
[III] Речь идет о полковнике (позднее — генерал-майоре) Хироши Онучи.

Востока Генерального штаба вооруженных сил Германии — генерал-майору Гелен;

г) Совместно с начальником германского военно-хозяйственного отдела в Финляндии капитаном 1-го ранга Кох я совершал поездки на объекты военной промышленности Финляндии, производившей вооружение и боеприпасы для оснащения финских частей, действовавших против Красной Армии. Так, я посетил объекты:

1. Индустриальные заводы в гор. Ювескуле, производившие тяжелые и легкие орудия, винтовки и боеприпасы, а также ремонт и восстановление трофейных орудий, захваченных у Красной Армии.

2. Заводы «Тампелла» в гор. Тампере, производившие противотанковые орудия, минометы, авиационные и автомобильные моторы.

3. Завод «Люкомо» в гор. Тампере, производивший локомотивы и станки.

4. Фирму «Тиккакоски», расположенную в 20 км от гор. Ювескуле, производившую автоматы, пулеметы и зенитные орудия.

Доклады о состоянии военной Финляндии я передавал Мелентину в Берлин и генералу Эрфурт.

III. *Направление офицеров в школы командного состава*

Для выполнения этой задачи я вел переговоры с начальником Генерального штаба вооруженных сил Финляндии — генералом от инфантерии Гайнрихс и начальником отдела «Заграница» того же Генштаба — полковником Слюер, которые сообщали мне кандидатуры финских офицеров для направления их в германскую военную академию и офицерские школы. Полученные от Мелентина списки с кандидатами немецких офицеров[I] для направления их в финские офицерские школы я сообщал генералу Гайнрихс и полковнику Слюер.

Всего в указанные академию и школы я направил до 120 офицеров.

IV. *Негласное наблюдение за деятельностью американского военного атташе*

Получив задание от Мелентина, я по прибытии в Финляндию связался с начальником германского разведывательного органа «КОФ» — капитаном 1-го ранга Целлариусом, и беседовал с ним по этому вопросу. Целлариус познакомил меня с начальником контрразведывательного отдела его бюро — майором Нагель[II], которому поставил задачу вести агентурное наблюдение за американским военным атташе.

По агентурным данным мне стало известно, что американский военный атташе имеет в Финляндии у себя на связи многочисленную агентуру и что руководство разведывательной деятельностью против Финляндии осуществляется через американского военного атташе — филиалом американской разведки в Стокгольме.

По тем же агентурным данным мне стало известно, что деятельность американского военного атташе сводится к тому, чтобы Финляндию вывести из войны.

[I] Внизу страницы синими чернилами надпись: «зачеркнутому "О подобранных мною и генералом Эрфурт кандидатах" и подписанному "Полученные от Мелентина списки с кандидатами" верить. Х. Кичман».

[II] Речь идет о сотруднике германской военной разведки майоре Гейнце фон Нагеле.

Собранные материалы о деятельности американского военного атташе я сообщил Мелентину в Берлин[I].

Вопрос: Как вы практически оказывали давление на Финляндию, чтобы последняя продолжала войну на стороне Германии против СССР?

Ответ: Выполняя политику Гитлера на посту германского военного атташе в Финляндии, я разновременно на протяжении всей своей деятельности всеми мерами влиял и воздействовал на финские правительственные и военные круги, чтобы Финляндия не выходила из войны и продолжала ее на стороне Германии против Советского Союза.

К этим мерам я прибегал по своей инициативе и по указанию из Берлина каждый раз, когда складывалась неблагоприятная для немцев и финнов обстановка на советско-германском фронте и чувствовал возможные повороты в политике Финляндии, нежелательные для Германии.

Кроме того, я всегда имел в виду, что, начиная с 1942 года, Германия была обеспокоена тем, что Финляндия через посредство США может заключить с Советским Союзом мир и выйти из войны. В этом случае Германия потеряла бы своего союзника, который на ее стороне ведет войну против СССР.

Так, в феврале 1944 года советские войска начали наступательные операции в районе Нарва—Псков, в силу чего для Германии и Финляндии создалось угрожающее положение.

Из ставки Гитлера в Финляндию прибыл генерал-лейтенант Фогель, который должен был принять на себя командование 36-м стрелковым корпусом немецкой лапландской армии и начать контрнаступление против русских на этом участке фронта.

Когда Фогель прибыл, я в феврале 1943 года с ним явился в здание военного министерства на прием к военному министру Финляндии генералу от инфантерии Вальдейн.

При переговорах с Вальдейн я сообщил о миссии генерала Фогель[II]. В дальнейшей беседе, воздействуя на Вальдейн продолжать войну на стороне Германии против Советского Союза, я в защиту этого привел следующую аргументацию: немецкая армия достаточно сильна, имеет огромные людские и технические резервы; Германия располагает мощной военной промышленностью и секретным оружием, а также большими запасами нефти, благодаря наличию большого и сильного подводного флота, успешно действующего против союзников СССР — Англии и Америки, последние не смогут добиться в войне желаемых результатов, если Финляндия не будет продолжать войну против Советского Союза, последний оккупирует территорию Финляндии.

В июне 1944 года, после наступления русских севернее Ленинграда, на финский фронт по приказу ставки Гитлера срочно была переброшена 122-я немецкая стрелковая дивизия[107] и около двух противотанковых бригад.

[I] Внизу страницы синими чернилами надпись: «зачеркнутому “На основании этих материалов из Берлина было дано задание германскому посольству, мне и другим немецким органам в Финляндии дипломатическим путем воздействовать на финское правительство и военные круги, чтобы они продолжали войну против СССР”, и “В целях исправления этого положения” [перед предложением, начинающимся словами: “Из ставки Гитлера... — *прим. сост.*”] верить. X. Кичман».

[II] Внизу страницы синими чернилами надпись: «зачеркнутому “и заверил, что он исправит положение на фронте”, “Ленинград будет взят” [после слов: “последние не смогут добиться в войне желаемых результатов — *прим. сост.*”] и “кстати сказать, во время контрнаступления против русских Фогель имел успех” [после слов: “последний оккупирует территорию Финляндии”] верить. X. Кичман».

В этот период я был в ставке Маннергейма в гор. Микели[108] на приеме у начальника Генерального штаба вооруженных сил Финляндии генерала от инфантерии Гайнрихс и в беседе с ним установил, что он очень обеспокоен угрожающим положением на фронте. Успокоив его, я заявил, что Германия будет оказывать всемерную военную поддержку и обстановка изменится вскоре в благоприятную для Финляндии сторону.

В дальнейшей беседе, воздействуя на Гайнрихс продолжать войну на стороне Германии против СССР, я в защиту этого привел аргументацию о силе и мощи Германии и немецкой армии, аналогичную той, которую приводил в беседе с военным министром Финляндии Вальдейн.

В таком же направлении я в течение 1942, 1943 и 1944 гг. неоднократно на приемах беседовал с упомянутыми лицами и премьер-министром Финляндии Рангель, главнокомандующим вооруженными силами Финляндии — маршалом Маннергейм, начальником разведки Генерального штаба вооруженных сил Финляндии — полковником Паассонен, начальником заграничного отдела Генерального штаба вооруженных сил Финляндии — полковником Слюер.

Оказывая такими путями давление на Финляндию, мне, в частности, удалось заставить последнюю не выходить из войны и продолжать ее на стороне Германии против СССР до дня капитуляции Финляндии в сентябре 1944 года.

Вопрос: Расскажите о вашей практической деятельности в Швеции?

Ответ: В октябре 1941 года я имел беседу с референтом отдела атташе генерального штаба сухопутных вооруженных сил Германии — майором фон Альбедил во время его пребывания в Финляндии.

Альбедил сообщил мне, что Швеция задолго до начала войны 22 июня 1941 года заключила с Германией тайные договора о помощи последней в войне против СССР и на основании их до начала военных действий она через Швецию в Финляндию перебрасывала транспорты с немецкими войсками и вооружением на советско-германский фронт.

В период войны на протяжении всего времени Германией производилась переброска транспортов через Швецию в Финляндию. Кроме того, мне известно, что шведские добровольцы были в составе СС дивизии «Викинг»[109], которая вела операции против Красной Армии.

Когда я прибыл в Швецию на пост заместителя германского военного атташе при немецком посольстве, на время отпуска по болезни военного атташе — генерал-лейтенанта фон Утман, он в беседе сообщил мне также о наличии тайных договоров между Германией и Швецией о помощи первой в войне против СССР.

Из этой информации мне стало ясно, что Швеция формально на бумаге придерживалась нейтралитета, а фактически этими своими враждебными актами и практически участвовала в войне на стороне Германии против СССР.

Военного атташе в Швеции я замещал непродолжительное время, около $2^1/_2$ месяцев. На основании полученных указаний от Утман в мою обязанность на время его отпусков входило выполнение текущих дел. Помимо этого я от различных источников собирал материалы о военно-политическом положении в Швеции, и на этих вопросах собственно ограничивалась моя деятельность.

Естественно, что я в своей работе на посту заместителя военного атташе в Швеции защищал интересы Германии, которые у нее были там в связи с войной против Советского Союза.

Вопрос: Расскажите о вашей связи с германским разведывательным органом в Швеции?

Ответ: В Швеции существовал германский разведывательный орган «КОШ» — «Военная организация в Швеции» — возглавлявшийся доктором Вагнер.

Условно этот орган именовался «Бюро доктора Вагнера». О деятельности бюро я ничего сообщить не могу, так как всего один раз беседовал с доктором Вагнер по вопросу о политическом положении в Швеции.

Вопрос: Будучи германским военным атташе в Финляндии и проводя там практически в жизнь военно-политические планы Гитлера, направленные против Советского Союза и его союзников, как вы расцениваете свое участие в этом?

Ответ: Я уже показал, что, являясь германским военным атташе в Финляндии, я практически на деле проводил в жизнь политику и военные планы Гитлера против Советского Союза и его союзников.

Я признаю себя виновным, что являюсь преступником войны, и принимаю на себя предъявляемые мне обвинения. Готов предстать перед судом и понести наказание за совершенные мною в войне 1939—1945 гг. преступления.

Протокол допроса с моих слов записан верно и мне прочитан в переводе на немецкий язык.

КИЧМАН

Допросил: сотрудник 2 отдела Гл[авного] Управления «Смерш» майор ВАЙНДОРФ

Переводил: пом[ощник] оперуполн[омоченного] 2 отдела Гл[авного] управления «Смерш» мл[адший] лейтенант БЫЧЕНКОВ

ЦА ФСБ России. Р-48791. Л. 40—56. Подлинник. Машинопись. Автограф.

№ 160
СОБСТВЕННОРУЧНЫЕ ПОКАЗАНИЯ ПОЛКОВНИКА Х. КИЧМАНА

27 декабря 1945 г.
Москва

Германское правительство и верховное командование германских вооруженных сил совместно с правительством Финляндии и Генеральным штабом финской армии, задолго до 22 июня 1941 года, вели тайные переговоры и подготовляли нападение на Советский Союз.

О подготовке к вторжению германской и финской армии на территорию Советского Союза мне стало известно при следующих обстоятельствах: в октябре 1941 года, по прибытии в Хельсинки на должность заместителя германского военного атташе, я имел беседы с майором фон Альбедилл, помощником германского военного атташе, ранее работавшим в отделе атташата Генерального штаба сухопутных сил Германии.

Фон Альбедилл ознакомил меня с обстановкой в Финляндии и ее военно-политическим курсом, так как военный атташе генерал-майор Россинг был тяжело болен и находился на излечении на курорте Мирон в Тироле.

В этих беседах фон Альбедилл рассказал мне, что еще в сентябре 1940 года генерал-майор Россинг по заданию Гитлера и германского Генерального штаба организовал поездку особо уполномоченного маршала Маннергейма — генерал-майора Тальвелла — в Берлин в ставку Гитлера, где им было достигнуто соглашение между германским и финским генштабом о совместной подготовке нападения на Советский Союз и ведение войны против него.

В связи с этим я вспоминаю, что когда в ноябре месяце 1941 года я посетил генерала Тальвелла в его штаб-квартире в районе города Аунос, он в беседе рассказал мне, что по личному поручению маршала Маннергейма он еще в сентябре 1940 года одним из первых установил связь с германским верховным командованием в деле совместной подготовки нападения Германии и Финляндии на Советский Союз.

Как сообщил мне далее фон-Альбедилл, в феврале или марте 1941 года в ставке Гитлера происходили дальнейшие переговоры о планах подготовки нападения и ведения войны против Советского Союза. В этих переговорах участвовали начальник Генерального штаба вооруженных сил Финляндии генерал-лейтенант Гайнрихс и представитель того же штаба генерал-лейтенант Эквист.

Таким образом, в результате переговоров, начатых с сентября 1940 года между правительствами Германии и Финляндии, а также их верховным командованием, было достигнуто полное согласие о совместной практической подготовке к войне против Советского Союза, что, как известно, в июне 1941 года было осуществлено путем вторжения германских и финских войск на территорию СССР.

В октябре 1941 года второй помощник германского военного атташе в Финляндии майор Шлютер в беседе сообщил мне, что командир 163-й пехотной дивизии[110] генерал-лейтенант Энгельбрехт в начале июня 1941 года, еще до начала военных действий на Восточном фронте, прибыл из Норвегии в Финляндию для подготовки к операциям против русских войск и захвата полуострова Ханко. За несколько дней до начала войны войска дивизии Энгельбрехта уже были переброшены через Швецию в район полуострова Ханко.

В конце 1942 года, на приеме у германского посла в Финляндии фон-Блюхера, я встретился с начальником германской военной миссии в Финляндии генералом от инфантерии Эрфурт. В присутствии Блюхера Эрфурт рассказал мне о том, что еще за 14 дней до начала военных действий против Советского Союза он по приказанию германского генерального штаба прибыл в Хельсинки в гражданской одежде для связи со ставкой Маннергейма. Финский генерал-лейтенант Эквист в то же время с такими же целями был командирован в Берлин в качестве начальника финской военной миссии при ставке Гитлера.

Говоря о миссии немецкого генерала Эрфурт в Финляндии, фон-Абельдилл рассказал мне, что на совещаниях между представителями германского и финского командования в первой половине июня 1941 года по вопросу подготовки нападения на Советский Союз, кроме генерала Эрфурта, принимали участие генерал-полковник фон-Фалькенхорст, позднее командующий немецкой лапландской армией в Финляндии, и его начальник штаба генерал-майор Бушенхаген.

Перед отъездом в Финляндию я познакомился в Берлине с отчетными материалами германского военного атташе в Финляндии Россинг, из которых установил, что он не только являлся участником и организатором тайных переговоров, но был в курсе всех практических планов и мероприятий по подготовке нападения на Советский Союз, так же, как и германский военный атташе в Финляндии, содействовал своим участием в осуществлении их.

После нападения Германии и Финляндии на Советский Союз вся деятельность военного атташе Россинг была направлена к тому, чтобы продолжать войну и, воздействуя дипломатическим путем на Финляндию, удерживать ее

в состоянии войны против Советского Союза на стороне Германии. Заняв пост германского военного атташе в Финляндии, я всеми средствами проводил в жизнь политику Гитлера в войне против Советского Союза.

Показания написаны мною собственноручно.

КИЧМАН

Показания принял: офицер контрразведки подполковник БУРАШНИКОВ

Военный переводчик ст[арший] лейтенант Стеснова

ЦА ФСБ России. Р-48791. Л. 58—61. Заверенная машинописная копия. Подлинник на немецком языке — л.д. 62—69. См. также: АУФСБ России по Саратовской области. Ф. 14. Оп. 5. Д. 1258. Л. 218—221. Заверенная машинописная копия.

Опубликовано: Показания полковника гитлеровской армии Хорста Кичмана, бывшего военного атташе в Финляндии, от 27 декабря 1945 г. // Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: Сб. материалов в 7 т. / Под общ. ред. Р.А. Руденко. М., 1958. Т. II. С. 660—662.

№ 161
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА ПОЛКОВНИКА Х. КИЧМАНА

15 марта 1950 г.
Москва

Стенограмма

Кичман Хорст, 1895 года рождения, уроженец гор. Граудениц (Германия), немец, германский подданный, бывший германский военный атташе в Финляндии, полковник.

Допрос начат в 11 час. 30 мин.

Вопрос: Следствию известно, что, находясь в Финляндии, вы проводили активную шпионскую деятельность против Советского Союза. Признаете это?

Ответ: Признаю, что, будучи германским военным атташе в Финляндии в период 1941—1944 годов, я собирал разведывательные сведения о Советском Союзе.

Вопрос: Каким путем, агентурным?

Ответ: Нет, агентуры я не имел и интересовавшие германское правительство сведения добывал путем сотрудничества с Генштабом финской армии.

Вопрос: С кем конкретно вы были связаны по шпионской работе против Советского Союза?

Ответ: Во время посещения мною финского Генерального штаба я был связан и получал некоторые сведения о военной мощи и внутреннем положении Советского Союза от начальника финской разведки полковника Паасонен, начальника Иностранного отдела Генштаба финской армии полковника Слер и начальника бюро атташата Генштаба финской армии подполковника Розенбройер.

Вопрос: Покажите все, что вам о них известно?

Ответ: Паасонен, его имени не знаю, финн, финский подданный, полковник, военное образование получил за границей, но, где точно, сказать затрудняюсь.

На должность начальника финской военной разведки был назначен в 1942 году, одновременно с этим являлся первым адъютантом президента Финляндии Рюти.

В период 2-й мировой войны Паасонен, осуществляя тесный контакт с германским разведорганом в Финляндии «Бюро Целлариус», проводил активную разведывательную деятельность против Советского Союза, однако конкретные факты по этому поводу мне неизвестны.

В апреле 1944 года Паасонен в составе финской правительственной делегации приезжал в Москву для ведения мирных переговоров. Смутно припоминаю также, что еще раньше, в довоенное время, он находился в Москве в качестве финского военного атташе, в совершенстве владеет русским языком. Был женат на венгерке. Другими данными о Паасонен я не располагаю. Приметы Паасонен: около 50 лет, среднего роста, стройный, темный блондин, лицо овальное.

Слер, его имени не знаю, финн, финский подданный, в период второй мировой войны являлся начальником Иностранного отдела Генштаба финской армии и, как таковой, ведал обработкой и систематизацией материалов об иностранных армиях, поступавших к нему от финских военных атташе, аккредитованных за границей, и финской военной разведки.

В [19]30-х годах Слер занимал должность финского военного атташе в Варшаве (Польша) и еще раньше служил в артиллерийских частях финской армии. Некоторое время он был, кажется, также адъютантом у Маннергейма.

Являясь начальником Иностранного отдела, Слер, совместно с командиром финской стрелковой бригады полковником Бринкман, в октябре 1943 года ездил на советско-германский фронт с целью ознакомления с положением под Ленинградом.

Для сопровождения их во время этой поездки от немецкой стороны был выделен я. Припоминаю, что, когда мы находились в штабе немецкой армейской группировки «Север», нас неоднократно фотографировали, и среди отобранных у меня фотокарточек должно быть несколько снимков полковника Слер.

Вопрос: Вам предъявляется 6 фотокарточек. Среди изображенных на них лиц вы опознаете полковника Слер?

Ответ: Да, полковник Слер изображен на фотокарточках № 2 и № 4, и я его пометил двумя крестиками. Приметы Слер: 55—58 лет, высокого роста, стройный, блондин, глаза голубые, лицо овальное.

Вопрос: Вы еще не показали о подполковнике Розенбройер. Что вы о нем знаете?

Ответ: Подполковник Розенбройер Бертль, финн, финский подданный, до 1943 года занимал должность начальника Бюро атташата Генштаба финской армии. В [19]20-х годах он являлся сперва адъютантом Маннергейма, затем президента Финляндии Свинхувуд. Позже Розенбройер работал на протяжении ряда лет военным атташе в Стокгольме (Швеция) и Осло (Норвегия).

После вступления немецких войск в Норвегию в 1940 году он возвратился в Финляндию и был назначен начальником Бюро атташата генштаба финской армии. О его деятельности в этой должности я не осведомлен. Розенбройер умер в мае 1943 года.

Вопрос: Воспроизведите содержание шпионских сведений, которыми снабжали вас Паасонен, Слер и Розенбройер?

Ответ: За давностью времени я не в состоянии показать теперь, кто из названных лиц является источником тех или иных разведывательных дан-

ных, но хорошо помню, что Паасонен, Слер и Розенбройер информировали меня в разное время по следующим вопросам.

В начале 1942 года они сообщили, что положение в блокированном немцами Ленинграде исключительно тяжелое: продукты питания выдаются с перебоями и в мизерном количестве, население страдает от голода и холода.

Организовано снабжение жителей города по воздуху и через Ладожское озеро, однако, положение остается серьезным.

Для снабжения города горючими материалами проложен новый нефтепровод по дну Ладожского озера.

Летом 1942 года я получил примерно такие данные. На Мурманской железной дороге севернее Онежского озера за последнее время не наблюдалось переброски войск, а отмечены только транспорты с военными материалами; также не установлено концентрации советских войск. Все это дает основание считать, что советское командование не готовит наступательных операций на участке, занимаемом финскими войсками.

Примерно в то же время я узнал, что вместо перерезанной финскими войсками железной дороги строится новая железнодорожная ветка от Кандалакши вдоль южного побережья Белого моря на Архангельск, где она соединяется с железной дорогой, идущей на Вологду.

В 1943 году я получил данные, что в районе восточнее железной дороги Вологда—Архангельск русские начали эксплуатацию новых нефтепромыслов, а также сообщение о том, что путь, по которому Америка поставляет Советскому Союзу военные материалы, и в первую очередь автомашины, идет через Персию.

Кроме указанных сведений я получал, конечно, и другие, но их содержания я не припоминаю.

Вопрос: Но этим ваша шпионская деятельность не ограничивалась. Показывайте о других своих источниках шпионских сведений?

Ответ: Не скрою, что разведывательные сведения о Советском Союзе я получал, кроме того, от японского военного атташе в Финляндии полковника Оноути, который, кстати сказать, изображен на одной из отобранных у меня при обыске фотокарточек.

Вопрос: Вам предъявляется 5 фотокарточек. На которой из них изображен Оноути?

Ответ: Оноути изображен на фотокарточке под № 3 и помечен мною двумя крестиками. Из бесед с Оноути я узнал в разное время, что он является офицером генштаба японской армии, участвовал в японской интервенции в Китае в 1934—1936 годах, а затем был назначен японским военным атташе в Финляндию. Работая в этой должности, Оноути, кроме меня, поддерживал тесную связь также с начальником финской разведки полковником Паасонен, с которым обменивался военно-разведывательными материалами о Советском Союзе.

В сентябре 1944 года, когда я из Финляндии возвратился в Германию, Оноути оставался в Хельсинки. Что с ним стало в дальнейшем, мне неизвестно. Приметы Оноути: около 45 лет, ниже среднего роста, худощавый, лицо круглое, волосы черные, носил очки.

Вопрос: Покажите о своих шпионских связях?

Ответ: Во время встреч с Оноути, которые происходили у него на квартире, а также в моем служебном бюро, он неоднократно передавал мне важные сведения об американских военных поставках Советскому Союзу, численности и вооружении советских войск, а также о советских аэродромах.

Так, посетив Оноути на квартире весной 1943 года, я в разговоре с ним поинтересовался, почему японцы не активизируют военных действий против англичан и американцев. Оноути ответил, что Япония в настоящее время не в состоянии предпринять сколько-нибудь серьезных операций вследствие того, что японская авиация и военно-морской флот понесли потери и так как 30 своих отборных дивизий Япония держит на границе с Советским Союзом, отвлекая тем самым с германского фронта большое количество советских войск.

При этих словах Оноути достал из внутреннего кармана пиджака небольшую записную книжку и привел мне из нее некоторые данные о советских вооруженных силах. Насколько я припоминаю, Оноути тогда сообщил, что в районе между Владивостоком и озером Байкал сконцентрировано 35 стрелковых и кавалерийских дивизий, около 1000 танков и 1500 самолетов.

Во время дальнейших встреч с Оноути он передал мне ряд сведений о военных поставках Америки Советскому Союзу. В частности, от него я узнал в разное время, что американские бомбардировщики, предназначенные для вооружения советской армии, поступают из США через Аляску и Камчатку и что в хорошую погоду ежедневно пролетает по этому пути до 60 самолетов.

Далее Оноути сообщил мне, что, по данным японского адмиралтейства, общий тоннаж русских судов, занятых на перевозках американского военного материала из Сан-Франциско во Владивосток, составляет 400—450 000 тонн; что русские транспортные суда, груженные военными материалами, курсируют также по трассе Владивосток—Енисейская бухта и Владивосток—Архангельск, но что этот северный морской путь из-за ледяных условий используется только с середины июля по конец сентября.

Все эти сведения я переслал начальнику отдела атташата германского Генштаба полковнику фон Мелентин.

Вопрос: Еще какие шпионские материалы о Советском Союзе вам удалось получить от Оноути?

Ответ: Припоминаю и такой случай. Однажды Оноути сказал мне, что он со дня на день ожидает курьера министерства иностранных дел Японии, который должен прибыть в Хельсинки из Берлина и доставить ему, Оноути, некоторые сведения о Советском Союзе. Спустя несколько дней курьер действительно приехал в Хельсинки.

Вопрос: Как фамилия этого японского шпиона?

Ответ: Не знаю, так как Оноути мне ее не назвал. Сам я этого человека также не видел. Со слов Оноути мне известно, правда, что японский курьер следовал поездом из Владивостока через Туркестан в Турцию, где в японском посольстве в Анкаре сдал дипломатическую почту, а затем выехал в Берлин.

Вопрос: Когда это было?

Ответ: В августе-сентябре 1943 года.

Вопрос: Какие шпионские сведения о Советском Союзе доставил японский курьер?

Ответ: По словам Оноути, японский курьер, проезжая по территории Советского Союза, собрал следующие сведения путем личного наблюдения.

На русских железных дорогах почти полностью приостановлено пассажирское сообщение, но в большом объеме совершаются перевозки военного материала.

Проезжая по Туркестану, курьер вблизи железнодорожного полотна видел несколько больших военных аэродромов, на которых обучался летный состав.

Почти все работы, которые курьеру приходилось наблюдать, выполняли женщины. Из этого он заключил, что в Советском Союзе проведена полная мобилизация мужского населения на военную службу.

Кроме того, курьеру удалось установить, что Советский Союз испытывал продовольственные затруднения, так как нормы хлеба для населения были низкими.

Вот те сведения, которые я получил от полковника Оноути за время своего пребывания в Финляндии.

Допрос окончен в 17 час. 00 мин.

Записано с моих слов правильно, переведено мне на немецкий язык.

КИЧМАН

Допросил: Ст[арший] оперуполномоч[енный] Следотдела 2 Главного управления МГБ СССР капитан СОЛОВОВ

ЦА ФСБ России. Р-48791. Л. 75—88. Подлинник. Машинопись. Автограф.

№ 162
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА ПОЛКОВНИКА Х. КИЧМАНА

18 апреля 1950 г.
Москва

Кичман Хорст, 1895 года рождения, уроженец гор. Грауденц (Германия), немец, германский подданный, бывший германский военный атташе в Финляндии, полковник.

Допрос начат в 11 час. 30 мин.

Вопрос: На предыдущем допросе вы многое утаили о своей шпионской деятельности против Советского Союза. Намерены говорить правду до конца?

Ответ: У меня нет оснований скрывать что-либо от следствия, и о всех фактах своей разведывательной деятельности против Советского Союза я подробно показал на прошлом допросе. Мне известно, однако, что активную разведывательно-диверсионную деятельность против СССР с территории Финляндии проводил также германский разведорган — «Бюро Целлариус».

Вопрос: Договаривайте — и вы тесно сотрудничали с этим разведорганом по шпионской работе против СССР?

Ответ: Прошу поверить, что по шпионской работе против СССР я с «Бюро Целлариус» не сотрудничал.

Вопрос: Покажите о структуре «Бюро Целлариуса»?

Ответ: Структура «Бюро Целлариус» мне неизвестна. Я знаю только, что этот разведорган, который назывался еще «Военная организация в Финляндии», являлся филиалом германской военной разведки Абвер и располагался в Хельсинки, в отдельном особняке на площади Казернторгет.

Вопрос: Кто руководил разведорганом?

Ответ: Морской капитан Целлариус.

Вопрос: Что вам о нем известно?

Ответ: Целлариус, имени не знаю, немец, германский подданный, родился и до 1911 года проживал в Петербурге, в совершенстве владеет русским языком.

В период Первой мировой войны он служил в германском военно-морском флоте, затем демобилизовался и проживал в предместье Берлина — Груневальде. Был женат на дочери берлинского аптекаря, детей не имел.

Когда Целлариус поступил в германскую разведку Абвер, мне неизвестно, но в начале войны против Советского Союза он занимал должность абвер-офицера при армейской группе «Север», а затем осенью 1941 года был назначен руководителем германского разведоргана «Бюро Целлариус» в Финляндии.

В сентябре 1944 года я слышал, от кого — не помню, что вскоре после капитуляции Финляндии Целлариус вместе со своим органом перебрался в Германию, в м[естечко] Герингсдорф, расположенное в 15 км западнее гор. Свинемюнде.

Приметы Целлариуса: около 55 лет, выше среднего роста, стройный, темный блондин, нос большой, толстый.

Должен упомянуть также, что Целлариус изображен на нескольких фотокарточках, которые были отобраны у меня при обыске.

Вопрос: Вам предъявляется пять фотокарточек. На которых из них сфотографирован Целлариус?

Ответ: Целлариус изображен на фотокарточках №№ 2, 4 и 5 и помечен мною одним крестиком.

Вопрос: На снимках № 2 и № 4 изображены также и вы. Где это вы фотографировались с Целлариусом?

Ответ: В гор. Пскове, в расположении штаба немецкой группировки «Север».

Вопрос: Каким образом вы оказались там?

Ответ: В октябре 1943 года я сопровождал офицеров финского Генерального штаба — начальника Иностранного отдела полковника Слер и командира стрелковой бригады полковника Бринкман, в армейскую группировку «Север», где они, как я уже показывал на прошлом допросе[I], по заданию Маннергейма знакомились с положением немецких войск под Ленинградом.

Из Хельсинки в Псков мы летели самолетом и делали промежуточную посадку в Таллине. Когда мы уже приготовились, чтобы продолжить свой путь, в самолет неожиданно вошел Целлариус и следовал вместе с нами до самого Пскова[111].

Вопрос: С какой целью Целлариус ездил на советско-германский фронт?

Ответ: Для проведения разведывательных операций.

Вопрос: Каких?

Ответ: Находясь на приеме у начальника штаба армейской группировки «Север» генерала Кинцель[II], я слышал, как Целлариус говорил ему, что он, Целлариус, хочет провести операцию по захвату русского дота в районе западнее гор. Ораниенбаум, причем захват дота Целлариус намеревался осуществить силами своей агентуры.

Я припоминаю далее, что, одновременно с этим, Целлариус хотел забросить в Ораниенбаум агентуру с заданием разведать положение и численность советских частей[112]. Выслушав Целлариуса, генерал Кинцель велел ему переговорить по этому вопросу с начальником отдела «1-Ц» штаба армейской группировки, фамилию которого я позабыл. Удалось ли Целлариусу осуществить эти свои намерения, я не знаю.

[I] Предыдущий допрос полковника X. Кичмана состоялся 15 марта 1950 г. Кичман был допрошен по вопросу его шпионской деятельности против СССР.

[II] Речь идет о генерале пехоты Эберхарде Кинцеле.

Вопрос: Вы показали, что в своей разведывательно-диверсионной деятельности Целлариус использовал агентуру. Из какого контингента лиц эта агентура им вербовалась?

Ответ: Из числа советских военнопленных.

Вопрос: Откуда вы знаете?

Ответ: Как я припоминаю, в разговоре с генералом Кинцель Целлариус прямо указал, что для выполнения разведывательно-диверсионных заданий в районе гор. Ораниенбаум он использует советских военнопленных. Кроме того, возвращаясь из армейской группировки «Север» в Таллин, Целлариус ехал в одной машине со мной и обоими финскими полковниками и также говорил об использовании им агентуры из числа советских военнопленных.

Вопрос: Что конкретно говорил Целлариус по этому поводу?

Ответ: Во время пути Целлариус оживленно беседовал с полковником Слер по вопросу своей разведывательной деятельности, однако содержание их разговора я передать не могу, так как сам в нем не участвовал и из-за шума мотора до меня долетали лишь отдельные слова. Помню, что Целлариус говорил что-то о заброске агентуры в тыл советских войск и в связи с этим часто употреблял выражение «мой русский лагерь».

Когда мы уже подъезжали к Таллину, примерно в 8 км от города, Целлариус вдруг взял полковника Слер за рукав, показав влево от шоссе, и сказал, что там находится его «русский лагерь», в котором обучаются советские военнопленные. Из этого я понял, что «русский лагерь» был не чем иным, как немецкой разведывательно-диверсионной школой. Припоминаю, что на следующий день по прибытии в Таллин Целлариус вместе с полковником Слер посетили эту разведывательную школу.

Вопрос: Вы тоже были в Таллинской разведшколе?

Ответ: Нет, не был.

Вопрос: Агентура, обучавшаяся с Таллинской разведшколе, вам известна?

Ответ: Никого из агентов Целлариуса я не видел, а познакомился лишь с тремя его сотрудниками, постоянно работавшими в Таллине.

Вопрос: При каких обстоятельствах?

Ответ: Приехав в Таллин вечером, я, Слер и Бринкман остановились на ночлег в хорошо оборудованной гостинице в центре города, Целлариус же направился на частную квартиру. Расставаясь с нами, он пригласил нас к себе на ужин и обещал прислать машину около 8 часов вечера. В обусловленное время за нами приехал один из сотрудников Целлариуса и доставил нас на квартиру последнего, находившуюся в пригороде Таллина.

Вопрос: По какому адресу?

Ответ: Не знаю, так как у Целлариуса я был всего один раз, да и то в вечернее время, когда над городом стоял густой осенний туман. Помню, однако, что от гостиницы мы ехали сперва через старую часть города, затем по широкой прямой улице в восточном направлении и, миновав черту города при выходе на шоссе Таллин—Нарва, круто повернули на юго-восток. Проехав от поворота еще примерно километр, машина остановилась по левую сторону дороги, около трехэтажного дома. В этом доме на третьем этаже и проживал Целлариус. Весь путь от гостиницы до квартиры Целлариуса занял не более 15 минут.

Вопрос: Как фамилия разведчика, доставившего вас к Целлариусу?

Ответ: Его фамилию я позабыл, но, хорошо помню, что он имел звание капитана-лейтенанта германского военно-морского флота. Из беседы с ним

я запомнил также, что он был прибалтийским немцем, служил раньше долгое время в эстонском флоте, затем, после провозглашения советской власти в Эстонии, выехал в Германию и принял германское подданство. Его приметы: около 45 лет, среднего роста, стройный, темный блондин, лицо овальное, глаза голубые.

Вопрос: Какую разведывательную работу выполнял капитан-лейтенант в Таллине?

Ответ: По служебным вопросам у меня с ним разговора не было, да и вообще во время ужина у Целлариуса эта тема не затрагивалась. Помню только, что, когда мы подъехали к квартире Целлариуса, капитан-лейтенант обратил наше внимание на двухэтажный дом, который находился напротив через дорогу и был обнесен колючей проволокой, заявив при этом, что в нем размещается их орган.

Вопрос: Как название этого разведоргана?

Ответ: Это был филиал «Бюро Целлариуса»[I], но какую конкретно разведывательную деятельность этот филиал проводил, я не осведомлен. Руководил филиалом сам Целлариус, для чего он совершал частные поездки из Финляндии в Таллин, оставаясь там по несколько дней.

Вопрос: Показывайте об остальных германских разведчиках, работавших в Таллине?

Ответ: Другой германский разведчик, фамилию которого я не помню, был в звании корветтен-капитана[II]. Познакомившись с ним во время упомянутого ужина на квартире Целлариуса, я поинтересовался его местом службы и, таким образом, узнал, что с 1943 года он являлся сотрудником Целлариуса, а до этого работал помощником германского морского атташе в Лиссабоне (Португалия). Другие данные о нем мне неизвестны. Приметы корветтен-капитана: 55—60 лет, среднего роста, стройный, темный блондин, волосы редкие, лицо овальное.

На ужине у Целлариуса присутствовала также одна женщина, финка по национальности, которую Целлариус мне представил как своего секретаря-машинистку. Ее фамилию я позабыл. Однако из беседы с ней, которую я вел за столом, помню, что ее отец до Второй мировой войны на протяжении ряда лет был финским военным атташе в Риге (Латвия). О своей работе она мне ничего не рассказывала. Ее приметы: примерно 35 лет, высокого роста, стройная, светлая блондинка, лицо овальное, глаза голубые.

Вопрос: Позже вам приходилось встречаться с названными сотрудниками Целлариуса?

Ответ: После отъезда из Таллина я ни с кем из них больше не встречался.

Вопрос: Вы показали о сотрудниках Целлариуса в Таллине. А кого из германских разведчиков, работавших в «Бюро Целлариуса» в Хельсинки, вы знали?

Ответ: Из числа сотрудников «Бюро Целлариуса» в Хельсинки я знал майора Блок, майора Нагель и капитана Пауль[III].

Вопрос: Что вам о них известно?

Ответ: Майор Блок, его имени не знаю, немец, германский подданный, уроженец г. Данциг, был заместителем Целлариуса до конца 1942 года. О его

[I] Речь идет об «АНСТ-Ревал».

[II] Возможно, речь идет о корветтен-капитане Бруно Линнеберге.

[III] Речь идет о сотруднике германской военной разведки капитане Иоганнесе Пауле.

разведывательной деятельности в этой должности я не соведомлен. В декабре 1942 года Блок выехал в Данциг, и чем занимался, не знаю.

Приметы Блок: 55—60 лет, высокого роста, стройный, темный блондин, лицо продолговатое, узкое, глаза голубые, носит очки.

С декабря 1942 года заместителем Целлариуса являлся майор Нагель, его имени не знаю, немец, германский подданный. Нагель имел звание доктора юридических наук и до Второй мировой войны занимал ответственный пост на одном из заводов гор. Дрезден. Когда он поступил на службу в органы германской разведки Абвер и где работал до своего назначения в Финляндию, я данными не располагаю. Мне неизвестна также его конкретная разведывательная деятельность в качестве заместителя начальника «Бюро Целлариуса». Зимой 1943—1944 годов Нагель возвратился в Германию, в гор. Дрезден, где постоянно проживала его семья, и в дальнейшем я о нем ничего не слышал.

Приметы Нагель: около 50 лет, высокого роста, стройный, блондин, лицо продолговатое, узкое.

Капитан Пауль, его имени не знаю, германский подданный, бывший профессор университета гор. Грейфсвальд. В «Бюро Целлариус» он работал с начала 1942 года, но в какой должности и чем конкретно занимался, я не осведомлен.

В конце 1943 или в начале 1944 года Пауль из «Бюро Целлариус» уволился и продолжал работать в университете гор. Грейфсвальд.

В мае 1945 года он был арестован советскими властями, содержался некоторое время в Берлине, а затем одновременно со мной был доставлен в Москву.

Приметы Пауль: 55—60 лет, среднего роста, стройный, темный блондин, лицо продолговатое, глаза голубые.

Допрос окончен в 17 час. 00 мин.

Записано с моих слов правильно, переведено мне на немецкий язык

КИЧМАН

Допросил: Ст[арший] оперуполномоч[енный] Следотдела 2 Главного управления МГБ СССР капитан СОЛОВОВ

ЦА ФСБ России. Р-48791. Л. 104—123. Подлинник. Рукопись. Автограф.

№ 163
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА ПОЛКОВНИКА Х. КИЧМАНА

9 мая 1950 г.
Москва

Кичман Хорст, 1895 года рождения, уроженец гор. Грауденц (Германия), немец, германский подданный, бывший германский военный атташе в Финляндии, полковник.

Допрос начат в 11 час. 00 мин

Вопрос: На прошлом допросе вы показали, что в районе гор. Таллина действовала немецкая разведывательная школа. Уточните место ее расположения.

Ответ: Я могу лишь приблизительно указать место расположения этой разведывательной школы, так как сам в ней никогда не был и о ее существовании

знал со слов германского разведчика — Целлариуса. Целлариус же, когда мы осенью 1943 года, возвращаясь с советско-германского фронта, ехали на автомашине по шоссе Нарва—Таллин, не доезжая примерно 8 км до Таллина, показал влево от шоссе на дорогу, идущую через лесной массив строго на юг, и заявив при этом, что там находится немецкая разведывательная школа.

Вопрос: Покажите все, что вам о ней рассказывал Целлариус?

Ответ: Целлариус ограничился общим замечанием о том, что в Таллинской разведшколе готовилась агентура из числа советских военнопленных для выполнения разведывательно-диверсионных заданий в тылу советских войск.

Более конкретных сведений об агентуре, организации учебного процесса, а также преподавательском составе школы он не сообщил.

Вопрос: Вы говорите, что агентура готовилась для разведывательно-диверсионной деятельности в тылу советских войск. Вам известно, в какие районы Советского Союза она забрасывалась?

Ответ: Агентура Целлариуса действовала в основном в районе, северной границей которого была река Свирь, южной — железнодорожная линия Ленинград—Вологда, а на востоке эта граница достигала линии Вологда—Архангельск.

Вопрос: Каким образом производилась заброска агентуры?

Ответ: При помощи самолетов германской авиации, причем для приземления на советской территории агентура не только пользовалась парашютами, но и высаживалась с гидросамолетов на затерявшихся в лесах водоемах. Кроме того, производилась также заброска агентуры непосредственно через линию фронта в расположение советских войск.

Вопрос: Приведите случаи заброски агентуры.

Ответ: Я уже показал на предыдущем допросе, что осенью 1943 года Целлариус, находясь на советско-германском фронте, говорил о своем намерении использовать агентуру в районе г. Ораниенбаум.

Еще раньше, в 1942 году, несколько разведывательно-диверсионных групп им были выброшены и действовали на железнодорожных линиях Вологда—Ленинград и Вологда—Архангельск.

Вопрос: Откуда вам это известно?

Ответ: Из доклада Целлариуса, который он в августе 1942 года прочитал для начальников немецких военных учреждений в Хельсинки.

Вопрос: Что рассказал Целлариус о действиях агентуры в указанных районах Советского Союза?

Ответ: По словам Целлариуса, от разведывательно-диверсионных групп, действовавших на железнодорожных линиях Вологда—Ленинград и Вологда—Архангельск, он получал ценные сведения о количестве и времени следования поездов, характере перевозимых грузов.

Кроме того, этими группами был взорван большой железобетонный мост на железной дороге Вологда—Ленинград и ряд других военных объектов. Говорил ли Целлариус что-либо о снаряжении агентуры, я не припоминаю.

Вопрос: А клички наиболее отличившихся агентов называл Целлариус в своем докладе?

Ответ: Нет, не называл и вообще никого из его агентов я не знал.

Вопрос: Показывайте о других фактах разведывательно-диверсионной деятельности Целлариуса?

Ответ: Припоминаю, что в своем докладе Целлариус много места уделил описанию большой операции по взрыву маяка на южном побережье

Ладожского озера, который имел особо важное значение для снабжения по воде блокированного Ленинграда.

Эта операция была проведена под личным руководством Целлариуса силами диверсионного отряда, созданного из числа бывших русских военнопленных.

Самой операции предшествовала тщательная подготовка отряда в западной части Ладожского озера на местности, напоминавшей собой окрестности маяка. На основании данных аэрофотосъемки был сооружен также в учебных целях макет русского маяка, намечавшегося к взрыву.

Операция протекала следующим образом:

Ночью, под покровом темноты, диверсионный отряд на канонерках в сопровождении итальянских быстроходных катеров, специально доставленных из Италии для участия в упомянутой операции, был переброшен в район расположения маяка.

На рассвете диверсанты незаметно добрались до самого маяка, но не успели заложить взрывчатку, так как были обнаружены русской охраной и, потеряв во время завязавшейся перестрелки несколько человек убитыми и ранеными, отступили. На обратном пути через Ладожское озеро отряд прикрывали с воздуха финские истребители.

Вот те данные о разведывательно-диверсионной деятельности Целлариуса, которые я почерпнул из его доклада.

Допрос окончен в 16-00

Записано с моих слов правильно, переведено мне на немецкий язык.

КИЧМАН

Допросил: Ст[арший] оперуполномоч[енный] Следотдела 2 Главного управления МГБ СССР капитан СОЛОВОВ

ЦА ФСБ России. Р-48791. Л. 131—139. Подлинник. Рукопись. Автограф.

№ 164
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА ПОЛКОВНИКА Х. КИЧМАНА

25 мая 1950 г.
Москва

Кичман Хорст, 1895 года рождения, уроженец гор. Грауденц (Германия), немец, германский подданный, бывший германский военный атташе в Финляндии, полковник.

Допрос начат в 11-00

Вопрос: Какие германские органы, кроме «Бюро Целлариус», действовали в Финляндии?

Ответ: Нелегальной разведывательной деятельностью в Финляндии занимался также некий Бросс, который под видом специалиста железнодорожного дела был внедрен в так называемый Отдел связи «Организации Тодт» в Хельсинки, на деле же являлся уполномоченным Шелленберга.

Вопрос: О каком Шелленберге вы говорите, не о том ли, который возглавлял VI — разведывательное управление в системе Главного управления имперской безопасности Германии?

Ответ: Совершенно верно, я имею в виду именно этого Шелленберга.

Вопрос: Какие задания Шелленберга выполнял Бросс в Финляндии?

Ответ: Основной задачей Бросс была разведка политической жизни Финляндии.

Вопрос: Откуда вам об этом известно?

Ответ: Со слов Бросса, которого я знал лично.

Вопрос: Вы знали его по совместной шпионской деятельности?

Ответ: Не могу отрицать этого. Я действительно поддерживал с Броссом деловой контакт, который состоял в обмене информацией о внутриполитическом положении в Финляндии.

Вопрос: Каким образом вы установили с ним шпионскую связь?

Ответ: Расскажу все по порядку. В марте 1943 года я находился в Берлине на докладе у начальника отдела атташата Генштаба германской армии полковника Шухард. Последний, давая мне инструкции по работе, сообщил тогда, что в Финляндии со мной свяжется уполномоченный Шелленберга немец Бросс, которого я должен информировать о действительном положении немецких войск на фронте, так как публиковавшиеся в прессе сводки о военных действиях были, как мы говорили, «подстриженными». При этом Шухард добавил, что он будет только приветствовать, если между нами установятся хорошие деловые отношения.

Вопрос: Зачем Броссу были нужны сведения о положении на фронте?

Ответ: Я затрудняюсь ответить, зачем Броссу были нужны такие сведения, так как никакими данными на этот счет не располагаю. Со слов Шухарда мне известно только, что начальник VI Управления Главного управления имперской безопасности (РСХА) Шелленберг лично разговаривал по этому вопросу с Шухардом и просил его дать указание мне, Кичману, регулярно знакомить Бросса с оперативными сводками Генштаба германской армии.

Вопрос: Где произошла ваша встреча с Бросс?

Ответ: Бросс посетил меня впервые в апреле 1943 года в моем бюро в Хельсинки, представившись, как уполномоченный Шелленберга. Уже в первом разговоре Бросс предупредил меня, что в целях конспирации он выдает себя всюду в Финляндии за специалиста железнодорожного дела по фамилии Брандер, и просил меня поэтому называть его в присутствии посторонних лиц, а также во время телефонных разговоров только этой фамилией.

Затем Бросс рассказал, что он занимается сбором сведений о внутриполитическом положении Финляндии, и тут же набросал в общих чертах картину той обстановки недовольства и разочарования, которая создалась в Финляндии после разгрома немецких войск под Сталинградом. С этого времени Бросс каждый раз, когда получал важные политические сведения, посещал меня на службе, предварительно созвонившись со мной по телефону, и мы обменивались мнениями по интересовавшим нас обоих вопросам. Одновременно я знакомил Бросса с оперативными сводками главнокомандования германской армии.

Вопрос: Какими шпионскими материалами снабжал вас Бросс?

Ответ: Бросс информировал меня о высказываниях руководителей финского государства, в частности Маннергейма и Рюти, по вопросу дальнейшего участия Финляндии в войне на стороне Германии, о политических связях финского правительства с американским посольством в Хельсинки, о тайных заседаниях финского парламента и неоднократных попытках финнов начать переговоры с Советским Союзом, а также по другим вопросам, касающимся внутриполитического положения Финляндии.

Вопрос: Из каких источников Бросс черпал эти сведения?

Ответ: Эти сведения Бросс получал от своей многочисленной агентуры, которую он имел среди представителей политических и военных кругов Финляндии.

Вопрос: Покажите об агентуре Бросс?

Ответ: В разговоре со мной Бросс никогда не упоминал фамилии своих агентов. Однако из содержания тех сведений, которые мне были переданы в разное время Броссом, можно прийти к заключению, что его связи вели в финскую главную ставку, в ближайшее окружение Маннергейма и президента Финляндии Рюти, в правительственные партии, в комитет по иностранным делам парламента, а также к бывшему президенту Финляндии Свинхувуд.

Припоминаю, что в августе 1943 года Бросс рассказал мне о визите, который он нанес незадолго до этого Свинхувуд в его имении. Бросс был в восторге от Свинхувуд и характеризовал мне его как преданнейшего друга фашистской Германии. При этом Бросс упомянул, что он уже давно имеет связь с людьми из окружения Свинхувуд и получает от них очень ценные сведения о политических событиях в стране. Фамилии этих германских агентов Бросс мне не называл.

Имел место и такой случай. В июле 1944 года германский министр иностранных дел Риббентроп неофициально прилетел в Хельсинки и встречался с тогдашним президентом Финляндии Рюти с целью получить от финского правительства заверения в том, что оно без ведома германского правительства не будет предпринимать никаких мер для заключения одностороннего перемирия.

После отъезда Риббентропа в Берлин я спросил Бросса, известно ли ему, как отреагировало американское посольство на посещение Риббентропом президента Рюти. Бросс ответил, что ему, к сожалению, не удалось узнать, так как его агент, который до сих пор поставлял информацию об американском посольстве, еще в середине июня 1944 года выехал в Швецию и в Финляндию больше не возвратится.

По словам Бросс, это был еврей, имевший тесные отношения с бразильским генеральным консулом в Хельсинки, фамилию его не помню, который, в свою очередь, дружил с американским поверенным в делах Мак Линток и, таким образом, был осведомлен о политических связях между финским правительством и американским посольством.

Другие каналы, через которые Бросс получал разведывательные сведения, мне неизвестны.

Вопрос: Надо полагать, что Бросс работал не один, а имел штат сотрудников. Вам известно что-либо по этому поводу?

Ответ: Из числа сотрудников Бросс имел первоначально одного радиста, которого я, однако, не видел и его фамилию не знаю. Позже, в июле 1944 года, в Хельсинки прибыл на должность помощника Бросса оберштурмфюрер Карстенс, работавший до этого в финляндском отделе VI Управления РСХА в Берлине.

Так же, как и Бросс, оба они числились в штатах отдела связи «Организации Тодт» и размещались в Хельсинки по ул. Михаэлсгатан в служебном здании названного органа. Там же была установлена радиостанция, которая использовалась Броссом для связи с Берлином. Другими данными в отношении штурмфюрера Карстенс, а также радиста, я не располагаю.

Вопрос: Какова дальнейшая судьба этих германских разведчиков?

Ответ: В сентябре 1944 года они вместе с работниками «Организации Тодт» возвратились в Германию, и чем там занимались, не знаю. Приметы

Карстенс: около 35 лет, высокого роста, стройный, блондин, лицо продолговатое, нос узкий, глаза голубые.

Вопрос: Теперь покажите все, что вам известно о разведчике Бросс?

Ответ: Бросс, его имени не знаю, уроженец гор. Бромберг, польский немец, по профессии торговец. Во время задушевных бесед я узнал от Бросса, что еще до 1939 года, а также во время польско-германской войны он по заданию германской службы безопасности — СД, занимался разведывательной деятельностью в Польше.

После капитуляции Польши Бросс выехал в Берлин, принял германское подданство и был зачислен на службу в разведывательное управление Шелленберга. Этим управлением он в 1941 году был направлен для разведывательной деятельности в Финляндию и оставался там до сентября 1944 года.

В день капитуляции Финляндии Бросс явился ко мне на службу и сообщил, что финская государственная полиция арестовала ряд работников фашистской партии и что ему также угрожает арест. По просьбе Бросса я отвез его на своей автомашине в германское посольство, откуда он спустя два-три дня в форме морского офицера был доставлен на стоявший в гавани германский военный корабль и выехал в Германию. В дальнейшем я его больше не видел.

Должен упомянуть еще, что, находясь в Финляндии, Бросс летом 1943 года женился на финке, имеет дочь.

Приметы Бросс: 43—45 лет, среднего роста, коренастый, волосы темно-русые, редкие, лицо овальное, нос острый, меленький, глаза голубые.

Допрос окончен в 17-00

Записано с моих слов правильно, переведено мне на немецкий язык.

КИЧМАН

Допросил: Ст[арший] оперуполномоч[енный] Следотдела 2 Главного управления МГБ СССР капитан СОЛОВОВ

ЦА ФСБ России. Р-48791. Л. 176—191. Подлинник. Рукопись. Автограф.

№ 165
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА ПОЛКОВНИКА Х. КИЧМАНА

8 июня 1950 г.
Москва

Кичман Хорст, 1895 года рождения, уроженец гор. Граудениц (Германия), немец, германский подданный, бывший германский военный атташе в Финляндии, полковник.

Допрос начат в 11-00

Вопрос: Вы признаетесь в том, что, будучи германским военным атташе в Финляндии, проводили в жизнь политику Гитлера в войне против Советского Союза. Покажите об этом подробно.

Ответ: Выполняя политику Гитлера на посту германского военного атташе в Финляндии, я на протяжении 1942—[19]44 годов всеми доступными средствами воздействовал на финские политические и военные круги в желаемом для нас, немцев, духе с целью более полного использования военного потенциала Финляндии в войне против Советского Союза.

При этом я всегда имел в виду, что Финляндия через посредство Америки, с которой она продолжала поддерживать дипломатические отношения, может заключить перемирие с Советским Союзом и тем самым поставить германские войска на северном участке советско-германского фронта в тяжелое положение. Поэтому каждый раз, когда складывалась неблагоприятная для немцев и финнов обстановка на советско-германском фронте и среди руководящих кругов Финляндии появлялись настроения неуверенности и пессимизма, я старался убедить эти круги в том, что несмотря ни на что Германия, в конечном счете, войну выиграет.

С этой целью я пускал в ход любые средства, в частности, ссылался на новую конструкцию реактивного снаряда «фау», на турбинные и реактивные истребители, которые, как я уверял, в ближайшее время применит Германия и, таким образом, добьется решающих успехов на фронте.

Я, далее, запугивал финнов, что в случае, если Финляндия выйдет из войны, советские войска оккупируют ее территорию и лишат ее политической самостоятельности. Одним словом, я делал все зависящее от меня как германского военного атташе в Финляндии для того, чтобы обеспечить проведение в жизнь военно-политических планов Гитлера в войне против Советского Союза.

Вопрос: В чем конкретно заключалось ваше участие в войне против Советского Союза?

Ответ: Я уже показал на предыдущих допросах, что в период своей службы в Хельсинки занимался активной разведывательной деятельностью по сбору сведений о военно-политическом положении Финляндии. Переправляя эти сведения в Берлин, я тем самым способствовал осуществлению контроля за военной экономикой Финляндии со стороны германского правительства, а также обеспечивал своевременное проведение необходимых мер в целях предотвращения нежелательных, с точки зрения интересов Германии, поворотов в политике финского правительства.

Так, я постоянно информировал германский Генеральный штаб о настроении руководящих кругов Финляндии и о колебаниях в поведении финского правительства на разных этапах войны против Советского Союза.

В конце 1942 года я сообщил о том глубоком разочаровании, которое овладело финскими правительственными кругами в результате невыполнения Гитлером своего обещания взять Ленинград.

В январе 1943 года я сообщил о реагировании Финляндии на поражение немецких войск под Сталинградом. Среди финских правительственных кругов стали раздаваться тогда голоса за выход Финляндии из войны и заключение перемирия с Советским Союзом. Через американское посольство в Хельсинки финское правительство предприняло также конкретные шаги, начав переговоры о перемирии с СССР, которые в апреле 1944 года привели к поездке первой финской делегации в Москву.

В июне—июле 1944 года я информировал Берлин о правительственном кризисе в Финляндии, который был вызван успешным наступлением советских войск на Ленинградском фронте, следствием явилась отставка президента Рюти.

Я также передавал в германский Генеральный штаб сведения о вооружении, военной тактике и настроении финских войск, действовавших на советском фронте. С этой целью я неоднократно выезжал в расположение

финских войск на Карельский перешеек, в район севернее реки Свирь и Онежского озера.

После того как в конце 1941 года на финском фронте наступило затишье, военное командование Финляндии провело сокращение армии по меньшей мере на 150 тысяч человек. В результате этого снизился спрос на вооружение и боеприпасы, а вместе с тем многие предприятия, работавшие на нужды войны, стали постепенно переходить на выпуск мирной продукции.

С разрешения финских властей в 1942—1943 годах я неоднократно посещал военно-промышленные предприятия Финляндии и о результатах своих наблюдений отсылал в Берлин обстоятельные доклады, в которых приводил наименовании военных предприятий и данные о их производственной мощности и характере выпускаемой продукции.

На основании этих сведений германское военное командование получало возможность проводить мероприятия по улучшению состояния и организации финской военной промышленности.

Какие еще сведения были переданы мною в Берлин, я за давностью времени не припоминаю.

Вопрос: Вы явно преуменьшаете свою роль в ведении преступной войны против Советского Союза, пытаясь свести все дело к сбору информации о военно-политическом положении Финляндии?

Ответ: Согласно инструкций, полученных мною от германского Генерального штаба, сбор военно-политических сведений о Финляндии являлся моей основной задачей.

Вопрос: Не хитрите, а показывайте, каким образом вы оказывали давление на финское правительство с целью удержать Финляндию в войне против Советского Союза?

Ответ: Не скрою, во время разговоров с представителями военных и политических кругов Финляндии я прилагал все усилия к тому, чтобы повлиять на них в духе дальнейшего ведения совместных действий против советской армии. Я постараюсь воспроизвести также отдельные разговоры, во время которых я пытался воздействовать на руководящих лиц Финляндии в благоприятном для нас, немцев, духе.

В последних числах января 1943 года я посетил финскую главную ставку и установил, что тяжелое положение, в которое попала германская армейская группировка «Юг» в результате успешного наступления советских войск под Сталинградом, всюду вызвало большое беспокойство.

Вечером того же дня я был принят Маннергеймом, который в разговоре со мной взял под сомнение возможность стабилизации положения под Сталинградом. Я приложил все усилия к тому, чтобы рассеять его сомнения. При этом я заявил, что в районе г. Харьков сконцентрировано 8 свежих немецких танковых дивизий и около 400 тысяч войск для отражения наступления русских. Эти силы, как я заявил, уже начали наступательные операции в направлении Сталинграда с целью освобождения окруженной армии Паулюса, и в германской главной ставке полны уверенности, что положение под Сталинградом будет восстановлено.

Эти же аргументы я пускал в ход в разговорах с начальником финского Генерального штаба генералом Хейнрикс и начальником финской разведки полковником Паасонен.

В начале мая 1943 года из разговора с генеральным инспектором финской армии генералом Остерман я понял, что он очень обеспокоен создав-

шимся военным положением и что Германия, по его мнению, не сможет устоять против превосходящих сил союзных армий. Пытаясь воздействовать на него в нужном мне духе, я заявил, что для своих военных нужд Германия использует не только отечественную промышленность, но на нее работает промышленность всех западноевропейских стран и Скандинавии.

В подтверждение своих слов я привел некоторые цифровые данные о выпуске военной продукции, как-то: я указал, что ежемесячно на вооружение германской армии поступает тысяча двести танков. Эти цифровые данные я получал из германского Генерального штаба.

Данными об объеме германской военной промышленности я оперировал также в последующих разговорах с финским военным министром Вальден. На его замечание, что воздушные налеты западных держав могут парализовать германскую промышленность, я ответил, что важные военные предприятия уже перебазировались в безопасные восточные районы Германии и в Польшу.

В августе 1943 года в гор. Миккели я имел беседу с генералом Хейнрикс, о котором я показывал выше. Во время беседы я заметил, что он очень обеспокоен капитуляцией Италии. Воздействуя на Хейнрикс, я заявил ему, что отход Италии означает укрепление германских позиций, ибо в результате перемещения германских войск в Аппенинские горы произошло не только значительное сокращение фронта, что в свою очередь требует меньших человеческих и материальных затрат, но и военные поставки для Италии, которые лежали тяжелым бременем на германской военной промышленности, стали теперь ненужными и могут быть использованы для укрепления германской армии и ее союзников. К тому же, продолжал я, Италия, в силу низкой боеспособности ее армии, была для германского военного командования скорее обузой, нежели поддержкой. В этой плоскости я имел продолжительный разговор с полковником Паасонен.

Следует упомянуть, что помимо всего я путем направления финских офицеров на учебу в Германию способствовал также повышению боеспособности финской армии в войне против СССР. С этой целью я вел переговоры с финским Генеральным штабом о командировании германских офицеров в финские военные школы, где они обучались тактике ведения боевых операций против советских войск в зимних и лесных условиях. Прошедшие курс обучения немецкие офицеры направлялись затем на советско-германский фронт и передавали приобретенный ими опыт немецким войскам. Всего при моем участии прошли соответствующую подготовку около 120 немецких и финских офицеров.

Таким образом, я полностью показал о своей роли, которая была отведена мне как военному атташе Германии в Финляндии во время войны против Советского Союза.

Допрос окончен в 17-00

Записано с моих слов правильно, переведено мне на немецкий язык.

КИЧМАН

Допросил: Ст[арший] оперуполномоченный Следств[енного] отдела 2 Главного управления МГБ СССР капитан СОЛОВОВ

ЦА ФСБ России. Р-48791. Л. 240—258. Подлинник. Рукопись. Автограф.

№ 166
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА ПОЛКОВНИКА Х. КИЧМАНА

7 сентября 1950 г.
Москва

Кичман Хорст, 1895 года рождения, уроженец гор. Грауденшц (Германия), немец, германский подданный.

Допрос начат в 12-00

Переводчик ст[арший] лейтенант Кущ об ответственности за неправильный перевод по ст. 95 УК РСФСР предупреждена.

КУЩ

Вопрос: Сколько времени вы служили в Финляндии?

Ответ: Примерно с 10 октября до начала ноября 1941 и 17 января до 1 февраля 1942 года являлся заместителем германского военного атташе, затем был назначен военным атташе и оставался в этой должности до сентября 1944 года.

Вопрос: Германского военно-морского атташе в Финляндии адмирала фон Бонин Реймара вы знаете?

Ответ: Да, знаю.

Вопрос: При каких обстоятельствах с ним познакомились?

Ответ: Я познакомился с Бонин по приезде своем в Финляндию как с членом германской дипломатической колонии, и в дальнейшем между нами установились дружеские отношения. Мы часто, помимо служебных разговоров, беседовали на различные темы.

Вопрос: Ваши семьи также поддерживали знакомство?

Ответ: Нет. Близкого знакомства между нашими семьями не было. Жены наши были по своему характеру совершенно различными людьми, и это обстоятельство не способствовало сближению. Кроме того, скромные средства фон Бонин не позволяли ему держать открытым дом. Мне известно от знакомых, что этой замкнутости способствовало болезненное состояние его жены. Еще до приезда в Финляндию она страдала каким-то душевным заболеванием. В 1942 году на почве болезни она пыталась покончить жизнь самоубийством. Эта семейная обстановка гнетуще действовала на фон Бонина

Вопрос: Укажите состав семьи фон Бонина?

Ответ: Он имеет четверо детей: сын служил рядовым в германском военно-морском флоте, старшая дочь училась. В 1944 году ей было 16 лет. Младший сын 12—13 лет, учащийся, дочь по имени Вальтраут — 8 лет.

Вопрос: Что вам известно о прошлом фон Бонин?

Ответ: По неточным данным, он происходит из помещичьей семьи в Померании. Родственники, какие именно мне неизвестно, проживали в районе гор. Штольп (Померания). Родители его умерли. Сам Бонин никакой собственности не имел и жил только на свое жалованье. Прошлое его жены мне неизвестно.

Вопрос: Покажите о прошлой деятельности фон Бонин.

Ответ: Бонин является старым кадровым офицером германского военно-морского флота. В период первой мировой войны служил в торпедном флоте. В 1920 году (примерно) поступил офицером-воспитателем в военно-морскую школу в гор. Фленсбурге, затем служил командиром торпедного судна. После этого был переведен в штаб Верховного командования военно-

морских сил и работал в отделе воспитания офицерских кадров. В 1935 г. был назначен военно-морским атташе в Финляндии и оставался на этом посту до сентября 1944 года, т.е. до выхода Финляндии из войны.

Вопрос: Вам известны взгляды фон Бонин на национал-социализм?

Ответ: Фон Бонин уважал Гитлера, хотя лично с ним никогда не встречался. Он верил национал-социалистической демагогической пропаганде о будущих социальных реформах, которые обещали национал-социалисты. К разрешению еврейского вопроса в национал-социалистическом духе относился отрицательно.

Вопрос: Как фон Бонин принял факт нападения Германии на СССР?

Ответ: Из неоднократных разговоров с Бонин мне известно, что основным врагом Германии он еще со времени первой мировой войны считал Англию.

Интересуясь Россией еще в то время и изучая русский язык, Бонин считал, что Россия не является врагом Германии и, в интересах последней поддерживать дружеские отношения с русскими. Такого же мнения он придерживался и по отношению к СССР. Советский Союз он рассматривал как государство будущего и считал, что содружество национал-социалистической Германии и СССР не только возможно, но и желательно в интересах обоих государств.

Вступление Германии в войну с СССР он считал безумным шагом, но, питая личное уважение к Гитлеру, полагал, что раз Гитлер начал эту войну, то следует всячески поддерживать его. Видимо, у Гитлера были серьезные мотивы для этого шага, неизвестные рядовым немцам.

Вопрос: Как Бонин реагировал на неудачи немцев на советском фронте?

Ответ: Он отдавал должное Советской Армии, считал, что положение немцев тяжелое, и, как у меня сложилось мнение, видел выход из этого положения — сепаратный мир с СССР.

Вопрос: На основании чего у вас сложилось такое мнение?

Ответ: В 1943 году я присутствовал на совещании военных атташе в Мюнхене, где выступал Гитлер. В пространной речи он охарактеризовал положение стран антигитлеровской коалиции, и затем положение Германии, ее неудачи на Восточном фронте и, особенно, под Сталинградом. В заключение Гитлер сказал примерно следующее: «Мои господа, я сейчас нахожусь в таком положении, что, по всей вероятности, предприму шаги к перемирию». Из всей речи Гитлера и этой фразы все участники совещания вывели заключение, что Гитлер имеет в виду сепаратные переговоры с СССР.

Когда по возвращении в Финляндию я рассказал фон Бонину об этом заявлении, он ответил буквально следующее: «Если бы это так было». По его ответу я понял, что Бонин считает это наилучшим выходом из положения.

Вопрос: Охарактеризуйте фон Бонина?

Ответ: Бонин — культурный, образованный человек, с широким кругозором, далекий от типа прусского юнкерства, не чуждый поэзии и литературе.

В Финляндии он занимался переводом финских стихов на немецкий язык, любил живопись и картины. Не будучи сторонником германского империализма, Бонин как немец любил Германию, но как страну, где процветает искусство, как родину Гёте, Шиллера.

От первого помощника Бонина — Кинетца я слышал, что Бонин высказывал намерение после войны остаться навсегда в Финляндии и заняться литературной деятельностью. В период моего знакомства Бонин вел скромный образ жизни, не пил, не курил и был честным, преданным семьянином.

Вопрос: С кем Бонин поддерживал близкие связи в Финляндии?

Ответ: К числу друзей Бонина в этот период относились его помощник, капитан военно-морского флота Кинетц, командующий финским военноморским флотом и береговой обороной генерал Вальве и известный финский поэт Коскинейми. Вокруг последнего группировался кружок финских поэтов и писателей, куда был вхож и фон Бонин.

Вопрос: Что еще можете показать о Бонин?

Ответ: Это все, что я могу показать об адмирале фон Бонин.

Допрос окончен в 17-00

Протокол с моих слов записан верно и мне прочитан в переводе на немецкий язык.

КИЧМАН

Допросил: Ст[арший] следователь Следств[енного] отдела 2 Главного управления МГБ СССР подполковник АСИНКРИТОВ

Переводчик: оперуполномоч[енный] Следств[енного] отдела [2 Главного управления МГБ СССР] ст[арший] лейтенант КУЩ

ЦА ФСБ России. Р-48791. Л. 267—270об. Подлинник. Рукопись. Автограф.

Атташе полиции безопасности и СД оберфюрер СС Фридрих Панцингер

№ 167
ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА ОБЕРФЮРЕРА СС Ф. ПАНЦИНГЕРА

12 февраля 1947 г.
Москва

Панцингер Ф[ридрих], 1903 года рождения, уроженец г. Мюнхен, немец, подданный Германии, член фашисткой партии, быв[ший] зам[еститель] начальника 4-го Управления Главного Управления имперской безопасности Германии, СС-оберфюрер.

Переводчик младший лейтенант Спроге об ответственности за неправильный перевод по ст. 95 УК РСФСР предупрежден.

СПРОГЕ

Вопрос: Когда вы начали службу в германских карательных органах?

Ответ: В 1919 году, после окончания средней школы, я поступил в полицию г. Мюнхена, где работал на различных второстепенных должностях. В 1934 году я закончил юридический факультет Мюнхенского университета и, получив чин правительственного чиновника, служил в различных юридических учреждениях Мюнхена, а затем до 1937 года являлся заместителем начальника отдела кадров Мюнхенского гестапо. В 1937 году вступил в фашистскую партию и был переведен в Берлин в Управление гестапо в качестве начальника отдела «Б».

Вопрос: Чем занимался этот отдел?

Ответ: Отдел «Б» вел борьбу против компартии Германии, осуществлял цензуру над всей прессой, как выходившей в самой Германии, так и посту-

павшей из других государств. Кроме того, в функции этого отдела входила охрана руководителей фашистского правительства, оперативное обслуживание демонстраций, парадов, прибывавших в Берлин иностранных миссий, делегаций и отдельных иностранцев.

Отдел «Б» я возглавлял до августа 1940 года. Одновременно являлся помощником начальника отдела кадров Управления гестапо.

В июне 1940 года после захвата Франции германскими войсками я выезжал в Париж во главе группы отборных гестаповцев для организации охраны руководителей германского правительства, которые должны были приехать туда на намечавшийся Гитлером парад. В Париже пробыл около месяца и в связи с тем, что парад был отменен, вновь возвратился в Берлин.

В августе 1940 года начальником 4-го Управления (т.е. гестапо) Главного Управления имперской безопасности СС — бригаденфюрером Мюллером я был назначен в качестве полицейского атташе в Болгарию и выехал из Германии в г. Софию.

Вопрос: Какие задачи ставились перед полицейскими атташе?

Ответ: К тому времени германское правительство активно проводило свою агрессивную политику на Западе и усиленно готовилось к вооруженному нападению на Советский Союз; в этих целях оно стремилось подчинить своему влиянию некоторые западноевропейские государства с тем, чтобы вовлечь их в войну против СССР.

Задача проводить эту политику германского правительства в европейских государствах была возложена и на гестапо. Поэтому наряду с другими немецкими разведывательными органами гестапо через своих эмиссаров — полицейских атташе — также развернуло в этих странах активную шпионскую деятельность.

В государствах же, правительство которых ориентировалось в своей внешней политике на Германию, гестапо устанавливало тесный контакт с их полицейскими органами и осуществляло контроль за их деятельностью. Практически это опять-таки проводилось через полицейских атташе.

Для руководства работой полицейских атташе в Главном Управлении имперской безопасности при гестапо был создан специальный отдел, так называемый «Отдел полицейских атташе», впоследствии условно именовавшийся отделом «4-П», который возглавлял до 1941 года сам Мюллер.

Вопрос: В каких еще странах имелись полицейские атташе?

Ответ: Помимо Болгарии Управлением гестапо полицейские атташе направлялись также в Италию, Югославию, Румынию, Словакию и Японию.

Все полицейские атташе, находясь за границей, зачислялись в штат германских посольств, пользовались правами дипломатических работников и как сотрудники посольств участвовали на разных совещаниях, пресс-конференциях и были в курсе деятельности посольства.

В связи с этим должен сказать, что ранее существовавшие до 1939 года при германском посольстве в Болгарии отделы: политический, пресс, культуры, торговли, а также аппараты военного атташе и консульств тоже пополнились новым составом сотрудников.

Кроме того, вновь были назначены атташе: Военно-Воздушных сил, Военно-Морского флота, радио-атташе, а в 1940 году в состав посольства были введены еще два представителя 6-го Управления (разведывательного) Главного Управления имперской безопасности: Больман — официально считавшийся секретарем консульства, и Глас — легализовавшийся в Болгарии под

видом директора германской торговой фирмы. С 1938 года существовавший в Болгарии германский шпионский центр «Абверштелле-София» под руководством полковника Вагнер Отто также активизировал свою деятельность.

Вопрос: Покажите о деятельности этих германских органов и представителей, которую они проводили против Советского Союза.

Ответ: Все вышеперечисленные мною германские органы и представители, действовавшие в Болгарии, проводили активную деятельность по фашизации Болгарии и подготовке ее к вступлению в союз стран оси для войны против Советского Союза.

Политический отдел германского посольства, возглавлявшийся посланником Беккерле, проводил подготовку к вступлению в Болгарию немецких войск и шантажировал болгарское правительство на усиление подготовки Болгарии к войне, добиваясь увеличения и усиления вооружения болгарской армии германским оружием, форсированной подготовки офицерского состава.

Отдел прессы осуществлял контроль за болгарской прессой, распространял в массовых масштабах фашистские газеты, журналы и другую нацистскую литературу, пропагандируя захватническую политику Гитлера.

Отдел культуры, возглавлявшийся профессором истории и славянских языков Кохом, также активно занимался распространением фашистской идеологии среди населения Болгарии, и особенно среди ее интеллигенции. Этим отделом устраивались публичные лекции и доклады, направлялись в Германию в качестве экскурсантов группы болгарской молодежи, вербовались студенты высших учебных заведений для направления в германские университеты.

Торговый отдел изыскивал каналы для поставки в Германию сырья и продовольствия. До 1942 года этим отделом руководил консул Вальтер, а впоследствии правительственный советник — Лейбельт.

Консульский отдел во главе с советником Морманом проводил мобилизацию проживавших в Болгарии немцев в германскую армию и ведал выдачей документов для немцев, проживавших в Болгарии.

Радио-атташе доктор Лане, используя софийскую радиостанцию, в широких масштабах организовывал прогерманские радиопередачи на болгарском языке. В целях распространения нацистской пропаганды им были завезены в Болгарию радиоприемники и распространялись среди населения по низким ценам.

Военный атташе полковник Брукман, атташе военно-воздушных сил полковник фон Женебек[I] и атташе военно-морского флота фрегат-капитан Лидик[II] поддерживали тесную связь с болгарским военным министром и через него проводили мероприятия по реорганизации болгарской армии и подготовки ее к войне.

В частности, в 1941 году по их инициативе были направлены в Германию старшие офицеры болгарской армии для их подготовки в военных академиях, болгарская армия была перевооружена германским оружием. Наряду с этим военные атташе занимались и шпионажем.

Всю шпионскую деятельность в Болгарии по линии 6-го Управления Главного Управления имперской безопасности возглавлял штурмбанфюрер Ванек, находившийся в Берлине, а непосредственно в самой Болгарии разведывательная деятельность осуществлялась названными мною представи-

---

[I] Так в документе, речь идет о полковнике Карле-Августе Шёнебеке.

[II] Возможно, речь идет о сотруднике германской военной разведки Франце Лидиге.

телями 6-го Управления Глас и Больман через имевшуюся у них на связи агентуру.

Вопрос: Назовите этих агентов германской разведки.

Ответ: Из числа агентов 6-го Управления Главного Управления имперской безопасности, действовавших в Болгарии, мне известны следующие:

Кантарджиев[1], профессор софийского университета. Завербован в 1939 году. Возглавлял движение крайне правых радикалов, действуя против коммунистической партии Болгарии. Германское Министерство иностранных дел готовило его кандидатуру на пост болгарского премьер-министра. После вступления на территорию Болгарии советских войск Кантарджиев бежал в Вену, где был назначен военным министром созданного Риббентропом болгарского эмиграционного правительства.

Станишев Александр, профессор хирургии. Завербован в 1939 году. Имея связь с болгарскими правительственными кругами, давал для германской разведки ценную информацию о внутренних политических событиях и закулисной борьбе министров. Кроме того, проводил фашистскую работу среди интеллигенции.

Бурев, крупный болгарский купец. Ранее поддерживал близкую связь с английским послом в Софии. У немцев пользовался особым доверием и выполнял задания по сбору шпионских сведений о Македонии.

Цанков — бывший премьер-министр болгарского правительства.

Других агентов 6-го Управления не знаю, так как связи с ними не имел.

Что же касается агентуры разведывательного органа «Абверштелле-София», то подробно об этом показать затрудняюсь, так как непосредственного контакта с «Абверштелле-Софией» я не имел. Из официальных сотрудников этого органа, как я уже показал, мне известен его руководитель полковник Вагнер, действовавший под кличкой «доктор Делиус», а также немец Катт, легализовавшийся в Болгарии под видом директора фирмы по лесным поставкам, и Зонев Добрынь, ранее служивший в гестапо. О[б] их шпионской работе также показать не могу, ибо в этом не осведомлен.

Вопрос: Показывайте о той деятельности в Болгарии, которую проводили лично вы?

Ответ: Как представитель 4-го Управления Главного управления имперской безопасности я проводил в Болгарии деятельность по линии гестапо, хотя формально входил в состав германского консульства как полицейский атташе.

Приехав в Софию, я установил связь с начальником болгарской полиции полковником Пантевым и его заместителем Драголевым и при их активном содействии проводил карательные мероприятия в Болгарии. При активной поддержке этих лиц я установил в Болгарии жестокий полицейский режим и суровую систему репрессий в отношении всех лиц, со стороны которых выявлялись антигерманские проявления.

Особенно мною была активизирована карательная деятельность против болгарских коммунистов, в результате чего за год моего пребывания в Болгарии там было арестовано более 1000 членов компартии, большую часть которых мы расстреляли, а остальных заключили в тюрьмы.

По моим указаниям начальник политического отдела болгарской полиции Павлов проводил репрессии в отношении демократических деятелей

---

[1] Речь идет о болгарском националистическом деятеле Асене Кантарджиеве, сыне известного болгарского военного деятеля Тодра Кантарджиева.

Болгарии, разгонял демонстрации, проводившиеся в 1941 году болгарским населением в знак солидарности с Советским Союзом и протеста против участия Болгарии в войне на стороне Германии.

Для более успешного действия полицейских органов по выявлению антигермански настроенных лиц я в широких масштабах внедрял в полицейскую службу германскую оперативную технику. В 1940—[19]41 гг. мною была введена радиотехническая установка по подслушиванию телефонных переговоров на территории города Софии и проводились другие специальные мероприятия. Мною был организован ввоз германского оружия для оснащения болгарской полиции.

В мае-июне 1941 года под моим непосредственным руководством был установлен жестокий полицейский режим в присоединенных к Болгарии югославских областях: Тракии и Македонии. На их территории нами были созданы политические участки и проводились массовые карательные мероприятия против антифашистов.

Я сам лично вместе с Павловым совершил инспекторскую поездку в Тракию и Македонию, где контролировал деятельность полицейских органов и давал указания по усилению борьбы с антигермански настроенными лицами. Кроме того, в 1941 году по указанию из Берлина я провел в Болгарии ряд мероприятий по подготовке ее территории для использования в качестве плацдарма при нападении Германии на Советский Союз.

В этих целях главным германским военным командованием и правительством засылалось в Болгарию под видом коммерсантов и представителей разных фирм большое количество военных специалистов для проведения там работ по реконструкции шоссейных дорог, мостов, аэродромов. На меня Управлением гестапо была возложена задача по обеспечению этих германских специалистов соответствующими документами для их легализации в Болгарии, что я делал через местные полицейские органы.

Кроме того, я вел учет всех немцев, проживавших в Болгарии, контролировал работу по выдаче им виз на право выезда в Германию. Возглавлял полицейское обслуживание немецкого посольства и консульства в Софии. Наряду с этим я проводил активную шпионскую деятельность по сбору политических и экономических сведений о Болгарии.

Вопрос: От кого вы добывали эти шпионские материалы?

Ответ: Как сотрудник германского посольства я присутствовал на всех устраиваемых в посольстве пресс-конференциях, заводил знакомства с болгарскими журналистами и через них собирал необходимую мне информацию.

Кроме того, я использовал выезжавших из Болгарии представителей разных немецких промышленных и торговых фирм. Эти лица, обращаясь ко мне за получением виз на возвращение в Германию и транспортировку товаров, информировали меня по вопросам экономического и политического характера о Болгарии.

Вопрос: Шпионские материалы вы добывали, прежде всего, через агентуру. Почему об этом умалчиваете?

Ответ: Скрывать я ничего не намерен и поэтому должен сказать, что основным источником получения шпионских сведений о Болгарии являлась завербованная мною агентура из числа прогермански настроенных лиц.

Всего у меня имелось до 40 агентов, из которых сейчас помню следующих:

Алексеев Вогислав, болгарин, купец, примыкал к правой группировке «легионеров», возглавлявшейся профессором Картджиевым, сотрудничал в отде-

лении прессы германского посольства и занимался переводами фашистской литературы для болгарской прессы. Был завербован лично мною в 1941 году, давал мне информацию о политических взглядах среди журналистских кругов Болгарии и по моему заданию проводил прогерманскую пропаганду.

Волчев — болгарин, журналист, редактор одной из болгарских газет, название которой не помню, имел широкие связи среди болгарских журналистов, сотрудничал с пресс-атташе германского посольства. Он был завербован мною в 1941 году и информировал меня о политических событиях, происходивших в стране.

Попов — болгарский журналист, сотрудничал в одной из газет, названия которой не помню. Будучи связан с немецким пресс-атташе, занимался переводом статей из немецких газет, которые печатал в болгарской прессе. В качестве агента мною был завербован в 1941 году для информации по вопросам политического и экономического положения Болгарии.

Блюмер — журналист, по национальности швейцарец. Одно время был представителем швейцарской прессы в Варшаве, а при мне находился в Софии как швейцарский корреспондент. Имел широкие связи с журналистами Болгарии. Был мною завербован в 1941 году и давал материалы о политической и экономической жизни Болгарии.

Данчев — болгарский юрист, начальник отдела прессы Министерства внутренних дел Болгарии.

Данчев был мною завербован в 1941 году и давал ценную информацию по вопросам политических партий и группировок в Болгарии, сообщал также, как реагируют представители различных политических течений в Болгарии на внешнеполитическую прогерманскую политику болгарского правительства.

Ничков Петр — болгарин, адвокат, работал секретарем немецко-болгарской торговой палаты. Был завербован германской разведкой в конце 1940 года. Снабжал меня материалами по вопросу о[б] экономических ресурсах Болгарии.

Павлов Павел — начальник политического отдела болгарской полиции. Информировал меня о нелегальной деятельности политических партий Болгарии и давал ценные материалы о болгарской компартии.

По моим указаниям проводил все мероприятия по борьбе с советскими парашютистами, заброшенными в Болгарию.

Праматаров Андрей — являлся помощником начальника политического отдела болгарской полиции. Через Праматарова, как и через Павлова, я проводил нужную немцам карательную политику в Болгарии и осуществлял мероприятия по выявлению агентов советской разведки. Других агентов гестапо сейчас затрудняюсь назвать.

Вопрос: О германской агентуре в Болгарии вы еще будете допрошены, а сейчас покажите о своей работе по выявлению агентов советской разведки.

Ответ: Под моим руководством на территории Болгарии проводилась активная контрреволюционная деятельность против советской разведки. Я организовывал розыск и поимку советских разведчиков — парашютистов, которых за 1940—[19]41 гг. было арестовано около 50 человек. Под моим непосредственным руководством велось следствие по их делам и производилась вербовка некоторых из них, и организовывались радиоигры. Я затрудняюсь сейчас назвать фамилии арестованных советских разведчиков, а также конкретно показать об их использовании против советской разведки, однако должен признать, что по моим указаниям все они были в какой-то

мере использованы, а впоследствии расстреляны. Другой деятельности против Советского Союза за время моего пребывания в Болгарии я не вел.

В сентябре 1941 года по распоряжению Мюллера сдал свои дела прибывшему в Болгарию новому полицейскому атташе Випперу и возвратился в Берлин, где моя деятельность в Болгарии получила высокую оценку со стороны руководства Главного управления имперской безопасности [...][1].

Протокол составлен с моих слов правильно и мне прочитан на немецком языке.

ПАНЦИНГЕР

Допросили: пом[ощник] нач[альника] отд[еле]ния Следотдела 3 Гл[авного] управл[ения] контрразведки МГБ СССР майор ЛЕОНТЬЕВ

Ст[арший] следователь Следотдела 3 Гл[авного] управл[ения] контрразведки МГБ СССР капитан ЗУБКОВ

Переводчик Следотдела 3 Гл[авного] управл[ения] контрразведки МГБ СССР мл[адший] лейтенант СПРОГЕ

ЦА ФСБ России. Н-21142. В 3-х тт. Т. 1. Л. 162—193. Подлинник. Машинопись. Автограф.

№ 168
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА ОБЕРФЮРЕРА СС Ф. ПАНЦИНГЕРА

20 января 1948 г.
Москва

Панцингер Фридрих, 1903 года рождения, уроженец гор. Мюнхен, немец, член фашистской партии, бывший начальник 5 Управления Главного управления имперской безопасности, СС-оберфюрер.

Вопрос: С какого времени вам известен бывший германский посол в Болгарии фон Рихтгофен Герберт?

Ответ: Германского посла в Болгарии фон Рихтгофен я знаю со времени моего прибытия в Болгарию, т.е. с августа 1940 года.

Вопрос: Вы были подчинены Рихтгофен?

Ответ: Да, я подчинялся ему. Во-первых, я докладывал ему о своей работе в Болгарии, во-вторых, через него шла вся моя переписка с РСХА (Главное имперское управление государственной безопасности), в третьих, я выполнял отдельные задания Рихтгофена.

Вопрос: Таким образом, Рихтгофен был осведомлен о разведывательной работе, которую вы проводили в Болгарии?

Ответ: Рихтгофен в основном был информирован мною о разведывательной работе атташе полиции в Болгарии. Кроме того, он был также осведомлен о законспирированной разведывательной деятельности уполномоченного СД в Румынии — Гласс и его помощника Больман. Больман был

---

[1] Полностью протокол допроса Ф. Панцингера от 12 февраля 1948 г. составители планируют опубликовать в сборнике, посвященном сотрудникам РСХА, находившимся в советском плену.

внедрен в посольство под видом дипломатического работника, а Гласс работал под прикрытием торговой фирмы. Они осуществляли нелегальную связь с руководством болгарской фашистской организации «Ратников», готовившейся в тот период времени по указанию Гиммлера к захвату власти в Болгарии. Мне известно, что Больман регулярно информировал фон Рихтгофена о ходе работы с «ратниками».

Рихтгофен также получал обширную и регулярную информацию от начальника «Абверштелле-София» — Делиус. Со слов Делиуса мне известно, что он подробно информировал Рихтгофена о целях и задачах германской разведки в Болгарии, а также о всех важных данных, получаемых Абвером в Болгарии. Так, припоминаю, что Рихтгофен получил от Делиуса важную информацию о подготовке прохождения германских войск через Болгарию в Грецию и о подготовке войны против СССР.

В свою очередь Рихтгофен помогал Делиусу. Так, в 1941 году советник Морман по указанию Рихтгофена вел переговоры с болгарским правительством об экстерриториальности одного из зданий, занимаемых «Абверштелле-София».

Вопрос: Рихтгофен содействовал внедрению в посольство сотрудников СД?

Ответ: Да, Рихтгофен содействовал внедрению сотрудников СД в целях успешного проведения разведывательной работы. По этому вопросу имелась принципиальная договоренность между Гиммлером и Риббентропом, согласно которой германские дипломатические представители за границей были обязаны всемерно помогать в легализации сотрудников СД.

В частности, по распоряжению Рихтгофена сотрудник СД Больман обосновался непосредственно в посольстве, где ему была выделена отдельная команда на I этаже посольства. В целях конспирации Больман имел звание консульского секретаря.

Гласс хотя и не числился дипломатическим сотрудником, бывал, однако, часто в посольстве и, как я сам видел, неоднократно посещал Рихтгофена.

Вопрос: Вы показали выше, что выполняли ряд заданий Рихтгофена. Показывайте об этом.

Ответ: Я не могу сейчас вспомнить всех заданий Рихтгофен, которые я выполнял, но припоминаю, что по предложению Рихтгофен я подготовил и доложил ему информационное сообщение об активности коммунистической партии Болгарии.

По мнению Рихтгофена, коммунистическое движение в Болгарии приняло угрожающие размеры, и он предложил мне оказать давление на болгарские органы безопасности с целью усиления борьбы с коммунистическим движением.

Я передал это требование Рихтгофена начальнику болгарской политической полиции Павлову, и он немедленно активизировал карательную деятельность болгарских органов безопасности в указанном Рихтгофеном направлении.

Вопрос: В связи с какими конкретными обстоятельствами Рихтгофен поставил перед вами задачу усиления борьбы с болгарскими коммунистами?

Ответ: Весной 1941 года в посольстве имела место пресс-конференция, во время которой обсуждались политические последствия приезда советского чрезвычайного посла Соболева в Болгарию. Отмечалось в связи с этим резкое усиление коммунистической деятельности, о чем, в частности, имелись также материалы у советника Мормана.

После пресс-конференции Рихтгофен обратился ко мне с предложением о подготовке для его личной информации доклада о деятельности болгарской компартии, что я и сделал, как показывал выше.

Вопрос: Кто присутствовал при вашем докладе Рихтгофену?

Ответ: Насколько я припоминаю, я докладывал Рихтгофену в его кабинете в посольстве с глазу на глаз.

Вопрос: Рихтгофен был осведомлен об агентуре германских разведывательных органов в Болгарии?

Ответ: Насколько мне известно, подобную информацию никто из руководителей германских разведывательных органов в Болгарии — ни Делиус, ни Гласса, ни я — Рихтгофену не давали. Рихтгофена, разумеется, интересовали результаты нашей работы, что же касается кадров агентуры и других чисто оперативных мероприятий, то они в его компетенцию, мне кажется, не входили.

Вопрос: Покажите о сотрудничестве Рихтгофена с представителями нацистской партии в Болгарии?

Ответ: Рихтгофен имел постоянный контакт с руководителем местной группы НСДАП в Болгарии — Дрексель и привлекал его для совместного обсуждения германской политики в Болгарии.

Рихтгофен вместе с Дрекселем много поработали над усилением германской фашистской пропаганды в Болгарии. В частности, в целях усиления пропаганды Рихтгофен снял германского атташе прессы Обермайер[1] с занимаемой должности и заменил его активным фашистом Гарбен.

Пользуясь помощью Дрекселя, а также через связи Больмана с «ратниками» Рихтгофен организовал распространение фашистской литературы среди широких слоев болгарского народа, особенно среди интеллигенции.

Вопрос: Таким образом, установлено, что Рихтгофен активно проводил в жизнь гитлеровскую внешнюю политику в Болгарии, проявляя при этом значительную личную инициативу и энергию?

Ответ: Да, я подтверждаю это целиком и полностью. Рихтгофен неоднократно участвовал в секретных совещаниях царя Бориса и его представителей с Гитлером, во время которых определялся политический курс Болгарии. Рихтгофен, будучи предан Гитлеру, зорко следил за выполнением болгарами взятых ими обязательств. В период работы Рихтгофена в Болгарии при его прямом содействии были осуществлены такие первостепенные мероприятия, как присоединение Болгарии к фашистской «оси» и подготовка к прохождению германских войск через Болгарию и Грецию.

Вопрос: Чем же было вызвано отозвание Рихтгофена из Болгарии в 1941 году и замена его Беккерле?

Ответ: Точно мне это неизвестно, полагаю, однако, что Рихтгофен имел какие-то личные неприятности в окружении фюрера. Кроме того, Рихтгофен попал в единовременную «кампанию» замены всех германских послов на Балканах, когда они были замещены высшими командирами штурмовых отрядов СА.

Вопрос: Чем вы можете дополнить ваши показания о Рихтгофене?

Ответ: Свои показания о Рихтгофене я ничем дополнить не могу.

Протокол допроса записан с моих слов верно, мне переведен на немецкий язык.

ПАНЦИНГЕР

Допросил: ст[арший] оперуполномоченный 4 отдела 3 Гл[авного] управления майор КОПЕЛЯНСКИЙ

ЦА ФСБ России. Н-20805. Л. 201—205. Заверенная машинописная копия.

---

[1] Речь идет о немецком дипломате Франце Обермайере.

№ 169
ПРОТОКОЛ ОЧНОЙ СТАВКИ МЕЖДУ ГЕРМАНСКИМ ПОСЛОМ В БОЛГАРИИ Г. ФОН РИХТГОФЕНОМ И ОБЕРФЮРЕРОМ СС Ф. ПАНЦИНГЕРОМ

17 мая 1948 г.
Москва

На вопрос, знают ли Рихтгофен и Панцингер друг друга и нет ли между ними личных счетов, Рихтгофен и Панцингер ответили, что они друг друга знают по совместной работе в Болгарии с августа 1940 по сентябрь 1941 года и личных счетов между ними нет.

[ПАНЦИНГЕР] *[РИХТГОФЕН]*

Вопрос Рихтгофену: В чем заключались обязанности Панцингера во время вашей службы в Болгарии?

Ответ: Панцингер занимался вопросами паспортов и виз и поддерживал связь с болгарской дирекцией полиции. Чем он еще занимался, я не знаю, так как никакой информации политического характера я от него не получал.

Вопрос Панцингеру: Утверждения Рихтгофена правильны?

Ответ: Показания Рихтгофена не соответствуют действительности. Мои служебные задачи были ему известны, так как об этом ему было сообщено письмом Министерства иностранных дел Германии. В Болгарии я являлся германским атташе полиции. Рихтгофену меня представил заместитель уполномоченного VI Управления «СД» в Болгарии Больман, в присутствии которого Рихтгофен обратился ко мне с просьбой о том, чтобы я более подробно обрисовал полученное мною задание.

Я доложил Рихтгофену, что в мою задачу входит полицейское обслуживание германского посольства, далее изучение деятельности и консультация болгарской полиции и информация шефа Главного Управления имперской безопасности, а также, в известном объеме, посла о политических событиях в Болгарии.

Напоминаю Рихтгофену, что в октябре 1940 года мой начальник — шеф гестапо Мюллер проездом из Румынии остановился в Софии и имел беседу с Рихтгофеном о моих задачах как атташе полиции. Я сам присутствовал при этой встрече. Мюллер, обращаясь ко мне и Рихтгофену, указал на необходимость взаимной консультации и сотрудничества между нами.

Вопрос Рихтгофену: Теперь вы вспомнили о действительных задачах [Панцингера], о которых вам было объявлено в присутствии Больмана и Мюллера?

Ответ: Нет, не припоминаю.

Вопрос Рихтгофену: Когда имела место указанная встреча между вами и Мюллером?

Ответ: Не могу вспомнить.

Вопрос Панцингеру: Будучи атташе полиции, какую информацию вы сообщали Рихтгофену?

Ответ: Я имел постоянный контакт с послом Рихтгофен и его заместителем — советником посольства Морман. Совместно с Рихтгофеном мы обсуждали вопросы чисто полицейского характера, как, например: болгарская полиция требовала высылки из Болгарии немецкого инженера, некоего Гофман, подозреваемого в работе на английскую разведку. Рихтгофен, к которому обращалась семья Гофмана, просил меня вступиться за него. Я информировал также Рихтгофена о болгарской полиции, ее вооружении, оснащении и структуре. Кроме того, я сообщал Рихтгофену сведения, имевшие политическое значение, а именно:

о имевшихся подозрениях в отношении английского военного атташе в Болгарии — Росс как инициатора подготовки большого взрыва софийского водопроводного коллектора. Об этом имелись сведения также в прессе, и этот факт обсуждался на пресс-конференции в германском посольстве;

о ряде покушений на жизнь германских военнослужащих в окрестностях Софии и взрывах на железных дорогах, организованных якобы коммунистами;

весною 1941 года, вскоре после прохода германских войск через Болгарию, была заброшена группа советских агентов, часть из них была выявлена и расстреляна. Об этом я также информировал Рихтгофена и填Мормана;

я сообщил также Рихтгофену о бегстве из тюрьмы болгарского коммунистического функционера Димитрова[1] (не идентичен с Георгием Димитровым — премьер-министром Болгарии). В связи с общей травлей коммунистов этот факт нашел свое отражение в болгарской прессе;

в январе 1941 года, когда в связи с прибытием в Софию советского представителя Соболева там имели место бурные демонстрации болгарских коммунистов и стычки с полицией, разгонявшей демонстрантов, я информировал подробно обо всех событиях Мормана и Рихтгофена, а также приносил им для ознакомления распространяемые в то время листовки.

Вопрос Рихтгофену: Следствие ожидает, что вы прекратите бессмысленное запирательство и откровенно покажете о вашем сотрудничестве с Панцингер?

Ответ: Я признаю, что совместно с Панцингером обсуждал перечисленные им факты, как, например: высылку германского инженера Гофмана, данные о подготовке взрыва софийского водопровода, далее о выброске русской агентуры в Болгарии и об активности болгарских коммунистов в связи с прибытием Соболева в Болгарию.

Вопрос Рихтгофену: Вы должны признать, что не только получали информацию от Панцингера, но и в ряде случаев давали ему необходимые указания.

Ответ: В беседах с Панцингером я неоднократно выражал пожелание, чтобы он лучше меня информировал о политических событиях в Болгарии, так как его информация использовалась мной в текущей работе и для доклада Министерству иностранных дел Германии.

Вопрос Панцингеру: Вы получали какие-либо пожелания или указания Рихтгофена в связи с оживлением деятельности болгарской коммунистической партии?

Ответ: Пожелания германского посла рассматривались мною всегда как служебные приказания. Припоминаю, что в связи с заметно усилившимся коммунистическим движением в Болгарии и поступившим в посольство из неизвестного мне источника донесением о деятельности болгарской компартии Морман предложил мне составить подробный доклад по этому вопросу для направления его Рихтгофеном германскому МИДу.

В связи с составлением этого доклада Рихтгофен дал мне указание воздействовать на болгарские полицейские власти с целью усиления борьбы с болгарской компартией, что я, разумеется, и сделал.

Впоследствии я видел на составленном мною докладе примечания: «приняты необходимые меры». Доклад был подписан Рихтгофеном.

Вопрос Рихтгофену: Теперь вы припоминаете вашу роль в борьбе с болгарскими коммунистами и указания, которые вы давали по этому вопросу Панцингеру?

---

[1] Возможно, речь идет о болгарском коммунисте Стефане Димитрове Тодорове.

Ответ: Я припоминаю, что по моему указанию Панцингер информировал меня о коммунистическом движении в Болгарии, и возможно, что доклад на эту тему был направлен в МИД. Я отрицаю, однако, что якобы давал указание Панцингеру воздействовать на болгарские органы полиции в целях усиления борьбы с болгарскими коммунистами.

Вопрос Панцингеру: А вы настаиваете на своих показаниях?

Ответ: Так точно. Я еще раз ссылаюсь на примечание к моему докладу, что приняты необходимые меры.

Вопрос Панцингеру: В начале допроса вы упоминали фамилию Больман. Это был единственный представитель «СД», с которым был связан Рихтгофен?

Ответ: «СД» была в то время представлена в Болгарии двумя лицами — главным уполномоченным Гласс, имевшим прикрытие в качестве директора немецкой фирмы, и его заместителем Больман, получившим комнату в посольстве рядом с бюро атташе прессы и работавшим под прикрытием должности «консульского секретаря».

В здании консульства Больман располагал секретной радиостанцией, посредством которой он поддерживал связь с VI Управлением «СД». Все это, естественно, не было секретом для Рихтгофена, тем более, что эти лица его посещали, а Больман бывал в посольстве каждый день.

Вопрос Рихтгофену: Это соответствует действительности?

Ответ: Представитель «СД» Гласс мне известен. По моему указанию ему было предоставлено помещение в здании бывшего чехословацкого посольства, где им была устроена радиостанция. Больмана я сейчас не могу вспомнить.

Вопрос Панцингеру: Может быть, вы ошибаетесь. Ведь трудно себе представить, чтобы Рихтгофен не знал подчиненных ему сотрудников посольства, как Больман?

Ответ: Для меня необъяснимо, почему Рихтгофен отрицает эти факты. Я ссылаюсь на Мормана, профессора Кох и других сотрудников посольства, хорошо знающих Больман.

Вопрос Панцингеру: Больман и Гласс информировали Рихтгофена о политических событиях в Болгарии?

Ответ: Гласс неоднократно рассказывал мне, что он и Больман информируют Рихтгофена и особенно Мормана о важных внутриполитических вопросах. Гласс, в частности, работал с болгарской фашистской организацией «ратники» и докладывал о своих успехах в этом направлении.

Вопрос Рихтгофену: Вы изобличены в том, что имели связь с «СД». Показывайте правду.

Ответ: Настаиваю на том, что, за исключением представления помещения сотруднику «СД» Гласс, других связей с «СД» не имел.

Вопрос Панцингеру: Чем вы объясняете очевидное нежелание Рихтгофена говорить правду?

Ответ: Мотивы, которыми руководствуется Рихтгофен, мне неизвестны. Хочу лишь указать, что «СД» и министерство иностранных дел сотрудничали между собой самым тесным образом.

Вопрос Панцингеру: Что вам известно о характере разведывательной информации, поступавшей к Рихтгофену от начальника германской «Абверштелле» в Софии — Делиус?

Ответ: Начальник «Абверштелле-София» Делиус часто бывал в посольстве, и с его слов мне известно, что он периодически направлял разведывательную информацию Рихтгофену и Морману.

Так, например, вспоминаю, что перед нападением на Россию Делиус поставил в известность посла Рихтгофен или Мормана, что им, Делиусом, подготовлены группы диверсантов для заброски в советский тыл. Об этом мне говорил лично Делиус.

Вопрос Рихтгофену: Признаете свою связь с Делиусом?

Ответ: Не отрицаю, что Делиус иногда у меня бывал и я с ним беседовал. Какую-либо политическую информацию, однако, я от него не получал.

Вопрос Панцингеру: У вас есть вопросы к Рихтгофену?

Ответ: Нет, вопросов не имею.

Вопрос Рихтгофену: У вас есть вопросы к Панцингеру?

Ответ: Не путает ли меня Панцингер с послом Беккерле, который был специалистом в полицейской работе?

Ответ Панцингера: Об этом не может быть и речи. После прибытия Беккерле в Софию, по крайней мере в первые месяцы, работа шла так же, как и в то время, когда послом являлся Рихтгофен.

Протокол составлен с наших слов верно, нами прочитан.

(ПАНЦИНГЕР) *(РИХТГОФЕН)*

Допросил: Ст[арший] оперуполномочен[ный] 4 отдела 3 Главного управления МГБ СССР майор (КОПЕЛЯНСКИЙ)

ЦА ФСБ России. Н-21142. В 3-х тт. Т. 1. Л. 210—216. Подлинник. Машинопись. Автограф.

Атташе полиции безопасности и СД штурмбанфюрер СС Густав Рихтер

№ 170
СОБСТВЕННОРУЧНЫЕ ПОКАЗАНИЯ ШТУРМБАНФЮРЕРА СС Г. РИХТЕРА «ПОЛИТИКА РУМЫНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В ОТНОШЕНИИ ЕВРЕЕВ»

20 сентября 1944 г.
Москва

Перевод с немецкого

Следует отметить, что широкие слои румынского народа, и прежде всего в Молдавии, Трансильвании и Банате, с давних времен настроены исключительно антиеврейски. Такое настроение возникло в связи с тем, что в этих областях проживало особенно много евреев и они занимали в хозяйственной жизни доминирующее положение. Самую активную антиеврейскую пропаганду проводили обе партии каузистов и легионеров. Когда легионеры пришли к власти, то неизбежно определился антиеврейский курс правительства. Поэтому было совершенно излишним со стороны немцев выдвигать какие-либо требования, так как легионеры с давних пор имели антиеврейскую программу.

С приходом к власти маршала Антонеску проводившаяся легионерским правительством антиеврейская политика была продолжена. Вслед за законом, согласно которому евреи подразделялись на различные категории и в большинстве своем отстранялись от государственной и культурной жизни, появился в конце марта новый, пространный закон об экспроприации ев-

рейской собственности в городах. Затем в мае 1941 года последовал закон об образовании государственного секретариата и управления по румынизации. Оба органа имели задачей, наряду с румынизацией всей хозяйственной жизни, управлять экспроприированным еврейским имуществом. Дальнейшими распоряжениями и указами евреям запрещалось иметь радиоприемники и экспроприировались евреи-судовладельцы. В начале октября 1941 года согласно закону была экспроприирована еврейская земельная собственность.

Следующий закон извещал об использовании евреев на работах, чем в то время занимался румынский Генеральный штаб. Все эти мероприятия были направлены почти исключительно против еврейской собственности и проводились румынским правительством без какого-либо влияния и вмешательства со стороны немцев.

Для различного отношения к евреям в Буковине, Бессарабии и Трансистрии, по сравнению с евреями старой Румынии, мерилом служило мнение маршала Антонеску. Маршал Антонеску стоял тогда на следующей точке зрения — поскольку речь идет о евреях, проживающих в Буковине, Бессарабии и Трансистрии, то они являются коммунистами и должны быть истреблены[113]. Напротив, с евреями старой Румынии надо обращаться по-иному. Таким образом, он считал, что нецелесообразно выселять евреев из Плоешти и нефтяных районов, а также из Бухареста, так как в противном случае евреи использовали бы все свое влияние в Лондоне и Вашингтоне, чтобы побудить союзников к бомбардировке нефтяных районов и столицы.

По его мнению, бомбардировка никоим образом не входит в интересы общего ведения войны. Этой точкой зрения маршала Антонеску и объясняется выселение евреев из Буковины в Трансистрию и расстрелы евреев в Бессарабии и Трансистрии. Ответственность за обращение с евреями в этих областях несут тогдашние губернаторы — генерал Колотеску (Буковина), генерал Войкулеску (Бессарабия) и профессор Алексиану[1] (Трансистрия), которые действовали по указанию румынского правительства в Бухаресте.

Все мероприятия, проведенные против евреев в свое время в Буковине, Бессарабии и Трансистрии, имели одну цель — захватить большое еврейское состояние. Нет надобности говорить о случаях, когда высшие румынские офицеры и чиновники затевали эксцессы против евреев с целью обогатиться за счет их имущества. Так, мне известно, что румынские офицеры врывались в гетто и отбирали у евреев драгоценности, после чего с перевязанными руками (которые были увешаны ценностями) удалялись.

Насколько мне известно, маршал Антонеску приказал расстрелять ряд офицеров за такие преступления. О губернаторе Бессарабии генерале Войкулеску известно, что он привез в Бухарест полный фургон ковров, принадлежавших евреям. В связи с этим и за бездарность он был отстранен.

Как мною уже было упомянуто в первом заявлении, более подробными данными о порядке выселения евреев из Буковины и связанных с этим последствиях, я не располагаю, так как в то время я не был в Румынии. Об этом может подробно сообщить бывший германский генеральный консул в Черновицах д-р Шельгорн, который лично выступал против выселения и направил протест губернатору Колотеску, в результате чего были оставлены в Черновицах 20 евреев, так как в противном случае была бы, якобы, значительно нарушена вся хозяйственная жизнь.

---

[1]Так в документе, речь идет о румынском государственном деятеле Георге Алексяну.

С еврейской стороны в конце 1942 года в Бухаресте был составлен доклад о мероприятиях, проводимых против евреев в Буковине и Бессарабии, и направлен в еврейскую организацию в Женеву. В этом докладе констатировалось, что ответственность за зверства, совершенные над евреями, несут румынские войска. Насколько у меня еще сохранилось в памяти, в докладе отмечалось, что с немецкой стороны приняты меры против этих мероприятий.

Характерным признаком различного отношения к евреям, проживающим в Буковине, по сравнению с евреями старой Румынии, является введение в Буковине после оккупации ее румынскими войсками отличительных знаков для евреев и подчинение губернатору гражданского управления. Произведение отметок для евреев было прекращено лишь в начале февраля 1944 г. Обозначение евреев в самой Румынии, предложенное правительственным уполномоченным по еврейским вопросам Лекка, было отклонено.

Министр внутренних дел Румынии генерал Василиу сделал попытку выслать из Бухареста некоторое число евреев, настроенных, якобы, коммунистически, и разместить их в гетто в Трансистрии. Речь шла тогда исключительно о бедных евреях, которые вовсе не были настроены коммунистически и подлежали высылке лишь только потому, что были не в состоянии воспрепятствовать высылке уплатой большой суммы денег. В Бухаресте в то время антигермански настроенными румынскими кругами распространялись слухи, что это выселение производится по требованию немцев. Посол фон Киллингер, которому я доложил об этом, поручил мне в присутствии правительственного уполномоченного по еврейским вопросам Лекка заявить протест премьер-министру Михаю Антонеску против распространения румынами утверждения, что выселение евреев из Бухареста имело место в результате нажима Германии.

Правительственный уполномоченный Лекка привел тогда ряд особо ярких случаев, когда евреи выселялись лишь потому, что они не могли откупиться. Михай Антонеску заявил тогда, что он немедленно приостановит выселение и произведет расследование. По этому вопросу состоялось заседание совета министров, на котором Михай Антонеску выступил против выселения и дал указание министру внутренних дел расследовать каждый отдельный случай.

Михай Антонеску констатировал на этом же заседании совета министров, что германский посол, который выразил протест против утверждения, что выселение производится под нажимом немцев, не имел к этому делу ни малейшего отношения. Выселение евреев из Бухареста было не только приостановлено, но даже некоторое количество выселенных евреев было возвращено назад.

Неспособность румынского правительства сделать какой-либо орган ответственным за решение еврейского вопроса явилась причиной того, что многочисленные официальные органы, занимающиеся еврейскими делами (министерство внутренних дел, министерство по делам румынизации, Генеральный штаб, хозяйственное министерство, министерство труда, правительственный уполномоченный по делам евреев и т.д.), обращали исключительно большое внимание на сохранение своей компетенции в еврейских делах, ибо в противном случае они лишались выгодного денежного источника, источника личного обогащения.

Так, например, происходили постоянные компетентные споры между Генеральным штабом и министерством труда по вопросу использования евреев на работах. Если одним распоряжением устанавливалась ответственность министерства труда за использование евреев на работах, то через не-

которое время появлялось новое распоряжение, которое облекало этими полномочиями Генеральный штаб. Так как направляемые на работы евреи (от 18 до 55 лет) платили колоссальные суммы, чтобы освободиться от трудовой повинности, то это представляло для упомянутых органов неистощимый источник получения денег. Подобные же компетентные споры происходили постоянно между министерством внутренних дел и правительственным уполномоченным по еврейским вопросам в связи с выдачей разрешения на право передвижения. Один орган упрекал другой в том, что он из этого дела извлекает финансовые выгоды.

В зимние месяцы евреи в Бухаресте и районе использовались на работах по очистке снега, в чем им выдавались справки. Имели место многочисленные случаи, когда евреи большими суммами денег подкупали офицеров и рядовых, чтобы получить справки о произведенных ими снегоочистительных работах. Эти справки они затем передавали за определенные суммы другим евреям, которые хотели уклониться от отбытия трудовой повинности.

Румынское правительство в 1943 году поручило правительственному уполномоченному по еврейским вопросам собрать с евреев специальный налог в 4 миллиона лей. Когда правительственный уполномоченный по еврейским вопросам указал на то, что он не имеет никаких указаний в отношении привлечения к ответственности евреев, которые откажутся платить налог, ему заявили, что такие евреи будут выселены в Трансистрию, а все их имущество будет конфисковано. Против этого распоряжения выступил тогда известный еврей д-р Фильдерман.

Согласно распоряжению маршала Антонеску, д-р В. Фильдерман, несмотря на вмешательство со стороны иностранных дипломатов, папского посла и представителей Международного Красного Креста, был выслан вместе с женой в Трансистрию. Большая часть собранных в виде специального налога денег была передана попечительскому совету (во главе совета стояла супруга маршала Антонеску), другая часть — премьер-министру Михаю Антонеску, якобы для благоустройства и строительства церквей на его родине в Питешти. Об использовании денег попечительским советом высказывались различные предположения. Такие условия явились причиной полного расцвета господствующей в Румынии системы взяточничества.

В марте 1943 года румынское правительство передало германскому послу докладную записку о разрешении еврейского вопроса в Румынии. В этой докладной записке румынское правительство перечисляло в хронологическом порядке все мероприятия, которые оно провело против евреев, и в заключение высказывало свою точку зрения, что единственно возможным решением еврейского вопроса является эмиграция евреев.

Это мнение оно обосновывало тем, что таким образом оно, с одной стороны, избавится от неблагожелательных элементов и, с другой стороны, румынское правительство получит сумму в 16 миллиардов лей. Эту сумму в 16 миллиардов лей должны были составить таксы, которые предполагалось взимать с эмигрирующих евреев. Эта точка зрения была сообщена министерству иностранных дел, которое уполномочило германского посла передать германскому правительству мнение румынского правительства.

Германское правительство по пропагандистским, политическим и военным мотивам высказывалось против эмиграции 350 тысяч евреев из Румынии. Пропагандистские мотивы заключались в том, что ожидали усиления пропаганды со стороны эмигрировавших евреев против Германии и ее со-

юзников. Политические мотивы — в связи с такими широкими размерами эмиграции евреев из Румынии в Палестину, вредной для Германии реакции со стороны арабов. Говоря о военных причинах, имели в виду то обстоятельство, что часть эмигрировавших евреев может поступить на военную службу или же быть мобилизованной, а другая часть будет использована в Палестине в военной промышленности. Однако, несмотря на это до последнего времени в небольших размерах происходило переселение евреев в Палестину из порта Констанца через Турцию.

После того как ухудшилось военное и политическое положение Германии и широкие румынские круги пришли к убеждению, что война Германией проиграна, румынское правительство стало менять свою политику, проводившуюся до сих пор в отношении евреев. При этом большую роль для него играли чисто внешнеполитические соображения. Делались попытки путем проведения проеврейской политики присоединиться к союзной стороне. Эта тенденция была ощутима со стороны и нашла свое выражение в смягчении ряда ранее изданных законов о евреях.

Так, евреями, которые могли доказать свои особые заслуги и имущество (землевладения) которых было уже экспроприировано, реабилитировались. Другие евреи получали равные права с румынами. Наконец, евреям было разрешено снова иметь радиоприемники и держать у себя служанок арийского происхождения.

В заключение можно сказать, что румынское правительство в отношении еврейского вопроса проводило политику конъюнктуры. В то время как в период хороших немецко-румынских отношений оно, проводя антиеврейскую политику, хотело понравиться германской империи, то после изменения политического и военного потенциала Германии стало считать своей задачей, путем проведения мудрой политики в решении еврейского вопроса, создать предпосылки для перехода на сторону союзников.

РИХТЕР ГУСТАВ

Показания отобрал: Оперуполн[омоченный] 2 отдела Главн[ого] управл[ения] контрразведки «Смерш» ст[арший] лейтенант СОЛОВОВ

ЦА ФСБ России. Н-21099. В 4-х тт. Т. 1. Л. 82—88. Подлинник. Машинопись. Автограф. Подлинник на немецком языке — т. 1, л.д. 89—98.

№ 171
СОБСТВЕННОРУЧНЫЕ ПОКАЗАНИЯ ШТУРМБАНФЮРЕРА СС Г. РИХТЕРА «РЕШЕНИЕ ЕВРЕЙСКОГО ВОПРОСА В ГЕРМАНИИ»

10 октября 1944 г.
Москва

Перевод с немецкого

В начале 1933 года в Германии проживало около 450 000 евреев. Время, в течение которого был решен еврейский вопрос в Германии, можно разделить на два периода:

1. Период исключения евреев из политической, культурной и хозяйственной жизни страны (1933—1938 гг.).
2. Период выселения евреев из Германии (1938—1943 гг.).

После прихода к власти национал-социалистической партии в 1933 году евреи были исключены, в первую очередь, из различных министерств и государственных управлений. Затем последовало такое же мероприятие в отношении евреев, работавших в различных культурно-просветительных учреждениях, как, например, печать, издательство, театр, кино, радио и т.п.

Евреям-врачам и адвокатам первоначально было дозволено заниматься практикой, однако, затем их деятельность была сильно ограничена, и они получили право обслуживать только евреев. В то время как все эти мероприятия не вызывали особенных трудностей в государственной и культурной жизни страны, проведение подобных мероприятий в хозяйственном секторе вызвало серьезные трудности, с которыми приходилось считаться. Поэтому из этого сектора евреи исключались по мере того, как находились лица, которые были в состоянии без ущерба для производства продолжать работы.

Процесс исключения евреев из хозяйственной, политической и культурной жизни страны, известный под названием «аризация»[I], продолжался до конца 1938 года.

Однако еврейско-политическая жизнь не была подвергнута каким-либо мероприятиям государственного или политического порядка. Как и прежде, существовали различные еврейские организации сионистов, ассимилянтов, а также культурно-просветительные объединения. Лишь только в 1937 или 1938 году вместо различных еврейских политических направлений было основано в Берлине «Имперское объединение евреев в Германии». Оно имело задачу представлять интересы евреев по отношению к правительству.

Вместо культурно-просветительных еврейских объединений был организован в Берлине «Еврейский культурный союз» с задачей обслуживания евреев Германии в культурном отношении.

Особым порядком был распущен в 1937 году еврейский масонский союз «Бнай Брис»[II] («союзные братья» и его состояние перешло в распоряжение государства).

Первые антиеврейские законы были изданы в сентябре 1935 г. на «имперском партийном съезде» в Нюрнберге. Речь шла о следующем: а) о законе для защиты немецкой крови и немецкой чести (закон об охране расы); б) о законе имперского гражданства или так называемом «расовом законе». Первый закон запрещал под угрозой строгого тюремного наказания интимную жизнь (обесчестие расы) между евреями и лицами немецкой или родственной немцам крови. Второй закон устанавливал понятие «еврей». Этим законом точно определялось, кого нужно считать за еврея, так, например, полным евреем считался тот, у кого родители являются евреями, полуевреем тот, у которого часть родителей евреи и при вступлении в силу закона принадлежали к мозаическому вероисповеданию[III].

Законы, которые вели к исключению евреев из хозяйственной жизни и, следовательно, сильно понижали их жизненный уровень, появились в 1938 году. В апреле 1938 года был издан закон, согласно которому все евреи Германии должны были зарегистрировать свое состояние, превышающее 5000 марок (включая ценные бумаги, имущество за границей и банковские

[I] Так в тексте; в подлиннике на немецком языке — «Arisierung».

[II] Так в тексте; в подлиннике на немецком языке — «Bnei Brith».

[III] Так в тексте; в подлиннике на немецком языке — «zur mosaiischen Konfession gehörte».

вклады). Это состояние было блокировано. Евреям разрешалось располагать ежемесячно только строго установленной суммой.

Осенью 1938 года после покушения еврея Гриншпан на секретаря германского посольства в Париже фон Рат[1], Геринг, как уполномоченный по четырехлетнему плану, своим указом наложил на евреев Германии штраф в размере 2 миллиарда имперских марок. (Все еврейское состояние в Германии, согласно статистическим данным, определялось в 8 миллиардов марок). Кроме того, одним из последующих законов предусматривалось, что в течение самого ближайшего времени все еврейские торговые предприятия, которые до сих пор не были аризированы, будут взяты в надежные руки и частично ликвидированы, или же переданы в собственность государства.

Когда в Германии стало известно об убийстве секретаря посольства Рата, то партия, на основании одной из речей Геббельса, провела почти по всей стране так называемую «Кампанию возмездия» по отношению к евреям и их собственности. Это привело к бессмысленной порче немецкого народного имущества и к самым безмерным бесчинствам над евреями в различных областях империи.

Например, в Штутгарте население разбило витрины еврейских магазинов и выкрало оттуда товары. В Мангейме один еврей был вытащен из своей квартиры, и буйствующая толпа разорвала на его глазах взятый им с собой оригинал одной из партитур Вагнера, несмотря на его увещевания, что оригинал надо спасти. В Гейдельберге были выброшены на улицу с 3-го или 4-го этажа пищущие машинки еврейских бюро, а комнатная обстановка еврейских квартир бессмысленно поломана.

Убыток от разбитых стекол, причиненный в результате этих действий только в юго-западной Германии (Саарская область, Пфальц, Баден и Вюртмеберг) составлял около 6 млн. марок. На следующий день, благодаря вмешательству полиции, дальнейшие выходки были прекращены. Вскоре после этого появилось предписание Гейдриха для полиции безопасности, в котором он запрещал одиночные выступления, и такое же предписание для партии.

После того как масса еврейского населения в Германии в связи с устранением от хозяйственной жизни оказалась почти без всякой работы, а частично и без средств к существованию, евреи использовались на работах по строительству и расчистке дорог и т.д., а позже, с началом войны, даже на важных военных предприятиях. Так, например, в 1942 году в Берлине и окрестностях работало на различных предприятиях подобного рода около 15 тыс. евреев.

В связи с различными ограничениями, установленными для евреев (определенное время для покупок, определенное время для хождения по улицам, запрещение пользоваться трамваем и тому подобными общественными средствами сообщения) в Германии, в сентябре 1941 года был введен опознавательный знак для евреев. Все признанные по «Нюрнбергским законам» евреями были обязаны носить желтую шестиугольную звезду, в центре которой стояло слово «еврей». Исключение составляли те евреи, которые отличились в последнюю мировую войну на фронте и награждены железным крестом 1-й степени.

25 ноября 1941 года появилось дальнейшее распоряжение, которое гласило, что евреи, живущие за границей, а также и те, которые будут там жить в дальнейшем, теряют германское подданство. В обоих случаях закон определял, что с потерей подданства имущество переходит во владение герман-

[1] Речь идет о немецком дипломате Эрнсте фон Рате, который был застрелен 7 ноября 1938 г. в Париже польским евреем Гершелем Гриншпаном.

ского государства. Это распоряжение в ноябре 1942 года было распространено на протекторат Богемию и Моравию.

18.12.1942 года министерство иностранных дел с согласия начальника полиции безопасности и СД было отдано распоряжение заграничным представительствам, содержавшее указания об обращении с евреями 1-й и 2-й группы (50 % и 25 % евреи), а также с лицами, находящимися в смешанном браке. Распоряжение гласило, что евреям 1-й группы, пребывающим за границей, надлежит вернуться обратно, в противном случае они теряют германское подданство. В отношении евреев 2-й группы в распоряжении говорилось, что при выяснении тех случаев, когда евреи 2-й группы не придерживались законов государства, они будут лишены гражданства, т.е. могут потерять германское подданство. В отношении лиц, находящихся в смешанном браке, от немецкого партнера требовалось, чтобы он развелся с еврейкой (евреем) или же оставил ее (его), в противном случае он теряет германское подданство.

По вопросу заключения в гетто евреев говорилось, что изоляция евреев от остального населения в Германии не применима. Лишь в Праге и Вене еврейское население концентрировали в различных районах города, не изолируя, однако, эти районы от остальной части города. Посредством этого объединения хотели освободить жилую площадь евреев для немецкого населения и тем самым разрешить царящий повсюду жилищный кризис. Только позднее, в 1942 г., в гор. Терезин под Прагой было создано гетто для 35 000 человек.

Особенно успешно протекала эвакуация евреев из Германии с 1933 г. по конец 1941 года. Правительство в это время не только не препятствовало переселению евреев, а, наоборот, всячески способствовало этому. В то время придерживались мнения, что для Германии еврейский вопрос будет разрешен только тогда, когда последний еврей покинет страну.

Правда, переселение евреев было связано с различными формальностями. Так, например, каждый еврей, намеревавшийся эвакуироваться, должен был уплатить так называемый переселенческий налог, который в процентном отношении устанавливался соответственно его состоянию. Часть своей мебели, одежды, белья и т.д. он мог взять с собой, кроме того, ему разрешалось брать до 1000 марок. Когда же в империи вопрос с валютой обострился, то уже не разрешалось брать с собой марки. Переселенческий налог поступал в эвакуационный фонд, из которого финансировалась эвакуация таких евреев, которые из-за недостатка финансов были не в состоянии выехать (оплата за проезд на пароходах).

После присоединения Австрии к империи (март 1938 г.) из общего числа проживающих в Вене евреев (330 000) в течение одного года было эвакуировано 120 000 человек. Эвакуация продолжалась также и после возникновения этой войны. Геринг, как уполномоченный по проведению четырехлетнего плана, приказал продолжать эвакуацию даже и во время войны. В конце же 1941 года эвакуацию евреев прекратили.

Причиной, приведшей к изменению существовавших до этого времени установок, были пропагандистские и военные соображения. По политическим мотивам эвакуация была прекращена потому, так как с переселением евреев в Палестину на стороне последних проявлялся людской перевес, что затрагивало интересы арабов, к которым немцы питали симпатии.

В связи с этим важно отметить, что в инструкциях германской пропаганды к государственным и партийным органам было объявлено, чтобы по отношению к арабам не употреблять слово «антисемитизм», а впредь употреблять слово «антиеврейский» (разъяснение: арабов причисляли к семитической расе).

Для прекращения эвакуации по пропагандистским мотивам мерилом служил тот факт, что каждый еврей, покидающий Германию, становится за границей агитатором против нее и, кроме того, вывозит из Германии всевозможные сведения. Военные причины, которые приводились в пользу прекращения переселения, заключались в сознании того, что переехавшие в Палестину евреи, по преимуществу, работали в промышленности, а также призывались для несения воинской службы на стороне союзников. Было также известно, что вся еврейская промышленность и экономика в Палестине работали для союзников и что с еврейской стороны делались попытки вывести из Европы, в первую очередь, тех евреев, которые являлись специалистами.

Чтобы освободить от евреев непосредственно германские области, с конца 1941 года началась высылка евреев из империи в различные лагеря на Восток (Польша), где они, якобы, должны были отбывать трудовую повинность.

Эвакуацией евреев занималось исключительно IV-е Управление, а именно отделение IV Б (4б) под руководством оберштурмбанфюрера СС Эйхман. К концу 1943 года Германия была полностью освобождена от евреев. Число же евреев, вывезенных в лагеря в Польшу, мне неизвестно.

РИХТЕР ГУСТАВ

Показания отобрал: О[пер]/уполномоченный 2 отдела Главн[ого] управл[ения] контрразведки «Смерш» ст[арший] лейтенант СОЛОВОВ

ЦА ФСБ России. Н-21099. В 4-х тт. Т. 1. Л. 99—105. Заверенная машинописная копия. Подлинник на немецком языке — т. 1, л.д. 106—111об.

№ 172
СОБСТВЕННОРУЧНЫЕ ПОКАЗАНИЯ ШТУРМБАНФЮРЕРА СС Г. РИХТЕРА «РЕШЕНИЕ ЕВРЕЙСКОГО ВОПРОСА В ЕВРОПЕ»

12 октября 1944 г.
Москва

Перевод с немецкого

Когда началась вторая мировая война и были оккупированы ряд стран, высшие правительственные и партийные инстанции Германии приступили к разрешению еврейского вопроса также и в этих областях.

В целях окончательного разрешения еврейского вопроса в Европе проектировалось выселение всех евреев на французский остров Мадагаскар, однако этот план был затем предан забвению. Центральное руководство мероприятиями по еврейскому вопросу в оккупированных странах находилось в руках начальника полиции безопасности и СД.

Указом уполномоченного по четырехлетнему плану Геринга от 31.7.[19]41 года тогдашнему начальнику полиции безопасности и СД группенфюреру СС Гейдриху было поручено окончательное разрешение еврейского вопроса в Европе и представление соответствующих предложений лично Герингу. Этот указ не публиковался.

Начальник полиции безопасности в свою очередь приказал начальнику IV Управления (IV Б, 4б) оберштурмбанфюреру СС Эйхман разработать предложения.

Во исполнение этого указания в конце августа — начале сентября 1941 года Эйхман провел ряд так называемых рабочих совещаний с участниками заинтересованных органов, как-то: начальника полиции безопасности, ми-

нистерства внутренних дел, партийной канцелярии, уполномоченного по четырехлетнему плану, министерства иностранных дел и других. На одном из таких совещаний обсуждался вопрос определения понятия еврей, согласно Нюрнбергских законов, для оккупированных стран.

В отдельных оккупированных областях методы разрешения еврейского вопроса были различными. Однако в основном начинали с того, что проводили статистическую перепись евреев в этих странах с учетом неполнокровных евреев (метисов). После переписи, как правило, распускали различные политические и культурные еврейские организации и вместо них создавали центральное еврейское бюро как единственно признанное немцами представительство евреев данной страны. Наряду с этим и по примеру Германии протекало вытеснение евреев из экономической жизни.

После того как выселение евреев из Германии было в основном закончено, приступили к постепенному направлению евреев также из оккупированных стран в лагеря Польши, где они, якобы, использовались на работах. В некоторых оккупированных областях, как, например, в Польше, евреи до их выселения заключались в гетто.

Среди союзных Германии стран и, прежде всего, в таких странах, где были пронемецкие и антиеврейские правительства, имелись возможности сразу же приступить к окончательному разрешению еврейского вопроса. Первый опыт был проведен в конце 1940 года в Словакии. По договоренности с[о] словацким правительством и в соответствии с ходатайством министерства иностранных дел, начальник полиции безопасности и СД направил в германское посольство в Братиславе советника по еврейским вопросам (гауптштурмфюрера СС Висленчи)[I].

Экспонентом антиеврейской политики словацкого правительства были тогда министр внутренних дел Мах и гвардия Глинки. Насколько мне известно, Мах был лицом, потребовавшим у представителя германской империи в Братиславе выделения эксперта по еврейским вопросам. Таким образом, немцам удалось уже в 1942 году вывезти в Польшу 60 000 евреев из общего числа 100 000 в Словакии. Подобным же образом пытались оказать влияние на решение еврейского вопроса в Румынии, Болгарии и Хорватии.

Как представляло себе германское имперское руководство, окончательное решение еврейского вопроса видно из речи Гитлера, произнесенной перед членами «старой гвардии» в годовщину основания национал-социалистической партии 24 февраля 1942 года в Мюнхене. В своей речи он заявил, что в конце этой войны предстоит уничтожение евреев.

Дополнение: Указ Геринга мне неизвестен детально. Он был адресован лично Гейдриху и гласил: настоящим я уполномочиваю вас заняться окончательным разрешением еврейского вопроса в Европе и представлять мне соответствующие предложения делового организационного и технического порядка.

Этот указ я видел на письменном столе у Эйхмана во время совещания.

РИХТЕР ГУСТАВ

Показания отобрал: О[пер]/уполномоченный 2 отдела Главн[ого] управл[ения] контрразведки «Смерш» ст[арший] лейтенант СОЛОВОВ

ЦА ФСБ России. Н-21099. В 4-х тт. Т. 1. Л. 112—114. Заверенная машинописная копия. Подлинник на немецком языке — т. 1, л.д. 115—117.

[I] Так в документе, речь идет о штурмбанфюрере СС Дитере Вислицени.

№ 173
СОБСТВЕННОРУЧНЫЕ ПОКАЗАНИЯ ШТУРМБАНФЮРЕРА СС Г. РИХТЕРА «МОЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК СОВЕТНИКА ПО ЕВРЕЙСКИМ ВОПРОСАМ ПРИ ГЕРМАНСКОМ ПОСОЛЬСТВЕ В БУХАРЕСТЕ»

20 февраля 1945 г.
Москва

Перевод с немецкого

В конце марта 1941 года я явился к референту по кадрам РСХА СС оберштурмбанфюреру Брауне, чтобы через него подробнее узнать о моей командировке в Румынию. Тогда он мне сообщил, что министерство иностранных дел затребовало у начальника полиции безопасности советника по еврейским вопросам и аризации для германского посольства в Бухаресте.

По его предложению начальник полиции безопасности на эту должность назначил меня (Брауне ранее был референтом в Штутгарте при главном секторе СД, а позднее являлся референтом по кадрам инспектора и поэтому знал меня).

О моих задачах Брауне, однако, не смог сообщить мне подробностей, а направил меня сперва за информацией к штурмбанфюреру СС Гуммич (референт по вопросам народностей в III-м Управлении), который через гауптштурмфюрера СС Герршафт (эксперт по вопросам народностей в Румынии) информировал меня об общем положении и политической обстановке в Румынии. Герршафт родился в Румынии и был сведущ о положении в ней. Кроме того, Брауне направил меня к оберштурмбанфюреру СС Эйхман из IV Управления (группа IV Б, 4б), чтобы там я также получил информацию.

Эйхман не смог дать мне подробных инструкций о моих задачах, однако, передал для ознакомления акты о еврейском вопросе в Словакии, где гауптштурмфюрер СС Висленчи уже с сентября 1940 года работал советником по еврейским вопросам. На основании этих актов (речь шла об отчетах и законах) я должен был для себя сделать вывод, какие методы применял Висленчи для выполнения своей задачи.

Эйхман посоветовал мне ехать через Братиславу с тем расчетом, чтобы я там лично поговорил с Висленчи; в остальном я должен был ознакомиться с положением лишь по прибытии в Румынию. После этого я должен был с докладом явиться в Берлин за получением дальнейших инструкций.

В Братиславе я не смог побеседовать с Висленчи, так как он тяжело болел ангиной. Висленчи обещал, в случае если мне это потребуется, предоставлять документы в мое распоряжение и помогать советами.

В этот же день я выехал в Бухарест, куда и прибыл 1/IV 1941 года. Вследствие отсутствия посла фон Киллингера я смог явиться к нему на службу только через 8 дней. Затем прошло примерно еще 8 дней, прежде чем меня вызвал фон Киллингер к себе для того, чтобы побеседовать со мной.

Во время этой беседы Киллингер сообщил мне, что советники, собственно, больше не требуются, ибо предпосылок для этого, в связи с изменением политической обстановки, больше не имеется (правительство легионеров было сменено правительством маршала Антонеску).

Я объяснил Киллингеру, что я в таком случае не понимаю, почему министерство иностранных дел и посольство так настаивали на том, чтобы я, по возможности, быстрее приступал к моей деятельности в Бухаресте. Я предложил Киллингеру сообщить о положении дел министерству иностранных дел и ходатайствовать о моем отзыве.

Киллингер ответил, что он этого не хочет делать, ибо тогда придется отозвать и других советников. А так как румынское правительство было осведомлено о присутствии советников, то отзыв последних румынское правительство могло бы неправильно истолковать.

Далее Киллингер объяснил мне, что я смогу приступить к исполнению своих обязанностей лишь только после того, как представлюсь Михаю Антонеску и переговорю с ним по этому вопросу. Кроме того, он подчеркнул, что я получу от него дальнейшие указания. Киллингер заранее хотел выяснить, что в случае совместной работы с румынами по еврейскому вопросу не оказывать на них давление, а только исполнять их пожелания.

Во время встречи советника по вопросам прессы и пропаганды доктора Эмиля Гофман (он находился в хороших связях с Михаем Антонеску) с Михаем Антонеску речь зашла также и обо мне. 5 мая 1941 года Гофман сообщил мне, что Михай Антонеску, который был очень любезен и беседовал со мной по еврейскому вопросу в Румынии.

Прежде всего, он дал мне обзор мероприятий (законного порядка), принятых румынским правительством для разрешения еврейского вопроса. В то время он сказал, что румынское правительство хотело бы гуманно разрешить еврейский вопрос. Он попросил меня изучить этот вопрос. На основании опыта, полученного немцами при разрешении еврейского вопроса, я должен был делать ему предложения. Кроме того, он предложил мне посетить на следующий день министра по румынизации генерала Цвиденек, чтобы побеседовать с ним по вопросу румынизации (передача имущества и состояния евреев в руки румын).

После того как Михай Антонеску известил генерала Цвиденек о моем визите, назначенном на следующий день, он сказал мне, что я в любое время могу разговаривать с ним по еврейскому вопросу в Румынии. На следующий день я нанес визит генералу Цвиденек, с которым беседовал о румынизации. Он информировал меня о своей работе и тех трудностях, которые он должен преодолеть.

В заключение беседы, длившейся около часа, генерал Цвиденек попросил меня предоставить ему материалы и, прежде всего, указы, появившиеся в Германии, о передаче имущества евреев в руки немцев и об учете состояния евреев. Эти материалы я переслал ему. Между тем через представителя посольства — секретаря Волер (в 1941 г. призван в ВМФ), я познакомился с Лекка, будущим правительственным уполномоченным. Как тогда мне сообщил Лекка, он занимал одну из руководящих должностей в партии Куза или Гога и поэтому может хорошо информировать меня о еврейском вопросе в Румынии.

Через атташе посольства фон Ритген (он обратил на это мое внимание) я установил связь с евреем Вильман и беседовал с ним по еврейскому вопросу. Вильман был руководителем так называемого «вильмановского» движения и со своими приверженцами придерживался такого мнения, что они, со своей стороны, разрешению еврейского вопроса не только в Румынии, но и вообще, не должны препятствовать, а, наоборот, должны поддерживать это дело, независимо от того, кто является его инициатором. Он был за выселение евреев из Румынии и за то, чтобы поселить всех евреев не в Палестине (во избежание раздора с арабами), а в отдельной стране или на отдельном острове, где бы они смогли вести самостоятельную жизнь.

После того как мне, таким образом, удалось получить общий обзор о еврейском вопросе в Румынии, я посетил Михая Антонеску и сообщил ему

результаты собранных мной до сих пор информаций[1]. Я объяснил ему, что разрешение еврейского вопроса в Румынии в значительной степени усложняется многочисленными министерствами и учреждениями, которые зачастую придерживаются обособленных действий, вследствие чего нет единого плана и цели, а поэтому довольно трудно установить ответственность.

Различные еврейские группы стремились только лишь к тому, чтобы предохранить свои собственные интересы от других еврейских организаций. И поэтому, как мне казалось, было бы целесообразно передать полномочия и всю ответственность одному государственному органу, а со стороны евреев создать центральный орган, который бы рассматривался как признанное государством представительство еврейских интересов.

Михай Антонеску попросил меня тогда сделать ему соответствующие предложения. В начале июля 1941 года я предложил ему создать еврейский центральный орган как представительство еврейских интересов. Свое предложение я внес на основании соответствующих законов, появившихся в Словакии. Михай Антонеску приветствовал это предложение и заявил, что для этого необходимо подыскать надлежащих людей из среды евреев. Я сообщил ему о моей беседе с Вильманом, который с несколькими своими приверженцами был готов предоставить свои услуги.

Михай Антонеску попросил тогда меня поговорить об этом с евреем, доктором Циммер, который, якобы, является его знакомым. Он полагал, что последний может быть использован для этой цели. По этому вопросу я разговаривал впоследствии с доктором Циммер, который тогда сказал, что он еще посоветуется с Михаем Антонеску.

Примерно в середине июля 1941 года я выехал в Берлин, чтобы информировать Эйхмана о проделанной мною работе. На следующий день, по поручению начальника IV Управления — группенфюрера Мюллер, Эйхман сообщил мне, что я больше не смогу приступить к моей деятельности в Бухаресте. Эйхман, однако, не дал мне никаких обоснований. А так как я рассчитывал пробыть в Берлине всего 2—3 дня, то поэтому попросил отпустить меня в Бухарест, чтобы уладить личные дела. Однако сделать это мне не разрешили, мотивируя тем, что фон Киллингер может тогда не отпустить меня из Бухареста. Я пожаловался Эйхману на такое отношение. Я попросил предоставить мне 5-недельный отпуск, который мне был разрешен. После этого я поехал к своей семье в г. Людвинсгафен на Рейне.

В конце августа 1941 года мне через референта отдела личного состава Брауне было передано письмо, в котором сообщалось, что моя командировка в Бухарест отменяется и я должен явиться для работы в реферат IV Б 4б, пока не будет другого распоряжения.

С конца августа 1941 года по конец сентября 1941 года я находился в Берлине у Эйхмана. Определенной области работы мне не дали. Я должен был использовать поступавшие из министерства иностранных дел, VI-го управления и других органов документы по еврейскому вопросу за границей, а также сообщения печати Германии и заграницы (картотечное использование и обобщение сообщений из других государств). Так как этой работой уже занимался один унтер-офицер, то я рассматривал ее за оскорбление и предоставил эту работу унтер-офицеру.

[1] Так в тексте.

Между тем я узнал через своего знакомого в министерстве иностранных дел — советника посольства Пикот, являвшегося связным между министерством иностранных дел и начальником полиции безопасности, что Висленчи также отозван из Прессбурга. Причиной этому послужило то, что между министерством иностранных дел и начальником полиции безопасности возникли острые разногласия по вопросу задач, прав и положения полицейского атташе.

Начальник полиции безопасности посредством отзыва Висленчи и меня пытается оказать давление на министерство иностранных дел и вынудить последнее уступить. Висленчи в то время не возвратился в Берлин, так как посол в Прессбурге Лудин настаивал на том, чтобы он остался, обосновывая это политическими мотивами.

Через Пикота я также узнал, что посол фон Киллингер просил министерство иностранных дел принять любые меры для обеспечения моей обратной командировки, так как Михай Антонеску также будто бы спрашивал о причине моего невозвращения.

В конце сентября Пикот сообщил мне, что я, вероятно, опять смогу возвратиться в Бухарест, ибо по вопросу полицейского атташе, якобы, достигнуто соглашение.

Через несколько дней после этого меня вызвал Эйхман и сообщил, что я должен возвратиться в Бухарест. На следующий день я поехал в Людвигсгафен, чтобы уладить семейные дела, а оттуда уже в Бухарест, куда и прибыл 9 октября. Там через доктора Эмиля Гофмана я узнал, что Михай Антонеску по поводу моего отзыва отправил два личных письма имперскому руководителю СС, где он просил по возможности ускорить мне возвращение.

Во время беседы с Михаем Антонеску (после моего приезда) он показал письмо имперского руководителя СС, адресованное ему. В этом письме Гиммлер сообщал, что он получил только лишь одно письмо от Михая и что вопрос о моем возвращении в Бухарест урегулирован. Михай Антонеску объяснил мне, что он намерен уполномочить одно лицо, которое будет заниматься еврейским вопросом в Румынии. Он спросил меня, могу ли я для этой цели порекомендовать подходящего человека. Я предложил Лекка. С моим предложением он был согласен, и в конце октября появился подписанный им указ, по которому Лекке, как уполномоченному правительства, поручалось заняться изучением «еврейского вопроса в Румынии».

Михай Антонеску предложил Лекке создать еврейский центральный орган и работать в контакте со мной. Между тем Лекка разработал три закона, а именно: 1. Закон о роспуске унии еврейских общин в Румынии. 2. Закон о создании еврейского центра в Румынии как признанного государством представительства еврейских интересов. 3. Закон о проведении переписи евреев. После подписания этих законов маршалом Антонеску они были опубликованы 17 декабря 1941 года в румынском ведомственном сборнике.

По предложению Вильмана и доктора Гингольд Лекка назначил президента и руководителя еврейского центра. Впоследствии Лекка работал самостоятельно. Иногда он информировал меня о своей работе и тех затруднениях, которые он имел с различными румынскими учреждениями. Зато у Киллингера он бывал часто и совещался с ним о своей работе.

В середине января 1942 года я получил от Эйхмана письменное указание: доложить румынскому правительству, что эвакуация евреев из Германии и других оккупированных областей в связи с окончательным разрешением ев-

рейского вопроса прекращена и что румынское правительство также должно запретить эмиграцию евреев из Румынии.

После разговора с фон Киллингером, я вместе с Лекка направился к Михаю Антонеску, чтобы передать ему копию этого указания и узнать его мнение. Михай Антонеску был с этим согласен. Но все же и после этого переселение евреев продолжалось, т.к. заинтересованные в этом органы видели в нем неиссякаемый источник денег. Этот факт послужил для начальника полиции безопасности и министерства иностранных дел поводом для протеста против дальнейшей эмиграции.

После этого я вместе с Лекка зашел к Михаю Антонеску и уведомил его о вмешательстве берлинских органов. Он обещал прекратить переселение, но, несмотря на это, оно продолжалось, правда, в ограниченном масштабе, ибо проходившие до того времени транспорты через Болгарию были лишены этой возможности, болгарское правительство из-за вмешательства министерства иностранных дел, не давало еврейским транспортам разрешения на транзит через Болгарию. В Румынии позднее были только одиночные суда, на которых эвакуировались евреи. А так как число эвакуировавшихся таким путем евреев в сравнении с их общим числом в Румынии было незначительно, то других мероприятий больше не предпринималось.

После беседы посла фон Киллингер с Михаем Антонеску, состоявшейся в марте 1943 года, во время которой подробно обсуждался еврейский вопрос в Румынии, Михай Антонеску обещал фон Киллингеру передать в форме памятной записи мнение румынского правительства о разрешении еврейского вопроса.

Насколько мне известно, Киллингер не получал особого указания от министерства иностранных дел вести переговоры по этому вопросу с Михаем Антонеску. Когда Киллингер сообщил мне об этой беседе, то он заметил, что ввиду неразберихи, царящей в еврейском вопросе в Румынии, он хочет выяснить отношение румынского правительства к разрешению этой проблемы. Памятная записка, посланная румынским правительством послу, содержала, прежде всего, приводившиеся в хронологическом порядке мероприятия, принятые румынским правительством для разрешения еврейского вопроса в Румынии.

В заключение румынское правительство выразило мнение, что оно видит возможность разрешения этого вопроса лишь в полной эвакуации евреев из Румынии. Причем свое мнение оно обосновывало тем, что, во-первых, страну покинут подрывающие ее безопасность элементы и, во-вторых, путем установления переселенческой таксы румынское государство получит 16 миллиардов лей.

Как ответ на эту памятную записку германское правительство сообщило румынскому правительству, что германское имперское правительство не может разделить этого мнения и что по вопросу переселения изложена известная точка зрения. После этого оба правительства уже не вели переговоров по упомянутому вопросу.

В конце мая 1942 года Лекка имел беседу с Михаем Антонеску, где обсуждались различные еврейские вопросы. Во время этой беседы, в которой я также принимал участие, Михай Антонеску спросил меня, — верно ли, что Словакия переселение евреев на Восток уже заканчивает. Я подтвердил ему это.

Михай Антонсеку заявил мне, что румынское правительство также хотело бы освободиться от евреев. Я возразил, что в случае, если румынское правительство намеревается последовать примеру Словакии, то я передам

это на рассмотрение надлежащим органам в Берлин (начальнику полиции безопасности и министру иностранных дел).

На это Михай Антонеску ответил, что, прежде всего, хочет выселить евреев из Баната. Я попросил его официальной нотой сообщить посольству об этих намерениях, на что Михай Антонеску дал свое согласие. Об этом я сообщил послу фон Киллингеру и начальнику полиции безопасности.

В конце июля 1942 года я был вызван Эйхманом для переговоров по этому вопросу в Берлин. А так как обещанная румынским правительством нота в то время еще не была предоставлена, то я сообщил Лекка, что я должен по этому вопросу поехать в Берлин. Я попросил его уведомить Михая Антонеску о цели моей поездки и сообщить мне, придерживается ли румынское правительство своего плана.

Вечером перед моим отъездом я был вызван Михаем Антонеску, который сообщил, что он по этому вопросу продиктовал на мое имя письмо. Он простился со мной и попросил меня подождать до изготовления этого письма.

Письмо было примерно такого содержания: Хотя после нашего устного совещания письменное подтверждение я считаю необходимым, я сообщаю вам, что румынское правительство согласно с эвакуацией евреев из районов Турда, Тимишвар, Клуй и Хунедоара в том случае, если ваши органы способны сейчас же начать эвакуацию евреев. Далее было написано: «Это также желает маршал Антонеску».

Это письмо я взял в Берлин и передал его Эйхману, который приказал снять фотокопию и сообщил об этом имперскому фюреру СС Гиммлеру. Какой оборот приняло это дело дальше, мне неизвестно.

Эйхман, прежде всего, дал мне указание установить, какое количество евреев подлежит переселению. Киллингер уведомил об этом также министерство иностранных дел, за что получил выговор, потому что не он вел эти переговоры. Он ответил, что, собственно, я придан посольству для разработки еврейского вопроса и с его согласия вел переговоры. Впрочем, дело не выяснилось, так как переговоры, которые я вел с Михаем Антонеску до того времени, носили подготовительный характер и обещанная нота о согласии румынского правительства с акцией о переселении еще не была опубликована.

В середине августа 1942 года уполномоченный правительства Лекка был приглашен начальником полиции безопасности и министерством иностранных дел посетить Берлин. Этот визит, длившийся 8 дней, включая дорогу, имел своей целью познакомить Лекка с Эйхманом и его референтами — с одной стороны, и с помощником статс-секретаря министерства иностранных дел Лаутер, а также его референтами — с другой стороны. Кроме того, Лекке была предоставлена возможность ознакомиться с решением еврейского вопроса вообще. Я при этом не присутствовал.

Во время заключительных переговоров Эйхманом был поднят вопрос об эвакуации евреев из Баната. Лекка обратил особое внимание на трудности, которые повсюду препятствовали проведению этого мероприятия. Даже вопрос с транспортом вызывал неисчислимые трудности. Эйхман объяснил ему, что это не является проблемой и что германская имперская ж[елезная] д[орога] предоставит необходимый транспорт. Эйхман просил Лекка по возможности подготовить дело. От него я получил указания, что если начнется кампания, то доложить ему об этом.

После нашего возвращения в Бухарест Лекка составил для маршала Антонеску соответствующий проект и передал его на рассмотрение Михаю Ан-

тонеску. Киллингер сказал мне, что по этому вопросу ничего больше не будет предпринято, пока не будет получена официальная нота румынского правительства. За это время мне неоднократно звонили из Берлина (Эйхман) и требовали ускорить это дело. Я объяснил ему, что не от меня это зависит, и, кроме того, посол был такого же мнения.

Примерно спустя два месяца Лекка сообщил мне (когда я спросил его, как обстоит дело с этим вопросом), что маршал Антонеску отсрочил проведение кампании.

Спустя несколько дней Лекка передал мне в письменном виде решение маршала Антонеску следующего содержания: «Проведение этой кампании откладывается. Вопрос требует дальнейшего изучения и разработки министерством внутренних дел».

Между тем я установил, что эвакуирующиеся евреи были преимущественно выходцами из Венгрии, и я понял, что румынское правительство только лишь по этой причине хотело освободиться от этих евреев, ибо они в преобладающем большинстве сочувствовали Венгрии. Киллингер с моим мнением был полностью согласен и заявил мне, что с нашей стороны ничего больше не будет предпринято.

После того как ноту румынского правительства, вследствие принятого маршалом Антонеску решения, нечего было больше ожидать, румынскому правительству об этом в дальнейшем не напоминали, и этот вопрос рассматривали уже законченным. Когда из этого случая я понял, какие трудности и препятствия стоят на пути к разрешению еврейского вопроса в Румынии, я перестал интересоваться моей дальнейшей деятельностью как советника по еврейскому вопросу. Только изредка заходил ко мне Лекка, чтобы сообщить мне о своей дальнейшей работе. В последнее время он особенно часто беседовал по еврейскому вопросу с Киллингером.

Однажды вечером, это было, если не ошибаюсь, в начале 1944 года, меня вызвал Лекка в приемную Киллингера. Он сказал мне, что находится в больших затруднениях с помощником статс-секретаря министерства внутренних дел — генералом Васпляну и маршалом Антонеску, и опасался, что его сместят. Чтобы устранить эту опасность, он выдумал для себя план. Он попросил меня пойти вместе с ним к Киллингеру, который ожидал его. Лекка доложил Киллингеру о положении и своем плане. Он же предложил Киллингеру написать фиктивную телеграмму на имя посла, которая должна была быть не чем иным, как приглашением для совещания в Берлин.

Киллингер согласился с этим и в присутствии Лекка написал такую телеграмму. На следующий день телеграмма должна была быть передана личному референту Михая Антонеску — Барбуль, которого Киллингер ожидал.

Лекка был убежден, что посредством этого ловкого маневра румынское правительство не осмелится его сместить, так как оно боялось, что это смещение произведет на немцев плохое впечатление.

Относительно высылки евреев из Буковины и Бессарабии в Трансистрию в июле 1941 года[114] мне бы хотелось напомнить, что я на нее не оказал никакого влияния.

По поручению Киллингера, я в 1942 году в присутствии Лекка подал протест Михаю Антонеску против проводимой министерством внутренних дел высылки, якобы, коммунистически настроенных евреев из Бухареста в Трансистрию. Эту высылку румыны мотивировали тем, что, якобы, немцы требовали этого. После того как Лекка уведомил Михая Антонеску, каким

образом производилась высылка и как при этом наживались определенные лица, эти высылки были прекращены.

Когда я убедился (об этом уже упоминалось), что моя дальнейшая совместная деятельность с румынами как советника по еврейскому вопросу бесцельна, я ограничился тем, что работал вместе с хозяйственной группой посольства и местной группой НСДАП по удалению евреев из государственных германских фирм в Румынии, и прежде всего в Бухаресте. Удаление евреев не могло, однако, быть законченным, ибо вопрос вызывал огромные затруднения.

Когда 18/XII-1942 года появился указ министерства иностранных дел об обращении с метисами, я занялся проведением этого указа. Речь шла о том, чтобы потребовать от метисов дать объяснение, хотят ли они возвратиться в империю, или же в противном случае они теряли германское подданство. Так, примерно из 80—100 случаев только пять (5) добровольно отказывались стать германскими подданными. Относительно смешанных браков (40 случаев) немцы должны были также дать объяснение, разводятся они или нет с евреями, в противном случае они также теряли германское подданство.

В начале 1943 года, ввиду того, что я не полностью был загружен работой, Киллингер поручил мне проверять ходатайства на получение виз со стороны иностранных подданных. Когда 26/XII-1942 года я был назначен полицейским атташе, то начальник полиции безопасности и СД освободил меня от обязанностей советника.

РИХТЕР ГУСТАВ

Показания отобрал: Оперуполн[омоченный] 2 отдела Главн[ого] управл[ения] контрразведки «Смерш» ст[арший] лейтенант СОЛОВОВ

ЦА ФСБ России. Н-21099. В 4-х тт. Т. 1. Л. 236—249. Заверенная машинописная копия. Подлинник на немецком языке — т. 1, л.д. 250—262об.

№ 174
СОБСТВЕННОРУЧНЫЕ ПОКАЗАНИЯ ШТУРМБАНФЮРЕРА СС Г. РИХТЕРА «ЕВРЕЙСКАЯ ВОЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПОД НАЗВАНИЕМ «ИРГУН»[115] В ПАЛЕСТИНЕ И НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ»

10 апреля 1947 г.
Москва

Члены и приверженцы этой организации исходят из того, что Англия после первой мировой войны не выполнила принятых ею по декларации Бальфура обязательств о создании в Палестине «еврейского национального очага».

Далее, члены организации «Иргун» придерживаются того взгляда, что Англия систематически способствует обострению противоречий между арабами и евреями, чтобы извлечь для себя из этого наибольшие выгоды. Достаточным доказательством тому является так называемый «план Пила»[I]. Из сознания этого члены организации «Иргун» отказались от сотрудничества с Англией и взяли ясный курс на борьбу против английской политики в Палестине.

[I] нем. «Peel-Plan».

Примерно в 1942 году тогдашний руководитель отдела прессы еврейского центрального комитета в Румынии д-р Вильман (настоящее имя Матей Грюнберг) обратил мое внимание на организацию «Иргун» и сообщил, что он познакомился в Бухаресте с членом или приверженцем этой организации, еврейским адвокатом д-ром Лейдерман (имя Константин или Якоб).

Я попросил Вильмана устроить мне встречу с д-ром Лейдерман. Встреча эта состоялась в здании германского посольства. Д-р Лейдерман изложил мне в общих чертах программу организации «Иргун», которая была направлена, как уже упоминалось, на борьбу против английских интересов в Палестине.

Более того, я увидел возможность использования членов «Иргун» и всей работы организации в интересах германской разведки в Палестине и на Ближнем Востоке, а именно: а) в чисто разведывательном отношении. «Иргун» имела широкий разведывательный аппарат; б) в области диверсии.

В программу «Иргун» входит диверсия на нефтепромыслах, важных железных дорогах, узлах связи, английских общественных зданиях. А также покушения на высокопоставленных чиновников английской администрации в Палестине были осуществлены, по моему мнению, по инициативе организации «Иргун».

Как мне сообщил д-р Лейдерман, «Иргун» обучает своих членов военному делу и имеет множество нелегальных складов оружия, разбросанных по всей стране.

Кроме того, он рассказал мне, что один главный функционер «Иргун» по фамилии Шибер время от времени приезжает в Стамбул и встречается там с членами своей организации. Преимущественно он находится в гор. Мерсин, где один капитан — еврей, совершающий рейсы между Хайфа и Мерсина, и являющийся доверенным лицом и курьером «Иргун», держит его в курсе всех событий.

Я заявил тогда д-ру Лейдерман, что работой «Иргун», вероятно, заинтересуется Германия, предполагая возможность установления личной связи с Шибером в Стамбуле. Лейдерман согласился установить связь с Шибером и через некоторое время сообщил мне, что Шибер об этом информирован и что во время своего приезда в Стамбул, о чем он заранее поставит в известность, с ним можно встретиться. Об этом я написал тогда подробный доклад нач[альнику] полиции безопасности и СД, который поручил, насколько мне стало известно, главному уполномоченному VI Управления РСХА в Турции заняться этим делом.

Шибер сообщил мне заблаговременно через д-ра Лейдерман о дне своего приезда в Стамбул. Я немедленно уведомил нач[альника] полиции безопасности. С этого момента я никакого отношения к данному делу больше не имел.

Я предполагаю, что главный уполномоченный VI Управления в Турции использовал эту связь.

РИХТЕР ГУСТАВ

Показания отобрал: Оперуполномоченный 4 отдела 3 Гл[авного] Управления МГБ капитан СОЛОВОВ

ЦА ФСБ России. Н-21099. В 4-х тт. Т. 1. Л. 311—313. Заверенная машинописная копия. Подлинник на немецком языке — т. 1, л.д. 314—318.

№ 175
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА ШТУРМБАНФЮРЕРА СС Г. РИХТЕРА

5 октября 1947 г.
Москва

Рихтер Густав, 1912 года рождения, уроженец гор. Штадтпроцельтен (Германия), немец, со средним образованием, член фашистской партии, быв[ший] сотрудник СД, штурмбанфюрер СС.

Вопрос: Когда и при каких обстоятельствах вы были назначены на должность германского советника по «делам евреев»?

Ответ: На должность германского советника по делам евреев в Румынии я был назначен в марте 1941 года отделом кадров Главного управления имперской безопасности Германии по рекомендации референта отдела кадров СС-оберштурмбанфюрера Брауне, который знал меня по совместной службе в СД гор. Штутгарт как человека, имеющего большой опыт в разрешении еврейской проблемы в Германии и оккупированных ею странах.

Вопрос: Какие установки вы получили в Берлине перед отъездом в Румынию по проведению там карательных мероприятий против евреев?

Ответ: В особых инструкциях я не нуждался, так как был хорошо знаком с политикой и практическим разрешением германским правительством еврейского вопроса.

Я понимал, что моей задачей будет помочь румынскому правительству в разрешении еврейской проблемы по примеру Германии. Что касается некоторых деталей этой работы, то я перед отъездом из Берлина ознакомился в Главном управлении имперской безопасности с отчетами нашего сотрудника Висличени, который к тому времени уже провел в Словакии большую подготовительную работу, направленную на окончательное разрешение еврейского вопроса.

Вопрос: Какие карательные мероприятия были проведены Висличени против евреев в Словакии?

Ответ: Висличени, опираясь на пронацистские элементы в Словакии, провел закон об исключении еврейского населения из культурно-хозяйственной жизни страны и насильственном изъятии их имущества и ценностей, организовал центральный еврейский орган и взял на учет еврейское население. Для разработки еврейских организаций и отдельных лиц он создал свою агентурную сеть. К 1942 году из общего числа 100 000 проживавших в Словакии евреев было вывезено и выдворено в концентрационные лагери Польши 60 000 евреев.

Мой непосредственный начальник СС-оберштурмбанфюрер Эйхман сказал мне, что я должен провести такую же подготовительную работу в Румынии, после чего получу от него дополнительные указания в духе окончательного разрешения еврейского вопроса.

Вопрос: Что следует понимать под «окончательным разрешением еврейского вопроса»?

Ответ: Окончательное разрешение еврейского вопроса означало полное физическое истребление евреев во всех оккупированных германскими войсками странах Европы. Первое секретное распоряжение об уничтожении евреев было дано Герингом начальнику полиции безопасности и СД Германии Гейдриху 31 июля 1941 года.

Это распоряжение я читал лично в Берлине, будучи на приеме у Эйхмана, который по поручению Гейдриха непосредственно руководил истреблением евреев. Германская политика в отношении евреев была достаточно ясно сформулирована Гитлером в его речи, произнесенной перед членами «старой гвардии» в годовщину основания национал-социалистической партии 24 февраля 1943 года в Мюнхене. Гитлер заявил, что к концу войны все евреи должны быть поголовно истреблены.

Вопрос: Какие конкретно указания вы получили в дальнейшем от Эйхмана по проведению карательных мероприятий в Румынии против евреев?

Ответ: За период моего пребывания в Румынии я получил от Эйхмана целый ряд указаний, касавшихся практического разрешения еврейской проблемы. Эти указания сводились к следующему: подобрать из числа политических деятелей Румынии подходящую кандидатуру на пост уполномоченного по еврейским вопросам и рекомендовать румынскому правительству распустить в Румынии все еврейские союзы, организации, общества и создать центральный еврейский орган, подобрать для руководства этим органом благонадежных лиц из числа еврейского населения; произвести перепись еврейского населения; организовать агентурную сеть для разработки еврейских организаций; добиться исключения евреев из политической, хозяйственной и культурной жизни страны; не допустить бегства евреев из Румынии за границу; добиться у румынского правительства отправки еврейского населения в концентрационные лагери Польши.

Вопрос: Покажите, какая цель преследовалась организацией так называемого «Центрального еврейского органа» в Румынии?

Ответ: Для того чтобы в глазах общественного мнения Румынии маскировать истинные цели намечавшихся мероприятий по еврейскому вопросу, мне было рекомендовано создать центральный еврейский орган, прикрываясь которым, легче было проводить карательную политику против евреев, не вызывая сильного противодействия и подозрений со стороны последних.

Вопрос: С кем из румынского правительства вы согласовывали и координировали свою работу?

Ответ: Все принципиального значения переговоры я вел с Михаем Антонеску. Еще во время моего первого визита к нему он информировал меня о проведенных румынским правительством антиеврейских мероприятиях, и выразил пожелание, чтобы я поддерживал с ним постоянный контакт и давал свои пожелания на основании опыта Германии. По его же рекомендации я поддерживал связь с министром по румынизации генералом Цвиденек, который ведал изъятием имущества и ценностей евреев и нуждался в моей информации о немецкой практике по этому вопросу.

Особенно тесный контакт по работе я имел с уполномоченным румынского правительства по еврейским вопросам Лекка, который был назначен на этот пост в октябре 1941 года по моей рекомендации.

Вопрос: Откуда вам был известен Лекка и почему вы именно его рекомендовали румынскому правительству на пост уполномоченного по еврейским вопросам?

Ответ: С Лекка я познакомился по приезде в Румынию весной 1941 года через консульского секретаря германского посольства Волер. Во время встречи Лекка сообщил, что ранее он состоял в антиеврейской партии Куза или Гога и может подробно информировать меня о еврейском вопросе в Румынии. Кроме того, я знал, что Лекка, проживая в Германии, был близко

знаком с Розенбергом и полностью разделял германскую политику в отношении евреев. Все это давало мне возможность рекомендовать Лекка румынскому правительству на пост правительственного уполномоченного по еврейским вопросам в Румынии.

Вопрос: Какие антиеврейские законы были вами проведены в Румынии?

Ответ: Мною совместно с Лекка, в первую очередь, было выработано три антиеврейских закона: закон о роспуске унии еврейских общин в Румынии; закон об организации центрального еврейского органа как, якобы, признанного государством представительства еврейских интересов, и закон о проведении переписи еврейского населения. Все эти законы были подписаны маршалом Антонеску и 17 декабря 1941 года опубликованы в румынском ведомственном сборнике законов.

Вопрос: Кого вы подобрали в состав руководства центральным еврейским органом?

Ответ: Я ориентировался на таких евреев, которые были известны среди еврейского населения и с которыми можно было найти общий язык. В подборе этих людей мне большую помощь оказал журналист Вильман, еврей по национальности.

Вопрос: Говорите прямо, Вильман был вашим агентом?

Ответ: Вильмана я не могу назвать в полном смысле агентом. Меня с ним познакомил сотрудник информационного отдела германского посольства фон Ритген. Вильман являлся руководителем так называемого «вильмановского движения» и вместе со своими приверженцами придерживался такого мнения, что разрешению еврейского вопроса не только в Румынии, но и вообще, не следует препятствовать, а, наоборот, необходимо поддерживать это мероприятие, не зависимо от того, кто является его инициатором.

Он был за выселение всех евреев из Румынии и других государств мира куда-нибудь в отдельную страну или на отдельный остров, но ни в коем случае не в Палестину (во избежание раздора с арабами), где бы они смогли вести самостоятельную государственную жизнь. Исходя из таких убеждений Вильмана, я заявил ему, что Германия желает создать независимое еврейское государство в Польше.

В связи с этим Вильман добровольно согласился оказывать мне помощь и рекомендовал своих единомышленников для руководства центральным еврейским органом. Так, он познакомил меня с евреем доктором Гингольд, которого Лекка по моей рекомендации назначил президентом Центрального еврейского органа. Кроме того, я передал для Лекка дополнительный список на 12 евреев в целях использования их на руководящих должностях.

Вопрос: Вы пытаетесь обмануть следствие, заявляя, что не имели агентуры среди еврейского населения, а использовали отдельных лиц как слепое орудие в своей карательной, преступной деятельности?

Ответ: Возможно, некоторые из евреев, оказывая помощь мне и Лекке, преследовали свои корыстные интересы, как, например, Гингольд, который после двух лет работы в качестве президента центрального еврейского органа принял христианское вероисповедание и стал румыном. Однако агентуру из числа евреев я не имел, так как получал достаточно информации и без их помощи.

Вопрос: Кто вам давал информацию?

Ответ: Я имел несколько способных агентов из швейцарцев, румын и немцев, от которых получал нужные мне сведения. Так, например, швейцарский подданный Вельти Ганс давал мне донесения о еврейских органи-

зациях и их планах на эмиграцию из Румынии. Мой другой агент Гир Карл разрабатывал еврейские круги в Румынии, Болгарии, Турции и т.д., о чем я подробно изложил в собственноручных показаниях.

Вопрос: Как вы использовали агентурные материалы?

Ответ: На основании донесений агентуры я имел возможность контролировать и осуществлять в нужном мне направлении политику румынских властей по еврейскому вопросу; выявлять факты бегства евреев за границу и информировать румынское правительство в целях пресечения подобного рода случаев и, наконец, вести разработку деятельности еврейских организаций и отдельных лиц.

Вопрос: Покажите, какие карательные меры были проведены в Румынии против евреев?

Ответ: Мною была выявлена еврейская организация во главе с неким Табачник, которая устраивала побеги евреев из лагерей Польши и Трансистрии. Все члены этой организации были арестованы префектом полиции Бухареста Пялаждану и осуждены на разные сроки заключения.

Непосредственного участия в отправке евреев из Румынии в лагеря Польши и Трансистрии, а также экспроприации еврейского имущества я не принимал. Моя роль в этом заключалась в консультации и даче советов румынским органам по еврейскому вопросу на примере Германии, т.е. я делал все от меня зависящее, чтобы выполнить задания СД и партийную программу в расовом вопросе.

Вопрос: Вы говорите неправду. Следствию известно, что вы требовали от румынского правительства выселения евреев в Польшу с целью их физического уничтожения?

Ответ: Должен признать, что летом 1942 года, будучи на приеме у Михая Антонеску, я дал ему понять о необходимости отправки еврейского населения в концентрационные лагеря Польши. При этом в качестве примера я сослался на словацкое правительство, которое успешно очищало свою страну от евреев.

Михай Антонеску выразил готовность последовать примеру Словакии и просил меня сообщить в Берлин, что румынское правительство согласно начать выселение еврейского населения в Польшу. Я попросил его официальной нотой уведомить об этих «намерениях» германское посольство, на что Михай Антонеску дал свое согласие.

В июле 1942 года он вручил мне письмо следующего содержания: «Несмотря на то что после нашего устного разговора я не считал необходимым давать письменное подтверждение, я сообщаю вам, что румынское правительство согласно с выселением евреев из районов Турда, Тимшвар, Клуж и Хунедора, если ваши учреждения сейчас же начнут их отправку. Это является также желанием маршала Антонеску».

Вопрос: Что вы предприняли, получив согласие Антонеску на отправку евреев в концентрационные лагери Польши?

Ответ: Я сообщил об этом германскому послу в Румынии фон Киллингер и начальнику полиции безопасности Германии, а в августе 1942 года был вызван Эйхманом для личного доклада в Берлин. Вслед за мной в Берлин приехал и уполномоченный румынского правительства Лекка. В ходе переговоров Эйхман поторопил нас с завершением организационной подготовки и обязался предоставить необходимые транспортные средства для отправки евреев в концентрационные лагери.

Вопрос: Вы выполнили указания Эйхмана?

Ответ: Да, для отправки евреев в концлагери Польши все было готово, мы составили соответствующий проект этой операции и через Михая Антонеску передали на утверждение маршалу Антонеску. Прошло два месяца, и никаких практических шагов со стороны румынских властей предпринято не было. За это время мне неоднократно звонил из Берлина Эйхман и требовал ускорить проведение операции. Я объяснил ему, что сделал все от меня зависящее, однако, мои усилия наталкиваются на медлительность румынских властей.

Примерно в ноябре 1942 года Лекка передал мне в письменном виде решение маршала Антонеску следующего содержания: «Проведение этой кампании временно откладывается. Вопрос требует дальнейшего изучения и разработки министерством внутренних дел».

Вопрос: Чем это было вызвано?

Ответ: Маршал Антонеску не особенно охотно поддерживал некоторые германские антиеврейские мероприятия. Это стало заметно после поражения германских и румынских войск под Сталинградом. Когда военное и политическое положение Германии ухудшилось и широкие румынские круги пришли к убеждению, что война ведет Германию к краху, румынское правительство для видимости стало менять свой курс, проводившийся до сих пор в отношении евреев.

Вопрос: Но при таком поведении румынского правительства германские представители в Румынии не оставались в роли наблюдателей?

Ответ: Конечно, нет. Германский посол фон Киллингер стал вести переговоры с пронемецкими элементами о формировании нового правительства Румынии.

Вопрос: А вы что делали?

Ответ: Я понял, что при создавшемся положении трудно будет радикально разрешить еврейскую проблему по примеру Германии, поэтому с января 1943 года я ограничился выселением германских подданных евреев в Германию, откуда их отправляли в концентрационные лагери Польши — для уничтожения. Одновременно я работал с хозяйственной группой посольства и местной группой национал-социалистической партии по удалению евреев из государственных германских фирм в Румынии, а также по поручению посла Киллингера проверял ходатайства иностранцев на получение виз. Лекка заходил ко мне только изредка и информировал о своей дальнейшей работе.

В конце 1943 года, в связи с отзывом из Румынии германского атташе полиции Беме, я был назначен начальником полиции безопасности и СД — Кальтенбруннером на должность атташе полиции при германском посольстве в Бухаресте и от еврейских дел отошел.

Вопрос: Покажите о своей деятельности в качестве атташе полиции в Румынии?

Ответ: Согласно инструкции имперского руководителя СС и германской полиции Гиммлера в мои обязанности как атташе полиции входило следующее: учет германских подданных, проживающих в Румынии и наблюдение за их политической благонадежностью; проверка лиц, ходатайствующих о получении виз на въезд в Германию; сотрудничество с румынской полицией и оказание ей конкретной помощи в организации полицейской службы; информирование германского посла о политической обстановке в стране. Для более успешного выполнения возложенных на меня обязанностей я имел

широко разветвленную агентурную сеть и поддерживал деловой контакт со всеми официальными и замаскированными германскими разведывательными, контрразведывательными и карательными органами в Румынии.

Сотрудничая с германскими карательными органами — тайной полевой полицией (ГФП), я передавал ей агентурные материалы, на основании которых она производила аресты неблагонадежных в политическом отношении немцев и не допускала выезда за границу румынских подданных, подозреваемых в связях с противниками Германии.

Можно сказать, что моя служба в качестве атташе полиции являлась скорее прикрытием, ибо фактически я находился в подчинении Главного управления имперской безопасности и выполнял его задания в области разведки.

О своей разведывательной деятельности в Румынии я изложил подробно в собственноручных показаниях от 5 февраля 1945 года.

Протокол допроса записан с моих слов верно, зачитан в переводе на немецкий язык.

РИХТЕР

Допросил: ст[арший] оперуполномочен[ный] 4 отдела 3 ГУКР МГБ СССР капитан СОЛОВОВ

ЦА ФСБ России. Н-21099. В 4-х тт. Т. 2. Л. 17—27. Подлинник. Машинопись. Автограф.

№ 176
СОБСТВЕННОРУЧНЫЕ ПОКАЗАНИЯ ШТУРМБАНФЮРЕРА СС Г. РИХТЕРА «О БЫВШЕМ НАЧАЛЬНИКЕ ГЕРМАНСКОЙ ВОЕННОЙ МИССИИ В РУМЫНИИ ГЕНЕРАЛЕ ГАНЗЕНЕ»

18 февраля 1948 г.
Москва

Ганзен является выходцем из 100 000 рейхсвера. Насколько мне известно, Ганзен до своей деятельности в Румынии был начальником кавалерийской школы в гор. Ганновер. В октябре 1940 года, после заключения соглашения между германским и румынским правительствами о направлении в Румынию германской военной миссии и немецкого обучающего персонала, Ганзен в качестве начальника этой миссии прибыл в Бухарест.

Главной его задачей было установление совместной работы между германским и румынским генеральными штабами. В задачу Ганзен также входило — путем обучения румынской армии поднять ее до уровня современных армий. Для этих целей военная миссия создала в Румынии различные учебные центры под руководством германских офицеров, например, в Фагас — для подготовки пехоты, в Тарговисты — для подготовки танкистов и т.д. Мне только известно, что он вел переговоры с бывшим начальником Генерального штаба Якоби[1] и его преемником Штефлея, а также с военным министром Патнази и маршалом Антонеску.

С началом войны против СССР Ганзен поехал на фронт. Его преемником был генерал-майор Хауфе. Примерно в середине 1942 года Хауфе был

[1] Так в документе, речь идет о румынском военном деятеле, генерал-лейтенанте Йозефе Якобичи.

направлен на фронт, и Ганзен снова принял военную миссию. Насколько мне известно, маршал Антонеску не был заинтересован в совместной работе с Хауфе, благодаря его выступлениям по отношению румын, и просил Гитлера, чтобы вновь на этот пост был назначен Ганзен.

Во время моих разговоров с германскими деятелями в Румынии послом фон Киллингер, генералом Герстенберг, руководителем областной нацистской партии — Кольхаммер и, особенно, с генерал-полковником Шернер о Ганзене, все они высказывали отрицательное отношение к нему и дали отрицательную характеристику Ганзена как индифферентного представителя германских вооруженных сил, который видит свою задачу в том, чтобы в лице «германского генерала» представлять в румынском Генеральном штабе интересы румын в отношении Германии, а не наоборот.

Генерал-полковник Шернер считал Ганзена неподходящим человеком для выполнения своих задач. Ганзен не умел правильно ориентироваться в обстановке и не знал действительной ситуации и политического положения в Румынии. По отношению к румынам, по его мнению, он был недостаточно решительным. Шернер говорил тогда о своем намерении использовать свои хорошие личные взаимоотношения с Гиммлером, написать ему письмо о необходимости изменения руководства германской военной миссией. Мне известен случай, когда Ганзен выступил решительно по отношению к румынам. В середине 1944 года он в письме на имя начальника румынского Генерального штаба Штефлея протестовал против хорошего обращения румынского населения и военнослужащих с американскими летчиками, приземлившимися вынужденно на румынской территории. Ганзен жаловался на то, что румыны к американцам относятся не как к военнопленным, а как к друзьям, что они за ними чрезмерно ухаживают и заботятся о них. Возражения румын по этому поводу мне неизвестны.

О связях Ганзена с разведывательными и контрразведывательными органами мне точно ничего не известно. Связь с «Абвером» осуществлялась таким образом, что руководитель «Абверштелле-Бухарест» полковник Родлер и позже майор фон Грегори одновременно являлись руководителями отдела «1-Ц» штаба военной миссии. В последнее время начальником «1-Ц» военной миссии был работник «Абверштелле-Бухарест» капитан Штауфе.

С информационным отделом посольства Ганзен был связан, помимо своего «1-Ц», подполковником Оттерштет. Кроме того, Ганзен получал текущую информацию от начальника ГФП в Бухаресте, от фельдполицейкомиссара Грунд. Я не имел с Ганзеном никакого личного и служебного контакта.

По имеющимся у меня сведениям, Ганзен отрицательно относился к выделению средств для разведывательной службы против румын, он считал, что разведывательной деятельностью против них не следует заниматься немцам, так как румыны, по его мнению, являются вечными союзниками Германии. В отношении политических взглядов Ганзена необходимо отметить, что национал-социалистическая партия считала его политически индифферентным.

Ганзен хотя был чисто военным человеком, но он всегда посещал мероприятия, проводимые н[ационал]-с[оциалистической] партией по поводу государственных и партийных праздников, так как считал, что там необходимо ему быть как представителю от миссии, с другой стороны, с целью показать свое положительное отношение к партии.

Во время манифестации н[ационал]-с[оциалистической] партии в Бухаресте, которая состоялась по поводу выражения верности Гитлеру после не-

удавшегося покушения на него 20.7.[19]44 г., Ганзен сделал публичное заверение о его верности и преданности Гитлеру.

Подводя итоги, я хочу охарактеризовать Ганзена следующим образом: «в служебном отношении он не соответствовал предъявленным требованиям, т.к. проявлял мало инициативы в работе и предпочитал хорошую жизнь серьезному делу. Он придавал большое значение и до болезненности считал необходимым представительство».

РИХТЕР ГУСТАВ

Москва 18 II. [19]48 г.

Показания отобрал: пом[щник] нач[альника] 2 отд[елени]я 4 отдела 3 Глав-н[ого] управления МГБ СССР майор МАСЛЕННИКОВ

Перевел: оперуполномоченный 2 отд[елени]я 4 отдела 3 Гл[авного] управления МГБ СССР лейтенант КУЩ

Справка: Копия настоящих показаний в деле на Ганзена Э.

майор *МАСЛЕННИКОВ*
21.V. [19]48 г.

ЦА ФСБ России. Н-21099. В 4-х тт. Т. 2. Л. 57—60. Заверенная машинописная копия. Подлинник на немецком языке — т. 2, л.д. 92—94.

№ 177
СОБСТВЕННОРУЧНЫЕ ПОКАЗАНИЯ ШТУРМБАНФЮРЕРА СС Г. РИХТЕРА

18 августа 1951 г.
Москва

I. ЗАДАЧИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ «ЕВРЕЙСКОГО ЦЕНТРА» В РУМЫНИИ

В середине декабря 1941 года в результате переговоров между правительственным уполномоченным по еврейскому вопросу в Румынии — Лекка, с одной стороны, заместителем премьер-министра Антонеску Михаем и мною — советником по еврейскому вопросу, с другой, — маршал Антонеску издал закон об учреждении «Еврейского Центра в Румынии», который был призван служить организационной базой для разрешения еврейского вопроса. Одновременно другим правительственным указом была распущена существовавшая ранее под руководством д-ра Фильдерман «Федерация еврейских общин в Румынии».

«Еврейский центр» должен был разрешить следующие задачи:

1. Поддерживать правительственного уполномоченного Лекка в осуществлении последним принятых румынским правительством законов и распоряжений относительно евреев.

2. Будучи единственной, признанной государством, руководящей инстанцией румынского еврейства, представлять интересы еврейского населения перед румынским правительством. Свою деятельность «Еврейский центр» практически развернул в феврале-марте 1942 года после опубликования «организационного статута», узаконившего структуру этого учреждения (статистический отдел, финансовый отдел, отдел культа, отдел переселения, отдел помощи нуждающимся и отдел прессы).

С весны 1942 года по август 1944 года «Еврейский центр» осуществил следующую конкретную деятельность:

а) В июне 1942 года «Еврейскому центру» было поручено проведение переписи еврейского населения Румынии, так как проведенная в апреле 1941 года статистическим управлением всеобщая перепись населения недостаточно отражала действительное число проживавших в Румынии евреев. Новая перепись было проведена с целью выработки возможно точного статистического обзора, который должен был содержать данные о численности еврейского населения, о его распределении по городской и сельской местности, об имущественном положении, профессиональном признаке, о степени участия в хозяйстве, промышленности, торговле, ремесле и т.д. Полученные статистические данные являлись базой для планирования намеченных мероприятий по разрешению еврейского вопроса в Румынии — выключения евреев из политической, культурной и, прежде всего, хозяйственной жизни страны и, наконец, переселение евреев из Румынии.

б) Проверка евреев, занятых на различных должностях в народном хозяйстве. В связи со стремлением правительства к т.н. румынизации народного хозяйства (вытеснение евреев из народно-хозяйственной деятельности и замена их т.н. «чистокровными румынами»), Министерство румынизации в контакте с Министерством труда приступило к проверке занятых в экономике евреев. Все руководители хозяйственных учреждений были обязаны законом сообщить сведения о работающих у них лицах еврейской национальности с точным указанием их должности и обоснования пребывания в данном учреждении. Поступавшие сведения перепроверялись правительственным уполномоченным Лекка в сотрудничестве с представителями «Еврейского центра». Эти лица решали в каждом конкретном случае, необходим ли тот или иной еврей для дальнейшего использования в своем учреждении или фирме. Евреям, дальнейшая работа которых была признана необходимой, Министерство труда выдавало соответствующее разрешение на работу сроком на год. Данные о евреях, лишенных таких разрешений, сообщались в румынский Генеральный штаб, который через территориальные комендатуры призывал их для использования на общественных работах. В связи с тем, что руководство хозяйственных учреждений, в которых работали евреи, было обязано в установленные сроки заместить евреев румынами, такая проверка проводилась ежегодно.

в) Проведение финансовых сборов среди еврейского населения. Маршал Антонеску дал указание правительственному уполномоченному Лекка провести финансовые сборы, главным образом среди состоятельных евреев, в порядке возмещения за то, что евреи в 1942—[19]43 гг. не призывались в румынскую армию. Контрольной цифрой сборов было 2 миллиарда лей. «Еврейский центр» должен был вести учет подлежавших обложению евреев, списки которых предоставлялись правительственному уполномоченному Лекка. Последний устанавливал в каждом конкретном случае суммы обложения. Маршал Антонеску приказал также, что евреи, уклонившиеся от сдачи денег, подлежат отправлению в трудовые лагеря на оккупированной территории Советского Союза (т.н. «Трансистрия»), а их имущество должно быть конфисковано. Однако окружение маршала Антонеску осаждало его бесчисленными ходатайствами, и он был вынужден отказаться от стопроцентного выполнения своего приказа. Всего «Еврейским центром» было собрано около 700 млн. лей. Собранными средствами маршал Антонеску и зам[еститель] премьер-министра Михай Антонеску распорядились по своему усмотрению, как это принято в Румынии.

г) Устройство курсов для профессиональной переподготовки. Целью этих курсов являлась переподготовка евреев, занятых ранее исключительно интеллектуальной деятельностью и работой в государственных и хозяйственных учреждениях, для использования по другим профессиям.

Указанные курсы готовили только работников для различных видов сельского хозяйства, так как страны, давшие согласие на переселение евреев, принимали лишь лиц, имевших указанную подготовку.

д) Благотворительная деятельность. К ней относилось управление и устройство еврейских больниц, богоделен, детских домов и т.д., а также помощь нуждающемуся еврейскому населению.

е) Текущая информация еврейского населения о законах и распоряжениях правительства. Этой работой занимался отдел прессы «Еврейского центра», издававший в указанных целях собственный печатный орган («Еврейская газета»).

ж) Консультация еврейского населения по интересовавшим последнее вопросам и ходатайствам.

II. АГЕНТУРА ИЗ ЧИСЛА ЕВРЕЕВ 9Д-Р ГИНГОЛЬД, Д-Р ВИЛЬМАН-ГРЮНБЕРГ, ЭДУАРД ГРЮНБЕРГ, ЛУИС ГРЮНБЕРГ, САМУЭЛЬ РОЗЕНЦВЕЙГ

1. Д[окто]р Вильман-Грюнберг, житель г. Бухареста. После того как в мае 1941 года я приступил к исполнению обязанностей советника по еврейскому вопросу при румынском правительстве, сотрудник германского посольства в Бухаресте фон-Ритген обратил мое внимание на Вильмана. Ритген сообщил мне тогда, что знаком с Вильманом в течение некоторого времени и знает его как руководителя т.н. «движения Вильмана», которое серьезно занимается вопросом решения проблемы еврейства в Румынии. Я попросил Ритгена свести меня с Вильманом, что было исполнено. Во время нашей первой встречи Вильман изложил мне свою точку зрения на еврейский вопрос и пути его разрешения. По его мнению, тактика сионистов, стремившихся к установлению еврейского государства в Палестине и рассчитывавших при этом на поддержку со стороны Англии, была ошибочной и не могла решить еврейский вопрос. Вильман полагал далее, что создание еврейского государства в Палестине могло лишь поставить новое государство перед лицом неимоверных трудностей и столкновений с арабами и, тем самым, обречь евреев на новые страдания. Вильман заявил также, что представляемое им движение видит решение еврейского вопроса в переселении евреев в специальный резерват, где исключает возможность столкновения с другим народом. Я пояснил Вильману, что с германской стороны такое решение планируется и в качестве такого резервата предусмотрен остров Мадагаскар. Я представился также Вильману как советник по еврейскому вопросу, прибывший в Румынию по приглашению румынского правительства в целях помощи последнему при намечаемом решении еврейского вопроса. При этом я спросил Вильмана, могу ли я рассчитывать на его личную поддержку и помощь представляемого им движения при решении поставленных передо мной задач. Во время последующих встреч я, совместно с Вильманом, составил список кандидатов для работы в образуемом «Еврейском центре». Об этом я систематически информировал Михая Антонеску, так как необходимо было учитывать и его пожелания. После назначения правительственного уполномоченного Лекка я проинформировал последнего о

моих переговорах с Вильманом и познакомил их. По указанию Вильман и д-р Гингольд передали Лекка список кандидатов для «Еврейского центра». При составлении списка я стремился к тому, чтобы в него не были включены сионисты и, наоборот, чтобы предпочтение было отдано сторонникам Вильмана. Во время моих встреч с Вильманом и его ближайшими сторонниками я не преследовал каких-либо разведывательных целей. Речь шла, главным образом, о подготовке к созданию «Еврейского центра» и обсуждении связанных с еврейским вопросом проблем. После основания «Еврейского центра» Вильману было поручено руководство отделом прессы. В этой должности он систематически информировал меня о всех статьях и заметках, публикуемых в румынской прессе по еврейскому вопросу. В этих целях он лично или через курьера ежедневно доставлял мне сводку прессы.

В разговорах с Вильманом мы обсуждали, наряду с его личными делами (его положение в «Еврейском центре», взаимоотношения с Гингольд и Лекка), главным образом, еврейский вопрос в Румынии и связанные с ним трудности. Примерно в середине 1943 года я прекратил отношения с Вильманом, так как Лекка и Гингольд мне сообщали, что Вильман не только занимается интригами против Гингольда и его сотрудников, но и использует свою должность в «Еврейском центре» для личной выгоды. По этой причине Лекка его уволил. Характер связи Вильман с Ритгеном мне неизвестен. Зная, однако, что Ритген работал для информационной службы посла фон Киллингер, полагаю, что он использовал в этих целях Вильмана.

2. Д[октор]р Гингольд — президент «Еврейского центра», проживает в г. Бухаресте. В связи с переговорами, которые я вел с Вильманом о личном составе «Еврейского центра», мне пришлось в июне-июле 1941 года встретиться в здании посольства с д-ром Гингольд. Мы беседовали с ним исключительно по вопросам, связанным с организацией «Еврейского центра». После создания этого учреждения Гингольд получил в нем вначале пост генерального секретаря, а затем стал президентом «Еврейского центра». В течение всего периода своей работы в «Еврейском центре» Гингольд, по договоренности с Лекка, систематически информировал меня о деятельности «Еврейского центра», равно как во всех других вопросах, которыми занималось это учреждение.

В частности Гингольд давал мне текущую информацию о законах и распоряжениях румынских властей относительно евреев, а также о разработках, проведенных на материале переписи еврейского населения. Информация, полученная мной от Гингольда, использовалась мною как для личного осведомления, так и для переговоров, которые я вел с Лекка. Кроме этой чисто информативной деятельности, я других политических сведений от Гингольда не получал и не работал с ним в этом направлении.

Однако я установил, что Гингольд тесно связан с одним немцем — румынским подданным Чильшке, по профессии купцом, являвшимся «доверенным лицом» уполномоченного СД в Румынии — Аунера. Это обстоятельство мне стало известно следующим образом:

В период с середины июля до начала октября 1941 года я находился в Берлине. В это время начальник отдела по еврейству в РСХА — Эйхман передал мне на заключение полученный им из VI Управления РСХА доклад о «движении Вильмана». Я запросил VI Управление, кто автор докладной записки, на что получил ответ, что материал получен из Румынии.

Вернувшись в начале октября 1941 года в Бухарест, я потребовал от Вильмана объяснения по этому поводу. Последний заявил, что в период моего отсутс-

твия он по просьбе Гингольда передал ему материалы о программе и целях «движения Вильмана». Вильман сообщил мне также, что Гингольд связан родственными узами с неким Чильшке, который имеет связи с кругами СС в Германии.

Родственная связь последних заключалась в том, что Гингольд женился на бывшей жене Чильшке, который с ней развелся. На основании этих данных я установил адрес Чильшке и предложил ему прийти ко мне. В разговоре с ним я выяснил, что при встречах с Гингольд они разговаривали о положении евреев в Румынии. При этом, по предложению Чильшке, Гингольд передал ему материалы о «движении Вильмана». На мой вопрос, куда он направил полученные материалы, Чильшке ответил, что отправил их в Вену сотруднику СД по фамилии Гласс.

В середине 1942 года, будучи близко связан с главным уполномоченным СД в Румынии — Аунером, я находился у него на квартире и в беседе с одним из сотрудников последнего снова услышал фамилию Чильшке. Я поинтересовался этой личностью, и Аунер сообщил мне, что Чильшке работает на него как «доверенное лицо». На вопрос, кто такой Гласс, Аунер мне ответил, что это сотрудник СД и друг бывшего начальника реферата по Румынии в VI Управлении РСХА — СС-штурмбанфюрера Ванек[1] (в 1941 году Гласс погиб на Востоке). В каком объеме Гингольд сотрудничал с Чильшке, мне неизвестно, и об этом я не спрашивал ни Аунера, ни Гингольда и Чильшке.

Эдуард и Луис Грюнберги, жители Бухареста. Эдуард и Луис Грюнберги являются сыновьями упомянутого выше Вильман-Грюнберга. Гингольд представил их мне при посещении «Еврейского центра». Насколько я помню, эти лица работали в статистическом отделе. Более близких отношений с ними я не поддерживал, и о них я ничего не могу показать.

Самуэль Розенцвейг, житель г. Бухареста. Лично с ним я не знаком. Его личность представляла для меня интерес в связи с деятельностью английской разведки в Румынии (см[отри] мои показания от весны 1948 года о деятельности английской разведки в Румынии). Больше ничего о Розенцвейге я не знаю.

Унтерманс Марсель, житель г. Бухареста, румынский подданный. См[отри] ниже раздел VII.

Люттингер, житель г. Бухареста, голландский подданный. См[отри] ниже раздел X.

Московитц-Леграин, житель г. Бухареста, румынский подданный. Московитц-Леграин был содержателем магазина парфюмерии в Бухаресте. Несмотря на мое указание паспортному отделу германского посольства не выдавать евреям виз на проезд через Германию, я установил, что летом 1943 года Московитц-Легранин все же получил визу.

Начальник паспортного отдела Гарденберг ответил на мой запрос, что виза была выдана по просьбе начальника «Абверштелле-Бухарест» полковника Бауэр и согласно указания, поступившего из МИДа Германии. Из документов, представленных Московитцем в паспортный отдел, я установил, что в качестве поручителя он указал директора фирмы «Маннесманн» в Бухаресте, германского подданного Вебер.

Я допросил Вебера, и последний показал, что по поручению «Абверштелле-Бухарест» он сопровождал в Париж Московитц-Леграин вместе с семьей.

---

[1] Речь идет о штурмбанфюрере СС Вилли Ванеке, сотруднике III Управления РСХА, с конца 1941 г. (?) руководителя реферата «Юго-Восток» VI Управления РСХА.

Далее Московитц должен был выехать без сопровождения в Португалию, как только получит извещение, что некоторая сумма, которую он направил в Швейцарию, депонирована в одном из Швейцарских банков. В целях получения дальнейших объяснений Вебер посоветовал мне обратиться к нач[альнику] «Абверштелле-Бухарест» полковнику Родлер.

На мой запрос полковник Родлер сообщил, что Московитц-Леграин, имевший желание выехать с семьей в Португалию, был завербован Абвером. При этом он по поручению Абвера должен был перевести известную сумму на замаскированный счет одного швейцарского банка. Эти деньги предназначались для одного агента, потерявшего в Южной Америке все свое состояние. Других данных Родлер мне не сообщил.

Пауль Хениш — германский подданный (бывш[ий] австрийский подданный, житель Бухареста). Сотрудничал с работником «Абверштелле-Нюрнберг» — Гетце. См[отри] протокол допроса от марта 1951 года о моей агентуре (Фальтин).

III. КАРЛ ГИР, ЕГО ШПИОНСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И СВЯЗЬ С РУКОВОДСТВОМ СИОНИСТОВ

Карл Гир являлся швейцарским подданным и представителем «Швейцарского телеграфного агентства» в Румынии. Работавший с осени 1940 года до апреля 1941 года в Бухаресте б[ывший] германский атташе полиции Гейсслер докладывал мне во время приезда в Берлин летом 1941 года, что Гир является его агентом.

Вернувшись в октябре 1941 года в Румынию, я возобновил связь с Гир и, сославшись на разговор с Гейсслером, приступил к его дальнейшему использованию. Имея обширные связи среди еврейских кругов, особенно среди сионистов, Гир вначале снабжал меня сведениями только об этих кругах и их связях с еврейскими организациями в Турции. Наряду с этим, он поставлял мне чисто политическую информацию по Румынии и Турции. Совершая поездки в Турцию, во время которых он переправлял письма от своих знакомых евреев руководителю «Еврейского агентства» в Турции — английскому подданному Барлас, Гир познакомился с последним и его сотрудником д-ром Голдин.

Кроме того, во время пребывания в Стамбуле Гир восстановил свои дружеские отношения с бывшим атташе прессы английского посольства в Бухаресте — Гибсон. Проверкой РСХА я установил, что Барлас работает на английскую разведку и близко связан с Гибсоном, руководившим в прошлом английской разведкой в Бухаресте. Как уже сказано выше, Гир был в близких отношениях с сионистскими организациями в Румынии, особенно с одним из лидеров сионистов д-ром Энцер. Последний даже доверял Гиру переправку писем в Турцию для д-ра Барлас.

Далее, Гир был связан с руководителями молодежных сионистских организаций в Румынии — Табачник Герш и Скарлат Янку, от которых он также получал письма для передачи д-ру Барлас. Я получал от Гира фотокопии писем, которые содержали исключительно данные о деятельности упомянутых евреев в области переселения еврейского населения, а также просьбы о материальной помощи. Разведывательной связи я по этим связям установить не смог.

Весной 1944 года Энцер выехал из Румынии и, как мне сообщил Вельти, направился через Турцию в Палестину. Далее Гир был связан с евреем Бараф, который, по словам Гира, использовался им для операций на «черной бирже». О Барафе, равно как и о других связях Гира среди евреев, ничего не известно.

IV. ИНФОРМАЦИЯ, ПОЛУЧЕННАЯ ОТ ВЕЛЬТИ, И ЗАГРАНИЧНЫЕ СВЯЗИ РУМЫНСКИХ СИОНИСТОВ

С весны 1942 до весны 1944 года, наряду с информацией о политических событиях в Румынии, я получал от Вельти, главным образом, информацию о деятельности руководства запрещенных в Румынии сионистских организаций и их связях с заграницей (Швейцария и Венгрия). Речь шла о содержании писем, которые он по поручению евреев из Бухареста переправлял во время своих поездок евреям в Внгрию и Швейцарию и обратно. Указанную переписку Вельти передавал мне для снятия фотокопий. Румынские и венгерские евреи направляли информацию следующим лицам из руководства сионистских организаций в Швейцарии:

1. Д-р Лихтгейм, проживавший в Женеве. Лихтгейм выходец из Берлина, откуда он в 1933 году эмигрировал в Швейцарию. Он руководил «Центральным отделом по профессиональной переподготовке и эмиграции в Палестину». Деятельность Лихтгейма распространялась на все европейские страны.

2. Д-р Зильберштейн, проживавший в Женеве. Вместе с Лихтгейм эмигрировал из Берлина в Швейцарию в 1933 году. Он руководил организацией сионистов в Швейцарии и был ближайшим помощником предыдущего.

3. Швальб Натан, проживал в Женеве. Один из лидеров сионистской организации в Швейцарии и близкий сотрудник Лихтгейма.

Румынские сионисты были связаны со следующими евреями в Венгрии:

1. Д-р Кастнер[I], проживал в Будапеште. Руководитель сионистской организации в Венгрии.

2. Шпрингман, проживал в Будапеште. Лидер венгерских сионистов, весной 1944 года через Сербию эмигрировал в Турцию.

Вельти посредничал в связи следующим румынским сионистам с единомышленниками в Швейцарии:

1. Д-р Бенвеништи Мишу, адвокат, проживал в Бухаресте. Бенвеништи руководил сионистской организацией в Румынии. Насколько припоминаю, состоял в письменной связи с Лихтгейм и Зильберштейн.

2. Д-р Энцер, проживал в Бухаресте. Член руководящего комитета сионистской организации в Румынии. Был связан с Зильберштейн и Швальб.

3. Фишер Вильгельм (имя не точно), проживал в Бухаресте. Также член руководящего комитета сионистской организации в Румынии, связан с Зильберштейн и Швальб.

4. Табачник Герш, проживал в Бухаресте. Табачник (кличка «Шуня») был руководителем молодежной сионистской организации в Румынии. Был связан с Лихтгеймом, но, главным образом, с Зильберштейн и Швальб.

5. Скарлат Янку, проживал в Бухаресте. Был связан, главным образом, с Зильберштейн и Швальб.

6. Д-р Фильдерман, адвокат, проживал в Бухаресте. Фильдерман был действительным лидером еврейства в Румынии. До декабря 1941 года являлся президентом «Федерации еврейских общин в Румынии» и до захвата власти легионерами осенью 1940 года президентом УОББ (Бне Брис)[II] в Румынии.

[I] Речь идет об одном из руководителей сионистского движения в Венгрии Рудольфе Исраэле Кастнере.

[II] Так в документе.

Одновременно он был представителем «Джойнт»[116] в Румынии. По своим убеждениям он выступал за ассимиляцию евреев, однако, сотрудничал с перечисленными выше лицами. Был связан с Лихтгейм. Кроме того, был единственным лидером румынских евреев, поддерживавших связь с представителем «Джойнт» в Швейцарии — Сали Майер, являвшимся, одновременно президентом израэлитских религиозных общин в Швейцарии. Майер проживал в гор. Санкт-Галлен.

Д-р Энцер был связан также с Кастнером и Шпрингман (см[отри] выше), а Табачник и Скарлат поддерживали связь только с Шпрингман.

Просмотром писем, в основном направлявшихся в Швейцарию, я установил следующее о характере перечисленных связей:

а) Письма содержали данные о положении румынских сионистов и их подготовке к эмиграции.

б) О нелегальном функционировании распущенных осенью 1940 года молодежных сионистских организаций (доклады Табачника и Скарлата).

в) О положении еврейского населения в Румынии (доклады д-ра Фильдерман, д-ра Энцер, Табачника и Скарлата). При этом освещалось политическое положение в Румынии.

г) О нелегальной переправе евреев из Польши и трудовых лагерей на оккупированной территории Советского Союза в Румынию и их дальнейшей отправке через Турцию в Палестину.

д) Об использовании полученных из Швейцарии денежных сумм, предназначенных на покрытие расходов в связи с деятельностью, указанной в пунктах «а», «б», и «г».

Переписка между евреями в Румынии и Венгрии содержала в основном обмен мнениями о положении с переселением евреев. Швейцарские евреи направляли в Румынию информацию о ходе переселения евреев в Палестину, а также директивы о том, каким категориям евреев отдается предпочтение при вывозе в Палестину. Таковыми являлись, в первую очередь, евреи, работавшие в сельском хозяйстве или прошедшие соответствующую подготовку в сельскохозяйственных школах.

Подытоживая, следует сказать, что эта связь носила характер работы еврейской разведывательной службы. Связь с английской разведкой находила свое проявление в докладах, которые Табачник и Скарлат направляли Зильберштейну и Натану Швальб. Так, например, Скарлат передал письмо Нойману, работавшему на меня и являвшемуся одновременно агентом «Абверштелле-Бухарест», для передачи д-ру Барлас в Турции. В этом письме Скарлат докладывал о прибытии в начале октября 1942 года в район Тимишоара двух парашютистов-евреев, переброшенных туда английской разведкой.

Один агент благополучно приземлился, а второй был тяжело ранен, не мог передвигаться и в таком состоянии, будучи захвачен румынской полицией, был доставлен в больницу в г. Брашов. В своем письме, адресованном Зильберштейн и Швальб, Табачник докладывал, каким образом ему удалось освободить этого еврея из больницы и перевезти в безопасное место.

Проверкой через РСХА я установил, что Зильберштейн или Швальб, точно не помню, был связан с английской разведкой. Я затрудняюсь воспроизвести события более точно и прошу сверить с моими показаниями о деятельности английской разведки в Румынии от марта 1948 года.

V. ВЕРБОВКА ПРИ ПОМОЩИ ВИЛЬМАНА СИОНИСТОВ И ЕВРЕЕВ В РУМЫНИИ

Примерно летом 1942 года Вильман мне сообщил, что он познакомился с адвокатом Лейдерман из Бухареста, располагающим данными о действующей на Ближнем Востоке антианглийской боевой организации евреев под наименованием «Иргун». Вильман предложил мне познакомиться с Лейдерман, если я хочу узнать более подробные сведения об указанной боевой организации. Я попросил Вильмана свести меня с Лейдерман, и наша встреча состоялась в здании германского посольства в Бухаресте. О результатах беседы с Лейдерман об организации «Иргун» я показал раньше. Никаких других сведений разведывательного характера я от Лейдерман не получал. Он был единственным евреем, с которым меня свел Вильман.

VI. БЫЛ ЛИ Д-Р ТЕСТЕР АГЕНТОМ «АБВЕРА» И О ЕГО СВЯЗЯХ С СИОНИСТАМИ В РУМЫНИИ

Д-р Тестер был не только агентом, но и резидентом «Абверштелле-Бухарест». По этому вопросу могу показать следующее: примерно весной 1942 года посол фон Киллингер передал мне для тщательного расследования дело д-р Артура Тестер в целях установления действительного характера его деятельности в Румынии. До меня этим делом занимался начальник информационной службы посольства — Редель.

О личности Тестера и его деятельности имели хождение самые разнообразные слухи. Одни утверждали, что Тестер выполняет задания гестапо или Абвера, другие говорили, что он использует свои связи с германскими учреждениями для прикрытия своих грязных коммерческих махинаций.

В результате проведенного мною расследования было недвусмысленно доказано, что Тестер является ближайшим сотрудником «Абверштелле-Бухарест» и одновременно авантюристом международного масштаба. Мое утверждение, что Тестер является резидентом «Абверштелле-Бухарест», я могу доказать следующими фактами:

1. По моему предложению весной 1942 года Киллингер созвал совещание, на котором, кроме меня, присутствовали Редель, Ритген (осуществлявшие связь между послом и Кристеску) и начальник ССИ — Кристеску.

Мы обратились с просьбой к Кристеску высказать свое мнение о личности Тестера и его деятельности в Румынии. Кристеску заявил, что он внимательно следил за Тестером и установил, что он замешан в разных темных махинациях и, во вторых, что он поддерживает связь с германскими разведывательными органами. По одной информации — Тестер работал на гестапо, по другой — на Абвер. Кристеску запрашивал «Абверштелле-Бухарест» (Родлера или Старнского), и получил ответ, что Тестер действительно связан с «АСТ-Бухарест».

2. Тестер и германский подданный Валленштейн были связаны с германской фабрикой мясных и колбасных изделий, принадлежавшей немцу Кульке. В ходе расследования я допросил Валленштейна и Кульке об участии Тестера в делах фирмы Кульке. На допросе Валленштейн подтвердил, что для Тестера характерно нечистоплотное ведение дел. Одновременно Валленштейн выразил сомнение в том, что посольству удастся отстранить Тестера, так как, по его словам, Тестер имел влиятельных покровителей в «АСТ-Бухарест» и в центре Абвера в Берлине.

Валленштейн по собственной инициативе разговаривал с сотрудником «АСТ-Бухарест» майором фон Грегори, которому сообщал о темных делах Тестера и просил, чтобы Абвер отказался от его услуг как агента, так как своей деятельностью он подрывает авторитет немцев. Валленштейн сам, как он рассказывал, являлся агентом не то «АСТ-София», не то «АСТ-Бухарест» и, таким образом, узнал, что Тестер работает по поручению сотрудников «АСТ-Бухарест» — майора фон Грегори и д-ра Петерман. На допросе Валленштейн и Кульке признали, что Тестер посылал значительное количество сала и колбасных изделий проживавшим в Германии родственникам полковника Родлера, фон Грегори, Петермана, а также подполковнику Фройнд из Абвера в Берлине.

3. По совету Валленштейна я допросил также секретаршу Тестера, румынскую немку Геттлихер, о личности Тестера и его связи с Абвером. Геттлихер подтвердила, что Тестер являлся ближайшим сотрудником «Абверштелле-Бухарест» и близким другом майора фон Грегори. Так, например, фон Грегори, который, наряду с другими офицерами Абвера (Петерман и др.), бывал в доме Тестера, состоял в интимной связи с дочерью Тестера — Виолеттой, являвшейся балериной Венского оперного театра. Кроме того, Тестер подарил Грегори скаковую лошадь «Король кино», а также делал ему другие ценные приношения (золотой портсигар с надписью «Твой верный друг Тедди» и пр.). Свои приношения Грегори Тестер неоднократно характеризовал таким образом, что «Грегори у него в руках».

4. Примерно весной 1943 года Редель меня спросил, известно ли мне, что д-р Тестер занимается переселением евреев из Румынии. Редель показал мне фотокопию письма руководителя «Еврейского агентства» в Турции — д-ра Барлас, адресованного румынскому подданному Бурсан, в котором Барлас сообщил, что им получено разрешение от английских и турецких властей на транзит 5 тысяч румынских евреев через Турцию в Палестину. По словам Ределя, Тестер посетил посла фон Киллингера, передал ему упомянутое письмо и просил посла одобрить предполагаемое переселение евреев. Киллингер ответил Тестеру, что не может дать ответа без согласования с советником по еврейскому вопросу, и направил Тестера ко мне.

После ознакомления с фотокопией письма я пригласил Тестера к себе и спросил последнего, на каком основании и по чьему поручению он, наряду со своей многосторонней деятельностью, занялся вопросом переселения евреев. Д-р Тестер ответил, что им, как лицом, связанным с «АСТ-Бухарест» (с майором фон Грегори), разработан план, получивший одобрение «Абверштелле-Бухарест» и центральных органов Абвера. Согласно этому плану он предложил Абверу использовать переселение евреев в разведывательных целях, для чего необходимо было завербовать ряд переселяемых евреев, имея в виду их последующее внедрение в ряде стран. Эти мероприятия Тестер характеризовал как «создание дальних разведывательных связей».

Я заявил Тестеру, что имеется принципиальное запрещение Гейдриха на эмиграцию евреев, и предложил Тестеру до получения мною соответствующего разрешения прекратить свою деятельность в этом направлении. Тестер обещал направить мне письменный доклад с изложением всего дела, чтобы я мог проинформировать руководство в Берлине.

Несколько дней спустя ко мне позвонил Грегори из «АСТ-Бухарест» и попросил устроить встречу со мной. Во время этой встречи Грегори сказал, что он осведомлен Тестером о разговоре со мной и что обещанный последним доклад находится у него, Грегори. При этом Грегори заметил, что он не считает возможным передать мне докладную записку, составленную его со-

трудником Тестером, так как она содержит материалы, выходящие за круг интересов советника по еврейскому вопросу. Кроме того, план Тестера о создании дальних разведывательных связей, по заявлению Грегори, был в последнее время отклонен Берлином, так как Гиммлер добился запрещения использования евреев как агентов.

5. По окончании расследования дела Тестера я, будучи уже атташе полиции, направил начальнику полиции безопасности и СД в начале 1944 года сообщение о результатах расследования и просил вынести заключение по нему, согласовав его с руководством Абвера. Результатом переговоров начальника полиции безопасности и СД с руководством Абвера в Берлине было распоряжение Тестеру выехать в Братиславу, где его дело должно было быть разобрано смешанной комиссией. Тестер от этого расследования уклонился.

Одновременно с переходом Абвера в подчинение РСХА начальник полиции безопасности и СД приказал начальнику «Абверштелле-Бухарест» выключить Тестера из агентурной сети. Петерман сообщил об этом Тестеру, после чего последний ликвидировал свои дела в Бухаресте и выехал в провинцию г. Дева.

Во время моего пребывания в Берлине в августе 1944 года начальник группы «Юго-Восток» VI Управления РСХА — СС-оберштурмбанфюрер Ванек передал мне приказание руководства РСХА арестовать Тестера и привезти его в Германию. Я спросил Ванека об основании такого распоряжения Кальтенбруннера, на что Ванек мне ответил, что имеются материалы о связи Тестера с английской разведкой. Ванек добавил, что данные о связи Тестера с английской разведкой получены от органов СД в Турции. В подробности Ванек не вдавался.

Я вернулся в Бухарест в день государственного переворота и в связи со сложившейся обстановкой не смог арестовать Тестера. Куда Тестер выехал после 23/VIII-[19]44 г. мне неизвестно. Тестер был связан с большим числом евреев в Румынии. Часть из них (примерно 6 чел.) принадлежали к его личному «штабу». Каждый из этих евреев выполнял конкретные функции. Если, скажем, один из них изготовлял фотокопии, то другой представлял денежные интересы Тестера на «черной бирже».

По ходу работ над вышеупомянутым планом переселения 5000 евреев д-р Тестер связался с рядом евреев из числа сионистов. Насколько помню, он был связан с руководителем сионистской организации в Румынии д-ром Мишу Бенвеништи, Циссу, Корнель Янку и Брюк.

По вопросу об участии в финансировании переселения евреев Тестер вел переговоры с крупным еврейским промышленником Аушнит Максом. Во время этих переговоров Тестер взял на себя обязательство использовать свои связи с германской разведкой и добиться разрешения на беспрепятственный выезд евреев из Румынии. В целях финансирования переселения евреев Тестер договорился, что каждый переселяемый еврей должен был внести определенную сумму в фонд переселения.

В качестве вознаграждения за полученное от германских властей разрешение Тестер должен был получить 30 % от указанного фонда. Если учесть, что денежный взнос каждого из 5 тысяч евреев составлял примерно 300 тысяч лей, то в карман Тестера должна была попасть круглая сумма в $^{1}/_{2}$ миллиарда лей. Приведенные сведения я почерпнул из допроса упомянутой секретарши Тестера — Геттлихер и донесений агента Ределя — еврея Унтермас Марселя (О нем см[отри] ниже в разделе VII).

VII. ОБ АГЕНТУРЕ, ИЗ ЧИСЛА ЕВРЕЕВ, РАБОТАВШЕЙ НА РЕДЕЛЯ

Из этой категории мне известен только упомянутый выше еврей Унтерманс Марсель, проживавший в Бухаресте. Редель мне рассказывал в одной из бесед, что с Унтерманс его свел агент Валленштейн. Одно время Унтерманс был связан с Тестером, однако затем порвал с ним. Когда Редель занимался делом Тестера, то информацию о последнем он получил от Унтерманс. Характер этой информации мне неизвестен.

Знаю, что Редель собирался направить Унтерманс с разведывательным заданием в Турцию. Об этом Редель мне сообщил с просьбой высказать мнение о благонадежности Унтерманс как агента. Я отсоветовал Ределю направить Унтерманс в Турцию, так как на основании личных впечатлений (я неоднократно встречался с Унтерманс у Ределя) полагал, что Унтерманс сбежит, как только окажется в Турции. Насколько помню, Редель отказался от своего намерения.

VIII. НА КАКУЮ РАЗВЕДКУ РАБОТАЛИ РУКОВОДИТЕЛИ СИОНИСТОВ В РУМЫНИИ? (БЕНВЕНИШТИ, ЦИССУ, ЯНКУ, КОРНЕЛЬ И ДР.)

О разведывательной деятельности перечисленных лидеров сионистов мне ничего не известно. Я осведомлен, однако, о том, что оба руководителя молодежной сионистской организации в Румынии — Табачник Герш и Скарлат Янку — состояли в разведывательной связи с находившимся в Турции (г. Стамбул) руководителем «Еврейского агентства» — д-ром Барлас, о котором РСХА располагало данными, что он английский подданный и агент английской разведки. По этому вопросу я показал выше в разделе IV настоящих показаний.

Далее я прошу свериться с моими показаниями о работе английской разведки в Румынии от марта 1948 года и протоколом о моей агентуре от марта 1951 года.

Из числа евреев не-сионистов связь с французской или английской разведки поддерживал крупный промышленник Аушнит Макс. В середине июня 1944 года Аушнит, переодетый в форму румынского майора авиации, вылетел из Румынии в Бейрут (Сирия) на военном самолете, пилотируемом капитаном Гика. Вместе с ними вылетел также инженер Хурмузеску, работавший в политехникуме г. Бухарест. По этому вопросу см[отри] мои показания о деятельности английской разведки в Румынии от марта 1948 года.

IX. ДАННЫЕ О РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БАРЛАС И БУРСАН ПО ЗАДАНИЯМ АНГЛИЙСКОЙ РАЗВЕДКИ

Мне только известно по сообщениям РСХА, что Барлас является английским подданным и агентом английской разведки, на которую работал, используя свое положение руководителя «Еврейского агентства» в Турции. См[отри] по этому вопросу разделы IV и VIII. Другими данными о разведывательной деятельности Барлас на англичан не располагаю.

О Бурсан (не еврей) мне известно, что он был связан с Барлас (см[отри] выше раздел IV). В ходе упомянутой выше беседы с д-ром Тестер о проекте переселения евреев я узнал от последнего, что Бурсан является его агентом. На один из моих запросов о личности Бурсан Редель ответил, что по воз-

вращении из Турции Бурсан предоставил доклад о политическом положении в Турции и встречах там с различными лицами. Указанный доклад Бурсан передал Тестеру, а последний направил это сообщение в «АСТ-Бухарест», а копию доклада послу Киллингеру.

Насколько припоминаю, Редель мне сообщил, что посол был весьма заинтересован докладом Бурсана и имел с ним личную беседу. С другой стороны, главный уполномоченный СД в Румынии Аунер сообщил мне, что Бурсан работает на англичан. Более подробно Аунер об этом мне не говорил.

X. КТО ИЗ ЧИСЛА ЕВРЕЕВ ЯВЛЯЛСЯ АГЕНТОМ КИЛЛИНГЕРА? (СВЯЗЬ МЕЖДУ БУРСАН И КИЛЛИНГЕРОМ И РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНАЯ СВЯЗЬ МЕЖДУ БУРСАН И ФИЛЬДЕРМАН)

Из этой категории мне известен как агент Киллингера голландский подданный Люттингер, проживавший в Бухаресте. Об этом я узнал при следующих обстоятельствах. Примерно летом 1943 года меня вызвал Киллингер и передал имевшееся у него донесение о спекулятивных сделках двух германских коммерсантов, содержавших фирму в Бухаресте. Киллингер приказал мне перепроверить это сообщение. Прочитав еще раз у себя в кабинете это донесение, я обнаружил на документе написанную рукой Киллингера едва заметную фамилию «Люттингер».

Я вызвал к себе указанных немецких купцов и допросом их установил, что они жертвы интриги со стороны одного немца — служащего фирмы. На мой вопрос, известен ли им Люттингер, они отвечали утвердительно. Я доложил результаты расследования Киллингеру и спросил последнего, давал ли его агент Люттингер всегда заслуживающие доверия сведения.

Киллингер выглядел смущенным и спросил, откуда мне известно, что Люттингер его агент. Я обратил его внимание на то, что г[осподи]н посол забыл стереть «вещественное доказательство», и вернул ему документ. Более подробно о разведывательной связи Бурсана и Киллингера мне, за исключением сказанного выше в разделе IX, ничего не известно. Мне также неизвестно о разведывательной связи между Бурсан и Фильдерман.

XI. О ДЕНЕЖНЫХ СУММАХ, ПОСТУПАВШИХ ДЛЯ РУМЫНСКИХ СИОНИСТОВ ИЗ АМЕРИКИ, АНГЛИИ И Т.Д.

1. Деньги из Америки

Через евреев в Бухаресте и Швейцарии Вельти был связан с евреем Фильдерман, проживающим в Бухаресте. Последний, в свою очередь, использовал поездки Вельти в Швейцарию для передачи писем проживавшему в Женеве Лихтгейму и в Санкт-Галлен — руководителю «Джойнта» — Сали Майер. При одной из бесед с Майером и Лихтгейм они просили Вельти передать Фильдерману, что «Джойнт» в Америке согласен удовлетворить ходатайство Фильдермана о денежной помощи. Фильдерману было предложено разработать план безопасной доставки денег в его руки. Фильдерман разработал такой план, который был одобрен «Джойнт» и представлял собой следующее: Под наименованием «Помощь Трансистрии» (т.е. помощь находившимся в лагерях на территории «Трансистрии» евреям) состоятельные румынские евреи должны были посылать деньги Фильдерману из расчета 1000 лей = 1 доллару.

Список евреев-жертводателей Фильдерман пересылал в Швейцарию, где в одном из банков на их счет соответствующие суммы перечислялись аме-

риканским «Джойнт» в американской валюте. Тем самым Фильдерман одновременно предоставил безопасную возможность состоятельным румынским евреям перевести часть своего капитала за границу. Эта акция благополучно началась. Насколько припоминаю по материалам перехваченного письма Фильдермана, в первое время ему удалось перевести в Швейцарию около 15 тысяч долларов = 15 млн. лей. Из числа евреев, направлявших деньги, кроме Фильдермана, припоминаю Векслера, проживавшего в Бухаресте. О дальнейшем развитии этого дела я не осведомлен, так как в марте 1944 года связь Вельти с евреями прекратилась. Как конкретно Фильдерман поступил с собранными деньгами, я не знаю.

2. Деньги из Швейцарии

Из перехваченных Вельти писем было видно, что бухарестские евреи, в первую очередь Табачник и Скарлат, обращались с просьбой к швейцарским евреям Лихтгейм, Зильберштейн и Швальб о присылке им денег для выполнения стоявших перед ними задач (нелегальный провоз евреев из Польши в Палестину, организация молодежных сионистских групп и т.д.). Часть запрошенных денег в американской и швейцарской валюте была передана указанным бухарестским евреям через Вельти, какая именно сумма — не помню. Вельти докладывал мне также, что из общения с еврейскими кругами в Швейцарии и Румынии он узнал о переправке значительных сумм для румынских евреев через «Международный Красный Крест» и дипломатических курьеров. Подробности Вельти не удалось узнать, так как швейцарское руководство сионистской организации подчинялось международному центру в Нью-Йорке, которым руководил Вейцман, следует полагать, что деньги, переправленные в Румынию из Швейцарии, были американского происхождения.

3. Деньги из Турции

а) С аналогичными просьбами о денежной помощи бухарестские евреи (Энцер, Скарлат, Табачник) обращались и к руководителю «Еврейского агентства» в Стамбуле — д-ру Барлас. Об этом свидетельствовала, главным образом, переписка, перехваченная Гиром. Так же, как Вельти, Гир перевозил деньги от Барласа в Румынию. Сколько денег было переправлено из Турции, я не помню.

б) Далее агент Нойман получил однажды поручение от представителя английской разведки в Стамбуле перевезти в Румынию 1 млн. лей для передачи ряду лиц, большинство которых являлись евреями.

Этих лиц и другие обстоятельства этого дела я указал в моих показаниях о деятельности английской разведки в Румынии от марта 1948 года.

Прошу обратиться к этим показаниям и к протоколу об агентуре от марта 1951 года, в котором имеются подробные сведения о Нойман.

РИХТЕР

Показания отобрал: пом[ощник] нач[альника] 5 отд[еления] 2 Гл[авного] Управления МГБ майор СОЛОВОВ

Перевел: майор КОПЕЛЯНСКИЙ

Перевод верен: переводчик Следотдела 2 Гл[авного] Упр[авления] МГБ капитан ПОТАПОВА

ЦА ФСБ России. Н-21099. В 4-х тт. Т. 4. Л. 107—131. Заверенная машинописная копия. Подлинник на немецком языке — т. 4, л.д. 133—168.

Руководитель военно-морской миссии адмирал Вернер Тилиссен

№ 178
СОБСТВЕННОРУЧНЫЕ ПОКАЗАНИЯ АДМИРАЛА В. ТИЛИССЕНА

7 сентября 1944 г.
[Б/м, Румыния]

Тилиссен
адмирал — начальник Морского штаба связи
в Румынии

Перевод с немецкого

7 сентября 1944 г.

Ответы
на поставленные мне вопросы

1. Когда в связи с переменой власти в 1933 году германская армия начала вооружаться, морской флот тотчас приступил к строительству военных судов всех типов. Программа нового строительства того периода, во время которого я находился в запасе, мне неизвестна. Я, однако, знаю, что было предусмотрено также и строительство линейных кораблей. Однако этот план не смог быть реализован к началу войны, он потерпел неудачу уже в вопросе финансирования, так как в первую очередь должны были развиваться сухопутная армия и ВВС.

Таким образом, в распоряжении морского флота находились ограниченные средства. На эти средства были построены два линейных крейсера типа «Шарнгорст», а затем два тяжелых линейных крейсера типа «Бисмарк». Наряду с этим началось строительство тяжелых крейсеров типа «Блюхер»[117], эсминцев и подводных лодок.

Основным требованием было добиться разумного соотношения боевой мощи и быстроходности каждого судна. Кроме этого, важное значение придавали обеспечению большого радиуса действия кораблей, чтобы создать возможность продолжительного пребывания их в открытом море. Во время войны строительство кораблей было совсем приостановлено, все верфи стали использоваться для строительства эсминцев, тральщиков-искателей, торпедных катеров и подводных лодок.

Когда Германия вступила в войну с Англией, германский флот, ввиду небольшого количества времени, имеющегося в распоряжении для вооруженных сил, по сравнению с противником был слаб. Нужно было небольшими средствами добиться наибольшего практического эффекта. В соответствии с этим подводные лодки были брошены на просторы Атлантического океана, чтобы, в первую очередь, помешать подвозу грузов в Англию, а затем и во Францию.

Для того чтобы внести беспорядок в мировое судоходство и сковать повсюду части неприятельского флота, во все океаны периодически направлялось определенное количество вспомогательных крейсеров, имеющих большой радиус действия. Торпедным катерам было поручено контролирование прибрежных вод, эсминцам более отдаленные цели. Средние и тяжелые морские надводные силы оперировали в океане в одиночку или боевыми группами, иногда сроком до месяца. Кроме того, флот получил приказ: подготовиться в материальном отношении и в отношении личного состава к занятию портов на побережье Голландии, Бельгии и Франции.

Овладение Норвегией являлось большой нагрузкой для надводных военно-морских сил, так как многие корабли при этом погибали. Кроме того, в после-

дующее время были потеряны «Бисмарк» и «Шарнгорст»; «Граф Шпее»[1] был потерян еще в начале войны, так что немногие оставшиеся соединения вынуждены были полностью перейти к обороне. Вспомогательные крейсеры, в общем, действовали успешно, хотя некоторые из них и не возвращались из плавания.

Эсминцы и торпедные катера оправдали себя. Хорошо известны замечательные в начале войны успехи подводных лодок. Их роль, однако, была почти уже сыграна, когда противник ввел навигационные приборы, при помощи которых надводные и вспомогательные военно-морские силы своевременно обнаруживали любую подводную лодку и уже не допускали атаки этой подлодки. Это же привело и к большим потерям подлодок.

II. О личном штатном составе сухопутной армии, так же как и ВВС, я судить не могу. Морской флот, в общем, не мог пожаловаться на затруднения с кадрами, особенно после того, как во флоте научились довольствоваться меньшим, чем привыкли в мирное время. Пополнение, благодаря интенсивной допризывной физической подготовке, было хорошим.

Военная и судостроительная промышленность, в общем и целом, вопреки постоянным, тяжелым воздушным налетам, осталась на высоте, тем более что во многих пунктах удалось крайне быстро восстановить и пустить в ход поврежденные заводы и верфи. То же самое полностью относится к строительству подводных лодок. Точно так же были преодолены все затруднения с доставкой материалов, хотя, конечно, сроки строительства не всегда было возможно выдерживать.

III. На всех военных судах экипажи полностью укомплектованы и суда находятся в полной боевой готовности. Что касается числа военных судов, то у нас сейчас действует одно крупное военное судно, кроме того, 8—10 крейсеров, которые большей частью используются как учебные суда. Об эсминцах и подлодках ничего точно сказать нельзя, так как потери держатся в большом секрете и дислокация этих видов мне не известна, то же самое относится к легко уязвимым и нуждающимся в частом осмотре торпедным катерам. Цифры в 60—80 эсминцев и 500 подводных лодок могут оказаться близкими к действительности.

О флоте, в полном смысле этого слова, в настоящее время говорить уже нельзя, во главе судов каждого вида стоит флаг-офицер, например, командующий эсминцами или командующий подводными лодками.

Политико-моральное состояние личного состава мне всегда характеризовали как очень хорошее. Немецкий солдат борется за реализацию национал-социалистической программы, это значит — за социальную справедливость в распределении работы и хлеба.

В противоположность Первой мировой войне, когда слабое правительство не указывало народу никакой цели и не пыталось помешать внедрению в сознание солдата пораженческих настроений, сегодняшний солдат убежден в необходимости выстоять. Очень благоприятным в смысле вышеуказанного оказалось: во-первых, то обстоятельство, что каждый может стать офицером, и, во-вторых, что офицер и рядовой могут получать одни и те же награды.

Значительное влияние на дальнейший ход войны на море при теперешней организации флота могут оказать только подводные лодки, если им снова удастся незамеченными приближаться к противнику, т.е. если Германии удастся изобрести новый, специальный прибор для этого. То, что над разрешением этого вопроса много работают, не оставляет никакого сомнения. Если разрешить этот вопрос не удастся, морскому флоту остается только обороняться.

---

[1] Речь идет о линкоре «Адмирал граф Шпее».

IV. Так как все потери, как уже было сказано, насколько это возможно, сохраняются в тайне, охарактеризовать их очень трудно. Отправной точкой может служить только численность экипажей: линейный крейсер — около 1600 человек, тяжелый крейсер — около 1200 человек, легкий крейсер — около 600 человек, эсминец — около 260 человек, подводная лодка — около 50 человек. Особых трудностей с кадрами не было, потери в экипажах всегда покрывались, точно так же личный состав для новых судов был всегда наготове.

«ФАУ-1» и торпеда, управляемая одним человеком, известны[118] и уже не являются тайной. О действии «ФАУ-1» на цель я не осведомлен. Управляемая торпеда добилась ряда успехов, опубликованных в печати. Догадался ли противник за это время, какими методами бороться с этими видами оружия, а также и то, подготовила ли Германия или намеревается ли подготовить эти виды оружия в значительном количестве — должно показать будущее.

Фактором особо важного значения эти виды оружия не являются. О дальнейших новых видах оружия, о которых говорит германское министерство пропаганды, — мне ничего не известно. Во всяком случае, я считаю невероятным, что эти виды оружия сыграют решающую роль для дальнейшего хода войны.

V. О проведении морских операций указано в имеющихся уставах точно так же, как и об основном тактическом применении каждого вида судна. Проведение каждой отдельной операции обсуждается и разрабатывается командованием военно-морских сил. После утверждения главнокомандующего плана этой операции поступает для практического ее проведения морскому командиру, которому эта задача поручена. Вышесказанное действительно и для подводных лодок. Приказ на проведение операции отдает командующий подводным флотом, который, кроме того, дает детальные распоряжения командиру флотилий.

Командование военно-морскими силами подчиняется непосредственно главнокомандующему военно-морским флотом. Оно состоит из различных отделов, в которых по отдельности разрабатываются вопросы надводной, подводной войны и морской авиации. В основном требуется обеспечить проведение постоянных действий подводного флота, несмотря на теперешние его столь незначительные шансы на успех, для того, чтобы сковать части ВМФ противника.

Эсминцы и подлодки, по мере возможности, постоянно, смотря по радиусу действия и метеообстановке, оперируют в морских зонах, находящихся под угрозой противника, чтобы достигнуть успеха внезапными действиями.

Более крупные суда, ввиду их небольшого количества, удерживаются на базах и объединяются только для отдельных операций, обещающих успех.

О взаимодействии между военно-морскими и наземными силами имеются директивы общего характера. Эти директивы касаются, во-первых, совместных действий при операциях на море, т.е. при подготовке противником десанта, и, во-вторых, действий при отражении неприятельского десанта. Командование, вплоть до высадки, находится в руках морского командира, при вступлении противника на сушу оно переходит к командующему армии.

Каждый тип судна следует использовать соответственно его основному назначению. Подводные лодки оперируют обычно самостоятельно, без помощи других родов войск, теперь поодиночке, как и в начале войны. Одно время они оперировали группами, что не оправдало себя. Взаимодействие с надводными силами происходит редко и именно тогда, когда пункт встречи происходит в момент, который в какой-то степени может быть определен заранее.

Торпедный катер является импровизированным родом оружия, которое может добиться хороших результатов при благоприятных условиях погоды, в узких водных пространствах и против караванов судов у берегов. Взаимодействие с другими родами морских сил обычно не производится.

Современный эсминец, хорошо вооруженный артиллерийскими орудиями и торпедами, не привязан больше к побережью, но, благодаря своему радиусу действия и мореходным качествам, он в состоянии вести бой в океанских просторах. При сопровождении караванов судов, охранении крупных соединений и неожиданных нападений на судно эсминцы всюду имеют большие шансы на успех, при условии большой быстроходности.

Крейсер является как бы эскадренным миноносцем высшей категории. Обладая значительной боевой мощью, он должен иметь достаточную скорость, чтобы скрыться от преследования более крупного соединения. Германия может позволить себе пустить его в бой только в особых случаях, обещающих успех. Формирование боевой группы рекомендуется именно в случае импровизированных операций.

VI. Главное командование военно-морских сил олицетворяет главнокомандующий. Ему, кроме командования морскими силами, подчиняются: управления, ведающие вопросами кадров, организационными вопросами и вопросами вооружения. Далее следуют высшие фронтовые штабы, командование группами флота на северо-западе и юге. Командование группы флота «Север» и северный флот находятся под одним руководством.

В отношении организации соединений кораблей я указал уже выше, что каждый класс корабля подчинен одному командующему. Командования Балтийским и Северным морем имеют передовые штабы. Эти командования ответственны за всю оборону побережья и всей прибрежной зоны на подведомственной им территории. Таким образом, им подчиняются командующие береговыми районами, а также и морские командующие, которым подчиняются соединения береговой обороны, действующие на прибрежных участках.

VII. Южное побережье Балтийского моря в отношении обороны артиллерии, а также обороняющихся соединений на море и в воздухе, находится в хорошем состоянии. О работах по сооружению укреплений у Датских проливов я ничего не знаю. Если бы я знал, то, как офицер, я об этом не мог бы сказать, так как мы еще находимся в состоянии войны. Однако я убежден, что с момента занятия Дании мы сделали все, чтобы посредством артиллерии, заграждений всех родов и авиации сделать невозможным, или, по крайней мере, предельно затруднить, прохождение через эти проливы противника.

То, что Германия оккупировала Аландские острова, мне стало известно несколько месяцев или недель тому назад. Какие-либо подробности об этом до меня не дошли.

VIII. Когда Румыния в 1941 году вступила в войну с Россией, Германия отправила в Румынию морскую комиссию, которая должна была оказывать содействие в улучшении румынского флота — в отношении матчасти и личного состава. Положение, которое она застала на месте, было весьма неутешительным, по крайней мере с немецкой военной точки зрения. Румыны сами говорили: «С конца Первой мировой войны мы жили хорошо и ничего не подготовили на случай новой войны». Корабельная матчасть не была в порядке и не была готова к эксплуатации, личный состав не был ни в малейшей степени обучен вождению судов, ни плаванию в составе соединений, ни владению оружием и средствами связи. Подготовка матчасти — оружие и снаряжение — оставляли желать много лучшего. Таким образом,

перед немецкими союзниками стала задача столь же тернистая, как и привлекательная; привлекательная потому, что младшие офицеры и матросы показали свое рвение и способности. Задачу обучения взял на себя немецкий учебный штаб в Констанце, состоящий из офицеров, унтер-офицеров и матросов-специалистов по различным специальностям.

Таким образом, в короткое время удалось привести румынские военно-морские силы в боевую готовность. В первый год в состав экипажа для командования и обслуживания машин и оружия включался немецкий персонал. Затем с течением времени стало выявляться, что преподавательский состав мог быть постепенно сокращен, чему сами румыны, само собой разумеется, придавали большое значение. В боевых операциях румыны проявляли довольно хорошие успехи, если бы только румынское руководство в Бухаресте не проявляло тенденцию: слишком не рисковать. Девизом было: «Флит ин бинг»[1], это означало стремление при заключении мира иметь, по возможности, более высокое материальное оснащение.

Наряду с вышеизложенным Германия старалась ввести свои военно-морские силы в Черное море, чтобы там активизировать морскую войну. Подводные лодки, торпедные катера, вооруженные рыболовные катера, десантные баржи образовали, в конце концов, весьма скромные вооруженные силы, которые были усилены малыми итальянскими подлодками (с экипажем в 5 человек). Все это вместе взятое представляло силы, над которыми, насколько мне известно, русский Черноморский флот обладал высоким превосходством.

Румынский флот, в основном, представлял четыре эсминца, два минных заградителя, три подлодки, на которых только две были готовы к действию, а также пять мониторов, четыре ведетты и более мелкие вспомогательные суда. Немцами за это время было сконцентрировано шесть подлодок, восемнадцать торпедных катеров, а также суда для охраны портов и караванов. Болгария, кроме незначительных собственных морских сил, имела более четырех торпедных катеров, поставленных Германией, которые, однако, совершали только учебные рейсы. То же количество торпедных катеров Германия поставила Румынии, о чем я забыл упомянуть ранее.

Командование немецкими судами осуществлял начальник немецкой морской миссии (сначала она помещалась в Бухаресте), вице-адмирал. После падения Одессы он переместил свою резиденцию в Констанцу, а затем в Крым. Его должность была переименована, и он стал именоваться «Командующий адмирал Черноморского флота».

Итальянские подлодки были подчинены немецкому морскому командующему. То же сделали и румыны, согласно указанию главы государства о подчинении флота в оперативном отношении немецкому морскому командующему; подчинение в оперативных вопросах, кроме того, должно было каждый раз быть одобрено румынским морским командованием.

Ввиду такого соотношения сил в Черном море союзники были вынуждены держаться оборонительно; тем более что румыны не были слишком расположены к наступательным действиям, так как постоянным девизом румынского руководства было «поменьше рисковать». Исходя из такой обстановки, главной задачей надводных сил стала организация сопровождения караванов и судов, чтобы обеспечить все морские перевозки через море и, прежде всего, всевозможные товары войскового снабжения. Для прикрытия восточного фланга были установлены минные заграждения, сеть которых

---

[1] Английская поговорка: «Флот держать наготове» — *прим. перев.*

постоянно расширялась. Для охраны Констанцы Германия предоставила две тяжелые батареи по три орудия в каждой. Одна из них была передана румынам, вторая до последнего времени оставалась в руках немцев. Эта батарея, в свое время, подбила русский эсминец. Действия подлодок были, само собой разумеется, наступательными.

Задачи немецкого флота сильно сократились в связи с продвижением наземного фронта, во время которого требовалось учреждать в занятых портах портовые комендатуры и ставить морских комендантов, на которых была возложена артиллерийская охрана побережья. Точно так же повсюду должны были быть созданы депо и пункты оснащения. Чтобы лучше управлять делами, немецкий адмирал в это время переместил свой штаб в Крым, в г. Симферополь.

Задачей подлодок и, в ограниченной мере, торпедных катеров было: «беспокоить противника наступательными действиями и наблюдать за движением судов, чтобы этим самим избежать неожиданностей».

Русский флот оставлял впечатление, что деятельность подводных лодок была постоянной и активной, надводные же силы, наоборот, ограничивались случайными операциями и, в общем, удерживались. Предполагалось, что более крупные суда, видимо, не обладали слишком большой скоростью и не могли избежать угрозы со стороны подводных лодок.

В Крыму в прошлом году находилось в сумме примерно 200 000 немцев и румын, включая сюда и нестроевые части. Эта цифра, в связи с усложнившейся ситуацией, была уменьшена примерно наполовину. При неожиданном пришедшем приказе об эвакуации удалось увести на судах примерно три четверти оставшихся. Потопление двух самых крупных транспортов привело к потере 10 000 человек. Задачи морского флота в этой области колоссально усложнились тем, что русские наступали быстрее и сильнее, чем предполагалось вначале.

Вследствие этого план эвакуации соблюдать было невозможно, все должно было быть переделано и сделано на скорую руку. В довершение всего в отдельные дни была неблагоприятная погода и неспокойное для небольших судов состояние водной поверхности. Кроме того, навигационные способности гражданских капитанов оставляли желать лучшего. Суда всех типов были из-за горькой необходимости загружены сверх нормы, но благоприятная погода на обратном пути позволила большинству из них достигнуть Констанцы.

Воздушный налет в этот момент мог бы принести большие потери. Это подтверждает крупный успех, который произвел налет в этом месяце[119]: очень тяжелые повреждения двух румынских эсминцев, потеря семи немецких торпедных катеров и многие другие разрушения.

О судьбе немецкого гарнизона в Констанце при разгроме в Румынии до меня дошли только слухи, так как к этому времени я уже был заперт в немецком посольстве в Бухаресте. Как я слышал, военно-морские силы отплыли, наземные войска, находившиеся на побережье, отошли.

IX. Подготовка офицеров всех родов войск до войны происходила по одной программе, многократно претерпевшей изменения. В основном программа была следующая: расположение на земле и подготовка на учебных парусных судах. Все это в течение полугода. После этого десятимесячное обучение в морской школе, в которой воспитанникам, наряду с физической подготовкой и изучением иностранных языков, преподносились теоретические знания по морскому делу. Затем снова практика: артиллерия, торпедное дело, минное дело, связь — каждый предмет по два-три месяца. Затем ко-

мандировка на фронтовые суда — крейсера и эсминцы. При хороших результатах стажировки — производство в офицеры, в общей сложности после трех с половиной месяцев учебы.

Поступать в училище мог любой не запятнанный ничем юноша, независимо от социального происхождения и характера образования. Если общее образование признавалось несколько слабым или односторонним, то проводились специальные дополнительные уроки.

Решающим, в первую очередь, был моральный и физический облик юноши. Молодые люди, которые уже служили матросами или унтер-офицерами, тоже могли подать заявление о приеме и, судя по степени уже достигнутых ими знаний, разумно включались в ход учебы. Подобной системой достигали наилучших результатов.

Для подготовки рядового состава флота до войны, как и теперь, было предусмотрено 14 курсов по различным специальностям. При поступлении молодые люди распределялись по специальностям соответственно уровню общего образования или профессии. Последующая перемена специальности не рекомендуется и допускается только в исключительных случаях. Все курсы в целом я сейчас не помню. Примеры: матросы и матросы-машинисты (ранее называющиеся кочегарами), береговые артиллеристы, электротехники, артиллерийские и торпедные механики, радисты и писаря, хозяйственники, телеграфисты, сигнальщики, штурманы, мотористы и т.д. Каждый новобранец проходит сначала пехотную подготовку и потом продолжает обучение по специальности.

Таким образом, военные суда получали своих людей по прохождении ими пехотной подготовки. Производство в унтер-офицеры происходило, примерно, спустя два года службы. Дальнейшему обучению унтер-офицеров придается особо большое значение и притом отнюдь не только в отношении их специальных знаний. Они обучаются на командиров в особых школах, с многомесячным курсом обучения: поведению перед строем, обращению с подчиненными, правилам поведения начальника и т.п. Эти курсы повторяются, как повышение, перед производством в дальнейшие чины.

Следует добавить к предыдущему, что матросы и матросы-машинисты, в свою очередь, с самого начала обучения разделяются — для службы на эсминцах, крейсерах и т.д., и затем они уже не должны менять свои должности. У всего контингента, прибывающего на флот, в возрастающей степени были заметны благоприятные результаты допризывной физической подготовки. Разделение по военным специальностям хорошо оправдалось.

Набросанная выше фундаментальная подготовка офицеров на время войны сохраниться не могла. Все больше и больше стала выявляться необходимость значительно сократить обучение, причем приходилось соглашаться с вытекающими отсюда недостатками.

Сокращение срока было необходимо, во-первых, чтобы восполнить потери офицерского состава, но прежде всего потому, что задачи, и этим самым увеличение морского флота, сильно возрастали, как бы глумясь над всеми предварительными расчетами. Морской флот, который до сих пор действовал в большинстве европейских стран, в своем личном составе — он имел примерно 800 000 человек — требовал соответственно большого количества офицерского состава.

Отдельные сроки обучения с каждым годом сокращались все более (например, теперь на курс в морском училище проходится только три месяца, либо училище совсем опускается). После одного года обучения кандидат в офицеры

окончательно отправляется на фронт и всего через два года службы становится офицером. Далее, рядовые матросы всех чинов все более и более отсылались на прохождение офицерских курсов самых различных специальностей, чтобы достичь и сохранить совершенно необходимого количественного уровня штатного офицерского состава — примерно 26 000 офицеров. Результатами этих мероприятий, в общем и целом, можно быть довольным, если даже часто молодым офицерам военного времени, конечно, недостает солидных специальных знаний и их служба на флоте оставляет желать много большего.

Примерно то же самое касается подготовки рядового состава во время войны. Здесь тоже потребовалось ускорение процесса обучения. Здесь условия, конечно, благоприятнее, так как предъявляемые требования меньше. Фундаментальная подготовка специалистов, однако, была сохранена, так как без подобной подготовки этих людей нельзя ожидать от них успешных действий.

Для младших командиров оставили также несокращенный курс обучения, тот же, как и вышеизложенный курс мирного времени. Если ценность унтер-офицеров несколько и понизилась, то это находит свое объяснение в том, что самые способные кадры перешли в офицерский корпус.

Следует добавить еще и другие моменты: офицеру, по причине военного времени, стало труднее посвятить себя заботе о повышении квалификации своих унтер-офицеров, может быть, и его собственная неспособность, из-за ускоренного курса обучения, дать многое своим унтер-офицерам. Однако в целом можно быть вполне довольным, молодые унтер-офицеры тоже часто обнаруживали незаурядные успехи, например в качестве командиров десантных барж, малых сторожевых судов и на многих других должностях.

X. После окончания прошлых переговоров о заключении перемирия в Спа союзники учредили комиссию по разоружению, с местом пребывания в Висбадене. В эту комиссию входили представители от всех государств-победителей. Главными представителями от стран были генералы или адмиралы. Во главе всего, насколько я помню, стояли представители Англии, Америки и Японии.

Для реализации и контроля над разоружением было создано большое число подкомиссий, ведавших различными вопросами: разоружением сухопутной армии, морского флота, военно-воздушных сил, крепостей, всех военных заводов, военных лагерей и аэродромов, верфей, оружейных складов и т.п. В каждой подкомиссии, конечно, также были представители всех стран-победителей. Председательство предоставлялось то одной, то другой стране, т.е. разделялось между странами — участниками комиссии.

Немецким властям было предложено создать комиссии, соответствующие вышеуказанным подкомиссиям, которые отвечали бы за проведение в жизнь всех распоряжений комиссии противоположной стороны, и должны были бы заниматься подготовкой периодических совместных поездок с целью контроля. Во главе немецкой комиссии стоял генерал.

Адмирал ТИЛЛЕССЕН

Перевел: референт Следственного отдела РУ ГШ КА лейтенант ФЕОДОСЮК

Справка. Собственноручные показания Тилиссена Вернера получены из Разведуправления Генштаба КА 21/IX-[19]44 г. при № 242094. Сопроводительная в деле Герстенберга [Подпись неразборчива]. 14/VI-[19]47 г.

ЦА ФСБ России. Р-7506. Л. 15—24. Заверенная машинописная копия.

Военный атташе генерал-майор Карл Шпальке

№ 179
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА К. ШПАЛЬКЕ

16 сентября 1946 г.
Москва

Шпальке Карл, 1891 года рождения, уроженец гор. Дрезден, из служащих, немец, беспартийный, с высшим образованием, генерал-майор германской армии, имеет 9 наград.

Вопрос: Покажите о вашей службе в германской армии?

Ответ: В германскую армию я вступил добровольно в 1914 году. В период с октября 1921 до октября 1923 года я учился в военной академии, откуда был отчислен за неуспеваемость. В 1923 году меня произвели в чин ст[аршего] лейтенант и назначили командиром взвода 13-го пехотного полка. В 1925 году мне удалось сдать экзамен на переводчика русского языка, после чего я был прикомандирован к III отделу Генерального штаба и в течение 1926—1927 гг. являлся сопровождающим офицером командиров Красной Армии, прибывших в Германию на маневры и для обучения в Академию Генерального штаба германской армии.

С октября до середины декабря 1928 года находился в Советском Союзе — в гор. Одесса, где при германском консульстве занимался усовершенствованием русского языка. В это время я уже имел чин капитана германской армии.

В январе 1931 года руководством III отдела Генерального штаба я был назначен на должность постоянного сопровождающего офицера командиров Красной Армии, прибывших в Германию на учебу и маневры.

С апреля 1933 года я занимал должность референта 5-го отд[еле]ния того же отдела Генштаба, обслуживавшего русскую, норвежскую, шведскую и датскую армии. В апреле 1936 года я был назначен начальником этого отделения в звании майора. С октября 1937 года я занимал должность командира батальона 3-го пехотного полка 21-й дивизии, в составе которой до октября 1939 года участвовал в походе против Польши. В октябре 1939 года я был назначен в русско-германскую пограничную комиссию по установлению демаркационной линии на польской территории, в штабе, который работал до апреля 1940 года.

Затем я был переведен в Военно-хозяйственное управление Главного командования вооруженными силами Германии на должность начальника Хозяйственного отдела в звании полковника. В ноябре 1940 года я был назначен начальником Военно-хозяйственного штаба германской военной миссии, а с 15 октября 1941 года занимал должность германского военного атташе в Румынии в звании генерал-майора.

Вопрос: Покажите о назначении III отдела Генерального штаба германской армии?

Ответ: III отдел Генерального штаба германской армии являлся разведывательным отделом, в задачу которого входило изучение иностранных армий.

Вопрос: Какие разведывательные задачи выполнял указанный отдел?

Ответ: III разведывательный отдел германского Генерального штаба собирал в отношении иностранных армий следующие разведывательные данные: их структура, организация и оснащение, дислокация войск, замыслы

Генштабов и мобилизационные планы, состояние военной промышленности и потенциальные возможности.

Наряду с получением этих разведывательных данных от германских военных атташе, аккредитованных в различных странах, использованием официальных источников, III разведывательный отдел в своей работе поддерживал контакт с германской военной разведкой.

Вопрос: Таким образом, вы являлись вначале представителем, а затем руководящим сотрудником III разведывательного отдела германского Генштаба?

Ответ: Этого я не отрицаю.

Вопрос: Какие задачи были перед вами поставлены руководством III разведывательного отдела германского Генштаба в отношении командиров Красной Армии, прибывших в Германию?

Ответ: Наряду с обслуживанием в качестве переводчика групп командиров Красной Армии, прибывших в Германию на маневры и для обучения в академии Генерального штаба, на меня возлагались и разведывательные задачи, а именно: в беседах с командирами Красной Армии собирать интересующие Генштаб разведывательные сведения о структуре, организации и оснащении советских вооруженных сил, дислокации частей и военной промышленности; изучение политических настроений и деловых качеств командиров Красной Армии и составление характеристик на последних.

Вопрос: Когда и от кого Вы получили эти установки?

Ответ: При назначении меня в 1926 году сопровождающим офицером групп командиров Красной Армии я был принят начальником 5-го отделения III разведывательного отдела германского Генштаба — майором Бешнитт[1]. В беседе со мной Бешнит указал, что в мои обязанности сопровождающего офицера командиров Красной Армии входит обслуживание в качестве переводчика в служебное и внеслужебное время и устранение всех возникающих трудностей, с которыми они могут встретиться во время их пребывания в Германии.

В то же время я был принят начальником III разведывательного отдела германского Генштаба — полковником Фишер. Он дал мне указание связаться с референтом 5-го отделения — подполковником Мирчинским, занимавшимся сбором разведывательных сведений о Красной Армии, для получения от него заданий по сбору интересующих Генштаб разведывательных данных среди командиров Красной Армии, которых я буду сопровождать.

Вопрос: Сколько всего групп командиров Красной Армии прибыло в Германию?

Ответ: С 1926—[19]33 гг. я сопровождал 10 или 11 групп командиров Красной Армии, прибывших разновременно в Германию.

Вопрос: Назовите фамилии командиров Красной Армии, входивших в состав этих групп?

Ответ: Первая группа состояла из 4-х человек, прибывших в 1926 году на маневры в Германию, и находившаяся там в течение несколько недель, из которых я помню: Белкина и Триандофилова.

Вторая группа — состояла из 2-х человек — Куйбышева и Баторского, прибывших в 1927 году на маневры и находившихся в Германии 3—4 недели.

Третья группа — состояла приблизительно из 6-ти человек, прибывших в 1929 году на военные учения саперных частей и находившаяся в Германии

---

[1] Речь идет о майоре (позднее — генерал-лейтенанте) Вальтере Бешнитте.

около 2 месяцев. Из состава данной группы я помню следующих: Якира, Степанова и Орлова[1], впоследствии являвшимся военным атташе в Германии.

Четвертая группа — состояла из 3-х или 4-х человек, прибывших в Германию на военные учения в 1930 году. Указанная группа находилась в Германии в течение 4-х недель. Из ее состава я помню только Котова.

Пятая группа — состояла из 4-х человек, прибывших в Германию в 1931 году, которые обучались в академии германского Генштаба около 4-х месяцев. Из состава данной группы я помню: Егорова (бывш[его] командующего Белорусским военным округом), Белова (бывш[его] командующего одного из военных округов) и Дыбенко (бывш[его] командующего Средне-Азиатского военного округа).

Шестая группа — состояла из 3-х человек, прибывших в том же 1931 году в Германию на артиллерийские учения и пробывших около 4-х недель. Из состава данной группы я помню: Тимошенко и Меженинова.

Седьмая группа — состояла приблизительно из 8 офицеров железнодорожных войск, прибывших в 1932 году на учения и пробывших в Германии 2—3 недели. Фамилии их я не помню.

Восьмая группа — состояла из 4-х офицеров войск ПВО, прибывших в 1932 году на учения и находившихся в Германии 10 дней. Фамилии участников этой группы я не знаю.

Девятая группа — состояла из 4-х человек, прибывших в 1933 году для обучения на 3 месяца в академии Генштаба. В состав этой группы входили: Урицкий, Левандовский, Дубовой и Примаков.

Помимо указанных, в Германию в тот период прибыли еще одна или две группы, о составе которых из-за давности ничего сообщить не могу.

Вопрос: В каких взаимоотношениях вы находились с командирами Красной Армии и кто из них передавал вам разведывательные сведения?

Ответ: Мои взаимоотношения с командирами Красной Армии, особенно с теми, которые длительное время проживали в Германии в связи с обучением в военной академии Генштаба, были дружескими. В процессе моей работы сопровождающим офицером я повседневно встречался с указанными командирами. Во внеслужебное время они приглашали меня к себе.

Неоднократно я выезжал с ними в свободные от занятий дни на различные экскурсии. Я бывал на квартире Егорова, Левандовского и других. В Берлине у меня дома бывали Тимошенко, Меженинов и другие.

В знак установившихся между нами хороших отношений группой, находившейся вместе с Якиром, мне был подарен портсигар, а Якир и Путна (бывший советский военный атташе в Германии) подарили мне свою фотокарточку. Используя свои связи с указанными командирами Красной Армии, я, в соответствии с заданием руководства III разведывательного отдела Генштаба, пытался получить в 1926 году сведения о дислокации советских войск у одного командира, находившегося в группе Белкина, фамилии которого я не помню. Моя попытка не увенчалась успехом, так как во время беседы он перевел разговор на другую тему и на заданный мной вопрос по существу не ответил.

Вторично я пытался получить в 1931 году сведения о номерах дивизий, входивших в состав корпуса, дислоцировавшегося в Средней Азии от начальника штаба корпуса, находившегося в группе Егорова, фамилии кото-

[1] Здесь и далее речь идет о советском военном деятеле и дипломате комдиве Александре Григорьевиче Орлове.

рого вспомнить сейчас не могу. Начальник штаба корпуса на мой вопрос ответил, что номеров дивизий он не знает, так как недавно назначен на эту должность.

Кроме того, во время общения с командирами Красной Армии и бесед с ними на деловые темы я всегда старался выяснить ряд вопросов, интересовавших Генштаб. Но такие данные я собирал незаметно для командиров Красной Армии.

Вопрос: Вы говорите неправду. Следствию известно, что вы привлекали командиров Красной Армии для работы в пользу Германии и получали от них разведывательные сведения. Покажите об этом?

Ответ: Никого из командиров Красной Армии, находившихся в Германии, для работы в пользу Германии я не привлекал и разведывательных сведений от них не получал.

Вопрос: Вы показали, что от руководства III Отдела получали задания по сбору среди командиров Красной Армии разведывательных сведений. Как же вы отчитывались перед ними?

Ответ: Я докладывал Фишеру, Штюльпганелю[1] и Мирчинскому, что мои попытки получить разведывательные сведения от командиров Красной Армии не увенчались успехом, и в связи с этим я отказывался выполнять эти задания.

Вопрос: Вы показали, что в 1926 и в 1931 гг. вы, якобы, делали попытки получить разведывательные сведения от командиров Красной Армии. Следовательно, руководство III отдела настойчиво требовало от вас материалов и не могло оставить этот вопрос безрезультатным?

Ответ: Этого я не отрицаю. Я каждый раз докладывал руководству III отдела, что у меня со сбором сведений дела обстоят плохо.

Вопрос: Когда и кому вы передали сведения о политических настроениях и деловых качествах командиров Красной Армии?

Ответ: Начиная с 1929 по 1933 гг. я, в соответствии с заданиями полковника Фишера, а затем генерала Штюльпнагеля, составил политические и деловые характеристики на всех командиров Красной Армии, которых сопровождал, и передал их Фишеру и Штюльпнагелю. Эти характеристики были составлены на основе собранных материалов путем изучения во время повседневного общения и бесед.

Вопрос: Следовательно, на базе ваших данных принимались решения о том, кого можно привлечь на работу в пользу Германии и от кого можно получить интересующие германский Генштаб разведывательные сведения о Красной Армии?

Ответ: Этого я не знаю, возможно, и так.

Вопрос: Следствие еще раз требует от вас правдивых показаний о том, кто из указанных командиров Красной Армии был привлечен для работы в пользу Германии и какие разведывательные сведения они сообщили?

Ответ: Чем-либо дополнить свои показания я не имею.

Вопрос: Когда и с каким заданием вы приезжали в Советский Союз?

Ответ: Советский Союз я посетил три раза. Первый приезд в 1928 году в гор. Одесса, как я уже показал, был связан с изучением мной русского языка. Второй раз я прибыл в Советский Союз в 1932 году в составе группы

---

[1] Речь идет о полковнике (позднее — генерале пехоты) Карле Генрихе фон Штюльпнагеле.

германских офицеров, приглашенных командованием Красной Армии для присутствия на маневрах Закавказского военного округа. Маневры происходили в гор. Еривань, где мы пробыли 3 недели. На обратном пути я задержался в Москве на 14 дней у бывшего представителя командования германской армии в СССР (германского военного атташе) — Кестринга.

В третий раз я прибыл в Москву в 1936 году по заданию начальника германского Генштаба — генерала Бек и начальника III разведывательного отдела германского Генштаба — генерала фон Штюльпнагель для переговоров с руководителями Красной Армии и командирами, которых я сопровождал во время их пребывания в Германии по вопросу налаживания взаимоотношений между германской и Красной армиями, поскольку в то время политические отношения между Германией и Советским Союзом несколько обострились.

Вопрос: Следствию известно, что вы приезжали в Советский Союз, главным образом для связи с командирами Красной Армии, которых вы привлекли к работе в пользу Германии, и получения от них разведывательных сведений. Почему вы не показываете об этом?

Ответ: С такими целями я не приезжал в Советский Союз.

Вопрос: Тогда с какой целью вы «задержались» в 1932 году в Москве на 14 дней?

Ответ: В 1932 году, после маневров, происходивших в Еревани, я поехал в Москву по заданию III разведывательного отдела Генштаба для переговоров с Кестринг и получения более широкого представления о Советском Союзе, поскольку Генштаб предполагал назначить меня помощником германского военного атташе в СССР, т.е. Кестринг.

Вопрос: Почему вы скрываете истинные цели вашего приезда в Москву в 1932 году, связанные с вопросом установления связи с привлеченными к работе в пользу Германии командирами Красной Армии и получением от них разведывательных сведений?

Ответ: Таких целей у меня не было.

Вопрос: Покажите, о чем вы беседовали с Кестринг?

Ответ: Из-за давности я не могу вспомнить и привести все разговоры, происходившие с Кестринг в Москве в 1932 году, но хорошо помню, что речь шла также и о состоянии разведывательной работы против СССР.

Кестринг говорил мне, насколько я припоминаю, что он из III отдела Генштаба получал многочисленные запросы, в которых от него требовали прислать ряд разведывательных сведений о Красной Армии, и что он не может их добыть, так как в официальных источниках их нет, а агентуры у него якобы не имеется. Я лично ничего посоветовать ему в этом вопросе не смог.

Вопрос: Почему именно вам было поручено вести переговоры с командирами Красной Армии?

Ответ: Генералы Бек и Штюльпнагель учитывали, что эта миссия может быть выполнена именно мною, поскольку я хорошо знаком с командирами Красной Армии, ранее находившимися в Германии, и с которыми я могу организовать встречи и через них — с другими руководителями Красной Армии. К тому же в это время совпал мой отпуск, который я не возражал использовать для поездки в Москву в этих целях.

Вопрос: Ваши объяснения не состоятельны. Покажите об истинных целях вашего приезда в Москву в 1936 году?

Ответ: Других целей у меня не было.

Вопрос: Зачем нужно было посылать вас в СССР, когда такую миссию мог выполнить находившийся в Москве военный атташе Кестринг?

Ответ: Генералы Бек и Штюльпнагель считали, что Кестринг к такому поручению отнесется пассивно.

Вопрос: С кем вы имели встречи в Москве в 1936 году?

Ответ: По прибытии в Москву германский военный атташе в СССР — Кестринг сообщил о моем приезде Урицкому, с которым я был знаком еще по Берлину. При этом Кестринг поставил в известность Урицкого о моем желании иметь встречу с ним. Урицкий не возражал против этого и сказал, что сообщит мне день и час, когда он сможет со мной встретиться. Дней через 10 из Секретариата Урицкого позвонили в германское посольство — помощнику Кестринга, так как последний в это время выехал на Кавказ в отпуск, и сообщили, что Урицкий может принять меня на следующий день, о чем я был поставлен в известность.

Моя встреча с Урицким состоялась наедине в его служебном кабинете в здании Генштаба Красной Армии. Во время беседы я изложил ему все, что поручил передать перед моим отъездом из Берлина генерал фон Штюльпнагель.

Я сказал Урицкому, что руководящий состав германского Генштаба придерживается старого курса, а именно: политики дружбы с Красной Армией, при этом заметил, что буду очень рад по приезде в Германию доложить генералу фон Штюльпнагель, что в Красной Армии офицеры, занимающие руководящие посты, так же придерживаются курса дружбы с германской армией.

Кроме того, в беседе с Урицким я выразил желание встретиться с маршалом Ворошиловым, которому также хотел изложить поручение генерала фон Штюльпнагель. Урицкий ответил мне, что в руководящих кругах Красной Армии симпатии остаются, как и прежде, на стороне германской армии, дружба с которой установилась в результате длительного совместного сотрудничества.

Далее Урицкий сказал, что он опасается того, что существующая напряженная политическая атмосфера во взаимоотношениях между Германией и СССР может отрицательно повлиять на настроение основной массы Красной Армии.

В конце беседы я сказал Урицкому, что желаю встречи с командирами Красной Армии, которых я в свое время сопровождал во время их пребывания в Германии. Урицкий ответил, что он постарается это организовать, известив меня о дате и месте встречи заблаговременно по телефону. Урицкий также обещал мне устроить встречу с маршалом Ворошиловым.

Через 2—3 дня после этой встречи с Урицким помощник германского военного атташе в СССР — капитан Шуббу[1] сообщил мне, что звонили по телефону от имени Урицкого и передали, что за мной будет прислана машина. На второй день после телефонного звонка, приблизительно в 8 часов вечера, за мной пришла машина, на которой я был доставлен на квартиру Урицкого. Кроме Урицкого у него я застал бывшего командующего Московским военным округом — Белова. После ужина Белов извинился передо мной, что он должен отлучиться по делам, попрощался и ушел. Во время ужина мы поделились воспоминаниями о нашем совместном пребывании в Германии.

---

[1] Так в документе, речь идет о немецком офицере Владимире Шубуте.

Вопрос: С кем из командиров Красной Армии вы имели встречи во время вашего пребывания в Москве?

Ответ: Во время моего пребывания в Москве в 1932 и 1936 гг, я имел встречи только с Егоровым, Урицким и Беловым. О встречах с Урицким и Беловым я показал выше, а с Егоровым встречался дважды в 1932 году. Первый раз на банкете, устроенном офицерам германской армии, прибывшим в СССР на маневры, а второй раз я встретился с Егоровым в ложе театра в присутствии Кестринга, Бубнова и жены Егорова.

Вопрос: Кто из командиров германской армии поддерживал связь с командирами Красной Армии, прибывшими в Германию?

Ответ: Мне известно, что в хороших отношениях с группой Егорова был майор Паулюс (впоследствии фельдмаршал). В то время Паулюс являлся преподавателем военной академии. Кроме того, во время пребывания группы Егорова на учебе в академии, ее в течение 3—4 дней в связи с моей болезнью сопровождал капитан германской армии, фамилии которого я сейчас не помню. Этот капитан уже после моего выздоровления бывал на квартире Егорова и вместе с ним и его женой посещал театр.

Протокол допроса записан с моих слов правильно и прочитан мне в переводе на немецком языке.

ШПАЛЬКЕ

Допросил: зам[еститель] нач[альника] 3 отд[елени]я 4 отдела 3 Гл[авного] управления контрразведки МГБ [СССР] майор ВАЙНДОРФ

Перевел: переводчик 4 отдела 3 Главного управления контрразведки МГБ СССР старший лейтенант ПОТАПОВА

ЦА ФСБ России. Н-21148. В 2-х тт. Т. 1. Л. 14—26. Подлинник. Машинопись. Автограф.

№ 180
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА К. ШПАЛЬКЕ

19 февраля 1948 г.
Москва

Вопрос: Какие, помимо военного атташе, имелись германские военные представительства в Румынии во время Второй мировой войны?

Ответ: В конце 1940 г. в Румынии были учреждены военная и военно-воздушная миссии, а в 1942 г. и военно-морская, которые действовали вплоть до капитуляции Румынии в августе 1944 года.

Военная миссия возглавлялась генералом кавалерии Ганзен Эриком, его начальником штаба в последнее время был полковник Дитль Альберт. Начальником военно-воздушной миссии являлся генерал-лейтенант Герстенберг Альфред, а военно-морской миссии — адмирал Тиллессен Вернер.

Вопрос: С какой целью были учреждены в Румынии указанные миссии?

Ответ: Эти миссии были учреждены с той целью, чтобы подготовить Румынию в качестве плацдарма для нападения Германии на СССР, а в дальнейшем удерживать ее в качестве военной союзницы немцев и активно использовать румынские вооруженные силы — сухопутные, воздушные и морские, в войне против Советской России

Вопрос: Как осуществлялась миссиями подготовка к нападению на СССР?

Ответ: Я не располагаю конкретными данными, т.к. подготовка к нападению на СССР проводилась миссиями под большим секретом. Знаю, однако, что Ганзен активно занимался формированием армейского корпуса на территории Румынии. В момент нападения Германии на СССР он, став во главе этого корпуса, вторгся на Советскую территорию и участвовал в оккупации Молдавии, Украины, Крыма. После поражения наших войск под Сталинградом он вновь возвратился в Бухарест на старую должность. Полагаю, что Ганзен был посвящен в т.н. «план Барбаросса» и участвовал в разработке его деталей, касающихся румынского плацдарма.

Вопрос: Как военными миссиями обеспечивалось выполнение задачи удержания Румынии в качестве военной союзницы Германии?

Ответ: Военные миссии, особенно миссия Ганзена, имели в своем распоряжении большой аппарат немецких инструкторов всех родов войск, которые обучали румынские части по германскому образцу, и аппарат офицеров связи во всех военных учреждениях и штабах румынской армии, которые наблюдали за деятельностью этих учреждений и штабов, а также выявляли настроения румынских офицеров и генералов.

Прогермански настроенных офицеров и генералов румынской армии Ганзен, как правило, награждал немецкими орденами, а «неблагонадежных», т.е. антигермански настроенных лиц, удалял через генеральный штаб с занимаемых постов. Делал он это в очень осторожной форме, чтобы не вызвать роста антигерманских настроений среди румын. Кроме того, в Румынии находилось до 30 тысяч немецких войск, которые предназначались, в основном, для обороны нефтяных районов Плоешти от воздушного нападения противника, но эти войска служили также надежным средством по удержанию Румынии в деле выполнения задачи удержания Румынии в германских руках.

Войска находились в непосредственном подчинении Герстенберга, и в августе 1944 г. они были немедленно использованы для подавления в Бухаресте антигерманского движения. Должен заметить, что выполнение задачи по удержанию Румынии в немецких руках во многом облегчалось тем, что сами руководители румынского государства и армии — Антонеску и Штефлея — были весьма благожелательно настроены к немцам и являлись верными проводниками политики Гитлера.

Вопрос: Ганзен, Герстенберг и Тиллессен располагали данными о готовящемся правительственном перевороте в Румынии?

Ответ: Мне кажется, что точными данными об этом они не располагали. Примерно за месяц до правительственного переворота я разговаривал с Ганзеном о том, что в связи с непрерывным наступлением русских войск военно-политическая обстановка для Румынии складывалась так, что она скоро должна выйти из войны, ибо явно росло недовольство войной в народе и армии.

За неделю до капитуляции Румынии мы еще раз с Ганзеном обсуждали этот вопрос, и я говорил ему, что нам нужно предпринять какие-то меры против этого. Ганзен заявил, что никаких мер принимать не следует, т.к. ничего конкретного об этом нам не известно. Он никак не ожидал и не верил, что может произойти правительственный переворот. С Герстенбергом и Тиллессеном на эту тему я не разговаривал.

Вопрос: В чем выразилась деятельность Ганзена, Герстенберга и Тиллессена в момент правительственного переворота?

Ответ: Вечером 23 августа 1944 г., т.е. в день правительственного переворота, все они собрались в посольстве, и Ганзен сообщил о случившемся в ставку Гитлера и Фриснера — командующего Южной группой войск. Через некоторое время он получил приказ о немедленном подавлении «путча», как его называли, причем руководство этой операции возлагалось на Герстенберга.

После этого Герстенбрег сразу же поехал к немецким войскам, дислоцировавшимся под гор. Бухарест, и выступил против румын. Тогда же была произведена немецкими самолетами бомбардировка Бухареста, но к ней, мне кажется, Герстенберг никакого отношения не имел, т.к. он не располагал бомбардировочной авиацией. Ганзен больше никакой деятельности не проявлял, Тиллессен тоже ничего не делал. До передачи их советским властям они продолжали находиться в посольстве.

Вопрос: Почему на Герстенберга, а не на Ганзена возлагалась задача восстановления прежнего порядка в Румынии?

Ответ: Точно не знаю, но, полагаю, потому, что в его непосредственном подчинении находились войска, представлявшие, в основном, части ПВО.

Вопрос: Что Вам известно о деятельности Ганзена, Герстенберга и Тиллессена?

Ответ: Ганзен в период 1930—[19]32 гг. работал начальником Оперативного отдела германского Генерального штаба, затем был командиром кавалерийского полка и дивизии.

Герстенберг в войну 1914—[19]18 гг. служил в авиаэскадрильи, которой командовал Геринг, и с того времени они являются близкими друзьями. В 1930-х годах в течение нескольких лет он находился в СССР в командировке рейхсвера, но чем конкретно занимался, я не знаю. Позднее он занимал посты в Главном штабе германских воздушных сил, затем работал военно-воздушным атташе в Польше и Румынии. В 1942 г., благодаря его близости к Герингу, он добился того, что стал во главе военно-воздушной миссии, одновременно продолжал исполнять обязанности военно-воздушного атташе в Румынии. Больше о деятельности Ганзена и Герстенберга я ничего не знаю, неизвестно мне также ничего о деятельности Тиллессена.

Вопрос: Почему Вы умалчиваете о разведывательной и контрразведывательной деятельности названных лиц?

Ответ: Эта сторона их деятельности, если она и имела место, мне неизвестна. Знаю, что контрразведкой в Румынии занимались офицеры «Абвера» Родлер и Баур, которые подчинялись Ганзену и информировали его о получаемых ими данных, касающихся военно-политического положения Румынии.

Вопрос: Какие были взаимоотношения между Ганзеном, Герстенбергом и Тиллессеном?

Ответ: Герстенберг и Тиллессен, так же, как и я, подчинялись Ганзену в дисциплинарном отношении, однако по службе каждый действовал самостоятельно. Ганзен очень осторожно вел себя в отношении Герстенберга и остерегался его из-за близких связей с Герингом. Личные взаимоотношения между ними внешне были нормальными, но никто из них взаимно не дружил.

Вопрос: Охарактеризуйте политические взгляды Ганзена, Герстенберга и Тиллессена?

Ответ: Их политические взгляды мне неизвестны, но по их поведению можно было заключить, что каждый из них верой и правдой служил Гитлеру, активно поддерживал и проводил в жизнь его захватническую политику, хотя формально они и не являлись членами национал-социалистической партии.

Вопрос: Покажите о деятельности и политических взглядах быв[шего] начальника штаба Ганзена — полковника Дитль?

Ответ: Я его очень мало знаю, т.к. он приехал в Бухарест незадолго до капитуляции Румынии. Дитль на меня произвел впечатление порядочного офицера Генерального штаба, знающего штабную работу и умеющего трезво оценить создавшуюся обстановку. Во время капитуляции Румынии он никакой деятельности не проявил. Больше о Дитль мне ничего неизвестно.

Протокол с моих слов записан правильно, мне зачитан в переводе на немецкий язык.

ШПАЛЬКЕ

Допросил:	Пом[ощник] начальника 2 отд[елени]я 4 отдела 3 Гл[авного] управл[ения] МГБ [СССР] майор МАСЛЕННИКОВ
Перевела:	Оперуполномоч[енный] 2 отд[елени]я 4 отдела [3 Главного] управл[ения МГБ СССР] лейтенант КУЩ
Верно:	Нач[альник] Следотдела 2 Гл[авного] управл[ения] МГБ [СССР] майор ИВАНОВ

12.IX [19]51 г.

ЦА ФСБ России. Н-21148. В 2-х тт. Т. 1. Л. 96—100. Подлинник. Машинопись. Автограф.

№ 181
СОБСТВЕННОРУЧНЫЕ ПОКАЗАНИЯ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА К. ШПАЛЬКЕ

19 июля 1951 г.
Москва

Перевод с немецкого

После того как я неоднократно в 1926, 1927, 1929 и 1930 годах краткосрочно командировался для сопровождения прибывших на маневры и военные учения русских командиров, а затем в 1930 году защитил докторскую диссертацию по политэкономии, я был направлен 1 января 1931 года в отдел «Т-3» Военного министерства[120]. Это назначение последовало по предложению моего бывшего командира батальона Дикман и бывшего командира полка — полковника фон Муфф[I].

В командировочном предписании значилось, что это не временное откомандирование, а назначение на длительный срок службы, т.е. равноценно постоянной работе.

Моя деятельность в отделе «Т-3» началась в качестве «офицера сопровождения» при четырех высших русских командирах (группа Егорова), учившихся на 3 курсе Военной академии.

Затем я сопровождал другие группы: группы Тимошенко и Горбачева[II] во время военных учений в 1931 году, группу (фамилию руководителя не помню) на занятиях прожекторных и звукоуловительных частей, группу офицеров жел[езно]-д[орожного] транспорта (руководителя не помню) для про-

[I] Речь идет о немецком военном деятеле генерале пехоты Вольфанге Муффе.

[II] Речь идет о советском военном деятеле комкоре Борисе Сергеевиче Горбачеве.

хождения специальной подготовки в отделе «И-3» (отдел военных перевозок), группу (руководителя не помню) на противовоздушных учениях, группу Левандовского во время учебы на 3-м курсе Военной академии в январе-марте 1933 года.

Периоды, не занятые обязанностями по сопровождению офицеров, были малоинтересны. Я был, так сказать, пятым колесом в телеге «Т-3-V» и получал, видимо, для того, чтобы чем-то заниматься, незначительные специальные поручения (напр[имер], административное деление Советского Союза, численность и плотность населения СССР и т.п.).

От прочей работы в «Т-3» меня умышленно отстраняли, очевидно, по указанию бывшего начальника группы «Т-3-V» капитана Гофмейстера[1], который саботировал мое окончательное закрепление в отделе.

В указанный период времени я познакомился со следующими офицерами отдела «Т-3»: начальник отдела «Т-3» — полковник Фишер, умер до войны (в результате несчастного случая).

Начальник V группы (отделения) — капитан Гофмейстер, видевший свою основную задачу в практическом сотрудничестве с Красной Армией. Его бесспорной заслугой являлось то, что он проводил свою работу со всей энергией, преодолевая все препятствия. Все нити руководства он крепко держал в своих руках, не передоверяя их своему слабому начальству (полковник Фишер, генерал Адам). Гофмейстер отлично видел ошибки и слабости руководства и умело их использовал. Фатальным стало для него то, что он понемногу возомнил себя единственным авторитетом по России, что и высказал руководству в грубейшей и бестактной форме. В еще более сильной степени это проявилось по отношению к подчиненным. Неудивительно, что он видел во мне конкурента, учитывая мою подготовку (доктор, переводчик русского языка, многолетний опыт работы в области СССР) и к тому же равный чин. Соответственно своему характеру он пытался поэтому всеми путями и средствами выключить меня из работы.

Капитан Кребс. В 1933 году, сразу же после окончания 3-го курса Военной академии, был назначен в качестве референта в группу V. Кребс чрезвычайно одаренный генштабист, прирожденный тактик. Обладал удивительным чувством юмора, за словом в карман не лазил, умел хорошо говорить. Друг и собутыльник Гофмейстера (в то время в «Т-3-V» сильно выпивали). Несмотря на свои по тому времени дружественные к Советскому Союзу убеждения, Кребс быстро сделал карьеру при Гитлере, продвинулся до должности начальника штаба армейской группировки и, как я слышал, был в последнее время начальником Генерального штаба. В конце войны будто бы застрелился.

Мое окончательное назначение в отдел «Т-3» последовало лишь в начале 1933 года в связи с полной реорганизацией Войскового управления, которому подчинялся отдел. Был сменен начальник Войскового управления генерал Адам, начальник отдела «Т-3» и начальник группы «Т-3-V» Гофмейстер. Последний получил назначение в войсковую часть и больше в Генштабе не работал.

1/IV-1933 года я наконец был назначен в отдел «Т-3» без права ношения формы Генштаба, т.е. с правом ношения знаков различия Военного министерства. Такие офицеры именовались в шутку «золотыми фазанами», так

---

[1] Речь идет о немецком военном деятеле генерал-лейтенанте Эдмунде Хоффмейстере.

как носили золотые петлички на воротнике, в отличие от серебряных, которые были присвоены офицерам Генштаба.

Новым начальником группы «Т-3-V» стал капитан Иодль[1] — младший брат позднейшего начальника Оперативного управления ОКВ. Младший Иодль погиб в эту войну в чине генерала во время авиационной катастрофы. В описываемый период времени он был сравнительно молодым офицером Генштаба. Иодль был прилежным, точным, но, пожалуй, слегка медлительным сотрудником. Весь комплекс вопросов по России и Красной Армии был ранее для него незнаком, и он лишь понемногу освоил поставленную перед ним задачу. Уже год спустя он, вероятно по собственному желанию, был переведен на другой участок, так как эта работа была для него незнакомой.

1/IV или 1/V-1934 г. я был назначен на место Иодля начальником группы «Т-3-V», и оставался в этой должности до 30/IX 1937 года. С началом работы в отделе «Т-3» я сумел ознакомиться с характером деятельности группы «Т-3-V» и по аналогии получить понятие о всей деятельности отдела «Т-3».

Я попытаюсь изложить известные мне данные об этих подразделениях на базе собственных впечатлений, относящихся к 1933—1937 гг., т.е. того периода, когда под руководством генералов Бек и Штюльпнагель наиболее ясно определились существо и методы [работы] отдела «Т-3».

Генерал Бек стал в конце 1932 года вместо Адама начальником Войскового управления (позднее — начальник Генштаба). Полковник фон Штюльпнагель занял место полковника Фишера во главе отдела «Т-3». Под их руководством в Войсковом управлении и отделе «Т-3» сразу повеяло «свежим ветром». Чтобы это положение было понятно, необходимо более подробно охарактеризовать прежние условия работы в «Т-3».

Ранее, при полковнике Фишере, не чувствовалось ни ясной постановки задач, ни стройного руководства. Полковник Фишер уделял большое внимание непосредственному личному контакту с иностранными военными атташе и общению с сотрудниками дипломатического корпуса, надеясь извлечь из этого пользу для работы руководимого им отдела. Во всяком случае, он чувствовал себя отлично в атмосфере дипломатического корпуса со всеми его преимуществами — завтраками, коктейлям и красивыми дамами. Этот же стиль быстро усвоили его подчиненные, которых засыпали приглашениями на дипломатические приемы. Вследствие такой перегруженности светскими обязанностями времени для деловой работы за письменным столом оставалось немного.

Результаты такой работы были весьма тощими, так как сведения, полученные во время разговоров за столом, выпивкой и танцами, не выходили за пределы политической и дипломатической болтовни. Такова была обстановка, которую застали при назначении генерал Бек и полковник фон Штюльпнагель.

Генерал Бек имел успешную карьеру еще до назначения его начальником Войскового управления и отлично проявил себя как командир полка. Бек являлся человеком трезвого, делового подхода к работе. Его образ и сейчас передо мной: среднего роста, слегка сутулый, тонкие черты лица со следами усталости от тяжелой, напряженной работы. Своей личностью он воплощал старый девиз Генерального штаба: «Больше содержания, чем формы».

---

[1] Речь идет о генерале горных войск Фердинанде Йодле. Шпальке ошибается, брат А. Йодля скончался после войны. В авиакатастрофе погиб командующий 20-й горной армии генерал-полковник Э. Дитль.

Полковник фон Штюльпнагель соответствовал по своим данным генералу Бек. Оба они были продуктом старого генштабистского воспитания в духе Мольтке[I]. Отличались они внешностью: Штюльпнагель был большого роста, стройный и выглядел более моложавым.

В течение 4-х лет (с 1933 по 1937) полковник, а затем генерал Штюльпнагель был моим шефом. Я чувствую себя обязанным хотя бы этими строками выразить свое уважение перед этим человеком, чье несгибаемое чувство долга и неустанное прилежание служило для меня примером, чья трезвая мысль нередко останавливала меня перед принятием неверного решения и на чью поддержку я всегда мог рассчитывать в своей тяжелой работе.

С 1933 по 1937 год он всегда выступал в мою пользу, несмотря на нападки на меня и на мои убеждения. В 1937 году он ушел из «Т-3» в связи с назначением на пост 1-го оберквартирмейстера. Находясь в этой должности, он руководил операциями против Польши и Франции. После окончания войны с Францией он был в течение длительного времени начальником комиссии по перемирию, затем некоторый период времени командовал корпусом, а потом занимал пост «германского генерала» в Париже.

После путча 20/VII-[19]44 г., участником которого он являлся, Штюльпнагель пытался покончить с собой, но в результате не умер, а ослеп и в таком состоянии был помещен в тюрьму. Он разделил тем самым судьбу своего бывшего шефа — генерал-полковника Бек, который также стал жертвой событий 20/VII-[19]44 г.

Теперь понятно, почему я говорил о «свежем ветре» в отделе «Т-3», так как оба упомянутых генерала принесли с собой хладнокровную, трезвую атмосферу Генерального штаба.

Первым мероприятием Штюльпнагеля было следующее: он лично и его подчиненные прекратили непосредственное служебное и личное общение с иностранными военными атташе. Было ясно, что прежняя «работа» не давала никаких удовлетворительных результатов. Это мероприятие не было дружественно воспринято ни самими иностранными военными атташе, ни офицерами отдела «Т-3».

Для связи с иностранными военными атташе Штюльпнагель создал группу атташата под руководством капитана Рабе фон Паппенгейм[II]. Вначале эта группа имела в своем составе, кроме начальника, только одного вспомогательного офицера — обер-лейтенанта фон Альбедиль. Понемногу она планомерно разрослась благодаря деятельности своего первого начальника.

Капитан фон Паппенгейм происходил из старой дворянской офицерской семьи. Во время войны 1914—[19]18 гг. он был сначала юнкером, а затем лейтенантом Мюнстерского кирасирского полка, в котором когда-то служил его отец. В период с 1918 и до поступления в «Т-3» служил в кавалерии. Прошел специальную подготовку: два курса Военной академии, следовательно, так же, как и я, не имел генштабистского образования. Для руководства группой атташата он имел все необходимые качества: светский человек с безупречными непринужденными манерами, умением вести себя с большим тактом на официальных приемах.

[I] Речь идет о немецком военном деятеле и военном теоретике генерал-фельдмаршале Гельмуте фон Мольтке.

[II] Речь идет о немецком военном деятеле и дипломате генерал-лейтенанте Фридрихе-Карле Рабе фон Паппехейме.

Пышная обстановка в домах у дипломатов не могла воздействовать на него, так как сам вырос в состоятельной, культурной среде с лучшими традициями.

Он был высокого роста, стройный, с непринужденными манерами бывшего кавалериста. Хороший, верный товарищ, понимал мои тогдашние заботы о России и дал мне не один хороший совет. Позднее он стал военным атташе в Бельгии (1937—1940), затем командовал полком во время войны с Францией и Югославией, после этого — военный атташе в Венгрии (1942—[1943]) и, наконец, командовал дивизией в войне против России. Как я слышал, этот избалованный службой в атташате офицер вел такой же простой образ жизни, как его солдаты.

Поставленную перед ним, как руководителем группы атташата, задачу он выполнил в совершенстве. После первоначальной воркотни со стороны военных атташе в связи с происшедшими изменениями он сумел завоевать их доверие и с большой добросовестностью и прилежанием выполнял их просьбы. В сомнительных случаях он докладывал генералу фон Штюльпнагель, начальнику Генштаба или лично Бломбергу.

Общение с дипкорпусом давало иногда важные для данного момента сведения о настроениях в этих кругах, о чем он информировал заинтересованные органы. Вспоминаю, например, разговор Паппенгейма с французским военным атташе во время оккупации Рейнской области, о чем мне лично рассказывал Паппенгейм. Он спросил французского атташе: «Если я вас спрошу как товарищ и солдат: как стали бы вы поступать?» Французский генерал ответил: «Как товарищу и солдату скажу: я объявил бы войну!». Это замечание, отражавшее настроения во французском Генштабе, несомненно, представляло интерес.

Вскоре выяснилась необходимость численного укрепления состава группы атташата, и в нее был включен ряд офицеров, в большинстве своем — дворян, подобранных лично фон Паппенгеймом по свойственным ему самому взглядам (фон Лебель, граф Прискур, граф Шпее и др.). Мы называли в шутку эту группу «графским клубом».

Около 1940 года группа атташата была еще более усилена и реорганизована, но это имело место уже при преемнике Паппенгейма — майоре Меллентин. Последний был офицером Генштаба и продолжал работу в духе Паппенгейма. В конце ему стало подведомственно также обслуживание германских военных атташе за границей. Доклады от последних поступали в группу атташата, которая направляла их в соответствующие органы.

Позднее Меллентин был заменен полковником Шухардт из Генштаба, который пытался заменить «графское» окружение офицерами из буржуазных семей. Шухардт был арестован после путча 20/VII-[19]44 г.

В политическом отношении отдел атташата, включая технических работников — секретарей и пр., был настроен враждебно к Гитлеру и партии. Благодаря господствовавшему в отделе «корпоративному духу», не было никаких доносов. Это был один из немногих «оазисов», где еще можно было свободно поговорить.

Главной задачей Паппенгейма было не допустить иностранных военных атташе к начальнику «Т-3», начальнику Генштаба и начальнику ОКХ (генерал фон Фрич), так сказать, «придерживать» иностранных атташе.

Их направляли к Паппенгейму, который занимался рассмотрением их пожеланий и вопросов. Тем самым стали исключением ранее бесконечные

визиты иностранных военных атташе к начальнику «Т-3» и начальнику Генштаба. Теперь такие посещения стали возможными только при посредстве Паппенгейма, который должен был заранее знать цель посещения, ожидаемые вопросы и своевременно доложить о них руководству. Одновременно с выключением военных атташе произошла почти полная отмена всякого общения офицеров «Т-3» с дипломатическим корпусом.

Генералы Бек и Штюльпнагель совершенно отошли от этой старой практики, а сотрудники «Т-3» должны были в каждом конкретном случае приглашения их на дипломатические приемы испрашивать разрешения начальства. Тем самым начальник «Т-3» и его офицеры освободились от сидения в глубоком кресле за бутылкой хорошего вина и могли заняться действительно генштабистской работой за письменным столом.

Вскоре можно было увидеть ясную линию руководства Штюльпнагеля, что совершенно отсутствовало при его предшественнике.

В соответствии с тогдашним политическим положением Германии генерал Штюльпнагель сконцентрировал работу «Т-3» на «вражеских странах», т.е. на вероятных противниках Германии в будущей войне. Тогда это были, в первую очередь, западные державы — гаранты Версальского договора, т.е., в первую линию — Франция и Англия, а также союзные с ними Польша, Чехословакия, Бельгия. Таким образом, Штюльпнагель действовал по старому, испытанному образцу: сконцентрировал находившиеся в его распоряжении силы на одном, определенном центре тяжести.

Первой задачей генерала фон Штюльпнагеля было создание и переработка заново бывших справочных выпусков о предполагаемых «вражеских странах». Таких материалов ранее либо не существовало вовсе, либо они имелись в зачаточном состоянии.

«Ориентировочные выпуски» (совершенно секретные сведения) должны были дать точный обзор соответствующих вооруженных сил и оценку их отделом «Т-3». Эти материалы были предназначены для использования воинскими частями и спущены до полковых штабов включительно. Так, вскоре появились тетради с материалами о Франции и Польше, затем о Чехословакии и Бельгии.

Лишь с 1937 года стали появляться тетради о малых или предположительно нейтральных государствах, в том числе о Советском Союзе. Образование центра тяжести в работе повлекло за собой планомерное усиление соответствующих групп, в особенности II, III и IV.

Референты по странам и начальники групп, работавших по Франции, Польше, Англии и Чехословакии, почти ежедневно вызывались на доклад к Штюльпнагелю, в то время как для V группы (Россия) был предусмотрен только один раз в неделю.

Естественно, что при такой рабочей программе V группа отошла на второй план. Это проявлялось также в самом замещении должностей: V Группа не имела начальника-генштабиста, и вначале в качестве референтов в ней работал только один, затем два офицера запаса. V группа была, так сказать, «заморожена» Штюльпнагелем. Она работала по-прежнему в спокойном темпе.

При назначении меня, не генштабиста, начальником V группы Штюльпнагель руководствовался, очевидно, следующими соображениями: работа V группы сейчас представляет меньшее значение. Как «вражеская страна» Россия исключается, а для оценки ее вооруженных сил достаточно уже имеющихся материалов. Что касается текущей работы в целях дополнения ма-

териалов, то такая работа находится в испытанных руках референта подполковника Мирчинского, работавшего уже 10 лет в V группе. Важно, однако, иметь точную картину хозяйственного развития России, особенно успехов пятилетних планов, что влияет на рост военного потенциала (тяжелая и оборонная промышленность). Для наблюдения за ходом этого процесса капитан Шпальке особенно подходит в силу своей подготовки (доктор, переводчик русского языка, давние теоретические занятия Советским Союзом). Таковы, по-видимому, были соображения руководства.

Вскоре, однако, передо мной как начальником V группы встали новые задачи, понемногу захватившие все мое время и силы. После смерти Гинденбурга (1934 г.) Гитлера уже ничего не останавливало повести политику и, в первую очередь, все усиливавшуюся пропаганду против Советского Союза и коммунизма. Эта пропаганда, представлявшая в совершенно искаженном виде внутреннюю и внешнюю стабильность Советского Союза и его строительство, натворила немало бед и путаницы в германских военных кругах, и даже в головах старых офицеров Генштаба.

Так, например, генерал Рейхенау — человек из окружения Бломберга, выразился следующим образом: «Советский Союз — колосс на глиняных ногах, который рассыплется при первом толчке».

Согласно имевшегося приказа и в полном убеждении его правоты я должен был противопоставить этой искаженной картине (а сюда относились и представления о Красной Армии и экономике) положительный обзор, составленный на базе многолетней работы V группы отдела «Т-3». Вскоре не проходил ни один день, чтобы мне не приходилось давать оценку той или иной фальшивке.

К вышеупомянутому примыкала и вторая стоявшая передо мной задача: я должен был информировать начальника «Т-3», начальника Генштаба и начальника ОКХ (Фрич) о развитии советской внешней политики, что имело большое военное значение.

Германская пресса и доклады Министерства иностранных дел нас не могли удовлетворить, так как эти сообщения либо замалчивали, либо искажали действительность. МИД, кроме того, имел обыкновение преуменьшать и сводить к мелочам внешнеполитические достижения Советского Союза.

В моей работе я ощущал поддержку со стороны германского военного атташе в Москве — генерала Кёстринг, который так же, как я, пытался дать возможно трезвую и деловую оценку развития Советского Союза.

Исходя из вышеперечисленных задач, мне пришлось провести ряд работ, наиболее существенные из которых я перечислю, а именно:

1. Мои доклады о Красной Армии, которые я читал в Берлине, Лейпциге и Мюнстере. Для прочтения этих докладов я получил ряд приглашений, например: от «Общества им. Шарнхорста» в Берлине, от командования I Военного округа (Кёнигсберг) и командования Мюнстерского Военного округа.

Доклады произвели повсюду сильнейшее впечатление. Позднее, я полагаю в начале или в конце 1936 года, организацию подобных докладов пришлось прекратить в связи с нападками партийных кругов, квалифицировавших их как пропаганду в пользу Советского Союза.

Ген[ерал] Бек приказал мне предоставить тезисы моего доклада, просмотрел их и ответил на жалобы «Внешнеполитического управления» партии, что он не видит никаких погрешностей в моем совершенно деловом докладе.

В связи с происшедшим он вообще запретил всем офицерам Генштаба читать публичные лекции, заявив: «Если офицеру больше не разрешено до-

кладывать правдиво, то нечего ему вообще заниматься докладами. Пусть употребит свое время с большей пользой».

2. Большие поквартальные обзоры о военно-политическом положении Советского Союза.

3. Различные «докладные записки» по поводу политических договоров, заключенных в период 1933—[19]37 гг. Сталиным и Литвиновым, включительно пакты с Францией и Чехословакией.

4. Меморандум по поводу значительных внешнеполитических выступлений советских государственных деятелей (например, речи Молотова и Литвинова в 1935—1936 гг.), которые либо замалчивались, либо извращались германской прессой и МИДом.

5. Докладные записки по вопросу вступления Советского Союза в Лигу Наций.

6. Большой труд на тему: «Приведет ли война между Японией и Россией к существенному ослаблению советских вооруженных сил на западной границе». Эта разработка была мне поручена фон Штюльпнагелем вскоре после подписания Тройственного пакта (Германия, Италия, Япония). После тщательной работы я пришел к выводу, что у России достаточно сил на Востоке и вооруженные силы на Западе не потерпят существенного ослабления. Моя работа была одобрена начальником <нрзб> Беком и Фричем и, вероятно, была доложена Бломбергу.

7. Текущая информация об имевшем тогда место упадке торговых отношений между Германией и Россией, например, уменьшение германских поставок, оплата русских вексельных долгов, достигших $4^1/_2$ млрд. марок, уменьшение поставок из России, особенно товаров оборонного значения, как лес, марганец и т.д.

Материалы для этих сообщений я получал от председателя «Русского комитета германской промышленности» — г-на Чунке[1], с которым я был связан.

«Русский комитет» был органом «Имперского объединения германской промышленности», который практически осуществлял и регулировал экономическое сотрудничество с СССР.

В «Комитете» были представлены все значительные германские фирмы, торговавшие с Россией. «Русский комитет» работал в тесном контакте с советским торгпредством в Берлине, так, например, по вопросу получения заказов, справки о производственной мощности фирм и т.д.

Получение информации от Чунке, как правило, происходило следующим образом: каждый четверг, а это был день собраний «Русского кружка», я заезжал к Чунке в его бюро, где он меня информировал о событиях недели. Деятельность этого «кружка» заключалась в том, что каждый четверг т.н. «русаки», т.е. лица, заинтересованные в сотрудничестве с Россией — представители фирм, референты МИДа и пр., встречались за обедом и свободно обменивались мнениями.

Настроение этого «кружка» были, разумеется, оппозиционные по отношению к гитлеровскому курсу, стремившемуся подорвать один из «оазисов», где можно было свободно поговорить. Меня часто спрашивали: «Неужели вы в ОКВ ничего не можете предпринять против этого безумия».

На это я отвечал, что Штюльпнагель, Фрич и Бек делают все, что в их силах, чтобы изменить гитлеровский политический курс, но что Бломберг,

[1] Речь идет о майоре Фрице Чунке.

этот «резиновый лев» и «гитлеровский молодчик», как мы его называли, слишком слаб, чтобы добиться действительно существенных перемен.

Для господствовавшего в «Русском комитете» духа характерен следующий эпизод: когда в 1939 году был заключен пакт о дружбе между Сов[етским] Союзом и Германией, стол Чунке был завален подарками (сигары, вино, ликеры, цветы), ну, прямо как на дне рождения звезды экрана. Эти подарки приносили его «друзья России» из промышленности, поздравлявшие Чунке с успехом многолетней работы.

8. Мои три больших труда на темы:

а) «Может ли Германия в настоящий период времени позволить себе ведение политики борьбы за мировоззрение и соотношение такой политики с реальными факторами». Я отвечал отрицательно на поставленный вопрос.

б) «Может ли Генеральный штаб взять на себя ответственность за ведение бесперспективной войны с превосходящими силами вражеской коалиции». Мой ответ был также отрицательным.

в) Докладная записка по поводу пропагандируемой Розенбергом политики сотрудничества с Польшей в борьбе против России. Я отклонял подобную политику как бессмысленную.

Работа, указанная в пункте «а», пошла через Штюльпнагеля—Бека—Фрича к Бломбергу. Я получил ее обратно с резолюцией Бломберга: «Очень интересно, для дальнейшего распространения непригодна». Работы, указанные в п.п. «б» и «в», пошли через Штюльпнагеля только к Беку, возможно, также и к Фричу.

Я получил их обратно без поправок и направил их вместе с работой «а» к Браухичу (в то время командующему I Военным округом) и военному атташе в Австрии — генералу Муфф (моему прежнему командиру полка). Оба возвратили мне мои работы с сопроводительными письмами, в которых выражали полное согласие со сделанными мною выводами.

9. По возвращении из Москвы в 1936 году я докладывал Бломбергу, указав при этом на опасности, связанные с отходом от прежней политики по отношению к России. Одновременно я намекнул на желательность изменения гитлеровского курса. Мой доклад Бломберг отклонил без всякой деловой мотивировки.

В начале 1937 года я докладывал Бломбергу свою оценку заговора троцкистов и группы Тухачевского. В результате я был вынужден уйти из отдела «Т-3». Бломберг сказал мне в конце доклада раздраженным тоном: «Вы рассказываете здесь сказки. По-видимому, у вас большая любовь к господину Сталину». При этом присутствовал Кейтель, который самодовольно ухмылялся и одобрительно кивал головой.

Вследствие занятости вышеупомянутыми задачами я не смог уделить необходимого времени и внимания собственно работе отдела «Т-3», т.е. проверке, обработке и систематизации сведений о Красной Армии. То же самое следует сказать о генерале Штюльпнагеле. Особенно страдал от этого подполковник Мирчинский, вынесший на себе основную тяжесть работы.

Доклад у начальника продолжался, как правило, 20 минут, из них 5—10 минут выпадало на долю бедняги Мирчинского. Если он все же успевал доложить результаты своей трудоемкой, кропотливой, мозаичной работы, Штюльпнагель обычно утешал его словами: «Дорогой Мирчинский, меня весьма заинтересовало ваше сообщение. Я уверен, что вы наилучшим образом справились со своей работой».

Эта работа состояла в следующем:

1. Обработка докладов военного атташе (генерала Кёстринг).

2. Использование присылаемых Кёстрингом печатных инструкций, например, нового «Полевого устава», полученного взамен нашего нового «Артиллерийского устава» и инструкции для войск связи и т.д.

3. Обработка русской столичной и провинциальной прессы.

4. Использование русской военной литературы (журналы и книги).

5. Использование докладов о сотрудничестве с русскими командирами.

6. Проверка и использование донесений Абвера.

В мое время V группа имела следующий рабочий распорядок:

Начальник группы:	Военно-политическое положение Советского Союза и развитие экономики (пятилетнего плана), высшее командование Советской Армии, укомплектование высших штабов. Оперативно-тактические принципы. Обучение войск.
Референт подполковник фон Мирчинский	Дислокация, организация, вооружение и оснащение советских вооруженных сил.
Референт майор фон Бодекер[1]	Северные государства (Швеция, Норвегия, Дания).

«Цет-Мо»[121] («Централе Москау») было учреждением в Москве, сотрудничавшим непосредственно с капитаном Гофмейстер в Берлине. В задачу этого органа входило обслуживание (главным образом, денежное) учрежденных в Советском Союзе опытных станций (танки, авиация и т.д.) и их офицерского состава из числа немцев.

Более конкретно мне функции этого учреждения неизвестны. Я лично не имел отношения к этому органу, так как он, совместно с опытными станциями, был ликвидирован в 1933 году.

Из числа бывших сотрудников «Цет-Мо» я знаю только фон Нидермайера и теперешнего генерала Герстенберга, с которым познакомился впервые много позднее, во время полета в Варшаву (в период войны с Польшей).

Что касается задач и методов отдела «Т-3», я могу их сформулировать на опыте собственной работы. Инструкции для всего отдела «Т-3» по этому вопросу я не читал.

Отдел «Т-3» должен был давать ясную картину военной мощи зарубежных стран и их военного потенциала. «Т-3» должен быть в состоянии дать всю обоснованную характеристику по указанным вопросам. При этом, в первую очередь, необходимо иметь в виду те страны, которые являются потенциальными противниками Германии (центр тяжести в работе).

Информация о военно-политическом положении этих стран поступала от военных атташе. Материалы для этой информации поступали из следующих источников:

1. Пресса (столичная и провинциальная) и вся доступная военная литература (периодические военные издания и книги).

2. Военные инструкции, получаемые в результате открытой продажи или через посредство военных атташе, в силу их договоренности с соответствующим военными учреждениями иностранных государств (например, обмен секретными инструкциями).

---

[1] Здесь и далее речь идет о генерал-майоре Карле Адольфе фон Бодекере.

3. Официальные распоряжения и уведомления (напр[имер], списки производства в чинах, перемещения командного состава, указы о призыве запасных и т.д.).

4. Секретные материалы, поступавшие от Абвера.

Абвер являлся самостоятельным органом, подчинявшимся ОКВ. «Т-3» имел, однако, право давать оперативные указания Абверу по разведке интересующих нас объектов. Обработкой всех накопленных материалов занимались начальники групп и референты по странам, которые запрашивали через начальника отдела присылку дополнительных сведений из Абвера и от военных атташе.

В ведении начальников групп и референтов находились, в первую очередь, систематизация использованных и перепроверенных материалов и их отражение в ориентировках.

ЗАДАЧИ ВОЕННЫХ АТТАШЕ (ОРГАНЫ «Т-3»)

Военный атташе являлся, в первую очередь, органом военно-политического осведомления. Он принадлежал к дипломатическому корпусу и пользовался его привилегиями. Он пользовался доверием иностранных правительств, при которых он был аккредитован.

В случае нарушения военным атташе рамок своей деятельности он может быть отозван по первому требованию иностранного правительства (напр[имер], при установлении шпионской деятельности военного атташе).

Свою работу военный атташе осуществлял в самом тесном контакте с главой дипломатической миссии (посол, посланник). Последний информирует военного атташе о политическом положении в стране, а военный атташе, в свою очередь, информирует посла по вопросам военной политики.

Доклады военного атташе направляются в центр по прочтении и визировании их главой миссии. Директивные указания военные атташе получали из ОКВ или от начальника Генштаба и начальника отдела «Т-3».

Свою работу военные атташе практически осуществляли путем служебного и общественного контакта с высшими военными и политическими деятелями иностранных государств и представителями дипломатического корпуса. В этих целях военный атташе получал деньги для представительства.

Вторая задача состояла в добывании и дополнении материалов (секретные инструкции, данные о засекреченных объектах есть обязанность Абвера, органы которого самостоятельно проводили свою деятельность).

Военный атташе должен был избегать всякого служебного или публичного общения с органами Абвера, дабы избежать компрометации в случае провала (задержания или ареста сотрудника Абвера).

Третьей задачей, стоявшей перед военными атташе, было достойное представительство командования германских вооруженных сил перед правительствами и дипломатическим корпусом страны пребывания (напр[имер], на новогодних приемах у главы правительства, во время национальных торжеств и т.д.).

В 1937 году отдел «Т-3» был реорганизован в отдел 3 обер-квартирмейстера (ОКУ-3). Первым шефом нового отдела был генерал фон Типпельскирх. Штюльпнагель стал первым обер-квартирмейстером (начальником Оперативного отдела).

В ходе этой реорганизации были образованы два отдела — «Запад» и отдел «Восток». Как конкретно распределялись по ним страны, мне точно неизвестно. Знаю, конечно, что Россия относилась к «Востоку», а Франция — к «Западу».

Группа атташата была преобразована в отдел. Я лично не присутствовал при этих преобразованиях, так как в период с 1937 по 1940 года находился в Действующей армии.

Поэтому я могу лишь показать об организации отдела «Т-3» до 1937 года, т.е. на основании личного опыта.

СТРУКТУРА ОТДЕЛА «Т-3»

Начальник отдела.

Ia (начальник по оперативной части).

Группы по странам:

I группа — Англия, Америка, Япония.

II группа — Франция, Бельгия, Испания.

III группа — Италия, Чехословакия, Венгрия, Балканские государства.

IV Польша и Прибалтийские государства.

V группа — Россия, Швеция, Норвегия, Дания.

Группа атташата.

Распределение стран по группам (от I до IV) — не исключено, что я допустил неточности, так как многое уже позабыл. Эти неточности могут быть, однако, легко исправлены на основании имеющихся у вас материалов.

Из числа сотрудников «Т-3», за исключением уже упомянутых начальников Фишер и Штюльпнагель, припоминаю следующих лиц:

Генерал фон Типпельскирх (позднее «ОКУ-3»), в подчинении которого я находился с 1/IV по 1/IX-1937 г. Офицер генштаба, которому по его личным и служебным качествам было далеко до его предшественника. Не обладал ясными, строго очерченными принципами в работе.

Нач[альник] Ia — майор фон Грейфенберг[I]. Небольшого роста, стройный, офицер генштаба, высококвалифицированный специалист, умный, прилежный, скромный и любезный человек. Позднее работал в Оперативном отделе, затем во время войны являлся начальником штаба армейской группы фон Клейста, в последнее время «германский генерал» в Венгрии.

Нач[альник] Ia — майор Фреттер-Пико[II]. Хороший средний офицер генштаба, всегда довольный жизнью товарищ. Во время войны командовал корпусом.

Из I группы: капитан фон Бехтольсгейм. Очень серьезный офицер генштаба, убежденный католик. Обладает отличными, солидными познаниями в военном деле. Обширное общее образование. Высококвалифицированный специалист, в том числе отличный командир-артиллерист. Позднее являлся военным атташе в Лондоне.

Из II группы: капитан Шпейдель[III], офицер генштаба, прилежен как все швабы. В 1933—[19]35 гг. был пом[ощником] военного атташе в Париже, во время войны генерал и нач[альник] штаба армии, последнее время — при «германском генерале» фон Штюльпнагель[IV] в Париже.

Из III группы: майор ф[он] Грисгейм, начальник группы в 1934—[19]36 гг. Не офицер генштаба, был переведен в «Т-3» в связи с отличным знанием

[I] Речь идет о майоре (позднее — генерале пехоты) Гансе фон Грейфенберге.

[II] Здесь и далее речь идет о майоре (позднее — генерале артиллерии) Максимилиане Фреттер-Пико.

[III] Речь идет о немецком военном деятеле генерал-лейтенанте Гансе Шпейделе.

[IV] Речь идет о немецком военном деятеле, двоюродном брате К. фон Штюльпнагеля, генерале пехоты (с 1940 г.) Отто фон Штюльпнагеле.

итальянского языка. Высокообразованный, безупречно воспитанный офицер с большим чувством такта. В 1936 году вышел в отставку.

Майор Шёрнер, преемник предыдущего, также не офицер генштаба. Свободно владел итальянским языком. В войне 1914—[19]18 гг. особенно отличился. Был награжден крестом «Пур ле Мерит». Типичный фронтовик и войсковой командир. Хороший товарищ, показавший себя с наилучшей стороны и позднее, когда он обогнал всех нас и добрался по служебной лестнице до генерал-полковника. В последний период войны — генерал-фельдмаршал.

Капитан Цорн — молодой, прилежный генштабист, референт по Чехословакии и Румынии.

Из IV группы — капитан Лейнц[I], уроженец Вюртемберга, офицер генштаба, во время войны командовал корпусом.

Капитан Кинцель — офицер генштаба со склонностью к фронтовой службе. Простой человек. Во время войны — начальник штаба армейской группы «Центр» или «Север».

Из V группы. Капитан Гофмейстер и Кребс. О них сказано выше.

Капитан фон Горн — типичный порядочный офицер генштаба. Во время войны командовал дивизией.

Подполковник Мирчинский — офицер запаса, добросовестный сотрудник, точный и безупречный в исполнении своих обязанностей, как бы созданный для «ювелирной» работы в «Т-3-V».

Капитан Нагель — в «Т-3-V» с апреля 1937 года. Референт по тактике советских вооруженных сил.

Майор фон Бодекер — офицер запаса. В 1914—1918 гг. потерял ногу.

АБВЕР

О возникновении, развитии и организации Абвера не могу дать конкретных показаний. Я никогда не интересовался этим, возможно необходимым, но все же слегка неправедным ремеслом. По службе также никогда не имел повода подробно заниматься Абвером. То, что я узнал здесь об Абвере от сокамерников, могут лучше меня показать полковник Армстер[II] и майор Гфорнер[III].

Мне также ничего неизвестно о подготовке Абвера к войне с Советским Союзом, так как я в 1937 году выбыл из «Т-3» и посвятил себя обязанностям к[омандир]а I батальона 3-го стрелкового полка.

О сотрудничестве «Т-3» с Абвером могу доложить на основании работы в V группе. В первый период моей деятельности в «Т-3», примерно до смерти фельдмаршала Гинденбурга (август 1934 г.), в «Т-3-» почти не поступало материалов из Абвера. По сообщению подполковника Мирчинского, имелся приказ ОКВ, запрещавший ведение шпионажа против Советского Союза, дабы не помешать сотрудничеству с СССР.

[I] Возможно, речь идет о немецком военном деятеле генерал-лейтенанте Йоханнесе Ленце.

[II] Речь идет об одном из руководителей германской военной разведки полковнике Отто Армстере.

[III] Речь идет о сотруднике германской военной разведки майоре Франце-Рудольфе Гфорнере.

Лишь после смерти Гинденбурга спрос на разведывательном рынке стал медленно расти. Эта «конъюнктура» была следствием развития антисоветской пропаганды со стороны партии. К нам стали поступать более часто сведения из Абвера о Советском Союзе.

Они были почти на 100 % негодны для использования, являлись фальшивками и совершенно очевидной «фабрикацией». Было видно, что авторы этих «материалов» не имели понятия о советской действительности. Нами они соответственно квалифицировались как «чепуха», «абсурд», «что нам делать с этим дерьмом?» — и возвращались обратно в Абвер.

Руководство Абвера в конце концов обиделось и устроило встречу между подполковником Мирчинским и соответствующим референтом из Абвера. Мирчинский разъяснил последнему, почему нас не удовлетворяют материалы Абвера, и была достигнута договоренность, чтобы работники Абвера критически подходили к направляемым материалам и не перегружали нас ненужной перепиской.

Положение, однако, не изменилось ни после этого, ни после других подобных совещаний. Я лично за все время службы не видел ни одного пригодного, не говоря уже — важного, сообщения Абвера.

Отдел «Аусланд», насколько мне известно, возник на базе «Т-3». Этот отдел был органом ОКВ, имевшим своей задачей информацию Кейтеля о военно-политическом положении, следовательно, конкурентная организация по отношению к «Т-3» и «ОКУ-3».

Так, например, одна из копий донесений военных атташе направлялась в отдел «Аусланд». Начальником отдела «Аусланд» был капитан Бюркнер, работавший, по-видимому, в контакте с отделом атташата.

Из числа офицеров Абвера я знаком со следующими.

Адмирал Канарис. Во время поездки в Болгарию посещал меня, когда я являлся военным атташе в Бухаресте. Осведомлялся у меня о положении в Румынии.

Полковник Ганзен[I]. Кажется, начальник I отдела Абвера. Посещал меня в Бухаресте в целях получения информации о Румынии. Очень откровенно говорил о положении в Германии. Энергичный офицер генштаба. Казнен после заговора VII-[19]44 г.

Полковник Остер. С ним я случайно познакомился в Берлине. Что-то вроде начальника канцелярии Канариса. Убежденный противник Гитлера и его «банды». Позднее исчез из Абвера, вероятно, был арестован.

Генерал фон Бентивеньи. Познакомился с ним в 1931 году в Военной академии, когда он был обер-лейтенантом или капитаном. В последнее время — начальник 3-го отдела Абвера.

Полковник Родлер. С ним я встречался в Румынии. Старый австрийский офицер. Опытный, спокойный, образованный человек. Скромен и прост. Абсолютно честен (если бы все офицеры Абвера были такими!).

Майор или подполковник Кайзер[II]. Преемник предыдущего. Видел его лишь один раз и сожалел, что он не Родлер.

Майор Странский[III] из «Абверштелле-Бухарест». В Абвер призван из запаса. Не произвел на меня большого впечатления.

[I] Речь идет об одном из руководителей германской военной разведки полковнике Георге Ганзене.

[II] Речь идет о майоре (позже — генерале кавалерии) Хуго фон Кайзере.

[III] Речь идет о майоре (позднее — подполковнике) Германе Странски.

Майор фон Грегори[1] из «Абверштелле-Бухарест». Погиб при автомобильной катастрофе.

На основании бесед с сокамерниками — полковником Армстер и майором Гфорнер, у меня сложилось следующее общее впечатление об Абвере.

Это была организация, искусственно раздутая во время войны, впрочем, как все органы ОКВ, ее офицерский состав, за малым исключением, рекрутировался из офицеров запаса или резервистов, которые, не достигнув прочного положения в гражданской жизни, были рады снова одеть на себя мундир.

«Тяжелая» работа офицеров Абвера, по-видимому, всегда сопровождалась солидной выпивкой. Весь «стиль» их работы не соответствовал облику старых прусских офицеров. Обладание значительными, часто бесконтрольными суммами разлагало их.

За исключением полковников Ганзена и Родлера я, например, не встречал в Бухаресте ни одного офицера Абвера, о котором можно было сказать, что он воплощает собой старый германский образец офицера.

Как человек со стороны, я могу сказать об Абвере, что это было по меньшей мере гипертрофированное учреждение, работавшее зачастую вхолостую.

ШПАЛЬКЕ

Показания принял: пом[ощник] нач[альника] отд[еления] Следотдела 2 главного упр[авления] МГБ СССР майор СОЛОВОВ

Перевел: майор КОПЕЛЯНСКИЙ

6/IX-[19]51 г.

ЦА ФСБ России. Н-21148. В 2-х тт. Т. 1. Л. 140—161. Заверенная машинописная копия; рукописный подлинник на немецком языке (простым карандашом) — л.д. 162—184об.

№ 182
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА К. ШПАЛЬКЕ

24 сентября 1951 г.
Москва

Стенограмма

Шпальке К.А., 1891 года рождения, уроженец г. Дрезден, немец, германский подданный, из служащих, с высшим образованием, бывший генерал-майор германской армии.

Допрос начат в 13 часов.
—"— окончен в 16 часов.

Переводчица немецкого языка, капитан Потапова, об ответственности за заведомо ложный перевод предупреждена по ст.95 УК РСФСР

ПОТАПОВА

---

[1] Речь идет о майоре Вальдемаре фон Грегори.

Вопрос: В период вашей деятельности германским военным атташе в Румынии вашим помощником являлся подполковник Браун. Когда вы познакомились с ним?

Ответ: Я познакомился с Брауном летом 1922 года во время прохождения совместно с ним подготовки в 1-м артиллерийском дивизионе 7-го артиллерийского полка в г. Вюрцбурге. Браун являлся в то время слушателем Военной академии в г. Мюнхене, которая была нелегально создана германским командованием вопреки Версальскому мирному договору, и так же, как и я, должен был пройти курс подготовки по артиллерии в 7-м артиллерийском полку.

У меня хорошо сохранился в памяти один разговор с Брауном, относящийся к периоду моего знакомства с ним. Летом 1922 года после одного из учебных занятий мы возвращались домой, и в завязавшейся беседе Браун рассказал мне о посещении им собраний национал-социалистической партии в г. Мюнхене, на которых выступал с речами Гитлер.

Как известно, Гитлер и его сподручные создавали в то время в Баварии массовую фашистскую партию, вели усиленную пропаганду против имперского, как они называли, еврейского правительства и готовились к захвату власти в Германии.

Браун до такой степени очарован и восхищен этим новым «национальным» движением, что я вынужден был обратить его внимание на опасность, которой он себя подвергает, выступая так энергично за движение, направленное против германского правительства.

Я обратил внимание Брауна на приказ командующего рейхсвером — генерала Сект, предписывающий военнослужащим держаться в стороне от политики, особенно запрещающий проявление симпатий националистическому движению, главари которого выступали против имперского правительства.

Вопрос: В чем заключалось участие Брауна в фашистском движении в Германии?

Ответ: Браун, так же, как и многие другие офицеры баварского рейхсвера, являлся в то время сторонником возглавляемого Гитлером национал-социалистического движения. Однако конкретными данными о его участии в этом движении я не располагаю, так как я находился с ним вместе всего три месяца, после чего продолжительное время с ним не встречался.

Вопрос: Где служил Браун после окончания нелегальной Военной академии германского Генштаба?

Ответ: Лишь незначительному количеству офицеров, окончивших нелегальную академию в г. Мюнхене, была предоставлена возможность поступления в тайно созданный германским командованием Генеральный штаб. Брауну не удалось поступить в Генштаб, и он был направлен по окончании академии в качестве командира роты в Мюнхенский гарнизон баварского рейхсвера.

Вопрос: Какое участие принимал Браун в подготовке германским командованием реванша за поражение в первой мировой войне?

Ответ: Я не знаю, в каких действиях германского правительства и командования, направленных к подготовке новой войны, Браун принимал участие.

Вопрос: Что вам известно об участии Брауна в выступлении против национал-социалистического путча в Мюнхене в ноябре 1923 года?

Ответ: Как мне рассказывал сам Браун, в ноябре 1923 года, во время национал-социалистического путча в г. Мюнхене, он должен был по прика-

зу командования рейхсвера выступить со своей ротой против путчистов, что и явилось впоследствии причиной для его увольнения из армии по требованию национал-социалистической партии.

Вопрос: За что конкретно Браун был уволен из армии?

Ответ: Из разговора с германским посланником в Румынии Киллингером, обращавшимся в 1942 году к Гитлеру с просьбой о восстановлении Брауна на службе в германской армии, мне известно, что Гитлер упрекал Брауна не в том, что он выступил по приказу командования против путчистов, а в том, что он недостойно вел себя на процессе по делу Гитлера, состоявшемся вскоре после путча.

Встретившись со мной в министерстве рейхсвера в 1934—1935 году, Браун сообщил мне о своем увольнении из армии, в чем, по его мнению, был повинен министр рейхсвера фельдмаршал Бломберг, который по политическим причинам уступил требованиям национал-социалистической партии об увольнении Брауна, вместо того чтобы поддержать его как офицера, который действовал во время путча согласно приказу командования, выполняя свой долг. Я лично был такого же мнения по этому вопросу, как и Браун.

Вопрос: Чем занимался Браун после своего увольнения в отставку в 1934 году?

Ответ: После увольнения из армии Браун по приказанию Бломберга и с ведома германского правительства был направлен в качестве преподавателя тактики в германскую миссию генерала Миттельбергера в Турцию.

Будучи назначен на работу в Турцию, Браун находился в материальном отношении в очень хороших условиях, так что ему могли позавидовать многие кадровые штабные офицеры германской армии. Браун был доволен своей работой в Турции. Как он мне рассказывал, ему удалось установить хорошие взаимоотношения с офицерами турецкой армии, по приглашению которых он участвовал в маневрах, совершал поездки по стране.

Вопрос: А что рассказывал вам Браун о своей шпионской деятельности против Турции?

Ответ: После реорганизации германской миссии в Турции Браун до назначения в Румынию работал в течение нескольких месяцев помощником германского военного атташе в Анкаре. Несомненно, что несколько лет работы в Турции для Брауна не пропали даром и были использованы германской разведкой в период его деятельности на посту помощника германского военного атташе в Анкаре. Однако что-либо конкретно о своей шпионской деятельности против Турции Браун мне не рассказывал.

Вопрос: При каких обстоятельствах Браун был назначен на должность помощника германского военного атташе в Румынии?

Ответ: Я сейчас хорошо не помню, что явилось причиной для перевода Брауна из Турции в Румынию. На пост помощника германского военного атташе в Румынии Браун был назначен по приказу Генерального штаба германских сухопутных сил в начале 1940 года. С тех пор и до момента свержения правительства Антонеску в августе 1944 года и прекращения деятельности германского посольства в г. Бухаресте Браун находился в Румынии и работал помощником у германского военного атташе: с марта 1940 года по октябрь 1941 года у полковника Ваале и затем — у полковника Юст, а с октября 1941 года у меня.

Правда, я сталкивался с Брауном по совместной работе в посольстве значительно раньше, а именно в декабре 1940 года, когда я в течение шести

недель замещал уезжавшего в отпуск военного атташе Юст. Являясь в течение ряда лет моим помощником, Браун выполнял поставленные перед нами германским правительством и командованием задачи, основной целью которых являлось удержание Румынии на стороне гитлеровской Германии в войне против Советского Союза.

Вопрос: Какие конкретно обязанности возлагались на Брауна как помощника германского военного атташе в Румынии?

Ответ: Как известно, Румынии отводилась важная роль в военно-политических планах гитлеровского правительства, направленных против Советского Союза. В ходе войны против СССР Германия всячески старалась удержать Румынию на своей стороне, так как последняя посылала войска на советско-германский фронт, поставляла в Германию различное сырье и продовольствие и, главное, снабжала германские вооруженные силы и военную экономику нефтью, которая была для германской военной машины жизненно необходима.

Исходя из этого, основной задачей Брауна являлась интенсивная разведывательная деятельность против Румынии и ее вооруженных сил для того, чтобы следить за тем, чтобы Румыния до конца воевала на стороне Германии, и предупредить возможные попытки со стороны румынского правительства и командования изменить свой политический курс и выйти из войны. В связи с этим добываемый мною и Брауном разведывательный материал регулярно направлялся в Германию.

В своей практической деятельности Браун занимался сбором шпионских данных о военно-политическом положении Румынии, которыми интересовалось германское командование. Его задачей являлось также укрепление дружественных отношений между германской и румынской армиями в интересах совместного ведения войны против Советского Союза. Для выполнения этой задачи он поддерживал тесную связь с отделом пропаганды румынского Генштаба, через который распространял в румынских войсках в массовом количестве присланный из Германии пропагандистский материал.

В этом деле ему помогали также его многочисленные румынские друзья, прогермански настроенные румынские офицеры. Браун поддерживал также тесную связь с «Союзом румынских военных писателей», который снабжал пропагандистской литературой и который также способствовал распространению германского влияния на Румынию и укреплению военного сотрудничества с Германией.

Большое значение для укрепления сотрудничества между Германией и Румынией имел просмотр немецкой кинохроники и фильмов, который Браун организовывал для румынских офицеров в помещении румынской кинофирмы в Бухаресте.

Кроме того, Браун имел и другие обязанности, например, освобождение от службы в румынской армии лиц немецкого происхождения, призыв румынских граждан в германскую армию и войска СС, ходатайства о выдаче военнослужащим румынской армии разрешений на въезд в Германию и др.

Вопрос: Каким образом собирал Браун шпионские сведения о Румынии и ее вооруженных силах?

Ответ: В своей шпионской деятельности против Румынии Браун использовал многочисленных агентов, которых он насадил за время работы помощником германского военного атташе в различных румынских штабах и частях, в том числе в Генеральном штабе, а также среди гражданского населения.

Эта агентура снабжала его интересовавшей германское командование информацией о численности и вооружении румынской армии, дислокации и перемещениях войск, изменениях в командном составе, о настроениях в армии, а также по другим вопросам, которые его интересовали.

Как я уже показывал ранее, задачи разведывательной работы против Румынии были распределены у нас так, что я занимался разведкой и имел агентуру среди старшего офицерского состава и генералитета, а Браун среди среднего и младшего офицерского состава румынской армии. Кроме того, как я, так и Браун имели агентуру из числа гражданских лиц.

Через своих агентов я и Браун не только собирали разведывательные данные о румынской армии, но и перепроверяли сведения о численности и вооружении румынских частей, которые германское командование получало из румынского Генерального штаба официальным путем.

Вопрос: Назовите агентов Брауна?

Ответ: Наиболее ценными агентами Брауна являлись сотрудники румынского Генштаба Боян, Плеснила, Биндер, Тартлер, Ионеску и Серб. Однако ими не ограничивалась агентурная сеть Брауна. Не менее важными агентами Брауна из числа гражданских лиц являлись Эберт и Фольберт. Для своей разведывательной работы Браун привлекал, главным образом, прогермански настроенных офицеров румынской армии, являвшихся по национальности румынскими немцами.

Я, конечно, знал о том, что Браун имел в Румынии большое количество агентов, о чем он мне говорил, докладывая тот или иной разведывательный материал, но фамилии их я сейчас отчасти забыл, частично они мне вообще не были известны, так как меня больше интересовала суть разведывательных сведений, чем фамилии агентов.

По характеру своей работы Браун имел дело с большим количеством лиц в Румынии, которых при различных обстоятельствах привлекал к сотрудничеству и использовал в своей разведывательной деятельности.

Занимаясь освобождением румынских граждан, по различным причинам, от службы в румынской или немецкой армиях, Браун был знаком с множеством румын и румынских немцев, которые в знак благодарности за предоставление им брони сообщали ему интересовавшие нас сведения.

Также не бесполезной для разведывательной деятельности Брауна была его работа, связанная с выдачей виз румынам на въезд в Германию, так как последние всегда сообщали Брауну какие-либо данные, представлявшие интерес для германского командования.

Встречаясь со своими агентами на работе или за бутылкой вина, Браун получал интересовавшие нас сведения. Одновременно Браун занимался через своих агентов пропагандой в пользу Германии, распространяя через них пропагандистский материал.

Насколько я помню, хорошим источником получения разведывательной информации являлся секретарь «Союза румынских военных писателей» (фамилию его я не помню[1]), который был агентом Брауна.

Один из ценных агентов Брауна — Эберт или Фольберт (точно сейчас не помню) — передавал разведывательную информацию о военно-политическом положении Румынии в отпечатанном на машинке виде. Браун был заинтересован в том, чтобы об этом агенте никто не знал. В частности, он

[1] На допросе 19 октября 1951 г. К. Шпальке назвал фамилию секретаря «Союза румынских военных писателей» — Паруба (фольксдойче).

просил меня ничего не говорить о нем Киллингеру, так как опасался, что последний заинтересуется им и станет использовать его в своей разведывательной работе, лишив, тем самым, Брауна важного агента.

Источником получения разведывательной информации для Брауна являлись также иностранные военные атташе, аккредитованные в Румынии, с которыми он с моего ведома обменивался разведывательными данными о Румынии и ее вооруженных силах. Браун поддерживал тесную связь в этой области с итальянским военным атташе — полковником Вальфре де Бонцо[I] и его преемником — полковником Бодини[II], японским военным атташе — генералом Фуцицука и его помощником, впоследствии военным атташе — полковником Шимануки, хорватским военным атташе Навратиль[III] и турецким атташе Кочатюрк.

Вопрос: Как оформлял Браун вербовку своих агентов?

Ответ: Как я, так и Браун, вербовку находившихся у нас на связи агентов подпиской не оформляли, так как в этом не было необходимости. Через многочисленную агентуру мы постоянно получали интересовавшую нас разведывательную информацию в достаточном количестве, которую направляли в штаб Верховного командования в Берлин. Браун привлекал к сотрудничеству агентов на основании их прогерманских настроений, а также использовал в темную для получения шпионских сведений своих многочисленных знакомых в Румынии из числа офицеров и гражданских лиц.

Вопрос: Вы, как военный атташе, были удовлетворены разведывательной деятельностью Брауна в Румынии?

Ответ: Да. Браун хорошо разбирался в разведывательной работе, и за его энергичную деятельность в этой области я уважал и ценил его. Не проходило ни одного дня, чтобы Браун не клал мне на стол своих разведывательных донесений, которые я обрабатывал и использовал в разведывательных отчетах в Берлин, составляемых на основании шпионских данных, которые я также получал от своей агентуры. Германский посланник в Румынии Киллингер, а также начальник отдела атташе Генштаба ОКХ — полковник Меллентин и его преемник — полковник Шухард также оценивали положительно деятельность Брауна.

Вопрос: Как вознаграждал Браун своих особо отличившихся агентов?

Ответ: Принимая во внимание тот факт, что большинство агентов Брауна составляли военнослужащие румынской армии, я по предложению Брауна представлял наиболее хорошо работавших из них к награждению германскими орденами и содействовал им в приобретении немецких легковых автомашин по удешевленным ценам. Германское командование награждало их как офицеров румынской армии, тесно сотрудничавших с германской армией в интересах совместного ведения войны.

Хорошо работавшие агенты Брауна получали от него небольшие подарки: запасные части для машин, которые трудно было достать, фотоаппараты, книги, что способствовало установлению более тесного разведывательного сотрудничества. Браун хорошо понимал, как лучше приблизить к себе агента и получить от него необходимые разведывательные сведения. Он

[I] Вальфре ди Бонцо — в 1941—1942 гг. итальянский военный атташе в Бухаресте, полковник.

[II] Так в документе, возможно, речь идет об итальянском военном деятеле полковнике (позднее — бригадном генерале) Сильвио Бонини.

[III] Речь идет о хорватском военном деятеле генерале Мирославе Навратиле.

приглашал, например, некоторых своих агентов в ресторан или к себе домой, а некоторым доставал железнодорожные билеты в мягком вагоне, что также подчас помогало ему в его разведывательной работе.

В моем распоряжении находился также специальный фонд для организации официальных приемов, которые способствовали укреплению сотрудничества с нашими румынскими друзьями, в том числе и с агентами, работавшими для нас. Браун в подобном случае делал мне со своей стороны предложение о том, кого из сотрудничавших с ним румынских офицеров он считает необходимым пригласить на банкет.

Вопрос: В чем заключалась связь Брауна с германским разведывательным органом «Абверштелле-Бухарест»?

Ответ: До осени 1940 года аппарат военного атташе, в котором работал Браун, и «Абвер» размещались в одном помещении, так как в то время германская разведка в Румынии, возглавляемая Бауром, проводила свою работу нелегально, под прикрытием германского посольства в Бухаресте. Несомненно, что Браун обменивался разведывательной информацией с уполномоченным «Абвера», впоследствии начальником «Абверштелле-Бухарест» — полковником Бауром.

Когда я приступил к исполнению обязанностей военного атташе в Румынии, отношения Брауна с «Абвером» были несколько натянутыми. Здесь, по-моему, у Брауна играло чувство конкуренции и самолюбия. Браун считал разведывательный материал, добываемый «Абвером», плохим, а сам «Абвер» плохо информированным о настоящем положении в Румынии. По мнению Брауна, он сам располагал гораздо лучшим разведывательным аппаратом.

Я установил с начальником «Абверштелле-Бухарест» — полковником Родлер — тесное сотрудничество в деле обмена разведывательной информацией о Румынии с тем, чтобы не направлять в Берлин различных сведений по тому или другому вопросу и избежать в данном случае ненужных уточняющих вопросов из германского Генштаба. Так что после этого и отношения Брауна с «Абвером» стали лучше, хотя всю связь с Родлером поддерживал я сам.

Вопрос: Какую связь поддерживал Браун с органами румынской разведки и полиции?

Ответ: Как я уже показал, Браун имел своих агентов в румынском Генеральном штабе в лице подполковника Ионеску и начальника группы атташе Генштаба — майора Боян, а затем сменившего его в этой должности — майора Плеснила, от которых получал разведывательную информацию о румынских вооруженных силах. Браун получал из румынского Генштаба разведывательные сведения о военных приготовлениях и деятельности англичан в странах Ближнего Востока. Эти сведения румынский Генеральный штаб получал от своих военных атташе, аккредитованных в Турции, Сирии и других странах Ближнего Востока.

Браун передавал эти разведывательные материалы мне, а я, в свою очередь, направлял их в Генеральный штаб ОКХ в Берлин, так как эти сведения представляли большой интерес для командования. Кроме того, румынский Генеральный штаб передавал Брауну разведывательные сведения о концентрации и перемещении венгерских войск на румыно-венгерской границе, которые также представляли для нас определенный интерес в связи с тем, что Германия должна была улаживать пограничные конфликты между Венгрией и Румынией из-за Трансильвании, которая издавна являлась яблоком раздора между этими странами. С румынской разведкой, возглавляе-

мой Кристеску, а также с полицией Браун, насколько мне известно, связи не поддерживал.

Вопрос: В каких служебных отношениях находился Браун с Киллингером?

Ответ: Во время моего отсутствия Браун замещал меня и, являясь на доклад к Киллингеру, информировал его о важнейших сведениях, полученных от агентуры и официальным путем по всем вопросам, касающимся румынских вооруженных сил, а также о настроении в румынской армии. Кроме того, я, а в мое отсутствие Браун, докладывали Киллингеру все разведывательные отчеты, отправляемые нами в Берлин.

Вопрос: Какое участие принимал Браун в осуществлении преступных военно-политических планов гитлеровского правительства, направленных против Советского Союза?

Ответ: Являясь с 1940 по 1944 год помощником германского военного атташе в Румынии, Браун проводил активную шпионскую деятельность против Румынии в пользу германской разведки, а также энергично работал в направлении укрепления германо-румынского военного сотрудничества и использования Румынии в войне против Советского Союза, участвуя тем самым в осуществлении военно-политических планов гитлеровской Германии, направленных против Советского Союза.

Как я уже показал выше, гитлеровское правительство, втянув Румынию в войну против Советского Союза, старалось удержать ее на своей стороне, используя ее нефтяные запасы и другое сырье, а также румынскую армию в интересах ведения захватнической войны против Советского Союза.

Осуществлением этих военно-политических планов Германии в Румынии занималось германское посольство, в том числе аппарат военного атташе, военная миссия и ряд других германских штабов и учреждений.

Вопрос: Шпионской деятельностью против Советского Союза Браун занимался?

Ответ: Нет. Проведение шпионажа против Советского Союза не входило в мои обязанности, а также в обязанности Брауна. Наша разведывательная работа была лишь направлена против страны, в которой мы находились. Правда, я, а также и Браун, имели отношение к передаче в Берлин разведывательных сведений о Советском Союзе, которые японский военный атташе в Бухаресте — генерал Фуцицука собирал путем радиоподслушивания.

Верховное командование германских вооруженных сил, будучи заинтересовано в получении разведывательных сведений о Советском Союзе, имело специальную договоренность с японским военным атташе Фуцицука о том, что он будет передавать мне все полученные им путем радиоподслушивания материалы о Советском Союзе.

Вопрос: Что представляли из себя эти подслушанные разведывательные сведения о СССР?

Ответ: С помощью специальной радиоустановки аппарат японского военного атташе в Бухаресте подслушивал радиограммы, передаваемые открытым текстом в советском тылу, в которых, насколько я помню, сообщалось о транспортных перевозках в районе Волги и других вопросах. Фуцицука или же его помощник Шимануки регулярно приносили эти сведения мне или Брауну, после чего они без какой-либо обработки направлялись курьером в ОКХ.

Вопрос: Что вам известно о поездках Брауна на временно оккупированную немецкими войсками советскую территорию?

Ответ: В период моего пребывания военным атташе в Румынии Браун дважды выезжал на оккупированную румынским и немецкими войсками советскую территорию.

Вопрос: С какой целью?

Ответ: Приблизительно в июне 1942 года Браун сопровождал турецкого военного писателя и журналиста Эркилета, приезжавшего на советско-германский фронт по приглашению германского Верховного командования. Летом 1942 года Браун в числе других аккредитованных в Румынии военных атташе выезжал по приглашению румынского Генштаба на оккупированную советскую территорию в район Одессы для того, чтобы ознакомиться с боевой деятельностью одной румынской дивизии.

Вопрос: Находясь в отставке, Браун предпринимал какие-либо попытки к возвращению на службу в армию?

Ответ: Да, такие попытки Браун предпринимал неоднократно, хотя он находился в Румынии в хороших материальных условиях. Несмотря на благоприятные материальные условия, он постоянно стремился возвратиться на службу в германские вооруженные силы, так как, по-видимому, рассчитывал сделать карьеру. Здесь играло определенную роль затронутое честолюбие Брауна, ему трудно было смириться с тем положением, что его бывшие коллеги во время войны обогнали его и стали полковниками и генералами германской армии, а он все время оставался подполковником. Этим и объясняются отчасти его неоднократные попытки стать снова кадровым офицером германской армии.

Браун просил меня походатайствовать перед Верховным командованием о его восстановлении на службу в армии, в связи с чем я, во время своих поездок в Берлин, неоднократно ставил о Брауне вопрос перед ОКХ, но каждый раз получал отказ, так как национал-социалистическая партия была против возвращения Брауна на кадровую службу в армию.

Киллингер, по просьбе Брауна, обращался в 1943 году по этому вопросу к Гитлеру, но также получил отказ по причинам, о которых я указывал в начале допроса.

Браун поддерживал также оживленную переписку с начальником Генерального штаба германской армии Гальдером. Верховное командование германской армии и сам Гитлер доверяли Брауну и положительно оценивали его деятельность в интересах Германии и, по-видимому, считали более целесообразным использовать его там, где это было необходимо германскому правительству.

Показания с моих слов записаны правильно и мне прочитаны в переводе на немецкий язык.

ШПАЛЬКЕ

Допросил: начальник Следотдела 2 Гл[авного] упр[авления] МГБ СССР майор КИЧИГИН

Следователь Следотдела 2 Гл[авного] упр[авления] МГБ СССР ст[арший] лейтенант СМИРНИЦКИЙ

Переводчик немецкого языка Следотдела 2 Гл[авного] упр[авления] МГБ СССР капитан ПОТАПОВА

ЦА ФСБ России. Н-21148. В 2-х тт. Т. 1. Л. 265—291. Подлинник. Машинопись. Автограф.

№ 183
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА К. ШПАЛЬКЕ

4 октября 1951 г.
Москва

Стенограмма

Военный прокурор Военной Прокуратуры Войск МГБ СССР капитан юстиции Образцов и нач[альник] Отделения Следотдела 2-го Главного управления МГБ СССР майор Кичигин допросили обвиняемого

Шпальке Карла Александровича, 1891 года рождения, уроженца г. Дрезден, из служащих, немца, немецкого подданного, с высшим образованием, генерал-майора немецкой армии.

Допрос начат в 13 час. 30 мин.
—"— окончен в 15 час. 45 мин.

Переводчица немецкого языка, капитан Потапова, об ответственности за заведомо ложный перевод предупреждена по ст.95 УК РСФСР

ПОТАПОВА

Вопрос: С какого времени вы служили в германской армии?

Ответ: С 1914 года.

Вопрос: Какие должности вы занимали в разведотделе Генштаба?

Ответ: С 1933 года по 1935 год я был референтом 5-го отделения разведотдела Генштаба; с 1935 года по 1937 год был начальником 5-го отделения того же отдела. Затем был командиром батальона, в должности которого служил до октября 1939 года. В 1939 году меня назначили начальником пограничной комиссии по установлению демаркационной линии между Германией и СССР на территории Польши.

Вопрос: Какую разведывательную работу против СССР вы вели на службе в разведотделе Генштаба?

Ответ: Разведывательной деятельностью против Советского Союза я фактически начал заниматься с 1927 года. В тот период я служил командиром взвода 1-го кавалерийского полка в г. Тильзите и был прикомандирован к 5-му отделению 3-го разведывательного отдела Генерального штаба сухопутных войск в качестве сопровождающего переводчика для обслуживания командиров Красной Армии, прибывающих в Берлин на учебу и маневры немецкой армии.

Наряду с исполнением обязанности переводчика мне было поручено референтом Мершанским и начальником отдела Фишер проведение разведывательной работы против Красной Армии. В частности, собрать характеризующие данные на командиров Красной Армии, к которым я был прикреплен в качестве сопровождающего переводчика, в беседах с ними установить: структуру Красной Армии, ее вооружение, дислокацию отдельных частей.

Это задание мною было выполнено. В беседах с командирами Красной Армии мне удалось установить ряд сведений, которыми интересовался разведотдел Генштаба. В частности, я установил, что высшее командование Красной Армии занимается вопросами высадки при помощи самолетов танкового и пехотного десантов.

В противоположность же немцам, создавшим артиллерийские группы из смешанных батарей, в Красной Армии считается более целесообразным использовать артиллерию дальнего и ближнего боя раздельно как самостоятельные подразделения.

В вопросе противотанковой артиллерии в разговоре с командирами Красной Армии я установил, что имеющиеся на вооружении Красной Армии 35 мм противотанковые пушки не удовлетворяют их и они занимаются созданием более мощных, т.е. 45 мм пушек. Более подробно, какие были мною собраны сведения от командиров Красной Армии, я показал на предыдущих допросах.

Будучи референтом, а затем начальником отделения разведотдела, я обрабатывал поступавшие в отдел разведывательные данные о Красной Армии. Источником являлись: официальная советская литература, газеты, журналы, а также брошюры и уставы военного ведомства Красной Армии; из донесений германского военного атташе в СССР в Москве Кестринга; из информации немецких офицеров, бывших на маневрах Красной Армии и из опросов немецких специалистов, работавших на предприятиях в СССР.

Вопрос: Когда вы были назначены военным атташе в Румынии?

Ответ: 15 октября 1941 года.

Вопрос: Ваша деятельность в Румынии?

Ответ: До назначения военным атташе в Румынию я, с ноября 1940 года, работал начальником военно-хозяйственной миссии в Румынии. В мою обязанность входило: перестроить румынскую военную промышленность, форсирование производства вооружения, организовать контроль за выпускаемой продукцией, следить за тем, чтобы Румыния более целесообразно использовала военно-стратегическое сырье и направляла его для войны в Германию.

Я принимал непосредственное участие в заключении договоров между германскими фирмами и фирмами в Румынии на поставку деталей для германских танков, на поставку автопокрышек и другой продукции.

Вопрос: Браун Макс на допросе показал: «По военно-экономическим вопросам перед Шпальке была поставлена задача выжать для Германии все, что возможно, из румынской промышленности и сельского хозяйства. Кроме того, он должен был принимать участие в снабжении Румынии германским вооружением. В его распоряжении был большой штат специалистов. С ними он разъезжал по заводам, фабрикам, предприятиям и учреждениям. Советами и указаниями перестраивал румынскую промышленность для того, чтобы она на все 100 % более быстрыми и производительными темпами работала на военные нужды Германии». Это правильно?

Ответ: Да, это правильно. Мне, как начальнику военно-хозяйственной миссии в Румынии, эти задачи были поставлены, и я их выполнял.

Вопрос: Будучи военным атташе в Румынии, вы занимались шпионской деятельностью против СССР?

Ответ: В основном моя разведывательная деятельность в Румынии была направлена против самой Румынии с той целью, чтобы не допустить выхода Румынии из войны. Однако не отрицаю, что занимался разведывательной деятельностью против Советского Союза. В частности, мне систематически передавал сведения японский военный атташе в Румынии Фуцицуки, а также его преемник Шимануки об эвакуации промышленности в СССР, о движении грузов по Волге. Эти сведения я передавал в Берлин.

Вопрос: Находясь на службе в разведотделе Генштаба, а затем военным атташе в Румынии, вы занимались шпионской деятельностью против СССР, проводили преступную гитлеровскую политику на подготовку, а затем ведение захватнической войны против СССР. Правильно?

Ответ: Будучи на этих должностях, я действительно занимался разведывательной деятельностью против СССР, проводил гитлеровскую политику. Признаю также, что участвовал в ведении войны против СССР, однако до начал войны я не знал о том, что готовилась война против Советского Союза.

Вопрос: Вы ранее на допросах подробно рассказывали о своей деятельности в разведотделе Генштаба на посту военного атташе в Румынии. Эти показания правильны, вы их подтверждаете?

Ответ: Да, я рассказал все правильно и свои показания, которые я давал ранее на допросах, подтверждаю.

Протокол с моих слов записан верно и мне прочитан в переводе на немецкий язык.

ШПАЛЬКЕ

Допросили: Прокурор Военной Прокуратуры Войск МГБ СССР капитан юстиции ОБРАЗЦОВ

Начальник Отд[еления] Следотдела 2 Гл[авного] упр[авления] МГБ СССР майор КИЧИГИН

Переводчик немецкого языка Следотдела 2 Гл[авного] упр[авления] МГБ СССР капитан ПОТАПОВА

ЦА ФСБ России. Н-21148. В 2-х тт. Т. 1. Л. 292—298. Подлинник. Машинопись. Автограф.

№ 184
ПИСЬМО ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА К. ШПАЛЬКЕ ВОЕННОМУ АТТАШЕ ПРИ ГЕРМАНСКОМ ПОСОЛЬСТВЕ В МОСКВЕ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРУ Э. КЁСТРИНГУ

3 марта 1937 г.
Берлин

Перевод с немецкого

Уважаемый господин генерал!

В настоящий момент опять все успокоилось. Бесчисленные доклады о троцкистском процессе пошли своим путем. Последний из посольства не принес ничего нового — различные направления показались мне хорошо знакомыми, кажется, господин военный атташе хорошо об этом ориентирован. Во всяком случае, мы в своей оценке снова находимся на более правильной точке зрения, чем другие.

То же самое касается вопроса Россия—Испания, наши предсказания о том, что Советский Союз примет ограниченное участие на этом интернациональном «Куммерсдорфе» («Куммерсдорфе» — полигон в Германии [*прим. пер.*]), полностью подтвердились.

Я надеюсь, что это также касается акции со стороны господина Штерна[1].

---

[1] Возможно, речь идет о советском военном деятеле генерал-полковнике Григории Михайловиче Штерне.

Мы оцениваем это мероприятие, в первую очередь, только как предчувствие того направления, к которому присутствие генерала К. является бельмом на глазу, и думаем, что благодаря энергичным представлениям посла это будет уничтожено в зародыше, и особенно господина генерала.

У меня еще одна просьба. Сейчас распределяются летние поездки за границу. Я хотел бы записаться на середину апреля. Но прежде я бы хотел, чтобы господин генерал мне совершенно откровенно написал, могу ли я также и в этот раз посетить Москву, чтобы затем поехать на один из кавказских курортов. Только тогда я свяжусь с Орловым по поводу визы, когда я услышу мнение генерала.

Я бы не стал думать об этом, если бы не моя жена, которая на этих днях получила большую посылку с икрой и коньяком от У[рицкого] — видимо, как благодарность за фотоальбом.

Итак, оказывается, уже не так злы на нас солдаты, как мы ожидали после гомерической ругани с обеих сторон. У меня создалось впечатление, что, возможно, я и на этот раз не получу отказа от оформления визы.

Господин генерал мне также очень советовал в последнем письме снова посетить Россию, ибо я всегда не полностью посвящен в политические методы страны — мы, западноевропейская «буржуазия», успеваем как раз, это тяжело или никогда. Поэтому еще раз прошу доброго совета по этому вопросу. Своему начальнику я уже доложил о получении посылки от У[рицкого].

Он констатировал, что, как видно, веревка, на концах которой находимся я и господин генерал, еще, кажется, не совсем оборвалась, и сказал это с юмором. Вообще говоря, у меня такое чувство, что на нашем высоком Олимпе (имеется в виду Верховное командование [*прим. пер.*]) теперь занимаются немного больше этой непонятной страной — видимо, еще думают над тем, что из этого получится — пока не ясно, но «все же».

С приветом и наилучшими пожеланиями всем друзьям и жителям оазиса на Хлебной ул[ице].

Всегда преданный Вам

[ШПАЛЬКЕ]

Перевела оперуполномоч[енный] Следотдела 2 Гл[авного] управл[ения] МГБ СССР капитан СТЕСНОВА

ЦА ФСБ России. Н-21148. В 2-х тт. Т. 1. (Пакет, л. 391; л. д. не нумерованы). Машинописная копия. Автограф.

№ 185

ПИСЬМО ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА К. ШПАЛЬКЕ ВОЕННОМУ АТТАШЕ ПРИ ГЕРМАНСКОМ ПОСОЛЬСТВЕ В МОСКВЕ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРУ Э. КЁСТРИНГУ

24 марта 1937 г.
Берлин

Перевод с немецкого

Глубокоуважаемый г[осподи]н генерал!

Очень благодарен Вам и уже принял во внимание Ваше вторичное замечание по поводу моей, на этот раз действительно последней, работы о троцкистском процессе. Попытаюсь еще глубже проникнуть в европейско-азиатскую душу.

Особенно меня обрадовали слова: «здоров, как 10 000 боровов» — теперь мы можем сказать с уверенностью, что г-н генерал, подобно каменной ска-

ле, еще долго и непоколебимо будет отражать политические бури в Москве, назло нарушителям, на радость верным агнцам.

Я считаю, что в настоящий момент нам больше, чем когда-либо, нужно иметь там представителя империи, неприкосновенного для нападения с обеих сторон.

С поездкой в Москву я подожду, пока г-н генерал не отзовет меня.

Дело терпит, и если фашистскому генералу еще недостаточно жертв, то я в этом году не намерен изображать из себя ягненка для жертвоприношения.

При этом я позволю себе приложить открытку для У[рицкого] и буду очень признателен господину генералу за ее передачу. Поразмыслив, я считаю способ передачи через генерала более правильным, чем выражение благодарности через Орлова.

Ввиду того что «сюрприз» был адресован У[рицким] моей жене, то она и благодарит сама в столь же короткой форме, как это имело место в присланной открытке У[рицкого].

Но если у г-на генерала имеются какие-либо соображения против этого, то прошу посоветовать мне, не должен ли я здесь в какой-либо форме выразить благодарность О[рлову].

С наилучшими пожеланиями от меня и моей жены и поздравления с праздником Пасхи.

Всегда послушный и преданный Вашей светлости

ШП[АЛЬКЕ]

Перевела с немецкого: оперуполномоч[енный] Следотдела 2 Гл[авного] управл[ения] МГБ СССР капитан СТЕСНОВА

ЦА ФСБ России. Н-21148. В 2-х тт. Т. 1. (Пакет, л. 391; л. д. не нумерованы). Заверенная машинописная копия.

№ 186
ПИСЬМО ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА Э. КЁСТРИНГА ГЕНЕРАЛ-МАЙОРУ К. ШПАЛЬКЕ

30 марта 1937 г.
Москва

Перевод с немецкого

Германское посольство
Военный и воздушный атташе

Москва, 30 марта 1937 г.

Дорогой Шпальке!

Благодарю за Ваше письмо от 24.3.[1937 г.]

Надеюсь, что Вам с Вашей полуевропейско-азиатской душой также придется поломать голову над речью Сталина от 3.3.[1937 г.], как это я делаю сейчас. Она была опубликована только вчера.

Так как не только мы — враг № 1 получили в ней свою долю, но также Франция, Норвегия и другие, то мне кажется, что это является дальнейшим, наблюдавшимся уже и ранее сигналом к более энергичному возведению все более высокой стены между Советским Союзом и заграницей.

Через не совсем ясные высказывания красной нитью проходит не только страх перед подрывной деятельностью, шпионажем и другими ужасными преступлениями, но также страх перед IV Интернационалом.

Все время требуют бдительности.

Это разжигание восточно-азиатского недоверия всех против всех не приведет к спокойствию в стране.

К сожалению, трудно установить, распространится ли это обоюдное недоверие на армию. Это явилось бы большим минусом в смысле готовности армии к войне.

В последних номерах «Красной звезды» сообщается о проводимых во всех учреждениях собраниях и принимаемых резолюциях в связи с пленумом ЦК коммунистической партии, а также о собраниях парторганизаций и собраниях беспартийных большевиков.

На собраниях армейских парторганизаций в чрезвычайно резком тоне выступают против руководящего ком[андного] состава: против Корка — нач[альника] Военной академии, Иппо[1] — нач[альника] полит[ической] академии им. Толмачева в Ленинграде, и др., что до сих пор едва ли было принято.

Еще неясно, какие цели при этом преследуются, ведь здешнюю обстановку нельзя сравнить с нашей, европейской.

Как мне кажется, а также согласно высказываниям на различных собраниях лиц, подвергшихся нападкам, это подрывает авторитет военного начальника. Когда я яснее представлю себе это дело, я об этом состряпаю Вам отчет.

Пока в Берлине вы ведь сможете на это сослаться, прежде всего для того, чтобы все эти события не рассматривались с точки зрения наших понятий о дисциплине. Здесь мы имеем дело именно с Азией и с другими понятиями.

Теперь по поводу Вашей благодарности У[рицкому]. Я должен еще на долгое время приберечь для себя дружеские жесты. Ваше письмо я должен был бы передать лично, но я предлагаю Вам для передачи его использовать Орлова, так как мне не хотелось бы самому идти в штаб армии.

Небольшие замечания в отношении технического оформления благодарности. Ставить имя и отчество при подписи не принято. Я предложил бы Вашей супруге писать фамилию и имя. Счел бы правильным, если бы она сделал небольшую приписку, как, например: «Этому я очень обрадовалась».

Надеемся на лучшее для У[рицкого], на то, что он из-за памяти к своему «великому собрату» по революционной деятельности не будет затронут в процессе за это сотрудничество с Вами.

Сегодня я сообщил капитану Коотани, являвшемуся до сих пор помощником военного атташе по инженерной части, что в Берлине он будет принят сотрудником Военного министерства.

Хочу сегодня сообщить <нрзб>, что он прибудет и что я прошу, чтобы вы его «обработали». Если бы вы смогли сделать для меня личное одолжение и пригласили его к себе, я был бы Вам благодарен.

Он хороший человек и, безусловно, осведомлен о русских делах.

(Кестринг — военный атташе, Москва)

С наилучшим приветом

КЕСТРИНГ

Перевела: КУЩ

ЦА ФСБ России. Н-21148. В 2-х тт. Т. 1. (Пакет, л. 391; л. д. не нумерованы). Заверенная машинописная копия; в подлиннике на немецком языке две фразы добавлены Кёстрингом от руки черными чернилами справа и снизу текста.

---

[1] Речь идет о советском военном деятеле армейском комиссаре 2-го ранга Борисе Михайловиче Иппо.

№ 187
ПИСЬМО ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА Э. КЁСТРИНГА ГЕНЕРАЛ-МАЙОРУ К. ШПАЛЬКЕ

12 апреля 1937 г.
Москва

Перевод с немецкого

Дорогой Шпальке!

Посылаю через Вас агентурное донесение с ответом[122] и прошу доложить мои отметки на полях, а те, которые не совсем подходят в цензурном отношении — стереть, так как при всей их правдивости я не смогу представить их вышестоящим инстанциям.

В приписке ко мне Вы сделали Ваш «Лаус» (прим[ерный] пер[евод] «Лаус» — по-немецки «вошь» [*прим. пер.*]), как ответственный министр. Я не думаю, чтобы Вы представили Фреттеру этот навоз, так как Вы же сами являетесь знатоком здешних политических и военных условий и не дадите дальнейшего хода этой размазне агента.

Само собой понятно, что отдел Абвера не будет в состоянии дать правильную оценку этому донесению, полному политического фантазерства.

На основе моих резких замечаний Вы сможете сами судить дальше.

И, наконец, здесь же имеется Ваше посольство и военный атташе, который уже неоднократно Вам говорил, что войны в настоящий момент не предвидится. Мне было бы очень интересно узнать, на чем базируются сведения, что здесь существует «правительственная линия, настаивающая на агрессивной войне».

Из моего последнего доклада о самокритике в Красной Армии, очевидно, увидите, что только горе-политики могут в настоящее время желать войны, что Россия в настоящий момент не может об этом думать, я уже Вам не раз говорил.

Лозунг о единственном исходе посредством войны не имеет для России никакого применения, ибо Сталин и другие важные люди также с удовольствием сидят в своих виллах, пока его высочество не вышвырнет их оттуда пинком, и предпочитают сражаться со своими партийными коллегами, где они [скорее] выиграют, чем с немецкими солдатами.

Итак, спокойствие, и прошу также Вас не причинять мне бессонных ночей этим криком о войне. Я уже как-нибудь настороже.

Для успокоения расскажу Вам маленькую история. Проехался немного по городу, вышел из автомобиля и прогуливаюсь. Приближается одна группа, как я впоследствии установил, Гамарник, Микоян и два полных начальника ГПУ, т.е. властители высочайшей крови.

Один останавливается около моего автомобиля, который слывет здесь как произведение чуда. Как позднее выяснилось, при начавшемся объяснении было сказано, что автомобиль принадлежит немецкому военному атташе. Услыхав такое страшное имя, сотрудник ГПУ повернулся и поспешно удалился.

Надеюсь, что Вы хорошо поговорили с моим маленьким японцем. Прошу Вас коротко сообщить об этом и о чем он Вам доложил.

С наилучшими пожеланиями

Ваш КЕСТРИНГ

Перевела с немецкого: оперуполномоч[енный] Следотдела 2 Гл[авного] управл[ения] МГБ СССР капитан СТЕСНОВА

ЦА ФСБ России. Н-21148. В 2-х тт. Т. 1. (Пакет. Л. 391; л. д. не нумерованы). Подлинник. Машинопись. Автограф.

№ 188
ПИСЬМО ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА К. ШПАЛЬКЕ ВОЕННОМУ АТТАШЕ ПРИ ГЕРМАНСКОМ ПОСОЛЬСТВЕ В МОСКВЕ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРУ Э. КЁСТРИНГУ

14 апреля 1937 г.
Берлин

Перевод с немецкого

Глубокоуважаемый господин генерал!

Друг из Москвы, которого мы ждали, прибыл и принят нами всеми надлежащим образом. Я надеюсь, что он с самыми лучшими впечатлениями продолжит свой путь, мы много о нем позаботились. Он может быть полезен в некоторой степени также в нашей работе. Я охотно пригласил бы его к себе, как того желал господин генерал, однако он нагрянул в такое время, когда у меня дома в разгаре «большой ремонт» с малярами и столярами. Но весь прием заставит забыть его отсутствие этого пункта в программе.

О деловом результате позднее доложит полковник М.

Кроме всего прочего, следует сообщить, что здесь в настоящее время — особенно со стороны «Русского комитета» (Чунке) [Russland-Ausschuss (Tschunke)] — наблюдается плохое настроение.

Относительно сообщений в иностранной прессе: больше всего ломают головы над возможностью соглашения с Советским Союзом здесь, где уж что-нибудь да должно быть известно об этом.

«Посольство слышу я, но мне не хватает веры!». С другой стороны, как раз со стороны «Русского комитета» обмен дипломатич[ескими] представителями в Комиссариате иностранных дел (замена Крестинского — Потемкиным, отзыв в Москву Канделаки) рассматривается как весьма приятное явление.

У меня все более укрепляется мнение: если вообще русская тележка может и должна быть вытянута из грязи, то скоро можно будет сказать: «res venit ad triarios»[123].

Немногие оставшиеся в живых от старого времени перед битьем фарфора в один прекрасный день должны еще будут начать с больших глиняных горшков, чтобы кое-как склеить черепки, а самый большой горшок должен будет склеить затем господин генерал хорошим клейстером личных отношений.

С наилучшими пожеланиями от меня и моей жены, которая опасается уже ареста со стороны господина генерала за то, что не выполнила его приказа в отношении приглашения японца.

Преданный Вам

[ШПАЛЬКЕ]

Перевела с немецкого: оперуполн[омоченный] Следотдела 2 Гл[авного] управл[ения] МГБ СССР капитан СТЕСНОВА

ЦА ФСБ России. Н-21148. В 2-х тт. Т. 1. (Пакет; *л. д.* не нумерованы). Подлинник. Машинопись. Автограф.

№ 189
ПИСЬМО ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА К. ШПАЛЬКЕ ВОЕННОМУ АТТАШЕ ПРИ ГЕРМАНСКОМ ПОСОЛЬСТВЕ В МОСКВЕ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРУ Э. КЁСТРИНГУ

21 апреля 1937 г.
Берлин

Перевод с немецкого

Уважаемый господин генерал!

В качестве приложения пересылаем Вам результат беседы с капитаном К[оотани], поскольку это касается области работы полковника М[еллен-

тин]. Вторая заметка по докладу, которая еще находится в пути, последует со следующим донесением. Беседа для обеих сторон была очень полезной, и я думаю, что также капитан К[оотани] уедет снова с наилучшими впечатлениями и с чувством, что получил для себя пользу.

Последние опровержения газетных сообщений относительно соглашения Германии с Советским Союзом внесли, видимо, ясность в то, что следовало думать об этих слухах, хотя в настоящее время даже официальные опровержения иногда скрывают совершенно иной смысл. Однако в этом случае я думаю, что они соответствуют действительности. Все развивается вполне планомерно. После того как уже Чунке намекнул на отъезд Фридрихсона[I] (не еврей, заместитель Канделаки в Берлине), теперь этот намек подтвердился.

Фридрихсон в качестве заместителя Розенгольца[II] также переведен в Москву. На основании слухов говорят, что служащий здешнего торгового представительства уволен со службы. Так обстоят дела.

Очень благодарен за то доверие, которое оказал мне господин генерал, послав мне ту ядовитую книгу (прим. пер. — имеется в виду книга с карикатурами). Конечно, моя нежная душа от нее не пострадает, однако я опасаюсь, что эта книга в случае перевода ее на другие языки может превратиться в опасное оружие пропаганды, так как некоторые рисунки крайне опасные.

Я не знаю, располагает ли наше Министерство пропаганды такими людьми, которые бы смогли выковать подобное же опасное оружие, действующее для нас. Как Вы того желали, книгу я водворил в свой сейф, хотя, на мой взгляд, не было бы вредным, если бы наши высокопоставленные господа из Военного министерства хотя бы раз увидели, какими средствами ведется работа против нас и с каким противником мы имеем дело.

С приветом и наилучшими пожеланиями, преданный Вам

ШПАЛЬКЕ

P.S. Замечания к донесению Абвера о политических течениях в Советском Союзе я по достоинству оценил.

Излишнее старание господина генерала произведено не по моему настоянию. Я ведь сразу же сказал, что этот памфлет является порядочной бессмыслицей. Несмотря на это, сочли необходимым посоветоваться со специалистом.

Перевела: оперуполн[омоченный] Следотдела 2 Гл[авного] управл[ения] МГБ СССР капитан СТЕСНОВА

ЦА ФСБ России. Н-21148. В 2-х тт. Т. 1. (Пакет, л. 391; л. д. не нумерованы). Заверенная машинописная копия.

[I] Речь идет о советском хозяйственном деятеле Льве Христиановиче Фридрихсоне.
[II] Речь идет о советском государственном деятеле Аркадии Павловиче Розенгольце.

Комментарии

[1] *«Абверштелле Бухарест»* — периферийный орган абвера. Создан в октябре 1940 г. (полевая почта № 39846). Располагался по адресу: Бухарест, аллея Александру, бывшее здание польского посольства. Кадры первоначально состояли из сотрудников «Кригсорганизацион Румыния». Проводил разведывательную и контрразведывательную работу в Румынии, странах Ближнего Востока и Балканского полуострова, а также собирал разведывательную информацию о Черноморском побережье СССР и дислокации частей Красной Армии. Контрразведывательный отдел уделял исключительное внимание охране нефтепромыслов в Плоешти и коммуникаций на Дунае. Начальники: подполковник Ганс Вагнер (сентябрь-октябрь 1940 г.); полковник Эрих Родлер (октябрь 1940 — февраль 1944 г.); полковник Фридрих Бауэр (март 1944 — май 1945 г.).

[2] *Политическая секция* Генерального штаба германской императорской армии была создана в сентябре 1914 г. в Берлине; руководитель — Рудольф Надольны, впоследствии германский посол в Москве.

[3] *Сенусийя* — мусульманский суфийский религиозно-политический орден (тарикат). Назван по имени своего основателя Мухаммеда ибн Али ас-Сенуси (1787/1791—1859). Основан в 1837 г. в Мекке, в 1843 г. перенесен в Киренаику (Северная Африка), где центром его стал оазис Джарабуб, а позже — оазис Куфра (Ливия). Распространил свое влияние на значительную часть Северной и Центральной Африки. Сенуситы активно боролись против турецкого господства в Киренаике, французских колонизаторов в Центральной Африке и в Алжире. В 1911—1932 гг. орден возглавлял борьбу арабов Ливии с итальянскими войсками.

[4] *27-й прусский егерский батальон* (нем. Königlich Preussisches Jägerbatallion № 27) — воинское подразделение германской армии в 1915—1918 гг. Первоначально насчитывал 200 человек. В основном состоял из финских эмигрантов, завербованных из студентов, крестьян и представителей среднего класса. Новобранцы были тайно переправлены через западную границу в Швецию, а оттуда в Германию. В 1915 — весной 1916 г. был расширен до 1200 человек, в его составе появились артиллерийские и инженерные подразделения. Батальон прошел военную подготовку; первоначально бойцы были одеты в форму «бойскаутов». Большинство добровольцев не знали немецкого языка, и для их обучения пришлось составить немецко-финские словари военных терминов. В дальнейшем батальон принимал участие в Первой мировой войне и гражданской войне на стороне белых в Финляндии. Позднее стал основой для формирования финских вооруженных сил. О создании 27-го прусского егерского батальона см. также: Зимняя война 1939—1940 гг. в документах НКВД: По материалам Архива Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по городу Санкт-Петербургу и Ленинградской области / Авт.-сост. Бернев С.К., Рупасов А.И. Спб., 2010. С. 89—90.

[5] *Аландские острова* — принадлежащая Финляндии стратегически важная и находящаяся на особом правовом положении группа островов в Балтийском море у входа в Ботнический залив и близ Финского залива. Архипелаг состоит более чем из 6,5 тысяч островов, островков и выступающих из воды скал, характерных для шхерных районов.

[6] 1 марта 1941 г. Болгария подписала в Вене протокол о присоединении к пакту держав «Оси». В тот же день МИД Болгарии известил советского посла о согласии болгарского правительства на ввод в страну частей вермахта.

[7] *Венский арбитраж* (нем. Wiener Schiedsspruch) — название двух политических решений, вынесенных арбитрами, которых назначила нацистская Германия

и фашистская Италия с целью «мирного удовлетворения» претензий хортистской Венгрии на территории, которые она утратила по Трианонскому договору (1920). Первый арбитраж состоялся 2 ноября 1938 г., второй — в 1940 г. Согласно решению *Второго Венского арбитража* 30 августа 1940 г. Румыния должна уступить Венгрии половину Трансильвании (43 492 кв. км, 2,4 млн чел.; в н/в — Северная Трансильвания). Цель состояла в том, чтобы склонить Венгрию к участию в войне в качестве союзника Германии. Обострение венгеро-румынских противоречий в результате второго венского арбитража Германия использовала для полного подчинения Венгрии и Румынии. Венские арбитражи были признаны юридически ничтожными странами Антигитлеровской коалиции и ликвидированы Парижскими мирными договорами. Венгрия была возвращена в границы Трианонского договора.

[8] Так в документе. Речь идет о Крайовском мирном договоре. *Крайовский мирный договор* (Крайовское соглашение; болг. Крайовска споготба, рум. Tratatul de la Craiova) — мирное урегулирование территориальных споров между профашистски настроенными правительствами Болгарии и Румынии. Подписан 7 сентября 1940 г. Румыния уступила Болгарии Южную Добруджу, и обе участницы договора согласились провести обмен населением (меньшинствами) на прилегающих к новой границе территориях.

[9] По мирному договору, подписанному 27 ноября 1919 г. в пригороде Парижа Нёйи, Болгария понесла крупные территориальные потери — свыше 11 тыс. кв. км. Южная Добруджа целиком осталась за Румынией.

[10] *Союз болгарского национального легиона* (болг. Съюз на Българските Национални Легиони) — националистическая организация в Болгарии. Создана в 1933 г.; лидер организации генерал Х. Луков. Состояла из экстремистских монархических и националистических групп. После убийства генерала Лукова 13 февраля 1943 г. фактически прекратила свое существование.

[11] Речь идет о болгарской неправительственной общественной организации *«Союз ратников за прогресс Болгарии», или «Ратник»* (болг. Ратничество за напредък на българщината). Создана в 1936 г. с целью возрождения болгарского национального духа. Проповедовала идеи крайнего национализма, сходные с идеями германского национал-социализма. По своей идеологии родственна организациям «Скрещенные стрелы» в Венгрии и «Союз Архангела Михаила» (легионеры) в Румынии. Действовала полуконспиративно. Руководитель: профессор, декан Агрономического факультета Софийского университета Асен Кантарджиев. Известными членами организации являлись писатели: Эммануил Попдимитров, Димитр Талев, Фани Попова-Мутафова, Любомир Владикин и др. Члены организации имели собственную униформу красного цвета. Эмблема организации — т.н. «Болгарский крест»; девиз «Далее вверх». Объединяла в своих рядах представителей интеллигенции. В 1941—1943 гг. члены организации занимали ряд ответственных постов в правительстве (А. Белев, П. Габровски и др.). С приходом Красной Армии осенью 1944 г. организация исчезла с политической арены.

[12] *Антикоминтерн* (полное название «Всеобщий союз немецких антикоммунистических организаций»; нем. Antikomintern, Gesamtverband Deutscher antikommunistischer Vereinigungen e.V.) — союз немецких организаций, направленных против мирового коммунистического движения. Создан в октябре 1933 г. Размещался в Берлине на Бетховенштрассе-3, в здании, конфискованном у «Института сексуальных наук» доктора Магнуса Гиршфельда. Организация должна была координировать пропагандистскую кампанию против СССР. Инициатива создания исходила из Министерства просвещения и пропаганды, оно же финансировало эту организацию. Председатель: Адольф Эрт (1933—1937); смещен по указанию Р. Гейдриха. Руководителем реферата «Антикоминтерн» в Ми-

нистерстве просвещения и пропаганды назначен Эберхард Тауберт. В 1937 г. реферат был переведен в подчинение внешнеполитического департамента НСДАП под руководство Альфреда Розенберга и Георга Лейббрандта. Организация занималась распространением антисоветской пропаганды, выпускала журнал «Контра-Коминтерн», устраивала выставки, имела издательство и книжный магазин. После заключения договора о ненападении между СССР и Германией антикоммунистическая пропаганда в нацистской Германии была свернута, а журнал переименован в «Акция». После нападения Германии на СССР организация возобновила свою деятельность. По окончании Второй мировой войны А. Эрт и многие его служащие сотрудничали с британской разведкой.

[13] Речь идет о Берлинском пакте. *Берлинский пакт 1940 г.,* другие названия: Пакт трех держав 1940 г., Тройственный пакт (нем. Der Dreimächtepakt) — международный договор (пакт), заключенный между представителями главных стран-участниц Антикоминтерновского пакта — Германии (Иоахим фон Риббентроп), Италии (Галеаццо Чиано) и Японии (Сабуро Курусу), сроком на 10 лет. Заключен 27 сентября 1940 г. Предусматривал раздел мира между тремя государствами; Германии и Италии предназначалась ведущая роль при создании т.н. «нового порядка» в Европе, а Японской империи — в Азии. К пакту присоединились зависимые от Германии правительства: в 1940 г. — Венгрия (20 ноября), Румыния (23 ноября) и Словакия (24 ноября); в 1941 г. — Болгария (1 марта), Югославия (25 марта, однако 27 марта новое правительство не утвердило акта присоединения). Разгром стран «Оси» во Второй мировой войне привел к ликвидации пакта. К Антикоминтерновскому пакту Болгария присоединилась 25 ноября 1941 г.

[14] Речь идет о политическом перевороте в Болгарии 9 июня 1923 г., в ходе которого было свергнуто правительства А. Стамболийского.

[15] Сотрудничество области в получении разведывательной информации за рубежом Имперского министерства иностранных дел Германии и Главного управления имперской безопасности регламентировались специальными документами. Например, в «Соглашении между Гиммлером и Риббентропом об организации разведывательной работы» говорилось: «Приказом от 12 февраля 1944 г. фюрер поручил имперскому руководителю СС создать единую немецкую секретную разведывательную службу... 6) Министерство иностранных дел оказывает секретной разведывательной службе всякую возможную помощь. Имперский министр иностранных дел будет, поскольку это будет терпимо во внешнеполитическом отношении, включать определенных сотрудников разведывательной службы в состав заграничных представительств. В каждой стране один из сотрудников разведывательной службы, назначаемый начальником полиции безопасности и СД, принимает на себя ответственность за деятельность остальных включенных в состав дипломатических представительств сотрудников разведки, находящихся в данной стране. В отношении статуса и донесений включенных в состав дипломатических представительств сотрудников разведывательной службы действуют предписания, содержащиеся в совместной служебной инструкции, изданной министром иностранных дел и главным управлением имперской безопасности для полицейских атташе от 28 августа 1941 г., а также имевшие место в дополнение к этой инструкции соглашения об обращении со служебной почтой замаскированных начальников полиции безопасности и СД при германских заграничных представительствах». *Опубликовано*: Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: Сб. материалов в 7 т. / Под общ. ред. Р.А. Руденко. М., 1958. Т. II. С. 794—796.

[16] Засылка первых групп политэмигрантов в Болгарию в целях ведения разведывательно-диверсионной деятельности предпринималась Разведуправлением Генштаба КА в августе 1941 г. Подготовкой и обучением первых 30 бойцов зани-

мались три болгарина — полковники Красной Армии И. Винаров, Ц. Радойнов и Х. Боев. Первые группы на территорию Болгарии были переброшены в августе 1941 г. подводными лодками в устье реки Камчия. Подробнее см.: *Степанова О.Ю.* Болгария в период Второй мировой войны. Таганрог, 2008. Цит. по: http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000095/st003.shtml.

[17] Речь идет о поместье графа Г. фон Лендорф-Штейнрота. Оно располагалось в 30 км от г. Растенбург по шоссе в направлении Растенбург—Ангенбург. После казни графа фон Лендорфа за участие в заговоре 20 июля 1944 г. поместье захватил И. фон Риббентроп. В двухэтажном доме с мезонином расположилась резиденция Риббентропа. От поместья к ставке было проложено шоссе.

[18] *Имперское министерство оккупированных восточных территорий* (нем. Das Reichsministerium für die besetzten Ostgebiete, RMfdbO) также именовалось «Восточным министерством» (нем. «Ostministerium», RMO). Существовало в нацистской Германии с 1941 по 1945 г. Руководитель — Альфред Розенберг; заместитель — Альфред Майер.

[19] Речь идет о *2-й Гаагской мирной конференции* (15 июня — 16 октября 1907 г.), на которой были приняты международные конвенции о законах и обычаях войны, включенные в комплекс норм международного гуманитарного права. В годы Первой мировой войны решения 2-й Гаагской конференции практически никто не выполнял.

[20] Речь идет о т.н. *Антикоминтерновском пакте* — международном договоре, подписанном в Берлине 25 ноября 1936 г. И. фон Риббентропом (от имени Германии) и К. Мусякодзи (от имени Японии), состоявшем из трех статей, Дополнительного протокола и Секретного приложения. В документе говорилось: «Правительство Великой Японской империи и правительство Германии, сознавая, что целью коммунистического “интернационала” (так называемого “Коминтерна”) является подрывная деятельность и насилие всеми имеющимися в его распоряжении средствами по отношению к ныне существующим государствам, будучи убеждены, что терпимое отношение к вмешательству коммунистического “интернационала” во внутренние дела наций не только угрожает их спокойствию, общественному благосостоянию и социальному строю, но и представляет собой также угрозу миру во всем мире, и выражая свое намерение сотрудничать в деле обороны против коммунистической подрывной деятельности, заключили нижеследующее соглашение». Пакт стал юридическим оформлением блока стран — союзников Германии. 6 ноября 1937 г. к пакту присоединилась Италия, 24 февраля 1939 г. — Венгрия и Маньчжоу-Го, 27 марта 1939 г. — Испания. 25 ноября 1941 г. пакт был продлен еще на 5 лет, тогда же к нему присоединились Финляндия, Хорватия, Дания, Румыния, Словакия и Болгария, а также китайское правительство Ван Цинвея.

[21] *Поверенный в делах* — термин, обозначающий ранг дипломатических представителей, которые возглавляют миссии за рубежом на временной основе.

[22] Речь идет о Синайско-Палестинской кампании 1915—1918 гг. в ходе Первой мировой войны. Подробнее см.: *Зайончковский А.М.* Первая Мировая война. СПб., 2000; История первой мировой войны 1914—1918 гг. / Под ред. д.и.н. И.И. Ростунова. М., 1975. Т. 1; *Вержховский Д.В.* Первая Мировая война 1914—1918 гг. М., 1954.

[23] Речь идет о немецкой группе армий «F». *Группа армий «F», или османская группа армий* (нем. Heeresgruppe F, osmanische Heeresgruppe) — объединение германской армии, базировавшейся в Турции в годы Первой мировой войны. Состояла из 4-й, 7-й и 8-й турецких армий. Группе армий было присвоено наименование немецкого Азиатского корпуса (нем. deutsche Asien-Korps). В целях конспирации именовалась в Турции группой армий «Йилдирим» (тур. «Yıldırım Orduları Grubu», или «Yıldırım»; нем. «Jilderim»). Вела боевые действия на террито-

рии Османской империи по линии Палестина—Сирия—Ирак. Командир: генерал кавалерии Отто Лиман фон Зандерс (25 февраля — 11 ноября 1918 г.).

[24] Так в документе, речь идет о Лиге Наций.

[25] *Рапалльский мирный договор* (нем. Der Vertrag von Rapallo) между РСФСР и Веймарской республикой был заключен 16 апреля 1922 г. во время Генуэзской конференции в городе Рапалло (Италия). Рапалльский договор предусматривал немедленное восстановление в полном объеме дипломатических отношений между РСФСР и Германией и означал срыв международной дипломатической изоляции большевистской диктатуры в России. Со стороны РСФСР подписан Г.В. Чичериным, со стороны Германии — В. Ратенау.

[26] *Коминтерн, Коммунистический интернационал, III интернационал* — международная организация, объединявшая коммунистические партии различных стран мира. Основана 28 организациями по инициативе РКП(б) и лично В.И. Ленина для развития и распространения идей революционного интернационального социализма, в противовес реформистскому социализму Второго интернационала, окончательный разрыв с которым был вызван различием позиций относительно Первой мировой войны и Октябрьской революции в России. На I (учредительном) конгрессе Коминтерна (март 1919 г.) присутствовали 52 делегата от 35 партий и групп из 21 страны мира. На конгрессе был образован Исполнительный комитет Коммунистического интернационала (Исполком Коминтерна, ИККИ). Распущен 15 мая 1943 г., преемник — Коминформ (Коминформбюро; 1947—1956).

[27] *«Риббентропа бюро»* (нем. Dienststelle Ribbentrop) — внешнеполитический отдел НСДАП во главе с И. фон Риббентропом, созданный в апреле 1933 г. Должен был действовать параллельно с Министерством иностранных дел Германии. Бюро представляло собой группу экспертов по вопросам внешней политики при канцелярии Рудольфа Гесса; ведущие посты в нем занимали функционеры аппарата СС.

[28] Так в документе. Речь идет о *Сирийском восстании 1925—1927 гг.* — национально-освободительном восстании сирийского народа против французского колониального господства. В литературе также называется Сирийской революцией или Сирийской национально-освободительной войной. Подробнее см.: *Луцкий В.Б.* Национально-освободительная война в Сирии (1925—1927 гг.). М., 1964.

[29] *Левант* (от франц. *Levant* или итал. *Levante* — Восток) — общее название стран восточной части Средиземного моря (Сирия, Ливан, Израиль, Иордания, Египет, Турция и др.); в более узком смысле — Сирии, Палестины и Ливана.

[30] Об участии Паулы Кох в организации и работе отдела «КО Ближний Восток» в Стамбуле см. также: *Рейли О.* Секретные операции Абвера. Тайная война немецкой разведки на Востоке и Западе. 1921—1945. М., 2010. С. 204.

[31] Вероятно, речь идет об убийстве двух британских офицеров в полосе «независимых» пуштунских племен в ноябре 1923 г. одним из вождей афридиев Аджаб-ханом. Подробнее см.: *Тихонов Ю.Н.* Афганская война третьего рейха. НКВД против абвера. М., 2003. С. 40—42.

[32] Так в документе, речь идет об ассирийцах. *Ассирийцы* (айсоры, самоназвание — атурая), народ в странах Ближнего Востока, в США и др. Общая численность 350 тыс. человек (1992), в т.ч. в Российской Федерации (10,6 тыс. человек), Ираке (120 тыс. человек), Иране (100 тыс. человек), Турции (70 тыс. человек) и др. Язык ассирийский. Верующие в основном несториане.

[33] Речь идет о несторианах. *Несториане* (V в. н.э.) — последователи христологического учения патриарха константинопольского Нестория. Несторий отрицал рождение Христа сверхъестественным образом и настаивал, что от Марии (он ее называл Христородицей) родился просто человек, в котором после поселился Дух Святой и обитал в нем как в храме. На Третьем вселенском соборе в Эфесе в 431 г. это учение было осуждено, а Несторий сослан. Его сторонники бежали в

Иран, Среднюю Азию, Китай. В 499 г. им удалось собрать свой собор в Селевкии и организовать свою церковь со своей иерархией.

[34] *Лига Наций* — международная организация, созданная с целью разоружения, предотвращения военных действий, обеспечения коллективной безопасности, урегулирования споров между странами путем дипломатических переговоров, а также улучшения качества жизни на планете. Действовала в 1919—1920 гг.

[35] В подлиннике на немецком языке — Pan-arabism. *Панарабизм* — общественно-политическое движение, направленное на консолидацию арабских народов Ближнего Востока. Зародился в начале XX в., когда большая часть Арабского мира находилась в колониальной зависимости от Османской империи, а затем от европейских держав. Колыбелью панарабизма стал Аравийский полуостров.

[36] Речь идет *об Арабском восстании 1936—1939 гг. в Палестине* в период действия британского мандата. Началось в г. Яффе, когда последователи убитого британцами в 1935 г. шейха Изз ад-Дин аль-Кассама объявили всеобщую забастовку и кампанию неподчинения властям. Восстание было направлено против политики Великобритании в Палестине, а также против иммиграции евреев в Палестину. Британские войска развернули активные боевые действия по подавлению восстания, в первые же дни около 120 арабов были казнены, но восстание достигло большого размаха. В 1938 г. против британцев около воевали 10 000 человек.

[37] Так в документе. Речь идет о езидах. *Езиды* (йезиды, язиды; самоназвание (курд.) — Êzidî, Êzîdî) — этноконфессиональная группа в составе курдов. Живут главным образом в Ираке, Турции, Армении, России, Грузии, а также в небольшом количестве в Иране, Сирии, Украине. Говорят на курдском диалекте курманджи. Исповедуют особую религию (езидизм, язедизм). Религия езидов близка другим изначально доисламским курдским религиям алевитов и али-илахов, вместе с которыми объединяется под общим названием язданизм. Опирается в основном на устную традицию. Имеются также две священные книги с изложением догматики, канонов, космогонии и обрядов: Китаб аль-Джава («Книга откровения») и Масхафе раш («Черная Книга»).

[38] *Договор Сайкс—Пико* — соглашение 1916 г. между Великобританией и Францией о разделе азиатских (преимущественно арабских) владений Османской империи. Подготовлено английским дипломатом М. Сайксом и французским дипломатом Ф. Жорж-Пико; согласовано с правительством Российской империи в марте 1916 г., заключено в Лондоне в форме обмена нотами 9—16 мая. Предусматривало установление господства (в форме прямой аннексии и «сфер влияния») Великобритании в Ираке (южнее Мосула), Заиорданье, а также в некоторых княжествах Аравийского полуострова; Франции — в Ливане, Сирии, Северном Ираке, Юго-Восточной Анатолии. Над Палестиной (кроме Хайфы и Акки, отходивших к Великобритании) устанавливалось международное управление, конкретные формы которого должны были быть определены позднее. Этим соглашением Великобритания нарушила свое обязательство о создании независимого арабского государства, зафиксированное в соглашении, оформленном в виде обмена письмами между британским верховным комиссаром в Египте Мак-Магоном и шерифом Мекки Хусейном.

[39] Речь идет о Декларации Бальфура. *Декларация Бальфура 1917 г.* — официальное письмо от 2 ноября 1917 г. министра иностранных дел А. Бальфура к лорду У. Ротшильду, представителю британской еврейской общины, для передачи Сионистской федерации Великобритании и Ирландии. В письме сообщалось о позиции британского кабинета министров, согласованной на заседании 31 октября 1917 г., о «сочувствии сионистским устремлениям» по созданию «еврейского национального дома» в Палестине. 24 апреля 1920 г. Декларация Бальфура на конференции в Сан-Ремо была утверждена союзниками как основа послевоенного урегулирования в Палестине, а 24 июля 1922 г. включена в текст

мандата Великобритании на Палестину, утвержденного Лигой Наций. День 2 ноября ежегодно широко отмечается как праздник в Израиле и среди евреев в диаспоре.

[40] *Конференция в Сан-Ремо* — заседание Верховного совета держав Антанты, состоявшееся 19—20 апреля 1920 г. в г. Сан-Ремо (Италия), в котором участвовали премьер-министры Великобритании (Д. Ллойд Джордж), Франции (А. Мильеран), Италии (Ф. Нитти). Япония была представлена послом Мацуи. Американский представитель прибыл на конференцию в качестве наблюдателя. В обсуждении вопросов, затрагивавших интересы Греции и Бельгии, принимали участие представители этих стран. Рассмотрела вопросы: о мирном договоре с Турцией и о распределении мандатов Лиги Наций на арабские страны; о выполнении Германией военных статей Версальского мирного договора 1919 г.; о позиции союзников по отношению к Советской России. По решению конференции Великобритания получила мандаты на Палестину и Ирак (включая Мосул), Франция — на Сирию и Ливан. При этом Великобритания гарантировала Франции 25 % будущей добычи мосульской нефти, а Франция обещала обеспечить вывоз нефти к Средиземному морю. Утвержденный на конференции проект мирного договора с Турцией был положен в основу Севрского мирного договора 1920 г. Конференция потребовала от Германии выполнения военных и репарационных условий Версальского мирного договора. По т.н. русскому вопросу конференция приняла решение о восстановлении торговых связей с Советской Россией. Однако одновременно на конференции состоялся тайный сговор об оказании поддержки Польше, начавшей 25 апреля 1920 г. наступление на Украину. Несмотря на некоторые достигнутые соглашения, решения конференции не ослабили глубоких противоречий между державами Антанты, обострившихся в ходе империалистического передела мира после Первой мировой войны.

[41] О планах операций вермахта в Африке и на Ближнем Востоке см. также: *Френкель М.Ю.* Африка и Ближний Восток в стратегии Великобритании в 1940—1942 гг. // Африка во Второй мировой войне. М., 2005. С. 10—15.

[42] *Александретта*, в настоящее время Искендерун (тур. İskenderun) — город в провинции Хатай на юге Турции, центр одноименного округа. Крупный порт на побережье залива Искендерун Средиземного моря.

[43] *«Особый штаб Ф»* (нем. «Sonderstab F») — специальное подразделение германской армии. В задачи штаба входило руководство агентурной разведкой и диверсионно-подрывной деятельностью на Ближнем и Среднем Востоке, а также на Кавказе. Создан в мае 1941 г. во исполнение директивы ОКВ№ 30 «Средний Восток». Первоначально дислоцировался в лагере на мысе Сунион (Южная Греция). 21 июня 1941 г. в дополнение к директиве ОКВ № 32 от 11 июня 1941 г. («Подготовка к периоду после осуществления плана “Барбаросса”») издана директива № 32а — «Обязанности зондерштаба “Ф”». Руководитель — генерал-майор люфтваффе Гельмут Фельми; начальник оперативного отдела (Ia) — майор Герман Мейер-Рикс; офицер по особо важным поручениям — полковник Оскар Риттер фон Нидермайер. По рекомендации МИДа и лично И. фон Риббентропа «особоуполномоченным по арабским странам» при штабе был назначен посланник Фриц Гробба. Во всех военных вопросах «Особый штаб “Ф”» непосредственно подчинялся ОКВ, а в политических его действия согласовывались с МИДом.

[44] *«Германо-арабская учебная группа»* (нем. Deutsch-Arabische-Lehrabteilung; сокр. DAL) — основное учебное подразделение вермахта, занимавшееся созданием и использованием арабских добровольческих формирований. Сформирована на основе «Служебной инструкции Особому штабу “Ф”» Штаба оперативного руководства ОКВ и подписана 21 сентября 1941 г. генералом В. Варлимонтом. Командиром DAL был назначен полковник Герман Мейер-Рикс, впоследствии

группу возглавил капитан Гётце. Позднее на базе DAL были созданы несколько батальонов: «Тунис», «Алжир», «Марокко» и 845-й немецко-арабский батальон.

[45] *Расово-политическое управление* (нем. Rassenpolitisches Amt) — центральное ведомство в системе Имперского руководства НСДАП. Задачей управления была выработка норм и осуществление контроля за работой партийных органов по вопросам обучения и пропаганды в области заботы о приросте благосостояния германского населения и расовой политики. С управлением было необходимо согласовывать все публикации в области расовой политики. Подчинялось заместителю фюрера (с 1941 г. — Партийной канцелярии). В ведении управления также находился Имперский союз многодетных семей Германии по защите семьи (сокр. нем. Rdk). Руководитель управления: Вальтер Гросс (апрель 1934—1942 г.).

[46] *Локарнские договоры* (5—16 октября 1925 г.) — семь договоров, ставших итогом переговоров, происходивших в швейцарском городе Локарно и подписанных 1 декабря того же года в Лондоне. Основным из них являлся Рейнский гарантийный пакт (Западный пакт), подписанный Германией, Францией, Бельгией, Великобританией и Италией. Рейнский гарантийный пакт предусматривал неприкосновенность германо-французской и германо-бельгийской границ, соблюдение постановлений Версальского договора 1919 г. о демилитаризованной зоне; устанавливал обязательство Великобритании и Италии в случае прямой агрессии или нарушения статуса Рейнской демилитаризованной зоны любыми другими участниками соглашения оказать немедленную помощь той стране, против которой эти акции будут направлены. Договоры вступили в действие 10 сентября 1926 г., когда Германия стала членом Лиги Наций. В Локарнской конференции принимали участие рейхсканцлер Германии Ганс Лютер, министр иностранных дел Густав Штреземан, а также представители Италии (Бенито Муссолини), Великобритании (Остин Чемберлен), Бельгии (Эмиль Вандервельде), Франции (Аристид Бриан), Польши (Александр Скшиньский) и Чехословакии (Эдвард Бенеш).

[47] Речь идет о т.н. пакте Бриана—Келлога.

[48] *Вашингтонское морское соглашение 1922 г., или Договор Пяти Держав* — соглашение, заключенное между ведущими мировыми державами: США, Британской империей, Французской Республикой, Японской империей и Итальянским королевством об ограничении морских вооружений. Подписано 6 февраля 1922 г. по результатам Вашингтонской конференции (ноябрь 1921 — февраль 1922 г.). Соглашение ограничило число, вооружение и тоннаж линкоров, а также строительство укреплений

[49] *Сен-Жерменский мирный договор* (10 сентября 1919 г.) — мирный договор, подписанный в Сен-Жерменском дворце (предместье Парижа) по итогам Первой мировой войны между странами Антанты и новообразованной республикой Австрия. По этому договору Австрия признавала отделение от нее Венгрии, Чехословакии, части польских территорий и соглашалась на территориальные уступки в пользу Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев и Румынии. К Польше была присоединена Западная Голиция, к Чехословакии — Закарпатская Украина. Трансильвания и часть Баната, ранее входившие в состав Австро-Венгрии, были переданы Румынии, а также Буковина и позднее, в 1920 г., — Бессарабия. Кроме того, Австрия теряла Южный Тироль и Истрию, отходившие к Италии. Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев получило Далмацию, части Западной Крайовы, Каринтии и Штирии. Помимо всего прочего, Австрия лишилась военного и торгового флота в Адриатике и на Дунае, обязалась выплатить репарации и т.д. Военные статьи договора запрещали Австрии иметь постоянную армию.

[50] *Лозанская конференция 1932 г.* — встреча представителей Великобритании, Германии и Франции по вопросам репарационных платежей, установленных для Германии по Версальскому мирному договору 1919 г. Проходила с 16 июня по

9 июля 1932 г. в Лозанне (Швейцария). Немецкую делегацию возглавлял Франц фон Папен. Конференция закончилась подписанием соглашения о выкупе Германией за три миллиарда золотых марок своих репарационных обязательств с погашением выкупных обязательств в течение 15 лет. В 1953 г. ФРГ взяла на себя долговые обязательства Германской империи. Германия завершила выплаты репарационных платежей 3 октября 2010 г. — в день 20-летия объединения ГДР и ФРГ.

[51] *Англо-германское морское соглашение 1935 г.* Переговоры проходили в Лондоне с 4 мая по 18 июня 1935 г. Заключено 18 июня 1935 г. в форме обмена письмами между британским министром С. Хором и специальным уполномоченным А. Гитлера И. фон Риббентропом. Изменило соотношение военно-морских сил Великобритании и нацистской Германии. Общее соотношение германского военно-морского флота и ВМС Британского содружества должно было находиться в пропорции 35:100. Германия получила право иметь равный с Англией подводный флот. Это соглашение, по существу, санкционировало нарушение А. Гитлером военных ограничений, наложенных на Германию Версальским договором 1919 г., явилось одной из первых акций по «умиротворению» нацистской Германии. В официальных английских комментариях подчеркивалось, что норма в 35 % должна обеспечить Германии полное господство в отношении СССР на Балтийском море. В декабре 1938 г. Германия известила британское правительство о том, что будет содержать флот, равный по водоизмещению британскому. 28 апреля 1939 г. Гитлер заявил в рейхстаге о расторжении Англо-германского морского соглашения.

[52] Вероятно, речь идет о подписании секретного германо-итальянского договора, т.н. «Ось Берлин—Рим», установившего военно-политический союз Германии и Италии. Подписан в Берлине 21 октября 1936 г. Константином фон Нейратом (от имени Германии) и графом Галеаццо Чиано (от имени Италии). В документе стороны констатировали совпадение позиций в области внешней политики, разграничили сферы влияния на Балканах и на Дунае, а также признали Ф. Франко в качестве главы испанского правительства и договорились об оказании ему военной помощи. После принятия Антикоминтерновского пакта, говоря об «оси», стали чаще подразумевать «ось Берлин—Рим—Токио».

[53] *Германо-итальянский договор о союзе и дружбе* (др. наименование — «Стальной пакт») — международный договор (пакт), подписан 22 мая 1939 г. в Берлине между Германией и Италией с целью еще раз подтвердить действие положений Антикоминтерновского пакта и двусторонне оговорить взаимные союзнические обязательства. Содержал обязательства сторон о взаимопомощи и союзе в случае военных действий с любой третьей страной, договоренности о широком сотрудничестве в военной и экономической сферах. Подписан министрами иностранных дел Германии и Италии (Иоахимом фон Риббентропом и Галеаццо Чиано).

[54] *Конвенция Монтрё* (22 июня — 21 июля 1936 г.) — конвенция, восстановившая суверенитет Турции над проливами между Черным и Средиземным морями. Принята на Конференции о режиме Черноморских проливов, проходившей в г. Монтрё (Швейцария). При этом Турция обязалась соблюдать принципы международного морского права. В работе конференции участвовали СССР, Турция, Великобритания, Франция, Болгария, Румыния, Греция, Югославия, Австралия и Япония. Италия участия не принимала.

[55] Речь идет об обстреле испанского города Альмерия германским линкором «Адмирал граф Шпее». 20 мая 1937 г. два испанских правительственных самолета во время разведки над Балеарскими островами обнаружили в 200 м от берега в районе острова Ивиса военный корабль, который приняли за один из мятежных крейсеров. Это оказался германский броненосный корабль «Дойчланд». Корабль неожиданно открыл по самолетам огонь, защищаясь, самолеты сбросили

несколько бомб. В результате 24 человека было убито и 82 ранено. Германское правительство направило ноту протеста испанскому правительству. 5 июня 1937 г. группа кораблей германского ВМФ (линкор «Адмирал граф Шпее» и четыре крейсера) обстреляла порт Альмерия. Обстрел продолжался в течение часа, было убито 11 и ранено 55 мирных жителей.

[56] *Латеранские соглашения* — система договоров между итальянским государством и Святым престолом. Привели к урегулированию взаимных претензий между Италией и Святым престолом, к разрешению «Римского вопроса», существовавшего с 1870 г., определили права и привилегии Католической церкви, ее положение в Римском королевстве. Подписаны 11 февраля 1929 г. в Латеранском Апостольском дворце (ит. Palazzo Laterano) кардиналом Пьетро Гаспарри и премьер-министром Италии Б. Муссолини, действовавшим от имени короля Виктора Эммануила III. Ратифицированы в мае того же года нижней палатой итальянского парламента, полностью состоявшей из членов фашистской партии.

[57] *Усташи* (хорв. Ustaše — «восставшие», «повстанцы») — хорватское нацистское движение, основанное Анте Павеличем в 1929 г. в Италии. Сформировалось из группировок, составлявших в 1920-х гг. ультраправое крыло хорватской оппозиции против централизованного общественного устройства королевства Югославии.

[58] 8 октября 1939 г. Восточные земли, а также южные с Краковым и центральные с Варшавой были объявлены генерал-губернаторством, во главе которого был поставлен один из видных нацистов Г. Франк. Западные и северо-западные польские земли, Познанское и Катовицкое воеводства, большая часть Лодзинского, Келецкого, Краковского и Варшавского воеводств, а также район Сувалок и Белостока были включены непосредственно в состав рейха.

[59] Речь идет о бельгийском короле Леопольде III. После оккупации страны германскими войсками был посажен под домашний арест в официальной резиденции бельгийских королей, брюссельском дворце Лакен. Осенью 1944 г. вместе со своей семьей под охраной СС был вывезен в Хирштайн, а потом перевезен в Штробль под Зальцбургом; в мае 1945 г. освобожден американской армией.

[60] *Мемель* — город-порт на побережье Балтийского моря (с 1923 г. — Клайпеда). С 1871 до 1918 г. Мемельская область находилась в Германской империи, затем под управлением Антанты. По условиям Версальского мирного договора 1919 г., Германия отказалась от права на Мемель и окружающую территорию в пользу главных союзных держав Антанты. В 1923 г. Мемель (Клайпеда) был передан Литве. Нацистское правительство Германии, начав борьбу за пересмотр Версальского договора, стремилось к возврату Мемеля. 22 марта 1939 г. Клайпеда и Клайпедская область были аннексированы Германией.

[61] В немецком биографическом справочнике указано, что Антон Морман 14 февраля 1943 г. вступил в брак с Эльдой Америго. («Biogaphsches Handbuch des deutschen Auswärtigen Dienstes. 1871—1945. Band 3. Padeborn, München, Wien, Zürich. 2008. S. 277»).

[62] Речь идет о «Русском охранном корпусе».

[63] *«Франкфуртер цайтунг»* (нем. Frankfurter Zeitung) — немецкая ежедневная газета. Основана во Франкфурте-на-Майне Леопольдом Зонеманом и Генрихом Бернхардом Розенталем в 1856 г. под названием «Франкфуртский ежегодный доклад» (Frankfurter Geschäftsbericht). С 1866 по 1943 г. выходила под названием «Франкфуртер цайтунг»; издание придерживалось либерально-демократического направления. В 1933—1943 гг. газета была единственной в Германии, которая не была полностью подконтрольна министерству пропаганды Й. Геббельса.

[64] Газета была закрыта по приказу фюрера после статьи, опубликованной 23 марта 1943 г. журналистом Гербертом Кюзелем. Статья была посвящена 75-летию со дня рождения Дитриха Эккарта, одного из основателей НСДАП.

Журналист был уволен, от репрессий его спас призыв на военную службу. Последний номер газеты вышел в свет 31 августа 1943 г.

[65] Первый номер газеты *«Франкфуртер альгемайне цайтунг»* (Frankfurter Allgemeine Zeitung) вышел в свет 1 ноября 1949 г. Основателем ее стал профессор экономики Майнцского университета Эрих Вельтер, который был последним главным редактором берлинской газеты «Фоссише цайтунг», закрытой нацистами в 1934 г. На начальном этапе большинство журналистского коллектива составляли бывшие сотрудники «Франкфуртер цайтунг» (Frankfurter Zeitung) и майнцской газеты «Альгемайнен цайтунг» (Allgemeinen Zeitung). В настоящее время «Франкфуртер альгемайне цайтунг» самая распространенная из немецких газет за пределами ФРГ. Ее ежедневный тираж составляет 363 465 экземпляров.

[66] *«Мажино линия»* — система французских укреплений (строилась в 1929—1934 гг.; совершенствовалась до 1940 г.) на границе с Германией от Бельфора до Лонгюйна; протяженность около 400 км. Названа по имени военного министра генерала А. Мажино. В 1940 г. германские войска вышли в тыл «линии», и ее гарнизоны капитулировали.

[67] Речь идет о семье основателя химической компании «Solvey» (1863), основанной бельгийским химиком-технологом Эрнстом Гастоном Сольве (1838—1922).

[68] По Версальскому мирному договору 1919 г. к Бельгии были присоединены германские округа Эйпен и Мальмеди, а также т.н. нейтральная и прусская части Морене. Кроме того, предоставлен мандат на часть территории бывшей Германской Восточной Африки — Руанда-Урунди. Бельгия также получила право на репарации с Германии.

[69] *«Огненный крест»* (фр. «Les Croix de Feu») — профашистская военизированная организация во Франции в период между мировыми войнами. Возникла в конце 1927 г. как ассоциация бывших фронтовиков, награжденных боевыми орденами. Финансировалась парфюмерным фабрикантом Франсуа Коти. Вождями организации были капитан Жене, затем полковник Франсуа де ла Рок, выдвинувшие лозунги перестройки государства в авторитарном духе и демагогические требования социальных реформ. Располагали прочной организационной структурой военизированного характера, активно участвовали в попытке фашистского путча в феврале 1934 г. Имели ряд филиалов («Национальные добровольцы», «Сыновья О.к.» и т.д.). Распущена декретом правительства Народного фронта от 18 июня 1936 г.; 11 июля преобразовалась во «Французскую социальную партию», которая прекратила свое существование во время Второй мировой войны.

[70] Так в тексте, речь идет о т.н. «Англо-германском товариществе». *«Англо-германское товарищество»* (англ. «Anglo-German-fellowship») — пронацистская британско-германская организация. Создана в 1935 г. В ней были представлены британские промышленники и высшие чиновники, выступавшие за союз с Германией, призывавшие руководство нацистской Германии к войне против Советского Союза. В организацию входили представители правления влиятельных британских концернов, обществ и банков, в том числе: Anglo-Iran Oil Company, Vickers-Armstrong Steel Company, John Walker & Sons, Great Western Railway, London, Midland and Scottish Railway, Cunard White Star Lines, Oceanic Steam Navigation Company, Lloyds Bank, Barclays Bank, Midland Bank, National Provincial Bank, British Westinghouse Electric Company, British Overseas Bank, Commercial Union Assurance Bank, Phoenix Assurance Company и др.

[71] Имеется в виду *«Фольксдойче миттельштелле»* (сокр. ФОМИ; нем. Volksdeutsche Mittelstelle) — Главное управление СС по репатриации этнических немцев. С февраля 1937 г. и до конца войны возглавлял обергруппенфюрер СС Вернер Лоренц.

[72] *Партия Центра* («Центр») — основана в 1871 г. Весь период кайзеровского рейха находилась в оппозиции режиму, поскольку представляла интересы католического меньшинства Германии, в то время как сам кайзер и подавляющая

часть правящего класса представляли протестантскую ветвь христианства, а общая линия государственной политики в религиозной сфере была направлена на секуляризацию. Партия по своему характеру являлась, как указано в ее программе, силой «политического католицизма». Она была представлена во всех правительствах Веймарской репсублики, а четыре ее члена были канцлерами (К. Ференбах, И. Вирт, В. Маркс, Г. Брюнинг).

[73] *«Коричневый дом»* (нем. Braunes Haus) — имперская резиденция НСДАП. Находилась по адресу: Мюнхен, Бриннерштрассе, 45. Первоначально аппарат НСДАП размещался в различных зданиях в Мюнхене, однако Гитлер постоянно искал место для центральной резиденции. В июле 1930 г. партия приобрела здание дворца Барлов (построен в 1828 г. архитектором Жан-Батистом Метивьером). По заданию Гитлера здание было перестроено в «имперском стиле» архитектором Л. Троостом. В 1931 г. туда переехал аппарат Имперского руководства НСДАП. В годы войны дом сильно пострадал от авианалетов союзной авиации и в 1947 г. снесен. В настоящее время на месте «Коричневого дома» находится «Дом германской торговли».

[74] *Штаб заместителя фюрера* (нем. Der Stab des Stellevertretes des Führers) — ведущее партийное учреждение в системе управления НСДАП в 1933—1941 гг. Сформирован в июне-июле 1933 г. при заместителе А. Гитлера Рудольфе Гессе. Основной задачей Штаба было обеспечение эффективного функционирования партийных организаций и партийных формирований. В нем концентрировались все вопросы по текущему управлению НСДАП. Структура Штаба постоянно менялась и была достаточно хаотичной, включала в себя ряд управлений и комиссий НСДАП, а также многочисленные ведомства специальных уполномоченных. К 1938 г. она приобрела следующий вид: руководитель штаба рейхслейтер Мартин Борман; Управляющий делами Штаба амтсляйтер Рудольф Маккензен; Ответственный исполнитель по внутрипартийным делам гауптамтсляйтер Гельмут Фридерихс; Особо уполномоченный заместитель фюрера Роберт Эксле; Ответственный исполнитель по государственно-правовым вопросам гауптамтсляйтер Вальтер Зоммер; Управление кадров амтсляйтер Густав Адольф фон Вульфен; референт прессы амтсляйтер Альфред Ляйтген.

[75] *Министерство по делам церкви* Имперское (нем. Reichsministerium für die kirchlichen Angellegenheiten; RMfKA) — центральное государственное учреждение. Создано 16 июля 1935 г. для руководства церковной политикой НСДАП. Имперский министр по делам церкви: Ганс Керрль (1935—1941); статс-секретарь Герман Мусс (1937—1945).

[76] *Академия германского права* (нем. Akademie für Deutsches Recht) — научное учреждение. Создано 26 июня 1933 г. по инициативе Г. Франка, который стал ее президентом. Цель учреждения — разработка новых принципиальных основ германского законодательства «в общих областях права и хозяйства». В 1937 г. в составе Академии насчитывалось 45комитетов по различным облстям права, в ней работало более 300 сотрудников.

[77] *Национал-социалистический союз жертв войны* (нем. NS-Kreigsopferbund; NSKOB) — общественная организация, премыкавшая к НСДАП. Создана 29 марта 1935 г. в соответствии с Законом о защите единства партии и государства. Ее целью являлась охрана чести и прав жертв войны. Членами Союза могли быть инвалиды войны, вдовы, сироты и родители участников войны, члены НСДАП и др. партийных организаций (а также полиции), потерявшие здоровье в «борьбе за национал-социализм». Все члены Союза должны быть по происхождению немцами и иметь немецкое гражданство, а также признавать нацистское государство. Имперский руководитель Ганс Оберлиндобер (1935—1945).

[78] Так в тексте, правильно — *«Орден крови»*. Орден крови (нем. Blutorden) — нацисткая партийная награда. Учрежден 15 марта 1934 г. Орденом награждались

участники «Пивного путча» 8—11 ноября 1923 г. в Мюнхене, если они вновь вступили в партию не позже 31 декабря 1931 г. Кроме того, орденом награждались те члены партии, которые Веймарской репсубликой были приговорены к смертной казни, но затем помилованы и получили пожизненное заключение. Орден носился в петлице правого нагрудного кармана мундира, обычно носилась только орденская лента.

[79] Об отношении к Шёрнеру его подчиненных красноречиво говорят клички, которые они ему присваивали: «Ненависть к нему приводила многих к игнорированию того факта, что именно благодаря его выдержке и настойчивости наступление советских войск в мае на участке группы армий "Южная Украина" было приостановлено, а фронт по Днестру стабилизирован. Конечно, при этом он прибегал к драконовским методам, наводя с пистолетом в руке должный порядок и устраняя хаос, но ведь дивизии его группы армий были тем самым спасены от разгрома и уничтожения. «Он не чурался методов и средств, даже переходивших границы общепринятых норм и прав, — гоõврил о нем бывший его крусант Ульрих де Мезьер. — Его взрывной характер и темперамент приводили Шёрнера к злоупотреблениям. Прозвища, данные ему солдатами, подчеркивают его натуру: "дурацкий Фердль", "террорист", "имперский полевой жандарм". Но это была лишь одна сторона личности Шёрнера». См.: *Кальтенэггер Р.* Фердинанд Шернер: Генерал-фельдмаршал последнего часа. М., 2007. С. 234—235.

[80] Речь идет о русской императрице *Елизавете I.*

[81] *«Berliner Tageblatt»* («Берлинский ежедневник») — ежедневная газета, выходила два раза в день; одна из самых влиятельных и наиболее распространенных газет не только в Германии, но и за ее пределами. Издавалась с 1872 до 1933 г. известной фирмой «Рудольф Моссе». В 1920-е гг. много статей посвящала экономическому положению в СССР.

[82] *«Vossische Zeitung»* («Фоссова газета») — одна из самых старых и солидных газет, выходила два раза в день. Издавалась с 1715 г. Придерживалась умеренно-консервативного направления.

[83] Речь идет о «Заграничной организации НСДАП» (нем. Auslandorganisation, АО).

[84] Фраза переведена не полностью. На немецком языке этот фрагмент написан следующим образом: «Zu unserem Empfang ist der Dirigent der Personalabteilung des Auswärtigen Amtes, Gesandter Bergmann ereschienen, der Leiter des des Russland-Amts Vortragender Legationsrat Schliep und als Stellvertreferats des Chefs des Protokolle Legationsrat Strack...».

[85] Так в документе, в подлиннике на немецком языке — «Fürsorge der NSV». *«Национал-социалистическая народная благотворительность»* (нем. National-sozialistische Volkswohlfahrt, NSV) — общественная организация в нацистской Германии, основанная НСДАП 3 мая 1933 г., через несколько месяцев после прихода нацистов к власти. Штаб-квартира организации находилась в Берлине. С началом Второй мировой войны NSV все больше принимала на себя функции государства, прежде всего в вопросах работы с детьми и молодежью. Начиная с 1940 г. занималась организацией отправки детей в безопасные районы. Финансировалась за счет пожертвований и членских взносов. На конец 1938 г. на NSV бесплатно работало около миллиона человек. К началу Второй мировой войны в NSV состояло около 11 млн человек. С 1933 г. организация издавала ежемесячный журнал «Национал-социалистическая служба народу», а с 1936 г. — книжную серию «Вечная Германия».

[86] В подлиннике на немецком: «Mit Beginn deutsch-sowjetischen Krieges tat sich Ehrenburg als einer der ersten jüdischen Schreier hervor».

[87] Как писал немецкий разведчик-антифашист Герхард Кегель, в предвоенные годы Ганс-Генрих Герварт фон Биттенфельд являлся «доверенным лицом» американской разведки в германском посольстве в Москве. Подробнее см.:

Кегель Г. В бурях нашего века: Записки разведчика-антифашиста. М., 1987. С. 139—140.

[88] Собственноручные показания генерала кавалерии Э. Ганзена от 8 сентября 1944 г. «Деятельность германской военной миссии в Румынии» опубликованы: Генералы и офицеры вермахта рассказывают... Документы из следственных дел немецких военнопленных. 1944—1951. М., 2009. С. 300—307.

[89] *Польский, или Данцигский, коридор* (нем. Polnischer Korridor) — навание полосы земли, полученной Польшей по Версальскому договору 1919 г. и дававшей ей доступ к Балтийскому морю. Термин использовался в период между двумя войнами (1919—1939) для обозначения территории, которая отделяла немецкий эксклав Восточная Пруссия от основной немецкой территории, в том числе ближайшей к ней провинции Померания. Область была передана Польше после Первой мировой войны по Версальскому мирному договору. Термин впервые ввели польские политики в своих критических статьях касательно немецких националистов.

[90] О миссии Ф. Нойхаузена в Югославии рассказал в своих мемуарах немецкий разведчик В. Хёттль. См.: *Хёттль В.* Секретный фронт. Воспоминания сотрудника политической разведки Третьего рейха. 1938—1945. М., 2003. С. 160—162.

[91] *«Железная гвардия»* (рум. «Garda de fier») — румынская военизированная христианско-мистическая и антисемитская организация. Образована в 1927 г. под названием «Легион архангела Михаила»; руководитель — К. Кодриану. В 1934 г., после убийства ее членами румынского премьер-министра И.Г. Дуки, организация была формально распущена, но продолжала действовать под названием «Партия — всё для отечества». После установления в феврале 1938 г. монархо-фашистской диктатуры организация, ставшая конкурентом короля Кароля II в борьбе за политическую власть в стране, была запрещена, а ее лидер Кодриану убит «при попытке к бегству». После убийства Кодриану организацию возглавил Хориа Сима, инициировавший в 1941 г. неудавшийся военный переворот. В 1944 г., после освобождения Румынии от фашизма, организация была распущена и запрещена.

[92] Кароль II с 1928 г. был в разводе с принцессой Еленой, дочерью короля Греции Константина I. Вероятно, речь идет о его любовнице — Елене Лупеску (с 1921 г.), пользовавшейся огромным влиянием при дворе. В июне 1947 г. они официально оформили свои отношения, вступив в законный брак.

[93] Возможно, речь идет о зарубежных организациях НСДАП, оказывавших содействие пропагандистской деятельности Германии за рубежом и ведавших национал-социалистическим воспитанием немцев за границей — (нем. NSDAP-Auslandsorganisation; AO). Руководители: (с 1936 г. — с правами гауляйтера) доктор Ганс Ниланд (май 1931 — май 1933 г.); статс-секретарь МИД Германии Эрнст Вильгельм Боле (май 1933 — май 1945 г.).

[94] *СС, Охранные отряды* (нем. SS, Schutzstaffel) — вооруженные элитные формирования НСДАП. Начали формироваться 11 мая 1923 г. как ударный отряд «Адольф Гитлер» (Stosstrupps Adolf Hitler), но никакой особой роли не играли до 1925 г. В апреле 1925 г. Гитлер поручил Ю. Штреку сформировать личную охрану из состава СА. Первые восемь человек были набраны из Ударного отряда. Первоначально подразделение именовалось Охранной командой (Schutzkommando), затем — Штурмовым отрядом. 21 сентября 1925 г. циркуляром Штрека местным организациям НСДАП было приказано сформировать подразделения СС на местах; 9 ноября того же года по предложению Г. Геринга получили название Охранных отрядов НСДАП (Schutzstaffel der NSDAP). В конце 1930 г. Гитлер разделил командование СА и СС. Постепенно СС взяли на себя организацию внутренней разведки и контрразведки, и в 1931 г. эти функции приняла на себя СД. С 30 июня 1934 г. получили статус самостоятельной организации в системе НСДАП.

[95] *СД, Служба безопасности* (нем. SD, Sicherheitsdienst) — специальное государственное учреждение (ведомство), осуществлявшее контроль за настроениями в обществе; являлась составной частью СС. В 1937 г. проведено распределение полномочий между СД и полицией безопасности. На СД была возложена функция обеспечения безопасности рейха в целом. СД должна была собирать информацию о враждебных элементах, контролировать настроения в обществе, состояние экономики, культуры и церкви. Входила в состав Главного управления имперской безопасности (РСХА), где составляла два управления: III — Служба безопасности / Германия (Sicherheitsdienst / Deutschland) и VI — Служба безопасности / Заграница (Sicherheitsdienst / Ausland). III управление вело политическую разведку внутри Германии и осуществляло тотальный контроль за «состоянием умов» внутри рейха. VI управление вело политическую разведку на территории зарубежных стран (летом 1944 г. это управление фактически поглотило большую часть разведслужбы вермахта — абвер).

[96] *«Атлантический вал»* — система долговременных укреплений в сочетании с полевыми, созданная немцами в 1940—1944 гг. после разгрома Франции. Построена вдоль европейского побережья Атлантики от Дании до испанской границы на протяжении св. 4000 км с целью предотвращения вторжения англо-американских войск на континент.

[97] Выписка из журнала боевых донесений 4-й румынской армии о начале разоружения гитлеровцев от 28 августа 1944 г.: «В 13.00. Немецкие колонны прибыли на переправу в Дрэгэнешть. Из штаба 4-й армии в Дрэгэнешть прибыл полковник Драгомир, чтобы пригласить немецкого генерала Герстенберга к командующему 4-й армией генералу Штефлея для переговоров. В 14.00. Как только генерал Герстенберг убыл из расположения своих войск, он был немедленно взят в плен и принужден отдать своим войскам приказ сдать оружие. Разоружение немецких войск началось в 17.00 силами 6-го армейского румынского корпуса. В 17.30. Генерал Герстенберг и генерал Штеерн *(так в тексте, вероятно речь идет о генерале Р. Штагеле — прим. сост.)* были под конвоем офицеров отправлены в Генеральный штаб в Бухаресте в качестве пленных». Материалы ИВИ МО РФ. Ф. 203. Оп. 245. Д. 9. Л. 128—129. Пер. с румынского. Копия. *Опубл.*: Русский архив: Великая Отечественная. Красная Армия в странах Центральной, Северной Европы и на Балканах: 1944—1945: Документы и материалы. Т. 14-3(2). М., 2000. С. 32.

[98] *11-я пехотная дивизия* (нем. 11. Infanterie-Division) — тактическое соединение германской армии. Сформирована в 1934 г. в Алленштейне как штаб командующего пехотой I военного округа. 15 октября 1935 г. переименована в 11-ю пехотную дивизию. Участвовала в Польской (1939) и Французской (1940) кампаниях. С июня 1941 г. на советско-германском фронте. С октября 1944 г. в Курляндии. Понесла большие потери в Курляндском котле и в апреле 1945 г. эвакуирована в Германию.

[99] *183-я пехотная дивизия* (нем. 183. Infanterie-Division) — тактическое соединение германской армии. Сформирована 28 ноября 1939 г. в VII военном округе в Мюнзинеге. С июня 1941 г. на советско-германском фронте. В ноябре 1943 г. разгромлена советскими войсками под Сталинградом. Вновь сформирована в июне 1944 г., однако дивизионная группа была разбита; сформирована в сентябре 1944 г. из 564-й народно-гренадерской дивизии и штаба 183-й пехотной дивизии, получив наименование 183-й народно-гренадерской дивизии. Командиры: генерал-лейтенент Бенигнус Диппольд (с 1 ноября 1939 г.); Рихард Штемпель (с 4 октября 1941 г.); генерал-лейтенант Август Деттлинг (с 20 января 1942 г.).

[100] *22-й армейский (горный) корпус* (нем. XXII. Gebirgs-Armeekorps) — оперативно-тактическое объединение германской армии. Сформирован в августе 1939 г. в X военном округе как XXII моторизованный корпус. В марте 1940 г. находившийся на Западном фронте корпус был развернут в танковую группу

«Клейст». После окончания Французской кампании корпус был восстановлен, в ноябре на базе его штаба сформировано управление 1-й танковой группы. Штаб корпуса вновь сформирован 12 августа 1943 г. в VII военном округе. Находился в составе группы армий «Е» в Греции. Командиры: генерал-полковник Эвальд фон Клейст (август 1939 — ноябрь 1940 г.); генерал горных войск Губерт Ланц (25 августа 1943 до капитуляции). Начальники штаба: полковник генштаба Альберт Дитль (15 августа 1943 — 25 января 1944 г.); полковник генштаба Ульрих Бюркер (25 января — 10 августа 1944 г.); подполковник генштаба Герберт Гейтнер (10 августа 1944 — май 1945 г.).

[101] *98-й горный (горно-стрелковый) полк* (нем. Gebirgsjäger-Regiment 98) — тактическое соединение германской армии. Сформирован 12 октября 1937 г. в VII военном округе. С 9 апреля 1938 г. находился в составе 1-й горной дивизии. Командиры полка: полковник Фердинанд Шёрнер (1939 — июнь 1940 г.); полковник Эгберт Пикер (27 сентября 1940 — август 1942 г.); майор Йозеф Зальмингер (август-октябрь 1942 г.); майор Эрих Лаваль (октябрь-декабрь 1942 г.); майор Карл Эйсгрубер (декабрь 1942 — апрель 1943 г.); полковник Йозеф Зальмингер (апрель — 1 октября 1943 г.); подполковник Гаральд фон Хиршфельд (октябрь 1943 — август 1944 г.); майор Алоиз Эйсль (октябрь 1944 г.); подполковник (позднее — полковник) Карл Эйсгрубер (октябрь 1944 — май 1945 г.).

[102] *1-я горная дивизия* (нем. 1. Gebirgs-Division) — тактическое соединение германской армии. 9 апреля 1938 г. сформирована в VII военном округе из горно-стрелковой бригады в Гармиш Партенкирхене. Участвовала в Польской и Французской кампаниях и боях на советско-германском фронте. С июля 1943 г. в Греции, с декабря — в Боснии. 12 марта 1945 г. переименована в 1-ю народно-горную дивизию. Состав: 98-й, 99-й, 100-й горно-егерские, 79-й горно-артиллерийские полки, 54-й горный разведывательный батальон, 54-й мотоциклетный батальон. Командиры: генерал-лейтенант Людвиг Кюблер (с марта 1938 г.); генерал-лейтенант Хуберт Ланц (с 25 октября 1940 г.); генерал-лейтенант Вальтер Штеттнер Риттер фон Грабенхофен (с 17 декабря 1942 г.); генерал-майор Август Виттман (с 19 октября 1944 г.); генерал-лейтенант Йозеф Кюблер (с 27 декабря 1944 г.); генерал-лейтенант Август Виттман (с 17 марта 1945 г.). В районе Лейцена (Австрия) сдалась частям Красной Армии.

[103] *104-я егерская дивизия* (нем. 104. Jäger-Division) — тактическое соединение германской армии. Сформирована в апреле 1943 г. в Сербии в результате перефомирования 704-й пехотной дивизии. С мая 1943 г. в Сербии, с июля — в Греции. С декабря 1944 г. в Хорватии. С мая 1945 г. в Каринтии. Сдалась в районе Цилли югославским войскам. Состав: 724-й, 734-й и 654-й артиллерийские полки. Командиры: генерал пехоты Хартвиг фон Людвигер (с 1 апреля 1943 г.); полковник Штейер (май 1944 г.); генерал пехоты Хартвиг фон Людвигер (с мая 1944 г.); генерал-лейтенант Фридрих Штефан (с 29 апреля 1945 г.).

[104] Речь идет о *68-м армейском корпусе.* Шестьдесят восьмой армейский корпус (нем. LXVIII. Armeekorps) — оперативно-тактическое соединение германской армии. Сформирован 9 апреля 1943 г. в Афинах (Греция) как LXIII главное командование особого назначения. 30 сентября 1943 г. командование было переформировано в штаб армейского корпуса. С июня 1943 г. входил в группу армий «Е» (Афины). С ноября 1944 г. — во 2-ю танковую армию группы армий «Ф» (Сербия, Венгрия), с 1945 г. — во 2-ю танковую армию группы армий «Юг» (Венгрия), с мая — во 2-ю танковую армию группы армий «Юго-Восток» (Штирия). Начальники командования и командиры корпуса: генерал авиации Гельмут Фельми (28 марта 1943 — 8 декабря 1944 г.); генерал-пехоты Фридрих-Вильгельм Мюллер (8 декабря 1944 — 29 января 1945 г.); генерал горных войск Рудольф Конрад (29 января — 8 мая 1945 г.).

[105] *33-я пехотная дивизия «Акви»* (итал. 33a Divisione Acqui) — тактическое соединение итальянской армии в годы Второй мировой войны. Дивизия была отмобилизована в октябре 1939 г. Принимала участие во Французской кампании летом 1940 г. Позже направлена в Албанию для участия в греко-итальянской войне, затем была оставлена в составе итальянских оккупационных войск на греческих островах Корфу, Лефкас, Закинф и Кефалония. После капитуляции Италии в сентябре 1943 г. личный состав дивизии отказался сложить оружие и сдаться германским войскам. Итальянский гарнизон на острове Кефалония состоял из 11 500 солдат и 525 офицеров. С 18 июня 1943 г. дивизией «Акви» командовал бригадный генерал Антонио Гандин (1891—1943). За отказ сложить оружие личный состав дивизии во главе со своим командиром был расстрелян подразделениями германской армии.

[106] Речь идет об уничтожении итальянской 33-й пехотной дивизии «Акви» в сентябре 1943 г. на греческом острове Кефалония, который вошел в историю как *Кефалонийское убийство* (итал. Eccidio di Cefalonia), одно из крупнейших убийств военнопленных в годы Второй мировой войны. После капитуляции Италии Гитлер издал приказ, позволяющий немецкому командованию казнить «за измену» любого итальянского офицера, который не выполнит приказа о сдаче оружия. Расправа над итальянскими военнослужащими на острове Кефалония началась 21 сентября 1943 г. и продолжалась в течение одной недели. 24 сентября 1943 г. командир дивизии «Акве» генерал Антонио Гандин и 134 офицера его дивизии были преданы военно-полевому суду и расстреляны. Около 5000 итальянских военнослужащих были убиты, другие утонули или убиты другим способом. Тела казненных были выброшены в море. В расправе над итальянскими военнопленными принимали участие военнослужащие 1-й горной (нем. 1. Gebirgs-Division) и 724-го полка 104-й егерской (нем. 104. Jäger-Division) дивизий вермахта.

[107] *122-я пехотная дивизия* (нем. 122. Infanterie-Division) — тактическое соединение германской армии. Сформирована 7 октября 1941 г. в Гросс-Борне из частей 32-й и 258-й пехотных дивизий как 11-я пехотная дивизия. С ноября 1940 г. — в Германии, с апреля 1941 г. в Восточной Пруссии, с июня на советско-германском фронте. С октября 1944 г. в Курляндии; сдалась в плен советским войскам. Командиры: генерал-лейтенант Зигфрид Махольц (с 5 октября 1940 г.); генерал-лейтенант Фридрих Байер (с 8 декабря 1941 г.); генерал-лейтенант Курт Хил (с 17 февраля 1942 г.); генерал-лейтенант Зигфрид Махольц (с 1 августа 1942 г.); генерал-лейтенант Густав Хундт (ноябрь 1942 г.); генерал-майор Адольф Вестхоф (с 1 декабря 1942 г.); генерал-майор Адольф Тровиц (8 января 1943 г.); генерал-лейтенант Альфред Тильманн (с 15 мая 1943 г.); генерал-лейтенант Курт Хил (с 27 июня 1943 г.); генерал-майор Йохан-Албрехт фон Блюхер (с 1 февраля 1944 г.); генерал-майор Геро Брейсинг (с 4 февраля 1944 г.); генерал пехоты Фридрих Фангор (с 25 августа 1944 г.); генерал-майор Бруно Шатц (с 20 января 1945 г.).

[108] *Миккели* (финск. *Mikkeli*; в переводе с финского — «город Святого Михаила») — город в Финляндии, в ляни (губернии) Восточная Финляндия. В Миккели в годы Второй мировой войны располагался Главный штаб вооруженных сил Финляндии. В наши дни в Миккеле действует музей пехоты и музей-бункер ставки Манергейма.

[109] *Дивизия СС «Викинг»* (нем. SS-Division Wiking) — тактическое соединение войск СС. Сформирована в ноябре 1940 г. из полка СС «Германия» и добровольческих частей «Нортланд» и «Вестланд», а также 5-го артиллерийского полка. Формировалась из этнических немцев и выходцев из Бельгии, Дании, Норвегии и Нидерландов. Первоначально называлась мотопехотной дивизией «Германия», с января 1941 г. — добровольческая мотопехотная дивизия СС «Викинг». С июня 1941 г. действовала на советско-германском фронте в составе группы армий «Юг» (на июнь 1941 г. численность дивизии составляла 19 377 чел.). В ноябре

1942 г. переименована в 5-ю моторизованную дивизию СС «Викинг», а полк СС «Нортланд» использован для формирования 11-й моторизованной дивизии СС «Нортланд». С октября 1943 г. — 5-я танковая дивизия СС «Викинг»; понесла тяжелые потери в Черкасском котле (февраль 1944 г.). После пополнения участвовала в боях под Варшавой (июль 1944 г.), в Венгрии (декабрь 1944 — январь 1945 г.). После провала контрнаступления под Будапештом остатки дивизии отошли через Венгрию и Чехословакию в Баварию и сдались англо-американским войскам. Командиры: бригадефюрер СС, генерал-майор войск СС Феликс Штейнер (декабрь 1940 — май 1943 г.); бригадефюрер СС, генерал-майор войск СС Герберт Отто Гилле (май 1943 — август 1944 г.); оберфюрер СС, д-р Эдуард Дейзенхофер (август 1944 г.); штандартенфюрер СС Йоханес Рудольф Моленкамп (август-октябрь 1944 г.); штандартенфюрер СС Карл Ульрих (октябрь 1944 — май 1945 г.).

[110] *163-я пехотная дивизия* (нем. 163. Infanterie-Division) — тактическое соединение германской армии. Сформирована 18 ноября 1939 г. в III военном округе. В июне 1940 г. — в Норвегии. С июня 1941 г. в Финляндии, находилась в оперативном подчинении финского верховного командования. С апреля 1942 г. в подчинении армии «Лапландия» (в июля 1942 г. переименована в 20-ю горную армию) в Финляндии и Северной Норвегии. В начале 1945 г. переброшена на советско-германский фронт. Командиры: генерал артиллерии Эрвин Энгельбрехт (с 25 октября 1939 г.); генерал пехоты Антон Достлер (с 15 июня 1942 г.); генерал-лейтенант Карл Рюбель (с 29 декабря 1942 г.).

[111] В Таллине располагался филиал «АСТ-Остланд» — «АСНТ-Ревал», которым руководил фрегаттен-капитан А. Целлариус. Разведорган действовал под вывеской «Бюро по вербовке добровольцев», размещался по адресу: ул. Кайдула, в домах 3 и 14. Полевая почта № 24210 С, а после 1942 г. — № 23184. Позывной радиостанции — «Пагар».

[112] «АНСТ-Ревал» подчинялись разведывательные и диверсионные школы в местечках Мыза-Кумна, Летсе и Кейла-Юа. Из числа разведчиков-диверсантов, подготовленных в этих школах, в марте 1943 г. был сформирован и переброшен в район Ораниенбаума сводный десантный отряд, условно именовавшийся «Оран».

[113] Об участии в Холокосте и других преступлениях румынских властей на оккупированных территориях СССР см.: Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации (1941—1944): Сб. документов и материалов. Иерусалим, 1992; *Сушон Л.* Трансистрия в аду: Черная книга о катастрофе в Северном Причерноморье (по воспоминаниям и документам). Одесса, 1998; *Radu I.* The Holocaust in Romania: the Distraction of Jews and Gypsies under the Antonescu Regime, 1940—1944. Chicago, 2000; *Альтман И.А.* Холокост и еврейское сопротивление на оккупированной территории СССР: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М., 2002; *Фишер Ю.* Трансистрия: Забытое кладбище. Одесса, 2002; Забытый агрессор: Румынская оккупация Молдавии и Трасистрии. Сборник статей. М., 2010 и др.

[114] 8 июня 1941 г. И. Антонеску подписал приказ о депортации евреев Бессарабии и Буковины в Трансистрию, где было создано 240 гетто и лагерей. См.: *Суровцев О.* Депортация еврейского населения Западной Буковины 1941—1942 годов как составляющая часть антиеврейской политики Румынии / Забытый агрессор. Указ. соч. С. 68.

[115] *Иргун цваи леумми* (Национальная военная организация; сокр. название Иргун) — еврейская подпольная вооруженная организация в подмандатной Палестине. Основана в Иерусалиме весной 1931 г. группой командиров во главе с А. Техоми, ушедших из Хаганы в знак протеста против ее оборонительной тактики, и подпольной вооруженной группой членов Бейтара. В апреле 1937 г. в

организации произошел раскол по вопросу о том, как реагировать на арабский террор, особенно усилившийся с апреля 1936 г. После опубликования Белой книги М. Макдональда (май 1939 г.) Иргун цваи леумми направила свою деятельность против британских мандатных властей. Англичане ответили волной арестов, и с началом Второй мировой войны, когда сотни ревизионистов и членов организации (включая ее командира Д. Разиэля) находились в тюрьмах, Иргун цваи леумми объявила перемирие, приведшее ко второму расколу организации (июнь 1940 г.) и к созданию новой подпольной группы, Лохамей херут Исраэль (Лехи), под руководством А. Штерна. О контактах «Иргун» с нацистской Германией в годы Второй мировой войны см. также: *Laqueur W.* A History of Zionism. New York, 1972. P. 556.

[116] *«ДЖОЙНТ»* — Американский объединенный еврейский комитет по распределению фондов; до 1931 г. — Комитет по распределению фондов помощи евреям, пострадавшим от войны (англ. American Jewish Joint Distribution Committee). Основан 27 ноября 1914 г. по инициативе Ф.М. Варбурга, Дж.Г. Шиффа и Л. Маршалла на базе трех организаций: Американского еврейского комитета помощи (основанного влиятельными еврейскими деятелями, главным образом немецкого происхождения), Центрального комитета помощи (созданного лидерами американской ортодоксии) и Народного комитета помощи (основанного еврейскими рабочими организациями).

[117] *«Блюхер»* (нем. «Blücher») — тяжелый крейсер германского флота класса «Адмирал Хиппер». Спущен на воду в июне 1937 г.; доработка корабля продолжалась до января 1940 г. Назван в честь генерал-фельдмаршала Гебхарда Леберехта Блюхера (1742—1819), командовавшего прусскими войсками во время наполеоновских войн. Водоизмещение 18 200 т., скорость до 32 узлов. Вооружение: 8 сдвоенных 203-мм орудий SK; 12 сдвоенных 105-мм зенитных орудий; 12x37-мм зенитных орудий; 28x20-мм зенитных пулеметов и 12 торпедных аппаратов калибра 533 мм. Корабль был оборудован катапультой для подъема самолетов и нес на борту 3 самолета Arado. Экипаж: 1380 чел. В составе флота участвовал в операции «Везерюбунг» («Учение на Везере») — единственной общевойсковой операции германских ВМС, предусматривавшей захват Дании и Норвегии. Проводилась в апреле—июне 1940 г. 8 апреля 1940 г. «Блюхер» попал под огонь норвежской береговой артиллерии и вышел из-под огня с большими повреждениями, затем взорвались оружейные погреба. 9 апреля корабль перевернулся и затонул в Осло-фьорде (Норвегия). За время своего существования не сделал ни одного выстрела из орудий главного калибра.

[118] Речь идет о т.н. *соединении «К»* (нем. «Klienkampfverband», досл. — «Соединение малого боя») — диверсионно-штурмовом соединении германского ВМФ, состоявшим из отрядов человекоуправляемых торпед, взрывающихся катеров, боевых пловцов-одиночек и подлодок-малюток. В Германии морские штурмовые отряды (нем. «Marine Einsatz Kommando», МЕК) были созданы в марте 1944 г., их первое боевое применение состоялось в ночь с 20 на 21 апреля 1944 г. на итальянском побережье в районе Анцио. Летом 1944 г. человеко-торпедами удалось уничтожить британский крейсер и несколько других судов в бухте Сены. Из-за слишком больших потерь и технических недоработок такие торпеды больше не применялись. Впервые во Второй мировой войне итальянские боевые пловцы из 10-й флотилии МАС (ит. La «Decima Flottiglia MAS») под командованием князя В. Боргезе 18 декабря 1941 г. совершили успешное нападение на британские линкоры «Куин Элизабет» и «Вэлиэнт», находившиеся в Александрийском порту. По данным иностранных источников, всего в боевых действиях в годы Второй мировой войны участвовало 238 диверсантов ВМС Италии. Они потопили или серьезно повредили 6 боевых кораблей общим водоизмещением 80 335 т и 22 торговых судна общим водоизмещением 122 427 т. Это составляет

соответственно 38 % и 15 % от общего тоннажа кораблей и судов противника, потопленных итальянскими ВМС. Британские «коммандос» 22 сентября 1943 г. повредили магнитными минами германский линкор «Тирпиц». Подробнее о немецких морских диверсантах см.: *Беккер К.* Немецкие морские диверсанты во Второй мировой войне // *Беккер К., Боргезе В.* Подводные легионы фюрера и дуче / Пер. с нем. Л.С. Азарха, А.Г. Бубновского, с итал. С.В. Славина, Ю.А. Карулина. М., 2005.

[119] Вероятно, речь идет о мощном налете авиации Черноморского флота, нанесенном 20 августа 1944 г. по германским и румынским кораблям в порту Констанцы. В тот же день началось наступление войск 2-го и 3-го Украинских фронтов против группы армий «Южная Украина».

[120] Шпальке рассказывает о своей службе в Отделе Иностранных армий. *Отдел Иностранных армий* (нем. Abteilung Fremde Heere, сокр. FN) был образован перед началом Первой мировой войны в составе Генерального штаба сухопутных войск Германии для оценки информации о положении противника. Эта служба занималась, в первую очередь, обобщением данных, поступавших от так называемых *Feindlageoffiziere* с фронта и от подразделения III б. После Первой мировой войны формально отдел прекратил свое существование (как и многие ведомства согласно Версальскому договору), однако фактически он продолжал свою деятельность под наименованием Отдел Т3 — «Статистический отдел сухопутных войск Военного министерства рейхсвера». В 1931 г. отдел был образован заново официально, получив прежнее название Отдел Иностранных армий. В 1937 г. в результате структурных изменений отдел был разделен на два самостоятельных подразделения, получивших наименования Отдел Иностранных армий Востока (нем. Fremde Heere Ost, сокр. FHO), или 12-й отдел Генштаба ОКХ, и Отдел Иностранных армий Запада (нем. Fremde Heere Ost, сокр. FHW), или 3-й отдел Штаба оперативного руководства ОКВ. Начальники FHO: полковник Эберхард Кинцель (1938 — март 1942 г.); генерал-майор Рейнхард Гелен (апрель 1942 — апрель 1945 г.); подполковник Герхард Вессель (апрель-май 1945 г.). Начальники FHW: полковник Ульрих Лисс (1938 — март 1943 г.); полковник Алексис Фрейхерр фон Рённе (март 1943 — июль 1944 г.); полковник Вилли Бюркляйн (июль 1944 — май 1945 г.).

[121] *«Центр—Москва», или «Московский центр»* (сокр *«Ц-МО»*; нем. «Zentrale Moskau») — организация, посредством которой осуществлялось тайное сотрудничество в военной области между Германией и СССР в 1922—1933 гг. Для взаимодействия РККА в министерстве рейхсвера к началу 1921 г. была сформирована специальная группа во главе с майором Фишером, в Москве ее представительство во главе с полковником авиации фон дер Лит-Томсеном (1921—1927) и его заместителем О. фон Нидермайером (1927—1932). О советско-германском военном сотрудничестве в 1920—1930-х гг. см. также: *Бушуева Т.С.* СССР—Германия: Тайное сотрудничество (20—30-е годы). Малоизвестные документы архивов России // Советско-польские отношения в политических условиях Европы 30-х годов XX столетия: Сборник статей / Отв. ред. Э. Дурачиньски, А.Н. Сахаров. М., 2004. С. 139—155; *Горлов С.А., Ермаченков С.В.* Военно-учебные центры рейхсвера в Советском Союзе // Военно-исторический журнал. 1991. № 7; Дух Рапалло. Советско-германские отношения 1925—1933. Екатеринбург Москва, 1997; *Дьяков Ю.Л., Бушуева Т.С.*Фашистский меч ковался в СССР: Красная Армия и рейхсвер. Тайное сотрудничество 1922—1933. Неизвестные документы. М., 1992; *Зефиров М. В.* Штурмовая авиация Люфтваффе. М. 2003; *Ильин В.* «Ах, майн либер Августин» // Крылья Родины. 1994. № 4.; *Масликов В.С.* «Вифупаст» — испытательная станция Рейхсвера // Липецкая газета; 1993. 18 июня; Рейхсвер и Красная Армия. Документы из военных архивов Германии и России 1925—1931. Москва, Кобленц, 1995; РККА накануне войны.

Новые документы // Советские архивы. 1991. № 4. С. 54—61; *Соболев Д.А., Хазанов Д.Б.* Немецкий след в истории отечественной авиации. М. 2000; *Тихонов Д.* Как мы помогали врагам // Аргументы и факты. 1999. № 18; *Zeidler M.* Reichswer und Rote Armee 1920—1933. Munchen. 1993.

[122] На допросе 17 сентября 1947 г. Шпальке были заданы вопросы по поводу обнаруженных у него копий писем военному атташе при германском посольстве в Москве генералу Кёстрингу и ответных писем от Кёстринга в его адрес. В частности, по поводу письма Кёстринга от 12 апреля 1937 г. Шпальке сказал: «[...] *Вопрос*: В материалах, которые у вас изъяты при аресте, имеется письмо Кёстринга от 12 апреля 1937 года. В этом письме Кёстринг указывает, что направляет Вам донесение одного агента со своими комментариями. Что сообщалось в этом донесении агентом, и назовите лицо, которое сообщало эти сведения? *Ответ*: По существу письма Кёстринга я могу рассказать следующее. В III отдел германского Генштаба поступали агентурные материалы от Абвера, который также вел разведывательную деятельность против СССР. Эти материалы мы обрабатывали и отдельные, неясные факты проверяли через военного атташе. Одно из донесений от агента Абвера, которое поступило в III отдел, о якобы подготовке СССР к войне, я послал Кёстрингу для оценки и проверки излагаемых в этом донесении фактов. В своем письме Кёстринг, возвращая это донесение, дает свои пояснения по затронутым агентом Абвера вопросам. Кёстринг в этом письме утверждал, что никаких данных о якобы подготовке СССР к войне, о чем сообщал агент Абвера в своем донесении, он не имеет. И само донесение агента не представляет никакого интереса. *Вопрос*: В этом же письме Кёстринг спрашивает вас, что доложил его "маленький японец" [Здесь и далее речь идет о помощнике японского военного атташе в Москве капитане Коотани — *прим. сост.*]. О каком японце здесь идет речь? *Ответ*: "Маленький японец", о котором меня спрашивал Кёстринг, является помощником военного атташе Японии в СССР. Приезжал он в Берлин, в III отдел германского Генштаба, для получения от нас информации о Красной Армии. Кроме того, Кёстринг, направляя этого японца к нам, поручил ему дать нам подробную информацию о дислокации войск Красной Армии на Дальнем Востоке и общем положении в этом районе Советского Союза [...]». ЦА ФСБ России. Н-21148. Т. 1. Л. 78—81. Подлинник. Рукопись. Автограф.

[123] *«Res venit ad triarios!» «Дело доходит до триариев!»* (лат.) — древнеримское выражение, означающее, что настал критический момент сражения. Триарии — воины тяжелой пехоты римского легиона в IV—II вв. до н.э.; составляли третью линию в боевом порядке (отсюда название). В том случае, когда передние две линии гастатов и принципов были сломлены натиском противника, триарии образовывали фалангу, которая должна была остановить врага и дать перегруппироваться отступающим передним двум линиям пехоты.

Именной комментарий

Абакумов, Виктор Семенович (1908—1954) — советский государственный и военный деятель; генерал полковник (1945). В 1943—1946 гг. начальник Главного управления контрразведки «Смерш» НКО СССР.

Абдалла I ибн Хусейн (1882—1951) — первый король Иордании (1946—1951) и основатель династии Хашемитов.

Абдул Иллах, Абд-аль-Илах (1913—1958) — иракский государственный деятель. После смерти короля Гази и вступления на престол 3-летнего короля Фейсала II объявлен регентом (с 4 апреля 1939 г. по 2 мая 1953 г.).

Абец, Отто (Abetz; 1903—1958) — немецкий государственный деятель, дипломат; бригадефюрер СС (1942). С 15 июня 1940 г. личный представитель И. фон Риббентропа, с 15 августа того же года посол в Париже.

Август-Вильгельм Генрих Гюнтер Виктор фон Гогенцоллерн, принц Германский и Прусский (August Whilhelm Heinrich Gьnter Viktor von Hohenzollern; 29.08.1887—25.03.1949) — немецкий партийный деятель; обергруппенфюрер СС (1943), обергруппенфюрер СА (1932).

Абу-Сауд, Гассан — помощник Великого муфтия Иерусалимского, шейх.

Агабеков, Георгий Сергеевич (1895—1938) — сотрудник советских органов безопасности, предатель-перебежчик; эмигрант-невозвращенец.

Адам, Вильгельм (Adam; 1877—1949) — немецкий военный деятель; генерал-полковник (1939).

Адельман, Рабан фон (Adelmann von Adelmannsfelden; 12.11.1877—04.06.1935) — немецкий дипломат, доктор права (1899); генеральный консул 1-го класса (1932). С 7 марта 1934 г. по 7 мая 1935 г. германский посланник в Брюсселе (Бельгия).

Адельман фон унд цу Адельмансфельден, Рюдигер (Adelman von und zu Adelmannsfelden; 10.08.1893—27.06.1969) — немецкий дипломат, граф. Уроженец дер. Адельмансфельден (провинция Вюртемберг). 11 июня 1923 г. поступил на службу в МИД Германии. В 1925—1927 гг. атташе германского посольства в Лиссабоне. С мая 1927 до осени 1929 г. атташе, вице-консул в германском генеральном консульстве в Иерусалиме. С осени 1929 по 1932 г. легационный секретарь германского посольства в Афинах. В 1932 г. отозван в Берлин, легационный секретарь, сотрудник реферата «Польша» в Восточном отделе МИДа. В 1936—1937 гг. советник германского посольства в Бухаресте. С 1939 по февраль 1941 г. советник германского посольства в Каунасе. С марта 1941 по август 1944 г. германский консул в г. Плоешти (Румыния). 10 сентября 1944 г. задержан румынскими войсками в германском консульстве г. Брашов. 22 сентября 1944 г. передан представителям советского командования, затем доставлен в Москву. По решению Особого совещания при МГБ СССР от 17 октября 1951 г. «за шпионаж» заключен в ИТЛ сроком на 25 лет. Наказание отбывал во Владимирской тюрьме МГБ СССР. Освобожден досрочно, 13 октября 1955 г. репатриирован на родину. По заключению ГВП от 16 января 2001 г. реабилитирован.

Аденауэр, Конрад Герман Йозеф (Adenauer; 1876—1967) — немецкий государственный деятель, канцлер Федеративной Республики Германии. В 1949 г. первый германский федеральный парламент (бундестаг) избрал его канцлером. Переизбирался на этот пост в 1953, 1957, 1961 гг.

Азме (Ацме), Адиль Бег аль- — член правительства Великого муфтия Иерусалимского.

Айро, Аксель Фредерик (наст. фамилия Йоханссон, Johansson, Airo; 1898—1985) — финский военный деятель; генерал-лейтенант (1942). В 1933—1939 гг. начальник Оперативного отдела Генерального штаба финской армии.

Айронсайд, Эдмунд (Ironside; 1880—1959) — британский военный деятель, 1-й барон Айронсайд Архангельский и Айронсайдский (1941); фельдмаршал (1940). С июля 1939 г. генерал-инспектор заграничных войск, с сентября — начальник Императорского Генштаба.

Акуароне — итальянский государственный деятель, граф. Министр королевского двора короля Италии Виктора Эмануила III.

Александр I (1893—1920) — король Греции (с июня 1917 по 1920 г.) из династии Глюксбургов.

Александр I Карагеоргиевич (Александар I Карађорђевић; 1888—1934) — король сербов, хорватов и словенцев (1921), король Югославии (1929—1934).

Александровский, Сергей Сергеевич (1889—1949) — советский государственный деятель; дипломат. С 1933 г. полпред в Чехословакии.

Алексеев, Вогислав — болгарский коммерсант. Член группировки «легионеров». С 1941 г. агент оберфюрера СС Ф. Панцингера в Болгарии.

Алексяну, Георге (Alexianu; 1897—1946) — румынский государственный деятель, доктор права (1925). С 19 августа 1941 г. губернатор провинции Трансистрия (оккупированной румынами территории СССР между Южным Бугом и Днестром: Винницкой, Одесской, Николаевской областей Украины и левобережной части Молдавии), созданной на оккупированной Румынией территории СССР в 1941—1944 гг.

Алигер (Aliger) — сотрудник германской политической полиции (СД); унтерштурмфюрер СС. Референт по разведке уполномоченного по решению еврейского вопроса в Румынии штурмбанфюрера СС Г. Рихтера.

Аллен, Реджинальд Клиффорд (Allen of Hurtwood; 1889—1939) — британский государственный деятель; 1-й барон Аллен оф Хартвуд.

Алтынов — болгарский дипломат. В годы Второй мировой войны начальник Политического отдела МИД Болгарии.

Альварес — испанский купец. Агент «разведывательной службы Риббентропа».

Альтенбург, Гюнтер (Altenburg; 1894—1894) — немецкий государственный деятель, дипломат. С октября 1944 г. руководитель т.н. «Бюро посланника Альтенбурга» в Вене.

Альферман — швейцарский студент-юрист в Лозанне. Агент «разведывательной службы Риббентропа» в Швейцарии.

Аманулла-хан (1892—1960) — король (с 1926 г. падишах) Афганистана (21 февраля 1919 г. —14 января 1929 г.).

Америго, Эльда (Amerigo) — жена немецкого дипломата Антона Морманна.

Андреева — сотрудник советских органов безопасности; лейтенант (1946). Переводчик 2-го Управления НКГБ СССР.

Андрей, принц Греческий и Датский (Andreas Prinz von Griechenland und Dänemark; 1882—1944) — греческий принц из рода Глюксбургов.

Антонеску, Ион Виктор (Antonescu; 1882—1946) — румынский государственный и военный деятель; маршал (1941). С 5 сентября 1940 г. глава т.н. Национального легионерского правительства, военный диктатор («кондукатор») Румынии.

Антонеску, Мария (Antonescu, урожд. Никулеску, Niculescu; 1892—1964) — румынская социалистка, филантроп. Жена маршала И. Антонеску (с1927 г.).

Антонеску, Михай (Antonescu; 1907—1946) — румынский государственный деятель, профессор. Родной брат И. Антонеску. С 29 июня 1941 г. министр иностранных дел. В 1942—1944 гг. одновременно являлся заместителем главы правительства.

Антони, Отто (Antoni; 1903?—?) — немецкий инженер-нефтяник. Австриец. Член НСДАП. С 1936 г. руководящий инженер нефтяной компании «Романа Американа»; одновременно уполномоченный Абвера по обеспечению безопасности на предприятиях компании.

Арас, Тевфик (Aras) — турецкий государственный деятель. После 1936 г. министр иностранных дел Турции.

Арслан, Адиль (Arslan; 1880?—1954) — сирийский политический деятель; арабский националист.

Арслан, Хекиб (Arslan) — сирийский журналист; борец за независимость Сирии. Эмигрант, проживал в Женеве. Издавал националистическую газету «Национ арабе» («Nation Arabe»).

Асинкритов, Александр Петрович (1902—1969) — сотрудник советских органов безопасности; подполковник (1950). В органах безопасности с 1939 г. С декабря 1946 г. старший оперуполномоченный 4-го отдела 3-го Главного управления МГБ СССР. С марта 1948 по сентябрь 1950 гг. следователь Следчасти МГБ СССР. В сентябре 1952 г., с должности помощника начальника отделения отдела 2-К 2-го Главного управления, уволен в отставку по болезни.

Атаси, Хашим эль — член правительства Великого муфтия Иерусалимского.

Атиби, Афиф (Atibi) — сирийский журналист.

Аттолико, Бернардо (Attolico; 1880—1942) — итальянский дипломат. С 26 июля 1935 г. по 31 октября 1939 г. посол Италии в Берлине. Участник Мюнхенской конференции; способствовал сближению Италии с Германией и созданию «Оси Берлин—Рим». В 1940—1942 гг. посол Италии в Ватикане.

Ауер, Теодор (Auer; 1899—1972) — немецкий дипломат, доктор права (1922). С 31 октября 1940 г. в отделе МИДа в Касабланке, затем в генеральном консульстве в Марокко. С 23 декабря 1942 г. сотрудник посольства в Париже.

Аурел, Алдеа (Aurel; 1887—1949) — румынский военный деятель; генерал. Осенью 1944 г. в качестве министра внутренних дел непродолжительное время входил в правительство К. Санатеску.

Аушнитт, Макс (Auschnitt; 1888—1959) — румынский промышленник. Еврей. Окончил Коммерческую академию (Вена). Председатель Генеральной ассоциации промышленности в Банате, вице-президент Генерального союза промышленников Румынии и Торгово-промышленной палаты (Галац). Владелец сталелитейных заводов «Титан-Надраг»; один из крупнейших бизнесменов в окружении короля Кароля II.

Ахамер-Пифрадер, Гумберт (Achamer-Pifrader; 1900—1945) — сотрудник германских органов безопасности; обер-фюрер СС. Член НСДАП (1935). В сентябре 1942 — сентябре 1943 г. командир айнзатцгруппы А. С июля 1942 г. инспектор полиции безопасности и СД в Висбадене. С 4 сентября 1943 г. по 9 января 1944 г. инспектор полиции безопасности и СД в Штеттине. С 26 февраля 1944 г. начальник управленческой группы В IV Управления (гестапо) РСХА.

Аццам, Абдурраман — арабский националист.

Ашенбреннер, Генрих фон (von Aschenbrenner; 1895—1960) — немецкий военный деятель, дипломат; генерал-лейтенант люфтваффе (1944). В 1939—1941 гг. военно-воздушный атташе при германском посольстве в Москве.

Бааджи — сотрудник советских органов безопасности; переводчик.

Багрянов, Иван Иванов (1891—1945) — болгарский политический деятель. С 14 ноября 1938 г. по 4 февраля 1941 г. министр земледелия и государственных имуществ. С 1 июня по 2 сентября 1944 г. премьер-министр; с 1 по 12 июня 1944 г. министр иностранных дел и вероисповеданий.

Бадольо, Пьетро (Badoglio; 1871—1956) — итальянский военный и политический деятель, герцог Адис-Абебский, 1-й маркиз Саботино; маршал (1926).

Бакр, Сидки (1890—1937) — иракский военный и государственный деятель. В октябре 1936 г., во время царствования сына короля Фейсала — Гази I, совершил первый в современной истории арабского мира военный переворот против правительства Ясина аль-Хашими.

Бальзер, Карл-Август (Balser; 1887—1957) — немецкий дипломат; генеральный консул 1-го класса (1948). Изучал юриспруденцию в университетах Лейпцига, Берлина, Эдинбурга и Гессена (1907). С 6 августа 1909 г. на дипломатической службе; атташе посольства в Пекине. С 8 марта 1928 г. консул во Владивостоке. С 28 июня 1933 г. консул в Харбине. Член НСДАП (1938).

Бальфур, Артур Джеймс (Balfour; 1848—1930) — британский государственный деятель. В апреле 1917 г. возглавлял миссию в США, целью которой была координация военных действий в Европе. В ноябре того же года была опубликована декларация Бальфура о политике Англии в Палестине, гласившая, что британское правительство «относится благосклонно к установлению в Палестине национального очага (national home) для еврейского народа и приложит все силы, чтобы облегчить достижение этой цели».

Баранова — сотрудник советских органов безопасности; лейтенант (1946). Переводчик 2-го Управления НКГБ СССР.

Барбуль — румынский чиновник. В годы Второй мировой войны — личный референт Михая Антонеску.

Барген, Вернер фон (von Bargen; 1898—1975) — немецкий дипломат, доктор права (1923); посланник 1-го класса (1937). С 8 марта 1937 г. сотрудник посольства в Брюсселе. С 30 августа 1940 г. руководитель отдела МИДа в Бельгии. С 22 мая 1943 г. служил в Политическом отделе МИДа.

Барков, Владимир Николаевич (1890—1982) — советский дипломат. В 1930—1932 гг. первый секретарь советского полпредства в Париже. В 1935—1941 гг. заведующий Протокольным отделом НКИДа. Осенью 1940 г. участвовал в составе делегации в переговорах В.М. Молотова в Берлине.

Барлас — руководитель т.н. «Еврейского агентства» в Турции.

Бармин, Александр Григорьевич (наст. фамилия Графф; 1899—1987) — советский разведчик и дипломат. С 1937 г. поверенный в делах СССР в Афинах (Греция). 18 июля 1937 г. выехал в Париж, где получил политическое убежище. С 1940 г. жил в США.

Барта, Андреас (Barta; 1901—?) — венгерский офицер и дипломат. В 1944 г. военный атташе при венгерском посольства в Бухаресте.

Баторский, Михаил Алексеевич (1890—1938) — советский военный деятель; комкор (1935). С 1936 г. начальник кафедры Академии Генерального штаба РККА.

Баумбах, Норберт Ортвин Август Вильгельм фон (von Baumbach; 1900—1971) — немецкий офицер, дипломат; капитан цур Зее. С января 1937 по июнь 1941 г. военно-морской атташе при германском посольстве в Москве.

Баур, Фридрих (Baur; 1891—?) — немецкий военный деятель, один из руководителей германской военной разведки; полковник. Австриец. С 1938 г. представитель Абвера при германском посольстве и военной миссии в Румынии. С марта 1944 г. начальник «АСТ-Бухарест».

Бахри, Юнус (Bahri) — иракский общественный деятель и журналист. Издатель газеты «Эль Укап» в Багдаде. В 1939 г. из-за разногласий с премьер-министром Нури эль-Саидом выехал в Германию. С начала 1939 до весны 1942 г. диктор немецких радиопередач на арабском языке в Берлине при Министерстве пропаганды Германии. С весны 1942 г. сотрудник «Арабского бюро» при германском МИДе.

Бейе, Людвиг (Beye; 1900—1989) — немецкий дипломат, доктор (1925); легационный советник (1942). С 1 мая 1935 г. на дипломатической службе в Претории, затем Йоханнесбурге. С 12 октября 1939 г. служил в МИД Германии (Берлин); сотрудник XI реферата Торгово-политического отдела.

Бейснер (Beisner) — сотрудник германской службы безопасности (СД); штурмбанфюрер СС.

Бек, Людвиг Август Теодор (Beck; 1880—1944) — немецкий военный деятель; генерал-полковник (1938).

Бек, Юзеф (Beck; 1894—1844) — польский государственный деятель, дипломат; полковник. В 1932—1939 гг. министр иностранных дел Польши; проводил политику сотрудничества с нацистской Германией.

Беккер — представитель германской фирмы в Болгарии. Информатор сотрудника «Бюро Риббентропа» советника германского посольства в Софии Манфреда Гарбена.

Беккерле, Адольф-Гейнц (Beckerle; 1902—1976) — немецкий государственный деятель и дипломат; обергруппенфюрер СА (1933). Уроженец Франкфурта на Майне. Член НСДАП с 1922 г. С 1929 г. руководитель штурмовых отрядов в Гессен-Нассау. В 1933—1941 гг. полицай-президент во Франкфурте-на-Майне. Занимался активной организационной деятельностью по линии спорта, с 1933 г. областной руководитель Национал-социалистического имперского союза физкультурников, член германского Олимпийского комитета. В 1939 г. полицай-президент Литцманштадта (Лодзи). В 1941—1944 гг. германский посол в Болгарии. 18 сентября 1944 г. арестован в Свиленграде (Южная Болгария) советскими войсками. По решению Особого совещания при МГБ СССР от 17 октября 1951 г. на основании ст. II Закона № 10 Контрольного Совета в Германии заключен в ИТЛ сроком на 25 лет. 13 октября 1955 г. передан правительству ФРГ в качестве неамнистированного военного преступника. В 1956—1966 г. работал клерком в Ной-Исенбурге. В ноябре 1966 г. арестован за участие в депортации болгарских евреев. 19 августа 1968 г. из-за болезни Беккекрле дело было прекращено.

Бекович, Салих (Bekovič) — хорватский дипломат. В 1941 г. пресс-атташе хорватского посольства в Берлине.

Бела, Кун (Béla; 1886—1938) — венгерский государственный и политический деятель, коммунист. 21 марта 1919 г. провозгласил Венгерскую советскую республику. Через 133 дня, 1 августа 1919 г., Венгерская советская республика пала. Вместе со своими товарищами эмигрировал в Вену, а затем в РСФСР, где восстановил свое членство в РКП(б). С 1921 г. член Исполкома Коминтерна. В 1921 г. направлен в Германию, где пытался поднять коммунистическое восстание. В апреле 1928 г. за революционную деятельность был арестован в Вене, но позднее освобожден.

Белев, Александр (?—1944) — болгарский политический и государственный деятель. Один из основателей организации «Ратник». В декабре 1941 г. стажировался в Германии, где изучал антиеврейское законодательство. В 1942 г. назначен на пост комиссара по еврейским вопросам при болгарском правительстве. Активно сотрудничал с нацистами, особенно с представителем А. Эйхмана — Т. Даннекером; принимал участие в депортации евреев с оккупированных болгарскими войсками территорий Греции и Югославии в концентрационные лагеря.

Белов, Иван Панфилович (1893—1938) — советский военный деятель; командарм 1-го ранга. С сентября 1935 г. командующий войсками Московского ВО. С июня 1937 г. командующий войсками Белорусского ВО.

Бенвеништи, Мишу — румынский адвокат. Один из руководителей сионистского движения в Румынии.

Бене, Отто (Bene; 1884—1973) — немецкий дипломат; бригадефюрер СС (1942). С 1 мая 1932 г. по 15 июля 1934 г. ортсгруппенляйтер НСДАП в Лондоне. С 1 июня 1934 г. по 31 мая 1937 г. ландсгруппенляйтер Великобритании и Ирландии.

Бенеш, Эдвард (Beneš; 1884—1948) — чехословацкий политический и государственный деятель, юрист; доктор права (1908). Второй президент Чехословакии (1935—1948), в 1938—1945 гг. президент в изгнании.

Бентивеньи, Франц Арнольд Эккард фон (von Bentivegni; 1896—1958) — один из руководителей германской военной разведки; генерал-лейтенант (1945).

Бер, Пауль фон (von Behr; 1881—1964) — немецкий дипломат, барон; легационный советник 1-го класса. С 11 марта 1933 г. сотрудник посольства в Осло (Норвегия). С 3 мая 1937 г. сотрудник Торгово-политического отдела МИДа (Берлин). В 1944 г. сотрудник 5-го реферата (Восточная Европа), затем советник по делам Швеции.

Берге, Йозефе (Berge; 1900—1944) — немецкий дипломат, доктор права (1923). С 22 июня 1939 г. в центральном аппарате МИДа (Берлин). С 11 июня 1941 г. пресс-референт германского посольства в Софии. Член НСДАП (1937).

Бергеманн, Вилли (Bergemann; 1886—?) — немецкий государственный деятель, дипломат; консульский секретарь 1-го класса. До июня 1940 г. сотрудник германского посольства в Варшаве, затем сотрудник германского посольства в Румынии; шифровальщик шифрбюро посольства. С июля 1942 г. начальник паспортного отдела посольства. С сентября 1944 г. в советском плену.

Берген, Диего фон (von Bergen; 1872—1943) — немецкий дипломат; доктор права (1895). С 16 апреля 1920 г. по 24 мая 1943 г. германский посол в Риме (Ватикан). Умер в Висбадене.

Бергманн, Гельмут (Bergmann; 1898—1946) — немецкий дипломат; посланник 1-го класса (1943). С 1925 г. на дипломатической службе. С августа 1930 по февраль 1931 г. легационный секретарь германского консульства в Москве. С февраля 1931 г. легационный секретарь консульства в Абиссинии. С 18 мая 1934 г. по 30 декабря 1935 г. вице-консул в Данциге. В 1936—1939 гг. вице-референт Восточного отдела МИДа; отвечал за обработку материалов, касающихся взаимоотношений с Польшей, СССР и другими странами. Член НСДАП (1936). С 1937 г. заместитель начальника отделения; с 25 июня 1941 г. заместитель начальника Персонального отдела МИДа. С мая 1941 г. принимал участие в комплектовании кадрами «Разведки Риббентропа». С 1942 г. вице-директор Персонального и Административного отделов МИДа. Задержан в Далеме (Берлин). Арестован 6 июня 1945 г. Военной коллегией Верховного Суда СССР от 8 июня 1946 г. на основании Указа ПВС СССР от 19 апреля 1943 г. и ст. 58-11 УК РСФСР приговорен к ВМН. Место приведения приговора в исполнение и место захоронения неизвестны. Согласно заключению ГВП от 23 апреля 2002 г. оснований «для опротестования судебного решения в отношении Бергмана Гельмута не имеется».

Беренд, Рихард (Behryend; 1889—1956) — немецкий дипломат, востоковед; легационный секретарь 1-го класса (1938). С 23 февраля 1938 г. сотрудник пресс-реферата в МИДе. С 24 января 1941 г. в Торгово-политическом отделе МИД Германии; служил в 8-м реферате (Восточная Азия).

Берия, Лаврентий Павлович (1899—1953) — советский государственный и политический деятель; генеральный комиссар госбезопасности (1941); Маршал Советского Союза (1945). В 1938—1945 гг. — нарком внутренних дел СССР.

Берман, Матвей Давыдович (1898—1939) — один из руководителей органов государственной безопасности; комиссар госбезопасности 3-го ранга (1935). С 9 июня 1932 г. по 10 июля 1934 г. начальник ГУЛАГ ОГПУ СССР. С 10 июля 1934 г. по 16 августа 1937 г. начальник ГУЛАГ НКВД СССР.

Бермон(д)т-Авалов, Павел Рафа(и)лович (1877—1973, по другим данным в 1966 или 1974) — русский военный деятель; генерал-майор (1918). Участник русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн и Белого движения в Прибалтике. В 1933—1939 гг. председатель Российского национально-социалистического движения. После окончания Второй мировой войны переехал в США.

Бернсторф, Альбрехт Теодор Андреас фон (von Bernstorff; 1890—1945) — немецкий дипломат, участник немецкого движения Сопротивления, один из лиде-

ров буржуазно-либеральной оппозиции. В 1940 г. заключен в концлагерь Дахау, откуда спустя некоторое время был освобожден. Повторно арестован в 1943 г. Был тесно связан с членами кружка Зольфа и Крейсауского кружка; помогал в установлении связей с зарубежоной оппозицией.

Бернсторф, Иоганн Генрих фон (von Bernstorff; 1862—1939) — германский дипломат. С 9 ноября 1908 по 9 апреля 1917 гг. — германский посол в Вашингтоне. После начала Первой мировой войны старался использовать англо-американские противоречия в интересах германского империализма. В 1927 г. вышел в отставку.

Бертхольд — сотрудник германской военной разведки; майор. Уроженец Бадена. По специальности коммерсант, владелец торговой фирмы в Вене. До призыва на военную службу являлся членом СА. Служил в «АСТ-Вена», отвечал за проведение подрывных операций в Ираке, Иране и Сирии.

Бест, Вернер Карл Рудольф (Best; 1903—1989) — немецкий государственный деятель, дипломат; обергруппенфюрер СС (1944). С 5 ноября 1942 г. по май 1945 г. имперский комиссар Дании.

Бетлен де Бетлен, Иштван (Bethlen de Bethlen; 1874—1946) — венгерский политический деятель, граф. В апреле 1921 — августе 1931 г. премьер-министр. Опасаясь диктата Германии, в 1940 г. выступил против присоединения Венгрии к «пакту трех держав». В годы Второй мировой войны советник М. Хорти. В январе 1943 г. и во второй половине 1944 г. предпринял ряд попыток к заключению сепаратного мира с Англией и США о введении их войск на территорию Венгии.

Бешнитт, Вальтер (Behschnitt; 1885—1970) — немецкий военный деятель; генерал-лейтенант.

Бибра, Сигизмунд Фрейхерр фон (von Bibra; 1894—1973) — немецкий дипломат; посланник 1-го класса (1943). С 29 декабря 1926 г. сотрудник посольства в Рио-де-Жанейро (Бразилия). С 20 апреля 1931 г. сотрудник посольства в Праге (Чехословакия). С 30 июня 1936 г. посланник в Берне (Швейцария). С 31 марта 1943 г. по 3 сентября 1944 г. сотрудник посольства в Мадриде (Испания).

Биддер, Ганс (Bidder; 1897—1963) — немецкий дипломат, доктор философии (1921); советник 1-го класса. С 26 апреля 1933 г. работал в германском посольстве в Москве, затем — в Париже. С 25 июня 1934 г. вице-консул в Харбине, затем в посольстве в Пекине и Шанкинге. С 3 декабря 1940 г. сотрудник Политического отдела МИДа. С 17 июня 1941 г. посол в Китае (Нанкинг). Член НСДАП (1941). С 24 января 1953 г. сотрудник МИД Западной Германии.

Бимиш, Генри Гамильтон (Beamish; 1873—1948) — британский политический деятель; руководитель британских антисемитов. В 1919 г. объявил себя убежденным антисемитом, т.к. вся промышленность страны принадлежала евреям. В 1918 г. основал т.н. «Бритон» — специальную антисемитскую пропагандистскую организацию; путешествовал по миру, проповедуя антисемитизм. Он был одним из создателей Мадагаскарского плана депортации евреев. Позднее выехал из Великобритании; жил в Южной Родезии.

Бирман, Генрих (Biermann; 1909—1993) — немецкий чиновник; штандартенфюрер СА (1944). Член НСДАП и СА (1932). С 1 февраля 1938 г. сотрудник штаба СА «Гессен» (Франкфурт-на-Майне). В 1939 г. вступил добровольцем в вермахт; в чине унтер-офицера участвовал во Французской кампании; затем инструктор в школе СА. С 28 июня 1941 г. до 19 сентября 1944 г. адъютант посла в Софии; одновременно резидент «Разведки Риббентропа» в Болгарии. Задержан советскими войсками 19 сентября 1944 г. в Болгарии.

Бисмарк, Отто фон (von Bismarck; 1897—1975) — немецкий дипломат, граф; посланник 1-го класса (1938). С 22 октября 1936 г. служил в Политическом отделе МИДа (Берлин). С 3 апреля 1940 г. по 3 сентября 1943 г. посланник в Риме (Италия). В 1944 г. министериальдиригент в Информационном отделе МИДа (Берлин).

Бисмарк-Шёнхаузен, Отто Эдуард Леопольд фон (von Bismarck-Schönhausen; 1815—1898) — германский государственный деятель и дипломат, министр-президент Пруссии; князь. Первый канцлер Германской империи (второго рейха), прозванный «железным канцлером». Имел почетный чин (мирное время) прусского генерал-полковника в ранге генерал-фельдмаршала (1890).

Биссе, Вильгельм (Bisse; 1881—1946) — немецкий дипломат. Уроженец Рейнбека (около Гамбурга). И семьи крупного купца. По профессии коммерсант. Окончил 8-летнюю школу (1897), затем работал учеником торговца в Гамбурге. В 1900—1905 гг. служащий «Немецкой Восточно-Африканской морской линии» в Гамбурге; в 1905—1919 гг. руководитель филиала кампании в Африке. Участник Первой мировой войны; солдат-доброволец немецких колониальных войск. В 1917 г. пленен английскими войсками в Египте; в ноябре 1919 г. вернулся на родину. В 1920—1931 гг. компаньон фирм по продаже музыкальных инструментов. Член НСДАП (1931). В 1933—1942 гг. член Рейхстага. В 1933—1935 гг. заведовал колониальной конторой; по совместительству — заместитель хозяйственной части руководителя Заграничных организаций НСДАП Э. Боле. С 1935 по март 1938 гг. заместитель хозяйственной части руководителя Заграничных организаций НСДАП. С 1938 по апрель 1945 г. служил в Торговом отделе МИД Германии. Задержан в Берлине-Шарлоттенбург 26 июня и арестован 11 июля 1945 г. сотрудниками Центральной опергруппы НКВД г. Берлина. Военным трибуналом военного гарнизона г. Берлина от 16 апреля 1946 г. на основании ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. приговорен к ВМН. Приговор приведен в исполнение в Берлине. По заключению ГВП от 13 ноября 2002 г., «оснований для принесения протеста в порядке ст. 376 ч. 1 УК РСФСР на указанное судебное решение не имеется»; не реабилитирован.

Блобель, Пауль (Blobel; 1894—1951) — сотрудник Главного управления имперской безопасности (РСХА), военный преступник; штандартенфюрер СС (1941). С июня 1941 г. командир зондекоманды 4а в айнзатцгруппе «Ц». Участвовал в уничтожении мирного населения на территории СССР. В июле 1942 г. назначен руководителем специальной команды, которая занималась уничтожением свидетельств массовых казней на оккупированных территориях (т.н. «акция 1005») Польши.

Блок (Блох) — немецкий офицер, сотрудник германской военной разведки; майор резерва. Уроженец Данцига. До осени 1942 г. начальник отдела Абвер III «КО-Финляндия» («Бюро Целлариуса»).

Бломберг, Аксель фон (von Blomberg; ?—1941) — немецкий офицер; майор люфтваффе. Принимал участие в деятельности германской военной миссии в Ираке («Зондерштаб Ф») генерала люфтваффе Гельмута Фельми. Служил в «Истребительном командовании Ирак» под командованием генерал-лейтенанта люфтваффе Вернера Юнка. Во время приземления на самолете Хе-111 по ошибке сбит на аэродроме иракскими ПВО.

Бломберг, Вернер Эдуард Фриц фон (von Blomberg; 1878—1946) — немецкий военный деятель; генерал-фельдмаршал (1936).

Блюмер — швейцарский журналист. Представитель швейцарской прессы в Варшаве, затем в Софии. С 1941 г. агент оберфюрера СС Ф. Панцингера в Болгарии.

Блюхер, Виперт фон (von Blücher; 1883—1963) — немецкий дипломат, доктор права (1911); посланник 1-го класса (1938). С 27 июля 1931 г. по 28 февраля 1935 г. посланник в Тегеране. С 25 января 1935 г. по 25 ноября 1944 г. посланник в Хельсинки. С ноября 1944 г. в отставке.

Богутинский — сотрудник германского посольства в Москве (до 22 июня 1941 г.).

Боде, Герман (Bode; 1883—1953) — немецкий дипломат, доктор права (1905). С 13 августа 1935 г. генконсул в Марселе. Член НСДАП (1939). С 1940 г. служил в Информационном отделе МИДа. С 26 февраля 1942 г. в посольстве в Париже. С 2 ноября 1944 г. сотрудник Персонального отдела МИДа (Берлин).

Боденхаузен — немецкий офицер; полковник. До мая 1942 г. командир 28-го полка 8-й танковой дивизии.

Божилов, Добри Хаджиянакиев (1884—1945) — болгарский государственный деятель. С 14 ноября 1938 г. министр финансов в кабинетах Г. Кьосеиванова и Б. Филова. После смерти царя Бориса III (28 августа 1943 г.) в августе-сентябре 1943 г. один из двух временных регентов (вместе с Б. Филовым). 14 сентября 1943 г. сменил Б. Филова на посту министра-председателя.

Бозе, Субхас Чандра (также известен как Нетанджи; 1897—1945) — индийский политический деятель, один из лидеров Индийского движения за независимость. Возглавлял коллаборационистскую прояпонскую организацию «Азад Хинд» («Свободная Индия»). Место смерти неизвестно. Согласно официальной версии, погиб в авиакатастрофе при попытке бежать в Японию.

Бок, Федор фон (von Bock; 1880—1945) — немецкий военный деятель; генерал-фельдмаршал (1940).

Боксшалл, Эдуард (Boxchall; 1895?—?) — представитель британской фирмы «Виккерс Армстронг» в Бухаресте. Муж старшей дочери румынского принца Барбу Штирбей — Элизабет.

Боле, Эрнст Вильгельм (Bohle; 1903—1960) — немецкий государственный и партийный деятель; обергруппенфюрер СС (1943). С 8 мая 1933 г. руководитель Зарубежной организации (АО) НСДАП в ранге гауляйтера. С 30 января 1937 г. по 14 ноября 1941 г. руководитель АО в системе внешнеполитического ведомства, статс-секретарь МИДа.

Болдуин, Стэнли (Baldwin; 1867—1947) — британский политический деятель, член Консервативной партии Великобритании. Премьер-министр в 1923—1924, 1924—1929 и в 1935—1937 гг. Особую критику вызвала его политика в 1930-е гг., когда к власти пришел А. Гитлер, а британское правительство стремилось к умиротворению агрессора.

Больхаммер — один из руководителей Заграничной организации НСДАП в Румынии; ландсгруппенляйтер.

Больман (Bollmann) — сотрудник СД в Софии.

Бондарева А. — сотрудница посольства СССР в Бонне (1957).

Бонин, Реймар фон (von Bonin; 1890—1976) — немецкий военный деятель и дипломат; контр-адмирал. С июля 1937 по сентябрь 1944 г. военно-морской атташе в Хельсинки, одновременно — в Риге, Таллине и Каунасе.

Бонини, Сильвио (Bonini; 1885—?) — итальянский военный деятель; бригадный генерал. В 1940—1943 гг. командир дивизии «Венеция». В 1943—1944 гг. военный атташе при итальянской миссии (правительства Республики САЛО) в Бухаресте.

Бонсдорф — финский политический деятель. В 1918 г. член т.н. «Финского комитета».

Бонцо, Вальфре де — итальянский офицер. В годы Второй мировой войны военный атташе в Бухаресте (Румыния).

Борис III, Борис Клемент Роберт Мария Пий Станислав Саксен-Кобург-Готский (1894—1943) — царь Болгарии. 1 марта 1941 г. подписал протокол о присоединении страны к Тройственному пакту, а 29 ноября 1941 г. — к Антикоминтерновскому пакту.

Борн — шифровальщик Шифрбюро германского посольства в Софии.

Боттаи, Джузеппе (Bottai; 1895—1959) — итальянский государственный и политический деятель. С 1936 г. министр национального воспитания. Смещен с

поста 5 февраля 1943 г. На Большом фашистском совете 24 июля 1943 г. поддержал резолюцию Д. Гранди. В ночь на 24 августа 1943 г. арестован военной полицией по распоряжению маршала П. Бадольо.

Боулер, Филипп (Bouhler; 1899—1945) — немецкий партийный деятель; рейхсляйтер (1933); обергруппенфюрер СС (1936). С 1 сентября 1934 г. полицай-президент Мюнхена. С 1 сентября 1939 г. по поручению фюрера возглавил программу по осуществлению эвтаназии. 23 апреля 1945 г., находясь на Юге Германии, вместе с Г. Ламмерсом и генералом К. Коллером поддержал инициативу Г. Геринга принять на себя функции руководителя страны.

Боэль — бельгийский промышленник.

Бранд, Роберт Генри (Brand; 1878—1963) — британский общественный деятель и предприниматель, 1-й барон Бранд. В середине 1930-х годов член «Англо-германского товарищества».

Братиану, Дину (Brătianu; 1866—1950) — румынский политический деятель; лидер Национальной либеральной партии (PNL). С 1934 г. возглавил Национальную либеральную партию. После 23 августа 1944 г. дважды входил в правительство, занимал пост министра «без портфеля».

Браун, Максимилиан (Braun; 1893—?) — немецкий военный деятель и дипломат; подполковник. С 1940 по август 1944 г. помощник военного атташе в Румынии. 2 сентября 1944 г. румынскими властями передан представителям советского военного командования и доставлен в Москву.

Браун, Отто (Braun; 1912—?) — немецкий дипломат. В 1941 г. сотрудник Персонального отдела (Отдела кадров) МИД Германии.

Браун, Сигизмунд Фрейхерр фон (von Braun; 1911—1998) — немецкий дипломат. С 16 марта 1936 г. на дипломатической службе. С 19 марта 1937 г. сотрудник посольства в Париже. С 3 сентября 1938 г. сотрудник генерального консульства, вице-консул в Аддис Абебе. С июля 1941 по 20 ноября 1942 г. интернирован британцами. С 27 января 1943 г. легационный секретарь посольства в Риме (Ватикан).

Браун фон Штумм, Густав Теодор Рудольф (Braun von Stumm; 1890—1963) — немецкий дипломат; посланник 1-го класса, министерский советник (1944). С 2 мая 1925 г. сотрудник посольства в Константинополе. С 17 ноября 1931 г. служил в Отделе прессы МИДа. Член НСДАП (1933).

Брауне — сотрудник германской службы безопасности (СД); оберштурмбанфюрер СС. Сотрудник реферата по кадрам.

Браухич, Вальтер Генрих Альфред Герман фон (von Brauchitsch; 1881—1948) — немецкий военный деятель; генерал-фельдмаршал (1940).

Брейполь, Герхард (Breipohl; 1913—1983) — немецкий дипломат; хауптбанфюрер (1931). С 1 апреля 1933 г. работал в молодежной организации НСДАП, затем в Заграничной организации НСДАП. С 1 апреля 1941 г. на военной службе; лейтенант. С 14 мая 1942 г. по 1 сентября 1944 г. личный референт посланника.

Бринон, Фернан де (de Brinon; 1885—1947) — французский адвокат и журналист. Накануне Второй мировой войны сотрудничал в газетах «Jornal des Debats» и «L'Information»; выступал за сближение Франции и Германии. Во время оккупации Франции сотрудничал с нацистами, коллаборационист.

Бретшнейдер, Герхард (Bretsneider; 1903—?) — немецкий дипломат. С 5 января 1934 г. по 22 июня 1941 г. секретарь Консульского отдела германского посольства в Москве.

Бриан, Аристид (Briand; 1862—1932) — французский государственный и политический деятель. Неоднократно был премьер-министром Франции. В четвертый раз вернулся к власти в 1921 г., но не смог договориться с немцами об объеме послевоенных репараций и был заменен на экс-президента Р. Пуанкаре. В 1925 г. после Рурского кризиса возглавил французский МИД и стал премьером в пятый

раз. В 1927 г. подписал с госсекретарем США Ф. Келлогом пакт Бриана—Келлога, торжественно ставящий вне закона войну во всем мире. В 1929 г. ненадолго стал премьером в шестой раз. В 1931 г. баллотировался на пост президента, но на выборах проиграл П. Думеру.

Бринкман — финский военный деятель; полковник. В годы Второй мировой войны командовал финской стрелковой бригадой.

Брист, Эккард (Briest; 21.04.1909—08.12.1992) — немецкий дипломат. Уроженец Адлерсхофа (недалеко от Берлина). Из семьи врача. Получил юридическое образование в университетах Грейфсвальда и Берлина (1927—1932). Член НСДАП (1933). В 1937—1940 гг. на дипломатической службе в Китае. С 16 декабря 1940 г. сотрудник, с 22 января 1941 г. вице-консул генерального консульства в Нью-Йорке. С 28 июля 1941 г. сотрудник «ДИС-III» МИДа; с 19 февраля 1941 г. в консульстве в Кливленде. С 16 марта 1943 г. на военной службе; лейтенант. Участвовал в боях на советско-германском фронте; командир взвода 230-го пехотного полка 76-й пехотной дивизии. 30 ноября 1943 г. пленен частями Красной Армии в районе г. Кривой Рог. На 25 января 1947 г. содержался в лагере № 27 (г. Красногорск Московской области). 9 октября 1955 г. репатриирован на родину. С 7 апреля 1956 г. принят на службу в МИД Западной Германии. С 9 апреля 1957 г. сотрудник посольства в Дублине. С 15 октября 1959 г. посол в Асуньсоне. С 28 октября 1965 г. посол в Монтовидео. С 16 сентября 1970 г. посол в Веллингтоне. 30 апреля 1974 г. вышел в отставку. Умер в Феухтвангене.

Бродовский, Стефан Иоахимович (1880—1937) — советский дипломат. Член РКП(б). В 1933—1937 гг. полпред СССР в Латвии.

Броз Тито, Иосип (1892—1980) — югославский партийный и государственный деятель; генералиссимус. С 1945 по 1980 г. лидер Югославии, с 1953 г. президент страны.

Бройтигам, Отто (Bräutigam; 1895—1992) — немецкий дипломат, доктор права (1924). Член НСДАП (1936—1940). С 21 июня 1928 г. легационный секретарь германского посольства в Москве, референт Политотдела и Прессотдела. С 5 июля 1940 г. генеральный консул в Батуми. С 21 мая 1941 г. сотрудник «ведомства Розенберга», с 17 июля того же года в «Восточном министерстве». С 22 июня 1941 г. на военной службе; офицер связи с ОКХ. С 15 января 1945 г. сотрудник Торгово-политического отдела МИДа.

Бросс, Аларик — сотрудник VI Управления РСХА; штурмбанфюрер СС. С 1938 г. работал в Финляндии под прикрытием «Deutsche Amerikan-Linie Reisebüro». В годы Второй мировой войны представитель «Управления связи СС» Хельсинки.

Брукман — немецкий офицер; полковник. Военный атташе при германском посольстве в Софии.

Брюнинг, Генрих (Brüning; 1885—1970) — немецкий государственный и политический деятель. С 30 марта 1930 г. по 30 мая 1932 г. канцлер Германии. В 1934 г. бежал в Нидерланды, затем эмигрировал в США.

Бубнов — сотрудник советских органов безопасности; лейтенант (1947). Оперативный уполномоченный 4-го отделения 3-го Главного управления МГБ СССР.

Бубнов, Андрей Сергеевич (1884—1938) — советский государственный и военный деятель. В 1929—1937 гг. нарком просвещения РСФСР. Ответственный редактор газеты «Красная Звезда».

Будак, Миле (Budak; 1899—1946) — хорватский дипломат. С ноября 1941 г. посланник в Берлине. С 23 апреля 1943 г. министр иностранных дел Независимого государства Хорватия.

Булганин, Николай Александрович (1895—1975) — советский государственный и военный деятель; Маршал Советского Союза (1947; лишен звания 26 ноября 1958 г.).

Бультемейер, Август (Bultemayer; 1894?—?) — немецкий дипломат. До лета 1941 г. сотрудник генерального консульства в Ленинграде. С августа 1941 г. в разведывательной службе Риббентропа (Бюро Генке).

Бурашников — сотрудник советских органов безопасности; подполковник. В марте 1945 г. заместитель начальника 2-го отдела ГУКР «Смерш» НКО СССР.

Буркхард, Карл Якоб (Burckhardt; 1891—1974) — швейцарский общественный деятель, дипломат и историк. С февраля 1937 по 1939 г. Верховный комиссар Лиги Наций в Данциге. В 1944—1948 г. президент Международного комитета Красного Креста (МККК).

Бурсан — агент А. Тестера в Бухаресте. По данным СД одновременно работал на британскую разведку.

Бутенко, Федор Хрисанфович (1905—?) — советский дипломат. С 4 февраля 1938 г. временный поверенный в делах посольства СССР в Бухаресте (Румыния). 10 февраля 1938 г., по сообщению газеты «Известия», исчез при странных обстоятельствах. Неделю спустя объявился в Риме.

Буффарини-Гвиди, Гвидо (Buffarini Guidi; 1895—1945) — итальянский государственный деятель, доктор права. С 1924 по 1939 г. депутат парламента от Национальной фашистской партии. С марта 1933 по февраль 1943 г. младший (унтер)-секретарь Министерства внутренних дел, одновременно член Большого фашистского совета. В Итальянской социальной республике (Республика САЛО) министр внутренних дел и комиссар Красного Креста.

Буш, Эрнст Вильгельм Бернхард (Busch; 1885—1945) — немецкий военный деятель; генерал-фельдмаршал (1943).

Бушенхаген, Эрих (Buschenhagen; 1895—1994) — немецкий военный деятель; генерал пехоты (1944).

Быченков — сотрудник советских органов безопасности; лейтенант (1945). Помощник оперативного уполномоченного 2-го отдела ГУКР «Смерш» НКО СССР.

Бюлов, Бернхард Вильгельм фон (von Bülow; 1885—1936) — немецкий дипломат, доктор права (1909). В 1923—1930 гг. на службе в МИДе (Берлин). С 2 июня 1930 г. статс-секретарь МИД.

Бюлов-Шванте, Карл Александр Виктор (Викко) фон (von Bülow-Schwante; 1891—1970) — немецкий дипломат; барон. Один из руководителей «Стального шлема». С 1933 г. сотрудник МИДа. Член НСДАП (1936). С 14 октября 1938 г. по 1940 г. посланник 1-го класса в Брюсселе (Бельгия).

Бюркнер, Леопольд (Bürkner; 1894—1975) — один из руководителей германской военной разведки; вице-адмирал (1945?). В сентябре 1939 — июне 1944 г. начальник управленческой группы Абвер-Заграница. С 1 июля 1944 г. по май 1945 г. шеф управленческой группы «Заграница» при ОКВ.

Вавилов, Николай Иванович (1887—1943) — российский и советский ученый-генетик, ботаник, географ и селекционер, академик АН СССР, АН УССР и ВАСХНИЛ. Основатель и бессменный до момента ареста директор Всесоюзного института растениеводства (1930—1940). Директор института генетики (1930—1940).

Вагнер, Отто (Wagner; 1896—?) — сотрудник германской военной разведки; майор. С 1940 по сентябрь 1944 г. возглавлял «Кригсорганизацион (КО)-София», одновременно аккредитован германским МИДом торговым атташе при германском посольстве в Софии. Номинально являлся атташе по торговле германского посольства в Софии.

Вагнер, Хорст (Wagner; 1906—1977) — немецкий дипломат, советник 1-го класса; штандартенфюрер СС. С 1938 г. сотрудник Имперского министерства иностранных дел; работал в протокольном отделе, затем в личном штабе И. фон Риб-

бентропа. В апреле 1943 г., после отставки М. Лютера возглавил отдел «Иннланд II» МИДа; отвечал за связь с СС, полицией, еврейским вопросом и проблемами фольксдойче.

Вагнер, Эдуард (Wagner; 1894—1944) — немецкий военный деятель; генерал артиллерии (1943). С августа 1940 г. генерал-квартирмейстер Генштаба ОКХ. Участник заговора против А. Гитлера.

Вайлингсхаузен — сотрудник отдела культуры германского посольства в Бухаресте. Агент атташе полиции безопасности и СД штурмбанфюрера СС Г. Рихтера.

Вайндорф — сотрудник советских органов безопасности; майор (1951). Заместитель начальника 3-го отделения 4-го отдела 3-го Главного управления МГБ СССР.

Вайцзеккер, Эрнст фон (von Weizsäcker; 1882—1951) — немецкий государственный деятель, дипломат, барон; бригадефюрер СС (1942). В 1938 г. статс-секретарь германского МИДа. В 1942—1944 гг. числился в составе штаба рейхсфюрера СС. С 5 мая 1943 г. посол в Ватикане.

Валленштейн, Эрнст (Wallenstein; 1914?—?) — немецкий дипломат, граф. До августа 1944 г. помощник 1-го советника германского посольства в Бухаресте (т.н. «бюро Ределя»). Информатор германского посла М. фон Киллингера. В сентябре 1944 г. передан румынскими властями советскому военному командованию и доставлен в Москву.

Вальве, Вяйнё — финский военный деятель; генерал-лейтенант. В годы Второй мировой войны командующий финским военно-морским флотом и береговой обороной.

Вальден, Карл Рудольф (Walden; 1878—1946) — финский военный деятель и промышленник; генерал пехоты (1942). Во время советско-финляндской войны, с 3 декабря 1939 г. по 27 марта 1940 г., представитель Главной квартиры финской армии при кабинете министров. 7 марта 1940 г. в составе финской делегации участвовал в переговорах о мире с СССР; один из наиболее влиятельных финских политиков, противник нормализации отношений с СССР. С 7 сентября по 27 ноября 1944 г. вместе с премьер-министром А. Хакцелем, генералом А. Хейнриксом и министром иностранных дел К. Энкелем участвовал в Москве в подписании перемирия.

Вальтер, Гебхард фон (von Walther; 1902—1982) — немецкий дипломат, доктор права. С 1929 г. на дипломатической службе. С 10 октября 1936 г. секретарь, с 1939 г. референт политического отдела германского посольства в Москве; личный референт посла Вернера фон дер Шуленбурга. С 1942 г. советник при германском посольстве в Анкаре (Турция).

Ванек, Вильгельм (Waneck) — сотрудник службы безопасности (СД); штурмбанфюрер СС. Начал службу в III Управлении РСХА. С конца 1941 г. руководитель реферата «Юго-Восток» VI Управления РСХА.

Ванситтарт, Роберт Гилберт (Vansittart; 1881—1957) — британский государственный деятель и дипломат, сэр, барон (1941). В 1930—1938 гг. постоянный заместитель министра иностранных дел. В 1938—1941 гг. главный дипломатический советник МИД Великобритании.

Вард-Херманс — бельгийский политический деятель, фламандский националист.

Василиу, Константин «Пики» (Vasiliu; 1882—1946) — румынский государственный деятель; дивизионный генерал (1940). С 1940 по 23 августа 1944 г. комендант румынской жандармерии; секретарь штаба министра внутренних дел. С 1942 г. помощник секретаря министерства внутренних дел.

Васпляну — румынский военный и государственный деятель; генерал. Помощник статс-секретаря Министерства внутренних дел Румынии.

Ватанабе — японский дипломат. До 1936 г. генеральный консул японского консульства во Владивостоке.

Вейбот — сотрудница германского посольства в Москве; стенографистка.

Вейт, Валентин (Veit) — немецкий ученый; профессор.

Вёркмейстер К. — в 1938—1939 и 1941—1944 гг. советник германской миссии в Будапеште.

Вейхс ан дем Глон, Максимилиан фон унд цу (Weichs an dem Glon; 1881—1954) — немецкий военный деятель, имперский барон; генерал-фельдмаршал (1943).

Векслер — немецкий предприниматель. В 1930-х гг. представитель германских деловых кругов в Багдаде (Ирак).

Вельк, Курт Вольфганг Генрих Фрейхерр фон (von Welck; 1901—1973) — немецкий дипломат, барон; легационный секретарь 1-го класса (1943). В годы Второй мировой войны сотрудник т.н. «Бюро посланника Риттера» (представительство МИДа при ОКВ).

Вельти (Welti) — швейцарский журналист; агент атташе полиции безопасности и СД штурмбанфюрера СС Г. Рихтера в Бухаресте.

Вельчек, Йоханнес Бернхард фон (von Welczeck; 1878—1972) — немецкий дипломат, граф. С 1936 по 1939 г. германский посол в Париже; после объявления Францией войны Германии покинул страну. С 1943 г. в отставке.

Венезелос — греческий государственный деятель. Премьер-министр Греции.

Венк, Вальтер (Wenck; 1900—1982) — немецкий военный деятель; генерал танковых войск (1945).

Вермерен, Эрих (Vermehren; 1919—2005) — сотрудник германской военной разведки, доктор права. В 1942—1943 гг. резидент Абвера в Стамбуле. 5 декабря 1943 г. в Стамбуле перешел на сторону англичан. В 1944 г. бежал в Великобританию. Этот случай послужил формальным поводом к ликвидации Абвера и подчинения военной разведки РСХА.

Вефер, Вальтер (Wefer; 1887—1936) — немецкий военный деятель; генерал-лейтенант авиации (1936). С 1 марта 1932 г. начальник военно-учебных заведений. С 1 сентября 1933 г. переведен в Имперское управление авиации; начальник Командного управления (прообраз Генерального штаба люфтваффе), фаворит Г. Геринга.

Вёрман (Воерман), Эрнст (Woermann; 1888—1979) — немецкий государственный деятель, дипломат, доктор права; младший статс-секретарь. С 1931 г. сотрудник германского посольства в Лондоне. С 1938 г. начальник одного из важнейших отделов МИДа — Политического, затем младший статс-секретарь МИДа. С августа 1943 по май 1945 г. германский посол при Нанкинском правительстве Китая (Пекин).

Вибер, Роберт — сотрудник германского консульства во Владивостоке.

Видеман, Фриц (Widemann; 1891—1970) — немецкий государственный деятель и дипломат. С конца 1933 до конца 1938 г. личный адъютант А. Гитлера. В мае 1938 г. направлен в Лондон с личным поручением фюрера информировать министра иностранных дел Галифакса о своих намерениях в отношении Судетской области. Участник Мюнхенской конференции 1938 г. В 1939 г. консул в Сан-Франциско. В июне 1941 г. выслан из США, затем консул в Китае.

Визе — шифровальщик Шифрбюро германского посольства в Софии.

Виль, Эмиль (Wiehl; 1886—1960) — немецкий дипломат, министериальдиректор. С 1920 г. служил в МИДе Германии. В 1921 г. легационный секретарь германского посольства в Лондоне, в 1925 г. — в Вашингтоне. В 1927 г. генеральный консул в Сан-Франциско. С 1929 г. старший советник МИДа (Берлин). В 1937—1944 гг. руководитель Торгового отдела МИД Германии.

Вильке (Wielke) — немецкий военный деятель, генерал.

Вильмовски, Тило (Карл Адольф) Фрейхерр фон (von Wilmowsky; 1878—1966) — немецкий промышленник и юрист, барон. В 1925—1930 гг. руководитель фракции Немецкой национально-народной партии в парламенте Саксонии. В 1933 г. после прихода нацистов к власти в стране был вынужден уйти с государственных постов. После провала заговора 20 июля 1944 г. вместе с женой арестован гестапо и заключен в концлагерь Равенсбрюк.

Вильсон, Томас Вудро (Wilson; 1856—1924) — американский государственный деятель, историк и политолог. 28-й президент США (1913—1921).

Виппер — атташе полиции безопасности и СД в Софии (после Ф. Панцингера).

Вислицени, Дитер (Wisliceny; 1911—1948) — сотрудник германской службы безопасности; штурмбанфюрер СС. Уроженец Регуловкена (Восточная Пруссия). С конца 1940 г. советник по еврейским вопросам при германском посольстве в Братиславе (Словакия). Служил под руководством оберштурмбанфюрера СС А. Эйхмана в отделе IV В РСХА по делам еврейской эмиграции. Занимался поиском выгодных сделок в обмен на освобождение евреев в Венгрии, Словакии и Греции. Повешен в Братиславе.

Витгенштейн (Wittgenstein) — шарфюрер СС, принц. До сентября 1939 г. — представитель фирмы «БМВ» в Румынии.

Виттельсбах, Леопольд фон (von Wittelsbach; 1846—1930) — германский военный деятель, принц Баварский; генерал-фельдмаршал Баварии (1904) и Германской империи (1916). Участник австро-прусской, франко-прусской и Первой мировой войн. Награжден высшим военным орденом «За заслуги». Возглавлял германскую мирную делегацию на переговорах в Брест-Литовске. 11 января 1919 г. вышел в отставку.

Волер — немецкий дипломат. Секретарь посольства в Бухаресте. В 1941 г. призван в вермахт.

Волков — сотрудник советских органов безопасности; переводчик Берлинского опорсектора НКВД СССР (1945).

Волков, Андрей — русский эмигрант; служил в вермахте. В 1942 г. переводчик 28-го полка 8-й танковой дивизии.

Волчев — болгарский журналист и редактор. С 1941 г. агент оберфюрера СС Ф. Панцингера в Болгарии.

Вольдемарас, Аугустинас (Voldemaras; 1883—1942) — литовский государственный деятель. В 1918 и 1926—1929 гг. премьер-министр Литовской Республики. Председатель делегации Литвы на Парижской мирной конференции. Из-за разногласий с другими националистическими лидерами в 1929 г. выведен из состава правительства и выслан в Платяляй, где жил под надзором полиции. Участник путча 7—8 июня 1934 г., предпринятого организацией «Железный волк». После провала путча арестован и приговорен к 12 годам тюремного заключения. В 1938 г. в связи с 20-летием литовского государства амнистирован и выслан за границу. Вернулся в Литву в июне 1940 г.

Вольтат, Гельмут (Wohlthat; 1893—1982) — немецкий государственный деятель, дипломат. В 1938 г. чиновник для особых поручений в ранге министериальдиректора в ведомстве Г. Геринга по осуществлению «четырехлетнего плана». В 1939 г. статс-секретарь германского МИДа, в июле 1939 г. принимал участие в проведении переговоров в Лондоне о германо-британском сближении.

Вольф — немецкий офицер; майор. С мая 1942 г. командир 28-го полка 8-й танковой дивизии.

Вольф, Генрих (Wolff) — немецкий дипломат. В 1933—1935 гг. германский генеральный консул в Иерусалиме. В 1933 г. установил контакт с Великим муфтием Иерусалима. В 1936 г. был вынужден подать со своего поста в отставку, т.к. был женат на еврейке. На этом посту его сменил Вальтер Доле.

Вольф, Карола (Wolf, урожд. Тиллиссен; 1908—?) — сотрудник германской военной разведки. Дочь адмирала В. Тиллисена. В 1939—1943 гг. секретарь за-

местителя начальника Абвера при ОКВ адмирала Л. Бюркнера. В 1943—1944 гг. секретарь руководителей «АСТ-Бухарест» полковников Родлера, затем Баура.

Ворачицкая (Ворашицкая) (1910?—?) — венгерская аристократка, графиня. В годы Второй мировой войны платный агент «Разведки Риббентропа» в Будапеште.

Ворошилов, Клемент Ефремович (1881—1969) — советский военный и государственный деятель; Маршал Советского Союза (1935).

Вуори — финский общественный деятель. В годы Второй мировой войны возглавлял Союз ремесленников.

Вурмбах, Ганс Генрих (Wurmbach; 1891—1965) — немецкий военно-морской деятель; адмирал (1944).

Габровский, Петр (1898—1945) — болгарский государственный деятель. Участник Первой мировой войны. В 1936 г. один из основателей националистической организации «Ратник». С 23 октября 1939 г. по 15 февраля 1940 г. министр транспорта, почт и телеграфа. С 15 февраля 1940 г. по 14 сентября 1943 г. министр внутренних дел.

Гази ибн Фейсал (1912—1939) — первый сын Фейсала I, второй король Ирака из династии Хашимитов.

Гайлани, Камиль Бег аль- — иракский государственный деятель, дипломат. Брат Рашида Али аль-Гайлани. В начале 1930-х гг. адъютант Р. Али аль-Гайлани. До июня 1941 г. иракский посланник в Каире (Египет), затем в Анкаре (Турция). После поражения в 30-дневной войне и вступления британских войск в Багдад выехал в Будапешт, а оттуда в Берлин. До капитуляции Германии в мае 1945 г. проживал в Саксонии.

Гайлани, Рашид Али аль- (1889—1965) — иракский государственный и политический деятель. С 20 марта по 28 ноября 1933 гг. и с 31 марта 1940 г. по 30 января 1941 г. премьер-министр. 12 апреля 1941 г. при активной поддержке держав «оси» совершил государственный переворот, после провала которого 29 мая бежал в Иран. В 1942 г. заочно приговорен к смертной казни. До августа 1958 г. в эмиграции.

Галич В. — сотрудник советских органов безопасности. Переводчик Берлинского оперсектора НКВД СССР (1945).

Гальдер, Франц (Halder; 1884—1972) — военный деятель; генерал-полковник (1940).

Гамелен, Морис Гюстав (Gamelin; 1872—1958) — французский военный деятель; генерал. С 3 сентября 1939 г. Главнокомандующий союзных войск во Франции. 19 мая 1940 г. отстранен от должности. Арестован в сентябре 1940 г. правительством Виши, осужден на Риомском процессе за предательство, позже депортирован в Германию и заключен в концлагерь.

Гамильтон, см. Дуглас-Гамильтон.

Ганзен (Ханзен), Георг Александр (Hansen; 1904—1944) — немецкий офицер, один из руководителей германской военной разведки, участник немецкого движения Сопротивления; полковник. В 1939 г. перешел в Управление «Абвер/Заграница» при ОКВ. В 1943 г. после ухода со своего поста в Действующую армию начальника военной разведки (Абвер I) полковника Г. Пиккенброка назначен на его должность. 12 февраля 1944 г. после отстранения адмирала В. Канариса возглавил германскую военную разведку (Абвер) в составе VI Управления РСХА. После провала заговора 20 июля 1944 г. арестован гестапо.

Ганзен (Ханзен), Эрих Петер (Hansen; 1889—1967) — немецкий военный деятель; генерал кавалерии (1940). Уроженец Гамбурга. Из семьи торговца. Участник Первой мировой войны, награжден орденом Железный крест 1-го и 2-го класса. Окончил академию Генштаба (1917). В 1918 г. начальник Оперативного отдела армейской группировки «Гольвитцер». После демобилизации армии остался в

рейхсвере. С августа 1938 г. командир 4-й пехотной дивизии, во главе которой участвовал в Польской и Французской кампаниях. С октября 1940 г. возглавил германскую военную миссию в Румынии. С июня 1941 г. командир LIV армейского корпуса. В составе 11-й армии участвовал в боях под Одессой, Антоновкой, на Перекопе, а затем в Крыму. В сентябре 1942 г. корпус был брошен под Ленинград и включен в 18-ю армию группы армий «Север». С января 1943 г. командующий вермахтом в Румынии. Арестован в сентябре 1944 г. румынскими властями и передан СССР. Арестован сотрудниками 2-го Главного управления МГБ СССР 23 августа 1951 г. Военным трибуналом МВО от 18 февраля 1952 г. на основании ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета (ПВС) СССР от 19 апреля 1943 г. и ст. 2 § 1 п.п. «а», «б», «с» Закона № 10 Контрольного совета в Германии от 20 декабря 1945 г. «О наказании лиц, виновных в военных преступлениях, преступлениях против мира и человечности» приговорен к 25 годам ИТЛ с применением Указа ПВС от 26 мая 1947 г. «Об отмене смертной казни». Определением ВК ВС СССР от 1952 г. отбытие наказания осужденному определено в тюрьме. В соответствии с Указом ПВС СССР от 28 сентября 1955 г. досрочно освобожден и 10 октября 1955 г. репатриирован на родину. Заключением Главной военной прокуратуры РФ от 12 апреля 2002 г. признано, что он осужден «законно и обоснованно», «оснований для опротестования судебного решения в отношении Ганзена Эрика нет».

Гарбен, Манфред (Garben; 1911—1984) — немецкий дипломат; легационный советник 1-го класса (1942). С 16 июля 1943 г. по 7 октября 1944 г. референт по культуре германского посольства в Софии (Болгария).

Гарденберг — немецкий дипломат. В годы Второй мировой войны начальник Паспортного отдела германского посольства в Бухаресте.

Гартман — немецкий полицейский чиновник; оберштурмбанфюрер СС и подполковник полиции. До 1941 г. заместитель начальника охранной полиции во Франкфурте-на Майне.

Гассан-Залман, Магомет — министр просвещения в правительстве Рашида Али эль-Гайлани.

Гассенпфлуг (Hassenpflug) — сотрудник Заграничной организации НСДАП в Румынии; заместитель ландсгруппенляйтера.

Гаук, Александр Васильевич (1893—1963) — советский дирижер и композитор, Народный артист РСФСР (1954). В 1930—1934 гг. возглавлял симфонический оркестр Ленинградской филармонии.

Гаус, Фридрих Вильгельм Отто Gaus; 1881—1955) — немецкий государственный деятель, дипломат и юрист, доктор права. С 1907 г. на дипломатической службе.

Геббельс, Йоханна Мария Магдалена (Goebbels, урожд. Беренд, Behrend, в первом замужестве Квандт, Quandt; 1901—1945) — жена Й. Геббельса (с 1931 г.). Поскольку А. Гитлер не был женат, часто играла роль «первой леди» рейха.

Геббельс, Пауль Йозеф (Goebbels; 1897—1945) — немецкий государственный деятель, один из лидеров нацистской партии, рейхсминистр пропаганды. С 13 марта 1933 г. рейхсминистр народного просвещения и пропаганды.

Гейдрих, Рейнхард Тристан Ойген (Heydrich; 1904—1942) — один из руководителей германской тайной политической полиции; начальник Главного управления имперской безопасности (РСХА); обергруппенфюрер СС (1941).

Гейсслер — немецкий чиновник, сотрудник РСХА. В 1940—1941 гг. атташе полиции безопасности и СД в Бухаресте.

Геккеритц — сотрудник германской военной разведки; капитан. В начале 1943 г. начальник «Абвернебенштелле-Плоешти». Весной 1943 г. «АСТ-Бухарест» и Военный триубнал германской военной миссии в Румынии возбудил против него уголовный процесс в связи с его критическими замечаниями о фюрере и его любовными похождениями.

Гельдерн-Криспендорф, Иоахим фон (von Geldern-Crispendorf; 1891?—?) — немецкий офицер и дипломат, барон; полковник (1943). До сентября 1941 г. германский военный атташе в Тегеране (Иран). В 1943 г. Германский военный атташе в Анкаре (Турция).

Гелькескамп, Маргарита (1894—?) — сотрудница германского посольства в Москве. С 24 октября 1929 г. стенографистка посольства.

Гельтман — сотрудник РСХА; оберштурмбанфюрер СС. В годы Второй мировой войны начальник «Управления связи СС» Хельсинки.

Гемприс, Фрэнсис Генри (Humphrys; 1879—1971) — британский государственный деятель, колониальный администратор и дипломат, сэр; подполковник. С января 1922 по февраль 1929 г. британский министр в Кабуле (Афганистан). С октября 1929 по октябрь 1932 г. Британский Верховный комиссар в Ираке.

Гендерсон, Артур (Henderson; 1863—1935) — британский государственный деятель. Уроженец Глазго. Один из лидеров Лейбористской партии. В 1929—1931 гг. министр иностранных дел (во 2-м кабинете Дж. Макдональда, который в 1929 г. восстановил дипломатические отношения с СССР). В 1932—1933 гг. председатель международной конференции по разоружению.

Гендерсон, Невилл Мейрик (Henderson; 1882—1942) — британский государственный деятель и дипломат; сэр. В 1929—1935 гг. посланник в Белграде. В 1937—1939 гг. британский посол в Берлине.

Гензель, Герберт (Hensel; 1895—1974) — немецкий дипломат. Уроженец Риги. Окончил коммерческую школу в Риге (1913) и реальную гимназию в Лейпциге. С 19 апреля по 6 ноября 1922 г. атташе при германском посольстве в Москве. С 25 сентября 1925 г. до 25 октября 1928 г. на дипломатической работе в СССР. С октября 1928 по февраль 1930 г. сотрудник IV отдела (Восточная Европа, Скандинавия, Восточная Азия) МИДА. С июня 1931 по июнь 1934 г. на дипломатической работе в Китае. С 21 июня 1934 г. по 10 ноября 1937 г. сотрудник германского посольства в Москве; посланник 2-го класса.

Генке, см. Хенке.

Георг V (George V; 1865—1936) — король Великобритании (с 6 мая 1910 г.); второй сын принца и принцессы Уэльских (позже короля Эдуарда VII и королевы Александры).

Георг VI (George VI; 1895—1952) — король Великобритании, Канады, Австралии и Южной Африки (с 11 декабря 1936 г.). Из династии Виндзоров. Вступил на престол после отречения брата, Эдуарда VIII. Вошел в историю как символ борьбы Великобритании и стран Британской империи против нацистской Германии во Второй мировой войне. Последний император Индии (с 12 декабря 1936 г. по 22 июня 1948 г.) и последний король Ирландии (до 18 апреля 1949 г.).

Георг, принц Великобритании (George; 1902—1942) — член королевской семьи Великобритании, герцог Кентский (1934—1942). 29 декабря 1934 г. женился на принцессе Марине Греческой и Датской. В апреле 1940 г. вступил в Королевские военно-воздушные силы. Погиб в авиакатастрофе в Шотландии при невыясненных обстоятельствах.

Георгиев, Кимон Стоянов (1882—1969) — болгарский военный, государственный и политический деятель; генерал-полковник (1946). В мае 1934 — январе 1935 г. премьер-министр. 9 сентября 1944 г. возглавил (до ноября 1946 г.) образовавшееся в результате победы антифашистского вооруженного восстания первое правительство Отечественного Фронта. В 1944—1949 гг. председатель политической партии Народный союз «Звено».

Герварт фон Битенфельд, Ганс Генрих фон (Herwarth von Bittenfeld; 1904—1999) — немецкий дипломат. С 1931 по 1939 г. атташе, второй секретарь германского посольства в Москве. С началом Второй мировой войны призван в вермахт.

Герлах, Вернер (Gerlach; 1891—1961) — немецкий врач-патологоанатом, дипломат; бригадефюрер СС (1940). С 1 июля по 30 сентября 1938 г. руководил судебной медициной в Йене, одновременно курировал концлагерь Бухенвальд. С апреля 1939 г. перешел на службу в МИД; назначен генеральным консулом в Исландию. С 5 января 1942 г. исполнял обязанности представителя МИДа в имперском протекторате Богемии и Моравии в Праге. С 10 апреля 1943 г. руководитель Департамента культуры при германском посольстве в Париже.

Герстенберг, Альфред Георг (Gerstenberg; 1893—1959) — немецкий военный деятель; генерал-лейтенант (1944). Уроженец дер. Нойдорф округа Оппельн (Верхняя Силезия). Начал службу в уланском полку. Участник Первой мировой войны. С 1916 г. по 20 октября 1917 г. офицер-наблюдатель во 2-й эскадрилье «Рихтхофен». В 1927—1932 гг. офицер по хозяйственным и финансовым вопросам при Центральном представительстве рейхсвера в Москве (ЦЕТ-МО). С 1 июня 1938 г. по 1 сентября 1939 г. атташе по люфтваффе при посольстве Германии в Варшаве. С 1 июня 1938 г. по 27 августа 1944 г. атташе по люфтваффе при консульстве Германии в Бухаресте; одновременно с 15 февраля 1942 г. по 27 августа 1944 г. главнокомандующий люфтваффе в Румынии. С 1 сентября 1944 г. в советском плену; арестован 20 августа 1951 г.; содержался в Бутырской тюрьме МВД СССР. Приговором Военного трибунала Московского военного округа от 20 февраля 1952 г. осужден к 25 годам тюремного заключения. 12 октября 1955 г. репатриирован на родину. Умер в Гармиш-Партенкирхене (ФРГ).

Герршафт — сотрудник германской службы безопасности (СД); хауптштурмфюрер СС. Служил в реферате по вопросам народностей Румынии III Управления РСХА.

Гетце — сотрудник германской военной разведки. Служил в «АСТ-Нюрнберг».

Геш (Гёш), Леопольд фон (von Hoesch; 1881—1936) — немецкий дипломат, доктор права (1905). С 18 января 1921 г. сотрудник посольства в Париже; с 2 февраля 1924 г. посол. С 23 сентября 1932 г. посол в Лондоне.

Гёрделер, Карл Фридрих (Goerdeler; 1884—1945) — немецкий политический деятель. В 1930—1937 гг. бургомистр Лейпцига. После отставки с поста бургомистра стал советником электроконцерна «Бош АГ» в Штутгарте. Являлся одной из ключевых фигур в антинацистской оппозиции, вокруг которой группировались консервативные противники гитлеровского режима (Йоханнес Попиц, Ульрих фон Хассель, Пауль Лежен-Юнг и др.). За несколько дней до 20 июля 1944 г. гестапо приняло решение о его аресте, но ему удалось перейти на нелегальное положение. 12 августа в гостинице Конрадсвальде (Западная Пруссия) опознан некой Хеленой Шверцель и выдан властям.

Гесс, Артур (Heß; 1891—1959) — немецкий политический деятель; обергруппенфюрер СА (1941). Один из основателей отрядов СА в Саксонии. С июля 1932 по сентябрь 1933 г. возглавлял унтергруппу СА в Плауне в чине оберфюрера СА. С 1932 до марта 1936 г. депутат Рейхстага от округа Хемниц-Цвикау. В 1935—1945 гг. сотрудник Высшего штаба руководства СА.

Гесс, Рудольф Вернер Рихард (Heß; 1894—1987) — немецкий политический деятель; один из руководителей НСДАП; рейхслейтер (1933), обергруппенфюрер СС (1933), обергруппенфюрер СА. С 20 июля 1929 г. личный адъютант А. Гитлера. С 21 апреля 1933 г. заместитель фюрера по партии. 10 мая 1941 г. (как утверждал Гитлер, без его ведома) совершил полет в Англию с целью предложить ей мир и совместное участие в агрессии против СССР.

Гибсон (Gibson)— британский дипломат. До 1941 г. атташе прессы посольства в Бухаресте.

Гилале — финский государственный деятель. В годы Второй мировой войны министр внутренних дел Финляндии.

Гиммлер, Генрих Луитпольд (Himmler; 1900—1945) — один из главных политических и военных деятелей нацистской Германии, рейхсфюрер СС (1929).

Гингольд (Gingold) — председатель еврейского объединения в Бухаресте.

Гинденбург фон Бенкендорф, Пауль (Hindenburg von Benkendorff; 1847—1934) — немецкий военный и государственный деятель, генерал-фельдмаршал. В 1925—1934 гг. — президент Веймарской республики.

Гир, Карл (Gyr) — представитель «Швейцарского телеграфного агентства» в Бухаресте.

Гирль (Хирль), Константин (Hierl; 1875—1955) — немецкий партийный деятель; рейхслейтер (1936). Член НСДАП (1927). С 1 октября 1935 г. имперский руководитель рабочих; одновременно включен в состав Имперского министерства внутренних дел в ранге статс-секретаря и постоянного заместителя министра.

Гитлер, Адольф (Hitler; наст. фамилия Шикльгрубер, Schicklgruber; 1889—1945) — немецкий государственный и политический деятель. В 1933—1945 гг. фюрер (вождь) и рейхсканцлер Германии.

Гоглидзе, Сергей (Серго) Арсеньевич (Арсентьевич) (1901—1953) — советский государственный деятель, один из руководителей советских органов безопасности; генерал-полковник (1945). 14 ноября 1938 г. назначен начальником УНКВД по Ленинградской области.

Гольвег, фон — сотрудница германского посольства в Москве; стенографистка.

Гольц, Густав Адольф Йоахим Рюдигер фон дер (von der Goltz; 1865—1946) — немецкий военный деятель, граф; генерал-майор. С февраля 1918 г. командир 12-й дивизии, которая также именовалась «Восточной морской дивизией» или «Балтийской дивизией». В 1924—1933 гг. первый председатель Германского союза защиты Отечества.

Гончаров — сотрудник советских органов безопасности; майор (1951). Заместитель начальника 5-го отделения Следственного отдела 2-го Главного управления МГБ СССР.

Горбачев, Борис Сергеевич (1892—1937) — советский военный деятель; комкор (1935). В 1934—1937 гг. заместитель командующего войсками МО, член Военного совета при наркоме обороны СССР, командующий войсками Уральского ВО.

Горелкин, Николай Васильевич (1889—?) — советский дипломат. С 8 октября 1939 г. по 22 июня 1941 г. полномочный представитель (с 9 мая по 22 июня 1941 г. посол) в Королевстве Италия.

Готлиб — консульский секретарь германского посольства в Софии.

Гофман, Карл Адольф Максимилиан (Hoffmann; 1869—1927) — немецкий военный деятель; генерал-майор (1917). В 1899—1901 гг. служил в Русском отделе Генштаба. Участник Первой мировой войны; начальник штаба командования «Восток». В 1917—1918 гг. участвовал в заключении мирного договора в Брест-Литовске.

Гофман, Эмиль (Hoffmann; 1911—1995) — немецкий государственный деятель, дипломат; доктор права. С 28 февраля 1941 г. по 19 февраля 1942 г. советник по вопросам прессы и пропаганды при германском посольстве в Румынии. С 28 февраля 1942 г. призван в армию, служил в войсках СС.

Гофмейер, Хорст (Hoffmeyer; 1903—?) — немецкий военный деятель; бригадефюрер СС и генерал-майор полиции. С июля 1944 г. начальник специальной команды на случай аварий в нефтяных районах Плоешти (Румыния).

Гранди, Дино (Grandi; 1895—1988) — итальянский государственный деятель и дипломат; граф Мордано. В 1932—1939 гг. посол в Великобритании. С 1939 г. министр юстиции. С 26 июня 1939 г. по 2 августа 1943 г. президент Палаты фасций и корпораций. 25 июля 1943 г. организовал заседание Большого фашистского совета, который отстранил Муссолини от власти.

Гранов, Ганс-Ульрих (Granow; 1902—1964) — немецкий дипломат. Уроженец Легница. В 1932—1934 гг. секретарь миссии при германском посольстве в Багда-

де. С февраля 1935 г. вице-консул германского генконсульства в Нью-Йорке. Член НСДАП (1939).

Грассман, Пауль (Grassman; 1898—?) — немецкий дипломат и журналист; доктор естественных наук (1925). Член НСДАП (1937). С 1 октября 1939 г. пресс-атташе посольства в Стокгольме; одновременно являлся агентом «разведывательной службы Риббентропа».

Граф, Герхард (Graf; 1905—1987) — немецкий дипломат. С 26 сентября 1939 г. сотрудник культурного отдела посольства в Осло. С 30 апреля 1940 г. сотрудник консульства, вице-консул, консул (с 10 июля 1942 г.) в Цюрихе; одновременно агент «разведывательной службы Риббентропа».

Графенштен — немецкий дипломат. В конце 1920-х — начале 1930-х гг. вице-консул германского генконсульства в Ленинграде.

Грегер, Мария-Мета (1884—?) — сотрудница германского посольства в Москве. С 14 марта 1930 г. стенографистка посольства.

Грегори, Вальдемар фон (von Gregory; ?—1944) — сотрудник германской военной разведки; майор. Брат штандартенфюрера СС К. фон Грегори. В 1939 г. призван в армию, проходил службу в реферате «3-Ви» Абвера. Летом 1943 г. переведен в Италию на пост абвер-офицера армейской группировки фельдмаршала В. Кессельринга.

Грегори, Карл фон (von Gregory; 1899—1955) — немецкий дипломат и журналист; штандартенфюрер СС (1943). Член НСДАП (1931) и СС (1936). В 1937—1938 гг. агент СД. С апреля 1939 г. референт прессы протектората Богемии и Моравии, затем начальник отдела прессы и культуры. С 1940 г. член Наблюдательного совета общества «Праг-фильм А.Г.». С конца 1941 г. советник отдела «Заграница» Министерства пропаганды. С июля 1943 г. генеральный консул при германских посольствах в Бухаресте и Софии и при имперском представительстве в Афинах. Задержан в августе 1944 г. в Бухаресте. 10 июня 1948 г. арестован советскими органами безопасности. 21 июля 1948 г. по постановлению Особого совещания при МГБ СССР заключен в тюрьму сроком на 25 лет. Наказание отбывал во Владимирской тюрьме; скончался в местах лишения свободы. По заключению ГВП от 11 апреля 2002 г. в пересмотре дела в отношении К. фон Грегори отказано.

Грейзер, Артур Карл (Greiser; 1897—1947) — немецкий партийный и государственный деятель, обергруппенфюрер СС (1943). С октября 1933 по октябрь 1939 г. заместитель гауляйтера Данцига А. Форстера. С 21 октября 1939 г. гауляйтер имперского гау Ватерланд (с центром в Позене).

Грейм, Роберт Риттер фон (von Greim; 1892—1945) — немецкий военный деятель, главнокомандующий люфтваффе; генерал-фельдмаршал (1945).

Грайпе — см. Крейпе В.

Грейфенберг, Ганс фон (von Greiffenberg; 1893—1951) — немецкий военный деятель; генерал пехоты (1944). С 10 октября 1943 г. военный атташе в Будапеште (Венгрия). С 1 апреля 1944 г. и до конца войны командующий вермахтом в Венгрии.

Гриншпан, Гершель Фейбель (Grynszpan; 1921—1943/1945) — немецкий эмигрант. 7 ноября 1938 г. совершил в Париже убийство немецкого дипломата Эрнста фон Рата, что послужило основанием для проведения 9—10 ноября 1938 г. антисемитских погромов в Германии, вошедших в историю под названием «Хрустальной ночи».

Гринюс, Казис (Grinius; 1866—1950) — литовский государственный деятель. В 1920—1922 гг. премьер-министр Литвы. С 7 июня по 18 декабря 1926 г. президент Литвы; свергнут в результате военного переворота.

Гробба, Фриц (Grobba; 18.07.1886—02.09.1973) — немецкий государственный деятель, юрист и дипломат; доктор юридических наук. Уроженец Гартца-на-Оде-

ре. Из семьи садовника. Окончил гимназию (1903) и юридический факультет Берлинского университета (1913). В совершенстве владел английским, французским, турецким, а также персидским и арабским языками. С декабря 1913 г. сотрудник германского МИДа. Участник Первой мировой войны, в качестве командира взвода принимал участие в боевых действиях на Западном фронте (во Фландрии); лейтенант резерва. В 1916—1918 гг. прикомандирован к немецкой военной миссии в Турции, принимал участие в боях на Суэцком фронте в качестве офицера-ординарца при корпусе «Йилдерим». В июне 1918 г. отозван в Берлин, с октября того же года назначен вице-консулом в Баку (не смог выехать к месту службы «в связи с создавшейся обстановкой»). В 1922—1923 гг. начальник паспортного стола в Кёльне. С ноября 1923 по май 1926 г. консул и заместитель посла в Кабуле (Афганистан). С мая 1926 г. сотрудник Политико-экономического отдела германского МИДа (Берлин), затем в Восточном отделе. С 1930 г. руководитель Восточного отдела МИДа. С марта 1932 г. генеральный консул и заместитель посла в Багдаде (Иран), с ноября 1932 по 4 сентября 1939 г. германский посол в Багдаде. С сентября 1939 по декабрь 1943 г. сотрудник политико-экономического отдела МИДа при государственном секретаре Кепплере; отвечал за вопросы, связанные с внешней политикой германского правительства на Ближнем Востоке. С декабря 1943 по июнь 1944 г. работал в специальной архивной комиссии германского МИДа по разбору документов по Востоку, захваченных в МИДе Франции. С июня 1944 г. по май 1945 г. сотрудник Хозяйственного управления в Дрездене. До задержания главный прокурор Майнингена. Задержан в местечке Клафенбах уезда Хемниц 25 февраля 1946 г. сотрудниками опергруппы СВА по Хемницкому округу (Германия). Арестован 12 июня 1946 г. опергруппой СВА в Германии. 14 июня 1946 г., по указанию заместителя министра Внутренних дел Союза СССР генерал-полковника Серова, из Оперсектора провинции Бранденбург (Потсдам) был этапирован в Москву (6 июля 1946 г.). Следствие по делу окончено 21 апреля 1947 г. По решению Особого совещания при МГБ СССР от 28 июня 1947 г. «за шпионаж» заключен в ИТЛ на 10 лет. 6 января 1956 г. освобожден и 12 января передан представителям ФРГ. Реабилитирован по заключению Главной военной прокуратуры 2 июля 2001 г. Умер в Бонне.

Грое, Йозеф (Grohe; 1902—1987) — немецкий партийный деятель; обергруппенфюрер НСКК (1943). С 31 мая 1931 г. по 8 мая 1945 г. гауляйтер Кёльна. Одновременно с 13 июля 1944 г. по конец 1944 г. имперский комиссар присоединенных областей Бельгии и Северной Франции.

Гроппер, Хорст (Groepper; 1909—12.2002) — немецкий дипломат. С 31 августа 1939 г. по 22 июня 1941 г. сотрудник германского посольства в Москве. С августа 1941 по сентябрь 1944 г. сотрудник Протокольного отдела МИДа. С сентября 1944 по май 1945 г. на военной службе, затем находился в американском плену.

Гросс, Вальтер (Gross; 1904—1945) — немецкий партийный деятель; доктор медицины, профессор. Член НСДАП (1925). В 1933 г. создал и возглавил комиссию по народной и расовой политике, которая в апреле 1934 г. была преобразована в Расово-политическое управление НСДАП. Один из теоретиков расового превосходства германской расы. В сентябре 1942 г. управление было расформировано, а Гросс был переведен начальником отдела расы и науки в ведомстве А. Розенберга.

Гротхус — член Учительского совета немецких школ в Каунасе.

Грюнберг, Луис — сотрудник «Еврейского центрального комитета» в Бухаресте. Сын М. Вильмана-Грюнберга.

Грюнберг, Эдуард — сотрудник «Еврейского центрального комитета» в Бухаресте. Сын Вильмана-Грюнберга.

Грюнберг-Вильман, Матей — румынский адвокат, доктор права. Начальник отдела прессы «Еврейского центрального комитета» в Бухаресте.

Грюндхер цу Альтентхан унд Вейхерхаус, Вернер фон (von Grundherr zu Altenthann und Weiherhaus; 1888—1962) — немецкий государственный деятель, дипломат; доктор права. Уроженец Нюрнберга. В 1934—1945 гг. возглавлял секции Балтийских и Скандинавских стран Политического отдела германского МИДа; принимал участие в депортации датских евреев. Ему было отказано в ходатайстве в приеме в члены НСДАП. С мая 1945 по март 1947 г. интернирован американцами.

Грюнер — высший руководитель полиции безопасности и СД в Вене.

Гувер, Герберт Кларк (Hoover; 1874—1964) — американский государственный и политический деятель. С 1921 г. министр торговли США. В 1929—1933 г. 31-й президент США от Республиканской партии. В 1938 г. посетил нацистскую Германию и встретился с А. Гитлером; приветствовал Мюнхенское соглашение 1938 г.

Гуммерус — финский политический деятель. В 1918 г. член т.н. «Финского комитета».

Гуммич — сотрудник германской службы безопасности (СД); штурмбанфюрер СС. Служил в реферате по вопросам народностей III Управления РСХА.

Гумперт, Герхард (Gumpert; 1910—1987) — немецкий дипломат; штурмбанфюрер СС (1942). Изучал юриспруденцию в Йенском университете. Член НСДАП (1930). С 1 октября 1938 г. бургомистр в Кале (Тюрингия). С 31 мая 1939 г. на дипломатической службе. С 6 декабря 1940 г. легационный секретарь посольства в Риме (Квириналь). С 14 ноября 1943 г. представитель МИДа при Республике Сало (Фашано).

Густафссон, Густав Вернер Йеремиасе (1890—1959) — финский военный деятель; генерал-майор (1942). В 1939—1940 гг. начальник интендантской службы ставки финской армии в Миккели.

Гуссейн, Муса — племянник Великого муфтия Иерусалимского.

Гфрорнер, Франц-Рудольф (1902—1952?) — сотрудник германской военной разведки. Австриец. В 1938—1944 гг. начальник бюро «АСТ-Вена».

Гудериан, Гейнц Вильгельм (Guderian; 1888—1954) — генерал-полковник (1940), военный теоретик.

Гюльзен (Хюльзен), Бото фон (von Hülsen; 1895—1980) — немецкий военный деятель, граф; генерал-лейтенант. Участник Первой мировой войны. После демобилизации армии оставлен в рейхсвере. С 15 ноября 1943 г. по 10 марта 1944 г. командир 62-й пехотной дивизии. С 1 июня по 3 сентября 1944 г. командир 370-й пехотной дивизии.

Гюнтер, Люция (Günter; 1895—?) — сотрудница германского посольства в Москве. С мая 1922 по июнь 1941 г. секретарь-машинистка, с 2 ноября 1929 г. стенографистка посольства.

Д'Абернон, Эдгар Винцент сэр (D'Abernon; 1857—1941) — британский государственный деятель, банкир и дипломат; 1-й виконт Д'Абернон (1926). В 1918 г. один из организаторов иностранной интервенции против Советской России. В 1920 г. вместе с французским генералом Вейганом возглавлял англо-французскую комиссию, посланную в Варшаве для руководства военными операциями. В 1923—1926 гг. британский посол в Берлине.

Давидсен, Герман (Davidsen; 1880—1964) — немецкий дипломат, доктор философии (1903). С 15 мая 1936 г. сотрудник 1-го (Британская империя) и 9а (Северная Америка) рефератов Торгово-политического отдела МИДа.

Давтян (Давыдов), Яков Христофорович (1888—1938) — советский дипломат. Уроженец Нахичевани. В 1932—1934 гг. полпред СССР в Греции. В 1934—1937 гг. полпред СССР в Польше. В 1937 г. отозван в Москву и арестован.

Даладье, Эдуард (Daladier; 1884—1970) — французский государственный и политический деятель. В 1933, 1934 и 1938 гг. премьер-министр Франции.

Данкворт, Вернер (Dankwort; 1895—1986) — немецкий дипломат, доктор права (1920); посол (1942). С 5 ноября 1931 г. сотрудник посольства в Берне. С 27 августа 1936 г. сотрудник консульства в Триесте. С 2 октября 1939 г. сотрудник посольства в Стокгольме.

Данчев — болгарский юрист. В годы Второй мировой войны начальник отдела прессы Министерства внутренних дел Болгарии. С 1941 г. агент оберфюрера СС Ф. Панцингера в Болгарии.

Даннекер, Теодор (Dannecker; 1913—1945) — сотрудник германской тайной политической полиции; гауптштурмфюрер СС. После оккупации Франции (1940) референт по делам евреев при командующем полиции безопасности и СД в Париже. В 1942 г. советник по еврейским делам в германском посольстве в Софии. В марте-апреле 1943 г. находился на оккупированной болгарскими войсками территории Греции и Югославии; предпринял попытку депортации евреев Фракии, Македонии и Старой Болгарии. В сентябре 1943 — январе 1944 г. участвовал в депортации итальянских и венгерских евреев. В декабре 1945 г. задержан американскими войсками; покончил жизнь самоубийством.

Дарани де Пустасендьёрд, Калман (Pusztaszentgyörgy et Tetétlen; ?—1939) — венгерский политический деятель. В 1937 г. министр внутренних дел. В марте 1938 г. заявил о необходимости масштабного перевооружения армии («Дьёрская программа»). В 1938—1939 г. спикер парламента.

Даскалов, Теодоси (1888—1945) — болгарский военный деятель, генерал-лейтенант. В 1932—1935 гг. военный атташе в Риме. Пользовался личным доверием царя Бориса III. С 1935 г. командовал различными гарнизонами в Болгарии. 24 января 1938 г. назначен военным министром. 12 апреля 1942 г. заменен генералом Н. Маховым. После прихода к власти 9 сентября 1944 г. правительства Отечественного фронта арестован.

Даугс — главный акционер финской фирмы «Тиккакоски».

Дауконтас (Daukantas) — литовский военный деятель; полковник (1926). Один из руководителей военного переворота в Литве 1926 г.

Дворсков — сотрудник советских органов безопасности; гв. капитан (1945). Следователь 4-го отдела Берлинского оперсектора НКВД СССР.

Дегрель, Леон (Degrelle; 1906—1994) — бельгийский политический деятель, коллаборационист; оберштурмбанфюрер СС (1945). В 1940 г. арестован бельгийскими властями как немецкий пособник. В 1941 г. добровольцем вступил в валлонский легион СС; участвовал в боях на советско-германском фронте. С февраля 1944 г. командир 5-й добровольческой штурмовой бригады СС «Валлония» (с октября того же года бригада была развернута в дивизию). После разгрома Германии бежал в Испанию.

Деканозов, Георгий Владимирович (1898—1953) — советский государственный деятель и дипломат. С мая 1939 г. заместитель наркома иностранных дел СССР. С 24 ноября 1940 г. по 22 июня 1941 гг. посол в Германии (с сохранением поста замнаркома иностранных дел). После объявления Германией войны СССР был интернирован и обменян на германского посла в Москве В. фон дер Шуленбурга на границе СССР и Турции.

Де Клерк, Густав Стаф (Clercq, наст. имя и фамилия Джером Густав Де Клерк; 1886—1942) — бельгийский (фландрский) политический деятель, националист и коллаборационист. В октябре 1933 г. создал и возглавил пронацистский Фламандский национальный союз (ФНС). Являлся платным агентом германской военной разведки (Абвера). После начала Второй мировой войны создал в бельгийской армии специальную организацию для ведения пораженческой пропаганды. В годы германской оккупации численность ФНС достигла 60 тыс. чел. Оставался во главе партии до своей смерти.

Дельп, Альфред (Delp; 1907—1945) — немецкий религиозный деятель, католик, иезуит. В 1937 г. посвящен в сан священника. Редактор известного католи-

ческого периодического журнала «Stimmen Der Zeit» (до запрета в 1941 г.). Участник движения Сопротивления. Член Крейсауского кружка, был близок к группе Мольтке.

Демидова, Капитолина Федоровна — сотрудник советских органов безопасности. Переводчик Следственного отделения Берлинского оперсектора НКВД СССР (1945).

Демидова Е. — сотрудник советских органов безопасности; переводчик (1948).

Де-Монти, Евгений (de-Monti; 1910?—?) — сотрудник берлинской киностудии «УФА». Хорват по национальности. В 1939 г. советник хорватской миссии в Берлине; в декабре того же года ушел с дипломатической службы. В годы Второй мировой войны работал кинорежиссером, одновременно являлся платным агентом «разведывательной службы Риббентропа» в Будапеште и Софии. В 1941 г. выехал в Будапешт для съемок фильмов. В Будапеште находился (с перерывами) до осени 1944 г., после этого вернулся в Берлин. В 1945 г. женился на Ирене фон Ляфферт, бывшей жене младшего сына известного немецкого промышленника Гуго Ситннеса — Отто Стиннеса. В марте 1945 г. вместе с женой уехал в Италию.

Деппе, Карл (Deppe; 1900—1943) — немецкий дипломат. С 12 марта 1930 г. шифровальщик политического отдела посольства, секретарь Консульского отдела, заведующий политическим архивом германского посольства в Москве. С 1940 г. консульский секретарь германского посольства в Токио.

Десслох, Отто (Dessloch; 1889—1977) — немецкий военный деятель; генерал-полковник авиации (1944).

Дёниц, Карл (Karl Dönitz; 1891—1980) — немецкий военный деятель; гросс-адмирал (1943).

Дёртенбах, Ульрих (Doertenbach; 1899—1958) — немецкий дипломат, доктор права (1922); посланник 1-го класса (1942). С 15 июня 1936 г. сотрудник 6-го реферата (Скандинавия) МИДа. С 9 ноября 1939 г. сотрудник посольства в Стокгольме. Член НСДАП (1940). С 15 марта 1940 г. сотрудник посольства в Риме. С 25 сентября 1943 г. сотрудник реферата 6а (Италия) Политического отдела МИДа.

Дёнхоф, Марион Эдда Ильза (Dönhoff; 1909—2002) — немецкая общественная деятельница, журналистка; аристократка, графиня. Одна из самых известных женщин-писательниц послевоенного периода в Германии; выступала за примирение между странами Восточного блока и Западом, лауреат премии мира от Германской книжной торговой палаты.

Дикхофф, Ганс Генрих (Dieckhoff; 1884—1952) — немецкий дипломат, доктор права (1906). В марте 1937 г. исполнял обязанности статс-секретаря Имперского МИДа. С 25 марта 1937 г. назначен послом в Вашингтон (США). Осенью 1939 г. страны «оси» отозвали своих послов, а исполнение их обязанностей возложили на поверенных в делах. Член НСДАП (1941). Официально оставался послом в США до объявления войны 11 декабря 1941 г. С 31 марта 1943 г. по 9 сентября 1944 гг. посол в Мадриде (Испания). С 25 сентября 1944 г. служил в личном штабе министра иностранных дел.

Димитров, Стефан Тодоров (Станке Димитров) (1889—1944) — болгарский политический деятель, антифашист. В 1941—1944 гг. автор, редактор и диктор радиостанции «Народный голос»; член Политбюро и секретарь ЦК БКП.

Димитров, Георги Михайлов (1882—1949) — болгарский политический деятель; коммунист. Арестован нацистами по обвинению в причастности к поджогу Рейхстага 27 февраля 1933 г., однако на Лейпцигском процессе (сентябрь—октябрь 1933 г.) был оправдан. 27 февраля 1934 г. прибыл в СССР. В 1935 г. избран генеральным секретарем Исполкома Коминтерна. В 1942 г. поставлен во главе созданного под контролем Москвы Отечественного фронта Болгарии.

После того как Красная Армия освободила территорию Болгарии от германских войск, в ноябре 1945 г., вернулся на родину. С 6 ноября 1946 г. председатель Совета министров. С декабря 1947 г. и до смерти генеральный секретарь ЦК БКП.

Димке, Вилли (Diemke; 1911—?) — немецкий дипломат, доктор философии (1934); легационный секретарь (1939). С 15 декабря 1939 по март 1943 г. сотрудник германского посольства в Анкаре (Турция). С 5 марта 1943 г. на военной службе; лейтенант резерва. С 8 ноября 1943 г. вновь работал в МИД Германии; сотрудник Информационного отдела. В 1945—1947 гг. интернирован союзниками.

Динстман, Карл (Dienstmann; 1885—1962) — немецкий государственный деятель, дипломат; доктор права (1919). С мая 1940 по июнь 1941 г. генеральный консул в Ленинграде. С июля 1941 по май 1943 г. сотрудник Отдела личного состава МИДа. С мая 1943 г. генеральный консул в Цюрихе.

Дирксен, Герберт фон (von Dirksen; 1882—1955) — германский дипломат, доктор права (1903). С 28 ноября 1928 г. германский посол в Москве. С 31 августа 1933 г. германский посол в Токио. С 31 марта 1938 г. германский посол в Лондоне. После начала Второй мировой войны вернулся в Германию. 30 января 1940 г. вышел в отставку.

Дитль, Альберт (Dietl; 1902—1946) — немецкий военный деятель, дипломат; полковник Генштаба. Уроженец мест. Хунд-Хан (Верхняя Бавария). В 1941—1942 гг. начальник Оперативного отдела (Ia) штаба 183-й пехотной дивизии. С июня по сентябрь 1943 г. начальник штаба группы оккупационных войск «Южная Греция» (Афины). С сентября 1943 г. начальник штаба 22-го горного корпуса в Северной Греции. С 15 июня по 22 августа 1944 г. начальник штаба германской военной миссии в Румынии. В августе 1944 г. взят в плен румынскими войсками, затем передан советским властям и доставлен в Москву. С 8 сентября 1944 г. содержался в Лефортовской тюрьме. По постановлению ОС при МГБ СССР от 21 июля 1948 г. «за участие в массовом истреблении гражданского населения на территории СССР, временно оккупированной немецкими войсками» на основании ст. II Контрольного Совета в Германии заключен в тюрьму сроком на 25 лет. 4 августа 1948 г. прибыл во Владимирскую тюрьму МВД СССР. 5 августа 1948 г. в связи с ухудшением здоровья был переведен в тюремную больницу, 12 августа того же года состояние больного резко ухудшилось и он, не приходя в сознание, скончался. Смерть наступила в результате «нарастания сердечной слабости на почве диабета (диабетической комы)». Сведений о месте захоронения не имеется. По заключению ГВП от 7 июня 1995 г. реабилитирован.

Дитль, Эдуард (Dietl; 1890—1944) — немецкий военный деятель; генерал-полковник (1942).

Джелил, Абдул Латиф Абдул — кувейтский политический деятель, шейх. Директор саудовско-арабской школы в Эр-Риаде. Сотрудничал с германским МИДом (агент Ф. Гроббы).

Дольфус, Энгельберт (Dollfuß; 1892—1934) — австрийский государственный деятель. 13 мая 1932 г. избран федеральным канцлером и министром иностранных дел Австрии. В 1933 г. ввел запрет на деятельность австрийской нацистской партии. Убит в Вене во время нацистского путча.

Домбровский — в годы Первой мировой войны агент капитана Ганса Штейнвакса в Румынии.

Домвилль, Барри Эдвард (Domvile; 1878—1971) — британский военный деятель, сэр; адмирал. В 1927—1930 гг. директор военно-морской разведки. В 1932—1934 гг. президент Королевского военно-морского колледжа. В 1935 г. посетил нацистскую Германию. Член Совета «Англо-германского товарищества». После начала Второй мировой войны был интернирован (с 7 июля 1940 г. по 29 июля 1943 г.) за пронацистские взгляды. После освобождения занимался мемуаристикой.

Доннер, Кай (Карл) Рейнхольд (Donner; 1888—1935) — финский политический деятель, лингвист и этнограф. В годы Первой мировой войны один из инициаторов набора студентов для прохождения военной подготовки в Германии и активистов егерского движения. После окончания гражданской войны в Финляндии принял участие в военном походе в Восточную Карелию. В 1918 г. член т.н. «Финского комитета». С 1924 г. доцент кафедры уральских языков университета Хельсинки.

Дорпмюллер, Юлиус Генрих (Dorpmüller; 1869—1945) — немецкий государственный деятель. С 2 февраля 1937 г. имперский министр транспорта и председатель Административного совета имперских автобанов. В мае 1945 г. занимал пост министра транспорта и связи в правительстве К. Деница.

Драгалина, Корнелиу (Dragalina; 1887—1949) — румынский военный деятель; корпусной генерал. С января 1940 по март 1943 г. командир XI армейского корпуса, участник боев на советско-германском фронте. В 1943—1944 гг. генерал-губернатор оккупированной Румынией Буковины. В 1945 г. вышел в отставку.

Драгалов — в годы Второй мировой войны начальник болгарской полиции.

Драганов, Първан (1890—1945) — болгарский военный и государственный деятель, дипломат. В 1932—1934 гг. военный атташе в Берлине. Затем начальник штаба 4-й военно-инспекционной области и начальник Учебного отдела штаба болгарской армии. В 1935 г вышел в отставку, советник болгарского посольства в Париже, затем полномочный представитель (министр) болгарского посольства в Вене (1936—1938) и Берлине (1938—1942). В 1942—1944 гг. полномочный представитель (министр) болгарского посольства в Мадриде. С 1 июня до 2 сентября 1944 г. министр внутренних дел в кабинете И. Багрянова.

Друффель, Эрнст фон (von Druffel; 1887—1961) — немецкий дипломат, доктор философии (1914); консул 1-го класса (1931). С 20 июля 1939 г. генеральный консул в Триесте. С 22 мая 1943 г. работал в МИДе.

Дубовой, Иван Наумович (1896—1938) — советский военный деятель; командарм 2-го ранга. С декабря 1934 г. заместитель командующего войсками Уральского ВО. С мая 1935 г. командующий войсками Харьковского ВО.

Дуглас-Гамильтон, Дуглас (Douglas-Hamilton; 1903—1973) — британский военный и государственный деятель; герцог Гамильтон и Брендон (14-й в первой семье и 11-й во второй), до 1940 г. барон Клайдесдейл; командор авиации. В 1941 г. командир базы ВВС Тернхауз (Шотландия). Друг Альбрехта Хаусхофера, сына профессора Карла Хаусхофера. Рудольф Гесс рассчитывал встретиться с герцогом Гамильтоном 10 мая 1941 г. после своего перелета в Шотландию.

Дуквиц, Альберт (Duckwitz; 1893—1959) — немецкий дипломат; консул 2-го класса (1938). С 18 января 1923 г. сотрудник посольства в Мадриде. С 24 февраля 1926 г. сотрудник посольства в Хельсинки. С 10 марта 1928 г. сотрудник посольства в Ревеле. С 25 апреля 1934 г. сотрудник посольства в Копенгагене. Член НСДАП (1935). С 11 ноября 1937 г. сотрудник консульства в Базеле.

Дыбенко, Павел Ефимович (1889—1938) — советский военный деятель; командарм 2-го ранга (1935). С мая 1937 г. командующий войсками Сибирского ВО. С июня 1937 г. командующий войсками Ленинградского ВО. С января 1938 г. в распоряжении ЦК ВКП(б); управляющий трестом «Камлессплав».

Дьячков — сотрудник советских органов безопасности; гвардии майор (1946).

Дюмонт (Дю Монт), Карл (Dumont; 1884—1961) — немецкий дипломат, доктор права (1911). С декабря 1934 г. сотрудник 2-го отдела (Западная и Южная Европа) МИДа, референт по Испании и Португалии.

Евдоксия (1898—1985) — принцесса Болгарская, сестра царя Болгарии Бориса III. Дочь царя Фердинанда Болгарского и его первой жены — принцессы Марии Луизы Бурбон-Пармской. После 9 сентября 1944 г. арестована, затем покинула страну с остальными членами царской семьи.

Егоров, Александр Ильич (1885—1939) — советский военный деятель; Маршал Советского Союза (1935). С мая 1937 г. 1-й заместитель наркома обороны СССР. В январе-феврале 1938 г. командующий войсками и член Военного совета Закавказского ВО.

Егорова — сотрудник советских органов безопасности; младший лейтенант (1951). Переводчик 2-го Главного управления МГБ СССР.

Ежов, Николай Иванович (1895—1940) — советский государственный и политический деятель; генеральный комиссар госбезопасности (1937). Председатель Комитета партийного контроля (КПК) и секретарь ЦК ВКП(б) (1935—1939).

Еккер — радист германского посольства в Софии.

Елена (1909—1991) — принцесса Румынская; младшая дочь короля Фердинанда I и королевы Марии, сестра румынского короля Кароля II. В июле 1931 г. вышла замуж за герцога Антона Австрийского.

Елена (Елена Петрович-Негош) 1873—1952) — урожденная принцесса Черногорская; королева Италии и Албании, императрица Эфиопии. В 1896 г. вышла замуж за будущего короля Италии Виктора Эммануила III. Чтобы вступить в брак, перешла из православия в католичество.

Ельт — финский политический деятель. В 1918 г. член т.н. «Финского комитета».

Енке, Альберт (Jenke; 1888—1951) — немецкий дипломат. 26 августа 1922 г. женился на сестре Й. фон Риббентропа — Ингебор Риббентроп. Член НСДАП (1933). С 26 сентября 1939 г. по 2 августа 1944 г. сотрудник германского посольства в Анкаре.

Ешоннек, Ганс (Jeschonnek; 1899—1943) — немецкий военный деятель, генерал-полковник люфтваффе (1942).

Жалкаускас, Каролис (1892—1961) — литовский военный, государственный и общественный деятель, юрист. С 4 августа 1926 г. по 1 сентября 1929 г. губернатор Клайпедского края. С 1938 г. председатель Каунасского окружного суда, член «Ротари-клуба», член совещательного совета Европейской ложи «Ротари-клуба».

Жеков, Никола Тодоров (1864—1948) — болгарский военный деятель; генерал пехоты (1936). В 1921 г. вернулся в Болгарию, был арестован и осужден на 10 лет «как один из виновников национальной катастрофы»; через три года амнистирован. В 1930—1940-х гг. выступал за поддержку профашистских сил, имел личные встречи с А. Гитлером. В 1944 г. эмигрировал в Германию.

Жиро, Анри Оноре (Giraud; 1879—1949) — французский политический и военный деятель; армейский генерал. В мае 1940 г. попал в немецкий плен, откуда в апреле 1942 г. бежал в неоккупированную зону Франции. После высадки англо-американских войск в Северной Африке 17 ноября 1942 г. был назначен командующим французскими войсками. С декабря 1942 г. глава французской военной и гражданской администрации в Северной Африке.

Зам — сотрудник германского посольства в Москве; шифровальщик посольства (до 22 июня 1941 г.).

Заниус, Довас (Zanius; 1892—1940) — литовский государственный деятель, юрист. С 1925 г. литовский представитель в Лиге Наций и Швейцарской конфедерации. В 1929—1934 гг. министр иностранных дел. В 1934—1936 гг. работал в Государственном Совете Литвы. С 1936 г. до своей смерти член Совета Банка Литвы.

Заукен, Ганс фон — немецкий дипломат. До осени 1937 г. консул во Владивостоке.

Зауэр — аргентинский дипломат. В годы Второй мировой войны аргентинский консул в Софии.

Захаров — сотрудник советских органов безопасности; полковник (1945). Заместитель начальника оперсектора федеральной земли Тюрингия.

Захир-Шах, Мухаммед (1914—2007) — король (падишах) Афганистана (8 ноября 1933 г. — 17 июля 1973 гг.).

Зейдлиц-Курцбах, Вальтер фон (von Zeidlitz-Kurtzbach; 1888—1976) — немецкий военачальник; генерал артиллерии (1942).

Зейдель, Ганс (Seydel; 1906?—?) — немецкий дипломат; доктор права. В 1942 г. вице-консул в Тетуане (Марокко), работал в «Штабе фон Гробба»; одновременно являлся агентом «разведывательной службы Риббентропа».

Зеланд, Поль ван (van Zeeland; 1893—1973) — бельгийский государственный и политический деятель. Член Католической партии. С 25 марта 1935 г. по 24 ноября 1937 г. глава кабинета министров Бельгии.

Зильберштейн (Silberstein) — румынский эмигрант. Один из руководителей сионистского движения в Швейцарии.

Зольф, Вильгельм Генрих (Solf; 1862—1936) — немецкий дипломат и государственный деятель, участник немецкого движения Сопротивления; доктор богословия (1930). В 1920—1928 гг. посол в Токио, содействовал политическому и культурному германо-японскому сближению. С 1923 г. дуайен дипломатического корпуса в Токио. После возвращения на родину стал убежденным противником нацизма. Место кончины неизвестно.

Зоммер (Соммер), Рихард (Sommer) — немецкий дипломат. В 1937 г. генеральный консул в Ленинграде.

Зоннлейтнер, Франц Эльдер фон (von Sonnleithner; 1905—1981) — немецкий государственный деятель, юрист; дипломат, посланник 1-го класса. Служил комиссаром полиции в Вене и Зальцбурге, позднее работал в ведомстве федерального канцлера в Вене. В 1936 г. арестован за пронацистские симпатии, оставался в тюрьме до аншлюса (12 марта 1938 г.). Поступил на службу в германский МИД, являлся сотрудником личного штаба И. фон Риббентропа. Исполнял обязанности представителя МИДа при штаб-квартире фюрера. 20 июля 1944 г. присутствовал на совещании в ставке (Растенбург) в момент покушения на А. Гитлера. В апреле 1945 г. арестован американцами и до 1948 г. содержался в лагере для интернированных.

Зуйков — сотрудник советских органов безопасности. Начальник Следственного отделения ОКР «Смерш» войсковой части 19206.

Зюринг, Отто (Zoehring; 1877—1945) — немецкий дипломат, доктор философии и филологии. В 1941—1943 гг. заместитель имперского уполномоченного по делам Дании.

Ибн Сауд, Абд аль-Азиз (1880—1953) — король Саудовской Аравии, сын Абдуррахмана, султана Неджда. В 1927 г. провозглашен королем Хиджаза, Неджда и присоединенных областей (с 1932 г. — Саудовская Аравия).

Ибрагим Агдам, Ваджид — участник военного переворота Рашида Али эль-Гайлани.

Ивакин — сотрудник советских органов безопасности; лейтенант, переводчик.

Иванов — сотрудник советских органов безопасности; майор (1951). Начальник Следственного отдела 2-го Главного управления МГБ СССР.

Иден, Энтони (Eden; 1897—1977) — британский государственный деятель и дипломат, сэр; 1-й граф Эйвонский. Один из лидеров Консервативной партии. В 1935—1938 гг. министр иностранных дел. В 1939—1940 гг. министр по делам доминионов. В 1940 г. военный министр и в 1940—1945 гг. министр иностранных дел в коалиционном правительстве Черчилля.

Идрис I (полное имя Мухаммед Идрис аль-Махди ас-Сенуси; 1890—1983) — король Ливии (декабрь 1951 — сентябрь 1969 г.).

Илларионова А. — сотрудник советских органов безопасности; переводчик.

Имам, Саид — сирийский врач-дантист. Агент германской военной разведки.

Имреди де Оморавица, Бела (Imrédy de Ómoravicza; 1891—1946) — венгерский политический деятель и финансист. В 1932—1934 гг. министр финансов. В 1935—1938 гг. управляющий Национальным банком. В 1938—1939 гг. премьер-министр. В 1940 г. создал партию «Венгерское обновление» и являлся ее руководителем до освобождения страны войсками Красной Армии. В 1941 г. министр без портфеля.

Инёню, Исмет (Inonu; 1884—1973) — турецкий государственный деятель. Участник Первой мировой войны. В 1927—1925 гг. премьер-министр Турции. После смерти Ататюрка (10 ноября 1938 г.) избран президентом Турецкой республики и председателем Народно-республиканской партии (НРП).

Инитцер, Теодор (Innitzer; 1875—1955) — австрийский религиозный деятель, доктор теологии (1906); кардинал (1933). С 1932 г. архиепископ Вены.

Иовкин — сотрудник советских органов безопасности; переводчик.

Ионеску, Константин (Ionascu; 1890—1969) — румынский политический и военный деятель; генерал.

Ионицу, Александр (Ioaniţiu; 1890—1941) — румынский политический и военный деятель; генерал бригады. В 1939—1941 гг. начальник Военной академии в Бухаресте.

Иостинг — немецкий предприниматель. Представитель фирмы «АГФА» в Бразилии.

Иоффе, Абрам Федорович (1880—1960) — российский советский физик, академик (1920), вице-президент АН СССР (1942—1945). Создатель научной школы, давшей многих выдающихся советских физиков.

Иппо, Борис Михайлович (1898—1937) — советский военный деятель; армейский комиссар 2-го ранга. В 1932—1937 гг. начальник Военно-политической академии им. Н.Г. Толмачева.

Исаак, Маргарита — сотрудница германского посольства в Москве; стенографистка.

Йодль, Альфред Йозеф Фердинанд (Jodl; 1890—1946) — немецкий военный деятель; генерал-полковник (1944).

Йодль, Фердинанд (Jodl; 1896—1956) — немецкий военный деятель; генерал горных войск (1944).

Йордан, Юлиус (Jordan) — немецкий партийный деятель и ученый, профессор археологии. В 1930-х гг. ортсгруппенляйтер НСДАП в Багдаде.

Кайзер, Отто (Kayser; 1894—?) — сотрудник германского посольства в Москве. С 31 июля 1935 г. переводчик советника Вернера фон Типпельскирха.

Кайзер, Хуго фон (von Kayser; 1873—1949) — немецкий военный деятель; генерал кавалерии.

Калотеску, Корнелиу (Calotescu; 1879—1959) — румынский военный и государственный деятель; дивизионный генерал. В 1940—1941 гг. генеральный секретарь Государственного секретариата сухопутных войск. С конца сентября 1941 г. губернатор Буковины, затем генерал-губернатор оккупированных областей. С 1943 г. командир 3-й дивизии.

Кальтенборн-Штахау, фон (von Kaltenborn-Stachau) — офицер германской армии; капитан.

Кальтенбруннер, Эрнст (Kaltenbrunner; 1903—1946) — немецкий государственный деятель; один из руководителей германских карательных органов; обергруппенфюрер СС и генерал полиции (1943), генерал войск СС (1944).

Каменев, Лев Борисович (наст. фамилия Розенфельд; 1883—1936) — советский государственный и политический деятель. После февраля 1917 г. один из

редакторов газеты «Правда», с апреля того же года член ЦК РСДРП(б), Исполкома Петросовета, ЦИК 1-го созыва. С марта 1918 г. председатель Моссовета. В 1923—1926 гг. директор Института им. В.И. Ленина.

Кампенхауз, Леон — в годы Первой мировой войны агент германской военной разведки в Швеции капитана Ганса Штейнвакса.

Канарис, Фридрих Вильгельм (Canaris; 1887—1945) — один из руководителей германской военной разведки; с 1 января 1935 г. до 11 февраля 1944 г. начальник Управления разведки и контрразведки ОКВ (Абвера); адмирал.

Кандаржиев, Асен — болгарский политический деятель. Один из создателей профашистской организации «Ратники».

Канделаки, Давид Владимирович (1895—1938) — советский государственный деятель, дипломат. В 1935—1937 гг. торгпред СССР в Германии, затем переведен в Москву на пост заместителя Наркомвнешторга СССР.

Кантакузино, Матей Гика (Cantacuzino) — офицер румынских военно-воздушных сил; капитан. Будучи недовольным политическим курсом правительства И. Антонеску, 17 июня 1944 г. на румынском военном самолете немецкого производства «Хе-111» с аэродрома близ г. Браила перелетел в Сирию на сторону англичан. Предложил себя в качестве посредника при переговорах английских представителей с проанглийски настроенными румынскими кругами с целью выхода Румынии из войны. На борту самолета также находился румынский промышленник Макс Аушнитт, переодетый в форму майора румынских ВВС, и инженер-нефтяник Хурмузеску.

Капп, Вольфанг (Kapp; 1858—1922) — немецкий чиновник. Уроженец Нью-Йорка. В ночь с 12 на 13 марта 1920 г. вместе с генералом Вальтером фон Люттвицем при поддержке генерала Эриха Людендорфа с помощью морской бригады Эрхарда возглавлял путч в Берлине против Веймарской республики.

Капп, Карл (Kapp; 1889—1947) — немецкий дипломат. С 1 октября 1941 г. сотрудник Информационного отдела МИДа Германии. С 30 июня 1943 г. по 20 января 1944 г. генеральный консул в Софии. С 2 февраля 1944 г. работал в VII (Восточном реферате) МИДа Германии.

Капп, Неле (Kapp; 1919—?) — дочерь германского консула в Софии Карла Каппа.

Карахан (Караханян), Лев Михайлович (1889—1937) — советский государственный и партийный деятель, дипломат. В 1926—1934 гг. заместитель наркома иностранных дел СССР. С 1934 г. полпред СССР в Турции.

Карпинский, Александр Петрович (1846(1847)—1936) — русский советский геолог, академик. С мая 1917 г. первый выборный президент Российской академии наук, с июля 1925 г. — Академии наук СССР.

Карр — комиссар по уголовным делам от государственной полиции; сотрудник бюро атташе полиции безопасности и СД штурмбанфюрера СС Г. Рихтера в Бухаресте.

Карский, Михаил Андреевич (наст. имя Мечислав Брониславович Краковский; 1900—1937) — советский дипломат. С декабря 1930 по ноябрь 1936 г. полпред НКИД в Литве. С декабря 1936 по май 1937 г. заведующий 1-м Западным отделом НКИД СССР. В мае 1937 г. назначен полпредом СССР в Турции, затем был отозван в Москву.

Карстенс — сотрудник VI Управления РСХА; оберштурмфюрер СС. В годы Второй мировой войны помощник штурмбанфюрера А. Бросса в Хельсинки.

Картаджи(у), Марсела (Cartagi; 1900—1944?) — содержательница известного пансионата в курортном местечке Синае (Румыния). Дочь бывшего румынского посла в Бельгии и маршала королевского двора Генри Картаджи.

Карташов, Сергей Николаевич (1914—1979) — сотрудник советских органов безопасности; полковник (1943). С 29 апреля 1943 г. по 27 мая 1946 г. начальник

2-го отдела ГУКР «Смерш» НКО СССР. С 7 августа 1946 г. по 22 ноября 1948 г. начальник 4-го отдела 3-го Главного управления МГБ СССР.

Кастнер, Ганс (Kastner; 1892—1954) — немецкий дипломат. С 13 января 1929 г. по 26 мая 1930 г. сотрудник германского МИДа. С 17 января 1931 г. по 9 июля 1932 г. сотрудник германского посольства в Москве; с 17 марта по 26 мая 1932 г. в консульстве в Тифлисе. С 23 июня 1932 г. по 5 января 1935 г. генеральный консул во Владивостоке. С 7 января 1935 г. по 10 июня 1937 г. консул в Линце. Затем работал в Протокольном отделе германского МИДа. 20 апреля 1944 г. вышел в отставку.

Кастнер, Рудольф Исраэль (Kastner; 1906—1957) — венгерский общественный деятель, один из руководителей сионистского движения в Венгрии. В 1943—1945 гг. участвовал в деятельности Венгерской сионистской организации. Один из руководителей венгерского «Комитета помощи и спасения»; вел переговоры с оберштурмбанфюрером СС А. Эйхманом о выкупе евреев и о получении разрешения на выезд евреев с оккупированных территорий в нейтральные страны в обмен на поставку 10 000 грузовиков с продуктами для германской армии (т.н. акция «Кровь на товары»), однако соглашение не было подписано. В начале 1945 г. вместе со штандартенфюрером СС Куртом Бехером, комиссаром по концентрационным лагерям, посетил Германию. После войны занимался политической деятельностью в Израиле. Обвинен израильским журналистом Мальхиэлем Грюнвальдом в коллаборационизме и подвергнут судебному разбирательству.

Каукджи, Фаузи эль (1896—1977) — сирийский военный и политический деятель; полковник. В 1930 г. назначен на пост военного министра Саудовской Аравии. В 1933 г. переехал в Сирию, где до 1936 г. работал преподавателем тактики, топографии и кавалерийского дела в военной школе. Весной 1936 г. оставил службу в иракской армии и выехал в Палестину. В 1936—1939 гг. один из организаторов антианглийского восстания в Палестине. В июле 1941 г. в боях на Евфратском направлении тяжело ранен и доставлен для лечения в Берлин. В Германии проживал под именем «Неджет Мунир» и работал журналистом в газете «Арабское ревю». До капитуляции Германии находился в Берлине, затем выехал на Ближний Восток.

Каутский, Карл (Kautsky; 1854—1938) — немецкий экономист, историк и публицист. Уроженец Праги. Теоретик классического марксизма.

Каше, Зигфрид (Kasche; 1903—1947) — немецкий партийный деятель и дипломат; посланник 1-го класса, обергруппенфюрер СА. С 17 апреля 1941 г. до мая 1945 г. посланник в Загребе.

Кватли, Хукри — сирийский государственный деятель. Был министром иностранных дел и министром финансов. В конце 1930-х — начале 1940-х гг. руководитель блока сирийских националистов. Секретарь Великого иерусалимского муфтия.

Кейтель, Вильгельм Бодевин Густав (Keitel; 1882—1946) — немецкий военный деятель; генерал-фельдмаршал (1940).

Кейсмент, Роджер Дэвид (Casement; 1864—1916) — ирландский революционер и поэт, националист (с 1911 г. — сэр Роджер Кейсмент).

Кекони — финский военный деятель; генерал-майор. В годы Второй мировой войны — офицер связи от ставки Маннергейма к финскому правительству.

Келлер, Фридрих Август Вильгельм фон (von Keller; 1873—1960) — немецкий государственный деятель; дипломат. В январе-октябре 1932 г. представитель Германии в Лиге Наций в Женеве. 24 августа 1935 г. по 21 ноября 1938 г. посол в Турции; когда стало ясно, что Турция не присоединится к германо-итальянскому пакту, отозван и уволен в отставку. В апреле 1939 г. на его место прибыл бывший вице-канцлер Ф. фон Папен.

Келлог, Франк Биллингс (Kellog; 1856—1937) — американский государственный деятель, дипломат. С 1925 г. государственный секретарь США; на этом посту

прославился подписанием Пакта Бриана—Келлога, за что в 1929 г. удостоен Нобелевской премии мира.

Кемаль, Васиф — арабский политический деятель; националист.

Кемаль-паша, Мустафа (Mustafa Kemal Pasha; 1881—1938) — турецкий военный и государственный деятель, первый президент Турции (1924—1938); получил почетный титул Кемаль Ататюрк («Отец турок»).

Кемпфе, Александр (Kaempfe; 1890—1974) — немецкий дипломат. С 7 июня 1922 г. по 22 июня 1941 г. сотрудник отдела Прессы германского посольства в Москве; вел картотеку на видных советских политических, партийных и хозяйственных деятелей. Член НСДАП (1936). С сентября 1941 г. работал в МИДе Германии. В июне 1941 г. вместе с сотрудниками германского посольства в Москве эвакуировался в Турцию. По возвращении в Берлин до капитуляции Германии работал научным сотрудником реферата «Поль V» Политического отдела МИД Германии. После войны преподавал в вузах Германии.

Кенигседер — сотрудник германского посольства в Москве (до 22 июня 1941 г.).

Кеплер, Вильгельм Карл (Keppler; 1882—1960) — немецкий государственный деятель, промышленник и дипломат. В 1936 г. стал советником Г. Геринга по вопросам четырехлетнего плана. Участвовал в подготовке и осуществлении аншлюса Австрии (1938); затем назначен на пост рейхскомиссара Вены. После начала Второй мировой войны работал в МИДе. Руководил предприятиями и фондами в подчинении СС. После поражения нацистской Германии был приговорен к 10 годам заключения.

Керестеш-Фишер, Лайош (Keresztes-Fischer; 1884—1948) — венгерский военный деятель; генерал-полковник. Участник Первой мировой войны. В 1933—1935 гг. заместитель начальника Генерального штаба венгерской армии; одновременно с 1933 г. адъютант М. Хорти (до 1941 г.). В 1935—1942 гг. начальник военной канцелярии М. Хорти, затем министр внутренних дел. После свержения Хорти германскими войсками и прихода к власти Ф. Салаши в числе других сторонников Хорти арестован гестапо и заключен в концлагерь Бухенвальд. В 1945 г. освобожден.

Керр, Филипп Генри (Kerr; 1882—1940) — британский государственный деятель, 11-й маркиз Лотиан (Лосиан); лорд. Журналист, занимался издательской деятельностью в Южной Африке. В 1916—1921 гг. секретарь премьер-министра Д. Ллойд Джорджа. С апреля 1939 г. посол Великобритании в США.

Кессельринг, Альберт (Kesselring; 1885—1960) — немецкий военный деятель, один из руководителей люфтваффе; генерал-фельдмаршал (1940).

Кёсеиванов, Георгий Иванов (1884—1960) — болгарский политический деятель и дипломат. В 1934—1935 гг. начальник Канцелярии царя Бориса III, затем министр иностранных дел, с 23 ноября 1935 г. по 16 февраля 1940 г. премьер-министр. С конца 1940 по 1944 г. полномочный посол в Швейцарии.

Кёстринг, Эрнст Август (Köstring; 1876—1953) — немецкий военный деятель; генерал кавалерии (1940). С 1 февраля по 30 сентября 1931 г. военный атташе при германском посольстве в Москве, затем был отозван и вышел в отставку. После преобразования рейхсвера в вермахт в 1935 г. вновь принят на службу и назначен военным атташе в Москве и Вильнюсе. В августе 1941 г. отозван в Германию. 1 сентября 1942 г. назначен уполномоченным по вопросам народов Кавказа при командовании группы армий «А»; развернул формирование «туземных» (в т.ч. казачьих) частей вермахта. С апреля 1943 г. отозван в Берлин и с июня того же года назначен инспектором соединений народов Кавказа. С января 1944 г. генерал по добровольческим соединениям.

Киллингер, Манфред Фрейхерр фон (von Killinger; 1886—1944) — дипломат и партийный деятель, барон; обергруппенфюрер СА. С 1935 г. на дипломатичес-

кой службе. В 1936—1938 гг. генеральный консул в Сан-Франциско. В 1938—1940 гг. в центральном аппарате Имперского министерства иностранных дел. С 1940 г. посланник в Братиславе (Словакия). С 1941 г. посол в Бухаресте (Румыния). Покончил жизнь самоубийством.

Кинетц — немецкий офицер; капитан 1-го ранга. В годы Второй мировой войны адъютант военно-морского атташе в Хельсинки.

Кинцель, Эберхард (Kinzel; 1897—1945) — немецкий военный деятель; генерал пехоты (1945).

Кирилл Болгарский, Генрих Франц Людвиг Антон Карл Филипп (1895—1945) — болгарский государственный деятель, князь Преславский принц Саксен-Кобург-Готский и герцог Саксонский; генерал-лейтенант болгарской армии и адмирал германского флота (1917). С 3 октября 1918 г. до 16 июня 1937 г. престолонаследник болгарского трона. После кончины царя Бориса III 28 августа 1943 г. стал председателем Регентского совета при малолетнем царе Симеоне II.

Киров, Сергей Миронович (наст. фамилия Костриков; 1886—1934) — советский государственный и политический деятель. Первый секретарь Ленинградского обкома ВКП(б) и член Политбюро ЦК ВКП(б). Убит в Ленинграде.

Кит-Роч (Keath-Roach) — британский государственный деятель. В конце 1920-х гг. английский губернатор Иерусалима.

Киттингер — сотрудник германского посольства в Москве (до 22 июня 1941 г.).

Кичигин — сотрудник советских органов безопасности; майор (1951). Начальник отделения Следственного отдела 2-го Главного управления МГБ СССР.

Кичман, Хорст (Kitschmann; 1895—?) — немецкий военный деятель; полковник. Уроженец г. Граудениц (Западная Пруссия). Из семьи учителя. На службе в германской армии с 1914 г. Участник Первой мировой войны; в 1915 г. лейтенант 2-й запасной пулеметной роты 1-го батальона 35-го полка 56-й пехотной дивизии. После демобилизации армии остался в рейхсвере. В 1936—1938 гг. помощник военного атташе в Лондоне генерала Л. Гайер фон Швеппенбурга. Участник Польской и Французской кампаний, командир разведывательного отделения 2-й танковой дивизии. С января по май 1941 г. командир 202-го танкового полка танковой бригады «Париж», с мая в отделе атташе ОКВ. С октября 1941 по февраль 1942 г. заместитель, затем до сентября 1944 гг. военный атташе в Финляндии и Швеции (по совместительству). С 1 апреля 1945 г. уволен со службы в связи с болезнью. Задержан 24 мая 1945 г. в г. Путбус (остров Рюген) сотрудниками военной контрразведки «Смерш» 2-й Ударной армии. Арестован 15 июня 1945 г. органами УКР «Смерш» ГСОВ; 20 июня того же года доставлен в Москву в распоряжение ГУКР «Смерш» НКО СССР. По обвинению в совершении преступлений, предусмотренных п. 1-А ст. II Закона № 10 Контрольного Совета в Германии, постановлением Особого совещания при МГБ СССР от 22 сентября 1951 г. «за разведывательную деятельность и активное участие в войне против СССР» заключен в тюрьму сроком на 25 лет с конфискацией имущества. 14 сентября 1955 г. досрочно освобожден и репатриирован на родину. Постановлением президиума № 47-н 4-го окружного военного суда (Москва) от 31 августа 2001 г. решение Особого совещания при МГБ СССР от 22 сентября 1951 года отменено, а уголовное дело прекращено «за отсутствием в его деяниях состава преступления».

Клейбер, Манфред (Klaiber; 1903—1981) — немецкий дипломат. Член НСДАП (1934). С 24 октября 1938 г. по 23 ноября 1942 г. советник при германском посольстве в Анкаре.

Клейн, Вильгельм (Klein; 1891—1964) — немецкий дипломат, журналист, доктор философии (1924). С 1 апреля 1934 г. корреспондент ДНБ в Париже, одновременно работал в пресс-службе германского посольства в Париже. С 1 января 1934 г. по 10 мая 1940 г. корреспондент ДНБ в Брюсселе, одновременно с

1 апреля 1936 г. по 14 октября 1938 г. работал в пресс-службе германского посольства в Брюсселе. С 19 октября 1940 г. по 7 сентября 1944 г. пресс-референт германского посольства в Лиссабоне.

Клейст, Бруно Петер (Kleist; 1904—1971) — немецкий дипломат и журналист; специалист по Востоку; оберштурмбанфюрер СС. В 1939 г. советник германского посольства в Варшаве. С августа 1940 г. эксперт по Востоку в германском МИДе, сотрудник «бюро Риббентропа»; эксперт НСДАП по восточным проблемам. В 1941—1945 гг. руководитель отдела «Остланд» Министерства оккупированных восточных территорий. Затем офицер связи при группе армий «Север».

Клейст, Пауль Людвиг Эвальд фон (von Kleist; 1881—1954) — немецкий военный деятель; генерал-фельдмаршал (1943).

Клемм фон Хоенберг, Карл — немецкий коммерсант. В годы Второй мировой войны служил советником посольства в Риме, одновременно являлся агентом «разведывательной службы Риббентропа» в Риме.

Клепов, Сергей Алексеевич (1900—1972) — советский военный деятель; генерал-майор (1945). В июле-сентябре 1941 г. начальник УНКВД Смоленской области, затем начальник ОББ НКВД СССР. С июня 1942 г. начальник УНКВД Орджоникидзевского края, с декабря заместитель начальника 2-го Управления НКВД СССР. С мая 1943 г. заместитель начальника 3-го Управления НКГБ СССР. В июне 1945 — январе 1948 г. начальник оперсектора НКВД—МВД—МГБ земли Саксония.

Клёкер — немецкий дипломат. До 1939 г. помощник канцлера германской миссии в Катовицах (Польше).

Климас, Пятрас (Klimas; 1891—1969) — литовский дипломат и историк. В 1918 г. участвовал в подписании Акта Независимости Литвы. Затем находился на дипломатической службе во Франции, Бельгии, Испании, Португалии и Люксембурге. В 1940 г. служил в дипломатической миссии в Париже. В 1942 г. во Франции был арестован нацистами и до 1943 г. содержался в концлагере, затем вернулся в Литву.

Клодиус, Доротея (Clodius, урожд. Нусбаум; 1895—?) — супруга К. Клодиуса (с 1939 г.).

Клодиус, Карл (Clodius; 1897—15.01.1952) — немецкий государственный деятель, дипломат. Уроженец Бремена. Окончил Высшее техническое училище. С 1921 г. на дипломатической работе в качестве сотрудника ведомства внешней торговли. С мая 1927 г. в немецком посольстве в Париже, с ноября 1928 г. посланник миссии. В этой же должности с 1931 г. в Вене, а в 1932—1934 гг. в Софии. Член НСДАП. С 1937 г. заместитель начальника Торгово-политического департамента МИДа Германии. С ноября 1938 г. посланник 1-го класса, сотрудник Торгово-политического отдела МИД Германии. С 1943 г. министериальдиректор. Участвовал в качестве экономического эксперта при заключении важных экономических договоров Германии со странами Юго-Восточной Европы. С мая 1944 г. особоуполномоченный германского правительства в Румынии; посол по экономическим вопросам. В конце августа 1944 г. арестован румынскими властями и передан представителям советского военного командования. В начале сентября 1944 г. этапирован в Москву. Арестован 2-м Управлением МГБ СССР 10 августа 1951 г. Скончался в больнице Бутырской тюрьмы МГБ СССР. Военным трибуналом войск МГБ Московской области от 19 января 1952 г. дело по обвинению К. Клодиуса было прекращено производством «за его смертью».

Клуич, Стефан (1891?—?) — югославский (сербский) общественный деятель; руководитель одной из крестьянских организаций. В годы Второй мировой войны являлся агентом «разведывательной службы Риббентропа» в Белграде.

Клюге, Гюнтер Ганс фон (von Kluge; 1882—1944) — немецкий военный деятель; генерал-фельдмаршал (1940).

Клюгкист, Хенрик (Klugkist; 1907—1986) — немецкий дипломат, доктор права (1931); гауптштурмфюрер СС (1943). С 15 марта 1935 г. сотрудник генконсульства в Барселоне. С 10 июля 1936 г. сотрудник посольства в Бухаресте. С 28 октября 1944 г. работал в Торгово-политическом отделе МИДа. С 14 декабря 1944 г. сотрудник генконсульства в Цюрихе.

Кодреану, Корнелиус Зеля (Kodreanu, урожд. Корнелиу Зелински; 1899—1938) — румынский политический деятель. В 1923 г. основал т.н. «Антиеврейскую лигу». В 1927 г. создал националистическую организацию «Легион Михаила Архангела», которая явилась прообразом «Железной Гвардии». В 1932 г., после депутат румынского парламента; противник монархического строя. В 1938 г. после установления диктатуры короля Кароля II, арестован и приговорен к 10 годам исправительных работ. Предположительно, убит в тюрьме по приказу короля.

Коноплев — сотрудник советских органов безопасности; майор (1946). Старший следователь 11-го отдела 2-го Управления НКГБ СССР.

Копелянский, Даниил Григорьевич (1918—?) — сотрудник советских органов безопасности; майор. В органах безопасности с 1941 г. Служил на различных должностях в Главном управлении контрразведки «Смерш» НКО СССР и 3-м Главном управлении МГБ СССР. С 15 марта 1944 г. по 22 мая 1946 г. оперативный уполномоченный 1-го отделения 2-го отдела ГУКР «Смерш» НКО СССР.

Королев — сотрудник советских органов безопасности; полковник (1945). Старший следователь Берлинского оперсектора НКВД СССР.

Коскинейми — финский поэт.

Котнер П. — советский юрист; полковник юстиции (1945). Военный прокурор гарнизона г. Берлина.

Кнорк, Эрвин (Knörk; 1901—?) — немецкий дипломат. Член НСДАП (1921—1923; 1931). С 1 июня 1933 г. до 1 марта 1938 г. чиновник в гауляйтунге Заграничных организаций НСДАП. С 1 июня 1934 г. политический руководитель отдела по Северным странам. С 1 марта 1938 г. на дипломатической службе; референт Бюро руководителя по Заграничным организациям НСДАП. С 10 декабря 1941 г. сотрудник консульства в Загребе.

Кнотте, Вильгельм (Knothe; 1883—1963) — немецкий дипломат. С 1907 г. на дипломатической службе. Руководитель Восточного реферата Министерства пропаганды (на 1939 г.).

Кобург, Саксен-Кобург-Готский, Карл Эдуард Леопольд Георг Альберт фон (von Sachsen-Coburg-Gotha; 1884—1954) — немецкий политический деятель; доктор права, генерал пехоты, группенфюрер СА, обергруппенфюрер НСКК (1936). С декабря 1933 по декабрь 1937 г. президент Германского Красного Креста (ГКК), с января 1938 г. почетный президент ГКК. С октября 1936 г. президент Объединения германских фронтовиков, президент германо-британского общества.

Коллонтай, Александра Михайловна (урожд. Домонтович; 1872—1952) — советский дипломат. В 1923—1926 и 1927—1930 гг. полпред в Норвегии; в 1926—1927 гг. полпред в Мексике; в 1930—1945 гг. посланник, затем посол в Швеции. В 1946—1952 гг. советник МИД СССР.

Кольхааз (Kohlhaas) — офицер германской армии. В 1941 г. офицер разведки «Особого штаба “Ф”».

Комаров, Владимир Леонтьевич (1869—1945) — русский и советский ботаник и географ. Член-корреспондент Академии наук (1914), действительный член (1920), вице-президент (1930—1936) и президент (1936—1945) АН СССР.

Компе — немецкий дипломат. Сотрудник отдела личного состава МИД Германии.

Константин I (1868—1923) — король Греции (с 5 марта 1913 г. по 12 июня 1917 г. и с 11 декабря 1920 г. по 27 сентября 1922 г.) из династии Глюксбургов; стратег (1913); германский генерал-фельдмаршл (1913).

Копелянский, Даниил Григорьевич (1918—?) — сотрудник советских органов безопасности (с 1941 г.). С 15 марта 1944 г. по 22 мая 1946 г. оперативный уполномоченный 1-го отделения 2-го отдела ГУКР «Смерш» НКО СССР.

Кордт, Теодор (Kordt; 1893—1962) — немецкий дипломат, доктор права (1921). В 1931—1934 гг. работал в Бюро статс-секретаря МИД Германии. С 25 июня 1934 г. по 1938 г. посланник в Афинах. С 19 марта 1938 г. в посольстве в Лондоне. С 13 сентября 1939 г. посланник в Берне.

Кордт, Эрих (Kordt; 1903—1969) — немецкий дипломат, доктор права (1928); посланник 1-го класса (1941). С 23 октября 1936 г. по 13 марта 1938 г. работал в германском посольстве в Лондоне. С 3 февраля 1941 г. служил в германском посольстве в Токио. С 22 декабря 1942 г. работал в посольстве в Нанкине (Китай).

Корк, Август Иванович (1887—1937) — советский военный деятель; командарм 2-го ранга. В 1937 г. начальник Военной академии им. М.В. Фрунзе.

Корне, Раду (Korne; 1895—1949) — румынский военный деятель; дивизионный генерал (1943). В 1942 г. командовал 3-й, в 1942—1943 гг. 8-й кавалерийской дивизией. Участвовал в боевых действиях на советско-германском фронте в составе 4-й армии группы армий «Дон». В 1944 г. командовал 1-й бронетанковой дивизией. В сентябре 1944 г. переведен в резерв и вскоре арестован.

Корте, Ганс (Korte; 1899—1990) — немецкий военный деятель; генерал-майор люфтваффе (1943).

Кортен, Гюнтер (Korten; 1898—1944) — немецкий военный деятель; генерал-полковник люфтваффе (1944, посмертно).

Кох — в годы Второй мировой войны радист германского посольства в Софии.

Кох — немецкий офицер; капитан 1-го ранга. В годы Второй мировой войны начальник германского военно-хозяйственного отдела в Финляндии.

Кохер, Отто (Kucher; 1884—1945) — немецкий дипломат; доктор права (1906). Изучал юриспруденцию в университетах Бонна, Фрейбурга, Берлина и Марбурга. С 1912 г. на дипломатической службе. С 1 мая 1924 г. сотрудник посольства в Мексике. С 22 апреля 1933 г. генеральный консул в Барселоне. С 30 апреля 1937 г. посланник в Берне. Член НСДАП (1934). 31 июля 1945 г. интернирован американцами.

Крамер, Фриц (Kramer) — агент германского военного атташе в Каунасе (в 1940 г.). С лета 1940 г. директор отеля в Кёнигсберге, затем был направлен с разведывательным заданием в Португалию.

Кранель — немецкий дипломат. В годы Второй мировой войны генеральный консул в Женеве.

Краусхаар — немецкий чиновник; с осени 1939 г. начальник гражданского управления оккупационных войск в Лодзи.

Кребс, Ганс (Krebs; 1898—1945) — немецкий военный деятель; генерал пехоты.

Крейпе, Вернер (Kreipe; 1904—1967) — немецкий военный деятель; генерал авиации (1944).

Креннер, Эрнст (Krenner) — заместитель особоуполномоченного германского правительства в Румынии по экономическим вопросам в Румынии Нойбахера; отвечал за импорт румынской нефти в Германию.

Крестев — болгарский инженер. Знакомый генерала Шёнебека. Подозревался в шпионаже в пользу англичан.

Крестинский, Николай Николаевич (1883—1938) — советский государственный деятель, дипломат и юрист. С 1930 г. заместитель наркома иностранных дел СССР. В марте 1937 г. переведен на пост заместителя наркома юстиции СССР.

Крибель, Герман (Kribel; 1876—1941) — немецкий государственный деятель, дипломат; обергруппенфюрер СА (1937). С 15 февраля 1934 г. на дипломатической службе. С апреля 1939 г. по 20 января 1941 г. начальник отдела кадров германского МИДа.

Кристев — болгарский политический деятель. В годы Второй мировой войны представитель комитета Антикоминтерна в Болгарии.

Кристен (Christenn) — офицер германской армии; майор.

Кристеску, Евгений (Cristescu; 1895—1950) — румынский государственный деятель. С сентября 1940 г. до августа 1944 г. начальник Секретной службы информации (ССИ) при Совете министров Румынии.

Кролл, Ганс (Kroll; 1898—1967) — немецкий дипломат. С 29 июня 1936 г. по 24 апреля 1943 г. сотрудник германского посольства в Анкаре. С 26 марта 1943 г. генеральный консул в Барселоне.

Круглов — сотрудник советских органов безопасности; майор (1945). Начальник отделения Берлинского оперсектора НКВД СССР.

Круглов, Сергей Никифорович (наст. фамилия Яковлев; 1907—1977) — советский государственный и политический деятель, один из руководителей органов государственной безопасности; генерал-полковник (1945). В 1945—1956 гг. нарком (министр) внутренних дел СССР.

Крюгер — сотрудник германского посольства в Москве (до 22 июня 1941 г.).

Крюденер, фон — в годы Первой мировой войны агент германской военной разведки в Швеции капитана Ганса Штейнвакса.

Кузьмишин, Александр Николаевич (1911—1977) — сотрудник советских органов безопасности, майор (1945). В органах безопасности с 1939 г. В 1943—1948 гг. старший оперуполномоченный, начальник отделения 2-го отдела ГУКР «Смерш» НКО СССР — 4-го отдела 3-го Главного управления МГБ СССР. В 1948—1949 гг. старший следователь Следчасти МГБ СССР. В апреле 1965 г. уволен в отставку по болезни. Скончался в Москве.

Куйбышев, Николай Владимирович (1893—1938) — советский военный деятель; комкор (1936). Родной брат В.В. Куйбышева. С 1937 г. командующий войсками Закавказского ВО.

Кулишев, Георгий — болгарский политический деятель, масон.

Кульке — немецкий предприниматель. Владелец фабрики колбасных и мясных изделий в Бухаресте. Агент СД.

Кун, Анна (Kuhn; 1893—?) — сотрудница германского посольства в Москве. С 12 декабря 1929 г. стенографистка посольства.

Кунхейм, Ивонна Франциска Ильда фон (von Kuenheim, урожд. Дюнхоф, Dönhoff; 1901—1991) — сестра Марион Дюнхоф. В 1919 г. вышла замуж за Александра фон Кунхейма.

Кунстман — немецкий предприниматель. Владелец пароходной кампании в Штеттине.

Купер Д'Арси, Фрэнсис (Cooper D'Arcy 1882—1941) — британский промышленник, сэр. Председатель концерна «Левел Бразерс и Унилейвер компани». В середине 1930-х гг. член «Англо-германского товарищества».

Курми, Виктор (Kurmi) — иракский государственный деятель. В 1916 г. прибыл в Ирак вместе с британскими войсками. В 1932 г. секретарь Торговой палаты в Багдаде. Позднее занимался коммерцией. Сотрудничал с «Интеллидженс Сервис».

Курт, Ганс (Hans Kurt) — немецкий журналист. В годы Второй мировой войны резидент «разведывательной службы Риббентропа».

Куртев, Владимир — один из вождей нелегальной Македонской революционной организации.

Куртиус, Юлиус (Curtius; 1877—1948) — немецкий государственный деятель и дипломат, доктор права (1900). Получил юридическое образование в университетах Киля, Страсбурга и Бонна. Участник Первой мировой войны; капитан резерва. С 8 ноября 1929 г. по 9 октября 1931 г. министр иностранных дел Веймарской Республики.

Куршат — немецкий дипломат, начальник канцелярии германского посольства в гор. Каунас.

Кущды Бей (Kuschdy Bey) — турецкий государственный деятель. После 1936 г. министр иностранных дел Турции.

Кущ, Лидия Максимовна (1917—?) — сотрудник советских органов безопасности. В органах безопасности с июня 1941 г. Работала преподавателем немецкого языка в учебных заведениях НКВД СССР, переводчиком отделения военной цензуры Брянского фронта, УКР «Смерш» Брянского, 2-го Прибалтийского фронтов. С 1 мая 1945 г. по 22 июня 1946 г. оперативный уполномоченный 2-го отделения 4-го отдела ГУКР «Смерш» НКО СССР. В августе 1970 г. уволена на пенсию.

Кюн (Kuhn) — немецкий дипломат. В 1938—1940 гг. вице-консул в Амстердаме.

Кюхлер (Кюглер), Эрнст фон (von Küchler; 1884—1956) — немецкий дипломат. Уроженец замка Филипсруэ (Ханау). Член НСДАП (1934). С 11 июля 1940 г. сотрудник Отдела личного состава МИДа.

Лаврентьев — сотрудник советских органов безопасности; майор (1945). Заместитель начальника 4-го отделения 11-го отдела 2-го Управления НКГБ СССР.

Лаврищев, Александр Александрович (1912—1979) — советский государственный деятель, дипломат. С 1939 г. 1-й секретарь полпредства в Болгарии. В 1940—1944 гг. полпред (с 1941 г. посол) в Болгарии. В 1945 г. заведующий 4-м Европейским отделом.

Ламла, Иоганн (Lamla; 08.02.1886—14.03.1949) — немецкий дипломат. Уроженец Рогозны, Верхняя Силезия. Окончил гимназию в Ратиборе. С 1910 г. сотрудник германского МИДа. В 1910—1912 гг. судебный секретарь германского посольства в Варшаве. С 1912 по 1914 г. секретарь германского консульства во Владивостоке, с 1914 по 1917 г. в той же должности в Шанхае. С сентября 1917 по 1921 г. на различных должностях в МИДе; участвовал в работе по подписанию Брестского мира между РСФСР и Германией (1918). С августа 1921 по июнь 1941 г. начальник канцелярии германского посольства в Москве. С августа 1941 г. заведующий административной частью Радиополитического отдела МИДа. Задержан 16 июля 1945 г. сотрудниками ОКР «Смерш» 36-й танковой бригады в г. Бад-Берке (Германия), затем направлен в к/л Бухенвальд, а оттуда в Веймар. 23 января 1947 г. по обвинению в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 58-6 ч. 1 и 58-2 УК РСФСР, приговорен к ВМН; решением этого же органа ВМН изменена на 25 лет ИТЛ. Скончался в лагере Джезказган (Казахстан).

Лангманн, Отто (Langmann; 1898—1956) — немецкий дипломат. В 1928—1933 гг. приходской священник в Колумбии, Эквадоре и Гватемале. Член НСДАП (1931). С октября 1935 г. сотрудник германского МИДа. С 9 ноября 1937 г. по 25 января 1942 г. германский посланник в Монтевидео (Уругвай).

Ланe, Александр (Lane; 1913—1995) — немецкий дипломат; доктор права (1936). Получил юридическое образование в Берлинском университете. Член НСДАП (1937). С 10 февраля 1941 г. атташе посольства в Софии. С 26 апреля 1942 г. на военной службе. С 1956 г. служил в МИД ФРГ.

Латце, Мария (1888—?) — сотрудница германского посольства в Москве. С 7 марта 1930 г. стенографистка посольства.

Лаутер — немецкий дипломат. Помощник статс-секретаря министерства иностранных дел.

Лацар, Йозеф Ганс (Lazar; 1895—1961) — немецкий дипломат. С 27 сентября 1937 г. на дипломатической службе в МИДе Австрии; пресс-атташе посольства в Берлине. С 5 июля 1939 г. пресс-атташе германского посольства в Мадриде, одновременно резидент «разведывательной службы Риббентропа» в Испании.

Левандовский, Михаил Карлович (1890—1938) — советский военный деятель; командарм 2-го ранга. С июня 1937 г. командующий Приморской группой войск Особой Краснознаменной Дальневосточной армии.

Левенштейн — немецкий адвокат в Каунасе.

Леверкюн, Пауль (Leverkuehn; 1893—1960) — сотрудник германской военной разведки; майор запаса. В 1941—1944 г. начальник отделения Абвера в Стамбуле (Турция). В 1944 г. в связи с побегом Э. Вермерена к британцам отозван в Германию; работал военным представителем на заводах АГ.

Лейдерман — румынский адвокат, доктор права. Член организации «Иргун» в Бухаресте.

Лейтнер (Ляйтнер), Рудольф (Leitner; 1891—1947) — немецкий дипломат. С мая 1936 г. сотрудник 9-го реферата (Северная Америка) Политического отдела МИДа. С 22 октября 1937 г. по 6 сентября 1939 г. посланник в Претории (Южная Африка). Затем советник по вопросам нейтральных и невоюющих государств в МИД Германии. С 25 ноября 1944 г. в отставке.

Лекка, Раду (Lecca; 1893—?) — румынский государственный деятель; юрист. С февраля 1942 по август 1944 г. комиссар по еврейским вопросам при румынском правительстве. Весной 1946 г. в составе группы румынских высокопоставленных чиновников, находившихся в СССР, возвращен в Румынию. Сведений о дате и месте его смерти не выявлено.

Лендорф-Штейнрот, Генрих фон (von Lehndorff-Steinort; 1909—1944) — участник немецкого движения Сопротивления, граф; старший лейтенант запаса. Личный адъютант командующего группой армий «Центр» генерал-фельдмаршала Ф. фон Бока. Участник заговора против А. Гитлера 20 июля 1944 г.; в ходе операции «Валькирия» осуществлял связь заговорщиков в I Военном округе (Кёнигсберг), в тот же день арестован.

Леопольд Баварский (Prinzregent Luitpold Karl Joseph Wilhelm Ludwig von Bayern; 1821—1912) — немецкий государственный деятель; принц-регент.

Леписье, Поль (Lépissier) — французский дипломат. В 1933 г. поверенный в делах в Багдаде.

Лессман — немецкий дипломат. В годы Второй мировой войны консульский секретарь германского посольства в Софии.

Лешицки, Леон (Leszezinsky) — немецкий дипломат.

Лёрнер, Альфред (Lörner; 1899—1970) — немецкий дипломат; штурмбанфюрер СС. С 1934 по 1938 г. служил в Министерстве рейхсвера (с 16 марта 1935 г. — Имперском военном министерстве); сотрудник «Абверштелле-Бремен». С 1 февраля 1938 г. консул 2-го класса в Галаце (Румыния).

Либхардт, Маттиас (Liebhardt) — сотрудник германской политической полиции (СД). В 1944 г. служил в аппарате старшего уполномоченного VI Управления РСХА в Румынии гауптшутрмфюрера СС К. Аунера, отвечал за организацию разведывательного аппарата СД в провинциях Румынии.

Ливчак — сотрудник советских органов безопасности; майор (1945). Сотрудник 2-го отдела ГУКР «Смерш» НКО СССР.

Лидиг, Франц (Liedig; 1900—1967) — сотрудник германской военной разведки, доктор права; фрегаттен-капитан. В 1916 г. поступил на флот кадетом. В 1920 г. участник Добровольческого корпуса. С середины 1930-х гг. служил в германской военной разведке. До мая 1945 г. сотрудник Управления Абвер/Заграница.

Лидке, Ганс (Liedke; 1882—1956) — немецкий дипломат. Уроженец Ной-Фитца, Восточная Пруссия (Neu-Fietz/Westpreuben). С июля 1926 г. служил в IV отделе (Восточная Европа, Скандинавия, Восточная Азия) германского МИДа.

Линдеман, Георг (Lindemann; 1884—1963) — немецкий военный деятель; генерал-полковник (1942).

Ленкеринг, Евгений — немецкий коммерсант. Знакомый И. фон Риббентропа.

Линкомиес, Эдвин Йохан Хильдегард (Linkomies; 1894—1963) — финский государственный деятель и литературовед. С 5 марта 1943 по 8 августа 1944 гг. премьер-министр, сменил на этом посту Йохана Вильгельма Рангелла.

Липперт, Бернхард (Lippert; 1904—?) — немецкий дипломат, дипломированный инженер. Уроженец Зальцбурга. С 18 мая 1934 г. на дипломатической службе; атташе IV отдела (Восточная Европа, Скандинавия, Восточная Азия) Политического отдела МИДа. С 15 марта 1935 г. сотрудник посольства в Брюсселе. С 9 июля 1938 г. сотрудник, вице-консул генерального консульства в Нью-Йорке. С 14 августа 1941 г. сотрудник реферата IX (Северная Америка). С 26 июня 1944 г. сотрудник посольства в Тиране. С 15 ноября 1944 г. сотрудник реферата IVb (Болгария, Румыния, Сербия) Политического отдела МИДа. Дата и место смерти неизвестны.

Литвинов, Максим Максимович (наст. имя Меер-Генох Моисеевич Валлах; 1876—1951) — советский государственный деятель и дипломат.

Литтен, Вильгельм (Litten; 1880—1932) — немецкий дипломат. С 6 сентября 1924 г. по октябрь 1926 г. служил в 3-м отделе МИДа Германии (Британская империя, Америка, Восток). С 7 октября 1926 г. до января 1932 г. германский консул и поверенный в делах в Багдаде (Ирак).

Лиерс унд Вилькау, Иоахим Фридрих фон (von Liers und Wilkau; 1886—1982) — немецкий дипломат; легационный секретарь 1-го класса. С 16 марта 1928 г. служил в реферате «Польша» 4-го отдела МИДа. В марте 1943 г. вышел в отставку.

Лиссиевич, Иоан (Lissievici; 1898—1974) — один из руководителей спецслужб Румынии. С 25 сентября по 25 декабря 1944 г. генеральный директор Службы специальной информации. Затем руководитель Службы в министерстве национальной обороны. С 28 марта 1945 г. в резерве.

Лист, Вильгельм Зигмунд (List; 1880—1971) — немецкий военный деятель, генерал-фельдмаршал (1940).

Лихтгейм, Рихард (Lichtheim) — один из руководителей сионистского движения в Швейцарии. Немецкий эмигрант. Представитель «Еврейского агентства» в Лиге Наций

Ллойд — агент-связник резидента «разведывательной службы Риббентропа» в Белграде Евгения де-Монти.

Ломан, Йохан Георг (Lohmann; 1897—1975) — немецкий дипломат, доктор права (1920). С ноября 1935 г. вице-консул в Мемеле, затем работал в 4-м отделе МИДа. Член НСДАП (1937). С 1 января в минстерском бюро МИДа. С 13 октября 1944 г. представитель при 19-м армейском командовании. В 1947—1948 гг. интернирован союзниками.

Ломан, Ульрих (Lohmann; 1908—1945) — немецкий дипломат, доктор права. Служил в Министрестве просвещения и пропаганды. Член НСДАП (1937). На дипломатической службе с 20 июля 1942 г., сотрудник посольства в Париже.

Лондондерри, Чарлз Стюарт Генри (Londonderry; 1878—?) — британский государственный и политический деятель; 7-й маркиз Лондондерри. В 1935 г. лорд-хранитель печати и председатель палаты лордов; представитель т.н. «клайвденской клики», имевшей огромное влияние на политику консервативной партии Англии и разработавшей стратегию «умиротворения» фашистской Германии.

Лонер — сотрудник германского посольства в Москве (до 22 июня 1941 г.).

Лоренц, Вернер (Lorenz; 1891—1974) — немецкий государственный деятель, один из высших офицеров СС, обергруппенфюрер СС (1934), генерал войск СС, генерал полиции. С февраля 1937 г. и до конца войны возглавлял «Фольксдойче миттельштелле» — Главное управление СС по репатриации этнических немцев. Одновременно был уполномоченным по внешнеполитическим вопросам в штабе заместителя фюрера.

Лорке, Пауль (Lohrke; 1921—?) — немецкий чиновник. Из служащих. До 1938 г. член «Гитлерюгенд». Член СС (1938). Участник Польской кампании. С 13 января 1942 г. радист германского посольства в Софии.

Луков, Христе Николов (1887—1943) — болгарский военный деятель; генерал-лейтенант. 23 ноября 1935 г. при формировании кабинета Г. Кёсеиванова

получил пост военного министра; проводил политику сближения с нацистской Германией. Убит членами софийской боевой группы антифашистов во главе с еврейской девушкой Виолетой Яковой.

Лупеску, Елена (больше известна как Магда Лупеску, Lupescu; 1895—1977) — фаворитка, затем супруга короля Кароля II (с 5 июля 1947 г.).

Людин, Ганс (Ludin; 1905—1947) — немецкий дипломат, посланник 1-го класса (1941); обергруппенфюрер СА (1937). С 27 декабря 1940 посланник в Прессбурге (Словакия). С 16 мая 1945 г. в американском плену. 5 октября 1946 г. передан чехословацким властям.

Люквальд, Эрих фон (von Luckwald; 1884—1969) — немецкий дипломат, доктор права (1909); оберштурмбанфюрер СС (1943). С 24 декабря 1931 г. по 1936 г. консул в Тиране (Албания). С 21 октября 1936 г. по 31 марта 1938 г. генеральный консул в Данциге. Затем служил в МИД Германии (Берлин). С 22 мая 1943 г. инспектор в протекторате Богемия и Моравия.

Люком, Елена Михайловна (1891—1968) — русская советская артистка, балерина и педагог. В 1909—1941 гг. выступала в Мариинском театре (Театр им. Кирова).

Люрц, Зигмар (Lurtz; 1887—1958) — немецкий дипломат; легационный советник 1-го класса. С апреля 1938 г. на дипломатической службе в германском МИДе. С 30 сентября 1938 г. в посольстве в Асунсьоне (Парагвай). С 29 июня 1939 г. в генеральном консульстве в Нью-Йорке. С 28 июля 1941 г. в Торгово-политическом отделе МИДа; с февраля 1943 г. руководитель реферата 2б (Швейцария, Лихтенштейн).

Лютер, Ганс (Luther; 1879—1962) — немецкий государственный деятель, финансист и дипломат. С 15 января по 5 декабря 1925 г. и с 20 января по 12 мая 1926 г. рейхсканцлер Германии. В 1930—1933 гг. президент Рейхсбанка.

Лютер, Мартин (Luther; 1895—1945) — немецкий дипломат, министериальдиректор (1941); бригадефюрер СС (1942). Член НСДАП (1932), СА (1938). С сентября 1938 г. сотрудник германского МИДа. С мая 1940 по июль 1941 г. руководитель отдела «Германия» МИДа. С июля 1941 по февраль 1943 г. младший статс-секретарь германского МИДа. 10 февраля 1943 г. арестован гестапо и заключен в концлагерь Заксенхаузен.

Люткенс, Герхарт (Lütkens; 1893—1955) — немецкий дипломат; доктор философии (1920). С 19 мая 1933 г. консул в Галаце. 25 июля 1937 г. эмигрировал в Великобританию; читал лекции в Лондонском университете. В 1940—1943 гг. интернирован британцами. В 1947 г. вернулся в Германию.

Люттвиц, Вальтер фон (von Lüttwiz; 1859—1942) — военачальник, барон, генерал пехоты. В ночь с 12 на 13 марта 1920 г. вместе с Вольфангом Каппом с помощью морской бригады Эрхарда возглавлял путч в Берлине против Веймарской республики.

Люттингер — информатор германского посла в Бухаресте М. фон Киллингера.

Лютце (Лутце), Виктор (Lütze; 1890—1943) — немецкий партийный деятель; обергруппенфюрер СА (1933). Член НСДАП (1922) и СА (1923). С 1928 г. руководитель СА Рурской области. С сентября 1933 г. прусский государственный советник. Один из инициаторов расправы над руководством СА во время «Ночи длинных ножей». Погиб в автомобильной катастрофе в Потсдаме.

Маджаров, Михаил (1854—1944) — болгарский политический и государственный деятель, адвокат, дипломат и публицист. В 1894—1899 гг. министр в правительстве К. Стоилова. В 1913—1914 гг. посланник в Великобритании; в 1914—1915 гг. посланник в России. Погиб в Софии во время воздушного налета.

Майдель — в годы Первой мировой войны агент германской военной разведки в Швеции капитана Ганса Штейнвакса.

Майер, Сали (Mayer; 1882—1950) — швейцарский промышленник, политический и общественный деятель. В 1929 г. вступил в Секретариат швейцарских еврейских общин, объединявший все еврейские общины в Швейцарии; в 1936—1943 гг. председатель организации. С 1943 г. участвовал в попытках выкупа евреев из нацистских концлагерей.

Майр, Людвиг (Mayr, с 1941 г. Майр-Фалькенберг, Mayr-Falkenberg; 1893—1962) — немецкий дипломат, доктор права (1919); легационный советник 1-го класса (1935). С 17 сентября 1928 г. сотрудник посольства в Буэнос-Айресе. С 3 октбяря 1931 г. служил в МИДе. Член НСДАП и СА (1933). С 8 июля 1937 г. сотрудник посольства в Риме, затем генеральный консул в Генуе. С 26 мая 1943 г. представитель МИДа при военном командовании в Бельгии и Северной Франции, затем руководитель отдела МИДа в Брюсселе. После войны интернирован союзниками.

Макаренко, Андрей Гаврилович (1886—1963) — украинский политический деятель. Уроженец Гадяча (Полтавская область). До 1917 г. работал железнодорожным служащим. С начала 1917 г. организатор украинских железнодорожников и председатель Союза железнодорожников. В период Украинского государства директор департамента в Министерстве железных дорог. Соорганизатор восстания против гетмана Скоропадского и член Директории УНР. С 1920-х гг. в эмиграции. С января 1921 г. входил в состав Всеукраинского национального совета. В 1920—1930-х гг. проживал в Чехословакии и Австрии. Защитил докторскую диссертацию в Высшем украинском педагогическом институте. В 1928—1929 гг. вместе с Ф.П. Андриевским и Ф. Швецом создали Украинскую Национальную Раду за рубежом (УНРЗ), которая по их замыслу должна стать центральным представительством украинской эмиграции. В годы Второй мировой войны являлся агентом «разведывательной службы Риббентропа» в Праге. В конце апреля 1945 г. выехал в Австрию. После войны жил в Германии. В 1951 г. эмигрировал в США. Умер в Хьюстоне (штат Техас, США).

Макдональд, Джеймс Рамсей (MacDonald; 1866—1937) — британский политический деятель, один из основателей и лидеров Лейбористской партии.

МакКензи Кинг, Уильям Лайон (Mackenzie King; 1874—1950) — канадский государственный и политический деятель. В 1921—1926, 1926—1930, 1935—1948 гг. премьер-министр Канады. Под его руководством Канада 10 сентября 1939 г. вступила во Вторую мировую войну на стороне Великобритании. Выступил инициатором проведения двух межсоюзнических конференций в Квебеке (август 1942 и сентябрь 1944 г.).

Максуд, Касим — иракский военный и государственный деятель; генерал. В годы Второй мировой войны губернатор Мосула.

Мальмберг, Каарло Лаури Торвальд (Malmberg; 1888—1948) — финский военный деятель; генерал-лейтенант (1936).

Мальтцан Фрейхерр цу Вартенберг унд Пенцлин, Вольрат фон (von Maltzan Freiherr zu Wartenberg und Penzlin; 1899—1967) — немецкий дипломат, доктор права (1922). С 15 января 1934 г. служил в группе «Экономика» МИДа (Берлин). С 1 февраля 1939 г. работал в концерне «ИГ Фарбен». С 7 сентября 1939 г. вновь в МИДе, сотрудник Хозяйственно-политического отдела.

Мамели — итальянский дипломат. В годы Второй мировой войны посланник в Софии (Болгарии).

Манн, Луиз Генрих (Mann; 1871—1950) — немецкий писатель, новеллист. Уроженец Любека. Младший брат писателя Т. Манна.

Манн, Пауль Томас (Mann; 1875—1955) — немецкий писатель, новеллист, эссеист, филантроп. Старший брат писателя Г. Манна.

Ман Эдлер фон Тихлер, Герман Риттер фон (von Mann Edler von Tiechler; 1889—1961) — немецкий военный деятель; генерал-лейтенант люфтваффе. С 1 ок-

тября 1937 г. по 6 марта 1940 г. командир 4-й школы военной авиации в Фюрстенфельдбрюке. До весны 1944 г. военный комендант Бухареста, затем откомандирован в Мюнхен.

Маннергейм, Карл Густав Эмиль (Mannerheim; 1867—1951) — финский государственный и военный деятель, барон; фельдмаршал (1933).

Маннесман, Альфред (Mannesmann; 1859—1944) — немецкий промышленник и инженер. Уроженец Реймшейда. Один из шести братьев Маннесман. Участвовал в основании фирмы «Маннесман АГ» и других дочерних кампаний концерна Герлинга.

Маннесман, Макс (Mannesmann; 1857—1915) — немецкий инженер-конструктор и промышленник. С 1885 г. вместе с братом Рейнхардом Маннесманом разрабатывал технические процедуры в технологии прокатных станов. В 1888—1889 гг. соучредитель трубопрокатных заводов в Чехословакии, Сааре и Великобритании (Уэлс). В 1900 г. один из основателей фирмы «Маннесман-Верке».

Маннесман, Отто (Mannesmann; 1874—1916) — германской промышленник; офицер резерва, агент германской военной разведки. В 1915 г. предпринял экспедицию с целью поднять восстание против англичан в Северной Африке. Погиб в Триполи.

Маннесман, Рейнхард (Mannesmann; 1856—1922) — немецкий промышленник и инженер. Уроженец Реймшейда. В 1885 г. вместе с братом Максом Маннесманом изобрели поперечно-винтовую прокатку труб, затем через 8 лет запатентовали прокатный стан для бесшовного изготовления труб.

Манштейн, Эрих Фриц фон (von Manstein, фамилия усыновителя; наст. имя Фриц Эрих фон Левински, Fritz Erich von Lewinski; 1887—1973) — немецкий генерал-фельдмаршал (1942).

Маргарита Беатриса Феодора Прусская (Margarethe Beatrice Feodora von Preußen; 1872—1954) — принцесса Прусская. Дочь германского короля Фридриха III и императрицы Виктории, сестра императора Вильгельма II.

Мардари, Сократ (Mardari; 1894—1954) — румынский военный деятель; дивизионный генерал. В 1941—1942 гг. возглавлял Королевскую военную Главную квартиру. В 1942—1943 и 1943—1945 гг. заместитель начальника Генерального штаба. В 1945 г. переведен в резерв. В 1947 г. уволен в отставку.

Марина Греческая и Датская (1906—1968) — греческая принцесса из династии Глюксбургов. Дочь принца Николая Греческого и Датского и великой княжны Елены Владимировны. Родная сестра принцессы Ольги Греческой и Датской. 29 ноября 1934 г. вышла замуж за принца Георга, герцога Кентского, графа Сен-Эндрюса и барона Даунпатрика.

Мария Эдинбургская (Marie of Edinburgh; 1875—1938) — член Британской королевской фамилии, позже супруга румынского короля Фердинанда I.

Марр, Николай Яковлевич (1864(1865)— 1934) — русский советский востоковед, филолог, историк, этнограф и археолог; академик Императорской академии наук (1912), академик и вице-президент АН СССР. После революции получил громкую известность как создатель «нового учения о языке», или «яфетческой теории».

Мартенс, Карл — представитель немецких фирм в Каунасе.

Мартиус, Георг (Martius; 1884—1951) — немецкий дипломат, доктор права (1906); посланник 1-го класса (1954). С 9 декабря 1932 г. посланник в Риге (Латвия). С 5 июля 1934 г. служил в МИДе (Берлин). С 16 февраля 1937 г. сотрудник посольства в Монтевидео (Уругвай). С 27 декабря 1937 г. сотрудник Политического отдела; с 13 апреля 1938 г. сотрудник Торгово-политического отдела МИД Германии.

Мархталер, Ганс Ульрих фон (von Marchtaler; 1906—1977) — немецкий дипломат, доктор права (1930); консул 1-го класса (1951). С 13 марта 1935 г. сотруд-

ник посольства в Будапеште, затем служил в МИДе (Берлин). Член НСДАП (1940). С 22 апреля 1938 г. сотрудник посольства в Дублине. С 16 июня 1938 г. сотрудник посольства в Токио.

Маршал фон Биберштайн, Адольф Фрейхерр фон (ст.) (von Marschall von Bieberstein; 1842—1912) — немецкий дипломат, барон. Уроженец Карлсруэ. С 19 октября 1897 г. посол в Константинополе. С 18 мая 1912 г. посол в Лондоне.

Маршал фон Биберштайн, Адольф Фрейхерр фон (von Marschall von Bieberstein; 1893—1946) — немецкий дипломат, барон; легационный советник. Уроженец Берлина. Сын бывшего германского посла в Турции Маршалла фон Биберштейна. Участник Первой мировой войны; обер-лейтенант. Получил юридическое образование. С июля 1923 г. сотрудник МИДа Германии. С февраля 1934 по февраль 1937 г. сотрудник германского посольства в Лондоне; легационный секретарь, посланник 2-го класса. С февраля 1937 г. сотрудник II реферата (Западная Европа) Политического отдела МИД Германии. В конце 1939 г. призван в вермахт (капитан, 1941). С 12 мая 1941 г. работал в Информационном отделе МИДа Германии. С осени 1943 г. референт по делам кадров высших чиновников Персонального отдела (отдела кадров) МИДа. С 9 июня 1945 г. в советском плену. Осужден военным трибуналом к ВМН. Приговор приведен в исполнение 5 сентября 1946 г. 2 июля 2001 г. реабилитирован.

Масленников — сотрудник советских органов безопасности; майор (1951). Помощник начальника Следственного отдела 2-го Главного управления МГБ СССР.

Масри, Азиз Али аль- (1880?—?) — египетский военный и политический деятель, арабский националист; генерал. До 1914 г. начальник Генштаба египетской армии, затем по требованию англичан отправлен в отставку. Германофил. Организовал в Стамбуле первую национальную арабскую партию. В годы Второй мировой войны сотрудничал с Абвером.

Массов, Детлеф фон (von Massow; 1911—1982) — немецкий дипломат; доктор права (1936). Член НСДАП (1930). С 1 июля 1939 г. сотрудник МИД Германии. С 25 августа 1939 г. сотрудник германского посольства в Софии; руководил Культурным и Протокольным отделами.

Мастны, Войтех (Mastny; 1874—1954) — чехословацкий дипломат, ученый и педагог. В 1938 г. полномочный министр Чехословакии в Берлине. После окончания Второй мировой войны опубликовал несколько работ, посвященных истории «холодной войны».

Махов — болгарский политический деятель. В 1939 г. председатель парламента.

Мачабели — грузинский эмигрант. Агент капитана Ганса Штейнвакса в Швеции и Финляндии.

Машерицкий — сотрудник советских органов безопасности; лейтенант (1945). Переводчик войсковой части 19206.

Мегерле, Карл (Megerle; 1894—1972) — немецкий дипломат. С октября 1934 по апрель 1935 г. референт Министерства просвещения и пропаганды. Член НСДАП (1939). С 1938 г. работал в Рейхстаге. С сентября 1939 г. на дипломатической службе; отвечал за связь со средствами массовой информации германского МИДа. С апреля 1943 г. работал в личном штабе министра иностранных дел.

Медес — радист германского посольства в Софии.

Меджид Хан, Абдул — афганский государственный деятель. В 1941 г. министр экономики королевства Афганистан.

Медреа — румынский политический деятель, член «Железной гвардии».

Меженинов, Сергей Александрович (1890—1937) — советский военный деятель; комкор (1935). В 1933—1937 гг. заместитель начальника штаба (с сентября 1935 г. — Генштаба) РККА и член Военного совета НКО СССР (с 1934 г.); курировал работу Разведывательного управления РККА.

Мей, Зигфрид (Mey; 1891—1954) — немецкий дипломат; консул 1-го класса (1938), доктор экономики (1919). С 19 ноября 1929 г. сотрудник посольства в Варшаве, затем служил в МИДе (Берлин). С 31 марта 1931 г. сотрудник посольства в Мадриде. С 22 июня 1934 г. служил в 4-м отделе МИДа. С 20 марта 1937 г. в Политическом отделе. С 20 января 1938 г. консул, генеральный консул в Неаполе. Член НСДАП (1939). С 10 апреля 1943 г. в реферате 4а (Италия).

Мейер — немецкий дипломат. В годы Второй мировой войны атташе консульства в Женеве, одновременно с ноября 1942 г. резидент «разведывательной службы Риббентропа» в Швейцарии.

Мейер, Оскар (Meyer; 1876—1965) — немецкий политический деятель, юрист. Активно участвовал в политической деятельности, один из известных левых политиков Веймарской республики. В 1924—1932 гг. член рейхстага от Немецкой демократической партии. В 1933 г. эмигрировал в Амстердам, затем в Цюрих. В 1939 г. переехал в Великобританию, а оттуда в США. Автор воспоминаний «От Бисмарка до Гитлера».

Мейер, Рихард (Meyer; 1883—1956) — немецкий дипломат. С 8 июля 1930 г. сотрудник 2-го отдела (Восточная Европа). С 25 февраля 1931 г. сотрудник 4-го отдела (Восточная Европа, Скандинавия, Восточная Азия) МИДа; с 27 августа 1931 г. министериальный директор и руководитель отдела. В августе 1939 г. эмигрировал в Швецию

Мейер-Рикс, Герман (Meyer-Ricks) — офицер германской армии; полковник. В 1941 г. начальник «Особого штаба Ф» генерала Г. Фельми.

Майер-Родегюзер (Meyer-Rodehueser) — немецкий историк; старший правительственный советник. В годы Второй мировой войны начальник Политического архива МИДа.

Мейсснер, Ганс-Отто (Meissner; 1909—1992) — немецкий дипломат и писатель. Сын руководителя канцелярии фюрера Отто Майсснера. Член НСДАП (1936). С марта по июль 1940 г. сотрудник германского посольства в Москве. С августа 1940 по январь 1941 г. в вермахте, служил в 41-м армейском корпусе. С января по март 1941 г. снова в германском посольстве в Москве. Затем вернулся на службу в вермахт; участвовал в боях на советско-германском фронте, лейтенант. С августа 1941 по май 1945 г. генеральный консул в Милане.

Мейсснер, Отто (Meissner; 1880—1953) — немецкий государственный деятель, юрист; доктор права. В 1923 г. статс-секретарь Имперского правительства. Сохранил свой пост после прихода нацистов к власти. В августе 1935 г. назначен шефом Канцелярии рейхспрезидента, в 1937 г. получил ранг государственного министра, исполняющего обязанности имперского министра.

Меламед — сотрудник советских органов безопасности; переводчик.

Меллентин, Хорст фон (von Mellenthin; 1898—1977) — немецкий военный деятель; генерал артиллерии.

Мелюкова — сотрудник советских органов безопасности; переводчик.

Мельхерс, Вильгельм (Melchers; 1900—1971) — немецкий государственный деятель, дипломат. С 1925 г. сотрудник германского МИДа. В начале 1940-х гг. начальник VII (Восточного) реферата Политического отдела германского МИДа.

Менгер, Ахмет Вели Бей (Menger; 1895?—?) — турецкий коммерсант. Уроженец Тарташа (Туркестан). Сотрудник фирмы «К. Мельхерс и К°» в Бремене.

Менеменджиоглу, Нуман (Menemencioğlu; 1891—1958) — турецкий политический деятель и дипломат. Уроженец Багдада (Османская империя). С 1914 г. на дипломатической службе; 3-й секретарь посольства Османской империи в Вене. С 1 марта 1916 г. сотрудник посольства в Берне. С 30 ноября 1944 г. посол в Париже. С 30 июня 1949 г. посол в Лиссабоне. В 1957 г. вышел в отставку. Скончался в Анкаре.

Меран, Карл фон (von Meran; 1907—1969) — немецкий дипломат, доктор философии; советник посольства 2-го класса. С 27 февраля 1940 г. на дипломатической

службе; личный референт посла, затем атташе по культуре. С 1943 г. легационный секретарь, сотрудник Протокольного отдела германского посольства в Бухаресте.

Мергель, Георг (Mergl) — немецкий журналист. В начале 1940-х гг. сотрудник Германского информационного бюро (ДНБ) в Румынии; также представлял немецкую газету «Эссен Национальцейтунг» («Эссенскую национальную газету»). Почетный сотрудник особоуполномоченного VI Управления РСХА в Румынии.

Меркер — немецкий офицер; майор. В годы Первой мировой войны представитель германского Генерального штаба в Прибалтике.

Меркулов, Всеволод Николаевич (1895—1953) — советский государственный и политический деятель; генерал армии (1945). В 1938—1941 гг. руководитель ГУГБ НКВД СССР. В 1941, 1943—1946 гг. нарком (министр) госбезопасности СССР.

Мерхель — журналист; агент атташе полиции безопасности и СД штурмбанфюрера СС Г. Рихтера в Бухаресте.

Метаксас, Иоаннис (1871—1941) — греческий государственный и военный деятель; генерал. С апреля 1936 г. премьер-министр (фактически диктатор) Греции. После того как итальянские войска в 1941 г. вторглись в Грецию, быстро и эффективно мобилизовал ресурсы страны и организовал сопротивление. В результате греческие войска выбили оккупантов с территории страны и оккупировали часть территории Албании.

Метцгер, Фриц (Metzger) — немецкий дипломат; с 1941 г. сотрудник германского консульства в Плоешти. В 1939—1940 гг. шифровальщик в ставке Риббентропа в Восточной Пруссии (Растенбург). С весны 1943 г. секретарь германского консульства в Одессе. С осени 1943 г. сотрудник германского консульства в Мадриде (Испания).

Мидфай, Джамиль аль- (1890—1958) — иракский политический деятель. Пять раз занимал пост премьер-министра страны: с 9 ноября 1933 г. по 25 августа 1934 г.; с 1 марта по 16 марта 1935 г.; с 17 августа 1937 г. по 26 декабря 1938 г.; с 2 июня по 10 октября 1941 г; с 29 января по 1 сентября 1953 г.

Мильх, Эрхард (Milch; 1892—1972) — немецкий военный деятель; генерал-фельдмаршал (1940).

Миров, Эдуард (Mirow) — немецкий государственный деятель, дипломат. Член НСДАП (1931). Специалист по политическим вопросом на арабском Востоке; до 1942 г. сотрудник «Штаба фон Гробба» и «Особого штаба Фельми». В 1945 г. вице-консул в Цюрихе (Швейцария).

Миронас, Владас (Mironas; 1880—1953) — литовский государственный деятель. В 1926 г. избран депутатом Сейма Литвы, председатель правительства и министр сельского хозяйства. С 24 марта 1938 г. по 28 марта 1939 г. премьер-министр Литвы. В 1940 г. после присоединения Литвы к СССР арестован; в 1941 г. освобожден. Оставался в Литве в годы оккупации.

Митрофанова — сотрудник советских органов безопасности; младший лейтенант, переводчик.

Михаил, Георге (Mihail; 1887—1982) — румынский политический и военный деятель; генерал.

Михай I Гогенцоллерн-Зигмаринген (Mihai I Hohenzollern-Sigmaringen; р. 1921) — король Румынии в 1927—1930 и 1940—1947 гг.

Михайлов, Иван (Ванчо, Ванче) (парт. псевд. Радко; 1896—1990) — болгарский политический деятель в Македонии; лидер македонских «независимцев», руководитель ВМРО.

Михеев — сотрудник советских органов безопасности; старший лейтенант (1945). Сотрудник Берлинского оперсектора НКВД СССР.

Михов, Никола Михайлов (1891—1945) — болгарский военный и государственный деятель; генерал-лейтенант. В 1941—1942 гг. командующий 1-й армией со штабом в Софии. С 12 апреля 1942 г. по 14 сентября 1943 г. военный ми-

нистр. 9 сентября 1943 г. вошел в Регентский совет (кроме него членами совета были князь Кирилл и Б. Филов) при малолетнем царе Симеоне II.

Мойзиш, Людвиг Карл (Moyzisch) — сотрудник германской службы безопасности (СД). Служил в VI Управлении РСХА. В годы Второй мировой войны особоуполномоченный по Восточной Анатолии (Восточная Турция) с резиденцией в Анкаре.

Молотов, Вячеслав Михайлович (наст. фамилия Скрябин; 1890—1986) — советский политический и государственный деятель; большевик. В 1941—1957 гг. первый заместитель председателя СНК и Совета министров СССР. В 1941—1945 гг. первый заместитель председателя Государственного комитета обороны. В 1939—1949 гг. нарком, в 1953—1956 гг. министр иностранных дел СССР.

Мольтке, Ганс Адольф фон (von Moltke; 1884—1943) — немецкий государственный деятель, дипломат. С 5 февраля 1931 г. посланник в Варшаве (с 24 октября 1934 г. получил ранг посла). 26 января 1934 г. участвовал в заключении польско-германского пакта о ненападении. Член НСДАП (1937). 1 сентября 1939 г. покинул страну. С 1 января 1943 г. посол в Мадриде.

Мольтке (Старший), Гельмут Карл фон (von Moltke; 1800—1891) — немецкий военный деятель и военный теоретик; генерал-фельдмаршал (1871).

Мольтманн, Герхард (Moltmann; 1912—?) — немецкий дипломат и юрист, доктор права (1936); посланник 1-го класса (1960). Получил юридическое образование, с 1936 г. работал юристом в Ассоциации немецких судовладельцев в Гамбурге. С 1937 г. на дипломатической службе. В 1942 г. призван на военную службу, но вскоре после ранения демобилизован. Служил в германских посольствах в Берне и Белграде. В 1947 г. работал в Центральном управлении юстиции в британской зоне оккупации в Гамбурге. В 1948 г. перешел в Федеральное министерство внутренних дел. С 1951 г. вновь служил в МИДе. С 1955 г. посланник в Рио-де-Жанейро. В 1957—1960 гг. посланник в Лондоне. В 1969 г. посол в Тунисе. В 1971 г. посол в Алжире, затем в Кабуле (Афганистан).

Монглас (Montgelas) — немецкий ученый, граф. Автор трудов о германской внешней политике.

Морат, Ганс (Moraht; 1879—1945) — дипломат; по образованию юрист. Уроженец г. Гейлингенгафен. Получил юридическое образование в университетах Йены и Марбурга. В 1900—1905 гг. работал в суде и адвокатуре. С 1905 г. сотрудник МИДа Германии (асессор в Торговом отделе). В январе-августе 1908 г. вице-консул в Генеральном консульстве Германии в Лондоне. В 1908—1910 гг. вице-консул в отделе международного права. В 1910—1913 гг. служил в отделе МИДа по возвращению преступников, перебежавших в Германию. В 1913 г. находился в командировке в Марокко для открытия консульства Германии. В 1914—1915 гг. в качестве интернированного французскими властями находился в г. Оран (Франция). Сотрудник министерства иностранных дел, беспартийный. Проживал в Берлине. В марте-сентябре 1915 г. руководитель консульства Германии в Гётеборге (Швеция); в 1915—1919 гг. руководитель консульства в Голландии, затем вновь в Швеции (1919—1920). В 1922—1924 гг. уполномоченный от Германии при контрольной комиссии по выполнению условий Версальского договора. В 1924—1925 гг. временно исполняющий обязанности посла Германии в Эстонии. В 1925—1926 гг. уполномоченный немецкого правительства по переговорам с Чехословакией. В 1926—1933 гг. посол Германии в Литве. В 1933—1937 гг. посол Германии в Уругвае. До 1940 г. являлся советником МИД Германии по делам Австрии, Чехословакии, Югославии, Болгарии, Румынии и других стран. В 1940—1944 гг. референт отдела «16-ти стран Южной Америки». 29 ноября 1944 г. отправлен в отставку. Арестован 14 июля 1945 года сотрудниками оперсектора НКВД г. Берлина. Содержался под стражей в Лихтенбергской тюрьме № 6. Военным трибуналом гарнизона г. Берлина 3 ноября 1945 г. за то, что «в своей практической деятельности всячески помо-

гал гитлеровскому правительству проводить в жизнь их грабительские планы порабощения народов Европейских демократических стран» по ст. 58-2 УК РСФСР осужден на 10 лет исправительно-трудовых лагерей с конфискацией имущества. Умер в Интинском лагере (Коми АССР, Кожвинский район, пос. Инта).

Морманн, Антон (Mohrmann; 1897—1987) — немецкий дипломат. Уроженец Ибенбюрена. Участник Первой мировой войны. Получил юридическое образование в университетах Мюнстера и Бонна; доктор права (1922). С 15 декабря 1924 г. сотрудник германского МИДа. С 4 января 1937 г. референт IV отдела МИДа (Юго-Восточная Европа, Италия). Член НСДАП (1940). С 27 января 1940 г. сотрудник германского посольства в Софии. С 18 сентября 1944 г. по 27 декабря 1953 г. находился в советском плену. С 12 июля 1954 г. сотрудник МИД ФРГ. В 1962 г. вышел в отставку. Скончался в Мюнхене.

Морусов, Михаил (Moruzov; 1887—1940) — румынский государственный деятель; руководитель румынской Специальной секретной службы (ССИ). С 1924 по 1940 г. служил в ССИ румынской армии. 6 сентября 1940 г. арестован сторонниками И. Антонеску. Убит в Жулавской тюрьме.

Моршинин — сотрудник советских органов безопасности; подполковник (1945). Заместитель начальника ОКР «Смерш» войсковой части 19206.

Московитц-Леграин — румынский предприниматель, владелец парфюмерного магазина в Бухаресте. Агент германской военной разведки в Бухаресте.

Москони-Старче, Иоан (Mocsony-Stвrcea; 1909—1992) — румынский политический деятель. Уроженец г. Черновцы. Гофмаршал двора румынского короля Кароля II.

Мосли, Освальд (Mosley; 1896—1980) — британский политический деятель. В 1932 г. основал Британский фашистский союз, его бессменный лидер.

Мохаммед Хан, Фаис — афганский государственный деятель, дипломат. Весной 1941 г. афганский посол в Анкаре (Турция).

Мут — сотрудник германского посольства в Москве (до 22 июня 1941 г.).

Муфф, Вольфганг (Muff; 1880—1947) — немецкий военный деятель; генерал пехоты. В 1934—1938 гг. военный атташе германского посольства в Вене. После аншлюса Австрии возглавлял т.н. «Комиссию Муффа», которая определяла, кого из офицеров австрийской армии можно перевести в вермахт. С 1 сентября 1939 г. по 28 февраля 1943 г. командовал XI Военным округом (Ганновер), затем вышел в отставку.

Мучман, Мартин (Mutschmann; 1879—1948) — немецкий партийный деятель, обергруппенфюрер СА (1937). С 5 мая 1933 г. имперский наместник Саксонии. С 28 февраля 1935 г. глава правительства Саксонии, с 1 сентября 1939 г. имперский комиссар обороны IV Военного округа. Организовал эвакуацию Саксонии при угрозе подхода советских войск.

Мушанов Никола Стойков (1872—1951) — болгарский государственный деятель. Со 2 по 9 сентября 1944 г. министр без портфеля в правительстве К. Муравиева.

Мюгге, Гейнц (Mügge; 1895/1897?—?) — служащий германского консульства в Плоешти (1936—1944?). С 1935 г. руководитель местной национал-социалистической группы в Плоешти. До 1944 г. служащий германского консульства в Плоешти; сотрудничал с «АНСТ-Плоешти».

Мюллер — немецкий офицер. В 1918 г. военный советник в штабе генерала К. Маннергейма.

Мюллер — немецкая служащая. В годы Второй мировой войны стенографистка радио-политического отдела МИДа.

Мюллер, Генрих (Müller; 1901—1945) — немецкий государственный деятель, один из руководителей политической полиции (СД); группенфюрер СС и генерал-лейтенант полиции (1941). С 1935 г. (фактически) начальник IV управления РСХА (гестапо).

Мюллер, Герман (Müller; 1876—1931) — немецкий государственный деятель. Член Социал-демократической партии Германии (СДПГ, 1893); представитель правого крыла партии. После избрания Фридриха Эберта президентом (март 1919 г.) сопредседатель СДПГ. В 1919 г. министр иностранных дел Веймарской республики, в этом качестве подписал Версальский мирный договор. В марте-июне 1920 г. и июне 1928 — марте 1930 г. рейхсканцлер Германии.

Наб, Вернер (Knab; 1908—1945) — сотрудник германской тайной полиции (гестапо), доктор права; оберштурмбанфюрер СС (1944). С 1935 г. сотрудник гестапо в Мюнхене. С февраля 1940 г. советник отдела культуры германского посольства в Осло (Норвегия). После оккупации Норвегии германскими войсками стал первым начальником гестапо в Норвегии, затем начальник гестапо в Киеве. С июня 1943 по август 1944 г. командир полиции безопасности и СД в Лионе (Франция). Погиб в Баварии во время налета авиации союзников.

Навратил, Мирослав (Navratil; 1893—1947) — хорватский военный деятель, один из руководителей хорватских ВВС; генерал-лейтенант (1944). С созданием Независимого государства Хорватия в апреле 1941 г. поступил в хорватские ВВС, в том же году назначен военным атташе в Бухаресте (Румыния). В 1943 г. отозван в Загреб, где введен в состав правительства и некоторое время являлся командующим действующей армии. В октябре 1944 г. вышел в отставку и уехал в Австрию. После окончания войны арестован союзниками и передан югославским властям.

Нагель, Гейнц фон (von Nagel; 1900—?) — сотрудник германской военной разведки; майор, доктор права. Уроженец Рердорфа (округ Ливенбург). С осени 1942 до 1944 г. начальник отдела Абвер III (контрразведка) «КО-Финляндия» («Бюро Целлариуса»).

Нади-Калло, Миклош Каллай де (de Nagy-Kálló; 1887—1967) — венгерский политический деятель. В 1942—1944 гг. премьер-министр Венгрии.

Надольны, Рудольф (Nadolny; 1873—1953) — немецкий дипломат. В 1903—1907 гг. вице-консул в Петербурге. В 1907—1912 гг. советник Имперского министерства иностранных дел. В годы Первой мировой войны руководитель Политической секции генерального штаба (с сентября 1914 г.) при представительстве генштаба в Берлине. В 1916—1917 гг. поверенный в делах в Тегеране (Персия). С 1917 г. тайный советник, референт по странам Востока в МИДе. С 1919 г. начальник Бюро при президенте Ф. Эберте. С 1920 г. посланник в Стокгольме. В 1924—1933 гг. посол в Константинополе. В 1932—1933 гг. руководитель германской делегации на Женевской конференции по разоружению. Сторонник укрепления советско-германских отношений. С 31 августа 1933 г. по 11 июня 1934 г. германский посол в Москве. В июне 1934 г. вступил в конфликт с И. фон Риббентропом, был заменен В. фон дер Шуленбургом и вышел в отставку.

Назаров — сотрудник советских органов безопасности; майор (1945). Заместитель начальника ОКР «Смерш» 36-й танковой бригады.

Нахас Паша, Мустафа (1876—1965) — египетский государственный деятель. В 1927—1952 гг. лидер партии Вафд. В период 1928—1952 гг. пять раз занимал пост премьер-министра страны. В годы Второй мировой войны англичане вынудили короля Фарука назначить его на пост премьер-министра как лицо, наиболее благоприятное для союзников.

Неванлина, Рольф Герман (Nevanlinna; 1895—1980) — финский ученый-математик и политический деятель; профессор Хельсинского университета. Член организации «Отечественное народное движение», а также финского прогерманского движения. В годы Второй мировой войны поддержал идею организации финских добровольческих соединений СС, председатель комитета финских батальонов СС. В 1941 г. ректор университета Хельсинки. В 1945 г. был вынужден уйти в отставку.

Нейрат, Константин Фрейхерр фон (von Neurath; 1873—1956) — немецкий государственный деятель, дипломат, барон; обергруппенфюрер СС (1943). С 1932 г. имперский министр иностранных дел (входил тогда в состав «кабинета баронов», возглавлявшийся Ф. фон Папеном, а затем в правительство «социального генерала» К. фон Шлейхера). В январе 1933 г. стал имперским министром иностранных дел в коалиционном правительстве Гитлера, получив чин группенфюрера СС (соответствовало генерал-лейтенанту). В феврале 1938 г. заменен на этом посту И. фон Риббентропом. Был назначен председателем формально созданного и никогда не собиравшегося Имперского тайного совета. С марта 1939 по август 1944 г. протектор Богемии и Моравии.

Никль, фон — венгерский дипломат. В 1940 г. руководитель Торгово-политического отдела МИД Венгрии; посланник.

Николаев — сотрудник советских органов безопасности; майор (1945).

Ниланд, Ганс Генрих (Nieland; 1900—1976) — немецкий политический деятель; бригадефюрер СС (1939). Участник Первой мировой войны. Изучал юриспруденцию в университетах Мюнстера и Гёттингена. Член НСДАП (1926). С 1940 по 1945 г. обербургомистр Дрездена. С 2 июня 1945 г. по 21 февраля 1948 г. находился в британском плену.

Ничков, Петр — болгарский юрист, адвокат. В годы Второй мировой войны секретарь немецко-болгарской торговой палаты. С конца 1940 г. агент германской политической разведки в Болгарии.

Нойбахер, Герман (Neubacher; 1893—1960) — австрийский экономист, дипломат и политик НСДАП. С 18 января 1940 г. специальный представитель по хозяйственным вопросам в Бухаресте. С 15 октября 1942 г. специальный представитель по экономическим и финансовым вопросам в Греции. С августа 1943 г. и до конца войны специальный представитель МИДа в Юго-Восточной Сербии. В 1951 г. югославским судом приговорен к 20 годам тюрьмы, но вскоре был освобожден в связи с болезнью.

Нойман, Эрнст (Neumann; 1888—?) — немецкий политический деятель; создатель и руководитель в Клайпедском крае партии нацистского типа — Социалистическое националистическое общество. Летом 1933 г. на основе программных установок НСДАП создал т.н. Социалистический союз народа. В 1934 г. арестован литовскими властями и в 1935 г. приговорен к заключению в каторжную тюрьму, однако вскоре амнистирован. В 1938 г. образовал в Клайпедском крае филиал союза «Культурфербунд» и стал фюрером немцев Клайпедского края. Способствовал возвращению в марте 1939 г. Мемельской области в состав Восточной Пруссии.

Нолле — французский военный деятель; генерал. В 1919 — начале 1920-х гг. председатель Союзной военно-контрольной комиссии по Рейнской области.

Нольдеке, Вильгельм (Nöldeke; 1889—1971) — немецкий дипломат, доктор права (1912). С 8 марта 1934 г. генеральный консул в Катовицах. С 31 октября 1939 г. — в Ревеле (Эстония). С 28 ноября 1939 г. работал в отделе МИДа в Крюммхубеле.

Норман Монтегю, Коллет (Norman Montagu; 1871—1950) — британский экономист и банкир, 1-й барон Норман. В годы Первой мировой войны финансовый консультант ряда британских правительств. В 1920—1944 гг. управляющий Банка Англии. Близкий друг президента Центрального банка Германии Ялмара Шахта. При его участии весной 1939 г. после оккупации Германией Чехословакии 6 000 000 фунтов стерлингов чешского золотого запаса были переведены в Рейхсбанк.

Носов — сотрудник советских органов безопасности; полковник. Сотрудник оперсектора НКВД в Потсдаме.

Ноуман — агент германской военной разведки и СД в Бухаресте.

Обермайер, Франц (Franz Obermaier; 1905—1996) — немецкий дипломат. С 18 декабря 1939 г. по январь 1940 г. сотрудник посольства в Брюсселе. С 20 января 1940 г. по 4 июля 1941 г. личный референт германского посла в Софии. 27 мая 1942 г. призван в вермахт. После окончания войны служил в МИДе ФРГ.

Образцов — советский юрист; капитан юстиции (1951). Прокурор Военной прокуратуры войск МГБ СССР.

Овербек, Карл Куно (Overbeck; 1909—1972) — немецкий дипломат. С июня 1934 г. на дипломатической службе; атташе реферата «Польша» 4-го отдела (Восточная Европа). С 18 марта 1935 г. сотрудник посольства в Хельсинки (Финляндия). С 28 января 1936 г. служил в Хозяйственно-политическом отделе МИДа (Берлин). С 17 октября 1936 г. сотрудник посольства в Хельсинки. С 14 января 1937 г. служил в Политическом отделе МИДа. С 15 апреля 1937 г. — в посольстве в Бухаресте; затем сотрудник Политического, позднее Протокольного отдела МИДа. С 15 сентября 1942 г. на военной службе. С 19 июня 1945 г. по 14 ноября 1946 г. интернирован американцами.

Ойнонен, Вяйне Йоханнес (1897—1975) — финский военный деятель; генерал-лейтенант (1954). В 1934—1940 гг. начальник бюро Генерального штаба. В 1940—1944 гг. начальник штаба III корпуса. В 1944 г. командир 18-й дивизии. В 1947—1949 гг. начальник Генерального штаба финской армии.

Ольга Греческая и Датская (1903—1997) — греческая принцесса из династии Глюксбургов. Старшая дочь принца Греции Николая и великой княжны Елены Владимировны. Имела двух сестер — Елизавету и Марину. В 1917 г. после отречения короля Греции Константина семья принца Николая также покинула страну, переехав в Швейцарию, а оттуда во Францию. 22 октября 1923 г. вышла замуж за брата короля Югославии — Павла Карагеоргиевича.

О'Молли Сент-Клер, Оуэн (St Clair O'Molley; 1887—1974) — британский государственный деятель, сэр; дипломат. В 1939—1941 гг. посол в Будапеште. В 1941—1945 гг. посол при польском правительстве в эмиграции (Лондон). С июля 1945 по май 1947 г. посол в Лиссабоне (Португалия).

Онучи, Хироши — японский военный деятель и дипломат; генерал-майор. В годы Второй мировой войны японский военный атташе в Хельсинки. В сентябре 1944 г. участвовал вместе с японским военным атташе в Стокгольме генералом М. Онодера в организации и проведении операции «Стелла Поларис».

Орлов, Александр Григорьевич (1898—1940) — советский военный деятель и дипломат; комдив. В 1931—1933 гг. начальник Управления военных приборов ГАУ РККА. В 1933—1934 гг. помощник военного атташе в Париже (Франция). В 1935—1937 гг. военный атташе в Берлине (Германия) и Будапеште (Венгрия). В 1937—1938 гг. заместитель начальника Разведуправления (РУ) РККА. В 1938—1939 гг. врио начальника РУ РККА. В 1939 г. начальник кафедры иностранных языков Военной артиллерийской академии им. Ф.Э. Дзержинского.

Орлова Л. — сотрудник советских органов безопасности; переводчик.

Остер, Ганс (Oster; 1888—1945) — один из руководителей германской военной разведки; генерал-майор (1941). Входил в число ближайших помощников В. Канариса, начальник штаба Абвера (1939). 15 апреля 1943 г. смещен со своего поста и уволен в запас. После неудавшегося покушения на А. Гитлера 20 апреля 1944 г. арестован. Казнен в концлагере Флоссенбург.

Острайх, Карл — прибалтийский немец, владелец поместья в Литве.

Отерштет — немецкий офицер; подполковник. В годы Второй мировой войны начальник отдела 1-ц германской военной миссии в Румынии.

Оф-Вахендорф, Вернер Фрейхерр фон (von Ow-Wachendorf; 1886—1939) — немецкий дипломат. С 24 февраля 1931 г. посланник в Люксембурге. С 25 апреля 1934 г. генеральный консул в Калькутте, затем в Бомбее. С 24 августа 1936 г. по 21 февраля 1939 г. посланник в Каире.

Ошима (Осима), Хироши (1886—1975) — японский военный и государственный деятель, дипломат; генерал-лейтенант. В 1923—1924 гг. военный атташе в Будапеште и Вене. В 1938—1939 и 1941—1945 гг. японский военный атташе, затем посол в Берлине.

Паасонен, Аладар (Paasonen; 1898—1974) — финский военный деятель; полковник. В 1942—1944 гг. возглавлял разведывательную службу Генштаба финской армии; один из ближайших помощников маршала Маннергейма. В сентябре 1944 г. вместе с подполковником Р. Халламаа руководил операцией «Стела Поларис». После выхода в отставку маршала Маннергейма сопровождал его в Лозанне (Швейцария).

Павел Карагеоргиевич (Павле Карађорђевић; 1893—1976) — югославский государственный деятель. Сын князя Арсена Карагеоргиевича и Авроры Демидовой, племянник короля Сербии Петра I. В 1923 г. женился на принцессе Ольге Греческой. С 9 октября 1934 г. по 27 марта 1941 гг. регент Югославии в период малолетства короля Петра II. При нем были установлены в 1940 г. дипломатические отношения между Белградом и Москвой. 25 марта 1941 г. с его санкции Д. Цветкович подписал в Вене соглашение о присоединении Югославии к Тройственному (Берлинскому) пакту 1940 г.

Павелич, Анте (Pavelić; 1889—1959) — хорватский политический деятель. В 1929 г. возглавил созданную им организацию усташей, став ее «поглавником». С апреля 1941 по май 1945 г. поглавник НХГ и председатель правительства (до 1943 г.). В 1945 г. бежал из Хорватии. Скрывался в Австрии, Италии, Аргентине и Мадриде. Югославским судом заочно приговорен к смертной казни.

Павлов, Владимир Николаевич (1915—1993) — советский дипломат и переводчик. В 1942—1945 гг. постоянный переводчик Сталина и Молотова, принимал участие в работе большинства межсоюзнических конференций. Переводил на переговорах Сталина, Рузвельта и Черчилля в ходе Тегеранской (1943), Ялтинской (1945) и Потсдамской конференций (1945). Кроме того, участвовал в учредительной конференции ООН (1945) и переговорах на конференции 4-х держав в Париже.

Павлов, Павел — болгарский государственный деятель. В годы Второй мировой войны — начальник Политического отдела болгарской полиции.

Памперрин, Рудольф (Pamperrien; 1896—1973) — немецкий дипломат; консул 1-го класса (1952). С 9 декабря 1924 г. на дипломатической службе. С 21 сентября 1928 г. сотрудник посольства в Рио-де-Жанейро. С 3 ноября 1932 г. сотрудник посольства в Буэнос-Айресе. С 23 августа 1937 г. служил в Хозяйственно-политическом отделе МИДа. С 10 ферваля 1945 г. на военной службе. В 1946—1949 гг. сотрудник администрации Берлина.

Паница, Лиляна Васильева (1914—1945?) — сотрудница болгарского Комиссариата по еврейскому вопросу (КЕВ); личный секретарь комиссара А. Белева. В феврале 1943 г. предупредила представителя Центральной еврейской консистории в Софии Нисиму Леви о предстоящей депортации евреев Фракии и Македонии из Старой Болгарии (т.н. «соглашение Даннекер—Белев» от 22 февраля 1943 г.).

Пантаци (Пантази), Константин (Pantazi; 1888—1958) — румынский военный деятель; корпусной генерал. Военный министр Румынии; один из ближайших сотрудников маршала Й. Антонеску.

Панцингер, Фридрих (Panzinger; 1903—1959) — немецкий государственный деятель, регирунсдиректор, один из руководителей Имперской службы безопасности (РСХА); оберфюрер СС (1943) и полковник полиции. Уроженец Мюнхена. После окончания средней школы в 1919 г. поступил в мюнхенскую полицию. В 1920—1930-х гг. служил в полиции вместе с Г. Мюллером, затем до

1937 г. являлся заместителем начальника отдела кадров мюнхенского гестапо. Окончил юридический факультет Мюнхенского университета (1934). С декабря 1934 г. асессор в правительстве Баварии. В октябре 1931 г. переведен в Берлин; в том же году вступил в НСДАП, в 1939 г. — в СС. Задержан органами контрразведки МГБ Центральной группы войск 17 ноября 1946 г. в г. Кремс (Австрия), арестован 20 октября того же года. Осужден Военным трибуналом войск МВД Московской области 22 марта 1952 г. по ст. 58-6 ч. 1 УК РСФСР, ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. и ст. 2 п.п. «а», «б», «ц» и «д» Закона № 10 Контрольного Совета в Германии к 25 годам тюремного заключения. На основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 сентября 1955 г. передан 11 октября того же года «в распоряжение правительства Г[ерманской] Ф[едеративной] Р[еспублики] как преступник». В октябре 2003 г. Главная военная прокуратура РФ отказала в реабилитации Ф. Панцингера.

Папен, Франц Йозеф Герман Михаэль Мария фон (von Papen; 1879—1969) — немецкий государственный деятель, дипломат. С 1 июня 1932 г. имперский канцлер. С 30 января 1933 г. вице-канцлер и имперский комиссар в правительстве Гитлера. С 13 ноября 1933 г. уполномоченный по вопросам Саара. С 29 апреля 1939 г. по август 1944 г. посол в Турции.

Папен, Марта фон (von Papen, урожд. фон Бох-Галхау, von Boch-Galhau) — жена Ф. фон Папена (с 3 мая 1905 г.). Дочь крупного фабриканта Рене фон Бох-Галхау.

Парпаров, Феодор Карпович (1893—1960) — сотрудник советских органов безопасности; полковник. С начала 1930-х годов возглавлял нелегальную резидентуру в Германии. В начале 1938 г. в связи с предательством советского агента В. Кривицкого отозван в СССР. В мае 1938 г. арестован, находился под следствием. В июне 1939 г. освобожден по указанию Л.П. Берия. В конце 1939 г. восстановлен в НКВД; майор госбезопасности. Служил в 4-м Управлении НКВД/НКГБ СССР. В 1944 г. как специалист по Германии переведен в Главное управление по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ) НКВД СССР; участвовал в допросах генерал-фельдмаршала Ф. Паулюса и других высокопоставленных военнопленных.

Пачачи, Музахим аль- (1890—1982) — иракский политический деятель и дипломат.

Пакович — сотрудник советских органов безопасности. Переводчица отдела 2-Е 2-го Главного управления МГБ СССР.

Петерман, (Petermann, псевд. «Доктор Пауль») — сотрудник германской военной разведки; зондерфюрер К (приравнивался к воинскому званию «капитан»). Служил в «АСТ-Бухарест».

Петр II Карагеоргиевич (Петр II Карађорђевић; 1923—1970) — король Югославии (с 27 марта 1934 г. по 10 апреля 1945 г.). Старший сын короля Александра I Карагеоргиевича и королевы Марии, принцессы румынской. После убийства отца в Марселе 9 октября 1934 г. стал во главе государства. Регентом при нем был назначен князь Павел Карагеоргиевич. 6 апреля 1941 г. германские войска вторглись в Югославию. Король и правительство вынуждены были бежать в Афины, а оттуда в Каир. 24 мая 1944 г. в Лондоне женился на греческой принцессе Александре, дочери короля Греции Александра I.

Петрович-Негош, Никола (Petrovič-Njegoš; 1841—1921) — князь (1861—1910), затем король (1910—1918) Черногории; генерал-фельдмаршал Русской императорской армии (1914).

Петэн, Анри Филипп (Péten; 1856—1951) — французский военный и политический деятель; маршал Франции (1918, лишен звания в 1945 г.).

Пёрцген, Герман Вильгельм (Pörzgen; 1905—06.12.1976) — немецкий дипломат и журналист, доктор философии (1936). Уроженец Киля. Из семьи препода-

вателя университета. Получил философское образование в университетах Гамбурга, Риги, Берлина и Кёльна. Член НСДАП (1938). С 1929 г. сотрудник газеты «Франкфуртер Цайтунг». С июня 1937 по июнь 1941 гг. корреспондент «Франкфуртер Цайтунг» в Москве. С 23 марта 1942 г. сотрудник германского консульства в Танжере (испанское Марокко). С 6 мая 1944 г. сотрудник германского посольства в Лиссабоне. С 23 июня 1944 г. пресс-референт германского посольства в Париже (Виши). С 31 июля 1944 г. пресс-атташе германского посольства в Софии. Задержан 18 сентября 1944 г. на станции Раковски (Болгария) сотрудниками УКР «Смерш» 3-го Украинского фронта и доставлен в Москву. Арестован 22 августа 1947 г. Постановлением ОС при МГБ СССР от 26 июня 1948 г. за шпионаж (ст. 58-1-6 УК РСФСР) заключен в тюрьму сроком на 15 лет. Наказание отбывал во Владимирской тюрьме МГБ СССР. 10 октября 1955 г. в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 сентября того же года досрочно освобожден из заключения и репатриирован в Германию. В 1956 г. вернулся в Москву в качестве корреспондента «Франкфуртер Альгемайне Цайтунг». 7 июня 1990 г. по заключению ГВП реабилитирован. Умер в Москве.

Пёрцген, Гизелла (Pörzgen, урожд. Дёрн, Döhrn; 1909—?) — немецкая журналистка. 28 декабря 1936 г. вышла замуж за немецкого дипломата и журналиста Г. Пёрцгена. Корреспондент газет «Гамбургер фремдеблат», «Мюнхенир найст» и «Националь цайтунг» (Эссен).

Пий X (Pius X, до интронизации Джузеппе Мелькиоре Сарто, Sarto; 1835—1914) —деятель Католической церкви. С 4 августа 1903 г. по 20 августа 1914 г. — папа Римский.

Пий XII (Pius XII, до интронизации Евгений Мария Джузеппе Джовroutani Пачелли, Pacelli; 1876—1958) — деятель Католической церкви. Уроженец Рима. В 1929 г. римским папой Пием XI произведен в кардиналы. С 1930 г. папский госсекретарь. С 2 марта 1939 г. по 9 октября 1958 г. папа Римский.

Пикенброк, Ганс (Piekenbrock; 1893—1959) — один из руководителей германской военной разведки; генерал-лейтенант. С 1 октября 1936 г. начальник отдела Абвер I (разведка) Управления разведки и контрразведки при ОКВ, позже одновременно был заместителем В. Канариса. Организатор политической, технической и военной разведки за рубежом; один из организаторов «пятых колонн». С марта 1943 г. командовал гренадерским полком на советско-германском фронте, с октября командир 208-й пехотной дивизии. Взят в плен советскими войсками на территории Чехословакии (1945).

Пикот, Вернер (Picot; 1903—1992) — немецкий дипломат, легационный секретарь 1-го класса (1942); штандартенфюрер СС. Член НСДАП (1931), СА (1932) и СС (1935). С 1935 г. сотрудник германского МИДа. С февраля 1936 по март 1937 г. сотрудник германского посольства в Ковно. В 1937—1939 гг. в германском посольстве в Риме (Ватикан). В августе 1939 г. призван в армию. С марта 1940 г. сотрудник отдела «Германия» в МИДе. С мая 1942 г. служил в Политическом отделе МИДа. С января 1943 г. вновь в армии.

Пильгер, Ганс Карл Адольф (Pilger; 1888—1953) — немецкий дипломат. В 1925—1934 гг. сотрудник германской дипломатической миссии в Египте. Член НСДАП (1937). С августа 1937 до 1945 г. чрезвычайный и полномочный министр в Кабуле (Афганистан). После отъезда из Афганистана через СССР арестован и заключен в тюрьму.

Пиркам, Петер (Pirkham) — немецкий дипломат.

Платен, фон (von Platen) — кавалерийский инструктор афганской армии; ротмистр.

Плессен, Иоганн фон (von Plessen; 1890—1961) — немецкий дипломат, барон, доктор права (1914); легационный советник 1-го класса (1932). С 10 февраля 1923 г. сотрудник генерального консульства в Катовицах. С 9 августа 1923 г. со-

трудник посольства в Лондоне. С 25 февраля 1928 г. служил во 2-м отделе МИДа (Западная и Юго-Восточная Европа). С 27 апреля 1931 г. сотрудник 3-го отдела МИДа (Британская империя, Америка, Восток). С 7 февраля 1935 г. советник посольства в Риме. Член НСДАП (1938).

Плехавичус, Повилас (Plechavičius; 1890—1973) — литовский военный деятель, генерал-лейтенант. В 1924—1926 гг. учился в Академии генштаба в Чехословакии, по окончании назначен начальником Генштаба литовской армии. В 1926 г. один из активных участников фашистского переворота в Литве. В 1929 г. вышел в отставку. С 1936 г. агент германской военной разведки. В 1940 г. бежал в Германию, откуда руководил литовским националистическим подпольем. После оккупации Литвы германскими войсками министр внутренних дел в правительстве Амбразявичуса. В феврале 1944 г. создал т.н. «Литовскую освободительную армию».

Подольский, Борис Григорьевич (1897—1938) — советский дипломат. Полпред СССР в Литве. Репрессирован. Реабилитирован.

Полашек, Вальтер Франц (Polaschek; 1913—?) — немецкий дипломат. С 28 ноября 1939 г. сотрудник германского МИДа. Со 2 мая 1941 г. сотрудник германского посольства в Сербии. С 15 января 1942 г. призван на военную службу.

Полиньяк, Мельхиор де (de Polignac; 1880—1950) — французский государственный и политический деятель; маркиз. В 1900 г. после скоропостижной смерти отца возглавил семейный бизнес, с 1907 г. взял под свое управление известную фирму по производству шампанских вин «Дом Поммери».

Политис — греческий государственный деятель. Министр иностранных дел Греции.

Попов — болгарский журналист. С 1941 г. агент оберфюрера СС Ф. Панцингера в Болгарии.

Попов, Иван Владимиров (1890—1944) — болгарский политический деятель, дипломат. В 1924—1933 гг. директор отдела печати в Министерстве внутренних дел и исповеданий. В 1933—1935 гг. сотрудник посольства в Будапеште. В 1936—1937 гг. полномочный министр в Праге, в 1937—1940 гг. — в Белграде. 7 сентября 1940 г. подписал Крайовский мирный договор с Румынией, по которому последняя уступила Болгарии Южную Добруджу. В 1940—1942 гг. министр иностранных дел Болгарии. В начале 1944 г. назначен посланником в Бухаресте, 5 сентября освобожден со своего поста.

Попович — румынский государственный деятель. Министр финансов короля Михая I.

Потапова, Мария Афанасьевна (1916—?) — сотрудник советских органов безопасности. В органах безопасности с 1938 г. Служила переводчиком в особых отделах НКВД Волховского, 3-го Белорусского фронтов, ГУКР «Смерш» НКО СССР. С 15 января по 15 июля 1945 г. переводчик опергруппы ГУКР при УКР «Смерш» 3-го Белорусского фронта. Затем переводчик Следственного отдела 2-го Главного управления МГБ СССР.

Потоцкий, Юзеф (Potocki; 1895—?) — польский государственный деятель, дипломат; граф. В 1938 г. вице-директор Западного департамента польского МИДа, затем помощник статс-секретаря польского МИДа.

Праматаров, Андрей — болгарский чиновник. В годы Второй мировой войны помощник начальника Политического отдела болгарской полиции.

Престон, Томас Хильдебрант (Preston; 1886—?) — британский дипломат. С 1913 г. заместитель консула Великобритании в Екатеринбурге; с 1917 г. — в Томской губернии; в 1919 г. находился в подчинении главного Британского комиссариата в Сибири. С 30 октября 1919 г. консул во Владивостоке. С 1 мая 1920 г. работал в Министерстве внешней торговли Великобритании. С 1921 г. консул в Петрограде. С 1927 г. консул в Турине (Италия). С 21 июля 1929 г. по

20 июня 1930 г. консул в Каунасе, затем поверенный в делах Великобритании в Каунасе. С 12 июня 1940 г. чрезвычайный и полномочный министр в Литовской Республике. С конца лета 1940 г. на дипломатической службе в Анкаре (Турция), затем в Каире (Египет). После выхода на пенсию занимался публицистикой.

Приднов, Эбергард — инженер нефтяного предприятия «Унрия» в Плоешти (Румыния). В годы Второй мировой войны агент германского консула в Плоешти; одновременно уполномоченный «АСТ-Бухарест» на нефтедобывающих предприятиях в Румынии.

Примаков, Виталий Маркович (1897—1937) — советский военный деятель; комкор (1935). С июля 1934 г. заместитель инспектора ВВУЗ РККА. С мая 1935 г. заместитель командующего Ленинградским ВО.

Прокоп, Макс (Prokop; 1883—1961) — чехословацкий общественный деятель и дипломат. В 1918—1920 гг. член чехословацкого Национального собрания. До весны 1939 г. посланник в Софии. С 5 августа 1945 г. заместитель председателя Славянского комитета в Праге.

Протагеров, Александр Николов (1867—1928) — болгарский военный деятель; генерал. Участвовал добровольцем в Сербско-болгарской войне (1885—1886). Окончил военное училище (1887); служил в пехоте. Принимал участие в революционном движении в Македонии, член Верховного македонско-одринского комитета (ВМОК). Во время Балканской войны 1912—1913 гг. помощник Македонско-одринского ополчения. Умер в Софии.

Прук, Эрих Фердинанд (Pruck; 1898?—?) — сотрудник германской военной разведки; полковник. С 1937 г. сотрудник Управления Абвер/Заграница в Берлине. Отвечал за разведку в странах Юго-Восточной Европы (Балканы). В 1941—1942 гг. недолго возглавлял «АСТ-Осло» (Норвегия). В 1942 г. вышел в отставку. Работал коммерсантом в Берлине.

Прюфер, Курт Макс (Prüfer; 1881—1959) — немецкий дипломат, доктор философии (1905). С 23 октября 1925 г. по 26 ноября 1927 г. сотрудник, с апреля генеральный консул в Тбилиси (Тифлисе). В 1930—1936 гг. служил в МИДе (Берлин). Член НСДАП (1937). В 1936—1939 гг. руководил отделом кадров МИДа. С 1939 г. работал в Бразилии, осенью 1942 г. вернулся в Германию. С середины 1943 г. возглавлял Восточный отдел МИДа (сменил на этом посту Г. фон Рихтгофена) и курировал работу с Муфтием Иерусалимским — Мухаммедом Амином аль-Хусейни. В сентябре 1943 г. вышел в отставку и переехал с семьей в Швейцарию.

Путна, Витовт (Витаутас) Казимирович (1893—1937) — советский военный деятель; комкор (1935). В 1927—1931 гг. военный атташе в Японии, Финляндии, Германии. В 1931—1934 гг. командир корпуса в Приморской группе войск на Дальнем Востоке. С 1934 г. военный атташе в Великобритании. В 1936 г. отозван в СССР.

Пуанкаре, Раймонд (Poincaré; 1860—1934) — французский государственный деятель. Премьер-министр Франции в 1912—1913, 1922—1924 и 1926—1929 гг. В 1913—1920 гг. президент Франции.

Пфайфер, Петер (Pfeiffer; 1895—1978) — немецкий дипломат. С 31 января 1930 г. по 31 августа 1934 г. сотрудник германского посольства в Москве. С 25 июня 1934 г. по 11 августа 1938 г. на дипломатической работе в Париже. С 13 июля 1938 г. по 1 ноября 1940 г. сотрудник посольства в Риме (Квиринал). С 14 ноября 1940 г. по 21 октября 1941 г. в генеральном консульстве в Тиране (Албания), генеральный консул (21.12.1940). С 21 октября 1941 г. по 28 декабря 1943 г. генеральный консул в Алжире. С 23 марта по 23 июля 1944 г. вновь сотрудник посольства в Париже, затем до конца войны сотрудник Политического отдела германского МИДа. Умер в Крайбурге (Инн).

Пфляйдерер, Карл Георг (Pfleiderer; 1899—1957) — немецкий дипломат, доктор права (1925). С 20 октября 1928 г. по 13 мая 1930 г. в германском посольстве

в Москве. С 28 июля 1930 г. по май 1933 г. вице-консул германского генконсульства в Ленинграде. С 7 мая 1933 г. по октябрь 1934 г. работал в МИДе Германии. С 30 октября 1934 г. по ноябрь 1934 г. в генконсульстве в Катовицах. В 1935—1941 гг. сотрудник МИДа Германии. С января по март 1941 г. служил в представительстве МИДа в Мемельской области. С 25 марта по 18 июня 1941 г. в германском посольстве в Париже. С июня 1941 по июнь 1943 г. на военной службе; капитан резерва, затем вновь работал в МИДе. С 31 марта 1943 г. по 1944 г. в германском посольстве в Стокгольме. В 1945 г. интернирован союзниками.

Пюклер, Адриан фон (von Pückler; 1905—1945) — немецкий офицер, граф; полковник (1945?). Племянник Г. фон Рихтгофена(?). В июле 1943 г. начальник Оперативного отдела (Ia) 20-й моторизованной дивизии. До 1944 г. служил в «Отделе иностранных армий» при ОКХ, затем в действующей армии в Италии. В 1945 г. Командир 29-го танкового полка. Погиб в Цеханове (Польша).

Пюклер, Фридрих фон (von Pückler; 1877—?) — немецкий офицер; подполковник (на июль 1941 г.). Уроженец Вельны, провинция Позен. В 1941 г. помощник военного атташе при германском посольстве в Софии(?).

Пялаждану — румынский государственный деятель. В годы Второй мировой войны префект полиции Бухареста.

Пятс, Константин (Päts; 1874—1956) — эстонский государственный деятель. С 1938 по 1940 г. президент Эстонской Республики. После установления в Эстонии Советской власти был вывезен в Уфу. Арестован органами НКВД Башкирской АССР 26 июня 1941 г. и 29 марта 1942 г. направлен в г. Киров.

Рабе фон Паппехейм, Фридрих-Карл (Rabe von Pappenheim; 1894—1977) — немецкий военный деятель и дипломат; генерал-лейтенант (1944). С 1 ноября 1933 г. офицер генштаба в Военном министерстве в группе атташе Управления сухопутных войск, затем в отделе Иностранных армий. С 1937 г. военный атташе при германском посольстве в Брюсселе (Бельгия). С октября 1940 г. командир 463-го пехотного полка. С октября 1941 по 1943 г. военный атташе при германском посольстве в Будапеште (Венгрия). С 8 октября 1943 г. в резерве ОКХ. С февраля 1944 г. командир 97-й егерской дивизии. С 8 мая 1945 г. в американском, затем в советском плену.

Радлов, Сергей Эрнестович (1892—1958) — советский режиссер, драматург, теоретик и историк театра.

Радовитц, Отто фон (von Radowitz; 1880—1941) — немецкий дипломат. Член НСДАП и СА (1931). С 12 октября 1933 г. генеральный консул в Данциге. С 21 октября 1936 г. посланник в Люксембурге. С 16 сентября 1940 г. сотрудник МИДа (Берлин).

Рамзай, Карл Хенрик (Ramsay; 1886—1951) — финский государственный деятель и дипломат. В 1920—1946 и 1948—1951 гг. председатель правления финской пароходной кампании. С 1941 г. возглавлял Министерство снабжения. С 5 марта 1943 г. по 8 августа 1944 г. министр иностранных дел Финляндии в кабинете Э. Линкомиеса. 25 марта 1943 г. посетил Берлин, где был крайне холодно встречен И. фон Риббентропом, который потребовал, чтобы Финляндия разорвала дипломатические отношения с США. Имел широкие связи в странах британской ориентации и через Швецию укрепил сотрудничество с Британией и США. Один из немногих политиков в Финляндии имел британский титул «сэра», но его не использовал.

Рамм, Ульрих фон (von Rhamm; 1913—2005) — немецкий дипломат, доктор права (1937). С 12 октября 1940 г. сотрудник МИДа, с 14 октября 1940 г. по 8 апреля 1942 г. работал в Брюсселе. С 13 апреля 1942 г. на военной службе; лейтенант резерва.

Ран, Рудольф (Rahn; 1900—1975) — немецкий государственный деятель, дипломат; доктор философии (1923). Член НСДАП (1933). В 1938 г. советник по-

сольства в Лиссабоне, с 1940 г. исполнительный секретарь германского посольства в Париже. После поражения Франции с августа 1940 г. возглавил Управление радио и пропаганды германского посольства в Париже. С 1941 г. политический уполномоченный в Сирии. В 1941—1943 гг. дипломатический представитель при главнокомандующем германскими войсками в Тунисе; в 1942 г. получил чин посланника. С 26 июля 1943 г. имперский уполномоченный в Италии; с 9 ноября посол при правительстве Итальянской социальной республики. Руководил созданием марионеточного правительства Б. Муссолини. В 1945 г. интернирован союзниками.

Рангелл, Йохан Вильгельм (Rangell; 1894—1982) — финский государственный деятель, экономист. Представитель финансовых кругов Финляндии. В 1938—1967 гг. член Международного олимпийского комитета (МОК) от Финляндии. С 3 января 1941 г. по 5 марта 1943 г. премьер-министр Финляндии в кабинете президента Р. Рюти. Представитель профашистской партии Патриотическое народное движение. 25 июня 1941 г. выступал на закрытом заседании парламента, призывал к войне с СССР.

Ранцау, Езиас фон (von Rantzau; 1903—1950) — немецкий дипломат; советник посольства 1-го класса (1944). Член НСДАП (1938). С 11 октября 1938 г. легационный секретарь германского посольства в Лондоне. С 14 октября 1939 г. в германском посольстве в Гааге (Голландия). С 10 апреля 1940 г. сотрудник реферата 1 М (военного) Политического отдела МИДа; представитель МИДа при ОКВ. С 7 июня 1940 г. служил в Информационном, затем Культурно-политическом отделах МИД. С 27 апреля 1943 г. референт по культуре германского посольства в Бухаресте. С 25 августа 1944 г. в румынском плену, затем передан представителям советского командования. Скончался в советском плену, в лагере № 58.

Раскин — сотрудник советских органов безопасности; старший лейтенант, переводчик.

Раскольников, Федор (наст. фамилия Ильин; 1892—1939) — советский дипломат, журналист; невозвращенец. С сентября 1934 г. по 6 апреля 1938 г. полпред СССР в Болгарии. 20 июля 1938 г. Верховным судом СССР объявлен вне закона.

Рат, Эрнст Эдуард фон (von Rath; 1909—7.11.1938) — немецкий государственный деятель; дипломат. Член НСДАП (1932). Стал «карьерным» дипломатом, секретарь германского посольства в Париже. Застрелен польским евреем Гершелем Гриншпаном. Это событие позволило нацистским лидерам организовать в ночь на 9 ноября 1938 г. крупнейший погром в Германии, вошедший в историю под названием «Хрустальной ночи».

Раушнинг, Герман (Rauschning; 1887—1982) — немецкий партийный деятель, затем противник национал-социализма. Член НСДАП (1932); один из ближайших помощников А. Гитлера. В 1933—1934 гг. президент Данцигского сената. 5 августа 1933 г. подписал вместе с министром иностранных дел Польши Ю. Беком Договор об особом статусе Данцига, который отныне переходил под юрисдикцию Лиги Наций. В 1934 г. разочаровавшись в нацизме, рассорился с гауляйтером А. Форстером, покинул пост президента Данцигского сената, вышел из НСДАП. В 1936 г. в эмигрировал в Швейцарию, затем выехал в Великобританию. Автор многочисленных работ, в которых разоблачал античеловеческую сущность нацизма: «Революция нигилизма» (1939), «Зов разрушения» (1940), «Зверь из бездны» (1940) и др.

Рееншее — немецкий офицер; майор. Начальник Управления информации при финском правительстве.

Резнер — сотрудник германского посольства в Москве; шифровальщик посольства (до 22 июня 1941 г.).

Рейнебек, Отто (Reinebek; 1883—1946) — немецкий дипломат. Уроженец Клетце (Бранденбург). С 27 июля 1932 г. германский посол в Ревеле (Эстония). Член НСДАП (1934). С 27 июля 1935 г. генеральный консул в Данциге. С 5 января 1937 г. посол в Гватемале, Гондурасе, Сальвадоре, Панаме, Коста-Рике и Никарагуа. С 20 мая 1942 г. служил в IX реферате (Америка и Канада) Политическом отделе МИДа. С 23 декабря 1944 г. по 6 января 1945 г. служил в подразделении МИДа в Париже (в Сигмарине). Место смерти неизвестно.

Рейнике, Герман (Reineke; 1889—1973) — немецкий военный деятель, генерал пехоты (1942).

Рейнхард, Вальтер (Reinhardt; 21.12.1887—11.12.1945) — немецкий дипломат. Уроженец Франкфурта-на-Майне. Из семьи учителя. Получил юридическое образование в университетах Марбурга, Лиона, Парижа, Лозанны и Гейдельберга. Участник Первой мировой войны; лейтенант резерва. С апреля 1918 г. на дипломатической службе. В 1918—1923 гг. атташе консульства, секретарь посольства в США и странах Латинской Америки. В 1923—1925 гг. вице-консул в Нью-Йорке и Чикаго. С 30 сентября 1937 г. по 14 июля 1939 г. консул в Ливерпуле. Член НСДАП (1938—1941). С марта 1941 г. на военной службы; майор люфтваффе резерва. С 1941 по 1942 г. член комиссии по выработке условий капитуляции французских войск в Афинах. С мая 1942 по июль 1943 г. представитель МИДа при штабе ВВС на Юго-Востоке. С 1943 г. начальник отделения при МИДе по делам военнопленных англичан и американцев. Арестован 19 июня 1945 г. сотрудниками Опергруппы НКВД СССР по району Шарлоттенбург г. Берлина. Содержался в Лихтенбергской тюрьме Берлинского оперсектора НКВД СССР. 20 октября 1945 г. военным трибуналом гарнизона г. Берлина осужден к ВМН без конфискации имущества; приговор приведен в исполнение. По заключению ГВП от 18 декабря 2001 г. признан осужденным обоснованно; не реабилитирован.

Рейхенау, Вальтер фон (von Reichenau; 1884—1942) — немецкий военный деятель; генерал-фельдмаршал (1940).

Рейхерт, Оскар (Reichert; 1895/1898?—?) — прибалтийский немец; руководитель немецкой этнической группы в Каунасе (в 1940 г.); торговец. В марте 1941 г. выехал в Германию; после оккупации Прибалтики германскими войсками в 1941—1942 гг. работал в одном из немецких гражданских учреждений в Каунасе.

Реквард, Вилли (Requard; 1909—1948) — немецкий дипломат; штандартенфюрер СА (1931). Член НСДАП и СА (1931). С 26 апреля 1941 г. сотрудник германского МИДа. С 30 апреля личный референт германской дипломатической миссии в Загребе.

Рекке Тис, фон — прибалтийский немец, владелец поместья в Литве.

Ренн, Людвиг (Renn, наст. имя Арнольд Фридрих Фит фон Гольсенау; 1889—1979) — немецкий писатель. В 1928 г. вступил в Коммунистическую партию Германии, отказался от дворянского титула и сменил имя на Людвиг Ренн. В 1936 г. принял участие в гражданской войне в Испании; командир батальона «Эрнс Тельман» и начальник штаба XI Интернациональной бригады. В 1940—1946 гг. в эмиграции. В 1947 г. вернулся в Германию, поселился в восточной зоне.

Ренте-Финк, Сесил (von Renthe-Fink; 1885—1964) — немецкий государственный деятель, дипломат; доктор права (1907). Член НСДАП (1939). С ноября 1933 г. сотрудник 2-го отдела (Западная и Южная Европа). В 1936—1940 гг. посол в Копенгагене. В 1942—1943 гг. в личном штабе министра иностранных дел. С декабря 1943 г. дипломатический представитель при правительстве маршала Петэна в Виши, затем при посольстве в Сигмарине. С ноября 1944 г. вновь в личном штабе министра иностранных дел.

Рёдер, Эрих (Raeder; 1876—1960) — немецкий военно-морской деятель, командующий военно-морским флотом; гросс-адмирал (1939).

Рёссинг, Хорст (Rössing; 1891—1942) — немецкий военный деятель, дипломат; генерал-майор. Во время Второй мировой войны военный атташе при германском посольстве в Хельсинки (Финляндия).

Риббентроп, Иоахим фон (von Ribbentrop; 1893—1946) — немецкий партийный и государственный деятель, дипломат; обергруппенфюрер СС (1938). Член НСДАП (1932). С 10 августа 1936 г. германский посол в Великобритании. С 4 февраля 1938 г. по 30 апреля 1945 г. имперский министр иностранных дел.

Риббентроп, Анна Элизабет (Аннелиз), фон (von Ribbentrop, урожд. Хенкель, Henkell; 1896—1973) — супруга И. фон Риббентропа (с июля 1920 г.).

Рикс, Александр Юрьевич (1889—?) — сотрудник советских органов безопасности. Эстонец. Член РСДРП(б) с 1905 г. С июня 1918 по февраль 1923 г. сотрудник Петроградской ЧК. Участвовал в расследовании покушения Л. Каннегисера на М.С. Урицкого; отстранен (вместе с Э.М. Отто) Н.К. Антиповым за «антисемитские настроения» и уволен со службы. В 1919 г. восстановлены на службе в ПЧК.

Ринк, Иван Алексеевич (1886—1938) — советский военный деятель; комдив (1935). В 1929—1930 гг. военный атташе при полпредстве СССР в Афганистане. В 1931—1932 гг. начальник отдела Внешних сношений 4-го Управления Штаба РККА и одновременно начальник Восточного факультета Военной академии РККА. В 1932—1937 гг. военный атташе при полпредстве СССР в Японии. Проживал в Японии в Токио в полпредстве СССР.

Ринтелен, Эмиль фон (von Rintelen; 1897—1981) — немецкий дипломат; посланник 1-го класса. Член НСДАП (1940). С 19 июля 1940 г. сотрудник Политического отдела МИД Германии. После войны интернирован американцами.

Рипкен, Георг (Ripken; 1900—1962) — немецкий дипломат. Участник Первой мировой войны. Член НСДАП (1933). С 26 января 1935 г. по 28 января 1936 г. сотрудник германского посольства в Кабуле. С 30 сентября 1938 г. сотрудник реферата «Средний Восток». С 6 мая 1945 г. по 16 мая 1946 г. в американском плену. С марта 1954 по март 1958 г. работал в Бундестаге.

Ритген, Герман фон (von Ritgen; 1895—1952) — немецкий дипломат; доктор философии. В июле 1944 г. осужден за измену родине и шпионаж в пользу английской разведки и приговорен к смертной казни; в феврале 1945 г. заключен в концлагерь Заксенхаузен.

Риттер, Карл (Ritter; 1883—1968) — немецкий государственный деятель, дипломат. Член НСДАП. С 1937 по 1938 г. посланник, затем посол в Рио-де-Жанейро (Бразилия). Осенью 1938 г. участвовал в работе Мюнхенской конференции; председатель подкомитета в Международной комиссии по передаче Судетской области Германии. В 1939 г. вместе со своим подчиненным К. Шнурре участвовал в германо-советских экономических переговорах. С началом Второй мировой войны в ранге посла руководил в МИДе всеми экономическими вопросами. Осуществлял связь между министром иностранных дел (Риббентроп) и Верховным командованием вермахта (ОКВ).

Рихтгофен, Вольфрам, фон (von Richthofen; 1895—1945) — немецкий военный деятель; генерал-фельдмаршал, барон. Племянник известного летчика — «Красного барона» Манфреда фон Рихтхофена.

Рихтгофен, Гартман Фрейхерр фон (von Richthofen; 1878—1953) — немецкий дипломат. С 1902 г. на дипломатической службе. С 7 октября 1910 по 9 марта 1911 г. легационный секретарь германского посольства в Мехико.

Рихтгофен, Герберт Фрейхерр фон (von Richthofen; 1879—1952) — немецкий государственный деятель, барон; дипломат. Уроженец Штрелена (Силезия). Сын графа Ульриха фон Рихтгофена-Зейхау. Изучал юриспруденцию в Боннском и Кёнигсбергском университетах; защитил докторскую диссертацию в Лейпцигском университете. Затем поступил референтом королевского суда в Берлине.

Позднее перешел в ведомство иностранных дел; атташе генерального консульства в Константинополе, Нью-Йорке, посольства в Лондоне. С 1908 г. секретарь посольства в Калькутте, Токио, Вашингтоне, Каире. Участник Первой мировой войны, ротмистр. За боевые отличия награжден Железным крестом 1-го и 2-го класса. С 1916 г. советник посольства в Софии. В 1919 г. вышел в отставку. В 1921 г. участвовал в антикоммунистическом и антипольском движении в Верхней Силезии. Впоследствии вернулся на службу в Имперское министерство иностранных дел, министериальдиригент. В 1930—1936 гг. посланник в Копенгагене (заменен на этом посту Сесилом Ренте-Финком). В 1936—1938 гг. посланник в Брюсселе (Бельгия). В конце 1938 — начале 1939 г. германский представитель подкомиссии «С» международной комиссии по осуществлению Мюнхенского соглашения. С 30 мая 1939 г. по 1941 г. посланник в Софии (Болгария). Неудачно пытался оказать давление на болгарское правительство с целью убедить его объявить войну СССР. В июле 1941 г. заменен группенфюрером СА А.Х. Беккерле и уволен в отставку. Арестован советскими войсками 25 мая 1945 г. По решению Особого совещания при МГБ СССР 17 октября 1951 г. на основании ст. II Контрольного Совета в Германии заключен в ИТЛ сроком на 25 лет. Наказание отбывал в Александровской тюрьме МГБ СССР (Иркутская обл.). Скончался в местах лишения свободы, точная дата смерти неизвестна.

Рихтгофен, Освальд Фрейхерр фон (von Richthofen; 1908—1994) — немецкий дипломат. Член НСДАП (1933). С 1935 г. на дипломатической службе. С 3 декабря 1935 по 20 января 1936 г. посланник в Копенгагене. С 18 марта 1936 г. по 7 апреля 1937 г. посланник в Будапеште. С 15 июля 1937 г. по 1938 г. в посольстве в Вене. С 14 июня 1938 по 1940 г. генеральный консул в Калькутте. С 10 января 1940 г. по 1943 г. посланник в Будапеште. С 19 июля 1943 г. на военной службе.

Рихтгофен, Розина Фрайфлау фон (von Richthofen; 1881—?) — вторая жена Г. Фрейхерра фон Рихтгофена (с 17 мая 1930 г.). Уроженка Константинополя. Из семьи австро-венгерского дипломата Густава Фрейхерра фон Косика. Член НСДАП (1938).

Рихтер, Густав (Richter; 1912—1982?) — немецкий государственный деятель, сотрудник СД; штурмбанфюрер СС (1944). Уроженец Штадтпроцельтена. Из рабочих. Образование среднее. Член НСДАП (1933). С марта 1934 г. сотрудник СД. С января 1937 г. референт по вопросам масонских лож в г. Карлсруэ (Баден), с июля начальник реферата по вопросам масонских лож (Штутгарт). С марта 1941 г. откомандирован в МИД (Берлин) и направлен в германское посольство в Бухаресте. В апреле 1941 г. направлен в Румынию в качестве уполномоченного по делам евреев. Убедил румынское правительство провести крупномасштабную акцию против евреев, затем вернулся в Берлин. В сентябре 1941 г. по приглашению М. Антонеску занял пост уполномоченного по делам евреев в составе германского посольства в Бухаресте (атташе полиции при германском посольстве в Бухаресте); занимал этот пост до капитуляции Румынии в августе 1944 г. 23 августа 1944 г. вместе со всем персоналом германского посольства был захвачен румынами и передан советским органам безопасности. Арестован 30 июля 1951 г. По решению ОС при МГБ СССР от 19 января 1952 г. на основании п.п. «а», «в», «с» § 1 ст. 2 Закона № 10 Контрольного Совета в Германии от 20 декабря 1945 г. «за активную фашистскую деятельность и разведывательную деятельность против Советского Союза» заключен «в тюрьму сроком на 25 лет, считая срок с 30 июля 1951 г.». В 1955 г. передан правительству ФРГ. В начале 1982 г. приговорен немецким судом к 4 годам тюремного заключения. По решению ГВП РФ от 2 апреля 2002 г. признан «репрессированным обоснованно». Точных сведений о дате и месте смерти обнаружить не удалось.

Рихтер, Ирма (Richter; 1900—?) — с 22 июня 1936 г. стенографистка германского посольства в Москве.

Рифа, Зафер аль- — сирийский политический деятель, журналист. Один из основателей партии «Хизб эль фауми эль араб».

Родлер, Эрих (Rodler; 1884—?) — сотрудник германской военной разведки; полковник. С марта 1938 г. поступил на службу в германскую военную разведку (абвер). До мая 1940 г. абверофицер 537-й пехотной дивизии (Инсбрук; Австрия), затем начальник «Абверштелле-Зальцбург». С октября 1940 г. начальник «Абвёрштелле-Бухарест».

Розелиус, Людвиг Герхард Вильгельм (Roselius; 1874—1943) — немецкий торговец кофе, основатель фирмы «Кофе ХАГ», меценат и коллекционер произведений искусства.

Розелиус, Фридрих (Roselius; 1876—1941) — немецкий коммерсант и производитель кофе. Уроженец Бремена. Из семьи торговца кофе. Младший брат основателя фирмы «Кофе-ХАГ» Людвига Розелиуса.

Розенберг, Альфред (Rosenberg; 1893—1946) — немецкий партийный деятель; главный идеолог нацизма, руководитель оккупационного режима на захваченных территориях СССР, рейхслейтер (1934), обергруппенфюрер СА.

Розенбройер, Бертль (Rosenbroier; ?—1943) — финский офицер; подполковник (на 1943 г.). В начале 1920-х гг. адъютант маршала Карла фон Маннергейма, затем адъютант президента Финляндии П. Свинхувуда. Позднее военный атташе при финских посольствах в Стокгольме и Осло. В 1940—1943 г. начальник Бюро атташата Генерального штаба финской армии.

Розенгольц, Аркадий Павлович (1889—1938) — советский государственный деятель, дипломат. В 1925—1927 гг. советник полпредства и полпред СССР в Великобритании. В 1930—1937 гг. нарком внешней торговли СССР. С августа 1937 г. начальник управления Госрезерва при СНК СССР.

Розенцвейг, Самуэль — житель Бухареста. Подозревался СД как агент британской разведки.

Розонцов А. — сотрудник советских органов безопасности; майор (1947). Сотрудник 2-го Главного управления МГБ СССР.

Роммель, Эрвин Иоганн Ойген (Rommel; 1891—1944) — немецкий военный деятель; генерал-фельдмаршал (1942).

Ропп, Венд фон дер (von der Ropp) — член правления этнической немецкой группы в Литве (в 1940 г.). Прибалтийский немец. В начале 1941 г. выехал в Германию.

Россипауль (Rossipaul) — румынский журналист. В 1940-х гг. редактор немецкоязычной газеты «Бухерестер Тагеблатт».

Ротт (Rott) — немецкий чиновник. Сотрудник Министерства просвещения и пропаганды.

Рудин — сотрудник советских органов безопасности; младший лейтенант, переводчик.

Рундштедт, Карл Рудольф Герд фон (von Rundstedt; 1875—1953) — немецкий военный деятель; генерал-фельдмаршал (1940).

Руст, Бернхард (Rust; 1883—1945) — немецкий партийный и государственный деятель, обергруппенфюрер СА (1936). Член НСДАП (1925). С 30 апреля 1934 г. по 1 мая 1945 г. — имперский министр науки, воспитания и культуры.

Рутковский — сотрудник советских органов безопасности; майор (1947). Помощник начальника отдела 2-Е 2-го Главного управления МГБ СССР.

Рюле, Герхард (Rühle; 1905—1949) — немецкий дипломат, посланник 1-го класса (1941); штандартенфюрер СС (1942). С 13 февраля 1939 г. на дипломатической службе; служил в Культурно-политическом отделе МИДа.

Рюмелин, Ойген (Rümelin; 1880—1947) — немецкий дипломат, доктор права (1904). Член НСДАП (1934). С 22 декабря 1922 г. по 14 апреля 1939 г. германский посланник в Софии (Болгария).

Рютер, Эрнст (Rüter; 1885—1954) — немецкий дипломат. Член НСДАП (1937). В мае 1944 г. генеральный консул в Берне (Швейцария). С 6 июня 1934 г. сотрудник МИДа (Берлин); специалист по англоязычным странам. С 2 июня 1943 г. генеральный консул в Берне (Швейцария).

Рюти, Риско Хейкки (Ryti; 1889—1956) — финский государственный деятель. В 1920-х гг. один из лидеров Прогрессивной партии Финляндии; в 1919—1922 и 1927—1929 гг. депутат парламента. В 1921—1922 и 1922—1924 гг. министр финансов, в 1923—1939 гг. председатель Административного совета Банка Финляндии. В 1940 г. подписал Берлинский пакт, по которому Финляндия приняла обязательство принять участие в боевых действиях против СССР на стороне Германии. После инсульта К. Каллио с начала сентября 1940 г. исполнял обязанности президента страны. На созванном 3 февраля 1943 г. К. Маннергеймом совещании (с участием Рюти) было принято решение начать мероприятия по заключению сепаратного мира и выходу Финляндии из войны.

Сабат (Забат), Герман Фридрих (Sabath; 1888—1968) — немецкий дипломат. С 1933 г. на дипломатической службе, работал в т.н. «Бюро фон Папена». В годы Второй мировой войны государственный советник по делам Португалии и Испании.

Сабри-паша, Хасан (1879—1940) — египетский политический деятель. Назначен на пост премьер-министра королем Египта Фаруком I с целью формирования коалиционного кабинета министров. С 28 июня по 11 ноября 1940 г. премьер-министр Египта. Скончался во время заседания парламента.

Са'дун, Тавфик ас- (1898?—?) — иракский государственный деятель. В начале 1930-х гг. начальник Протокольного отдела иракского МИДа.

Садык-хан, Гулям — афганский государственный деятель, дипломат. В 1923—1926 гг. посол Афганистана в Германии. В 1939 г. сотрудничал с сотрудником германского МИДа О. фон Хентигом, вел переговоры о свержении правительства Закр-шаха в Афганистане и восстановлении на престоле Амануллы-хана. Поддерживал в Берлине контакты с Р. аль-Гайлани, Великим муфтием Иерусалимским, а также с индийским национальным деятелем Субха Чандра Бозе.

Саид, Нури аль- (1888—1958) — иракский политический и государственный деятель. С именем Нури аль-Саида связано подписание англо-иракского договора 1930 г., иракско-турецкого и англо-иракого соглашений 1955 г., положивших начало созданию агрессивного Багдадского пакта.

Састамойнен, Армас Герман (Saastamoinen; 1886—1932) — финский предприниматель, политический деятель и дипломат. Участник Первой мировой войны; служил в 27-м прусском егерском батальоне. В 1918 г. вернулся в Финляндию. В 1918—1919 гг. посланник в Копенгагене. В 1919—1921 гг. посланник в Вашингтоне. В 1924—1926 гг. депутат парламента. С 1926 г. посол в Гааге и Лондоне.

Сахра-Варди, Неджемедин — участник военного переворота Рашида Али эль-Гайлани.

Свинхувуд, Пер Эвинд (Svinhufvud; 1861—1944) — финский государственный и политический деятель. В ноябре 1917 — мае 1918 г. первый премьер-министр Финляндии (во время Финляндской революции 1918 г. глава антиреволюционного правительства в г. Васа). В мае-декабре 1918 г. исполняющий обязанности главы государства (регент). В 1930—1931 премьер-министр, в 1931—1937 гг. президент Финляндии.

Себов — болгарский государственный деятель. В начале 1920-х гг. советник Кемаль-Паши. Начальник личной разведки царя Бориса III.

Сейлер, Фердинанд (Seiler; 1890—1951) — немецкий дипломат. С 1919 г. на дипломатической службе; вице-консул в Политическом отделе МИДа. В 1921—1926 гг. консул в Ковно (Литва). В 1926—1928 гг. консул в Аграме (Загреб).

С 1928 г. сотрудник 4-го отдела МИДа. В 1935—1939 гг. генеральный консул в Дамаске (Сирия).

Сект, Ганс фон (von Seeckt; 1866—1936) — немецкий военный деятель; генерал пехоты (1925). Автор теоретических работ по военным вопросам.

Селим Эфенди — в годы Первой мировой войны и в 1932—1938 гг. переводчик германской дипломатической миссии в Багдаде.

Сенуси (ас-Сенуси), Ахмед Шариф (1873—1933) — ливийский религиозный деятель. В 1902—1933 гг. руководитель мусульманского ордена Сенусийя (в 1917—1933 гг. его лидерство считалось номинальным). Скончался в Медине.

Серрано Суньер, Рамон (Serrano Sucer; 1901—2003) — испанский государственный деятель, адвокат. В 1938—1942 гг. министр иностранных дел Испании. В сентябре 1940 г. со специальной миссией посетил Берлин, во время которой обсуждался вопрос о вступлении Испании в войну с Великобританией.

Сетеле — финский политический деятель, в 1918 г. сенатор.

Сима, Хория (Sima; 1907—1993) — румынский политический деятель. После убийства Кодреану 30 ноября 1938 г. стал лидером «Железной гвардии».

Симен, Карло (Simen; 1897—?) — итальянский дипломат. Поверенный в делах правительства Б. Муссолини в Болгарии. Окончил военноморскую академию (1916). В 1916—1926 гг. служил на командных должностях в итальянском ВМФ, затем вышел в отставку. С 1940 г. на государственной службе.

Симеон Борисов Саксен-Кобург-Готский (р. 1937) — болгарский монарх и политический деятель. Уроженец Софии. Сын царя Болгарии Бориса III. В 1943—1946 гг. царь Болгарии под именем Симеона II. С 24 июля 2001 по 17 августа 2005 гг. 62-й премьер-министр Болгарии. В настоящее время председатель и лидер Национального движения Симеона II.

Симинель, Виктор (Siminel; 1897—1981) — один из руководителей румынских спецслужб. Уроженец села Гальбени (уезд Лапушна, Бесарабия). В 1937—1939 гг. профессор военной истории в военном училище в Бухаресте. В 1939—1941 гг. начальника штаба 2-й кавалерийской дивизии, затем начальник штаба кавалерийского корпуса. С сентября 1947 г. военный советник в Комитете по исполнению Мирного договора. С 25 августа по 20 сентября 1944 г. генеральный директор Службы специальной информации (ССИ) Румынии.

Симон, Густав (Simon; 1900—1945) — немецкий государственный деятель; гауляйтер. Член НСДАП (1925). В 1929 г. Член городского совета в Кобленце. Член Рейхстага (1930). С 1931 г. гауляйтер Кобленц-Трит-Биркенфельд (с 1942 г. гау Мозельланд, включая Люксембург); комиссар обороны рейха.

Синклер, Хью Фрэнсис Пэйджет (Sinclair; 1873—1939) — британский военный деятель, сэр; адмирал. Вступил в королевские ВМС в 1880-х гг. Участник Первой мировой войны; служил в военно-морской разведке. В 1919—1921 гг. директор британской военно-морской разведки. Член «Англо-германского товарищества».

Сиомончук — сотрудник советских органов безопасности; майор (1945). Помощник начальника 1-го отделения 2-го отдела ГУКР «Смерш» НКО СССР.

Сиф — сотрудник германского посольства в Риге; служил в отделе печати.

Скарлат, Янку — в годы Второй мировой войны один из руководителей молодежной сионистской организации в Румынии.

Скиалое — итальянский чиновник, юрист. От МИДа Италии участвовал в подписании Локарнского договора.

Слежявичус, Миколас (Sleševičius; 1882—1939) — литовский государственный и общественный деятель. С 26 декабря 1918 г. по 12 марта 1919 г., с 12 апреля по 7 октября 1919 г. и с 15 июля по 17 декабря 1926 г. премьер-министр Литвы. После переворота 17 декабря 1926 г. подал в отставку.

Слер (Слюер), (Slöör) — финский военный деятель; подполковник (на 1944 г.). В 1930-х гг. военный атташе при финском посольстве в Варшаве. В го-

ды Второй мировой войны начальник Иностранного отдела Генштаба финской армии.

Сменд — немецкий дипломат. В 1935—1940 гг. посланник в Тегеране (Иран).

Сменд (мл.) — немецкий дипломат. В годы Второй мировой войны личный секретарь директора Политического отдела МИДа.

Сметона, Анастас (Smetona; 1874—1944) — литовский государственный деятель. С 4 апреля 1919 г. по 19 июня 1920 г. и с 19 декабря 1926 г. по 15 июня 1940 г. президент Литовской Республики. 14 июня 1940 г. после объявления ультиматума СССР Литве передал свои полномочия президенту Анастасу Меркису и бежал с семьей в Германию, оттуда переехал в Швейцарию.

Смирницкий, Владимир Михайлович (1924—1988) — сотрудник советских органов безопасности. В органах безопасности с 1944 г. В 1944—1947 гг. помощник оперуполномоченного, переводчик, страший переводчик 2-го отдела ГУКР «Смерш» НКО СССР — 4-го отдела 3-го Главного управления МГБ СССР. В 1948—1952 гг. следователь Следчасти МГБ СССР — отдела 2-К 2-го Главного управления МГБ СССР. В 1953—1958 гг. начальник отделения Следственного управления КГБ при СМ СССР.

Смит-Росс (Smith-Ross) — сотрудник британского посольства в Софии; полковник. Резидент «Интеллидженс Сервис» в Болгарии.

Сноуден, Филипп (Snowden; 1864—1937) — британский государственный деятель; виконт (1931). В 1924 и 1929—1931 гг. министр финансов (в 1-м и 2-м лейбористских правительствах). В 1931 г. перешел на сторону консерваторов, лорд-хранитель печати в правительстве Дж. Макдональда. С 1932 г. в отставке.

Соболев — советский дипломат; работал в полпредстве СССР в Софии (Болгария).

Содерстром — финский офицер; подполковник.

Соловов, Борис Алексеевич (1921—?) — сотрудник советских органов безопасности. В органах безопасности с 1941 г. В 1943—1948 гг. оперуполномоченный — старший оперуполномоченный ГУКР «Смерш» НКО СССР — 3-го Главного управления МГБ СССР. С 1948 по 1950 г. старший следователь Следчасти МГБ СССР. В октябре 1953 г. зачислен в действующий резерв.

Сольве, Эрнест Гастон (Solvey; 1838—1922) — бельгийский промышленник, химик-технолог, основатель химического концерна «Сольве» (1863). Разработал аммиачный способ получения соды из поваренной соли.

Спаак, Поль-Анри-Шарль (Spaak; 1899—1972) — бельгийский государственный и политический деятель. Член Бельгийской рабочей партии (Социалистической партии). С 15 мая 1938 г. по 20 февраля 1939 г.; с 13 марта по 31 марта 1946 г. и с 20 марта 1947 г. по 11 августа 1949 г. глава кабинета министров Бельгии.

Спеллман, Фрэнсис Джозеф (Spellman; 1889—1967) — американский религиозный деятель, антикоммунист; кардинал Римско-католической церкви (1946). Уроженец Витмана (Массачусетс, США). С 15 апреля 1939 г. по 1967 г. 6-й архиепископ Нью-Йоркский.

Сполето, Аймоне Маргарита Мария Джузеппе ди Торино (Aimone Roberto Margherita Maria Giuseppe di Torino; 1900—1948) — принц итальянского королевского Савойского дома. Второй сын принца Эмануэля Филиберто, 2-го герцога д'Аоста (сын Амадея I, короля Испании и принцессы Марии Виттории) и принцессы Елены (дочь принца Филиппа Орлеанского, графа Парижского и инфанты Марии Исабель Испанской). Младший брат Амедео герцога д'Аоста, двоюродный племянник короля Виктора-Эммануила III. С 22 сентября 1904 г. пожизненный герцог Сполетский. 1 июля 1939 г. женился на принцессе Ирине Греческой (дочери короля Греции Константина I и принцессы Софии Прусской). 18 мая 1941 г. под именем Томислав II провозглашен королем Хорватского Независимого государства, созданного Италией и Германией на территории

современных Хорватии, Боснии и Герцеговины. Власть была номинальной, никакого влияния на внутреннюю и внешнюю политику Хорватии не оказывал и жил в Италии.

Сталин, Иосиф Виссарионович (наст. фамилия Джугашвили; 1879—1953) — советский партийный и государственный деятель. С 1941 г. председатель СНК (СМ) СССР и ГКО (до 1945 г.), нарком обороны (до 1947 г.).

Стамболийский, Александр (1879—1923) — болгарский политический и государственный деятель. В 1919—1923 гг. премьер-министр Болгарии; последовательно выполнял требования победивших держав Антаны, чем вызвал серьезное недовольство офицерства.

Станишев, Александр Димитров (1888—1945) — болгарский государственный деятель, врач-хирург; доктор медицины. В 1919—1920 гг. специализировался в Гейдельберге и Мюнхене, учился у знаменитого хирурга Фердинанда Зауэрбруха. Одновременно занимался политической деятельностью, выступал за присоединение к Болгарии Македонии, находившейся после 1913 г. в составе Сербии и Греции. Являлся сторонником сближения Болгарии и Германии. С 1 июня по 2 сентября 1944 г. министр внутренних дел и здравоохранения в правительстве Ивана Багрянова.

Старк, Леонид Николаевич (1889—1937) — советский военный и государственный деятель, литератор и дипломат. Сын адмирала Н. Старка. Член РСДРП с 1905 г. С 22 апреля 1924 г. по 16 апреля 1936 г. полномочный представитель СССР в Афганистане.

Стек — немецкий дипломат; советник посольства. Сотрудник МИДа.

Степанов, Максим Осипович (1893—1945) — советский военный деятель; комкор (1938). С ноября 1933 г. заместитель начальника инженеров РККА. С мая 1937 г. начальник Химического управления РККА.

Стеснова, Анна Леонтьевна (1914—?) — сотрудник советских органов безопасности. В органах безопасности с 1939 г. В 1943—1948гг. оперуполномоченный 2-го отдела ГУКР «Смерш» НКО СССР — 4-го отдела 3-го Главного управления МГБ СССР. С ноября 1948 г. следователь Следчасти МГБ СССР. С сентября 1950 г. переводчик — младший оперуполномоченный 3-го отделения 2-го Главного управления МГБ СССР. В апреле 1956 г. уволена в отставку.

Стоядинович, Милан (Стојадиновић; 1888—1961) — политический и государственный деятель королевской Югославии. В 1922—1926, 1934—1935 гг. министр финансов, в 1935—1939 гг. премьер-министр и министр иностранных дел Югославии.

Страиски, Герман фон (von Stransky; 1896—?) — сотрудник германской военной разведки, дипломированный инженер; подполковник. В германской армии с января 1939 г., сотрудник отдела 1-Ц штаба VIII военного округа (Бреслау), с октября — сотрудник центрального аппарата Абвера при ОКВ (Берлин), затем служил в отделе Абвер I (военная разведка). С октября 1940 по август 1944 г. офицер связи Абвера с румынской разведкой. С конца 1944 г. сотрудник отдела РСХА «Миль-Ц» (бывший отдел Абвер I), затем заместитель начальника «Миль-дегебит-Берлин» (бывшее «Абверштелле-Берлин»).

Стрик, Георг — в годы Первой мировой войны агент германской военной разведки в Швеции капитана Ганса Штейнвакса.

Струков — сотрудник советских органов безопасности; капитан (1947). Сотрудник 2-го Главного управления МГБ СССР.

Сувич, Фульвио (Suvich; 1887—1980) — итальянский политический деятель и дипломат. В 1932—1936 гг. заместитель министра иностранных дел. С июня 1936 по осень 1938 г. посол в Вашингтоне (США).

Сулейман, Хикмет (1889—1964) — иракский государственный деятель. Этнический туркмен. Сторонник пан-арабского национализма. С 30 октября 1936 г. по 12 августа 1937 г. премьер-министр Ирака.

Табачник, Герш — в годы Второй мировой войны один из руководителей молодежной сионистской организации в Румынии.

Тайкут, Али (Taykut) — турецкий чиновник, технический директор железнодорожной дирекции. По требованию Советского правительства в 1941 г. за шпионскую деятельность выслан из Турции и переехал в Багдад (Ирак).

Талвела, Пааво (Talvela; 1897—1973) — финский военный деятель; генерал пехоты (1966).

Таннер, Вяйне Альфред (Tanner; 1881—1966) — финский государственный и политический деятель. В 1926—1927 гг. премьер-министр Финляндии. В 1937—1939 и 1942—1944 гг. министр финансов. В 1939—1940 гг. министр иностранных дел. В 1941—1942 гг. министр торговли и промышленности.

Таннштейн, Курт фон (von Tannstein; 1907—1980) — немецкий дипломат. Член НСДАП (1933). В 1939—1942 гг. легационный секретарь посольства в Риме (Ватикан) После окончания войны служил в МИДе ФРГ.

Тарле, Евгений Викторович (1874—1955) — русский советский историк, академик АН СССР (1927). В 1921 г. член-корреспондент Российской академии наук, с 1927 г. действительный член АН СССР.

Татареску, Георги (Tătărescu; 1886—1957) — румынский политический деятель. Представлял т.н. «молодых либералов» в Национально-либеральной партии. В 1934—1937, 1939—1940 гг. премьер-министр, в 1934 и 1938 гг. министр иностранных дел; в 1934 г. военный министр.

Тауберт, Эберхард (Taubert; 1907—1976) — немецкий чиновник; один из руководителей Имперского министерства пропаганды. Сначала референт, затем глава реферата II/4 «Враждебные мировоззрения» Министерства пропаганды рейха, которому неформально был подчинен Антикоминтерн. Руководитель ликвидационной комиссии «Института научных исследований Советского Союза».

Таха (Таха Паша) эль-Хашими (1888—1961) — иракский военный и государственный деятель; генерал-лейтенант. С 1 февраля по 1 апреля 1941 г. премьер-министр Ирака. В ночь на 1 апреля 1941 г. свергнут антианглийски настроенными офицерами. 3 апреля было создано правительство «национальной обороны» во главе с Р. Гайлани.

Твардовски, Фриц фон (von Twardowski; 1890—1970) — немецкий государственный деятель; дипломат. С декабря 1922 по апрель 1929 г. сотрудник германского представительства в Москве. С ноября 1939 г. постоянный представитель руководителя культурного отдела МИДа; с мая 1939 г. посланник 1-го класса, руководитель культурного отдела. С мая 1943 г. в германском посольстве в Турции (Стамбул). В августе 1944 г. интернирован.

Тевкина — сотрудник советских органов безопасности; старший лейтенант. Переводчик Следственного отдела 2-го Главного управления МГБ СССР.

Текленбург, Гертруда (Tecklenburg; 1895—?) — сотрудница германского посольства в Москве. С января 1922 по июнь 1941 г. секретарь-машинистка германского посольства в Москве. Член НСДАП (1936).

Телеки де Сек, Пал (Teleki de Szék; 1879—1941) — венгерский политический и государственный деятель, граф. В 1920—1921 гг. премьер-министр и министр иностранных дел. С 1938 г. министр просвещения. В 1939—1941 гг. премьер-министр Венгрии.

Терман, Вильгельм Эмиль Эдмунд фон (von Thermann; 1884—1951) — немецкий дипломат, барон. В 1922—1925 гг. работал в центральном аппарате МИДа (Берлин). С 1925 г. генеральный консул в Данциге. С 26 декабря 1933 г. посланник в Буэнос-Айресе (Аргентина), с 22 мая 1936 г. посол. 4 июля 1942 г. заменен Э. Мейнером. Затем поступил в войска СС.

Теслев — финский военный деятель. В годы Первой мировой войны военный министр Финляндии.

Тесменов — сотрудник советских органов безопасности; переводчик.

Тестер, Артур (Tester) — английский банкир и предприниматель. По данным германской военной разведки (Абвера), был личным секретарем лидера британских фашистов О. Мосли. До 1940 г. владел частным банком в Афинах (Греция), через который британская разведка субсидировала свою агентуру на Балканах; в том же году завербован немцами и переехал в Бухарест. В румынской столице открыл банк, имел широкие связи в румынских промышленных кругах. Находился на связи у сотрудника «АСТ-Бухарест» майора Вальдемара фон Грегори.

Тестер, Виолетта (Tester) — дочь А. Тестера. Балерина Венской оперы.

Техтинен — финский офицер. В годы Второй мировой войны начальник отдела Генштаба финской армии.

Тиби, Афиф — сирийский журналист и редактор. Являлся владельцем бейрутской газеты «Эль Яум». В конце 1930-х гг. эмигрировал в Турцию.

Тилеа, Виорел Вирджил (Tilea; 1896—1972) — румынский государственный деятель, промышленник и дипломат. Личный секретарь Ю. Маниу. С начала 1939 до лета 1940 г. полномочный министр (посланник) в Лондоне (Великобритания).

Тиллесен, Вернер (Tillessen; 1880—19.05.1953) — немецкий военный деятель; адмирал (1932). Уроженец Саарлаутерна. Из семьи прусского генерала артиллерии. В 1898 г. поступил на службу в ВМФ кадетом. Окончил военно-морское училище. Служил на линейном корабле «Вейссенбург» и тяжелых крейсерах «Виктория Луиза» и «Фридрих Карл». В 1905 г. переведен в миноносный флот; в 1909—1911 гг. командовал миноносцем. Участник Первой мировой войны, командовал 18-й полуфлотилией миноносцев. Награжден Железным крестом I и II класса. После демобилизации остался служить в военно-морском флоте. С сентября 1925 г. командовал линкором «Ганновер», с марта 1927 г. — линкором «Силезия»; с октября того же года назначен начальником Торпедной инспекции. В 1932 г. вышел в отставку. В 1933—1942 гг. член НСДАП. В мае 1939 г. вновь призван на службу и назначен в распоряжение командования ВМФ. В мае 1942 г. поставлен во главе военно-морского штаба в Бухаресте, а с 17 октября того же года возглавил штаб связи германского ВМФ в Румынии. 2 сентября 1944 г. передан советскому командованию. Арестован 23 августа 1951 г. органами МГБ СССР. Скончался в больнице Бутырской тюрьмы МВД СССР «от общего атеросклероза, при наличии отека головного мозга».

Тильманс — директор фабрики в Каунасе.

Тимошенко, Семен Константинович (1895—1970) — советский военный деятель; Маршал Советского Союза (1940).

Типпельскирх, Вернер фон (von Tippelskirch; 1891—1980) — немецкий дипломат. В 1925—1928 гг. сотрудник германского посольства в Москве. В 1928—1931 гг. сотрудник посольства в Риге. В 1931—1935 гг. служил в отделе 4а (Восточная Европа); руководитель русской секции МИДа. В 1935—1941 гг. советник посольства, советник-посланник, поверенный в делах германского посольства в Москве. По возращении на родину с августа 1941 г. служил в Политическом отделе МИДа (Берлин).

Типпельскирх, Курт Оскар Генрих Людвиг Вильгельм фон (von Tippelskirch; 1981—1957) — немецкий военный деятель; генерал пехоты.

Тирак, Отто Георг (Tirack; 1889—1946) — немецкий государственный деятель; доктор права (1914); группенфюрер СС. С 1 мая 1936 г. президент Народной судебной палаты; руководил судебным преследованием инакомыслящих. С августа 1942 г. имперский министр юстиции и президент Академии германского права. Первоначально сохранил свой пост в правительстве гросс-адмирала К. Денница, но 7 мая 1945 г. передал его К. Клемму.

Тирар — французский государственный деятель. В 1919 — начале 1920-х гг. председатель Союзной контрольной комиссии по Рейнской области.

Тирпиц, Альфред фон (von Tirpitz; 1849—1930) — немецкий военный и политический деятель, генерал-адмирал.

Титулеску (Titulescu) — румынский государственный деятель. Министр иностранных дел Румынии.

Толстой, Алексей Николаевич (1883—1945) — русский советский писатель и общественный деятель; граф. Лауреат трех Сталинских премий (1941, 1943, 1946).

Томсен, Ганс (Thomsen; 1891—1968) — немецкий дипломат, доктор права (1913). С 1938 г. посланник в Вашингтоне. После начала Второй мировой войны правительства Германии и США отозвали своих послов, но дипломатические отношения разорваны не были. Официально посольство продолжал находившийся в Берлине Г. Дикхофф, но фактически все дела вел «поверенный в делах» Г. Томсен. С 11 декабря 1941 г., когда А. Гитлер оъявил войну США, отбыл из Вашингтона. С 2 марта 1943 г. по май 1945 гг. посол в Стокгольме (Швеция).

Тонш — инженер нефтяного предприятия «Астро Романа Плоешти». В годы Второй мировой войны агент германского консула в Плоешти; одновременно уполномоченный «АСТ-Бухарест» на нефтедобывающих предприятиях в Румынии.

Тотлебен — прибалтийский немец, владелец поместья в Литве.

Точков — болгарский политический деятель; националист, член организации «Комитадши».

Трандафило, Франко (Trandafilo; 1904—?) — итальянский офицер и дипломат. В 1944 г. военный атташе итальянской миссии в Бухаресте.

Трепов, Александр Федорович (1862—1928) — русский государственный деятель. С 1899 г. чиновник особых поручений Министерства внутренних дел. С 1914 г. член Государственного совета. С октября 1915 по декабрь 1916 г. управляющий Министерства путей сообщения, затем министр. После октябрьского переворота 1917 г. в эмиграции.

Триандафилов, Владимир Кириакович (1894—1931) — советский военный деятель; теоретик военного искусства и военный историк. С 15 октября 1930 г. и до своей гибели в авиакатастрофе в районе платформы Алабьино Западной железной дороги заместитель начальника Штаба РККА.

Тринкель, Фред — директор нефтяной кампании «Астра Романа Кемпина». В годы Второй мировой войны агент германского консула в Плоешти; одновременно уполномоченный «АСТ-Бухарест» на нефтедобывающих предприятиях в Румынии.

Трота, Вольф фон (von Trotha; 1884—1946) — немецкий военный деятель; вице-адмирал. В сентябре 1939 г. возглавлял военно-морскую станцию Нордзее. С 21 января 1941 г. по 18 октября 1942 г. возглавлял военно-морскую верфь Сент-Назаре.

Тротт цу Зольц, Фридрих Адам Фрейхерр фон (von Trott zu Solz; 1909—1944) — немецкий юрист и дипломат, участник движения Сопротивления. С 1939 г. на дипломатической службе. Летом 1939 г. служил в Лондоне, пытался наладить контакты с немецкой антинацистской эмиграцией.

Тухачевский, Михаил Николаевич (1893—1937) — советский военный деятель; Маршал Советского Союза (1935).

Трусова — сотрудник советских органов безопасности; переводчик (1947).

Тюрк (Türk) — немецкий дипломат. В 1930-х гг. консульский секретарь Торгово-промышленного отдела германского посольства в Москве.

Ульман (Uhlmann) — немецкий журналист и дипломат. В годы Второй мировой войны консул в Женеве; одновременно агент т.н. «разведывательной службы Риббентропа».

Унгерн-Штернберг, Рейнхольд Ренуальд фон (von Ungern-Sternberg; 1908—?) — немецкий дипломат, доктор права. С 1935 г. на дипломатической службе. В качестве атташе посольства работал в Стокгольме, Хельсинки и Ковно.

Уолкер, Александр (Walker; 1869—1965) — британский промышленник, производитель виски. Внук основателя фирмы «Johnnie Walker».

Уорд Прайс, Джорж (Ward Price; 1886—1961) — британский журналист, сотрудник газеты «Дейли Мейл». Брал интервью у Б. Муссолини и А. Гитлера.

Урицкий, Семен Петрович (1895—1938) — советский военный деятель; комкор (1935). С июня 1937 г. заместитель командующего войсками Московского военного округа. С сентября 1937 г. в распоряжении Управления по начсоставу РККА.

Урлециану — румынский офицер; подполковник. Накануне Второй мировой войны агент германской военной разведки в Румынии.

Успенский, Александр Иванович (1902—1940) — один из руководителей органов государственной безопасности; комиссар госбезопасности 3-го ранга (1938). С 25 января по 14 ноября 1938 г. нарком внутренних дел УССР.

Устинов, Алексей Михайлович (1879—1937) — советский дипломат. С 30 января 1934 г. по 1937 г. полпред СССР в Эстонии.

Утман, Бруно фон (von Uthmann; 1891—1978) — немецкий военный деятель и дипломат; генерал-лейтенант (1941). С 1937 до весны 1945 гг. военный атташе при германском посольстве в Стокгольме (Швеция), а также в Осло и Копенгагене.

Ушомирский — сотрудник советских органов безопасности; майор, переводчик.

Фалькенхайн, Эрик фон (von Falkenhayn; 1861—1922) — немецкий военный деятель; генерал. В 1913—1914 гг. военный министр Пруссии. В 1914—1916 гг. начальник Генштаба.

Фалькенхорст, Николаус фон (von Falkenhorst; 1885—1968) — немецкий военный деятель; генерал-полковник (1940).

Фалькенштейн, Адам (Falkenstein; 1900?—?) — немецкий историк-востковед, ассириолог; доктор исторических наук, профессор. Участвовал в раскопках в Варке (Ирак). В годы Второй мировой войны призван в армию в чине ефрейтора, затем откомандирован в МИД. С 1942 г. сотрудник германского посольства в Анкаре, одновременно агент «разведывательной службы Риббентропа» в Турции.

Фаупель, Вильгельм Фрейхерр фон (von Faupel; 1873—1945?) — немецкий военный деятель и дипломат. Участник Первой мировой войны. Награжден высшим военным орденом «За заслуги». После окончания войны воевал в составе Добровольческого корпуса. В 1921—1928 гг. военный советник в Аргентине. В 1928—1930 гг. военный советник в Перу. С 1934 по 1936 г. и с 1945 г. руководитель Иберо-Американского института. С февраля по октябрь 1937 г. посол в Мадриде. В апреле 1945 г. пропал без вести.

Федичкин, Дмитрий Георгиевич (1902—1991) — советский разведчик. В годы Гражданской войны участвовал в подполье и боевых действиях на Дальнем Востоке. С 1922 г. кадровый сотрудник ГПУ. В 1936—1940 гг. работал в Италии (с 1938 г. возглавлял резидентуру в Риме). В 1943—1945 гг. резидент советской разведки в Болгарии.

Фегеляйн, Герман Отто (Fegelein; 1906—1945) — немецкий военный деятель, один из руководителей СС, группенфюрер СС и генерал-лейтенант войск СС (1944).

Фейне, Герхарт (Feine; 1894—1959) — немецкий дипломат; посланник 1-го класса (1941). С 30 апреля 1938 г. советник миссии в Белграде. С 31 мая 1943 г. руководитель реферата IVб (Южная Европа) Политического отдела МИДа (Берлин). С 31 марта 1944 г. сотрудник посольства в Будапеште. С 3 февраля 1945 г. вновь возглавил реферат «Южная Европа». В 1945—1946 гг. интернирован британцами.

Фейсал I ибн Хусейн (1885—1933) — основатель и первый король современного Ирака, первый и последний король Сирии.

Фейсал II бен Гази (1935—1958) — последний король Ирака из династии Хашимитов. Единственный сын короля Гази.

Фелькинс — немецкий офицер; полковник люфтваффе. Уполномоченный Г. Геринга по оборудованию аэродромов на территории Югославии.

Фельми, Гельмут (Felmy; 1885—1965) — немецкий военный деятель; генерал авиации (1938). С февраля 1939 г. командующий 2-м воздушным флотом; в сентябре возглавил воздушный штаб «Англия». С июня 1941 по сентябрь 1942 г. командовал силами люфтваффе на юге Греции. Затем направлен со специальной миссией в Ирак для активизации боевых действий против английских войск, где возглавлял специальный штаб «Ф». С марта 1943 г. командир LXVIII армейского корпуса; с октября — в Югославии. В декабре 1944 г. заменен генералом Ф. Мюллером и поставлен командиром XXXIV армейского корпуса. В мае 1945 г. отвел свои войска в Триест и Штирию и сдался войскам союзников.

Феодосюк — советский офицер; лейтенант (1947). Референт Следственного отдела Разведывательного управления Генштаба Красной Армии.

Фердинанд I Саксен-Кобург-Готский (1861—1948) — болгарский государственный деятель, царь Болгарии; генерал-фельдмаршал германской армии (1916). С 5 октября 1908 г. по 3 октября 1918 г. царь Болгарии. Отец царя Болгарии Бориса III.

Фермерен, см. Вермерен.

Фигельмюллер — директор керосинного завода «Стандарт» в Румынии. В годы Второй мировой войны агент германского консула в Плоешти; одновременно уполномоченный «АСТ-Бухарест» на нефтедобывающих предприятиях в Румынии.

Филов, Богдан Димитров (1883—1945) — болгарский государственный деятель. С 16 февраля 1940 г. по 14 сентября 1943 г. премьер-министр; одновременно 4—15 февраля 1941 г. управляющий Министерством земледелия и государственных имуществ. Один из инициаторов принятия 28 августа 1942 г. закона против евреев (весной 1943 г. евреи были объявлены вне закона). 9 сентября 1943 г. вошел в Регентский совет (кроме него членами совета были князь Кирилл и Н. Михов) при малолетнем царе Симеоне II.

Фильдерман, Вильгельм (Filderman; 1882—1963) — румынский общественный деятель, адвокат, доктор юридических наук. Возглавлял Союз еврейских обществ в Румынии; в течение двух лет представлял интересы румынских евреев в румынском Парламенте. В августе 1943 г. румынскими властями направлен в концлагерь в Трансистрии; спустя три месяца, 12 октября 1943 г., освобожден.

Фитингоф-Шеель, Генрих фон (von Vietinghoff Scheel; 1887—1952) — немецкий военный деятель; генерал-полковник (1943).

Фишер, Вильгельм (?) — член комитета сионистской организации в Румынии.

Фишер, Герберт (Fischer; 1882—1939) — немецкий офицер; полковник. С начала 1920-х гг. офицер зондергруппы «Россия», возглавлял «Центр—Берлин», затем начальник отдела Т-3 (разведывательного) Войскового управления рейхсвера. Скончался в результате несчастного случая.

Фишер, Эрих (Fischer; 1901—?) — сотрудник германского посольства в Москве. С 25 марта 1937 г. секретарь консульского отдела и кассир.

Флейшер, Фридрих Вильгельм (Fleischer; 1890—1952) — немецкий военный деятель; адмирал (1942).

Флеминг, Ян Ланкастер (Fleming; 1908—1964) — британский писатель и журналист. С мая 1939 г. офицер военно-морской разведки; служил у директора Военно-морской разведки Джона Годфри. После окончания Второй мировой войны вышел в отставку и занялся писательской деятельностью. Автор серии знаменитых романов о Джеймсе Бонде.

Фогель (Vogel) — немецкий дипломат. В годы Второй мировой войны советник миссии в Афинах, одновременно с 1942 г. резидент «разведывательной службы Риббентропа» в Греции. Скончался в Копенгагене.

Фогель, Эмиль (Vogel; 1894—1985) — немецкий военный деятель; генерал-лейтенант (1943). С 1 сентября 1942 г. командир 101-й егерской дивизии на Кав-

казе. С 10 августа 1944 г. командир XXXVI горного корпуса в Финляндии. После войны находился в британском плену.

Форбес, Огильви (Forbes) — британский дипломат. До августа 1933 г. британский поверенный в делах в Багдаде.

Форверк (Forwerk) — сотрудник германской дипломатической миссии в Бухаресте; доктор наук. С начала 1941 г. уполномоченный по экономическим вопросам при дипломатической миссии в Румынии.

Форнер, Альфред (1901—?) — сотрудник германского посольства в Москве. На службу в посольство принят 2 июля 1937 г. Член НСДАП (1939).

Фрай — финский политический деятель, в 1918 г. сенатор.

Фрайм, фон — финский помещик.

Франко, Франсиско (Franco; 1892—1975) — испанский государственный деятель; правитель и диктатор («каудильо» Испании (1939—1975); генералиссимус.

Франсуа-Понсэ, Андре (François-Poncet; 1887—1978) — французский государственный деятель и дипломат. В 1931—1938 гг. посол в Берлине. В 1938—1940 гг. посол в Риме; добивался сближения между Францией и фашистской Италией.

Фрейслер, Роланд (Freisler; 1893—1945) — немецкий государственный деятель, юрист; бригадефюрер НСКК. С 20 августа 1942 г. президент Народной судебной палаты (НСП). Руководил всеми процессами по делам участников антигитлеровского заговора 20 июля 1944 г., приговорив всех к смертной казни.

Фреттер-Пико, Максимилиан (Fretter-Pico; 1892—1984) — немецкий военный деятель; генерал артиллерии (1942).

Фридрих Карл Людвиг Константин Гессен-Кассель-Румпенхаймский (Friedrich Karl Ludwig Konstantin von Hessen-Kassel-Rumpenheim; 1886—1940) — немецкий государственный деятель, принц Гессенский. В конце 1918 г. номинальный король Финляндии и единственный правитель в истории, носивший этот титул. После гражданской войны в Финляндии 9 октября 1918 г. финский парламент избрал его королем Финляндии. Поражение Германии в Первой мировой войне и отречение кайзера Вильгельма II не позволили германскому князю оставаться на финском престоле, и уже 14 декабря 1918 г. Карл Фридрих объявил о своем отречении.

Фридрих, Ирена (Friedrich) — в годы Второй мировой войны негласная сотрудница «Бюро Риббентропа» в Софии; работала под прикрытием студентки Софийского университета. В марте 1943 г. вновь вернулась в Софию, заведовала кассой информационного отдела посольства. Затем служила в германской дипмиссии в Копенгагене.

Фридрихсон, Лев Христианович (1889—1937) — советский государственный деятель. В 1932—1937 гг. заместитель торгпреда СССР. В 1937 г. заместитель наркома Внешторга СССР.

Фрике, Курт (Fricke; 1889—1945) — немецкий военный деятель; адмирал (1942). С 21 марта 1943 г. назначен начальником Командования группы ВМС «Юг». После расформирования Командования 11 декабря 1944 г. зачислен в резерв фюрера. Погиб во время боев за Берлин.

Фрилиц — немецкий дипломат. В 1936 г. пресс-атташе германского посольства в Копенгагене (Дания).

Фрисснер, Йоханнес (Frießner; 1892—1971) — немецкий военный деятель; генерал пехоты (1943).

Фрич, Вернер фон (von Fritsch; 1880—1939) — немецкий военный деятель, барон; генерал-полковник (1936).

Фровейн, Ганс (Frohwein; 1887—1956) — немецкий дипломат, доктор права (1909). С июля 1921 г. на дипломатической службе. С 18 февраля 1936 г. по 18 апреля 1941 г. посланник в Ревеле (Эстония); по возвращении служил в МИД Германии.

Фройнд (Freund) — один из руководителей германской военной разведки; полковник (1945). Весной 1944 г. начальник реферата III F (контршпионаж)

«Абвера». После реорганизации Абвера осенью 1944 г. перешел в VII Управление РСХА (военная разведка).

Фройндт, Альфред (Freundt; 1884—1964) — немецкий дипломат. С 31 марта 1923 г. сотрудник генерального консульства в Мемеле. С 16 июля 1925 г. работал в посольстве в Ковно (Каунас, Литва). С 28 июня 1928 г. в германском консульстве в Загребе. Член НСДАП (1937).

Фукс — немецкий офицер; майор. Офицер штаба генерала Шёнебека. Подозревался в шпионаже в пользу англичан.

Функ, Вальтер Эммануэль (Funk; 1890—1960) — немецкий журналист и экономист. Министр экономики, президент Рейхсбанка.

Фуцицука — японский военный деятель; генерал. В годы Второй мировой войны военный атташе в Бухаресте (Румыния).

Хаас, Генрих де (de Haas; 1896—1976) — немецкий дипломат. С 12 июля 1940 г. по 22 июня 1941 г. сотрудник германского генконсульства в Батуми. С 5 мая 1942 г. по 2 августа 1944 г. на дипломатической работе в Турции (в Стамбуле и Анкаре).

Хаджипетков, Никола Петков (1891—1949) — болгарский военный деятель; генерал-лейтенант (1940). С 10 декабря 1938 г. по 11 августа 1941 г. начальник Генерального штаба болгарской армии.

Хаддад, Осман Кемаль (также известен как Тавфик аль Шакир и Макс Мюллер, Müller; 1899/1900?—?) — палестинский политический деятель. Личный секретарь Великого муфтия Иерусалимского. Участвовал в подготовке переговоров Великого муфтия с германским МИДом.

Хади, Асуни Абдул — сирийский националист.

Хайнрихс, Аксель Эрик (Heinrichs; 1890—1965) — финляндский военный деятель; генерал пехоты (1941).

Хайнбург, Курт (Heinburg; 1885—1964) — немецкий дипломат, доктор права (1912); посланник 1-го класса (1934). С 9 ноября 1933 г. работал во 2-м отделе Политического отдела МИДа. С 28 февраля 1938 г. руководитель реферата 4а (Балканы, Италия) 4-го отдела МИД Германии. С 21 мая 1943 г. генеральный консул в Триесте.

Хакилла — президент рейхстага.

Хаккарайнен, Карл Адольф Рафаэль (Hakkarainen; 1883—1945) — финский дипломат. Из семьи пастора. В 1922—1926 гг. секретарь финского посольства в Москве, затем служил в МИД Финляндии. В 1939 г. чрезвычайный и полномочный посол в Москве.

Хан, Пауль фон (von Khan) — прибалтийский немец; ротмистр в отставке. Накануне Второй мировой войны агент германской военной разведки в Литве.

Хассель, Ульрих Кристиан фон (von Hassell; 1881—1944) — немецкий дипломат; бригадефюрер НСКК (1937); участник немецкого движения Сопротивления. В 1909 г. поступил на службу в министерство иностранных дел. Член НСДАП (1933). С 10 февраля 1943 г. в отставке. Один из руководителей заговора 20 июля 1944 г., после провала покушения на А. Гитлера арестован гестапо.

Хафиз, Абдул — агент «разведывательной службы Риббентропа».

Хачиали (Hačiali) — хорвасткий ученый, профессор-исламист.

Хашими, Ясин эль- (1894—1937) — иракский государственный и политический деятель. Начинал карьеру в качестве офицера турецкой армии. Дважды занимал пост премьер-министра Ирака. 30 октября 1936 г. кабинет эль-Хашими был свергнут в результате государственного переворота во главе с генералом Бакром Сидки и коалиции этнических меньшинств.

Хевель, Отто Вальтер (Hewel; 1904—1945) — немецкий дипломат; бригадефюрер СС (1942). В 1937 г. главный референт английского отдела в министерстве иностранных дел; руководитель личного штаба министра. В 1938 г. советник

первого класса; с июня 1938 г. представитель министерства при А. Гитлере. В 1943 г. посол по особым поручениям. В 1944 г. получил ранение при автокатастрофе; после выздоровления неотлучно находился при Гитлере. 1 мая 1945 г. вместе с М. Борманом предпринял неудачную попытку бегства из рейхсканцелярии.

Хеерен, Максимилиан Георг Виктор фон (von Heeren; 1881—1949) — немецкий дипломат. В 1923—1925 и 1929—1933 гг. служил в центральном аппарате МИДа. С 28 октября 1933 г. советник посольства в Белграде. Член НСДАП (1937). 23 февраля 1942 г. вышел в отставку.

Хей, Зигфрид (Hey; 1875—1963) — немецкий дипломат; посланник 1-го класса. С 27 декабря 1922 г. генеральный консул в Харькове. С 10 мая 1924 г. сотрудник посольства в Москве. С 28 марта 1929 г. посланник в Тиране. С 7 августа 1932 г. сотрудник 4-го отдела МИДа. С 13 апреля 1937 г. вышел в отставку.

Хениш, Пауль — агент германской военной разведки. Житель Бухареста.

Хенке (Генке), Андор (Hencke; 1895—1984) — немецкий дипломат; младший госсекретарь. Со 2 ноября 1922 г. атташе германской дипломатической миссии в Москве. В 1930 г. временный поверенный в делах в Ковно (Литва). С 24 апреля 1933 г. по 12 ноября 1935 г. консул 2-го класса в Киеве. С 26 сентября 1936 г. консул в Праге. С 15 марта 1939 г. представитель германского МИДа в имперском протекторате Богемии и Моравии. С 28 сентября 1939 г. глава немецкой делегации в совместной советско-германской комиссии по пограничным вопросам в Москве. С 11 января 1943 г. германский посол в Мадриде. С 1 марта 1943 г. заместитель министра и руководитель Политического департамента МИД Германии.

Хентиг, Вернер Отто фон (von Hentig; 1886—1984) — немецкий дипломат, востоковед. В 1915 г. вместе с О. фон Нидермайером выполнял специальную миссию в Кабуле с целью привлечь эмира Афганистана выступить на стороне держав Тройственного союза и напасть на Британскую Индию (т.н. «миссия Нидермайера—Хентига»). С 1930 г. германский генеральный консул в Сан-Франциско, затем в Боготе. В 1937—1939 гг. начальник Восточного отдела германского МИДа.

Херст — болгарский дипломат. В годы Первой мировой войны начальник Отдела прессы МИД Болгарии.

Херст, Цециль — британский юрист. Принимал участие в подготовке Локарнских договоров.

Хесс, Вальтер (Hess; 1900—1986) — немецкий дипломат, доктор права (1923). С 28 декабря 1928 г. сотрудник генконсульства, вице-консул в Иерусалиме. С 29 июля 1932 г. по 30 октября 1938 г. в посольстве в Белграде (Югославия). С 23 ноября 1943 г. по 15 августа 1944 г. сотрудник посольства в Софии (Болгария).

Хефтен, Ганс Бернд фон (von Haeften; 1905—1944) — немецкий дипломат, участник немецкого движения Сопротивления. С 30 октября 1937 г. сотрудник посольства в Бухаресте. С 24 сентября 1940 г. служил в МИДе (Берлин). С 20 февраля 1942 г. заместитель руководителя реферата в Информационном (с 1 апреля 1943 г. — Культурно-политическом) отделе. Участник заговора 20 июля 1944 г.; после провала арестован гестапо.

Хильгер, Густав (Hilger; 1886—1965) — немецкий дипломат. В 1923 г. поступил на службу в МИД Германии; с января 1923 по 22 июня 1941 г. начальник Торгово-экономического отдела германского посольства в Москве, 2-й советник посольства; легационный секретарь. 24 июня 1941 г. интернирован, затем через Турцию выехал в Германию. В 1941—1945 гг. сотрудник германского МИДа; начальник реферата «Россия» Политического отдела МИДа. В 1944 г. сотрудник «бюро Риббентропа», связной с А.А. Власовым. В 1945—1948 гг. в американском плену.

Хильгер, Мария (Hilger, урожд. Хакенталь, Hackenthal) — жена германского дипломата Густава Хильгера (с 12 мая 1912 г.).

Хирото — японский дипломат. В 1930-х гг. секретарь японского консульства во Владивостоке. Позднее вице-консул в Москве.

Хиршфельд, Харальд фон (von Hirschfeld; 1912—1945) — немецкий офицер; генерал-лейтенант (посмертно, 1945 г.).

Ходжа, Милан (Hodža; 1878—1944) — чехословацкий государственный и политический деятель. В 1935—1938 гг. (до 22 сентября) премьер-министр Чехословакии.

Хольт, Вивиан (Holt) — британский офицер; майор. В 1939 г. секретарь английского посольства в Багдаде.

Хор, Самюэль Джон Эрни (Hoare; 1880—1959) — британский государственный и политический деятель, разведчик и дипломат; виконт Темплвуд (1944). С 3 сентября 1939 г. по 4 апреля 1940 г. член военного кабинета и лорд-хранитель печати. В апреле-мае 1940 г. министр авиации. В 1940—1944 гг. посол Великобритании в Испании.

Хоральский — сотрудник советских органов безопасности. Переводчик Берлинского оперсектора НКВД СССР (1945).

Хорти де Надьябанья, Миклош (Horthy de Nagybanya; 1868—1957) — венгерский государственный и военный деятель; адмирал. В 1920—1944 гг. регент Венгерского королевства.

Хорти де Надьябанья, Миклош II (Horthy de Nagybanya; 1907—1993) — венгерский дипломат. Младший сын диктатора Венгрии М. Хорти. 15 октября 1944 г. похищен нацистскими коммандос во главе с О. Скорцени во время операции «Панцерфауст» (также известной как операция «Микки Маус») и направлен в концлагерь Дахау. В конце апреля 1945 г. доставлен в Тироль и передан союзникам. 5 мая 1945 г. освобожден и вместе с отцом отправился в изгнание в Португалию.

Хорти де Надьябанья, Иштван (Horthy de Nagybanya; 1904—1942) — венгерский военный и государственный деятель; старший лейтенант авиации. 10 февраля 1942 г. официально объявлен преемником М. Хорти. В 1942 г. ушел добровольцем на советско-германский фронт. Служил в эскадрильи 1/1 «Dongo» венгерских ВВС. Погиб в авиакатастрофе на советско-германском фронте (Алексеевка, СССР).

Хоффмейстер, Эдмунд Франц (Hoffmeister; 1893—1951) — немецкий военный деятель; генерал-лейтенант.

Хрущев, Никита Сергеевич (1894—1971) — советский государственный и политический деятель. В 1953—1964 гг. Первый секретарь ЦК КПСС. В 1958—1964 гг. председатель Совета Министров.

Худешек, Карл (Hudeczek; 1889—1971) — немецкий дипломат, доктор права (1913). Уроженец Йозефштадта (Богемия). Австриец. Получил юридическое образование в Вене. С 1916 г. на дипломатической службе в МИДе Австро-Венгерской империи. С марта 1938 г. в МИДе Германии (Берлин). С января 1949 г. в МИДе Австрии; посол в Чили, Перу, Эквадоре и Боливии. Умер в Вене.

Хурмузеску — румынский инженер. Вместе с Максом Аушниттом и Матеем Гика Кантакузино на военном самолете бежал из Румынии.

Хуссейни, Хадж (Мухаммад) Амин аль- (ок. 1893—1974) — лидер националистического движения палестинских арабов; Великий муфтий Иерусалимский (1921). В 1940 г. отправился в Ирак, где принял участие в прогерманском мятеже весной 1941 г. После подавления мятежа нашел убежище в Иране. Из Тегерана по подложным документам через СССР прибыл в Германию, где создал т.н. «Арабское бюро». 28 ноября 1941 г. встречался с А. Гитлером. В годы Второй мировой войны активно сотрудничал с нацистами, выступая в роли их главного пропагандиста в арабском мире. С его благословения в 1944 г. было начато формирование мусульманских частей войск СС.

Хуссейни, Исхак Муса (1904—1990) — палестинский общественный и политический деятель.

Хусейни (Гуссейни), Муса аль- — сирийский политический деятель. Племянник (двоюродный брат) Великого муфтия Иерусалимского. Получил образование в Англии. Один из основателей партии «Хизб эль фауми эль араб».

Хюрбе (Hürbe) — представитель немецких текстильных кампаний в Кабуле (Афганистан), «специалист по хлопку».

Цандер, Конрад (Zander; 1883—1947) — немецкий военный деятель; генерал авиации (1936).

Цанков, Александр Цолов (1879—1959) — болгарский государственный деятель. В 1932 г. создал фашистскую партию Народно-социалистическое движение. В 1923—1944 гг. депутат, в 1926—1930 гг. председатель Народного собрания. Активный сторонник расширения сотрудничества с Германией, главный идеолог политики войны с Советским Союзом.

Цвельфер — инженер-нефтяник. Работал в нефтяном обществе «Романа-Американа». В годы Второй мировой войны агент германского консула в Плоешти; одновременно уполномоченный «АСТ-Бухарест» на нефтедобывающих предприятиях в Румынии.

Цветаев Е. — сотрудник советских органов безопасности; майор (1945). Заместитель начальника 4-го отделения XI отдела 2-го Управления НКГБ СССР.

Цветкович, Драгиша (Цветковић; 1893—1969) — югославский государственный деятель, юрист. С 5 февраля 1939 г. по 27 марта 1941 г. премьер-министр Королевства Югославия. 25 марта 1941 г. в Вене в ходе встречи с И. Риббентропом (Германия), Г. Чиано (Италия) и Я. Мацуока (Япония) подписал протокол о присоединении Югославии к Берлинскому пакту 1940 г.

Цейтцлер, Курт (Kurt Zeitzler; 1895—1963) — немецкий военный деятель; генерал-полковник (1944).

Целлариус, Александр (Cellarius, он же Келлер; 1898—?) — сотрудник германской военной разведки; фрегаттен-капитан. С сентября 1939 г. одновременно занимал пост помощника военно-морского атташе в Швеции и Финляндии. С середины 1939 до сентября 1944 г. начальник «КО-Финляндия», одновременно (с июня 1941 г.) начальник «АНСТ-Ревал» (в составе «АСТ-Остланд»). С сентября 1944 г. возглавлял германскую военно-морскую разведку в мест. Герингсдорф (близ Свинемюнде).

Церетели, Ираклий Георгиевич (1881—1959) — грузинский политический деятель. В 1907 г. избран депутатом II Государственной думы; лидер социал-демократической фракции в Думе. В конце июля 1917 г. вышел из Временного правительства. После октября 1917 г. один из руководителей грузинских меньшевиков; член грузинского Учредительного собрания. С 1921 г. в эмиграции; представитель грузинских социал-демократов в Международном социалистическом бюро и член Исполкома II Интернационала.

Цех, Юлиус (Zech) — немецкий дипломат. В годы Второй мировой войны германский посланник в Гааге.

Цехлин, Эрих (Zechlin; 1883—?) — немецкий дипломат, доктор филологии. Уроженец Шифельбайна (Померания). Из семьи директора женской школы. Окончил исторический факультет Берлинского университета (1907). В 1907—1915 гг. сотрудник государственных архивов в Берлине и Позене (Познань). В 1916—1919 гг. государственный советник по польским вопросам при военном управлении по оккупации в Прибалтике. С 1919 г. на дипломатической службе. До 1928 г. референт, руководитель секции по польским вопросам МИД Германии. В 1928—1933 гг. генеральный консул в Ленинграде. С января 1933 по март 1941 г. германский посланник в Литве. С мая 1941 до ноября 1944 г. второй посланник при германском посольстве в Финляндии. Затем уволен в отставку. Задержан в начале июля 1945 г. УКР «Смерш» ЦГВ. В марте 1946 г. доставлен из Берлина в Москву и 12 марта 1946 г. арестован НКГБ СССР. Содержался во Внутренней тюрьме МГБ СССР. Приговором Военной коллегии Верховного Суда СССР от 10 июня 1946 г. заключен за шпионаж по ст. 58-6 ч. 1 УК РСФСР в ИТЛ сроком на 10 лет «с конфискацией лично принадлежащего ему имущест-

ва». По определению того же органа от 2 июня 1953 г. от дальнейшего наказания досрочно освобожден и 27 декабря 1953 г. направлен в Германию в г. Франкфурт-на-Одере. Не реабилитирован.

Цвиденек, Эуген (Zwiedenek; 1886—1956) — румынский военный и государственный деятель; дивизионный генерал. В 1941 г. назначен статс-секретарем Министерства экономики; отвечал за экономическую деятельность на оккупированных Румынией территориях. С 2 мая по 4 декабря 1941 г. статс-секретарь по румынизации, колонизации и просвещения.

Циммерман — консульский секретарь германского посольства в Софии.

Циммерман — сотрудница германского посольства в Москве.

Цинсер, Кристиан (Zinsser; 1907—1993) — немецкий дипломат. С 1 апреля 1936 г. на дипломатической службе в ранге атташе в МИДе. До 19 декабря 1939 г. германский посол в Варшаве, затем переведен в Монтевидео; чрезвычайный посланник и полномочный министр в Центральной Америке. 22 марта 1941 г. объявлен пресоной нон-грата. 16 апреля 1941 г. переехал в Шанхай. 1 сентября 1945 г. задержан частями Красной Армии в Чанчуне (Маньчжурия).

Цонев, Драгоман — управляющий делами Германо-болгарской торговой палаты в Софии.

Цонев, Любен — руководитель Болгарского института экспорта.

Цорн, Ганс Вильгельм Карл (Zorn; 1891—1943) — немецкий военный деятель; генерал пехоты (1942).

Цуайтер, Экрем — сирийский националист.

Цюрни, Марго — швейцарская подданная, агент резидента «разведывательной службы Риббентропа» в Швейцарии доктора Мейера.

Чаки, Иштван (Csaky; 1894—1941) — венгерский государственный деятель и дипломат, граф; тайный советник (1939). Сторонник сближения с нацистской Германией. В 1938—1941 гг. министр иностранных дел.

Чемберлен, Артур Невилл (Chamberlain; 1869—1940) — британский государственный деятель, консерватор. В 1937—1940 гг. премьер-министр Великобритании. Один из главных авторов Мюнхенского соглашения (сентябрь 1938 г.). 30 сентября 1938 г. подписал англо-германскую декларацию о ненападении. В мае 1940 г., после поражения английских войск в Норвегии и германского вторжения в Бельгию и Голландию, ушел в отставку с поста премьера.

Черниус, Йонас (Černius; 1898—3.7.1977) — литовский государственный и военный деятель; бригадный генерал. В 1935—1939 гг. начальник Генштаба. С 27 марта по ноябрь 1939 г. премьер-министр Литовской Республики. До июня 1940 г. командир 1-й пехотной дивизии в Вильнюсе. В 1940—1941 гг. служил в Красной Армии; генерал-майор, начальник 29-го территориального корпуса стрелков. С началом Великой Отечественной войны дезертировал и перешел на сторону нацистской Германии.

Черчилль, Уинстон (Churchill; 1874—1965) — британский государственный деятель. В сентябре 1939 — мае 1940 г. военно-морской министр, в мае (после отставки Н. Чемберлена) 1940 — июле 1945 г. премьер-министр коалиционного правительства Великобритании, министр обороны и министр финансов, руководитель военного кабинета.

Чиано, Галеаццо Джан (Ciano; 1903—1944) — итальянский государственный деятель, дипломат; граф де Кортеллаццо. С 9 июня 1936 г. министр иностранных дел. 22 мая 1939 г. в качестве представителя Италии подписал «Стальной пакт», 27 сентября 1940 г. — Трехсторонний договор. На Большом фашистском совете 24 июля 1943 г. выступил против Б. Муссолини. 23 августа 1943 г. скрылся в Германии, 19 октября 1943 г. выдан гестапо итальянской полиции.

Чильшке — румынский «фольксдойче», торговец по профессии. «Доверенное лицо» (агент) руководителя СД в Румынии Аунера.

Чунке, Фриц (Tschunke; 1883—?) — немецкий офицер и бизнесмен; майор (1925). В 1921—1925 гг. принимал участие в организации советско-германского военно-экономического сотрудничества; офицер «особой группы Р» в Москве, затем «ГЭФУ» и «ВИКО» (псевдоним «Тейхман»). Редактор журнала «Оствиртшафт». В конце 1930-х гг. возглавлял в Берлине т.н. «Русский комитет германской промышленности». Дата и место смерти неизвестны.

Чхеидзе, Николай (Карло) Семенович (1864—1926) — русский политический деятель; меньшевик. Депутат Государственной думы III и IV созыва. После Октябрьской революции возглавил Закавказский Сейм. В 1921 г. после вступления Красной Армии в Грузию эмигрировал. Покончил жизнь самоубийством.

Шалоя (Скиалоя), Витторио (Scialoja; 1856—1933) — итальянский политический деятель, профессор права. В 1919—1920 гг. министр иностранных дел (в правительстве Франческо Нитти); участник ряда международных конференций, проводившихся под эгидой Лиги Наций по окончании Первой мировой войны. В 1921—1932 гг. представитель Италии в Лиге Наций.

Шаллер — немецкий дипломат. До осени 1939 г. вице-консул германского консульства в г. Катовицы (Польша). С конца 1939 г. сотрудник германского посольства в Копенгагене (Дания).

Штегман, Карл — руководитель национал-социалистической группы в Каунасе.

Шапоруж, Альфред де (Chapearouge; 1907—1993) — немецкий дипломат. Член НСДАП и СА (1937). С июля 1935 г. сотрудник германского МИДа. С 26 сентября 1939 г. сотрудник германского посольства в Бухаресте, затем сотрудник германского генконсульства в Стамбуле. С 10 декабря 1941 г. сотрудник германского МИДа. В апреле 1943 г. призван на службу в вермахт.

Шавкат (Шаукат), Наджи (1893—1980) — иракский политический и государственный деятель. С 3 ноября 1932 г. по 18 марта 1933 г. член кабинета министров Ирака. В годы Второй мировой войны министр юстиции в правительстве Рашида Али эль-Гайлани. 3 июля 1940 г. направлен с секретной миссией в Анкару на встречу с германским послом в Турции Ф. фон Папеном, чтобы договориться о возобновлении отношений между нацистским режимом и Ираком. Эта встреча заложила основы дальнейшего сотрудничества Ирака с нацистской Германией, что привело в мае 1941 г. к британской интервенции в Ирак через Басру.

Шаулис, Юргис (Šaulis; 1879—1948) — литовский дипломат, экономист и политик. В 1935 г. посол Литвы в Берлине. 25 марта 1938 г. ему был вручен меморандум правительства Германии из 11 пунктов, в котором выражалось неудовлетворение введенным состоянием войны, ограничением работы организаций, собраний и свободы прессы, действиями политической полиции Литовской Республики, действиями военного коменданта в Клайпеде и др. В ноябре 1938 г. по указанию Литовского МИДа оставил свой пост в Берлине. В 1938—1939 гг. посол Литвы в Варшаве. В 1939—1946 гг. посол Литвы в Швейцарии.

Шафран, Александр (Şafran; 1910—2006) — румынский религиозный деятель. В феврале 1940 г. избран Главным раввином Румынии, оставался на этом посту до 1947 г. Один из инициаторов давления на румынское правительство, приведшего к отказу депортировать евреев Румынии в 1942 г. в нацистские концлагеря. В 1947 г. эмигрировал в Швейцарию. С 1948 г. и до самой смерти являлся Главным раввином Женевы и профессором истории религии Женевского университета.

Шахт, Яльмар (Schacht; 1877—1970) — немецкий государственный деятель, организатор германской экономики. В 1935—1937 гг. министр экономики. В 1935—1937 гг. рейхсминистр без портфеля. В 1945 г. арестован американскими войсками в Австрии.

Швальб, Натан (Schwalb; 1908—2004) — израильский общественный деятель. Эмигрировал в Швейцарию; один из руководителей организации «Гехалуц». С 1939 г. один из лидеров сионистского движения в Женеве по спасению еврей-

ского населения в оккупированных нацистской Германии странах. Руководитель Всемирной сионистской организации.

Шварц, Эрвин (Schwarz; 1900?—?) — немецкий чиновник. Уроженец Палестины. Из семьи крупных торговцев. До 1934 г. проживал в Каире, затем переехал в Германию; заместитель, с 1938 г. начальник Хозяйственного отдела гауляйтунга по Зарубежным организациям НСДАП.

Шведлер, Виктор фон (von Schwedler; 1885—1954) — немецкий военный деятель; генерал пехоты (1938).

Швейниц, Ганс Ульрих фон (von Schweinitz) — немецкий дипломат; доктор права. В октябре 1942 г. германский вице-консул в Александретте. В 1943 г. вице-консул в Искендеруме (Турция).

Швинд, Иоганн (Schwind; 1901—?) — немецкий дипломат, канцлер 2-го класса. Из семьи чиновника городского управления. Образование среднее. Член НСДАП. С 1927 г. сотрудник консульского отдела германского посольства в Москве; заведовал канцелярией отдела. В начале июня 1941 г. вместе с женой выехал в Германию. Работал в шифровальном отделе МИДа Германии. С 1942 г. вице-консул в гор. Архус (Швеция). С 1944 г. в МИДе Германии. Советской контрразведкой в 1940 г. характеризовался как «убежденный националист» и «представитель гестапо».

Швиннер, Альфред (Schwinner; 1897?—?) — немецкий дипломат. Уроженец Австрии. До 1938 г. советник австрийского посольства в Москве. В 1939—1941 гг. советник германского посольства в Москве; руководил Консульским и Паспортным отделами. В июне 1941 г. вместе с сотрудниками германского посольства в Москве эвакуировался в Турцию. По возвращении в Берлин назначен германским консулом в Сан-Ремо (Италия). Позже работал в т.н. «Комитете Шуленбурга».

Шелиха, Рудольф фон (von Scheliha; 1897—1942) — немецкий государственный деятель, юрист и дипломат. С 1922 г. сотрудник германского МИДа, сотрудник германского посольства в Варшаве. После прихода нацистов к власти примкнул к антифашистскому движению; сотрудничал с советской разведкой (псевд. «Ариец»). Участвовал в деятельности «Красной капеллы». Арестован гестапо.

Шелленберг, Вальтер Фридрих (Schellenberg; 1910—1952) — один из руководителей германской внешней разведки; бригадефюрер СС (1944), генерал-майор полиции (1944) и генерал-майор войск СС (1944). С 1943 г. начальник политической разведки (VI Управления) РСХА.

Шельхорн, Фриц Герхард (Schelhorn; 1888—?) — немецкий государственный деятель; дипломат. С 1933 по март 1944 г. германский консул в Черновицах и Яссах (в 1941 г.). С марта по 7 сентября 1944 г. начальник консульского отдела германского посольства в Бухаресте. В сентябре 1944 г. арестован в Бухаресте представителями советского командования.

Шенк фон Штауфенберг, Клаус Филипп Мария (Schenk von Stauffenberg; 1907—1944) — немецкий военный деятель; полковник; граф. Один из главных руководителей заговора против А. Гитлера.

Шенкенбергер, Вильгельм (Schenkenberger; 1891?—?) — немецкий дипломат. До начала Второй мировой войны сотрудник консульства в Граце (Австрия), затем до весны 1941 г. в Риге (Латвия). С мая 1941 г. начальник канцелярии «разведывательной службы Риббентропа».

Шёнебек, Карл-Август фон (von Schoenebeck; 1898—1989) — немецкий военный деятель; генерал-майор люфтваффе (1944).

Шёрнер, Фердинанд (Schörner, Schoerner; 1892—1973) — немецкий военный деятель; генерал-фельдмаршал (1945).

Шиккерт, Клаус (Schickert) — немецкий журналист, доктор наук. В начале 1940-х гг. представитель Германского информационного бюро (ДНБ) в Румынии.

Шилова — сотрудник советских органов безопасности. Переводчик 4-го отдела 3-го Главного управления МГБ СССР (1947).

Шимануки — японский офицер; полковник. В годы Второй мировой войны заместитель военного атташе в Бухаресте (Румыния).

Шишманов, Димитр Иванов (1889—1945) — болгарский политический и государственный деятель, писатель и дипломат. В 1935—1940 гг. полномочный посланник в Афинах. В 1940—1943 гг. генеральный секретарь Министерства иностранных дел Болгарии.

Шкирпа, Казис (Škirpa; 1895—1979) — литовский военный и политический деятель, дипломат; полковник. До 1937 г. литовский консул в Берлине, затем военный атташе. С 1937 г. представитель Литовской Республики в Лиге Наций. С ноября 1938 г. литовский посол в Берлине. По данным советской контрразведки, агент германской военной разведки. Основатель Литовского фронта активистов. В 1941 г. назначен премьер-министром Временного правительства Литвы, однако, находясь под домашним арестом в Германии, к власти не пришел. После войны в эмиграции

Шлейхер, Курт Фердинанд Герман фон (von Schleicher; 1882—1934) — немецкий военный и политический деятель; генерал пехоты.

Шлейхер, Элизабет фон (von Schleicher, урожд. фон Хеннигс, von Hennigs; 1893—1934) — жена генерала Курта Фон Шлейхера.

Шлехт, Георг (Schlecht; 1895/1990?—?) — сотрудник германской военной разведки. В 1940 г. заместитель германского военного атташе в Каунасе. С конца 1942 г. заместитель германского военного атташе в Бухаресте. С 1942 г. сотрудник полевой комендатуры в г. Рига.

Шмидт, Андреас (Schmidt; 1912—?) — немецкий общественный деятель. В годы Второй мировой войны — руководитель Союза германских немцев в Румынии.

Шмидт, Пауль Отто (Schmidt; 1899—1970) — немецкий государственный деятель, дипломат и мемуарист; штандартенфюрер СС (1940). В 1935—1945 гг. личный переводчик А. Гитлера, в т.ч. был официальным переводчиком на Мюнхенской конференции 1938 г. В 1940—1941 гг. начальник канцелярии МИДа. Привлекался в качестве свидетеля на Нюрнбергском процессе.

Шмид-Крутина (Schmid-Krutina) — немецкий дипломат; легационный секретарь посольства в Буэнос-Айресе.

Шмиц — немецкий журналист. Сотрудник «разведывательной службы Риббентропа» в Швеции и Финляндии.

Шнейдер, Рихард — немецкий унтер-офицер. Старшина штабной роты 28-го полка 8-й танковой дивизии.

Шнурре, Карл (Schnurre; 1898—1990) — немецкий государственный деятель, дипломат; министериальдиригент и посланник 1-го класса (1940). С 20 апреля 1936 г. ведущий сотрудник Хозяйственно-политического отдела МИД Германии. Летом 1939 г. участвовал в секретных переговорах с главой советского торгового представительства в Берлине, которые 19 августа 1939 г. привели к подписанию кредитного и маркетингового договора с СССР. 23 и 24 августа 1939 г. сопровождал германского министра иностранных дел в Москву для подписания т.н. пакта Молотова—Риббентропа. В 1941 г. проводил в рамках своей юрисдикции переговоры с СССР по экономическим вопросам. С 28 сентября 1944 г. начальник Торгового отдела МИДа. В 1945 г. введен в члены правительства адмирала К. Денница в Мюрвеке.

Шпальке, Карл Александр (Spalcke; 1881—1967) — немецкий военный деятель, доктор философии; генерал-майор. Уроженец Дрездена. Окончил академические курсы рейхсвера (1924). В 1926 г. командир взвода 1-го кавалерийского полка (Тильзит), обер-лейтенант; прикомандирован к 5-му отделению отдела Т-3 (разведывательного) Генштаба сухопутных войск (отдел Иностранные армии). В совершенстве владел русским языком. С 1926 г. переводчик (сопровождающий офицер) группы командиров Красной Армии, приезжавших на маневры и обучавшихся в Германии. С 1928 г. советник при германском консульстве

в Одессе. С января 1931 г. назначен на должность «сопровождающего офицера командиров РККА». С апреля 1933 г. референт 5 отделения (группы) отдела Т-3 (затем отдел 3 оберквартирмейстера — ОКУ-3 Генштаба рейхсвера), обслуживавшего русскую, норвежскую, шведскую и датскую армии. С апреля 1935 г. начальник 5-го отделения разведотдела Генштаба. Участник Польской кампании, командовал прусским батальоном, затем начальник пограничной комиссии по установлению демаркационной линии между Германией и СССР на территории Польши. В 1942—1944 гг. военный атташе в Румынии. Взят в плен румынскими войсками в Бухаресте. 2 сентября 1944 г. задержан УКР «Смерш» 2-го Украинского фронта. 4 сентября доставлен в Москву. 22 сентября 1947 г. арестован 2-м Главным управлением МГБ СССР. Военным трибуналом войск МВД Московского округа 14 февраля 1952 г. приговорен к 25 годам заключения в ИТЛ. 10 октября 1955 г. досрочно освобожден из мест заключения и передан правительству ГДР. По заключению ГВП от 13 июня 2002 г., в вынесении протеста по уголовному делу в отношении К. Шпальке в реабилитации отказано.

Шпеер, Альберт (Speer; 1905—1981) — немецкий государственный деятель. По специальности архитектор. Автор проекта новой Имперской канцелярии, в которой в ноябре 1940 г. А. Гитлер принимал В.М. Молотова. С 1942 г. и до конца войны имперский министр вооружения и боеприпасов.

Шпейдель, Ганс (Speidel; 1897—1984) — немецкий военный деятель; генерал-лейтенант вермахта, генерал бундесвера. До апреля 1944 г. начальник штаба 8-й армии. С 15 апреля 1944 г. начальник штаба группы армий «Б» (группа оккупационных войск во Франции). Участник германского движения Сопротивления, вместе с К.Г. фон Штюльпнагелем был участником заговора 20 июля 1944 г. После провала плана заговорщиков снят с поста и арестован. На допросах ни в чем не сознался и никого не выдал. Суд чести признал его невиновным несмотря на то, что генерал-фельдмаршал сообщил суду, что Гитлер считает его причастным к заговору. После окончания войны участвовал в создании бундесвера.

Шперле, Гуго (Sperle; 1885—1953) — немецкий военный деятель; генерал-фельдмаршал (1940).

Шписс, Роберт (Spiss) — сотрудник германской военной разведки; ротмистр. В 1940-х гг. начальник II отдела (диверсии, пропаганда и саботаж) «АСТ-Бухарест»; с октября 1943 г. занимался вербовкой агентуры для диверсионно-разведывательной работы в тылу советских войск.

Шпрингман — один из руководителей сионистского движения в Венгрии.

Шрайбер, Георг (Schreiber; 1882—1963) — германский политический деятель и историк церкви; доктор философии (1909) и теологии (1913). В 1917—1935 и 1945—1951 гг. профессор средневековой и современной церковной истории Католического богословского университета в Мюнстере. В период Веймарской республики депутат рейхстага от партии «Центра». В апреле 1935 г. подвергся репрессиям со стороны нацистов. В 1945—1946 гг. первый послевоенный директор Мюнстерского университета.

Шрёдер, Ганс (Schröder; 1899—1965) — немецкий государственный деятель и дипломат. С 1 марта 1933 г. ортсгруппенляйтер НСДАП в Александрии. С 1934 г. ландсгруппеляйтер АО-НСДАП в Египте. Затем вернулся в Германию, где при покровительстве Р. Гесса стремительно продвигался по служебной лестнице. С января 1937 г. легационный секретарь Персонального отдела МИДа. С апреля 1939 г. заместитель руководителя Персонального отдела. С февраля 1941 г. руководитель Персонального отдела. После окончания войны работал в экономике.

Шрёдер, Людвиг Карл фон (von Schröder; 1884—1941) — немецкий военный деятель; генерал зенитной артиллерии (1939).

Шроттер, Эрих (Schroetter; 1875—1946) — немецкий дипломат. В 1924—1926 гг. германский посол в Ковно, затем генеральный консул в Барселоне. В 1936—1940 гг. сотрудник германского посольства в Дублине (Ирландия).

Штагель, Райнер Генрих (Stahel; 1892—1955) — немецкий военный деятель; генерал-лейтенант авиации (1944).

Шталекер, Франц Вальтер (Stahlecker; 1900—1942) — сотрудник германской политической полиции (СД); бригадефюрер СС и генерал-майор полиции. Руководитель Эйнзатцгруппы А; руководитель криминальной полиции (Зипо) и СД в рейхскомиссариате Остланд.

Штамер, Генрих Георг (Stahmer; 1892—1978) — немецкий дипломат. С 1934 г. сотрудник «Бюро Риббентропа». В 1938—1940 гг. помощник И. фон Риббентропа. С 13 августа 1940 г. специальный посланник в Японии. В 1942—1945 гг. германский посол в Токио.

Штарке, Готтхольд (Starke; 27.1.1896—27.11.1968) — немецкий государственный деятель; дипломат. Уроженец д. Руново района Вирзитц (Польша). Из семьи священника. Получил юридическое образование в университетах Гейдельберга, Берлина и Геттингена. Участник Первой мировой войны; в 1915 г. демобилизован по болезни. В 1925—1936 гг. член правления «Немецкого центрального союза» (с 1934 г. — «Немецкого союза») — политической организации немецкого нацменьшинства в Польше. В 1922—1937 гг. сотрудник, в 1937—1939 гг. редактор газеты «Немецкое обозрение в Польше» в г. Бромберге (польск. Быдгощ). Одновременно до 1939 г. член «Совета немцев» в Польше, в том же году принял германское подданство. С января 1940 г. сотрудник германского МИДа. С февраля 1940 по 22 июня 1941 г. референт по печати германского посольства в Москве. С 1942 г. член НСДАП. Задержан 22 июля 1945 г. органами УКР «Смерш» ГСОВ в Мюльхаузене. Арестован органами МГБ СССР 22 августа 1947 г. По решению Особого совещания при МГБ СССР от 4 октября 1947 г. «за шпионаж и враждебную СССР деятельность» заключен в тюрьму сроком на 10 лет (считая срок с 22 июля 1945 г.). В 1955 г. вернулся в ФРГ. В 1955—1962 гг. Начальник Восточного отдела западногерманского МИДа. Умер в Бонне.

Штегман, Карл (Stegmann; 1900?—?) — руководитель национал-социалистической группы в Каунасе (в 1940 г.); торговец. В марте 1941 г. выехал в Германию.

Штеенграхт фон Мойланд, Густав Адольф (Steengracht von Moyland; 1902—1969) — немецкий политический деятель и дипломат, барон. С 1936 г. сотрудник Внешнеполитического «Бюро Риббентропа» в системе имперского руководства НСДАП, одновременно назначен атташе по сельскому хозяйству германского посольства в Лондоне. С 1938 г. в личном штабе И. фон Риббентропа; с октября того же года начальник Протокольного отдела МИДа. С 1941 г. главный адъютант в ранге посланника 1-го класса. С мая 1943 г. статс-секретарь Внешнеполитического управления имперского МИДа.

Штейнвакс (Штейнвахс), Ганс (Steinwachs) — в годы Первой мировой войны сотрудник Политической секции германского Генерального Штаба; капитан (на 1923 г.). До сентября 1917 г. руководил разведывательной деятельностью в Финляндии. Директор рудников фирмы «Братья Маннесман».

Штейнгард, Лоуренс Адольф (Steingardt; 1892—1950) — американский дипломат. В 1939—1941 гг. посол США в Москве. В 1942—1944 гг. посол США в Анкаре (Турция). Позднее служил послом в Праге (Чехословакия), затем в Оттаве (Канада). Погиб в авиакатастрофе.

Штельцер, Герхард (Stelzer; 1901—?) — немецкий дипломат, доктор права. Член НСДАП (1936). Заместитель советника Г. Хильгера по вопросам культуры при германском посольстве в Москве. Затем посланник 1-го класса в Бухаресте (Румыния).

Штерн, Григорий Михайлович (1900—1941) — советский военный деятель; генерал-полковник (1940).

Штефля, Илия (Steflea; 1887—1946) — румынский военный деятель; корпусной генерал. В межвоенный период занимал высшие командные должности в румынской армии. С февраля 1941 по январь 1942 г. командовал 3-й дивизией,

затем назначен начальником Генштаба Румынской армии. В сентябре 1944 г. арестован, в 1945 г. освобожден.

Штеффен, Вилли Георг (Steffen; 1902—1977) — немецкий дипломат и востоковед. В 1934 г. вступил в отделение Заграничной организации НСДАП. С октября 1939 г. сотрудник МИДа. С 1 апреля 1941 г. научный сотрудник реферата Ближний Восток Политического отдела МИДа. Вместе с Ф. Гроббой в мае 1941 г. принял участие в составе «Специальной команды Юнк» в поддержке военного переворота в Ираке во главе с Рашидом Али эль-Гайлани. После окончания Второй мировой войны жил в Баварии.

Штехов, Йохан Карл фон (von Stechow; 1902—?) — немецкий дипломат. В 1938 г. принимал участие в подготовке Мюнхенской конференции. В 1945 г. советник Политического отдела МИДа (Берлин).

Штиве, Фридрих (Stieve; 1884—1966) — немецкий писатель, историк и дипломат. В 1930-е гг. германский посол в Риге (Латвия). Член Прусской академии в Берлине. В 1932—1939 гг. руководитель Культурно-политического отдела МИДа.

Штирбей, Барбу (Ştirbey; 1873—1946) — румынский государственный деятель; принц. Сын принца Александра Штирбея и Марии Гика-Команечи, внук принца Валахии Барбу Штирбея. В 1927 г. премьер-министр. Находился в близких отношениях с румынской королевой Марией (ранее принцесса Мария Эдинбургская). Одна из его дочерей была замужем за сотрудником британской разведки майором Эдвином Боксшаллом. 23 августа 1944 г. в составе румынской делегации участвовал в подписании перемирия между Румынией и СССР.

Штольце, Эрвин (Stolze; 1891—1952) — один из руководителей германской военной разведки (абвера); полковник. С 1936 г. начальник Абвер-II (диверсии, пропаганда и саботаж).

Штреземан, Густав (Stresemann; 1878—1929) — немецкий государственный деятель. С августа по ноябрь 1923 г. во время Рурского конфликта занимал пост рейхсканцлера и министра иностранных дел в коалиционном правительстве ННП, СДПГ, НДП и партии Центра. Затем, вплоть до своей смерти, занимал пост министра иностранных дел. Один из руководителей Немецкой народной партии.

Штрекер, Герман (Strecker; 1899—?) — немецкий дипломат. До июня 1941 г. консульский секретарь генерального консульства в Ленинграде. Затем служил в т.н. «Русской комиссии» МИД Германии. После войны задержан советскими органами безопасности.

Штумпф, Ганс Юрген (Stumpf; 1886—1968) — немецкий военный деятель; генерал-полковник люфтваффе (1940).

Штурдза, Николай (Sturdza) — румынский принц. По своим политическим убеждениям англофил.

Штюльпнагель, Карл Генрих фон (von Stülpnagel; 1886—1944) — немецкий военный деятель. С февраля 1942 г. командующий вермахтом во Франции. Один из руководителей неудавшегося заговора против А. Гитлера.

Штюльпнагель, Отто фон (von Stülpnagel; 1878—1948) — немецкий военный деятель; генерал авиации (1936; с 1940 г. генерал пехоты). Двоюродный брат К. фон Штюльпнагеля.

Шуберт, Карл фон (von Schubert; 1882—1947) — немецкий дипломат, доктор права (1904). С 1906 г. на дипломатической службе. Советник германской дипломатической миссии в Берне, помог в 1917 г. В.И. Ленину вернуться из Швейцарии в Россию. В 1924—1930 гг. государственный секретарь МИД Германии (в правительстве Г. Штреземана). С июня 1930 г. германский посол при итальянском правительстве в Риме (Квиринал). В 1932 г. вышел в отставку.

Шукинг (Schücking) — немецкий ученый; профессор международного права.

Шустер, Карлгеорг (Schuster; 1886—1973) — немецкий военный деятель; адмирал (1940).

Шухард — немецкий офицер; полковник. Начальник атташата при ОКХ.

Шушниг, Курт фон (Schuschnig; 1897—1977) — австрийский государственный и политический деятель. С 1932 г. министр юстиции в правительстве Э. Дольфуса. В 1934—1938 гг. федеральный канцлер Австрии. После аншлюса арестован и с 12 марта по 28 мая 1938 г. находился под домашним арестом, затем был переведен в штаб-квартиру гестапо на Морцинплац. В 1941—1945 гг. находился в заключении в концлагерях Дахау и Заксенхаузен.

Щербаков, Александр Сергеевич (1901—1945) — советский государственный и партийный деятель; генерал-полковник (1943). В 1942—1943 гг. заместитель наркома обороны СССР. В 1943—1945 гг. заведующий отделом международной информации ЦК ВКП(б).

Эберль, Отто (Eberl; 1901—1980) — немецкий дипломат; посланник 1-го класса (1941). На дипломатической службе с 18 июня 1925 г. С 26 января 1937 г. сотрудник посольства в Сантьяго-де-Чили. С 8 октября 1938 г. сотрудник посольства в Праге. С 22 декабря 1938 г. сотрудник посольства в Сан-Себастьяне, затем в Мадриде. Член НСДАП (1938). С 21 января 1943 г. сотрудник реферата Ivc (Румыния, Болгария) Хозяйственно-политического отдела. С 1953 г. служил в МИДе ФРГ.

Эберт, Фридрих (Ebert; 1871—1925) — немецкий политический и государственный деятель. 9 ноября 1918 г. стал преемником принца Макса Баденского на посту рейхсканцлера; первый президент Веймарской республики. 10 ноября 1919 г. вошел в Совет народных уполномоченных, заключил соглашение с генштабом о вводе войск в Берлин для подавления революции. С 1919 г. президент Германии. Скончался в Берлине незадолго до истечения своего президентского срока (30 июня 1925 г.).

Эберштайн, Фридрих Карл Фрейхерр фон (von Eberstein; 1894—1979) — немецкий государственный и партийный деятель; обергруппенфюрер СС (1936), генерал войск СС (1944) и полиции (1941). Участник Первой мировой войны. Затем полицай-президент в Мюнхене; отвечал за деятельность концлагерей, в т.ч. Дахау. С 12 марта 1938 г. высший руководитель СС и полиции в Мюнхене (VII Военный округ).

Эдуард VIII (Edward VIII; 1894—1972) — король Великобритании и император Индии (с 20 января по 11 декабря 1936 г.); до вступления на престол носил титул принца Уэльского.

Эйзенлор, Эрнст (Eisenlohr; 1882—1958) — немецкий дипломат, доктор права (1905); посланник 1-го класса (1939). С 21 июля 1931 г. посланник в Афинах (Греция). С 6 декабря 1935 г. по 16 сентября 1939 г. посланник в Праге. С 14 мая 1943 г. служил в германском посольстве в Лиссабоне.

Эйхман, Адольф (Eichmann; 1906—1962) — сотрудник РСХА; оберштурмбанфюрер СС (1942). С 28 сентября 1939 г. руководитель отдела IV B4, отвечал за «окончательное решение еврейского вопроса». В 1945 г. арестован американцами, но сумел скрыть свою принадлежность к СС, а затем бежал из заключения. В 1952 г. приехал в Европу, женился под новым именем на своей собственной жене и вывез в Аргентину свою семью; жил в Буэнос-Айресе. 11 мая 1960 г. схвачен группой израильских агентов и вывезен в Израиль. Приговорен к смертной казни и повешен в тюрьме г. Рамле.

Экхард, Тибор (Eckhard; 1888—1972) — венгерский политический деятель; тайный советник (1936). С 1932—1940 гг. лидер партии мелких хозяев. В 1934—1935 гг. представитель Венгрии в Лиге Наций. В 1940 г. выступал против присоединения страны к Тройственному пакту. В 1941 г. направлен М. Хорти в США для установления контакта с политическими деятелями США на случай возможного поражения Германии и Венгрии в войне. Остался в эмиграции в США.

Эквист, Харальд (Öhquist; 1891—1971) — финский военный деятель; генерал-лейтенант (1936).

Энгельбрехт, Эрвин (Engelbrecht; 1891—1964) — немецкий военный деятель; генерал артиллерии. С 25 октября 1939 г. по 15 июня 1942 г. командир 163-й пехотной дивизии в Норвегии, затем, с июня 1941 г., в Финляндии.

Энгельградт, Евгений Рудольфович (1886—?) — русский эмигрант, барон. Из потомственных дворян Курляндской губернии, сын капитан-лейтенанта русского императорского флота. В 1909—1913 гг. служил в лейб-гвардии Литовском полку; подпоручик. После 1917 г. в эмиграции. Агент резидента германской военной разведки в Финляндии и Швеции капитана Ганса Штейнвакса.

Энике — сотрудница германского посольства в Москве; стенографистка.

Энцер — член руководящего комитета сионистской организации в Бухаресте.

Эрбах-Шёнберг, Виктор цу (zu Erbach-Schönberg; 1880—1967) — немецкий дипломат, принц; посольский советник 1-го класса (1929). Сын Густава I князя и графа Эрбах-Шёнберга и принцессы Марии фон Баттенбург. С 8 июля 1936 г. по 12 сентября 1941 г. посланник в Афинах (Греция).

Эрдмансдорф, Отто фон (von Erdmannsdorff; 1888—1978) — немецкий государственный деятель, дипломат. С 11 мая 1937 г. по июль 1941 г. германский посол в Будапеште. Член НСДАП (1937). Регент Венгрии отзывался о нем как о «последнем профессиональном немецком дипломате». В июле 1941 г. заменен Дитрихом фон Яговым.

Эрдтман, Валерия (1896—?) — сотрудница МИД Германии. С 16 августа 1934 г. по 22 июня 1941 г. стенографистка германского посольства в Москве. С августа 1941 г. сотрудница «разведывательной службы Риббентропа» (Бюро Генке, позже — Бюро Эттеля). После войны находилась в советском плену.

Эрл — американский дипломат. В годы Второй мировой войны американский посланник в Софии.

Эррио, Эдуар (Herriot; 1872—1957) — французский государственный и политический деятель, писатель и историк; академик. С 1916 г. много раз входил в правительство Франции: министр общественных работ, транспорта и снабжения (1916—1917), премьер-министр и министр иностранных дел (1924—1925), премьер-министр (1926), министр народного образования (1926—1928), премьер-министр (1932), государственный министр ряда правительств (1934—1936). Первое правительство Эррио установило дипломатические отношения с СССР (1924), а также отказалось от дальнейшей оккупации Рура. Третье правительство Эррио заключило с СССР договор о ненападении. Выступал против заключения Мюнхенского соглашения 1938 г. После оккупации Франции германскими войсками в 1940 г. практически политикой не занимался (до 1942 г.). В 1942 г. отправил письмо маршалу Петэну с протестом по поводу отмены конституционных свобод, в результате чего подвергся домашнему аресту. В августе 1944 г. отклонил предложение П. Лаваля возглавить «переходное» марионеточное правительство. Вскоре после этого был выдан вишистами немцам и отправлен в Германию.

Эрдтман, Валерия (1896—?) — сотрудница германского посольства в Москве. С 16 августа 1934 г. стенографистка. После 1941 г. сотрудница МИД Германии, служила в «Разведке Риббентропа».

Эрл, Джордж Говард 3-й (Georg Howard Earl III; 1890—1974) — американский государственный деятель, дипломат и разведчик; капитан 3-го ранга. В 1933—1934 гг. полномочный министр в Вене (Австрия). С 14 февраля по 2 апреля 1940 г. полномочный министр в Софии (Болгария). В 1943 г. назначен специальным посланником президента США Ф.Д. Рузвельта на Балканах.

Эрфас — шведский офицер, лейтенант. Агент капитана Ганса Штейнвакса в Швеции.

Эрфурт, Вольдемар (Erfurth; 1879—1971) — немецкий военный деятель; генерал пехоты (1940).

Эрхард, Герман (Ehrhardt; 1881—1971) — немецкий военный и политический деятель; капитан 3-го ранга (корветтен-капитан). Один из создателей Добро-

вольческих корпусов в 1918—1920 гг. и ветеранского подразделения «Викинги», выполнявшего роль вспомогательной полиции Баварии. Участвовал в свержении Баварской Советской республики. Во время событий «ночи длинных ножей», опасаясь за свою жизнь, бежал в Австрию.

Эстерман, Гуго Виктор (Österman; 1892—1975) — финский военный деятель; генерал пехоты. С началом советско-финляндской войны 1939—1940 гг. сменил К. Маннергейма на посту главнокомандующего финской армией. С 30 ноября 1939 г. командующий армией «Карельский перешеек». В 1940—1944 гг. главный инспектор военной подготовки. С 7 февраля по 20 июля 1944 г. представитель главнокомандующего финской армии при ОКВ. В 1946 г. вышел в отставку.

Эттель, Эрвин (Ettel; 1895—1971) — немецкий государственный деятель, дипломат и журналист; бригадефюрер СС (1941). С 1939 по сентябрь 1941 г. посланник при германском посольстве в Тегеране (Иран). Летом 1942 г. по поручению И. фон Риббентропа встречался с лидером арабских националистов Великим муфтием Иерусалима Амином Али аль-Хусейни с целью привлечь мусульман на борьбу с англичанами. Однако поражения вермахта под Эль-Аламейном и Сталинградом похоронили эти планы. Провал его миссии вызвал неудовольствие Э. Боле, и его призвали на службу в германскую армию.

Эттли, Клемент Ричард (Attlee; 1883—1967) — британский политический деятель, 1-й граф Эттли Уолтемстоунский. В 1940 г. после отставки Н. Чемберлена вошел в коалиционный кабинет во главе с У. Черчиллем; второй человек в «Военном кабинете». В 1942—1943 гг. секретарь по доминионам. В 1942—1945 гг. заместитель премьер-министра.

Юренев, Константин Константинович (наст. фамилия Кротовский; 1888—1938) — советский дипломат. В 1922 г. полпред СССР в Бухаре и Латвии, в 1923—1924 гг. в Чехословакии, в 1924—1925 гг. в Италии, в 1925 г. в Иране, в 1927—1933 гг. в Австрии, в 1936—1937 гг. в Японии, в 1937 г. в Германии. Затем отозван в Москву.

Юрьев, Юрий Михайлович (1872—1948) — русский советский актер и театральный педагог, Заслуженный артист Императорских театров, Народный артист РСФСР и Народный артист СССР (1939), лауреат Сталинской премии (1943). В 1935—1945 гг. играл в ленинградском Театре им. Пушкина.

Юст, Эмиль (Just; 1885—1947) — немецкий военный деятель, разведчик и дипломат; генерал-майор. С 1937 г. военный атташе при германском посольстве в Каунасе. После июня 1940 г. военный атташе при германском посольстве в Бухаресте. В 1941—1944 гг. главный военный комендант оккупированных литовских территорий. В 1944 г. уволен в отставку, жил в Берлине.

Ягов, Дитрих фон (von Jagow; 1892—1945) — германский дипломат. С 29 июня 1941 г. на дипломатической службе. С 31 июля по 19 марта 1944 г. посланник в Будапеште. С 8 мая 1944 г. сотрудник личного штаба министра иностранных дел.

Ягов, Курт (Jagow; 1890—1945) — немецкий чиновник, доктор философии (1914). С 27 сентября 1939 г. служил в Политическом архиве МИД Германии, с 1 сентября 1940 г. в реферате Архивной комиссии.

Якир, Иона Эммануилович (1896—1937) — советский военный деятель; командарм 1-го ранга. С мая 1935 г. командующий войсками Киевского ВО; одновременно с августа 1935 г. представитель НКО СССР при СНК УССР.

Якобичи, Йозеф (Iacobici; 1884—1952) — румынский военный деятель; генерал-лейтенант. В 1941 г. военный министр Румынии. В 1941—1942 гг. начальник румынского Генштаба. В 1942 г. вышел в отставку. В 1946 г. арестован. Умер в тюрьме.

Ямбор, Ганс (Jambour; ?—?) — сотрудник посольства Германии в Бухаресте; гауптштурмфюрер СС. В 1944 г. начальник радиоотдела германского посольства в Бухаресте.

Именной указатель

В

Л

С

Т

Щ

Содержание

Канцлер-консул Иоганн Ламля

Посол Ганс Морат

Советник посольства Антон Морманн

Атташе посольства Герман Пёрцген

Советник Готтхольд Штарке

Консульский секретарь Виктор Эйзенгарт

Раздел II
Руководители иностранных военных миссий, военные и полицейские атташе

Руководитель военной миссии генерал кавалерии Эрик Ганзен

Руководитель военно-воздушой миссии генерал авиации Альфред Герстенберг

Начальник штаба военной миссии полковник Альберт Дитль

SECRET DIPLOMACY OF THE THIRD REICH

German diplomats, chiefs of military missions abroad, military and police attachés taken as Soviet prisoners of war
Documents from investigation cases, 1944–1955

This book is a follow-up to publication of documents from the investigation cases of German military and statesmen taken to the Soviet Union as war prisoners after the World War II was over.

The documents listed in this collection recount the political and military-diplomatic steps taken by the nazi Germany prior to and during the World War II. Most of the documents are made public for the first time.

The book is intended for general public and experts taking particular interest in history of diplomacy and of the World War II.

Книги серии «РОССИЯ. XX ВЕК. ДОКУМЕНТЫ»

Кронштадт. 1921. М., 1997.

Филипп Миронов: Тихий Дон в 1917—1921 гг. М., 1997.

Молотов, Маленков, Каганович. 1957: Стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1998.

Лубянка: Органы ВЧК—ОГПУ—НКВД—НКГБ—МГБ—МВД—КГБ. 1917—1960: Справочник. М., 1997.

Лубянка: Органы ВЧК—ГПУ—ОГПУ—НКВД—НКГБ—МГБ—МВД—КГБ. 1917—1991: Справочник. М., 2003.

Лубянка: Сталин и ВЧК—ГПУ—ОГПУ—НКВД. Январь 1922 — декабрь 1936. М., 2003.

Лубянка: Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. 1937—1938. М., 2004.

Лубянка: Сталин и НКВД—НКГБ—ГРУК «СМЕРШ». 1939 — март 1946. М., 2006.

Лубянка: Сталин и МГБ. Март 1946 — март 1953: Документы высших органов партийной и государственной власти. М., 2007.

1941 год: В 2 кн. М., 1998.

Катынь: Пленники необъявленной войны. М., 1999.

58/10. Надзорные производства прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде. Март 1953—1991: Аннотированный каталог. М., 1999.

Лаврентий Берия. 1953: Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1999.

Экология и власть.1917—1990. М., 1999.

ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1918—1960. М., 2000.

Как ломали НЭП: В 5 т. М., 2000.

Реабилитация: как это было: В 3 т. М., 2000—2004.

Сибирская Вандея: В 2 т. М., 2000.

Георгий Жуков: Стенограмма октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС и другие материалы. М., 2001.

Власть и художественная интеллигенция.1917—1953: Документы ЦК РКП(б), ВЧК—ОГПУ—НКВД о культурной политике. М., 2002.

Дети ГУЛАГа. 1918—1956. М., 2002.

Дело генерала Л.Г. Корнилова: В 2 т. М., 2003.

Ближневосточный конфликт: В 2 т. М., 2003.

Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920. М., 2003.

Россия и США: Дипломатические отношения. 1990—1917. М., 1999.

Советско-американские отношения: Годы непризнания. 1918—1926. М., 2002.

Советско-американские отношения: Годы непризнания. 1927—1933. М., 2002.

Советско-американские отношения. 1934—1939. М., 2003.

Советско-американские отношения. 1939—1945. М., 2004.

Советско-американские отношения. 1945—1948. М., 2004.

Советско-американские отношения. 1949—1952. М., 2006.

Сталин и космополитизм: Документы Агитпропа ЦК КПСС. 1945—1953. М., 2005.

Государственный антисемитизм в СССР: От начала до кульминации. 1938—1953. М., 2005.

Поэзия узников ГУЛАГа: Антология. М., 2005.

Сталинские стройки ГУЛАГа. 1930—1953. М., 2005.

Сталинские депортации. 1928—1953. М., 2005.

Большая цензура: Писатели и журналисты в стране Советов. 1917—1956. М., 2005.

Немцы в истории России: Документы высших органов власти и военного командования. 1652—1917. М., 2006.

Никита Хрущев. 1964: Стенограммы пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 2007.

Ф.Э. Дзержинский — председатель ВЧК—ОГПУ. 1917—1926. М., 2007.

Ярославское восстание. 1918. М., 2007.

«Очистим Россию надолго...»: Репрессии против инакомыслящих. Конец 1921 — начало 1923 г. М., 2008.

Военная разведка информирует: Документы Разведуправления Красной Армии. Январь 1939 — июнь 1941 г. М., 2008.

Александр Яковлев. Перестройка. 1985—1991: Неизданное, малоизвестное, забытое. М., 2008.

Аппарат НКВД—МГБ в Германии. 1945—1953. М., 2009.

Никита Сергеевич Хрущев. Два цвета времени: В 2 т., М., 2009.

Александр Яковлев. Избранные интервью: 1992—2005. М., 2009.

Генералы и офицеры вермахта рассказывают... Документы из следственных дел немецких военнопленных. М., 2009.

«Пражская весна» и международный кризис 1968 года: Статьи, исследования, воспоминания. М., 2010.

«Пражская весна» и международный кризис 1968 года: Документы. М., 2010.

Голод в СССР. 1929—1934. Т. 1. 1929 — июль 1932: В 2 кн. М., 2011.

РОССИЯ XX ВЕК

ДОКУМЕНТЫ

ТАЙНЫ ДИПЛОМАТИИ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА

Германские дипломаты, руководители зарубежных военных миссий, военные и полицейские атташе в советском плену

Ответственный редактор В.С. Христофоров

Корректор Е.Ю. Сухойван

Оригинал-макет подготовлен
ООО «БЕТА-Фрейм»

ЛР № 061660 от 06.01.97 г.

Подписано к печати 05.05.2011 г.
Формат 70 × 100 1/16. Гарнитура Таймс. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 70,95. Тираж 1000 экз. Заказ № 1103610.

Общественный фонд
«Международный фонд “Демократия”»
(фонд Александра Н. Яковлева)
123242, Москва, ул. Малая Грузинская, д. 15, стр. 3
Тел. 8-499-252-69-21. Факс 8-499-252-51-22
E-mail: mfdemo@idf.ru
http://www.alexanderyakovlev.org

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97